Н.Н. Грибов

НИЖНИЙ НОВГОРОД В XV ВЕКЕ: ПОИСКИ УТРАЧЕННОГО ГОРОДА

Институт
археологии
Российской
академии наук

Н.Н. Грибов

НИЖНИЙ НОВГОРОД В XV ВЕКЕ: ПОИСКИ УТРАЧЕННОГО ГОРОДА

Материалы
спасательных
археологических
исследований

24

МОСКВА 2018 ИА РАН

УДК 902/904
ББК 63.4
Г82

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Ответственный редактор
академик *Н.А. Макаров*

Рецензенты
д.и.н. *В.А. Лапшин,* д.и.н. *А.А. Горский*

Грибов Н.Н.

Г82 Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города / отв. ред. Н.А. Макаров. – М.: ИА РАН; 2018. – 592 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 24).

ISBN 978-5-94375-244-5

Монография посвящена изучению переломного периода в истории г. Нижнего Новгорода, обусловленного его вхождением в состав Московского государства (конец XIV – начало XVI вв.). В отличие от предшествующей историографии исследование затрагивает, преимущественно, географические, культурные и демографические реалии локальной нижегородской истории этого времени, впервые обращаясь к результатам археологических исследований. Удалось установить, что в течение большей части XV в. значительная территория средневекового Нижнего Новгорода, включающая его исторический центр, оставалась незаселённой. Соответствующая «эпоха запустения» прослежена и в пригородной сельской округе. Согласовать данные различных групп исторического материала удаётся при допущении переноса административного центра за черту средневекового города. Функции административного центра в это время могло выполнять небольшое предместное укреплённое поселение, датированное временем запустения Нижнего Новгорода и близкое по своим археологическим признакам к известным осадным городкам XV–XVII вв., основанным московскими наместниками для организации управления в землях, присоединённых к Московскому княжеству.

Для археологов, историков и широкого круга читателей, интересующихся отечественной историей.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-244-5
http://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-244-5

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2018
© Н.Н. Грибов, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Повинуясь незримой силе, подобно той, что ещё под снегом направляет набрякшую земной влагой озимую рожь к слабому проблеску небесного света, в далёком от нас пятнадцатом столетии, в сердцевине углаженной древними ледниками Восточно-Европейской равнины, поднималась Московская Русь. Путями противоречий – то шёпотом молитв, то подкупом и вероломством, с опорой на шалую вольницу едва усмиряемых воеводами боевых полков, в густой чересполосице разноправных уделов, на огромном, неохватном для человеческого взора пространстве – от зябкой зелени лесов Новгородской республики до марева жёлтых степей некогда могучего Волжского Царства – в далёких походах, на ратных полях, в повседневных заботах о хлебе насущном вызревало единство древней страны.

Неизъяснимые истоки рождённого тогда нового лада по прошествии пяти столетий всё ещё обладают таинственным притяжением. Неслучайно, как после падения Российской империи, так и после крушения Советского Союза, история формирования Русского государства неизменно остаётся среди главных тем отечественной историографии.

Вихрь перемен, породивший Московскую Русь, всколыхнул множество измерений. Помимо кардинальных преобразований в социально-политической сфере, в области государственного и военного строительства, межэтнических отношений, внешней политики, он затронул географию расселения, бытовую культуру, ремесло, торговлю и ещё множество других аспектов жизни русского средневекового общества. Сколько-нибудь объёмное видение процесса такого масштаба невозможно без обращения к локальной истории, без изучения его местных особенностей в отдельных городах и землях, присоединённых московскими князьями к своей отчине.

Одним из интереснейших пунктов проведения таких наблюдений мог бы стать Нижний Новгород, который в XIV в. наравне с Москвой и Тверью входил в число политических лидеров Северо-Восточной Руси. Начало освоения этой пограничной восточной области выходцами из коренных областей Древнерусского государства было положено сравнительно поздно. История города-крепости, поставленной на устье Оки великим владимирским князем Юрием Всеволодовичем, началась в 1221 г. – всего за семнадцать неполных лет до Батыева нашествия. Включение нижегородских земель в московскую орбиту имело свою предысторию.

Долгие десятилетия после строительства первых укреплений Нижний Новгород входил в «общий котёл» великокняжеских владений [1]. Последняя четверть XIII в. ознаменовалась образованием удельного Городецкого княжества, связанного с именем сына Александра Невского – Андрея Александровича Городецкого. В это время Нижний Новгород, скорее всего, являлся «пригородом» стольного Городца-на-Волге. В начале XIV столетия, после смерти Андрея Городецкого и его вероятных наследников, княжество становится выморочным, его земли вновь вливаются в великокняжеские владения, и положение Городца, удалённого от крупных городских центров, начинает коренным образом меняться. Нижний Новгород, расположенный в 47 км к юго-востоку от бывшей удельной столицы на пересеченье двух крупнейших рек Восточной Европы, постепенно превращается в главные восточные ворота Руси. Утеснённая прямой зависимостью от великокняжеской власти, верхушка местного общества начинает связывать свои перспективы с изменением политического статуса города. Его выходу из великокняжеских владений поспособствовали москвичи.

[1] До начала XIV в. город на устье Оки летописцы называли Новгородом. Подробный обзор и источниковедческий анализ письменных известий о Нижнем Новгороде до конца первой трети XIV в. см.: *Пудалов,* 2004.

В 1310 г., не убоявшись гнева занимавшего Великий стол Дмитрия Михайловича Тверского, Нижний Новгород самочинно захватил Юрий Данилович Московский. Город на устье Оки становится столицей самостоятельного удела, просуществовавшего до смерти первого, среди упомянутых в источниках, нижегородского князя – младшего из Даниловичей, Бориса (*Кучкин*, 1984. С. 210, 211). В результате раздела великого княжения между Иваном Калитой и Александром Васильевичем Суздальским, инициированного ханом Узбеком вскоре после разорения Твери в 1327 г., Нижний Новгород перешёл под власть родовитого, но мало чем известного суздальского князя. После его смерти поволжские земли на недолгий срок влились в великокняжеские владения Ивана Даниловича Калиты. Наверное, вскоре после этого город вновь обрёл статус удельной столицы. И опять источники указывают на московское происхождение нижегородского князя. По косвенным данным, им стал сын Калиты Симеон Гордый, безуспешно пытавшийся при поддержке нижегородского боярства в 1343 г. отбить город у Константина Васильевича Суздальского, которому двумя годами раньше, в 1341 г., по воле всё того же Узбека, в княжение ушли протяжённые городовые области, связанные с городами Городцом-на-Волге и Нижним Новгородом.

Эпизодическое вокняжение в Нижнем Новгороде представителей Московского княжеского дома тогда, в первой половине XIV в., отнюдь не означало его присоединение к Московской земле. При удельном правлении город имел большую политическую независимость, а московские князья, вероятно, обладали теми преимуществами, которые и рассчитывали получить при обретении контроля над стратегическим районом окского устья.

В последующий период, очерченный полувековой историей независимого Нижегородско-Суздальского княжества (1341–1392 гг.), московское присутствие в Нижегородском Поволжье изменило свои формы[2]. Активное участие москвичей в нижегородских событиях летописцы отмечают с 1364 г. , когда отринув борьбу за удержание Великого Владимирского стола, Дмитрий Константинович Суздальский добровольно передал его юному Дмитрию Ивановичу Московскому. В 1366 г. союзные отношения с Москвой были закреплены двумя браками. Младшую дочь Евдокию суздальский князь выдал замуж за великого московского князя, старшую Марию – за сына влиятельного московского тысяцкого Василия Вельяминова (Микулу). Вероятно, именно тогда в качестве части приданого Дмитрий Иванович получил от тестя рыбные ловли на Волге – Еллинские и Люлеховские воды, переданные впоследствии Московскому Симонову монастырю. Уже тогда, в 1366 г., нижегородцам были продемонстрированы возможности нового союзника: в ответ на грабёж новгородскими ушкуйниками нижегородского торга и убийство прибывших в город восточных купцов, московский князь незамедлительно расторг мир с Великим Новгородом. В 1375 г. московские войска вместе с нижегородцами ходили в Болгарскую землю. В 1377 г., при известии об угрозе нашествия Арапши, на помощь Нижнему Новгороду пришла московская рать, а затем, после пособничества татарам мордовских князей, приведшего к памятному Пьянскому побоищу, отряд москвичей под командованием воеводы Фёдора Свиблы «воевал» Мордовскую землю. Разгром на Пьяне, последующее за ним разорение татарской конницей и пешей мордвой Нижнего Новгорода, что повторилось и в последующем 1378 г., заставило нижегородского князя более трезво относиться к восточной угрозе. В 1382 г., очевидно, желая избежать повторения военной катастрофы, Дмитрий Константинович отправил в идущее на Москву войско Токтамыша своих сыновей. Тогда его детям, ценой причастности к разорению столицы Дмитрия Донского, удалось отвести ордынскую рать от пределов отчей Нижегородской земли[3].

Период политического союза – «единачества» – с Москвой, по наблюдениям исследователей, стал временем наивысшего подъёма Нижегородско-Суздальского княжества. Титул занимавшего в это время нижегородский стол Дмитрия Константиновича предполагал закрепление за ним не только Суздаля и Городца, но и обширных владений на Средней Волге (*Макарихин,* 1985). Активные колонизационные процессы, плацдармом которых в это время стал Нижний

[2] Об истории Нижегородско-Суздальского княжества (1341–1392 гг.) см.: *Экземплярский,* 1891. С. 400–429; *Пресняков,* 1918. С. 261–278; *Кучкин,* 1974; *Кучкин,* 1984. С. 218–231.

[3] Именно они, Семён и Василий Дмитриевичи, уговорили защитников Москвы вероломно открыть ворота крепости, после чего город был разграблен, сожжён, а значительная часть горожан перебита.

Новгород, подтверждаются результатами археологических исследований (*Грибов,* 1997б. С. 107). О распространении нижегородского влияния по русско-золотоордынскому пограничью свидетельствуют поселения с многочисленными русскими материалами второй половины XIV в., обнаруженные в Посурье, на удалении ста и более километров к востоку от устья Оки (*Грибов, Ахметгалин,* 2013).

В ноябре 1383 г., после смерти Дмитрия Константиновича, Нижний Новгород отошёл его младшему брату Борису Городецкому, тестю могущественного великого князя Литвы Ольгерда, непримиримого противника Москвы. Его правление было прервано в 1392 г., когда в ставке великого хана ярлык на Нижний Новгород был перекуплен Василием Дмитриевичем Московским. Повелитель Орды Тохтамыш, после битвы с Тимуром на р. Кондурче и последующего за ней катастрофического разорения земель Болгарского улуса, остро нуждался в средствах. Вероятно, это обстоятельство послужило причиной того, что «за сребро многое и дары велики» стольный город некогда великого Нижегородско-Суздальского княжества отошёл к Москве. Характерно, что, как и в 1343 г., верхи нижегородского боярства оказали поддержку представителю московской династии. Развитие местного общества, реализация очевидной для него значимости географического положения города, наверное, требовали привлечения более сильных покровителей, чем те, кем являлись наследные владельцы земель Суздальского Ополья.

После утраты Нижним Новгородом политической самостоятельности началась затяжная бесплодная борьба сыновей и внуков нижегородских князей за свою отчину. Захват и разрушение армией Тамерлана крупнейших золотоордынских городов-факторий привели в конце XIV в. к ощутимому спаду в поволжской торговле, и входивший в её систему Нижегородский край для многих своих «старожильцев» утратил былую привлекательность. Для взыскующих прежнего величия наследников единственной надёжной опорой в борьбе с Москвой могли стать только восточные соседи – «безбожные» татары, «болгарская сила» и мордовские князья. Отдав себя в услужение золотоордынским владыкам, они возвращались на Русь с отрядами воинствующих иноверцев, подкупленных за серебро и негласное право на разбой.

Кровавой поступью междоусобиц, след в след за стремительными отрядами татарской конницы, входил на нижегородскую землю лихой и страшный, полный ожидания разительных перемен в преддверии «конца времён», русский XV век[4]. С начала этого столетия, заслоняемый дымкой походных костров, город на устье Оки постепенно теряется в исторической перспективе.

Ко второй четверти пятнадцатого столетия в общерусских сводах пропадают последние следы нижегородского летописания (*Пудалов,* 2001в. С. 44, 45). После этого рубежа на страницах летописей город упоминается только как свидетель событий великокняжеской истории, как некий фон, второстепенная декорация главного исторического действия. Не освещенными остались местные события XV в. и в нижегородских памятниках позднейшего летописания – в Летописце о Нижнем Новгороде и Нижегородском летописце. Редкие отрывочные сведения косвенного характера об экономическом положении края в это время можно почерпнуть из трёх десятков монастырских поземельных актов, сохранившихся в виде копий XVII–XVIII вв. К безвозвратным утратам можно причислить потерю материалов первых писцовых описаний Нижегородского уезда, составленных во второй половине XV в.

Малочисленность и ограниченность письменных известий привела к тому, что отдельные исторические сведения до сих пор не имеют однозначного объяснения. Наиболее отчётливо несостоятельность источниковой базы проявляется в подмеченном, вероятно, ещё Н.М. Карамзиным[5] явлении двух отчётливо различаемых современниками Нижних Новгородов – «старого» и Нового (или «меншого»). Этот феномен середины XV в., воскрешающий в памяти вопрос о «парных» центрах начала древнерусской государственности[6], всё ещё остаётся в должной мере не осмысленным.

[4] По представлениям русских книжников, конец света должен был произойти по истечении седьмой тысячи лет от Сотворения мира, т. е. 1 сентября 1492 г. Русские пасхалии той эпохи не заходили далее 7000 г. (*Борисов,* 2004. С. 10, 31, 32).

[5] См.: *Карамзин,* 1989. Т. V, глава III, стб. 180; стб. 134, примечание 322.

[6] Смоленска и Гнёздова, Чернигова и Шестовиц, Великого Новгорода и Рюрикова городища; обзор историографии вопроса см.: *Дубов,* 1990. С. 13–15; *Носов, Горюнова, Плохов,* 2005. С. 19, 20.

При обращении к событиям XV в. авторы трудов, воссоздающих общую панораму средневековой нижегородской истории, как правило, останавливаются на освещении двух основных тем. Первая – это дети, внуки и правнуки великих нижегородских князей: даты их рождения и смерти, дела, родословие, места погребения. Вторая – Нижний Новгород как восточный аванпост русских земель, главный плацдарм поволжских походов против Казанского ханства (*Храмцовский,* 1998. С. 58–72; *Экземплярский,* 1891. С. 424–442; *Каптерев,* 1939. С. 101–108; *Филатов,* 1994б; *Селезнёв,* 2014. С. 102–147). Небольшое число специальных исследований нацелены на освещение политической истории Нижегородской земли в первой половине XV в. (*Пудалов,* 2000, 2001а; *Назаров,* 2001; *Чеченков,* 2003, 2007б; *Горский,* 2004), на выяснение механизмов вхождения её в политическую систему Московского государства (*Чеченков,* 2001а, 2001б, 2004а, 2004б, 2007а), на изучение местной административно-территориальной структуры и системы управления (*Чеченков,* 2004а). В отдельной работе сделана попытка наметить общие тенденции экономического развития региона в это время (*Чеченков,* 2005а).

Что представлял собой Нижний Новгород в XV веке? Ответ на этот вопрос можно получить из соображений общего характера – констатации природных богатств края, имеющего «леса бортные, реки бобровые», его географического положения, выгодного, как для проведения военных операций на Средней Волге, так и для реализации возможностей в сфере транзитной торговли и транспортных сообщений. Неоднократные летописные упоминания города в устье р. Оки в связи с походами на ханскую Казань, известие о двухнедельном пребывании в нём каравана тверского купца Афанасия Никитина, сведения о нижегородских служилых людях, нижегородских Вознесенском Печерском и Благовещенском монастырях, наделённых обширными земельными угодьями – всё это и некоторые другие факты, почерпнутые из беглого знакомства с письменными источниками, подводят к мысли о выдающемся значении Нижнего Новгорода в XV столетии и, как следствие, к выводу о его динамичном развитии в это время. Неудивительно, что отдельные авторы предлагают рассматривать Нижний Новгород как крупнейший городской центр Руси XV столетия (см.: *Сахаров,* 1959. С. 72; *Зимин,* 1991. С. 25).

Вместе с тем, обращение к актовым материалам с частыми упоминаниями селищ и пустошей, к летописным известиям о тотальном разорении Нижнего Новгорода при нашествии тёмника Едигея зимой 1408–1409 гг., о захвате и многомесячном удержании города ордой Улу-Мухаммеда в 1445 г., к свидетельствам длительной политической нестабильности, в которой протекала городская жизнь почти до окончания феодальной войны, к упоминаниям о набегах охотников за «живым товаром», вольготно чувствующих себя на всём казанском пограничье до взятия Казани войсками Д.Д. Холмского в 1487 г. – всё это входит в определённый диссонанс с оптимистичным заключением о «динамичном развитии». Скрупулёзное изучение исторических документов привело одного из исследователей, П.В. Чеченкова, к выводу об упадке городского хозяйства, плачевном состоянии городских укреплений, «отчаянном» положении местной сельской экономики, по крайней мере, в начале – первой половине XV в. (2002. С. 114; 2005а. С. 172). Вместе с тем, и этот автор без тени сомнения выражает уверенность в том, что какие бы трудности ни переживал тогда Нижний Новгород, он всё равно оставался крупным городским центром (*Чеченков,* 2012. С. 25).

Активная роль Нижнего Новгорода в историческом процессе, очевидно, должна была отразиться в культурном слое его хозяйственно освоенной территории. Однако первое обобщение результатов археологических исследований привело к неожиданному открытию. Оказалось, что ни в черте детинца нижегородской крепости, ни на разных участках городского посада за все годы полевых изысканий не были зафиксированы не только культурные напластования XV в., но и вообще сколько-нибудь отчётливые следы городской застройки этого времени (*Гусева*, 1996а. С. 44, 45). Таким образом, в начале XV столетия обрывается и местная археологическая «летопись».

Сложившаяся ситуация в изучении нижегородского XV в. парадоксальна. С городом в устье Оки связан ряд широко известных летописных событий, в различных источниках фигурируют имена местных должностных лиц, опубликованы исследования, раскрывающие пути окончательного утверждения московской великокняжеской власти в «проблемном» для неё Нижнем Новгороде. Однако нет самого города, нет остатков дворов нижегородских наместников, воевод,

ключников, их многочисленных слуг, нет почти никаких материальных следов существования местной социальной среды – той самой, в которой с необоримым упорством разворачивалась начертанная исследовательским пером «упругая пружина» московской политики.

Так в чём же дело? Насколько полны и надёжны археологические свидетельства? И если им можно доверять, то как согласовать их с теми представлениями, которые сложились по сохранившимся письменным известиям? Могли ли археологи по какой-то причине не различить, не опознать, не увидеть материальные остатки «одного из крупнейших городов Руси XV столетия»?

Для археологического «видения» конкретных исторических феноменов необходимо, как минимум, синхронизировать данные вещественных и письменных источников. Сделать это непросто. Археологические датировки, как правило, слишком широки по сравнению с преобладающими «точечными» хронологическими привязками событий по текстам летописей и грамот. На воображаемой линии изменения материальной культуры резкие скачки, обозначающие инновации, не приводят к нарушению непрерывности: новые «модные» вещи всегда замещали старые в течение некоторого, иногда даже значительного промежутка времени. Расширяет диапазон археологического датирования и случайное попадание давно вышедших из употребления предметов в относительно поздние комплексы.

В настоящее время минимально достижимый разброс дат при хронологических определениях на памятниках русского средневековья составляет 15–25 лет. Такой точности удаётся достигнуть только в случае отменной сохранности культурных напластований, позволяющей воспользоваться дендрохронологией. Особое, эталонное, значение имеет обширная, разложенная по ярусам деревянных мостовых, коллекция Великого Новгорода. Вместе с тем, из-за осушения и аэрации наиболее поздних напластований, новгородская хронологическая шкала ограничивается серединой – третьей четвертью XV в. Поэтому при хронологическом разделении комплексов этого столетия решающую роль, как правило, играют редкие монеты и уникальные стратиграфические привязки раскапываемых напластований к известным архитектурным сооружениям, даты строительства, подновления или разрушения которых зафиксированы в летописных сводах.

Материальная культура русских городов и сёл XV в. изучена пока хуже, чем предметный мир ещё более далёких наших предков XI–XIII вв. Среди памятников Северо-Восточной Руси, пожалуй, только по отношению к г. Москве сложилось устойчивое представление о специфике массовой бытовой керамики этого времени. Не местные ли отличия нижегородской посуды от серийных изделий московских гончаров стали главной причиной «утраты» археологами Нижнего Новгорода XV в.? Выяснение местных особенностей материальной культуры эпохи перемен, очевидно, является важнейшим условием разрешения совокупности вопросов нижегородской истории этого времени.

Данное исследование представляет собой попытку подступиться к разгадке нижегородского XV века. Своеобразным проводником в это столетие стало небольшое мысовое городище, обнаруженное в 1988 г. в предместье средневекового города. Археологическое изучение этого памятника находится в самом начале, однако, полученные по ходу его первых рекогносцировочных раскопок материалы – многочисленны, красноречивы и требуют осмысления в историческом контексте. Первая попытка сделать это была предпринята вскоре после завершения первого цикла полевых изысканий. Её результатом стала концепция, согласующая разрозненные сведения из письменных памятников с археологическими данными (см.: *Грибов,* 2005а). Настоящая работа представляет собой её развёрнутое обоснование.

Прежде всего, автора будут интересовать наиболее отчётливо отражённые именно в археологическом материале географические, культурные и демографические реалии локальной нижегородской истории означенного временного промежутка. Хронологические рамки для определённости можно очертить следующими событиями: утратой Нижним Новгородом в 1392 г. своей политической самостоятельности и возведением в начале XVI столетия кирпично-каменного Нижегородского кремля (рис. 1*)[7]. Центром географического пространства исследования станет территория средневекового Нижнего Новгорода XIII – начала XV вв. с его предместьем (на

[7] Здесь и ниже звёздочкой (*) отмечены номера рисунков на цветной вклейке.

удалении до 2 км от детинца), второстепенной периферией – всё средневековое Нижегородское Поволжье. Последнее можно определить как совокупность заселённых областей, сложившихся ещё до начала XVI в. на ближних и дальних подступах к городу в Окском устье, где долгие годы «тёмного» средневековья его административное и культурное влияние являлось определяющим.

Предлагаемый читательскому вниманию труд нацелен на поиски Нижнего Новгорода XV века. Он преследует решение трёх основных взаимосвязанных задач: выяснение характерных признаков местных археологических комплексов этого времени, определение местоположения городской территории в означенный период, историческую интерпретацию связанных с городом археологических данных.

Так как поиск «исчезнувших» городов традиционно и по-существу является прерогативой археологического метода, основным объектом исследования являются материалы археологических изысканий. Они представлены научными отчётами о полевых исследованиях из Архива Института археологии РАН (г. Москва) и археологическими коллекциями, хранящимися в музее Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ) и Нижегородском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (НГИАМЗ). Для работы над темой автором использованы собственные разработки по хронологии нижегородской керамики (*Грибов,* 2006). Источниковая база включает в себя и разнообразные письменные свидетельства: русские летописи, акты, памятники нижегородского фольклора, записки путешественников, отдельные надписи, словом, весь материал, способный помочь в реализации комплексного метода. Последний заключается не столько в сопоставлении выводов, полученных в результате раздельного изучения проблемы по разнохарактерным группам сохранившихся памятников, сколько в совместном анализе первичных источников разной природы, взаимной корректировке их достоверности и полноты (*Чернов,* 1989. С. 170).

Перевод археологических данных в историческую информацию предполагается осуществить двумя путями – через сравнение разновременных археологических срезов исторической действительности и сопоставление археологических контекстов конкретных временных отрезков с синхронными сведениями из письменных памятников.

В исторических трудах, написанных с опорой на исследование сохранившихся текстов, авторы аппеллируют подчас к археологическим материалам, подразумевая под ними выводы и заключения, сделанные археологами (см., например: *Чеченков,* 2004а. С. 9, 10). В предлагаемой работе, при обращении к письменным источникам автор, напротив, склонен воспользоваться некоторыми результатами, полученными специалистами по «археологии слова», сосредоточив свои усилия на публикации, анализе и обобщении первичных материалов раскопок и разведок – описаний обследованных объектов, чертежей, фотографий и находок. Только для раскрытия выборочных, недостаточно исследованных тем, автор решается прибегнуть к самостоятельному анализу сохранившихся текстов.

Если информационные возможности известных письменных источников о Нижнем Новгороде XV столетия представляются почти исчерпанными, то соответствующие археологические материалы остаются неопубликованными и малоизвестными. В их обобщении и подробном описании автор видел свою особую задачу. Самостоятельный интерес в этой связи представляет публикация археологических комплексов с монетными находками середины XV – начала XVI вв., пока малочисленных и плохо изученных в русской средневековой археологии.

При формировании структуры своего труда автор стремился, насколько это было возможно, придерживаться хронологического принципа. Основное содержание первой главы сфокусировано на периоде политической нестабильности конца XIV – первой половины XV вв. Она написана преимущественно по материалам письменных памятников, так как большая часть этого временного промежутка пока не отражена в узко датированных комплексах, и остаётся археологически «неразличимой». Вторая и третья главы посвящены материальной культуре нижегородцев середины XV – начала XVI вв. В завершающей четвёртой главе основное внимание уделено вовлечённости местных жителей в события эпохи Ивана Великого. Для освещения этого в равной мере использованы как письменные, так и археологические источники.

Центральную часть книги занимает итоговая публикация материалов первых рекогносцировочных раскопок городища Городок, проведённых Нижегородским историко-археологиче-

ским центром «Регион» в 2003–2004 гг. Они состоялись благодаря попечительству директора музея ННГУ к.и.н. Т.И. Ковалёвой. Инициатива в их проведении принадлежит сотруднику музея ННГУ к.и.н. Д.С. Таловину. Деятельное участие в организации и проведении полевых исследований принимали нижегородские археологи – к.и.н. Н.В. Иванова, И.С. Аникин, Е.А. Четвертаков, студенты уже не существующих исторических факультетов Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина и Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Отдельные категории археологических находок были подвергнуты специальному изучению. Исследования палеоботанических и палеозоологических материалов проведены сотрудниками Института археологии РАН к.и.н. Е.Ю. Лебедевой и к.б.н. Е.Е. Антипиной. Последней, на основании анализа комплекса палеозоологических данных, получены интересные выводы о специфике местного хозяйства. Металлографическое изучение железных предметов выполнено сотрудником Института археологии РАН д.и.н. В.И. Завьяловым. Определение породы дерева по образцу угля сделано в Институте географии РАН д.г.н. А.А. Гольевой. В атрибуции нумизматических находок большая помощь оказана сотрудником Института истории им. Ш. Марджани Республики Татарстан к.и.н. П.Н. Петровым. Автор выражает особую благодарность этому исследователю за дружеское участие, моральную поддержку и серьёзные критические замечания, высказанные после прочтения первой редакции раздела о нумизматических находках. Автор благодарит сотрудницу Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (г. Москва), к.и. С.В. Гнутову и сотрудницу Государственного исторического музея (г. Москва) Д.В. Шполянскую за содействие в атрибуции отдельных предметов мелкой христианской пластики. Большая помощь в создании книги оказана сотрудницей Института археологии РАН Т.Д. Николаенко, предоставившей для ознакомления собственные наработки по нижегородской археологии и высказавшей много ценных замечаний после знакомства с рукописью. За обсуждение отдельных вопросов, нашедших отражение в настоящем исследовании, автор выражает признательность д.и.н. В.А. Лапшину, к.и.н. Д.Ю. Кривцову, С.В. Шполянскому, к.и.н. В.Ю. Ковалю, за возможность работы с неопубликованными материалами – нижегородским археологам И.С. Аникину, А.Н. Кикееву, к.и.н. А.Н. Маслову, В.А. Батюкову, Е.В. Четвертакову, Д.А. Антонову, Е.И. Бакулину, И.О. Ерёмину, С.В. Очеретиной. Хорошим подспорьем в работе стал паспорт на памятник археологии «Культурный слой г. Нижнего Новгорода». Его составителю, сотруднице музея ННГУ И.В. Ануфриевой, принимавшей участие ещё в первых шурфовочных работах на Городке в 1996 г., автор благодарен, как за содействие в работе с археологической коллекцией, так и за возможность узнать «из первых рук» результаты исследований, проведённых в Нижнем Новгороде под её непосредственным руководством. Автор благодарит рецензентов – д.и.н. В.А. Лапшина и д.и.н. А.А. Горского, весьма благосклонно отнёсшихся к рукописи книги, высказавших ряд замечаний, учтённых при её подготовке в печать.

Рисунки находок выполнены к.и.н. Н.В. Ивановой, реконструкции керамических сосудов – И.С. Аникиным, чертежи, фотографии, компоновка иллюстраций, таблицы и рисунки керамики – автором.

ГЛАВА 1

ОТ ГОРОДА ЮРИЯ ВСЕВОЛОДОВИЧА ДО ВРЕМЕННОЙ СТАВКИ УЛУ-МУХАММЕДА

§ 1. ГЕОГРАФИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ЕГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ

Расположение Нижнего Новгорода весьма примечательно: через отмеченную им точку на карте Восточной Европы проходит главный ландшафтный рубеж Русской равнины, отделяющий таёжно-лесные области от лесостепных пространств и широколиственных лесов (*Коломыц,* 2005. С. 225, рис. 1). К северу от города, в низменном Заволжье, смешанные леса переходят в южнорусскую тайгу. С юга и юго-запада, из Поочья, узким языком к городским окраинам примыкает периферия Муромских лесов, с юго-востока, из Посурья, – протяжённый лесостепной коридор, по которому в район окского устья, начиная, по крайней мере, с эпохи бронзы, проникали представители южных степных культур.

Здесь, на северо-западе Приволжской возвышенности, русла Оки и Волги образуя широкую излучину, крутой дугой обходят скаты северного выступа протяжённой Мстёрско-Козьмодемьяновской гряды. На волго-окских откосах высота её обрывистых склонов достигает 100–120 м. Вершина гряды представляет собой пологоволнистую равнину, расчленённую врезками долин малых водотоков, оврагов и балок на множество платообразных останцев. Волго-окский косогор также рассечён оврагами на отдельные «холмы». Их былое собирательное название в районе окского устья – Дятловы горы – сохранилось как в местном фольклоре, так и в подробном описании карты Московского государства XVI в. «Книге Большому чертежу». Широкое устье одного из правобережных оврагов прорезает волго-окский кореник напротив самого острия междуречного клина (стрелки). Это Почаинский овраг, промытый небольшой, напоминающей ручей, р. Почайной (рис. 2). В начале своей истории Нижний Новгород рос по её берегам, постепенно охватывая застройкой всё большие и большие приречные пространства.

ТОПОГРАФИЯ ГОРОДА XVII В.

Самым ранним источником, позволяющим сколько-нибудь подробно воссоздать городскую топографию, является Писцовая книга Нижнего Новгорода начала 20-х гг. XVII в., составленная писцами Д.В. Лодыгиным, В.И. Полтевым и дьяком Д. Образцовым. Материалы этой переписи (1621–1622 гг.), дополненные более поздними вставками (до 1629 г.), были подготовлены к печати и опубликованы А.С. Лаппо-Данилевским ещё в конце XIX в. (Писцовая и переписная книги…, 1896)[1]. В последующем изложении воспользуемся сведениями из этого сравнительно позднего источника для обозначения главных районов городской территории, её основных топографических ориентиров.

Согласно этому документу в первой половине XVII в. территория Нижнего Новгорода включала в себя Каменный город, укреплённые острогами Нижний и Верхний посады, загородные слободы – отдельные поселения, извне примыкающие к городским стенам и монастырям (рис. 3*). Территория Каменного города (в более поздних источниках называемая Кремлём), размером около 19 га, очерчивалась мощными стенами каменно-кирпичной крепости, выстроенной с привлечением итальянских мастеров в начале XVI в. (рис. 1*). Здесь, в Кремле, рас-

[1] Имеется репринтное переиздание, см.: Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. Репр. воспроизведение изд. 1896 г. М.; Нижний Новгород: Нижегородская историко-этнологическая лаборатория, 2011.

полагались главные нижегородские святыни – каменные Михайло-Архангельский и Спасо-Преображенский соборы, известные ещё по летописным сообщениям XIII–XIV вв., а также три деревянные церкви и два монастыря – Симеоновский и Зачатьевский (рис. 2). Нижний посад занимал узкую, шириной около 150 – 200 м низменную прибрежную полосу, ограниченную линией уреза воды и подошвой береговых склонов. В начале XVII в. в этом прибрежном районе, на Подоле, стояло 10 церквей. Здесь же располагались Благовещенский и Зачатьевский монастыри.

Верхний посад охватывал часть возвышенного плато на коренных берегах Оки и Волги с южной стороны от кремлёвских стен. Глубоким Почаинским оврагом он поделён на два локальных водораздела. Основные стоки одного из них, связаны с р. Окой. Это Ильинская гора – возвышенный мыс при устье р. Почайны, на её левом западном берегу. Об активном освоении этого района в XVII в. свидетельствуют пять известных здесь церквей и один (Сергиевский) монастырь. Правобережье р. Почайны соотносится с другим водоразделом, бассейном небольшой р. Ковалихи, которая ещё в XIX в. протекала по тальвегу одноимённого (Ковалихинского) оврага. Большая часть водосбора с этой территории попадает непосредственно в р. Волгу[2]. В целом, рельеф нагорной части близок к сглаженной седловине, доминантами которой являются возвышения на берегах Волги и Оки, а осью (ложбиной) – продольная линия, соединяющая Каменный город с истоком Ковалихинского оврага, отмеченным засыпанным ныне Чёрным прудом. Территория Верхнего посада, как и всё волго-окское правобережье, расчленена многочисленными оврагами, создающими удобные условия для возведения фортификации.

В начале XVII в., помимо кремля, система городской обороны включала в себя два деревянных острога – Новый и Большой (или Старый), с земляными валами и рвами (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 15, 16). Отдельные линейно-вытянутые участки рвов оставались не закопанными вплоть до второй половины XVIII в. На первом геодезическом плане Нижнего Новгорода, снятом в 1769 г., отчётливо заметны пять линейных участков бывших укреплений, намечающих два разновеликих полукольца, очевидно, соответствующих Новому и Большому острогам (РГИА. Ф.1293. Оп.168 (Нижегородская губерния). Ед.хр. 4). Первая полная научная реконструкция их положения на местности была предложена нижегородским краеведом И.А. Кирьяновым (*Кирьянов,* 1961. С. 30–43). Исследователь опирался, преимущественно, на сведения из Писцовой книги 20-х гг. XVII в., вышеупомянутый план 1769 г. и особенности современной городской планировки, в которой всё ещё можно распознать отдельные черты прежней градостроительной структуры. Наиболее полно, с учётом результатов археологических наблюдений 1992–2008 гг., топография посадских укреплений охарактеризована И.В. Ануфриевой (2004; Архив УГОКННО. Паспорт «Нижний Новгород», 2009). Необходимо отметить, что для реконструкции отдельных участков посадских укреплений в настоящее время отсутствуют сколько-нибудь надёжные данные[3]. Остаются открытыми вопросы о датировке, местоположении и даже о самом существовании оборонительных сооружений посада Нижнего Новгорода XIII–XIV вв.

Достоверно известно, что одна из линий посадских укреплений, так называемый Новый острог, был сооружён в 1618–1619 гг. по инициативе князя Бориса Михайловича Лыкова (Полная редакция Нижегородского летописца…, 2006. С. 158). От него на западной половине современной улицы Пискунова, невдалеке от обрыва волжского берега, до наших дней сохранился небольшой участок земляного вала, длиной около 100 м. По сведениям писцового описания 20-х гг. XVII в., стена этого укрепления начиналась у самой восточной кремлёвской Георгиевской башни, проходила вдоль бровки коренного волжского берега, сворачивала на юг, устремляясь параллельно юго-восточному отрезку кремлёвской стены через исток р. Ковалихи к обрыву правого берега Почаинского оврага (рис. 3*). Преодолев последний, она отсекала верхнюю площадку Ильинской горы и по гребню одного из бортов Турунова оврага, по косогору, плавно спускалась к подошве окского берега. Новый острог защищал наиболее заселённую, примыкающую к кремлю, часть Верхнего посада. Здесь, на участке между Почаинским оврагом и бровкой коренного берега р. Волги, в начале XVII в. располагалось шесть церквей и один (Происхоженский) монастырь.

[2] Река Ковалиха – один из правобережных истоков р. Старки, впадающей в р. Рахму (правобережный волжский приток) по левому берегу в 11 км к юго-востоку от Нижегородского кремля.

[3] Например, в районе Чёрного пруда.

Полукольцо другого Большого (или Старого) острога к первой половине XVII в. вбирало в себя всю посадскую территорию (рис. 3*). Дата сооружения этой замкнутой линии укреплений общей протяжённостью почти 7 км не зафиксирована в известных источниках. Её стена очерчивала площадь в 315 га, целиком охватывая Нижний и Верхний (с Ильинской горой) посады, периферийные заселённые места за р. Почайной и даже, ранее находившийся за чертой городских укреплений, Благовещенский монастырь.

Обширный участок Верхнего посада на правобережье р. Почайны между Новым и Большим острогами в начале XVII в. представлял собой городскую окраину с приходами двух церквей – Покровской и церкви Святой великомученицы Варвары. До конца XVIII в. городская черта проходила по линии Большого острога. За его стеной располагались Печёрский монастырь и слободы – Акулина, Ямская, Телячья, Благовещенская, Панская, Печёрская.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Провинциальный Нижний Новгород всегда находился на периферии целенаправленных исследований в области русской средневековой археологии. Первый опыт раскопок и археологических наблюдений в его черте был получен отдельными энтузиастами ещё в конце XIX в. За всю историю археологических изысканий в черте Большого острога, то есть в границах города рубежа XVIII – XIX вв., раскопки и шурфовка проводились под руководством почти трёх десятков различных исследователей. Большинство из них (около 72%) – местные краеведы и археологи. Временная последовательность археологических исследований до начала 60-х гг. XX в. с указанием авторов раскопок, дат, масштабов и кратких результатов изложены в специальной статье И.В. Ануфриевой (2005), а с охватом позднейшего периода – в соответствующем разделе паспорта объекта историко-культурного наследия «Культурный слой города Нижнего Новгорода», составленном этим же автором в 2009 г.

В развитии нижегородской городской археологии по уровню методической оснащённости изысканий, полноте и качеству фиксации археологического материала можно выделить три этапа.

Первый, начальный, этап охватывает промежуток от конца XIX в. до рубежа 50–60-х гг. XX в. Первые раскопки, проведённые с научными целями, в черте современного Нижнего Новгорода состоялись в 1877 г. под руководством известного русского этнографа, учёного секретаря отделения этнографии Русского Географического общества Владимира Николаевича Майнова. Судя по характеру опубликованных результатов, его изыскания вряд ли в полной мере можно охарактеризовать как археологические. Их автор, собирающий материал по антропологии поволжских народов, раскопал несколько мордовских захоронений под православным кладбищем XVII–XVIII в. возле Покровской церкви[4], опубликовал краткий отчёт с обмерами черепов, в котором, к сожалению, не нашлось места для описания погребальных конструкций и погребального инвентаря (Антропологическая выставка…, 1878-79. С. 31; Mainov V., 1889. V. 80).

Деятельность учреждённой в 1887 г. Нижегородской губернской учёной архивной комиссии (НГУАК), оформившей деятельность местных любителей и знатоков старины в научное краеведческое движение, не привела к сколько-нибудь значимым результатам в археологическом изучении губернской столицы. Основные усилия её увлечённых археологией сотрудников были направлены на фиксацию местонахождений древних каменных орудий, раскопки удалённых от города средневековых финских могильников, поиски подземных архитектурных сооружений Нижегородского кремля (*Николаенко,* 2004. С. 15, 16; *Ануфриева,* 2005. С. 38). Первые обстоятельные наблюдения с описанием стратиграфии и мощности городского культурного слоя, проведённые в 1913 г. сотрудником НГУАК С.М. Парийским при прокладке коммуникаций в кремле, носили разовый характер (*Парийский,* 1914). Обнаружить средневековые напластования или хотя бы их следы тогда не удалось.

После Великой Отечественной войны началась реставрация и переоборудование отдельных архитектурных памятников города. Для обеспечения этих мероприятий в конце 40–

[4] Раскопки в районе Покровской церкви, проведённые А.Е. Алиховой в 1937 г., позволили зафиксировать захоронения совершённые только по христианскому обряду (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. №189 (1937 г.)).

50-х гг. у стен и башен Нижегородского кремля, в церкви Жён Мироносиц на Ильинской горе закладывались шурфы с целью определения конструкции и состояния фундаментов (работы И.А. Кирьянова 1948, 1949, 1952 гг. и В.И. Матвеевой 1956 г., см.: *Ануфриева,* 2005. С. 41).

В целом, до начала 60-х гг. XX в. сколько-нибудь масштабных археологических раскопок в Нижнем Новгороде не проводилось. Шурфовочные работы и наблюдения за земляными строительными работами носили эпизодический характер. Места проведения большинства из них тяготели к архитектурным сооружениям. При этом чертёжная документация составлялась выборочно, не полностью охватывая изученные объекты, или (что чаще) не составлялась вообще. Фиксация вскрытий, как правило, ограничивалась кратким словесным описанием, а их топографическая привязка не сопровождалась инструментальной съёмкой. Тексты редких отчётов были проиллюстрированы выборочными изображениями археологического инвентаря. К завершению первого этапа археологических изысканий средневековые напластования Нижнего Новгорода (XIII–XV вв.) оставались неизвестными для исследователей. По этой причине решение вопросов исторического прошлого города с учётом добытых в это время археологических материалов не могло быть сколько-нибудь продуктивным.

Первые представления о культурном слое средневекового Нижнего Новгорода были получены только в результате раскопок 1960 г. в храме Михаила Архангела на территории кремля. С этих небольших по масштабам работ, проведённых знатоком древнерусской архитектуры, сотрудником Института археологии АН СССР Н.Н. Ворониным, начался второй этап археологических исследований[5]. Его хронологические рамки очерчиваются промежутком от рубежа 50–60-х до конца 80-х гг. XX в.

Раскопки Н.Н. Воронина предваряли реставрацию собора и были нацелены, прежде всего, на получение информации о типе и сохранности его фундамента. Вместе с тем, помимо описания планировки и конструктивных особенностей одного из древнейших городских культовых сооружений, автор уделил большое внимание изучению культурного слоя и массового керамического материала. Это позволило впервые на основании археологических данных сделать ряд заключений по отдельным вопросам истории Нижнего Новгорода (*Воронин,* А-1960). Раскопки на территории Нижегородского кремля в 60–70-е гг. были продолжены сотрудником Горьковского государственного историко-архитектурного музея-заповедника В.Ф. Черниковым. Вскрытые им участки (общей площадью около 440 кв.м) заложили основу нижегородской археологической коллекции. Этот исследователь был первым, кто приступил к изучению углублённых в материк котлованов нижегородских средневековых построек[6].

Если материалы раскопок 60–70-х гг., в отличие от работ прежних лет, включали в себя планы раскопанных участков по материку, подробные чертежи стратиграфических разрезов их бортов и бровок, то фиксация археологических наблюдений на строительных объектах, как и раньше, ограничивалась кратким описанием результатов, а иногда только упоминанием места их проведения. Только в 1980 г., при обследовании зоны прокладки подземного перехода на пл. Минина и Пожарского, у Кладовой башни кремля, впервые в истории археологических исследований Нижнего Новгорода, были зачерчены и подробно описаны профили бортов строительного котлована (*Черников*, А-1980).

Главным научным результатом второго этапа археологических исследований в Нижнем Новгороде стало открытие его средневековых напластований, получение первых сведений об их характере, мощности, характерных включениях и стратиграфии. Его завершение приурочено к постановке городского культурного слоя на государственную охрану (приблизительно, в границах Нового острога начала XVII в.). Соответствующий документ был подписан в ноябре 1983 г.[7] Эпизодичность археологических раскопок, проводимых на сравнительно небольших участках, недостаточная осведомлённость о них широких слоёв городской и научной общественности, очевидно, способствовали промедлению принятия этого решения. Долгие годы

[5] Общая вскрытая, как внутри собора, так и за пределами его стен, площадь в 1960 г. составила 166 кв.м. Изыскания начались в 1938 г., когда Н.Н. Ворониным у стен собора было заложено два малометражных шурфа.

[6] Их авторская интерпретация как землянок или полуземлянок, очевидно, была навеяна распространёнными тогда представлениями (см.: *Ковалевский,* 2001).

[7] Решение № 559 Горьковского областного Совета народных депутатов от 03.11.83.

масштабное строительство на территории средневекового города проходило без упреждающих археологических изысканий[8].

Начало третьего, современного, этапа археологического изучения города ознаменовалось появлением исследователей нового поколения. Привнесённые ими методические установки соответствовали возросшим требованиям к качеству полевых изысканий. Новые тенденции отчётливо проявились в работах 1988, 1989, 1990 гг., выполненных под руководством представительницы московской археологической школы Т.В. Гусевой. Они прослеживаются в повышенном внимании к изучению стратиграфии городского культурного слоя, определении стратиграфического соотношения изучаемых конструкций, составлении максимально полного комплекта чертёжной документации, сопровождении всей исследовательской процедуры фотофиксацией, обращении к естественно-научным методам. С начала 1990-х гг. становится нормой использование качественного картографического материала для топопривязок изучаемых объектов. Существенно изменилась методика исследования искусственных материковых углублений. Многие исследователи расчистку котлованов средневековых построек стали проводить по стратиграфическим горизонтам с послойной фиксацией инвентаря, практикуя изучение структуры заполнения по нескольким разрезам. Отдельные авторы по тонким прослойкам древесного тлена расчищают отпечатки пристенной обшивки и половых настилов, фиксируют остатки рухнувших перекрытий. Более обстоятельно и подробно, по сравнению с работами 60–70-х гг., изучаются городские напластования XVI – начала XX вв.

С начала 1990-х гг. археологические наблюдения на строительных площадках стали повсеместным массовым явлением. В отличие от работ прежних лет сложилась определённая программа их проведения, предполагающая разностороннее документирование археологической информации. В неё входит обязательное нанесение обследуемого объекта (котлована или траншеи) на инструментальный план, его фотофиксация, визуальный осмотр строительной площадки со сбором подъёмного материала и выбором мест заложения зачисток, изучение стратиграфии зачищенных участков с послойным сбором археологического инвентаря, графическая и фотофиксация каждой зачистки. В местах, перспективных для обнаружения средневековых напластований, обследование строительных котлованов и открытых коммуникационных траншей предваряется малометражной шурфовкой. Такая методика работы на новостройках за условной чертой средневекового города позволила получить сведения о топографии позднейших городских напластований, а в ряде случаев и способствовала выявлению ранее неизвестных участков, освоенных ещё до рубежа XIV–XVвв. Следует отметить, что полученные при таких работах сборы археологического материала относительно не велики, что делает датировки таким образом исследованных комплексов менее надёжными, по сравнению с объектами, вошедшими в шурфы или раскопы.

Только в последнее десятилетие XX в. археологические работы в Нижнем Новгороде приобрели систематический характер. Этому способствовали произошедшие в стране общественно-политические перемены. Их следствием стало кратковременное (вблизи рубежа 80–90-х гг.) повышение общественного интереса к отечественному культурно-историческому наследию, появление новых организационных форм проведения археологических изысканий. В это время, как и во многих других, имеющих богатое историческое прошлое, городах России, в Нижнем Новгороде происходило формирование местного управленческого механизма охранной археологии.

Все эти сложные и неоднозначные процессы привели к заметной активизации исследований в 1990-е и 2000-е гг.: около 90% всей суммарной вскрытой раскопками площади на памятнике было изучено в течение периода с 1988 по 2013 гг. Таким образом, основной объем археологических изысканий в Нижнем Новгороде приходится на позднейший этап, для которого в целом характерна наиболее совершенная полевая методика.

Конечно, не все исследования последних лет отличались высоким методическим уровнем. Это объясняется не только индивидуальными особенностями отдельных исследователей, но и объективными обстоятельствами. Важнейшими из них стали нарастающая дегуманизация об-

[8] Среди таких строек – возведение Дома моделей на Нижнем посаде в районе расположения белокаменной Никольской церкви XIV в., сооружение мемориала Вечного Огня и здания Обкома КПСС в кремле, где, скорее всего, располагался дворец нижегородских князей.

щественной атмосферы, строительный бум, пик которого пришёлся на конец 1990-х, начало и середину 2000-х гг. Некоторые из археологов, испытывая жёсткий пресс требований со стороны застройщиков, проводили исследования с минимальным штатом сотрудников и в крайне сжатые сроки, несовместимые с обеспечением надлежащего качества археологических изысканий. Результаты раскопок на отдельных площадках, спустя многие годы после их завершения, всё ещё остаются не оформленными в виде полноценных научных отчётов. Однако общее количество таких работ сравнительно невелико и, вероятно, по мере завершения обработки коллекций и оформления полевой документации, оно будет уменьшаться.

Результаты картографирования объектов археологических исследований со всей очевидностью показывают, что уже к середине второго десятилетия XXI в. территория города в черте Большого острога была охвачена плотной сетью раскопанных участков и отдельных мест проведения археологических наблюдений (рис. 3*, 4*; табл. 39, 40). Общая площадь раскопов и шурфов на конец 2016 г. составляла около 10000 кв.м[9]. Среднее расстояние между двумя ближайшими раскопанными площадками на Верхнем посаде в черте Нового острога ограничивается 150–180 м, на большей части кремлёвской территории – 150 м.

В Нижегородском кремле большая часть археологически изученных площадок располагается на Часовой горе (рис. 1). Часовая гора – это мыс-останец коренного волжского берега, отсечённый от платформы береговой террасы с двух сторон оврагами – Почаинским и Ивановским. Раскопки одного из самых больших участков здесь проходили в 2001–2002 гг. под руководством сотрудника ИИМК РАН (г. С.-Петербург) В.А. Лапшина. Тогда единым раскопом был покрыт землеотвод площадью 970 кв.м, выделенный под строительство пристроя к зданию областного Управления Федерального казначейства. Ранее, в 1977–1979 гг., недалеко от него раскопки проводил В.Ф. Черников (на площади 292 кв.м). К Михайло-Архангельскому собору тяготеют раскопы и шурфы Н.Н. Воронина (1938, 1960 гг.) и В.Ф. Черникова (1964, 1973 гг.), общей площадью 326,3 кв.м. В 1989 г. на южной периферии Часовой горы, почти по месту расположения линии древнейших дерево-земляных укреплений, Т.В. Гусевой раскопано несколько вытянутых вдоль одной линии площадок, выделенных под прокладку коммуникаций (около 250 кв.м). В 2006 г. в западной части кремля под общим руководством И.О. Ерёмина были начаты самые масштабные в истории Нижнего Новгорода раскопки в зоне строительства Дома правительства на площади более 3500 кв.м (*Агафонов,* 2008. С. 98 (комментарии И.О.Ерёмина); *Ерёмин,* А-2006; *Пигарев,* А-2008)[10]. На восточной периферии кремлёвской территории археологические раскопки проходили внутри здания бывшего арсенала за чертой средневековых укреплений (под руководством А.М. Губайдулина (2007 г.), З.Г. Шакирова (2008 г.), Е.В. Четвертакова (2009–2010 гг.), И.С. Аникина (2012 г.).

В разных местах Верхнего посада археологические раскопки проведены на 29 участках, их общая площадь на конец 2017 г. составляет около 6000 кв м[11]. Ещё на почти 40 участках в нагорной части города исследованы малометражные шурфы. Здесь же и на склонах волго-окского косогора зафиксировано девять мест обнаружения подъёмного материала средневекового времени.

На правобережье р. Почайны в пределах Нового острога раскопанные площадки равномерно распределены от бровки коренного берега р. Волги до Почаинского оврага. Их присутствие отмечено почти во всех секторах радиально-кольцевой планировки, окончательно сложившейся в центральной части города в XVIII в. Между Верхне-Волжской набережной и ул. Б. Печёрской раскопано три участка, общей площадью 623 кв.м. Наибольший из них (около 339 кв.м вместе с шурфами) тяготеет к зданию гостиницы «Волжский откос», где работы проводились под руководством Е.Э. Лебедевой в 2008–2009 гг. В 2007 г. этой же исследовательницей раскопана довольно большая площадка в квартале улиц Б. Печёрская – Ульянова – Пискунова (440 кв.м). В 2015 г. поблизости от неё проводились исследования под руководством

[9] Эта цифра получена без учёта тех выполненных к указанному сроку полевых работ, отчёты по которым не были переданы в архив Института археологии РАН до начала 2017 г. По подсчётам автора, общая площадь раскопанных в городе площадок, остающихся пока без сопровождения сданными отчётными материалами, составляет более 6000 кв.м.

[10] Завершающий научный отчёт по их результатам по состоянию на конец 2017 г. ещё не поступил в архив Института археологии РАН.

[11] Без учёта исследований, не завершённых сдачей научных отчётов на конец 2017 г.

С.В. Очеретиной (330 кв.м). В промежутке между ул. Ульянова и ул. Варварской путём раскопок изучено четыре участка. Среди них по размерам изученной площади выделяется площадка, вскрытая во дворах домов № 4 и 6 под руководством Е.Э. Лебедевой (в 2007 г.) и П.С. Данилова (в 2008 г.) (1105 кв.м). В этом же квартале в разные годы относительно небольшие раскопы закладывались А.Н. Кикеевым (86 кв.м), И.О. Ерёминым (200 кв.м), Л.Д. Шакуловой (164 кв.м). В секторе улиц Варварская – Алексеевская два шурфа (по 10 кв.м каждый) были исследованы И.С. Аникиным (1997 г.) и Т.В. Сергиной (2013 г.). В промежутке между трассами улиц Алексеевская – Б. Покровская небольшие площадки раскапывались в подвале д. № 4 по ул. Б Покровская (38,28 кв.м; 1992 г.; Т.В. Гусева) и во дворе д. № 6 по той же улице (93,6 кв.м; 2007 г.; И.В. Ануфриева).

Между улицей Б. Покровской и бровкой обрыва правого берега Почаинского оврага располагаются самые значительные по размерам участки, раскопанные в пределах Нового острога. Здесь, на семи площадках в районе Театральной площади и ул. Пожарского, в течение ряда лет исследовано около 2200 кв.м. Большая часть указанной площади (1211 кв.м) покрыта тремя раскопами И.О. Ерёмина в 1997 г. Площадка одного из них, попавшая на кладбище верхнепосадской Никольской церкви, позднее была дополнена ещё двумя участками, раскопанным под руководством В.А. Батюкова (625 кв.м; 2011 г.)[12] и Т.В. Сергиной (102 кв.м; 2013 г.). Два небольших раскопа, разбитых между Театральной площадью и проезжей частью ул. Пожарского, были изучены Т.В. Гусевой в 1998 г. (80 кв.м) и 2002 г. (144 кв.м), ещё одно небольшое вскрытие (около 22 кв.м) вблизи перекрёстка улиц Пожарского и Пискунова – И.А. Очеретиным в 1998 г.

В непосредственной близости от кремля, на площади Минина и Пожарского, археологическими раскопками вскрыто 231,62 кв.м (Т.В. Гусевой в 1988, 1997 гг. и И.В. Ануфриевой в 2005 г.). Два раскопа невдалеке от линии укреплений Нового острога во дворах домов по ул. Алексеевской закладывались С.В. Очеретиной в 2014 г. (166 кв.м).

На Ильинской горе археологические раскопки проводились в трёх местах – во дворах домов по Крутому переулку (Т.В. Гусевой в 1990 г. и Н.Н. Грибовым в 1999 г.; 433 кв.м), по улицам Почаинской (Е.В. Четвертаковым; 220 кв.м) и Сергиевской (Е.И. Бакулиным в 2013 г.; 167 кв.м). Интересные по результатам шурфовочные работы в этой части города были выполнены внутри периметра стен ряда храмовых построек – в церкви Жён Мироносиц (И.А. Кирьяновым в 1949 г. и И.О. Ерёминым в 2002, 2003 гг.), в Успенской церкви (И.О. Ерёминым в 1996 г.) и в церкви Ильи Пророка (И.О. Ерёминым в 1996 г.).

В пределах Большого острога (между линией его укреплений и Новым острогом) раскопками изучено четыре площадки, общей площадью около 243 кв.м. Одна из них тяготеет к месту расположения снесённой в советское время Покровской церкви (раскопки В.Н. Майнова в 1877 г. и А.Е. Алиховой в 1937 г.), другая – к правому берегу Почаинского оврага (в переулке Университетском; работы И.В. Ануфриевой в 1998 г.), третья – ко дворам домов по ул. Грузинской (раскопки Е.В. Четвертакова в 2008 г.), четвёртая – к району Чёрного пруда, истоку р. Ковалихи (на ул. Октябрьской; работы И.С. Аникина в 2005 г.).

Существенно хуже археологическая изученность территории Нижнего посада. Кроме небольшого раскопа Р.Н. Хамзина, доведённого до уровня слоя XVII в., небольшие шурфы здесь в разные годы закладывали С.М. Дмитриевский (1998 г.), Е.Э. Лебедева (2007 г.), Д.А. Антонов (2008 г.).

На территории Благовещенского монастыря небольшие раскопы поблизости от его архитектурных памятников в 1994, 1995 и 2002 гг. исследованы И.О. Ерёминым (общей площадью 141,35 кв.м). В районе монастырской Благовещенской слободы шурфовочные работы проводились под руководством Т.В. Гусевой (1992 г.). Средневековые культурные напластования загородного Печёрского монастыря были зафиксированы С.М. Дмитриевским при шурфовочных работах 1995–1996 гг.

Материалы раскопов и шурфов дополняют результаты многочисленных археологических наблюдений, проведённых при обследовании почти трёх сотен различных строительных объектов (по состоянию на конец 2014 г.) (табл. 40, рис. 4*). На девяти объектах обнаружены сле-

[12] По состоянию на январь 2017 г. научный отчёт по результатам этих работ ещё не был завершён, но некоторые их материалы и результаты отражены в двух публикациях, см.: *Батюков,* 2013; *Батюков, Муренцова,* 2013.

ды средневековых напластований в разных местах Большого острога (на улицах Грузинская, Большая Покровская, Октябрьская, в переулке Университетском), на одном (на ул. Ткачёва) – за пределами линии его укреплений.

К началу второго десятилетия XXI в. археологическая изученность Нижнего Новгорода в целом создаёт хорошие предпосылки для реконструкции истории и хорографии освоения его селитебной территории. К наименее изученным районам относятся прибрежные участки Нижнего посада, северо-восточная периферия кремля (к востоку от Ивановского съезда), Благовещенский и Печерский монастыри. Раскопки здесь пока не проводились либо их результаты оказались малоинформативными по причине малых размеров изученных площадок, небольшой по сравнению с общей мощностью культурных напластований глубине заложения раскопов или приуроченности последних исключительно к остаткам утраченных архитектурных сооружений XIX в. Поэтому данные по археологии этих районов пока ограничиваются результатами малометражной шурфовки, изучения обнажений и сборами подъёмного материала.

Хронология нижегородских древностей в настоящее время находится на стадии разработки. Если время бытования в Нижнем Новгороде отдельных категорий средневекового инвентаря (например, стеклянных браслетов), специфика и периодизация местных археологических комплексов середины XIII – начала XV вв. отражены в ряде специальных публикаций (*Грибов,* 2006; *Грибов, Лапшин,* 2008; *Лапшин,* 2010; *Лапшин,* 2012), то материалы последующего периода в хронологическом контексте изучены существенно хуже, что создаёт весьма серьёзное препятствие для поисков следов городской застройки XV в.

§ 2. ПОВОЛЖСКАЯ СТОЛИЦА СУЗДАЛЬСКИХ КНЯЗЕЙ

Прежде, чем перейти к выяснению того, что представлял собой Нижний Новгород в XV в., необходимо, хотя бы в общих чертах, определиться с его исходным для интересующего периода состоянием – до появления в нём первых московских наместников и воевод. Обратимся к реконструкции его заселённого пространства в период наивысшего подъёма Нижегородско-Суздальского княжества и дадим оценку размерам городской территории в это время.

Приступая к решению этой непростой задачи следует помнить, что от указанного временного промежутка в Нижнем Новгороде не сохранилось ни одного архитектурного сооружения. Существенные изменения за прошедшие столетия претерпел и городской рельеф. Это выразилось в засыпке многочисленных оврагов, эрозионных промоин, планировке валов и рвов деревоземляных укреплений. Многие из овражных отвершков и связанные с их верховьями безрусельные понижения («потяжины»), изображённые на планах города второй половины XVIII – середины XIX вв.[13], были засыпаны в южной части пл. Минина и Пожарского, на северной периферии пл. Горького, вдоль улиц Звездинка, Алексеевская, Малая Покровская, Ямская. Незаметны на территории современного города и протяжённые участки рвов былых оборонительных сооружений, привлекавшие внимание картографов ещё во времена Екатерины Великой[14].

Основным источником, позволяющим локализовать средневековый город, оценить размеры его территории, может служить только городской культурный слой. За последние столетия он сильно пострадал от активной градостроительной деятельности и в настоящее время его сохранившиеся участки перекрыты городской инфраструктурой.

На большей части своего ареала средневековые напластования сложены серым мелкокрапчатым[15] лёгким суглинком, образованным в результате антропогенной переработки верхнего гумусово-аккумулятивного или подстилающего его переходного осветлённого гумусово-оподзоленного горизонта светло-серой лесной почвы. Последняя развита на буром покровном суглинке эпохи Днепровского оледенения, мощным чехлом перекрывающем пестроцветные пачки палеозойских глин, мергелей, аргиллитов, огипсованных песчаников и конгломератов татарского яруса пермской системы, слагающих коренные берега Оки и Волги.

[13] См., например: РГИА. Ф. 1293. Оп. 168 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 4; План губернского города…, 1992.

[14] РГИА. Ф.1293. Оп.168 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 4; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Ед. хр. 528; РГВИА. Фонд ВУА (военно-учёный архив). № 22224.

[15] Из-за включений крошки печины и мелких древесных углей.

Средневековые отложения на территории города, за исключением непосредственно примыкающей к волжскому руслу его подгорной части, повсеместно связаны с минеральными, легко вентилируемыми, грунтами. Свободно проникающий в них атмосферный кислород быстро разлагает любые органические включения. По этой причине характерное значение мощности средневекового слоя составляет всего 10–15 см, а максимальное ограничивается 40–70 см. Его непотревоженное залегание на сколько-нибудь обширном пространстве за пределами искусственных углублений в Нижнем Новгороде встречается очень редко. Как правило, на раскопанных площадках он фиксируется уже в переотложенном виде. Его присутствие в отдельных местах памятника выдают осколки средневековой керамики с крупнозернистыми примесями в тесте и некоторые другие находки из более поздних слоёв. Освоенные в средневековье участки наиболее отчётливо можно определить по наличию материковых ям, входивших в конструкции разнообразных сооружений. Зачастую, на тех участках, где средневековый слой перемещён или переотложен на всю глубину до материка, заполнения котлованов средневековых построек сохраняются в непотревоженном виде и представляют наибольший интерес для исследования.

Подтопляемые родниками влагонасыщенные культурные напластования на низменных участках Нижнего посада отличаются хорошей консервирующей способностью и значительной мощностью, достигающей, по данным геобурения, 8 м. Археологическими методами исследовались пока только их позднейшие, самые верхние горизонты.

Находки, маркирующие отложения и отдельные сооружения средневекового периода, представлены инвентарём, хорошо известным по раскопкам многочисленных русских городов и сельских поселений XIII – начала XV вв. Особое датирующее значение имеют: железные замки и ключи типов В, В1, В2 и Г (по Новгородской классификации (*Колчин,* 1959. С. 82)), двулезвийные овальные кресала, булавки с петлеобразной головкой, железные накладки; редко встречаемые осколки стеклянных перстней, биконические бусы, изготовленные в мастерских городов Золотой Орды из глухой пасты бирюзового цвета; бронзовые височные кольца – проволочные перстнеобразные и «кудрявые»; бронзовые кресты-тельники с криновидными окончаниями лопастей и ромбом в средокрестии или с треугольными окончаниями и углублением-«ковчегом» на лицевой стороне, заполненным жёлтой эмалью (рис. 6, 7, 9). Среди предметов импорта выделяются образцы посуды восточной работы. По её находкам Нижний Новгород лидирует среди других русских городов (*Грибов, Лапшин,* 2008. С. 144). Предметы восточного происхождения представлены фрагментами различно декорированных кашинных сосудов с подглазурной росписью, иранским «люстром» ильханского периода, «ладжвардином», «калабной», тиснёной в формах («калыпах») неполивной посудой, полумайоликой из Дунайской Болгарии, китайским фарфором (селадоном), амфорной тарой. Достаточно широко распространены в местных керамических комплексах фрагменты равномерно обожжённой краснолощёной посуды, привезённой из ремесленных центров Золотой Орды. Единичны находки неполивной керамики из Волжской Болгарии с нарезным орнаментом, характерным для домонгольского времени. Местной особенностью средневековых комплексов являются осколки стеклянных браслетов, которые в Нижнем Новгороде, по сравнению со многими другими русскими городами, вероятно, несколько «задерживаются», встречаясь в котлованах построек в одних горизонтах с фрагментами кашинных сосудов золотоордынского периода (*Лапшин,* 2012).

Местная средневековая керамика, как правило, легко отличима от более поздней нижегородской посуды даже по морфологически маловыразительным образцам. Она легко диагностируется по характерному сочетанию ряда технологических признаков: посредственному обжигу (о котором свидетельствуют низкая твёрдость, тёмный фон цветовой гаммы большинства черепков), следам использования медленно вращающегося гончарного круга, заметной на глаз примеси в виде среднезернистого песка или дресвы, из-за чего осколки сосудов отличаются заметной шероховатостью. Фрагменты днищ на внешней стороне почти всегда имеют следы подсыпки и редко – клеймения. Формы венчиков средневековых сосудов разнообразны (*Грибов,* 2006. Рис. 7–9) (рис. 6). Однако свойственная им профилировка у гончарных изделий из более поздних нижегородских комплексов, как правило, уже не встречается. Поэтому особенности морфологии венчиков, помимо технологических признаков, позволяют уверенно причислять атрибутируемые образцы к средневековой эпохе.

В истории Нижнего Новгорода средневековье занимает сравнительно небольшой промежуток, что осложняет выявление динамики освоения его территории в это время. Наиболее заметные изменения в местной материальной культуре происходили в первой половине – середине XIV в. (*Грибов,* 2006. С. 73, 74). Этот временной отрезок отмечен сменой керамических наборов: исчезающие гончарные изделия «домонгольского» облика замещаются сосудами, многие из которых по характеру профилировки обнаруживают близость к стандартизованному оформлению московских красноглиняных грубых горшков (см.: *Грибов,* 2006. С. 66; 89, рис. 7, группа 3; 90, рис. 8, группа 13). Это обстоятельство создаёт предпосылку для сравнительного изучения по археологическим материалам минимум двух этапов средневекового периода – до и после утверждения в городе князей суздальской династии[16].

Представление об «усреднённой» топографии городской застройки на первые полтора-два столетия нижегородской истории можно получить по области распространения средневековых комплексов и отдельных керамических находок, датируемых до начала – середины XV в. Первый опыт локализации таких пунктов на плане города не так давно проделан Т.Д. Николаенко (2006. С. 326–331; 339, рис. 1; 340, рис. 2). При отборе материала исследовательница целиком опиралась на хронологические определения, приведённые в научных отчётах, хотя их авторы, очевидно, руководствовались разными критериями при выяснении возраста вскрытых напластований и сооружений. Более взвешенный подход, предполагающий средневековую атрибуцию комплексов по единому основанию – присутствию типичных для промежутка XIII – начала XV вв. морфологически выразительных образцов керамики (венчиков), «уравнивающий» хронологическое значение больших коллекций из раскопок с весьма скромными сборами, полученными при наблюдениях на строительных участках, не привёл к существенной корректировке сделанных Т.Д. Николаенко выводов о локализации основных районов городской средневековой застройки (см.: рис. 5*; *Николаенко*, 2006. Рис. 2).

Привлекая к исследованию данный оригинальный источник по топографии средневекового Нижнего Новгорода, необходимо выяснить, насколько сильно область распространения всего совокупного средневекового инвентаря может расходиться с городской территорией, освоенной в достаточно узкий временной промежуток середины – второй половины XIV в.? Раздельное картирование надёжно датированных комплексов этого времени и отдельных находок – его «хроноиндикаторов»[17], привело к интересному наблюдению. Оказалось, что следы хозяйственного освоения хронологически приблизительно соотносимые с эпохой политической автономии Нижегородско-Суздальского княжества, покрывают все основные районы средневековой застройки. Следовательно, «сводный» план (рис. 5*) отражает не только «усреднённую» по времени ситуацию, но и способен помочь в локализации территории, занимаемой городом в течение более узкого временного промежутка, непосредственно предшествующего «тёмному» периоду нижегородской истории, определяемому перипетиями пятнадцатого столетия [18].

Для исторической интерпретации археологических данных можно использовать редкие сведения из памятников письменности. Среди летописных сообщений особое значение для реконструкции облика города, его размеров и численности населения имеют известия о нижегородских храмах, оборонительных сооружениях, военных катастрофах.

Краткие известия о Нижнем Новгороде XIII–XIV вв. содержатся во всех общерусских сводах и в большинстве известных местных летописцев (*Муравьёва,* 1983. С. 168–196; *Макарихин,* 1984; *Пудалов,* 2003. С. 104–113). Особое значение для освещения начальной истории города (от его основания до рубежа XIV–XV вв.) имеет Владимирский великокняжеский свод 1305 г., вошедший в состав древнейшей Лаврентьевской летописи, имеющей, возможно, нижегородское происхождение. Основной массив сведений о Нижнем Новгороде XIV в. происходит из гипоте-

[16] Подробное обоснование периодизации нижегородских комплексов XIII – начала XV вв. с описанием хроноиндикаторов выделенных периодов см.: *Грибов,* 2006.

[17] Русских удельных и золотоордынских монет, фрагментов кашинной керамики, характерной для нижегородских комплексов середины XIV – начала XV вв. (см.: *Грибов,* 2006. С. 70).

[18] Известные, но малочисленные для корректного количественного сопоставления более ранние комплексы (середины XIII – начала XIV вв.), очевидно, плохо сохранились по причине непрерывности освоения городской территории в средневековое время. Места их обнаружения повсеместно сопровождаются более поздними находками.

тического источника, получившего наименование «Летописи Константиновичей». Его составление было инициировано одним из великих нижегородских князей в конце XIV в. (*Пудалов,* 2001в. С. 34). Среди наиболее авторитетных летописей, ближайших ко времени создания и наиболее полно передающих его фрагментированный текст, выделяется свод первой половины XV в., сохранившийся в Рогожском летописце. Кроме того, цикл оригинальных нижегородских известий за 1352–1365 гг. содержится в Сокращённых летописных сводах 1493 и 1495 гг. Отдельные сообщения, отсутствующие в более ранних летописных памятниках, вошли в состав Особой редакции Типографской летописи первой половины XVI в.

Летописная история Нижнего Новгорода начинается в 1221 г. с возведения укреплений в устье р. Оки (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445; *Кучкин,* 2002; *Пудалов,* 2003. С. 77–165). Их локализация на верхней площадке правого мыса коренного волжского берега при устье р. Почайны в черте Каменного города начала XVI в. в целом не вызывает сомнений. В первом приближении территория крепости великого владимирского князя Юрия Всеволодовича маркируется первыми, известными по летописным источникам, нижегородскими храмами и остатками ближайшей к ним оборонительной линии в виде археологически зафиксированных земляного вала и рва (*Ануфриева, Четвертаков,* 2012).

Каменная церковь святого Спаса, построенная, согласно сообщению Лаврентьевской летописи, в 1225 г. (6733 г.) (ПСРЛ. Т. 1. СТб. 447), впоследствии многократно перестраивалась. Последнее связанное с ней сооружение, возведённое уже в XIX в., было утрачено в 1929 г. (*Смирнова, Званцева,* 1991. С. 17). При обследовании котлована, откопанного под закладку фундамента Дома Советов поблизости от взорванного последнего преемника древнего Спаского собора, ленинградским студентом С.В. Демьяновым были обнаружены белокаменные резные детали средневекового храма, указывающие на его местоположение (НГИАМЗ. Всп. 999. Полка 31. Папка 53; *Агафонов,* 1987. С. 20, рис. 4). Местная церковная традиция, зафиксированная в позднейшем Нижегородском летописце, в качестве первой нижегородской церкви называет деревянный собор Архистратига Михаила. Согласно этому источнику, он был поставлен Юрием Всеволодовичем единовременно с заложением самого города (Полная редакция Нижегородского летописца…, 2006. С. 148). Возведение первого каменного Михайло-Архангельского собора Нижегородский летописец также связывает с домонгольской эпохой, датируя это событие 6733 г. (1225 г.). Достоверность этого известия, отражённого среди общерусских сводов только в Особой редакции Типографской летописи (*Шайдакова,* 2006. С. 50), вызывает вполне оправданные сомнения: наиболее близкие к описываемым событиям источники под 6735 г. сообщают о заложении другой каменной постройки – церкви Святого Спаса (*Пудалов,* 2003. С. 158–159).

Вторая белокаменная соборная церковь появляется в Нижнем Новгороде, скорее всего, только в середине XIV в. Это собор Михаила Архангела, воздвигнутый при нижегородском князе Андрее Константиновиче в 1359 г. (ПСРЛ. Т. 27. С. 241, 326). Ко времени составления Писцовой книги 20-х гг. XVII в. здание собора обветшало, развалилось и уже давно не использовалось для проведения служб (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 20). Восстановление церковного строения произошло после Смутного времени, в 1631 г. (7139 г.), трудами зодчих Лаврентия и Антипа Возоулиных (Полная редакция…, 2006. С. 176; Акты Нижегородского Печерского…, 1898. С. 163–164). Новый храм, выстроенный теперь уже преимущественно из кирпича, стоит и сейчас в западной половине Нижегородского кремля. Результаты его археологического обследования, проведённого Н.Н. Ворониным ещё в 1960 г., в настоящее время требуют переосмысления. Предложенная исследователем концепция «двух каменных соборов» (XIII и XIV вв.) для объяснения остатков архитектурных сооружений, вскрытых под полом и стенами действующего храма, нуждается в корректировке. Она недостаточно обеспечена археологическим материалом и входит в противоречие с историко-архитектурными представлениями (*Агафонов,* 2008, С. 77, 79). Используя данные по хронологии местной керамики (*Грибов,* 2006), но следуя прежней авторской логике, остатки древнейших фундаментов, вскрытых внутри периметра церковного здания, следует связать, скорее, с собором середины XIV в., нежели с домонгольским сооружением[19]. Тем не менее, переданная церковной традицией историческая связь данного собора с

[19] Абсолютная датировка остатков фундамента первого храма определена Н.Н. Ворониным, преимущественно, по керамике

городом Юрия Всеволодовича представляется вполне вероятной. На это косвенно указывают и материалы обследования некрополя, обнаруженного вблизи стен Михайло-Архангельского собора: одно из встреченных безынвентарных погребений перекрывал средневековый слой с керамикой XIV в. (то есть, захоронение может датироваться и XIII в.) (см.: *Зарубин,* А-2004).

Представление о топографии и размерах древнейшей нижегородской крепости можно составить по материалам раскопок и наблюдений на нескольких строительных объектах, где удалось зафиксировать остатки ближайшего к первым нижегородским соборам оборонительного сооружения в виде рва и недоспланированной земляной насыпи со следами внутривальных конструкций (клетей; обзор соответствующих исследований см.: *Ануфриева, Четвертаков,* 2012. С. 11–18). Отдельные участки этой линии укреплений были хорошо заметны на территории кремля ещё во второй половине XVIII в. (см.: РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Ед. хр. 528; РГВИА. Фонд ВУА (военно-учёный архив). № 22224).

Первая нижегородская крепость занимала верхнюю площадку восточного мыса при устье р. Почайны, высотой около 70–80 м над уровнем волжской воды. Её расположение было совмещено с крайней точкой северного выступа грядовой возвышенности, что позволяло из её пределов широко обозревать окружающую местность сразу по трём направлениям – вверх по Оке, вверх и вниз по Волге. Общую протяжённость укреплений с напольной стороны можно оценить в пределах 900 м. Ограниченная валом и рвом территория оврагом Ивановского съезда разделена на две неравные части – западную, большую (5,5 га) и восточную, меньшую (2 га). Наличие внутренней оборонительной линии, на которую, возможно, указывает ориентация участка вала на левом берегу Ивановского оврага, пока достоверно не установлено (*Гусева,* 1996б. С. 23). Общая очерченная укреплениями территория на площадке береговой террасы имела размеры около 7,5 га. По её величине первая нижегородская крепость близка к размерам укрепленной части Старой Рязани середины XII в. (7,5 га (*Даркевич, Борисевич,* 1995. С. 29)). Среди детинцев многих других древнерусских городов она занимала доминирующее положение[20].

В связи с тем, что город был заложен в слабо заселённой местности (*Грибов,* 2007а. С. 115), очевидно, он строился на «вырост», из расчёта прихода сюда большого количества переселенцев, то есть, не как сторожевая крепость, а сразу как крупный военно-административный княжеский центр (*Гусева,* 1997. С. 83). Четыре года спустя после возведения первых укреплений в нём появляется белокаменная церковь Святого Спаса. Ещё через три года, в 1229 г., Лаврентьевская летопись фиксирует существование загородного Благовещенского монастыря (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451).

из прорезанного фундаментной кладкой культурного слоя. Вместе с тем, используя последние данные по хронологии местной керамической посуды, этот комплекс датируется, скорее, в пределах промежутка второй половины XIII – середины XIV вв. (по набору венчиков от 50 различных сосудов, см.: *Воронин*, А-1960. Таблица керамики). О его «золотоордынском» возрасте свидетельствует и высокая встречаемость в нём осколков краснолощёных сосудов (3,6%, см.: *Воронин,* А-1960. Л. 7) (*Грибов,* 2006. С. 71). Заключение Н.Н. Воронина о связи фундаментных оснований, перекрывающих остатки древнейшего сооружения, с храмом XIV в. может носить исключительно предположительный характер, так как оно базируется только на установлении временной последовательности вскрытых разновременных фундаментных конструкций без определения их абсолютных дат. Единственная возможность календарной привязки этих кладок пока может быть реализована только с помощью предложенной С.Л. Агафоновым аналогии: детали их планировки (с заложенным южным входом в алтарное помещение) тождественны известным планиграфическим особенностям церковных строений XVI–XVII вв. (*Агафонов,* 2008. С. 77, 79). Следовательно, стены собора Возоулиных, скорее всего, покоятся не на фундаментах храма XIV в., как считал автор раскопок 1960 г., а на конструкции, сложенной в XVII в. из материалов предшествующего средневекового сооружения. Отсутствие каменного собора в XIII в. косвенно подтверждается стратиграфическими наблюдениями В.Ф. Черникова на площадке, раскопанной им в 1964 г. к югу от храма. Здесь, средневековый слой, датируемый по осколкам кашина эпохой Золотой Орды, перекрыт единственной прослойкой строительного мусора, которую можно связать либо со строительством Михайло-Архангельского собора, либо с его перестройкой или разрушением (*Черников,* А-1964. Л. 6, 7). Вещественные источники, которые можно привлечь для аргументации в пользу домонгольского возраста первого Михайло-Архангельского собора, исчерпываются обнаруженной в слое позднейшего строительного мусора единственной деталью белокаменной фасадной резьбы (в виде головы льва), стилистически восходящей к домонгольским традициям Владимиро-Суздальского зодчества, и образцами строительного камня вторичного использования, взятыми, вероятно, из нижней части стен собора XVII в. или из его фундамента. Палеонтологическое исследование последних привело к установлению их идентичности со строительным материалом домонгольских Владимиро-Суздальских архитектурных памятников, происходящим из месторождения, разработка которого была приостановлена после монголо-татарского нашествия (*Флоренский, Соловьёва,* 1972. С. 48–55). Оба этих «материальных» свидетельства второстепенны по своей значимости, так как связанные с ними предметы были обнаружены вне всякой связи со средневековым культурным слоем. Их присутствие можно объяснить перемещением на место сооружения храма 1359 г. некоторой части каменных блоков разобранного и перестроенного тогда же, в середине XIV в., Спасского собора 1225 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 60).

[20] Для сравнения, размеры детинца г. Изяславля 0,63 га (*Куза*, 1985. С. 68, 69), г. Костромы – 1 га (*Алексеев, Комаров, Леонтьев, Ошибкина, Рябинин,* 1997), г. Ярополча Залесского – 2,8 га (*Куза,* 1985. С. 92), г. Городца-на-Волге – 3,5 га (*Грибов,* 2008б. С. 37), г. Москвы – 4,17 га (*Шеляпина,* 1974. С. 125).

За стенами детинца городская территория, вероятно, стала заметно прирастать уже в середине – второй половине XIII в**.** Места обнаружения отдельных комплексов, сложившихся до середины XIV в., отдельных типов инвентаря, вышедшего из употребления к этому временному рубежу[21], показывают, что все основные освоенные в средневековье районы за чертой первоначальной линии укреплений начали формироваться ещё до появления в городе князей суздальской династии.

В исторических трудах существование нижегородского посада в XIII–XIV вв., как правило, не подвергается сомнению (см., например: *Сахаров,* 1959. С. 68). Однако упоминания о нём не сохранил ни один известный источник. Вместе с тем, следы средневекового освоения в виде котлованов построек или разрозненных осколков средневековой керамики, присутствуют во всех основных планиграфически выделенных частях нижегородских посадов начала XVII в. Поэтому, вполне может быть, что расположение и наименование последних, как полагает Т.Д. Николаенко, могли сохраниться ещё со средневековой поры (2006. С. 328).

Освоенная ещё до XV в. расчленённая оврагами территория Верхнего посада охватывала верхние площадки и пологие склоны широких гребней между отвершками нескольких овражных систем (рис. 5*). Расположение овражных отвершков определяло направления основных векторов городской планировки. Вдоль одного из них застройка широким полукольцом охватывала детинец[22], ограничиваясь, приблизительно, дугой Нового острога. Вдоль другого она распространялась в направлении истока Почаинского оврага по обоим его берегам. Третий вектор угадывается по юго-восточной ориентировке: он исходит от узкой седловины локального водораздела в районе Дмитровской башни кремля в сторону резкого изгиба основного русла Ковалихинского оврага[23]. Два последних направления совпадают с трассировкой важнейших магистральных дорог XVIII–XIX вв. Одна из них связывала Нижний Новгород с Муромом, Владимиром и Москвой, другая – с Казанью, а в XIV в., наверное, вела в Орду.

Наиболее плотно в средневековое время была освоена ближайшая к детинцу территория Нового острога. Это обстоятельство позволяет предположить средневековый возраст первоначально связанного с ним оборонительного сооружения. Косвенное указание на это содержится в Писцовой книге 20-х гг. XVII в., где сообщается, что Новый острог был «поставлен ново по старинной осыпи», то есть, по месту более ранних укреплений (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 78). Намёк на возобновление в начале XVII в. старинной оборонительной линии присутствует и в тексте Полной редакции Нижегородского летописца, сообщающего о деятельности князя Б.М. Лыкова, который «…острог и башни **вновь**[24] поставил…» (Полная редакция Нижегородского летописца…, 2006. С. 158). Несколько строительных периодов в грунте сохранившегося участка вала Нового острога были зафиксированы И.В. Ануфриевой в 2007 г. при изучении его стратиграфических разрезов[25]. Возможно, что начало строительства именно этой линии посадских укреплений отмечено в статье 1363 г. (6871 г.) Рогожского летописца[26] (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 74).

Застройка района Большого острога[27] в средневековье, как и в начале XVII в., носила существенно более разреженный характер. Здесь она тяготела к окрестностям поставленной в межовражном пространстве Покровской церкви, известной с начала XVII в. (*Смирнова, Званцева,* 1991. С. 50)[28].

---

[21] К ним можно отнести железные замки и ключи типа Б по Новгородской классификации, осколки амфорной тары, фрагменты краснолощёной болгарской керамики с нарезным орнаментом, шиферные пряслица, осколки русской средневековой посуды, орнаментированные прокаткой зубчатого колёсика.

[22] От волжского откоса до правого берега Почаинского оврага.

[23] Поблизости от церкви Святой Варвары, снесённой в XX в. В настоящее время на этом месте находится фонтан.

[24] Здесь и далее выделение отдельных слов или фраз проведено автором.

[25] УГОКННО. Паспорт «Нижний Новгород», 2009.

[26] «Тое же осени князь Борисъ заложи городъ сыпати» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 74).

[27] В промежутке между Большим и Новым острогами.

[28] Между правым берегом Почаинского оврага (в его средней части) и левым берегом Ковалихинского.

На Ильинской горе, как и на всём Почаинском левобережье, основные освоенные участки примыкали к бровкам обрывистых возвышенных берегов рек Оки и Почайны. По обоим направлениям от северо-восточного мыса Ильинской горы распространение средневековой керамики прослеживается на протяжении около 700 м.

За пределами Верхнего посада XVII в., за Большим острогом, обнаружен всего один локальный участок с находками средневековых материалов (в переулке Ткачёва). Вероятно, он фиксирует местоположение отдельного поселения, возникшего здесь, в ближайших окрестностях средневекового города, у начала сухопутной дороги в Орду (в 1,1 км от детинца), ещё во второй половине XIII – XIV вв.

О существовании средневековой застройки на Нижнем посаде косвенно свидетельствуют отдельные археологические находки, собранные при обследовании небольшого числа строительных участков, и одно летописное сообщение. Здесь, на Подоле, между линией уреза речной воды и подошвой берегового откоса, область распространения средневековой керамики вытянута вдоль берега почти на 2 км – от подножия Георгиевской горы до Благовещенского монастыря. Вывод об активном освоении этого прибрежного района, вхождении его в городскую территорию, по крайней мере, во второй половине XIV в., следует из ретроспективного прочтения известий о нижегородском торге и церкви Святого Николы. В Писцовой книге 20-х гг. XVII в. их местоположение соотнесено с территорией Нижнего посада и берегом р. Почайны (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 38, 211, 217, 220, 224). Под 1513 г. (7028 г.) в Нижегородском летописце упоминается пожар, в котором сгорела церковь Николы Чюдотворца, расположенная, судя по контексту сообщения, на Нижнем посаде. В летописном известии 1469 г. (6977 г.) в Нижнем Новгороде упоминается церковь Николы Чудотворца на Бечеве (то есть, стоящая непосредственно на речном берегу, см.: ПСРЛ. Т. 25. С. 282), а в ещё более раннем известии Рогожского летописца 1371 г. (6879 г.) отмечено строительство каменной церкви Святого Николы (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 97). Местоположение последней в более пространном сообщении Особой редакции Типографской летописи (под 6874 г.) напрямую соотнесено с р. Почайной (*Насонов,* 1958. С. 247). Опираясь на данную запись и консервативность, присущую церковным традициям, можно ожидать, что во всех этих пяти источниках упоминается одна и та же нижегородская церковь, отстроенная в камне ещё во время правления великого нижегородского князя Дмитрия Константиновича[29]. Вряд ли с этого времени изменилось и место приуроченного к волжскому берегу нижегородского торга, впервые упомянутого без какой-либо топопривязки в летописной статье 1343 г. (6851 г.) (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 55).

Раскопанные площадки и строительные объекты с зафиксированными следами средневековой застройки обнаруживают тяготение к местам расположения приходских церквей, известных по документам писцового делопроизводства XVII в. Количество последних вместе с соборами и монастырскими храмами удивительным образом совпадает с общим числом нижегородских храмов, сгоревших при тотальном разорении города в 1377 г.[30] Раскопки, проведённые в районе одной из них, церкви Святых чудотворцев Афанасия и Кирилла Александрийских, показали, что кладбище при ней могло функционировать, по крайней мере, в промежутке от рубежа XIV–XV вв. до 30-х гг. XV в. (см. §2 главы 4). В 1512 г. её поставили «…нову на старом месте…» среди существующей дворовой застройки (Акты служилых землевладельцев…, 2002. С. 283. № 344). Результаты масштабных раскопок вблизи центра другого прихода, при церкви Николы Шухобольского, выявили крайнюю разреженность средневековых сооружений на месте хра-

[29] Соотнесение церкви Святого Николы XIV в. с деревянной церковью Николы Шухобольского на Верхнем Посаде у Никольских ворот Каменного города, первое известие о которой датируется 20-ми гг. XVII в. (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 31), представляется маловероятным и не подтверждается итогами археологических исследований (работами И.О. Ерёмина 1997 г. и В.А. Батюкова 2011 г. на месте снесённой гостиницы «Москва»). Вряд ли её можно отождествить и с загородной деревянной церковью Николы Чудотворца «у старых Печёр» (то есть у Печёрского монастыря), первое упоминание которой, также относится к началу XVII в. (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 344).

[30] Если по записям 1621–1622 гг. Писцовой книги Нижнего Новгорода просуммировать все известные на момент составления данного документа соборы, монастырские и приходские церкви, расположенные в черте Каменного города, Нижнего и Верхнего посадов (см.: Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 16–69), вычесть из этого числа храмы загородного (до строительства Большого острога) Благовещенского монастыря и городской храм Казанской иконы пресвятой Богородицы, основанный, судя по посвящению, позднее XIV вв., полученная величина совпадёт с количеством нижегородских церквей, указанном в летописном сообщении 1377 г. (ПСРЛ. Т. 15. С. 119).

ма XVIII в. и связанного с ним приходского кладбища XVI–XVIII вв. (*Ерёмин,* А-1997; устное сообщение В.А. Батюкова о результатах работ 2011 г.). Все эти наблюдения позволяют предположить, что система приходов на нижегородском посаде, как и в некоторых других городах (например, в Коломне, см.: *Мазуров,* 2003. С. 90), скорее всего, начинает складываться ещё до рубежа XIV–XV вв. В этой связи, можно ожидать, что большинство из упомянутых в писцовом описании начала XVII в. старейших нижегородских храмов, отмечают опорные точки системы планировки средневекового города.

Нижний Новгород относится к числу тех административно-политических центров, подъём которых пришёлся на послемонгольское время (*Сахаров,* 1959. С. 66; *Кучкин,* 1974). Дошедшие от той поры письменные известия о нём, в основном, связаны с событиями второй половины XIV в., с краткой эпохой его «столичности». Первый период истории города, насчитывающий около одной сотни лет, по-существу, не отражён в летописании. Его завершение в середине XIV столетия ознаменовано неожиданным появлением крупного развитого центра, в котором единовременно с Москвой начинается монетная чеканка (*Орешников,* 1896. С. 203–204) и строительство каменного кремля (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 100), где за два с небольшим десятилетия возводится несколько белокаменных храмов[31], останавливаются восточные купцы (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 81) и большие, в тысячу сабель, золотоордынские посольства (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 106). В 1374–1375 гг. в него переносится епископия, а епископом Суздаля, Нижнего Новгорода и Городца становится игумен нижегородского Печёрского монастыря Дионисий (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 105). Материалы раскопок и косвенные данные летописных сообщений свидетельствуют о работе в городе ремесленников широкого круга специальностей. Находки фрагментов тиглей с каплями золота указывают на присутствие среди них ювелиров высокой квалификации, умеющих отливать украшения из драгоценных металлов (*Гусева,* А-1991. Коллекционные номера 123, 131). При описании событий 1377 г. летописец упоминает о сожжении более 30 нижегородских церквей, их количество уже само по себе может служить мерой величины города и его многолюдности в это время.

Обращаясь к результатам картирования разновременных средневековых комплексов и отдельных находок, можно заметить, что во второй половине XIV в. происходит не столько расширение городской территории, направленное на освоение всё более отдалённых от городского центра районов, сколько увеличение интенсивности освоения и степени заселённости тех участков, где застройка появилась ещё в предшествующий период. Вместе с тем, о её разреженности даже в эпоху расцвета Суздальско-Нижегородского княжества свидетельствует планировка, вскрытая на больших площадях. Это осложняет определение размеров городской территории по археологическим данным.

Возможность очертить пространство средневекового города с желаемой точностью затрудняет и отсутствие чётких представлений о топографии посадских укреплений этого времени, и неясность в определении городской принадлежности отдельных периферийных застроенных участков. Существует и методическая неопределённость: по какому критерию следует оценивать городскую территорию? Определить её положение и размеры можно как по относительно непрерывной области распространения средневекового инвентаря (преимущественно, керамики), так и по ареалу следов застройки (в виде котлованов построек). Измерения показали, что разница между результатами, полученными при использовании этих критериев (90 и 120 га), малосущественна для общей оценки масштаба освоенного пространства, составляющего вместе с площадкой нижегородского детинца топографически целостный район.

Определённые по области распространения средневековых материалов размеры многих русских городов рубежа XIV–XV вв. близки к 100 га. По этому показателю Нижний Новгород напоминает Москву (около 80 га (*Бойцов,* 1992. Рис. 3, по измерению)), Тверь (79–91 га: кремль 19 га (*Рикман,* 1953. С. 39) + посад 60–72 га (*Лапшин,* 2009. С. 196)), Переяславль Рязанский (116 га (*Судаков, Буланкин,* 2005. С. 251, рис.6, по измерению)), Кострому (около 100 га (*Алексеев, Комаров, Леонтьев*…, 1997. С. 207)) и заметно превосходит старейший Суздаль (около 57 га (*Седова,* 1997. С. 59, 60)).

[31] Спасо-Преображенский (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 60), Михайло-Архангельский (ПСРЛ. Т. 27. С. 241, 326) соборы и церковь Святого Николая Чудотворца (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 97).

Ареалы распространения разновременных археологических материалов хорошо иллюстрируют общую тенденцию поступательного развития города на протяжении XIII–XIV вв. Отдельные события, вероятно, оказывали отрицательное воздействие на этот процесс, однако, до определённого срока различные происшествия вряд ли могли существенно замедлить его ход. К таким эпизодам можно отнести обычные для русского средневековья пожары (1363/64 гг. (6871 г.), 1364/65 гг. (6872 г.) (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 74, 76, 77)) и эпидемии (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 76, 77), нападения новгородских ушкуйников 1366 (6874 г.) (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 81) и 1375 гг. (6883 г.) (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 114).

Первой катастрофой, негативные последствия которой имели, очевидно, длительный и системный характер, стало сожжение города татарами и мордвой сразу после Пьянского побоища 5 августа 1377 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 119). Гибель нижегородского воинства на Пьяне, наверное, стала главной причиной повторного разорения Нижнего Новгорода и его округи в последующем 1378 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 133). Во время этих бедствий, помимо тотального разрушения самого города, многие из его жителей погибли или были уведены на невольничьи рынки. Эти события были настолько значительны, что пережившая лихолетье столица Нижегородско-Суздальского княжества перестала быть привлекательной для торговых людей. Эту важнейшую для её последующей судьбы метаморфозу зафиксировала Особая редакция Типографской летописи в рассказе о самом известном нижегородском купце Тарасии Петрове, перебравшемся после «запустения Новгорода от татар» в Москву (*Насонов,* 1958. С. 247), а до этого занимавшего видное место среди ближайшего окружения великого нижегородского князя (АСЭИ. Т. 3. № 307, 308).

Тем не менее, разрозненные летописные известия последних двух десятилетий XIV в. свидетельствуют о том, что жизнь города на окском устье не прерывалась на неопределённо длительный срок. Кончина Дмитрия Константиновича в 1383 г. (6891 г.), более полутора десятка лет занимавшего нижегородский стол, положила начало борьбе за великое нижегородское княжение между его младшим братом, городецким князем Борисом Константиновичем, и его сыновьями, Василием (Кирдяпой) и Семёном Дмитриевичами. Так, спустя пять лет после тотального разорения, Нижний Новгород опять попадает в эпицентр политических событий. «Нижегородское» противостояние завершилось грубым вмешательством третьей силы в лице сына Дмитрия Донского, великого князя Василия Дмитриевича Московского. В 1392 г. он «перекупил» ханский ярлык на Нижний Новгород, при поддержке ордынского посольства сместил с нижегородского стола Бориса Константиновича и посадил в городе своих наместников (ПСРЛ. Т. 15. С. 162–163)[32]. При описании обстоятельств этого захвата, летописец отмечает присутствие в Нижнем Новгороде бояр, княжеской дружины, наличие церковных колоколов, что можно рассматривать в качестве косвенных указаний возрождения города (по крайней мере, к началу 90-х гг. XIV в.).

О преодолении последствий катастрофы 1377–1378 гг., как в самом Нижнем Новгороде, так и в его сельской округе, к концу XIV столетия свидетельствуют и данные археологии. Так, в самом городе, на Ильинской горе обнаружены следы застройки, датированной по монете рубежом XIV–XV вв. (см. главу 4, § 1; *Грибов,* А-1999. Л. 64–83, яма 19). Судя по нумизматическим находкам с нижегородских селищ, вблизи рубежа 80–90-х гг. XIV в. продолжалось освоение и сельскохозяйственных угодий за городской чертой[33].

Вместе с тем, имеющиеся источники не позволяют оценить насколько быстро и полно были преодолены последствия этого разорения. Поэтому, наверное, справедливо предположить, что время наивысшего развития Нижнего Новгорода и его средневековой застройки было ограничено промежутком, приблизительно соответствующим середине – третьей четверти XIV столетия.

[32] Имеющиеся в летописях разночтения по поводу этих событий, обусловленные упоминанием похода московского князя на Нижний Новгород в 1393 г. (6901 г., см.: ПСРЛ. Т. 11. С. 155), вызваны неточностями, допущенными сводчиками летописных текстов (см.: *Горский,* 2005. С. 119–123). Известие о походе московской рати к Нижнему Новгороду ещё в 1390 г. (6898 г.) из Сокращённого летописного свода 1395 г. и Русского хронографа, сопровождается текстами, которые в более авторитетных источниках помещены в статье 1392 г. (6900 г.). Поэтому, соображение о том, что присоединение Нижнего Новгорода к Москве в начале последнего десятилетия XIV в. не исчерпывалось событиями только 1392 г., вряд ли отражает исторические реалии (*Горский,* 2004. С. 147, прим. 28).

[33] Так, в инвентаре селища Заозёрье-3 присутствует денга Василия Кирдяпы чеканки 1388–1391 гг. (рис. 16*, *7*).

При сравнении пространства городской застройки по данным из Писцовой книги 20-х гг. XVII в. и по результатам картирования следов средневекового освоения городской территории (рис. 5*), напрашивается вывод о близком соответствии размеров средневекового города накануне катастрофы 1377 г. суммарной площади, застроенной в нём в начале XVII в. Учитывая сходную интенсивность (встречаемость на раскопах) сооружений XIII–XIV вв. и XVI–XVII вв., сходный характер освоения городской территории в эти два различных периода, есть основания полагать, что во время наивысшего подъёма средневекового Нижнего Новгорода и в начале XVII в. общая численность его городских дворов в пределах периметра Большого острога, как и суммарная численность их владельцев и обитателей, вероятно, были сопоставимы между собой.

§ 3. МЕЖДУ МОСКВОЙ И ОРДОЙ: ВЕХИ МЕСТНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

Появлением осенью 1392 г. первых великокняжеских наместников в Нижнем Новгороде ознаменовалось начало длительного периода, в течение которого московские князья пытались закрепить своё влияние над районом окского устья. Очевидно, в конце XIV в. Москва ещё не располагала ни политическими возможностями, ни людскими ресурсами, необходимыми для поглощения в своих владениях обширных земель пограничного с Ордой столичного удела великого Нижегородско-Суздальского княжества. Процесс «присоединения» охватил более чем полувековой промежуток, изменивший и облик города, и его восприятие современниками (*Чеченков,* 2001а. С. 54). В завершении этого переходного периода летописцы отчётливо различали два Нижних Новгорода – «старый» и Новый (или «меншой») (*Кучкин,* 2011. С. 231).

Этот феномен никак не прокомментирован авторами соответствующих летописных сообщений. Очевидно, он отражает «бицентричность» застройки, ассоциируемой тогда с Нижним Новгородом, или обуславливается его переносом на другое место[34].

Перенос города на другое место или возникновение у него нового планировочного ядра могли быть вызваны причинами разного плана. К формированию нового центра (взамен или в дополнение к старому) могла привести катастрофа, исключившая возможность освоения прежней территории, или переориентация городской хозяйственно-экономической деятельности, вынудившая горожан переселиться на другой участок, более приспособленный к новым условиям хозяйствования. Наконец, это могло стать следствием разнообразных факторов социально-политического или военного характера.

Масштабное катастрофическое бедствие, понудившее отчётливо различать разные части одного и того же города или перенести центр городской жизни за пределы прежней городской черты, даже в периферийном Нижнем Новгороде, вряд ли бы осталось не замеченным летописцами. Изменение хозяйственного уклада также вряд ли могло породить интересующее явление – последствия таких изменений имели бы длительный – «вековой» – характер. Однако письменные источники фиксируют указанный феномен хронологически локально, только серединой XV в. Как в более ранних известиях, так и в материалах XVI–XVIII вв., какие-либо упоминания о двух Нижних Новгородах отсутствуют[35]. Очевидно, что либо один из них в течение короткого промежутка времени оказался покинутым и забытым, либо очень скоро по ходу исторического развития произошло слияние эти двух центров в единое целое. Об этом свидетельствует и территориальное совпадение городского центра XIII–XIV вв. с ядром позднейшей

[34] Эти, подчас, взаимосвязанные явления, применительно к первым русским городам, впервые привлекли внимание исследователей при поиске истоков древнерусской урбанизации (*Мавродин,* 1945. С. 114, 115). В отечественной историографии они рассматриваются в контексте проблемы «парных» центров (или «переноса» городов, см.: *Дубов*, 1990. С. 13–15; *Носов, Горюнова, Плохов*, 2005. С. 19–32). Многовариантные объяснения их возможных причин, высказанные в виде общих суждений, в последнее время, дополнены выводами, полученными в результате конкретно-исторического анализа отдельных «парных» центров (см., например: *Макаров, Захаров, Бужилова,* 2001. С. 168–187).

[35] Можно предположить, что в более поздний период они приобрели иную форму выражения, а их наименования изменились. Например, в Писцовой книге Нижнего Новгорода 20-х гг. XVII в. упоминаются Старый и Новый остроги, что, казалось бы, весьма близко «старому» и Новому Нижним Новгородам летописных известий середины XV в. Однако эти разновременные пары отражают явно различные объекты, так как одна из них, более поздняя по происхождению, фиксирует топонимическую ситуацию, возникшую только после того, как в 1618–1619 гг. в городе были отстроены новые укрепления (Полная редакция…, 2006. С. 158).

городской застройки, отчётливо заметное при сопоставлении ареала исследованных средневековых объектов с городской топографией XVII в.

Обратимся к политической ситуации, сложившейся в городе в устье Оки в первой половине XV в. В скупых текстах сохранившихся грамот и летописных известий попытаемся выяснить возможные социально-политические предпосылки загадочной метаморфозы.

Источники, которые можно привлечь для этого, довольно разнообразны. Это летописи, акты, редкие нарративные произведения, памятники нумизматики.

Как уже отмечалось, следы местного нижегородского летописания в сохранившихся летописных сводах исчезают вблизи рубежа XIV–XV вв. Поэтому большинство «нижегородских» сообщений первой половины XV столетия посвящены событиям, тем или иным образом, связанным с великим московским княжеством. При обзоре летописных сообщений 1394–1445 гг. в памятниках XV–XVI вв. можно отметить лишь шестнадцать оригинальных эпизодов с упоминанием Нижнего Новгорода. Четыре из них связаны с вражескими захватами города: в 1395 г. (или в 1399 г.) – ордынским царевичем Ентяком и нижегородским князем Семёном Дмитриевичем[36]; в 1408 г. – одним из отрядов войска Едигея[37]; в 1409 г. – новгородскими ушкуйниками[38]; в 1445 г. – ордой Улу-Мухаммеда[39]. Четыре известия отмечают посещения Нижнего Новгорода московскими князьями – Юрием Дмитриевичем Звенигородским в 1415, 1425, 1430 гг.[40] и Василием Васильевичем в 1434 г.[41] Четыре отрывка фиксируют стихийные бедствия (смерч 1406 г., засуху 1412 г., морозную зиму 1421–1422 гг., засуху 1422 г.), вызванные ими голод и высокие цены на хлеб[42]. В трёх эпизодах город в окском устье упоминается в связи с проведением или подготовкой различных военных операций: в 1410 г. – при походе ордынского царевича Талыча с нижегородским отрядом в г. Владимир[43]; в 1429 г. – при преследовании отрядов Алим-бека и Махмута-Ходжи, совершивших вторжение в верхневолжские земли[44]; в 1444 г. – из-за разосланного по окраинным городам великокняжеского указа «крепить осады» в ожидании прихода орды Улу-Мухаммеда[45]. В летописном фрагменте 1412 г. (6920 г.) Нижний Новгород фигурирует как известный пункт волжского речного пути в Орду[46]. Ещё восемь известий без упоминания города интересны сведениями о нижегородских князьях. Они фиксируют их приезды к великому князю, побеги от него, различные деяния или смерть[47].

---

[36] Сообщение об этом событии приводится под разными датами в разных летописных сводах (*Приселков,* 1950. С. 453; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 380; Т. 5. С. 247; Т. 6. Вып. 1. Стб. 512, 513; Т. 6. Вып. 2. Стб. 6; Т. 11. С. 163; Т. 15. Стб. 461, 470; Т. 17. С. 46; Т. 20. Ч. 1. С. 219; Т. 23. С. 137; Т. 24. С. 167; Т. 26. С. 165; Т. 27. С. 88, 259; Т. 28. С. 89, 253; Т. 30. С. 129; Т. 39. С. 136). В тексте Московского летописного свода конца XV в. оно дублировано (ПСРЛ. Т. 25. С. 225, 226, 229).

[37] НПЛ. С. 400; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 29; Т. 8. С. 83; Т. 11. С. 208; Т. 15. Стб. 183, 484; Т. 18. С. 158; Т. 20. Ч. 1. С. 225; Т. 23. С. 142; Т. 24. С. 174; Т. 25. С. 238; Т. 26. С. 175; Т. 27. С. 95; Т. 28. С. 92, 257; Т. 33. С. 95.

[38] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 485.

[39] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 103–108; Т. 8. С. 112; Т. 12. С. 62–65; Т. 18. С. 193; Т. 20. Ч. 1. С. 257–259; Т. 23. С. 151; Т. 25. С. 263, 395; Т. 26. С. 196, 197; Т. 27. С. 109, 272, 346; Т. 28. С. 103, 104, 270, 271; Т. 33. С. 104, 105; Т. 39. С. 145.

[40] В 1415 г.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 487; Т. 27. С. 263 (под 6907 г.). В 1425 г.: .: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 51; Т. 8. С. 92; Т. 11. С. 2; Т. 20. Ч. 1. С. 233; Т. 25. С. 246; Т. 26. С. 183; Т. 27. С. 100, 268, 342; Т. 28. С. 96, 262; Т. 37. С. 40, 84. В 1430 г.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 53; Т. 11. С. 8; Т. 20. Ч. 1. С. 234; Т. 23. С. 147.

[41] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 67; Т. 11. С. 20; Т. 18. С. 174, 175; Т. 20. Ч. 1. С. 239; Т. 23. С. 148; Т. 25. С. 251; Т. 26. С. 191; Т. 27. С. 105, 270, 345; Т. 28. С. 100, 267; Т. 33. С. 99; Т. 37. С. 42, 85. Летописи фиксируют пребывание Василия Васильевича в Нижнем Новгороде ещё в 1445 г., где он содержался в качестве пленного.

[42] Смерч 1406 г. (6914 г.): *Приселков,* 1950. С. 461; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 15; Т. 8. С. 78; Т. 11. С. 193; Т. 20. Ч. 1. С. 222; Т. 23. С. 140; Т. 25. С. 234; Т. 28. С. 91, 256. Засуха 1412 г. (6920 г.): ПСРЛ. Т. 11. С. 218; Т. 15. Стб. 486. Известия о голоде и высоких ценах на хлеб помещены в статьях за 6929 г. (ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 232), 6930 г. (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 50; Т. 11. С. 238; Т. 18. С. 166; Т. 25. С. 245; Т. 26. С. 182; Т. 27. С. 100, 268, 342) и 6931 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 488). О засухе 6930 г. и цене на хлеб в Нижнем Новгороде: ПСРЛ. Т. 11. С. 238; Т. 18. С. 166; Т. 25. С. 245; Т. 26. С. 182; Т. 27. С. 100, 268, 342; Т. 33. С. 97; Т. 37. С. 40, 83.

[43] НПЛ. С. 402; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 410; Т. 6. Вып. 1. Стб. 533; Т. 6. Вып. 2. Стб. 36, 37; Т. 8. С. 85; Т. 15. Стб. 186; Т. 16. С. 159; Т. 17. С. 54; Т. 18. С. 160; Т. 20. Ч. 1. С. 228, 229; Т. 24. С. 175; Т. 25. С. 240; Т. 26. С. 177, 178; Т. 27. С. 97; Т. 28. С. 93, 258; Т. 33. С. 95 (дублировано, см. в статьях за 6916 и 6917 гг.).

[44] ПСРЛ. Т.6. Вып. 2. Стб. 53; Т. 18. С. 170; Т. 20. Ч. 1. С. 233; Т. 23. С. 146; Т. 25. С. 248; Т. 26. С. 186; Т. 27. С. 102, 269; Т. 28. С. 98, 264; Т. 37. С. 41, 84.

[45] ПСРЛ. Т. 23. С. 151.

[46] ПСРЛ. Т. 11. С. 219.

[47] Об уходе Василия и Семёна Дмитриевичей в Орду после смерти Бориса Константиновича в 1394 г. (в разных источниках

К событиям княжения Василия Дмитриевича Московского ближе всего стоят реконструированная, доведённая до 1408 г. Троицкая летопись и памятники, непосредственно отражающие гипотетический Новгородско-Софийский свод первой половины XV в. – Новгородская IV и Софийская I летописи. Оригинальные сведения об отдельных эпизодах данного временного промежутка проникли и в великокняжеское летописание 70-х гг. XV в. Среди источников этого круга наибольшей подробностью изложения отличается редакция великокняжеского свода 1479 г., вошедшая в состав Московского летописного свода конца XV в. Четыре оригинальных известия, а также расширенный, по сравнению с другими летописями, рассказ о разорении Нижнего Новгорода войсками Едигея, содержит «Летописец княжества Тверского». Его погодные записи исчерпываются 1499 г. (7007 г.). Этот памятник вошёл в заключительную часть Тверского сборника, окончательно отредактированного в первой трети XVII в.

Основными летописными источниками для освещения нижегородских событий времён феодальной войны (второй четверти XV в.) являются великокняжеские своды 70-х гг. XV в. и памятники независимого («неофициального») летописания. Среди первых оригинальные и наиболее полные тексты представлены в Вологодско-Пермской летописи, близкой к ней Никаноровской, в уже упоминавшемся Московском летописном своде конца XV в. Эти источники на рассматриваемом временном промежутке не только дублируют, но иногда и дополняют, друг друга. Интересные подробности нижегородских событий встречаются в «Летописце от 72-х язык», представленном в сводах 1497 и 1518 гг. Среди памятников «независимого» летописания уникальными деталями в описании «нижегородских» эпизодов отличаются Ермолинская летопись и свод, отразившийся в Софийской II – Львовской летописях. Оригинал Ермолинской, в части описания событий 1425–1471 гг., является наиболее ранним по сравнению со списками других летописных сводов второй половины XV в. Его создание датируется не позднее начала 90-х гг. XV в. (*Лурье,* 1976. С. 174; *Клосс,* 2004. С. IV). В качестве протографа памятника рассматривается оригинальный общерусский свод, составленный, предположительно, в Кирилло-Белозерском монастыре (*Лурье,* 1976. С. 207–209) или при дворе великой княгини Марии Ярославны (*Клосс,* 2004. С. V–VI). Одним из его источников был великокняжеский свод 1472 г. Софийская вторая летопись (вместе с Львовской) через свод 1518 г., по Я.С. Лурье, восходит к оппозиционному церковному своду 80-х годов XV в. (*Лурье,* 1976. С. 231–240). Описание нижегородских событий в других летописях, за редким исключением, менее детализированы либо представляют собой фрагменты текстов, полные версии которых восходят к другим источникам. К ним можно отнести Софийскую I младшего извода и Софийскую I по списку И.Н. Царского, Сокращённые летописные своды конца XV в. Подробные сообщения характерны для Никоновской и Воскресенской летописей. Эти памятники великокняжеского летописания XVI в., в основном, могут быть привлечены лишь как дополнительные источники, помогающие в целом охватить отдельные повествовательные сюжеты, фрагментированные в текстах более раннего происхождения.

Дошедшие от первой половины XV в. летописные известия, большая часть которых редактировалась или составлялась в Москве, умалчивают о сложных перипетиях борьбы за Нижний Новгород. Многие важные подробности этого противостояния приходится узнавать из записей не летописного происхождения. Среди них наибольшее значение имеют акты.

Сохранились сведения о 43 грамотах, связанных с Нижним Новгородом и его удельными землями, оформленных с рубежа 80–90 гг. XIV в. по 1462 г.[48] В большинстве случаев их тексты

событие датировано 6901 г. или 6902 г.): НПЛ. С. 385; *Приселков,* 1950. С. 444; ПСРЛ. Т. 11. С. 156; Т. 15. Стб. 164; Т. 16. С. 136; Т. 18. С. 143; Т. 20. Ч. 1. С. 211; Т. 24. С. 160; Т. 25. С. 221; Т. 28. С. 87, 251; Т. 37. С. 37, 79. О выходе нижегородских князей из Орды с пожалованием отчины в 1412 г. (6920 г.): ПСРЛ. Т. 11. С. 219. О возвращении нижегородских князей (Ивана Васильевича, Ивана Борисовича и Даниила Борисовича) к великому князю в 1416–17 гг. (6924, 6925 гг.): ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 42, 46; Т. 8. С. 88; Т. 11. С. 231, 232; Т. 18. С. 163; Т. 20. Ч. 1. С. 231; Т. 24. С. 178; Т. 25. С. 243; Т. 28. С. 94, 259; Т. 37. С. 83. О «побеге» нижегородских князей в 1418 г. (6926 г.): ПСРЛ. Т. 8. С. 90; Т. 11. С. 233; Т. 18. С. 164; Т. 24. С. 180; Т. 25. С. 244; Т. 28. С. 94, 260. О битве «на Лыскове» в 1411 г. (6919 г.): ПСРЛ. Т. 11. С. 215; Т. 15. Стб. 186; Т. 18. С. 159; Т. 30. С. 131. О смерти Василия Кирдяпы в 1404 г. (6912 г.): ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 11 (6911 г.); Т. 20. Ч. 1. С. 221; Т. 26. С. 170; Т. 27. С. 92, 339; Т. 28. С. 90, 255; Т. 37. С. 82. О поисках и смерти Семёна Дмитриевича в 1405 г. (6913 г.): ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 14, прим. 92–92; Т. 11. С. 186, 187; Т. 16. С. 150, 151; Т. 18. С. 149, 150; Т. 20. Ч. 1. С. 220; Т. 24. С. 168, 169; Т. 26. С. 170; Т. 27. С. 92, 262, 338; Т. 28. С. 89, 90, 254; Т. 33. С. 94; Т. 37. С. 82. О смерти в 1417 г. (6925 г.) Ивана Васильевича: НПЛ. С. 407; ПСРЛ. Т.6. Вып. 2. Стб. 43; Т. 11. С. 232; Т. 16. С. 164; Т. 18. С. 163; Т. 20. Ч. 1. С. 231; Т. 27. С. 267, 341 (под именем Василия Васильевича); Т. 37. С. 40, 83.

[48] *Антонов, Муштафаров*, 2001. № 6. С. 419; № 7. С. 419, 420; № 8. С. 420; № 9. С. 420; № 10. С. 420; № 11. С. 420; № 12. С.

переданы списками XVI–XVII вв. О некоторых, наиболее ранних из них, сохранились только упоминания в более поздних источниках. Датировку большинства документов можно определить по срокам полномочий лиц, обозначенных в интитуляции. Основной массив актового материала происходит из архивохранилищ четырёх монастырских корпораций – нижегородских Печёрского Вознесенского (12 актов), Благовещенского (10 актов), Николо-Амвросиева Дудина (3 акта) и суздальского Спасо-Евфимьевского (10 актов) монастырей. В основном это жалованные данные, тарханно-несудимые, проезжие и данные грамоты. Важную информацию содержат тексты нескольких духовных и договорных грамот великих и удельных князей.

Редкие нарративы оказывают существенную помощь в определении времени правления нижегородского князя Даниила Борисовича. Его удаётся существенно уточнить благодаря позднейшим описаниям (конца XVII – XVIII вв.) одного из пергаментных сборников, некогда принадлежавших нижегородскому Печерскому монастырю (*Беляева,* 1990. С. 15; *Емченко,* 2000. С. 210–211), тексту надгробной молитвы, зачитанной митрополитом Фотием (*Пудалов,* 2000. С. 99–101), и кратким датированным надписям на серебряных крестах-мощевиках с именем и титулом этого представителя суздальской княжеской династии (*Рыбаков,* 1949. С. 186–191; *Николаева,* 1971. С. 32–34).

Весьма сложным и неоднозначным источником для изучения местной политической истории являются памятники нумизматики. Затруднения, возникающие при их интерпретации, во многом обусловлены традициями русской удельной чеканки, предполагающими фиксацию имени эмитента (и только в отдельных случаях – его отчества) без обозначения места и времени монетного выпуска. Соотнесение эмитентов с конкретными историческими персонажами зачастую осложняется совпадением имён у различных русских князей. Место выпуска сколько-нибудь массовых монетных типов определяется исключительно по ареалам их находок. Большое значение для атрибуции удельных монет имеет поштемпельный анализ, позволяющий объединять интересующие выпуски в единую систему с уже атрибутированными тем или иным образом типами. Важнейшими характеристиками, указывающими на период обращения удельных монет, является их первоначальный вес и качество металла. Несмотря на все сложности исследовательской процедуры, изучение отдельных монетных находок и, особенно, монетных кладов приводит к интересным выводам о направлениях экономических и политических связей того региона, откуда они происходят.

Монеты нижегородского чекана после первого опыта их описания (ещё в первой половине XIX в.) долгое время изучались, преимущественно, вне контекста кладовых комплексов, что заметно ограничивало их информационные возможности[49]. Введённые в научный оборот клады с заметной долей «нижегородского серебра» охватывают три первых десятилетия XV в., что позволяет наметить основные черты местного денежного обращения. Крупнейшими из кладов, состоящими более, чем наполовину, из монет нижегородской чеканки, являются два опубликованных комплекса – Саранский (2547 монет), сокрытый в 1409 г. (*Фёдоров-Давыдов,* 1989. С. 6, 20–22) и Селитренный (около 12 000 монет), попавший в землю в конце третьего десятилетия XV в. (*Тростьянский,* 2009. С. 40–43).

Политическая история нижегородско-суздальской земли в конце XIV – первой половине XV вв. привлекала внимание исследователей ещё в конце XIX в. (*Экземплярский,* 1891. С. 429–442). Эта тема не могла остаться не затронутой при изучении таких масштабных исторических процессов, как сложение единого Русского государства (*Черепнин,* 1960. С. 706–707, 733–736) или распад Золотой Орды (*Насонов,* 1940. С. 143–144; *Греков,* 1975. С. 232, 273–274, 280–282, 288, 294). Обращением к ней неизбежно сопровождаются и разработки по истории нижегородской монетной чеканки (*Орешников,* 1896. С. 183, 184, 187–192; *Мец,* 1962. С. 309–315; *Фёдоров-Давыдов,* 1989. С. 28–31; *Тростьянский,* 2009. С. 11–22). Некоторые работы посвящены рассмотрению отдельных эпизодов, уточнению времени правления некоторых представите-

420; № 13. С. 421; № 14. С. 421; № 15. С. 421; № 17. С. 421; № 18. С. 421; № 158. С. 446; № 159. С. 446; № 160. С. 446; № 221. С. 456; № 222. С. 456, 457; № 223. С. 457; № 225. С. 457; № 226. С. 457; № 227. С. 458; № 228. С. 458; № 229. С. 458; АСЭИ. Т. 2. № 339. С. 337; № 435. С. 478, 479; № 437. С. 480, 481; № 452. С. 492, 493; АСЭИ. Т. 3. № 484, с. 467; № 487, с. 469; № 485, с. 468; № 486, с. 468; № 488, с. 470; № 489, с. 470; № 490, с. 470, 471; № 491. С. 471; № 494. С. 473; ДДГ. № 16. С. 43; № 17. С. 47; № 20. С. 56; № 21. С. 59; № 22. С. 61; № 61. С. 197; *Каштанов,* 1970. № 22. С. 381.

[49] Историю изучения нижегородских монет второй половины XIV – первой трети XV вв. см.: *Тростьянский,* 2009. С. 24–36.

лей суздальской княжеской династии (*Кучкин, Флоря,* 2011.; *Пудалов,* 2000). Изменения политической ситуации в Нижнем Новгороде в первой половине XV столетия проанализированы в специальной статье П.В. Чеченкова, раскрывающей механизмы интеграции нижегородских земель в политическую систему великого Московского княжества (2001а). Спорные вопросы о характере взаимоотношений нижегородско-суздальских князей с правителями Золотой Орды рассмотрены в ряде статей этого же автора (*Чеченков,* 2001б, 2003, 2007б). Наиболее полный охват имеющихся письменных источников при выяснении истории Нижегородского и Суздальского княжений после 1392 г. осуществлён в статье А.А. Горского (2004). Уже после её публикации вышла в свет монография О.В. Тростьянского, обобщившего данные по нижегородскому чекану второго и третьего десятилетий XV в. (2009). В ней предпринята попытка реконструкции событий местной политической истории как с учётом данных традиционных письменных источников, так и результатов кропотливого нумизматического исследования.

Изменения владельческой принадлежности г. Нижнего Новгорода в конце XIV – первой половине XV вв. непосредственно связаны с судьбами детей и внуков великих нижегородских князей предшествующего полустолетия. После смерти в Суздале 5 мая 1394 г. последнего, самого младшего из братьев Константиновичей, князя Бориса, следующими по старшинству в суздальской династии, стали его племянники – Василий (Кирдяпа) и Семён Дмитриевичи. Дети самого Бориса Константиновича, Даниил и Иван, в ряду претендентов на нижегородский стол занимали только третье и четвёртое места. Скупые сведения из летописей и актового материала косвенно свидетельствуют о том, что после смерти отца их статус и имущественное положение не понесли значительного ущерба, скорее, наоборот. Помимо родовых суздальских владений, в держание им были переданы отдельные волости, сёла или угодья, входившие в земли городецкого и нижегородского уделов (ДДГ. № 16. С. 43; АСЭИ. Т. 3. № 480, 482. С. 465, 467; *Чеченков,* 2007б. С. 339, 340). Наверное, по этой причине источники, описывающие события после 1394 г., долгое время не упоминают о каких-либо конфликтах между Борисовичами и великим князем. Их двоюродные братья, сыновья Дмитрия Константиновича, напротив, ощущали себя обойдёнными. Один из них, Семён, скорее всего, был лишён своего Суздальского удела сразу после низложения Бориса Константиновича в 1392 г., так как последний был переведён в Суздаль, и умер будучи, вероятно, суздальским князем. Утратив права на Суздаль, в том же 1392 г., Семён отбыл в Орду (Новгородская первая летопись…, 1950. С. 385). Надежды, возлагавшиеся Дмитриевичами на «справедливый» передел владений умершего Бориса Константиновича со стороны великого князя, оказались напрасными. Наверное, именно этим и можно объяснить их поспешный отъезд в Орду, отмеченный летописцами сразу после известия о смерти дяди (*Приселков,* 1950. С. 444). Этот «побег» означал начало конфронтации старших суздальских князей с московским правителем, гонцам которого так и не удалось перехватить «беглецов» по дороге в Волжское царство.

Через какое-то время Василий Кирдяпа примирился с московским князем, вернул себе Городец и умер в нём в 1403 г. (6911 г.) (*Приселков,* 1950. С. 456), лишённый права на передачу своего удела наследникам (*Горский,* 2004. С. 149, прим. 40). Семён Дмитриевич восемь лет после «бегства» служил «…четыремъ царемъ: Тохтамышу, Темиръ-Аксаку, Темиръ Кутлую, Шадибеку, а все поднимая рать на князя великого…» (*Приселков,* 1950. С. 453). Попытка овладения Нижним Новгородом была предпринята им при поддержке отряда татар «царевича» Ентяка, приближенного непризнанного Москвой тёмника Едигея, захватившего реальную власть в Орде после её разгрома Тимуром. В памятниках разных летописных традиций указаны разные даты этого события. По выписке Н.М. Карамзина из Троицкой летописи, оно датируется 1399 г. (*Приселков,* 1950. С. 453), в Новгородской IV и Софийской I – 1395 г. (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 380; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 512–513)[50]. После трёхдневного боя под городскими стенами 25 октября, заверенные клятвами нападавших, московские воеводы «взяша мир». Две недели затем нижегородцы, ограбленные «роту свою измениша» татарами[51], жили под властью предста-

[50] Исследователи, специально изучавшие этот вопрос, пока не пришли к единому мнению (см.: *Кучкин,* 2011. С. 143 – 182; *Горский,* 2004. С. 150, 151).

[51] Нарушившими клятву о не причинении вреда городу и его жителям, данную при заключении мирового соглашения, см.: *Приселков,* 1950. С. 453.

вителя дома суздальско-нижегородских князей. Устрашённые приближением московского войска под командованием брата великого князя Юрия Дмитриевича Звенигородского, захватчики спешно покинули город (*Приселков,* 1950. С. 453). В 1402 г. Семён Дмитриевич, понуждённый к замирению, вернулся из Орды и, отправленный в Вятку, умер по пути в свою последнюю вотчину (*Приселков,* 1950. С. 454, 455).

После кратковременного эпизода с участием «царевича» Ентяка, Нижний Новгород до зимы 1408–1409 гг., скорее всего, удерживался среди великокняжеских владений. На это указывает текст духовной Василия I 1406–1407 гг. (ДДГ. № 20. С. 56)[52].

События, связанные с походом Едигея на Русь, в истории Нижегородской земли обернулись ещё большей катастрофой, чем разорения 1377–1378 гг. Подробный рассказ о них сохранился в Тверском сборнике (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 484). Дважды в зиму 1408–1409 гг. сводное войско, состоящее из татар, болгар и мордвы, проходило через Городец и Нижний Новгород. Результаты археологических исследований однозначно указывают на то, что это нашествие завершило историю Городца-на-Волге как средневекового города (*Гусева,* 1992. С. 39). Нижний Новгород также был опустошён и разрушен. В источниках отсутствует упоминание о каком-либо предупреждении об этом нападении (в отличие от событий 1377 г). Судя по всему, избежать гибели или плена тогда удалось немногим нижегородцам, избравшим в качестве укрытия занесённые снегом перелески и овраги Берёзова Поля – городской округи, разорённой и выжженной в ту зиму вместе с самим городом (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 484). Бедственное положение Нижнего Новгорода ещё более усугубилось в 1409 г. после его разграбления новгородскими ушкуйниками (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 485).

По завершению этих трагических событий черёд заявить свои наследные права пришёл для братьев Борисовичей. Нумизматический и актовый материал указывает на то, что старший из них, Даниил, мог занять суздальский стол сразу после смерти отца в 1394 г. (*Мец,* 1962. С. 311; *Чеченков,* 2001а. С. 48). Но только в 1410 г. (6918 г.) летописец называет его князем Нижнего Новгорода[53], а безвестный автор надписи на серебряном кресте-мощевике его супруги Марии – великим князем[54] (*Николаева,* 1971. С. 32). Большинство исследователей склоняется к версии о передаче Нижнего Новгорода Даниилу Борисовичу с согласия Едигея сразу после зимнего похода 1408–1409 гг. (*Пресняков,* 1918. С. 280–281; *Насонов,* 1940. С. 143; *Горский,* 2004. С. 153). Возможно, своеобразной платой за «вокняжение» стал набег на г. Владимир, организованный Даниилом в начале июля 1410 г. (6919 г.) (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 186). Тогда военные слуги его боярина Семёна Карамышева и татары «царевича» Талыча, общим числом в триста сабель, разорили и сожгли древнюю столицу Северо-Восточной Руси, безжалостно «посекли» и попленили её жителей, осквернили грабежём и убийством златоглавый Успенский собор, захватив настолько богатую добычу, что между собой «денги мерками дѣлиша» (ПСРЛ. Т. 25. С. 240). В ответ на это, зимой 1410–1411 гг. в нижегородские пределы было отправлено войско под командованием Петра Дмитриевича – родного брата великого князя. О том, что происходило в самом Нижнем Новгороде накануне решающего сражения, источники умалчивают. Однако известно, что оно произошло далеко за городом, в 80 км к востоку от него, вблизи устья р. Сундовик, «на Лыскове», 15 января 1411 г. и закончилось поражением московских полков (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 485, 486). Вместе с дружинами сыновей Бориса Константиновича сражались тогда и отряды болгарских, жукотинских, мордовских князей.

На следующий год, после смены власти в Орде, Борисовичи сумели подтвердить свои владельческие полномочия у нового хана. Им на короткое время стал сын Токтамыша и противник Едигея Джелал ад-Дин (ПСРЛ. Т. 11. С. 219). Титул Даниила Борисовича, отражённый в надписи на мощевике, изготовленном в 1414 г. по заказу его сына Ивана, предполагал распростране-

[52] Сомнения П.В. Чеченкова в однозначной трактовке сведений из данного документа в контексте принадлежности Нижнего Новгорода Василию Дмитриевичу на момент его составления вряд ли оправданы (*Чеченков,* 2001а. С. 48). Формула «а дасть Бог сыну моему…держати Новъгород Нижнии», применённая автором грамоты и по отношению к самому великому княжению не может трактоваться, как пожелание «держати», а как естественное опасение, высказанное по поводу весьма непредсказуемого будущего (см.: *Горский,* 2004. С. 152, прим. 59).

[53] «Того же лѣта князь Данило Борисович Нижнего Новагорода приведе к себѣ царевича Талычю…» (ПСРЛ. Т. 25. С. 240).

[54] «…создана бы икона си при благовѣрно велико князи Данилѣ Борисови благовѣрною великою княинею Марьею…» (*Николаева,* 1971. С. 32).

ние притязаний нижегородского князя на Городец и Суздаль[55]. В этот первый период правления Даниилу Борисовичу удалось консолидировать под своим началом суздальских князей. В их коалицию входили и сыновья враждовавших с его отцом Василия и Семёна Дмитриевичей (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 487).

После того, как прямые наследники Токтамыша вынужденно оставили «трон» Волжского царства, а Едигей «посадил» на него своего нового ставленника хана Чекри, Василий Дмитриевич Московский решился повторно силою оружия вернуть Нижний Новгород. События развивались в январе 1415 г. На этот раз его противники, вероятно, из-за нарастающей в ордынских улусах политической нестабильности, не смогли заблаговременно заручиться татарской поддержкой и были вынуждены покинуть город ещё до прихода московского войска, руководимого Юрием Дмитровичем Звенигородским. Обращение нижегородских бояр и чёрных людей не «причинять зла» городу нашло тогда понимание у великодушного брата великого московского князя (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 487).

После завершения успешного похода, Василий Дмитриевич, желая, очевидно, сохранить номинальную независимость нижегородского княжества при сохранении реальной власти над ним, отдаёт Нижний Новгород старшему сыну Ивану[56]. За год до этого к нему из Орды возвратились «младшие» суздальские князья – Иван Васильевич (сын Кирдяпы) и Иван Борисович (ПСРЛ. Т. 25. С. 243)[57]. После смерти занимавшего нижегородский стол Ивана Васильевича (в 1417 г.) в Москву поспешил вернуться «с повинной» и сам Даниил Борисович (ПСРЛ. Т. 25. С. 243).

Уже в последующем 1418 г. летописи фиксируют отъезд братьев Борисовичей в Орду (ПСРЛ. Т. 25. С. 244). Этот, породивший клятвопреступление поступок, по мнению А.А. Горского, был обусловлен очередным приходом к власти их могущественного покровителя Едигея. Следующим князем Нижнего Новгорода становится внук Василия Кирдяпы Александр Иванович Брюхатый, «отъехавший» от Даниила Борисовича ко двору великого князя ещё до начала 1415 г. По версии А.А. Горского, Василий Дмитриевич, не решаясь на прямое управление Нижним Новгородом при могущественном ордынском правителе, пошёл на рискованный шаг. Он передал его «замирившемуся» представителю родственной ветви суздальских князей[58], оженив его на своей дочери Василисе (*Горский,* 2004. С. 156–159). Свадьба состоялась 2 февраля 1419 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 244; *Горский,* 2004. С. 156). Сообщая о ней, летописец прибавляет к имени и отчеству жениха определение «суздальский». Об Александре Ивановиче, как нижегородском князе, помимо редких монет с его великокняжеским титулом (*Тростьянский,* 2009. С. 115, тип 10.1), свидетельствуют только две грамоты без указания года выдачи (АФЗХ. Ч. 1. № 234, с. 205; АСЭИ. Т. 2. № 435. С. 479). Отсутствие в источниках даты начала его правления позволило П.В. Чеченкову предположить, что Александр Иванович получил Нижний Новгород сразу после смерти прежнего «держателя» ещё в 1417 г. При таком раскладе событий, отъезд в Орду «старших» суздальских князей можно объяснить, скорее, крушением надежд на легитимное получение Нижнего Новгорода из рук великого князя, нежели намерением вернуться к Едигею, утратившему былое влияние в Орде по ходу непрекращающейся смуты (*Чеченков,* 2007б. С. 345–346).

Княжение Александра Ивановича не было продолжительным. После гибели Едигея в марте 1423 г., Василий Дмитриевич московский в своей духовной упоминает Нижний Новгород среди великокняжеских владений (ДДГ. № 22. С. 61). Рассчитывая оставить «великий стол» на сына, в последние годы жизни он искал поддержки как в Литве, так и в Орде. Ценой содействия в этом вопросе могло стать согласие передать Нижний Новгород под верховный контроль хана Улу-Мухаммеда, выбранного из нескольких претендентов на главенство в Орде могущественным

[55] «…создана бы си рак жвотворашму крсту при блговрно князи великомъ Данилѣ Боривч новогордко и суздаскмъ и городескомъ рабомъ биимъ князмъ Иваномъ Даниловча» (*Николаева,* 1971. С. 34).

[56] Последний в летописном сообщении 1417 г., извещающем о его смерти, именуется великим князем Нижнего Новгорода: «В лѣто 6925. Мѣсяца иуля преставися князь великы Нижнего Новагорода Иванъ Васильевич…» (ПСРЛ. Т. 25. С. 243).

[57] Ещё один представитель суздальской династии, сын Ивана Борисовича – Александр Иванович, появился на дворе великого князя за два года до этого, ещё до похода Юрия Звенигородского (ПСРЛ. Т. 25. С. 243).

[58] Мать Василия Дмитриевича, Авдотья, была сестрой деда Александра Ивановича.

князем Великой Литвы Витовтом (*Сафаргалиев,* 1940. С. 195). Вмешательство в события «царя Махмета», как называли Улу-Мухаммеда великокняжеские летописцы, и при его правлении в ордынских улусах (с перерывами в период 1421–1438 гг.), и после окончательного изгнания из них, не единожды становилось судьбоносным для великокняжеского наследника.

В середине 20-х гг. XV в. нижегородским князем во второй раз становится вышедший «на свою отчину от Махметя царя» Даниил Борисович (АФЗХ. Ч. 1. №273. С. 204–205). Согласно записи[59] на пергаментном сборнике, составленном «…в лето 6932 месяца января 20…при благоверном князе Даниле Борисовиче…», ставленник Улу-Мухаммеда правил в Нижнем Новгороде уже в январе 1424 или 1425 гг. А.А. Горский, на основании анализа ситуации с обеспечением прав великокняжеского наследника, время повторного «вокняжения» Даниила Борисовича очерчивает промежутком от апреля 1423 до начала 1424 гг. (*Горский,* 2004. С. 163). Столь ранняя дата, попадающая на время крайней политической нестабильности, когда земли Средней Волги ещё не подчинялись его предполагаемому ордынскому покровителю Улу-Мухаммеду (*Сафаргалиев,* 1940. С. 200), позволила О.В. Тростьянскому предположить, что новым «патроном» Даниила Борисовича стал Мухаммед Борак, чеканивший монеты в Болгаре ещё до 1426 г. (*Тростьянский,* 2009. С. 19, 20)[60]. Однако, это не согласуется с отчётливым различением имён Борака и Улу-Мухаммеда в русской письменной традиции (см., например: ПСРЛ. Т. 25. С. 245, 247), с высоким статусом Даниила Борисовича в глазах представителей великокняжеского окружения (*Пудалов,* 2000. С. 98), что в обстановке середины 20-х гг. вряд ли бы имело место, если бы тот получил Нижний Новгород от соперника ставленника Витовта.

Великим нижегородским князем Даниил Борисович именовался до самой смерти. Это фиксирует текст «разрешительной» молитвы, зачитанной над его гробом митрополитом Фотием[61] (*Пудалов,* 2000. С. 98). Земной срок Даниила отсечён датой договора Василия II с Юрием Дмитриевичем Звенигородским (11 марта 1428 г.), где город в устье Оки вновь упомянут как великокняжеский (ДДГ. № 24. С. 64, 66; *Горский,* 2004. С. 162–163). Иной вывод из текста грамоты сделан О. В. Тростьянским. По его мнению, «…Нижний Новгород к моменту вокняжения Василия Васильевича Москве не принадлежал…» и « …после смерти отца он получил не Нижегородское княжение, а право в дальнейшем при возможности забрать его себе в обход московских родственников» и, следовательно, Даниил Борисович мог умереть и после 1428 г. (*Тростьянский,* 2009. С. 21). Однако ряд косвенных данных указывает как раз на то, что уже в 1425 г. Нижний Новгород пребывал среди великокняжеских владений. В подтверждение этому, А.А. Горский ссылается на жалованную грамоту Василия Дмитриевича от 8 февраля 1425 г. на деревню Филипповскую, входившую в нижегородские земли Мещерской волости (АСЭИ. Т. 2. № 437. С. 480–481; *Горский,* 2004. С. 164). Весной этого же года в Нижнем Новгороде внезапно со своими приближёнными появляется Юрий Дмитриевич Звенигородский, ушедший сюда из-под удара войск Василия II в самом начале войны за великое княжение (ПСРЛ. Т. 25. 246). Его обязательство не вступаться в Нижний Новгород, прозвучавшее в договоре от 11 марта 1428 г., в этой связи, обретает особую значимость.

Пребывание звенигородского князя на нижегородской земле в 1425 г. было скоротечным (в пределах 1–4 месяцев). По сведениям Московского летописного свода конца XV в., оно могло начаться весной и завершилось до 24 июня. В этот день митрополит Фотий был на пути в Галич, где уже находился Юрий Дмитриевич, вытесненный из Нижнего Новгорода войсками Василия II (ПСРЛ. Т. 25. С. 246). Рассказ об этом эпизоде попал в летописные своды без какого-либо указания на владельческую принадлежность города в устье Оки.

Последнее посещение звенигородским князем Нижнего Новгорода состоялось в 1431 г. (6939 г.), после разрыва мирного договора с Москвой (ПСРЛ. Т. 25. С. 248). Как и в первый раз, он покинул Нижний Новгород под угрозой московского войска и остановился на правом берегу р. Суры. Но, в отличие от 1425 г., после ухода противника Юрий Дмитриевич вернулся не в Галич, а опять в Нижний Новгород. Согласно Вологодско-Пермской летописи, отражающей од-

[59] Сохранившегося в двух рукописях конца XVII–XVIII вв. и первой четверти XVIII в. (см.: *Беляева*, 1990. С. 15; *Емченко*, 2000. С. 210–211).

[60] Монеты Улу-Мухаммеда, чеканенные в Болгаре, появляются только в 1426–1427 гг. (830 г.х.) (*Сафаргалиев,* 1940. С. 200).

[61] То есть, при жизни последнего – до 2 июля 1431 г.

ну из наиболее ранних редакций великокняжеского свода, мир с Василием II, был расторгнут в конце 6938 г., то есть, зимой 1430–1431 гг. (ПСРЛ. Т. 26. С. 186). Сразу после этого, памятники «неофициального» летописания (Софийская II – Львовская и Ермолинская летописи) указывают на прибытие Юрия Дмитриевича в Нижний Новгород. Следующее связанное с ним сообщение извещает о поездке в Орду на суд к Улу-Мухаммеду, куда Юрий Дмитриевич отправился позднее своего соперника, на Воздвиженьев день, то есть 18 сентября 1431 г. (Псковские летописи, 1955. С. 126; *Зимин,* 1991. С. 45). Таким образом, на этот раз время нахождения ставки звенигородского князя в Нижнем Новгороде может быть очерчено сроком до 8–9 месяцев.

Совместный поштемпельный анализ монет Юрия Дмитриевича и Даниила Борисовича позволил О.В. Тростьянскому сделать вывод о том, что первый во время своего пребывания в Нижнем Новгороде мог организовать чеканку собственной монеты (*Тростьянский,* 2009. С. 55, 56, 78). В этой связи, становится понятным почему именно в этом году Василий II отправил рать Фёдора Давыдовича Пёстрого на разорение земель бывшей Волжской Болгарии (ПСРЛ. Т. 26. С. 187). Возможно, главной целью этого похода, с которым связывают завершение истории средневекового Болгара, было воспрепятствовать Юрию Дмитриевичу заручиться военной поддержкой из районов Средней Волги, что когда-то удавалось оппозиционным нижегородским князьям, платившим наёмникам своим «нижегородским» серебром (*Тростьянский,* 2009. С. 42, 43).

В середине 40-х гг. XV в. письменные источники фиксируют последнюю попытку реставрации великого Суздальско-Нижегородского княжества. Второй раз «под рукой» Улу-Мухаммеда, обретшего в Орде теперь уже статус изгнанника, объединяются Нижний Новгород, Суздаль и Городец. Это становится возможным в результате захвата города в устье р. Оки войском ханаизгоя в январе 1445 г. и последующего превращения его почти на год в свою временную ставку. После пленения московского князя в битве под Суздалем 7 июля 1445 г. он, как некогда хан Узбек, выводит нижегородские и городецкие земли из-под юрисдикции великих князей и передаёт их представителям суздальской династии, внукам Василия Кирдяпы – Василию и Фёдору Юрьевичам (ДДГ. № 40. С. 119–120). Уход татарского войска из нижегородских пределов привёл к тому, что уже в середине марта 1446 г. в Нижнем Новгороде распоряжались представители великокняжеской администрации (АФЗХ. Т 1. № 232. С. 203–204; *Кучкин,* 2011. С. 208). Цепочка преемственности последних в дальнейшем уже не имела разрывов. Желая предотвратить новые попытки суздальских князей вернуть себе власть над Нижним Новгородом, Василий Тёмный жаловал потенциальных «искателей» нижегородского стола бывшими родовыми землями в обмен на службу, отказ от старых ханских ярлыков и обязательство не принимать новых (ДДГ. № 52. С. 155–159; *Назаров,* 1999. С. 187–188; *Горский,* 2004. С. 166).

Окончание феодальной войны, наступившее вместе с утверждением на великом столе династии сына Дмитрия Донского Василия, отметило важный рубеж и в нижегородской истории. В середине пятнадцатого столетия завершается длительный процесс политического слияния Нижнего Новгорода с домениальными землями великих московских князей, что засвидетельствовано в духовной грамоте Василия Тёмного 1461–1462 гг. (ДДГ. № 16. С. 197; *Чеченков,* 2001. С. 54). С осени 1392 по весну 1446 гг. минимум восемь раз в нём прерывалась власть великокняжеских наместников. Общее время правления в Нижнем Новгороде враждебных московскому князю представителей суздальской династии оценивается в пределах от 4,5 до 10,5 лет[62]. Если не принимать в расчёт двухнедельное удержание города Семёном Дмитриевичем и его ордынским союзником Ентяком, указанный промежуток целиком приходится на правление Даниила Борисовича, возглавившего союз оппозиционно настроенных суздальских князей. Чем обеспечивалась его власть в огромном по средневековым меркам регионе, насколько самостоятельную роль играли в нём нижегородские князья, в которых историки традиционно видят «послушных марионеток в руках татарских ханов» (*Чеченков,* 2007б. С. 349)?

Действия средневекового правителя, превращённого своим покровителем в прямое орудие реализации собственных замыслов, не просто отличить от поведения человека, осознанно жи-

[62] Первое княжение Даниила Борисовича: начало – зима 1408–1409 гг. или июль 1410 г., конец – январь 1415 г. (от 4,5 до 6 лет); второе княжение: начало – январь 1424 или 1425 гг., конец – до 8 февраля 1425 г. или до 11 марта 1428 г. (от 1 месяца до 4,5 лет). Заметим, что минимально возможный срок второго правления (январь – начало февраля 1425 г.) кажется весьма маловероятным в контексте большого разнообразия монетных типов, выпущенных в это время от его имени (см.: *Тростьянский,* 2009. С. 119–126).

вущего по характерным для феодального общества представлениям о служении. Суздальский князь Семён Дмитриевич служил четырём верховным ордынским властителям, Даниил Борисович принял «стол» из рук хана Золотой Орды Улу-Мухаммеда и, следовательно, имел перед ним определённые обязательства. Ханский титул подручных ставленников Едигея, напротив, не позволяет заподозрить их в формальных служебных отношениях с могущественным эмиром. Однако на фоне явно марионеточных фигур многих ордынских «владык» первых двух десятилетий XV в., носящих, по словам современника, только имя, но не имевших никакого значения (*Сафаргалиев,* 1940. С. 180)[63], деятельность суздальских князей отличается активностью, а решения – самостоятельностью. Вместе с тем, их независимость, обретённая через клятвопреступление, была жёстко ограничена своеволием даже наёмных «царевичей»[64].

В источниках отсутствуют прямые указания на обстоятельства первого вокняжения Даниила Борисовича в Нижнем Новгороде. Скорее всего, тогда он мог опираться исключительно на собственные силы и возможности своих братьев (*Чеченков,* 2007б. С. 344, 345). Вместе с тем, тот впечатляющий успех Борисовичей, проявившийся, по мнению П.В. Чеченкова, в овладении столичным городом, привлечении на свою сторону многочисленных родственников, «держании» нижегородских земель вплоть до начала 1415 г. (*Чеченков,* 2007б. С. 343), вряд ли мог быть достигнут без могущественного покровителя. Им в 1408–1411 гг. мог быть только эмир Едигей. Сложно представить безразличие влиятельного и властолюбивого тёмника, стремившегося любой ценой установить прежний порядок в русско-ордынских отношениях, к политической ситуации на разоренной окраине русских земель. Наверное, не случайно успешное начало первого периода правления Даниила Борисовича, отмеченное овладением нижегородской землёй, безнаказанным разграблением г. Владимира, победой в сражении с большим московским войском, приходится на правление хана Пулата – беспомощного и недееспособного без своего покровителя. Как известно, в военном отношении Борисовичам активно помогали болгарские, жукотинские и мордовские князья, но именно их отряды во время похода Едигея на Русь испепелили Городец и Нижний Новгород при хане Пулате в памятную зиму 1408–1409 гг. Как проявление соответствующей политической зависимости можно трактовать изображения, выбитые на одной стороне монет первого периода правления Даниила Борисовича. Они представляют собой подражания реверсам дангов Болгара (*Тростьянский,* 2009. С. 107–109), где власть в это время находилась в руках ставленников Едигея, лояльных своему «патрону» до конца 1411 – начала 1412 гг. (*Сафаргалиев,* 1940. С. 186).

После гибели Пулата, изгнания Едигея из Орды в Хорезм, нижегородские князья были вынуждены искать нового покровительства. И они нашли его у временно одержавшего победу сына Токтамыша, признанного Москвой законным правителем Волжского царства хана Джелал ад-дина. Начавшаяся смута, обусловленная борьбой за право верховенства в Орде (между Едигеем, его ставленниками и сыновьями Токтамыша), сильно дестабилизировала ситуацию на Средней Волге, её земли утратили былое единоначалие, а «мятежные» представители суздальской династии к 1415 г., очевидно, лишились необходимой политической поддержки. В январе этого года они впервые один на один оказались перед перспективой военного столкновения с великим князем и, не рассчитывая на собственные возможности, заблаговременно оставили Нижний Новгород ещё до прихода московских полков. Повторно Даниил Борисович, как известно, «…вышол на свою отчину от Махметя царя…».

Таким образом, в обоих случаях реставрации великого княжения на нижегородской земле источники указывают на то, что реальную политическую независимость его держатель проявлял лишь по отношению к московскому князю, что, очевидно, укладывалось в расстановку политических сил, выгодную ордынским владыкам. Стабильность положения последних в своих улусах была необходимым условием сколько-нибудь длительного поддержания власти суздальских князей на нижегородской земле (*Кучкин, Флоря,* 2011. С. 201). Опосредованное влияние на

[63] Например, Шадибека, большую часть своего царствования, «…проводившего жизнь в удовольствиях и наслаждениях» (Сборник материалов…, 1940. С. 133), его сына Пулата, беспомощного и недееспособного, как показали события зимы 1408–1409 гг. (ПСРЛ. Т. 11. С. 209), или Дервиша, допускавшего размещение имени Едигея в легендах своих монет (*Сафаргалиев,* 1940. С. 192).

[64] «Не азъ есмь створивыи се, но татарове…», – отвечал Семён Дмитриевич на ропот открывших врагу городские ворота обманутых нижегородцев, когда нарушившие «роту» слуги Ентяка, снимали с них последние одежды (*Приселков,* 1950. С. 453).

их политические возможности, вероятно, оказывал и Витовт (*Горский,* 2004. С. 168), имеющий сложные переменчивые отношения с Москвой, но всегда активно поддерживающий противников Едигея в самой Орде. Двое его ставленников (Джелал ад-дин и Улу-Мухаммед) имели прямое отношение к утверждению Даниила Борисовича на нижегородском столе.

Конфронтация с Москвой князей суздальской династии во время их правления в Нижнем Новгороде естественным образом удерживала вектор основных экономических и политических связей региона в восточном направлении. Это подтверждают особенности географии распространения кладов и отдельных монет нижегородских князей второго и третьего десятилетий XV в. (*Тростьянский,* 2009. С. 81, 151–157). Последние обычно встречаются на территории поволжских улусов Золотой Орды и крайне редки в русских княжествах за пределами суздальско-нижегородских земель. Относительно небольшая стоимость серебра в наиболее крупном кладе, найденном в столичном Сарае (на Селитренном городище), отсутствие в нём используемых при крупных торговых операциях серебряных слитков, особенности составляющего его монетного материала, не позволяющие отнести сокрытые ценности к комплексам длительного накопления – всё это позволяет соотнести его владельца не столько с торговцем, ремесленником или земледельцем, сколько с воином-наёмником, получившим расчёт за службу монетами нижегородской чеканки (*Тростьянский,* 2009. С. 42, 43). Данная версия, высказанная О.В. Тростьянским, с учётом летописного упоминания прихода ордынского отряда к Даниилу Борисовичу в 1410 г., достаточно правдоподобно иллюстрирует один из вероятных каналов проникновения нижегородской денги в ордынские земли. Её распространению здесь способствовало выравнивание веса и содержания драгоценного металла под норму дангов Болгара. Беспрецедентно низкая для русского чекана XV в. проба серебра у нижегородских монет закрывала им путь на русский рынок, одновременно обеспечивая беспрепятственное хождение в Поволжье (*Тростьянский,* 2009. С. 80). Так, собираемое Борисовичами в подвластной им «отчине» серебро, уходило из региона, вливаясь в финансовые ресурсы враждебной Москве Золотой Орды.

Помимо союзников и покровителей из ордынских улусов, Даниил и Иван Борисовичи, очевидно, могли рассчитывать на поддержку и со стороны представителей местной социальной среды. Их родня и бояре «по старине» владели нижегородскими, суздальскими, городецкими волостями и сёлами. Право на это, очевидно, обеспечивалось политической автономией от Москвы[65] и, следовательно, многие из местных вотчинников были заинтересованы в её сохранении. Нижегородские князья, наверное, могли рассчитывать и на содействие руководства местных монастырских корпораций, ведь это их предки и родственники своими пожалованиями заложили первоначальную основу землевладений нижегородских Благовещенского, Печерского Вознесенского, Николаевского Дудина монастырей[66]. Всё это объясняет почему одним из важнейших направлений московской политики в Нижнем Новгороде в первой половине XV в. стало формирование лояльной социальной базы. В этом ключе П.В. Чеченковым по актовому материалу охарактеризован ряд мероприятий, осуществлённых от имени московского князя (*Чеченков,* 2007а). Среди них – изменение местной традиционной структуры землевладений, направленное на расчленение вотчин суздальских князей, их сокращение путём принудительной продажи отдельных волостей и сёл московским служилым князьям и боярам; покровительство духовным корпорациям, в виде выдачи подтвердительных грамот с предоставлением более выгодных условий и льгот[67]; передача Благовещенского монастыря, известного своей поддержкой потомков Бориса Константиновича[68], московскому митрополичьему дому; заселение многочисленных селищ и пустошей.

В сложное время феодальной войны реальное соотношение сил великого князя и приверженцев нижегородских князей, даже в отсутствие последних в городе, могло быть близко к

[65] См. докончание Дмитрия Шемяки с князьями суздальскими Василием и Фёдором Юрьевичами: ДДГ. № 40. С. 118.

[66] См.: *Антонов, Муштафаров,* 2001. № 1. С. 418, 419; № 155. С. 446; АСЭИ. Т. 3. № 298. С. 326; АФЗХ. Ч. 1. № 229. С. 201, 202; *Макарий,* 1868. С. 3, 4.

[67] Предполагаемое исследователем «в отдельных случаях» приращение монастырской собственности доказать сложно, так как есть упоминания и об отчуждении отдельных владений местных монастырей великокняжеской властью путём принуждения к продаже (см.: ДДГ. № 40. С. 118). Оценить соотношение отчуждённой и «прирощенной» собственности по сохранившимся источникам не представляется возможным.

[68] См.: *Пудалов,* 2001. С. 16.

опасному равновесию. Это можно рассматривать как одну из возможных предпосылок дополнения его исторического центра ещё одним компактным «ядром» застройки, соответствующим обособленной от «старого» города нижегородских князей «новой» резиденции московского наместника.

Ещё одной предпосылкой такого обособления после смерти Даниила Борисовича могли стать сложности юридического плана. По мнению Б.М. Пудалова, проанализировавшего текст молитвы, зачитанной над его гробом митрополитом Фотием, нижегородский князь имел высокий статус в глазах московских властей (*Пудалов,* 2000. С. 98). В связи с этим, можно предположить, что его двор в Нижнем Новгороде не мог быть сразу «отчуждён» представителями великокняжеской администрации и перешёл во владение, хотя бы на какое-то время, к его наследникам. Это обстоятельство при отсутствии в городе подходящего участка, «записанного» за московским князем, также могло поспособствовать первоначальному выносу резиденции московской администрации за городскую черту.

Наконец, деятельность великокняжеских представителей в пограничных с Ордой нижегородских землях, где многие противники новой власти могли длительно сохранять своё влияние, требовала надёжной защиты. Наверное, неслучайно, именно в связи с обороной города московским гарнизоном, на страницах летописей появляется разделение Нижнего Новгорода на «старый» и Новый (или «меншой»). Проверим эту догадку по ходу подробного рассмотрения летописных известий о трагических событиях 1445 г.

§ 4. НИЖНИЙ НОВГОРОД В 1445 ГОДУ

ЛЕТОПИСИ И СОБЫТИЯ

Обратимся к летописному материалу, разделяющему Нижний Новгород на «старый» и Новый (или «меншой») и попытаемся воссоздать ту историческую обстановку, при описании которой появляются эти загадочные упоминания.

Связанный с ними исторический эпизод – предшествующий Суздальскому бою и пленению великого князя приход орды Улу-Мухаммеда под г. Муром. В исследованиях, затрагивающих время феодальной войны, он, как правило, специально не рассматривался (см., например: *Зимин,* 1991. С. 101–103; *Горский,* 2005. С. 145). При реконструкции этих событий авторы традиционно обращаются к ограниченному кругу летописных памятников, содержащих наиболее подробные сведения. Пренебрежение критическим анализом летописных текстов в отдельных случаях стало причиной появления явно ошибочных суждений. Так, Г.В. Вернадский в третьей книге «Истории России», вышедшей в 1953 г., предложил рассматривать зимнюю кампанию 1444–1445 гг. вне какой-либо связи с Нижним Новгородом, «переместив» место действия в Городец-на-Оке, т. е. в г. Касимов, обосновывая таким образом переход этого города в вотчину младшего сына Улу-Мухаммеда, Касыма. (*Вернадский,* 1997. С. 322–323). Впоследствии такая интерпретация летописных известий была аргументированно оспорена А.А. Зиминым (*Зимин,* 1991. С. 244, 245, прим. 6).

В 2015 г. вышла в свет специальная статья, посвящённая рассмотрению военного противостояния орде Улу-Мухаммеда на территории Нижегородского края в 1445 г. (*Несин,* 2015). Реконструкция событий и обстоятельств зимней кампании под г. Муромом выполнена её автором М.А. Несиным путём механического соединения сведений из памятников различного происхождения. Авторские выводы, полученные за рамками разрешения противоречий, легко вскрываемых простым сличением летописных текстов, лишены убедительности.

Источниковедческое рассмотрение соответствующего летописного материала впервые проведено В.А. Кучкиным, в специальной статье, посвящённой исторической интерпретации двух городов, связанных с Нижним Новгородом середины XV в. (*Кучкин,* 1976)[69]. По мнению историка, основные сведения о нижегородских событиях 1445 г. представлены в Московском сво-

[69] В последующем, её текст дважды переиздавался – в специальной хрестоматии, объединившей материалы об основании Нижнего Новгорода, и в составе сборника избранных авторских работ (Хрестоматия по истории…, 2001. С. 33–46; *Кучкин,* 2011. С. 227–238). В дальнейшем ссылки на эту статью приведены по изданию 2011 г.

де 1479 г. и Софийской II летописи. При этом Ермолинская «…сокращает более ранний рассказ, но содержит некоторые штрихи, указывающие на древность своего источника», а текст соответствующей статьи Никоновской расширен «…за счёт вставки исторической справки и литературных амплификаций» (*Кучкин,* 2011. С. 231). Среди списков великокняжеского свода 1479 г. автор отдаёт предпочтение источникам, лежащим в основе текстов Воскресенской и Симеоновской летописей, совпадающих, по его мнению, с соответствующими известиями сводов 1497 и 1518 гг. (*Кучкин,* 2011. С. 228).

Для решения более общей задачи – воссоздания исторической обстановки, сложившейся в Нижнем Новгороде и его округе в первой половине 1445 г., очевидно, необходимо привлечение более широкого круга летописных памятников.

Наиболее ранние, приближенные по времени создания к интересующим событиям, летописи (середины XV – первой половины XVI вв.) различно описывают поход великого московского князя против Улу-Мухаммеда зимой 1444–1445 гг. Их разночтения неизбежно приводят к противоречивым выводам. Поэтому, оценку ситуации, сложившуюся в те зимние месяцы в районе окского устья, необходимо предварить критическим обзором сохранившихся летописных сообщений.

Самые ранние письменные свидетельства о зимней кампании 1444–1445 гг. сохранились в памятниках новгородского и псковского областного летописания. Древнейший вариант соответствующего рассказа, созданный современником событий в далёком от волжских берегов Великом Новгороде, обнаруживается в статье 6953 г. Коммиссионного списка первой Новгородской летописи младшего извода середины XV в.: «Тое же зимы поиде князь великыи Василии противу тотарьского цесаря Махмета, и много христьянъ от мраза изъмре, а иных Тотарове избиша и землю пусту сътвориша; и пособи богъ князю великому Василью, и побѣгоша Тотарове, а иные побьены быша» (НПЛ. С. 424–425). Этот текст без сколько-нибудь существенных изменений повторяется в списках более поздних сводов новгородского происхождения – в Новгородской IV (под 6954 г., см.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 123), Летописи Авраамки (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 186), Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского (ПСРЛ. Т. 43. С. 180).

Ещё более лаконичны сведения Первой Псковской летописи: «В лето 6954. Князь великой Василей Васильевичь Московскiй подъимъ всю силу Рускую, и поиде на окаянного царя Махмета провадити изъ своея земля, онъ же побѣже, и князь великой возвратися и поиде взадъ, и ста въ Маковцѣ въ Сергѣевѣ монастыри, мѣсяца сентября…» (ПСРЛ. Т. 4. С. 212–213)[70].

Более подробная информация о походе под Муром содержится в летописях, составленных на территории Северо-Восточной Руси. Их рассмотрение начнём с памятников независимого (неофициального) летописания.

Самая ранняя по времени создания летопись этого круга – Ермолинская. Её единственный уцелевший список появился не позднее конца 80-х – начала 90-х гг. XV столетия (Словарь книжников и книжности Древней Руси…, 1989. С. 42). Только этот памятник под 1444 г. (6952 г.) сохранил известие о своеобразном прологе военной кампании: «Царь Махметь нача помышляти къ Новугороду къ Нижнему, и князь великы повелѣ осады крепити» (ПСРЛ. Т. 23. С. 151). Текст последующей годовой статьи (1445 г.) построен в строгом соответствии с хронологической последовательностью описываемых событий: «Царь прииде къ Мурому отъ Новагорода отъ Нижняго, и князь великы поиде противу ему къ Володимерю и посла на него воеводы, они же шедше, и побиша Татаръ подъ Муромомъ. Тогда же убиша Александра Иванова сына Костяньтиновича въ Гороховцѣ, подъ Орѣховцемъ, въ Новѣгородѣ Нижнемъ, а въ Новомъ затворишася воеводы князя великого, князь Федоръ Давидовичь да панъ Юшко Драніца. А коли князь великы былъ въ Володимери, а тое же зимы пришли Литовьскые воеводы…[71] Тое же весны царь Махметь и сынъ его Мамутякъ послали въ Черкасы по люди, и прииде къ нимъ

[70] Указанные здесь дата события и месяц, в который произошло возвращение войска Василия II в московские пределы, очевидно, ошибочны. По памятникам московского великокняжеского летописания, заслуживающим большего доверия в этом вопросе по цели и месту создания, возвращение великого князя в Москву состоялось «в пяток великыи вечерѣ», то есть 26 марта 1445 г. (см.: *Зимин,* 1991. С. 102).

[71] Далее идёт выпущенный при цитировании рассказ о нападении литовского войска на русские города Верхнего Поочья, о поражении русского воинства в бою под Суходровом.

двѣ тысячи казаковъ и, шедшее, взяша Лухъ безъ слова царева, и приведоша полону много и богатьства. Видѣвъ же царь множество корысти, и посла дѣтеи своихъ, Мамутяка да Ягупа, въ отчины князя великого воевати. И прииде вѣсть князю великому, что царь отпусти на него дѣтей своихъ, и поиде противу ихъ съ Москвы въ Петрово говѣнье…» (ПСРЛ. Т. 23. С. 151). Процитированный текст до начала описания летних событий можно разделить на три основных эпизода, связанных общей логикой повествования. Это:

Известие о приходе Улу-Мухаммеда к городу Мурому и об ответном походе великого князя.

Сообщение о зимних военных действиях на западных окраинах Московской земли, подвергшейся нападению литовских воевод в то время, пока московские полки на восточном порубежье сражались с татарами.

Описание обстановки на восточном пограничье, сложившейся к весне 1445 г. – пополнение орды Улу-Мухаммеда пришлыми «из Черкас» казаками, взятие и разграбление ими «без слова царева» города Луха, организация нового набега в «отчины» великого князя.

Сведений о Суздальском бое и пленении Василия II в имеющемся списке Ермолинской летописи не сохранилось.

Иначе организован текст статьи 1445 г. в Софийской II и Львовской летописях[72]. Представленный в них вариант отличается от «ермолинского» иным способом подачи материала, дополнительными оригинальными подробностями. Здесь известия за 6953 г. начинаются рассказом о приходе литовских воевод, о бое под Суходровом, и только после этого летописец приступает к повествованию о зимнем «восточном» походе: «Тое ж(е) зимы кн(я)зь велики Василеи Васильевич поиде ратью своею братиею на ц(а)ря Махметя, бѣ бо ц(а)рь съи пришелъ к Новуго//роду Нижнему и хотѣ ту зимовати, и по кр(е)щ(е)нии прииде к Мурому, а кн(я)зь велики поиде противу ихъ. Они же слышавшее, побѣгоша от Мурома, а воеводы великаг(о) кн(я)зя угониша их и побиша их под Муромом и у Гороховца, под Гороховцем и в Нижнем Новѣгородѣ старом, а в меншом затворишас(ь) воеводы великаго кн(я)зя. Тогды ж(е) кн(я)зь велики сам былъ в Муромѣ, и татаръ били по селом. Тогда застрелили Александра Иванова Костянтиновича в ротъ и на боих руки знобили. Того ж(е) лѣт(а) татарове Лух воевали» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 103, 104). В процитированном отрывке можно выделить те же три блока, что и в сообщении Ермолинской летописи. Однако, в отличие от последней, здесь, изменена последовательность подачи различных эпизодов, а в самом тексте отсутствуют какие-либо указания на причинно-следственные взаимосвязи между ними.

В дальнейшем повествовании о трагическом 1445 г. Софийская II и Львовская летописи подробно рассказывают о весеннем походе великого князя против татарского войска под верховенством детей Улу-Мухаммеда. При этом упоминается его встреча с нижегородскими воеводами: «…пришедшее ж(е) ему въ Юрьевъ, и ту прибегоша к нему воеводы ноугородцкии, ку(я)зь [Федор] Долголядовъ да Юшка Драни[ца, град] же зжегши, понеже изнемого[ша з го]лоду. Взяв же кн(я)зь велики Петро[в д(е)нь] въ Юрьеве, поиде к Суздалю…» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 104). Без особых изменений данное сообщение встречается и в памятниках официального московского летописания[73].

Ещё один вариант изложения событий зимы 1444–1445 гг. содержат различные виды Сокращённого летописного свода конца XV в. (1493 и 1495 гг.) (ПСРЛ. Т. 27. С. 272, 346) и восходящий к последним список И.Н. Царского Софийской I летописи (ПСРЛ. Т. 39. С. 145). Здесь рассказ о зимней кампании против Улу-Мухаммеда ограничен кратким известием, близким по изложению к тексту Софийской II – Львовской летописей. В одном из самых ранних, Мазуринском списке Сокращённого свода 1495 г., составленном вблизи рубежа XV–XVI вв., он передан следующим образом: «Зимѣ царь Махмет приходилъ к Моуромоу, и князь великии

[72] Наиболее ранний Архивский список первого источника (первой четверти XVI в.) был создан несколько раньше списков второго (появившихся во второй половине XVI в.). Сравнение текстов известий за первую половину 1445 г. этих двух памятников обнаруживает почти полное их совпадение (в Львовской в выражении «Товды жъ князь великiй и самъ былъ въ Муромѣ» имеется союз «и», отсутствующий в Софийской II). В дальнейшем изложении при обращении к варианту описания событий, представленных в этих двух памятниках, будем опираться на текст Софийской II летописи.

[73] См., например в своде, представленном в Вологодско-Пермской летописи: «Пришедшу же ему въ Юрьевъ, и ту прибегоша к нему воеводы Ноугородцкие, князь Федор Долголъдов да Юшко Драница, град зжегше, поне же бо изнемогоша з голоду. Взят же князь велики Петров день вь Юрьевѣ…» (ПСРЛ. Т. 26. С. 197).

былъ самъ в Моуромѣ, и Татаръ побили по селом; тогды засьтрѣлили Александра Иванова сына Костянтиновичя, и на бою их роукы знобили» (ПСРЛ. Т. 27. С. 346).

Появление в Сокращённом своде этого отрывка нельзя объяснить заимствованием из Софийской II: текст её наиболее раннего Архивского списка начала 30-х гг. XVI в. заканчивается 1518 г. Вряд ли справедливо и обратное предположение о вставке данного фрагмента из Сокращённого свода – в Софийскую II, так как последняя указывает на одну подробность, отсутствующую в списках Сокращённого свода: обстоятельства гибели Александра Иванова сына Константиновича («…застрелили… в ротъ...»). Близость текстов рассматриваемых памятников, скорее всего, обусловлена их общим источником. Причём текст последнего, скорее всего, лучше передаёт более детализованное сообщение Софийской II. Рукопись протографа, использованная при создании наиболее раннего списка Сокращённого свода 1493 г., наверное, имела повреждения, затрудняющие правильное прочтение текста. На это указывает ошибочное написание существительного «боих», обусловленное отделением от него падежного окончания и превращением его в местоимение, осложняющее понимание всей фразы («бою их»)[74]. Последнее отразилось при передаче этого известия в списке И.Н. Царского Новгородской I (ПСРЛ. Т. 39. С. 145) и Никоновской (ПСРЛ. Т. 12. С. 62–63) летописях, а затем и в «Истории Российской» В.Н. Татищева (1996. Т. 5. Ч. 3. С. 259).

Общий источник сообщение Софийской II – Львовской имело и с текстом соответствующей годовой статьи Ермолинской летописи. В этом убеждает сопоставление отрывков этих двух памятников, рассказывающих о поражении татар:

Ермолинская	**Софийская II**
…и побиша Татаръ подъ Муромомъ. Тогда же убиша Александра Иванова сына Костяньтиновича въ Гороховцѣ, подъ Орѣховцемъ, въ Новѣгородѣ Нижнемъ, а въ Новомъ затворишася воеводы князя великого, князь Федоръ Давидовичь да панъ Юшко Драніца.	…и побиша их под Муромом и у Гороховца, под Гороховцем и в Нижнем Новѣгородѣ старом, а в меншом затворишас(ь) воеводы великаго кн(я)зя. Тогды ж(е) кн(я)зь велики сам былъ в Муромѣ, и татаръ били по селом. Тогда застрелили Александра Иванова Костянтиновича в ротъ и на боих руки знобили.

При чтении каждого из этих фрагментов чувствуется некоторая несообразность. В Ермолинской летописи в сложносоставном предложении, сочетающем известия об убиении Александра Иванова и «затворении» московских воевод, весьма слаба логическая связь между отдельными частями (можно только догадываться о связи места обороны, обозначенного как «Новый», с Нижним Новгородом). В Софийской II допущено требующее разъяснения повторение: «…у Гороховца, под Гороховцем…». Сопоставление приведённых отрывков отчётливо показывает вставной и сокращённый характер эпизода, связанного с гибелью Александра Иванова в Ермолинской летописи, нарушающего связное повествование, сохранившееся в Софийской II. Вместе с тем, чтение последней «под Гороховцем» весьма созвучно «подъ Орѣховцемъ» Ермолинской[75].

[74] Написание «на боих», соответствующее тексту наиболее раннего Архивского списка Софийской II летописи, встречается в позднем (рубежа XVI–XVII вв.) Архивском списке Сокращённого летописного свода 1495 г. (ПСРЛ. Т. 27. С. 346, прим. 54).

[75] В.А.Кучкин, на основании того, что на востоке Русского государства в XV в. не существовало города с названием «Ореховец», предположил, что составителем Ермолинской летописи была допущена описка (*Кучкин,* 2011. С. 230). Первичное чтение, по его мнению, сохранила Софийская II («под Гороховцем»). Однако некий Ореховец упоминает одна из грамот архивохранилища суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря: «…взял есмь заводь под Мещерским повыше Кобыляка, противу Ореховца на горной стороне» (АСЭИ. Т. 3. С. 467. № 484). Это духовная Данилы Климентьева (в монашестве Давида), составленная около 1424 г. Один из приведённых в её формуляре топонимов («Кобыляка») может быть соотнесён с островом, известным по другому акту Спасо-Евфимиевского монастыря (АСЭИ. Т. 3. С. 468. № 486); топоним «Мещерский», вероятней всего, также обозначает остров, отмеченный на современной топографической карте. Он находится на р. Оке рядом с устьем р. Клязьмы (Топографическая карта…, 1987. Лист О-38-137). Следовательно, есть основания полагать, что «Орѣховец» Ермолинской летописи – один из окских островов в районе клязьминского устья, который по месту расположения мог входить в Гороховецкую волость, находящуюся в середине XV в. в административном подчинении Нижнему Новгороду (*Чеченков,* 2004а. С. 26–36). В этой связи можно предложить, что в данном фрагменте Ермолинской летописи обозначено место гибели Александра Иванова с исчерпывающей для того времени

Различные подробности, передаваемые текстами рассматриваемых памятников, исключают возможность того, что один из них непосредственно использовался при составлении другого[76]. В этой связи можно предположить, что рассмотренный выше летописный фрагмент, отражает сложное для прочтения место их общего источника. Дефектом последнего можно объяснить и вариативность наименования крепости, где затворились великокняжеские воеводы, в Софийской II обозначенной как Нижний Новгород «меньший», а в Ермолинской (судя по контексту) – как Нижний Новгород Новый.

Приведённые наблюдения над текстами памятников независимого летописания подтверждаются выводами, сделанными на основании их сравнительного изучения в целом. По заключению Я.С. Лурье, Ермолинская, Софийская II – Львовская летописи и Сокращённый свод конца XV в. имеют общие места, восходящие к общему источнику – несохранившемуся кирилло-белозёрскому своду 70-х гг. XV в. (*Лурье,* 1976. С. 231).

Организацию текста интересующего сообщения в гипотетическом кирилло-белозёрском своде, скорее всего, лучше передаёт Ермолинская летопись. В отличие от неё, редакция рассматриваемой годовой статьи в Софийской II – Львовской построена по иной логике, позволяющей не увязывать отдельные эпизоды в строгом соответствии с их хронологией. Она нацелена, прежде всего, на освещение деятельности великого князя и его двора. Этим объясняется её композиция, нарушающая хронологическую последовательность событий (присущую тексту Ермолинской) путём изъятия из повествования эпизода, связанного с боями на Верхней Оке, проходившими без участия московского правителя[77]. При этом сообщение о зимних событиях под Муромом сведено в единый связный рассказ с описанием обстоятельств похода под Суздаль, предзнаменованиями его бесславного исхода, известиями о Суздальском побоище и последующем пленении Василия II. Явно целенаправленно в текстах Софийской II – Львовской летописей, при описании разгрома татар под Муромом, автор акцентирует внимание на присутствии великого князя в непосредственной близости от мест боевых столкновений («…кн(я)зь велики сам былъ в Муромѣ…»), что также отсутствует в Ермолинской летописи. В этом контексте сообщение Софийской II – Львовской обнаруживает явную близость к варианту описания рассматриваемых событий в памятниках, отражающих великокняжеское летописание.

Круг последних включает в себя Московский великокняжеский свод 1479 г. (по Эрмитажному списку[78]), Вологодско-Пермскую, Никаноровскую[79], Симеоновскую, Иоасафовскую летописи, своды 1497 и 1518 гг. Сопоставление годовых статей этих источников за 1445 г. выявляет единичные незначительные разночтения между ними и одну общую погрешность, фиксируемую по нарушению логики повествования при описании одного из эпизодов[80].

полнотой административной «привязки» – под островом Ореховцем в Гороховецкой волости Нижнего Новгорода («…в Гороховцѣ, подъ Орѣховцемъ, въ Новѣгородѣ Нижнемъ…»). Однако такое прочтение не устраняет отмеченную ранее несообразность, к тому же известие о смерти выше названного лица в этом источнике явно сокращено по сравнению с сообщением Софийской II. Вместе с тем, предложенная интерпретация «Ореховца» (не как ошибочного названия русского города, а как названия острова на Оке) вселяет уверенность в правильной передаче данного топонима именно в Ермолинской летописи, а ошибочного – в Софийской II. Мнение М.А. Несина о том, что упоминаемый в Ермолинской летописи Ореховец является крепостью близ г. Арзамаса, не подкреплено ссылкой на какие-либо источники (*Несин*, 2015. С. 120).

[76] Так, в Ермолинской называется отчество воеводы князя Фёдора («Давидовичь»), а в Софийской II – только его фамилия («Долголядовъ»), отсутствующая в первой; только в Ермолинской Юшко Драница назван паном, рассказано о посылке в «Черкасы», вскрыты обстоятельства захвата г. Луха; только в тексте Софийской II – Львовской упомянуты обстоятельства гибели Александра Иванова («застрелили… в ротъ»).

[77] Соответствие отражённой в Ермолинской летописи последовательности событий историческим реалиям подтверждается источниками западнорусского происхождения (см.: ПСРЛ. Т. 35. С. 60, 78, 110, 166). О походе в окраинные Московские земли, организованном великим князем Казимиром зимой 6953 г. когда «…московъского великого князя не было тогды в земьли, ходиль к Мурому с татари битися…», свидетельствует одна из старейших белорусско-литовских летописей, отражающая свод середины XV в., – Супрасльская, созданная в первой половине XVI в. (ПСРЛ. Т. 35. С. 60).

[78] В более раннем Уваровском списке лист с рассматриваемой годовой статьёй не сохранился.

[79] Первая редакция Вологодско-Пермской летописи (Лондонский список 1499 г.) пока не опубликована. Вторая редакция, доводящая текст до 1528 г., представлена Академическим списком, третья, текст которой доходит до конца 30-х гг. XVIв., – Кирилло-Белозёрским, Синодальным и Чертковским (*Клосс,* 2006. С. V). Отрывок с интересующим эпизодом из Вологодско-Пермской летописи полностью совпадает с соответствующим местом Никаноровской. Последнюю некоторые исследователи склонны рассматривать как простое извлечение из первой (*Клосс,* 2006. С. XIV).

[80] Во фразе «А царь седе в Муромѣ». Коментарий смотри далее по тексту.

Наиболее полное и наименее дефектное чтение передаёт Вологодско-Пермская летопись. Великокняжеский свод, использованный в качестве её главного источника о событиях второй и третьей четвертей XV в., Я.С. Лурье датировал 1472 г. (1976. С. 147), Б.М. Клосс – 1477 г. (2006. С. VIII). В передаче Кирилло-Белозёрского списка события изложены следующим образом: «А князь велики Василеи Васильевич пошол тогды, со всею братьею к Володимерю, князь Дмитреи с ним Шемяка, князь Иван да князь Михаило Ондрѣевичи, князь Василеи Ярославич и со всѣми князи своими, и боляры, и воеводами, и со всѣми людьми против царя Махметя. Пришед бо сѣл в Новѣгородѣ в Нижнем старом и оттуду поиде к Мурому. Князь же велики слышев то и взявъ крещение в Володимере, поиде против ему со всею братьею и со всѣми людьми к Мурому. Царь же, слышев то, возратися бѣгомъ к Новугороду, а переднии полци великого князя биша Татаръ под Муромом и в Гороховце, и во иных мѣстех. А царь седе в Муромѣ, а татарове в то же время, коли царь под Муром ходил, Лух воевали. А князь велики возратиси, идее к Суздалю, а оттоле к Володимерю, а из Володимеря прииде на Москву в пяток великыи вечерѣ» (ПСРЛ. Т. 26. С. 196, 197). В отличие от процитированного отрывка в Эрмитажном списке XVIII в., отсутствует название разорённого татарами г. Луха («…коли царь под Муром приходилъ, воевали…»), сокращены отдельные выражения («А князь велики Василеи Васильевич пашед с своею братьею…»), допущено явно ошибочное наименование г. Мурома («…и оттуду поиде к Мурову…») (ПСРЛ. Т. 25. С. 395). В Симеоновской и Иоасафовской летописях, как и в сводах 1497 и 1518 гг., в начале сообщения выпущено наречие «тогды», соотносящее по времени бои под Муромом с приходом литовских воевод к Калуге и Козельску. Это существенно для передачи истинной последовательности событий, так как в Вологодско-Пермской, как и в других выше указанных летописях, годовая статья 6953 г. начинается с описания боёв на Верхней Оке. Кроме того, в погодных записях 1445 г. два последних источника содержат явно ошибочное написание фамилии нижегородского воеводы князя Фёдора[81] и название города Курмыша[82]. Вместе с тем, свод 1518 г. содержит оригинальное указание на дату начала похода великого князя: «В лѣто 6953. Приходили Литва к Колоузе. О бою под Соуздалем. **Тое же осени** князь великии Василеи Василевичь пошел со всею братиею к Володиморю…» (ПСРЛ. Т. 28. С. 270). Оно, казалось бы, противоречит известию Софийской II – Львовской летописей, относящих начало похода к зиме 1444–1445 гг. Однако зимой 6953 г. в нём датировано не начало выхода войска из Москвы (во Владимир), а начало его перемещения уже непосредственно на встречу неприятелю под г. Муром после того, как Улу-Мухаммед «…по кр(е)щ(е)нии прииде к Мурому, а кн(я)зь велики поиде противу ихъ…».

Вариант описания, представленный в памятниках, отражающих великокняжеские своды второй половины XV в., имеет три основных отличия от близких ему текстов Софийской II – Львовской летописей. В нём, во-первых, приведён перечень князей, участвующих в походе великого князя вместе со своими дружинами, во-вторых, указан маршрут возвращения русского войска к Москве и сообщена дата прибытия в столицу великого князя, в-третьих, отсутствует известие о гибели Александра Иванова сына Константиновича, а также замечание о сильных морозах во время боёв. Таким образом, в сообщении, вышедшем из-под пера великокняжеского летописца, ещё более усилен акцент на освещение деятельности великого князя.

В крупнейших летописях XVI в. – Никоновской и Воскресенской[83] – наиболее пространное описание зимней кампании 1445 г. сделано по тексту великокняжеского свода, близкому к тому, что представлен списками Вологодско-Пермской летописи. В обоих памятниках оно дублировано сообщением, составленным на основе рассмотренного выше варианта Сокращённого летописного свода[84], а в Никоновской – ещё и дополненным известием из Новгородской I летописи младшего извода.

[81] В своде 1497 г. – «Долъголядов» исправлено из «Дълоголядов» (ПСРЛ. Т. 28. С. 103), в своде 1518 г. – «Долгирядов» (ПСРЛ. Т. 28. С. 270).

[82] В обоих сводах читается как «Кормыш» (ПСРЛ. Т. 28. С. 104, 271).

[83] Никоновский свод появился в конце 20-х гг. XVI в., Воскресенская летопись – в первой половине 40-х гг. XVI в. (Словарь книжников и книжности…, 1989. С. 40, 50–51).

[84] В Воскресенской летописи этот текст помещён в статье 6952 г.

В Никоновской заимствованный текст великокняжеского свода при указании на Нижний Новгород, как на место, откуда под Муром пришёл Улу-Мухаммед и куда затем он «възвратися бѣгомъ» при выступлении великокняжеского войска, дополнен определением «Старый». Кроме того, повествование сопровождается справкой по истории противостояния с Улу-Мухаммедом: «Прежде бо сего пришелъ ис Поля, согнанъ з Болшіа Орды отъ брата своего Кичи-Ахметя, и пріиде къ Бѣлеву и сядеся въ Бѣлевѣ. И князь велики послалъ на него князей и бояръ и воеводъ своихъ, и Богъ попустилъ за грехи наша, многихъ нашихъ Татарове побили, а Татаръ было тогда добрѣ мало. Изъ Бѣлева поиде царь къ Новугороду къ Нижнему и засяде Новъгородъ Нижней Старой, и тако зла отъ него много бываше…» (ПСРЛ. Т. 12. С. 63–64). Известие о захвате Улу-Мухаммедом Нижнего Новгорода сразу после Белевского сражения, то есть ещё в 1438 г., приводит к заключению о пребывании в нём ханской ставки в течение очень длительного срока – семи с половиной лет (с весны 1438 г. до 25 августа 1445 г.).

Этот вывод впервые был сделан в труде В.В. Вельяминова-Зернова (1863. С. 6–11) и впоследствии поддержан В. Поволяевым (1867. С. 27–29), С.Х. Алишевым (2009. С. 118–119) и некоторыми другими историками. Вместе с тем, лежащему в его основе сообщению Никоновского свода[85], противоречит свидетельство более ранней Ермолинской летописи. Согласно тексту её статьи 1444 г. «царь Махмет» начал «помышлять» к Нижнему Новгороду только за год до памятного Суздальского боя (ПСРЛ. Т. 23. С. 151). Это известие указывает на то, что, по крайней мере, в 1444 г. Нижний Новгород находился ещё под властью великого князя. На этом основании, текст исторической справки в сообщении Никоновской летописи, разрывающий связный рассказ Московского великокняжеского свода, очевидно, может быть охарактеризован как вставка первой половины XVI в. Сомнение в длительном удержании ордой Улу-Мухаммеда города в устье Оки высказывалось многими исследователями (*Кунцевич,* 1905. С. 247–248; *Худяков,* 2004. М. С. 22–23; *Сафаргалиев,* 1996. С. 496; *Бахтин,* 2008. С. 120–125; *Кучкин,* 2011. С. 235).

Текст, основанный на сообщении Новгородской I летописи младшего извода, в Никоновском своде также сопровождён вставкой. Здесь, в заключительной части новгородского известия, указывается место, где укрылись разгромленные отряды орды Улу-Мухаммеда: «И пособи Богъ великому князю Василію, и побѣгоша Татарове въ Нижній-Новъгородъ Старой, отнюдуше пришли, а иніи избіени быша» (ПСРЛ. Т. 12. С. 63). Это противоречит сообщению Софийской II – Львовской летописей, согласно которому татары были выбиты и из Нижнего Новгорода «старого». Чтение, близкое Никоновской (но без исторической справки про Улу-Мухаммеда), передаёт Иоасафовская летопись, составленная в 20–40 гг. XVI в. (Иоасафовская летопись, 1957. С. 63).

Если известия Никоновской летописи отличаются оригинальными комментариями, зачастую противоречащими более ранним источникам, то текст Воскресенской в отдельных деталях обнаруживает удивительное следование варианту описания событий из Софийской II – Львовской (несмотря на второстепенные по значимости разночтения и введённые заголовки). Её погодная запись 6953 г. почти повторяет соответствующую статью Вологодско-Пермской летописи. От последней она отличается наличием заголовка («О походѣ великого князя противъ царя Махметя») и небольшими сокращениями[86].

Тексты всех рассмотренных источников, отражающих разновременные редакции великокняжеского свода, за исключением Воскресенской летописи, отличаются одной неувязкой, нарушающей общую логику повествования. Это замечание о приходе Улу-Мухамеда в сам город Муром («А царь седе в Муромѣ»), трактуемое исследователями как захват татарами этого города (*Зимин,* 1991. С. 101; *Горский,* 2005. С. 145). Оно помещено между свидетельством разгрома татар под Муромом, Гороховцом и описанием возвращения войска Василия II в Москву, что порождает у читателя законный вопрос о победителях и побеждённых. Эта явная описка отсутствует в Воскресенской летописи, где соответствующая фраза читается как: «…а самъ князь великій тогда сѣде въ Муромѣ» (ПСРЛ. Т. 8. С. 112), что соответствует известным спискам Софийской II – Львовской, Сокращённого свода конца XV века, Софийской I летописи по

[85] Попавшее в «Историю Российскую» В.Н. Татищева (1996. Т. 5. Ч. 3. С. 259).

[86] Так, в начале известия выпущено упоминание первого пункта похода великого князя – г. Владимира (ПСРЛ. Т. 12. С. 112).

списку И.Н. Царского, но только не источникам, отражающим официальное великокняжеское летописание.

Характерные «общие места» с Софийской II обнаруживаются и во втором варианте описания интересующих событий Воскресенской летописи. Этот текст в целом соответствует сообщению Сокращённого летописного свода. Однако его передача близка Софийской II: в известии о гибели Александра Иванова сын Константиновича называется место поражения («въ ротъ»), что отсутствует в Сокращённом своде; в указании на то, что татар побили по сёлам, также, как только в Софийской II, глагол использован без приставки («Татаръ били по селомъ» вместо «Татаръ побили по селом»); написание «на боехъ» напоминает написание «на боѣхъ» Воскресенской редакции Софийской II летописи (ПСРЛ. Т. 8. С. 111). Отмеченные выше совпадения позволяют предположить, что указанные «исправления» появились, скорее, не в результате использования более ранних протографов сообщений московского великокняжеского свода или Сокращённого летописного свода, а путём сверки текстов этих источников по одному из списков Софийской II летописи.

Проведённый обзор летописных памятников показывает, что для реконструкции событий зимы 1444–1445 гг. достаточно привлечь Коммиссионный список первой Новгородской летописи младшего извода, Ермолинскую, Софийскую II – Львовскую, Вологодско-Пермскую летописи, а также Уваровскую летопись, сохранившую уникальное указание на время начала похода великого князя. Другие летописи при передаче интересующего эпизода, либо вторичны по отношению к выше перечисленным, либо содержат менее полные или более дефектные тексты.

От рассмотрения источников перейдём к реконструкции событий.

Как следует из Ермолинской летописи, о появлении в 1444 г. орды Улу-Мухаммеда под Нижним Новгородом московские власти были заранее оповещены (ПСРЛ. Т. 23. С. 151). Последовавший великокняжеский наказ «крепить осады», очевидно, означал необходимость принятия срочных мер по ремонту, дополнительному оборудованию, обеспечению съестными и прочими запасами связанных с городом укреплённых мест[87]. Из текста известия 1444 г. можно сделать три вывода. Во-первых, в канун нападения Улу-Мухаммеда в Нижнем Новгороде находились представители великокняжеской администрации. Во-вторых, в городе имелось несколько различных укреплений[88]. В-третьих, появление крепостей в городе в устье Оки произошло ранее поступления известия об угрозе нападения, так как, в соответствии с сообщением 1444 г. их нужно было «крепить» (то есть укреплять, усиливать (Словарь русского языка…, 1981. С. 30)), но не возводить.

Появление орды Улу-Мухаммеда в Нижнем Новгороде произошло, скорее всего, ещё осенью 1444 г. На это косвенно указывает сообщение Уваровской летописи о начале похода великого князя (ПСРЛ. Т. 28. С. 270). Однако степняки захватили не весь город, а только ту его часть, которую авторы великокняжеских сводов называют Нижним Новгородом «старым» (ПСРЛ. Т. 26. С. 196). На этом основании можно предположить, что другое автономное укрепление, известное как Нижний Новгород «меншой» (или Новый), удерживалось москвичами вплоть до прихода великокняжеских полков. Срок этого первого осадного сидения, непосредственно не упомянутого в источниках, можно оценить по двум датам, соответствующим выходу русских полков к Мурому из Владимира (после Крещения – после 6 января 1445 г.) и возвращению великого князя в Москву («в пяток великыи вечерѣ», то есть 26 марта 1445 г. (*Зимин,* 1991. С. 102)) – от полутора (декабрь 1444 г. – середина января 1445 г.) до шести месяцев (с сентября 1444 г. по начало марта 1445 г.).

Выдвижение татарских отрядов из Нижнего Новгорода к Мурому состоялось перед Крещением, вероятно, в конце декабря – самом начале января. После 6 января из Владимира им на встречу вышла многочисленная русская рать. Узнав об этом, сам Улу-Мухаммед спешно вернулся в устье р. Оки, а рассредоточенные отряды его войска завязали бои с передовыми великокняжескими полками под Муромом и в Гороховецкой волости, куда татары проникли, ве-

[87] Слово «осада» по контексту летописного сообщения следует понимать в значении защищённого, укреплённого места (*Срезневский,* 1989. Стб. 712, 713).

[88] О чём свидетельствует форма множественного числа слова «осада», тогда как обычное его использование применительно к сходной ситуации предполагает форму единственного числа (см.: *Срезневский,* 1989. Стб. 712, 713).

роятней всего, перейдя Оку в районе устья р. Клязьмы («подъ Орѣховцемъ»), где также происходили боевые действия. Постепенно степняков оттесняли от Мурома, выбивая из захваченных сёл, но нанесённый ими ущерб был значителен: «…землю пусту сътвориша…» (Новгородская первая летопись…, 1950. С. 424–425). По наблюдениям П.В. Чеченкова, из-за вражеского нашествия 1445 г. была упразднена одна из волостей (Мещерская), земли которой охватывали окское левобережье в районе клязьминского устья (*Чеченков,* 2004а. С. 30–31).

Бои проходили в сильнейшие морозы и цена одержанной победы оказалась высокой. Красноречивое свидетельство об этом сохранилось в Новгородской летописи, отметившей многочисленные потери среди русского воинства, понесённые, как непосредственно по ходу боёв, так и по причине лютых холодов (НПЛ. С. 424–425). Тем не менее планы хана-изгоя были сорваны: не он, а великий князь, «сел в Муроме», и передовые русские полки очистили от присутствия его орды выбранный им для зимовки Нижний Новгород (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 104). В городе в устье Оки была оставлена застава под верховенством двух воевод – князя Фёдора Давидовича Долголядова и пана Юшко Драници[89]. Возглавляемый ими гарнизон разместился («затворишася») в Нижнем Новгороде Новом (или «меньшом»), очевидно, оставив Нижний Новгород «старый» без воинского присутствия. Вероятно, уже тогда достигнутый в военной кампании успех воспринимался как временный, но предпринять усилия для обороны ещё одной нижегородской «осады» было невозможно либо из-за утраты ею обороноспособности, либо из-за нехватки людей, способных нести воинскую службу.

Отступив от города, Улу-Мухаммед и его старший сын Махмутек, весной 1445 г. послали за подкреплением. Оно пришло из Черкас[90] в виде двух тысяч наёмных казаков, изгоном «без слова царева» взявших и разграбивших в восточной части Волго-Окского междуречья город Лух (ПСРЛ. Т. 23. Стб. 151). Почувствовав лёгкую добычу, Улу-Мухаммед отправил в поход на «отчины князя великого» сыновей Махмутека и Якуба. Наверное, к этому времени хан со своею ордой вернулся в Нижний Новгород Старый, а в Нижнем Новгороде Новом началось второе осадное сидение. Последнее продолжалось почти до Петрова дня (29 июня). В канун этого праздника нижегородские воеводы, бежав из города, «…град зжегше, поне же бо изнемогоша з голоду», в Юрьеве повстречали войско великого князя, за месяц до этого[91] выступившее в повторный поход против татар (ПСРЛ. Т. 26. С. 197).

После Суздальского боя, произошедшего 7 июля у стен Спасо-Евфимиева монастыря, в Нижний Новгород были приведены многочисленные пленники. На этот раз судьба полоняника была уготована и великому князю Василию Васильевичу. Спустя полтора месяца, 25 августа, орда Улу-Мухаммеда навсегда покинула Нижний Новгород. Очередным временным пристанищем «царя» стал пограничный г. Курмыш (ПСРЛ. Т. 25. С. 263)[92].

Таким образом, на протяжении около девяти месяцев (с конца осени (ноябрь) 1444 г. по 25 августа 1445 г., вероятно, с небольшим перерывом) Нижний Новгород служил временной ставкой Улу-Мухаммеда. Количество татар, «расквартированных» в нём в это время, можно оценить по известной численности войска Махмутека и Якуба, вышедшего из города и разбившего великокняжеские полки под Суздалем. Она составляла 3500 человек, что зафиксировано в большинстве сводов XV в. (ПСРЛ. Т. 6. С. 171; Т. 25. С. 263; Т. 26. С. 198; Т. 28. С. 104, 271)[93]. Следует учесть, что в городе, наверное, пребывали и семьи многих воинов Улу-Мухаммеда, ко-

[89] Если про первого из них каких-либо дополнительных сведений не сохранилось, то имя второго неоднократно встречается в летописях. Литвин пан Юшко Драница оставил по себе добрую память личным мужеством и верностью клятве, данной своему сюзерену – Василию II. Осенью 1445 г. он, очевидно, по собственной инициативе, организовал рискованный рейд к г. Курмышу с целью вызволения своего патрона из татарского плена (ПСРЛ. Т. 23. С. 152). Погиб «храбрыи человѣкъ Юшко Драница» в 1447 г. под стенами Углича, сражаясь против сподвижников Дмитрия Шемяки (ПСРЛ. Т. 25. С. 269).

[90] С Нижнего Поднепровья, см.: *Бахтин*, 2008. С. 164, 165.

[91] После начала Петрова поста, наступившего в 1445 г. 29 мая.

[92] Упоминания об Улу-Мухаммеде в русских летописях исчезают после известия об отпущении великого князя из Курмыша 1 октября 1445 г. Согласно Никоновскому и Воскресенскому сводам, осенью 1445 г. в Казань из Курмыша во главе татарского войска вернулся только его старший сын Махмутек, убивший здесь местного князя («вотчича») Либея и провозгласивший себя казанским ханом (ПСРЛ. Т. 8. С. 114; Т. 13. С. 251). Не исключено, что г. Курмыш стал последним пристанищем хана-изгоя (*Алишев,* 2009. С. 120).

[93] В позднейшей Холмогорской летописи второй половины XVII в. указана явно ошибочная численность татарского войска в 1500 воинов (ПСРЛ. Т. 33. С. 105).

торый и сам имел обыкновение ходить в походы вместе со своими многочисленными детьми и «царицами»[94].

Много это или мало для Нижнего Новгорода? Чтобы ответить на этот вопрос достаточно вспомнить, что по материалам Писцовой книги в 20-х гг. XVII в. в Нижнем Новгороде проживало от 3200 до 3500 взрослых мужчин (*Любомиров,* 1917. С. 14). Совершенно очевидно, что в 1445 г. захватчики доминировали над горожанами (если таковые вообще оставались). Длительность времени их пребывания на Нижегородской земле привела к её разорению. Можно ожидать, что трагические события 1445 г. в череде испытаний, выпавших на долю средневекового города и его земель, отличались наибольшими разрушительными последствиями. Не случайно «мамотяковщина» оставалась памятной спустя десятки лет после боя под Суздалем (Сборник Муханова, 1866. С. 561).

Война Улу-Мухаммеда с Василием II, вспыхнувшая ещё под Белевым, совпала по времени с началом формирования Казанского ханства, объединившего мелкие разрозненные княжества бывшего Болгарского улуса Золотой Орды[95]. Социально-экономические предпосылки формирования этого нового государства на Средней Волге возникли ещё на рубеже XIV–XV вв., когда после вторжения полчищ Тимура в поволжские земли, под Казань в лесное Заволжье устремился поток беженцев из близких к степям, наиболее заселённых районов Волжской Болгарии (*Бахтин,* 2008. С. 80, 81). Поэтому события 1445 г. могут быть осмыслены в рамках начала силового противостояния Московской Руси и Казанского ханства, противоборства, нацеленного на выяснение территориального рубежа, разделяющего области политического влияния двух новых нарождающихся тогда государств Восточной Европы.

Захват Нижнего Новгорода и его длительное удержание Улу-Мухаммедом стали своеобразным «предложением» района прокладки новой политической границы одной из соперничающих сторон. Перед своим уходом с устья Оки, основатель династии казанских ханов сделал попытку закрепить своё влияние в обширной пограничной зоне, в которую после битвы под Суздалем были превращены земли бывшего Суздальско-Нижегородского княжества. На короткий срок они были заново объединены им и переданы в держание внукам Василия Кирдяпы – Василию и Фёдору Юрьевичам. Согласно составленному во второй половине 1445 г. докончанию между ними и представляющим в то время интересы Москвы Дмитрием Шемякой, суверенность прав наследников нижегородских князей утверждалась на Городец, Суздаль, Нижний Новгород и даже на Вятку (ДДГ. № 40. С. 119; *Кучкин, Флоря,* 2011). Очевидно, восстановленная таким образом «автономия» означала политическую независимость от московской администрации и жёсткий протекторат со стороны правящей верхушки, обретающей отчётливое государственное оформление орды Улу-Мухаммеда и его старшего сына Махмутека.

Стремление татарских воителей закрепить за собой Нижегородскую землю передаёт эпизод из «Жития Макария Желтоводского и Унженского», нижегородского святого, последний период жизни которого церковная традиция соотносит со временем появления Казанского ханства[96]. Первая (краткая) редакция этого памятника, сохранившаяся в рукописи XVIII в., была составлена около 1552 г. (*Понырко,* 1988). Согласно её тексту, после разорения обители святого на Жёлтых водах[97] во время нашествия орды Улу-Мухаммеда на Нижний Новгород, он был отпущен из плена татарским военачальником с обязательством покинуть обжитое место

[94] Так, «царицы» Улу-Мухаммеда упоминаются при описании похода на Москву в 1439 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 491); при исходе из Нижнего Новгорода летописец упоминает только его детей (скорее всего, в данном случае подразумевались только старшие сыновья – Махмутек и Якуб) (ПСРЛ. Т. 25. С. 263).

[95] Одни исследователи склонны датировать образование Казанского ханства 1438 г. и связывать это событие с Улу-Мухаммедом, ушедшим в Казань со своей ордой из г. Белева, другие– 1445 г., когда, согласно Никоновскому своду и Воскресенской летописи, его сын Махмутек, после возвращения из Курмыша, был провозглашён казанским ханом (*Бахтин,* 2008. С. 109, 125, 126). Последняя точка зрения представляется более подкреплённой источниками (*Бахтин,* 2008. С. 109, 110). Авторитет и наверное немалые средства, обретённые Махмутеком в результате победы под Суздалем, очевидно, активизировали политический процесс, приведший к возникновению нового государственного образования на Средней Волге.

[96] Известие о нём содержит Ермолинская летопись, приписывающая «мужу святому» Макарию, игумену Желтоводскому активное участие в церковном соборе 1446 г., после которого Дмитрий Шемяка выпустил Василия Васильевича, пожаловав ему г. Вологду (ПСРЛ. Т. 23. С. 153).

[97] На левобережье р. Волги вблизи устья р. Керженец, примерно в 80 км к востоку от Нижнего Новгорода.

Житие Макария Желтоводского…, 2005. С. 272, 273). В другой редакции повеление не возобновлять монастырь в устье Керженца поясняется следующим образом: «…понеже эта земля… Казанскому ханству прилежащая» (Минеи – Четьи…, 1875. Л. 148)[98]. Не исключено также, что первые татарские сёла на юго-востоке Нижегородского Поволжья, в Посурье, в районах, близких к Курмышу, появились не без попечительства Улу-Мухаммеда или его старшего сына, на что указывает близкая к описываемым событиям дата основания одного из них (1451 г.), переданная в позднейшем списке погодных записей мечети с. Красная Горка (*Сенюткин,* 2001. С. 95, 96).

Явный дефицит возможностей новых хозяев Суздальско-Нижегородского княжества, очевидная переоценка их сюзеренами значения победы под Суздалем вскрылись вскоре после ухода татарского войска из пределов Нижегородской земли. Уже к середине марта 1446 г., став на короткий срок великим московским князем, Дмитрий Шемяка аннулировал достигнутые договорённости[99]. По мнению исследователей, внуки Кирдяпы владели воссозданным великим нижегородским столом менее 9 месяцев (с 7 июля 1445 по 14 марта 1446 г., см.: *Кучкин, Флоря,* 2011. С. 203)[100].

Централизация власти на Средней Волге способствовала быстрому развитию местного рынка. Ещё при Махмутеке (до 1464 г.) Казань становится крупнейшим центром поволжской торговли. Связанный с ней участок Волжской магистрали обретает спокойствие и безопастность[101]. Ареал добычи военных трофеев сдвигается на периферию земель Казанского ханства. Здесь развёртывается «малая война», наводнявшая казанский торг дешёвыми рабами (*Бахтин,* 2008. С. 223). С середины XV в. она, очевидно, становится неотъемлимой частью нижегородской повседневности. Весьма красноречиво позволяет представить ситуацию, сложившуюся в суздальско-нижегородских землях в середине XV в., текст жалованной грамоты от 19 мая 1481 г. из архива Троице-Сергиевского монастыря. В нём сообщается о том, что в Ярополче и Гороховце "...татары казанские...земли воевали и выжгли и людей развели..." (*Каштанов,* 1970. С. 398). Регулярные нападения маневренных отрядов охотников за «живым товаром» делали невозможным возрождение земель района устья Оки после утрат первой половины XV в. Это положение фиксирует отрывок из трактата «О двух Сарматиях», написанного по рассказам европейцев, побывавших на Руси вблизи рубежа XV–XVI вв. и впервые напечатанного в 1517 г. При оценке количества воинов, поставляемых разными землями Московии в великокняжеское войско, его автор о восточных поволжских областях отметил только то, что: «Княжество Суздальское и многие соседние с ним опустошены и разорены татарами» (*Меховский,* 1936. С. 113).

ГОРОД И ЕГО УКРЕПЛЕНИЯ

Каким предстаёт Нижний Новгород середины XV столетия по скупым косвенным сведениям письменных источников?

Прежде всего, малолюдным. К такому выводу подводит отсутствие упоминания о разорении города в летописном повествовании о событиях зимы 1444–1445 гг. Размещение в его пределах более трёх тысяч татарских всадников, очевидно, не могло произойти без катастрофических последствий для местного населения. В случае, если бы нижегородцы были многочис-

[98] Профессор иеромонах Макарий, опубликовавший в 1850 г. «Сказание о жизни и чудесах преподобного Макария», написанное по разным редакциям памятника, отразившимся как в Четьи Минеи, так и в доступных для автора двух рукописных житиях, предпринял попытку обосновать предположение, что татарским воеводой, разговаривавшим с преподобным, был сам Улу-Мухаммед (Преподобный Макарий…, 2004. С. 29).

[99] 14 марта 1446 г. датируется жалованная льготная несудимая грамота, выданная им архимандриту нижегородского Благовещенского монастыря (АФЗХ. Ч. 1. № 232. С. 204).

[100] Старший из них, Василий, бывший до нижегородских событий обычным служилым князем в Великом Новгороде, вскоре умер, а младший, Фёдор, в 1446 г. поступил на службу к тверскому князю, став его наместником в г. Кашине (*Кучкин, Флоря,* 2011. С. 201).

[101] По словам митрополита Ионы, ходатайствующего перед Махмутеком о защите своего представителя, направляемого в Казань для совершения торговых сделок, «…всимъ купцемъ нашимъ и иных земель купцем щкоты и оубытковъ нѣтъ никоторых ни wт кого…слышится по всѣмъ землямъ, что же пакости никому нѣт wт твоих твоимъ великым господарьством и жалованьем…» (АСЭИ. Т. 3. № 10. С. 26, 27).

ленны, печальная участь полоняников и погибших, наверное, была бы отмечена в летописных текстах. На длительное запустение города после ухода Улу-Мухаммеда косвенно указывает замечание о пустующих дворах под нижегородским Благовещенским монастырём – ещё весной 1446 г. они оставались заброшенными и нежилыми (АФХЗ. Ч. 1. № 232. С. 204). Наконец, сложно представить многонаселённым город с опустошённой земледельческой округой. А именно такое впечатление производит обзор поземельных актов первой половины – середины XV в. Их тексты пестрят упоминаниями заброшенных поселений – селищ и пустошей, уходов «старожильцев» из монастырских деревень и сёл[102].

Второй вывод, который напрашивается при чтении летописных отрывков с упоминанием Нижнего Новгорода этого времени, касается структуры городских укреплений. Они к 1445 г., очевидно, имели двухчастную планировку.

Один изолированный защитными сооружениями участок, известный современникам как Нижний Новгород «старый», может быть локализован по тексту статьи 1469 г. (6977 г.) Московского летописного свода конца XV в. Впервые с этой целью использовать соответствующий летописный рассказ предложил В.А. Кучкин (2011. С. 236). В нём содержится подробное описание похода большого сводного войска на Казань. Сообщая об обстоятельствах выхода судовой рати из Нижнего Новгорода, летописец отмечает: «И поидоша из Окы под Новъгород под старой, сташа под Николою на Бечевѣ и вышед ис суд идоша в город к старои церкве Преображенья господня и повелѣша ту сущим священником молебна совръшати за великого князя и за воя его» (ПСРЛ. Т. 25. С. 282). Упоминание нижегородского Спасо-Преображенского собора в «старом Новъгороде» однозначно соотносит последний, если не со всей территорией детинца нижегородской крепости, то хотя бы с его северо-восточной частью, где ещё при Юрии Всеволодовиче была воздвигнута первая белокаменная церковь.

Решение вопроса о второй нижегородской крепости, где в 1445 г. «затворились» московские воеводы, может быть намечено только в тесной связи с выяснением общей схемы городской планировки. Последняя при двухчастной структуре укреплений могла быть реализована по одной из трёх возможных моделей.

Первая («концентрическая») предполагает взаиморасположение «меньшого» и «старого» Нижних Новгородов по типу «город в городе», с обозначением соответствующими наименованиями различных частей единой замкнутой оборонительной системы. Впервые догадка о возможности такой топографии укреплений XV в. – в пределах единой «старообжитой» городской территории, была высказана Н.И. Храмцовским, предложившим рассматривать летописное «меньшее» из них, как единожды упомянутый в Рогожском летописце недостроенный в детинце 1221 г. каменный кремль нижегородского князя Дмитрия Константиновича (*Храмцовский,* 1998. С. 65). Несообразность такой схемы обстоятельствам, зафиксированным в летописных источниках, ещё в 1923 г. отметил сын известного литератора и нижегородского краеведа А.П. Мельников, заметивший: «…это едва ли могло быть, потому что тогда выходит, что воеводы отсиживались на носу у самого Улу-Махмета, сидевшего в Кремле» (*Мельников,* 1923. С. 23). Тем не менее, данная версия («детинец в детинце») была поддержана С.Л. Агафоновым, аргументировавшим примерами планировки известных русских городов с подобной структурой оборонительных линий: «…правильнее считать «меньшим городом» остатки недостроенного каменного кремля XIV века или часть его, выгороженную из общей территории. Такие особо сильные укрепления, выделенные в системе крепости вследствие различных исторически обусловленных причин, были в Орешке, Яме, Вязьме, Ивангороде» (*Агафонов,* 2008. С. 27). Сходный план взаиморасположения укреплённых пунктов Нижнего Новгорода середины XV в. предполагал Л.М. Каптерев (*Каптерев,* 1939. С. 104–105). Отличие этого плана от схемы, предложенной Н.И. Храмцовским, состояло в том, что с «меньшим» городом предлагалось соотносить всю территорию средневекового детинца («кремля», по Каптереву Л.М.), а со «старым» (вероятно, по «созвучию» со Старым острогом) – только кольцо окольного города. Версии Храмцовского – Каптерева без каких-либо критических замечаний нашли отражение в публикациях И.А. Кирьянова. Выдающийся нижего-

[102] См.: АСЭИ. Т. 2. № 435, 437. С. 479, 480; Т. 3. № 296, 297, 494. С. 323–325, 473, 474; АФЗХ. Ч. 1. № 230–233, 245. С. 202–205, 210.

родский краевед, вероятно, не видел большого различия между ними. Так, в брошюре 1956 г. Нижний Новгород «менший» он интерпретировал как укрепления Дмирия Константиновича (*Кирьянов,* 1956б. С. 19), а в последующих работах – как детинец нижегородской крепости (*Кирьянов,* 1961. С. 34; *Кирьянов,* 1968. С. 12).

Вторая модель описывает «меншой» и «старый» как две различные изолированные, но весьма близко находящиеся друг к друга структуры, расположенные в пределах одного «кремлёвского холма». Этой версии близко предположение С.Л. Агафонова, полагавшего, что соответствующая «меншому» Нижнему Новгороду крепость Дмитрия Константиновича представляла собой «более укреплённую часть» нижегородского детинца у древнего Спасского собора (*Агафонов,* 1987. С. 28). К предположению о возможности такого типа планировки самостоятельно пришёл И.О. Ерёмин, изучивший первоначальный рельеф Каменного города со следами средневековых укреплений по планам второй половины XVIII в. (*Ерёмин,* 1994. С. 129).

Вспоминая топографию нижегородского детинца (см. § 2), действительно, возникает искушение отождествить две его части, разделённые Ивановским оврагом, с Нижним Новгородом Новым и Нижним Новгородом «старым». Каждую из них легко соотнести с отдельным изолированным укреплением: обе со стороны «поля» были ограждены валом и рвом, следы которых не только сохранились на планах кремля второй половины XVIII в.[103], но и были неоднократно зафиксированы при археологических раскопках[104]. Вместе с тем, такому «естественному» отождествлению противоречит сопоставление разноплановых источников.

Северо-восточная часть первой нижегородской крепости, способная, казалось бы, по своим скромным размерам претендовать на роль Нижнего Новгорода «меньшего», как следует из упомянутой выше летописной статьи 1469 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 282), входила в черту «старого» города. Не исключено, что, как отметил П.В. Чеченков (2002. С. 116; 2012. С. 20), в летописном тексте слово «меншой» характеризует связанное с ним укрепление не в «сравнительно-размерном» контексте, а служит указанием на его «меньший» возраст или его меньшую значимость по функциям и известности (*Срезневский,* 1989. С. 227–228). В этом случае следует ожидать наличие следов хозяйственного освоения середины XV в. на территории другой площадки, большей по размерам, тяготеющей к Михайло-Архангельскому собору. В отличие от первой, она хорошо обследована археологически, но в хронологической последовательности вскрытых здесь объектов исторической застройки отчётливо просматривается разрыв, соответствующий большей части XV столетия[105].

Попытка обоснования второй модели ссылкой на текст летописной статьи 1445 г. была предпринята П.В.Чеченковым (2012. С. 115). Вывод о территориальной близости двух изолированных друг от друга нижегородских укреплений середины XV в. (расположенных в пределах «кремлёвского холма»), по его мнению, следует из того, что «…воеводам пришлось сесть в осаду от Улу-Мухаммеда, занявшего «старый город», то есть, как если бы воеводы отступив из «старого», перешли в рядом стоящий «меньший». Однако это не согласуется с ходом событий, переданных текстом единственного летописного сообщения, упоминающего Нижний Новгород «меншой»: в последний московские воеводы затворились не по ходу схватки с неприятелем, а после неё, после того, как татары были выбиты из «старого» Нижнего Новгорода (см.: ПСРЛ. Т. 6. Стб. 104).

Приходится признать, что, скорее всего, понятие «старый Нижний Новгород» в середине XV в. территориально целиком покрывало город Юрия Всеволодовича, разделённый Ивановским оврагом на две разновеликие площадки. Такого мнения, по-существу, придерживается В.А. Кучкин, соотносящий территорию нижегородского детинца с кремлём[106] (*Кучкин,* 2011. С. 236). Вместе с тем, нельзя исключать, что как «старый» Нижний Новгород мог восприниматься не только детинец, но и вся территория бывшей столицы суздальских князей XIV – первой трети XV вв. Следует отметить, что определение «старый» в наиболее ранних летопис-

[103] См., например: РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Ед. хр. 528.

[104] Обзор соответствующих исследований см.: *Ануфриева, Четвертаков*, 2012. С. 11–18.

[105] Развёрнутому обоснованию этого утверждения посвящён § 2 главы 4.

[106] Такое сопоставление не совсем точно, так как территория Каменного города (или кремля) начала XVI в., на самом деле, заметно превышает площадку детинца крепости Юрия Всеволодовича, целиком включая её в себя, что неоднократно зафиксировано при археологических раскопках и наблюдениях.

ных памятниках приведено с прописной буквы (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2 Стб. 103, 104). Это указывает на его первоначальное использование не в качестве составной части оригинального топонима[107], обозначающего населённый пункт, отличный от летописного Нижнего Новгорода XIV – первой трети XV вв., а в качестве новой, ранее не употреблявшейся характеристики этого давно известного города, ставшей актуальной только после «закрепления» в нём пришлых представителей московской великокняжеской администрации.

Двум первым рассмотренным моделям планировки, предполагающим близкое взаимное расположение «меншого» и «старого» городских укреплений, противоречит одно из косвенных указаний. Соответствующий летописный текст затрагивает обстоятельства окончания «осадного сидения» московских воевод в 1445 г. (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 104). Судя по благополучному исходу побега из занятого Улу-Мухаммедом Нижнего Новгорода, покинуть крепость, предварительно подпалив её стены, изможднному лишениями военному гарнизону удалось без серьёзного противодействия со стороны противника. Даже учитывая боевой опыт, незаурядную личную храбрость и очевидный талант в организации всякого рода диверсионных операций, по крайней мере, одного из военачальников (пана Юшки Драницы), приходится признать, что осуществлённое рискованное предприятие вряд ли могло иметь успех, в случае если бы осаждённая крепость находилась в непосредственной близости от места размещения основного татарского войска – «старого» города. А следовательно, скорее всего, она располагалась за пределами жилой застройки Нижнего Новгорода XIII – начала XV вв.

Её вероятное местоположение позволяет уточнить один эпизод повествования о походе большой судовой рати в «Казанские места» 1469 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 282). Согласно летописи, местом сбора войск стал Нижний Новгород: «А Костянтинъ Беззубцевъ со всѣми предписанными вои совокупився стояше в Новѣгородѣ в Нижнем, и прислал к нему князь великы грамоту свою, веля ему самому стояти в Новѣгородѣ, а которые под нимъ дѣти боярьскые и вси прочии вои въсхотят, тѣх повелѣ ему отпускати воевати мѣстъ Казьнскых». После получения грамоты воевода собрал совет, на котором был решён вопрос о том, кто пойдёт на Казань. Об обстоятельствах выхода судовой рати из Нижнего Новгорода летописец передаёт следующее: «И поидоша вси, а Костянтин остася в Новѣгородѣ. И поидоша из Окы под Новъгород под старои, сташа под Николою на Бечевѣ и вышед ис суд идоша в город к старои церкве Преображенья…». Из приведённого отрывка можно заключить, что московский воевода, прибыв со своим войском в Нижний Новгород, остановился не в Нижнем Новгороде «старом», а где-то на Оке. Именно отсюда, с Оки и отправилась в поход судовая рать, сделавшая лишь кратковременную остановку под «старым» городом – только для того, чтобы заказать молебны в нижегородских храмах и раздать милостыню за успех предстоящего опасного предприятия. Ставка воеводы, как и место размещения прибывших в Нижний Новгород войск, следуя контексту летописного сообщения, располагались где-то на окском берегу выше детинца старой нижегородской крепости (так как последняя стояла напротив самого устья). Если за 24 года, прошедшие после нашествия Улу-Мухаммеда, место размещения в городе представителей московской администрации не изменилось, то ратные люди и сам московский воевода в 1469 г., надо полагать, остановились в заново укреплённом и отстроенном Нижнем Новгороде Новом.

Первым связал расположение Нижнего Новгорода «меншого» с возвышенным участком правого берега р. Оки, удалённым от нижегородского кремля, В.А. Кучкин (2011. С. 236). Аргументируя своё предположение, историк сослался только на общее направление движения русских ратей, определяющее «театр военных действий» в январе – феврале 1445 г.: по р. Оке от участка муромского течения до устья (от Мурома до «старого» Нижнего Новгорода).

Предложенная В.А.Кучкиным третья модель, предполагающая не только изолированность и автономность укреплений, но и значительную удалённость их друг от друга, представляется наиболее вероятной. Соответствующая ей структура городской планировки носила бицентрический (или «двухядерный») характер.

Предпосылки для её сложения в Нижнем Новгороде были. Они воочию раскрываются при выяснении возможностей поддержания обороноспособности города в сложной военно-политической обстановке первой половины XV в.

[107] Что можно видеть в Никоновской летописи: «Нижний Новгород Старый» (ПСРЛ. Т. 12. С. 63).

Состояние укреплений бывшей столицы Суздальско-Нижегородского княжества после её разорения отрядом Едигея, скорее всего, долгое время оставалось неудовлетворительным. К такому выводу пришли исследователи на основании редких косвенных сведений из источников первой половины XV в. (см.: *Кирьянов,* 1961. С. 34; *Чеченков,* 2002. С. 114; *Чеченков,* 2007а. С. 104). В противном случае трудно объяснить характерное поведение занимающего сторону обороны участника какого-либо военного конфликта, происходившего в Нижнем Новгороде в промежутке от его разорения зимой 1408–1409 гг. и до прихода в него орды Улу-Мухаммеда. Так, в январе 1411 г. для сражения с московским войском братья Борисовичи избрали для разворачивания своих боевых сил позицию в 80 км восточнее города в районе устья р. Сундовик («бой на Лыскове») (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 186). Через 4 года, в январе 1415 г., уклоняясь от встречи под городскими стенами с войском Юрия Дмитриевича Звенигородского, Даниил Борисович увёл своих людей за Суру (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 487). Вероятно, не рискнул испытать надёжность нижегородских укреплений и сам Юрий Дмитриевич. При известии о военной угрозе, сын Дмитрия Донского, повторяя «манёвр» своего недавнего противника, также покинул город, предпочитая укрыться не за его стенами, а за руслом многоводной Суры[108]. Не отражён факт обороны города и в летописном сообщении о приходе Улу-Мухаммеда: в отличие от г. Луха, который «татарове воевали», в «старый» Нижний Новгород хан просто «пришёл» и «сел» (ПСРЛ. Т. 26. С. 196, 197).

Если укрепления старого города действительно не были надёжны, совершенно очевидно, что «ставиться» в нём служилым московским людям было нельзя. Наверное, на первых порах, сразу после некоторой стабилизации политической обстановки в 1436 г., великокняжеские наместники и военные слуги при поисках места размещения в городе могли рассчитывать на содействие архимандрита нижегородского Благовещенского монастыря. Последний, по мнению исследователей, стал домовым монастырём московских митрополитов с появлением в нём архимандрита Малахии, то есть, приблизительно, с рубежа 10–20-х гг. XV в. (*Чеченков,* 2007а. С. 100). Косвенным доводом («от противного») в пользу такого предположения может служить освобождение монастыря от соответствующего обременения, зафиксированное в жалованной льготной несудимой грамоте, выданной Дмитрием Юрьевичем Шемякой 14 марта 1446 г. В ней сказано: «А князи мои и воеводы ратные в том монастыри, ни у их людей не ставятся, ни мои наместники, ни их тиуни. Или пошлю кого тамо на свою службу, на великого князя, и они под монастырем у них не ставятся, ни перевоза себе не чинят, ни судов, ни людей монастырских на перевоз себе не емлют» (АФЗХ. Ч. 1. № 232. С. 204).

Постоянная угроза татарских набегов, очевидно, ограничивала возможности великокняжеской администрации. Обеспечение безопасности и непрерывности её деятельности требовало создание более надёжного укрытия, чем то, которое могли обеспечить стены периферийной монашеской обители. Для того чтобы привести в должный вид укрепления нижегородской крепости, линия которых только с напольной стороны простиралась почти на 1 км, в разорённом крае, очевидно, просто не хватало рабочих рук. Кроме того, сама оборона протяжённого периметра «старого» города потребовала большого количества защитников, а их недостаток отчётливо проявился ещё во время прихода орды Улу-Мухаммеда. Выход из сложившейся ситуации, очевидно, был найден в сооружении новой крепости, существенно уступавшей Нижнему Новгороду «старому» по длине оборонительных сооружений. Наверное, на её строительство, а не на подновление укреплений нижегородского детинца указывает жалованная тарханная грамота, выданная архимандриту Владимирского Рождественского монастыря Иову в 30-х гг. XV в. (АСЭИ. Т. 3. № 87. С. 119). Согласно этому документу, монастырские крестьяне освобождались от повинности «рубити …Новагорода Нижнего», на что впервые обратил внимание П.В. Чеченков (2002. С. 115). По мнению исследователя, проанализировавшего политическую обстановку 30-х гг., строительство нижегородской крепости могло состояться в конце этого десятилетия – после лета 1436 г., когда в борьбе за великокняжеский стол наступила передышка. С учётом данных ещё одного документа – грамоты, выданной архимандриту нижегородского Благовещенского монастыря, где освобождение монастырских крестьян от «городового дела» выделено из перечня иных льгот (АФХЗ. Ч. 1. № 232. С. 203), можно предположить, что со-

[108] В 1425 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 246; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 51, 52) и в 1430 г. (ПСРЛ. Т. 23. С. 147; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 53).

оружение «меньшой» нижегородской «осады» происходило в 1438 г. (*Чеченков,* 2007а. С. 104). Именно в ней после 6 января 1445 г. «затворились» московские воеводы, и именно её они сожгли в июне этого года, перед побегом из захваченного татарской ордой Нижнего Новгорода. К марту 1446 г., укрепления «меньшей» крепости, скорее всего, были восстановлены[109].

Феномен бицентричности Нижнего Новгорода, проявившийся в местной топонимике середины XV в. (вспомним наименование «меншого» города как «Нового» в Ермолинской летописи), объясняется возведением в непосредственной близости от города XIII–XIV вв. небольшой осадной крепости. Её появление могло быть вызвано стремлением московских властей, «закрепивших» за собой столицу суздальских князей после смерти Даниила Борисовича, удержать под своим влиянием район окского устья, используя при этом сравнительно небольшие людские ресурсы. Нижний Новгород Новый, очевидно, стал местом размещения служилых людей, резиденцией московской администрации в малолюдном порубежном городе. Высокая обороноспособность этой небольшой крепости была подтверждена в 1445 г., когда в течение нескольких месяцев, до исчерпания хлебных запасов, её удавалось удерживать от осады многочисленного войска, насчитывающего около 3500 сабель.

Обнаружение и археологическое изучение её остатков, очевидно, позволило бы получить новый источник уникальных сведений о городе в устье Оки в «самый тёмный период его истории». Однако, прежде чем, перефразируя известное высказывание Алена Шнаппа, перейти от «археологии слов» к «археологии почвы»[110], необходимо разыскать соответствующий археологический памятник, либо идентифицировать его среди уже известных. Для этого необходимо определиться с основными признаками искомого археологического объекта и, как можно точнее – с районом его поисков.

Среди прогнозируемых характеристик предполагаемого памятника достаточно очевидны две. Это наличие связанных с ним остатков укреплений, а в случае разрушения последних – каких-либо свидетельств их былого присутствия, и датировка хотя бы одного его стратиграфического горизонта (а если стратиграфия нарушена – хотя бы углублённых в материк остатков построек и сооружений) хронологическими рамками, включающими в себя промежуток середины XV в. Отталкиваясь от летописного сообщения 1469 г., можно предполагать расположение соответствующего «меньшой» нижегородской осаде археологического объекта за чертой средневекового города. Если вспомнить, что освоенная территория Нижнего Новгорода XIII – начала XV вв. приблизительно очерчивалась полукругом Большого острога, за пределы которого городская застройка не распространялась до рубежа XVIII–XIX вв., можно ожидать, что его культурные напластования оставались непереотложенными вплоть до позднейшего времени.

При определении района поисков, за неимением более точного «адреса», следует ориентироваться на указание места стоянки прибывшего в Нижний Новгород в 1469 г. московского воеводы («на Оке»). При возведении небольших укреплённых поселений на Руси вплоть до XVI в. строителями широко использовались особенности рельефа (*Раппопорт,* 1961. С. 51). Поэтому остатки «меньшей» нижегородской крепости следует искать на правом возвышенном окском берегу, изрезанном многочисленными балками и оврагами, создающими хорошие возможности для возведения фортификации. Таким образом, район поисков, в первом приближении, можно ограничить правобережьем р.Оки, входящим в ближайшее предместье средневекового города.

§ 5. СТАРЫЙ ГОРОДОК НА ОКЕ: ОТ НАРРАТИВА К – ОБЪЕКТУ

Для конкретизации вероятного местоположения остатков меньшей нижегородской крепости-осады можно прибегнуть к помощи сравнительно поздних источников. Основания для этого есть.

Как известно, некогда населённые, но заброшенные места, часто обращали на себя внимание человека в прошлом. Среди них особо выделялись памятники с хорошо заметными на фоне естественного рельефа рукотворными насыпями и рвами. Традиция сооружения дерево-

[109] По крайней мере, к этому сроку московские власти взяли на себя обязательство не размещать служилых людей в Благовещенском монастыре (АФЗХ. Ч. 1. № 232. С. 204).

[110] См.: *Клейн,* 2011. С. 75.

земляных укреплений на Руси оставалась широко распространённой и в XV в., следовательно, есть шанс разыскать упоминание валов покинутой крепости в делопроизводственных документах или нарративах XVI–XIX вв. Урочища с остатками земляных насыпей, маркирующих линии былых укреплений покинутых городов, застав или окружённых защитными сооружениями усадьб, на Руси издавна назывались «городищами» (Словарь древнерусского языка…, 1989. С. 357). Связь между топонимом «городище» и археологизированными остатками укреплённых поселений была выявлена ещё на заре русской археологии Зорианом Ходаковским и впоследствии, в XX в., подтверждена широкой практикой археологических исследований (*Формозов,* 1986. С. 51).

В XV–XVIII вв. при составлении писцовых описаний городища часто служили ориентирами для закрепления границ землевладений (*Формозов,* 1986, С. 7). Именно в таком контексте одно из них, расположенное на правом берегу р. Оки в районе нижегородского Благовещенского монастыря, упомянуто в документе конца XVI в.: «Исстари де Благовещенское поле земля под монастырем по Муромскую дорогу была и около старого городища по Оке реке…» (АФЗХ. Ч. 3. № 26. С. 48). Это грамота царя Фёдора Ивановича о разделе спорной земли между Благовещенским монастырём и нижегородским посадом, выданная 8 января 1593 г. нижегородскому воеводе Т.А. Хлопову и дьяку С. Сумарокову. Её текст сохранился в монастырской копийной книге середины XVII в. и в Писцовой книге Нижнего Новгорода 20-х гг. XVII в. (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 306–308). Источник определённо указывает на близость известного в конце XVI в. памятника к Благовещенскому монастырю, к окскому берегу и даже приводит расстояние до него от посадских дворов: «…у нижегородцких посадцких людей благовещенской архимарит Иосиф з братьею животинного верхнего выпуску поле от острогу от их дворов и до стараго городка на версту отнял…» (АФЗХ. Ч. 3. № 26. С. 48).

В тексте документа старое городище дважды названо «старым городком», что позволяет привлечь к рассмотрению ещё один источник, упоминающий «старый городок» на Оке в окрестностях Нижнего Новгорода приблизительно, через 60 лет после оформления указанной царской грамоты. Этот источник – Нижегородский летописец, памятник позднейшего местного летописания. Снискавший особую популярность у нижегородских краеведов ещё в середине XIX в., он требует особого развёрнутого комментария.

Нижегородский летописец известен в пяти редакциях и двадцати девяти списках конца XVII – первой половины XIX вв. Его первоначальная редакция была составлена в среде нижегородского духовенства в конце 50-х гг. XVII в. (*Шайдакова,* 2006. С. 121). Представленные в нём исторические сведения о Нижнем Новгороде состоят из двух комплексов – средневекового и более позднего, относящегося ко времени строительства и функционирования кирпично-каменного кремля (*Шайдакова,* 2006. С. 56). В качестве одного из основных его источников был использован созданный на несколько лет ранее, в начале 50-х гг. XVII в., Летописец о Нижнем Новгороде. Последний представляет собой подборку нижегородских известий преимущественно из особой редакции Типографской летописи и Русского хронографа редакции 1617 г. Кроме того, установлено непосредственное обращение автора Нижегородского летописца к Воскресенской летописи, Степенной и Родословной книгам, к Тарханной грамоте нижегородским Преображенскому и Архангельскому соборам 1606 г. Как и в других летописных памятниках XVII в., средневековые события в нём зачастую освещены под неверными датами, а имена отдельных исторических личностей XIII–XIV вв. искажены, что легко устанавливается по текстам более ранних и достоверных источников.

Сообщение с упоминанием старого городка на Оке встречается во всех редакциях Нижегородского летописца и замыкает свод его средневековых известий. Ему предшествует статья 6930 г. (1422 г.) о голоде в Русской земле, хорошо известная по летописям XV–XVI вв. (см., например: ПСРЛ. Т. 25. С. 245; ПСРЛ. Т. 8. С. 91; ПСРЛ. Т. 11. С. 238). После него следует известие 1509 г. (7017 г.) о присылке из Москвы Петра Фрязина и организации земляных работ по возведению каменных стен Нижегородского кремля.

Интересующее сообщение не соотнесено с конкретной датой. Лишь по месту в череде описанных событий можно заключить, что автор, вероятно, относил его к промежутку 1423–1492 гг. В одном из наиболее ранних, восходящем к Первоначальной редакции, Строгановском

списке 90-х гг. XVII в., текст известия передан следующим образом: «В лѣтописце пишетъ шестые тысещи. В Нижнем Новѣгороде под старым городкомъ вверхъ по Окѣ рекѣ была слобода на берегу реки Оки. И божиимъ изволениемъ, грѣхъ ради нашихъ, оползла гора сверху на слободу. И засыпало в слободѣ 150 дворов с людьми и с скотиною. А тотъ городокъ поставленъ былъ, какъ великие князи суздальские ходили на взыскание града, гдѣ поставити градъ и жити в немъ, и распространити княжение свое суздальское на Низовскои землѣ, за Окою и за Волгою реками. А мордву отогнал и жилища ихъ и зимницы разорил, и землю у них отнялъ. А от Оки и от Волги реки леса были большие, а мордва жили в лесахъ» (Строгановская редакция…, 2006. С. 140).

В других редакциях отрывок с упоминанием старого городка сокращён, имеет незначительные добавления или перестановки, а в наиболее поздних – обнаруживаются явно ошибочные чтения отдельных слов и выражений. Наиболее близка к «строгановской» версия сообщения из первого вида Полной редакции, составленного также в 90-е гг. XVII в. Она отличается вставкой интересной подробности случившегося оползня: «…гора оползла и с лѣсомъ свѣрху на слободу…», сокращением текста справки о деятельности суздальских князей («А мордву поганую отогналъ и землю у нихъ отнялъ»), заменой слова «скотиною» на «животиною» (*Шайдакова,* 2006. С. 155). Во втором виде Полной редакции появляется неверная передача последнего предложения, вызванная заменой «лесов» на «сёла», что было закреплено в других ещё более поздних редакциях. В Титовском списке (середины XVIII в.), вместе со Строгановским отражающем Первоначальную редакцию, интересующий текст заметно сокращён, а старое городище названо старым городом (*Шайдакова,* 2006. С. 147). Позднейшие Сокращённые редакции отличаются грубыми и многочисленными ошибками. В первом виде второй из них сообщение об оползне помещено в годовой статье 6930 г., а сведения о суздальских князьях дополнены известием о заселении мордовских земель русью (*Шайдакова,* 2006. С. 253).

Следует отметить деталь, которую не раз подчёркивали и другие исследователи: сообщение о старом городке Нижегородского летописца не имеет прямых соответствий в памятниках русского летописания XV–XVI вв. и, очевидно, является оригинальной вставкой автора – составителя этого памятника (*Кучкин,* 2011. С. 234; *Пудалов,* 2003. С. 161–163; *Шайдакова,* 2006. С. 64).

По содержанию текст интересующего фрагмента может быть разделён на две части. Первая посвящена известию об оползне и его трагических последствиях для жителей «подгорной» слободы. Вторая представляет собой историческую интерпретацию известного в районе бедствия старого городка, соотносимом автором середины XVII в. с первопоселением зачинателей Нижнего Новгорода.

Упоминание оползня, перекрывшего полторы сотни дворов на берегу Оки, содержится в ещё одном летописном памятнике XVII в. – Мазуринском летописце. Здесь этот эпизод использован в качестве своеобразного комментария к сообщению о разрушении нижегородского Печёрского монастыря (в 1597 г.), вызванном той же причиной: «И преже того в том же Нижнем Новегороде за 400 лет была слобода вверх по Оке реке, под старым городком, и тако ж ползла гора, яко же и Печерская, и засыпало 150 дворов и с людьми и с скотом, ни един человек оттуду не избыл» (ПСРЛ. Т. 31. С. 146). По сравнению с соответствующей статьёй Нижегородского летописца текст Мазуринского не содержит каких-либо новых подробностей нижегородской трагедии, кроме явно ошибочного указания на её большую давность («за 400 лет») и замечания о том, что «ни един человек оттуду не избыл». Последнее перекликается с фразой об отсутствии жертв при катастрофе в Печерском монастыре («…ни единой человек не изгиб…»). Наверное, его появление было обусловлено намерением подчеркнуть особое Божье расположение к печёрским монахам и, скорее всего, оно является оригинальным дополнением автора Мазуринского летописца к известному ему фрагменту нижегородского памятника[111].

Интерес историков и краеведов к недатированному сообщению об оползне из Нижегородского летописца возник более ста лет тому назад в связи с постановкой вопроса о поселении – предшественнике летописного «Новъграда» в устье Оки. Опыт обоснования со-

[111] Единственный известный список Мазуринского летописца оканчивается известием 1682 г., то есть, приблизительно, на два десятилетия позднее времени появления первоначальной редакции Нижегородского летописца (ПСРЛ. Т. 31. С. 3).

ответствующей идеи в её историческом развитии подробно прослежен в ряде работ и вне историографического аспекта локализации «старого городка» выходит за рамки интересующей нас темы (см.: *Кучкин,* 2002; *Чеченков,* 2002; *Пудалов,* 2003. С.80–103; *Кузнецов,* 2006. С. 334–412; *Чеченков,* 2012; *Селезнёв,* 2015). Отсутствие прямых указаний в ранних летописных сводах на поселение в районе окского устья, существовавшее ещё до заложения города Юрия Всеволодовича, подвигло сторонников этой гипотезы обратиться к разновременным письменным памятникам, сведения из которых можно было бы использовать для её подтверждения. В этом контексте были привлечены и летописные упоминания «старого» и «меншого» Нижнего Новгорода середины XV в., и царская грамота 1593 г., и соответствующая статья Нижегородского летописца. Внимание к этому кругу источников обуславливалось кажущейся очевидностью отождествления «старого городка» с летописным «старым Нижним Новгородом» середины XV в. Первые попытки выяснения расположения «старого городка» были сделаны без какого-либо критического осмысления соответствующего источника. Сведения статьи Нижегородского летописца на первых порах воспринимались как безусловно истинное отражение исторической действительности.

Первый опыт локализации «старого городка» с опорой на письменные источники принадлежит известному литератору, краеведу и общественному деятелю Павлу Ивановичу Мельникову-Печерскому. Выступая с докладом на IV Археологическом съезде в г. Казани в 1877 г., маститый знаток и ревнитель нижегородской старины предположил, что загадочная крепость занимала вершину Гремячей горы – высокого обрывистого северного мыса при устье Похвалинского оврага, прорезающего возвышенный коренной берег р. Оки в 1,3 км к юго-западу от нижегородского кремля, рядом с Благовещенским монастырём (*Мельников,* 1884. С. 180–182). Основой для такого заключения послужило сообщение Нижегородского летописца («городок» должен находиться на участке окского берега со следами грандиозного оползня) и, наверное, подспудное убеждение в том, что памятник должен располагаться в непосредственной близости от города, заложенного в 1221 г. Ближайшим к нижегородскому детинцу местом на берегу Оки, где и сейчас в рельефе заметны следы большого оползня, как раз и является указанная Гремячая гора (рис. 2Б*, *1*).

Несмотря на предложенные аргументы, выбор предложенного автором места для поиска старого городка в целом представляется достаточно произвольным. Во-первых, весь волго-окский косогор не только в черте города, но и в пределах всей Нижегородской области является оползнеопасной зоной[112], и значит, упомянутое в Нижегородском летописце обрушение грунта могло произойти со склона любой другой «горы». Во-вторых, зримые последствия того катастрофического оползня могли быть давно устранены и стать визуально неразличимыми без проведения специальных исследований на разросшейся городской территории. Таким образом, сведения о локализации старого городка из Нижегородского летописца, на которые мог опираться П.И. Мельников-Печерский, следует признать слишком общими и неопределёнными для «привязки» искомого объекта к одному из мысов коренного окского берега в районе Благовещенского монастыря.

К желаемому результату могло привести только расширение источниковой базы. В середине XX в. такую попытку предпринял выдающийся нижегородский краевед И.А. Кирьянов (1956а). Впервые к решению задачи им были привлечены ещё два текста: список царской грамоты 1593 г. из Писцовой книги Нижнего Новгорода 20-х гг. XVII в. и летописное сообщение 1370 г. (6878 г.) о засыпанных дворах «за святым Благовещеньем», известное в разных редакциях по большинству сводов XV–XVI вв. Подразумевая под «старым городком» Нижегородского летописца «старое городище» грамоты 1593 г., исследователь, в соответствии с указанным в документе расстоянием, отложил от линии укреплений Большого острога вдоль окского берега (очевидно, по кратчайшей прямой) одну путевую версту и высказал догадку о расположении старого городка вблизи Ярильского оврага. При обследовании «вычисленного» по указаниям письменных источников района, в полугоре окского косогора историку посчастливилось обнаружить весьма необычный археологический объект с валообразным земляным гребнем, отсекающим от обрыва небольшую горизонтально выровненную площадку. Визуальное сходство

[112] См.: *Кулинич, Фридман*, 1990. С. 63.

памятника с городищами привело И.А. Кирьянова к выводу о его тождестве с легендарным «старым городком». Проведённая им первоначальная атрибуция собранной здесь керамики как русской домонгольской посуды XI–XII вв., подводила и «материальное» основание под рассказ о поселении – предшественнике Нижнего Новгорода. В начале 90-х гг. эта версия была поддержана Ю.В. Сочневым, посчитавшим вопрос о локализации «старого городка» Нижегородского летописца решённым и предложившим свои аргументы для подтверждения его исторической интерпретации (1991. С. 23).

Спустя 14 лет после открытия памятника, И.А. Кирьянов скорректировал своё мнение о его датировке и культурной принадлежности. Собранный на нём в 50-х гг. инвентарь после дополнительного изучения был передатирован ранним железным веком и связан с городецкой археологической культурой (1968. С. 116–117, прим. 3). Обследование этого объекта в 1992 г., получившего к тому времени наименование «Поселение за Ромодановским вокзалом», не подтвердило его связь со средневековой эпохой (*Гусева,* А-1992). Так как кроме него в районе Благовещенского монастыря какие-либо другие археологические памятники долгое время были неизвестны, у некоторых авторов сложилось мнение о том, что этот, напоминающий городище, хорошо заметный объект, мог послужить материальной основой для сложения легенды о некой древней крепости, поставленной в устье р. Оки ещё до основания Нижнего Новгорода. Впервые такое суждение было высказано самим И.А. Кирьяновым (1968. С.117, прим. 3). Впоследствии оно было обосновано филологом Н.Д. Русиновым (1973. С. 51; 1990; 1994). Опираясь на известные закономерности, признанный специалист по нижегородскому фольклору и топонимике предположил, что древнее укрепление, обратившее на себя внимание нижегородцев после 1221 г., самим фактом своего существования требовало легендарного объяснения, что и отразилось в его наименовании (*Русинов,* 1990).

Так, при изучении феномена «старого городка» оформилось второе направление исследований. В отличие от первого – аспекта «объекта», его можно обозначить, как аспект «нарратива». Заданный в трудах Н.Д. Русинова ракурс предполагал видение текста глазами современников автора Нижегородского летописца. Позднее этот подход получил развитие в монографии А.А. Кузнецова (2006. С. 341–374).

После введения в дискуссию о «старом городке» текста грамоты 1593 г. с указанием расстояния до него от дворов посадских людей, стали разрабатываться версии, предполагающие большую удалённость этого объекта от устья р. Оки по сравнению с поселением за Ромодановским вокзалом. Так, по мнению Н.Ф. Филатова, летописный «старый городок» располагался в 4 верстах вверх по Оке от нижегородского кремля (1994а. С. 21; 1999. С. 106).

Первые опыты анализа и сопоставления текстов Нижегородского летописца и грамоты 1593 г. привели двух исследователей В.А. Кучкина и П.В. Чеченкова к одному и тому же довольно неожиданному выводу. По их мнению, отождествление упоминаемых в этих источниках забытых укреплённых мест принципиально ошибочно.

Впервые мысль о том, что под «старым городищем» автор Нижегородского летописца мог подразумевать не только городок на берегу Оки, но и Нижегородский кремль на берегу р. Волги, была высказана В.А. Кучкиным в статье 1976 г. (2011. С. 234). Её предположительный характер, изначально призванный показать всего лишь неоднозначность толкования текста источника, был утрачен в последующей авторской публикации, посвящённой критике работ сторонников мнения об основании Нижнего Новгорода до 1221 г. (2002. С. 93, 94). В ней исследователь приходит уже к признанию «очевидности» разотождествления «городков» Нижегородского летописца и грамоты 1593 г. Основой для такого заключения стало авторское толкование отрывка: «В Нижнем Новѣгороде под старым городкомъ вверхъ по Окѣ рекѣ была слобода на берегу реки Оки…», предполагающее, что указание «вверхъ по Окѣ» следует относить не к «старому городку» и слободе, а исключительно к слободе. В этом случае получается, что Нижний Новгород и «старый городок» располагаются ниже по течению реки относительно засыпанного оползнем прибрежного поселения. Городок, по мнению автора, как крепость должен был занимать участок на вершине одной из «гор» волго-окского косогора, и «…выбор должен быть сделан в пользу Зеленской (Часовой) горы, как самой большой и стратегически важной» (*Кучкин,* 2002. С. 94).

Однако предложенное В.А. Кучкиным чтение соответствующего летописного фрагмента, позволяющее предположительно соотнести «старый городок» с нижегородской крепостью 1221 г., нельзя признать бесспорным и единственно возможным. В самом деле, предлог «под» указывает на положение слободы либо внизу под городком, либо в непосредственной близости от него (см.: Словарь русского языка…, 1989. С. 210–212). Обстоятельство места «вверхъ по Окѣ рекѣ» с не меньшей (если не с большей) вероятностью можно отнести не только к слободе, но и к «старому городку», подразумевая, что оно определяет его положение в Нижнем Новгороде. Наконец, комментарий В.А. Кучкина противоречит восприятию текста современником его создания – автором Мазуринского летописца, переставившего в соответствующей фразе «старый городок» и «слободу», что устранило неоднозначность в передаче их взаимного положения («…слобода вверх по Оке реке, под старым городком…» (ПСРЛ. Т. 31. С. 146)). Соответствующий фрагмент Мазуринского летописца однозначно фиксирует представление «книжного» человека второй половины XVII в. о нахождении «старого городка» на Оке возле засыпанной оползнем слободы, сложившееся, очевидно, после знакомства с текстом нижегородского памятника.

Иные доводы о необходимости разотождествления «старого городка» и «старого городища» предложил П.В. Чеченков (2012. С. 21–23). В основе его аргументации лежит утверждение Б.М. Пудалова о том, что рассказ об оползне из Нижегородского летописца «…помещён в «Рогожском летописце» (древнерусском весьма авторитетном своде начала XV в.) под 6878 г. (1370 г.)» (2003. С. 162). Текст последнего, по мнению Б.М. Пудалова, определяет разрушенную слободу как слободу Благовещенского монастыря (2003. С. 161). Это заключение послужило отправной точкой в рассуждениях П.В. Чеченкова. Схематично их ход можно представить следующим образом. Согласно Писцовой книге 20-х гг. XVII в., Благовещенская слобода находилась в черте старого острога. Так как «старое городище» царской грамоты располагалось за пределами города, оползень случившийся «под ним», мог нанести ущерб только Немецкой слободе, положение которой за городской стеной фиксирует всё та же Писцовая книга, но никак не Благовещенской, расположенной внутри городских укреплений. Следовательно, «старый городок» в одном источнике и «старое городище» в другом – два разных территориально разнесённых объекта и их отождествление ошибочно (*Чеченков,* 2012. С. 23).

Обращение к текстам источников устанавливает небезупречность доводов и этого исследователя. По крайней мере, сделанный им вывод ни в коем случае нельзя рассматривать как окончательный «приговор» тождеству двух «старых городков», упоминаемых авторами Нижегородского летописца и царской грамоты 1593 г.

Во-первых, в соответствующем сообщении Рогожского летописца ничего не сказано о Благовещенской слободе: «Тое же зимы в Новѣгородѣ въ Нижнѣмъ оуползе многъ снѣгъ и оупаде з горы высокы и великы, еже надъ Волгою за святымъ Благовѣщеніемъ и засыпа и покры дворы и съ людми» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 95). Упоминание монастыря здесь служит лишь ориентиром, позволяющим представить положение района бедствия в Нижнем Новгороде – «за святымъ Благовѣщеніемъ». Предлог «за» предполагает отсчёт расстояния от известного исторического центра города и указывает только на то, что пострадавшие от стихии домохозяйства находились выше по р. Оке относительно Благовещенского монастыря[113]. При этом в тексте отсутствует какой-либо намёк, позволяющий хоть как-то судить даже об их близости к монастырским строениям. Имеющиеся источники, как письменные, так и археологические, к сожалению, не позволяют определить насколько далеко во второй половине XIV столетия распространялась тяготеющая к городу периферийная застройка, вне зависимости от её административной принадлежности[114], а также установить границы среди этой застройки собственно «Благовещенской земли». Поэтому соотнесение засыпанных снегом дворов Рогожского летописца с частью монастырской Благовещенской слободы может рассматриваться лишь как

[113] А не наоборот, как предполагал В.А. Кучкин, связав катастрофу, описанную в Рогожском летописце, с Гремячей Горой, расположенной на отрезке между детинцем нижегородской крепости и Благовещенским монастырём, то есть ниже по течению Оки относительно последнего (2002. С. 94).

[114] Обнаружение следов средневековой застройки археологическими методами вдоль низменной части Окского берега весьма затруднено тем, что здесь древний рельеф перекрыт мощными наслоениями оползшего или планировочного грунта (см. результаты работ на площади у бывшего Казанского вокзала: *Ерёмин,* А-1995; *Иванова,* А-2001а).

предположение, основанное только на том, что спустя два с половиной столетия после известного события часть дворов «за святым Благовещеньем» действительно находилась на монастырской земле[115].

Во-вторых, если строения, пострадавшие от стихии в 1370 г., действительно находились на участке, принадлежащем тогда Благовещенскому монастырю, совершенно не обязательно, что занимаемое ими место входило в границы монастырской земли по состоянию на 20-е гг. XVII в., то есть в черту Большого острога[116]. Как известно, на давнюю принадлежность «святому Благовещенью» земельных угодий за чертой городского острога настаивали такие важные (хотя и не беспристрастные) «свидетели», как благовещенский «строитель старец» Симон «з братьею». В тексте их челобитной, процитированной в царской грамоте 1593 г., о прибрежной части этих «загородных» монастырских владений сказано: «…Исстари… под манастырем бечева за острогом от Крутого ручья по Оке реке по Коровей взвоз…» (АФЗХ. Ч. 3. № 26. С. 48). Речь здесь идёт явно не об узкой полоске затапливаемой в половодье земли, очерченной с одной стороны, линией уреза воды в реке, с другой – вытянутой вдоль неё острожной стеной. Упоминаемый в грамоте Коровий взвоз, согласно Писцовой книге, находился за острогом выше по р. Оке: «…за старым острогомъ старая Неметцкая слобода вверхъ Оки реки на берегу х Коровью възвозу и за Коровей възвозъ…»[117]. Монастырь «…пустел много лет…», причём с 1370 г. это происходило не единожды[118], и, естественно, что очертания монастырской межи могли быть основательно подзабыты. Это и стало причиной спорного дела, породившего грамоту 1593 г. с упоминанием «старого городища». Таким образом, пострадавшие в 1370 г. дворы, входящие в предполагаемую Благовещенскую слободу второй половины XIV в., могли стоять на забытой к началу XVII в. монастырской земле за пределами Большого острога, за чертой которого располагалось и «старое городище» грамоты 1593 г.

В-третьих, связь сообщения Нижегородского летописца об оползне с летописным известием 1370 г. весьма сомнительна и пока остаётся не обоснованной приверженцами соответствующего предположения. Впервые нарратив о «старом городке» без каких-либо комментариев соотнёс с известием о летописном событии XIV в. И.А. Кирьянов (1956а. С. 15–16). Для уточнения местоположения засыпанной слободы этот же летописный отрывок использовал Кучкин В.А. (2002. С. 94). Утверждая его генетическую связь с известием Нижегородского летописца, Пудалов Б.М., описанное в последнем стихийное бедствие связал с XIV в. (2003. С. 161, 162). Этим выводом как не требующим обоснования впоследствии воспользовался П.В. Чеченков (2012. С. 22).

Вместе с тем единственный довод в пользу происхождения записи об оползне в Нижегородском летописце из общерусского летописания следует только из контекста рассуждений Б.М. Пудалова по поводу датировки этого трагического события. По мнению исследователя, приведённый в нижегородском памятнике перечень свершений «суздальских князей», поставивших старый городок, позволяет соотнести их только с «братьями Константиновичами», правившими Нижегородским княжеством во второй половине XIV в. Следовательно и обозначенную в сообщении катастрофу логично отнести к тому же временному отрезку (*Пудалов,* 2003. С. 161). О нижегородском бедствии, произошедшем как раз во второй половине XIV в., сообщает такой надёжный источник, как Рогожский летописец, а это может свидетельствовать о том, что пресловутый рассказ о «старом городке» был составлен на основе более раннего летописного текста.

---

[115] Часть дворов «за святым Благовещеньем», вверх по Оке, в 20-е гг. XVII в., согласно Писцовой книге, выходила за установленные пределы монастырской земли (например, дворы старой Немецкой слободы, см.: Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 174, 354).

[116] Как следует из описания монастырской межи, см.: Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 354.

[117] В Писцовой книге по Нижнему Новгороду 20-х гг. XVII в. в различных местах города упоминается минимум четыре коровьих взвоза. Только два из них обозначены с заглавной буквы, как топонимы. Один из них располагался на берегу Волги (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 290), другой – за Старым острогом на р. Оке (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 174, 175). Два других, упомянутых с прописной буквы, вероятно, пользовались меньшей известностью (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 172, 286).

[118] Вспомним уже упоминавшиеся запустевшие после «мамотяковщины» дворы под монастырём, упомянутые в грамоте 1446 г. (АФХЗ. Ч. 1. № 232. С. 204).

Однако, сообщая об основании Нижнего Новгорода, безвестный автор Нижегородского летописца вряд ли ориентировался на деятельность конкретных исторических персонажей одного хронологического среза. Так, в описании деяний «суздальских князей» нельзя не увидеть отчётливо проступающие черты подлинного основателя города на устье Оки, владимирского князя Юрия Всеволодовича. Наверное, не случайно, характеризуя деятельность «суздальских князей» («А мордву отогнал и жилища ихъ и зимницы разорил, и землю у них отнялъ»), автор почти дословно, не утруждая себя грамматическим согласованием, вставил в текст отрывок из второй погодной статьи своего сочинения (за 6735 г.) с описанием свершений Юрия Всеволодовича («…и поганую мордву отогналъ, и жилища их и зимницы разорил», см.: Строгановская редакция…, 2006. С. 136). Поэтому «суздальские князья», которым приписана честь основателей города, это, скорее, некий образ, обобщающий представления книжника середины XVII в. об исторических персонажах, оставивших яркий след как в истории строительства городского центра, так и в освоении его окрестных земель. В этой связи аналитические выкладки, нацеленные на выяснение конкретных исторических лиц, упомянутых в сообщении источника середины XVII в. как «суздальские князья», вряд ли могут способствовать надёжности хронологических определений.

Что общего содержится в сообщении об оползне под «старым городком» и в летописном известии о стихийном бедствии «за святым Благовещеньем» ? Что из этого общего может указывать на происхождение первого из второго?

При сопоставлении соответствующих отрывков из Рогожского и Нижегородского летописцев устанавливается, что это по-разлному организованные тексты, с различной степенью детализации[119] повествующие о разных событиях[120], произошедших в местах, обозначенных разными ориентирами[121]. Следует отметить, что выяснение их «генетического родства» вряд ли продуктивно начинать со сравнения соответствующих фрагментов указанных выше памятников, ведь составляя первую средневековую часть Нижегородского летописца, автор использовал летописи сравнительно позднего происхождения, к которым первый источник отнести никак нельзя (*Шайдакова,* 2006. С. 58–71, 121). Поэтому, если соответствующая связь действительно существует, в наиболее явном виде она должна проявлять себя в вариантах данного сообщения из относительно поздних летописных сводов, использованных при создании нижегородского памятника. Для того чтобы однозначно «опознать» интересующее сообщение в летописях XVI–XVII вв., необходимо проследить его историю. Основные вехи её уже были вкратце намечены М.Я. Шайдаковой (см.: 2006. С. 52, 53, 72, 73).

Самый ранний вариант записи о нижегородском происшествии встречается в Рогожском летописце и Симеоновской летописи, восходящих за этот период к общерусскому своду 1408 г. Соответствующие отрывки этих памятников, за исключением фонетических и грамматических нюансов, идентичны (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 95; ПСРЛ. Т.18. С. 110). Существенное различие обнаруживается при сличении «конвоирующих» сообщений. В Симеоновской фрагменту о нижегородском бедствии предшествует подробное описание обстоятельств похода Ольгерда на Москву, а после него следует известие о возвращении из Орды князя Михаила Александровича Тверского. Оба этих события явно не образуют единый смысловой ряд вместе с рассказом об оползне. В Рогожском летописце заметка о катастрофе «за святым Благовещеньем» встроена в событийную цепь, чётко очерченную временным интервалом между отъездом тверского князя в Орду и его возвращением. Здесь сообщение о трагедии, вызванной, очевидно, погодными условиями, созвучно предшествующему рассказу о небывало тёплой зиме, когда весь снег «стёк» к великому говению, что позволило весной по всем Тверским волостям пожать оставленный осенью на полях хлеб. Эти сведения[122] в Рогожском летописце завершают известия за 6878 г. В Симеоновской летописи соответствующая погодная статья оканчивается сообщением о нижегородской катастрофе.

---

[119] В Нижегородском летописце отсутствует указание на время происшествия, в Рогожском – оно называется (зимой); согласно первому, в слободе засыпано «150 дворов с людьми и с скотиною», согласно второму – «засыпа и покры дворы и съ людми».

[120] В Нижегородском летописце сообщается об оползне, в Рогожском – о снежной лавине.

[121] Нижегородский летописец определяет место катастрофы «под старым городком» на Оке, Рогожский – «за святым Благовещеньем» на Волге.

[122] Вкупе с сообщением об убийстве тверскими ратями Луки Аркатова.

Таким образом «нижегородское» известие Рогожского летописца входит составной частью в летописный отрывок предположительно тверского происхождения. В Симеоновскую летопись оно попадает без искажения, но вырванным из своего первоначального контекста. Возможно, ошибочное упоминание в нём Волги вместо Оки (а именно она протекает «за святым Благовещеньем») вызвано тем, что оно было написано в Твери человеком, знающим о нижегородской беде с чужих слов и плохо представляющим себе местную топографию.

В ином «конвое» сообщение о нижегородском стихийном бедствии обнаруживается в списках белорусско-литовских летописей[123]. Здесь ему предшествует описание небесного знамения, а последует – заметка о походе Ольгерда на Москву. В Рогожском летописце это же небесное знамение описано более подробно и по смыслу явно предвосхищает рассказ о походе литовского князя, после которого соответствующая годовая статья завершается «тверским» эпизодом с включением известия о снежной лавине в Нижнем Новгороде (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 93). Отразившийся в источниках белорусско-литовского происхождения доведённый до 1446 г. Краткий летописный свод, по мнению Я.С. Лурье, при описании событий XIV – начала XV вв. имеет сходство с общерусским сводом 1408 г., дополненным при митрополитах Фотии и Герасиме (1976. С. 115–116). В этой связи можно предположить, что памятники белорусско-литовского летописания передают одну из первых редакций интересующего сообщения. Однако сравнение текстов наиболее ранней Никифоровской летописи и Рогожского летописца свидетельствует о явной вторичности первого источника. В нём соответствующая годовая статья сильно сокращена и перекомпонована с утратой смысловых связей, свойственных тексту второго памятника.

Наиболее ранний, отражённый в Рогожском летописце, вариант известия 1370 г. попал в Тверскую и Никоновскую летописи (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 430; ПСРЛ. Т.11. С. 13), во Владимирский летописец (ПСРЛ. Т. 30. С. 118).

В летописях, восходящих к более позднему гипотетическому Новгородско-Софийскому своду[124], интересующее сообщение сокращено до искажения передачи самого существа связанного с ним природного явления. Так, в Софийской первой летописи старшего извода записано: «В лето 6877. В Новегороде в Нижнемъ за святымъ Благовещениемъ уползе горы, и много посыпа дворовъ и с людми» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1 Стб. 439). Сходство с текстом Симеоновской летописи в «конвоирующих» известиях удостоверяет в том, что в обоих памятниках речь идёт об одном и том же историческом эпизоде, хотя в подаче автора Софийской – само событие из снежной лавины превращается в грунтовый оползень. Незначительные расхождения с текстом Софийской первой можно заметить в Вологодско-Пермской (ПСРЛ. Т.26. С. 119), Никаноровской (ПСРЛ. Т.27. С. 68), Ермолинской (ПСРЛ. Т.23. С. 115) летописях, в Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского (ПСРЛ. Т. 43. С. 123), в летописи Авраамки (ПСРЛ. Т. 16. С. 94), Софийском временнике (Софійский временникъ..., 1820. С. 342–343). Эта же редакция интересующего сообщения присутствует и в Новгородской IV летописи. Здесь его отличает иной «конвой», указание времени года и отсутствие слова «святым»: «Тои же зимы в Нижнемъ Новегородѣ за Благовѣщениемь оуползе горы і посыпа двори с людмі» (ПСРЛ. Т. 4. Часть 1. С. 295).

К этому последнему варианту близки отрывки из Московского свода конца XV в. и Воскресенской летописи (ПСРЛ. Т. 25. С. 185; ПСРЛ. Т. 8. С. 16). Здесь нижегородское известие вставлено между заметками о строительстве соборной церкви Михаила Архангела в Городце и заложении г. Переславля, после чего идёт упоминание о новом ордынском царе. В самом тексте, как и в Новгородской IV, здесь опущено слово «святым»: «Того же лѣта в Новѣгородѣ Нижнемъ за Благовѣщениемъ уползе горы и много посыпа дворовъ, и с людми» (ПСРЛ. Т. 25. С. 185). Эта особенность свойственна передаче известия в ещё более поздних великокняжеских сводах (см.: ПСРЛ. Т. 28. С. 76; Т. 20. Часть 1. С. 193).

Используя Московский свод 1479 г., составитель Типографской летописи ещё больше сократил текст нижегородского известия, убрав из него всякое упоминание о «святом Благовещенье»: «Того же лета в Новегороде Нижнемъ оуползе горы и много посыпа дворовъ и с людьми» (ПСРЛ. Т. 24. С. 126).

[123] Никифоровском, Супрасльском, Академическом, см.: ПСРЛ. Т. 35. С. 29, 48, 105.

[124] Своду 1448 г., по Я.С. Лурье (см.: 1976. С. 67–121).

В Летописце о Нижнем Новгороде, как и в Московском своде конца XV в., и в Воскресенской летописи, упоминание о стихийном бедствии помещено сразу после записи о строительстве городецкой церкви, но в отличие от этих источников, оно датировано 6874 г. Кроме того, в памятнике нижегородского происхождения место происшествия чудесным образом превратилось во временной маркер события: Благовещенский монастырь замещает день Благовещенья пресвятой Богородицы: «Того же лета в Новегороде Нижънем уползе горы на Благовещеньевъ день пресвятыя богородицы, и много посаду и с людьми подави» (Летописец о Нижнем Новгороде…, 2006. С. 129).

При поиске параллелей отрывку из Летописца о Нижнем Новгороде предпочтение следует отдать летописям, непосредственно восходящим к великокняжескому своду 1479 г. Позднейшая из них – Воскресенская (*Клосс,* 2000). Фрагменты из соответствующих памятников сближает сходное начало сообщения («Того же лета…»), отсутствие в нём слова «святым», что, возможно, способствовало ошибочному восприятию нижегородским автором указания «за Благовѣщениемъ». Несмотря на существенные смысловые искажения, утраты отдельных деталей, в сообщении Летописца о Нижнем Новгороде, в целом, просматриваются черты композиции, восходящие к тексту Рогожского летописца.

В Нижегородском летописце известие о местном стихийном бедствии второй половины XIV в. отсутствует. По предположению М.Я. Шайдаковой, автор сперва случайно пропустил его, а затем уже, обратившись к событиям XV в., решил восполнить утрату специальной вставкой, в которой текст предполагаемого источника (Летописца о Нижнем Новгороде) существенно переработан и дополнен развёрнутым комментарием (2006. С. 64).

Сравнение составов Летописца о Нижнем Новгороде и Нижегородского летописца обнаруживает, что рассматриваемое сообщение отнюдь не единственное, проигнорированное составителем более позднего памятника. Так, в него почему-то не вошёл рассказ 6872 г. о страшном море в Нижнем Новгороде, упоминание о строительстве церкви Михаила Архангела в Городце (Летописец о Нижнем Новгороде…, 2006. С. 127, 129). В этой связи закономерен вопрос о некой избранности сюжета о стихийном бедствии, о причине именно его «возвращения» в форме вставного эпизода.

Появление последнего можно объяснить своеобразной идейной установкой автора – составителя. Она предполагала возвышение роли церкви и княжеской власти в деле распространения православия в нижегородских землях, населённых некрещёными инородцами. Проблема взаимоотношений с местной мордвой, очевидно, была весьма актуальной для нижегородцев в XVII в., особенно, в церковной среде, где и был составлен Нижегородский летописец. Многие представители коренных поволжских народов, возмущённые захватом лесов и земель, пребывавших до успешного казанского похода в их безраздельном владении, активно участвовали в событиях Смутного времени, выступая на стороне противников московских самодержцев (*Любомиров,* 1917. С. 26–28, 31, 32). Вовлечение мордовского населения в военные действия против власти, освящённой церковью, очевидно, воскрешало в памяти людей, знакомых с летописной традицией, известные факты нижегородской истории XIII–XIV вв. Среди них – нападение мордвы на Нижний Новгород и сожжение Благовещенского монастыря в 1229 г., предательство мордовских князей при угрозе нашествия Арапши, следствием чего стало кровопролитное Пьянское побоище и тотальное разорение Нижнего Новгорода с его сельской округой в 1377–1378 гг., ответные походы русских дружин в Мордовскую землю.

Памятные годы Смуты, очевидно, способствовали появлению соответствующей тенденциозности последнего памятника местного летописания (см.: *Шайдакова,* 2006. С. 101). Особенно заметно это прослеживается в составе и компоновке начальной части его текста. Так, она обнаруживает себя в авторском указании на принадлежность земель в устье Оки некрещёной мордве до прихода сюда представителей великокняжеской власти (Строгановская редакция…, 2006. С. 136). Показательно в этом ключе, нарушение составителем хронологической последовательности подачи событий: после описания обстоятельств основания города, упоминания походов на мордву в канун монгольского нашествия, помещено сообщение с подробным рассказом о походе в Мордовскую землю осенью – зимой 1377 г. (Строгановская редакция…, 2006. С. 136).

Этот эпизод второй половины XIV в. встроен в единый смысловой ряд, намеченный известиями о противостоянии с мордвой сразу после основания Нижнего Новгорода.

Приметна тема непростых взаимоотношений с «некрещеными инородцами» и в сообщении с упоминанием «старого городка». Не исключено, что и здесь безвестный автор намеренно использовал сведения о катастрофе для того, чтобы, связав известный в её районе заброшенный городок с обстоятельствами основания города, иметь возможность ещё раз привлечь внимание к духовной миссии верховной власти.

Если появление развёрнутого комментария к упоминанию нижегородского оползня в Нижегородском летописце находит объяснение в русле одного из его идейных векторов, то происхождение сведений о самой катастрофе не столь очевидно. Однозначность их связи с летописным известием о стихии 1370 г. может быть подвергнута сомнению.

В самом деле, текст об оползне в Нижегородском летописце как по структуре, так и по содержанию, существенно отличается от того, что изложено в его предполагаемых источниках – Летописце о Нижнем Новгороде и в Воскресенской летописи:

Нижегородский летописец (Строгановский список)	**Летописец о Нижнем Новгороде**	**Воскресенская летопись**
В лѣтописце пишетъ шестые тысещи.	Того же лета	Того же лѣта
В Нижнем Новѣгороде под старым городкомъ вверхъ по Окѣ рекѣ была слобода на берегу реки Оки. И божиимъ изволениемъ, грѣхъ ради нашихъ, оползла гора сверху на слободу.	в Новегороде Нижънем уползе горы на Благовещеньевъ день пресвятыя богородицы	въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ за Благовѣщеніемъ уползѣ горы,
И засыпало в слободѣ150 дворов с людьми и с скотиною. А тотъ городокъ поставленъ…	и много посаду и с людьми подави	и много посыпавъ дворовъ съ людми.

В отрывке из Летописца о Нижнем Новгороде отсутствуют указание на место события, детализация его масштабов (150 засыпанных дворов), нет упоминания слободы, зато есть временная отметка случившегося («на Благовещеньевъ день»). Описание последствий бедствия в нём отличается, вероятно, ошибочной передачей текста источника: «…много посаду и с людьми подави» (наверное, вместо: «много посыпа дворовъ, и с людми» Воскресенской летописи), в то время как в Нижегородском летописце соответствующая фраза скомпонована иначе: «…засыпало в слободѣ 150 дворов с людьми и с скотиною…».

Существенные расхождения прослеживаются и при сравнении сообщения Нижегородского летописца с фрагментом Воскресенской летописи: в последней иной ориентир определяет место события, ничего не сказано о засыпанном скоте, не указано количество засыпанных дворов, нет упоминания о слободе.

Сообщение с упоминанием «старого городка» и тексты о катастрофе второй половины XIV в. (в передаче вероятных источников первого) имеют только три общих выражения – «в Нижнем Новѣгороде», «оползла гора», «с людьми». Если один из предполагаемых источников действительно лежал в основе известия Нижегородского летописца, из него были взяты только сведения о характере бедствия (ошибочные, судя по Рогожскому летописцу) и факт гибели людей. Отмеченные его автором подробности бедствия подводят к мысли о том, что соответствующая запись могла появиться не только как переложение летописного упоминания о трагедии 1370 г.

Поводом для неё могла стать и совершенно другая катастрофа (*Шайдакова,* 2006. С. 64), произошедшая, когда погодные записи в Нижнем Новгороде не составлялись, из-за чего известие о ней оказалось недатированным. Однако обстоятельства унёсшего много жизней события,

ко времени создания Первоначальной редакции памятника в середине XVII в., вероятно, ещё не исчезли из народной памяти, и автор мог посчитать необходимым упомянуть это происшествие среди прочих. Предпосылкой такого объяснения происхождения записи о катастрофе с упоминанием «старого городка» служат многократные случаи катастрофических оползней волго-окских косогоров в Нижнем Новгороде в обозримой исторической перспективе[125].

Убеждённость в необходимости различения двух городков на Оке поставила приверженцев соответствующей точки зрения перед необходимостью интерпретации каждого из них.

В.А. Кучкин предложил рассматривать «старый городок» Нижегородского летописца как Нижегородский кремль, а городище царской грамоты 1593 г., соотнёс с остатками крепости-осады середины XV в. – Нижним Новгородом «меншом». Чеченков П.В. связал местоположение первого «старого городка» с периферией нижегородского Старого острога (соотнёс его с самим Старым острогом), то есть с частью самого города. По его мнению, в тексте памятника слово «городок» могло появиться вместо слова «город» как результат неудачного редактирования автором двух разнородных известий (о деятельности суздальских князей и об оползне) (*Чеченков,* 2012. С. 23). Опора на такого рода недоказанную погрешность выводит предложенную версию за рамки возможностей всякого рационального обоснования. Автора не настораживает и то обстоятельство, что предполагаемое им обозначение упоминаемого в различных делопроизводственных документах Старого (Большого) острога как «городка», не имеет прямых аналогов ни в одном известном источнике.

«Старое городище» грамоты 1593 г. В.П. Чеченков предположительно отождествил с упоминаемым в том же документе старым монастырским «воловом дворцом» (скотным двором), уповая на то, что «дворец» (то есть, небольшой двор) «…как огороженный участок земли…», расположенный за пределами городского острога, был хорошо укреплён и, следовательно, мог быть «записан» как «городок» (2012. С. 23). Однако это противоречит тексту источника, где и монастырская земля около старого городища, и земля возле селища, что подле «волового дворца», равно как и «бечева за острогом» упоминаются в перечне монастырских владений как независимые, различно обозначенные и «привязанные» каждая к своему ориентиру, части монастырских угодий[126].

«Городки» упоминаются в акте 1593 г. и Нижегородском летописце без индивидуальных наименований и локализуются приблизительно в одном районе – на правом берегу р. Оки за чертой детинца нижегородской крепости. Эти обстоятельства, а, также незначительный хронологический промежуток между появлением соответствующих источников, указывают на высокую вероятность того, что «старое городище» царской грамоты и «старый городок» Нижегородского летописца представляют собой одно и то же урочище, известное нижегородцам в конце XVI–XVII вв. Альтернативная версия вынуждает её сторонников полагаться на умозаключения либо входящие в противоречие с текстами памятников, либо предполагающие «особое» прочтение последних, которое сложно признать убедительным, а, тем более – единственно возможным.

Сделав выбор в пользу версии тождественности укреплённых объектов, засвидетельствованных двумя различными памятниками, попробуем локализовать это городище на современной карте Нижнего Новгорода, отталкиваясь от сведений грамоты 1593 г. Для этого необходимо определиться с точкой, от которой до него отложено указанное в данном документе расстояние и с переводом его значения в современную метрическую систему.

Интересующая величина – протяжённость отведённой посадским людям выгонной земли по одному из трёх направлений, по которым определялась её площадь в челобитной, включённой в грамоту 1593 г. Отталкиваясь исключительно от сохранившегося текста документа, сориентировать в пространстве эти три «обмерных» вектора весьма не просто: «Что дано де им по-

[125] Одному из них, 18 июня 1597 г. разрушившему нижегородский Печёрский монастырь, посвящена отдельная повесть, вошедшая в состав многих рукописных сборников (*Пудалов,* 2001в. С. 68). Среди череды происшествий XIX в., в памяти нижегородцев остались минимум три грандиозных оползня (*Мельников,* 1884. С. 182). Многим из наших современников запомнился оползень, опрокинувший трамвайный вагон на Окском съезде 21 февраля 1974 г. (*Харитонычев,* 1978. С. 30).

[126] «Исстари де Благовещенское поле земля под монастырем по Муромскую дорогу была и около старого городища по Оке реке, и селища де знать где был монастырскои воловой дворец, и под манастырем бечева за острогом от Крутого ручья вверх по Оке реке по Коровей взвоз…» (АФЗХ. Ч. 3. № 26. С. 48).

садцким людем исстари на выпуск всякой животине поля **от посаду наниз** на версту, а **посереди де посаду от их дворов** за речку за Старковку во враг дано на полторы версты, а **вверх де от посаду** по Оке реке поля дано на полторы ж версты…» (АФЗХ. Ч. 3. № 26. С. 48). Направление последнего измерения соотносится с указанием расстояния до старого городища («…и верхнево де выпуску поле от их дворов и до старого городка на версту отнял у них насилством благовещенской архимарит Иосиф, и пашет хлеб…»), так как последнее располагалось «…по Оке реке…», что следует из другой челобитной, направленной строителем Благовещенского монастыря старцем Симоном (её текст также содержится в грамоте 1593 г.).

Приведённая в акте пространственная характеристика выгонной земли, составленная со слов посадских людей, очевидно, должна была иметь параллели в более «строгом» и традиционном писцовом описании. Для того, чтобы вникнуть в порядок измерения выгонной земли посадских людей и соотнести указанные в грамоте обмерные направления с известными ориентирами, воспользуемся системой отсчёта соответствующих расстояний из Писцовой книги Нижнего Новгорода 20-х гг. XVII в.

Согласно этому документу городские выгонные земли занимали полосу, вытянутую вдоль посада и Большого острога от р. Оки до р. Волги (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 284, 285). Эта полоса не была сплошной. В неё вклинивались спорные земли, упомянутые как в писцовом описании 20-х г. XVII в., так и в выписке из писцовых книг Григория Зоболотцкого 1565 г. (7073 г.), включённой в грамоту 1593 г. В западной, тяготеющей к окскому берегу половине выгонной земли, её обмер в первой половине XVII в. также проводился по трём направлениям: «…отъ болшого острогу по болшой Московской дороге…», «…поперегъ отъ Оки реки… по болшую Московскую дорогу…» и «…отъ большие Московские отъ Николские дороги вдоль к селу Высокому…». Начальным пунктом отсчёта расстояния по большой Московской дороге служили Никольские острожные ворота. Их положение, по той же Писцовой книге и планам XVIII–XIX вв., локализуется в районе пересечения современных улиц Большой и Малой Покровской (*Кирьянов,* 1961. С. 42). При обмерах участка выгонной земли между окским косогором и Московской дорогой измерения проводились по двум направлениям. Одно из них, выраженное количеством «длинников», соответствовало трассировке большой Московской дороги и откладывалось от Никольских ворот, другое измерялось «поперечниками» вдоль отрезка, соединяющего указанную дорогу с бровкой обрыва окского берега.

Предполагая, что в основе описания городских выгонных земель в грамоте 1593 г. лежит заведённый служилыми землемерами традиционный порядок, наметим соответствия между обозначениями направлений её обмеров в начале 90-х гг. XVI в. и в 20-х гг. XVII в.

Главный «обмерный» вектор, обозначенный в царской грамоте как «посереди де посаду от их дворов за речку за Старковку во враг», очевидно, проложен «…отъ болшого острогу по болшой Московской дороге…» (рис. 6Б*). Прописанная в его обозначении топографическая ситуация («за речку за Старковку во враг»), отражена на генеральном плане Нижегородского уезда (1791 г.): вытянутый почти вдоль линии Большого острога овраг[127], с истоком к востоку от Никольских ворот, обозначен здесь как р. Старковка[128] (РГАДА. Ф. 1356. Оп.1. Ед. хр. 2743) (рис. 6А*). Русло последней резко поворачивает на юг у с. Высокого[129]. Перед ним с южной стороны отчётливо читается протяжённая западина Марьинского оврага[130]. Наверное, именно этот овраг за р. Старковкой упоминается в челобитной посадских людей.

Два других зафиксированных в Писцовой книге направления в целом противоположны одно другому и каждое из них обращено поперёк большой Московской дороги – одно к Оке, дру-

[127] По его месту проложена современная ул. Звездинка.

[128] На планах города, начиная с первого «регулярного» плана 1770 г. (РГИА. Ф.1293. Оп.168 (Нижегородская губерния). Ед. хр.7-б), р. Старковка обозначена как Ковалихинский овраг. В отличие от карты уезда с нанесёнными межевыми ориентирами и границами, планы города не отличаются богатством микротопонимических обозначений элементов рельефа, явно вторичных на фоне улиц и площадей. Помещённые на них названия оврагов и малых рек в контексте их древности заслуживают меньшего доверия при сравнении с межевыми картами, отражающими традиционные ориентиры границ земельных угодий.

[129] На современной топографической карте этот южный, меридианально вытянутый отрезок её течения, обозначен как р. Старка (Топографическая карта…, 1987. Лист О-38-137).

[130] В настоящее время засыпан и перекрыт объектами городской инфраструктуры.

гое к Волге (рис. 6Б*). Указание грамоты 1593 г. «вверх де от посаду по Оке реке», очевидно, соответствует указанию Писцовой книги: «поперегъ отъ Оки реки… по болшую Московскую дорогу»», а фраза «от посаду наниз» означает ориентацию вдоль стены Большого острога к с. Высокому, т. е. по направлению к волжскому берегу.

Таким образом, одна верста до старого городища в документе 1593 г. соответствует отрезку «поперегъ отъ Оки реки» до Никольских ворот Большого острога, ведь именно Никольские ворота служили исходной точкой обмеров по каждому из трёх направлений, обозначенных в Писцовой книге.

Общей чертой других известных версий положения старого городка царской грамоты конца XVI в. является иной метод отсчёта указанного в документе расстояния. В местной краеведческой литературе его принято откладывать вдоль, а не поперёк русла р. Оки, по кратчайшей прямой от участка Большого острога, выходящего на обрыв окского косогора (см.: *Кирьянов,* 1956. С. 16; *Сочнев,* 1991. С. 23; *Филатов,* 1994а, С. 21;*Чеченков,* 2012. С. 21). Фраза источника «вверх… от посаду по Оке реке» воспринимается исследователями буквально и без соотнесения с одним из обмерных направлений выгонной земли, зафиксированных в Писцовой книге, как однозначное указание на расположение забытой крепости строго вверх по течению реки относительно периферии городского посада, выходящей на обрыв окского берега. Вместе с тем, упоминание направления течения р. Оки, в тексте грамоты отражает, скорее, общую, географически более масштабную ситуацию, чем ту, которую можно непосредственно наблюдать, оказавшись на её берегу. Если вспомнить, что Ока и Волга, сливаясь у подножия Дятловых гор, вместе образуют выгнутую к северу широкую дугу, то общее направление движение воды в обеих реках, спроецированное на линию Большого острога, замыкающую концы этой дуги, будет ориентировано с запада на восток, то есть, почти «поперегъ…Оки реки».

В целом, использованный другими авторами способ отложения указанного расстояния не соответствует порядку измерения выгонной земли, принятому в Нижнем Новгороде в начале XVII в. Это порождает сомнение в правильности его выбора, а значит и в реалистичности предложенной с опорой на него любой локализации старого городища.

При переводе указанного в грамоте расстояния до старого городка в современную метрическую систему, необходимо учесть, что в Московском государстве в качестве мер длины использовались две различные вёрсты – мерная (она же межевая), равная 1000 саженям (2,16 км) и «царская» (или путевая), соответствующая 500 саженям (1,08 км) (*Шостьин,* 1975. С. 53, 54). Использованная в документе форма записи больше характерна для путевой версты, привычной для европейской части страны[131]. Путевая верста, применительно к царской грамоте от 20 июля 1592 г. (текст которой содержится в грамоте 1593 г.), указана и автором позднейшей «Записки о наделении города Нижнего Новгорода выгонной землёй» (Записка о наделении…,. 1902. С. 2). К такому же выводу пришёл и П.В. Чеченков (*Чеченков,* 2012. С. 21)[132].

В основе различия известных по литературе вариантов расположения старого городища грамоты 1593 г. лежит разный выбор единиц измерения расстояния. «Приверженцы» межевой версты, помещают искомый объект в район оврага Западного городка (около стадиона Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, бывшего училища тыла, Молитовского моста), удаляя его от Нижегородского кремля на 3–4 км (*Филатов,* 1994а, С. 21;1999. С. 106; Ч*еченков,* 1999; 2002. С. 113). Избравшие путевую версту, предполагают его положение в районе Ярильского оврага и бывшего Казанского вокзала (*Кирьянов,* 1956а. С. 16; *Сочнев,* 1991. С. 23) или в окрестностях Крестовоздвиженского монастыря (*Чеченков,* 2012. С. 21).

[131] В противном случае, вместо выражения «полторы версты», в тексте акта, наверное, была бы использована иная формулировка («в одной версте и 500 саженях», см.: *Шостьин,* 1975. С. 53, 54).

[132] Верно проложив границу выгонной земли на современной карте по направлению «поперёк острога» на расстояние в 1,5 путевой версты от последнего, он ошибочно истолковал положение её ориентира – р. Старковку. В качестве последней исследователь без должного топонимического обоснования предложил рассматривать правобережный приток р. Старки – р. Кову, обозначенную на упомянутой межевой карте как р. Лапшиха. Предложенному им отождествлению противоречит не только план 1791 г., но и текст грамоты 1593 г., согласно которому выгонная земля «посереди де посаду» простиралась на полторы версты «за речку за Старковку», где предлог «за», очевидно, указывает на отсчёт расстояния от города, а не наоборот. Русло Старковки вблизи истока (до поворота на юг вблизи с. Высокого), согласно плану 1791 г., фактически определяло границу городской территории, а выгонная земля начиналась сразу за ней.

При измерении расстояния в «царских» верстах, место на берегу р. Оки, удалённое на указанное расстояние от Никольских ворот Большого острога, приходится на район обширного, частично засыпанного в настоящее время, Красного оврага (*Шомысов,* 1952. С. 41–42, 73; План губернского города…, 1992. Лист 5). Его широкое устье прорезает окский косогор в 600 м к югу от Благовещенского монастыря.

Красные овраги получили своё современное наименование, вероятно, только после революции. До неё они были известны как Жандармские (см.: *Шомысов,* 1952. С. 41). На генеральном плане Нижегородского уезда 1791 г., их отвершки, в совокупности образующие замкнутую округлую структуру, обозначены как Круглый овраг (рис. 6А*). Очевидно, под этим наименованием они упоминаются и в Писцовой книге по Нижнему Новгороду в качестве одного из порубежных ориентиров спорной земли (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 285).

Таким образом, сравнительно поздние источники определённо указывают на существование какого-то старого городища на правом берегу р. Оки в ближайших окрестностях Нижнего Новгорода, хорошо известного горожанам, по крайней мере, в конце XVI–XVII вв. Наиболее перспективный участок для его поисков тяготеет к Красным оврагам (в районе современных улиц Шевченко, Большие овраги, Ярославская, 3-я Ямская).

Перейдём к обзору археологического изучения правобережья Оки в черте современного Нижнего Новгорода и попытаемся выяснить какой известный здесь памятник лучше всего подходит на роль городища грамоты 1593 г.

Первое археологическое обследование правого берега р. Оки в её нижнем течении было проведено в 1959 г. третьим отрядом Горьковской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Черникова (А-1959). Тогда вблизи границы современной городской застройки, на удалении более 10 км от Нижегородского кремля, были обнаружены три русских селища (Береговые Новинки-1,-2,-3), вторично обследованные М.В. Блиновой в 1979 г. (А-1979; *Николаенко,* 2008. С. 132, 160).

Ещё одно русское средневековое селище (Слуда), выявленное В.Ф. Черниковым в 1983 г. на северной периферии парка «Швейцария» в 4,7 км от Нижегородского кремля, долгое время оставалось незафиксированным, так как материалы его первого обследования не вошли в общепринятую отчётную документацию. Спустя годы, после появления информации о нём в небольшой газетной публикации, его посетили три разведочные экспедиции[133].

В 1992 г. участок окского правобережья, непосредственно примыкающий к устью реки[134], вошёл в район разведочных работ экспедиции под руководством Т.В. Гусевой (А-1992). Тогда на окском косогоре между кремлём и Благовещенским монастырём были зафиксированы два местонахождения средневековых материалов (XIII–XIV вв.), а в районе Красных оврагов обследованы два уже известных к тому времени, но ещё не зафиксированных, археологических памятника[135]. В окрестностях Благовещенского монастыря в 1995 г. поиски археологических объектов с постановкой разведочных шурфов проводил И.О. Ерёмин (А-1995). У подошвы окского коренника, на бортах строительной траншеи возле здания бывшего Казанского (Ромодановского) вокзала, под мощным чехлом планировочного грунта были выявлены напластования с осколками керамики, датированной им XIV–XVI вв. (*Дмитриевский, Ерёмин,* 1997. С. 64). Связанный с этими находками памятник Т.Д. Николаенко определён как селище Нижний Новгород-14 (2008. С. 135). При последующих наблюдениях за ходом строительно-монтажных работ на Казанской площади в 2008 г. его границы и размеры определить не удалось, так как вновь откопанные траншеи здесь были заложены, очевидно, выше уровня соответствующих культурных отложений (*Иванова,* А-2001а). Правый берег р. Оки на периферии городской средневековой застройки, в районе Суетинского оврага и на участке между Красными и Ярильским оврагами, в 1998 г. обследовался А.Н. Масловым. По ходу этих изысканий обнаружить ранее неизвестные археологические памятники не удалось (*Маслов,* А-1998). Участок правого берега р. Оки от устья

[133] Под руководством Н.Н. Грибова в 1996 и 2009 гг. и И.В. Ануфриевой в 2003 г.

[134] В пределах Нижегородского района г. Нижнего Новгорода, на удалении до 2 км от кремля.

[135] Поселение за Ромодановским вокзалом и городище Городок.

Ярильского оврага до современной городской черты[136] в 2003 г. изучался И.В. Ануфриевой. Тогда невдалеке от Ярильского оврага, на верхней площадке широкого мыса возвышенного коренного берега, в 2,3 км от кремля было открыто Елецкое селище. По изучению подъёмного материала и керамике, добытой в результате малометражной шурфовки, основной период функционирования этого поселения очерчен промежутком XIII–XVII вв. (*Николаенко,* 2008. С. 137).

Помимо целенаправленных археологических разведок, маршруты которых плотно перекрыли правый окский берег от устья реки до границы современного города (в 12 км от кремля), археологические изыскания проводились на отдельных строительных объектах за периферией средневековой городской застройки – как в районе Благовещенского монастыря, так и в непосредственной близости от Красных оврагов (см.: рис. 3*, 4*). К выявлению следов каких-либо ранее не зафиксированных средневековых поселений эти работы не привели.

Таким образом, в настоящее время на участке правого окского берега за пределами средневекового Нижнего Новгорода на удалении до 5 км от кремля известно пять археологических памятников (рис. 2А*). Два из них, селища Слуда и Елецкое, можно сразу исключить из числа «претендентов» на роль известного по письменным источникам «старого городка». Верхняя граница датировки обоих памятников падает на XVI–XVII вв., и, следовательно, велика вероятность того, что маркируемые ими населённые пункты ещё продолжали функционировать во время составления и грамоты 1593 г., и Нижегородского летописца. К тому же, их площадки занимают широкие возвышенные мысы окского коренника без характерного для большинства мысовых городищ сколько-нибудь выраженного узкого перешейка. В отличие от них, три других археологических объекта приурочены к Красным оврагам.

Следует отметить, что район последних в целом можно считать достаточно хорошо изученным в плане выявления памятников археологии. С этой целью в разное время специальные изыскания здесь проводились тремя экспедициями[137].

Если обнаруженный здесь, у подошвы берегового склона, объект, зафиксированный как селище Нижний Новгород-14, по своему «низменному» топографическому положению вряд ли мог иметь укрепления и стать известным после запустения как «городок» или «старое городище», то это нельзя безоговорочно утверждать в отношении двух других местных памятников. Оба они были открыты ещё до 1992 г., а их первое обследование не сопровождалось составлением научной документации.

Один из них – это уже упоминавшееся поселение за Ромодановским вокзалом, обнаруженное И.А. Кирьяновым в 1954 г. (*Кирьянов,* 1956а. С. 16–17)[138]. Памятник располагается в полугоре правого коренного берега р. Оки в 2,2 км от Нижегородского кремля и в 0,3 км к югу от устья Красных оврагов (рис. 2А*). На наклонной и неровной поверхности берегового склона занимаемый им участок отмечен линейно вытянутым вдоль русла реки земляным гребнем, весьма напоминающим искусственную насыпь. Его внешний скат слит с береговым склоном, а внутренний отделяет от верхней части последнего небольшую почти горизонтальную площадку размером 20×40 м, расположенную на высоте 47–49 м над р. Окой (рис. 24, *1*). Земляной гребень имеет протяжённость 80 м, высота его слегка притупленной вершины над уровнем выположенной площадки максимальна в середине длины (2,2 м).

Первые шурфовочные работы, проведённые на памятнике в 2004 г.[139], доказали естественное происхождение валообразного гребня и искусственное – примыкающей к нему площадки (*Грибов,* А-2004б). Оказалось, что уплощенный участок берегового склона, примыкающий к подошве земляного гребня, появился в следствие засыпки планировочным грунтом неровностей берегового склона в XIX–XX вв. Сам гребень, к которому и приурочены древние культурные напластования, первоначально был ошибочно принят за останец второй надпойменной террасы (*Грибов,* А-2004б). При рассмотрении материалов разведочной шурфовки на фоне местной геоморфологической ситуации, его можно интерпретировать как край массива древнего блокового

[136] На территории Советского и Приокского районов, на участке от 2 до 12 км от кремля.

[137] Под руководством Т.В. Гусевой (А-1992), И.О. Ерёмина (А-1995) и А.Н. Маслова (А-1998).

[138] В издание «Археологическая карта России» оно вошло как поселение Нижний Новгород-2 см.: *Николаенко,* 2008. С. 108, 109.

[139] В разных местах памятника было заложено два шурфа общей площадью 16 кв.м.

оползня, съехавшего по «зеркалу скольжения» берегового склона с сохранением первоначальной стратиграфии.

Поперечный разрез гребня одним из шурфов, заложенным в наиболее возвышенной части, выявил два стратиграфических горизонта. Верхний, лежащий непосредственно под дёрном (до 20–25 см), помимо осколков лепной посуды раннего железного века и эпохи бронзы, однотипной с керамикой из подстилающего слоя, содержал включения советских монет, осколков стеклянной и керамической тары XIX–XX вв. Очевидно, он сложился по ходу посещения этого места в позднейший период.

С этим верхним отложением связана единственная находка средневекового времени – русская серебряная анэпиграфная полуденга весом 0,19 гр. (рис. 24, *2*). Найти аналоги этой монете среди опубликованных материалов не удалось, но весьма вероятна её принадлежность к русскому чекану XV в.: на одной стороне в круговом линейном картуше помещена фигура человека, сидящего на скамье (или троне) с мечом в правой руке, напоминающая изображение на денгах Василия Тёмного 1425–1446 гг. (см., например: *Мец,* 1974. С. 121. № 218). На другой стороне, также в линейном круговом картуше, передано неясное, вошедшее на монетный кружок лишь частично, изображение птицы или зверя (рис. 24, *2*).

Перекрывающий материк нижний горизонт мощностью до 55 см образован однородным коричневато-серым суглинком, насыщенным только материалами эпохи бронзы и раннего железного века. Среди них встречены осколки пористых[140] сосудов чирковской культуры (второй четверти II тыс. до н.э.) (рис. 24, *5*) и более массовые фрагменты посуды раннего железного века с текстильными отпечатками (рис. 24, *3, 4, 6–9*). Последние численно доминировали над первыми (12% и 88% соответственно). Время накопления культурных остатков в раннем железном веке по составу обширного керамического комплекса (около 3500 фрагментов), отсутствию в нём осколков гладкостенных сосудов, кроме редких образцов ананьинской керамики, находке костяной рукоятки ножа скифского времени, датируется VII–III вв. до н.э. Единичный обнаруженный на памятнике артефакт средневековой эпохи (вышеописанная монета), происходящий из верхнего горизонта, вероятно, может свидетельствовать только о посещаемости этого хорошо заметного на склоне окского косогора места в XV в.

Если датировка памятника досредневековой эпохи стала очевидна ещё его первооткрывателю и затем подтверждена изучением подъёмного материала в 1992 г., то несоответствие его современного микрорельефа представлениям о «городище», стала понятна только после шурфовки 2004 г. До искусственного выравнивания естественного рельефа в XIX–XX вв. определяющий памятник земляной гребень мало походил на искусственную насыпь: его внутренний скат продлевался до пересечения с наклонным береговым склоном, очевидно, образуя глубокую щелеобразную полость, ныне выположенную планировочным грунтом[141]. По этой причине маловероятно, что этот археологический объект, чудом сохранившийся на бровке оползшего обрыва коренного окского берега, где когда-то располагалось поселение эпохи бронзы и раннего железного века, мог восприниматься нижегородцами как «старое городище».

Под это определение гораздо лучше подходит другой известный в этом районе памятник, расположенный на возвышении продолговатого мыса в самом центре огромной, напоминающей чашу, приустьевой выемки Красных оврагов. Узкий перешеек, соединяющий мыс с платформой береговой террасы, на подробной топографической съёмке Нижнего Новгорода середины XIX в. перерезан отчётливой насыпью (План губернского города…, 1992. Лист 5) (рис. 8*). Это обстоятельство, придающее памятнику законченный облик мысового городища, даёт основание рассматривать именно его в качестве наиболее вероятного кандидата на роль «старого городка» письменных источников конца XVI–XVII вв.

Остаётся дополнить предлагаемый путь «от нарратива – к объекту» результатами археологических исследований.

---

[140] Из-за частично выгоревших при обжиге мелких осколков раковин моллюсков, добавленных в керамическое тесто в качестве отощителя.

[141] Что является одним из отличительных признаков террас блоковых инсеквентных оползней, см.: *Макарова, Суханова,* 2009. С. 188.

ГЛАВА 2

ГОРОДИЩЕ ГОРОДОК ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

§ 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКА

Памятник археологии, по своему расположению и рельефу наиболее соответствующий «старому городку» Нижегородского летописца и грамоты 1593 г., был обнаружен группой студентов историко-филологического факультета Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского под руководством инструктора Горьковского областного управления культуры Александра Юрьевича Рогачёва в 1988 г. Год спустя, по решению Нижегородского облисполкома № 471 (от 18.12.1989 г.) обнаруженный памятник «городище Городок XIV–XVI вв.» был поставлен на местную охрану. При первоначальном определении его вида, решающим аргументом, очевидно, стало его расположение, характерное для мысовых городищ, а в присвоенном наименовании отразилось бытующее среди местных краеведов представление о существовании легендарной крепости – предшественницы Нижнего Новгорода.

Городище Городок располагается на правом возвышенном коренном берегу р. Оки в 1,8 км к юго-западу от нижегородского кремля за пределами посадских укреплений средневекового города (рис. 2А*, 5). Оно занимает верхнюю площадку мыса, разделяющего два наиболее протяжённых овражных отвершка в центральной части обширной разветвлённой овражной системы, прорезающей косогор окского берега в 0,8–1,0 км к юго-юго-западу от устья реки (рис. 25). Один из отвершков, очерчивающий мыс с памятником с юго-западной стороны, известен как Малый Красный овраг, другой, огибающий его с северо-восточного направления, – как Большой Красный. Их верховья в настоящее время засыпаны и перекрыты современной городской застройкой.

Мыс, разделяющий Красные овраги, как и всё Правобережье в районе окского устья сложен пестроцветными мергелями, аргиллитами, глинами, алевритами и песчаниками татарского яруса пермской системы, лежащими под мощным чехлом бурых покровных суглинков эпохи Днепровского оледенения. Эти верхнепалеозойские отложения перемежаются водонесущими горизонтами. Вскрытые врезками овражных склонов, они дают начало ручьям, протекающзим по тальвегам Красных оврагов[1]. До перепланировки низменной части окского берега в связи со строительством в 1904 г. железнодорожного Ромодановского (Казанского) вокзала ручьи сливались у северного выступа подошвы разделяющего их мыса, образуя русло небольшой безымянной речки, впадавшей в р. Оку через короткий участок заболоченной поймы (рис. 8*). Ручьи, протекавшие по тальвегам Красных оврагов, очевидно, являлись ближайшими к городищу постоянными водотоками, так как до линии уреза воды в р. Оке оно удалено на расстояние около 400 м.

Истоком ручья в Большом Красном овраге служил бьющий из-под горы Жандармский ключ, хорошо известный нижегородцам ещё в XVIII в. По местному преданию особые вкусовые качества его воды были отмечены ещё императрицей Екатериной II при посещении Нижнего Новгорода (*Храмцовский,* 1998. С. 214).

Высота мыса над современным уровнем воды в р. Оке составляет 83–90 м, над уровнем воды в овражных ручьях – до 40 м. В Балтийской системе высот её отметки изменяются в пределах 146–153 м. Склоны мыса – крутые, каньонообразные (рис. 7*). С обращённой к реке северо-западной стороны они смыкаются в узкий отлогий гребень, по которому проложена тропа.

[1] При строительстве метрополитена ручьи были отведены в подземные коллекторы.

Во многих местах хорошо заметны следы старых оползней в виде хаотично расположенных террасовидных приступков – оплывин. Самый крупный в последнем столетии оползень произошёл здесь 15 декабря 2005 г., когда от склона Малого Красного оврага отделилось 12 тысяч кубометров грунта[2].

Территория памятника (120×60 м) вытянута с северо-запада на юго-восток (рис. 27). Дневная поверхность имеет заметный уклон в северо-западном направлении с максимальным перепадом высот около 8 м[3]. Повторяя обводы верхней площадки мыса, она плавно сужается в юго-восточном направлении, постепенно переходя в узкий перешеек шириной около 30 м. Утраченные к настоящему времени особенности древней дневной поверхности этой юго-восточной периферии мыса отражены на подробном плане Нижнего Новгорода, снятом землемером Медведевым и топографом Лебедевым в 1848–1849 гг. Зафиксированные здесь элементы микрорельефа по месту своего расположения на мысовой площадке, ориентации, форме и размерам соответствуют валам и рвам мысовых городищ. Их сложно интерпретировать иначе, чем остатки земляных укреплений (рис. 8*).

Согласно указанному плану, в середине XIX в. перешеек, соединяющий мыс с береговой террасой, был перерезан земляной насыпью, вытянутой с северо-востока на юго-запад. Её протяжённость (в пересчёте на современную метрическую систему) соответствует 29,4 м. Она состояла из двух соединённых под тупым углом равных по протяжённости линейных участков. С внешней (напольной) юго-восточной стороны к подошве насыпи примыкало покрывающее половину её длины продолговатое углубление, перерезающее своим устьем северо-восточный склон мыса. В 1995 г. приустьевая часть этого углубления была ещё вполне различима на дневной поверхности (*Ерёмин,* А-1995). В советский период на месте насыпи, указанной на топосъёмке середины XIX в., были сооружены кирпичное здание сторожки и въездные ворота Базы спецуправления зелёного строительства Главного управления благоустройства г. Горького. Возведению этих объектов, очевидно, предшествовала планировка отведённого под них участка[4]. Это оставляет мало шансов для изучения остатков земляных укреплений городища археологическими методами.

Не удалось пока подтвердить или опровергнуть и версию о продолжении линии оборонительных сооружений вдоль периметра мысовой площадки. На раскопанных участках бровка берегового обрыва пересекала оставшиеся от средневековой застройки материковые ямы и частокольные канавки, что красноречиво свидетельствует о разрушении оползневыми процессами периферии поселения, где можно было бы ожидать присутствие следов оборонительных конструкций.

Площадь территории памятника, очерченной абрисом бровки обрывистых склонов мыса до соединяющего его с береговой террасой перешейка, по результатам инструментальной съёмки 2003 г., составляет 7700 кв.м. Очевидно, во время функционирования поселения его размеры могли заметно превосходить указанную величину[5].

В результате сплошного обследования прилегающей местности (в радиусе около 0,5 км, см.: *Маслов,* А-1998) и археологического изучения нескольких землеотводов, выделенных под различные строительные объекты (с заложением малометражных шурфов[6]), выяснилось, что на возвышенной платформе береговой террасы в районе Красных оврагов Городок является единственным средневековым памятником. Включение же в хозяйственный оборот близлежащих участков городской территории началось только с середины XIX в. От периферии городской застройки XIII – начала XV вв. городище удалено на расстояние около 1 км. За пределами

[2] См.: www.cry.ru/2005/12/16/news/217965/.

[3] По состоянию на время составления инструментальной съёмки (осень 2003 г.).

[4] По крайней мере, в настоящее время соответствующее насыпи возвышение совершенно не заметно на дневной поверхности.

[5] Как уже отмечалось, по материалам раскопок, периферия мысовой площадки сократилась в результате оползней.

[6] Десять шурфов на нескольких строительных объектах заложено на удалении не превосходящем 150 м от юго-восточной периферии памятника (от перешейка мыса), см.: *Ерёмин*, А-1995, А-1996; *Бакулин,* А-2012г; *Доманин*, А-2012 (рис. 3*). В непосредственной близости от Городка, на удалении до 350 м, на возвышенной террасе правого берега р. Оки археологические наблюдения без шурфовочных работ проводились ещё на пяти строительных площадках, см.: *Очеретин*, А-1996; *Дмитриевский,* А-1996; *Маслов*, А-1998; *Кикеев*, А-2001 (рис. 4*).

селитебной территории Нижнего Новгорода оно располагалось и несколько столетий спустя, в XVII–XVIII вв.: сопоставление сведений из Писцовой книги 20-х гг. XVII в. с планами города второй половины XVIII в. обнаруживает стабильное положение юго-западной городской черты, проходившей в 150–300 м к северу от Городка. На планах Нижнего Новгорода, восходящих к первой инструментальной съёмке 1769 г., мыс с городищем обозначен как пустырь[7]. На регулярных планах 1770[8], 1802[9], 1804[10], 1881[11] гг. он показан за пределами запроектированных городских кварталов, очерченных абрисом бровки южного (правого) борта Большого Красного оврага в 150 м к северу от памятника.

Отдельные городские дворы в районе Городка впервые показаны на плане 1802 г. Их удаление от памятника составляет 300–400 м (к востоку-юго-востоку). Однако сама его территория оставалась свободной от застройки на протяжении всего XIX в. Возобновление её активного хозяйственного использования происходит только в XX столетии.

По рассказам местных жителей, неоднократно посещавших раскопки на памятнике в 2003–2004 гг., в первые послевоенные годы в районе городища располагался лагерь немецких военнопленных. Это косвенно подтверждается датировкой одной из вскрытых на раскопанном участке ям, включающей обрезки колючей проволоки и стреляные винтовочные гильзы с маркировкой 40-х гг. XX в. В 50–70-х гг. XX в. площадка памятника использовалась для выращивания картофеля. В 70-х гг. XX в. на ней появляются производственные сооружения базы спецуправления зелёного строительства Главного управления благоустройства г. Горького. Перед оборудованием базы отведённый под неё участок, соответствующий 85% территории городища, был выровнен планировочным грунтом, перекрыт асфальтом и огорожен высоким бетонным забором. В территорию предприятия не вошла только северо-западная периферия памятника, отделённая ограждением, переходящим в глухую кирпичную стену заднего фасада одной из производственных построек. С целью укрепления овражных склонов и предотвращения оползней этот участок был засажен американским клёном. Именно эта треугольная в плане площадка (30×40 м), затенённая кронами деревьев и потому свободная от дёрна, вскоре после открытия памятника стала основным «полигоном» для его археологического изучения. Отсюда происходит основная часть подъёмного материала, здесь был заложен первый шурф (1996 г.) и первые раскопы (2003–2004 гг.). Так как только северо-западная оконечность мыса была свободна от построек, асфальтового покрытия и доступна для посещения, сам памятник первоначально ассоциировался исключительно с этим небольшим участком площадью около 650 кв.м.

Во время проведения первых раскопок (в 2003–2004 гг.) территория Базы спецуправления зелёного строительства была арендована ООО «Динго» и превращена в цех по производству памятников из природного камня. Жидкие отходы от распиловки каменных блоков (пульпа) сливались за пределы производственной площадки на северо-западную периферию мыса, размывая перекрытую валежником дневную поверхность.

В 2008–2009 гг. все производственные строения бывшей Базы спецуправления зелёного строительства были снесены, а на их месте была оборудована временная стоянка большегрузных автомобилей, задействованных на строительстве метрополитена. В настоящее время линия метро проходит в 100 м к югу и юго-востоку от соответствующих границ памятника (рис. 7*, *1*).

Первое обследование Городка, сопровождаемое мероприятиями по его научной фиксации, было проведено четыре года спустя после его открытия, в 1992 г., одним из отрядов экспедиции ТОО «Нижегородская археологическая служба» под руководством Т.В. Гусевой (А-1992). Тогда же был составлен первый глазомерный план, проведена фотофиксация, собран подъёмный материал. По результатам этих работ памятник был атрибутирован как русское селище XIII–XVI вв., а связанная с ним территория ограничена доступной для обследования северо-западной оконечностью мыса. В 1995 г., проводя археологическую разведку в окрестностях

[7] РГИА. Ф. 1293. Оп. 168 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 4.

[8] РГИА. Ф. 1293. Оп. 168 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 7-б.

[9] РГИА. Ф. 1293. Оп. 167 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 3.

[10] РГИА. Ф. 1293. Оп. 167 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 4.

[11] РГИА. Ф. 1289. Оп. 15. Ед. хр. 226. Л. 1.

Красных оврагов, И.О. Ерёмин обратил внимание на продолговатую выемку, прорезающую северо-восточный борт мыса в районе перешейка (А-1995). Это углубление исследователь предположительно охарактеризовал как остатки оборонительного рва, частично засыпанного при сооружении въезда на территорию Базы спецуправления.

В 1996 г. на памятнике был заложен первый шурф площадью 2 кв.м. По результатам его исследования получена первая информация о характере культурных напластований (*Грибов,* А-1996а). В 1997 и 1998 гг. сборы подъёмного материала на Городке проводил А.Н. Маслов (А-1997; А-1998). Он же (в 1998 г.) специально обследовал ближайшие окрестности памятника в границах улиц Ярославской, Малой Ямской и М. Горького. Оказалось, что на берегах Красных оврагов Городок является единственным средневековым объектом, а освоение связанного с ним городского района началось лишь с середины XIX в. Этот вывод, сделанный по результатам археологического обследования, был подтверждён результатами анализа городских планов второй половины XVIII–XIX вв. Изучение обширных сборов керамического подъёмного материала позволило А.Н. Маслову датировать период наиболее активного освоения территории поселения серединой XV–XVI вв.

Исследователи, проводившие работы на Городке, обращали внимание на оползневые процессы, угрожающие сохранности памятника[12]. В 2003 г. на северо-западной оконечности мыса были начаты первые охранные раскопки (*Грибов,* А-2003а). Заложенный в этом году раскоп 1 имел площадь 81 кв.м. Планировка вскрытых сооружений и картографирование подъёмного материала показали, что памятник имеет большие размеры, чем те, которые были определены в 1992 г., а занимаемая им территория, скорее всего, очерчивается всей мысовой площадкой, а не только её северо-западной периферией, как считалось ранее. Наложение на современный инструментальный план микрорельефа топосъёмки середины XIX в. привело к решению пересмотреть определение вида памятника, предложенного Т.В. Гусевой по результатам его первого обследования 1992 г. Многочисленные нумизматические находки, обнаруженные в первом раскопе, позволили сузить датировку наиболее активной фазы функционирования поселения в пределах середины XV – начала XVI вв. В этом же 2003 г. сборами подъёмного материала на Городке занималась Е.Э. Лебедева (А-2003).

Датировка Городка, его размеры, конфигурация территории и положение границ были подтверждены при продолжении раскопок в последующем 2004 г. К ранее изученной площадке были прирезаны ещё два раскопа, общей площадью 94 кв.м (*Грибов,* А-2004а, 2005б). Распространение культурного слоя на более обширную территорию, чем предполагалось при исследованиях 1992, 1996, 1998 гг., было подтверждено результатами изучения шурфа 2 (площадью 15 кв.м), заложенного на другом участке мыса, удалённом от раскопов 2003–2004 гг. на 48 м. На этом втором участке, помимо остатков углублённых в материк сооружений, были впервые зафиксированы непереотложенные культурные напластования второй половины XV – начала XVI вв., лежащие на материке и перекрытые позднейшим планировочным грунтом.

Основные результаты начального этапа изучения Городка (1992–2009 гг.) были подведены как в научных публикациях (*Грибов,* 2005а; *Грибов, Лапшин,* 2008), так и в паспорте объекта культурного наследия, составленном в 2009 г. после ещё одного его визуального обследования (*Грибов,* А-2009в).

Общая площадь двух шурфов и трёх раскопов, заложенных в эти годы на двух участках памятника, составляет 192 кв.м. Выяснилось, что стратиграфия и сохранность культурных напластований различны в разных местах его территории. Так, на северо-западной периферии, отгороженной от площадки бывшей Базы спецуправления зелёного строительства, они переотложены позднейшей огородной распашкой почти до уровня залегания материка. Здесь их мощность, как правило, не превышает 30 см. Непотревоженный культурный слой сохранился на этом участке либо в заполнении материковых ям и канавок, либо в локальных неглубоких материковых западинах. В последнем случае он перекрывает бурый материковый суглинок, почти не изменённом почвообразовательными процессами. Отсутствие сколько-нибудь выраженных аккумулятивно-гумусового и оподзоленного горизонтов, зафиксированных на нескольких участках территории средневекового Нижнего Новгорода, позволяет предположить, что перед

[12] См., например: *Маслов*, А-1997. Л. 12. Илл. 8.

началом средневекового освоения этой самой низменной части площадки городища верхняя часть почвенного профиля была смыта в результате плоскостной эрозии.

Качественно иная ситуация зафиксирована вблизи бровки юго-западного склона мыса на значительном удалении от раскопов 1–3. Здесь под дёрном и позднейшими напластованиями[13] сохранился непотревоженный культурный слой. Только в отдельных местах его нарушают ямы XX в. Средневековый слой сложен неоднородным рыхлым чёрным угленасыщенным грунтом с массовыми включениями костей животных, рыб, сколков керамической посуды. Местами он переслаивается светлым материковым суглинком, выброшенным при откопке средневековых ям. Его мощность колеблется от 10 до 40 см. Под ним на буром четвертичном суглинке[14] сохранился стерильный слегка гумусированный осветлённый переходный почвенный горизонт A1A2. Обнаруженные здесь средневековые напластования позволяют надеяться, что культурный слой, «законсервированный» позднейшим планировочным грунтом, мог сохраниться на значительной части территории городища.

Для культурных напластований памятника (как непотревоженных, так и переотложенных огородной распашкой) характерна необычайно высокая концентрация находок. С учётом включений из материковых ям, она соответствует встречаемости археологического материала на раскопах в Нижегородском кремле[15].

Собранный на дневной поверхности памятника подъёмный материал состоит преимущественно из осколков керамических сосудов, типологически близких к образцам посудной керамики, полученной при раскопках. Суммарное количество учтённых фрагментов керамики в сборах 1992 г. Т.В. Гусевой, 1996 г. Н.Н. Грибова, 1997–1998 гг. А.Н. Маслова и 2003 г. Е.Э. Лебедевой достигает 1690 единиц (табл. 22). Другие категории инвентаря представлены кресальным кремнем, фрагментом рыболовного керамического грузила, частью железного ключа от цилиндрического замка, осколком керамического пряслица.

Область распространения подъёмного материала охватывает не только открытую и доступную для визуального обследования северо-западную периферию мыса, но и верхнюю часть склонов. Здесь область его распространения прерывается только лакунами плотно задернованных участков, наиболее широко распространённых с юго-западной стороны. С противоположного (северо-восточного) направления фрагментированная керамика прослежена вдоль всего склона вплоть до того места, где на плане середины XIX в. указана неоднородность микрорельефа, соответствующая остаткам земляных укреплений.

Освоение территории памятника, возможно, началось ещё в раннем железном веке. На это указывает единственный осколок стенки лепного сосуда с текстильной фактурой, обнаруженный в слое огородной распашки. Каких-либо других следов человеческого присутствия этого времени на его территории зафиксировать пока не удалось. Остальной материал, полученный по ходу раскопок и шурфовочных работ, за вычетом весьма немногочисленных находок конца XIX–XX вв., хронологически однороден и соответствует позднему средневековью. По результатам исследований 1992–2009 гг. период наиболее активной хозяйственной деятельности на поселении очерчен серединой XV – началом XVI вв., а сам памятник охарактеризован как мысовое городище, расположенное за пределами средневековой застройки г. Нижнего Новгорода.

§ 2. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ И КОМПЛЕКСЫ

Материалы исследования археологических объектов[16] на Городке необходимо предварить хотя бы краткой справкой об используемой терминологии массовой посудной керамики. Массовые керамические находки из археологических комплексов[17] дифференцированы по технологиче-

[13] Представленных пёстрым планировочным грунтом второй половины XX в., лежащем на однородной стерильной прослойке суглинка, вероятно, делювиального происхождения, общей мощностью порядка 70 см.

[14] На горизонте вмывания (Bt) погребённой почвы.

[15] Около трёх индивидуальных находок на 1 кв. м раскопанной площади (по материалам работ 2001–2002 гг., проведённых под руководством В.А. Лапшина).

[16] Шурфов и раскопов 1996, 2003–2004 гг.

[17] Отдельных ям, канавок, лежащих на материке прослоек непотревоженного культурного слоя или их стратиграфически и

ским группам. Группы выделены по характерным сочетаниям технологических признаков, легко устанавливаемых даже по небольшим фрагментам керамических изделий. Соотнесение керамического материала с более мелкими таксономическими подразделениями[18] проведено только в тех случаях, когда это имеет отчётливо выраженное хронологическое значение. Распределение керамики из комплексов по подгруппам и типам представлено в таблицах 11–17, 19, 20.

В представленных ниже описаниях фигурирует ***лепная, красноглиняная, краснолощёная, белоглиняная, белоглиняная гладкая, ангобированная, ангобированная с росписью, чернолощёная*** керамика. Эти наименования представляют собой сокращённые обозначения отдельных технологических групп (и подгрупп).

Лепная посуда характеризуется примесью шамота (очень редко – толчёного железного шлака) и профилировкой, характерной для средневековых сосудов поволжских финнов.

Красноглиняная керамика объединяет изделия из красножгущейся глины с однородным красным, светло-коричневым, иногда серым цветом излома черепка хорошего или посредственного обжига с примесью песка различной зернистости, дресвы или с тонким тестом, но без следов ангоба, лощения или поливы на внешней поверхности. Морфологически эта группа весьма разнообразна. Помимо форм, датировка которых по известным аналогам затруднена, в неё входят характерные образцы московской красноглиняной гладкой керамики второй половины XV – начала XVI вв. (*Бойцов,* 1991. С. 38) и отдельные экземпляры новгородских горшков VIII типа, появившихся в самом начале XV в. (*Смирнова,* 1956. С. 244, 246, рис. 8, 4).

Краснолощёная посуда характеризуется тонким тестом, хорошим высокотемпературным обжигом и орнаментальным полосчатым лощением. Доминируя на памятниках Средней и Нижней Волги эпохи Золотой Орды и Казанского ханства, эта керамика в весьма ограниченных объёмах начинает производиться на Руси только в XIV в. Для Москвы достаточно высокий процент присутствия краснолощёной керамики (до 30%) характерен для комплексов первой половины XV в. (*Рабинович,* 1971. С. 62–63; *Чернов,* 1991а. С. 30).

Белоглиняная керамика разделена на четыре подгруппы. Самая многочисленная подгруппа объединяет осколки сосудов с тонким тестом и другими характерными признаками ***белоглиняной гладкой*** посуды (*Чернов*, 1991б. С. 54; 1992. С. 145, 146), МБК[19] –2 (*Коваль,* 2001. С. 103–108) или керамики коломенского типа (*Коваль*, 2005. С. 252). Определяющие её белоглиняные горшки с короткими вертикальными венчиками, украшенными линейным орнаментом, становятся самым распространённым видом керамической посуды в Коломне и её округе с середины в XV в. (*Коваль,* 2001. С.105). Сложившийся в рамках этой гончарной традиции наиболее массовый тип, претерпев незначительные изменения, продолжал бытовать и в период середины – второй половины XVI в. (до рубежа XVI–XVII вв.), когда поставки стандартизованных белоглиняных горшков на рынок г. Москвы носили массовый характер (Московская керамика…, 1991. С.58, рис.2; *Коваль,* 2001. С.105–107; 2005. С. 251, 253). Ещё три подгруппы белоглиняной керамики представлены осколками сосудов с примесью мелкозернистого песка, среднезернистого песка и с добавкой дресвы.

Редкие образцы ***ангобированной*** и ***ангобированной с росписью*** охрой посуды изготавливались из красножгущегося сырья и покрывались тонким слоем белой глины. По формам и технологии эти изделия аналогичны редким московским сосудам, датируемым, как правило, в пределах XV – начала (или середины) XVI вв. (*Розенфельдт,* 1968. С.20–27; Московская керамика…, 1991. С. 58, рис. 2).

Для очень редкой ***чернолощёной*** керамики свойственны черты наиболее ранних образцов московской посуды с преднамеренным восстановительным обжигом[20] – ангоб и сплошное лощение.

Подробная характеристика всех разновидностей керамической посуды и основных положений, лежащих в основе систематизации керамической коллекции Городка, содержится в § 3 главы 3.

планиграфически связанных скоплений.

[18] Подгруппами (по характеру рецептуры теста) или типами (по профилировке).

[19] МБК – московская белоглиняная керамика (см.: *Коваль,* 2001).

[20] Представленных кумганами и кубышками конца XV–XVI вв., см.: *Розенфельдт,* 1968. С. 33.

ШУРФ 1 (1996 г.)

Первый шурф на памятнике был разбит на северо-западной оконечности мыса в 9 м к югу от бровки северного берегового склона и в 30 м к западу от заднего фасада кирпичного склада – крайнего к западу строения Базы спецуправления зелёного строительства, за пределами её огороженной территории (рис. 27). Дневная поверхность шурфа имела незначительный уклон в юго-западном направлении[21] и была перекрыта разреженным дёрном.

Шурф 1 – небольшое разведочное вскрытие площадью 2 кв.м. По форме он напоминал правильный прямоугольник (2×1 м), вытянутый по линии север – юг. Грунт вскрывался пластами, мощностью по 10 см.

Сразу под дёрном (толщиной 2–3 см) на буром материковом грунте лежал однородный рыхловатый тёмно-коричневый суглинок, насыщенный фрагментами керамики и осколками костей животных. Его мощность 30 см. При зачистке поверхности второго пласта в средней части шурфа вблизи материковой поверхности обнаружена компактная линза глины (30×40 см) с печиной мощностью до 8 см. Каких-либо находок в ней не обнаружено. Включения современных материалов в виде железных тянутых гвоздей, осколков кровельного шифера, бутылочного стекла присутствовали преимущественно только в первых двух пластах, что свидетельствует о переотложении средневекового слоя на глубину минимум 20 см.

В тёмно-коричневом суглинке обнаружены железный рыболовный крючок (пласт 1) и точильный камень из светло-серого алевролита (пласт 3) (рис. 28Б, *1, 2*). Массовый материал представлен фрагментами костей животных, рыб (243 единицы), осколками керамической посуды. Керамический комплекс по соотношению основных технологических групп и профилировке верхних частей сосудов характерен для памятника в целом (рис. 28Б, *3–25*). От состава коллекции раскопов 1–3 его отличает более высокий процент чернолощёной посуды. Он включает в себя осколки керамики: лепной с примесью шамота – 24, красноглиняной – 395 (среди них 119 фрагментов с примесью дресвы или крупнозернистого песка), краснолощёной – 23, белоглиняной гладкой – 100, чернолощёной – 14.

Материк представляет собой бурый четвертичный суглинок. При его зачистке выявлены следы ограждения в виде небольшого участка частокольной канавки шириной 20 см и глубиной 25 см. Линия частокола была вытянута почти точно по линии запад – восток. С западной стороны она вплотную подходила к соответствующему борту шурфа, с восточной – завершалась небольшой столбовой ямой с уплощенным дном и почти отвесными (в придонной части) стенками (рис. 28А). Размеры ямы по уровню верхней кромки составляют 36×40 см, глубина относительно уровня непотревоженного материка – 40 см. На материковой поверхности столбовая яма и канавка образовывали единое пятно, не разделённое какой-либо границей. Их заполнение – коричневатый суглинок с включением редкой крошки печины и мелких углей. В канавке какие-либо находки обнаружены не были. В заполнении столбовой ямы, кроме шести фрагментов костей животных, встречены осколки гончарной керамики: красноглиняной – 11 (3 – с примесью дресвы), краснолощёной – 1.

РАСКОПЫ 1–3 (2003–2004 гг.)

В 15 м к востоку от шурфа 1 на северо-западной периферии памятника, выходящей за пределы территории бывшей Базы спецуправления зелёного строительства, в 2003–2004 гг. тремя раскопами был исследован один участок площадью 175 кв.м. Первый раскоп был заложен в 2003 г. (81 кв.м). В 2004 г. к его северному, восточному и южному бортам в единой координационной сетке, ориентированной по сторонам света, были прирезаны раскопы 2 (38 кв.м) и 3 (56 кв.м).

С северной стороны исследованная площадка примыкала к бровке берегового склона, с восточной – почти вплотную подходила к заднему фасаду кирпичного склада Базы спецуправления зелёного строительства[22] (рис. 29А). Максимальная протяжённость раскопанного участка по

[21] С максимальным перепадом высот до 20 см.

[22] Северо-восточный угол раскопанного участка (северо-восточный угол квадрата 6 раскопа 2) располагался в 2,4 м от северо-

линии север – юг составила 13 м, по линии запад – восток – 17 м. Абрис его южной половины повторял очертания правильного прямоугольника с размерами 14×4 м, с северной стороны – образовывал сложную ломаную линию. Её форма определялась прирезками, очерчивающими обводы отдельных материковых ям, частично попавших на первоначально разбитую площадь, и наличием больших старых деревьев, намеренно исключённых из раскопанных площадок при их разбивке.

Перед началом работ выбранный для исследования участок был плотно перекрыт валежником, а на его восточную периферию периодически поступали жидкие отходы от распиловки камня, что привело к образованию здесь вязких, напоминающих ил, переувлажнённых отложений белесоватой пульпы. В пределы южной половины раскопанного участка попало несколько старых полузасохших деревьев. Так как снос любых деревьев на памятнике был категорически запрещён, небольшие площадки, связанные с их корневыми системами, внутри раскопанной площади не вскрывались.

Дневная поверхность выбранной для исследования площадки имела уклон в северо-западном направлении. На её большей части перепад высот не превышал 100 см (на раскопах 1 и 3); с учётом крайних северных квадратов, частично заходящих на береговой склон, максимальное значение этого параметра достигало 154 см. Нулевым репером при проведении всех нивелировочных работ служила точка дневной поверхности у северо-западного угла кирпичного склада, соответствующая отметке 149,0 м в Балтийской системе высот.

Методика работ была общей для всех трёх раскопов. Размеры стандартной ячейки единой координационной сетки соответствовали 2×2 м. Грунт снимался пластами толщиной по 10 см, параллельно дневной поверхности до материка. Поверхность каждого пласта зачищалась, зачерчивалась и фотографировалась. Массовый материал фиксировался по пластам и квадратам, местоположение каждой индивидуальной находки отмечалось на плане.

Большие материковые ямы разбирались последовательно по слоям и частям с фиксацией одного или двух стратиграфических разрезов. Некоторая неопределённость в стратиграфическом определении находок имела место только для локальных «пограничных» участков слоёв, различаемых по основным признакам составляющего их грунта, но не разделённых отчётливой гладкой (без складок и «языков») границей[23]. Внедрённые друг в друга напластования, разновременность образования которых сомнительна, при обработке материалов были объединены в горизонты. В качестве отдельных горизонтов рассматривались и слои однородного состава, имеющие отчётливые гладкие верхнюю и нижнюю границы. Если при расчистке переходов между «внедрёнными» слоями отдельные находки иногда было затруднительно однозначно соотнести с тем или иным слоем, то поверхности выделенных горизонтов при последовательной разборке грунта всегда легко отслеживались и тщательно зачищались. Именно горизонты стали теми стратиграфическими единицами, по которым в дальнейшем разрабатывалась относительная хронология как самих отложений (в заполнениях ям), так и связанных с ними комплексов находок.

Разборка каждого слоя заполнения материкового углубления начиналась с локального прямоугольного участка (размером порядка 40×20 см), примыкающего одной из длинных сторон к борту стратиграфического разреза. Грунт снимался тонкими зачистками с помощью совка или ножа до глубины не превышающей 10 см относительно уровня верхней поверхности изучаемого напластования. Если до указанного уровня заполнение сохраняло однородность, участок расширялся, постепенно охватывая всю площадь, перекрытую разбираемым слоем. При обнаружении неоднородности, указывающей на возможное залегание границы между слоями, последняя оконтуривалась по всей площади своего простирания. Для каждой индивидуальной находки проводились трёхмерная фиксация и определение принадлежности к тому или иному слою. Контрольная переборка грунта, организованная раздельно для каждой выделенной стратиграфической единицы, позволяла определять принадлежность первоначально пропущенных находок к тому или иному слою.

западного угла этой кирпичной постройки по азимуту 330°.

[23] Более подробно практикуемая методика разборки материковых ям с разъяснением используемых обозначений характерных структур их заполнений (горизонты, покровные и внедрённые отложения) изложена в специальной статье, см.: *Грибов,* 2012.

Для максимально полного изъятия находок из заполнений материковых ям, наиболее насыщенных включениями, грунт перебирался трижды разными бригадами переборщиков, а затем пропускался через металлодетектор. Выборочная промывка и просеивание ста литров перебранной таким образом земли не привела к обнаружению ни одной индивидуальной находки.

Стратиграфия напластований, в целом, не отличалась сложностью. С уровня дневной поверхности южную половину участка перекрывала белесоватая прослойка мелкодисперсных отложений, скопившихся в результате слива жидких отходов от распиловки камня. Их характерная мощность – 10–15 см[24]. На восточной периферии эта прослойка лежала на пачке напластований, образованных по ходу строительства кирпичного склада во второй половине XX в. Верхний горизонт этой позднейшей совокупности отложений представлял собой гумусированый грунт, насыщенный разнообразным строительным мусором[25]. По присутствию редких включений средневековых материалов (фрагментов гончарной красноглиняной и белоглиняной гладкой керамики, осколку поливного керамического сосуда, железной пряжке) его можно охарактеризовать как переотложенный при строительных работах культурный слой памятника. Его мощность – до 26 см. Нижняя граница верхнего горизонта почти повсеместно маркировалась тонкой прослойкой песка с редкими включениями фрагментов пластмассовых изделий и осколков оконного стекла. С южной стороны линзообразное утолщение этой прослойки (до 16 см) вклинивалось в суглинистый грунт выброса из фундаментной траншеи. Суммарная максимальная мощность отложений, связанных со строительством кирпичного склада и зафиксированных только в непосредственной близости от его заднего фасада, достигала 35 см.

Верхние позднейшие отложения повсеместно подстилались однородным пористым тёмно-коричневым суглинком. Среди его включений преобладали средневековые находки, прежде всего фрагменты красноглиняной и белоглиняной гончарной керамики, кости животных и рыб, печина. Кроме того, на всех уровнях (во всех пластах) зафиксировано присутствие материалов XX в. в виде осколков бутылочного стекла, кровельного шифера, железных тянутых гвоздей. На западной половине раскопанной площади верхняя граница тёмно-коричневого суглинка выходила на дневную поверхность. Его характерная мощность здесь – 30 см (при вариациях на отдельных участках от 16 до 52 см). Почти повсеместно он перекрывал материк. Материковая поверхность была нарушена линзовидными в плане хаотично ориентированными углублениями, оставшимися от лезвий лопат. Горизонт тёмно-коричневого суглинка, очевидно, можно определить как культурный слой памятника, переотложенный в XX в. в результате огородной распашки.

В отдельных местах, обычно приуроченных к кромкам материковых ям, под тёмно-коричневым суглинком сохранились остатки перекрывающих материк непотревоженных напластований средневекового времени. Они имели неоднородную структуру и состояли из совокупности маломощных прерывистых в плане прослоек. Последние, как правило, резко отличались друг от друга цветом грунта, плотностью и включениями. Большинство из них сложены рыхлым углистым грунтом, насыщенным костями животных, рыб, фрагментами керамики. Некоторые прослойки состояли из маркого и пылящего в сухом состоянии слегка обожжённого суглинка ярко-жёлтого цвета. Другие прослойки отличались коричневым оттенком и были насыщены порошкообразным древесным тленом или представляли собой «кирпично» окрашенные линзы размельчённой печины. Общая мощность сохранившихся непотревоженных средневековых напластований на раскопанном участке не превышала 3–6 см.

Материк – бурый стерильный четвертичный суглинок. На раскопанном участке отсутствовали сколько-нибудь выраженные следы присутствия гумусово-аккумулятивного (A1) или осветлённого переходного (A1A2) горизонтов погребённой почвы. Везде, где сохранились прослойки непотревоженного культурного слоя, переход их грунта к материку фиксировался с отчётливой резкой и ровной границей, свойственной для эрозированных поверхностей.

Сооружения и конструкции. На раскопанную площадку вошли остатки 48 сооружений – материковых ям и канавок. Среди них численно преобладали сооружения средневекового вре-

[24] На одном локальном участке до 24 см.

[25] Фрагментами белых силикатных кирпичей, осколками кровельного шифера, бутылочного и оконного стекла, шлаком, обрезками рубероида, железными тянутыми гвоздями.

мени. Шесть ям были откопаны и заполнены в XX в. Провести надёжную хронологическую атрибуцию семи столбовых ям не удалось из-за отсутствия каких-либо датирующих включений в их заполнениях.

Все средневековые ямы и канавки зафиксированы с уровня материка (рис. 29Б). Исследованные средневековые сооружения, кроме восьми частокольных канавок, планиграфически разделяются на восемь комплексов, состоящих преимущественно из совокупности материковых ям. Каждый комплекс требует отдельного подробного описания.

Комплекс № 1 (ямы 1А/1, 1Б/1, 1В/1)[26]. После зачистки раскопанного участка по четвёртому пласту на его западной периферии обнажилось большое продолговатое тёмное пятно, вытянутое на 6 м по линии северо-запад – юго-восток (по азимуту 70°). Слагающий его тёмно-коричневый суглинок, не отличимый по цвету от слоя огородной распашки, включал в себя исключительно средневековые материалы и проседал в западину материкового углубления сложной трёхчастной формы. После расчистки углубления выяснилось, что оно образовано тремя последовательно примыкающими друг к другу ямами (№ 1А/1, 1Б/1, 1В/1), образующими общий котлован (рис. 30). Северная и западная периферии котлована перекрывались корневыми системами растущих деревьев и остались за границами вскрытой площади. На раскопанный участок полностью вошла только средняя из трёх его частей, обозначенная как яма 1Б/1. Присутствие осколков от одних и тех же сосудов в заполнениях трёх планиграфически выделенных частей котлована, не имеющих разделяющих границ по уровню верхних кромок, – обуславливает рассмотрение всех этих трёх ям в качестве единого комплекса.

Яма 1А/1 – крайняя к западу (рис. 31). По форме обвода верхних кромок она близка к прямоугольнику со скругленными углами, вытянутому с северо-запада на юго-восток (по линии азимута 140°). Её размеры – 135×195 см, глубина – 70–84 см. На удалении до 0,5 м от бровок её северо-западного и юго-восточного бортов материковая поверхность имеет следы искусственной подрезки: уровень материка плавно понижается при приближении к яме на 3–5 см. С северо-восточного направления следы выравнивания проявляются наиболее отчётливо: здесь граница подрезанного участка читается в виде небольшого уступа, вытянутого по линии верхней кромки северо-восточного борта ямы. Северо-западная и северо-восточная стенки почти отвесны, придонные части двух других бортов (юго-западного и юго-восточного) имеют незначительный отрицательный уклон. Дно ямы не имеет следов прокала и слегка вогнуто. При его расчистке с юго-восточной стороны был обнаружен овалообразный в плане приямок (100×70 см) со ступенчатой неровной придонной поверхностью. Глубина приямка максимальна у основания юго-восточного борта[27].

Заполнение ямы 1А/1 характеризуется сложной стратиграфией. Сверху она перекрыта линзой затекшего в западину тёмно-коричневого суглинка. В нём обнаружены железный черенковый нож (рис. 102, *13*), фрагмент железного зубила (рис. 107, *7*), железный обойный гвоздь (рис. 109, *31*) и два обломка железных скоб (рис. 111, *11, 15*).

В заполнении ямы выделяются два основных горизонта (рис. 31А). Верхний сложен пёстрым комковатым серовато-коричневым грунтом, насыщенным хаотичными вкраплениями жёлтого обожжённого суглинка, разрозненными, тяготеющими к центральной части ямы, включениями пластичного слегка обожжённого кирпично-красного суглинка, углями, крошкой печины, порошкообразными сгустками коричневого мелкораспылённого древесного тлена, фрагментами костей животных, керамикой (слой 1). Мощность слоя 1 нарастает в юго-восточном направлении, достигая максимального значения (36 см) вблизи борта ямы. В нём обнаружены фрагменты керамики: лепной – 15, белоглиняной – 224, краснолощёной – 23, красноглиняной – 394 (из них 15 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), ангобированной – 1, ангобированной с росписью охрой – 1; а также многочисленные фрагменты костей животных (312 экз.). Среди индивидуальных находок наибольший интерес представляют две серебряные монеты (рис. 32, *9, 10*). Одну из них, плохой сохранности, атрибутировать не удалось (прило-

[26] Здесь и далее для ям будут использоваться дробные обозначения: числитель дроби соответствует их порядковым номерам по научным отчётам, знаменатель – номерам раскопов. Используемая нумерация канавок – сквозная для всех трёх раскопов. Глубины каждого искусственного углубления указаны от верхнего уровня их материковых кромок.

[27] 19 см относительно уровня остальной части дна ямы.

жение 1, № 21). Другая представляет собой тверскую денгу чеканки Бориса Александровича (1425–1461 гг.) (приложение 1, № 20). Кроме монет обнаружены предметы из железа (рис. 32, *2–7*): рыболовный крючок от снасти-«закидушки», четыре фрагмента крепёжных скоб, изделие неопределённого предназначения в виде согнутого уплощенного стержня прямоугольного сечения, а также массивный продолговатый слиток бронзы (размером 85×20×7 мм, рис. 32, *8*), кресальный кремень (рис. 32, *12*), крупный фрагмент круговой красноглиняной миски усеченно-конической формы с примесью редкой дресвы и песка в тесте (рис. 32, *13*; табл. 29, № 36).

Вблизи юго-восточного борта ямы слой 1 включал в себя мощную неоднородную линзу, состоящую из несколько прослоек. Верхняя (прослойка 1а), прерывистая в плане, представляла собой совокупность прослоев жёлтого обожжённого суглинка мощностью до 10 см. В ней обнаружены фрагменты керамики: лепной – 8, белоглиняной – 6, краснолощёной – 6, красноглиняной – 105 (из них 9 осколков с примесью дресвы или крупнозернистого песка), ангобированной – 2; фрагменты костей животных со следами обожжения (13 экз.); индивидуальные находки – железный пластинчатый нож (рис. 32, *1*) и кресальный кремень (рис. 32, *11*).

Грунт прослойки 1а без чёткой границы переходил в обожжённый до кирпично-красного оттенка, но не утративший пластичность суглинок, образующий прослойку 1б мощностью 10–15 см. На переходном участке между этими напластованиями на разрезе отчётливо наблюдалась непрерывная побежалость цвета. С юго-восточной стороны границу описываемой линзы оконтуривал насыщенный сажей и мелкораспылённым древесным тленом чёрный маркий грунт (прослойка 1в). Он подстилал (а с указанного выше направления – охватывал углом) грунт прослоек 1а и 1б. Его мощность не превышала 12 см. Зазор (в 12 см) между описанной компактной пачкой напластований и материковой стенкой ямы с юго-восточной стороны был заполнен развалом глинобитной печи, не содержащим каких-либо находок.

Нижний придонный горизонт заполнения ямы 1А/1 образован чёрным рассыпчатым грунтом, состоящим из мелких древесных углей, сажи, золистых включений, рыбьей чешуи, костей животных и керамики (слой 2). Его мощность достигала 40 см. Если грунт слоя 1 имел отчётливо выраженную комковатую структуру, свидетельствующую о его формировании, скорее всего, в результате одного скоротечного процесса, то подстилающий его слой 2 на вертикальном разрезе, напротив, отличался заметной микрослоистостью, свидетельствующей, очевидно, о его накоплении на материковом дне ямы в течение некоторого промежутка времени. Вблизи основания юго-восточного борта слой 2 включал в себя компактную углисто-золистую линзу, мощностью до 22 см. Со стороны северо-восточного борта в него вклинивался широкий «язык» стерильного переотложенного материкового суглинка толщиной до 40 см. Последний образовался в результате частичного обрушения верхней кромки бортов ямы, произошедшим ещё до её окончательного заполнения.

В слое 2 обнаружены фрагменты керамики: лепной – 37, белоглиняной – 36, краснолощёной – 30, красноглиняной – 940, ангобированной – 23. Формы двух красноглиняных горшков удалось реконструировать. Это сосуды средних размеров. Один из них отличается отсутствием орнаментации, посредственным обжигом и примесью дресвы в запесоченном тесте (рис. 36, *18*; табл. 29, № 29). Его короткий вертикально поставленный венчик переходит в плечико через отчётливо выраженный горизонтальный «карниз» с характерным ребром по внешнему краю. Краевое окончание венчика оформлено в виде небольшого внешнего округлого утолщения. Для второго горшка (рис. 35, *31*; табл. 29, № 12) характерна комбинированная примесь в виде толчёного известняка и среднезернистого песка. Такой же короткий вертикальный, как и у первого сосуда, венчик имеет простой отогнутый наружу край без утолщения. По середине тулова сосуд украшен тремя зонами линейного орнамента. Фаунистические остатки представлены фрагментами костей животных (270 экз.), рыб (265 экз.) и птиц (5 экз.). В слое 2 обнаружены две серебряные монеты (рис. 34, *11, 12*). Одна из них чеканена от имени Василия II в 1450–1462 гг. (*Орешников,* 1896. С. 102–103. № 545) (приложение 1, № 5), другая – около 1462 г. (*Орешников,* 1896. С. 124–126, № 671, 672) (приложение 1, № 13). Другие находки представлены железным писалом с простой лопаточкой треугольной формы типа 12 по новгородской классификации (*Овчинникова,* 1994. С. 84), одним небольшим фрагментом лезвия железного ножа и тремя целыми черешковыми железными ножами, железным рыболовным перемётным крючком, тремя

железными неопределёнными предметами в виде изогнутых уплощенных стержней прямоугольного сечения, бронзовой булавкой “пус йеппи”, двумя точильными камнями, двумя керамическими грузилами от рыболовных волоковых сетей (рис. 34, *1–10, 13–16*).

Яма 1Б/1 примыкала к яме 1А/1 с юго-восточной стороны, занимая срединное положение в описываемом комплексе материковых углублений (рис. 30). Абрис её кромок напоминал правильный овал, вытянутый с северо-запада на юго-восток по линии азимута 150°, то есть почти параллельно продольной оси ямы 1А (рис. 38Б). Размеры ямы 170×260 см, глубина 57–71 см. Её стенки почти повсеместно отвесны, и только с южного и юго-восточного направлений их нижние части обнаруживают незначительный отрицательный уклон. Дно ямы плотное, ровное, слегка вогнутое к центру, без следов прокала. Вблизи основания северо-западного борта на его поверхности расчищены небольшие редкие разрозненные камни и фрагменты печины, вмятые (втоптанные?) в его материковую поверхность. Вдоль основания всех бортов зафиксировано присутствие крупных древесных углей, не образующих компактных скоплений.

Заполнение ямы 1Б/1 по своей структуре близко к заполнению верхней части ямы 1А/1 (рис. 38А). Сверху описываемое углубление перекрыто тонкой линзой просевшего в западину тёмно-коричневого суглинка. Помимо фрагментов керамической посуды и костей животных, в ней обнаружены кресальный кремень и осколок от парадного сосуда с зелёной поливой из беложгущейся глины. Подстилающий линзу просевшего грунта верхний слой заполнения ямы 1Б/1 (слой 1) по своему цвету, включениям, плотности идентичен слою 1 заполнения ямы 1А/1[28]. В этом пёстром комковатом серовато-коричневом суглинке, мощностью до 20 см, обнаружены фрагменты керамики: лепной – 20, белоглиняной – 150, краснолощёной – 31, красноглиняной – 401 (из них 11 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), ангобированной – 5, ангобированной с росписью – 2; фрагменты костей животных (197 экз.) и рыб (2 экз.); находки – керамическое пряслице, изготовленное из стенки красноглиняного с примесью мелкозернистого песка сосуда (рис. 39, *2*), и кресальный кремень (рис. 39, *1*).

Грунт и стратиграфия слоёв, вскрытых между подошвой слоя 1 и дном ямы 1Б/1, соответствуют компактной линзе, внедрённой в верхний слой заполнения ямы 1А/1, – её прослойкам 1а, 1б и 1в. Однако, в отличие от ямы 1А/1, характер залегания этих прослоек относительно слоя 1 – другой. Здесь их верхняя пограничная поверхность – ровная и гладкая, без следов внедрения грунта прослоек в толщу слоя 1. Это даёт основание дифференцировать заполнение ямы 1Б/1 на два горизонта: верхний (слой 1) и нижний (слой 2 состоящий из прослоек 2а, 2б и 2в). Основной грунт нижнего горизонта представляет собой обожжённый суглинок, насыщенный всевозможными бытовыми отходами со следами термического воздействия[29]. Его мощность 20–24 см. Верхняя часть нижнего горизонта сложена пылящим (в сухом состоянии) рыхловатым грунтом жёлтого цвета (обозначенном как прослойка 2а). Его мощность росла в северо-восточном направлении. С глубиной окраска прослойки непрерывно менялась до ярко красной (кирпичной), а её грунт постепенно утрачивал пластичность. Нижняя часть нижнего горизонта (обозначенная как прослойка 2б) обладала однородным кирпично-красным цветом. Этот грунт был зафиксирован только в северо-западном секторе ямы, где его мощность непрерывно возрастала при приближении к борту (до 20 см). От материковых стенок и дна ямы обожженный суглинок отделяла чёрная маркая прослойка (прослойка 2в), насыщенная сажей, углями (у основания бортов) и мелко распылённым древесным тленом. У дна её мощность составляла всего 1–1,5 см, у бортов, где её грунт «языками» внедрялся в обожженный суглинок, – 12 см. По южному борту верхняя граница прослойки 2в выходила на дневную поверхность пятна ямы 1Б/1. В её грунте обнаружено керамическое пряслице, изготовленное из стенки морёного сосуда (судя по месту находки, можно предположить, что восстановительный обжиг изделия – вторичен) (рис. 40, *4*).

Наиболее крупные фрагменты керамики и большая часть находок из нижнего горизонта концентрировались в непосредственной близости от бортов и дна ямы. Особенностью керами-

[28] Видимая граница между ямами на верхней поверхности этого горизонта отсутствовала.

[29] Черепки сосудов имеют исключительно однородный цвет как на изломе, так и на поверхности – красный или белый в зависимости от характера исходного сырья; значительную часть собранных фрагментов костей животных отличает светлый серовато-сизоватый оттенок, что свидетельсвует о воздействии высоких температур, превосходящих 1000° (см.: *Антипина, Грибов,* 2013. С. 1004).

ческого комплекса является большое количество осколков белоглиняных гладких горшков стандартной профилировки. Их отличает тонкое тесто, короткий вертикальный венчик без сколько-нибудь значительного краевого утолщения и линейный орнамент, нанесённый как на венчик, так и на плечико. В нижнем горизонте заполнения ямы 1Б/1обнаружены фрагменты посудной керамики (рис. 40, *8–27*): лепной – 29, белоглиняной – 509, краснолощёной – 113, красноглиняной – 1163, ангобированной – 3, а также фрагменты костей животных (1013 экз.), птиц (8 экз.), рыб (14 мелкофрагментированных экз.) и 1 осколок створки раковины пресноводного моллюска. Среди встреченных включений, не образующих компактных скоплений, помимо печины, можно отметить камни (с характерным размером 4×4×8 см), представленные местными породами (пермским песчаником, известняком, известняковым туфом). Индивидуальные находки: серебряная денга Ивана III с именем мастера Александра на одной стороне и с изображением всадника на другой (*Орешников,* 1896. С. 124. № 668) (приложение 1, № 19); бронзовый с посеребрением овальнощитковый перстень; одно целое и одно фрагментированное дисковидные пряслица из белого мергеля; дисковидное пряслице из красного аргиллита; фрагмент керамического биконического пряслица; четыре осколка от поливных керамических сосудов из запесоченного теста, украшенных жёлто-зелёной или зелёной поливой; фрагменты днищ керамических сосудов с клеймами (один от белоглиняного горшка коломенского типа, два других от красноглиняных сосудов с примесью мелкозернистого песка) (рис. 40, *1–3, 5–7, 26, 27*).

Из фрагментов керамики, собранных в нижнем горизонте, удалось реконструировать формы семи сосудов. Четыре из них – круговые изделия из красножгущейся глины. Это корчага с узкой горловиной, короткой шейкой, переходящей в плечико через отчётливый уступ, со значительной примесью дресвы в тесте (рис. 43; табл. 29, № 34) и три неорнаментированных горшка, каждый из которых весьма своеобразен. Один из них представляет собой хорошо обожжённый сосуд стройных пропорций со слегка отогнутым наружу венчиком, переходящим в покатое плечико через небольшой уступ (рис. 42, *1*; табл. 29, № 17). Его тесто тонкое без заметных примесей. Второй горшок – приземистый (рис. 41, *1*; табл. 29, № 30). Его вертикальный венчик с утоньшенным, слегка отогнутым наружу, краевым окончанием, так же переходит в плечико через уступ. В составе теста присутствует примесь крупнозернистого песка и крошки известняка, обжиг посредственный (цвет поверхности и излома – тёмный неоднородный, от тёмно-серого до бурого). Тулово третьего горшка заметно ассиметрично, поверхность неровная (рис. 42, *2*; табл. 29, № 16). Высота сосуда близка к диаметру максимального расширения тулова, приостренный к окончанию короткий венчик отогнут наружу. Обжиг плохой. Примесь шамота позволяет предположительно отнести это изделие к посуде местной мордвы. Единственный полностью реконструированный белоглиняный горшок с тонким тестом характеризуется вертикальным венчиком – приостренным кверху и украшенным полосками линейного орнамента (рис. 44, *2*; табл. 29, № 38). По сочетанию профилировки, небольшому диаметру днища, рецептуре теста и орнаментации он соответствует типовым белоглиняным гладким горшкам, появившимся в Поочье около рубежа XV–XVI вв. Реконструированные формы лепной керамики представлены приземистой полусферической толстостенной чашей из красножгущейся глины с примесью редкой крошки известняка (рис. 45, *20*; табл. 29, № 7) и небольшим слабопрофилированным сосудом с примесью шамота в тесте (рис. 45, *19*; табл. 29, № 3).

Серединой восточного борта яма 1Б/1 примыкает к яме 1В/1.

Яма 1В/1 на зачищенной материковой поверхности выделялась крайне неоднородным пятном, примыкающим к северному борту раскопа. Северная половина пятна имела ярко-жёлтую окраску, обусловленную прослойкой слабо обожжённого суглинка размером 110×110 см. С западной стороны к ярко-жёлтому участку примыкала аморфная в плане линза просевшего в западину ямы тёмно-коричневого грунта (80×110 см). С южной стороны пёстроватый из-за включений мелкораспылённого древесного тлена, фрагментов печины и углей, коричневый грунт пятна ямы без заметной в плане границы переходил в заполнение канавки 1.

По форме обвода верхних кромок яма 1В/1 близка к трапециевидной фигуре со скруглёнными углами. Она вытянута по линии северо-восток – юго-запад (по линии азимута 220°) почти перпендикулярно к продольным осям ям 1А/1 и 1Б/1 (рис. 46Б). Яма заметно расширяется в северо-восточном направлении. Её размеры – 200×240 см, глубина – 83–116 см. Борта в верхней

части наклонны, в нижней – близки к отвесу. Верхняя кромка восточной стенки круто изогнута под тупым углом. С восточной стороны от неё (на удалении до 40 см) материк имеет следы подрезки на глубину до 10 см. Образованный подрезкой уплощенный участок имел уклон в западном направлении.

Дно ямы вогнуто к центру, в юго-западной половине уровень его поверхности плавно повышался. Следов прокала на дне не обнаружено.

В яме 1В/1 выделяются два основных стратиграфических горизонта, соответствующих двум разным режимам (способам) заполнения (рис. 46А). В верхнем горизонте по цвету, мощности и характерным включениям выделяются четыре составляющих: слой 1, прослойки 1а,1б,1в. Основанием для объёдинения их в один горизонт стало отсутствие чётких границ между ними на вертикальных разрезах и сходная пространственная воронкообразная конфигурация.

Сверху северная половина ямы перекрыта линзой жёлтого обожжённого суглинка (прослойкой 1а) мощностью до 16 см. Этот грунт, как и в яме 1Б/1, насыщен мелкими осколками кальцинированных костей серовато-голубоватого цвета (252 экз.), фрагментами керамики со следами повторного обжига (но без следов ошлаковки), печиной (с размерами до 2×2×3 см), расколотыми плитками местного песчаника со следами обожжения. Среди включений в прослойке 1а обнаружены фрагменты керамики: лепной – 29, белоглиняной – 108, краснолощёной – 37, красноглиняной – 388, ангобированной – 2, ангобированной с росписью – 2. Вещевой материал представлен железным гвоздём-костылём (рис. 47, *2*), точильным камнем из песчаника (рис. 47, *4*), маловыразительным фрагментом клейменого днища от красноглиняного сосуда.

Частично перекрытый линзой жёлтого суглинка пёстрый серовато-коричневатый слой 1 насыщен крошкой печины, сгустками мелкораспылённого древесного тлена, углями, небольшими локальными линзами жёлтого обожжённого суглинистого грунта. Его максимальная мощность (30 см) зафиксирована в центральной части ямы. В нём обнаружены фрагменты керамики: лепной – 3, белоглиняной – 34, краснолощёной – 5, красноглиняной – 61, ангобированной – 1, а также многочисленные фрагменты костей животных (90 экз.), птиц (9 экз.), рыб (9 экз.), печина (с максимальным размером 8×10×10 см).

С перекрывающей линзой жёлтого суглинка слой 1 не имел отчётливой границы. Непрерывно переходил он и в подстилающий развал глинобитной печи – прослойку 1б, состоящую из переотложенного материкового суглинка с включением печины. Основной массив печного развала тяготел к юго-западному борту ямы, где концентрировались и наиболее крупная печина и наиболее обожжённые, но не утратившие пластичности комки составляющего его грунта. Здесь мощность печного развала достигала максимального значения (60 см). С юго-западного направления прослойка 1б выходила за верхнюю кромку соответствующего борта ямы 1В/1, пересекала периметр ямы 1Б/1 и своей периферией частично перекрывала в заполнении последней жёлтую пылящую прослойку 2а. В грунте печного развала обнаружены фрагменты керамики: лепной – 1, белоглиняной – 7, красноглиняной – 18, а также фрагменты костей животных (53 экз.) и три индивидуальные находки: железный нож с прямой спинкой (рис. 47, *1*), точильный камень из сланца моренного происхождения (рис. 47, *3*), фрагмент керамического кирпича толщиной 55 мм (рис. 47, *5*). При видовом определении костей животных из прослойки печного развала, к.б.н. Е.Е. Антипиной была выявлена кость человека. Это небольшой фрагмент таза взрослого мужчины (см. приложение 2).

Грунт печного развала без чёткой границы переходил в серовато-коричневатый суглинок с включением мелких углей (в прослойку 1в) мощностью до 25 см. В нём обнаружены малочисленные фрагменты керамики: белоглиняной – 1, красноглиняной – 26, а также осколки костей животных (99 экз.), птиц (1 экз.).

Напластования верхнего и нижнего горизонтов в восточной половине ямы разделены прослойкой стерильного переотложенного материкового суглинка мощностью до 30 см. В виде широкого языка она отходила от полностью перекрытого ею восточного борта.

Нижний горизонт сложен преимущественно рыхлым углистым слоем 2, насыщенным всевозможными бытовыми отходами: фрагментами костей животных, рыб, рыбной чешуёй, небольшими камнями, фрагментами печины, керамикой. Его пространственная конфигурация существенно отличалась от перекрывающих напластований. Это почти горизонтально ориен-

тированная односторонне-выпуклая к центру ямы линза, целиком перекрывающая всю её придонную часть. Мощность линзы – до 20 см. При разборке её грунта обнаружены фрагменты керамики: белоглиняной – 4, краснолощёной – 10, красноглиняной – 88, ангобированной – 4, а также фрагменты костей животных (1011 экз.), птиц (41 экз.), рыб (384 экз.). Индивидуальные находки представлены серебряной денгой Василия Тёмного с изображением сирены на одной стороне и всадника, копьём поражающего голову змея, – на другой, отчеканенную в промежутке между 1446 и 1462 гг. (*Орешников,* 1896. С. 115. № 625) (рис. 49, *5*; приложение 1, № 2); лезвием железного ножа (рис. 49, *1*); железным ключом от навесного цилиндрического замка типа В1[30] (рис. 49, *2*); железной овальной пряжкой с утраченным язычком (рис. 49, *4*); железным орудием непонятного назначения в виде почти прямого приостренного на одном конце сужающегося стержня (длиной 34 см), раскованного на другом конце в секирообразную пластину (щуп для проверки прочности льда или острога?) (рис. 49, *3*); бронзовой проволочной односоставной безбусинной серьгой в виде знака вопроса[31] (рис. 49, *8*); бронзовым односторонним равносторонним нательным крестом с дополнительными перекрестиями на концах лопастей и косым крестом в ромбовидном средокрестии (рис. 49, *7*); бронзовым односторонним шестиконечным нательным крестом с удлинённой вертикальной осью и килевидным окончанием нижней лопасти с равноконечным крестом в средокрестии (рис. 49, *6*); рыболовным керамическим грузилом от волоковой сети (рис. 49, *9*); фрагментом стенки керамического сосуда из красножгущейся глины с односторонней зелёной поливой.

В западной половине ямы слой 2 перекрывал материковое дно, в восточной – лежал на прослойке переотложенного материкового суглинка с редкими включениями крошки печины и тонких углистых прослоев (без находок) мощностью до 20 см.

Ряд наблюдений и выводов, сделанных по ходу расчистки материковых ям, входящих в описываемый комплекс, помогает сузить круг его вероятных интерпретаций. Среди таких наблюдений первостепенное значение имеют следующие:

1) подобие ям 1А/1 и 1В/1 по совокупности признаков (по размерам, форме, глубине, структуре заполнения) предполагает их функциональное сходство;

2) верхние горизонты ям 1А/1 и 1В/1 генетически связаны с заполнением ямы 1Б/1; есть основания предполагать их единовременное формирование в результате одного кратковременного процесса (события);

3) до заполнения грунтом яма 1Б/1 могла быть перекрыта деревянным настилом, разрушенным в результате воздействия огня; в пользу такого предположения свидетельствует перекрывающая материковое дно и борта ямы насыщенная сажей и крупными углями прослойка 2в;

4) направление температурного градиента, однозначно определяемое по характеру побежалости цвета на вертикальном разрезе прокалённого грунта прослоек 2а и 2б в заполнении ямы 1Б/1, лежащем на остатках предполагаемого деревянного настила, отсутствие следов прокала на её материковом дне свидетельствуют о том, что прогрев проходил исключительно снизу вверх; данный факт вкупе с высокой насыщенностью прокалённого суглинка разнообразными бытовыми отходами исключают его атрибуцию в качестве пода глинобитной печи;

5) сравнение статистически представительных керамических комплексов ям 1А/1 и 1В/1 показывает, что для нижних придонных горизонтов обоих углублений характерна существенно меньшая встречаемость белоглиняной керамики (3,3% для ямы 1А/1 и 3,7% для ямы 1В/1) по сравнению с верхними частями их заполнений (29,5% и 17% соответственно) и с заполнением ямы 1Б/1 в целом (26,3%); монетные находки из нижних горизонтов этих ям позволяют предположительно датировать их образование концом правления Василия Тёмного – началом правления Ивана III (промежутком второй половины 40 – 60-х гг. XV в.); заполнение верхних частей ям 1А/1, 1В/1 и основного объёма ямы 1Б/1 произошло, скорее всего, в конце XV – начале XVI вв., когда среди керамической посуды городов Московской Руси становится заметным присутствие изделий из тонкого беложгущегося теста; таким образом, заполнение ям 1А/1 и 1В/1 началось раньше, чем ямы 1Б/1;

[30] В Новгороде Великом встречаются в слоях конца XII – начала XV вв. (*Колчин,* 1959. С. 82).

[31] Данный тип украшений известен по материалам поздних марийских могильников XVI–XVIII вв. (*Шапран,* 2002. С. 257, 45 (могильник Грековo, погребение 15)).

6) судя по горизонтальной стратиграфии, частокольная канавка 1 примыкала к борту ямы 1В/1, следовательно, котлован, обозначенный ямами 1А/1, 1Б/1, 1В/1, мог находиться внутри периметра стен деревянной наземной постройки.

По ряду формальных признаков – размерам, глубине, наличию характерной структуры в заполнении в виде развала глинобитной печи, перекрывающего скопление кухонных отходов, – ближайшими аналогами ямы 1В/1 могут служить подпечные ямы, расчищенные под остатками глинобитных отопительных устройств в наземных срубных постройках XI–XIII вв. в гг. Суздале и Ярополче Залесском (*Седова*, 1978. С. 36, 40–45 (см. описание жилищ 11, 12, 14, 20); 1997. С. 168)[32]. Предположительно, как подпечную можно интерпретировать и яму 1А/1, как уже отмечалось, весьма сходную с ямой 1В/1 по основным признакам[33].

Менее очевидно функциональное назначение ямы 1Б/1. Уплотнённый (хорошо утоптанный?) участок её дна, отсутствие на нём сколько-нибудь значительного количества осколков кухонной посуды и костей животных, близкое расположение к печному развалу (в заполнении ямы 1В/1) наводят на мысль об её использовании в качестве предпечной ямы. Прокалённый грунт её заполнения, насыщенный кухонными отходами, можно предположительно интерпретировать как заполнение внутреннего объёма сгоревшего опечка глинобитной печи, попавшее в яму при разрушении. Деструктированными остатками конструкции этого же отопительного устройства, вероятно, заполнены и верхние части объёмов ям 1А/1 и 1В/1.

Комплекс №1 можно предположительно интерпретировать как совокупность котлованов, входящих в конструкцию бытовой глинобитной печи (или печей), установленной на опечке внутри наземной жилой постройки.

Комплекс № 2 (яма 2/1) представляет собой два сопряжённых, примыкающих друг к другу углубления различной глубины. Их общее, вытянутое с запада на восток пятно грушевидной формы (3,6×2,2 м) обнажилось при зачистке материка на восточной периферии раскопанной площадки. На нём отчётливо выделялись участки оранжевато-бурого грунта с включением крошки печины, характерного для развалов глинобитных печей. Один такой участок (180×70 см) занимал почти всю западную половину пятна. Его выпуклая поверхность возвышаясь над уровнем материковых кромок бортов ямы 2/1 на 8 см. С западной стороны оранжевато-бурый суглинок перекрывал их периметр. Второй участок с подобным грунтом (50×80 см) расчищен на восточной половине пятна, третий – оконтуривал его узкой серпообразной полоской (шириной до 10–14 см) с южной стороны. От линии бортов первый и третий участки отделяла узкая лента рыхлого углистого грунта, насыщенного керамикой и костями животных.

Яма 2/1 по форме верхних кромок напоминала грушевидную широтно вытянутую фигуру с размерами 3,5×(1,2–2,2) м (рис. 50Б). Она состояла из двух выделенных в плане частей. Восточная половина – наиболее углублена (до 140–150 см относительно уровня непотревоженного материка) и по форме напоминала прямоугольник со скруглёнными углами (2,2×1,8 м), продольной осью ориентированный по линии северо-восток – юго-запад. Борта ямы здесь почти отвесны. Линия верхней кромки с северной стороны имела полукруглый выступ, очерчивающий небольшую материковую полку (50×20 см), расположенную на глубине 16 см. Дно – слегка вогнутое, с микронеровностями, без следов прокала, его уровень повышался к основаниям бортов. В юго-западном секторе на дне зафиксировано скопление золы, размельчённых древесных углей и крошки печины (90×45 см). У основания западного борта расчищен приямок (90×85 см) неправильной подтреугольной формы с наклонными стенками и уплощенным дном, имеющим уклон в северо-западном направлении. Его глубина 6–12 см. Другой придонный приямок меньших размеров (50×20 см) вытянут вдоль основания северо-западного борта, который в этом месте немного подкопан (имеет отрицательный наклон). Его глубина 4–5 см, стенки – наклонные, дно – корытообразное.

Западную половину ямы можно охарактеризовать как относительно неглубокий трапециевидный приямок, примыкающий к основному углублению. Его размеры – 150×90 см, глубина – 15–17 см, стенки почти отвесны, дно уплощенно с небольшой округлой выемкой вблизи основа-

[32] Этнографические наблюдения, проведённые в окрестностях г. Суздаля, свидетельствуют о том, что традиция сооружения печных конструкций с подпечными котлованами пользовалась известностью во Владимирской земле, очевидно, и по завершению древнерусского периода – вплоть до первой половины XX в. (*Седова,* 1997. С. 168).

[33] За исключением наличия компактной линзы печного развала в заполнении.

ния южного борта – линзообразной в сечении (60×60 см, глубиной 10 см). Бровка южного борта образует полукруглый выступ (20×60 см), окаймляющий сегментообразную материковую полку, оставленную на высоте 5 см относительно уровня материкового дна.

Западная и восточная половины ямы 2/1 соединены ступенчатым спуском, состоящим из одной земляной ступени шириной 16–28 см и длиной 80 см. Её поверхность уплощена, но имеет уклон в восточном направлении. Высота ступени относительно уровня материкового дна в восточной половине ямы – 85 см, а глубина её поверхности относительно уровня дна в западной половине – 37 см.

Заполнение разделяется на три основных горизонта – верхний (слои 1, 1а, прослойки 1б, 1в), средний (слои 2, 2б, прослойка 2в) и нижний (слой 3, прослойки 3б, 3в) (рис. 9А*, 50А).

Верхний горизонт, перекрывающий восточную половину, образован в основном коричневым суглинком с редкими включениями мелких углей и небольших комков светлого материкового грунта (слой 1а). С глубиной его цвет постепенно приобретал всё более светлый оттенок. В заполнении ямы его пространственная конфигурация напоминала асимметричный конус со смещённой к востоку, опрокинутой вниз вершиной, где его мощность достигала 60 см. С восточной стороны его периферию перекрывала компактная линза кремовато-бурого суглинка, насыщенного крошкой печины (прослойка 1б), мощностью 12 см; с западной – он подстилался ещё одной прослойкой печного развала (прослойкой 1в), образующей на дневной поверхности пятна ямы небольшое всхолмление[34]. Коричневый суглинок (слой 1а) не имел отчётливых границ ни с одной из указанных прослоек; толщина переходного участка в обоих случаях соответствовала 3 см. Вблизи его нижней границы над ступенчатым спуском была расчищена лежащая почти горизонтально, с небольшим наклоном в восточном направлении, широтно вытянутая обугленная деревянная плашка (24×4×2 см). Нижняя неровная и волнистая граница коричневого суглинка в восточной половине ямы была обозначена тонкой прослойкой мелкораспылённого древесного тлена мощностью до 1 см.

В прослойках печных развалов находки не обнаружены. В разделяющем их слое 1а найдены мелкие малочисленные фрагменты керамики: белоглиняной – 6, краснолощёной – 1, красноглиняной – 34, а также 34 фрагментированные кости животных, 1 осколок раковины пресноводного моллюска и фрагмент железного замка XV–XVI вв. типа Е по новгородской классификации (*Хорошев,* 1997. С. 15) (рис. 51, *4*).

В восточной половине ямы коричневый суглинок перекрывал жёлтый пылящий слегка обожжённый грунт (слой 1). Слой 1 насыщен осколками керамической посуды и костями животных со следами воздействия высоких температур. Пространственная форма его залегания напоминала перевёрнутый колпак. В нескольких местах его целостность нарушали норы грызунов. Мощность слоя 1 не превышала 8–14 см. Кровля и подошва слоя маркировались тонкими (до 1 см) углистыми прослойками, содержащими на некоторых участках и мелкораспылённый древесный тлен. В центральной части ямы эти прослойки не только лежали на верхней поверхности слоя 1, но и были внедрены, как в него, так и в толщу перекрывающего слоя 1а, что позволяет объединить указанные отложения в единый стратиграфический горизонт.

В жёлтом суглинке слоя 1 обнаружены фрагменты керамики: лепной – 16, белоглиняной – 109, краснолощёной – 5, красноглиняной – 111, ангобированной – 2, а также фрагменты костей животных (245 экз.), птиц (3 экз.), рыб (25 экз.) и 2 осколка раковин пресноводных моллюсков. С ним связаны три монеты: две серебряные денги и одно медное пуло удельной чеканки (рис. 51, *5–7*). Одна денга – с всадником и литерой «в» под конём на одной стороне и поясным изображением воина с мечом и круговой легендой с нечитаемым текстом[35] на другой – была выпущена при Иване III (*Орешников,* 1896. С. 124, 125. № 679, 680) (приложение 1, № 15). Вторая, с центральным изображением двух звёздочек и розетки в точечном ободке на лицевой стороне и пятилепестковым цветком на оборотной, отчеканена около 1462 г. (*Орешников,* 1896. С. 124–126. № 671, 672) (приложение 1, № 12). Медное пуло с равноконечным крестом на одной стороне и плетёнкой на другой – анэпиграфное (приложение 1, № 28). Другие находки из слоя 1 пред-

[34] С учётом грунта, разобранного при зачистке раскопа по 2 и 3 пластам.

[35] «...dozorovovo...».

ставлены тремя железными черешковыми ножами[36], бронзовой проволочной серьгой в виде знака вопроса[37], точильным бруском из мелкокристаллического сланца с крепёжным отверстием, кресальным кремнем, фрагментом венчика кашинного сосуда с двухсторонней прозрачной бирюзовой поливой и подглазурной чёрной росписью эпохи Золотой Орды, двумя фрагментами клеймёных днищ от белоглиняных сосудов с тонким тестом (рис. 51, *1–3, 8–11*).

Средний горизонт включал в себя пёстроватый из-за включений мелких углей и крошки печины коричневато-серый суглинок слоя 2б и вклиненные в него (с западной стороны) прослойку угленасыщенного грунта (слой 2) и линзу печного развала (слой 2в).

Слой 2б от перекрывающих его напластований верхнего горизонта[38] (слоя 1а и прослойки1в) отделён чёткой гладкой границей с толщиной переходного участка до 1 см. Максимальную мощность (до 70 см) он достигал у западной стенки основного углубления ямы, напоминая по пространственным очертаниям цилиндрообразный тор с аномально раздутой, нарушающей симметрию западной стенкой. В центральной части ямы вблизи верхней границы в коричневато-серый суглинок были внедрены крупные аморфные комки грунта, прокалённого до кремового оттенка, но не утратившего пластичность. В слое 2б обнаружены фрагменты керамики: лепной – 65, белоглиняной – 39, краснолощёной – 9, красноглиняной (из них 16 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка) – 258, ангобированной – 4, а также многочисленные фрагменты костей животных (239 экз.), птиц (6 экз.), рыб (56 экз.). Единственная монетная находка – серебряная денга Ивана III с всадником и литерой «в» под конём на одной стороне и полустёртым поясным изображением воина с мечом на другой (*Орешников,* 1896. С. 124, 125. № 679, 680) (рис. 53, *8*; приложение 1, № 16). Кроме неё в слое 2б обнаружены железный черешковый нож; фрагмент пластинчатого железного ножа; часть малого цилиндра от навесного цилиндрического замка; фрагмент точильного камня из местного алевролита; кремневый перфоратор; осколок стенки белоглиняного поливного сосуда из запесоченного теста с налепным, украшенным широкими косыми насечками валиком; фрагмент днища красноглиняного сосуда с клеймом в виде спирали (рис. 53, *2–4, 10, 11, 16*).

На восточной периферии ямы напластования среднего горизонта имели преимущественно вертикальное простирание. Здесь слой 2б перекрывал маломощную (до 12 см) не содержащую находок прослойку 2а развала глинобитной печи[39], которая, в свою очередь, лежала на рыхлом, насыщенном всевозможными кухонными отходами грунте слоя 2. Мощность последнего не превышала 8–10 см.

В слое 2 обнаружены фрагменты керамики: лепной – 55, белоглиняной – 18, краснолощёной – 7, красноглиняной – 125 (из них 3 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), ангобированной – 1, а также фрагменты костей животных (229 экз.), птиц (17 экз.), рыб (50 экз.). Индивидуальные находки представлены серебряной денгой конца правления Василия Тёмного, чеканки около 1462 г. (рис. 53, *9*; приложение 1, № 7); железными пластинчатым ножом и дверным пробоем; осколком стенки чугунного котла (толщиной 5 мм); медным восьмёркообразным ушком от котелка с заклёпкой в одном крепёжном отверстии; вырезанной на пластине из лосиного рога односторонней иконкой-привеской с поясным изображением Богоматери Одигитрии (рис. 10*, 3); частично сохранившимся костяным футляром- игольником; осколком зелёного среднекручёного[40] стеклянного браслета; фрагментом пряслица из стенки красноглиняного сосуда; фрагментом кашинной бочонкообразной бусины с прозрачной ультрамариновой поливой; фрагментом горловины красноглиняного кумгана или кувшина из запесоченного теста с двухсторонней жёлто-зелёной прозрачной поливой; осколком днища белоглиняного сосуда с односторонней зелёной прозрачной поливой (рис. 53, *1, 5–7, 12–15*). Концентрация всех видов вклю-

[36] Один – столярный, с «горбатой» спинкой, лезвия двух других не сохранились.

[37] Односоставной со следами крепления несохранившейся напускной металлической бусины.

[38] Слоя 1а и прослойки 1в.

[39] Её верхняя граница выходила на поверхность пятна ямы в виде серпообразной полоски. Эту прослойку по характеру залегания можно рассматривать как отдельный горизонт: обе её поверхности гладкие, а с западной стороны она выклинивалась вдоль границы, разделяющей два других горизонта, условно обозначенных как верхний и средний. Она компактна, её мощность невелика, находок в ней не обнаружено. По совокупности этих причин эта прослойка не была указана среди основных горизонтов заполнения ямы 2/1.

[40] Четыре витка на 1 см длины.

чений (в том числе – индивидуальных находок) заметно возрастала при приближении к бортам ямы.

В слое 2 зафиксировано большое количество камней со следами обожжения (размером порядка 5×5×3 см). В северной половине ямы слой лежал на подстилающем грунте печного развала [41], вымощенном небольшими расколотыми моренными валунами и плитками местного песчаника с размерами до 10×5×5 см. Верхние поверхности камней – чёрные от сажи, промежутки между ними были заполнены чешуёй рыб, осколками костей животных, мелкими углями. При разборке заполнения было отмечено распространение слоя 2 и на западную половину ямы 2/1[42]. Здесь он лежал под прослойкой 1в печного развала, выходил на поверхность пятна ямы и на небольшом участке, перекрывая материковые кромки бортов, распространялся за периметр их верхних кромок.

В центральной части восточной половины описываемого углубления углистый слой 2 подстилался компактным развалом глинобитной печи (прослойкой 2в) мощностью до 50 см. Каких-либо находок в нём, кроме печины, концентрировавшейся вблизи верхней поверхности, обнаружено не было.

Нижний горизонт заполнения включал в себя две прослойки – 3в, 3б и второй, более мощный, чем первый, рыхлый углистый слой (слой 3). Первая из прослоек, состоящая из стерильного переотложенного материкового грунта, отделяла слой 3 от материковых бортов ямы в её восточной половине, облегая их по всей поверхности широким и высоким кольцом неравномерной толщины (от 12 до 38 см). Вторая, сложенная плотным коричневато-серым суглинком, перекрывала материковое дно в западной половине описываемого углубления, на восточной периферии своего распространения выклиниваясь по границе слоя 3 и пристенной прослойки 3в. Её мощность 12–20 см.

Мощность слоя 3, насыщенного фрагментами керамики, костями рыб, животных и рыбной чешуёй, возрастала при приближении к бортам ямы от 25 до 58 см. На профиле вертикального разреза его толща обнаруживала отчётливую микроструктуру, определяемую совокупностью тонких углисто-золистых линз. В слое 3 обнаружены фрагменты керамики (рис. 57, 58): лепной – 117, белоглиняной – 68, красноглиняной лощёной – 53, красноглиняной гладкой – 872 (из них 114 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), ангобированной – 38, а также фрагменты костей животных (1066 экз.), птиц (27 экз.), рыб (2090 экз.), небольшие камни со следами обожжения.

Из осколков посуды, собранных в слое 3 реконструировано одиннадцать сосудов[43]. Среди них преобладают красноглиняные горшки. Один из них отличается небольшими размерами, тонким тестом, низкими пропорциями и коротким вертикально поставленным венчиком, плавно переходящим в покатое плечико (рис. 63, *1*; табл. 29, № 24; тип 2.3). Два других имеют усечено-биконическую форму, их укороченная прикрытая горловина переходит в высокое выпуклое плечико через характерный уступ (тип 2.2). Тесто одного сосуда, орнаментированного небрежно нанесённой на плечико одинарной широкой волнообразной линией, – тонкое (рис. 60, *2*; табл. 29, № 22), другого, неорнаментированного, включает в себя редкую добавку дресвы (рис. 60, *1*; табл. 29, № 23). Четвёртый горшок изготовлен из запесоченного теста (рис. 63, *2*; табл. 29, № 19; тип 1.11)[44]. Это широкогорлый сосуд с горловиной, плавно переходящей в покатое плечико, и слегка приостренным округлым краевым окончанием. Ещё один горшок (рис. 59, *2*; табл. 29, № 8; тип 1.2) характеризуется отогнутым наружу краевым окончанием и прикрытой горловиной с небрежно рифлёной поверхностью, переходящей в бочонковидное тулово через небольшой уступ. Его тесто имеет незначительную примесь дресвы. По профилировке он напоминает широкодонные новгородские горшки типа VIII, появивление которых датируют началом XV в. (*Смирнова,* 1956. С. 244).

Тесто ещё четырёх горшков составлено с включением редкой дресвы. По особенностям профилировки они разделяются на две пары. Для первой характерны короткие отогнутые на-

[41] Размеры перекрываемого им участка в плане 60×70 см, верхняя отметка -85.

[42] Этот участок не вошёл на стратиграфический разрез.

[43] Отдельные фрагменты от них обнаружены при разборке пластового грунта на ряде квадратов, а также в среднем и верхнем горизонтах заполнения ямы 2/1.

[44] С частой примесью мелкозернистого песка.

ружу венчики, резко переходящие в покатые плечики (рис. 62; табл. 29, № 14, 15; тип 1.9). Для второй – прикрытые горловины, слегка вогнутые линии предплечий и краевые окончания в виде наружного утолщения, сформованного путём отгиба края черновой ленты (рис. 61; табл. 29, № 20, 21; тип 2.1).

Один полностью реконструированный горшок, снаружи и изнутри покрытый белым ангобом, отличался необычным составом исходного сырья, составленного из смеси красножгущейся и беложгущейся глин (рис. 64, *7*; табл. 29, № 42). При его изготовлении в качестве примеси использован среднезернистый песок. Сосуд имел низкие пропорции, высокое выпуклое плечико и широкую горловину. Его почти вертикально поставленный венчик завершался массивным подтреугольным в сечении утолщением, сформованным внутренним заворотом края черновой ленты. По месту максимального расширения на тулово сосуда нанесено несколько широких полосок разреженного линейного орнамента.

Один реконструированный сосуд изготовлен лепным способом. Это небольшой слабопрофилированный неорнаментированный горшок с примесью шамота в тесте. Его венчик – короткий и отогнутый наружу (рис. 65, *16*; табл. 29, № 2).

В слое 3 обнаружена денга Василия II 1450–1462 гг. с изображением повёрнутой вправо головы человека на одной стороне и с трёхстрочным текстом – подражанием арабской надписи на другой (*Орешников*, 1896. С. 102–103. № 545) (рис. 56, *6*; приложение 1. № 4). Находки из железа: два черешковых и три пластинчатых ножа; три небольших фрагмента от ножей неустановимого типа; ключ от нутряного цельнометаллического замка с полым, свёрнутым из листа стержнем; замок типа Е (*Хорошев,* 1997. С. 15); пробой; язычок от пряжки; фрагмент каркаса футляра ножа[45]; фрагмент грызла от конских удил; обойный гвоздь; неопределённый предмет в виде стержня квадратного сечения (5×5 мм), декорированный свёрнутой из полоски железа приваренной спиралькой[46]; неопределённый предмет в виде массивного крюкообразно загнутого стержня прямоугольного сечения (17×7 мм), один конец которого преобразован во втулку[47]; железный, согнутый на одном конце уплощенный стержень прямоугольного сечения (7×2 мм) длиной 45 мм (рис. 55; 56, *1–5*). Предметы из других материалов представлены бронзовым перстнем с овальным щитком и несохранившейся вставкой, имевшей "глухое" крепление; литой прямоугольной пряжкой из оловянистой бронзы со слегка выгнутым расширенным передним краем; бронзовой поясной обоймицей прямоугольной формы (22×16 мм), согнутой из полоски металла; костяной иглой с двумя рабочими концами (длиной 70 мм); астрагалом со сквозным отверстием; каменным рыболовным грузилом от ставной сети; фрагментом пряслица из стенки красноглиняного сосуда[48]; осколком днища красноглиняного сосуда с клеймом[49] (рис. 56, *7–13*).

Материковое дно основного углубления ямы под рыхлым углистым слоем 3 и стерильной прослойкой 3в перекрыто тонкой углистой прослойкой мощностью до 2 см, условно обозначенной как слой 4. Грунт последней включал в себя только крошку печины, золу, незначительное количество мелких костей животных и рыб.

Главной особенностью структуры заполнения ямы 2/1 является цикличность в чередовании напластований двух разных составов. В качестве элементов ритма выступают насыщенные всевозможными бытовыми отходами слои 1–4 и развалы глинобитных печей (прослойки 1б,1в, 2а, 2в). Верхняя пара циклически повторяющихся напластований образована прослойкой жёлтого обожжённого суглинка, по насыщенности материалом неуступающая слоям 2 и 3, и совокупностью отложений, не имеющих чётких границ друг с другом, сформированных, вероятно, в результате обрушения глинобитной печи (слой 1а, прослойки 1б, 1в)[50]. Второй «циклит» состоит из слоя 2 и прослойки печного развала 2а. В этом случае в заполнении ямы, очевидно, оказался

[45] В виде обломка уплощенного стержня с подвижным прямоугольным колечком на одном конце.

[46] Напоминает фрагмент светца.

[47] Деформированный обломок пешни?

[48] Часть данного изделия обнаружена в слое 2.

[49] Напоминающим круг с внутренним пространством, расчерченным разнонаправленными лучами.

[50] На обрушение, а не на захоронение в яме 2/1 перенесённых в неё откуда-то остатков печной конструкции, указывает пространственная конфигурация компактной прослойки печного развала 1в, образующей всхолмление, выступавшее над уровнем материковых кромок ямы, однородность и довольно большой объём связанного с ним грунта (около 160 л) (*Грибов,* 2012. С. 161–163).

не полный развал отопительного устройства, однако и на этот раз характер положения связанного с ним грунта (в виде напоминающей кожух вертикальной пристенной прослойки), скорее, указывает на просадку или обрушение печи, чем на преднамеренное заполнение западины ямы её деструктурированными остатками. На вторичное использование ямы 2/1 (как подпечной) до начала формирования слоя 2 указывает расчищенная на уровне нижней границы этого напластования каменная выкладка, устроенная, вероятно, с целью оборудования придонной части подпечной ямы перед закладкой новой печи.

Наиболее отчётливо отмеченное сочетание слоёв различного состава проявляется в такой паре отложений, как слой 3 – прослойка 2в, вместе заполняющих одну треть объёма восточной половины котлована описываемого сооружения. Однородность и большой объём грунта печного развала, чёткость его верхней и нижней границ могут служить вескими аргументами в пользу предположения о конструктивной связи данной печи с рассматриваемым углублением. Начало функционирования конструкции, связанной с ямой 2/1, очевидно, связано с отложением придонной углистой прослойки (слоя 4).

Таким образом, стратиграфия заполнения ямы 2/1 указывает на четыре вероятных этапа использования её котлована. Возможность сколько-нибудь надёжного определения абсолютных календарных дат каждого из них не обеспечена соответствующими методическими предпосылками. Тем не менее, хронологическая дистанция между двумя последними этапами и предшествующим им вторым этапом, по монетам и составу массового керамического материала, проявляется отчётливо и вряд ли является случайной. Сравнение керамических комплексов разных горизонтов заполнения ямы 2/1 показывает, что для завершения её заполнения характерна значительная доля (40,5%) относительно более поздней белоглиняной посуды и отсутствие остатков красноглиняных сосудов с архаичными для гончарства Московской Руси крупнозернистыми отощителями теста – дресвой и крупнозернистым песком (табл. I).

Таблица I. Распределение находок-хроноиндикаторов по основным горизонтам ямы 2/1

Горизонты	**Красноглиняная керамика с грубыми примесями** *(доля среди красноглиняной,%)*	**Белоглиняная керамика** *(%)*	**Общее количество керамики** *(количество фрагментов)*	**Монеты** *(эмитент, предполагаемая дата чеканки, номер по монографии: Орешников,* 1896*)*
верхний (слои 1,1а)	0	40,5	284	Иван III или Василий II, около 1462 г., № 671 или 672; Иван III, 1462–1505 гг, № 679 или 680
средний (слои 2,2б)	4,9	9,8	581	Василий II, около 1462 г., № 672; Иван III, 1462–1505 гг, № 679 или 680
нижний (слой 3)	13,0	5,9	1148	Василий II, 1450–1462 гг., № 545

Напластования среднего горизонта характеризуются более умеренным присутствием керамики из беложгущейся глины и совсем небольшим – красноглиняной посуды с примесью дресвы. В нижнем горизонте содержание белоглиняных образцов на фоне других керамических групп почти незаметно (5,9%), но встречаемость осколков сосудов с грубыми примесями возрастает в 2,5 раза. С учётом стратиграфического распределения монетных находок, можно предположить, что заключительные два этапа заполнения ямы хронологически близки ко времени правления Ивана III (1462–1505 гг.), тогда как временной промежуток предшествующего им периода, скорее всего, ограничивается 50 – началом 60-х гг. XV в.

Функционально большую по площади и наиболее углублённую восточную часть описанного искусственного котлована можно интерпретировать как подпечную яму, а примыкающий к ней с западной стороны неглубокий приямок – как предпечную. Печи, деструктурированные остатки которых попали в заполнение, носили, скорее всего, бытовой характер. Обнаруженные в непосредственной близости от ямы 2/1 две столбовые ямы и небольшая канавка от короткого

частокольного ограждения не позволяют сколько-нибудь однозначно определить особенности конструкции наземной части связанного с ней сооружения[51].

Комплекс № 3 (яма 2/2), как и предшествующий, состоит из двух примыкающих друг к другу углублений с различными уровнями дна. Их общее пятно (3,0×(1,2–2,0) м) напоминало грушевидную фигуру с расширенной северо-западной половиной, слегка выгнутую в северо-восточном направлении. На поверхности зачищенного материка пятно отчётливо выделялось благодаря тёмно-серой окраске. Кромку пятна с северо-западной стороны оконтуривала узкая чёрная полоска древесных углей шириной до 5–6 см. С северо-восточного направления его окаймляла светлая прослойка переотложенного материкового суглинка шириной до 16–18 см.

Яма 2/2 по абрису верхних кромок имела грушевидные очертания (рис. 66Б). Её размеры 3,0×(1,2–1,95) м. Она вытянута по линии северо-запад – юго-восток (по линии азимута 120°) и расширением ориентирована на северо-запад. Яма состояла из двух выделенных в плане частей – западной и восточной. Западная половина наиболее углублена (до 101 см), верхняя кромка её бортов по форме напоминала трапециевидную фигуру со скруглёнными углами (195×120 см), вытянутую по линии север–юг. В придонной части[52] стенки ямы были слегка подкопаны до образования отрицательного наклона; вблизи материковых кромок их поверхность почти отвесна. Дно неровное, слегка вогнутое, без следов прокала. При его расчистке было встречено несколько крупных фрагментов печины, вмятых (втоптанных?) в материк. С юго-западной стороны к бровке бортов основного углубления примыкала столбовая яма 5/2 с уплощенным дном и вертикальными стенками, заполненная переотложенным материковым грунтом (без находок). Её форма полукруглая, размеры – 30×35 см, глубина – 15–17 см.

С востока к борту западной части ямы 2/2 примыкал продолговатый полуовальный в плане приямок, образующий её восточную половину. Его размеры – 180×(120–195) см, глубина – 14–18 см. Он вытянут по линии северо-запад – юго-восток. Стенки приямка почти отвесны, дно уплощено с небольшим наклоном в северо-западном направлении.

Заполнение ямы в структурном плане отчётливо разделяется на две части – верхнюю и нижнюю (рис. 66А).

Грунт верхней части заполнения, перекрывая основное углубление, целиком заполнял объём её восточной половины. Его максимальная мощность приурочена к западной части ямы (32–35 см). По составу это мелкокрапчатый из-за включений крошки печины, мелких древесных углей, небольших комков переотложенного материкового грунта тёмно-серый суглинок (слой 1). Вблизи западного борта на разных уровнях в нём встречены включения нескольких крупных углей. На вертикальном разрезе слой 1 был отчётливо отделён от подстилающих напластований: его нижняя граница повсеместно гладкая и чёткая с шириной переходного участка порядка 1 см. В нём обнаружены фрагменты керамики: лепной – 35, белоглиняной – 126, краснолощёной – 57, красноглиняной – 667 (из них 20 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), а также фрагменты костей животных (453 экз.), птиц (3 экз.), рыб (123 экз.), мелкие камни, крошка печины. С верхней частью заполнения ямы 2/2 связана единственная монетная находка. Это медное анэпиграфное пуло русской удельной чеканки с изображением равноконечного креста на одной стороне и с орнаментальной плетёнкой из двух перекрещенных овалов в фигурном картуше на другой (рис. 67, *6*; приложение 1, № 25). Другие индивидуальные находки из слоя 1: швейная железная игла; железный плоский черешковый без упора ромбовидный наконечник стрелы новгородского типа (*Медведев,* 1966. С. 67–68, тип 46); железный черенковый нож; железная двурамчатая прямоугольная пряжка с утраченным язычком; железный неопределённый предмет в виде аморфной, загнутой вдоль одного края пластины размером 38×85 мм, толщиной 2,5–3,5 мм (фрагмент оковки лопаты?); обойма от рукоятки ножа из рога; два кресальных кремня; четыре небольших осколка от одного каменного нижнего жернова ручной мельницы из известнякового туфа со следами обожжения; небольшой фрагмент красноглиняной игрушки-свистульки с белым ангобом (рис. 67, *1–5, 7–10*).

[51] Альтернативой наземного срубного жилища с печью на деревянном полу или опечке в этом конкретном случае может служить конструкция в виде отдельно стоящей поварни (летней кухни) (см.: *Шполянский,* 2010. С. 107–124).

[52] С глубины 40 см относительно уровня непотревоженного материка.

Нижняя часть заполнения ямы 2/2, перекрытая слоем 1, приурочена только к её углублённой западной половине. Встреченные здесь отложения разделяются на семь горизонтов[53]. Наличие среди них трёх однотипных отложений, состоящих из насыщенного кухонными отходами рыхлого углистого грунта, позволяет объединить их в три пачки – верхнюю, среднюю и нижнюю. Каждая из них завершается рыхлым углистым слоем, сложенным в основном осколками посуды, костями животных и рыб.

Верхние горизонты заполнения западной половины ямы, вскрытые под слоем 1, представлены грунтом, характерным для развала глинобитных печей[54] (слой 2а), и перекрытым им рыхлым углистым слоем 2 с массовыми включениями керамики, костей животных, рыб, рыбной чешуи. Занимаемый этими двумя отложениями корытообразный объём примыкал к западному борту ямы.

Мощность печного развала – до 54 см. У поверхности западного борта его грунт отличался большей плотностью, здесь при расчистке были встречены крупные фрагменты обгоревших деревянных плашек[55]. В слое 2а обнаружены фрагменты керамики: лепной – 22, белоглиняной – 1, красноглиняной – 109 (из них 13 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), а также фрагменты костей животных (105 экз.), птиц (2 экз.), рыб (20 экз.), несколько небольших камней. Из фрагментов керамики, собранных в этом слое (и в перекрывающем слое 1), был реконструирован один лепной слабо профилированный бокалообразный сосуд с примесью шамота в тесте. Верхняя часть сосуда лишена перехвата (шейки), а краевое окончание его горловины оформлено горизонтальной подрезкой без образования сколько-нибудь заметного утолщения (рис. 73, 1; табл. 29, № 5). Второй сосуд, реконструированный из осколков, обнаруженных в слое 2а[56] – краснолощеный горшок с запесоченным тестом (рис. 72; табл. 29, № 37). Верхняя часть его тулова покрыта небрежным вертикальным полосчатым лощением. Ниже нанесён поясок из плавно-волнистого многорядного орнамента, с двух сторон (сверху и снизу) очерченного сдвоенными линиями. Венчик горшка вертикальный с небольшим внутренним подтреугольным в сечении краевым утолщением. Он переходит в плечико через уступ. Кроме массового материала в грунте верхнего печного развала найдены железное кольцо от конских удил, небольшой фрагмент железной скобы, фрагмент костяной обкладки от рукоятки пластинчатого ножа, небольшой фрагмент каменного жёрнова ручной мельницы из известнякового туфа (со следами обожжения), фрагмент стенки красноглиняного сосуда с тёмно-зелёной поливой, три фрагмента клеймёных днищ от красноглиняных сосудов (изображение одного клейма – в виде колеса со спицами) (рис. 68, *5*; 69, *2, 18, 19*).

Рыхлый углистый грунт слоя 2 залегает в форме двух примыкающих друг к другу линз (рис. 66А). Его мощность – 10–18 см. В нём обнаружены фрагменты керамики: лепной – 5, красноглиняной – 65 (из них 26 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), а также фрагменты костей животных (276 экз.), птиц (18 экз.), рыб (85 экз.), камни небольших размеров, печина. Индивидуальные находки: железное кольцо от конских удил; железный неопределённый предмет в виде стержня аморфного сечения длиной 60 мм; железный неопределённый предмет в виде уплощенного стержня прямоугольного сечения (3×6 мм) длиной 50 мм; небольшой фрагмент кашинного сосуда без следов росписи с наружным подглазурным рельефом в виде широкого рифления с полупрозрачной ультрамариновой (снаружи) и бирюзовой (изнутри) поливами; фрагмент днища красноглиняного сосуда с клеймом (в виде колеса со спицами в круге) (рис. 68, *4*; 69, *1, 3, 10, 13, 20*). Из фрагментов керамики, собранных в данном слое и в перекрывающем его печном развале, реконструирован круговой красноглиняный неорнаментированный горшок с редкой примесью дресвы в запесоченном тесте (рис. 71, *8*; табл. 29, № 9;

[53] Об методе выделения горизонтов в заполнениях материковых ям см.: *Грибов,* 2012. С. 157.

[54] Состоящей из светлого переотложенного материкового суглинка, насыщенного печиной.

[55] Одна из них (длиной 32 см, с аморфным сечением 6×8 см), со следами древних разломов, располагалась почти вертикально. Другая, удалённая от первой на 20–30 см к юго-востоку, зафиксирована в наклонном положении (прослежена на длину 50 см, её сечение – местами округлое, диаметром 10 см). В пространстве между ними обнаружены обугленные остатки четырех вертикально ориентированных жердей (длиной по 10–15 см) с размерами поперечников по 8–10 см.

[56] Отдельные фрагменты от этого сосуда были найдены в слоях 1 и 1а ямы 1/2, а также в различных пластах квадратов 3–7 раскопа 2.

тип 1.3). Это приземистый сосуд с широкой прикрытой горловиной и высоким узким плечиком. Краевое окончание венчика оформлено коротким наружным отгибом края черновой ленты без образования утолщения.

Горизонты, занимающие среднее положение в заполнении углублённой западной части ямы 2/2, образованы грунтом второго печного развала (прослойка 3а), языкообразным прослоем коричневого суглинка с редкими включениями мелких угольков (слой 3б) и вторым рыхлым углистым слоем, состоящим почти исключительно из кухонных отходов (слой 3).

Прослойка 3а не содержала каких-либо включений, кроме печины. Её мощность – 14–15 см. Она частично перекрывала коричневый суглинок, примыкающий к восточной стенке ямы в виде языкообразной прослойки. Каких-либо включений в коричневом суглинке также не обнаружено. Он имел преимущественно вертикальное простирание и достигал мощности 52 см.

Рыхлый углистый слой 3 перекрывал всю площадь основного углубления. С его верхней поверхностью последовательно (с востока на запад) контактировали слои 3б, 3а, 2. Его мощность не превосходила 8 см. У западного борта ямы слой 3 от перекрывающегшо слоя 2 был отделён тонкой, едва заметной на вертикальном разрезе прослойкой мелких древесных углей. В слое 3 обнаружены фрагменты керамики: лепной – 5, красноглиняной – 53 (из них 33 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), а также фрагменты костей животных (334 экз.), птиц (25 экз.), рыб (250 экз.), небольшие камни, печина. Из фрагментов керамики, собранных в слое 3, удалось реконструировать красноглиняный горшок с частой примесью дресвы в тесте (рис. 70, *2*; табл. 29, № 33; тип 3.5). Его короткий венчик с ложбинкой на краевом окончании отогнут наружу и переходит в покатое плечико через отчётливый уступ. Нумизматические находки представлены серебряной денгой Василия Тёмного с изображением суковатого дерева на лицевой стороне, отчеканенной в промежутке 1446–1462 гг. (*Орешников,* 1896. С. 116. № 633) (рис. 69, *5*; приложение 1, № 3). Другой вещевой материал из слоя 3: железное писало с рельефной кубообразной головкой 15 типа по новгородской классификации (*Овчинникова,* 1994. С. 84); два фрагмента от одного железного черенкового ножа очень плохой сохранности; два фрагмента от железного ножа неустановимого типа; железное кольцо от конских удил; небольшой фрагмент железной скобы; два фрагмента от костяных обкладок рукояток пластинчатых ножей[57]; осколок стеклянного среднекручёного[58] прозрачного фиолетового браслета; три небольших фрагмента от одного кашинного сосуда с подглазурным наружным рельефом, ультрамариновой (с одной стороны) и бирюзовой (с другой стороны) поливами[59]; фрагмент красноглиняного поливного сосуда (рис. 68, *1, 6–10, 12*; 69, *5–9, 11, 12*).

Нижняя пачка отложений представлена двумя основными горизонтами – однородным коричневым суглинком (слой 4а) и третьим рыхлым углистым слоем (слой 4). Последний от материкового дна ямы отделён тонкой прослойкой плотного утрамбованного переотложенного материкового суглинка (слой 5) мощностью 2–3 см. Слой 5 переходил в вертикальные стерильные прослойки, перекрывающие нижнюю часть бортов основного углубления ямы. С восточный стороны языки этого стерильного грунта разделяли периферию углистого слоя 4 на две прослойки.

Верхняя поверхность слоя 4а отличалась заметным наклоном в западном направлении и вблизи основания западного борта он выклинивался. Верхняя и нижняя его границы – резкие с толщиной переходного участка менее 1 см. Вблизи верхней границы в слое 4а расчищена сломанная железная колёсиковая шпора[60] (рис. 68, *2*) и найден фрагмент железного черенка от ножа (рис. 68, *11*).

Мощность нижнего рыхлого углистого слоя 4 – 3–4 см. С ним связаны фрагменты керамики: белоглиняной – 1, красноглиняной – 6, а также фрагменты костей животных (137 экз.), птиц (12 экз.), рыб (145 экз.), мелкие камни и не образующие компактных скоплений фрагменты печины. Из слоя 4 происходит железный неопределённый предмет в виде уплощенного загнутого

[57] Одна из них декорирована двумя врезными продольными параллельными линиями.

[58] Четыре витка на 1 см длины.

[59] Один осколок от данного сосуда обнаружен в слое 2.

[60] С утраченным колёсиком и обломанной частью одной крепёжной петли.

на одном конце стержня прямоугольного сечения (5×10 мм) длиной 45 мм, (рис. 69, *4*), и неполный развал кругового красноглиняного неорнаментированного горшка посредственного обжига с примесью частой дресвы в тесте (рис. 70, *1*; табл. 29, № 27; тип 3.1). Реконструированный сосуд – приземистый. Он имел широкую горловину переходящую в высокое узкое плечико и широкое дно. Краевое окончание венчика сформовано путём отгиба края черновой ленты внутрь с образованием овального в сечении утолщения.

На верхней поверхности придонной прослойки утрамбованного суглинка, сразу под рыхлым слоем 4, расчищен крупный фрагмент железной сабельной полосы, лежащий плашмя (рис. 68, *3*).

Нужно отметить, что заполнение основного углубления ямы 2/2 имеет ту же особенность, что и заполнение ямы 2/1. Основной объём грунта здесь также расчленён рыхлыми углистыми прослойками с кухонными отходами (слои 2, 3, 4). Две из них были перекрыты развалами глинобитных печей (слой 2а и прослойка 3а). С прослойкой верхнего печного развала связаны хаотично ориентированные обугленные обломки деревянных жердей или плашек. Их, предположительно, можно интерпретировать как остатки сгоревшего, просевшего в западину ямы опечка.

Западную углублённую половину ямы можно предположительно рассматривать как подпечную, восточную – как предпечную. Печи, зафиксированные в виде развалов, очевидно, имели бытовой характер. Стратиграфия заполнения фиксирует минимум три этапа функционирования связанной с ними конструкции. Почти полное отсутствие осколков белоглиняной гладкой керамики в нижней части заполнения ямы 2/2 свидетельствует о том, что сооружение, частью которого она являлась, было заброшено[61] ещё до того, как в быту местных насельников широкое распространение получила белоглиняная посуда. После разрушения последней печи западина ямы, очевидно, была заполнена планировочным грунтом слоя 1.

Функционирование постройки, связанной с ямой 2/2, по единственной серебряной монете из нижней части заполнения, предположительно, можно датировать серединой XV в. (40 – началом 60-х гг. XV в.).

Комплекс № 4 (яма 1/2) представляет собой обширный овалообразный в плане котлован, выявленный по большому пёстрому пятну, зачищенному на материковой поверхности северной периферии раскопанного участка вблизи кромки берегового обрыва. Размеры пятна 3,6×(2,2–2,4) м. Неоднородность его грунта была обусловлена включениями крошки печины, углей, полуразложившихся хаотично ориентированных древесных волокон. На северо-восточной периферии пятна отчётливо выделялся тёмный участок с мелкораспылённым древесным тленом и мелкими углями. С юго-восточной стороны его границу перекрывала прослойка жёлтого обожжённого суглинка мощностью 2–3 см. Грунт прослойки был почти полностью срезан при зачистке раскопа по 4 пласту, после чего он в виде дугообразной полоски сохранился только на периферии пятна ямы 1/2. С западного и северного направлений полоска жёлтого суглинка окаймляла рыжеватый грунт печного развала (90×(40–60) см).

Яма 1/2 по форме верхних кромок напоминала продолговатый овал с размерами 360×200 см, вытянутый с северо-востока на юго-запад по линии азимута 30°. Придонным материковым останцем, отходящим от основания юго-восточного борта, её котлован разделён на две неравные части – южную, меньшую, и северную, большую. Материковый останец перегораживал лишь половину ширины ямы. Его верхняя неровная поверхность постепенно понижалась в северо-западном направлении (от 40 до 10 см) и переходила в широкую придонную ступеньку высотой около 5 см, фиксирующую перепад уровней дна в северной и южной частях котлована.

Южная половина ямы близка к прямоугольнику со скруглёнными углами (130×200 см), вытянутому с северо-запада на юго-восток (по линии азимута 125°) (рис. 74Б). Её борта здесь почти отвесны. Материковое дно перекрыто тонкой углисто-золистой прослойкой, уплощено и углублено на 116 см. Уровень дна слегка поднимается при приближении к основаниям бортов. Вблизи южного борта расчищен небольшой полукруглый приямок (50×28 см) с наклонными стенками и уплощенным дном глубиной до 6 см. Его заполнение – стерильный переотложенный материковый суглинок. При расчистке поверхности дна в южной половине ямы зафиксированы

[61] Скорее всего, после пожара, судя по массовым находкам обугленных остатков деревянных плашек в грунте верхнего печного развала.

тленообразные параллельные, меридионально ориентированные отпечатки двух деревянных плашек[62].

Северная половина ямы по форме абриса верхних кромок близка к грушевидной фигуре (230×(130–210) см), ориентированной расширением на юго-запад (рис. 74Б). К бровкам её восточного и западного бортов примыкали два полукруглых в плане приямка[63]. Их симметричное расположение относительно продольной оси ямы (друг напротив друга) и сходный уровень уплощенных днищ позволяют предположить, что эти выемки определяют положение концов несущей балки перекрытия.

В северной половине борта ямы отличались неровными поверхностями и были отвесны только вблизи уровня верхней материковой кромки, а в нижней части – имели заметный наклон. Дно – корытообразное, неровное, его уровень соответствует глубине 134 см. В его юго-западном секторе расчищен небольшой приямок неправильной формы[64].

Изучение стратиграфии ямы 1/2 по двум разрезам показало, что её планиграфически выделённые части заполнялись единовременно (рис. 9Б*, 74А). В структуре заполнения выделены шесть основных горизонтов. Они могут быть объединены в три пачки (верхнюю, среднюю и нижнюю); каждая из них определяется наличием специфического угленасыщенного слоя с массовыми включениями кухонных отходов.

Верхние горизонты представлены пёстрым неоднородным тёмно-коричневым суглинком (слой 1а) и тёмно-серым неоднородным слоем 1 с включением сажи, мелких угольков, вкраплений грунта печного развала, камней, редкой рыбной чешуи, костей, осколков посудной керамики.

Слой 1а с увеличением глубины без чёткой границы переходил в компактную линзу развала глинобитной печи (слой 1б), перекрывая почти весь периметр ямы по уровню её пятна. Мощность слоя 1а – до 22–24 см. В нём обнаружены фрагменты керамики: лепной – 24, белоглиняной – 404, краснолощёной – 17, красноглиняной – 412 (из них 17 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), а также фрагменты костей животных (665 экз.), птиц (12 экз.), рыб (23 экз.), камни небольших размеров, 4 небольших железосодержащих шлака, 1 фрагмент сильно ошлакованной керамики. С грунтом этого верхнего слоя связаны находки: фрагмент железного пластинчатого ножа; рукоятка железного ключа от цилиндрического замка; два железных рыболовных крючка (от снасти типа закидушки); фрагмент железных кольчатых удил (грызло с кольцом); железный плоский черешковый с упором ромбовидный наконечник стрелы с небольшим пулевидным расширением у острия (близок к варианту «а» типа 6 по типологии Двуреченского О.В. (2007а. С. 283–284)); две целых и одна фрагментированная железные скобы с уплощенными соединительными планками; два целых и один фрагментированный железные гвозди-костыли; железный неопределённый предмет в виде свёрнутого в полукольцо дрота квадратного сечения (6×6 мм); железный неопределённый предмет в виде уплощенного стержня с сечением прямоугольной формы (2,5×8 мм) длиной 56 мм; фрагмент каменного (из местного белого мергеля) биконического пряслица; каменная (из местного аргиллита) заготовка для пряслица; фрагмент пряслица из стенки белоглиняного сосуда; фрагмент рыболовного керамического шарообразного грузила от волоковой сети; два фрагмента красноглиняных сосудов с зелёной поливой; осколки днищ с клеймами от двух белоглиняных сосудов и один фрагмент клеймёного днища от красноглиняного сосуда[65] (рис. 75, *1, 3, 5, 7, 8, 11*; 76, *1, 3, 4, 9, 10, 12, 14, 16*; 77, *11, 12, 16, 17*). Из осколков керамики, собранных в слое 1а, удалось реконструировать полный профиль небольшого приземистого красноглиняного горшка с коротким вертикально поставленным венчиком, плавно переходящим в выпуклое плечико (рис. 79, *18*; табл. 29, № 25; тип 2.3). Сосуд украшен полосками линейного орнамента, его тесто составлено с включением зёрен крупнозернистого песка. Несколько обломков этого же сосуда найдено в заполнении ямы 9/2, а также в горизонте огородной распашки (раскоп 2: кв.4, пл. 4; кв. 2, пл. 3).

[62] Их размеры: 90×10 см и 32×12 см.

[63] Размеры одного из них (по восточному борту) — 80×30 см, другого – 70×22 см.

[64] Его размеры — 60×100 см, глубина — 12–23 см, стенки наклонные, неровное дно перекрыто тонкой углистой прослойкой.

[65] Клеймо в виде двух сцентрированных кругов, пространство между которыми расчерчено короткими лучами.

В северной половине ямы слой 1а непрерывно переходил в линзу развала глинобитной печи (слой 1б). Мощность слоя 1б – 28 см. Слои 1а и 1б взаимопроникали друг в друга: их формирование, очевидно, происходило единовременно. В северной половине ямы на верхней границе печного развала зафиксирована локальная прослойка мелкораспылённого древесного тлена мощностью до 7 см. В слое 1б обнаружены фрагменты керамики: лепной – 2, белоглиняной – 21, краснолощёной – 1, красноглиняной – 37 (из них 1 – с примесью дресвы), а также фрагменты костей животных (90 экз.), птиц (21 экз.), рыб (10 экз.), небольшие камни. Находки: железный черенковый нож с прямой спинкой; железная скоба с уплощенной соединительной планкой; железный неопределённый предмет в виде уплощенного стержня (длиной 70 мм) с продольной щелью, прорезанной по центру, с остатками зажатого в ней крепёжного гвоздя или штифта; литой бронзовый односторонний крест-тельник с килевидным завершением нижней лопасти и рельефным изображением шестиконечного креста на П-образной Голгофе; затыльник от рукоятки ножа из рога; точильный камень с одной рабочей поверхностью из мелкозернистого зелёного моренного сланца; фрагмент донца красноглиняного сосуда с клеймом[66] (рис. 75, *9*; 76, *7, 17*; 77, *3, 8, 13*).

Под развалом глинобитной печи (в южной половине ямы – под слоем 1а), яма в пределах своих бортов перекрыта тёмно-серым угленасыщенным неоднородным суглинком слоя 1. Его мощность варьировала в пределах 15–45 см и достигала наибольшего значения в южной части ямы. Подошка и кровля слоя 1 маркировались углистыми прослойками мощностью до 4 см. В слое 1 обнаружены фрагменты керамики: лепной – 30, белоглиняной – 94, краснолощёной – 12, красноглиняной – 317 (из них 11 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), ангобированной с росписью охрой – 1, а также фрагменты костей животных (409 экз.), птиц (34 экз.), рыб (59 экз.), камни (преобладали плитки песчаника с размерами до 7×8×3 см), фрагменты печины, 2 ошлакованных фрагмента керамики. Со слоем 1 связаны находки двух серебряных и одной медной монет (рис. 77, *5–7*). Одна из них – серебряная полуденга (весом 0,16 гр.) с изображением равноконечного креста с окончанием лопастей в виде «узлов счастья» (или «кафимских узлов») на одной стороне и летящей птицей[67]на другой (приложение 1, № 22). Вторая монета – денга Ивана III. На одной её стороне изображён всадник с литерой «В» под конём, на другой угадывается поясное изображение воина с мечом в правой руке и нечитаемая круговая надпись (*Орешников,* 1896. С. 124, 125. № 679, 680) (приложение 1, № 17). Медное пуло имеет плохую сохранность. Углы его квадратного кружка подрезаны. На одной стороне в точечном картуше угадывается изображение животного (или дракона?), на другой – следы надписи или неясного изображения (приложение 1, № 30). Другие находки представлены фрагментом железного пластинчатого ножа, железным рыболовным крючком, фрагментом полотна железной пилы (или скребницы?), полукруглой железной пряжкой, железным плоским черешковым с упором ромбовидным наконечником стрелы (варианта «в» типа 6 по типологии О.В. Двуреченского (2007а. С. 284)), железным цилиндрическим замком с вертикальным широким П-образным щитком на днище большого цилиндра, тремя железными крепёжными скобами с уплощенными соединительными планками, двумя железными гвоздями-костылями, железным уплощенным стержнем прямоугольного сечения, фрагментом бронзового пластинчатого перстня с рифлёным ободом, двумя фрагментами бронзовых бубенчиков с линейной щелью (спаянных из двух тиснёных половинок), тремя обломками каменного жёрнова от ручной мельницы, двумя кресальными кремнями, осколком кашинного сосуда с чёрной подглазурной росписью и двухсторонней прозрачной бирюзовой поливой, фрагментом пряслица из стенки красноглиняного сосуда, фрагментом керамического сосуда с зелёной поливой (рис. 75, *2, 4, 6, 10, 11*; 76, *2, 5, 6, 8, 11, 13, 15*; 77, *1, 2, 4–7, 9, 10, 14, 15, 18*).

В слое 1 расчищен неполный развал частично реконструированного красноглиняного горшка (рис. 78, *2*; табл. 29, № 13, тип 1.8). По сочетанию характерных признаков[68] его можно на-

[66] В виде двух сцентрированных кругов, пространство между которыми расчерчено короткими лучами.

[67] Стилистически сходной с изображением птицы на некоторых монетах Василия Тёмного последнего этапа чеканки (см.: *Мец,* 1974. С. 111, 112. № 160, 165–166; *Орешников,* 1996. С. 140, тип № 606, табл. X, *451*).

[68] Стройной усечённо-конической профилировке, короткому с треугольным внутренним краевым утолщением вертикальному венчику, переходящему в тулово через резкий перегиб с отчётливым ребром, орнаменту в виде собранных в пучок четырёх

дёжно атрибутировать как образец московской красноглиняной гладкой посуды, характерной для второй половины XV – начала XVI вв. (*Бойцов,* 1991. С. 38; Московская керамика…, 1991. С. 58, рис. 2). Днище горшка имеет клеймо в виде «колеса с восемью спицами». Среди осколков керамики, собранных в данном слое (и в слое 1а), отмечено присутствие несколько фрагментов краснолощёного сосуда, реконструированного преимущественно по находкам из верхних слоёв заполнения ямы 2/2 (рис. 72, табл. 29, № 37).

Пачка слоёв, разделяющая верхние и нижние напластования в заполнении ямы 1/2, включала в себя однородный коричневый суглинок (слой 2б), вклиненную в него линзу второю печного развала (слой 2а), и подстилающий их рыхлый углистый слой 2.

Второй печной развал отделялся чёткими границами от вмещающего грунта и состоял из розоватого, слегка обожжёного (не утратившего пластичность), переотложенного материкового суглинка с редкими включениями печины. Его мощность – до 40 см. В нём обнаружено незначительное количество включений, среди которых встречены фрагменты керамики: лепной – 3, белоглиняной – 27, краснолощёной – 2, красноглиняной – 44 (из них 2 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), чернолощёной (со сплошным аспидно-чёрным лощением) – 1, а также фрагменты костей животных (33 экз.), птиц (3 экз.), рыб (5 экз.), небольшие камни, фрагмент железного гвоздя с утраченной шляпкой (рис. 81, *7*).

Линза нижнего печного развала вклинивалась в коричневый однородный суглинок слоя 2б. Для последнего характерна мощность 12–50 см и низкая концентрация разнообразных включений. В западном углу ямы 1/2, у основания материкового борта, в грунте слоя 2б расчищен череп молодой медведицы без нижней челюсти, ориентированный концом морды на юг. Его верхняя точка находилась на глубине 35 см относительно уровня непотревоженного материка. В слое 2б обнаружены фрагменты керамики: лепной – 41, белоглиняной – 76, краснолощёной – 20, красноглиняной – 334 (из них 34 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), ангобированной – 2, а также фрагменты костей животных (332 экз.), птиц (31 экз.), рыб (202 экз.), мелкие камни, фрагменты печины, один небольшой железосодержащий шлак. Индивидуальные находки: фрагмент железного ключа от цилиндрического замка типа В по Новгородской классификации (*Колчин,* 1959. С. 82); фрагмент Н-образного в сечении рабочего стержня железного ключа от замка типа Д или Е (*Колчин,* 1959. С. 82, 84); железный рыболовный крючок (от снасти типа донки или поставуши); железная дверная У-образная накладка в виде раздвоенного на одном конце стержня сегментообразного сечения с расходящимися, спиралевидно подвёрнутыми концами; железные гвозди (один с обломанной шляпкой, другой с шляпкой квадратной формы); два железных гвоздя-костыля; железный стержень С-образного сечения; железный уплощенный стержень с одним расширяющимся окончанием; железный стержень прямоугольного сечения; железный уплощенный стержень с вилкообразно раздвоенным концом; железный стержень неоднородного сечения округлой формы; железный уплощенный, дугообразно согнутый стержень прямоугольного сечения; кольцеобразный свинцовый грузик; медная монета плохой сохранности с нечитаемыми изображениями (вес 0,32 гр.; монетный кружок напоминает неправильный многоугольник) (приложение 1, № 31); бронзовая проволочная односоставная безбусинная серьга в виде знака вопроса с длинным стержнем, конец которого оформлен в виде небольшой петли; два затыльника от рукояток ножей из рога; обойма от рукоятки ножа из рога; фрагмент каменного (из местного красного аргиллита) кольцеобразного пряслица; фрагмент керамического рыболовного шарообразного грузила от волоковой сети; два небольших фрагмента керамических поливных сосудов (рис. 81, *9–16*; 82, *1–6, 9, 13, 14*; 83, *1, 3, 5, 7, 8, 12, 13, 17, 18*).

Однородный коричневый суглинок почти на всей площади ямы (кроме юго-восточной периферии) перекрывал рыхлый углистый грунт слоя 2, состоящий из совокупности мелких линзовидных прослоек, насыщенных костями и осколками керамической посуды. В центральной части ямы на нём лежала мощная локальная прослойка из крупных хаотично ориентированных древесных углей. В южной половине ямы слой 2 подстилался линзой золы мощностью до 8 см. Общая мощность прослоек связанных со слоем 2 – до 20 см. В слое 2 обнаружены фрагменты

параллельных линий, нанесённых на верхнюю часть высокого плечика, полному равномерному окислительному обжигу и примеси в виде мелкозернистого песка.

керамики: лепной – 45, белоглиняной – 88, краснолощёной – 2, красноглиняной – 235 (из них 9 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), ангобированной – 1, а также фрагменты костей животных (344 экз.), птиц (37 экз.), рыб (370 экз.), небольшие камни, крошка печины. В слое 2 найдены три монеты (рис. 82, *8, 10, 11*). Одна из них – серебряная денга с изображением двух звёздочек, розетки и круговой надписью с именем эмитента на лицевой стороне, отчеканенная в самом конце правления Василия Тёмного (*Орешников,* 1896. С. 126. № 672) (приложение 1, № 8). Вторая – подделка (весом 0,42 гр.), изготовленная способом двухстороннего наложения серебряной фольги на медную основу (приложение 1, № 11). На одной её стороне – всадник с соколом, на другой – неразборчивая надпись арабскими буквами. Такое сочетание изображений лицевой и оборотных сторон известно по ранним выпускам Василия II[69], однако подлинники существенно отличаются от найденного экземпляра по весу. Третья монета – медная. Изображение в виде равностороннего креста сохранилось только на одной её стороне (приложение 1, № 29). Другие находки из слоя 2: четыре железных черенковых ножа с прямой спинкой; фрагменты одного черенкового и одного пластинчатого железных ножей; фрагмент железного гвоздя; бронзовая свёрнутая из тонкого листа металла и скреплённая заклёпкой рукоятка ножа; бронзовый бубенчик с линейной прорезью, составленный из двух тиснёных половинок; отрезок бронзовой проволоки (диаметром 1,3 мм); небольшой костяной с удлинённой вертикальной осью и прямоугольными окончаниями лопастей восьмиконечный крест-мощевик с открытым «ковчежцем», заполненным растрескавшейся коричневой мастикой (рис. 10*, 4); две односоставные костяные рукоятки ножей; кресальный кремень; фрагмент керамического поливного сосуда; два фрагмента днищ красноглиняных сосудов с клеймами[70] (рис. 81, *1–6, 8*; 82, *7, 12, 15, 16*; 83, *2, 4, 6, 10, 11, 15, 16, 19, 20*).

Из собранной в слое 2 керамики реконструированы полные профили семи сосудов. Два из них – лепные. Это широкодонный горшок с коротким, плавно переходящим в покатое плечико вертикальным венчиком с примесью шамота в тесте (рис. 87, *9*; табл. 29, № 1) и небольшая чаша из тонкого теста с венчиком, сформованным коротким краевым наружным отгибом (рис. 87, *8*; табл. 29, № 6). По способу изготовления к ним близок приземистый, слегка подправленный на поворотном устройстве банкообразный сосуд (рис. 87, *7*; табл. 29, № 4). Его форма соответствует обводам образцов мордовской средневековой керамики (см.: *Алихова,* 1959а. С. 43, табл. 13, *2*). Краевое окончание горловины этого сосуда сформовано косой подрезкой. В тесте в качестве примесей использованы мелкозернистый песок и дроблёный железный шлак.

Круговая красноглиняная посуда представлена миской усеченно-конической формы с примесью дресвы и песка в тесте (рис. 84, *1*; табл. 29, № 36) и двумя горшками приземистых пропорций. Профилировкам горловин обоих горшков свойственен уступ при переходе к плечикам. Один из них имеет прямой короткий вертикальный венчик без краевого утолщения, почти тонкое тесто с редкой примесью мелкозернистого песка (рис. 85, *14*; табл. 29, № 11; тип 1.5)[71]. Венчик другого горшка дугообразно изогнут, его краевое окончание оформлено подтреугольным утолщением с «ложбинкой под крышку», а в качестве отощителя использована редкая примесь дресвы (рис. 84, *2*; табл. 29, № 31; тип 3.3)[72].

Из слоя 2 происходят осколки одного белоглиняного гладкого горшка коломенского типа с тонким тестом. Венчик сосуда и верхняя часть плечиков украшены частыми полосками линейного орнамента (рис. 86, *8*; табл. 29, № 41).

Совокупность нижних горизонтов заполнения ямы состоит из коричневого крапчатого суглинка (слоя 3) с включением комков переотложенного материкового грунта и тонких углистозолистых прослоек (условно обозначенных как слой 4). Последние перекрывают материковое дно ямы в её южной половине, а в северной – только в придонном приямке.

---

[69] Изображения всадника с соколом встречается не позднее 1434 г. по Н.Д. Мец (см.: 1974. С. 26; С. 84, 85, № 6, 7, 12–14; С. 88–90, № 29–39).

[70] Изображение на одном имеет вид двух сцентрированных кругов, промежуток между ободами которых расчерчен короткими лучами.

[71] Его осколки обнаружены также в слоях 2а, 2б ямы 1/2 и в заполнении канавки 7.

[72] Фрагменты этого второго горшка были собраны как в различных напластованиях ямы 1/2 (в слоях 1а, 2б, 2), так и в канавке 6, в различных пластах квадратов 4 и 4А раскопа 2.

Слой 3 под рыхлым углистым грунтом слоя 2 перекрывал материковое дно ямы. Его мощность – до 26 см. В северной половине описываемого углубления на уровне верхней поверхности слоя 3 зафиксирована вытянутая с северо-запада на юго-восток тонкая локальная прослойка мелкораспылённого древесного тлена (20×60 см), напоминающая отпечаток деревянной плахи. В слое 3 обнаружены фрагменты керамики: лепной – 19, белоглиняной – 29, краснолощёной – 7, красноглиняной – 144 (из них 7 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), а также фрагменты костей животных (125 экз.), птиц (15 экз.), рыб (73 экз.), небольшие камни, два небольших железосодержащих шлака, редкая крошка печины. Почти все индивидуальные находки приурочены к границе слоя с материком. Это коробкообразный корпус железного замка, конструктивно близкий к замкам типа Ж по Новгородской классификации[73]; железный со следами обмеднения цилиндрический замок типа Г[74]; железная черешковая с двумя боковыми зубцами острога; бронзовый посеребрённый односторонний четырёхконечный с расширениями на концах вертикальной оси и килевидным завершением нижней лопасти нательный крест с изображением Распятия; створка от бронзового энколпиона с округлыми окончаниями лопастей и квадратным средокрестием с ростовым изображением воина (Фёдора Стратилата ?), держащим правой рукой копьё, левой – щит (*Ханенко,* 1899. Табл. VIII, *96, 97*) (рис. 10*, 1); фрагмент дужки бронзового височного кольца; два затыльника от рукояток ножей из рога; два каменных пряслица из местного аргиллита; точильный камень (рис. 88).

Из фрагментов керамики, собранных в слое 3 и в некоторых перекрывающих его слоях, реконструированы полные профили пяти круговых горшков. Три из них изготовлены из красножгущейся глины. Один красноглиняный сосуд отличается приземистыми пропорциями, широкой прикрытой горловиной с едва обозначенным перехватом (шейкой), отсутствием орнаментации и запесоченным тестом (рис. 89, *7*; табл. 29, № 10; тип 1.4)[75]. Другой – имеет короткую раструбообразную горловину, переходящую в плечико через отчётливый уступ (рис. 89, *9*; табл. 29, № 18; тип 1.10)[76]. Он не орнаментирован, тесто насыщено примесью мелкозернистого песка. Профилировка горловины третьего сосуда определяется вертикальным венчиком с коротким наружным краевым отгибом, переходящим в коническое тулово через слабо выраженный уступ (рис. 89, *8*; табл. 29, № 28; тип 3.2)[77]. Это широкогорлый приземистый горшок без следов орнаментации; в его тесте зафиксирована примесь редкой дресвы и мелкозернистого песка.

Ещё два реконструированных сосуда – белоглиняные горшки коломенского типа с тонким тестом[78]. С наружной стороны их короткие вертикальные венчики с приостренными окончаниями украшены тремя параллельно нарезанными линиями. Переход венчика в плечико у большего по размерам горшка обозначен уступом (рис. 90, *2*; табл. 29, № 40). Венчик меньшего по объёму сосуда отличается небольшим наклоном внутрь (рис. 90, *1*; табл. 29, № 39).

Как уже отмечалось, дно приямка в северной половине ямы и центральную часть дна в её южной части перекрывали тонкие углисто-золистые прослойки мощностью до 2–3 см. При расчистке одной из них (на дне южной половины ямы) обнаружены фрагменты керамики: белоглиняной – 17, красноглиняной – 9, а также фрагменты костей животных (26 экз.), птиц (1 экз.), рыб (6 экз.), мелкие камни, фрагменты печины.

Материковые борта ямы и частично её дно с восточной стороны перекрывались стерильной прослойкой переотложенного материкового суглинка мощностью до 20–22 см.

В структуре заполнения ямы 1/2 просматривается цикличность, свойственная ранее описанным сооружениям. Её определяют три угленасыщенных слоя с высокой концентрацией кухонных отходов (слои 1, 2 и 4). Два из них (слои 1 и 2) перекрыты развалами глинобитных печей (прослойками 1б и 2а). Большие объёмы грунта печных развалов, их однородность свидетельствуют, скорее, об обрушении в яму связанных с ними печей, нежели о преднамеренном

[73] Бытовали с конца XIV в. всё XV столетие (*Колчин,* 1982. С. 162, рис. 3).

[74] В Великом Новгороде были распространены с середины XIII в. до середины XV в. (*Колчин,* 1982. С. 162, рис. 3).

[75] Кроме слоя 3, его осколки обнаружены в слоях 1а, 1, 2б.

[76] Его осколки обнаружены, также, в слоях 1а, 1, 2а, 2б.

[77] Часть его фрагментов обнаружены в слое 2.

[78] Их осколки обнаружены также в слоях 1а, 1, 2б.

захоронении их перенесённых откуда-то остатков. На существование обрушенного деревянного перекрытия указывают симметрично расположенные приямки у верхних кромок длинных бортов ямы и отпечатки деревянных плашек на её материковом дне. Как остатки сгоревших опечков разновременных отопительных устройств могут быть предположительно интерпретированы прослойки крупных древесных углей на границе слоёв 1 и 2. Все эти наблюдения подводят к мысли о конструктивной связи рассматриваемого котлована с неоднократно подновляемой глинобитной печью, расположенной на некоторой высоте относительно уровня верхних кромок его бортов. Двухчастная планировка ямы 1/2 может быть обусловлена либо разновременностью откопки её различных частей, либо спецификой их использования в рамках единой конструкции.

Заметное присутствие белоглиняной керамики во всех стратиграфически выделенных напластованиях (в том числе и в самых нижних, придонных) свидетельствует о сравнительно позднем заполнении ямы 1/2, произошедшем уже во время широкого распространения посуды из отмученной беложгущейся глины (табл. II).

Таблица II. Распределение находок-хроноиндикаторов по слоям ямы 1/2

Слои	**Красноглиняная керамика с грубыми примесями** *(доля среди красноглиняной,%)*	**Белоглиняная керамика** *(%)*	**Общее количество керамики** *(количество фрагментов)*	**Монеты** *(эмитент, предполагаемая дата чеканки, номер по монографии: Орешников, 1896)*
ВЕРХНИЕ ГОРИЗОНТЫ				
1а+1б	4	46	918	
1	3,5	21	454	Иван III, № 679
СРЕДНИЕ ГОРИЗОНТЫ				
2а+2б	9,5	18	550	
2	3,8	23	371	Василий II, около 1462 г., № 672
НИЖНИЕ ГОРИЗОНТЫ				
3	4,9	14	199	
4	0	65	26	

Постройку, связанную с ямой 1/2, по отсутствию вблизи бортов системно расположенных столбовых ям, можно предположительно определить как наземный жилой сруб с подпольной ямой и сооружённой над ней глинобитной печью. Наиболее вероятное время функционирования сооружения по монетным находкам может быть ограничено промежутком 60-х гг. XV в. – началом XVI вв., то есть преимущественно эпохой правления Ивана III.

Комплекс № 5 исследован не полностью. Это обширная яма 9/2, большая часть которой, перекрытая разветвлённой корневой системой растущего дерева, осталась не вскрытой. На раскопанный участок вошла лишь юго-западная периферия данного углубления размером 180×70 см (рис. 91А). Сверху яму 9/2 на глубину от 24 до 60 см перерезала позднейшая (XX в.) яма 3/2. В заполнении последней помимо многочисленного мусора (отрезков медных проводов с изоляцией, железных тянутых гвоздей, осколков оконного стекла) встречены осколки средневековой керамики[79], многочисленные кости животных и рыб, фрагмент красноглиняного лепного шарообразного рыболовного грузила от волоковой сети (рис. 127, *7*).

Форма абриса верхних кромок ямы 9/2, скорее всего, напоминала угловатую фигуру. На изученный участок вошли два её угла, южный и юго-западный. В южном углу на дне расчищена столбовая яма диаметром 32 см и глубиной 24 см[80]. Её заполнение представляло собой рыхловатый, из-за обильных включений мелкораспылённого древесного тлена, переотложенный материковый суглинок. Стенки ямы 9/2 близки к отвесу, с южной стороны основания её бортов слег-

[79] Лепной – 2, белоглиняной – 41, красноглиняной – 77 (из них 3 фрагмента с примесью дресвы), краснолощёной – 3.

[80] Относительно уровня материкового дна ямы 9/2.

ка подкопаны, и здесь для них характерен небольшой отрицательный наклон. Дно уплощено, его уровень слегка повышается при приближении к бортам. Глубина ямы – 131 см.

Основной объём изученной части ямы 9/2 заполнен серым слоистым суглинком с включениями комков светлого материкового грунта и древесных углей. Он прослежен от уровня материкового дна до уровня врезки позднейшей ямы 3/2. Его мощность – до 40 см. Со стороны западного борта в этот основной грунт заполнения вклинен язык переотложенного материкового стерильного суглинка мощностью до 26–28 см. Другая прослойка светлого переотложенного материкового грунта, мощностью до 45 см, перекрывала материковое дно у основания южного борта ямы с восточной стороны. В слое серого слоистого суглинка обнаружены фрагменты керамики: лепной – 36, белоглиняной – 62, красноглиняной – 96, ангобированной – 1, а также фрагменты костей животных (87 экз.) и птиц (2 экз.), мелкие камни, небольшие фрагменты печины, не образующие скоплений (рис. 91Б, *4–13*). Индивидуальные находки: фрагмент железного черенкового ножа, железный строительный гвоздь, красноглиняное биконическое слегка подлощённое пряслице (рис. 91Б, *1–3*).

Комплекс № 6 также вошёл на изученный участок частично и раскопан не полностью. Это овальная в плане средневековая яма 2/3, выявленная с уровня дна позднейшей ямы 1/3 (рис. 92А). Последняя перерезала вошедшие в раскоп остатки средневекового углубления по всей площади и на значительную глубину (до 80 см). По стреляным винтовочным гильзам времён Великой Отечественной войны, обнаруженным в ней вместе с разнообразным мусором (остатками полуистлевших досок, фрагментами красных кирпичей, осколками оконного стекла, железными тянутыми гвоздями), она датирована серединой XX в.

Размеры средневековой ямы 2/3 по уровню верхних кромок её сохранившейся придонной части – 220×110 см. Придонные части стенок – наклонны[81]. Глубина уплощенного с уклоном в южном направлении дна – 88 см. Сохранившаяся часть ямы заполнена рыхлым, насыщенным керамикой и костями угленасыщенным грунтом мощностью 5–15 см. В нём обнаружены фрагменты керамики: белоглиняной – 57, красноглиняной – 82 (из них 11 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), краснолощёной – 3, а также фрагменты костей животных (105 экз.), птиц (6 экз.) и рыб (11 экз.), мелкие камни, печина (рис. 92Б, *1–13*). Находки: фрагмент лезвия железного ножа, железная лировидная пряжка, затыльник от рукоятки ножа из рога, фрагмент пастового плосковыпуклого перстня из бирюзового стекла[82] (рис. 92Б, *14–16, 18*).

Большая часть материкового дна ямы и основание её западного борта перекрыты плотным гумусированным тёмно-серым суглинком мощностью до 5 см. В нём обнаружены фрагменты керамики: белоглиняной – 12, красноглиняной – 4 (из них 2 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), а также 3 фрагмента костей животных, железная скоба с уплощенной соединительной планкой (рис. 92Б, *17*).

С ямой 2/3, очевидно, можно связать значительную часть средневековых находок, происходящих из заполнения перерезающей её ямы 1/3 советского времени. В яме 1/3 обнаружены фрагменты керамики: лепной – 1, белоглиняной – 85, красноглиняной – 166 (из них 12 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), краснолощёной – 16, а также фрагменты костей животных (247 экз.) (рис. 93А, *8–25*). Индивидуальные находки представлены железной дужкой от цилиндрического замка, небольшим маловыразительным фрагментом костяного кочедыка, фрагментом донца красноглиняного сосуда с клеймом (рис. 93А, *2, 5, 7*). В просевшем в западину ямы 1/3 тёмно-коричневом суглинке горизонта огородной распашки обнаружены железный плоский черешковый с упором ромбовидный наконечник стрелы[83] (рис. 93А, *1*), цилиндрический железный со следами обмеднения замок (с утраченными дужкой и нижней частью большого цилиндра с ключевым отверстием) (рис.93А, *4*), фрагмент железного черенкового ножа (рис. 93А, *3*), серебряная денга конца правления Василия Тёмного с изображением двух звёздочек и розетки в точечном ободке на лицевой стороне и пятилепесткового цветка на оборотной (*Орешников,* 1896. С. 126. № 672) (рис. 93А, *6*; приложение 1, № 9).

[81] Прослежены на высоту до 15 см.

[82] Подобные украшения изготавливали в г. Болгаре в середине XIV – начале XV вв. (*Полубояринова,* 2006. С. 154)

[83] Тип 40 по классификации А.Ф. Медведева (1966. С. 64–65).

О функциональном назначении ямы 2/3 судить затруднительно. Однако по сочетанию размеров, форме придонной части, глубине, характеру придонного заполнения она близка к уже описанным сооружениям, атрибутированным как подпечные ямы.

Комплекс № 7 – небольшая овальная в плане яма 10/1 размером 70×90 см и глубиной 26–28 см (рис. 93Б). Её дно неровное, округлое, стенки наклонные. Сверху яму перекрывала прослойка розоватого (обожжённого) однородного переотложенного материкового суглинка мощностью 10 см (без находок). Прослойка подстилалась углистой линзой (толщиной до 5 см), выходящей на дневную поверхность пятна ямы вблизи верхних кромок её бортов. В грунте линзы обнаружены осколки керамики: лепной – 1, красноглиняной – 8 (из них 1 – с примесью дресвы), белоглиняной – 4, а также фрагменты костей животных (79 экз.), птиц (3 экз.) и рыб (несколько маловыразительных экземпляров), шесть небольших аморфных плиток местного песчаника, шесть небольших фрагментов печины, два фрагмента красноглиняных сосудов с зелёной поливой. Материковое дно ямы перекрывал бурый переотложенный материковый суглинок (без находок) мощностью до 13 см. Яма 10/1 могла служить для захоронения отходов. Перекрывающий её планировочный грунт прокалён, вероятно, из-за пожара или в результате разведения большого костра.

Комплекс № 8 состоит из совокупности небольших неглубоких ям (№ 4/3, 6/3, 8/3) и одной короткой канавки (№ 9), занимающих компактную, трапециевидную в плане площадку (3×(1–2) м), примыкающую к остаткам протяжённой частокольной ограды, обозначенной канавкой 8 (рис. 94А). Незначительная часть комплекса осталась неисследованной из-за корневых систем растущих деревьев.

Яма 8/3 среди перечисленных углублений занимает центральное положение. Она аморфная в плане, её неглубокое дно неровное, а наклонные стенки местами плохо выражены. Размеры ямы – 100×120 см, глубина – 8–16 см. В заполняющем её однородном жёлтом слегка обожжённом суглинке обнаружены фрагменты керамики: белоглиняной – 3, красноглиняной гладкой – 46 (из них 9 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), а также фрагменты костей животных (121 экз.) и рыб (3 экз.), небольшие камни, крошка печины, железный стержень квадратного сечения с расширением на одном конце длиной 90 мм (рис. 94Б, 1).

Яма 6/3 имеет угловато-округлые очертания, наклонные стенки, неровное дно. Её размеры – 40×50 см, глубина – 13 см. В заполняющем её жёлтом обожжённом суглинке обнаружены фрагменты керамики: лепной – 1, белоглиняной – 4, красноглиняной – 9 (из них 4 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), краснолощёной – 2, а также фрагменты костей животных (9 экз.) и рыб (2 экз.), небольшие камни, крошка печины.

Яма 4/3 характеризуется неправильной округлой формой, неровным дном и наклонными стенками. Её размеры – 40×50 см, глубина – 9 см. Она также заполнена жёлтым обожжённым суглинком. В ней обнаружены четыре фрагмента красноглиняной керамики, шесть костей, небольшой фрагмент печины и железный черенковый нож с «горбатой» спинкой (рис. 94Б, *2*).

Канавка 9 вытянута на 2 м. В плане она образует слабо изогнутую дугу, ориентированную приблизительно по линии азимута 130°. С канавкой 8, к которой близко подходит своим северо-западным окончанием, она образует острый угол. Её ширина – 18–24 см, глубина – 4–25 см, дно неровное, стенки наклонные. Сверху её углубление перекрыто просевшей в западину прослойкой рыхлого угленасыщенного грунта с массовыми включениями костей. В ней обнаружены фрагменты керамики: лепной – 2, белоглиняной – 5, краснолощёной – 2, красноглиняной – 17 (из них 2 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), ангобированной с росписью – 1, а также фрагменты костей рыб (38 экз.), небольшие камни, крошка печины. Индивидуальные находки: фрагмент рукоятки железного пластинчатого ножа с бронзовой заклёпкой и отпечатками деревянных обкладок по обеим сторонам, железный гвоздь-костыль, костяная обкладка рукоятки пластинчатого ножа (рис. 94Б, *3–5*).

Основной объём канавки заполнен переотложенным материковым суглинком без каких-либо включений.

С комплексом № 8 планиграфически связано рассеянное скопление индивидуальных находок, выявленное при разборке 3 пласта. Его ареал выходил за пределы площадки, к которой тяготеют описанные выше ямы и канавки. Находки концентрировались с внешней юго-западной

стороны канавки 9, где под слоем огородной распашки сохранились непотревоженные культурные напластования. Непереотложенный культурный слой представлен прерывистой (из-за распашки) чёрной углистой прослойкой мощностью до 4 см. Прослойка перекрывала западину канавки 9 и простиралась к югу и юго-западу от неё. Находки из этой прослойки, обнаруженные за пределами рассматриваемого комплекса, но в непосредственной близости от него (на расстоянии менее 1 м), представлены двумя фрагментами от одного железного пластинчатого ножа; деформированным (согнутым в дугу) фрагментом железного черенкового ножа; тремя деталями от корпусов железных замков типа Е середины XV–XVI вв. (*Колчин,* 1959. С. 84); железным строительным гвоздём; бронзовой прямоугольной пластинкой (12×42×0,5 мм), согнутой под прямым углом; совокупностью отходов железообработки в виде двух железных пластинок (одна из них – массивная, с неровными обрубленными зубилом краями), двух стержней (один – неопределённого сечения крюкообразно изогнут, другой – уплощенный с прямоугольным сечением), восемью железосодержащими шлаками с размерами до 60×20×20 мм (Рис. 94Б, *6–16*). Другие находки из этого скопления были обнаружены в перекрывающем слое огородной распашки. Среди них: один пластинчатый нож с утраченной рукояткой и два черенковый ножа с обломанными концами лезвий; один миниатюрный (длиной 45 мм) железный черенковый нож; хирургический цельнометаллический нож с частично сохранившимся лезвием (*Колчин,* 1959. С. 56); два фрагмента от корпусов железных замков типа Е; железный плоский черешковый с упором ромбовидный наконечник стрелы типа 40 по А.Ф. Медведеву (*Медведев,* 1966. С. 64–65); железный рыболовный крючок; железный язычок от пряжки; железная подпружная пряжка с полукруглой тордированной рамкой; железный строительный гвоздь; два железных гвоздя-костыля; железная скоба с уплощенной соединительной планкой; железный черенок от ножа; медная анэпиграфная монета с равноконечным крестом на одной стороне и с крестообразной фигурой из двух перекрещенных овалов на другой (весом 1,01 гр.) (приложение 1, № 26); поясная бронзовая посеребрённая бляха с петлёй, криновидным рельефным щитком и двумя крепёжными штифтами; костяная игла; фрагмент костяной муфты от рукоятки ножа; четыре рыболовных керамических грузила; три пряслица, выточенных из стенок красноглиняного (1 экз.) и краснолощёного (2 экз.) сосудов; два осколка клеймёных днищ от красноглиняных сосудов; фрагмент стенки поливного сосуда. Среди перечисленного, преимущественно бытового, инвентаря выделяются отходы железообрабатывающего производства в виде железных стержней (длиной 26–62 мм), уплощенных с прямоугольным (7 экз.), неопределённым (2 экз.) или трапециевидным (1 экз.) сечением. Один из них на конце имеет отчётливые следы обработки зубилом.

Комплекс № 7, скорее всего, можно определить как площадку, служившую для захоронения бытовых и производственных (связанных с железообработкой) отходов. С одной стороны она примыкала к внутренней стороне усадебного частокола, с другой, вероятно, была очерчена лёгким частокольным ограждением. После разрушения последнего, очевидно, начался эрозионный размыв скопившейся толщи отходов, что привело к их частичному переносу в соответствии с направлением общего уклона материка в юго-западном направлении.

Другие сооружения, исследованные на раскопанном участке, разделяются на частокольные канавки и отдельные столбовые ямы, в расположении которых сложно распознать определённую закономерность.

Канавка 1[84] вошла на раскопанный участок частично (рис. 29Б). Она делится на два отрезка, соединённых друг с другом под прямым углом. Северный отрезок длиной 2,4 м линейно вытянут с северо-запада (от кромки южного борта ямы 1В/1) на юго-восток по линии азимута 135°. Южный отрезок на раскопанную площадку вошёл не полностью (на длину 6,7 м). Перед соединением с северным отрезком (за 2,5 м от точки примыкания) южный меняет направление на 25° к северу, образуя тупой угол. Ширина канавки – 26–32 см, глубина – 11–31см. Её стенки почти отвесны, дно уплощено. Дно канавки перерезано пятью овалообразными в плане столбовыми ямами с уплощенными днищами и отвесными стенками (ямы 3/1, 4/1, 5/1, 9/3, 10/3) [85].

[84] Нумерация канавок сквозная для всех трёх раскопов.

[85] Их размеры – (22–36)×(30–50) см, глубина относительно дна канавки – 9–17 см, а относительно уровня непотревоженного материка – 33–42 см.

Вдоль канавки они распределены равномерно (приблизительно через 1,3–1,5 м). Все ямы, за исключением одной, как и основной объём канавки, заполнены переотложенным материковым суглинком с включением порошкообразного мелкораспылённого древесного тлена. Две ямы на северном отрезке канавки смещены относительно её продольной линии в северо-восточном направлении.

В нескольких местах канавка 1 перекрыта линзами просевшего в её западину жёлтого обожжённого суглинка. С его грунтом связана основная масса находок. В заполнении канавки обнаружены фрагменты керамики: лепной – 1, белоглиняной – 38, краснолощёной – 5, красноглиняной – 110 (из них 1 – с примесью дресвы), ангобированной с росписью – 1, а также фрагменты костей животных (57 экз.) и птиц (2 экз.), небольшие камни, крошка печины. Индивидуальные находки: фрагмент каменного грузила из белого мергеля и пряслице, выточенное из стенки краснолощёного сосуда (рис. 123, *4*; 128, *10*).

В яме 4/1 обнаружены фрагменты керамики (белоглиняной – 11, краснолощёной – 1, красноглиняной – 28), осколки костей животных (36 экз.).

В яме 5/1 обнаружены фрагменты керамики (белоглиняной - 5, краснолощёной – 1, красноглиняной – 18), осколки костей животных (44 экз.).

В яме 9/3 обнаружены фрагменты керамики (лепной – 3, белоглиняной – 3, красноглиняной – 12, ангобированной – 1), небольшие камни, крошка печины.

В ямах 3/1 и 10/3 какие-либо находки не обнаружены.

Перерезающие дно канавки равноудалённые друг от друга столбовые ямы напоминают следы ограждения типа заплота, состоящего из опорных столбов и врезанных в их пазы горизонтальных пластин. Вместе с тем, внимательное рассмотрение их расположения относительно продольной оси канавки обнаруживает, что некоторые её отрезки, соединяющие отдельные пары ям, не линейны, а угловаты, что не позволило бы осуществить установку между ними нижней горизонтальной пластины. Поэтому остаётся предполагать, что связанный с канавкой частокол либо был усилен врытыми через определённое расстояние более мощными столбами, либо был проложен по линии более раннего столбового ограждения.

Канавка 2 слегка дугообразна, вытянута по линии азимута 130° (рис. 29Б). Её длина – 2,6 м, ширина – 18–25 см, глубина – 5–14 см, стенки слегка наклонны, дно уплощено. С северо-западной стороны канавка оканчивается овалообразной столбовой ямой (№ 13/1) размером 44×50 см. Центр ямы приурочен к продольной оси канавки, стенки её слегка наклонны, а округлое дно заглублено относительно дна канавки на 8 см[86]. Яма (как и основной объём канавки 2) заполнена рыхловатым переотложенным материковым суглинком с включением мелкораспылённого древесного тлена.

В заполнении канавки обнаружены фрагменты керамики: белоглиняной – 5, красноглиняной – 20, а также фрагменты костей животных (154 экз.), небольшие по размерам камни, крошка печины. Большая часть включений приурочена к линзам жёлтого обожженного суглинка, зафиксированным на западной периферии канавки вблизи уровня её материковых кромок.

Канавка 3 состоит из двух отрезков соединённых друг с другом под прямым углом (рис. 9В*, 29Б). Южный отрезок длиной 0,8 м ориентирован по линии азимута 125°. Протяжённость северного – 6,7 м. На большей части своей длины он линейно вытянут по азимуту 30° и только в 60 см от северного конца меняет направление на строго меридиональное. Ширина канавки – 17–24 см, глубина – 8–22 см, стенки почти отвесны, дно уплощенно. С северной стороны она завершается столбовой ямой (№ 8/2) овальной формы размером 39×44 см. Её глубина 23 см, дно уплощено, стенки слегка наклонны. Столбовая яма заполнена бурым мелкораспылённым древесным тленом, непрерывно переходившим на восточной периферии в переотложенный материковый суглинок. Единственная обнаруженная в ней находка – железное кольцо от конских удил (рис. 108–*13*).

К середине северного отрезка канавки с восточной стороны примыкает прямоугольный приямок с почти отвесными стенками и уплощенным дном. Его размеры – 40×80 см. В грунте заполнения какая-либо граница, отделяющая его от канавки, не зафиксирована. Глубина приямка – 34 см, над уровнем дна канавки его уплощенное дно возвышается на 7 см. Заполнение при-

[86] Относительно уровня непотревоженного материка глубина ямы 18 см.

ямка (мало чем отличное от заполнения канавки) перекрыто тонкой (толщиной до 4 см) углисто-золистой линзой. При разборке заполнения было отмечено, что вблизи дна оно насыщено крошкой местного известняка. В приямке обнаружены фрагменты керамики: белоглиняной – 7, красноглиняной – 4, а также два осколка костей животных и несколько небольших плиток местного песчаника.

Основной объём канавки заполнен переотложенным материковым суглинком, насыщенным мелкораспылённым древесным тленом. Её дно и борта перекрыты прослойкой стерильного переотложенного материкового грунта. В заполнении обнаружены маловыразительные фрагменты керамики: лепной – 2, белоглиняной – 7, красноглиняной – 21, а также фрагменты костей животных (77 экз.) и железный неопределённый предмет в виде желобчатого стержня (рис. 113, *13*)[87].

После зачистки пятна канавки 3 было установлено, что она перерезает канавку 5.

Канавка 4 вошла на раскопанный участок только своей западной периферией (на длину 5,5 м) (рис. 29Б). Она вытянута почти линейно по азимуту 110°–115°. Её ширина – 20–30 см, глубина – 11–25 см, стенки отвесные, дно уплощенное, заполнение представляет собой переотложенный материковый суглинок с мелкораспылённым древесным тленом. С юго-восточной стороны заполнение канавки перекрыто прослойкой жёлтого обожжённого суглинка. В канавке обнаружены маловыразительные фрагменты керамики: лепной – 1, белоглиняной – 13, краснолощёной – 19, красноглиняной – 114 (из них 4 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), а также фрагменты костей животных (90 экз.) и рыб (1 экз.), крошка печины, небольшие камни. Среди находок – фрагмент стенки белоглиняного сосуда из запесоченного теста, покрытого односторонней прозрачной зелёной поливой и украшенного подглазурным орнаментальным пояском из отпечатков фигурного штампа (рис. 159, *16*).

С западной стороны канавка 4 завершается двумя почти параллельными разновременными отрезками. Один из них (северный, обозначенный как канавка 4`) отличается более углубленным корытообразным дном и несколько иной ориентировкой (вдоль азимута 125°). Другим отрезком он перерезан по южному борту и, очевидно, представляет собой остатки наиболее раннего сооружения, что указывает на переустановку частокольного ограждения.

В наиболее раннем северном отрезке канавки обнаружен развал красноглиняного приземистого горшка с редкой примесью мелкозернистого песка в тесте (рис. 143, 1; табл. 29, № 26; тип 2.5). Его короткий вертикально поставленный венчик переходит в выпуклое плечико через отчётливый уступ.

Канавка 5 состоит из двух отрезков, соединённых под прямым углом (рис. 29Б). Северный отрезок – слегка дугообразно выгнут и ориентирован по линии азимута 300°. Его длина – 3,1 м. Южный отрезок длиной 1,4 м линейно вытянут вдоль азимута 215°. Ширина канавки – 12–30 см, глубина – 9–17 см. Её борта почти отвесны, дно уплощенно. Заполнение (в виде переотложенного материкового грунта, насыщенного мелкораспылённым древесным тленом) на западной периферии перекрыто рыхлой линзообразной углистой прослойкой мощностью до 3 см. В канавке обнаружены маловыразительные фрагменты керамики: белоглиняной – 2, красноглиняной – 23 (из них 2 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), ангобированной – 1, а также фрагменты костей животных (105 экз.) и птиц (3 экз.), печина и аморфные плитки местного песчаника.

Канавка 5 перерезана канавкой 3.

Канавка 6, как и канавка 5, разделяется на два разнонаправленных участка, соединённых друг с другом под прямым углом. Северный участок длиной 2,5 м линейно вытянут по азимуту 305°. Его характерная ширина – 30 см, глубина – 12–16 см. На середине длины северного участка с южной его стороны имеется полукруглое расширение диаметром 40 см, напоминающее следы от массивного столба, вкопанного с некоторым отступом от продольной линии канавки. Южный участок протяжённостью 1,2 м от точки соединения с северным участком вытянут в юго-западном направлении вдоль линии азимута 215°. Его ширина – 20 см, глубина – 12–16 см. Место соединения участков заметно расширено, верхняя кромка северного борта канавки в этом месте имеет подтреугольный выступ размером 60×60 см.

[87] Находка напоминает фитильную трубку.

Стенки канавки отвесные, дно плоское, заполнение – переотложенный материковый суглинок с мелкораспылённым древесным тленом. В ней обнаружены маловыразительные фрагменты керамики: лепной – 12, белоглиняной – 13, красноглиняной – 20 (из них 1 – с примесью дресвы), а также фрагменты костей животных (42 экз.) и рыб (2 экз.), небольшие камни, печина.

В верхней части заполнения обнаружены осколок донца красноглиняного сосуда с зелёной поливой (рис. 159, *23*) и серебряная монета. Нумизматическая находка представляет собой денгу Василия II, отчеканенную в промежутке между 1434 и 1446 гг., с изображением скачущего всадника, поражающего копьём змея в раскрытую пасть, на одной стороне, и с пятистрочной надписью с именем эмитента на другой (*Орешников,* 1896. С. 104. № 555) (приложение 1, № 1).

С южной стороны канавка завершается округлой столбовой ямой № 9/1 диаметром 54 см, глубиной 33 см с уплощенным дном и слегка наклонными стенками. При зачистке пятна ямы по уровню бровок канавки прочиталось округлая в плане скопление коричневатого мелкораспылённого древесного тлена (диаметром 16 см), оставшееся, очевидно, от врытого столба. С западной стороны, при приближении к бровке берегового обрыва, глубина канавки постепенно уменьшалась, а у самой бровки уровень верхней кромки её бортов почти соответствовал уровню дна.

Канавка 7 по ширине, глубине и протяжённости заметно отличается от других подобных следов частокольных ограждений. Для неё характерны небольшая ширина (20 см), незначительная глубина (в пределах 5–15 см) и малая протяжённость (2,4 м). Она вытянута по линии азимута 110°. Стенки канавки отвесны, дно плоское. Заполнение – переотложенный материковый грунт с мелкораспылённым древесным тленом. Канавку перекрывала прослойка развала глинобитной печи мощностью 2–3 см. В канавке обнаружены осколок лепного сосуда и фрагмент стенки от красноглиняного горшка.

Данное углубление могло остаться, скорее всего, от лёгкого внутриусадебного ограждения. Возможно, оно переходило в столбовую загородку, отмеченную небольшими столбовыми ямами 11/1 и 12/1.

Канавка 8 – самая протяжённая. Она прослежена на длину 12,3 м и на раскопанную площадку вошла не полностью. Её направление плавно менялось с северо-восточного на юго-восточное[88]. С восточной стороны канавку перерезала яма советского периода (№ 1/3) и, судя по плану материковых углублений, канавка 8 либо заканчивалась в пределах этого перекопа, либо меняла направление и продолжалась уже за его восточной границей (и за пределами раскопанного участка). Окончание канавки, возможно, было отмечено столбовой ямой 5/3, придонная часть которой[89] сохранилась ниже уровня дна советской ямы 1/3.

Несколько локальных участков канавки 8 были перекрыты корнями растущих деревьев и остались не изученными. Её ширина – 18–26 см, глубина – 29–35 см, стенки почти отвесны, дно плоское. На небольшом участке дна, прослежена материковая полка, вытянутая вдоль бортов. Скорее всего, это следы переустановки связанного с канавкой ограждения. Заполнение канавки перекрывала прослойка жёлтого обожжённого суглинка мощностью до 8 см. Основной грунт заполнения представлял собой переотложенный материковый суглинок с мелкораспылённым древесным тленом.

Представление о деревянных элементах частокольного ограждения, связанного с канавкой 8, можно получить по находке обугленной нижней части одного из вертикально врытых в неё столбов. Глубина его установки – 18 см относительно уровня непотревоженного материка, диаметр – 17 см, порода дерева – ель[90]. Наиболее вероятный хронологический диапазон порубочной даты по двум из трёх образцов угля, взятых из разных частей сохранившегося основания столба и подвергнутых радиоуглеродному датированию, соответствует промежутку 1431–1488 гг. (табл. 23)[91].

[88] На западной половине раскопа один её отрезок (длиной 6 м) вытянут по линии азимута 65°, второй отрезок (1,3 м), пересекающий центральную часть раскопанной площадки, ориентирован по азимуту 90°, и третий отрезок (5 м), заходящий на восточную периферию изученного участка, направлен вдоль азимута 110°.

[89] Овальной формы с размерами 30×44 см.

[90] По определению сотрудницы Института географии РАН д.г.н. А.А. Гольевой.

[91] Радиоуглеродное датирование трёх образцов углей выполнены под руководством В.В. Скрипкина в Киевской радиоуглеродной

В канавке обнаружены фрагменты керамики: лепной – 5, белоглиняной – 18, краснолощёной – 16, красноглиняной – 134 (из них 12 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), ангобированной – 1, ангобированной с росписью – 3, а также фрагменты костей животных и рыб (7 экз.), небольшие по размерам камни, печина. На одном фрагменте стенки красноглиняного сосуда с тонким тестом обнаружены следы граффити в виде трёх процарапанных лучей, расходящихся из одного центра (рис. 128, *28*). Другие находки представлены двумя осколками днищ от красноглиняных сосудов со следами клеймения[92] и уплощенной каплевидной вставкой из синего полупрозрачного стекла (рис. 119, *19*).

Для отдельных, не связанных с канавками, столбовых ям (№ 6/1, 7/1, 11/1, 12/1, 6/2, 7/2, 12/2, 7/3) характерны отвесные стенки и уплощенные днища. Одна из них (№ 7/2) имеет округлое дно. На придонной поверхности ещё одной (№ 7/1) расчищен приступок, край которого очерчивал основное округлое в плане углубление диаметром 40 см. Размеры поперечников большей части столбовых ям в пределах 22–35 см, глубина – 11–37 см. По габаритам выделяются ямы 7/1 и 7/3. Размеры каждой из них по 40×60 см, глубина 31см и 65 см соответственно. Характер грунта заполнения (жёлтый обожжённый суглинок) не обычен у ямы 7/1. Заполнение остальных представляет собой переотложенный материковый суглинок с включением мелкораспылённого древесного тлена. На поверхности пятна ямы 7/3 зафиксированы остатки некогда врытого в неё столба в виде округлого в плане[93] коричневатого выцвета, образованного мелкораспылённым древесным тленом. Находки из столбовых ям представлены редкими маловыразительными осколками гончарной посуды и костями животных (табл. 20).

Как уже отмечалось, кроме средневековых комплексов на раскопанную площадку вошло несколько ям советского времени. Кроме двух наиболее объёмных (№ 1/3 и 3/2), упомянутых при описании пострадавших от них средневековых сооружений (комплексов 6 и 5), к двадцатому столетию отнесены ещё четыре небольших углубления (ямы 4/2, 4`/2, 11/2, 3/3). Их позднейшая датировка определена по массовым включениям в заполнение современного мусора.

Реконструкция планировки раскопанного участка может быть проведена с известной долей осторожности, так как размеры раскопанной площади относительно не велики. Вместе с тем, концентрация сооружений со сравнительно небольшим сроком функционирования и присутствие следов частокольных оград позволяют наметить ряд характерных черт вскрытой планировочной структуры.

Изучение планиграфии раскопанного участка не оставляет сомнений в усадебном характере застройки. Для её завершающего этапа можно предполагать присутствие остатков сооружений трёх различных усадебных комплексов. Два из них (усадьбы А и Б) разграничены частокольной оградой, прослеживаемой по канавкам 3 и 6. Третья (усадьба В) от первых двух отделена уличным проездом. Последний образован двумя рядами параллельных ограждений (с одной стороны – частоколом, обозначенным канавкой 8, с другой – канавками 1 и 4). С усадьбой А связаны комплексы № 1, 4, столбовые ямы 7/1, 7/2 и, вероятно, канавка 2. Объекты, относящиеся к усадьбе Б: комплексы № 2, 3, 5, 7, столбовые ямы 6/2, 12/1, 11/2, 12/2, канавка 7. Сооружения усадьбы В представлены комплексами № 6 и 8.

Объекты, раскопанные на усадьбе А, предположительно можно связать с остатками двух жилых срубных построек. Следы их фундаментных конструкций зафиксировать не удалось. Они отапливались глинобитными печами, поставленными над подпечными ямами. Изучение стратиграфических разрезов этих углублений, которые, помимо прочего, очевидно,служили и для захоронения кухонных отходов, показало, что связанные с ними сооружения неоднократно перестраивались или подновлялись.

Сложно однозначно судить о характере профессиональных занятий местных жителей. Многочисленные отходы железообработки, кузнечные шлаки, обнаруженные в черте усадьбы В, могут указывать на профессию по крайней мере одного её обитателя. Находки предметов

лаборатории государственного научного центра радиохимии окружающей среды национальной Академии наук и Министерства чрезвычайных ситуаций Украины.

[92] Изображение одного клейма – двухзаходная спираль в круге (рис. 149, *14*).

[93] Диаметром 26 см.

вооружения, редкие образцы мелкой христианской пластики, железные стили свидетельствуют о достаточно высоком социальном статусе хозяев двух других усадебных комплексов.

Неким фокусом вскрытого фрагмента планировочной структуры является небольшая подтреугольная площадка, образованная поворотом уличного проезда (отмеченная столбовыми ямами 6/1 и 7/3) (рис. 29Б). Этот участок улицы расширен изменением направлений частоколов, определяемых канавками 1, 2 и 8. С северо-западной стороны от него начинался частокол, разделявший усадьбы А и Б, с северо-востока – отходил оборудованный двумя короткими параллельными загородками[94] коридорообразный, образующий «карман» в сплошной линии уличных частоколов – вход на усадьбу А. Его ширина (1,7 м) соответствует среднему значению расстояния между верейными столбами въездов в усадьбы Великого Новгорода (см.: *Сорокин,* 1998. С. 262). Он огибал юго-восточный угол постройки, от которой сохранилась только подземная часть в виде совокупности образующих общий котлован ям 1А/1, 1Б/1, 1В/1.

Уличный проезд прослежен в длину на 13 м. Его ширина соответствовала 1,7–2,3 м. Западная периферия проезда ориентирована почти параллельно бровке берегового обрыва, восточная – направлена в сторону перешейка мыса и, вероятно, к выезду из городища.

Периодизация и датировка вскрытого фрагмента застройки представляет особый интерес. Наличие пересечения двух частокольных канавок, хронологические наблюдения, сделанные при рассмотрении комплексов находок из крупных материковых ям, расположение последних относительно разновременных ограждений – всё это определённо указывает на историческое развитие планировки вскрытого участка поселения.

Несколько схематизируя и упрощая реальную ситуацию, большинство изученных материковых ям в соответствии со временем начала их заполнения можно соотнести с двумя строительными периодами (табл. 18). Главными «хроноиндикаторами» при этом служат монетные находки и мера встречаемости (доля) образцов белоглиняной посуды.

Если значение памятников нумизматики для датировки археологических объектов достаточно очевидно, то роль белоглиняной керамики для хронологической дифференциации нижегородских комплексов конца XIV – начала XVI вв. требует обоснования.

В XIII–XIV вв. на памятниках нижегородской округи посуда из беложгущейся глины встречается очень редко. Её доля в керамических наборах этого времени, как правило, не превышает 0,5% (*Грибов*, 2006. С. 81. Табл. 5). Особенности профилировки, орнаментации, рецептуры теста наиболее ранних белоглиняных сосудов из Городца-на-Волге, Нижнего Новгорода и подгородных селищ указывают на их привозное происхождение из Мурома, Рязанской земли или из областей Верхней Волги и Валдая (*Грибов,* 2009. С. 328). В районе, тяготеющим к устью р. Оки, керамика в это время изготавливалась из разных сортов красножгущегося сырья. В Москве распространение белоглиняной посуды[95] начинается только с рубежа XV–XVI в. (*Коваль,* 2001. С. 100). Вторая волна столичной моды на «белую» посуду приурочена к середине – второй половине XVI в. (*Коваль,* 2005. С. 253), когда московский рынок заполонили горшки стандартной профилировки с тонким тестом и короткими вертикальными венчиками с полосками линейного орнамента. Наиболее ранние образцы таких изделий, датируемые XIV – первой половиной XV вв., происходят из г. Коломны и памятников её окрестностей, что стало причиной их объединения в группу «керамики коломенского типа» (*Коваль,* 2005. С. 251). Претерпев незначительные морфологические изменения эта посуда легко узнаваемого характерного облика во второй половине XVI–XVII вв. стала массовым явлением не только в Москве, но и во многих других русских городах, в том числе и в Нижнем Новгороде (*Грибов,* 1996. С. 13–14). Таким образом, массовое проникновение этом посуды в дома нижегородцев произошло в промежутке от рубежа XIV–XV вв. до середины XVI–XVII вв. Следовательно, частота встречаемости осколков белоглиняной посуды в местных комплексах XV – первой половины XVI вв. может служить определённым критерием при разработке их относительной хронологии. Это априорное заключение подтверждается выявленной при изучении шести сооружений Городка зависимостью встречаемости белоглиняной керамики от стратиграфического положения соответствующего горизонта заполнения: доля фрагментов

[94] Обозначенными канавкой 2, северным отрезком канавки 1 и, вероятно, ямой 7/1.

[95] Белоглиняной грубой или МБК–1.

сосудов из беложгущейся глины с переходом к более углублённым (и более ранним) отложениям либо существенно не изменяется (у ям 1Б/1, 1/2), либо уменьшается (у ям 1А/1, 1В/1, 2/1, 2/2), но никогда сколько-нибудь заметно не увеличивается с глубиной. Это наблюдение выявляет тенденцию постепенного внедрения белоглиняной посуды в быт нижегородцев, происходившего единовременно с хождением монет последнего периода чеканки Василия II и монет Ивана III.

К первому строительному периоду относятся ямы 1А/1, 1В/1, 2/1, 2/2. Между разными горизонтами их заполнения фиксируется определённая хронологическая дистанция: для нижних придонных слоёв характерен дефицит относительно поздней белоглиняной керамики (0,2–5,9%) и наличие серебряных денег Василия Тёмного при отсутствии монет Ивана III (табл. 18). Последние обнаружены только в верхних горизонтах со значительным содержанием (14–40,5%) осколков белоглиняной посуды.

Второй строительный период определяют ямы 1Б/1, 1/2, 9/2, 2/3. Их придонные напластования содержат много осколков белоглиняной посуды (20 – 40%), а в комплексах с датируемыми монетными находками присутствуют исключительно денги Ивана III.

На момент начала заполнения котлованов первого периода можно предполагать отсутствие сооружений, связанных с ямами 1/2, 9/2, 2/3. В течение формирования их нижних горизонтов яма 1Б/1 либо не заполнялась, либо ещё не была откопана. На изученном участке усадьбы А в это время, вероятно, существовала только одна жилая постройка (с подземной частью в виде котлована, образованного ямами 1А/1, 1Б/1, 1В/1). Территория усадьбы с северо-западной стороны была ограничена частоколом, отмеченным канавкой 5. Он существенно расширял участок уличного проезда в месте его поворота и, вероятно, наряду с северным отрезком ограды, обозначенным канавкой 1, определял проход на усадьбу. На усадьбе Б в этот первый период, скорее всего, единовременно функционировали две поставленные над ямами глинобитные печи, разделённые лёгким ограждением (канавкой 7). На северной периферии усадьбы В в это время могло существовать только одно сооружение, связанное с комплексом № 8[96].

Во второй строительный период количество построек возрастает. К территории усадьбы А с северо-западной стороны, к самой бровке берегового обрыва, пригораживается незастроенный ранее участок, где возводится новое сооружение[97]; определяется граница усадьбы А с территорией смежной усадьбы Б[98]. Площадка на повороте уличного проезда ограничивается новым частоколом (канавка 2). На раскопанной части усадьбы Б продолжает функционировать только одна печь (над ямой 2/1), подпечное углубление другой (яма 2/2) перекрывается планировочным грунтом. У кромки берегового обрыва начинает формироваться заполнение ямы 9/2 (комплекс № 5). Ещё одно сооружение, обозначенное ямой 2/3 (комплекс № 6), появляется в это время на территории усадьбы В.

Начальный этап строительной истории раскопанного участка памятника, с опорой на нумизматический материал, можно датировать временем конца правления Василия Тёмного, то есть в пределах периода второй половины 40 – начала 60-х гг. XV в., а завершающий, по отсутствию типов, чеканенных после 1505 г., – ограничить началом XVI в.

ШУРФ 2 (2004 г.)

Как уже отмечалось, первый шурф и раскопы 2003–2004 гг. располагались на одной небольшой площадке, единственно доступной для проведения сколько-нибудь масштабных археологических работ. Именно по контуру этого компактного участка, отгороженного забором от современной застройки, первоначально были проведены границы памятника. Вместе с тем, распространение подъёмного материала по мысовым склонам и положение остатков земляных укреплений (на плане середины XIX в.) указывали на то, что памятник может занимать существенно большую территорию, включающую в себя всю верхнюю площадку мыса, а не только

[96] Суммарная доля белоглиняной посуды в заполнении его материковых углублений всего около 6%.

[97] Предположительно, наземного жилого сруба с подпольной ямой (комплекс № 4).

[98] В виде частокольного ограждения (канавки 3 и 6).

её северо-западную периферию. С целью проверки этого предположения был заложен второй шурф, удалённый от раскопов 1–3 на значительное расстояние.

Шурф 2 был разбит на середине длины бровки юго-западного берегового склона мыса, вблизи обрыва, на узком пространстве между небольшим выступом абриса кромки берегового откоса и бетонным ограждением бывшей базы Главного управления благоустройства г. Горького. Он располагался в 48 м к юго-юго-востоку от юго-восточного угла площадки раскопов 1–3 и в 60 м к северо-западу от перешейка мыса.

Координатные оси шурфа были ориентированы точно по сторонам света, при нивелировке использовался нулевой репер единый с раскопами 1–3, соответствующий отметке 149,0 м в Балтийской системе высот. Первоначально шурф имел форму правильного прямоугольника (4×2 м), вытянутого по линии запад-восток. После прирезки его площадь возросла до 15 кв.м. Дневная поверхность шурфа перед началом земляных работ была задернована, её уклон в юго-западном направлении ограничивался перепадом в 65 см. Как и на других объектах, на шурфе 2 грунт снимался пластами, толщиной по 10 см, параллельно дневной поверхности до материка.

Вскрытые шурфом напластования разделяются на три горизонта (рис. 95А, 95Б).

Верхний горизонт, перекрывающий всю раскопанную площадь сразу под дёрном, сложен крапчатым переотложенным материковым суглинком, насыщенным мелкими комками серого гумусированного грунта. Его мощность заметно нарастала от бровки берегового склона в восточном направлении (от 2 до 45 см). В нём обнаружены многочисленные материалы XX в.: осколки бутылочного и оконного стекла, посуды из фарфора и фаянса; фрагменты керамических красноглиняных с прозрачной поливой сосудов; железные тянутые гвозди; бронзовая воинская эмблема в виде красноармейской звёздочки времён Великой Отечественной войны; монеты советской чеканки[99]. Среди включений представлены и средневековые находки: железный, напоминающий заготовку, уплощенный стержень прямоугольного сечения (3×7 мм) длиной 33 мм (рис. 96, *2*); фрагмент лезвия железного ножа (неустановимого типа) (рис. 96, *1*); железный шип от шпоры в виде стержня с гранёной головкой на конце (рис. 96, *3*); железная овальная пряжка с утраченным язычком (рис. 96, *5*); осколок от стенки красноглиняного сосуда с зелёной поливой; фрагмент пряслица из местного мергеля (рис. 96, *4*). Верхний горизонт можно охарактеризовать как позднейший планировочный грунт, которым в 60–70-х гг. XX в. выравнивалась площадка мыса перед сооружением объектов базы городского Управления благоустройства. С ним связана одна небольшая, частично вошедшая в шурф, яма 4. Она откопана с уровня верхней границы непотревоженного средневекового слоя и заполнена крапчатым суглинком.

Средний горизонт образован прерывистой стерильной прослойкой однородного коричневого суглинка мощностью от 4 до 27 см[100]. Какие-либо находки в нём не обнаружены. Можно предположить, что он отложился в результате плоскостной эрозии, как делювий, после завершения функционирования средневекового поселения.

Нижний горизонт, перекрывающий стерильный белесоватый предматерик, соответствует непотревоженному культурному слою средневекового памятника. Он состоит из чёрного угленасыщенного рыхлого грунта с многочисленными включениями костей животных и рыб, рыбной чешуи, фрагментов красноглиняной и белоглиняной гончарной керамической посуды, небольших камней со следами обожжения. Его мощность нарастает в юго-западном направлении, при приближении к кромке берегового обрыва, от 2 до 40 см (характерное значение 10–20 см).

Средневековый слой неоднороден. Его пронизывают многочисленные линзы жёлтого обожжённого суглинка и локальные прослойки древесных углей (без костей и осколков керамики). Одно из наиболее протяжённых включений светлого обожжённого суглинка (мощностью до 10 см) было зафиксировано на верхней поверхности слоя. Другое – вклинено в его толщу. Отдельные небольшие (размером порядка 20×30 см) участки верхней поверхности этой аморфной в плане линзы были прокалены до красного цвета и утраты пластичности. Её мощность – до 24 см. По характеру находок и их концентрации чёрный углистый грунт и обожженный су-

[99] 3 копейки 1937 г., 15 копеек 1941 г., 1 и 10 копеек 1961 г., 1 копейка 1963 г.

[100] С характерным значением 18–20 см.

глинок схожи друг с другом. В прослойках жёлтого обожженного грунта обнаружены многочисленные, со следами воздействия высокой температуры, кости животных и рыб, осколки красноглиняной и белоглиняной средневековой посуды.

Керамический комплекс нижнего горизонта включает в себя около 1600 осколков посудной керамики. В нём представлены образцы всех основных технологических групп, встреченных на раскопах 1–3, за исключением одной – «карбонизированной» с преднамеренным восстановительным обжигом. Как и в коллекции, собранной при изучении северо-западной периферии памятника, здесь также преобладают осколки сосудов из красножгущейся глины без ангоба и лощения, изготовленные как правило из запесоченного теста (78%) (табл. 21). Разнообразие встреченных форм венчиков типично для комплексов раскопов 1–3. Так же, как и там, характерными особенностями красноглиняных сосудов являются невысокая шейка, короткие венчики, наличие уступа при переходе шейки в плечико, редкая орнаментация в виде пояска из частых параллельных полосок, нанесённых на верхнюю половину тулова. Форму одного сосуда удалось реконструировать. Это небольшой неорнаментированный низкий горшок усечено-конического облика (H/D= 0,76) из запесоченного теста с редкой примесью дресвы (рис. 98, *1*; табл. 29, № 32; тип 3.3). Его вертикально поставленный венчик с ложбинкой по краевому обрезу переходит в высокое узкие плечики через короткий горизонтальный участок («карнизик») и уступ («ребро»). Отдельный интерес представляет крупный фрагмент горловины красноглиняной корчаги (рис. 96, *12*).

Второе место по встречаемости в керамическом комплексе шурфа 2 занимают фрагменты посуды из беложгущейся глины (14%). Среди них численно преобладают фрагменты горшков коломенского типа, «скрученные» из сырья без заметных примесей (рис. 99, *35, 36*; 100, *7*). Белоглиняная посуда с запесоченным тестом представлена крупными осколками тонкостенных горшков со слегка отогнутыми венчиками без краевых утолщений (рис. 100, *5, 6, 17*). Шейка и верхняя часть плечика одного из них украшена волнистой линией (рис. 100, *8*). Небольшим количеством, как правило, маловыразительных фрагментов представлена лепная (4%), ангобированная (0,4%), краснолощёная (4%) и красноглиняная с зелёной поливой (< 0,1%) посуда.

С нижним горизонтом связаны находки: два железных черенковых ножа и один фрагмент железного пластинчатого ножа; два фрагмента железных скоб; железный строительный гвоздь; железный крюк – «кошка»[101]; массивная железная трапециевидная пластина (с размерами 77×67×5 мм); железный изогнутый стержень прямоугольного сечения (8×(5–7) мм); небольшой костяной брусок (21×10×9 мм) неясного предназначения с остатками тонкой железной пластины, вставленный в узкий пропиленный паз, скреплённый двумя железными штифтами; две кольцеобразных муфты из рога (без следов обработки поверхности; заготовки?); фрагмент обоймы от рукоятки ножа из рога; семигранная, выструганная из трубчатой кости рукоятка ножа; точильный камень; кресальный кремень; кремневый отщеп; осколок днища красноглиняного сосуда с зелёной поливой; два фрагмента днищ от белоглиняных сосудов с клеймами[102] (рис. 97). Остеологический материал, собранный при разборке средневекового культурного слоя, насчитывает 1750 фрагментов костей животных, птиц и рыб.

Попавшие в шурф средневековые сооружения, представлены тремя материковыми ямами (рис. 95В).

Яма 1 – наиболее значительная по размерам. Зафиксирована с уровня верхней поверхности стерильной белесоватой предматериковой прослойки. По форме верхних кромок она напоминала неправильную, с угловатым контуром, широтно вытянутую фигуру, расширяющуюся в западном направлении. Бровка её восточного борта имела подпрямоугольный выступ (60×100 см). Стенки ямы почти отвесны. На уплощенном дне у основания западного борта расчищены два округлых в плане приямка[103].

---

[101] Используемый, вероятно, для вытаскивания рыболовных сетей (*Даркевич,* 1974. С. 67, рис. 45, 4. С. 49, рис.28, 13).

[102] Одно в виде диагонально перечёркнутого квадрата, другое – «колесо со спицами» (рис. 99, *33, 34*).

[103] С неровными днищами и наклонными стенками; их размеры 50×40 см и 45×35 см, глубина каждого относительно уровня материкового дна ямы 1 – 8–9 см.

Яму перекрывал пёстрый грунт развала глинобитной печи[104] мощностью до 44 см. С увеличением глубины он становился более однородным и без отчётливой границы переходил в заполнение ямы. В нём (выше уровня материковых бортов ямы) обнаружена деформированная фрагментированная проволочная бронзовая безбусинная серьга в виде знака вопроса с длинным стержнем, на котором сохранились следы тонкопроволочной обмотки (рис. 100, *4*). Основной объём рассматриваемого углубления заполнен переотложенным материковым суглинком с включением крупных комков розоватого обожжённого грунта и печины. В заполнении обнаружены фрагменты керамики (рис. 100, *5–17*): лепной – 4, белоглиняной – 64, красноглиняной – 146 (из них 7 – с примесью дресвы или крупнозернистого песка), краснолощёной – 10, а также кости животных (353 экз.), птиц (17 экз.) и рыб (40 экз.), небольшие камни, печина. Находки: фрагмент рукоятки железного пластинчатого ножа с двумя железными штифтами (рис. 100, *2*); железный стержень прямоугольного сечения (6×9 мм) длиной 65 мм (рис. 100, *1*); фрагмент костяной иглы с ушком (рис.100, *3*); небольшая часть горловины поливного керамического сосуда с декоративным налепным валиком (рис. 100, *10*).

Два других, вошедших в шурф, углубления можно охарактеризовать как столбовые ямы. Врезка ямы 2 зафиксирована в нижней части средневекового культурного слоя (вблизи поверхности предматерика), ямы 3 – с уровня предматерика.

Яма 2 – овальной формы с отвесными стенками и неровным дном. Её размеры – 36×31 см, глубина – 48 см. В заполняющем переотложенном материковом суглинке обнаружены 3 маловыразительных фрагмента красноглиняной и 1 фрагмент краснолощёной посуды, 12 костей (из них 10 – рыбных), рыбная чешуя.

Яму 3 также отличают овалообразный контур и почти отвесные стенки. Её дно округло, заполнение – светлый переотложенный предматериковый суглинок с редкими включениями мелких древесных углей. Размеры ямы – 35×40 см, глубина – 22 см. В заполнении обнаружены маловыразительные фрагменты керамики: красноглиняной – 5, краснолощёной – 1, 12 костей (из них 3 – рыбных), 6 небольших камней известкового туфа.

Судя по близкому взаимному расположению, ямы 1–3, вероятно, входили в состав единой конструкции, связанной с глинобитной печью, поставленной на опечке над неглубокой подпечной ямой (ямой 1).

Опираясь на отличительные черты керамической коллекции, присутствие в ней редких, но специфических групп и типов, их сочетание с характерным вещевым материалом[105], вскрытые в шурфе средневековые напластования и сооружения можно датировать временем существования средневековой застройки, вскрытой на раскопах 1–3.

Как уже отмечалось, под непотревоженным средневековым культурным слоем в месте заложения шурфа 2 сохранился стерильный светло-серый предматериковый грунт, соответствующий слабо гумусированному переходному горизонту (A1A2) погребённой почвы. Его мощность – 8–10 см. Под ним лежал бурый четвертичный суглинок, описанный как материк при раскопках на северо-западной периферии памятника.

[104] Линзообразная прослойка слегка обожжённой, не утратившей пластичности, коричневатой глины, насыщенной крошкой печины.

[105] Таким как бронзовая проволочная серьга в виде знака вопроса, фрагмент пластинчатого железного ножа.

ГЛАВА 3

ПОСЕЛЕНЦЫ НИЖЕГОРОДСКОГО ПРЕДМЕСТЬЯ В ЗЕРКАЛЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

§ 1. ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ

Первые раскопки на Городке позволили собрать представительную археологическую коллекцию. Её особая ценность в том, что она даёт представление о материальной культуре нижегородцев в наименее освещённый письменными источниками период, приблизительно соответствующий промежутку между «мамотяковщиной» (1445 г.) и осадой Нижнего Новгорода войсками мятежного казанского хана Мухаммеда-Эмина (1505 г.). Археологические сборы состоят не только из артефактов, но включают в себя и палеоэкологические материалы. Их изучение позволяет наметить основные направления хозяйственной деятельности жителей Городка, сделать выводы о присутствии среди них представителей определённых социальных групп.

Совокупность всех обнаруженных на памятнике индивидуальных находок[1], без учёта осколков поливной посуды (66 экз.), гончарных клейм (47 экз.) и реконструированных керамических сосудов (42 экз.), состоит из 552 единиц[2].

По материалу изготовления собранный инвентарь подразделяется следующим образом (табл. III). Преобладают предметы из чёрного металла (56%). Большая часть других групп (из цветного металла, камня, керамики, кости и рога) представлена близкими долями (от 7,1 до 14,3%). Крайне редки стеклянные изделия (их доля – 1%).

Таблица III. Распределение индивидуальных находок по материалу изготовления

МАТЕРИАЛ	КОЛИЧЕСТВО НАХОДОК	
	шт.	%
Железо	309	56,0
Цветной металл	79	14,3
Камень	65	11,8
Керамика	54	9,8
Кость и рог	39	7,1
Стекло	6	1,0
ВСЕГО	552	100

Предметы из ***железа*** (309 ед.) функционально охватывают самые разные сферы деятельности местных насельников (табл. 2, рис. 101–117). Наиболее распространённый бытовой инвентарь представлен многочисленными целыми и фрагментированными черенковыми и пластинчатыми ножами. К повседневному бытовому инвентарю относятся шило, швейная игла, кресала, обломок каркаса от ножен. С оборудованием жилищ и построек связаны дверные пробои, фрагмент дверной накладки, ключи, многочисленные обломки замков, светец, обойные гвозди. К редким образцам металлической посуды относятся два осколка привозных толстостенных чугунных котлов. С производством продуктов питания связаны сельскохозяйственные орудия

[1] За период с 1992 по 2009 гг.

[2] Основу коллекции составляют находки из раскопов 1–3 (521 экз.). При проведении шурфовочных работ найдено 27 предметов – два в шурфе 1 и двадцать пять в шурфе 2. Ещё четыре находки обнаружены при осмотрах территории памятника.

(косы) и рыболовные снасти – крючки, острога, а также крюк-кошка, служивший для вытягивания рыболовных сетей при подлёдном лове. Отрасли домашнего производства представлены ткачеством (по находке булавки-спицы от ткацкого стана) и деревообработкой (по находкам обломков топоров, пилы, столярных ножей). Как следы специализированного производства (металлообработки) можно интерпретировать обнаружение фрагмента зубила, многочисленных кузнечных отходов – прокованных уплощенных стержней, пластин с обрубленными краями, железосодержащих шлаков. С домостроительством связаны многочисленные кованные гвозди и скобы, с военным делом – шпора, обломок сабельной полосы, наконечники стрел, ременная гарнитура в виде пряжек и отдельных язычков от них, седельные пробои, хирургический нож. К письменным принадлежностям относятся три железных стиля-писала. Помимо легко определимого инвентаря встречены железные предметы широкого (универсального) или неопределённого назначения. Это кольца[3], обломки неопределимых предметов, одно орудие в виде длинного приостренного на одном конце стержня, функциональное назначение которого однозначно выяснить не удалось.

Менее разнообразен инвентарь из ***цветных металлов*** (79 предметов) (табл. 3; рис. 118; 119, *1–15*; 120, *1–10*). Почти половина соответствующих находок – это серебряные и медные монеты (32 экз.), свидетельствующие об активности местного денежного обращения. Значительная часть предметов из бронзы представляют собой украшения, детали причёски и одежды. Это височные кольца, височная подвеска, серьги в виде знака вопроса, обломок браслета, перстни, привески-бубенчики, пряжка, поясные обоймы, поясное кольцо, накладки, булавки. К предметам личного туалета относится набор из трёх копоушек с рукоятками, нанизанными на подвижное колечко. Разнообразны предметы личного благочестия. К ним относятся нательные кресты, створка от креста-энколпиона, один целый двухстворчатый крест-мощевик, иконка-привеска. От живописных икон сохранились два небольших фрагмента серебряных окладов. Бытовые предметы из цветных металлов редки. Это маловыразительные фрагменты медной посуды, свёрнутая из бронзового листа рукоятка ножа. Единственный обнаруженный на памятнике небольшой свинцовый грузик, судя по небольшим размерам и весу, мог входить в состав рыболовного инвентаря. Небольшое количество находок может быть связано с металлообработкой. К ним относятся две небольшие бронзовые пластины, стержнеобразный бронзовый слиток, обломок бронзовой проволоки. Функцию одного предмета однозначно определить не удалось. Это небольшое бронзовое колечко, небрежно свёрнутое из тонкой проволоки.

Входящие в коллекцию ***каменные изделия*** (65 экз.) изготовлены преимущественно из местных пород[4] (табл. 5, рис. 123–125). Это точильные бруски, рыболовные грузила, пряслица, обломки жерновов от ручных мельниц, кресальные кремни, составляющие вместе 90% находок из камня. О местном производстве каменных грузиков для веретён свидетельствует одна непросверленная заготовка. К привозным изделиям относятся каменная бусина, оселки и, вероятно, некоторые кресальные кремни из лилового, нехарактерного для местных карбонатных пород, просвечивающего камня. К изделиям предшествующих эпох относятся кремневое орудие (перфоратор) и кремневый отщеп. Их можно трактовать и как следы древнейшего освоения площадки памятника, и как заготовки кресальных кремней, специально принесённых на городище уже в средневековье[5].

Основной массив предметов из ***обожжённой глины*** (54 экз.) составляют пряслица и рыболовные грузила, образующие 80% всех керамических изделий без учёта посудной керамики (табл. 7, рис. 126–128). К редкой категории гончарной продукции относятся детские игрушки. Об их ассортименте можно судить по небольшим фрагментам свистулек, погремушек, фигурок. Среди единичных экземпляров встречены фрагмент кирпича, черепок красноглиняного сосуда с граффити, печина с отпечатками ткани, осколок привозной поливной бусины из кашина.

[3] Некоторые из них, возможно, служили рамками от пряжек, другие могли использоваться в качестве подвижных колечек в пробоях.

[4] Среди них особую популярность имели позднепалеозойские (пермские) пестроцветные мергели и аргиллиты, песчаник, известковый туф, моренный кремень.

[5] В качестве кресальных кремней зафиксировано вторичное использование каменных орудий на отщепах эпохи камня или бронзы.

Более половины (59%) всех находок из ***кости и рога*** (всего 39 экз.) представлены различными элементами оснастки ножей, вырезанных в основном из лосиного рога (табл. 4; рис. 120, *11, 12*; 121; 122)[6]. Это массивные односоставные рукоятки и накладки от рукояток, обоймы и затыльники. К повседневным бытовым предметам относятся костяные иглы, игольник, кочедыки, выточенное на токарном станке пряслице. Предметы христианского культа представлены иконкой-привеской и небольшим крестом-мощевиком. Две находки определены как фрагменты охотничного наконечника стрелы-томара. О распространённости игры в бабки свидетельствует игральная кость в виде астрагала козы с просверленным отверстием. Предметы личного туалета представлены рукояткой копоушки. Два предмета определены как заготовки. Они связаны с оснасткой рукояток инструментов. Функциональную принадлежность двух фрагментированных изделий выяснить не удалось. Одно из них представляет собой небольшого брусок из лосиного рога с узким пропилом, в котором двумя штифтами закреплёна частично сохранившаяся тонкая железная пластинка[7]. Второе неопределённое изделие – часть округлой достаточно толстой пластины из лосиного рога с полированной боковой поверхностью (рис. 122, *10*)[8]. Вид сырья, используемого косторезами, обнаруживает тесную взаимосвязь с функциями изделий (см. приложение 2). Самым популярным материалом служил лосиный рог.

Все встреченные ***стеклянные изделия*** (6 экз.) относятся к украшениям (табл. 6; рис. 119, *16–22*). Это фрагменты браслетов, осколок перстня, буса-привеска, вставка, фрагмент бусины.

По функциональной принадлежности вещевой материал обнаруживает широкое разнообразие, свойственное, скорее, городским поселениям, нежели сельским. По основным функциям его можно разделить на 26 групп (табл. 1). Среди них, помимо обычных широко распространённых категорий, присутствуют такие как элементы снаряжения верхового коня и всадника, письменные принадлежности, хирургические инструменты, предметы христианского культа, монеты.

Описание находок в настоящей главе построено по функциональному принципу. Предполагалось, что такой порядок подачи материала должен максимально способствовать формированию у читателя наиболее целостного представления о занятиях местных насельников, особенностях их быта, внешнего облика – всего того, что может помочь в установлении социального статуса рассматриваемого поселения. Инвентарь разделён на семь функциональных групп, выделенных, скорее, по значимости и массовости тех или иных категорий, нежели по формально-логическим основаниям. Он рассматривается без дифференциации по исследованным объектам.

В описаниях находок приведены буквенно-цифровые обозначения паспортов вещей. Для инвентаря, обнаруженного в шурфах и раскопах, они состоят из трёх позиций, разделённых дефисами. Первая позиция начинается с литер «Р» (раскоп) или «Ш» (шурф), указывающих на объект исследования. В случае обнаружения находки в сооружении – яме (Я) или канавке (К), вторая позиция начинается с соответствующего буквенного обозначения. Если находка происходит из грунта, разобранного по пластам, вторая позиция представляет собой цифровое обозначение номера пласта. Третья позиция отражает либо обозначение квадрата по научному отчёту (для пластовых находок), либо обозначение слоя (по тексту настоящей монографии) – для находок из материковых ям[9]. Предметы, собранные на дневной поверхности памятника (в виде подъёмного материала), обозначены двумя буквами (ПМ) и цифрой, отражающей год находки, например: ПМ-2003.

Находки, обнаруженные в линзах «просевшего» в западины материковых ям тёмно-коричневого суглинка, приписанные в научных отчётах к соответствующим углублениям, благодаря известным нивелировочным отметкам, разнесены по пластам перекрывающего их грунта.

---

[6] Идентификация сырья предметов из кости и рога выполнена в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН старшим научным сотрудником, к.б.н. Антипиной Е.Е. (см. приложение 2).

[7] Возможно, это фрагмент футляра от расчёски (рис. 122, *12*).

[8] Изделие напоминает затыльник рукоятки ножа, но размеры сохранившегося фрагмента для однозначной атрибуции слишком малы.

[9] Паспорт пластовой находки: номер раскопа (Р) или шурфа (Ш) – пласт – квадрат. Запись Р1-3-4 означает: раскоп 1, пласт 3, квадрат 4. Паспорт находки из ямы или канавки: номер раскопа (Р) или шурфа (Ш) – номер ямы (Я) или канавки (К) по отчёту – номер слоя. Например, запись Р1-Я1А-3 расшифровывается следующим образом: раскоп 1, яма 1А (1А/1 по тексту), слой 3.

§ 2. ПРЕДМЕТНЫЙ МИР ПОВСЕДНЕВНОГО ОБИХОДА И ОСНОВНЫЕ СФЕРЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

БЫТОВОЙ ИНВЕНТАРЬ

К повседневным, обычным для каждой средневековой усадьбы предметам, востребованность которых слабо зависела от характера деятельности и социального статуса владельцев, можно отнести: 1) универсальные (ножи, шилья, иглы и проч.) и деревообрабатывающие инструменты, широко распространённые в условиях лесной зоны, а также связанные с ними оснастку и вспомогательные, поддерживающие их работоспособность орудия и футляры для хранения; 2) средства разжигания огня; 3) элементы оборудования жилищ и всевозможный крепёжный инвентарь; 4) кухонную утварь; 5) игорный инвентарь и детские игрушки.

Железные ножи (75 экз.) преобладают среди домашних инструментов. Целые экземпляры и изделия с незначительными утратами представлены 32 единицами. Многие находки – это обломки клинков (17 экз.) и черенков (7 экз.). Довольно значительна доля фрагментированных изделий с утраченными рабочими концами и с частично сохранившимися черенками (19 экз.).

В нестратифицированном слое огородной распашки на раскопах 1–3 обнаружено 28 ножей и их обломков[10]. Ещё два экземпляра (Р3-3-7 (2 экз.)) найдены в чёрной углистой надматериковой прослойке, представляющей собой частично сохранившийся под распашкой непотревоженный культурный слой памятника. Из материковых ям, вскрытых на этой же площадке, происходят 39 ножей и их фрагментов[11], одна находка (Р3-К9) – из заполнения частокольной канавки. В шурфе 2 обломок ножа обнаружен в позднейшем планировочном грунте (Ш2-3-2А), ещё один – в средневековой материковой яме (Ш2-Я1) и три экземпляра – в непотревоженном культурном слое (Ш2-4-2А (2 экз.), Ш2-5-1).

По характеру рукоятки ножи разделяются на три группы – черенковые[12], пластинчатые[13] и цельнометаллические. Определение принадлежности к той или иной группе удалось провести для 62 предметов. В рассматриваемой коллекции преобладают черенковые ножи и их обломки (66% – 41 экз.); вдвое меньшим количеством представлены изделия с пластинчатой основой рукоятки (32% – 20 экз.), и только у одного инструмента ручка была откована вместе с клинком (1% – 1 экз.).

По углу между продольными осями клинка и черена большую часть *черенковых ножей* (33 экз.) можно распределить на две подгруппы.

В первую входят изделия с почти соосной ориентацией клинка и черенка, у которых соответствующий угол не превышает 6º (26 экз. – 79%) (например, см.: рис. 101, *1, 3, 6–14, 16, 18*). Среди них численно преобладают ножи, традиционно определяемые как универсальные хозяйственные или кухонно-столовые[14] (19 экз.). Их клинки отличаются прямыми спинками, иногда слабо опускающимися у острия[15] (рис. 101, *16*). Переход клинка в черенок по верхнему краю у всех встреченных экземпляров оформлен в виде чёткой (в 13 случаях из 19) или пологой ступеньки. Клинки имеют длину от 70 до 140 мм (по 9 экз.), их максимальная ширина колеблется от 11 до 21 мм[16]. Для местных универсально-бытовых черенковых ножей характерны неширокие клинки[17] с достаточно толстыми обушками (со средней толщиной 3,9 мм) и удлинённые черенки[18].

---

[10] Их паспорта: Р1-1-5, Р1-1-8, Р1-2-4А, Р1-2-10, Р1-2-10Б, Р1-3-2А (2 экз.), Р1-3-4А, Р1-3-5Г, Р1-3-5А, Р1-5-1А, Р2-2-2, Р2-2-4 (2 экз.), Р3-3-1, Р2-3-4, Р3-3-3 (2 экз.), Р3-3-5, Р3-3-7 (2 экз.), Р3-3-8 (4 экз.), Р3-5-9, Р3-6-9, Р3-9-10.

[11] Их паспорта: Р1-Я1А-1а, Р1-Я1А-2 (4 экз.), Р1-Я1В-1б, Р1-Я1В-2, Р1-Я2-1 (3 экз.), Р1-Я2-2б (2 экз.), Р1-Я2-2, Р1-Я2-3 (8 экз.), Р2-Я1-1, Р2-Я1-1а, Р2-Я1-1б, Р2-Я1-2 (6 экз.), Р2-Я2-1, Р2-Я2-3 (4 экз.), Р2-Я2-4а, Р2-Я9, Р3-Я2-1, Р3-Я4.

[12] Оснащённые односоставными рукоятками.

[13] С накладной рукояткой , по С.Д. Захарову (2004. С. 201).

[14] См.: *Колчин,* 1959. С. 56; Культура Биляра, 1985. С. 56–57; *Савченкова,* 1996. С. 28; *Двуреченский,* 2004. С. 40–41; *Захаров,* 2004. С. 201.

[15] Здесь и ниже используется терминология, предложенная С.Д. Захаровым при описании ножей древнерусского г. Белоозеро (см.: 2004. Рис. 155).

[16] Среднее значение этого параметра по обмерам 19 экземпляров – 16 мм.

[17] С отношением длины к ширине, близким к 0,18 (при разбросе от 0,13 до 0,22 для 9 экз.).

[18] Средняя величина отношения длины клинка к размерам черена соответствует 2,0 (от 1,6 до 2,3 для 6 экз.).

По морфологическим признакам к универсально-бытовым инструментам примыкает миниатюрный нож длиной 45 мм, с размером клинка 30 мм. Он имеет прямую спинку с пологим верхним переходом к черенку, его дугообразное лезвие совершенно не сточено и сохранилось в прекрасном состоянии (рис. 102, *18*). Изделия таких небольших размеров изредка встречаются на древнерусских и болгарских памятниках, их назначение достоверно не определено (см.: *Гайдуков,* 1992а. С. 145, рис. 54, *3, 4*; *Руденко,* 2001а. С. 49)[19].

К специальным ножам можно отнести три изделия с поднимающейся на концах спинкой (рис. 102, *15–17*). У единственного целого экземпляра такой разновидности кончик лезвия заметно обужен и приострен, а на середине длины клинка линия спинки имеет отчётливый уступ (рис. 102, *17*). Отдельные авторы определяют такие узколезвийные ножи, как косторезные (Культура Биляра, 1985. С. 57; *Захаров,* 2004. С. 202). Другой вариант черенковых изделий с соосной ориентацией клинка и черенка напоминает ножи для кроя кожи (сапожные). Он представлен тремя экземплярами со слегка расширенным лезвием (с пропорцией клинка 0,20–0,24), достаточно круто изогнутым к острию (рис. 102, *2, 3, 5*). Одно целиком сохранившееся изделие имеет короткий узкий черенок (отношение длины клинка к длине черенка для него достигает 4,2, см.: рис. 102, *3*). Ножи сходной морфологии, но с более длинным череном встречены при раскопках Романова двора в Москве в комплексах первой и второй половины XVI в. (Археология Романова двора, 2009. С. 341, рис. 95, *6, 9, 11*).

Вторая подгруппа черенковых ножей объединяет изделия, предназначенные для обработки дерева. Это столярные ножи, определяемые по характерному отгибу клинка от продольной оси черенка на угол в пределах 6–15º (рис. 4–8). Два инструмента отличаются плавно опускающейся («горбатой») спинкой (рис. 102, *1, 4*), пять других – прямой (рис. 101, *19*; 102, *6–8, 11*). Основные габариты наиболее сохранившихся экземпляров приведены в табл. 8.

Большая часть определимых черенковых ножей (20 из 26) типологически тяготеют к раннесредневековым ножам скандинавского происхождения IV группы по Р.С. Минасяну (1980. С. 72, 73). Ещё 6 экземпляров поровну (по 3 экз.) распределяются между группами II и III (*Минасян,* 1980. С. 69–72).

Восемь обломков черенковых ножей соотнести с каким-либо известным типом не удалось, три из них представляют собой отломанные черенки.

Пластинчатые ножи сохранились, как правило, со значительными утратами (рис. 103). Реконструкция облика этих инструментов, проведённая по многочисленным и достаточно выразительным фрагментам, свидетельствует, скорее всего, об их принадлежности к одному типу. Для клинков характерна прямая спинка, слегка приспущенная на конце, приостренном и со стороны режущей кромки. От пластинчатого черена, расширяющегося по нижнему краю к окончанию рукоятки, клинок отделён пологим уступом только с одной нижней стороны. Пластинчатые ножи по длине лезвий напоминают черенковые (измерены у трёх экземпляров – 90, 110 и 140 мм). От последних их отличают несколько более узкие и тонкие клинки: их средняя ширина соответствует 14 мм[20], а толщина обушка колеблется в пределах 2,5–3,5 мм. Для прикрепления обкладок под штифты на черенах высверлены отверстия (обычно четыре). В 6 случаях (рис. 103, *1, 2, 5, 17, 19, 20*) сохранившиеся штифты представляли собой обрезки железного дрота круглого сечения диаметром по 2–3 мм и длиной до 10 мм. У четырёх изделий штифтами служили полые бронзовые трубки (рис. 103, *14–15, 18*)[21]. На трёх фрагментах пластинчатых черенков с остатками крепежа в виде бронзовых трубок (Р3-К9, Р2-Я1-2, Р3-3-7) сохранились остатки деревянных рукояток толщиной по 6–7 мм. Один обломок с двумя железными штифтами (Ш2-Я1) имел следы костяных обкладок. Единственный целиком сохранившийся пластинчатый черенок[22] имеет длину около 100 мм (рис. 103, *15*).

[19] Одни исследователи связывают их с каким-то специализированным производством (*Колчин,* 1959, С. 56), другие предлагают рассматривать в качестве детских игрушек (*Тропин,* 2004. С. 167). Наиболее аргументировано мнение Е.П. Казакова, предложившего рассматривать миниатюрные ножи как специфически женский инвентарь (по материалам Танкеевского могильника IX–X вв., см.: *Казаков,* 1971. С. 102, табл. VI, *8, 10*; 1992. С. 77).

[20] При разбросе от 10 до 18 мм для 13 измерений.

[21] При этом на большей части длины рукоятки устанавливались трубки небольшого диаметра (1,5–1,8 мм), тогда как её расширенный конец (у двух изделий) скреплялся крупным трубчатым бронзовым штифтом диаметром 5–5,5 мм (рис. 103, *14, 15*).

[22] При извлечении из грунта распался на две части.

По сочетанию ряда признаков[23], характерные для памятника пластинчатые ножи близки к импортным западноевропейским ножам так называемого четвёртого типа. Последние хорошо известны по комплексам XVI в., изученным на посаде средневековой Москвы в Зарядье (*Беленькая, Розанова,* 1988. С. 19, рис. 1, *2, 9, 16*). Встречены они и в других районах русской столицы – в Кремле[24], на Романовом дворе[25], а также в Изборске[26], Твери[27], Чебоксарах[28], Казани[29], на верхнекамском Искорском городище[30]. Появление на Руси пластинчатых ножей, с отмеченными выше морфологическими особенностями, фиксируется по находкам из Великого Новгорода: на Нутном раскопе пластинчатый нож обнаружен в слое последней четверти XIV – начала XV вв. (в 12 пласте, соответствующему 6 и 7 ярусам (1377–1404 гг.)) (*Гайдуков,* 1992а. С. 145, рис. 54, *13*). При раскопках Нижнего Новгорода такие ножи также известны, но очень редки. Они встречены как на территории кремля (*Гусева,* А-1989. Рис. 89, *2*; *Лапшин,* А-2001. №п 373), так и на посаде (*Грибов,* А-1999. Рис. 150, *В*).

На Городке пластинчатые ножи обнаружены не только в нестратифицированном слое огородной распашки, но и в ряде комплексов с нумизматическим материалом. Так, они встречены в слоях 2 и 3 ямы 2/1 вместе монетами Василия II (чеканки около 1462 г. и 1450–1462 гг. соответственно), а в слое 2б ямы 2/1 и в слое 1 ямы 1/2 – вместе с монетами Ивана III.

Единственный *образец цельнометаллического ножа* происходит из переотложенного слоя огородной распашки. Его лезвие отковано из одной заготовки вместе с массивной рукояткой (рис. 104, *14*). Последняя имеет прямоугольное сечение (6×10 мм), её конец спирально подогнут (загнут вниз), в клинок она переходит без уступа по спинке. Тонкое (с толщиной обушка менее 3 мм) и узкое (шириной до 14 мм) лезвие инструмента сохранилось на длину 40 мм. Изделие изготовлено из кричного железа с последующей цементацией лезвия (качество ковки хорошее) (см. приложение 4, Ан. 12320, № 14). Один нож такого типа обнаружен в напластованиях первой половины XIV в. в Великом Новгороде. Б.А. Колчиным по этнографическим параллелям он определён как лекарский или хирургический, предназначенный для проведения ампутаций (*Колчин,* 1959. С. 56).

Особенности технологии изготовления обнаруженных на Городке ножей выяснены в результате металлографического исследования обломков от 36 изделий (см. приложение 4)[31]. Среди них доминировали образцы, изготовленные всего по двум технологическим схемам: целиком откованные из мягкого кричного железа и произведённые по технологии косой наварки стального лезвия на железную основу с последующей термообработкой. Частая встречаемость ножей из кричного железа, низкое качество сварки указывают на то, что большинство исследованных предметов вышло из рук мастеров-универсалов, обладавших невысокой квалификацией. У трёх изделий (Р1-3-5Г, Р1-2-10Б, Р3-5-9) выявлена своеобразная конструкция, предполагающая укрепление клинка наваркой дополнительной стальной пластины по спинке, что характерно для боевых ножей.

Оснастка ножей в единственном случае представлена *бронзовой рукояткой* (Р2-Я1-2), выполненной в виде бронзового листа, обвернутого вокруг железного черенка и скреплённого заклёпкой (рис. 119, *3*). В остальных случаях – это предметы из кости и рога. Они разделяются на односоставные массивные рукоятки черенковых ножей, обкладки от рукояток пластинчатых ножей, обоймы, затыльники и муфты.

---

[23] Таких как форма и пропорция клинка, наличие скошенного (пологого) уступа, отделяющего лезвие от черена, расширение черенка к концу рукоятки по нижнему краю, использование четырёх крепёжных штифтов.

[24] В горизонтах второй половины XIII – начала XV вв. и XIV – начала XVI вв. (*Колызин,* 2001. С. 95; рис. 36).

[25] В слоях первой половины XVI в. (Археология Романова двора…, 2009. С. 340, рис. 94, *2*).

[26] См.: *Артемьев,* 1998. Рис. 76, *1–3*.

[27] В комплексе первой половины – середины XVI в., см.: *Сыроватко, Черкасов,* 2010. С. 100, рис. 1, *3*.

[28] См.: *Краснов, Каховский,* 1978. С. 136, рис. 69, *3*.

[29] В слоях IV и III, соответствующих эпохе Золотой Орды и периоду Казанского ханства (*Ситдиков,* 2006а. Рис. 14, *7, 10;* 131, *4, 7*)

[30] В письменных источниках впервые упоминается в 1472 г. (*Макаров,* 2001. С. 25; 119, рис. 75, *8, 9*).

[31] Исследование выполнено в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН д.и.н. В.И. Завьяловым.

Односоставные рукоятки представлены тремя целыми экземплярами (Р2-Я1-2 (2 экз.), Ш2-5-2Б). Их длины: 75 мм, 90 мм и 113 мм. Они изготовлены из обрезков трубчатых костей (рис. 121, *17–19*). Для крепления клинковых частей внутри каждого изделия высверлены каналы; у одной рукоятки в канале сохранился обломанный конец железного черенка. Их навершия почти прямые, со сглаженными кромками, отверстия для крепления затыльников отсутствуют. Формы сечения разнообразны. У одного изделия сечение овалообразное, с уплощенным верхом и приостренным низом (22×14 мм), у другого – округлое (17×20 мм), у третьего – семигранное (16×18 мм). Семигранные рукоятки с прямыми навершиями известны по раскопкам Белоозера (*Захаров,* 2004. Рис. 239, *3*), Великого Новгорода (одно изделие происходит из напластований второй половины XIV в.: *Гайдуков,* 1992а. С. 164, рис. 73, *8, 9*), Твери (*Лапшин,* 2009. С. 368, рис. 118, *2*), Москвы (из напластований второй половины XVI в., см.: Археология Романова двора…, 2009. С. 398, рис. 152, *22*). Две рукоятки отличаются скупым линейным декором, небрежно прочерченным вдоль поперечного сечения. На рукоятке овалообразного сечения пояском из сдвоенных концентрических линий выделено навершие, а место примыкания клинка – узкой зоной из трёх концентрических полосок (рис. 121, *17*). Близкое по оформлению изделие найдено в напластованиях первой половины XVI в. на Романовом дворе в г. Москве (Археология Романова двора, 2009. С. 398, рис. 152, *26*). Второй декорированный предмет отмечен нанесённой посередине его длины едва заметной одинарной концентрической линией (рис. 121, *18*).

К *обкладкам рукояток ножей* можно причислить три находки (Р2-К9, Р2-Я2-(3, 2а), Р2-Я2-3). Целиком сохранилось одно изделие, представляющее собой продолговатую с двумя выступами по нижней стороне слегка расширяющуюся пластину трапециевидного сечения, шириной 12–15 мм и длиной 99 мм (рис. 121, *20*). Четыре сквозных отверстия для крепёжных штифтов располагаются по продольной его оси. Находка напоминает изделие, часть которого с таким же характерным концевым выступом по нижнему краю была обнаружена в слоях второй четверти – середины XV в. в Великом Новгороде (1425–1464 гг.: 2–3 ярусы Нутного раскопа, см: *Гайдуков,* 1992а. С. 164, рис. 73, *3*). Ещё две фрагментированные обкладки типологически близки друг другу (рис. 121, *21, 22*). Одна из них собрана из двух частей, происходящих из разных слоёв ямы 2/2 (рис. 121, *22*). Это узкая, трапециевидная в сечении пластина шириной 16 мм и толщиной 3 мм, с остроугольным слегка расширенным завершением, обломанная с одного конца. Её отполированная лицевая поверхность с двух сторон от продольной оси прочерчена широкими сдвоенными параллельными линиями. Три сохранившихся крепёжных отверстия (диаметром по 3 мм) располагаются на одной прямой, немного не совпадающей с продольной осью изделия. Атрибуция сходных по декору и габаритам изделий, происходящих из Никульчинского городища на р. Вятке, как накладок на лук (*Макаров,* 2001. С. 99) или колчан (*Макаров,* 2006. С. 139) представляется спорной[32].

Обоймы (4 экз.: Р2-Я2-1, Р2-Я1-2б, Р3-3-8, Ш2-5-1), укрепляющие переднюю часть рукояток ножей в месте перехода клинка в черенок, известны в археологической литературе под различными наименованиями[33]. Это овальные (рис. 121, *3, 6*) или семигранные (уплощенные вверху и приостренные внизу – рис. 121, *1, 2*) пластины с продолговатыми отверстиями, вырезанные из лосиного рога. Их размеры (15–20)×(12–15) мм, толщина – в пределах 5–7 мм. Они широко представлены на памятниках средневековой Руси, домонгольской Волжской Болгарии и Золотой Орды.

Затыльники рукояток ножей (10 экз.) по способу крепления разделяются на два типа. К первому относятся два изделия с центральным округлым отверстием (диаметром 5 мм), просверленным для установки крепёжного костяного гвоздя (Р1-3-5В, Р1-2-5В). Это овалообразная (с уплощенным верхом и приостренным низом) и семигранная пластины (рис. 121, *4, 5*). Их размеры – 18×15×7 мм и 13×10×4 мм соответственно. Боковая сторона овалообразного изделия украшена циркульным орнаментом. По форме и декору оно близко затыльнику, найденному

[32] Приводимые её автором, Л.Д. Макаровым, аналоги (см.: *Загорульский,* 1982. С. 222. Табл. XV, *3–7*; Культура Биляра, 1985. Табл. XLVII) далеки по стилистике от данных находок. Кроме того, они отличаются существенно более разреженным расположением крепёжных отверстий, что более соответствует креплению удлинённых колчанных накладок (длиною до 65 см (*Медведев,* 1966. С. 21)), нежели рукояток пластинчатых ножей.

[33] Их называют обоймицами (*Захаров,* 2004. С. 220), обоймицами или накладками (*Гайдуков,* 1992а. С. 101), прокладками или муфтами (*Закирова,* 1988. С. 222).

в напластованиях середины XI–XII вв. Ростова Великого (*Самойлович,* 2007а. С. 54, рис. 12, *18*). Второй тип объединяет затыльники без крепёжных отверстий, соединяемые с рукояткой при помощи клея[34]. Местонахождение большинства из них связано с заполнениями материковых ям (Р1-1-3, Р2-Я1-3, Р2-Я1-1б, Р3-1-6А, Р2-Я1-2б, Р2-Я1-3, Р2-Я1-2б, Р3-Я2-1). К данному типу отнесены восемь плосковыпуклых пластин, различных как по форме, так и по толщине. Четыре из них – продолговатые семигранники с размерами (18–24)×(13–14,5) мм. Их толщина – от 6 до 14 мм (рис. 121, *7, 9–11*). Ещё четыре – овалообразные пластины с уплощенным (рис. 121, *8, 12, 14*) или округлым (рис. 121, 13) верхом и приостренным низом. Их размеры – (13–24)×(12–19) мм и толщина – от 4 мм до 9 мм. Затыльники второго типа известны по материалам Переяславля Рязанского (*Судаков,* 1996. С. 164, рис. 2, *14–16*), Великого Новгорода (встречены в слоях последней четверти XIII – начала XIV вв. и конца XIV – начала XV вв. (*Гайдуков,* 1992а. С. 165, рис. 74, *5, 6*)).

К *муфтам* (2 экз.: Ш2-5-2А, Ш2-5-1), с некоторой долей условности, можно причислить два кольцеобразных спила диафиза кости крупного рогатого скота (рис. 121, *15*) и лосиного рога (рис. 121, *16*) без каких-либо следов обработки на боковых поверхностях. Это шайбы диаметром по 20 мм каждая и толщиной – 6–10 мм. Скорее всего, их можно интерпретировать как отходы производства или заготовки для муфт, служащих, по мнению некоторых авторов, в качестве крепёжного кольца-обоймы, надеваемой на конец деревянной рукоятки (*Лысенко,* 1985. С. 281). Подобные кольцеобразные муфты известны по раскопкам Переяславля Рязанского (*Судаков,* 1996. С. 164, рис. 2, *21*).

Для ношения ножей служили специальные футляры (ножны). Среди находок имеется небольшой ***фрагмент железной оправы от симметричных ножен***[35] в виде узкого стержня и приклёпанных к нему нескольких поперечных обручей (Р1-Я2-3; рис. 107, *8*). От изделия сохранилась лишь малая часть – навершие уплощенного опорного стержня с петлеобразной головкой с продетым в неё подвижным прямоугольным колечком. В опубликованных новгородских материалах имеются сведения о 14 оправах такого типа (*Варфоломеева,* 1994. С. 180–181). Наиболее ранние из них датируются концом XIII – самым началом XIV в. (1283–1303 гг.) , а остальные довольно равномерно заполняют хронологический промежуток от начала XIV до середины XV вв. (1313–1446 гг.). Находка из Городка обнаружена в комплексе с монетой Василия II, чеканенной в промежутке 1450–1462 гг.

Бытовые инструменты, кроме ножей, представлены железным шилом, костяными кочедыками, иглами.

Железное шило (Р1-3-1) выполнено в виде стержня ромбического сечения (2×3,5 мм), симметрично сужающегося к обоим концам от середины длины. Его длина – 80 мм (рис. 107, *1*). Изделие такой формы обнаружено на Худяковском селище (в бассейне р. Вятки) конца XIV–XV вв. (*Макаров,* 1994. С. 184, рис. 9, *8*). В Великом Новгороде шилья с ромбовидным остриём характерны для мастерских, связанных с обработкой кожи (*Колчин,* 1959. С. 64).

Иглы представлены небольшой *железной швейной иглой* (Р2-Я2-1) с утраченным ушком, диаметром 1,3 мм (рис. 107, *3*), и *костяными иглами* (3 экз.: Р1-Я2-3, Р3-3-8, Ш2-Я1), предназначенными для сшивания грубых тканей или вязки рыболовных сетей (рис. 122, *4–6*). Два костяных изделия, длиной 70 и 73 мм, близки по облику и размерам. Каждое из них оснащено двумя рабочими остриями и одним отверстием для продёргивания нити (узким продолговатым), смещенным к одному из концов (рис. 122, *5, 6*). Третья костяная игла – с обломанными остриями, вероятно, отличалась от первых двух большей длиной (рис. 122, *4*).

Для хранения щвейных иголок служил специальный ***футляр-игольник*** (Р1-Я2-2, рис. 122, *7*) в виде лощёной трубочки, изготовленной из тонкостенной плечевой кости птицы. Один её конец расколот и не сохранился, другой – имеет следы небрежного спила. Подобные находки широко

[34] Некоторые авторы относят такие предметы к заготовкам (*Закирова,* 1988. С. 222). Вместе с тем, специальная профилировка и полировка внешней поверхности, наличие на тыльной стороне отдельных экземпляров разреженной косой штриховки, нанесённой, очевидно, для увеличения адгезии при подклеивании, позволяют рассматривать их как завершённые изделия, что подтверждается известными фактами находок рукояток с затыльниками, прикреплёнными на основе клеевого соединения (см.: *Костыгина,* 1996. С. 185, рис. 2, *3*).

[35] Образцы подобных изделий см.: *Варфоломеева,* 1994. С. 173–174, табл. II, *9, 10*; *Колчин,* 1959. С. 116, 117, рис.100, *3*; *Гайдуков,* 1992а. С. 157, рис. 66, *18, 19*; Подземная охранная зона…, 1995. С. 56, рис. 21, *1, 2*.

представлены на средневековых финно-угорских поселениях (см., например, материалы городища Индакар: *Иванова,* 1998. С. 177, рис. 81, *1–8*). При исследовании памятников русского средневековья подобные тонкостенные костяные цилиндры зачастую причисляются к заготовкам рукояток ножей (*Судаков,* 1996. С. 181, рис. 9, *7*; 182) либо описываются как трубочки неустановленного назначения (см.: *Гайдуков,* 1992а. С. 102, 166, рис. 75, *17, 18*; *Седова,* 1997. Рис. 29, *20*).

Костяные кочедыки (3 экз.: Р1-1-10, Р1-2-5В, Р3-Я1) изготовлены из метаподиев или диафизов костей лося или крупного рогатого скота. Концы лезвий двух полностью сохранившихся инструментов залощены от работы, на завершениях рукояток крепёжные отверстия отсутствуют. Их размеры – 20,7 см и 12 см (рис. 122, *1, 2*). От одного изделия сохранился лишь небольшой маловыразительный обломок (Р3-Я1, рис. 122, *3*). По мнению отдельных исследователей, подобные инструменты могли использоваться не только при плетении, но и для подбивания нитей утка к основе на вертикальных ткацких станках (*Смирнова,* 1999. С. 153).

Деревообрабатывающий инструмент представлен только маловыразительными осколками обухов (3 экз.: Р1-1-5Г, Р1-3-6, Р2-3-4) и лезвий (3 экз.: Р2-2-1, Р2-2-2, Р3-4-7) ***железных топоров*** (рис. 107, *12–17*), а также небольшим фрагментом полотна ***железной пилы*** (рис. 107, *11*) шириной 25 мм (Р2-Я1-1).

Точильные камни (или точильные бруски) (13 экз.: Р1-1В-1а, Р2-1-1А, Ш2-4-2, Р1-1-10А, Р1-1А-2 (2 экз.), Р2-Я1-1б, Р1-1В-1б, Р1-3-2, Р1-3-3, Р1-Я2-2б, Р2-Я1-3, Ш1-3), используемые для заточки инструментов, довольно разнообразны. По характеру материала их заготовки можно разделить на камни моренного происхождения (шокшинский розовый кварцит – 2 экз., рис. 124, *6, 10*; мелкозернистый мягкий зелёный сланец – 4 экз., рис. 124, *2, 5, 7, 14*; крупнозернистый сланец – 1 экз., рис. 124, *3*) и местные коренные породы (пермский песчаник – 3 экз., рис. 124, *1, 8, 15*; светло-серый алевролит – 3 экз., рис. 124, *4, 9, 11*). Только две находки из алевролита, предназначенные для заточки инструментов с узким тонким остриём, можно определить как ремесленные изделия, в габаритах и формах которых угадываются определённые стандарты (рис. 124, *4, 11*). Это бруски прямоугольного сечения (размером 18×25 мм и 20×30 мм), обломанные на концах. Только эти изделия имеют четыре рабочих поверхности. Ещё трём орудиям, очевидно, пытались придать некую специфическую форму (рис. 124, *3, 8, 15*). В качестве точильных камней в большинстве случаев использовались плитки слоистых горных пород или моренная галька (рис. 124, *5, 7*). При этом около половины всех изделий (54%) имели одну рабочую поверхность. К крупнозернистым абразивам можно отнести шесть орудий, к точильным камням со средним зерном – три экземпляра, ещё четыре изделия использовались для тонкой заточки.

Оселки (2 экз.: Р1-Я2-1, Р3-3-5) служили для доводки (правки) заточенных на брусках лезвий. Найдены два сходных фрагментированных экземпляра (рис. 124, *12, 13*). Каждый из них представляет собой узкий продолговатый брусок прямоугольного сечения ((6–7)×17 мм), выточенный из крепкой микрокристаллической сланцевой породы тёмного буровато-коричневого цвета с просверленным крепёжным отверстием на одном из концов.

Для разжигания огня использовался набор, состоящий из железного кресала и кресального кремня.

Железные кресала (2 экз.: Р1-1-5Г, Р1-3-7) обнаружены только в переотложенном слое огородной распашки. Один экземпляр относится к типу однолезвийных калачевидных с язычком кресал (рис. 107, *10*), имевших широчайшее распространение в развитое и позднее средневековье от областей Центральной и Северной Европы до Забайкалья и Приамурья (*Евглевский, Потёмкина,* 2000. С. 183). На памятниках Древней Руси этот тип встречается, как правило, в напластованиях X – третьей четверти XII вв. (*Колчин,* 1982. С. 161, рис. 4) и очень редко – в комплексах удельного периода (*Гайдуков,* 1992а. С. 94, *3*). В позднекочевнических погребениях калачевидные с язычком кресала, напротив, датируются чаще всего промежутком XIII – XIV вв. (*Евглевский, Потёмкина,* 2000. С. 183). В Нижнем Новгороде и на памятниках его округи такие изделия изредко встречается в напластованиях XIII – начала XV вв. (например, см.: *Грибов, Лапшин,* 2008. С. 146, рис. 3, *11*), что, вероятно, объясняется их более долгим бытованием у местной мордвы (*Алихова,* 1959а. С. 48, 49). Размеры кресала: длина – 63 мм, ширина – 36 мм, толщина лезвия – 3 мм.

Вторую находку можно причислить к кругу пластинчатых однолезвийных изделий. Это продолговатая пластина пятиугольной формы без каких-либо внутренних вырезов (рис. 107, *9*). Её толщина уменьшается при приближении к тупоугольному выступу, который, очевидно, следует рассматривать как рукоятку. Размеры кресала – 70×25×5 мм. Самые ранние образцы подобных изделий, только с несколько более сглаженными овалообразными обводами, известны по погребениям удмуртского Ореховского могильника, где они присутствуют в комплексах с монетами Ивана III и Василия III. На некоторых памятниках народов крайнего Севера они известны в постройках первой трети XVIII вв. (*Кардаш,* 2009. С. 249, рис. 3.54, *1*). В Удмуртии пластинчатые кресала оставались в быту вплоть до середины XIX в. (*Крыласова,* 2006. С. 285).

Кресальные кремни («огневики») (24 экз.: Р1-2-5, Р1-3-1, Р1-Я1А-1, Р1-Я1А-1а, Р1-5-1, Р1-Я1Б-1, ПМ-2003, Р2-2-4А, Р2-Я1-1 (2 экз.), Р2-Я1-2, Р2-Я2-1 (2 экз.), Р3-2-2, Р3-2-6А, Р3-3-1Б, Р3-3-2, Р3-3-4, Р3-4-7, Р3-5-9, Ш2-5-1, Р1-4-1А, Р1-2-1, Р3-2-1А) относятся к очень распространённым находкам. Это небольшие осколки кремня (преимущественно, моренного происхождения) со сбитыми краями (рис. 125, *1–19, 21, 22, 24–26*). В качестве огневиков иногда служили подобранные где-то на стороне древние кремневые орудия (рис. 125, *10, 11, 22*). Их первоначальные рабочие кромки со следами ретуши заметно пострадали при вторичном использовании в качестве инструментов для добывания огня. Одним из орудий, с помощью которого, наверное, уже в средневековье высекали огонь, является скребок из полупрозрачного лилового кремня, вероятно, верхневолжского происхождения (рис. 125, *10*). Обнаружены два кремневых изделия и без следов вторичного использования. Это ***каменное орудие*** – перфоратор (Р1-Я2-2б, рис. 125, *23*) и ***отщеп*** (Ш2-4-1, рис. 125, *20*).

Предметы, связанные с оборудованием построек, включают в себя замки, ключи, пробои, отдельные железные кольца, остатки дверной накладки, светец и крепёжный инвентарь в виде гвоздей и скоб.

Железные замки (23 экз.: Р1-Я2-3, Р2-Я1-1, Р2-Я1-3 (2 экз.), Р3-9-9, Р1-2-8, Р3-2-3, Р1-Я2-1а, Р1-Я2-2б, Р2-2-1 (2 экз.), Р2-3-5, Р2-4-6 (3 экз.), Р3-3-2 (2 экз.), Р3-3-4, Р3-3-7 (3 экз.), Р3-3-9, Р3-Я1) по большей части сильно фрагментированы.

Навесные конструкции с цилиндрическим корпусом, исчезающие в Великом Новгороде к середине XV в. (*Колчин,* 1959. Рис. 70), представлены десятью находками. Одна из них представляет собой хорошо сохранившийся корпус замка типа Г, датируемого по новгородским аналогам промежутком с середины XIII по середину XV вв. (*Колчин,* 1982. С. 162, рис. 3). Донце изделия оснащено образующими узкую щель вертикальными щитками, приваренными с двух сторон от ключевой скважины (рис. 105, *3*). Корпус большого цилиндра со следами обмеднения усилен приваренными через равные промежутки четырьмя узкими кольцевыми полосками. Второй экземпляр, достаточно хорошо сохранившийся, можно отнести к выделенному Руденко К.А. «гибридному» варианту – переходному между новгородскими типами В и Г (*Руденко,* 2001а. С. 46). Тип В он напоминает расположением запирающих пружин и поперечной ориентацией ключевого отверстия, тип Г – наличием на днище большого цилиндра вертикально приваренного защитного щитка (расширенного, в отличии от замков типа Г, П-образной в плане формы) (рис. 105, *1*). Корпус оснащён четырьмя обручами (по два вблизи оснований) и тремя вертикальными стержнями, равномерно рассредоточенными вдоль центральной части большого цилиндра. Замки с расширенными П-образными щитками встречены в Твери (*Лапшин,* 2009. С. 332, рис. 82, *6*), Новгороде (*Гайдуков,* 1992а. С. 149, рис. 58, *5*), Городце-на-Волге (*Медведев,* А-1960. Рис. 65, *232, 233*), на одном из селищ нижегородской округи (Бешенцево-3, см.: *Грибов,* А-2009б. Рис. 20, *10*), поволжских памятниках эпохи Золотой Орды (на селищах Разбойничий остров (*Руденко,* 2001а. С. 177, рис. 18, *15*), Русско-Урматском (*Кокорина, Фахрутдинов,* 1999. С. 131, рис. 12, *4*), Семёновском V, в г. Суваре (*Руденко,* 2006. С. 120, рис. 9, *4, 6, 9*)). На Городке он обнаружен вместе с серебряной денгой Ивана III в верхнем слое заполнения ямы 1/2. Определение типа ещё одного замка, от которого сохранилась большая часть корпуса, но без днища с ключевым отверстием, затруднено (рис. 105, *3*). Фрагменты от цилиндрических замочных изделий представлены двумя фрагментами придонных частей большого цилиндра (рис. 105, *6, 7*), небольшим обломком малого цилиндра (рис. 105, *4*), двумя остатками дужек (рис. 105, *8, 9*) и двумя пружинами (рис. 105, *10, 11*).

Значительная часть небольших обломков после их тщательной идентификации были определены как относящиеся к навесным «сничным» замкам типа Е, датируемым по новгородским материалам с середины XIV по XVI в. (включительно) (*Колчин,* 1982. С. 160). Их корпус напоминал трёхгранную призму. Общее число находок, соотнесённых с этим типом, – 12 экземпляров (рис. 106, *1–12*). Один из них достаточно хорошо сохранился, небольшими разрушениями отмечена только одна из его широких боковых сторон (рис. 106, *1*). Размеры изделия 50×65 мм. Оно обнаружено в придонном слое ямы 2/1 вместе с монетой Василия II, отчеканенной в период 1450–1462 гг.

Одна находка относится к нутряным цельнометаллическим замкам с засовом, передвигаемым ключом (рис. 105, *11*). В Великом Новгороде они появились в конце XIII в. и бытовали в последующие столетия вплоть до современности (*Колчин,* 1982. С. 161). Коробкообразный корпус обнаруженного на Городке замка такого типа близок правильному прямоугольному параллелепипеду размером 21×40×47 мм. В нижней части его боковых обуженных сторон просверлены два соосных отверстия, служивших, вероятно, для крепления изделия в сундуке или укладке. Ключевое отверстие проделано в верхней части лицевой широкой стороны на уровне железного засова. Кончик последнего шириной около 11 мм едва заметно выступает над поверхностью корпуса. Один из нутряных цельнометаллических замков со сходной формой корпуса (но с другим положением ключевого отверстия) происходит из Твери (*Лапшин,* 2009. С. 332, рис. 82, *10*).

Железные ключи (7 экз.: Р1-Я1В-2, Р1-Я2-3, Р1-3-2, Р2-Я1-2б (2 экз.), Р2-Я1-1а, ПМ-2004), за единственным исключением, связаны с навесными замками. Четыре из них – ключи от замков типа В (рис. 106, *14–17*). Они изготовлены из уплощенных стержней прямоугольного сечения, их рабочие части переходят в рукоятки без каких-либо изменений в профилировке. Длина одного полностью сохранившегося изделия – 100 мм (рис. 106, *14*). Окончание его рукоятки оформлено в виде петли, свёрнутой в плоскости рабочего стержня. Один ключ с утраченной рукояткой, спаянный из нескольких продолговатых прямоугольных пластин, служил для замыкания замков типов Д или Е (рис. 106, *18*). К внутренним цельнометаллическим замкам относится одна находка. Это массивный ключ, с полым, свёрнутым из листа, рабочим стержнем длиной 100 мм (рис. 106, *13*). Обломком изделия неопределимого типа является рукоятка ключа с петлеобразным завершением (рис. 106, *19*).

Пробои (7 экз.: Р1-2-10Б, Р1-3-2, Р1-Я2-2, Р3-2-10, Р1-Я2-3, Р2-2-5, Р2-Я1-1) по характеру конструкции разделяются на изделия со сварным остриём (рис. 108, *1, 3–5*) и изделия с раздельными остриями (рис. 108, *2, 6, 7*). Первую группу образуют крупные экземпляры с диаметром петли равном 23–26 мм. Они изготовлены из свёрнутого и прокованного дрота прямоугольного сечения. Концы острия одного пробоя разведены (рис. 108, *1*). Вторая группа объединяет сравнительно небольшие пробои с диаметром петли 12–15 мм. Они могли использоваться для запирания укладок и ларей.

Железные кольца (6 экз.: Р1-2-4, Ш2-3-2А, Р2-Я2-2а, Р2-Я2-2, Р2-Я2-3, Р2-Я8) имели различное предназначение. Некоторые из них, вероятно, служили деталями пробоев (рис. 108, *10, 11*; *Захаров,* 2004. С. 208). Отдельные экземпляры, диаметром 45–50 мм, округлого или подпрямоугольного сечения, могли входить в состав кольчатых удил (рис. 108, *8, 9, 12, 13*).

Вероятно, частью ***дверной накладки*** (Р2-Я1-2б) служил Т-образный, раздвоенный с одной стороны стержень сегментовидного сечения (рис. 108, *15*). Завершения его расходящихся концов спиралевидно подвёрнуты, а место их сочленения отмечено узким рельефным пояском. Длина изделия – 90 мм, ширина – 72 мм. Стилистически близкие элементы использованы в оформлении некоторых новгородских дверных личин (Археология. Древняя Русь. Быт и культура, 1997. Табл. 8, *11, 18, 21*). П.Г. Гайдуковым подобные изделия атрибутированы как обломки личин под дверные ручки (1992а. С. 94; 152, рис. 61, *6–12*). Стилистически близкие новгородские находки обнаружены преимущественно в отложениях второй четверти – середины XV в. (1–5 ярусы Нутного раскопа), одна из них происходит из комплекса 1356–1377 гг., наиболее близкая по размерам и характеру отделки к соответствующему изделию из Городка – из отложений 1390–1404 гг. (*Гайдуков,* 1992а. С. 152, рис. 61, *12*). Подобные Т-образные части накладок встречены в Старой Рязани (*Даркевич, Борискевич,* 1995. С. 229, табл. 1, *9*; 301, табл. 73, *9*), на одном из селищ Нижегородской округи (Ближнее Константиново-1,

см.: *Грибов,* А-1995а. Илл. 199), на подмосковном средневековом поселении Настасьино (Средневековое поселение Настасьино…, 2004. Рис. 74, *б*), в Болгаре (*Савченкова,* 1996. С. 50, рис. 20, *10, 11*), на золотоордынском Водянском городище (*Егоров, Фёдоров-Давыдов,* 1976. Табл. VI, *8*).

Единственный обнаруженный ***железный светец*** (Р3-2-5) относится к широко распространённой разновидности однолучинных изделий со спиральными завитками на концах. Одна его дужка утрачена (рис. 108, *14*). Светец откован из двух приваренных друг к другу стержней прямоугольного сечения. Его длина – 150 мм.

Железные гвозди (32 экз.: Р1-2-5В, Р1-5-1А, Р1-Я2-3, Р1-3-5Д, Р1-3-6, Р1-3-3, Р2-2-4А, Р2-Я1-2б, Р2-Я9, Р3-2-6, Р3-3-2, Р3-3-7, Р3-6-9, Ш2-5-2Б, Р1-Я1В-1а, Р2-1-1А, Р2-2-4, Р2-Я1-1а (3 экз.), Р2-Я1-1 (2 экз.), Р2-Я1-2б (2 экз.), Р3-3-7, Р3-3-5, Р3-3-3, Р3-К9, Р2-Я1-2а, Р2-Я1-2б, Р2-Я1-2, Р3-4-9) весьма многочисленны. По размерам и форме они разделяются на строительные (29 экз.) и обойные (3 экз.). Первую группу образуют изделия со шляпкой (10 экз., рис. 109, *19, 21–29*), гвозди – костыли (15 экз., рис. 109, *1–14, 20*) и четыре фрагментированные находки, которые по значительной длине рабочего стержня можно с уверенностью отнести к строительному крепежу (рис. 109, *15–18*). Строительные гвозди первого типа отличаются округлыми или продолговатыми шляпками и стержнями квадратного или прямоугольного сечения. Размеры наиболее сохранившихся экземпляров (в мм): 85, 95, 105. Гвозди с шляпками относятся к наиболее надёжным строительно-крепёжным элементам, способным выдерживать большие нагрузки. Их использование в плотничном деле очевидно. Строительные гвозди второго типа отличаются Г-образно отогнутым, замещающем шляпку концом стержня либо Т-образным уплощенным завершением, откованным в одной плоскости с уплощенным рабочим стержнем прямоугольного сечения (рис. 109, *20*). Размеры наиболее сохранившихся экземпляров таких гвоздей-костылей (в мм): 70, 80, 90, 105, 120. Не так тщательно откованные, выполненные по «ускоренной технологии» преобладающие в коллекции строительные гвозди второго типа могли использоваться для сколачивания деревянных пластин (плах), соединение которых не предполагало испытания большими усилиями. Как правило, гвозди-костыли реже встречаются на русских средневековых памятниках, чем гвозди со шляпками (*Колчин,* 1959. С. 112). Известны они и на поселениях Волжской Болгарии (*Казаков,* 1991. С. 66), где одним из их применений было крепление гробовищ (*Халикова,* 1976. С. 39–59).

Обойные гвозди отличаются небольшими размерами, округлыми сегментообразными в сечении шляпками и квадратными сечениями рабочих стержней (рис. 109, 30–32). Как правило, они служили для крепежа накладных украшений (накладок) на дверях и мебели. Их размеры – 18–20 мм.

Железные скобы (41 экз.: Р1-4-2, Р2-Я1-1а (2 экз.), Р2-Я1-1б, Р2-Я1-1 (3 экз.), Р3-3-6, Р3-3-1, Р3-3-8, Р3-Я2-2, Ш2-4-1, Р1-2-9, Р1-2-10А, Р1-2-5В, Р1-2-2А, Р1-2-10Б, Р1-3-10, Р1-3-4А, Р1-5-1, Р1-5-1, Р1-Я1А-1 (4 экз.), Р2-1-1А, Р2-2-1, Р2-3-4, Р2-4-9 (2 экз.), Р2-4-4, Р2-Я1-1а, Р2-Я2-2а, Р2-Я2-3, Р3-2-4, Р3-3-6А, Р3-3-2, Р3-4-7, Р3-4-8, Р3-4-9, Ш2-6-2), судя по их массовости, весьма часто использовались для скрепления отдельных деталей деревянных конструкций. Всего найдено 12 целых (либо с незначительными утратами) и 29 фрагментированных изделий (рис. 110, 111). Все они двушипные с уплощенной соединительной планкой однородного прямоугольного сечения ((2–5)×(6–10) мм). Небольшие размеры скоб позволяют предположить, что многие из них могли использоваться при строительстве лодок (*Колчин,* 1959. С. 113). Длина соединительной планки у наиболее хорошо сохранившихся экземпляров колеблется от 37 до 55 мм, длина шипов – от 30 до 45 мм.

Среди остатков строительных материалов можно назвать только один небольшой ***фрагмент обожжённого кирпича*** сформованного из материкового суглинка с незначительной примесью выгоревшей органики (Р1-Я1В-1б). Толщина изделия – 55 мм, размеры сохранившейся части – 65×105 мм. Фрагмент кирпича был обнаружен в развале глинобитной печи, заполнявшем часть объёма ямы 1В/1. О том, что в конструкциях местных средневековых глинобитных печей изредка использовались отдельные формованные элементы, свидетельствует находка из одной подпечной ямы XIV в., расчищенной на нижегородском посаде в 1999 г. (*Грибов,* А-1999. Илл. 298).

С кухонной утварью связаны многие из описанных выше железных ножей, обломки жернового постава ручных мельниц[36], а также многочисленные осколки разнообразной посуды, среди которой встречено несколько частей и от металлических сосудов[37].

Чугунные котлы (2 экз.: Р1-3-7, Р2-Я2-2) представлены двумя находками. Одна из них – часть стенки сосуда толщиной 5 мм (рис. 112, *12*). Её размеры – 40×50 мм. Другой осколок (55×90 мм) – фрагмент горловины котла[38] без шейки с вертикальными стенками и выдвинутым наружу венчиком (рис. 112 , *11*). Край последнего уплощен и скошен внутрь. Толщина стенки сосуда составляет 5–6 мм. Остатки котла с такой специфической профилировкой верхней части найдены на острове Восточном на Средней Волге (*Руденко,* 2000. С. 219). На памятниках Средней и Нижней Волги широкое распространение чугунных изделий исследователи связывают с XIV в. (*Ефимова,* 1958. С. 306; *Савченкова,* 1996. С. 58), преимущественно с первой третью этого столетия (*Руденко,* 2000. С. 220). На русских поселениях остатки чугунных котлов очень редко встречаются в комплексах золотоордынского периода. Только на единичных памятниках юго-восточного и восточного порубежий их можно охарактеризовать как частые находки[39]. В Нижнем Новгороде и на памятниках его округи находки осколков чугунной посуды единичны (см.: *Лапшин,* А-2001. №п 392, 605, яма 37; *Грибов,* А-2009в. Илл. 12, *1*). Все они связаны с комплексами широкой датировки (середины XIII – начала XV вв.). На Городке один осколок чугунного изделия обнаружен в переотложенном слое огородной распашки (рис. 112, *11*), другой – в заполнении ямы 2/1 в одном слое с монетой конца правления Василия II, отчеканенной около 1462 г. (рис. 112, *12*).

Об использовании местными насельниками ***медных сосудов*** (2 экз.: Р1-Я2-2, Р2-1-2) свидетельствуют две находки. Первая – часть ушка, вероятно, от котелка (рис. 119, *11*). Это пластина восьмёркообразной формы со сквозными отверстиями, пробитыми по центру каждого из расширений (в одном из них сохранились остатки медной заклёпки). Вторая находка представляет собой фрагмент венчика сосуда из тонкого листового металла с подвёрнутым наружу краем (рис. 119, *7*). Котелки с петлеобразными ушками, выполненными из дрота, раскованного на концах в восьмёркообразные пластины, характерны для XII – начала XIII вв., их массовое производство, по мнению К.А. Руденко, завершается во второй половине XIII в. (2000. С. 214–215). В Нижегородском Поволжье небольшие фрагменты медных сосудов иногда встречаются на русских селищах в комплексах XIV – начала XV вв. (см.: *Грибов,* А-1998а. Илл. 169, *А, В*; А-2008а. Илл. 93, *3*). Известны медные котелки и в составе погребального инвентаря XIV в. на местных мордовских могильниках[40]. На Городке обломок ушка от котла типа М-4, по классификации К.А. Руденко (2000. С. 214, 215), обнаружен в заполнении ямы 2/1 в одном слое с монетой Василия II, отчеканенной вблизи 1462 г.

С играми, бытовавшими в среде насельников Городка, очевидно, связана находка ***астрагала*** домашней козы со сквозным отверстием, который можно определить как игральную кость (Р1-Я2-3, рис. 122, *14*). Широко распространённые в средневековье игры с астрагалами были весьма разнообразными (*Петерс,* 1986. С. 79, 80).

Присутствие детей среди местного населения прослеживается по находкам остатков ***керамических игрушек*** (7 экз.: Р1-2-10, Р1-3-10Б, Р3-3-3, Р2-1-4А, Р2-Я2-1, Р3-4-8, Р3-К8) (рис. 128, *21–27*). Это два шарика из обожженной глины от погремушек (диаметром 11 мм и 17 мм; рис. 128, *24, 27*) и два небольших обломка от красноглиняных изделий (вероятно, свистулек) (рис. 128, *22, 26*). Фрагмент одной игрушки можно определить как часть красноглиняной свистульки, покрытой небольшими круглыми пятнами белого ангоба (рис. 128, *25*). Образцы московской коропластики, декорированной таким способом, датируются XV – началом XVI вв. (*Розенфельдт,* 1968. С. 21). Обломки ещё двух красноглиняных изделий целиком покрыты бе-

[36] Описание фрагментов жерновов приведены ниже при характеристике хозяйственного инвентаря.

[37] Посудной керамике посвящён § 6 настоящей главы.

[38] Типа Ч-2 по К.А. Руденко (2000. С. 212, рис.3; 219).

[39] На верхнедонском поселении Мельгуново-3 (*Екимов,* 2006. С. 146); на поселении Курмыш-4, расположенном в Нижнем Посурье (*Грибов,* А-2007б, А-2008а, А-2009а).

[40] Так, на Гагинском могильнике эпохи Золотой Орды они встречены в погребениях №№ 9 и 25 (*Алихова,* 1959б. С. 186, 188).

лым ангобом (рис. 128, *21, 23*), по московским аналогам время их изготовления очерчивается рамками XIV–XVI вв. (*Розенфельдт,* 1968. С. 25). Один из осколков полностью ангобированной игрушки изображает часть ноги человека или животного с едва оформленным носком (рис. 128, *23*). Большое количество таких частей керамических фигурок («ног») найдено при раскопках на Романовом дворе в Москве в слоях XVI–XIX вв. (Археология Романова двора, 2009. С. 393, рис. 147, *14–34*). Керамическое тесто всех игрушек равномерно обожжено до красновато-бурого оттенка, в качестве отощителя теста при их изготовлении использовался средне- или мелкозернистый песок. Отмеченные технологические и стилистические особенности присущи изделиям московских гончаров.

В отличие от выше описанных категорий широко распространённого бытового инвентаря, находки железных стилей (писал) на памятниках русского средневековья, как правило, тяготеют к объектам вполне определённого социального круга[41]. В целом, писала достаточно редко встречаются даже при исследовании крупнейших городских центров[42]. В этой связи большой интерес вызывает обнаружение на небольшом раскопанном участке памятника сразу трёх железных стилей.

Железные писала (3 экз.: Р1-2-10, Р1-Я1А-2, Р2-Я2-3), встреченные на Городке, разделяются на два типа, выделенные по материалам Великого Новгорода (*Овчинникова,* 1994. С. 83, 84). Два изделия отличаются отсутствием лопаточки на конце стержня. Одно из них увенчано шарообразной головкой, переходящей в рабочий стержень через короткую шейку, составленную четырьмя соосными концентрическими валиками (рис. 107, *5*). Сходное по оформлению, но четырёхгранное писало известно по раскопкам вятского города Никулицына (*Макаров,* 2001. С. 98, рис. 54, *11*). Кубообразное навершие другого изделия соединено с рабочим стержнем коротким переходным участком в виде одинарного рельефного валика (рис. 107, *6*). Длина обоих изделий одинакова (135 мм), стержни имеют округлые сечения (с максимальными диаметрами 6 и 8 мм соответственно). Их можно отнести к разным вариантам 15 типа, датируемого по новгородским находкам с середины XIII по XV в. включительно (*Овчинникова,* 1994. С. 84). Одно из них происходит из переотложенного слоя огородной распашки (рис. 107, *5*), другое обнаружено при разборке придонного слоя ямы 2/2 вместе с монетой Василия II, выпущенной в 1446–1462 гг. (рис. 107, *6*).

Третья находка оснащена лопаточкой простой треугольной формы (шириной 10 мм), плавно переходящей в стержень округлого сечения без какого-либо упора (рис. 107, *4*). Её длина – 155 мм, диаметр – 6 мм. Это изделие соотносится с 12 типом новгородских писал, имеющих широкое распространение в период с конца X по конец XIV вв. (*Овчинникова,* 1994. С. 84). Оно найдено в придонном слое ямы 1А/1 вместе с двумя серебряными монетами, одна из которых (Василия II) отчеканена в промежутке 1450–1462 гг., вторая – около 1462 г.

Единственный ***предмет с граффити*** (Р3-К8) представляет собой осколок стенки красноглиняного сосуда с начертанным знаком в виде трёх тонких расходящихся лучей (рис. 128, *28*).

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Масштабы проведённых на памятнике исследований пока слишком незначительны для построения сколько-нибудь завершённой системной реконструкции местного хозяйственного уклада. Тем не менее, материалы первых раскопок указывают на широкий спектр производственной деятельности, намечают определённые направления в экономике, которые если и не были доминирующими, то, наверняка, играли важную роль в системе жизнеобеспечения местных насельников.

Изготовление многих необходимых в быту вещей не выходило из рамок домашнего производства. В полной мере это относится к продукции таких отраслей, как **прядение и ткачество.**

[41] По материалам новгородского Неревского раскопа установлено, что наибольшее количество обнаруженных предметов письменности связано с территориями богатейших боярских усадеб (*Овчинникова,* 1994. С. 85).

[42] Так, по состоянию на начало 90- х гг. XX в. в Великом Новгороде было известно 143 железных и бронзовых стилей (*Овчинникова,* 1994. С. 83–85), а в Суздале всего 14 (*Седова,* 1997. С. 215).

С прядением волокна связаны железная булавка, служившая для прикрепления кудели к лопасти ручной прялки, и многочисленные пряслица (грузики от веретён).

Булавка-спица с петлеобразной головкой (Р1-3-5В) откована из железного стержня квадратного сечения длиной 73 мм (рис. 107, *2*). Изделия с таким стандартным оформлением в Великом Новгороде впервые появляются в напластованиях последних двух десятилетий XIII в., а период их широкого распространения приходится на середину XIV – начало XV вв.[43] Одна такая находка известна и в слоях середины XV в.[44]. Встречаются они и среди комплексов более позднего времени – XVI–XVII вв. (*Никитин,* 1971. С. 41, табл. 5, *5*), а в некоторых новгородских деревнях, по утверждению Б.А. Колчина, спицы от прялок с петлеобразной головкой использовались даже в XX в. (*Колчин,* 1959. С. 106).

Пряслица (34 экз.) изготавливали из керамики (20 экз.: Р1-2-5В, Р2-2-4А, Р1-2-10Б, Р1-2-5В, Р2-Я9, Р3-2-1А, Р3-3-2, Р1-Я1Б-2в, Р3-3-8, Р3-3-7, Р3-К1, Р2-Я1-1а, Р1-2-10А, Р1-Я1Б-1, Р1-Я2-(2, 3), Р2-Я1-1, ПМ-2004, Р1-Я1Б-2, Р1-3-4А, Р2-2-4), камня (13 экз.: Р1-Я1Б-2, Р2-Я1-3, Р2-Я1-3, Р2-Я1-2б, Р1-2-2, Р1-2-10Б, Р1-2-5В, Р1-Я1Б-2, Р2-Я1-1а, Р2-Я1-1а, Р1-Я1Б-2, Р3-К1, Ш2-2-2) и, вероятно, из рога (Р1-1-5Г).

Керамические пряслица (20 экз.) по технологическим особенностям разделяются на три группы: поливные (3 экз.), гончарные без поливы (3 экз.) и выточенные из фрагментов сосудов (12 готовых экземпляров и 2 заготовки).

Поливные напрясла отличаются небольшими размерами и весом. Два из них по форме сечения можно определить как линзовидные (чечевицеобразные) (рис. 128, *4, 5*), ещё одно – как цилиндрическое, уплощенное с одной выпуклой боковой стороной (рис. 128, *6*). Их диаметры составляют 19 мм (рис. 128, *5*), 21 мм (рис. 128, *4*), 27 мм (рис. 128, *6*); толщина – 9 мм, 8 мм, 11 мм; вес – 3,1 гр., 3,0 гр., 7,8 гр. (реконструированный) соответственно. Диаметры крепёжных отверстий варьируют в пределах 4–5,5 мм. Полива – неоднородная по толщине желтовато-зелёного оттенка плохой сохранности. Основным сырьём для производства этих изделий служила белоглиняная или слабоожелезнённая глина с примесью мелкозернистого песка. Наиболее ранние образцы поливных пряслиц зонной и биконической профилировки из г. Белоозера по стратиграфии датированы второй половиной XII и XIII вв. Достаточно массивные, биконические по форме сечения, поливные керамические грузики известны по раскопкам Твери[45]. Найденные пряслица по характеру керамического теста, формам и размерам близки к двум, не имеющим стратиграфической привязки, находкам из Белоозера (*Захаров,* 2004. Рис. 347, *8, 9*), а также к грузику из слоя III[46] Казанского кремля (*Ситдиков,* 2006а. Рис. 17, *6*). При раскопках посада Москвы обнаружены следы производства таких поливных белоглиняных «колечек», датируемых XVI–XVII вв. (*Розенфельд,* 1968. С. 53, табл. 17, *34*). Некоторые исследователи предполагают иное назначение этих изделий: как пуговиц, жетонов при счёте на абаке (*Захаров,* 2004. С. 229) или косточек от счёт (*Голубева,* 1973. С. 186). Однако отсутствие находок этих предметов совместно с остатками изделий, деталями которых они могли являться, делает эти предположения пока мало обоснованными. Их атрибуция как грузиков для веретён по типологической близости к известным этнографическим параллелям (по сочетанию характерных форм, размеров и наличию сквозного сцентрированного отверстия) представляется наиболее вероятной.

Неполивные гончарные пряслица изготовлены из тонкого (или с редкой примесью мелкозернистого песка) хорошо обожжённого теста. Они имеют биконические очертания и различные пропорции (рис. 128, *1, 2, 3*). Боковые, слегка подлощённые поверхности одного изделия (диаметром 24 мм, толщиной 12 мм, весом 8,5 гр.) немного выпуклы (рис. 128, *3*). Наиболее крупное из них – чернолощёное, диаметром 24 мм, толщиной 18 мм и весом 12,9 гр.

Большое количество грузиков для веретен (67% – без учёта заготовок) изготовлено без участия профессиональных гончаров из подручного материала в виде черепков битой посуды. Использовались осколки краснолощёных (4 экз.; рис. 128, *7, 9, 10, 15*), красноглиняных

[43] 9–5 ярусы Неревского раскопа; 1340 – 1422 гг. (*Колчин,* 1959. С. 107, табл. 39).

[44] 2–1 ярусы Нутного раскопа (*Гайдуков,* 1992а. С. 95).

[45] Семь экземпляров встречено в слоях 1300–1385 гг., см.: *Лапшин,* 2009. С. 126.

[46] Эпохи Казанского ханства.

с примесью мелкозернистого песка (7 экз.; рис. 128, *11, 8, 13, 14, 16, 18, 20*), морёных (1 экз.; рис. 128, *17*), белоглиняных с тонким тестом (1 экз.; рис. 128, *12*) и красноглиняных поливных сосудов (украшенных подглазурной росписью белым ангобом) (1 экз., рис. 128, *19*). Их диаметры варьируют в пределах 23–43 мм, вес – в пределах 5,5–12,5 гр. Две найденные заготовки таких изделий свидетельствуют об их местном изготовлении (рис. 128, *19, 20*).

Каменные пряслица (13 экз.) выточены из штуфов исключительно местных пород пермского периода: белесоватого мергеля (5 экз.), белесоватого (4 экз.) и красного (3 экз.) аргиллита. Формы изделий разнообразны. Преобладают дисковидные пряслица (4 экз.) небольшого размера, диаметром 21–30 мм, толщиной 6–7 мм и весом около 5 гр., напоминающие по облику грузики, выточенные из керамических черепков (рис. 123, *5, 7, 10, 13, 15*). Четыре изделия по форме сечения можно определить как цилиндрические (с отношением диаметра к толщине превосходящем 0,3; рис. 4, *6, 8, 14*). Маловыразительный фрагмент одного из них украшен прочерченной спиральной линией (рис. 123, *4*). Одно пряслице имеет биконическую форму (рис. 123, *11*), одно – бочонковидную (рис. 123, *9*). Одно изделие имеет сложную профилировку: его биконическая основа переходит в цилиндрообразное завершение (рис. 123, *12*). Среди находок присутствует одна заготовка, вырезанная из плитки белесоватого аргиллита. На ней отчётливо заметны грани, соответствующие плоскостям подрезки (рис. 123, *16*). Её диаметр – 20 мм, толщина – 7–11 мм.

Пряслицем могло служить и небольшое дискообразное, напоминающее игральную шашку изделие, выточенное на токарном станке *из лосиного рога* (рис. 122, *11*). Его нижняя поверхность слегка вогнута, верхняя лицевая – украшена двумя концентрическими гравированными линиями. Врезной концентрической полоской отмечена и боковая его сторона. Просверленное по центру отверстие имеет диаметр 6 мм. Диаметр самого изделия – 27 мм, толщина – 5 мм. Близкие по декору и форме некоторым керамическим (*Ситдиков,* 2006а. Рис. 55, *8*) и каменным (*Захаров,* 2004. Рис. 216, *10, 11*) пряслицам, подобные предметы иногда атрибутируются как пуговицы (*Судаков,* 1996. С. 175) или шашки (*Носов,* 1990. С. 128). Сходные по профилировке, орнаменту и наличию отверстия костяные изделия хорошо известны по раскопкам средневековых памятников широкого хронологического диапазона. Они обнаружены на Рюриковом Городище (*Носов,* 1990. С. 130, рис. 50, *7*), в напластованиях первой половины XIV в. Великого Новгорода (*Гайдуков,* 1992а. С. 165, рис. 74, *10*), в Белоозере (*Голубева,* 1973. Рис. 38, *18*), в Переяславле Рязанском (*Судаков,* 1996. С. 176, рис. 7, *1, 2*), в слое III Казанского кремля (*Ситдиков,* 2006а. Рис. 79, *2*). Вогнутой нижней поверхностью и концентрическим декором найденный предмет очень напоминает костяное изделие из заполнения постройки 1434–1435 гг., расчищенной на посаде г. Орешка (*Кирпичников,* 1980. Рис. 16, *9*).

Образцы местных тканей не сохранились по причине недостаточной консервирующей способности вмещающего культурного слоя. Вероятно, с льняной основой некоторых из них связано обнаружение льняного семени в одном из образцов промывки грунта из заполнения ямы 1/2 (см.: приложение 3). Об одной разновидности местного текстиля даёт представление ***фрагмент печины с ясным отпечатком ткани*** (Р3-1-4) саржевого переплетения, обнаруженный в горизонте огородной распашки.

Изучение мелких технологически незамысловатых поделок из камня, кости и керамики указывает на местный и непрофессиональный характер изготовления многих из них. Особенно отчётливо это проявляется при рассмотрении камнерезной продукции. Только единичные изделия (два сланцевых оселка и одна бусина из алтайского кварцита – белоречита) выполнены из камнерезного сырья, неизвестного в пределах Нижегородского Поволжья. Слои позднепалеозойских (пермских) песчаников, пёстро окрашенных аргиллитов и мергелей, маломощных известняков, послуживших материалом для пряслиц, грузил и некоторых точильных камней, обнажены в нескольких местах по склонам мыса, занимаемым памятником. Отложения локальной морены с валунами и галькой различных метаморфических и интрузивных пород, которые могли использоваться при изготовлении отдельных точильных брусков, располагаются в верховьях одного из оврагов правого берега р. Оки на удалении 1,3 км от памятника (*Шомысов,* 1952. С. 53). Выходы известкового туфа, послужившего материалом для изготовления некоторых жерновов, известны автору у подошвы возвышенного окского берега в районе Мызинской водонапорной станции

в 2,8 км от городища, а ближайшее россыпное месторождение кремня – в 25 км от Городка в окрестностях пос. Кремёнки Богородского района Нижегородской области. Отсутствие отчётливой стандартизации форм каменных пряслиц, грузил, точильных брусков, небрежность в их исполнении, находка каменной заготовки – всё это позволяет рассматривать изготовление большей части этих изделий в рамках непрофессионального домашнего мастерства.

Этот вывод можно распространить и на часть косторезного инвентаря. Находки отдельных роговых муфт от рукояток ножей с небрежно пропиленными несимметричными отверстиями можно интерпретировать как бракованную продукцию (рис. 121, *2, 3*). Как заготовки муфт для рукояток ножей были определены два кольцеобразных спила – лосиного рога (Ш2-5-2А; рис. 121, *16*) и трубчатой кости крупного рогатого скота (Ш2-5-1; рис. 121, *15*). Находка предметов, свидетельствующих о местном изготовлении косторезных изделий разрозненно и вне связи с какими-либо скоплениями костяной стружки, разнообразие форм встреченных изделий одной категории – всё это даёт основание охарактеризовать данное производство, скорее, как штучное и не специализированное.

Лепной способ формовки рыболовных грузил, использование черепков глиняной посуды в качестве материала для изготовления большей части пряслиц указывает на непрофессиональный «домашний» характер изготовления и этих изделий.

Местные специализированные производства, следы которых удалось обнаружить, представлены **металлообработкой**.

С обработкой железа связаны многочисленные отходы кузнечно-слесарного производства. Они состоят из прямых или изогнутых случайным образом, преимущественно уплощенных, стержней прямоугольного сечения и небольших массивных пластин аморфных очертаний. Кромки последних, как и окончания некоторых стержней, имеют отчётливые следы обрубки зубилом.

Стержни (43 экз.: Р1-1-5, Р1-2-2, Р1-4-1, Р1-2-10Б (2 экз.), Р1-3-6, Р1-Я1А-1, Р1-Я1А-2 (3 экз.), Р1-Я2-3, Р2-2-4А, Р2-4-9, Р2-Я1-1а (2 экз.), Р2-Я1-1, Р2-Я1-2б (5 экз.), Р2-Я2-2 (2 экз.), Р2-Я2-4, Р3-2-1А, Р3-3-2 (7 экз.), Р3-3-6, Р3-3-7 (2 экз.слой), Р3-3-8 (3 экз.), Р3-3-9, Р3-Я8, Ш2-2-2, Ш2-4-1, Ш2-Я1) имеют различные размеры – от 25 до 110 мм (рис. 114, 115).

Пластины (5 экз.: Р2-Я2-1, Р3-2-1А, Р3-3-7 (2 экз., слой), Ш2-6-2В)) характеризуются неоднородной толщиной, их габариты также, различны (от 15×45 мм до 65×70 мм) (рис. 113, *6–11*).

На раскопанном участке эти находки образуют скопление, тяготеющее к комплексу № 8. В центральной части раскопа 3 на сравнительно небольшом участке (в кв.2, 6, 7, 8) как в непотревоженном культурном слое, так и в перекрывающем его горизонте огородной распашки, вместе с разнообразными бытовыми отходами обнаружено 13 стержней, 2 пластины с обрубленными краями и 8 железосодержащих кузнечных шлаков небольших размеров (до 20×20×60 мм). Совокупность этих находок, скорее всего, локализует место захоронения производственных отходов, связанных с кузнечной мастерской.

Следы обработки цветных металлов малочисленны. С этой сферой местного производства, вероятно, связано небольшое ***железное зубильце*** (Р1-5-1А), рабочая часть которого с лезвием (шириной 7 мм) была обнаружена в переотложенном огородном горизонте (рис. 107, *7*). Как отходы холодной обработки бронзы можно рассматривать отрезок ***бронзовой проволоки*** (Р2-Я1-2) длиной 115 мм и диаметром 1,3 мм (рис. 119, *2*), а также две небольшие ***бронзовые пластинки*** с обрезанными краями (2 экз.: Р1-2-4, Р3-3-7). Их толщина – 0,5 мм. Одна из них, прямоугольной формы (12×42 мм), согнута под прямым углом (рис. 119, *10*), другая имеет трапециевидные обводы (10×20 мм, рис. 119, *6*). Интересной находкой является ***бронзовый слиток*** (Р1-Я1А-1). Это прямой обрубленный на обоих концах стержень сегментообразного сечения (20×7 мм) длиной 85 мм (рис. 119, *1*).

С отраслями **сельскохозяйственного производства** связаны многочисленные остеологические находки, палеоботанические материалы и единичные орудия.

Среди палеоботанических находок – определимые до видового уровня 260 экземпляров зёрен культурных растений и 37 семян сорняков. Они выделены из двух образцов флотационных промывок грунта различных горизонтов заполнения одного материкового углубления (ямы 1/2,

слои 1 и 2). Их археоботанический анализ проведён к.и.н. Е.Ю. Лебедевой (см. приложение 3). Судя по обнаруженным остаткам культурных растений, в местный рацион могли входить изделия и блюда из ржи, пшеницы, овса, гороха.

Для размола зерна в местных домохозяйствах использовались ручные ротационные мельницы, что фиксируется по обломкам каменных жерновов сравнительно небольшого размера и веса.

Каменные жернова (8 экз.: Р2-Я1-1 (3 экз.), Р2-Я2-1 (4 экз.), Р2-Я2-2а) представлены обожжёнными остатками минимум двух бегунков (верхних жерновов) от ручных ротационных мельниц. Они изготовленны из разных пород камня. Одно изделие вырезано из местного пористого органогенного известкового туфа. Его диаметр – около 34 см, толщина – 7,5 см. Второе изделие изготовлено из крепкой моренной породы, предположительно, гранитогнейса. Оно имело центральное отверстие диаметром 7,5 см, а его нижняя нерабочая сторона характеризуется лёгкой подшлифовкой (рис. 123, *1*). Реконструированные размеры второго жёрнова: диаметр – 42 см, толщина – 5,5 см. Наверное, остатками жерновов являются и многочисленные бесформенные образцы известкового туфа, обнаруженные как в заполнении материковых ям, так и в перекрывающем их переотложенном слое огородной распашки. Большинство из них имеют отчётливые следы обожжения.

Указанием на стойловое содержание домашнего скота служат находки обломков двух ***железных кос*** с короткими насадами (Р1-2-5В (2 экз.)), используемых при сенокошении для заготовки кормов (рис. 108, *16, 17*). Изделия различаются размерами, но сходны по характеру крепления. Для крепления к рукоятке концы черенков обоих орудий крючкообразно отогнуты под прямым углом к плоскости лезвия. Ширина лезвия у одного изделия – 45 мм, у другого – 30 мм. В Великом Новгороде косы такой конструкции использовались в течение длительного периода (по XV в. включительно) (*Колчин,* 1959. С. 72). При металлографическом исследовании фрагмента одной находки выяснилось, что она целиком откована из обычного кричного железа (см. приложение 4, Ан. 12321).

Среди способов добычи продуктов питания большое значение, вероятно, имело **рыболовство**. Множество костных остатков рыб самых разных пород и размеров обнаружено в заполнениях материковых ям. Особенно много встречено их в рыхлых углистых отложениях, как правило, перекрытых печными развалами[47]. При разборке этих слоёв иногда казалось, что основная масса грунта состоит сплошь из спресованой рыбьей чешуи и костей. Насыщенность культурных напластований рыбными остатками на участке заложения шурфа 2 позволяет рассматривать данное обстоятельство как характерное для памятника в целом, а не только для его северо-западной периферии. Собранная на раскопах и в шурфе 2 коллекция рыбных костей состоит из 4458 образцов, что составляет около одной трети (27%) всего объёма остеологических сборов (16716 единиц).

Костные остатки рыб известны почти из всех районов Нижнего Новгорода, где проводились археологические раскопки. Встречены они и на подгородных селищах (Ближнее Константиново-1, Бешенцево-3). Следует отметить, что встречаемость этой составляющей остеологического материала на памятниках Нижегородской округи и в самом Нижнем Новгороде заметно меньше, чем на раскопанном участке Городка. Так, при раскопках центральной части крупного сельского поселения Ближнее Константиново-1, функционировавшего около 100–150 лет, на раскопанной площади около 1500 кв.м было собрано всего 547 образцов рыбных костей, а на одном из участков нижегородского посада (в переулке Крутом на раскопе 1 1999 г., размером 150 кв.м) коллекция этих находок из средневековых сооружений насчитывала всего 41 единицу (*Грибов, Цепкин,* 2004. С. 73).

Об участии местных жителей в рыболовном промысле свидетельствуют многочисленные находки рыболовного инвентаря. Последний отражает широкое разнообразие практиковавшихся методов лова. С индивидуальными способами рыбной ловли связаны железные крючные снасти и остроги.

Главной составной частью крючных снастей служили ***рыболовные крючки*** (8 экз.: Ш1-1, Р1-Я1А-1, Р1-Я1А-2, Р2-Я1-1а (2 экз.), Р2-Я1-1, Р2-Я1-2б, Р3-3-3)). По своему устройству они мало чем отличаются друг от друга. Три крючка откованы из четырёхгранного стержня

[47] Например, в таких как слой 2 ямы 1А/1, слой 2 ямы 1В/1, слои 2, 3 ямы 2/1, слои 2, 4 ямы 2/2, слой 2 ямы 1/2.

(рис. 112, *5, 7, 8*), ещё два – из дрота округлого сечения (рис. 112, *1, 2*)[48]. Бородка (жало) всех, кроме двух частично сохранившихся экземпляров (рис. 112, *3, 4*), завершена хорошо выраженным противошипом. Для более надёжного прикрепления к лесе конец цевья у четырёх изделий раскован в «лопаточку» (рис. 112, *1, 4, 5, 8*), цевьё одного крючка на конце заметно изогнуто (рис. 112, *1*). По промысловому назначению найденные рыболовные крючки распределяются на перемётные, служившие для лова крупной рыбы на живца или на «дурилку» (когда рыба насаживалась на крючок случайно, боком), и насадные – для донок, закидушек, поставуш, подпусков и других сходных по конструкции снастей (*Салмина,* 1994. С. 165, 169; *Салмина,* 1996. С. 198, 199). К первым можно отнести только один экземпляр (рис. 112, *7*). Это самый большой рыболовный крючок в собранной коллекции; он имеет спрямлённый стержень, его размеры 35×65 мм. Остальные крючки – насадные, с диаметром изгиба более 1 см (рис. 112, *1–6, 8*). Они весьма разнообразны по размерам ((12,5–26)×(29–54) мм). Ловля с помощью всех вариантов обнаруженных крючков не требовала присутствия человека на месте установки снастей (то есть предпочтение отдавалось «самолову»).

Выделение грузил для крючных орудий сопряжено с трудностями в их распознавании среди огрузки рыболовных сетей и грузиков иного назначения (например, пряслиц) (*Салмина,* 1994. С. 165). Можно предположить, что в качестве рыболовных могли использоваться два предмета. Это ***свинцовый кольцеобразный грузик*** (Р2-Я1-2б) с диаметром 10 мм и весом 1,5 гр., имеющим небольшое сквозное отверстие (рис. 119, *15*), и одно ***каменное уплощенное грузило*** (Р3-6-19) ромбической формы, вырезанное из плитки белесоватого аргиллита (рис. 123, *14*). Его размеры – 28×30×13 мм, вес – 13 гр.

К инструментам ударного действия относится железный черенковый ***наконечник однозубой остроги*** (Р2-Я1-3) с двумя боковыми зубцами и небольшим загибом на конце для прикрепления к древку путём наложения (рис. 112, *10*). Стержень изделия откован из прутка квадратного сечения (с максимальным сечением 8×8 мм). Его длина – 170 мм, ширина пера – 24 мм, длина пера – 55 мм. К наконечникам острог, предположительно, можно причислить ещё одно немного деформированное (согнутое) ***железное орудие*** (Р1-Я1В-2) в виде длинного спицеобразного, приостренного на одном конце, стержня прямоугольного сечения (6×4 мм). Его противоположное острию завершение небрежно расковано в секирообразную пластину и, очевидно, служило для прикрепления на рукоятке (рис. 113, *12*). Длина изделия – 34 см. Близкие по размерам спицевидные стержни без зубцов на колющем конце атрибутированы как остроги при описании материалов городища Холки XI–XIV вв. (*Винников, Кудрявцева,* 1998. С. 66, рис. 9, *1, 2*).

К снастям профессионально-промыслового лова могут быть причислены сетяные снасти (Кудряшов, 1999. С. 44). Грузила от них составляют основу коллекции рыболовного инвентаря.

Керамические грузила (23 экз.: Р1-1-10А, Р1-1-9, Р1-2-10Б, Р1-3-10, Р1-4-2, Р1-4-1А (2 экз.), Р1-Я1А-2 (2 экз.), Р1-Я1В-2, Р2-3-3 (2 экз.), Р2-Я1-1а, Р2-Я1-2б, Р2-Я3, Р3-3-2, Р3-3-6Б, Р3-4-9, Р3-3-7 (4 экз.), ПМ-2003) являлись принадлежностью передвижных волоковых отцеживающих сетей типа бродцев. Они достаточно лёгкие (весом от 26 до 67 гр.), для того чтобы служить огрузкой больших стационарных сетей, и симметричные, приспособленные для свободного перемещения по дну водоёма. Формы грузил различны (табл. 10). Среди 19 определимых изделий удалось выделить следующие разновидности[49]: шарообразные, диаметром 30–40 мм (4 экз.; рис. 127, *2–4, 7*); бочонкообразные (4 экз.; рис. 127, *1, 5, 6, 8*); овально-продольные, длиной 30–65 мм (6 экз., три из них – с боковой подрезкой; рис. 126, *1–4, 6, 8*); биконические укороченные (2 экз., одно – с боковой подрезкой; рис. 126, *10, 11*); гранёные (или пирамидальные, 2 экз.; рис. 126, *9*; 127, *9*).

Большая часть из них (15 экз. – 79%) изготовлена кустарным лепным способом из одного небрежно сформованного комка глины, насаженного на палочку, выгоревшую в процессе обжига, или путём навивки глиняного жгута на деревянный прут с последующей профилировкой поверхности. Среди грузил, сформованных с помощью круга в гончарной мастерской, выделяется одно краснолощёное изделие из тонкого теста без видимых примесей (рис. 126, *1*). Одно кру-

[48] Форму сечения других определить не удалось из-за плохой сохранности металла.

[49] При определении разновидностей использована терминология и классификация, предложенные в статье: *Грибов, Цепкин,* 2004. С. 77, рис. 1; 81.

говое грузило помечено знаком в виде составленных в треугольник трёх точечных вдавливаний (рис. 126, *2*). Обжиг подавляющего большинства изделий довольно посредственный – низкотемпературный и неоднородный, судя по преобладанию тёмных оттенков и наличию участков разного цвета на их поверхности.

Единственное, предположительно, соотносимое с огрузкой ставных сетей ***каменное грузило*** (Р1-Я2-3) представляет собой небрежно обколотую по краям плитку местного (пермского) известняка толщиной 20 мм, с биконическим, высверленным с двух сторон, крепёжным отверстием (диаметром 8 мм). На боковых поверхностях сохранились тонкие процарапанные линии разметки, на одной стороне имеется воронкообразная сверлина (рис. 123, *3*). Размеры изделия – 55×50 мм, вес – 71 гр.

Для вытаскивания сетей служил ***железный крюк*** типа «кошки» (Ш2-4-1), сделанный из одного сложенного вдвое прутка, перевитого таким образом, что на одном конце образовалась крепёжная петля (диаметром 20 мм), а на другом – два приостренных загнутых в разные стороны дугообразных шипа (рис. 112, *9*). Подобные крюки известны на многих русских средневековых поселениях (*Мальм,* 1956. С. 119, рис. 4, *9*; *Гуревич,* 1965. С. 78; *Седова,* 1978. Табл. 14, *15*; *Никольская,* 1987. С. 122, рис. 66, *3*; *Седова,* 1997. Рис. 21, *19*; *Петрашенко,* 2005. С. 78, рис. 39, *22*).

Обнаружение рыболовного инвентаря на разных участках памятника (на раскопах 1–3 и в шурфе 2) может указывать на вовлечение в занятие рыболовством широкого круга местных жителей. Отдельные находки костей крупных особей ценимых промысловых пород (позвонки осетровых) подводят к мысли о том, что часть рыбного рациона обеспечивалась путём ловли на езах – искусственных заграждениях русла реки или протоки в виде частокола с отверстием, «запертым» сетью-ловушкой, или с помощью крупных ставных сетей. В обоих случаях улов на поселение привозили со специальных ловищ.

Две находки, которые, скорее всего, представляют собой части одно и того же предмета, можно предположительно связать с деятельностью местных промысловиков – охотников на пушного зверя. По известным аналогам из этнографических коллекций это изделие можно определить как тупой роговый наконечник стрелы ***(томар)*** со сквозным насадом (2 экз.: Р1-2-6). Изделие имело булавовидную форму и сквозное продольное отверстие с сужениями на концах (рис. 122, *8, 9*). Его боковая поверхность была украшена кольцевым врезным орнаментом из тонких разреженных равномерно нанесённых полосок. Томары такой формы (типа 2в, по Л.И. Смирновой) по новгородским аналогам хронологически наиболее поздние, они были распространены с середины XIII по XV вв. (*Смирнова,* 1994. С. 152–155). Внушительные размеры изделия[50] вызывают закономерное сомнение в возможности его использования для охоты на мелкого пушного зверя или птицу. Основанием для его определения как томара служат известные по этнографическим сборам образцы подобных охотничьих наконечников. В качестве ближайшего его аналога можно рассматривать крупный (диаметром 5 см) костяной наконечник, поступивший в фонды Российского этнографического музея в 1904 г. из селения Усть-Цыльма на р. Печоре (*Смирнова,* 1994. С. 150, рис. 3, *5*). С указанным образцом его сближают булавовидные очертания, большой размер, характерная форма полости сквозного насада с внутренним расширением, линейный орнамент.

УКРАШЕНИЯ, ДЕТАЛИ ОДЕЖДЫ И ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА

Внешний облик местных поселенцев, их одежда, костюм, причёска, головные уборы – всё это, конечно, не поддаётся сколько-нибудь подробной реконструкции по материалам небольших раскопок поселенческого памятника с вентилируемым культурным слоем. Однако отдельные находки позволяют составить представление об украшениях, отдельных принадлежностях костюма, традициях личной гигиены.

Женские **головные украшения** включают в себя височные кольца, височную подвеску, серьги.

Височные кольца (Р3-2-6А, Р2-Я1-3) представлены одним целым экземпляром и одним обломком. Целое височное кольцо относится к изделиям с фигурной лопастью (рис. 118, *7*). Форма

[50] Его диаметр около 50–55 мм, длина более 31 мм, поперечник крепёжного отверстия в максимальном расширении 24 мм.

последней у разных образцов этого типа изменчива и, как правило, вызывает неоднозначные ассоциации у исследователей. Она может напоминать сидящую птицу, дракона, увенчанную ветвистыми рогами голову лося или какого-нибудь другого зверя с разинутой пастью. В начале 70-х гг. XX в. Л.А. Голубева на основании трёх известных тогда экземпляров такого типа украшений, датированных XI и XIII вв.[51], предположила локальный характер их распространения (*Голубева,* 1973. С. 46). Находки последних десятилетий позволяют существенно расширить их географию и хронологию, выяснить взятые за основу оформления основные архетипы.

В настоящее время височные кольца с фигурной лопастью, помимо Белозёрья, известны в Подмосковье (селище Мякино-2, окрестности г. Зарайска), в г. Суздале и Суздальском Ополье (окольный город; селище Кибол-5 (*Шполянский,* 2015. С. 211)), в Поочье (г. Коломна (*Захаров,* 2004. С. 170); Гавердовский клад (*Зубков,* 1951. С. 139)), в городах Плёсе (*Травкин,* 1996. С. 190), Устюге, Копорье (*Захаров,* 2004. С. 170), Вологде (*Андрианова,* 2010. С. 14), на вологодском Тиуновском могильнике (*Никитинский,* 1996. С. 216), в бассейне р. Вятки на марийском Кадочниковском могильнике (*Шапран,* 2002. С. 259, рис. 9, *14*), на нижнем Днепре в могильнике Мамай-Сурка (*Ельников,* 2001. С. 184, рис. 6, *2*). В обзоре ювелирных изделий второй половины XIII – XVI вв. Т.Г. Сарачева упоминает 12 пунктов находок таких украшений, ареал которых охватывает Подмосковье и г. Белоозеро с его округой (2007. С. 82). Из г. Пскова происходит литейная форма для отливки подобных украшений (*Королёва, Харлашов,* 1994. С. 83, рис. 9, *4*). В узко датированных комплексах, кроме находок из г. Белоозера и его округи, встречено семь изделий. Одно из них обнаружено в могильнике Мамай-Сурка конца XIII – начала XV вв. Четыре других (из Гавердовского клада, Тиуновского могильника, г. Плёса), как и литейная форма из г. Пскова, происходят из комплексов XV в. Датировка двух находок (из г. Вологды и Кадочниковского могильника) ограничена рамками XV–XVIII вв.

Рассмотрение элитарных реплик подобных изделий, изготовленных из драгоценных металлов с высоким качеством отделки (XV–XVII вв.), указывает на существование, скорее, двух различных прототипов конфигурации лопастей этих украшений. О первом прототипе можно составить представление по серебряным с позолотой изделиям из Гавердовского клада начала XV в., о втором – по золотому височному кольцу, происходящему из переотложенных напластований XV–XVII вв. г. Вологды. Лопасти височных колец из Гавердовского клада отлиты в виде головы зверя (дракона?) с раскрытой пастью, а при изготовлении фигурного окончания дужки украшения из Вологды был явно использован образ сидящей птицы со сложенными крыльями. Эти два варианта присущи и височным кольцам из бронзы. Однако для этих более массовых и дешёвых изделий изображения, запечатлённые обводами небрежно отлитых лопастей, достаточно условны, а их параллели с тем или иным прототипом могут быть намечены только при тщательном сопоставлении.

К таким изделиям относится и находка из Городка, отдалённо напоминающая золотое украшение из Вологды (*Андрианова,* 2010. С. 14, рис. 1). В очертаниях лопасти угадывается фигура птицы, сидящей на небольшом расстоянии от конца обода на полукруглом бугристом щитке[52]. Диаметр изделия – 32 мм, диаметр дужки – 2 мм. Ближайшими аналогами находки из Городка являются бронзовые височные кольца из слоя XIII в. г. Белоозеро (*Голубева,* 1973. С. 46, рис. 7, *1*) и г. Плёса – из слоя, ориентировочно датированного автором раскопок 1410–1429 гг. (*Травкин,* 1996. С. 191, рис. 36, *1*).

Следует отметить, что височные кольца с фигурными лопастями по стилистике оформления близки к некоторым бронзовым одежным булавкам. В их фигурных завершениях просматривается как образ дракона (*Седова,* 1981. С. 79, рис. 27, *1*; 80, рис. 28, *2*), так и фигура сидящей птицы (*Янин, Хорошев, Рыбина и др.,* 2005. С. 20, рис. 1, *8*). При раскопках г. Твери в слоях XVI в. обнаружены три булавки со стилизованным изображением сидящей птицы на концах – очень близким к очертанию лопасти височного кольца из Городка (*Персов, Сарачева, Солдатёнкова,* 2006. С. 363, 364)[53].

[51] Они происходили из захоронения XI в. Киснемского могильника и слоя XIII в. г. Белоозера.

[52] На кольце из г. Вологды последний имеет сквозные отверстия для крепления привесок.

[53] Авторы публикации подчёркивают местное изготовление этих изделий и затрудняются в точном определении их функциональной принадлежности (булавки или недоделанные височные кольца?).

Как обломок дужки с приостренным концом от подобного же височного кольца можно предположительно интерпретировать фрагмент бронзового дугообразно изогнутого дрота (рис. 119, *4*). Его диаметр, как и у первой находки, соответствует 2 мм.

Как ***височную подвеску*** (Р1-2-10А) можно атрибутировать бронзовое колечко, спиралевидно свёрнутое из тонкой проволоки с завязанными на обе стороны концами (рис. 119, *12*). Его диаметр – 15–16 мм, диаметр образующей его проволоки – 0,5 мм. Подобное украшение, определённое как височная подвеска, описано в публикации материалов первого Аверинского могильника (XII–XIV вв.) в Верхнем Прикамье (*Голдина, Кананин,* 1989. С. 170, рис. 45, *36*).

Серьги из бронзовой проволоки, диаметром 1–1,5 мм, согнутой в виде знака вопроса (6 экз.: Р1-2-5В, Р1-Я2-1, Р1-2-10А, Р1-Я1В-2, Р2-Я1-2б, Ш2-5-2Б), очевидно, были одним из самых распространённых местных женских украшений. Они обнаружены как в раскопах на северо-западной периферии городища, так и в шурфе 2. Проволочные серьги представлены тремя типами, все они односоставные.

Тип 1 (1 экз., рис. 118, *6*) отличается обрубленным укороченным стержнем длиной 4 мм. Диаметр дужки – 20–24 мм. Такие серьги с коротким стержнем известны по материалам г. Болгара (*Полякова,* 1996. С. 171, тип А-II-1, рис. 60, *14*), марийского могильника Греково XVI–XVIII вв. (*Шапран,* 2002. С. 255, рис. 7, *5*).

Тип 2 (2 экз., рис. 118, *4, 5*) объединяет украшения с бронзовой напускной шарообразной бусиной, спаянной из двух полусфер. Последняя закреплена сверху обмоткой из тонкой проволоки, а снизу – утолщением в виде небольшой петли завершающей стержень. Длина стержня – 16–17 мм. От напускной бусины на одном изделии сохранились лишь скорлупообразные остатки (рис. 118, *4*). Проволочные серьги в виде знака вопроса с напускной гладкой бусиной встречены на раскопах Великого Новгорода (*Козлова,* 2006. С. 223, рис. 1), Пскова (*Козлова,* 2006. С. 128, рис. 1, 3), в поздних марийских могильниках XVI–XVIII вв. (Греково и Кадочники, см.: *Шапран,* 2002. С. 256, рис. 8, *1*; 259, рис. 9, *10, 11, 15*).

Тип 3 (3 экз., рис. 118, 1–3) образуют украшения наиболее простой конструкции. Их стержни (как правило, весьма удлинённые – до 30–35 мм) лишены бус и каких-либо привесок. Лишь местами (в верхней либо в нижней части) на них встречается обмотка из тонкой проволоки, а окончание оформлено в виде небольшой петли. Такие изделия встречаются в марийских могильниках XVI–XVIII вв. (*Шапран,* 2002. С. 257, *45*).

Бронзовые проволочные серьги в виде знака вопроса появляются на Руси во время монголо-татарского нашествия[54]. Традицией ношения этих украшений в XIV в. были охвачены поволжские города Золотой Орды, её степные и лесостепные пространства, Северный Кавказ, Крым (*Полякова,* 1996. С. 171–175; *Козлова,* 2007. С. 128); всё чаще и чаще в это время они проникали на Русь (*Седова,* 1981. С. 16; *Сарычева,* 2007. С. 82). От рубежа XIV–XV вв. сохранилась псковская икона Одигитрии с изображением Богородицы с золотой серьгой в виде знака вопроса в правом ухе (Живопись Пскова, 1974. Илл. 43). К XVI–XVII вв. эти изделия укоренились в материальной культуре самых разных народов. Особую популярность они приобрели в Поволжье – у чувашей, удмуртов, марийцев, мордвы, (*Шапран,* 2002. С. 258). Следует отметить, что у марийцев иногда они использовались в виде височных украшений – подвесок (*Никитина,* 1992. С. 52).

Вероятно, составной частью серьги являлась ***стеклянная вставка*** (Р3-К8) каплевидной формы, отлитая из синего полупрозрачного стекла (рис. 119, *19*). Её размеры – 22×14×3 мм. Подобные стеклянные изделия крепились в концевых шатонах бронзовых плетёных браслетов, широко известных в домонгольский период и исчезающих в самом начале XIV в. (*Лесман,* 1990. С. 42). Более поздним (золотоордынским) периодом датируются, очевидно, восточные по происхождению, миндалевидные серьги со стеклянными ставками такой формы. Они известны по раскопкам г. Болгара (могильник на Бабьем бугре) и кочевнического погребения в Ставропольской области (в кургане 7 могильника Чограй), один экземпляр с золотым ободком, украшенным сканью, происходит из китайской провинции Хунань (*Полякова,* 2000. С. 234). Височная привеска, напоминающая миндалевидную серьгу с каплевидной стеклянной вставкой, встречена и в одном из погребений родановского Аверинского могильника XII–XIV вв. (*Голдина, Кананин,* 1989. С. 170, рис. 45, *38*).

[54] Их самые ранние образцы из Великого Новгорода датируются 40-ми гг. XIII в. (*Козлова,* 2006. С. 222).

Бусы (4 экз.: Р1-Я2-2, Р1-2-5В, Р1-2-2А, Р3-2-6А) традиционно рассматриваются как составляющие разнообразных *ожерелий*, хотя зачастую их нашивали на одежду, головные уборы или обувь. Кроме того, стеклянные и каменные бусы нанизывались на стержни бронзовых серёг, выполненных в виде знака вопроса. Небольшое количество обнаруженных бус, скорее всего, можно рассматривать как следствие того, что набранные из них ожерелья вряд ли были сколько-нибудь широко представлены в составе местного женского убора. Найденные экземпляры изготовлены из стекла (2 экз.), камня (1 экз.) и кашина (1 экз.).

Массивная шарообразная бусина из чёрного непрозрачного стекла, украшенная узором в виде трёх белых пятен, равномерно нанесённых по поперечному сечению, могла использоваться как одиночная подвеска (Р3-2-6А; рис. 119, *20*). Её диаметр – 20 мм. Такие бусы-подвески известны по раскопкам г. Болгара (*Полубояринова,* 1988. С. 185; 186, рис. 85, *7*). Вторая стеклянная бусина[55] – небольшая кольцеобразная (Р1-2-5В; рис. 119, *21*). Её диаметр – 6,5 мм, высота – 3,5 мм.

Единственная каменная буса выточена из розоватого алтайского кварцита-белоречита[56] (Р1-2-2А, рис. 119, *22*). Она имеет шарообразную форму, её диаметр – 7 мм.

Единственная кашинная бусина имеет бочонкообразную форму и гладкую поверхность. Она изготовлена из плотной светло-серой кашинной массы и покрыта прозрачной ультрамариновой поливой (Р1-Я2-2, рис. 118, *23*). Её диаметр – 8 мм, высота – около 6 мм. По сочетанию цвета поливы, формы и размеров данное изделие заметно отличается от кашинных бус, встреченных на русских памятниках в комплексах золотоордынского времени (*Лесман,* 1994. С. 187, 188). В Новгородской земле наиболее массовые находки таких украшений датируются промежутком 1240–1280 гг. (*Лесман,* 1994. С. 188, рис. 3). Изредка они встречаются и в слоях XIV–XV вв. Так, при раскопках г. Орешка две из пяти кашинных бусин были обнаружены в слоях III строительного горизонта конца XIV – начала XV вв. (*Лесман,* 1994. С. 187). На Городке кашинная бусина происходит из слоя с серебряной денгой конца правления Василия Тёмного (заполнение ямы 2/1).

Украшения рук состоят из браслетов и перстней, выполненных из бронзы и стекла.

Браслеты (3 экз.: Р1-3-3, Р1-Я2-2, Р2-Я2-3) представлены фрагментом одного бронзового изделия и двумя осколками стеклянных украшений.

Браслет из бронзы – пластинчатый с прямоугольными слегка сужающимися концами шириной 13 мм (Р1-3-3, рис. 118, *22*). Его лицевая поверхность декорирована рифлением в виде широких желобков с мелкими едва заметными зубчатыми насечками по краям (очевидно, технологического происхождения). Пластинчатые браслеты из цветных металлов с рельефными продольными полосками известны по напластованиям золотоордынского времени г. Болгара (*Полякова,* 1996. С. 185; тип Б-II-2, рис. 62, *8*), из раскопок Хлыновского кремля (из слоёв XV–XVIII вв.) (*Макаров,* 2001. С. 77, рис. 33, *17*), из погребений мордовских могильников XIII–XIV и XVI–XVII вв. (*Алихова,* 1948. С. 254, погребение 32, табл. IV, *61*; *Горюнова,* 1948. С. 37, погребение 19, табл. XI, *3*; С. 51, погребение 35, табл.V, *4*).

Помимо фрагмента металлического браслета, встречены два осколка кручёных браслетов из зелёного и фиолетового стекла (Р1-Я2-2, рис. 119, *17*; Р2-Я2-3, рис. 119, *16*). Один из них обнаружен в яме 2/1 в одном слое с серебряной денгой Василия Тёмного, чеканки около 1462 г., другой – в яме 2/2 в одном горизонте с монетой Василия Тёмного, выпущенной в 1446–1462 гг. Следует отметить, что в отличие от многих других русских городов, в Нижнем Новгороде и на памятниках его округи осколки стеклянных браслетов встречаются не только в сооружениях XIII в., но и в комплексах середины – второй половины XIV в. вместе с обломками привозной кашинной посуды (*Грибов, Лапшин,* 2008. С. 144–145). О причине данного явления однозначно судить пока преждевременно: не ясно, использовались ли здесь эти украшения даже в эпоху великокого Нижегородско-Суздальского княжества, или же их фрагменты попали в заполнения сооружений этого времени в результате переотложения более ранних напластований. Можно предположить, что два сравнительно небольших осколка стеклянных браслетов попали на тер-

[55] Цвет изделия не подлежит уверенному определению: его материал расстекловался и превратился в мелкозернистую массу розовато-коричневатого цвета.

[56] Определение породы камня выполнено геммологом к.г.-м.н. Ю.Б. Заславским.

риторию поселения случайно – были принесены, как случайно найденные на стороне предметы, привлекшие к себе внимание необычным цветом, материалом и формой.

Перстни (5 экз.: Р1-2-9, Р1-Я2-3, Р3-6-9, Р1-Я1Б-2, Р2-Я1-1, Р3-Я2-1), как и браслеты, изготовлены из разнородных материалов: пять из них отлиты из бронзы, один сформован из стекла.

Бронзовые изделия разделяются на три известных типа. Преобладают *перстни со вставками* и «глухим» способом крепления. Оправы двух из них (круглая и овальная) устроены на расширенной части дужки. Перстень с овальной оправой украшен гравировкой[57] (рис. 118, *11*). От вставки сохранился только тонкий лист подложки из перламутра. Материал вставки перстня с круглой оправой полностью замещён окислами (рис. 118, *13*). Ещё один перстень с утраченной вставкой отличается круглой оправой на квадратном щитке, напаянном на дужку (рис. 118, *12*). Единственный *щитковый перстень* с разомкнутой дужкой имеет посеребрённый овальный щиток, покрытый сетью коротких хаотично ориентированных насечек (рис. 118, *10*). *Узкопластинчатый перстень,* от которого сохранился небольшой обломок, имел ребристое поперечное сечение (рис. 119, *5*). Ширина его обода – 3 мм. Он принадлежит к хронологически компактной группе изделий, известных по Гдовским курганам, Великому Новгороду, Старице, датируемых серединой XIV – XV вв. (*Седова,* 1981. С. 131, 132; *Сарачева,* 2007. С. 83, рис. 3, *37*; 84).

Вероятно, как один из архаичных элементов местной материальной культуры может быть истолкован плосковыпуклый перстень из пастового стекла цвета бирюзы (рис. 119, *18*). По мнению М.Д. Полубояриновой, производство таких изделий было налажено в г. Болгаре в период середины XIV – начала XV вв. (2006. С. 154). Осколок данного украшения был обнаружен в яме 2/3 в слое с массовыми включениями осколков белоглиняных горшков коломенского типа.

К **деталям костюма** относятся различные элементы поясного набора, пуговица, бронзовые привески-бубенчики, булавки.

Выполненные из бронзы детали поясного набора включают в себя пряжку, поясное кольцо, накладки и две деформированные обоймицы.

Пряжка (Р1-Я2-3) с утраченным язычком представляет собой изделие прямоугольной формы со слегка выгнутым по дуге расширенным передним краем, отлитое из светлого медносодержащего сплава[58] (рис. 118, *14*). Её размеры – 28×20 мм. Внешняя плоскость передней части рамки скошена, задняя часть имеет округлую форму сечения. Пряжка обнаружена в яме 2/1 в одном слое с серебряной денгой Василия II, чеканки 1450–1462 гг. Данный экземпляр можно отнести к оригинальной разновидности прямоугольнорамчатых пряжек (*Руденко,* 2001б. С. 123; 155, табл. I, *1*).

Гладкое ***поясное кольцо*** (Р3-1-1А), отлитое в двухсоставной форме из светлого медносодержащего сплава, имеет диаметр 21 мм (рис. 118, *14*). Форма его сечения напоминает ромб.

Накладки (2 экз.: Р1-3-1, Р3-3-7) представлены двумя экземплярами. Одна из них имеет гантелеобразную форму (рис. 118, *15*). Она состоит из двух округлых расширений, соединённых небольшой прямоугольной перемычкой. По центру каждого расширения проделано крепёжное отверстие. Её длина – 22 мм. Близкое к данному изделие обнаружено на русском подмосковном поселении Настасьино XIII – первой половины XV вв. (Средневековое поселение Настасьино…, 2004. С. 265, рис. 92, *22*). Напоминает его и находка из слоя эпохи Казанского ханства Казанского кремля, атрибутированная как свинцовая пуговица (*Ситдиков,* 2006а. Рис. 160, *3*). Вторая накладка представляет собой штифтовую бляху с неподвижной петлёй и криновидным щитком (рис. 118, *16*). К основе она крепилась с помощью двух прилитых штифтов. Её размеры – 31×10 мм. По стилистике оформления находка напоминает одну их новгородских накладок, обнаруженную на Неревском раскопе (в 1 пласте выше 1 яруса, см.: *Седова,* 1981. С. 151, рис. 59, *12*).

Пластинчатые обоймицы (2 экз.: Р1-Я2-3, Р1-2-5В) представляют собой согнутые из полосок металла подпрямоугольные хомутки (рис. 119, *8, 9*). Они деформированы и сохранились с заметными утратами. Близкая к ним по конструкции обоймица из поясного набора проис-

[57] Тонкой врезной линией обведён периметр оправы, по обеим сторонам от неё обруч расчерчен треугольными фигурами, которые острыми вершинами смыкаются друг с другом, пространство вокруг них заполнено короткими косыми насечками.

[58] Вероятно, оловянистой бронзы.

ходит из погребения 16 мордовского Гагинского могильника XIV в. (*Алихова,* 1959б. С. 177, табл. 70, *6*).

Бронзовая с позолотой пуговица (Р3-2-1), в виде прямоугольной рамки (13×20 мм), отлита в двухсоставной форме[59] (рис. 10*, *7*; 118, *8*). Одна из коротких сторон изделия дополнена массивным, напоминающим панцирь, удлинённым и приостренном на концах щитком (20×7×5 мм). Его поверхность декорирована небольшими ромбовидными углублениями и позолочена. Пуговица такой же конструкции с подобным массивным удлинённым щитком известна из заполнения котлована одного из сооружений Казанского кремля, отнесённого к числу ранних объектов III слоя (периода Казанского ханства) (*Ситдиков,* 2006а. Рис. 124, *9*).

Привески-бубенчики (3 экз.: Р2-Я1-1 (2 экз.), Р2-Я1-2), один целый и два фрагментированных, происходят из заполнения ямы 1/2 (рис. 118, *19–21*). Все они однотипны, имеют линейную прорезь и конструктивно состоят из двух тиснёных полусфер. Размеры сохранившегося изделия – 16×22 мм. В Великом Новгороде подобные украшения имеют широкую датировку (начиная с 20–30-х гг. XIII в.) (*Лесман,* 1990. С. 61). Они известны по напластованиям золотоордынского времени г. Болгара (*Полякова,* 1996. С. 201, 202), среди погребального инвентаря вымских могильников XIII–XIV вв. (*Савельева,* 1987. С. 85, рис. 29, *41*).

Бронзовые ***булавки «пус йеппи»*** (2 экз.: Р1-2-5В, Р1-Я1А-2) представлены двумя экземплярами – одним целым изделием и одним обломком в виде навершия (рис. 118, *17, 18*). Сохранившаяся булавка имеет длину 45 мм, диаметр её округлой головки – 2 мм. Эти застёжки-украшения хорошо известны как по раскопкам русских городов[60], так и по памятникам XIV–XVIII вв., оставленным разными народами Поволжья (*Краснов, Каховский,* 1978. С. 142, 140, рис. 74, *4*; *Шапран,* 2002. С. 283, рис. 24, *1*). В Великом Новгороде они встречаются в слоях, датируемых с 60-х гг. XIII в. по 70-е гг. XV в. (*Козлова,* 2006. С. 225). У чувашей, удмуртов, марийцев они использовались в составе сложных головных уборов вплоть до XX в. (Народы России…, 1994. С. 230, 233–237, 350).

К ***предметам личного туалета,*** очевидно, относится ***набор из трёх бронзовых инструментов*** (Р1-2-10Б), одним из которых является копоушка (рабочие части двух других не сохранились). Их рукоятки нанизаны на небольшое бронзовое подвижное колечко (рис. 118, *9*). Копоушка отлита в виде уплощенной ложечки с петлёй для подвешивания на окончании рукоятки, её длина – 38 мм. Изделия такой формы известны по слоям XIII–XIV вв. г. Болгара (*Полякова,* 1996. С. 223, рис. 69, *12*). Встречен подобный набор предметов туалета и в золотоордынском могильнике Мамай-Сурка (*Ельников,* 2001. С. 186, рис. 8, *2*).

Как ***рукоятку пластинчатой копоушки*** (Р2-3-5), вероятно, можно определить фрагмент костяного изделия в виде продолговатой прямоугольной пластины (37×14×(3–4) мм) с ромбовидным крестообразным завершением (*Захаров,* 2004. Рис. 227, *3–5*; *Закирова,* 1988. С. 231, рис. 102, *6, 7*). Горизонтальные лопасти завершения увенчаны небольшими квадратными «шишечками», вертикальная лопасть – крином (рис. 122, *13*). Фигурное навершие от основной части изделия отделено ступенчатым переходом. По центру навершия просверлено отверстие диаметром 3,5 мм.

§ 3. ПРЕДМЕТЫ ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА

Сфера сакрального занимала важнейшее место в жизни человека средневековья вне зависимости от характера его профессиональной деятельности и социального положения. О почитании местными поселенцами православных традиций свидетельствуют обнаруженные на памятнике образцы христианской пластики. В основном это литые изделия из бронзы. Среди них – створка бронзового креста-энколпиона, бронзовый крест-складень («псевдоэнколпион»[61]), иконка-привеска и пять бронзовых крестов-тельников. К предметам «нетиражированного» искусства относятся два резных предмета из лосиного рога. Это иконка-привеска и крест-реликварий.

[59] На боковой стороне изделия отчётливо заметен продольный литейный шов.

[60] В гг. Москве и Новгороде обнаружены даже литейные формы для их изготовления (*Седова,* 1981. С. 158).

[61] Отличаются от энколпионов по гладким внутренним поверхностям створок. Отсутствие специальных бортиков исключает возможность хранения между створками каких-либо реликвий.

Найденные на Городке предметы личного благочестия типологически разнообразны, в их наборе не прослеживается серийность, свойственная поселениям с налаженным местным производством изделий такого рода.

Ещё две находки, в виде небольших обломков тонких серебряных пластин со следами тиснения, представляют собой остатки окладов живописных икон. Общее число предметов связанных с христианским культом насчитывает 12 единиц.

Бронзовая створка от креста-энколпиона (Р2-Я1-3; рис. 10*, *1*; 120, *7*) с утраченной нижней шарнирной петлёй представляет собой лицевую сторону позднего равноконечного энколпиона (квадрифолия) хорошо известного типа – с округлыми окончаниями лопастей и квадратным расширением в средокрестии (*Ханенко*, 1899. Табл. VIII, *76/77*; 1900. Табл. XXII, *256*; *Петров,* 1915. Табл. XVII, *9, 10*; *Уваров,* 1908. С. 24, рис. 176, 177; *Николаева,* 1960. С. 102, *8а*; *Гнутова, Зотова,* 2000. С. 26, *13*). Размеры изделия – 76×60×3 мм[62]. Его центральную часть занимает ростовая фигура воина с копьём в правой руке и щитом в левой, по обе стороны от неё, на окончаниях горизонтальных лопастей, размещены погрудные изображения архангелов с мерилами в правых руках и зерцалами в левых. На верхней лопасти просматривается изображение святого воина с булавой и крестом (или архангела Сихаила?), на нижней – читается погрудное изображение святого. Центральная фигура от боковых отделена рельефными колоннами, под ней и над ней имеются следы двух нечитаемых однострочных надписей, относящихся, вероятно, к изображениям на верхней и нижней лопастях.

Центральный образ композиции, скорее всего, принадлежит не Святому Владимиру, как предполагали Б.И. и В.Н. Ханенко (1899. Табл. VIII, *76/77*), а великомученику Фёдору Стратилату (см.: *Петров,* 1915. Табл. XVII, *9, 10*; *Гнутова, Зотова,* 2000. С. 26). Фигура воина в средокрестии, положение и форма его снаряжения (копья и щита) очень близки к подписанному изображению Фёдора Стратилата на каменной иконке конца XIV – начала XV вв. (*Николаева,* 1983. Табл.21, *7*).

Известны два варианта энколпионов с подобными створками. Изображение на оборотной стороне одного из них представлено фигурами Святых Бориса и Глеба (*Ханенко,* 1900. Табл. XXII, *256, 257*), другого – святым Распятием с предстоящими Богоматерью и Иоанном Богословом (*Гнутова, Зотова,* 2000. С. 26, *13*). Ареал их распространения достаточно широк. Он охватывает Киевщину (*Ханенко*, 1899. Табл. VIII, *76/77*), Псков (*Королёва,* 1996. С. 300, табл. XXXI, *2*), Подмосковье[63], Вятскую землю (городище Никулицын, см.: *Макаров,* 2001. С. 104, рис. 60, *3*)), Нижнюю Волгу (Царёвское городище, см.: *Полубояринова,* 1978. С. 66). По стилистическим особенностям энколпионы с округлыми окончаниями лопастей и квадратным расширением в средокрестии исследователи датируют в рамках XIII в. (*Ханенко,* 1899. Табл. VIII, *76/77*) или периодом второй половины XIII – начала XIV вв. (*Гнутова, Зотова,* 2000. С. 26). Вместе с тем, археологический контекст нескольких находок указывает на высокую вероятность бытования подобных реликвий и в более поздний период – в XV–XVI вв.[64] Это подтверждает и находка из Городка, происходящая из придонного слоя подпольной ямы 1/2. Датирующий инвентарь связанного с ней комплекса включает в себя железные замки типов Г и Ж, бронзовый посеребренный крест-тельник с изображением Распятия и килевидным завершением удлинённой нижней лопасти, многочисленные осколки белоглиняной керамики коломенского типа. Наиболее поздней атрибутированной монетой из заполнения ямы 1/2 является денга Ивана III (*Зайцев,* 2006. С. 87. № 6). Наиболее вероятное время попадания створки креста-энколпиона в придонный слой ямы очерчивается промежутком второй половины XV – началом XVI вв.

[62] Без учёта элементов крепления – 71×60×3 мм.

[63] См. находки на поселении 1 у д. Рождественно (*Богомолов, Гоняный, Заидов, Шебанин, Шеков,* 2009. С. 320. Рис. 43, *3*; *Шполянская,* 2008. С. 271, 274. Рис. 6, *1, 2*), на селищах Голицино-1 (*Алексеев,* 2007. С. 335, рис. 3, *1*), Чигасово-1 (*Алексеев,* 2008. С. 46, рис. 9, *7*), у с. Лужки (*Кутасов, Селезнёв,* 2010. С. 10, 11. Рис. 7, 5).

[64] Попадание в слой подмосковного селища у с. Лужки части створки такого энколпиона датируется по сопутствующим монетам промежутком не позднее 30-х гг. XV в. (*Кутасов, Селезнёв,* 2010. С. 10, 11); наиболее вероятные границы датировки другой находки – из пахотного слоя поселения 1 у д. Рождествено – по составу сопутствующих нумизматических сборов определены в рамках XV – середины XVI вв. (*Богомолов, Гоняный, Заидов, Шебанин, Шеков,* 2009. С. 285); культурные отложения, вскрытые на селище Голицино-1 – на месте обнаружения клада, включающего в себя ещё один реликварий с такой створкой, по монетным и керамическим находкам отнесены к XVI в. (*Алексеев,* 2007. С. 337).

Наперсный бронзовый крест-складень с подвижным оглавием обнаружен в слое огородной распашки в сложенном состоянии: окончания нижних лопастей его створок, не имеющих внутренних бортиков, скреплены коротким расклёпанным на концах бронзовым штырём (Р1-2-5Г; рис. 10*, *2*; 120, *б*). Размеры изделия – 62×37 мм, толщина створок – по 2 мм. Конфигурация изделия отличается прямоугольными расширениями окончаний вертикальной оси, что придаёт кресту в целом восьмиконечный облик. Завершения горизонтальных лопастей прямоугольные, нижней – килевидное. На втулке оглавия с обеих сторон угадываются рельефные изображения равноконечных крестов. Изобразительное поле на каждой створке по периметру очерчено узкой рельефной рамкой. Сами рельефные изображения лишены тонкой проработки (как бы «полустёрты», очевидно, из-за соответствующего качества литейных форм).

Центральную часть лицевой створки занимает Распятие с двумя поясными фигурами предстоящих на окончаниях горизонтальных лопастей. Плавно волнообразно изогнутая фигура Христа передана в традициях иконографии XV в. Его склонённая на правое плечо голова с отчётливо заметной бородой обведена едва заметным дугообразным нимбом. Распластанные руки с непомерно увеличенными кистями и обращёнными вверх ладонями слегка провисают в локтях. На горизонтальной перекладине правую кисть подпирает короткое копьё, левую – древо (трость). Ноги Спасителя сведены вместе, их стопы раздвинуты, бёдра прикрыты повязкой, конец её свисает с правой стороны. Нижние рёбра обозначены одной короткой горизонтальной чертой. Вверху показана Этимасия («престол уготованный») со Святым Духом в виде птицы, отделённые от Распятия тонкой горизонтальной линией. Об изображении в квадратной рельефной рамке под ногами Христа, также отделённом от Распятия дополнительной горизонтальной чертой, сложно сказать что-либо определённое из-за плохого качества отливки[65].

В средокрестии оборотной створки помещена стоящая в полный рост крупная фигура святого (скорее всего, Николая Чудотворца) со сведёнными на груди руками, почти закрытыми широкими свисающими рукавами с рельефными складками. Лик святого не детализирован, над ломаной трёхсоставной линией воротника хорошо выделена окладистая борода с округлым обрезом. По обеим сторонам от центральной фигуры на горизонтальной перекладине намечены парные подписанные сверху бюсты четырёх святых (надписи не читаются). Фигура ещё одного святого, также неразборчиво подписанная, с конусовидной бородой и крестом в левой руке занимает верхнее квадратное клеймо над головой святителя. В килевидном расширении нижней лопасти расположено изображение побивающего беса Святого мученика Никиты. Фигура Никиты Бесогона зафиксирована в сидящем положении. Левой рукой он удерживает беса, имеющего обличье зайцеподобного существа, в правой – горизонтально занесённый над бесом продолговатый предмет, напоминающий скалку. Данный тип этого образа обычен для наперсных крестов XV–XVI вв. (*Хухарев В.В.,* 1994. С. 214).

Изображения на оборотной створке у подобных наперсных крестов не ограничивались одним вариантом (*Шполянская,* 2008. С. 271–273. Рис. 5, *1–4*). По мнению В.Г. Пуцко, эти изделия воспроизводят в металле изысканные по исполнению оригиналы из дерева, вырезанные в мастерских при Троице-Сергиевском монастыре (*Пуцко,* 2009. С. 120). Точными аналогами описанной находки являются кресты-складни, обнаруженные в г. Воротынске (*Пуцко,* 2009. С. 120, 121. Рис. 2) и на подмосковном поселении 1 у д. Рождествено (*Шполянская,* 2008. С. 273, *1, 1а*). Лицевые створки крестов с изображением Распятия встречены на подмосковном селище Голицино-1 (*Алексеев,* 2007. С. 335. Рис. 3, *5, 7*), на уральском Искорском городище, известном с 1472 г. (*Макаров,* 2001. С. 25, 118. Рис. 74, *7*). Изделия с иным оформлением оборотной стороны известны по материалам подмосковного поселения 1 у д. Рождествено и среди находок одной из построек первой половины XV в. г. Плёса (*Травкин,* 1992. С. 6, 8, 9. Рис. 2, *32*). По стилистическим особенностям (форме, наличию подвижного оглавия, изображению Этимасии) изготовление креста-складня из Городка к.и. С.В. Гнутова относит к XV в.[66] Аналогичную находку из

[65] Его толкование различно. Б.И и В.Н. Ханенко усматривали в нижнем клейме изображение четырёх святых (1900. С. 15. Табл. XXV, *294*), другие – «четыре столпа храма с разодранной завесой» (*Станюкович, Осипов, Соловьёв,* 2003. С. 66, 67). По мнению В.Г. Пуцко, уделившего особое внимание характеристике данного типа, – это композиция Разделения риз, наиболее характерная для русских литых крестов первой половины XVII в. (*Пуцко,* 2009. С. 120).

[66] Устное сообщение.

г. Воротынска, также исключительно по стилистике, В.Г. Пуцко датировал концом XV в. (около 1500 г.) (*Пуцко,* 2009. С. 120).

Период бытования большинства крестов-складней такого типа, очевидно, завершается в XVI в.

Бронзовые нательные кресты – типологически разнообразны,что вынуждает уделить внимание каждому из них (5 экз.: Р1-3-10, Р1-Я1В-2 (2 экз.), Р2-Я1-1б, Р2-Я1-3). Все они литые односторонние.

Самый крупный нательный крест (43×22×1,8 мм) на лицевой стороне отмечен изображением Распятия (Р2-Я1-3; рис. 120, *1*). На его поверхности сохранились отчётливые следы серебрения. Он четырёхконечный с небольшими расширениями на концах удлинённой вертикальной оси. Окончания укороченной горизонтальной перекладины – прямоугольны, нижняя лопасть отличается килевидным завершением. Распятие передано высоким рельефом. Тело Спасителя почти прямое, руки еле заметно прогнуты в локтях, непропорционально большие ладони фронтально развёрнуты, ноги вблизи удлинённых ступней сведены, а одежды переданы изогнутыми рельефными волокнами. Голова Христа склонена к правому плечу, над ней заметны следы нимба. Над головой в прямоугольном клейме изображены два слетающих ангела.

От большинства близких по форме и характеру изображения образцов находку отличает несколько архаичное изображение Распятия (с едва заметным изгибом фигуры Спасителя). По стилистическим особенностям такие кресты обычно датируют в пределах промежутка второй половины XV – XVI в. (*Станюкович, Осипов, Соловьёв,* 2003. С. 174, 175; *Гриценко, Пуцко,* 2000. С. 212).

Сходные, но различные по деталям, изделия этого круга известны по раскопкам Москвы (Археология Романова двора, 2009. С. 322, рис. 76, *9, 10, 13, 14*; *Беляев,* 1995. Табл. 106, *1*), Старой Рязани (*Даркевич, Пуцко,* 1981. С. 221, рис. 3, *1, 2*), памятников Подмосковья[67], селища 1 у д. «Городки» Тульской области (*Гриценко, Пуцко,* 2000. С. 218, *5*), уральского городища Искор (*Макаров,* 2001. С. 120, *9*). При раскопках Монетного двора в г. Москве фрагменты таких крестов встречены в горизонтах второй половины XVI – начала XVII вв. (Археология Романова двора, 2009. С. 322, рис. 76, *13, 14*). Стратиграфическая дата находки, происходящей из подмосковного поселения Настасьино, – XV в. (Средневековое поселение Настасьино, 2004. С. 59). В Твери такой нательный крест с аналогичным оформлением (но без расширений на концах вертикальной оси) найден в постройке второй половины XV в. (*Персов, Солдатёнкова,* 2007. С. 359, рис. 8, *7*).

На городище Городок крест-тельник с Распятием обнаружен в придонном слое ямы 1/2 вместе со створкой бронзового энколпиона (рис. 120, *7*). По наиболее поздней монете и некоторым другим находкам заполнение данного котлована может быть датировано временем правления Ивана III (в пределах второй половины XV – начала XVI вв.).

Из верхнего слоя заполнения этой же ямы (1/2) происходит ещё один бронзовый крест-тельник с укороченной, имеющей прямоугольные окончания, горизонтальной перекладиной и килевидным завершением нижней лопасти (Р2-Я1-1б; рис. 120, *4*). На его лицевой поверхности показан выполненный сдвоенной рельефной линией шестиконечный крест, стоящий на П-образной Голгофе. Над ним в прямоугольном медальоне верхней лопасти читается сокращённая запись слова «Иисус» («ІС»), на концах горизонтальных лопастей – буквы «Н» и «К»[68], а в клейме на окончании нижней оси, под Голгофой, – «Х» и «С» (Христос). Размеры изделия – 13,5×25×1 мм.

Большинство нательных крестов с таким оформлением лицевой стороны на оборотной стороне имеют изображение плетёного креста. Они обнаружены на подмосковном поселении 1 у д. Рождественно XV – середины XVI вв. (*Богомолов, Гоняный, Заидов, Шебанин, Шеков,* 2009. С. 320, рис. 43, *8, 9*; *Шполянская,* 2008. С. 268, рис. 1, *12*), в слоях второй половины XV – XVIII вв. г. Казани (*Ситдиков,* 2006а. Рис. 160, *12*). Односторонний вариант данного типа, к которому принадлежит находка из Городка, известен по г. Белоозеру (*Захаров,* 2004. Рис. 44, *5, 7*)

[67] Найдены на поселениях 1 у д. Рождествено (*Богомолов, Гоняный, Заидов, Шебанин, Шеков,* 2009. С. 320, рис. 43, *12*; *Шполянская,* 2008. С. 268, рис.1, *3, 8*) и Настасьино (Средневековое поселение Настасьино, 2004. С. 266, рис. 93, *20*).

[68] Вероятно, обозначащие слово «Ника».

и Подмосковью (*Кутасов, Селезнёв,* 2010. С. 260, № 604; *Станюкович, Осипов, Соловьёв,* 2003. С. 182).

В переотложенном слое огородной распашки обнаружен небольшой крест- тельник с плохо читаемым изображением на лицевой стороне (Р1-3-10, рис. 120, *3*). Формой и пропорциями он напоминает предыдущие два изделия. Окончания его горизонтальных лопастей прямоугольны, а удлинённая вертикальная ось завершается килевидным расширением, её верхняя часть, сразу под частично сохранившимся ушком, заметно расширена. По периметру изображение оконтурено тонкой рельефной рамкой. В центре схематично (тонкими линиями) показан четырёхконечный (или шестиконечный?) крест с круглым венком в средокрестии. На концах лопастей заметны прямоугольные медальоны со следами нечитаемых литер. Размеры изделия (без учёта ушка) – 22×13 мм. Подобный нательный крестик известен по раскопкам вятского Никулицына городища (*Макаров,* 2001. С. 103, рис. 59, *15*). Близкие по стилистическим особенностям кресты, но несколько больших размеров и отличные по степени детализации изображений, найдены на подмосковном поселении 1 у д. Рождественно (*Богомолов, Гоняный, Заидов, Шебанин, Шеков,* 2009. С. 320, рис. 43, *14*), в горизонтах второй половины XVI в. г. Москвы (Археология Романова двора, 2009. С. 322, рис. 76, *8*), в погребениях второй половины XV – середины XVI вв. некрополя г. Пскова (*Колпакова, Салмина,* 2003. С. 69, рис. 5, *1–3*), в постройке-мастерской второй половины XV – начала XVI вв. г. Твери (*Солдатёнкова, Персов,* 2005. С. 212, 214, рис. 2:1; *Персов, Солдатёнкова,* 2007. С. 365, рис. 11, *1*).

Два бронзовых односторонних нательных креста происходят из нижнего горизонта ямы 1В/1, отмеченном находкой денги Василия Тёмного1446–1462 гг. (*Мец,* 1974. С. 101. № 104). Один из крестов – восьмиконечный, со слегка расширяющимися прямоугольными окончаниями горизонтальной перекладины, с удлинённой вертикальной осью и скобчатым (килевидным) завершением нижней лопасти (Р1-Я1В-2; рис. 120, *2*). Средокрестие изделия отмечено рельефным равноконечным с треугольными, приостренными на концах лопастями, крестом, который опирается на «плетёнку», занимающую верхнюю половину нижней лопасти. Над ним в окончании верхней оси читаются буквы «Н» и «И», изображённые слитно (напоминающие литеру «Ж»), на окончании нижней лопасти – «К» и «Х»(«А»?)» (Ника?), на завершениях горизонтальной перекладины читаются два слова в сокращённой записи – «ІС» и «ХЪ» (Иисус Христос). Размеры изделия –34×19×1 мм. По литературе известны два таких креста, оба происходят из частных коллекций (*Кутасов, Селезнёв,* 2010. С. 12, рис. 9, *18*; 259, № 602)[69].

Второй нательный крест из ямы 1В/1 – единственный равносторонний. Он отлит из белесоватой оловянистой бронзы, его ромбовидное средокрестие отмечено косым «андреевским» крестом, а завершения лопастей – трёхчастным оформлением (рис. 120, *5*). Его размеры – 22×24 мм. Окончание одной горизонтальной перекладины утрачено. Данное изделие выглядит наиболее архаично среди всех описанных выше образцов христианской пластики. По оформлению оно напоминает один тип древнерусских нательных крестов XI–XII вв. (*Макаров,* 1991. С. 13, рис. 1, *11*; *Макаров,* 1997. С. 366, табл. 154, *7*; *Захаров,* 2004. Рис. 42, *12*; *Кутасов, Селезнёв,* 2010. С. 78, № 72). Точных аналогов данной находке (с косым крестом в средокрестии) найти не удалось.

Бронзовая односторонняя иконка-привеска происходит из нестратифицированного горизонта огородной распашки (Р1-1-5; рис. 120, *8*). Она имеет сердцевидную форму и массивное ушко со сглаженными гранями. Центральную часть лицевой стороны занимает рельефное изображение пятиконечного креста, стоящего на П-образной Голгофе. Под его удлинённой горизонтальной перекладиной с обеих сторон от вертикальной оси поставлены литеры «П». Вокруг креста в линейной рамке читается круговая надпись: «И КРСТУТВОЕМУ ПОКЛАНАЕМСА». Размеры изделия – 20×15×1,8 мм[70]. По устному сообщению к.и. С.В. Гнутовой, стилистические особенности привески позволяют датировать её рамками промежутка второй половины XV–XVI вв.

Сходные по форме, размеру и иконографии изделия известны среди образцов старицкого литья (*Романченко,* 1928. С. 38, 39. Рис. 1, *9*). Одно из них обнаружено в г. Твери, в построй-

[69] По версии, изложенной в их публикации, один обнаружен в Московской области, другой – в Нижегородском Поволжье, на берегу р. Пьяны, вместе с монетами конца XIV – первой половины XV вв.

[70] Без учёта ушка 15×15×1,8 мм.

ке, датированной автором раскопок второй половиной XV – началом XVI вв. (*Солдатёнкова, Персов,* 2005. С. 213, 219. Рис. 2:7). От находки из Городка все они отличаются иным вариантом передачи текста круговой надписи (отсутствием начального союза «И», заменой отдельных букв в других словах). Точным аналогом является находка из Тверской области (*Кутасов, Селезнёв,* 2010. С. 35. № 63).

Крест-реликварий из лосиного рога с удлинённой вертикальной осью и прямоугольными окончаниями лопастей вырезан из толстой продолговатой пластины (Р2-Я1-2; рис. 120, *12*). Небольшие прямоугольные расширения, оставленные по верхней и нижней балкам, делают его похожим на восьмиконечный. Его размеры – 41,5×20×6 мм. Одна сторона изделия по периметру очерчена узкой рельефной рамкой, образующей объёмную выемку с уплощенным, но не выровненным дном. Этот «ковчежец» заполнен коричневатой, напоминающей сургуч, массой. Какое-то время после очистки от земли на поверхности «замазки» сохранялся напоминающий Распятие рельеф, ставший незаметным после её высыхания и последующего растрескивания. Врезное изображение, едва намеченное на другой стороне изделия, по какой-то причине осталось незавершённым. Внутри небрежной разметки границ изобразительного поля, здесь несколькими штрихами показан контур удлинённой столпообразной фигуры, занимающий большую часть вертикальной оси креста.

Ближайшими аналогами находки являются подобные по форме и размерам резные кресты с «ковчежцем» на одной стороне и с законченной композицией с тремя святыми – на другой (*Барышев,* 2001. С. 307, 308. Рис. 1). Врезные изображения у известных образцов таких изделий обладают общими стилистическими особенностями. Так, головы всех трёх персонажей обладают непропорционально малыми размерами, а резьба отличается уплощенностью рельефа. Центральная столбообразная фигура в крестчатом омофоре показана во весь рост. Она занимает почти всю вертикальную ось. Две других – погрудные, они размещены в укороченных отростках центральной горизонтальной перекладины. Вариативность резьбы проявляется в различной степени детализации изображений. У двух крестов, происходящих из гг. Переяславля Рязанского (*Судаков, Челяпов, Буланкин,* 1997. С. 377, рис. 2, *7*) и Москвы (Беляев, Векслер, 1996. С. 120), фигуры святых переданы схематично, их лики не просматриваются. Два других аналогичных изделия из г. Казани (*Ситдиков,* 2010. С. 197. Рис. XIV, *10*) и Редикорского городища[71] (*Макаров,* 2001. с. 120, рис. 76, *6*), напротив, отличаются утончённостью исполнения, более детализированной и подробной проработкой одежд и ликов.

Вложения в «ковчежцах» у всех этих находок не сохранились. В кресте из Городка заполняющая полость коричневатая масса, по известным описаниям, напоминает воскомастику, служившую для заливки разрозненных реликвий небольших размеров (кусочков дерева, пепла, угольков, обрывков материи, волос и проч.). В средневековье эта паста из смеси воска, природной смолы, ладана и некоторых других благовоний находила применение не только в храмовых ракликвариях, но и в частных святынях. Её остатки, упоминаемые исследователями церковных древностей как «тёмно-коричневая масса» или «смола», иногда сохраняются внутри бронзовых энколпионов (*Липатов, Медникова, Мусин, Пескова,* 2006. С. 305). Вырезанное на одной стороне креста из Городка углубление, очевидно, служило вместилищем какой-то реликвии, скреплённой воскомастикой. Можно предположить, что на её поверхности было оттиснуто изображение Распятия. Скорее всего, рассматриваемое резное изделие, а также упомянутые выше близкие ему реликварии, подобные по материалу, форме, размерам и наличию одностороннего «ковчежца» для вложений, были изготовлены в мастерской какого-то одного паломнического центра.

Высказать предположение о его местонахождении помогают имена святых на трёх крестах с законченными изображениями. На двух крестах из Переяславля Рязанского трёхстрочный текст над головой центральной фигуры в расширении верхней лопасти недостаточно разборчив. Первое имя не читается (автор публикации предположительно определил его как Дмитрий), два других – Николай и Никон (*Барышев,* 2001. С. 308). Более отчётливо первое имя передано на казанской находке. Здесь образующее первую строку слово можно прочитать как «ОЕРГИ» (*Ситдиков*, 2010. Рис. XIV, *10*). Обращение к трём памятникам XVI–XVII вв. с подписанными изображениями трёх святых, близким к кругу элитарных изделий, указывает на то, что при на-

[71] В Верхнем Прикамье; изделие сохранилось не полностью.

чертании первой буквы на кресте из г. Казани резчик допустил ошибку, либо не довёл её изображение до необходимого совершенства. На двух сходных по облику костяных и одном каменном крестах в серебряных оправах из коллекции Государственного Русского музея имена всех трёх персонажей уверенно читаются. Это Сергий, Николай и Никон (Святые земли Русской. Альбом... 2010. Кат. 124, 125, 129; *Николаева,* 1983. Табл. 45, *3*). Центральную ростовую фигуру композиции по крестчатому омофору можно связать со Святым Николаем Чудотворцем, покровителем странствующих (которыми являлись и паломники), две другие – с преподобными Сергием и Никоном Радонежскими.

Кресты-реликварии с «ковчежцами» для священных вложений и с композицией трёх святых на обратной стороне, как и крест, обнаруженный при раскопках Городка (лишь с намеченным изображением центральной фигуры), могли быть изготовлены в мастерских, связанных с Троицким монастырём, известном своими резчиками по кости и дереву (*Николаева,* 1960. Кат. 138, 140, 142,143, 145; *Николаева,* 1968. Табл. 102; *Пуцко,* 1997). В отличие от дошедших до нашего времени высокохудожественных изделий троицких мастеров, они, очевидно, представляли собой «поточную» продукцию, предназначенную для распространения в паломнической среде.

Композиция в виде ростовой фигуры Святого Николая Мирликийского, окружённой бюстами Радонежских чудотворцев, вероятно, была широко распространена в XVI в., что подтверждается не только её присутствием на разнохарактерных образцах мелкой пластики этого времени, но и оформлением одного из каменных поклонных крестов (*Николаева,* 1971. С. 109, табл. 9). Соответствующая иконография могла сложиться в местной монастырской среде (т.е. в Троице-Сергиевском монастыре)[72] ещё до официальной канонизации Никона Радонежского в 1547 г. На это указывают обстоятельства обнаружения уже упоминавшейся находки из Казани, входившей в состав небольшого клада[73], сокрытого (по датировке позднейших входящих в него монет), возможно, в 1521 г. – во время избиения русских купцов при захвате власти Сахиб Гиреем (*Ситдиков,* 2010. С. 197).

Обнаруженный на Городке крест-реликварий происходит из комплекса времени правления Ивана III. Он обнаружен в слое заполнения ямы 1/2 вместе с многочисленными фрагментами белоглиняных горшков коломенского типа и серебряной денгой Василия Тёмного, отчеканенной около 1462 г. (см.: *Мец,* 1974. С. 38, 126. № 255).

Иконка-привеска, вырезанная на прямоугольной пластине ***из лосиного рога,*** представляет собой пока самую интересную обнаруженную на памятнике христианскую реликвию (Р1-Я2-2; рис. 10*, *3*; 120, *11*). Это одностороннее изделие размером 31×35×4,5 мм. В его прямоугольном ушке (5×6 мм) сохранился небольшой обрывок шерстяной нити-гайтана. В момент обнаружения ушко было забрано в частично сохранившееся полностью оксидированное серебряное оглавие с гладкой поверхностью. Оно напоминало колпачок, спаянный из тонких серебряных пластинок, вырезанных точно по габаритам ушка. На его боковых сторонах имелись небольшие проёмы, устроенные для продёргивания нити гайтана.

На лицевой стороне иконки в рельефной рамке, шириной 2–3 мм, ограничивающей «ковчежец» изобразительного поля, вырезано поясное изображение Богоматери Одигитрии с младенцем Христом на левой руке. Обе фигуры показаны строго фронтально, без сколько-нибудь заметного наклона, изгиба тел или поворота голов. Большие рельефные нимбы едва соприкасаются друг с другом. Обращённые к зрителю лики имеют плавные грушевидные очертания. Их детали изображены в сходной манере: у обоих показаны небольшие округлые глаза с веками, обозначенными короткими косыми чертами (у Богородицы); короткий прямой нос, выделенный слегка расходящимися линиями; едва намеченный небольшой рот; округлый, слегка выдающийся вперёд подбородок. Разделка одежд передана сдвоенными и одинарными косыми линиями, мелкие складки – короткими различно направленными штрихами. Все эти детали и изобразительные приёмы характерны для изделий Московских резчиков второй половины XV в. (*Николаева,* 1983. С. 42, 136).

[72] Имеется в виду Троицкий монастырь.

[73] Состоящего из 33 монет второй половины XV в. и первого двадцатилетия XVI в., двух бусин из сердолика и двух крестов – деревянного с Распятием на лицевой стороне и костяного описываемого типа (*Ситдиков,* 2010. С. 197).

Широкий лик Богоматери обрамлён немного приспущенным на лоб гладким мафорием, согнутая в локте правая рука вытянута почти горизонтально в направлении коленей Христа, большие пальцы на кистях рук подчёркнуто отогнуты. Гладкий, слегка вытянутый вверх, нимб Богородицы немного подрезан верхней рамкой изобразительного поля, что создаёт эффект приближённости её образа к зрителю.

Лик Младенца проработан менее тщательно: глаза посажены с заметной ассиметрией и на разной высоте, линии носа слабо прочерчены и едва заметны, разрез губ только угадывается. Сопровождающий голову нимб – крестчатый. В левой руке наклонно Христос держит свиток, не упирая его в колено. Правая рука простёрта в сторону перед грудью Богоматери почти горизонтально, её персты, вероятно, сложены в благословляющем жесте. Ноги скрещены, правая – подогнута и прикрыта вытянутой левой, ступня которой опирается на рельефную рамку изобразительного поля. Хитон имеет подчёркнуто широкие свисающие рукава, гиматий образует характерные складки у ног (ниже кисти левой руки Богородицы).

Фигуры обоих персонажей подписаны: в верхних углах изобразительного поля на одной высоте (в одну строчку) по обе стороны от нимба Богоматери помещены два сокращённых слова с титлами в виде длинных рельефных черт наверху букв, вырезанных в высоком рельефе – «МРѲ[Y]» и «ІСХС». В первой аббревиатуре последняя буква («Y») опущена: для её размещения в одном ряду не хватило места, так как уже предшествующая литера «Ѳ» вплотную примыкала к нимбу.

Фигуры переданы довольно упрощенными художественными средствами без изящества и утончённости, присущими московской пластике, но гармонично и монументально. В статном образе широколикой Богородицы угадываются черты народного восприятия данного образа. Фронтальный разворот персонажей, строгая вертикаль в положении фигуры Богородицы, почти горизонтальная ориентация правых рук (у неё и у Младенца), аскетизм в оформлении фигур – всё это очень напоминает особенности древнейшего ростового варианта Одигитрии, возникшего в начале сложения данного иконографического типа[74]. В несколько трансформированном виде эти характерные черты узнаваемы в классическом византийском варианте Одигитрии XIII–XIV вв., который на Руси получил широкое распространение с конца XIV в. и стал известен как извод Смоленской Божьей Матери (*Гусева,* 1986. С. 28). Вместе с тем, отдельные детали (такие как скрещённые ноги Младенца, наклонное без упора в колено положение свитка в его левой руке) являются определяющими для совсем другого извода, распространённого в русских землях ещё с домонгольского времени – Богоматери Перивлепты (Прекрасной). Таким образом, изображение обнаруженной на Городке иконки, скорее всего, можно отнести к иконографически не чёткому варианту, стихийно сочетающему в себе черты различных известных изводов.

Именно такое сочетание деталей, определяющих различные варианты исходного типа, присуще одному каменному образку с закруглённым верхом из коллекции Государственного Русского музея (*Николаева,* 1986. Табл. 39, *2*). По мнению Т.В. Николаевой, его можно отнести к новгородским изделиям XV в. С находкой из Городка его сближает изображение обеих фигур строго вертикально и в фас, их прямоличность, почти горизонтальное положение правых рук, характерное для Одигитрии-Перивлепты, скрещенное положение ног Младенца, наклонная ориентация свитка в левой руке, широкие рукава хитона. Нимб Богородицы здесь также слегка подрезан верхней планкой ограничительной рамки. Иначе, более утонченно, проработаны лики, по-другому передана драпировка одежд (в виде рельефных ниспадающих складок), на мафории Богородицы, покрывающим голову, вырезана звезда. Сравнивая эти два памятника и обнаруживая явные отличия в манере их исполнения, тем не менее, можно предположить, что в основе их необычной иконографической композиции лежал общий прототип. Последний мог сложиться в то время, когда на место Одигитрии-Перивлепты, широко представленной среди богородичных икон ещё с домонгольской поры, сначала на московской почве, а затем и в других землях, приходит иной извод, предполагающий отказ от принятых ранее поворотов и легких наклонов фигур.

[74] См. например: кипрская мозаичная икона первой половины VII в. на апсиде церкви Пангии Ангелоктиссы (*Лазарев,* 1986. С. 41).

По мнению к.и. Гнутовой С.В., по стилистическим особенностям обнаруженная на Городке иконка близка к произведениям мелкой резной пластики из центральных районов России, а её изготовление может быть датировано рубежом XV–XVI вв. Она была обнаружена в заполнении ямы 2/1 в одном слое с серебряной денгой конца правления Василия Тёмного, отчеканенной около 1462 г. (*Мец,* 1974. С. 38, 126, № 255).

С живописными иконами связаны небольшие ***обломки серебряных окладов*** в виде обломанных фрагментов тонких серебряных листов[75], украшенных басменным тиснением (2 экз.: Р2-3-3, Р2-4-4). Последнее воспроизводит растительный орнамент в виде изогнутых стеблей с отходящими завитками и бутонами (рис. 10*, *5*; 120, *9, 10*). Подобная орнаментация в басме встречается в XV в., но приобретает большее распространение в начале XVI в. (*Николаева,* 1976. С. 205, 206). Размеры фрагментов невелики: 17×11 мм и 28×14 мм. Один из них, напоминающий обломанную с двух концов дугообразную полосу (шириной 14 мм), можно определить как часть венца (рис. 120, *10*). Обе находки обнаружены в переотложенном слое огородной распашки.

§ 4. ОРУЖИЕ, ЭЛЕМЕНТЫ СНАРЯЖЕНИЯ ВСАДНИКА И ВЕРХОВОГО КОНЯ

В рассматриваемой коллекции выделяются находки вооружения и разнообразных предметов воинского снаряжения. К ним относятся фрагмент сабельной полосы, железные наконечники стрел, элементы снаряжения всадника и верхового коня. Этот перечень может быть дополнен маловыразительными обломками трёх ножей, которые, по данным металлографического исследования, были откованы по типичной схеме боевых клинков (Р1-3-5Г, Р1-2-10Б, Р3-5-9).

Обломок сабельной полосы (Р2-Я2-5; рис. 116, *12*), сохранившейся на длину 36 см, обнаружен в придонной части заполнения ямы 2/2, перекрытой слоем с серебряной денгой Василия Тёмного чеканки 1446–1462 гг. (*Мец,* 1974. С. 105. № 126). Сохранность металла хорошая. Однако изделие ещё до того, как попало в яму, было обломано – как со стороны завершения клинка, сохранившегося на длину 32 см, так и со стороны окончания черена (сохранился на длину 4 см). Характеристики сабельных клинков периода формирования Московской Руси (середины – второй половины XV в.) в настоящее время остаются фактически не изученными. Найденный образец, несмотря на существенные утраты, позволяет представить некоторые черты рядового широко распространённого в русской военной традиции оружия ближнего боя времён окончания феодальной войны и походов Ивана III. Его отличает массивность и значительная толщина полотна (толщина спинки клинка достигает 8,8 мм). Клинок не имел дола, его ширина у основания рукоятки – 41 мм. Черенок слегка отогнут в сторону лезвия, от оси клинка его наклон составляет 5°. Кривизна клинка из-за небольших размеров сохранившейся части, к сожалению, не установима.

Наконечники стрел (11 экз.: Р1-2-3, Р1-2-10А, Р1-2-5, Р1-3-10Б, Р1-3-2А, Р1-4-1, Р2-Я1-1а, Р2-Я1-1, Р2-Я2-1, Р3-3-8, Р3-9-10) обнаружены на сравнительно небольшом участке памятника площадью 175 кв.м[76]. Планиграфически находки данной категории тяготеют к территориям усадьб А и Б. Большая часть из них обнаружены в горизонте огородной распашки; только три наконечника происходят из заполнений материковых ям. При их описании воспользуемся типологией наконечников стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII вв., разработанной О.В. Двуреченским на основании изучения 414 датированных образцов (2007а.). В её основу положено выявление устойчивых сочетаний значений таких признаков, как пропорция пера, форма плечиков, абрис сторон проникателя, наличие/отсутствие и длина шейки, расположение максимального расширения пера, наличие/отсутствие упора.

Все обнаруженные изделия – железные черешковые плоские. Они разделяются на пять известных типов.

Первый тип (5 экз.) представлен наибольшим количеством экземпляров с отчётливо выраженным упором, соответствующих типу 6 по О.В. Двуреченскому (2007а. С. 283) и близким к типу 40 и варианту 2 типа 44 по классификации А.Ф. Медведева (1966. С. 64, 65, 67). Их перо

[75] Толщиной по 0,15 мм.

[76] На раскопах 1–3.

по облику напоминает узкий вытянутый треугольник. Его расширение располагается в нижней трети длины. Размеры варьируют в пределах 6,0–10,2 см (длина пера – 4,0–6,9 см), вес – в пределах 5,3–17,5 гр. По незначительным морфологическим особенностям выделяются три варианта.

Первый вариант (вариант 6а (*Двуреченский,* 2007а. С. 283, 284)) определяется по сочетанию узкого пера (с пропорцией 1/4–1/7) и проникателя с прямыми сторонами, короткой или средней по длине шейкой (рис. 116, *2*). Найденный экземпляр отличается тем, что остриё его линзообразного в сечении пера имеет небольшое пулевидное утолщение. Относится к самой распространённой разновидности наконечников стрел XV–XVII вв., широко распространённой в различных областях Московского государства.

Второй вариант (вариант 6в, см.: *Двуреченский,* 2007а. С. 284) отличается от первого несколько большей шириной пера с пропорцией 1/3–1/4 (рис. 116, *1, 4, 9*). Последнее имеет сечение в виде уплощенного ромба. Хорошо известен кругу памятников, датируемых до второй половины XVII в. Один экземпляр данного типа (рис. 116, *1*) обнаружен в верхнем слое заполнения ямы 1/2 вместе с серебряной денгой Ивана III.

Третий вариант (вариант 6г, см.: *Двуреченский,* 2007а. С. 285) характеризуется сочетанием слегка вогнутых сторон проникателя, имеющего пропорцию близкую к 1/3 (рис. 116, *6*). При этом сам проникатель по форме сечения напоминает уплощенный ромб. Наконечники такой разновидности изредка встречаются в напластованиях XVI–XVII вв. (известны по раскопкам Москвы и Коломны). В материалах раскопок памятников более раннего времени не встречены.

Второй тип (3 экз.) образуют наконечники без упора с заметной ассимметрией узкого линзовидного в сечении пера небрежной выделки с пропорцией порядка 1/3–1/4 (рис. 116, *5, 8, 10*). Проникатель имеет вытянутые треугольные очертания. Плечики почти прямые, слабовогнутые. Длина изделий колеблется в пределах 6,5–7,2 см, длина пера – 4,8–5,4 см, вес – в пределах 3,8–8,6 гр. Соответствует типу 7 по О.В. Двуреченскому (2007а. С. 285) и типу 46 (ромбовидному новгородскому) по А.Ф. Медведеву (1966. С. 67, 68). Появился в Прикамье на рубеже нашей эры и был широко распространён в северной полосе Восточной Европы до конца XIII в. Преимущественно в рамках этой же географии (Москва, Псков, Волоколамск, Мангазея, Воткинское и Кармылыкское городища, Картуковский могильник, Емецкий городок) известен и в более поздний период – до второй половины XVII в. Наконечники этого типа встречены в слое периода Казанского ханства Казанского кремля (*Ситдиков,* 2006а. Рис. 77, *1*), в удмуртских и марийских погребениях XVI–XVIII вв. (*Руденко,* 2003. С. 193, табл. 22, *1*; 194, табл. 23, *9–13*).

Третий тип (1 экз.) соответствует варианту 9а типа 9 по Двуреченскому О.В. (2007а. С. 286). По классификации А.Ф. Медведева, он наиболее близок типу 51, датированному X–XIV вв. (1966. С. 69). Его определяют наличие упора, удлинённая шейка и узкое вытянутое ромбовидное (как во фронтальном, так и в поперечном разрезах) перо с расширением в верхней половине длины с пропорцией 1/4–1/5 (рис. 116, *7*). Единственный обнаруженный экземпляр отличается слегка вогнутыми сторонами проникателя. Его размер – 7,5 см при длине пера – 5,6 см, вес – 5,9 гр. Известен по раскопкам Москвы, Коломны (*Двуреченский,* 2007. С. 286), селища Кожевники начала XVIII в. (*Костылёва, Уткин,* 2006. Рис. 6, *14*).

Четвёртый тип (1 экз.) по пропорции и форме пера очень напоминает первый вариант первого типа, но отличается от него выгнутыми сторонами проникателя. Единственный встреченный образец оснащён упором; пропорция его уплощенного пера с ромбовидным сечением около 1/4. Длина наконечника – 9,5 см, вес – 9,2 гр. (рис. 116, *3*). Соответствует типу 15 стрел Московского государства (*Двуреченский,* 2007а. С. 288) и варианту 2 типа 41 XIV вв. по типологии А.Ф. Медведева (1966. С. 65). Наконечники стрел такого типа известны по комплексам широкого хронологического диапазона – с середины XI по XVII вв.

Пятый тип (1 экз.) характеризуется отсутствием упора, укороченной редуцированной шейкой и треугольной вытянутой формой пера уплощенного линзовидного сечения со слегка выпуклыми сторонами проникателя. Единственный встреченный экземпляр сохранился с утратами (рис. 116, *11*). Он соответствует типу 16 по О.В. Двуреченскому и датируется периодом конца

XIV–XVII вв. (2007а. С. 288). Известен по раскопкам Москвы, Пскова, Копорья, сибирских городков.

По набору разновидностей, их количественным соотношениям данная подборка напоминает коллекции наконечников стрел, собранные в Тушинском лагере, на месте «столицы» Лжедмитрия 1608–1610 гг. (*Двуреченский,* 2007б. С. 261, рис. 8; 262, рис. 9), и на Романовом дворе в г. Москве, где основная масса подобных изделий датирована в пределах середины – второй половины XVI в. (Археология Романова двора…, 2009. С. 114–117; 331, рис. 85). Для неё, как и для выше указанных собраний в целом, состав изделий в морфологическом и функциональном плане достаточно однороден. Большая часть из них (представленных типами 1–3, образующих 85% всех обнаруженных экземпляров) относится к универсальным наконечникам и только два образца (типы 4 и 5) можно охарактеризовать как специализированные «рассекающие» (*Двуреченский,* 2007а. С. 297). Сочетание встреченных разновидностей наконечников стрел характерно для центральных и южных областей Московского государства (*Двуреченский,* 2007а. С. 302, рис. 42). Все они предназначались для поражения противника с лёгким защитным снаряжением (либо без него).

Сравнение с другими памятниками русского средневековья выявляет высокую встречаемость наконечников стрел на раскопанном участке городища. Так, собранная на всех раскопах Московского кремля (с учётом масштабных работ 2007 г.) коллекция железных наконечников стрел включает в себя 20 находок, на одном из участков Московского посада – Романовом дворе (на площади около 1000 кв.м) – 23 (Археология Романова двора…, 2009. С. 114). На раскопе размером 1400 кв.м в г. Твери (раскоп «Кремль-11») обнаружено 18 наконечников стрел (*Лапшин,* 2009. С. 89), на Нутном раскопе Великого Новгорода (674 кв.м) – 5 (*Гайдуков,* 1992а. С. 92), на раскопах Ярополча Залесского (7000 кв.м) – 72 (*Седова,* 1978. С. 103), в Ростиславле Рязанском на раскопанном участке площадью1100 кв.м – 5 (*Коваль,* 2002. С. 383), в Чебоксарах на раскопе площадью 300 кв.м – 2 (*Краснов, Каховский,* 1978. С. 128). Таким образом, без поправок на разницу в мощности культурных напластований и сроках их накопления, концентрация железных наконечников стрел на раскопанном участке Городка – самая высокая среди всех выше перечисленных объектов, в среднем – одна находка на 16 кв.м вскрытой площади[77].

Насыщенность культурных напластований наконечниками стрел обычно объясняется либо пребыванием воинского контингента[78], либо последствием военного штурма[79].

Со снаряжением всадника и верхового коня связаны такие находки, как железная шпора, фрагменты удил, железные пряжки.

Колёсиковая шпора (Р2-Я2-4а), как и выше описанный обломок сабельной полосы, обнаружена в нижней части заполнения ямы 2/2. Металл находки сильно коррозирован, колёсцо (звёздочка) и часть одной крепёжной петли утрачены ещё в средневековье. Дужка шпоры (шириной 100 мм и длиной 110 мм) немного расширена (до 13 мм) в надпяточной части и снабжена уплощенным хоботовидным ответвлением – язычком, длиной 8 мм, шириной 5 мм (рис. 117, *1*). Скобы вблизи петель имеют коленчатый перепад. Каждая из петель представляет собой квадратную пластину (24×24 мм) с двумя прорезями для крепёжных ремней. По классификации А.Н. Кирпичникова, их можно отнести к типу 2 (1973. С. 63, рис. 38). Штыреобразный держатель колёсца, длиной 43 мм, отогнут вниз от плоскости дужек на угол 40°, его основание декорировано едва заметной концентрической линейной насечкой.

Данная разновидность шпор (тип V по А.Н. Кирпичникову) «пережила» татаро-монгольское нашествие, широкое распространение её началось во второй половине XIV в., закончилось – только в конце XV в. (*Кирпичников,* 1973. С. 68). Варианты колёсиковых шпор, известные по более поздним памятникам, связаны с распространением европейских традиций (*Двуреченский,* 2007б. С. 269, 270). Ближайшим аналогом найденного экземпляра является одна шпора, происходящая из переотложенного слоя XIV–XVII вв. г. Коломны (*Ульянова,* 2008.

[77] Для сравнения: один наконечник на Романовом дворе приходится на 43 кв.м, на тверском раскопе «Кремль-11» – на 78 кв.м, в Ярополче Залесском – на 97 кв.м, на новгородском Нутном раскопе – на 134 кв.м, на раскопе в г. Чебоксары – на 150 кв.м, в Ростиславле Рязанском – на 220 кв.м.

[78] Как, например, на Романовом дворе в Москве (Археология Романова двора…, 2009. С. 114).

[79] Как на предмонгольском Золотарёвском поселении (*Белорыбкин,* 2001. С. 116).

С. 203, рис. 7, *1*). Как и для описываемого образца, для неё характерны квадратные двухпрорезные петли, удлинённый держатель звёздочки, хоботовидный язычок в надпяточной части дужки.

В качестве обломка ещё одной шпоры предположительно можно атрибутировать железный стержень прямоугольного сечения с четырёхгранёной (пирамидальной) головкой на конце (Ш2-3-2Б; рис. 117, *2*), напоминающий шип шпор типа Б по классификации А.Н. Кирпичникова (1973. С. 63, рис. 38). Он сохранился на длину 62 мм. Сечение стержня неоднородно, он постепенно сужается к головке, что затрудняет его определение как гвоздя с декоративной гранёной шляпкой. Подобные предметы обнаружены при раскопках как на территории нижегородского посада (*Ерёмин,* А-1997. № 22423. Илл.63, *1*), так и в черте детинца нижегородской крепости (*Лапшин,* А-2001. Табл. 80, *3092*).

Удила (2 экз.: Р1-Я2-3, Р2-Я1-1а) представлены двумя фрагментами. Один из них – обломок грызла квадратного сечения (рис. 117, *4*), другой – часть кольчатых удил в виде одного грызла прямоугольного сечения и подвижного кольца, продетого в его петлю с манжетовидным расширением (рис. 117, *3*). Кольцо имеет небольшой диаметр (42 мм), характерный для оснастки тугоуздных (малочувствительных) лошадей (*Кирпичников,* 1973. С. 17). Его сечение напоминает правильный прямоугольник (4×5 мм). Удила такой конструкции (типа IV по А.Н. Кирпичникову) универсальны и наиболее многочисленны. Их широкое использование в Восточной Европе начинается с IX–X вв. (*Кирпичников,* 1973. С. 17).

Наверное, многие из найденных при раскопках отдельных железных колец служили деталями кольчатых удил. Размеры четырёх из них (от 38 до 50 мм) близки к характерным диаметрам этих изделий (рис. 108, *8, 9, 12, 13*). Все они найдены в заполнениях материковых ям (Р2-Я2-2, Р2-Я2-2а, Р2-Я2-3, Р2-Я8).

Железные пряжки (11 экз.: Р1-1-5Г, Р2-1-5, Р1-2-7, Р1-3-4, Р3-3-7, Р3-3-6, Р3-3-3, Р1-Я1В-2, Р2-Я1-1, Р2-Я2-1, Р3-Я2-1) являлись обязательными элементами амуниции верхового коня. Вместе с тем, некоторые из них могли использоваться и по другому назначению. Все обнаруженные изделия этой категории – бесщитковые. Используя традиционную классификационную схему железных пряжек (см.: *Фёдоров-Давыдов,* 1966. С. 42–47), по форме рамки найденные экземпляры можно разделить на четыре типа.

Тип 1 (4 экз.) объединяет прямоугольные и квадратные пряжки различных очертаний и размеров. Самая крупная имеет размеры 50×50 мм. Её ось, на которую крепился ремень, по краям оснащена двумя выступами-ограничителями (рис. 117, *12*). Сечение рамки – прямоугольное. Морфологически близкие изделия известны по раскопкам Романова двора в г. Москве (из горизонта второй половины XVI в., см.: Археология Романова двора…, 2009. С. 389, рис. 143, *6*), поселения Григоровка в Поднепровье (*Петрашенко,* 2005. С. 87, рис. 44, *11*), селища Михали в Суздальском Ополье (*Самойлович,* 2007б. С. 31, рис. 3, *4*), Никульчинского городища в Вятской земле (*Макаров,* 2001. С. 99, рис. 55, *22*), городища Старая Рязань (*Даркевич, Борискевич,* 1995. С. 285, табл. 57, *12*). Одно изделие, с частично сохранившимся язычком, имеет продолговатую прямоугольную (трапециевидную) рамку (29×(16–19) мм) прямоугольного сечения (рис. 117, *7*). При креплении она ориентировалась вдоль ремня. Её аналоги известны по материалам подмосковного поселения Настасьино (Средневековое поселение Настасьино…, 2004. С. 247, рис. 81, *5*). Третье изделие этого типа, размером 20×20 мм, отличается квадратной формой и дугообразно выгнутым передним краем рамки (рис. 117, *10*). Оно напоминает пряжки с Лаишевского селища (*Руденко,* 2001. С. 99, рис. 13, *45, 47*) и поселения Устье-3 (района Куликова Поля, см.: *Гоняный,* 2005. С. 96, табл. 4, *9*). Ещё одна частично сохранившаяся пряжка прямоугольной формы – двурамчатая с прямоугольным приёмником (рис. 117, *8*). Её размеры – 23×40 мм. Как и у первого описанного образца, её ось, на которую крепился ремень, оснащена двумя ограничительными выступами.

Тип 2 (3 экз.) образуют сегментовидные (или полукруглые) пряжки. Рамка у наиболее крупного образца (за исключением оси, на которую прикреплялся утраченный язычок) имеет следы тордирования (рис. 117, *9*). Её размеры – 72×66 мм. Близкие по размерам и форме изделия обнаружены при раскопках поселения Григоровка (*Петрашенко,* 2005. С. 87, рис. 44, *15*), на Романовом дворе в Москве (в горизонте второй половины XVI в., см.: Археология Романова

двора…, 2009. С. 389, рис. 143, *5*). Второе изделие характеризуется уплощенной в сечении прямоугольной рамкой с размерами 29×32 мм (рис. 117, *13*). Его ближайшим аналогом является пряжка с поселения Устье-3 (района Куликова Поля, см.: *Гоняный,* 2005. С. 96, табл. 4, *1*). Третий экземпляр этого типа отличается миниатюрными размерами (10×12 мм; рис. 117, *17*). Он близок к находке со средневекового поселения Настасьино (Средневековое поселение Настасьино…, 2004. С. 247, рис. 81, *7*).

Тип 3 (3 экз.) объединяет три, близких по размерам, изделия с округлой рамкой (рис. 117, *14–16*). Их диаметры варьируют в пределах 22–24 мм. Сечение рамок близко к уплощенному прямоугольнику ((3–4)×(2–3) мм). Рамка каждой пряжки имеет небольшой спрямлённый участок, длиной порядка 8–10 мм, служивший, очевидно, для крепления ремня и язычка. Пряжки таких размеров и очертаний известны по памятникам Куликова Поля (как предмонгольского, так и золотоордынского времени, см.: *Гоняный,* 2005. С. 86; 93, табл. 1, *9, 10*), Волжской Болгарии (селище Чакма, см.: *Руденко,* 2001. С. 99, рис. 13, *50–52*), по раскопкам гг. Твери (*Лапшин,* 2009. С. 327, рис. 77, *5–7*) и Великого Новгорода (*Гайдуков,* 1992а. С. 148, рис. 57, *19*).

Тип 4 (1 экз.) представлен единственной лировидной пряжкой с округлой передней частью рамки – вытянутой и сдавленной по бокам (рис. 117, *11*). Её размеры – 30×40 мм. Изделия такого типа широко представлены как в памятниках кочевников эпохи Золотой Орды (тип Va: *Фёдоров-Давыдов,* 1966. С. 46), так и на памятниках русского средневековья[80].

Если систематика пряжек по форме отражает различные культурные традиции, то их разделение по ширине ремня, очевидно, фиксирует различия в характере использования. По ширине связанной с пряжками ременной основы они распределяются на четыре варианта.

К *первому варианту* (с шириной крепёжной оси 30–35 мм) относятся два наиболее крупных экземпляра с рамками прямоугольной (рис. 117, *9*) и полукруглой (рис. 117, *12*) формы. Вероятно, они могли использоваться как запоры подпружных подбрюшных ремней. *Второй вариант* (с шириной крепёжной оси 15 мм) определяет единственная находка с лировидной рамкой типа 4 (рис. 117, *11*). *Третий вариант* (с шириной крепёжной оси 8–11 мм) – количественно преобладающий. Это различно оформленные пряжки (типов 1–3), крепившиеся к ремням небольшой, почти стандартной ширины. Они могли использоваться для крепления ремней оголовья (узды) или стремян. Декоративную функцию, вероятно, выполняла миниатюрная пряжка с длиной крепёжной оси около 5 мм (*четвёртый вариант;* рис. 117, *17*).

С описанной категорией изделий связаны находки двух ***железных уплощенных язычков*** (2 экз.: Р1-Я2-3, Р3-3-7; рис. 117, *5, 6*).

В собранном на памятнике комплексе предметов вооружения и воинского снаряжения проступают черты тех изменений в тактике и оснащении московской конницы, которые начинают происходить с середины XV в. Ближний бой на копьях, боевых топорах и мечах в это время вытесняется маневренным дальним боем из луков, а в рукопашной схватке главенствующее место постепенно завоёвывает сабля. После указа 1555 г. главным родом войск Московского государства становится поместная конница, основные средства наступательного боя которой в документах того времени кратко характеризуются как «саадак[81] да сабля» (*Курбатов,* 2009. С. 161). По свидетельству австрийского дипломата С. Герберштейна, посещавшего Московию в 1517 и 1526 гг, в начале XVI в. сабля ещё отсутствовала в комплекте обычного русского оружия, а употреблялась лишь людьми «более знатными и более богатыми» (*Герберштейн С.,* 1988. С. 114).

Если находки наконечников стрел на памятнике однозначно трактовать затруднительно[82], то обнаружение крупного обломка сабельного полосы и шпоры в придонной части одного углублённого в материк сооружения с большой степенью вероятности можно объяснить присутствием среди местных жителей профессиональных воинов.

---

[80] Они известны по поселениям Бучалки-3 и Устье-3 района Куликова Поля (*Гоняный,* 2005. С. 97, *2, 3*), Настасьино (Средневековое поселение Настасьино…, 2004. С. 247, рис. 81, *8*), а также в гг. Великом Новгороде (*Колчин,* 1959. Рис. 96, *16*) и Белоозере (*Захаров,* 2004. Рис. 183, *30, 31*).

[81] Комплект вооружения лучного стрельца, состоящий из лука в налуче и колчана со стрелами.

[82] Наконечники стрел могли попасть в культурный слой поселения как в результате произошедшего на его территории сражения, так и в следствие случайных утрат, совершённых во время стационарного размещения на нём воинского контингента.

§ 5. МОНЕТНЫЙ КОМПЛЕКС И МОНЕТНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Период середины XV – начала XVI вв. в Нижегородском Поволжье крайне слабо представлен нумизматическими находками (табл. 30–36). Сокрытые в это время здесь монетные клады пока достоверно не известны (табл. 30). Единственным исключением, возможно, является клад, откопанный крестьянином Макаровым в д. Кубаево Горбатовского уезда Нижегородской губернии в 1867 г. (Архив ИИМК. Ф.1. 1867. № 18. Л. 5–9). Он состоял из трёх серебряных слитков, 88 дирхемов Золотой Орды и 800 русских денег. Большинство монет после изучения в Императорской Археологической комиссии было отнесено к чекану Василия Тёмного. Их описание, к сожалению, не было составлено, и сейчас время захоронения этого комплекса можно очертить только крайними датами правления выше указанного правителя (1425–1462 гг.). Присутствие в составе клада большого количества золотоордынского серебра XIV в. порождает сомнение в правильной атрибуции входящих в него русских денег: по предположению А.М. Колызина, их эмитентом мог быть Василий Дмитриевич Московский (*Колызин,* 1998а. С. 39, 40. № 22). Остальные известные в нижегородских пределах кладовые комплексы с включением денег Василия II или Ивана III сложились либо в первой трети XV в., либо ближе к середине XVI в., уже при Иване Грозном. В настоящее время документально подтверждённые местонахождения отдельных монет выше указанного хронологического промежутка можно связать только с четырьмя пунктами. Это Городец-на-Волге (монеты Василия Тёмного и Ивана III (*Лебедев, Дунин,* 1997. С. 32)), Ольгинское поселение под Нижним Новгородом (две монеты Ивана III (*Грибов,* А-2009в. Илл. 5, *1, 2*)), березопольские селища Ефимьево-6 (денга Ивана III (*Грибов,* А-2011а. Илл. 34)) и Кудрешки-2 (денга Ивана III или Василия III, чеканенная около 1505 г. (*Грибов,* А-2010. Илл. 138)).

На этом фоне находки, обнаруженные на городище Городок, представляют особый интерес. Это первый собранный на поселении достаточно многочисленный нижегородский монетный комплекс середины XV – начала XVI вв., включающий в себя монеты всех известных тогда нония, но и позволяет состав миналов. Его изучение помогает не только в установлении времени функционирования поселе ить представление об особенностях местного монетного обращения в указанный период.

Собранная на памятнике нумизматическая коллекция состоит из 23 серебряных (Р1-1-5А, Р1-3-10Б, Р1-3-10, Р1-Я1А-1 (2 экз.), Р1-Я1А-2 (2 экз.), Р1-Я1Б-2, Р1-Я1В-2, Р1-Я2-1 (2 экз.), Р1-Я2-1г, Р1-Я2-2, Р1-Я2-3, Р2-3-5, Р2-Я1-1 (2 экз.), Р2-Я1-2 (2 экз.), Р2-Я2-3, Р2-К6, Р3-2-1, Р3-10-10) и 9 медных (Р1-1-10А, Р1-2-10Б, Р1-3-4А, Р1-Я2-1, Р2-Я1-1, Р2-Я1-2б, Р2-Я1-2, Р2-Я2-1, Р3-3-7) монет, обнаруженных на раскопах 1–3[83]. Их концентрация на исследованном участке памятника весьма высока. По количеству монетных находок на единицу исследованной площади, раскопанный участок Городка превосходит Романов двор в Москве, где при вскрытии более мощных культурных отложений (до 2,7–3,5 м) на площади порядка 1000 кв.м собранная с помощью металлодетектора нумизматическая коллекция имела существенно более широкий хронологический диапазон (XIV–XVII вв.) (Археология Романова двора…, 2009. С. 101). В указанном районе московского посада одна монета в среднем соответствовала 7 кв.м раскопанной площади, на Городке – 5,5 кв.м.

Следует отметить, что столь высокая вероятность обнаружения нумизматических находок вряд ли присуща всей территории памятника: в шурфе 2 (15 кв.м), заложенном на значительном расстоянии от раскопов 1–3, при тщательной переборке грунта и последующей проверки его металлодетектором не удалось найти ни одной монеты.

На раскопанном участке нумизматические находки не образовывали сколько-нибудь компактных скоплений, их распределение по изученной территории трёх усадебных комплексов планиграфически довольно равномерно. Большая часть монет (две трети от общего числа) обнаружены в материковых ямах, меньшая – в переотложенном слое огородной распашки. По количеству монетных находок выделяются ямы 1/2 (7 экз.), 2/1 (6 экз.), 1А/1 (4 экз.). В их заполнении приуроченность монет к каким-либо определённым горизонтам не прослеживается:

[83] Кроме того, на памятнике обнаружены медные 2 копейки 1872 г. (Р1-2-10А). Все статистические материалы рассматриваемой коллекции составлены без учёта данной находки.

встречаемость памятников нумизматики в верхних слоях и в придонных отложениях приблизительно одинакова (48% и 52% соответственно). Во вмещающем грунте монеты in situ всегда фиксировались разнесенными друг от друга на заметное расстояние, что делает предположение о какой-либо связанной с ними распавшейся ёмкости (кожаного или матерчатого кошелька) не состоятельным. Условия обнаружения монет однозначно указывают на то, что они случайно и разрозненно утрачивались своими владельцами в течение некоторого временного промежутка. Последний можно оценить по хронологическому составу собранной коллекции.

В собранном комплексе присутствуют 29 русских (двадцать денег, одна полуденга, восемь пул), одна крымская (серебряная акче) и две неопределимые (медная и серебряная) монеты плохой сохранности.

Среди атрибутированных серебряных монет преобладают денги великого Московского княжества (20 экз. – 87%). Девять из них относятся к чеканке Василия II, шесть – к эмиссии Ивана III. Ещё две монеты выпущены от имени одного из этих правителей около 1462 г.[84] Подавляющее большинство монет Василия Тёмного представлено типами последнего периода чеканки (1446–1462 гг.). Временные рамки хождения встреченной денги Бориса Александровича Тверского ограничены 1425–1461 гг. Год выпуска восточной монеты – крымского акче хана Хаджи-Гирея – 867 г.х. (1462–1463 гг.). Единственная серебряная полуденга – анэпиграфная. Её вес (0,16 гр.) близок к половине среднего веса денег Василия II, выпущенных после 1445 г. В итоге, оказывается, что время чеканки подавляющего большинства серебряных монет с определимым временем выпуска (19 экз. – 86%) укладывается в узкий промежуток 1446–1505 гг. Ранее этого периода в поток денежного обращения могли попасть три монеты. Это денга Бориса Александровича Тверского, датированная по времени его правления (с 1425 г.) (№ 20[85]); денга Василия II (со всадником, поражающим копьём змея, на лицевой стороне) 1434–1445 гг. (№ 1); фальшивая денга, изготовленная по образцу монет Василия II 1425–1434 гг. с изображением всадника с соколом (№ 11). Появление в обращении ещё одной монеты (№ 2), по мнению исследователей, могло произойти осенью 1445 – зимой 1445-46 гг. Дата начала чеканки наиболее поздних выпусков определяется 80-ми гг. XV в. – по денге Ивана III с именем «мастера» Александра (*Зайцев,* 2006. С. 23, 24) (№ 19). Отсутствие в коллекции монет Василия III можно рассматривать как указание на завершение активной фазы местного монетного обращения, по крайней мере, к концу правления Ивана III. Два этапа, на которые условно может быть разделён очерченный шестидесятилетний промежуток[86], представлены почти равным количеством находок. С учётом всех этих данных, наиболее вероятное время археологизации собранных серебряных монет можно оценить пределами промежутка 1446–1505 гг.

Монеты мелких номиналов представлены главным образом медными пулами. Сфера их обращения, как известно, ограничивалась сугубо местными сделками при продаже или приобретении розничных товаров повседневного спроса (см.: *Гайдуков,* 1993. С. 74). Оборот пул, как правило, не выходил за пределы административной территории, тяготеющей к определённому городскому центру, где и происходила чеканка медной монеты. Поэтому места выпуска большинства денежных знаков из меди определяются не только по оформлению и легендам, но и по географическим привязкам отдельных находок.

Редко встречаемые при раскопках Нижнего Новгорода медные средневековые монеты остаются пока должным образом не описанными и не изученными. Их фонд, несмотря на значительные масштабы новостроечных исследований 1990 – 2000-х гг., пополняется медленно (табл. 33). Некоторые представления о пулах Нижегородско-Суздальского княжества были получены по находкам из Городца-на-Волге, одной из его удельных столиц (*Гайдуков,* 1992б; 2003. С. 58, 59). В капитальном своде русских медных монет П.Г. Гайдукова типология нижегородских выпусков разработана по 17 экземплярам (1993. С. 57–59, 201). Места чеканки большинства опубликованных типов пока не определены. В этой связи девять медных пул, обнаруженных при раскопках Городка, представляют несомненный интерес для изучения медного нижегородского чекана.

[84] Из-за неудовлетворительной сохранности экземпляров имена эмитентов прочитать не удалось, но изображения свойственны как для одного из типов денег Василия II, так и для одного из выпусков Ивана III (см.: приложение 1. №№ 12, 13).

[85] Здесь и далее номера монет даны по каталогу (см. приложение 1).

[86] Завершающий период чеканки Василия II (1446–1462 гг.) и время эмиссии монет Ивана III (1462–1505 гг.).

Условия обнаружения медных монет на памятнике близки к археологическому контексту находок из серебра, из чего вытекает высокая вероятность синхронности их обращения и последующего попадания в археологические комплексы. Это подтверждается совместным обнаружением одного пула и двух денег Василия II в одном слое заполнения ямы 1/2[87].

Большинство обнаруженных на Городке пул удовлетворительной сохранности можно отнести к различным вариантам одного типа, определяемого по изображению на одной из сторон равноконечного креста (№№ 23–25, 26, 28)[88]. Он представлен шестью экземплярами, что составляет 75% от общего числа находок с сохранившимися изображениями. Среди них можно выделить минимум три варианта.

Вариант 1 объединяет три анэпиграфные монеты (№№ 23–25), отличаемые по сочетанию равностороннего креста с раздвоенными (в виде «галочек») окончаниями и шестилучевыми звёздами в промежутках между осями на лицевой стороне, и фигуры из перекрещенных и переплетённых «ленточных» овалов в фигурном четырёхлепестковом ободке – на оборотной. Вариант I весьма близок к одному из вариантов V типа пул Нижегородского княжества, выделенному П.Г. Гайдуковым по находкам из г. Городца-на-Волге (1993. С. 201. № 399). Первый вариант пул Городка отличается от него несколько иным оформлением лицевой стороны. Крест на монетах из Городка симметричен по обеим линиям своих осей, тогда как на городецких монетах он определённым образом ориентирован: основание креста опирается на подножие, а дугообразные линии, обозначающие окончания его горизонтальной перекладины, вблизи завершения верхней оси почти смыкаются в полукруг. В верхней части монетного поля соответствующего варианта пул из Городца-на-Волге просматриваются следы круговой надписи, место которой на монетах из Городка занимает точечный ободок (рис. I).

Пулы первого варианта характерны для г. Нижнего Новгорода и, вероятно, для его удельных земель (табл. 33, 36). Стопка из девяти скреплённых окислами таких монет была обнаружена в 2003 г. в одном из нижегородских раскопов (на ул. Ульянова) в придонном слое обширной материковой ямы (*Шакулова,* А-2003. Л. 36, 37. Илл. 125; *Очеретина,* 2006. С. 110, 111). Сопровождающий находку керамический комплекс датируется в пределах промежутка второй половины XIV – начала XV вв. Ещё четыре таких монеты встречены в переотложенных напластованиях, вскрытых в разных районах средневекового Нижнего Новгорода за пределами укреплений детинца: во дворах по ул. Пискунова (у д. № 22)[89] и на Ильинской горе в Крутом переулке (*Грибов,* А-1999. Л. 29. Илл. 45). Один образец такого пула найден на сельском подгородном Ольгинском поселении в 2009 г. (рис. 16*, *4*). Обнаружение в г. Нижнем Новгороде и в его ближайшей округе семнадцати экземпляров таких монет служит основанием для причисления их к местному нижегородскому чекану. Средний вес пул первого варианта (1,27 гр.[90]) меньше, чем у типологически близких ему монет из Городца-на-Волге (1,69 гр.[91]), что, возможно, указывает на несколько более позднее время их обращения по сравнению с городецкими находками.

Оборотная сторона первого варианта монет с изображением креста стилистически близка к произведениям резчиков монетных штемпелей из Золотой Орды. Ограничивающие изобразительное поле фигурные картуши в виде трёх-, четырёх- или шестилепестковых линейных ободков с узелками-трилистниками часто встречаются на монетах золотоордынских городов ал-Джадида и Сарая-ал-Джадида[92]. Центральная фигура в виде двух крестообразно пе-

[87] Пул – с равноконечным крестом на одной стороне (№ 29); денги Василия II – одна фальшивая, отчеканенная по образцу монет 1425–1434 гг. (№ 11), другая выпущена в обращение около 1462 г. (№ 8).

[88] Под условным понятием монетного типа будем понимать группу монет, объединённых единым центральным образом (знаком), лежащим в основе оформления одной из сторон, принимаемой за лицевую. Варианты определяются отличиями на обеих сторонах монетного кружка, причём на лицевой – вариативность изображения ограничивается субъективно устанавливаемым пределом узнаваемости её типообразующего облика.

[89] Одна монета найдена при шурфовочных работах 2003 г. под руководством И.С. Аникина (А-2003а. Илл. 67), ещё две обнаружены при раскопках 2005 г. под руководством А.Н. Кикеева (по устному сообщению автора раскопок).

[90] Вес 17 экземпляров (в гр.): 1,40; 1,17; 1,35; 1,71; 1,13; 1,31; 1,07; 1,03; 1,19; 1,51; 1,16; 1,20; 1,23; 1,39; 1,40; 1,08; 1,26.

[91] По 8 экземплярам (*Гайдуков,* 1992б. С. 25).

[92] См., например, пул ал-Джадида с подобным четырёхлепестковым картушем: *Клоков, Лебедев,* 2002. С. 134. Рис. 26, *4*.

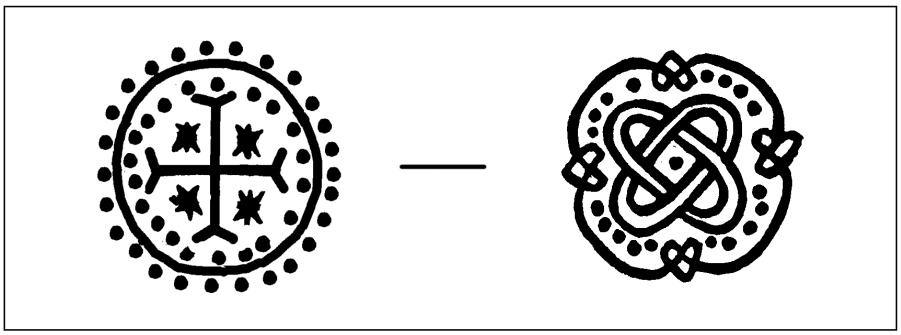

Рис. I. Реконструкция медного пула первого варианта (по 17 экземплярам из Нижнего-Новгорода, Городка и Ольгинского поселения).

реплетённых ленточных овалов украшает одну из сторон анэпиграфной монеты из Болгара (*Сингатуллина,* 1998. С. 75. Табл. 8, *96*). Знак в виде перекрещённых овалов часто встречается среди «татарских» надписей оборотной стороны серебряных монет Даниила Борисовича из Саранского клада (см., например: *Фёдоров-Давыдов,* 1989. С. 213, *592, 593*; 214, *594*).

Вариант 2, представленный единственным экземпляром (№ 26), можно охарактеризовать как подражание, вероятно, более раннему варианту 1 (см. №№ 23–25). Ветви креста на лицевой стороне заметно искривлены, звёздочки между осями заменены точками. Упрощено изображение и на оборотной стороне: перекрещенные овалы показаны одинарными линиями, угловатый ободок лишь в самых общих чертах напоминает фигурный картуш. Появление подобных пул, чеканенных небрежно вырезанными штемпелями, наверное, объясняется их производством вне государственных монетных дворов отдельными откупщиками.

За пределами Городка известны ещё два экземпляра пул второго варианта. Они встречены в Нижнем Новгороде (по устному сообщению Кикеева А.Н.) и в Городце-на-Волге (*Гайдуков,* 1993. С. 59, рис. 24, *4*). Для монетных кружков всех трёх образцов свойственны угловатые абрисы, что характерно для заготовок, вырезанных из пластин.

Вариант 3 также не отличается аккуратностью в исполнении (1 экз.: № 28). На его оборотной стороне помещено изображение фигуры в виде решётки или плетёнки, переданное неровными толстыми линиями.

Следует отметить, что многие обнаруженные на Городке медные монеты отчеканены грубыми примитивно изготовленными штемпелями. Последние были вырезаны разными по толщине широкими штихелями. Линии на изображениях часто неоправданно искривлены, а геометрические построения отличаются ассиметричностью (см. №№ 28, 26, 27).

Вариативность изображений на пулах с крестом, технологические различия, присущие заготовкам различных вариантов[93], косвенно указывают на относительную продолжительность чеканки этого типа. Длительность хождения таких монет на внутреннем нижегородском рынке просматривается при сравнении состава нумизматических находок из Городка и Нижнего Новгорода (табл. 32, 33).

И в Нижнем Новгороде, и на Городке пулы с изображением креста численно преобладают среди медных монет. Их доля среди всех «тяжёлых» пул, встреченных на нижегородских раскопах, составляет 80% (20 из 25 экземпляров с сохранившимися хотя бы на одной стороне изображениями), на Городке – 75% (6 экземпляров из 8). Однако в нижегородском монетном комплексе они «соседствуют» с выпусками конца XIV – первой трети XV вв.[94] и поздними «маленькими» пулами конца XV–XVI вв. (табл. 32–34). На Городке же их «сопровождают» исключительно денги последнего периода чеканки Василия II и монеты Ивана III, пока не известные в Нижнем Новгороде. Объяснить этот феномен можно длительностью периода обращения медных монет с изображением креста. Одной из возможных причин «живучести» пул одного этого

[93] Для чеканки пул первого варианта использовались заготовки в виде расплющенных на наковальне «чурок» – отрезков проволоки (по 17 экз.), тогда как при производстве пул второго варианта привлекались заготовки, вырезанные из медного листа (по 3 экз.).

[94] Дангами Золотой Орды, редкими русскими удельными монетами.

типа может быть ограниченность местного рынка, обусловленная сравнительно небольшим количеством его участников на протяжении значительной части XV в.

По мнению П.Г. Гайдукова, выпуск городецких медных монет с равноконечным крестом на одной стороне можно связать с городецким князем Борисом Константиновичем, на серебряных денгах которого известно подобное изображение, и датировать 80-ми – началом 90-х гг. XIV в. Среди монет Нижегородского княжества равноконечный крест[95] с четырьмя точками по углам между осями в линейном круговом ободе встречается на денгах Бориса Константиновича Городецкого и Василия Кирдяпы (*Ильин,* 1940. С. 29. Табл. V, *13–17*; *Спасский,* 1970. С. 87, рис., *5, 9*). Это изображение, скорее всего, имеет западное происхождение. Подобная символика широко использовалась при оформлении монетных выпусков многих европейских государств на протяжении длительного времени и, очевидно, была хорошо известной на Руси (см., например, европейские монеты конца X – первой половины XI и первой четверти XV в. из кладов Великого Новгорода: *Янин,* 2009. Вклейка после с. 272)[96]. Появление «креста с точками» на монетах Бориса Городецкого можно объяснить его родственными связями с домом Великого литовского князя Ольгерда, на дочери которого, Аграфене, он был женат. Киевские монеты одного из сыновей Ольгерта, Владимира, отмечены тем же равноконечным крестом с точками в круговом ободке (*Бектинеев,* 1994. С. 62, Рис. 4, *2*). Вероятный преемник Бориса Константиновича на нижегородском великом столе, его племянник Василий Кирдяпа, вероятно, какое-то время продолжал чеканить монеты с помощью переделанных, но сохранивших общий характер оформления, штемпелей своего предшественника (*Ильин,* 1940. С. 29). На связь этого знака с одной из ветвей нижегородских князей, казалось бы, могут указывать и находки на территории Нижегородского княжества разнообразных вариантов медных пул, объединяемых данным изображением в один тип, но имеющих различное оформление оборотных сторон[97].

Вместе с тем, медные монеты, отмеченные равносторонним крестом с перекрестьями на концах лопастей, имели широкое хождение в г. Москве и в её ближайшей округе. Их оборотные стороны несут здесь изображения барса с повёрнутой назад головой в фигурной рамке со стилизованным растительным орнаментом (*Зайцев,* 2009. С. 36, рис. 2, *1–7*; 44. № 2). По состоянию на 2009 г. общее количество таких находок в Москве и Московской области превышает 20 экземпляров (*Зайцев,* 2009. С. 35).

Таким образом, ареал распространения основной массы известных медных пул «с крестом» включает в себя одновременно и коренные земли Великого Московского княжества и Нижегородское Поволжье[98]. Такая география может быть объяснима для великокняжеских монет, имевших хождение не только в великокняжеской столице и её ближайших окрестностях, но и в Нижнем Новгороде после получения ярлыка на него московским князем – с осени 1392 г.

Это косвенно подтверждается датировками московских монет по археологическим комплексам. Около десятка экземпляров пул с изображением креста на одной стороне обнаружено в слоях первой половины XV в. на территории Старого Гостиного двора в г. Москве[99] (Средневековое поселение Настасьино, 2004. С. 77; *Зайцев,* 2009. С. 36). Монета с аналогичным изображением барса на оборотной стороне и с подражанием арабской надписи (вместо креста) на другой обнаружена на подмосковном поселении Настасьино, прекратившим своё существование в первой трети XV в. (Средневековое поселение Настасьино, 2004. С. 76, 77. № 7).

---

[95] Без каких-либо перекрестий на концах осей – в отличие от медных монет из Городца, Нижнего Новгорода и Городка.

[96] Можно привести редкие примеры использования этого знака и на Востоке, однако они, очевидно, не могут иметь непосредственного отношения к оформлению нижегородских пул. Надчекан такого вида, по замечанию А.А. Ильина, встречается на монетах ханов Синей Орды (Мухаммеда и Сеид-Ахмеда) (1940. С. 29), а имеющая, вероятно, древнее происхождение тамга в виде креста с точками в средокрестии, обозначающая перекрестье кибиточных жердей, встречена этнографами у мангышлакских туркмен (*Лихачёв,* 1930. С. 159, примечание 1).

[97] Нахождение таких монет в г. Городце-на-Волге зафиксировано П.Г. Гайдуковым (1993. С. 59, 129). Из Нижнего Новгорода и его ближайшей округи происходит пять пул с одинаковым оформлением одной стороны (с изображением равноконечного креста) и с различным – другой. Два из них найдены на подгородном селище Ближнее Константиново-1 (*Грибов,* А-2001а. Илл. 92, *1, 2*), одно – на поселении Ольгинском (*Грибов,* А-2009в. Илл. 5, *3*), одно на Городке (№ 28) и ещё одно встречено в самом городе при раскопках на ул. Пискунова в 2005 г. (по устному сообщению руководителя работ А.Н. Кикеева – с «решёткой» на оборотной стороне).

[98] Два пула «с крестом» имеют, вероятно, тверское происхождение (см.: *Орешников,* 1896. С. 62, № 374, 375. Табл.V, *228, 229*).

[99] Раскопки под руководством А.Г. Векслера.

В Нижнем Новгороде эмиссия пул «с крестом», наверное, началась после 1392 г. – во время правления Василия Дмитриевича Московского[100]. По условиям обнаружения известных находок и специфике изображений, наиболее вероятный период их активного обращения может быть ограничен промежутком начала – середины XV в.

Собранная нумизматическая коллекция позволяет сделать некоторые предварительные обобщения как о некоторых особенностях местного монетного обращения в середине XV – начале XVI вв., так и о памятнике (Городке) в целом.

Основная масса находившихся в это время в обороте серебряных монет была представлена московским великокняжеским чеканом. Вероятно, уже в середине XV в. (в 40-х – 60-х гг.) нижегородское серебро было прочно вытеснено московской денгой. Эта перемена указывает на вхождение местного рынка в сферу влияния московской экономики. Закономерно, что отмеченная метаморфоза приурочена ко времени окончательного административного слияния нижегородских земель с территорией великого Московского княжества, что зафиксировано в духовной грамоте Василия Тёмного 1461–1462 гг. (ДДГ. № 61. С. 194).

Потребность в мелкой монете в течение длительного времени, скорее всего, удовлетворялась за счёт местных выпусков. Среди медных монет преобладали ранние тяжёлые пулы с одинаковым или с близким оформлением одной из сторон в виде изображения равноконечного креста. Многие из них биты небрежно вырезанными штемпелями, свидетельствующими об отсутствии среди местных ремесленников профессионалов соответствующего профиля. Не исключено, что «большие» тяжёлые пула не изымались из местного обращения даже спустя некоторое время после появления стандартизованных медных монет малого веса. По крайней мере, ни одного такого «облегчённого» пула, массовое изготовление которых с помощью маточников началось на крупнейших монетных дворах в 90-х гг. XV в. (*Гайдуков,* 1993. С. 89), на Городке обнаружить пока не удалось.

Коллекции монет, собранные при раскопках Городка и Нижнего Новгорода, по составу находок дополняют друг друга, вместе образуя единый хронологически непрерывный комплекс, охватывающий промежуток второй половины XIV – начала XVI вв. (табл. 31). Большая часть нижегородских серебряных монет – это данги Золотой Орды XIV в., а русские денги удельного чекана представлены лишь единичными экземплярами конца XIV – первой трети XV вв. Отчётливый пробел середины XV – начала XVI в. среди нижегородских монет органично заполняют находки из Городка.

Нумизматические сборы на поселениях, расположенных на территории нижегородского удела, подтверждают отмеченную выше тенденцию. Для них, как и для Нижнего Новгорода, характерно доминирование золотоордынских монет и их подражаний. Хронологическое распределение монетных выпусков и в Нижнем Новгороде, и на памятниках его округи отражает угасание монетного обращения в нижегородских землях в середине – второй половине XV в. Наиболее ярко кризисные явления проявлялись, наверное, в середине указанного столетия, так как соответствующий ей завершающий период чеканки монет Василия Тёмного (1446–1462 гг.) пока крайне слабо представлен среди нумизматических материалов местных памятников. При сопоставлении монетных находок из Нижнего Новгорода, подгородных селищ, окрестностей г. Курмыша[101] и монет, собранных на Городке, просматривается неординарная роль этого небольшого укреплённого предместного поселения для нижегородской истории на протяжении большей части XV в. (табл. 31).

Частая встречаемость монет на раскопанном участке Городка не кажется исключительно феноменальным явлением, если вспомнить про отмеченную выше значительную концентрацию на этом памятнике разнообразного инвентаря других категорий (см. § 1 главы 2). Это обстоятельство может быть обусловлено не только высокой интенсивностью некогда проводимой на нём хозяйственно-экономической деятельности, но и внезапным прекращением жизни на поселении в результате какого-либо стихийного бедствия или военной катастрофы.

---

[100] Эмиссию московского варианта монет этого типа (с изображением барса на оборотной стороне) В.В. Зайцев относит к чеканке этого правителя (2009. С. 35, 36).

[101] Сначала городецкого, а потом нижегородского «пригорода».

§ 6. КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА

Первое представление о керамике Городка было получено при изучении подъёмного материала. Систематизация А.Н. Масловым наиболее обширных керамических сборов 1997–1998 гг. выявила преобладание образцов керамической посуды с тонкими примесями, наличие заметного количества осколков белоглиняных изделий при явном дефиците фрагментов чёрнолощёных (*Маслов,* А-1998). За все годы исследований на дневной поверхности памятника собрано 1704 фрагмента керамической посуды[102] (табл. 22). Большая часть из них – осколки небольших размеров. По количеству и представительности эти сборы заметно уступают коллекции, полученной при раскопках 2003–2004 гг.

В описаниях подъёмного керамического материала, собранного разными исследователями в разные годы, отсутствует единое методическое основание (табл. 22). Как правило, керамические группы выделялись либо по предполагаемому соответствию известным московским аналогам, либо по сочетанию цвета черепка с характером керамического теста. Эти приёмы группировки имеют существенные недостатки. Корректное соотнесение с такими известными разновидностями московской керамики, как «красноглиняная грубая» или «красноглиняная гладкая», можно проводить только для достаточно крупных фрагментов венчиков, отражающих профилировку верхних частей сосудов (*Бойцов,* 1991. С. 35–39). Установление подобных параллелей для основной массы мелкофрагментированного материала исключительно по специфике обжига и характеру примеси неизбежно приводит к подмене понятий и терминологической путанице[103]. Неоднозначность в дифференциации материала проявляется и при группировке по визуально воспринимаемому цвету черепков. Если цветовая характеристика позволяет надёжно атрибутировать осколки чернолощёной посуды, фрагменты сосудов из беложгущейся глины, обожжённых в обычной окислительной среде, то разделение изделий из сырья, преобретающего при обжиге различные оттенки красного цвета, на «сероглиняные» и «красноглиняные», вряд ли оправдано: свойственный гончарной традиции Северо-Восточной Руси посредственный низкотемпературный обжиг, использование открытого огня при варке пищи – всё это, как известно, приводит к пятнистой, неоднородной окраске поверхности значительной части средневековых сосудов.

Керамическая коллекция раскопов 2003–2004 гг. отличается широким технологическим и стилистическим разнообразием, и её описание представляет непростую методическую задачу. Заимствование подходов, сложившихся при систематике керамики Москвы или каких-либо других средневековых центров, вряд ли продуктивно в силу того, что значительная часть собранных на Городке образцов выходит за рамки готовых схем классификационных шаблонов. «Несистемный» путь, предполагающий разделение собранного комплекса по типам, характерным для разных памятников, также вряд ли продуктивен. Во-первых, существующие описания позднесредневековой посуды, подчас слишком скупы на детали и неоднозначны; во-вторых, принадлежность ко многим известным типам устанавливается исключительно по профилировке венчиков, что неизбежно выводит значительную часть маловыразительного материала за рамки исследования.

Выбранный способ описания керамической коллекции охватывает соответствующие находки практически любой степени фрагментированности. Их систематизация проведена в три этапа. На первых двух материал был разделён по технологическим и морфологическим признакам. На третьем – выяснены взаимосвязи между технологическим и морфологическим блоками информации, получены группы по сочетанию характера обжига, преобладающей примеси и типичной профилировки верхних частей сосудов.

Изученный керамический комплекс состоял из образцов посудной керамики раскопов 1–3 и в шурфа 2. Он включал в себя 38364 керамических фрагмента и 42 полностью или частично (но с полным профилем) реконструированных сосуда. В эту статистику входит единственный обломок лепной ёмкости с текстильной фактурой внешней поверхности раннего железного века, а

[102] По данным научных отчётов из Архива Института археологии РАН Т.В. Гусевой, А.Н. Маслова, Н.Н. Грибова, Е.Э. Лебедевой за 1992–2003 гг.

[103] Более подробно вопрос о соотношении нижегородской и московской керамики спеиально рассмотрен в § 2 главы 4.

также 62 осколка от сосудов XIX–XX вв., происходящих из горизонта огородной распашки и заполнений редких позднейших ям. Преобладающая средневековая керамика представлена 38302 фрагментами. Незначительное количество обломков посуды XIX–XX вв. (0,16%) подтверждает предположение о слабой освоенности территории памятника в позднейший период.

На первом, «технологическом», этапе исследования весь фрагментированный керамический материал[104], безотносительно его морфологической значимости, был разделён на девять технологических групп. Последние выделены по устойчивым сочетаниям значений технологических признаков, надёжно диагностируемых даже на сравнительно небольших фрагментах без использования каких-либо специальных технических средств. К таким признакам отнесены:

1) способ изготовления сосуда (лепной; круговой)[105];

2) характер исходного глинистого сырья (беложгущаяся или слабоожелезнённая глина; красножгущаяся глина; кашин; фарфоровая масса);

3) преднамеренно выбранный тип обжига (окислительный; восстановительный; случайный без специально установленного режима – если окраска не позволяет безоговорочно причислить образец к одному из первых двух) и его температура (в условных градациях высоко- и низкотемпературного обжига в зависимости от твёрдости черепка);

4) способ обработки внешней поверхности, определяющий облик сосуда (заглаживание без лощения, ангобирования и поливы; заглаживание с лощением без ангобирования и поливы; нанесение ангоба, существенно изменившего цвет поверхности сосуда[106] (как с лощением, так и без него); нанесение поливы (вне зависимости от наличия или отсутствия подглазурного ангоба)).

Характер сырья в сомнительных случаях, когда цвет поверхности черепка однозначно не указывал на состав глины, определялся после его специального обжига на открытой газовой горелке в течение 2–3 часов в обычной воздушной среде. Керамика, изготовленная из ожелезнённой глины, имеющей после обжига на воздухе различные оттенки красного цвета, условно обозначена как красноглиняная. Изделия из неожелезнённого или из слабоожелезнённого (розоватого после прокаливания) каолинового сырья условно отнесены к белоглиняным. Случайный обжиг для образцов из беложгущегося теста не диагностировался[107]. Окислительный обжиг красноглиняной керамики определялся только в случае фиксации однородного цвета, как поверхности, так и излома черепка. При этом, в совокупность образцов, обжиг которых был определён как случайный, попали осколки сосудов, обожжённых как без соблюдения специально выбранного традиционного режима, так и первоначально хорошо прокалённых в кислородной среде, но впоследствии видоизменённых поглощением углерода в силу различных обстоятельств, никак не связанных со спецификой технологического процесса их производства.

Распределение средневековой керамики Городка по основным технологическим группам приведено в таблице IV.

Выделенные технологические группы отражают исторически значимые совокупности гончарных традиций «большой длительности», связанные, как правило, с привлечением специфических инструментов и оборудования[108].

На втором этапе к работе были привлечены только реконструированные изделия и сравнительно крупные фрагменты венчиков, по которым в результате изучения особенностей профилировки и следов заглаживания внешней поверхности удалось выделить отдельные сосуды. Каждый венчик, представляющий отдельный сосуд, был зарисован. Их рисунки сопровождают изображения находок всех публикуемых комплексов.

---

[104] С размером осколков равным и более 1×1 см.

[105] Здесь и ниже в скобках прописаны возможные значения называемых признаков.

[106] Образцы с ангобом, цвет которого соответствовал основному сырью и существенно не влиял на облик (восприятие) изделия, причислялись к одному из первых двух подразделений (в зависимости от наличия или отсутствия лощения).

[107] Фрагменты белоглиняных сосудов с локальными серыми или тёмно-серыми участками на поверхности причислялись к образцам с окислительным обжигом, так как их частичное «задымлёние» могло быть вызвано воздействием открытого огня на уже готовое изделие (либо при варке пищи, либо в результате попадания отдельного черепка в пламя костра или печи).

[108] Так, выпуск поливной посуды требует инструментов и оборудования, необходимых для работы со стеклом; изготовление лощёной керамики невозможно без лощила; использование белых глин предполагает наличие более высокотемпературых печей для обжига, чем те, которые применяются при изготовлении керамики из красножгущегося сырья т.д.

Таблица IV. Распределение средневековой керамики по основным технологическим группам

ОСНОВНЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ	КОЛИЧЕСТВО	
	число фрагментов	%
I. Лепная	1283	3
II. Красноглиняная непокрытая лощёнием, ангобом или поливой	25590	67
III. Красноглиняная ангобированная	230	< 1
IV. Красноглиняная лощёная	1567	4
V. Белоглиняная (или с заметной примесью беложгущейся глины) окислительного обжига	9560	25
VI. Преднамеренного восстановительного обжига (чернолощёная)	9	< 0,1
VII. Поливная с зелёной поливой	56	< 1
VIII. Полуфаянс на кашинной основе	6	< 0,1
IX. Фарфор (селадон)	1	< 0,01
ВСЕГО:	38302	100

При классификации учитывался ещё один, пятый по счёту, технологический признак. Его значения принимались в расчёт при более дробной организации керамического материала – по подгруппам. Этот признак – разновидность керамического теста по составу (тонкое – с единичными или редкими минеральными включениями, размером до 1 мм; запесоченное – с размером частиц до 0,5–1 мм; грубое – с различной концентрацией крупнозернистых примесей (песка, дресвы) с величиной зерна от 1 до 4 мм). Этот пятый признак определялся с помощью 10-кратной лупы (ЛИ-3-10×), оснащённой измерительной насадкой.

Систематизация по профилировке керамических изделий различных технологических групп имела разную степень детализации, напрямую зависящую от количества крупных представительных фрагментов. Для относительно немногочисленной лепной посуды значимость статистических характеристик сохраняется приблизительно до уровня выделения основных исторически сложившихся форм – горшков, банок, чаш, мисок. Для численно преобладающих гончарных красноглиняных горшков без покрытия (лощением, ангобом или поливой) выделены типы.

Таким образом, описание керамического комплекса членится на три основных уровня: по основным технологическим группам, подгруппам и типам.

Группа I (1283 фр. – 3,35%) объединяет технологически наиболее архаичную посуду, изготовленную из красножгущейся глины лепным способом, иногда со следами небрежного заглаживания внешней поверхности горловины при помощи поворотного устройства. Для неё характерны тёмно-серый, бурый или тёмно-коричневый цвет, плохой низкотемпературный обжиг и отсутствие орнамента.

По фрагментам венчиков выделено 63 сосуда. Рецептура керамического теста разнообразна (табл. 26). У большинства изделий (66,7%) в качестве преобладающей примеси использован шамот. Только шамот – без каких-либо ещё иных искусственных добавок – встречен примерно у половины (52,5%) образцов. Приблизительно каждый пятый сосуд (19%) характеризуется тонкой формовочной массой – без использования какой-либо примеси или с концентрированной добавкой мелкозернистого песка (с размером зерна до 0,5–1 мм). Тесто редких сосудов имеет примесь дресвы. Среди смешанных рецептов преобладают составы с шамотом (55,6%). Три образца с комбинированными примесями отличаются присутствием железного шлака.

Среди изделий с примесью шамота встречены сосуды четырёх основных форм, существенно различных по профилировке (рис. II, *А, Б, В, Г*).

Первая форма лепных сосудов, самая многочисленная (76,2% от всех отобранных образцов), соответствует горшкам, размер горловины которых уступает максимальному диаметру тулова (рис. II, *А*). По ориентации (постановке) венчика они разделяются на две подгруппы: сосуды первой подгруппы (64,6%) характеризуются короткой цилиндрообразной горловиной (рис. II, *А1*), горловина изделий второй подгруппы (35,4%) напоминает укороченный раструб (рис. II, *А2*). Среди первых преобладают осколки изделий с выпуклым плечиком (рис. II, *А1б,*

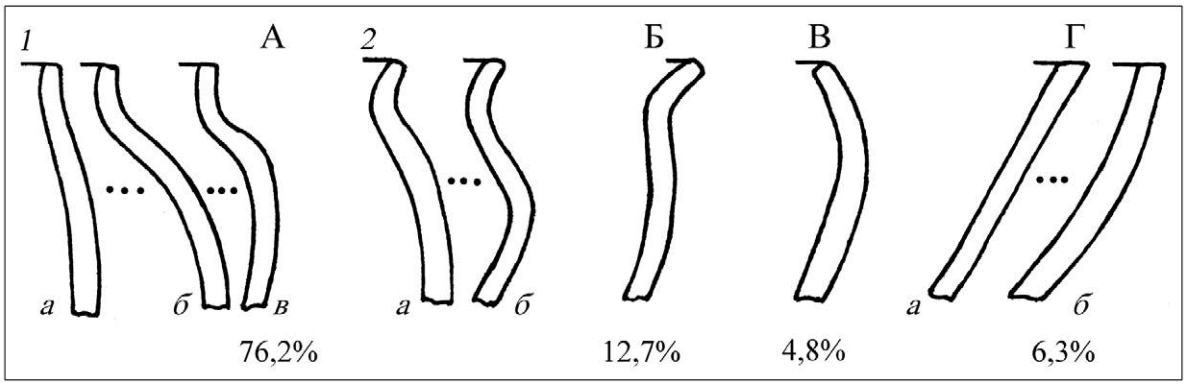

Рис. II. Основные формы верхних частей лепных сосудов

А1в). Редкие образцы слабопрофилированных горшков, как правило, имеют цилиндрообразную горловину (рис. II, *А1а*). Орнаментация крайне редка и зафиксирована всего на двух горшках, украшенных одинарной волнообразной линией, небрежно нанесённой на верхнюю часть плечика (рис. 37, *8*; 129, *1*).

Верхние части лепных изделий отличаются простыми формами краевых окончаний без сколько-нибудь выраженных утолщений. Они сформованы либо подрезкой, либо лёгким заглаживанием. В первом случае закраина уплощена путём горизонтальной либо наклонной подрезки (рис. III, *1, 4, 6, 7*), во втором, её сечение округло, иногда приострено (рис. III, *3, 5*).

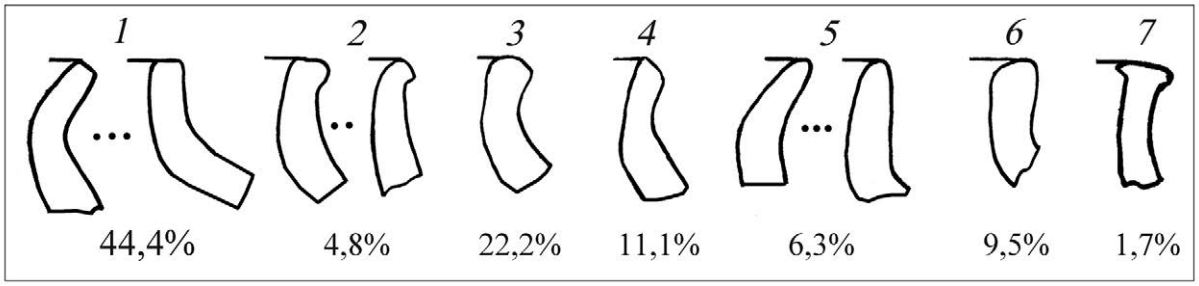

Рис. III. Варианты краевых окончаний венчиков лепных сосудов

Полностью реконструированы профилировки двух лепных горшков. Форму одного из них определяла короткая цилиндрообразная горловина, плавно переходящая в выпуклое плечико, приподнятое до уровня первой трети высоты сосуда (рис. 87, *9*; табл. 29, № 1). Краевое окончание венчика уплощено косой подрезкой. Сосуд имел небольшие размеры (высоту 12,5 см) и средние пропорции (H/D[109]=0,93). Второй горшок по форме тулова и пропорциям напоминал первый (рис. 65, *16*; табл. 29, № 2). Его отличают отогнутый наружу короткий уплощенный по краю венчик, несколько более приземистые пропорции (H/D=0,75). На донце второго сосуда был отчётливо заметен характерный признак донного начина: слегка выступающая наружу за линию основания стенок валикообразная закраина (*Бобринский,* 1978. С. 131), по форме сечения напоминающая «сапожок» и определяемая отдельными исследователями-керамистами как «каблучный поддон» (*Кокорина,* 2006. С. 306). Максимальное расширение тулова у второго горшка, как и у первого, приходится на первую треть высоты. Оба сосуда неорнаментированы, а их тесто насыщено шамотом. Широкодонностью, сопоставимостью поперечников донца и горловины они напоминают сосуды баночных пропорций.

Подобные лепные изделия хорошо известны в позднесредневековых комплексах XIV – начала XVI вв. При систематизации керамики Камаевского городища конца XIV – первой половины XVI вв. (Казанское Поволжье) они причислены к «поволжско-финской» XXII группе (*Кокорина,* 2004. С. 55–59; 2006). Встречены их осколки и среди находок из горизонта эпохи

[109] Здесь и далее: H/D – отношение высоты сосуда к диаметру его максимального расширения.

Казанского ханства в Казанском кремле (*Кокорина,* 2006. С. 312, рис. 6, *1, 6, 8, 11, 13*), на поселениях Марийского Поволжья (Мало-Сундырском городище, Красном Селище: *Михеева,* 2006. С. 311, 312, 323, рис. 2, *1–6*). Близки к ним сосуды из верхнего слоя (XV–XVI вв.) мордовского Итяковского городища (*Гришаков,* 1992. С. 127, 135, табл. I, 136, табл. II), верхнего горизонта Старокадомского поселения (*Шитов,* 1992. С. 106, 117, табл. III, *2, 3, 5*). Лепные сосуды такой профилировки обнаружены также на ряде русских селищ Нижегородской округи второй половины XIII – начала XV вв. (см.: *Грибов,* А-2006а. Илл. 71, *17*; А-2005а. Илл. 53).

Вторая форма лепных сосудов, предположительно, связана со слабопрофилированными мисками с широкой блоковидной горловиной. Диаметр последней сравним с размером максимального расширения тулова (рис. II, *Б*; рис. 129, *40–42*). Краевые окончания венчиков, как правило, приострены. Присутствие лепных или примитивно-круговых изделий такой профилировки отмечено на Камаевском городище (миски типа 1, см.: *Кокорина,* 2004. С. 94, табл. V). Их доля среди выделенных лепных сосудов городища Городок 12,7%.

Третья форма лепных сосудов объединяет слабопрофилированные ёмкости с прикрытой, близкой по диаметру к донцу, горловиной без характерного, соответствующего шейке, перехвата (рис. II, В). Заглаживание некоторых таких изделий проводилось при помощи поворотного устройства. Исследователи финских древностей, обычно, причисляют их к банкам (см.: *Алихова,* 1959а. С. 43, табл. 13, *2, 8*; *Вихляев,* 2000. С. 74).

Реконструировано три неорнаментированных изделия такой профилировки. Два из них – небольшие, приземистые, толстостенные. Один сосуд, высотой 6 см, имеет слегка приостренное краевое окончание горловины, его главная пропорция H/D =0,75 (рис. 45, *19*; табл. 29, № 3). Другой сосуд, высотой 7,2 см, более приземист (H/D=0,64), краевое окончание венчика со следами заглаживания при помощи поворотного устройства уплощено косой подрезкой (рис. 87, *7*; табл. 29, № 4). Тесто первого сосуда насыщено шамотом, второго – мелким железосодержащим шлаком. Третье частично реконструированное изделие отличается от первых двух размерами и пропорциями (рис. 73, *1*; табл. 29, № 5). Это относительно стройный бокалообразный сосуд с отношением высоты к максимальному диаметру тулова порядка единицы[110]. Его высота – 15,5 см, тесто насыщено шамотом. Лепные сосуды такой формы редко встречаются на позднесредневековых памятниках XIV–XVI вв. На мордовских памятниках их бытование прослеживается с начала раннего средневековья и до эпохи господства Золотой Орды. Они известны в комплексах XIII–XIV вв. таких могильников, как первый Старобадиковский (Беляев, 1988. С. 118, табл. VIII, *1, 3, 4*), Старосотенский (*Алихова,* 1948. С. 257, табл. VII, *82*), Барбашинский (*Сташенков, Кочкина,* 2008. С. 146, рис. 5, *1, 2*). При изучении марийских древностей изделия такой профилировки не выделены в особую категорию. Керамические изделия третьей формы самые малочисленные (4,8%).

Чётвёртая форма лепных сосудов свойственна приземистым чашеобразным ёмкостям, у которых максимальное расширение приходится на край горловины и всегда существенно превосходит размеры донца (рис. II, *Г*). Профилировка чаш разнообразна. По небольшим фрагментам выделяются усечено-конические чаши, широко распространённые у средневековых финноязычных народов (рис. 130, *1–3*). Их краевые окончания притуплены горизонтальной подрезкой, скруглены либо приострены.

Один из двух полностью реконструированных сосудов представляет собой толстостенную полусферическую чашу с едва намеченным узким уплощенным днищем на низком, едва заметном поддоне (рис. 45, *20*; табл. 29, № 7). Её венчик по краю уплощен косой подрезкой, а по периметру с внешней стороны очерчен неровным линейным желобком. Высота чаши – 5 см, диаметр – 12 см. Она изготовлена из глинистого теста без визуально фиксируемых добавок и хорошо обожжена (до оранжевато-красноватого оттенка). Округлым, усечённо-сферическим абрисом чаша напоминает традиционные круглодонные сосуды из керамических наборов финно-угорского населения Верхнего Прикамья.

Второй склеенный сосуд четвёртой формы имеет совершенно иную профилировку, воскрешающую в памяти поливные кашинные чаши-пиалы из городов Золотой Орды (рис. 87, *8, 5*; табл. 29, № 6). Краевое окончание его венчика приострено и отогнуто наружу, стенки слегка

[110] По классификации В.В. Гришакова его можно отнести, скорее, к бокалам, нежели к банкам (1993. С. 10–11).

выпуклы, в придонной части их профиль имеет отчётливый перегиб, ниже которого они переходят в высокий цилиндрический поддон. Высота изделия – 7 см, диаметр – 14 см. Чаша хорошо обожжена, рецептура её теста составлена без искусственных примесей. По профилировке она близка к лепному сосуду, обнаруженному на X раскопе Камаевского городища, отнесённому к поволжско-финской керамике (подгруппы XXII-2, см.: *Кокорина,* 2004. С. 80, рис. 6, *8*). Чашеобразные лепные сосуды на Городке редки, их доля 6,3%.

Для лепной керамики Городка характерны следующие особенности:

1) сочетание таких форм, как банки (бокалы), горшки с короткими отогнутыми наружу венчиками «итяковского» типа, усечённо-конические чаши, слабопрофилированные мискообразные сосуды с блоковидной горловиной;

2) доминирование шамота среди искусственных примесей;

3) отсутствие орнаментации.

За совокупностью всех этих черт просматриваются традиции гончарства мордвы развитого и позднего средневековья, отражённые в материалах таких памятников, как первый Старобадиковский, Старосотенский, Барбашинский, Кельгининский могильники, Саровское, Ахунское, Итяковское городища, Старокадомское поселение и некоторых других.

В отдельных образцах посуды, изготовленной, скорее всего, мастерами из местной финноязычной среды, усматривается заимствование отдельных технологических приёмов, характерных для русского гончарства. В этом плане представляет интерес крупный фрагмент лепного с примесью шамота горшка, украшенного одинарной зигзагообразной волнистой линией, нанесённой сразу под венчиком, что напоминает орнаментацию русской средневековой посуды (рис. 37, *8*). Таким образом декорированные лепные горшки известны среди керамики русского посёлка золотоордынского Водянского городища – г. Бельджамена (*Мыськов,* 2002. С. 141, рис. 5, *2*). Формы лепных мордовских сосудов узнаваемы в профилировке нескольких типов круговых красноглиняных горшков. Прежде всего, это относится к сосудам с характерным острорёберным профилем, совершенно не свойственным русской традиции[111]. Лепные горшечнообразные сосуды с «ребром по тулову» хорошо известны в мордовских древностях с раннего средневековья и до эпохи Золотой Орды (*Гришаков,* 1992. С. 139, табл. V, *1*; 1993. С. 152, рис. 9, *5*, 154, рис. 10, *4, 14;* 156, рис. 11, *11;* 159, рис. 12.3, *18, 19, 28;* 162, рис. 14.2, *23*; *Грибов,* 1997а. Рис. 3, *1–3*). Образцы встреченной на Городке в гончарном исполнении (круговой) посуды такой профилировки имеют либо примесь дресвы, либо тонкое тесто без заметных добавок. Близки по форме к сосудам из мордовских могильников и круговые красноглиняные горшки с короткими просто оформленными вертикальными или слегка отогнутыми наружу венчиками, плавно переходящими в покатые плечики (рис. 134, *1–7*)[112].

Обнаруженные на Городке лепные сосуды различаются как по своим технологическим характеристикам, так и по профилировке. Вероятно, среди них присутствуют изделия, изготовленные не только представителями средневековой мордвы, но и некоторых других коренных народов Поволжья[113].

По условиям нахождения на раскопанных участках Городка лепная керамика мало чем отличается от доминирующей красноглиняной гончарной. На площадке раскопов 1–3 нельзя выделить особые места её сосредоточения. Большая часть осколков лепных сосудов (61,7%) происходит из материковых ям. Однако не выявлено ни одного искусственного углубления, в котором бы она преобладала. Достаточно равномерно распределение её и в непотревоженном средневековом культурном слое памятника, вскрытом шурфом 2. Очевидно, посуда, изготовленная без помощи поворотного устройства, использовалась местным населением одновременно и наравне с преобладающей гончарной. Этот вывод подтверждают следы нагара, сохранившиеся на

[111] Тип 3.7. Описание этого и других типов красноглиняных горшков Городка приведено ниже.

[112] Типы 1.4 и 1.9 красноглиняных горшков Городка, см. ниже.

[113] Поволжско-финская керамика начала – первой половины II тыс. н.э. в настоящее время изучена плохо, весьма размыты выделенные отдельными исследователями её этнокультурные признаки. Послужившие аналогами некоторых лепных горшков из Городка сосуды с мордовского Итяковского городища по своей профилировке почти идентичны некоторым лепным изделиям, известным по поселениям Горномарийского района республики Марий Эл. Примесь железного шлака встречается в лепной керамике г. Болгара, Камаевского городища и пока не фиксировалась в тесте керамики, происходящей с мордовских памятников (*Хлебникова,* 1988. С. 51; *Кокорина,* 2004. С. 48).

шейках и венчиках лепных горшков. Изготовление посуды первой технологической группы за пределами ремесленных мастерских (в домашних условиях), её связь с истоками древних самобытных традиций средневекового населения Поволжья определённо указывают на присутствие среди жителей Городка мордвы и, возможно, представителей некоторых других поволжско-финских народов.

Группа II (25590 фр. – 66,81%) – самая многочисленная на памятнике. Она представлена круговой посудой из красножгущегося глинистого сырья, непокрытой ни лощением, ни ангобом, ни поливой, и обожжённой без намеренного поддержания восстановительного режима в обычной воздушной среде.

Указанные черты объединяют, на первый взгляд, весьма разнородную продукцию. Различия проявляются в профилировке и цвете изделий, рецептах составления керамических масс. Технологическое разнообразие керамики второй группы очерчивается двумя крайними случаями: хорошо обожжёнными горшками из тонкого теста, снятыми с быстрого тяжёлого круга, и тёмными буровато-серыми плохо обожжёнными сосудами с шероховатой от грубой дресвяной примеси поверхностью, лёгкой, но заметной ассиметрией венчика или тулова, выдающей относительно небольшую скорость вращения поворотного устройства. Образцы этих двух вариантов малочисленны на фоне широкого спектра доминирующих сосудов «переходного» облика. Рассмотрение в рамках одной группы всей круговой нелощёной красноглиняной посуды без каких-либо декоративных покрытий оправдано тем, что подавляющее большинство этих изделий объединяет многовековая гончарная традиция Северо-Восточной Руси, многоликая в своих конкретных проявлениях. Входящие в неё, технологически наиболее «разнесённые» друг от друга, «пограничные» разновидности задают крайние точки генеральной линии эволюционных изменений, произошедших в русском традиционном гончарстве в XIV–XVI вв. Обособление в исследуемом материале данной керамической группы создаёт предпосылки для видения этих изменений как целостного исторического явления.

В изученной коллекции присутствуют осколки минимум от 720 различных сосудов. Из общей массы материала они выделенны по сочетанию цвета, примесей, особенностей микропрофилировки и характеру ротационных линий. Выборка обломков от одних и тех же изделий позволила выяснить статистику по характеру формовочных масс и типам профилировки не для фрагментированного материала, как обычно, а для целых сосудов.

Состав керамического теста изделий второй группы разнообразен. В тесте почти каждого третьего сосуда (35,7%) зафиксирована добавка дресвы[114]. Такова же доля сосудов с частой примесью мелкозернистого песка с размером частиц до 1 мм (35,1%). Песок более крупных фракций, без каких-либо других добавок, использовался редко (2,3%). Гончарная продукция, изготовленная из тонкого теста без видимых включений (кроме редких песчинок размером до 1 мм), составляет 16,9%. Смешанные рецепты, скорее всего, не имели широкого распространения, их доля 15,1%. Среди них превалируют составы с сочетанием дресвы и песка. К очень редким добавкам относятся дроблёный железный шлак (6 сосудов), шамот (4 сосуда), размельчённые кальцинированные кости животных (1 сосуд), толчёная раковина пресноводных моллюсков (1 сосуд). В большинстве случаев посуда с этими редкими примесями представлена единичными и маловыразительными осколками. Высокая концентрация выше отмеченных редких примесей в тесте обломков сосудов указывает, скорее, на традиционный, нежели на случайный характер их использования, и это позволяет наметить некоторые параллели.

Гончарные сосуды с примесью размельчённого железного шлака известны среди поздней керамики Болгара и Иски-Казани (Камаевского городища) (*Хлебникова,* 1988. С. 49; *Кокорина,* 2004. С. 48). При изучении материалов этих памятников сосуды с добавкой железного шлака в тесте выделены в отдельную XX группу, которая по своим истокам определена как «булгаро-русско-чувашская» (*Кокорина,* 2004. С. 73). По наблюдениям Т.А. Хлебниковой, применение в качестве отощителя железного шлака особенно характерно для керамики памятников Казанского ханства (1988. С. 51). Редкие осколки средневековых изделий с такой примесью в Нижегородской области известны на полиэтничном поселении XIV – начала XV вв. Курмыш-4 (*Грибов,* А-2007б. Л. 49, 50; А-2009а. Л. 14, табл. 1). Примесь раковины

[114] В различной концентрации и с учётом смешанных рецептов.

в рецептуре теста гончарной посуды XIV–XV вв. характерна для ряда областей Среднего Поволжья (*Никитина,* 2006. С. 114–130). Ближайшей к Нижнему Новгороду из таких областей является территория современного Горномарийского района республики Марий Эл. Здесь круговая посуда, морфологически соответствующая русским образцам, изготавливалась на основе теста с добавлением толчёной ракушки – одним из характерных маркеров керамики финно-пермских народов. По ареалу распространения гончарную керамику с примесью толчёной раковины связывают со средневековыми черемисами (*Никитина,* 2006. С. 114–130). Сделанную на кругу посуду с примесью шамота, скорее всего, можно рассматривать как результат начального освоения поворотного устройства мордовскими мастерами. Очень редко такая керамика встречается среди материалов русских селищ Нижегородской округи, довольно многочисленна она на поселении Курмыш-4 (*Грибов,* А-2008а. Л. 18, илл. 53). Таким образом, фрагменты керамики с отмеченными видами отощителей, скорее всего, принадлежат образцам посуды «домашнего» изготовления, вышедшей из рук представителей различных поволжских народов.

Каждый четвёртый сосуд второй группы хорошо и равномерно обожжён до однородного оранжевато- или коричневато-красного цвета. Используя критерии и терминологию, предложенные В.Ю. Ковалём, можно отметить, что 26,6% из них (по выборке образцов от 578 различных сосудов) имеют полный окислительный обжиг (1996. С. 106).

Декор встречен на 13,3% сосудов (из 578). Преобладает линейный орнамент, нанесённый инструментом с шириной острия порядка 1–2 мм, его доля среди орнаментированных изделий – 70%. Волнистый орнамент, в виде одинарной волнообразной линии, наносился заметно реже (25%). Редкие изделия украшались тычковым орнаментом (5%).

Следы клеймения зафиксированы на 31 осколке днищ[115], что составляет 1,7% от общего числа собранных фрагментов придонных частей красноглиняных сосудов. Встречаемость клеймёных изделий на Городке приблизительно такая же, как и в средневековых комплексах середины XIII–XIV вв. г. Нижнего Новгорода и памятников его ближайшей округи[116].

Выборочное нанесение клейма на гончарную продукцию прослеживается на изделиях с различным составом формовочных масс: примесь дресвы зафиксирована в тесте пяти находок, среднезернистый песок (с размером зерна до 2 мм) – в одной, добавка песка мелкозернистой фракции (с размером частиц до 1 мм) – в четырёх, тонкое тесто зафиксировано у десяти осколков клеймёных днищ. Из восьми осколков с клеймами, происходящих из углублённых в материк сооружений, семь происходят из верхних горизонтов заполнений материковых ям, датируемых монетами Ивана III.

Рисунки клейм разнообразны. Среди них нельзя указать хотя бы на один «локальный» тип, свойственный исключительно Городку: каждое реконструированное изображение известно по материалам других средневековых памятников. Реконструкция клейм проведена по двадцати наиболее представительным фрагментам. Выделено 10 вариантов изображений (рис. IV). В композиции каждого присутствует круг. Самым распространённым является клеймо в виде «колеса с восемью спицами» (4 экз., рис. IV, *6*), встреченное как на сосудах из тонкого теста, так и на днищах изделий с примесью дресвы. Несколькими экземплярами представлены следующие изображения: два сцентрированных разновеликих круга (рис. IV, *2*; 3 экз.: Р2-4-9, Р2-Я2-2а, Р3-2-5), два сцентрированных круга с промежутком между ними, заполненным разнонаправленными лучами (рис. IV, *4*; 3 экз.: Р2-Я1-1а и Р2-Я1-1б (склейка), Р1-Я2-3, Р1-3-9), одинарный круг (рис. IV, *1*; 2 экз.: Р2-4-4, Р2-Я2-2а), «солнышко» в круге[117] (рис. IV, *5*; 2 экз.: Р1-3-3А), двухзаходная спираль в круге (рис. IV, *9*; 2 экз.: Р1-Я2-2б, Р3-К8). В единственном экземпляре встречены три сцентрированных круга (рис. IV, *3*; Р1-2-5В), «колесо со спицами» в круге (рис. IV, *7*; Р2-Я2-2), крест в круге (рис. IV, *8*; Р1-2-7), «колесо со спицами» в прямоугольнике (рис. IV, *10*; Р1-2-10Б).

[115] В данное количество не вошли подклеенные фрагменты от одних и тех же изделий.

[116] Доля клеймёных днищ среди осколков придонных частей средневековой керамики по материалам двух раскопов, заложенных на Нижегородском посаде в переулке Крутом в 1999 г., составила 2,3% (*Грибов,* А-1999. Л. 17, 111), в керамическом комплексе подгородного селища Ближнее Константиново-1 – 1,4% (*Грибов,* 2001. С. 39).

[117] Круг с радиально расходящимися от обруча лучами, расположенный в центре круга большего диаметра.

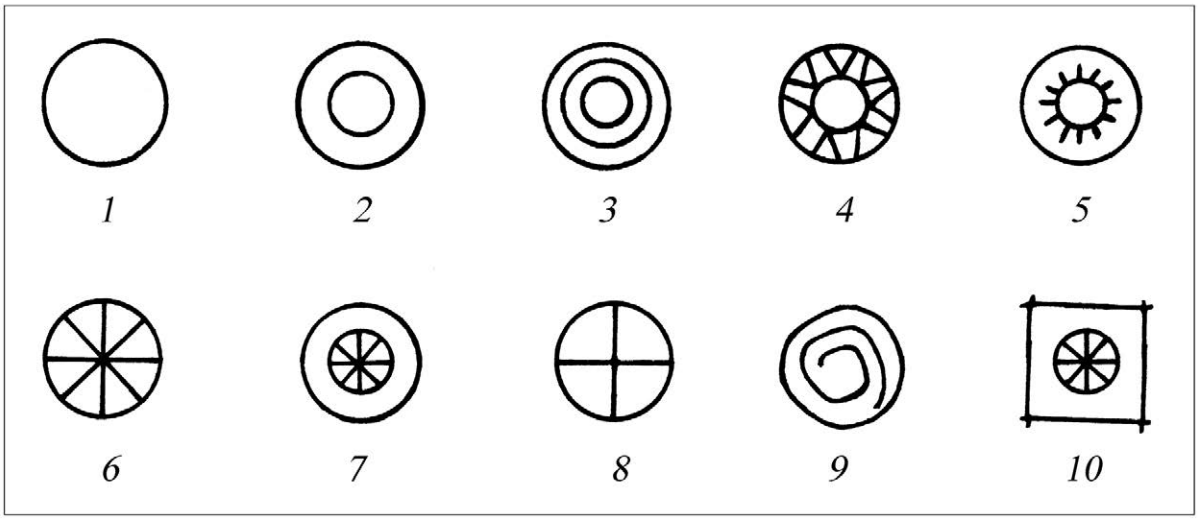

Рис. IV. Реконструированные изображения гончарных клейм на днищах красноглиняных сосудов группы II

На сосудах с тонкими примесями встречены клейма вариантов 2 (2 экз.), 4 (2 экз.), 6 (2 экз.), 8, 9 (2 экз.), 10[118]. На изделиях с примесью мелкозернистого песка – клейма вариантов 1 (1 экз.), 6 (1 экз.), 5 (2 экз.). На изделиях с грубыми примесями зафиксированы клейма вариантов 1 (1 экз.), 2 (1 экз.), 4 (1 экз. – склейка из двух фрагментов), 6 (1 экз.), 7.

Для характеристики форм и особенностей профилировки были отобраны наиболее представительные образцы от 592 различных изделий. Это исключительно венчики с размерами, достаточными для уверенного определения их ориентации, характера перехода шейки в плечико, и крупные фрагменты или склейки, образующие полные профили сосудов.

Разнообразие форм сосудов второй группы исчерпывается горшками (97,6%), чашеобразными мисками (1,6%) и корчагами (0,7%).

Горшки в целом характеризуются низкими горловинами без ярко выраженных краевых утолщений, свойственных массовой нижегородской керамике XIII–XIV вв. Среди форм краевых окончаний венчиков преобладают варианты, сформованные заглаживанием без усилия, отгибом без наложения, нажимом или срезом[119]. Очень редко гончары формовали закраину путём отгиба края черновой ленты по направлению к оси вращения сосуда с последующим наложением отогнутой кромки на стенку и образованием заметного утолщения с внутренней стороны горловины. Использование этого приёма зафиксировано всего лишь у 1,1% изделий, тогда как в комплексах нижегородской керамики XIII – начала XV вв. в среднем как минимум каждый четвёртый горшок обладает венчиком с внутренним краевым утолщением различной профилировки.

Типология красноглиняных горшков группы II разработана на интуитивной основе без использования каких-либо количественных критериев. При её построении основные усилия были направлены на выявление продукции, изготовленной по одному образцу (или шаблону). Типы выделены без оправданного при формальной классификации неукоснительно-жёсткого разделения объектов по выбранным критериям. Они были, скорее, «угаданы» в общей массе материала, благодаря заметной стандартизации форм большинства изделий. Различия в типах определялись разными сочетаниями состава теста и профилировки (горловины сосудов и краевых окончаний венчиков).

По характеру формовочной массы, в зависимости от концентрации крупнозернистых (грубых) примесей, отобранные образцы разделены на три категории:

1) сосуды с тонким тестом (без заметных примесей или с различной концентрацией мелкозернистого песка с размером песчинок до 1 мм);

2) изделия с преобладающей, но редкой примесью дресвы;

[118] Здесь и ниже номера вариантов клейм соответствуют рис. IV.

[119] Здесь и ниже использована терминология формовки, введённая в статье: *Грибов,* 2006. С. 84.

3) посуда, изготовленная из глинистой основы с частой дресвяной добавкой (с концентрацией более 15 крупнозернистых зёрен на 1 кв. см излома).

По разным причинам надёжно определить характер формовочной массы удалось не у всех отобранных образцов (у 506 из 578)[120].

Разделение изделий по облику горловины предполагало дифференциацию по разным сочетаниям значений следующих двух признаков:

1) наличию или отсутствию ребра (уступа, «карниза») при переходе шейки в плечико;

2) ориентации верхней части венчика, служащей для слива[121], относительно оси симметрии сосуда, что определяет ёмкости с цилиндрообразной, раструбообразной и прикрытой горловиной (см.: *Грибов,* 2006. С. 65).

Формы краевых окончаний определялись в соответствии с разработанной на материалах Нижегородского Поволжья универсальной операционно-морфологической систематикой, учитывающей технологию формовки (*Грибов,* 2006. С. 65, 66, 83, рис.1).

Для выяснения наиболее результативной иерархии выбранных признаков было проведено несколько предварительных оценочных распределений. Опыт группировки, при которой в качестве первой ступени дифференциации венчиков было опробовано распределение по формам горловин, выявил ограниченный набор краевых окончаний почти для каждой полученной таким образом совокупности. Оказалось, что для большинства из них типичен либо один вариант оформления краевого завершения, либо несколько вариантов, сформованных технологически близкими операциями. Кроме того, полученные группы обладали зависимостью от рецептуры теста: подавляющее большинство из них тяготели к одному из трёх выше обозначенных составов. Связь между профилировкой верхних частей сосудов и характером отощителя глинистого сырья носила не функциональный, а статистический характер, что предполагает присутствие в каждой, выделенной по морфологии, совокупности некоторого количества изделий с «нестандартным» для неё составом теста. Сосуды, входящие в состав каждой выделенной таким образом группы, образуют единство по взаимозависимости (корреляции) трёх характеристик: формы горловины, профилировки краевого окончания и рецептуре теста. Это даёт основание полагать, что основу каждой из установленных совокупностей составляет гончарная продукция, изготовленная по близким друг к другу образцам. Каждая из них соотнесена с отдельным типом[122].

С целью наметить среди выделенных типов хронологические соотношения, они были распределены на три подгруппы в зависимости от преобладающей рецептуры теста. При этом предполагалось, что данная характеристика для русской керамики северо-восточных областей в XV в. должна иметь характерный временной тренд, связанный с постепенным (на отрезке XIV–XVI вв.) отказом от использования грубых примесей и переходом на мелкозернистые отощители.

Подгруппа II-1 (372 сосуда – 64,4%) объединяет типы с преобладанием тонких формовочных масс, составленных без искусственных добавок либо с примесью мелкозернистого песка с размером частиц до 1 мм.

Тип 1.1 (12 экз. – 3,2%[123]) объединяет неорнаментированные горшки шарообразного облика с низкой, слегка прикрытой горловиной, переходящей в слабовыпуклое плечико через отчётливое ребро или уступ. Окончание венчика сформовано без образования утолщения; как правило, оно слегка отогнуто наружу и приострено. Керамическое тесто насыщено мелкозернистым песком (с размером зерна до 0,5–0,8 мм). Около половины сосудов имеют однородную светло-оранжевую (коричневую) окраску как на поверхности, так и в изломе черепка. На плечиках присутствуют характерные следы горизонтальной обточки. Сосуды данного типа по своей профилировке близки к кругу «городищенской» керамики, выделенной М.Г. Рабиновичем по мате-

[120] По этой причине в табл. 28 число сосудов, соотнесённых с типами по морфологическим признакам, превосходит суммарное число образцов с изученным составом теста.

[121] Так называемой, «щеки», см.: *Бобринский,* 1988. С. 8, 17, рис. 1.

[122] В данном случае тип определяется как результат реконструкции набора керамических изделий, сделанных по сходным образцам, единство облика которых определяется, прежде всего, профилировкой верхних частей сосудов.

[123] Доля сосудов каждого типа здесь и далее указана от общего числа изделий соответствующей подгруппы.

риалам подмосковных поселений (1949. С. 60, 61; 1971. С. 24). К ближайшим аналогам можно отнести керамические изделия из сооружений первой половины XVI в. подмосковного селища у часовни великомученика Никиты (*Чернов,* 1991б. С. 52, 53. Табл. 128, *564, 602*; 129, *453, 444, 442, 452*). При раскопках Москвы горшки с такой профилировкой отмечены в комплексах второй половины XV–XVI вв. (*Бойцов,* 1999. С. 160, рис. 5, *98, 133, 225*). Отдельные варианты данного типа встречены в г. Чердыни – резиденции первых московских наместников в Великой Перми, основанной в 1451 г. (*Макаров,* 2001. С. 123, рис. 79, *15, 16*), в г. Твери (в комплексе XVI в., см.: *Рыбакова,* 2010. С. 60, рис. 5, *1–3*). В Нижегородском Поволжье редкие фрагменты горшков типа 1.1 встречены в г. Балахне (*Иванова,* 2003. С. 44, рис. 6, *10*) и на территории Нижегородского кремля (*Лапшин,* А-2001. Табл. 42, *19–21*). На Городке обломки сосудов данного типа характерны для комплексов второго строительного периода.

Тип 1.2 (16 экз. – 4,3%) образуют преимущественно неорнаментированные сосуды шарообразной формы, отличаемые от других по прикрытой, слегка профилированной, горловине с валикообразным окончанием, сформованным наружным отгибом края черновой ленты и в большинстве случаев – с наложением отогнутой закраины на внешнюю поверхность стенки изделия. Характерны тёмно-серый или тёмно-бурый цвет поверхности, средние или небольшие размеры. Венчик одного горшка украшен волнистым орнаментом. Единственный реконструированный сосуд отличается широкодонностью, небольшими размерами (его высота – 10,8 см), малой вместимостью (его объём – 0,83 л.) и низкой общей пропорцией (H/D=0,78) (рис. 59, *2*; табл. 29, № 8). Край его венчика плавно отогнут наружу, завершение слегка приострено, округло и не имеет утолщения. Прикрытая горловина профилирована низким широким волнообразным рельефом, место примыкания её к тулову обозначено характерным уступом. Горшок изготовлен из тонкого теста с включением очень редких зёрен мелкозернистого песка; он плохо обожжён: цвет поверхности и излома – неоднородный, преимущественно тёмно-серый. На внутренней стороне отчётливо заметны следы бочарки. По морфологии эти сосуды могут быть соотнесены с новгородскими горшками VIII типа (*Смирнова,* 1956. С. 244, 246, рис. 8, *4*). Появление последних в Великом Новгороде зафиксировано с начала XV столетия. Близкие им по профилировке горшки известны по комплексам XV–XVI вв. г. Пскова (*Королёва, Харлашов,* 1994. С. 91, рис. 19, 21). В некоторых районах они имели широкое распространение вплоть до конца XVIII в. (*Малыгин,* 1991. С. 203, 212). В отдельных гончарных мастерских Тверской, Калужской и Московской областей горшки сходной формы изготавливались вплоть до недавнего времени (*Бойцов,* 1999. С. 161). Редкие находки такой посуды в г. Москве связывают с местами проживания новгородских переселенцев (*Бойцов,* 1999. С. 160, рис. 5, *157*). В Нижегородском Поволжье редкие венчики от горшков со сходной профилировкой горловины, но с несколько иным оформлением краевых окончаний, известны по комплексам середины XIV – начала XV вв. (*Грибов,* А-2006а. Илл. 54, *17*; 2006. С. 90, рис. 8, группа 1). На Городке обломки горшков этого типа встречены в сооружениях обоих строительных периодов. Большая часть из них происходит из верхних частей заполнений материковых ям.

Тип 1.3 (17 экз. – 4,6%) – широкогорлые горшки усечено-биконического облика с выпуклыми боками, редуцированной шейкой и прикрытой горловиной без следов профилировки на внешней поверхности. Прямолинейное в сечении плечико на уровне максимального расширения тулова круто переходит в короткую дугу с небольшим радиусом кривизны. Окончание венчика оформлено отгибом края черновой ленты наружу, иногда с образованием Г-образного «отростка», в редких случаях – с формовкой наружного валикообразного утолщения. Характерен линейный орнамент (встречен у 5 из 15 сосудов). Одинарная волнистая линия, нанесённая на верхнюю часть плечика инструментом с широким рабочим остриём (2–3 мм), зафиксирована только у одного образца. Единственный реконструированный горшок лишён орнамента. Он представляет собой широкогорлый приземистый крутобокий сосуд (Н/Д=0,67) высотой 12 см (рис. 71, *8*; табл. 29, № 9). Краевое окончание его венчика утоньшено, отогнуто наружу и вверх. Сосуд изготовлен из запесоченного теста с редкой добавкой дресвы (размер песчинок до 0,8–1,0 мм). Цвет поверхности светло-коричневый, излома – неоднородный, тёмный. На внутренней стороне отчётливо заметны следы бочарки. Симметричность изделия, резкие параллельные ротационные линии могут свидетельствовать об использовании быстрого (тя-

жёлого) ручного круга. Близкие по форме и особенностям профилировки крутобокие приземистые горшки известны по раскопкам г. Пскова (*Кильдюшевский,* 2002. С. 14, 17, рис. 6, *12*). По мнению В.И. Кильдюшевского, соответствующий им тип XI появился здесь не ранее XVI в. Вместе с тем, горшки такой формы в г. Пскове встречаются и в комплексах XV в. (см., например: *Королёва, Харлашов,* 1994. С. 86, рис. 12, *8*). В Нижегородском Поволжье на памятниках XIII – начала XV вв. сосуды данного типа неизвестны. На Городке их осколки характерны для комплексов первого строительного периода.

Тип 1.4 (29 экз. – 7,8%) – сосуды с короткой цилиндрообразной горловиной, напоминающие по профилировке верхних частей белоглиняные горшки коломенского типа. Их короткая цилиндрообразная горловина плавно переходит в покатое плечико. Краевые окончания венчиков в сечении округлы и слегка приострены. Они сформованы лёгким заглаживанием без образования сколько-нибудь заметного утолщения. Орнамент встречается редко (на 3 образцах из 27 – следы линейной орнаментации). Один реконструированный горшок отличается лёгкой ассиметрией тулова, неровной закраиной венчика. Отсутствие следов бочарки и характер обработки внешней поверхности свидетельствуют о том, что лёгкий круг использовался только при обточке верхней части тулова и формовке краевого окончания горловины (на внешней поверхности придонной части сосуда линии заглаживания отчётливо вертикальны). Горшок имеет плавные обводы, низкие пропорции (H/D=0,71) и высоту – 12,8 см (рис. 89, *7*; табл. 29, № 10). Его едва выделенная, очень короткая цилиндрообразная горловина плавно переходит в покатые плечики. Краевое окончание венчика округло и слегка утолщено. Сосуд неорнаментирован, его тесто запесочено, цвет поверхности чёрный с переходом к тёмно-серому. Следует отметить, что данный горшок своим неряшливым исполнением заметно выделяется в ряду других образцов данного типа. Вероятно, наиболее ранние находки таких горшков происходят из памятников Верхнего Поочья и Верхнего Подонья, где их редкие образцы датируются XI – началом XIII вв. (*Болдин,* 2003. С. 92, 94, рис. 1, *25* (тип 10)). Редкие фрагменты таких сосудов из переотложенных напластований известны в гг. Нижнем Новгороде (*Грибов,* А-1999. Илл. 197, *20*) и Балахне (*Иванова,* 2003. С. 44, рис. 6, *9*). Широко представлены подобные горшки в материалах раскопок г. Чебоксары (*Краснов, Каховский,* 1978. С. 83, тип 5, *32–34, 37–39*). Несколько образцов изделий данного типа обнаружено в комплексах последней трети XV – первой половины XVI вв. на подмосковном поселении Котово-1 (*Гоняный, Шебанин, Шеков,* 2005. С. 205, рис. 14, *10, 11*; 207, рис. 15, 5). К распространённым типам русской керамики отнесены они в Надымском городке конца XVI – первой трети XVIII вв. (*Кардаш,* 2009. С. 234, рис. 3.39, *2а*). На Городке горшки данного типа характерны для комплексов второго строительного периода.

Тип 1.5 (50 экз. – 13,4%) образуют неорнаментированные, за редким исключением, горшки, вероятно, шарообразного облика с короткой цилиндрической горловиной, переходящей в слабо выступающие плечики через уступ. Край венчика, как правило, слегка приострен или закруглён, в единичных случаях уплощен. Сколько-нибудь выраженное краевое утолщение отсутствует. Единственный сосуд с восстановленным профилем имеет шарообразный облик, средние пропорции (H/D=0,82) и слабо профилированное тулово (рис. 85, *14*; табл. 29, № 11). Он неорнаментирован. Его высота – 18 см. Венчик – короткий вертикальный, переходит в покатое плечико через уступ, краевое окончание слегка приострено без образования утолщения. В тесте отмечены редкие включения мелкозернистого песка, использованного и в качестве поддонной подсыпки. Сосуд отличается пестроватой буровато-тёмно-серой окраской. Он изготовлен, скорее всего, на быстром круге с помощью бочарки. Сосуды этого типа известны по Надымскому городку (Северо-Западная Сибирь) конца XVI – первой трети XVIII вв. (*Кардаш,* 2009. С. 234, рис. 3.39, *2б*), Ужгинскому городищу XVI–XVIII вв. (*Игушев, Клёнов, Савельева,* 2000. С. 18, Б, *3*). В комплексах Городка их фрагменты преобладают в верхних частях заполнений материковых ям.

Тип 1.6 (30 экз. – 8,0%) – неорнаментированные (почти всегда) сосуды с короткой раструбообразной горловиной, отогнутым наружу и вверх краем венчика, образующим короткий субгоризонтальный отрезок с почти всегда уплощенным торцом (без утолщения). Горловина переходит в слабо выступающее плечико через уступ. Три образца (из 23) украшены линейным или тычковым орнаментом. Линейный орнамент в виде трёх зон из трёх–четырёх полосок покрыва-

ет среднюю часть тулова одного реконструированного сосуда (рис. 35, *31*; табл. 29, № 12). Это горшок средних пропорций (H/D=0,82), высотой 15,5 см с укороченной горловиной, которая точками перегиба профиля разделена на два различных конструктивных элемента. Нижний, образующий шейку, цилиндрообразен. Верхний, усечённо-конический, напоминает раструб. Край последнего слегка уплощен лёгким торцевым нажимом без образования сколько-нибудь заметного утолщения. Горловина сосуда переходит в тулово через уступ. Тесто имеет примесь среднезернистого песка с размером частиц до 2 мм; обжиг посредственный: цвет поверхности и излома неоднородный, тёмный. На дне зафиксированы следы песчаной подсыпки. Близкие по профилировке горшки известны по раскопкам г. Пскова – в средневековых напластованиях, отложившихся до XV в. (*Лопатин,* 2007. С. 226, рис. 7, подгруппа II). На Городке обломки горшков типа 1.6 встречены в комплексах обоих строительных периодов.

Тип 1.7 (41 экз. – 11,1%) определяется коротким вертикальным, плавно отогнутым на самом конце, приостренным (в редких случаях уплощенным) венчиком, переходящим в покатое округлое плечико через плохо заметный уступ. Очень часто внешняя сторона короткой горловины профилирована низким валикообразным рельефом. Сходную профилировку имеют венчики некоторых сосудов из комплекса первой половины XVI в. подмосковного селища на месте часовни великомученика Никиты (Московская керамика…, 1991. Табл. 128, *514, 546*). На Городке встречены в комплексах обоих строительных периодов.

Тип 1.8 (37 экз. – 9,9%) – горшки усечено-конического облика с коротким вертикально поставленным венчиком, переходящим в приподнятое выпуклое плечико, как правило, через отчётливое «ребро», с резким перегибом профиля. Иногда, венчик, как бы «вдавлен» в тулово, а его основание располагается даже немного ниже уровня плечиков. Кроме этого, определяющим для данного типа является сочетание подтреугольной формы сечения краевого окончания с характерным орнаментом, состоящим из 2–4 собранных вместе параллельных линий, нанесённых на верхнюю часть плечика у основания горловины. Приостренный край венчиков сформован заглаживанием или лёгким нажимом, приложенным под углом к оси вращения сосуда, с образованием едва заметного внутреннего утолщения, очерченного характерной ложбинкой и не превышающим по высоте половины толщины стенки сосуда. Большинство изделий хорошо и равномерно обожжены, имеют однородный красновато-бурый цвет, обжиг двух третей из них (75,7%) можно определить как полный окислительный. Особенностью керамического теста является незначительная примесь окатанного среднезернистого песка с размером частиц до 0,8–1,3 мм. Единственный реконструированный сосуд отличается средними пропорциями (H/D=0,86). Его высота – 22 см. Короткий вертикально поставленный венчик имеет лёгкий уклон внутрь сосуда (рис. 78, *2*; табл. 29, № 13). В покатое высокое плечико он переходит через почти горизонтальный участок («карниз»), который оканчивается ребром. Краевое окончание приострено кверху и в сечении имеет подтреугольный профиль. Сосуд хорошо и равномерно обожжён, цвет его поверхности и излома однородный светло-коричневый. Верхняя часть плечика украшена орнаментальным пояском из собранных вместе 4 параллельных линий шириной до 2 мм каждая. На дне помимо следов песчаной подсыпки зафиксировано клеймо в виде «колеса с восемью спицами». В тесте присутствует примесь мелкозернистого песка. По сочетанию профилировки, формы венчика, особенностей орнамента, обжига и рецептуры формовочной массы горшки этого типа соответствуют стандарту красноглиняных гладких горшков московского производства второй половины XV – начала XVI вв. *(Розенфельдт,* 1968. С. 15; *Бойцов,* 1991. С. 38; *Чернов,* 1991б. С. 52, 53). Большая коллекция образцов такой посуды собрана при раскопках в Историческом проезде (1988 г., яма 2) и на Монетном Дворе в г. Москве (Московская керамика…, 1991. Табл. 85, 86; 92–98). Редкие фрагментытаких горшков встречены в г. Нижнем Новгороде (*Лапшин,* А-2001. Табл. 4, *32*; 18, *31*; *Ерёмин,* А-1997. № 22422. Илл. 40, *15*; № 22424. Илл. 9, *2*) и на памятниках его сельской округи – на селищах Кудрёшки-2 (*Грибов,* А-2010. Л. 46, 47. Илл. 136, *9*), Крутец-1 (*Аникин,* А-2004а. Илл. 28, *29*), Бурцево-2 (*Аникин,* А-2005а. Илл. 32), на Ольгинском поселении (*Грибов,* А-2007б. Илл.7, *39, 40*). На раскопанном участке Городка встречены исключительно в верхних горизонтах заполнений материковых ям.

Тип 1.9 (33 экз. – 8,9%) объединяет неорнаментированные сосуды с короткой усечённо-конической горловиной, переходящей в покатое плечико без уступа, но через очень короткую

шейку, образующую в сечении резкий изгиб профиля по дуге малого радиуса. Краевые окончания венчиков почти всегда уплощенные и без утолщений. Один образец (из 28) отмечен волнистым орнаментом в виде одинарной линии, нанесённой на верхнюю часть плечика. Тесто каждого третьего горшка имеет примесь дресвы. О пропорции сосудов дают представления два реконструированных неорнаментированных изделия, весьма близкие друг к другу по всему комплексу морфологических признаков. Первый горшок (рис. 62, *1*; табл. 29, № 14) отличается от второго (рис. 62, *2*; табл. 29, № 15) меньшим отгибом венчика и немного более приподнятым плечиком. Его высота – 17,2 см, отношение высоты к максимальному расширению тулова (H/D) – 0,75, вместимость – 4,1 л. Высота второго сосуда – 17,5 см, отношение H/D – 0,73, объём – 4,6 л. Формовочная масса обоих экземпляров составлена с добавкой редкой дресвы. Редкие образцы горшков данного типа встречены в комплексах XIV – начала XV вв. поселения Бешенцево-3 (*Грибов,* А-2009. Илл. 74, *1*, 196, *2*), на подмосковном селище второй половины XV–XVI вв. Захарово-1 (*Буланкин, Гоняный, Ковалевский, Шебанин, Шеков,* 2008. С. 251, рис. 10, *1*). На Городке их фрагменты наиболее характерны для комплексов второго строительного периода.

Тип 1.10 (61 экз. – 16,4%) – горшки с короткой усечённо-конической горловиной, переходящей в плечико через уступ или ребро. Окончания венчиков не имеют утолщений и, как правило, округлы, иногда уплощены или приострены. Орнамент (в одном случае линейный, в трёх других – волнистый) зафиксирован у 7% образцов. Примесь дресвы встречена у 5,6% сосудов. Качественному обжигу подвергнуто около 27% изделий. Обводы трёх реконструированных сосудов указывают на существование как минимум двух подтипов, различных по пропорциям и сходных по формам верхних частей. К подтипу 1.10а отнесены два реконструированных горшка, близкие по форме и различные по размерам. Это сосуды средних пропорций с покатыми плечиками. Первый, высотой 14 см, вместимостью 1,4 л, имеет значение основной пропорции (H/D) около 1,1 (рис. 42, *1*; табл. 29, № 17). Его короткий, отогнутый наружу венчик обладает слегка приостренно-округлым краевым окончанием. Горловина переходит в тулово через отчётливый уступ. Тулово плохо заглажено и слегка ассиметрично. На плечиках заметны следы горизонтальной обточки. Придонная часть обработана грубоватой вертикальной подрезкой. В формовочной массе присутствует редкая примесь шамота. Второй горшок, высотой 22 см, имеет больший объём (5,1 л) при сходном значении отношения высоты к максимальному диаметру (H/D=1,0) (рис. 42, *2*; табл. 29, № 16). Краевое окончание венчика горизонтально уплощено и прорезано неглубоким желобком. На плечиках заметны следы горизонтальной обточки, керамическое тесто насыщено мелкозернистым песком. Второй вариант (подтип 1.10б) представлен третьим реконструированным горшком данного типа (рис. 89, *9*; табл. 29, № 18). Это приземистый сосуд (H/D=0,75), высотой 15,5 см. Окончание его короткого отогнутого наружу венчика скруглено и едва заметно смещено в сторону продольной оси изделия. Горловина переходит в выпуклое плечико через ребро. Тесто насыщено мелкозернистым песком. Буровато-чёрная в целом поверхность неоднородна по окраске. Край венчика в одном месте деформирован, вероятно, случайным прикосновением руки мастера ещё до обжига изделия. Следы горизонтальной обточки заметны по всему тулову сосуда.

Близкие формы венчиков характерны для горшков из остатков сруба двух последних десятилетий XIV в. подмосковного Шавыкинского Дубенского монастыря (Московская керамика…, 1991. С. 131, табл. 68, *9А, 9Д, 9Г, 9Е, 9Ж*). Очень напоминает горшок подтипа 1.10а реконструированный сосуд из заполнения ямы конца XV века раскопа VII на Романовом дворе в г. Москве (Археология Романова двора…, 2009. С. 464, рис. 218, 5)). На Городке данный тип характерен для комплексов второго строительного периода.

Тип 1.11 (35 экз. – 9,4%) определяют редко орнаментированные сосуды с короткой раструбообразной горловиной, в сечении которой, как правило, можно выделить два прямолинейных участка: вертикальный, образующий шейку, и отогнутый наружу, завершающий, образующий «щеку». Краевое окончание лишено утолщения и обычно имеет округлую форму сечения. Горловина переходит в плечико плавно или через едва заметный уступ. От близких по облику горшков типа 1.6 сосуды рассматриваемой формы отличаются по сочетанию округлого завершения венчика с более плавной профилировкой перехода горловины в тулo-

во. Реконструированный сосуд, высотой 20 см, – широкогорлый и весьма вместительный (8,1 л). Он имеет низкие пропорции (H/D=0,71), широкое донце (рис. 63, *2*; табл. 29, № 19). Его С-образный венчик завершается слегка приостренным округлым краем (без утолщения). Горловина плавно переходит в покатое плечико. В тесте присутствует добавка мелкозернистого песка. Сосуд хорошо обожжён до однородного кирпично-красного цвета. На плечике заметны следы горизонтальной обточки. Такие сосуды встречены на Верхней Оке (Сорокино городище) в одном комплексе с монетой рязанского князя Ивана Фёдоровича (1427–1456 гг.) (*Зацаринный,* 2003. С. 107, рис. 1, *3, 6, 7*).

Тип 1.12 (11 экз. – 3,1%) представлен слабопрофилированными широкогорлыми сосудами без орнамента. Сечение их верхней половины имеет характерный S – образный профиль. Диаметр по венчику у них почти всегда соответствует диаметру максимального расширения тулова. Венчик – короткий, слегка отогнутый наружу, с уплощенным краем (без утолщения). В Нижегородском Поволжье редко встречаются в комплексах XIV – начала XV вв. (*Грибов,* А-2009б. Илл. 91, *1*). В южнорусских землях датируются XIV–XV вв. (Беляева, 1982. С. 76, рис. 29, подтип I – 1А). В Подмосковье сосуды данного типа встречены на селище Михайловское-2 в комплексе, сложившимся до 1455 г. (*Чернов,* 1991а. С. 30; Московская керамика…, 1991. С. 134, табл. 71, *161*).

Подгруппа II-2 (139 сосудов – 24,0%) объединяет типы с преобладанием формовочных масс, включающих редкую добавку дресвы.

Тип 2.1 (21 экз. – 15,1%) представлен приземистыми широкогорлыми горшками усечённо-биконического облика с редуцированной шейкой, прикрытой горловиной и приподнятыми, слегка вогнутыми, плечиками. Главной особенностью их профилировки является сочленение слегка вогнутой верхней части с немного выпуклой нижней через угловатый, близкий к ребру, выступ, соответствующий максимальному расширению тулова. Последнее располагается на уровне 3/4 от общей высоты сосудов. Окончания венчиков сформованны отгибом края черновой ленты наружу с образованием характерного наружного валикообразного утолщения. По его уплощенному верхнему краю очень часто проходит желобок. Сосуды не орнаментированы, цвет их поверхности, как правило, тёмно-серый. В керамическом тесте всех 18 исследованных образцов зафиксирована редкая примесь дресвы. Реконструированы два неорнаментированных горшка, весьма близких по оформлению и размерам. Первый, немного уступающий второму по вместимости, имеет высоту – 17 см, объём – 4,05 л, отношение H/D – 0,73 (рис. 61, *1*; табл. 29, № 21). Значение этих же характеристик для второго горшка: высота – 16,5 см, объём – 4,94 л, H/D – 0,68 (рис. 61, *2*; табл. 29, № 20). Их «крутобокие» обводы полностью соответствуют приведённому выше описанию профилировки горшков данного типа. Цвет поверхности и в изломе стенок обоих сосудов тёмно-серый. Их формовочные массы составлены с примесью редкой дресвы и среднезернистого песка (с размером частиц до 2 мм). На внутренней поверхности хорошо заметны следы бочарки. От близких по профилировке тулова сосудов типа 1.3, изготовленных, как правило, из теста без грубых включений, горшки типа 2.1 отличаются вогнутой формой плечиков. Сходное оформление венчиков характерно для некоторых горшков из древнерусских городищ Холки (на р. Оскол) (*Винников, Кудрявцева,* 1998. С. 60, рис. 5, *1–7*) и Слободка (на Верхней Оке) (*Полубояринова,* 1987. С. 174, рис. 83, тип V). Фрагмент сосуда данного типа встречен на Спаспорубском городище XVI – начала XVII вв. (*Игушев, Клёнов, Савельева,* 2000. С. 20, рис. 9, *2*). Каких-либо аналогов в местной керамике XIII–XIV вв. данный тип не имеет. На Городке его образцы характерны в основном для комплексов первого строительного периода.

Тип 2.2 (61 экз. – 43,9%) образуют горшки усечено-биконического облика с укороченной прикрытой горловиной, переходящей в высокое выпуклое плечико через характерный уступ или ребро. Краевое окончание венчиков большинства образцов сформовано торцевым нажимом и напоминает подтреугольный в сечении выступающий наружу козырёк, в большинстве случаев – с двумя угловатыми выступами (наружу и вверх). У отдельных сосудов венчик «утоплен» в плечики, и его основание находится ниже их уровня. У 13% сосудов – тонкое тесто (иногда с примесью мелкозернистого песка), у 4,9% отмечена концентрированная примесь дресвы. Хороший равномерный обжиг характерен только для 18% сосудов. Орнамент зафиксирован у

одного изделия. Полностью реконструированы формы двух сосудов. Один из них – приземистый горшок (H/D=0,77), высотой 17 см и вместимостью 3,4 л (рис. 60, *2*; табл. 29, № 22). Его укороченная горловина увенчана подреугольным в сечении отогнутым наружу «козырьком». В покатые плечики она переходит через отчётливый уступ. Тулово, по месту максимального расширения, украшено одинарной волнистой линией, прочерченной орудием с широким рабочим краем (шириной до 3–3,5 мм). Тесто изделия тонкое с редкими включениями единичных зёрен мелкозернистого песка. Цвет поверхности неоднородный. Второй сосуд, высотой 11,8 см, отличается меньшей вместимостью (1,4 л) и отсутствием орнамента (рис. 60, *1*; табл. 29, № 23). Его горловина переходит в тулово через короткий горизонтальный участок с уступом на конце. Он также приземист (H/D=0,7), а окончание венчика напоминает подтреугольный, выступающий приостренным краем наружу, «козырёк». Формовочная масса составлена с редкой примесью дресвы и среднезернистого песка. На плечиках заметны слабые следы горизонтальной обточки. Сосуды с такой профилировкой и орнаментацией известны среди керамики второй половины XIII–XIV в. г. Рыльска (Курское княжество) (*Енукова,* 2005. С. 155, рис. 2, *7*, *11*), по комплексам последней трети XV – середины XVI вв. подмосковного селища Котово-1 (*Гоняный, Шебанин, Шеков,* 2005. С. 194, рис. 7, *5*; 198, рис. 9, *6*; 201, рис. 11, *5, 6*), по находкам из сооружений середины – конца XV в. Романова двора в г. Москве (погреб 8, см.: Археология Романова Двора…, 2009. С. 461, рис. 215, *1*). Близкие по форме горшки встречены на городищах Слободка (*Полубояринова,* 1987. С. 177, рис. 84, среди образцов типа XV) и Кармыльк (в окрестностях г. Сыктывкар) XVI–XVII вв. (*Игушев, Клёнов, Савельева,* 2000. С. 11, рис. 4, *15 – 17*), в напластованиях XV–XVIII вв. (*Лапшин,* 2009. С. 129 (тип XIV); 448, рис. 198, *2200, 2179*) и в отдельных комплексах XVI в. (*Рыбакова,* 2010. С. 60, рис. 5, *2*; 61, рис. 6, *6*; 62, рис. 7, *10*; 63, рис. 8, *13*) г. Твери, на Троицком городище (г. Чердынь) (*Макаров,* 2001. С. 124, *77–79*).

Тип 2.3 (25 экз. – 18,0%) – это широкогорлые горшки с короткой цилиндрообразной горловиной, плавно переходящей в округлые покатые плечики. Край венчика уплощен лёгким торцевым нажимом без образования сколько-нибудь значительного утолщения. Часто уплощенная поверхность завершения горловины профилирована желобком. Почти каждый третий сосуд орнаментирован. Декор, как правило, представляет собой одинарную волнистую линию, нанесённую инструментом с широким лезвием (порядка 2–2,5 мм) по верхней части плечиков. Зафиксировано использование линейного и тычкового орнаментов. Единственный реконструированный сосуд – неорнаментирован (рис. 63, *1*; табл. 29, № 24). Это приземистый (H/D=0,63) горшок, высотой 14,6 см и вместимостью 3,6 л, с коротким вертикально поставленным венчиком и округлыми плечиками. Край венчика незначительно расширен в результате деформации торцевым нажимом и слегка скошен внутрь. На его наклонной уплощенной площадке имеется желобок. Сосуд хорошо обожжён до светло-коричневого оттенка, тесто характеризуется высокой концентрацией мелкозернистого песка. На плечиках заметны следы горизонтальной обточки, на внутренней поверхности – следы бочарки. Второй восстановленный сосуд имеет меньшие размеры (рис. 79, *18*; табл. 29, № 25). Его высота – всего 8 см. Он также приземист (H/D=0,62), имеет широкую горловину и тулово с плавными обводами. Короткая цилиндрическая горловина завершается округлым, слегка приостренным окончанием без утолщения. Плечики украшены частыми широкими полосками линейного орнамента. Тесто составлено с примесью крупнозернистого песка (с размером зерна до 3 мм). От «мелкозернистого» типа 1.4 тип 2.3 отличается иным оформлением краевых окончаний венчиков. Фрагмент горшка такого типа присутствует в керамиченском комплексе последней трети XV – середины XVI вв. подмосковного селища Котово-1 (*Гоняный, Шебанин, Шеков,* 2005. С. 194, рис. 4, *9*).

Тип 2.4 (16 экз. – 11,5%) выделен по группе неорнаментированных сосудов с вертикально поставленными «манжетовидными» венчиками, с треугольным в сечении наружным краевым утолщением, приостренным по верхнему краю. Боковая наклонная поверхность «манжеты» отмечена желобком. Горловина переходит в слабо профилированное тулово через короткий наклонный линейный участок с уступом на конце. Образцы близких по форме сосудов известны на памятниках Нижегородского Поволжья XIII–XIV вв. (см., например, венчики горшков с поселения Бешенцево-3: *Грибов,* А-2009б. Илл. 147, *4,* 181, *2*). В позднесредневековых комплексах горшки, подобные сосудам типа 2.4, встречены в гг. Пскове (среди керамики XVI–XVIII вв., см.:

Харлашов, 1994. С. 69, рис. 28, *2, 10*), Твери (в комплексе XV в., см.: *Нестерова,* 2010. С. 37, рис. 5, *17*), Чердыни (*Макаров,* 2001. С. 124, *73*).

Тип 2.5 (16 экз. – 11,5%) – сосуды с коротким, почти вертикальным либо слегка отогнутым наружу венчиком с приостренным или округлым краем без утолщения, переходящим в довольно выпуклые плечики через прямолинейный слегка наклонный или горизонтальный участок («карниз») с уступом на конце. Каждый третий сосуд орнаментирован либо параллельными линиями, либо одинарной «волной». Пять из одиннадцати образцов этого типа характеризуются тонким тестом. Преобладающий цвет поверхности – тёмно-серый или тёмно-бурый, неоднородный. Единственный реконструированный сосуд представляет собой приземистый горшок (H/D=0,7) высотой 17,5 мм и объёмом 3,9 л (рис. 143, *1*; табл. 29, № 26). Его короткий, слегка дугообразно отогнутый наружу, почти вертикальный венчик, имеет округлое завершение. Основание горловины оформлено в виде широкого горизонтального участка («карниза»), через ребро переходящего в покатые плечики. На уровне максимального расширения тулово украшено одинарной волнообразной линией шириной до 3 мм. Тесто сосуда имеет редкие включения зёрен мелкозернистого песка. Цвет поверхности светло-коричневый, неоднородный, в изломе присутствует широкая тёмная полоса. Сосуды данного типа близки по оформлению горловины к московским красноглиняным гладким горшкам[124]. Они, помимо особенностей обжига и рецептуры теста, отличаются округлыми либо приостренными завершениями венчиков, лишённых характерных «московских» подтреугольных утолщений и, вероятно, иными общими пропорциями. Горшки с такой профилировкой широко представлены в комплексах XV–XVI вв. Они известны среди материалов раскопок подмосковного селища второй половины XV–XVI вв. Захарово-1 (Б*уланкин, Гоняный, Ковалевский, Шебанин, Шеков,* 2008. С. 251, рис. 10, *4*), осадных городков Коми края – Вотчинского, Ужгинского (*Игушев, Клёнов, Савельева,* 2000. С. 16, рис. 7, *24;* 18, рис. 8, *1*), Хлыновского городища (*Макаров,* 2001. С. 80, рис. 36, *2*), одного из районов г. Москвы, заселённого переселенцами из Великого Новгорода (*Бойцов,* 1999. С. 160, рис. 5, *18б*), позднезолотоордынских построек г. Болгара (*Полубояринова,* 1992. С. 141, рис. 6, тип XIII).

Подгруппа II-3 (67 сосудов – 11,6%) объединяет типы, формовочные массы которых составлены с концентрированной примесью дресвы. Большая часть сосудов (62 из 67) имеют тёмно-серый, почти чёрный цвет и бугристую от проступающих грубозернистых включений поверхность.

Тип 3.1 (3 экз. – 4,5%) представлен неорнаментированными горшками усечено-биконического облика с выпуклыми боками, короткой цилиндрообразной горловиной, плавно переходящей в наклонные прямолинейные плечики. Краевое окончание венчиков имеет характерное утолщение, сформованное внутренним отгибом и последующим наложением отогнутой закраины на стенку сосуда. В двух из трёх случаях сечение закраины напоминает треугольник. Единственный реконструированный сосуд имеет приземистые пропорции (H/D=0,68), его высота – 13 см (рис. 70, *1*; табл. 29, № 27). Это широкогорлый неорнаментированный плохо обожжённый горшок с короткой дугообразной шейкой, увенчанной внутренним краевым утолщением овалообразной формы с заметным швом-ложбинкой по месту примыкания отогнутого края черновой ленты. Прямые наклонные плечики круто переходят в нижнюю, слегка выпуклую часть тулова, придавая изделию характерный крутобокий облик. Поверхность сосуда имеет чёрный цвет и шероховатую из-за примеси дресвы поверхность. Во многих местах она покрыта чёрной плёнкой нагара. На внутренней стороне сохранились следы бочарки. Горшки этого типа близки по форме тулова сосудам типов 1.3, 2.1, но отличаются от них иным оформлением горловины. Среди местной керамики предшествующего времени (XIII – начала XV вв.) они не известны.

Тип 3.2 (14 экз. – 20,9%) объединяет сосуды с цилиндрической горловиной, резко отделённой от слабо выступающих плечиков коротким горизонтальным участком с ребром или уступом на конце. Завершения венчиков, как правило, стандартны. Они сформованы лёгким наружным краевым отгибом с образованием небольшого приостренного на конце козырька, имеющего в большинстве случаев плавные очертания. Два образца из девяти украшены линейным орнаментом. Характерен тёмно-серый цвет поверхности и излома черепков. Один реконструиро-

[124] К типу 1.8 красноглиняных горшков Городка.

ванный сосуд высотой 16,2 см и объёмом 2,7 л, имеет средние пропорции (H/D=0,81) (рис. 36, *18*; табл. 29, № 29). Его отличают отсутствие орнамента, широкое донце, укороченная цилиндрическая горловина с коротким фланцеобразным основанием, переходящим в округлые плечики через ребро. Завершение венчика оформлено коротким краевым отгибом с образованием небольшого «козырька» с внешней стороны горловины, напоминающего в сечении равносторонний треугольник. В запесоченном тесте присутствует редкая примесь дресвы. На плечике сохранились следы горизонтальной обточки, на внешней стороне донца –следы песчаной подсыпки. Другой сосуд с восстановленным профилем представляет собой также неорнаментированный широкогорлый горшок низких пропорций (H/D=0,74), высотой 14,5 см (рис. 89, *8;* табл. 29, № 28). Краевое окончание его венчика оформлено плавным горизонтальным отгибом наружу края черновой ленты. Горловина переходит в плечики через уступ. Формовочная масса составлена с частой примесью дресвы и крупнозернистого песка (с размером зерна до 3 мм). Сосуд имеет неоднородную песочно-светло-коричневую окраску. Отдельные сосуды с морфологическими признаками горшков типа 3.2 встречаются, как правило, в комплексах XV–XVI вв. Они присутствуют в керамических коллекциях подмосковных селищ – в Копнинском лесу-3 (1550–1580 гг., см.: *Чернов,* 1991б. С. 54; Московская керамика…, 1991. Табл. 133, *119*), у Воскресенского погоста (из комплекса первой половины XVI в., см.: *Чернов,* 1991б. С. 52; Московская керамика…, 1991. Табл. 74, *343, 347, 348*). Фрагмент одного такого сосуда обнаружен в яме XIV – начала XV вв. при раскопках поселения Бешенцево-3 в Нижегородской округе (*Грибов,* А-2009б. Илл. 117, *6*).

Тип 3.3 (11 экз. – 16,4%) выделен по широкогорлым сосудам с короткими цилиндрообразными горловинами, переходящими в тулово через линейный горизонтальный или слабо наклонный участок с ребром или уступом на конце, и характерным краевым окончаниям, сформованными лёгким торцевым (часто скошенным внутрь) нажимом с образованием желобка. Три реконструированных неорнаментированных сосуда этого типа несколько отличаются друг от друга общей профилировкой тулова и положением плечиков, что выявляет некоторую условность выделения данного типа. Один из них, высотой 10 см и объёмом около 1 л, отличается самыми низкими пропорциями (H/D= 0,71) и усечено-сферо-конической формой (рис. 41, *1*; табл. 29, № 30). Краевое окончание венчика профилировано интенсивным нажимом, приложенным не ко всей плоскости торца черновой ленты, а к середине его ширины. Это привело к образованию желобка и, под действием центробежной силы, – наружного клювообразного козырька. Тесто сосуда, насыщенное естественной примесью известковой крошки, имеет включения крупнозернистого песка. Второй сосуд, высотой 12,4 см, – усечено-конического облика, определяемого высоким положением короткого слабо выпуклого плечика (рис. 98, *1*; табл. 29, № 32). Он, как и первый, имеет низкие пропорции (H/D=0,76). Горизонтально подплощенный край его венчика слегка «расщеплён» желобком без образования наружного выступа. В тесте, помимо крупнозернистого песка, присутствует редкая добавка дресвы. Цвет поверхности – неоднородный, пестроватый. На плечиках хорошо заметны следы горизонтальной обточки, на внутренней поверхности – следы бочарки. Третий сосуд, самый большой (высотой 20 см) и самый «стройный» по значению основной пропорции (H/D=0,78), отличается шарообразными очертаниями (рис. 84, *2*; табл. 29, № 31). Его широкие покатые плечики переходят в укороченную, слегка отогнутую наружу горловину через горизонтальный «карниз» с ребром. На краю горловины хорошо заметен желобок. Тесто сосуда составлено с редкой примесью дресвы. Толщина его донца непропорционально мала по сравнению с толщиной стенок. Горшки с таким оформлением верхней части известны в Пскове среди керамики, наиболее популярной в XVI в. (*Кильдюшевский,* 2002. С. 15, рис. 5, 5). Близкий по форме сосуд обнаружен в комплексе XIV – начала XV вв. на поселении Бешенцево-3 (*Грибов,* А-2009б. Илл. 79).

Тип 3.4 (8 экз. – 11,9%) определён по горшкам с короткой воронкообразной усечено-конической горловиной, плавно (без уступа или ребра) переходящей через короткую, с малым радиусом изгиба, шейку в покатые плечики. Венчики оснащены подтреугольными или овалообразными в сечении краевыми утолщениями, сформованными загибом края черновой ленты внутрь сосуда с последующим наложением на стенку. Встреченные образцы неорнаментированы, среди рецептур теста преобладают составы с частой добавкой дресвы. Близкие по профи-

лировке, но, как правило, с несколько более высокой горловиной, горшки широко представлены среди местной нижегородской керамики XIV – начала XV вв. (см., например: Грибов, А-2008в. Илл. 87, *30*). В комплексах XV–XVI вв. сосуды с такими венчиками встречаются довольно редко (см., например, материалы подмосковного селища Котово-1: *Гоняный, Шебанин, Шеков,* 2005. С. 205, рис. 14, *1, 2*; г. Твери: *Нестерова,* 2010. С. 39, рис. 7, *2, 4, 6*).

Тип 3.5 (20 экз. – 29,9%) – это горшки со слегка отогнутыми наружу венчиками в виде прямолинейного отрезка или слабо изогнутой дуги (в сечении), переходящими в плечики через наклонный линейный участок с уступом или ребром на конце. Формовка краевых окончаний разнообразна. Встречаются образцы с характерным подтреугольным утолщением, образованным отгибом края черновой ленты внутрь с последующим наложением отогнутой закраины на стенку. Довольно много сосудов с венчиками, краевое окончание которых сформовано лёгким торцевым нажимом с образованием желобка на верхней поверхности. Один из 14 образцов украшен линейным орнаментом. Реконструированный сосуд – это низкий широкогорлый и широкодонный неорнаментированный горшок с короткой воронкообразной горловиной, переходящей в высокие и узкие плечики через ребро (рис. 70, *2*; табл. 29, № 33). Край венчика «расщеплён» торцевым желобком и в сечении напоминает равносторонний треугольник. В тесте присутствует значительная примесь дресвы. Поверхность неоднородна по окраске (тёмная буровато-тёмно-серая) и шероховата из-за выступающих зёрен крупнозернистой дресвы. Фрагменты сосудов типа 3.5 встречены в комплексах XV в. г. Твери (*Нестерова,* 2010. Рис. 5, *9, 6, 12*; 12, *17*). Близки к ним и некоторые образцы нижегородской керамики XIV – начала XV вв. (*Грибов,* А-2009б. Илл. 147, *5*).

Тип 3.6 (7 экз. – 10,4%) легко узнаётся по горшкам с вертикально поставленным венчиком и резко отогнутым наружу подтреугольным или овальным в сечении краевым утолщением. Оно сформовано наложением края черновой ленты на внутреннюю сторону стенки сосуда, однако из-за отгиба (в виде валика) выступает с наружной стороны. Цилиндрообразная горловина, как правило, переходит в округлое тулово без отчётливого уступа. Один из четырёх образцов имел линейную орнаментацию. Фрагменты редких горшков с такими венчиками встречаются в местных керамических комплексах XIV – начала XV вв. (*Грибов,* 2006. С. 90, рис. 8, группа 11; *Грибов,* 2009б. Илл. 70, *3*; 74, *6, 7*; 109, *3*; 127, *2*).

Тип 3.7 (4 экз. – 6,0%) связан со слегка заглаженными на круге усечено-биконическими неорнаментированными сосудами, имеющими характерное ребро по тулову и короткие прямолинейно отогнутые наружу венчики с округлым или со слегка приостренным краем (без утолщений). Плечики почти прямые, иногда – едва заметно выпуклые. Шейка образована крутым изгибом небольшого радиуса. Подобные сосуды имеют параллели среди лепной мордовской керамики XII–XIII вв. (*Грибов,* 1997а. Рис. 3, *2, 3*) и, очевидно, являются круговыми репликами местной финской посуды.

Миски представлены осколками как минимум от десяти различных изделий чашеобразных очертаний. По форме выделяется две разновидности – усечено-конические с прямыми стенками (рис. 148, *9, 10*) и полусферические со слегка выпуклыми сторонами (рис. 148, *6*). Их краевые окончания, как правило, уплощены горизонтальной подрезкой (лёгким нажимом) без образования сколько-нибудь заметного утолщения. Реконструированы обводы двух усечено-конических сосудов. Это низкие приземистые миски (со значением H/D около 0,4) с прямыми стенками и открытыми горловинами, лишёнными перехвата (шейки). Наиболее крупный из них, высотой 85 мм и диаметром 200 мм, отличается широким донцем (рис. 84, *1*; табл. 29, № 36). Вторая миска, высотой 62 мм и диаметром 160 мм, имеет более наклонные стенки (рис. 32, *13*; табл. 29, № 35). Краевые окончания обоих сосудов горизонтально уплощены. В тесте присутствует примесь дресвы и мелкозернистого песка. Горизонты заполнений материковых ям, в которых обнаружены их осколки, по стратиграфическому положению и большому количеству сопутствующих фрагментов белоглиняной керамики коломенского типа датируются второй половиной XV – началом XV вв.[125] Миски усечено-конических и полусферических очертаний широко известны по комплексам XIII–XVI вв. (*Коваль,* 1996. С. 119, тип 4). Близкие по форме сосуды, изготовленные из хорошо отмученной глины, встречены в комплексе первой половины XVI в. на

[125] Слой 1 ямы 1А/1 – рис. 32, *13*; слои 2а и 2б ямы 1/2 – рис. 84 , *1*.

подмосковном селище Михайловское-2 (*Чернов,* 1991б. С. 51; Московская керамика…, 1991. Табл. 122, *2, 3*).

Корчаги определены по фрагментам горловин. В коллекции присутствуют осколки как минимум от четырёх большемерных сосудов данной категории, служивших для хранения припасов. Для них характерны толстые стенки (толщиной 1–1,5 см), примесь дресвы в тесте и специфическая профилировка венчика с отогнутой наружу закраиной. Некоторые из них, вероятно, были оснащены ручками. Фрагмент одной из них, сформованный из двух жгутов, обнаружен в шурфе 2 (рис. 96, *12*). Профиль одного изделия удалось полностью реконструировать (рис. 43; табл. 29, № 34). Это относительно небольшая неорнаментированная корчага высотой 38 см и объёмом около 20 л. Максимальное расширение её слегка вытянутого по вертикали балонообразного тулова приходится на середину высоты (H/D=1,13). Ещё одна деталь, во многом определяющая её облик, – широкое донце, диаметр которого (17,4 см) заметно превосходит диаметр шейки. Обуженная, как и у всех корчаг, невысокая горловина (с диаметром венчика 16 см) переходит в покатые плечики через небольшой, но заметный, уступ. Край горловины сформован отгибом черновой ленты наружу и приострен на конце. Донце сосуда уже после обжига было просверлено. На внутренней стороне стенок заметны следы бочарки. Цвет сосуда тёмно-бурый, излом черепка трёхслоен. Фрагменты корчаги обнаружены в заполнения ямы 1Б/1 в одном слое с монетой Ивана III.

Группу III (230 фр. – 0,60%) отличает наличие ангоба в виде тонкого покрытия из белой глины, нанесённого на поверхность сосудов из красножгущегося сырья и обожжённых в обычной воздушной среде. Красноглиняная ангобированная керамика разделяется на две подгруппы в зависимости от наличия или отсутствия следов росписи охрой.

Подгруппу III-1 (205 фр. – 89,1%) образуют осколки ангобированных красноглиняных горшков без следов росписи. Орнамент и профилировка их верхних частей воспроизводит декор и обводы массовой белоглиняной керамики коломенского типа[126]. Их венчики – короткие, прямые и, как правило, вертикальные. Разнообразие форм краевых окончаний покрывается совокупностью вариантов, встреченных у белоглиняных горшков подгруппы V-1 (см. рис. V). Нарезной разреженный линейный орнамент наносился как только на внешнюю сторону низкой цилиндрообразной горловины, так и с заходом на плечики. Горшки данной подгруппы больше напоминают подражания белоглиняным изделиям коломенского типа, чем реплики – «авторские копии», вышедшие из рук мастеров, специализирующихся на выпуске соответствующей белоглиняной продукции, и воспроизводящие сложившийся образец в красножгущемся сырье. Их имитационный характер просматривается в отдельных дефектах, выходящих за рамки вариаций характерных признаков белоглиняной модели. Так, только два из девяти выделенных по венчикам сосудов, как и соответствующие им белоглиняные образцы, изготовлены из тонкого теста без заметных добавок. Тесто остальных составлено с заметной примесью среднезернистого песка (с размером частиц до 1,5–2 мм). Венчики двух сосудов заметно отогнуты наружу, что также необычно для горшков коломенского типа, у которых чаще встречаются слегка прикрытые горловины, нежели раструбообразно расширенные. Явно отходит от «коломенского стандарта» небрежно нанесённый орнамент: на плечиках одного сосуда одна из линейных полосок пересекает две другие, а на внешней стороне венчика заметна незавершённая волнистая линия (рис. 151, *1*).

Изделия, воспроизводящие белоглиняные горшки стандартного «коломенского» облика из другого сорта глины, известны по раскопкам г. Москвы (*Розенфельдт,* 1968. С. 27, табл. 5, *1*).

Подгруппу III-2 (25 фр. – 10,9%) составляют редкие осколки парадных красноглиняных сосудов, покрытых белым ангобом и украшенных росписью минеральной охрой. Верхняя часть горловины одного такого сосуда (кувшина или кумгана), диаметром 12 см, с внешней стороны, вблизи уплощенного краевого окончания, украшена рельефным валиком. Ниже последнего, очевидно, проходил расписной орнаментальный поясок[127]. Срез венчика также декорирован: здесь роспись имеет вид поперечных коротких и широких штрихов, нанесённых с определённой регулярностью, очевидно, по всему периметру края горловины изделия (рис. 151, *18*).

[126] См. ниже описание подгруппы V-1.

[127] Сохранившийся фрагмент декора напоминает гребенчатую фигуру, ориентированную спинкой вверх, а зубцами вниз.

Среди характерных элементов расписного декора можно отметить круги с точками и хордами внутри (рис. 151, *10*), вертикально ориентированные «струйчатые» линии (рис. 151, *14*), которые часто встречаются на стенках расписных сосудов г. Москвы (*Розенфельдт,* 1968. Табл. 7, 10; Московская керамика…, 1991. Табл. 89, *1302*; 117, *590*). Вероятно, с расписным ангобированным сосудом связан осколок придонной части, напоминающий «сапожок» по форме сечения перехода стенки в донце (см.: Московская керамика…, 1991. Табл. 89, *1693, 1708*). Тесто расписных ангобированных сосудов хорошо обожжено (до ровного однородного кирпично-красного цвета излома черепка) и включает себя заметную добавку среднезернистого песка (с размером частиц до 1,5–2 мм).

Обломки расписных кумганов и кувшинов, близких по технологии изготовления и стилистике находкам из Городка, изредка встречаются в комплексах второй половины XV – первой половины XVI вв. В научной литературе их происхождение традиционно связывают с гончарными мастерскими г. Москвы (*Розенфельдт,* 1968. С. 25, 26; *Зацаринный,* 2003. С. 103).

Один расписной сосуд, выделенный среди керамики Городка по совокупности фрагментов, декором в виде наружного валика, раструбообразной формой горловины, её диаметром и уплощенным срезанным наружу краевым окончанием, качеством обжига и песчаной примесью в тесте очень напоминает кумган, осколки которого были обнаружены при раскопках летописного г. Алексина на Верхней Оке в комплексе второй – третьей четверти XV в. (*Зацаринный,* 2003. С. 102, 103, 109, рис. 3, *31*). Осколок придонной части подобного изделия найден в слое второй половины XV в. в Старом Ваганькове в Москве (Московская керамика…, 1991. Табл. 77, *133*). Фрагменты ангобированных расписных кувшинов происходят из ямы 2 раскопа в Историческом проезде г. Москвы, перекрытой пожарным горизонтом 1493 г. и вымосткой начала XVI в. (*Чернов,* 1991б. С. 50; Московская керамика…Табл. 89, *1782, 1500, 1693*). Верхняя часть расписного кумгана встречена на Романовом дворе в г. Москве (в яме 5 раскопа VII) (*Глазунова,* 2009. С. 133; Археология Романова двора…, 2009. С. 463, рис. 217, *1*)[128]. Другие известные образцы подобной посуды происходят из комплекса первой половины XVI в., изученного в московском Зачатьевском монастыре, а также из г. Можайска (*Глазунова,* 2009. С. 133). Наиболее поздние расписные кумганы г. Москвы, по мнению Р.Л. Розенфельдта, датируются серединой XVI в. (1968. С. 26).

На Городке осколки ангобированной расписной посуды, помимо переотложенного слоя огородной распашки, были обнаружены только в верхних слоях заполнений материковых ям (1А/1, 1Б/1, 1В/1, 1/2), сформировавшихся, очевидно, в период обращения обнаруженных здесь же монет Ивана III.

Группа IV (1567 фр. – 4,09%) объединяет осколки неполивной посуды из красножгущейся глины хорошего горнового обжига (в обычной воздушной среде), украшенной, как правило, лощением. В результате изучения выборки из 305 фрагментов по составу керамического теста выделено три подгруппы.

Подгруппа IV-1 (54,8%[129]) объединяет осколки краснолощёных сосудов с тонким тестом без заметных включений, к ней же отнесены экземпляры с редкой примесью мелкозернистого песка (с зерном до 0,5 мм), скорее всего, естественного происхождения. В середине излома черепка часто отмечается буровато-серая полоса. Преобладающий цвет поверхности – однородный кирпично-красный, реже встречается коричневато-бурый и в очень редких случаях – жёлтый. Единичные образцы снаружи покрыты тонким слоем красного ангоба. Толщина черепка редко превосходит 6 мм. Лощение небрежное, вертикальное, отдельными полосами, соприкасающимися друг с другом «рваными» краями. Следы зернистой подсыпки на донцах отсутствуют.

Морфологически выразительные детали представлены осколками ручек овального сечения и венчиками от кувшинов (рис. 152). Очертания последних различны. Можно выделить как минимум три характерные разновидности сосудов данной формы. Первая разновидность определяется по наличию относительно неширокой, слегка расширяющейся (раструбообразной) горловины, украшенной рифлением или разреженными полосками линейного орнамента,

[128] По соотношению белоглиняной и красноглинной посуды этот комплекс датирован концом XV в. (*Кренке,* 2009. С. 62).

[129] Здесь и ниже – доля фрагментов каждой из подгрупп рассчитана для случайной выборки специально изученных по тесту 305 осколков керамики группы IV.

и характерному «единичкообразному» венчику (рис. 153, *2, 3*). Для второй разновидности характерной особенностью является венчик «с воронкообразным уступом по краю»[130] (рис. 152, *8*), для третьей – широкая и высокая цилиндрообразная горловина с орнаментальным пояском по основанию (рис. 152, *1*). Реконструированная верхняя часть одного сосуда третьей разновидности, с диаметром венчика 19 см, украшена неровными полосками вертикального лощения, подходящими у основания горловины вплотную к пояску из тычковых вдавливаний (рис. 152, *1*). Первые две разновидности кувшинов встречены в Казанском кремле, в слоях, датируемых с середины XV в. В Иски-Казани (на Камаевском городище) их образцы характерны для верхнего горизонта культурного слоя второй половины XV – первой половины XVI вв. (*Кокорина,* 1999. С. 80, рис. 3, *6, 7, 10*). Венчики краснолощёных кувшинов, близкие к первой разновидности, известны также по комплексам XV в. г. Москвы (Московская керамика…, 1991. С. 162, табл. 99, *4416, 4282*). Третья разновидность кувшинов, сходных по облику с восьмым типом кувшинов г. Болгара (*Хлебникова,* 1988. С. 55, рис. 36, *5*), известна по материалам раскопок Казанского кремля (*Ситдиков,* 2006а. Рис. 56, *4, 5*; 58, *1*).

К подгруппе керамики с тонким тестом относится фрагмент чашеобразной усечено-конической миски с прямыми стенками и горизонтально подрезанным краем венчика (рис. 152, *17*). Миски такой профилировки не характерны для памятников Средней Волги, но известны в г. Москве по раскопкам в Зарядье и в Яузской слободе (*Розенфельдт,* 1968. С. 16).

Подгруппа IV-2 (29,8%) характеризуется использованием запесоченного теста с частой примесью мелкозернистого песка (с размером зерна до 0,5 мм). Цвет излома черепков – однородный кирпично-красный, их толщина – от 6 до 12 мм. Внешняя поверхность около 60% осколков покрыта розовым ангобом и не залощена. У остальных фиксируются следы вертикального полосчатого лощения. Встречены фрагменты ручек и рифлёных горловин кувшинов. Один фрагмент стенки сосуда этой подгруппы украшен тонкой нарезкой многорядного линейно-волнистого орнамента (рис. 152, *21*). Форма одного сосуда с запесоченным тестом была реконструирована (рис. 72; табл. 29, № 37). Это горшок с коротким вертикально поставленным венчиком, переходящим в широкие покатые, слегка приподнятые плечики через отчётливый уступ. Его слегка утолщенное, в сечении напоминающее треугольник, краевое окончание сформованно легким заглаживанием по направлению к оси сосуда. Тулово – усечённо-сфероконическое. Плечики небрежно украшены разреженным вертикальным лощением в виде совокупности узких неровных полосок. Последние обрываются немного ниже максимального расширения тулова, где проходит орнаментальный поясок из трёхрядной волнистой линии, ограниченной с обеих сторон двумя горизонтальными полосками, нанесёнными трёхзубчатым гребешком. Донце не сохранилось, высоту сосуда можно уверенно оценить в пределах 27–28 см. Основная пропорция горшка близка к среднему значению (H/D=0,83). Профилировкой горловины он напоминает стандартные очертания московских красноглиняных гладких горшков второй половины XV – начала XVI вв. (Археология Романова двора…, 2009. С. 459, рис. 213). Близкие по форме краснолощёные сосуды известны по материалам раскопок г. Москвы (*Розенфельдт,* 1968. С. 18, 19). Горшки с подобным оформлением венчика, находимые на памятниках Средней Волги в массе ремесленной керамики золотоордынского производства или Казанского ханства, традиционно относят к образцам русской посуды (*Кокорина,* 2004. С. 65, 84, рис. 12, *6*).

Подгруппа IV-3 (15,4%) состоит из осколков краснолощёной керамики с хорошо заметной примесью песка с размером зерна до 0,7–1,0 мм. Для неё типично крайне небрежное разреженное лощение узкими полосками, однородный красновато-светло-коричневый цвет как поверхности, так и излома черепков. Наиболее крупный фрагмент сосуда этой подгруппы представляет собой нижнюю часть горловины кувшина или кувшинообразного сосуда, украшенную разреженным глубоким рифлением и короткими узкими вертикальными полосками лощения (рис. 153, *5*). Встречено три обломка, вероятно, от одного изделия с розовым ангобом и примесью белой глины в тесте. По технологическим характеристикам посуда данной подгруппы напоминает «раннеказанскую», выделенную в керамическом комплексе Камаевского городища (*Кокорина,* 2004. С. 61).

[130] «Единичкообразные» венчики и венчики «с воронкообразным уступом по краю» – терминология, обозначающая типичные формы венчиков краснолощёных кувшинов XV в. из статьи Н.А. Кокориной, см.: 1999. С. 80.

Среди форм краснолощёной керамики в целом превалируют кувшины: из четырнадцати выделенных по венчикам сосудов, к ним отнесено двенадцать. Часть этой посуды, очевидно, была привезена со Средней Волги. К ней можно отнести широкогорлый кувшин (третьей разновидности), форма которого не характерна для русской керамики данной группы, а также сосуды, украшенные тонкими нарезанными линиями многорядного орнамента. Отдельные изделия, наверное, были изготовлены на Руси[131], где производство такой посуды было налажено в XIV–XVI вв. (*Мазуров,* 2002; *Розенфельдт,* 1968. С. 12–19; *Седов,* 1958. С. 83).

Группа V (9560 фр. – 25,0%) объединяет обожжённую в окислительной среде неполивную гончарную посуду из беложгущейся глины. К этой же группе отнесены сосуды из слабоожелезнённого теста и те, в составе сырья которых обнаружена добавка каолиновой глины в виде плохо промешанных белых прослоев, хорошо заметных в изломе черепка даже «на глаз».

Для подробного анализа из массы фрагментов белоглиняной посуды отобрано 1426 образцов. По характеру преобладающей примеси они разделены на четыре подгруппы.

Подгруппа V-1 (81,4%[132]) состоит из осколков хорошо обожжённых белоглиняных сосудов из тонкого теста. Только у нескольких образцов было отмечено присутствие редкого мелкозернистого песка (скорее всего, естественного происхождения) или комков плохо растёртой сухой глины. Обжиг – окислительный, горновый, достаточно равномерный, хотя среди фрагментов встречаются экземпляры с тонкой серой полоской в изломе, по ширине не превосходящей половины толщины черепка.

По сочетанию формы, орнамента и технологических признаков большинство изделий этой подгруппы можно объединить в рамках одного типа. В их облике просматривается «стандарт» массовой ремесленной продукции, лежащий в основе выделения московскими археологами такой керамической группы, как белоглиняная гладкая керамика (*Чернов,* 1991б. С. 54; *Чернов,* 1992. С. 145, 146), известной также как МБК-2 («московская белоглиняная керамика второго вида») (*Коваль,* 2001. С. 103–108), или как керамика коломенского типа (*Коваль,* 2005. С. 252).

По венчикам выделено 304 сосуда. Керамические формы, помимо преобладающих горшков (297 экз. – 97,7%), представлены маловыразительными осколками как минимум от шести крынок (или кувшинов) с небольшими «ушками» на горловине (рис. 154, *13, 14*) (*Коваль,* 2001. С. 100, рис. 2, *7*) и от одной чашеобразной миски (рис. 154, *23*).

Формы четырёх белоглиняных гладких горшков полностью реконструированы. По своим габаритам они относятся к двум размерным группам: высоты двух из них лежат в промежутке 235–240 мм (рис. 44, *2*; 90, *2*; табл. 29, №№ 38, 40), двух других – в интервале 145–152 мм (рис. 90, *1*; 86, *8*; табл. 29, №№ 39, 41). Это широкогорлые сосуды с широким туловом и средневыпуклыми плечиками, увенчанными короткой цилиндрической горловиной с параллельными полосками линейного орнамента (иногда заходящими на верхние части плечиков). Они характеризуются средними пропорциями с отношением высоты к диаметру максимального расширения порядка 0,81[133]. Угол между плоскостью донца и касательной к придонной части стенок колеблется от 44º до 61º [134]. Особенностью профилировки незначительной части горшков является небольшой линейный участок («карнизик») с отчётливым ребром, отделяющий горловину от покатых плечиков (рис. 154, *3, 4*).

По форме краевые окончания венчиков белоглиняных гладких горшков разделяются на пятнадцать вариантов (рис. V). Большинство из них (75,5%) выполнено путём лёгкого нажима и подрезки края черновой ленты (варианты №№ 1, 3–7, 9, 10, 12, 13) без образования сколько-нибудь значимых наплывов (*Грибов,* 2006. С. 84. Рис. 2). Завершение некоторой части венчиков сформовано лёгким воздействием на край черновой ленты, направленным к оси вращения сосуда – отгибом без последующего наложения на стенку (вариант № 2 – 17,5%) или нажимом с последующим заглаживанием (вариант № 14 – 1%). Такие операции, как заглаживание без усилия

[131] Например, описанный выше реконструированный краснолощёный горшок (рис. 72; табл. 29, № 37).

[132] Здесь и ниже – доля фрагментов каждой из подгрупп рассчитана для случайной выборки специально изученных по тесту 1426 осколков керамики группы V.

[133] Для четырёх экземпляров H/D =0,77–0,84.

[134] По замерам у фрагментов от 37 различных изделий; среднее значение этого параметра, связанного с основной пропорцией тулова, 52º.

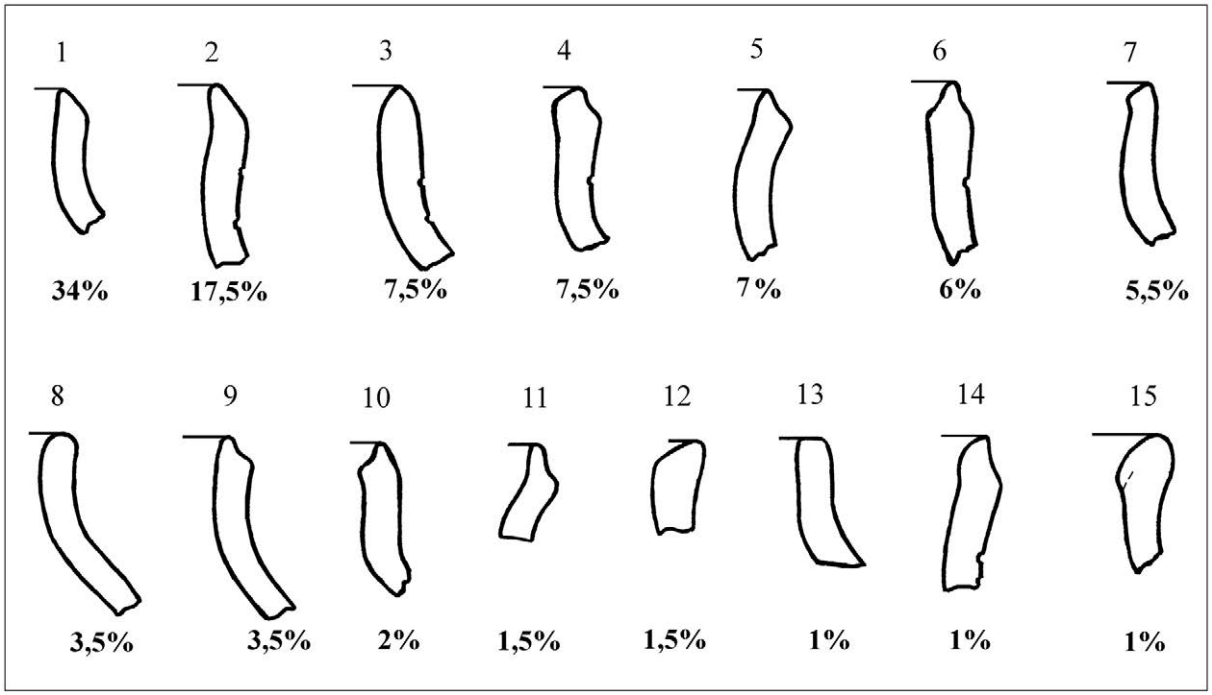

Рис. V. Варианты краевых окончаний венчиков белоглиняных горшков подгруппы V-1 (статистика по выборке из 297 изделий)

(вариант № 8 – 3,5%) или отгиб с наложением по направлению к оси вращения с образованием характерного утолщения на внутренней стороне сосуда (вариант № 15 – 1%), очевидно, использовались крайне редко.

Характерный для данной подгруппы линейный орнамент наносился как исключительно на внешнюю поверхность цилиндрической горловины сосуда, иногда заходя на переходный участок к плечикам (45,3%) (рис. VI, варианты 2а, 2б), так и ниже, частично или полностью перекрывая верхнюю часть тулова, а в редких случаях концентрируясь только здесь (54,7%) (рис. VI, варианты 1а, 1б). В последнем случае образующие декор нарезные линии заметно разрежены.

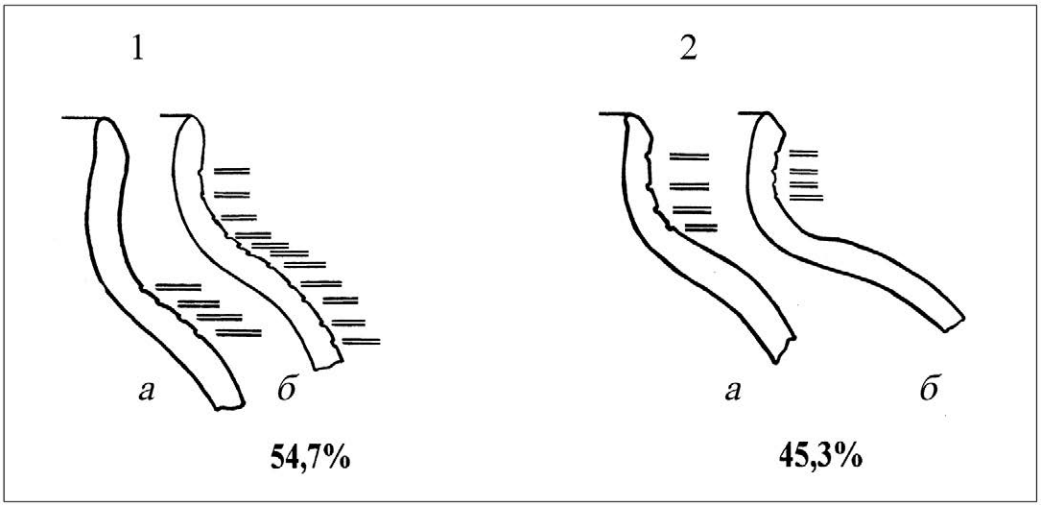

Рис. VI. Варианты расположения орнамента у белоглиняных горшков подгруппы V-1 (статистика по фрагментам от 86 изделий)

Расстояние между двумя ближайшими полосками, характеризующее плотность нанесения орнамента, в 61% случаев колеблется между 2 и 3 мм[135]. Ширина рабочей части орнаментёра

[135] Для выборки из 59 фрагментов; среднее значение этого параметра 2,6 мм.

почти в половине случаев[136] оценивается в пределах 1–2 мм. Использование более острого инструмента для нанесения орнамента, с шириной рабочей части до 1 мм, зафиксировано для 55% случаев.

С внешней стороны кромка большинства днищ очерчена узкими кольцами уплощенно-рельефных закраин. Следы подсыпки отсутствуют у большинства изделий (у 66,7% по 42 образцам). На некоторых сохранились отпечатки пальцев гончаров. Каждый третий фрагмент днища (33,3%) имеет следы подсыпки в виде мелкозернистого песка[137]. Около 2% фрагментов придонных частей отмечено следами клеймения; всего собрано семь небольших осколков со следами рельефных изображений. В основе композиции большинства клейм угадывается круг (рис. 157, *1–6, 11*).

Белоглиняная керамика с тонким тестом встречается в верхних слоях заполнений всех материковых ям. В придонных горизонтах четырёх из них она не зафиксирована, либо её присутствие едва намечено. Единичные происходящие отсюда фрагменты верхних частей белоглиняных сосудов с тонким тестом отличаются редкой и необычной для большинства подобных изделий профилировкой – наличием «карниза» с уступом при переходе венчика в плечики и сравнительно низким расположением разреженного линейного орнамента на плечиках сосуда (рис. 155, *1–6*). В трёх таких комплексах присутствуют монеты исключительно Василия Тёмного чеканки 1446–1462 гг. В горизонтах заполнений материковых ям с массовыми включениями остатков белоглиняных горшков обычной («стандартной») формы, как правило, присутствуют монеты Ивана III. Поэтому, отмеченные выше детали профилировки и специфика декора горшков данной подгруппы, очевидно, имеют хронологическое значение. Среди белоглиняных горшков из сооружений первой половины – середины XVI в. г. Коломны указанные морфологические особенности свойственны только единичным экземплярам (см.: *Сыроватко, Черкасов,* 2010. С. 101, рис. 2, *1*).

Подавляющее большинство сосудов подгруппы V-1 из Городка имеет вполне определённые технологические и морфологические особенности, отражающие ранний этап в развитии этого вида посуды. Определяющими среди них являются следующие:

1) тонкое тесто без заметных искусственных примесей;

2) средние пропорции (с H/D порядка 0,77–0,84);

3) величина угла между плоскостью донца и придонной частью тулова в подавляющем большинстве случаев более 45º [138];

4) краевые окончания венчиков не имеют сколько-нибудь заметных утолщений; большинство из них обладает приостренным подтреугольным абрисом с вершиной, в большинстве случаев ассиметрично смещённой к внутренней поверхности сосуда;

5) линейный орнамент у половины сосудов охватывает не только горловину, но и плечики;

6) каждый третий сосуд имеет следы песчаной подсыпки на днище.

Обращаясь к предложенной В.Ю. Ковалём схеме эволюции белоглиняной керамики коломенского типа (2005. С. 254–257), можно заметить, что комплекс соответствующих находок из Городка отражает эволюционные изменения, происходившие вблизи рубежа XV–XVI вв., что согласуется с датировкой большинства вскрытых на памятнике объектов, содержащих обломки такой посуды.

Белоглиняные горшки с короткими, украшенными линейным орнаментом, цилиндрическими горловинами появляются в Москве в середине – второй половине XVI в. и, претерпев некоторые изменения в своём облике, становятся широко распространённым явлением в последующем XVII в. (*Коваль,* 2005. С. 253). Среди основных версий происхождения этой посуды (*Грибов,* 2009. С. 327), наиболее аргументированной и разработанной представляется «коломенская», которая опирается на массовость находок такой посуды в г. Коломне и её округе уже в середине – второй половине XV в. (*Коваль,* 2001; 2005). Расположение Коломны и Нижнего Новгорода на одной речной торгово-транспортной магистрали (р. Ока) могло способствовать

[136] 45% из 173 фрагментов.

[137] В одном случае в качестве таковой использовались комки сухой белой глины.

[138] Колеблется от 44º до 61º со средним значением 52º.

относительно раннему проникновению соответствующих гончарных изделий в район, тяготеющий к окскому устью.

Керамика коломенского типа с перечисленными выше «ранними» признаками исчезает к середине – второй половине XVI в. (*Коваль,* 2001. С. 105, 106; 2005. С. 254–258). В г. Нижнем Новгороде её находки известны как в кремле (*Лапшин,* А-2001. Табл. 5, *4*; 8, *38*; 11, *16*; 13, *6*), так и в разных районах посада (*Грибов,* А-1999. Илл. 335; *Шакулова,* А-2003. Илл. 38; *Ерёмин,* А-1997, № 22422. Илл. 133; 142, *9, 10*; 143, *14, 15*). Встречена она и на ряде сельских памятников нижегородской округи[139]. О широком распространении белоглиняной керамики с морфологическими особенностями, присущими образцам из Городка, свидетельствуют находки из городов Балахны (*Иванова,* 2003. С. 40, рис. 3, *14, 17*; 42, рис. 4, *15, 22, 23, 27*), Владимира (*Грибов,* А-2007в. Илл. 132, *2*; 133, *1*; 135, *1, 2*; 154, *2*), Казани (*Ситдиков,* 2006а. Рис. 145, *1*), с мордовского Итяковского городища (*Гришаков,* 1992. С. 140, табл. VI) и Старокадомского поселения на р. Оке (*Шитов,* 1992. С. 122, табл. VIII, *10, 11, 13, 14, 17, 18*), с городища старой Вятки (г. Хлынова, см.: *Макаров,* 2001. С. 80, рис. 36, *13, 20*). Венчики белоглиняных горшков коломенского типа без утолщений на краевых окончаниях широко представлены в комплексах первой половины – середины XVI в. г. Коломны и её окрестностей (*Сыроватко, Черкасов,* 2010. С. 101, рис. 2, *1, 3, 4, 9*; 4, *II – 1–6*), г. Тулы (Воронцов, Фомин, 2009. С. 29, рис. 7, *1–14*). При обзоре ареала распространения этой посуды складывается впечатление, что её присутствие маркирует восточные и южные направления политических устремлений московских князей, воплощаемых в жизнь проникновением в Поволжье и в районы степного пограничья служилых и торговых людей, строительством здесь застав и новых городов во второй половине XV – середине XVI вв.

Подгруппа V-2 (14,9%) определяется по частой примеси мелкозернистого песка с размером зерна до 0,5–0,8 мм.

Выделенные по венчикам сосуды (в количестве 67 единиц) обнаруживают стилистическое и технологическое сходство, указывающее если не на один производственный центр, то, по крайней мере, на одну определённую гончарную традицию. Это горшки с покатыми плечиками, переходящими в низкую горловину без резкого уступа. Основание горловины иногда обозначено коротким усечённо-коническим участком, соединённым с остальной частью тулова крутым изгибом профиля (но не «ребром»).

Венчики сосудов – прямые, отогнутые наружу или строго вертикальные, без заметных утолщений по верхнему краю (рис. 156). Подавляющее большинство краевых окончаний сформовано лёгким заглаживанием или нажимом на торец черновой ленты с последующим устранением смещёного деформацией глинистого материала («подрезкой»). Этим приёмам соответствуют округлые (иногда приостренные) и уплощенные окончания венчиков с прямоугольной или подтреугольной (в случае так называемой «косой подрезки») формой сечения. Для поверхности сосудов характерен светло-серый или белесоватый оттенок при тёмно-сером или чёрном цвете излома черепка. Керамическое тесто насыщено мелкозернистым песком. В выборке из 153 случайно подобранных фрагментов 6% орнаментировано. Среди двенадцати выделенных по венчикам сосудов, представленных наиболее крупными фрагментами, у четырёх зафиксированы следы волнистой орнаментации. Декор наносился исключительно на плечики, иногда в верхней части, сразу под венчиком, иногда – почти в области максимального расширения тулова. Отмечено использование линейного, линейно-волнистого орнаментов при преобладании волнистого в виде одинарной, довольно небрежно прочерченной линии шириной до 2,5–3 мм (рис. 156, *4, 5, 15, 27*). На донцах с внешней стороны всегда заметна подсыпка из мелкозернистого песка.

Донца четырёх сосудов имеют клейма (рис. 157, *7–10*). Их изображения различны (рис. VII). Одно представляет собой перечёркнутый диагоналями квадрат (рис. VII, *4*), другое – «колесо со спицами» (то есть круг с исходящими от центра восемью лучами (рис. VII, *1*)), третье – составленный из коротких отрезков равноконечный крест, (рис. VII, *3*), в основу композиции четвёртого, повреждённого отпечатками рассохшегося гончарного круга, положена прямоугольная

[139] На поселении Ольгинском (*Грибов,* А-2007б. Илл. 7, *42, 43*), на селищах Троица-1 (*Грибов,* А-2008б. Илл. 118, *22*), Богородск-5 (*Грибов,* А-2009в. Илл. 88, *4–7*), Богородск-6 (*Грибов,* А-2009в. Илл. 95, *2, 3*) и на многих других.

фигура, вероятно, очерченная дугой (либо помещённая в центр частично оттиснутого круга) (рис. VII, *2*).

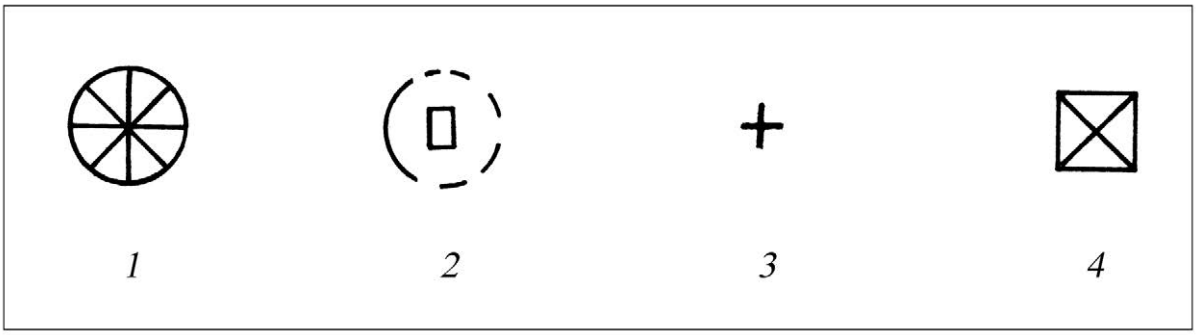

Рис. VII. Реконструированные изображения гончарных клейм на днищах белоглиняных сосудов подгруппы V-2

Гончарная традиция, объединяющая керамику второй подгруппы белоглиняной посуды, определяется сочетанием следующих признаков:

1) наличием концентрированной примеси мелкозернистого песка в тесте, состоящим преимущественно из беложгущейся или слабо ожелезнённой глины;

2) посредственным обжигом, выявляющим характер глинистого сырья только на белесоватой поверхности сосудов;

3) плавной профилировкой изделий с прямыми вертикальными или слегка отогнутыми наружу венчиками и низкой горловиной, переходящей в покатые плечики без резкого уступа;

4) простой формовкой краевых окончаний (без утолщений);

5) редким, преимущественно волнистым орнаментом, наносимым исключительно на плечики;

6) выборочным клеймением сосудов.

Горшки с таким набором морфологических и технологических особенностей выделены В.Н. Шитовым (как сосуды « с плавно отогнутым плечиком») по материалам раскопок Старокадомского поселения в Нижнем Примокшанье. Их осколки были встречены не только в переотложенном культурном слое, но и в материковой яме вместе с фрагментом «тимуридского» кашина конца XIV–XV вв. (*Шитов,* 1992. С. 108, табл. V, *3*; VI, *1, 2, 6*; VII, *1*). Часть белоглиняного горшка с запесоченным тестом, плавной профилировкой и «простым» оформлением венчика, без краевого наплыва, обнаружена в верхнем горизонте культурного слоя Итяковского городища в Мордовии (выделен В.В. Гришаковым в группу «серой» керамики, см.: 1992. С. 131, табл. V–5). Осколки сосудов, подобных изделиям подгруппы V-2, с однорядной «волной» по плечику известны по комплексу первой половины XVI в. из г. Белева (*Заидов, Шеков,* 2009. С. 162, рис. 14, *6, 7*). Редкие образцы этой посуды зафиксированы в горизонте поздней огородной распашки на участке с остатками конструкций второй половины XV–XVI вв. в г. Владимире (*Грибов,* А-2007в. Илл. 61, *22–24*).

Происхождение данной разновидности белоглиняной керамики, наверное, связано с Поочьем, для гончарства которого уже со второй половины XIV в. характерно использование белых глин в сочетании с мелкозернистыми искусственными добавками. В обиходе жителей Городка белоглиняная посуда с серым цветом поверхности и запесоченным тестом появилась ещё до массового распространения белоглиняных горшков коломенского типа. Фрагменты таких сосудов встречены в нижних придонных горизонтах заполнений нескольких материковых ям вместе с монетами Василия Тёмного чеканки 1446–1462 гг. В придонном слое ямы 1А/1 соотношение осколков белоглиняной посуды подгрупп V-2 и V-1 соответствует 20:2.

Подгруппа V-3 (2,0%) выделена по стилистическим особенностям и концентрированной примеси среднезернистого песка в тесте сосудов с размером зерна до 2 мм. Причисление этой посуды к белоглиняной имеет несколько условный характер. Эта подгруппа объединяет как изделия целиком сформованные из беложгущейся глины, так и сосуды, изготовленные в основном

из ожелезнённого сырья, но покрытые по всей поверхности белым ангобом и содержащие в тесте крупные, плохо промешанные включения белой глины, отчётливо заметные в виде тонких прерывистых прослоев на изломе черепка.

Формы представлены горшками, о пропорциях и профилировке которых можно судить по одному реконструированному сосуду (рис. 64, *7*; табл. 29, № 42). Это невысокий горшок (высотой 12,5 см) приземистых пропорций (H/D =0,70), с широкой короткой цилиндрообразной горловиной, усечённо-коническим туловом и узким донцем. Короткий, вертикально поставленный венчик переходит в крутое, короткое и высокое плечико через горизонтальный карнизообразный участок. Массивное краевое утолщение горловины сформовано путём отгиба края черновой ленты с последующим наложением отогнутого участка на внутреннюю поверхность сосуда. Судя по наличию двух незаглаженных швов, отчётливо заметных с внутренней стороны закраины, операция формовки проводилась дважды. По форме сечения окончание венчика напоминает равносторонний треугольник с дугообразными, слегка выпуклыми сторонами. В области максимального расширения тулова горшок декорирован 4–5 широкими полосками линейного орнамента. Он изготовлен из слабоожелезнённого сырья, которое в результате обжига получило густой кремовый оттенок. В тесте, помимо концентрированной примеси среднезернистого песка, отмечены хорошо заметные в изломе продолговатые включения белой глины (с размером максимального удлинения до 7 мм). На внешней стороне донца отчётливо проступают следы песчаной подсыпки, его край очерчен «псевдобортиком» – рельефной кольцевидной закраиной, образовавшейся при обработке придонной части тулова сосуда (см.: *Бобринский,* 1978. С. 39). У основания горловины со стороны внутренней поверхности фиксируется незначительное утоньшение стенок, характерное для сосудов, профилированных с помощью бочарки.

По венчикам выделено 22 сосуда. От изделий других подгрупп их отличают следующие характерные признаки:

1) использование в качестве искусственной добавки концентрированной примеси хорошо окатанного среднезернистого песка;

2) применение беложгущейся глины либо в качестве основного сырья, либо в качестве второстепенной добавки или ангобного покрытия;

3) усечено-коническая форма тулова в сочетании с коротким вертикальным венчиком, слегка «утопленным» в крутое короткое плечико;

4) наличие краевого утолщения, сформованного в подавляющем большинстве случаев отгибом края черновой ленты с последующим наложением на внутреннюю поверхность стенки сосуда; определяющими особенностями большинства краевых окончаний являются значительная ширина краевого утолщения и следы вторичных формовочных операций, с помощью которых в процессе отгиба и наложения края черновой ленты утолщению придавалась специфическая форма, очень часто предполагающая наличие наружного клювообразно-приостренного выступа (рис. 158, *3, 8*);

5) линейный орнамент, состоящий из нескольких широких параллельных полосок (шириной по 3–4 мм), нанесённых на тулово по месту его максимального расширения.

Сочетание этих черт придаёт достаточно редкой посуде подгруппы V-3 хорошо узнаваемый специфический облик, позволяющий, несмотря на довольно широкий диапазон используемых технических приёмов, легко выделять её среди общей массы керамического материала. Очевидно, она отражает некую локальную ремесленную традицию, сложившуюся где-то за пределами нижегородских земель.

Находки образцов этой керамики на нижегородских памятниках единичны. К ним относится фрагмент горловины ангобированного сосуда из слабоожелезнённой глины с частой примесью среднезернистого песка, происходящий из ямы середины XIV – начала XV вв., вскрытой на подгородном поселении Бешенцево-3 (*Грибов,* А-2006а. Илл. 54, *46*). От керамики подгруппы V-3 из Городка его отличает слегка наклонная постановка отогнутого наружу венчика. Венчик от ещё одного ангобированного сосуда с массивным краевым окончанием и примесью среднезернистого песка в тесте происходит из подъёмного материала, собранного на подгородном Ольгинском поселении (*Грибов,* А-2007б. Илл. 7, *41*). Крупный осколок верхней части белоглиняного горшка со сходными технологическими признаками присутствует в подъёмном матери-

але селища Кудрёшки-2[140] (*Грибов,* А-2010. С. 50, илл. 136, *9*). Морфологически выразительные единичные фрагменты белоглиняных сосудов, изготовленных, скорее всего, в рамках данной традиции, но с примесью дресвы в тесте, найдены на селищах Богородск-5 (*Грибов,* А-2008б. Илл. 88, *1–3*) и Воронцово-1 (*Грибов,* А-2010. Илл. 188, *4*).

Производство посудной керамики с обозначенными выше признаками можно предположительно связать с г. Тверью. При раскопках на Загородском посаде в обширной материковой яме XVI в.[141] обнаружена большая серия верхних частей подобных, преимущественно белоглиняных, сосудов с характерной профилировкой массивных венчиков (*Рыбакова,* 2010. Рис. 26, *2, 3, 6*; 27, *1, 4, 6, 7, 8*; 28, *1–8, 10, 11*). Эти тверские находки можно рассматривать в качестве прямых аналогов немногочисленных образцов изделий подгруппы V-3 из Городка (рис. 158).

К горшкам данной совокупности стилистически близки и некоторые сосуды XVI в. из памятников северо-востока Новгород-Северской земли и городов Верхнего Поочья (*Виногродская,* 1990. С. 97, 98, рис., 6; *Полубояринова,* 1987. С. 177, тип XII, рис. 84; *Заидов, Шеков,* 2009. С. 146, 163, рис. 15, *2, 5, 16*). Сходство этих изделий с находками из Городка прослеживается в профилировке тулова, общем характере формовки венчиков, различие – в специфических формах последних. Для «верхнеокских» и «деснинских» горшков характерны низкие пропорции, укороченная горловина, короткое и высоко приподнятое плечико, массивный «подвёрнутый внутрь», непомерно «раздутый», по сравнению с толщиной стенки, край горловины, отощитель теста в виде крупнозернистого песка или дресвы, иногда – использование белого ангоба.

Подгруппа V-4 (1,7%) объединяет осколки белоглиняных сосудов с примесью дресвы или крупнозернистого песка (с размером зерна до 3–4 мм). Встреченные фрагменты слишком маловыразительны для описания профилировки сосудов. Краевые окончания венчиков, как правило, уплощены и не имеют значительных утолщений (рис. 155, *33–38*). Большинство из них сформовано нажимом, направленным под различными углами к торцевой части черновой ленты. Можно отметить, что редкая белоглиняная посуда с примесью дресвы, изредка встречается и на нижегородских памятниках в комплексах XIII – начала XV вв., но для неё характерна совершенно иная профилировка венчиков. По наличию крупнозернистой примеси посуду этой подгруппы можно предположительно соотнести с московской белоглиняной грубой керамикой, которая на подмосковных поселениях и в самой столице доминировала в первой половине XVI в. (Московская керамика…, 1991. С. 58, рис. 2; *Чернов,* 1991б. С. 51, 52).

Как показывает обзор собранной на Городке белоглиняной керамики, её образцы связаны с достаточно специфичными ремесленными традициями, не имеющими корней в местном нижегородском гончарстве (*Грибов,* 2009. С. 328). На нижегородской земле самыми ранними комплексами с массовыми включениями фрагментов посуды из беложгущейся глины являются комплексы Городка. Здесь её образцы появляется уже в типологически сложившихся формах. Отмеченные обстоятельства позволяют рассматривать версию, объясняющую присутствие белоглиняной керамики на памятнике, как наиболее вероятную. Значительное количество обнаруженных на Городке фрагментов сосудов из беложгущейся глины указывает, скорее, на целенаправленные поставки, чем на случайное проникновение отдельных гончарных изделий такого рода в домашний обиход местных поселенцев.

Группа VI (9 фр. – 0,02%) – это крайне малочисленная «карбонизированная» керамика, преднамеренно обожжённая в восстановительной среде. Почти все редкие и маловыразительные осколки чернолощёных сосудов встречены в переотложенном слое огородной распашки, и только один из них – в заполнении материковой ямы. Этот фрагмент представляет особый интерес, так как пока это самый ранний образец чёрнолощёной керамики из Нижегородского Поволжья, происходящий из комплекса с включением монетных находок (слой 2б ямы 1/2). Образец представляет собой часть тулова сосуда в области его максимального расширения. Размеры осколка – 8×4 см, толщина – 6 мм. Его поверхности – блестящие, аспидно-чёрные, цвет излома – светло-серый. Сплошное горизонтальное лощение нанесено широкими, перекрывающими друг друга полосами и только с внешней стороны. Дополнительный обжиг черепка позволил установить, что связанное с ним изделие было изготовлено из беложгущейся глины и

[140] Вместе с монетой чеканки начала XVI в.

[141] Среди датирующего материала присутствуют серебряные монеты Ивана IV.

покрыто белым двухсторонним ангобом. В качестве отощителя в тесте присутствует мелкозернистый песок с размером частиц до 0,8–1 мм. Данный осколок происходит из слоя, лежащего на горизонте с монетой Василия Тёмного, отчеканенной около 1462 г., и перекрывается горизонтом с денгой Ивана III. Таким образом, попадание осколка чёрнолощёного сосуда в заполнение ямы, наиболее вероятно, произошло в промежуток, соотносимый с временем правления Ивана III (1462–1505 гг.). Среди фрагментов керамики, обнаруженных вместе с ним в одном слое, велика доля образцов белоглиняной посуды коломенского типа (35%).

Отмеченная находка указывает на единовременность появления чёрнолощёной посуды в Нижнем Новгороде и Москве. В великокняжеской столице её наиболее ранние образцы датируются второй половиной – концом XV в. (*Розенфельдт,* 1968. С. 28; *Чернов,* 1991б. С. 50). Приблизительно в это же время[142] близкие московским аналогам образцы «карбонизированной» керамики проникают в ханскую Казань (см.: *Ситдиков,* 2006а. С. 89).

Группа VII (56 фр. – 0,15%) представлена поливной гончарной посудой, изготовленной на основе обычного глинистого сырья. Для её характеристики, помимо случайных необработанных осколков, привлечены ещё две находки – пряслице и заготовка для пряслица, выточенные из стенок гончарных изделий, покрытых поливой.

На многих образцах полива сохранилась плохо, местами она утратила твердость и преобразовалась в пылящую жёлто-зелёную или белесоватую массу. Её первоначальные признаки надёжно можно охарактеризовать только по 28 осколкам. Глазурованное покрытие – неровное и полупрозрачное, по крайней мере, у большинства встреченных образцов, первоначально имело однородный зелёный (57%), жёлто-зелёный (32%) или жёлтый (11%) цвет. В большинстве случаев оно наносилось на тонкий слой белого ангоба[143]. Полива на собранных образцах покрыта плохо заметной сеткой мелкого цека. Среди особенностей встреченной поливной посуды можно отметить традицию глазурования внешней поверхности днищ, что не характерно для «ценинной» керамики восточного происхождения.

Из 58 образцов 14% изготовлены из красножгущейся глины, остальные – из беложгущегося (31%) или слабоожелезнённого (55%) сырья. В последнем случае излом черепка трёхслоен: в середине наблюдается отчётливая белесовато-светло-серая полоска, с обеих сторон окаймлённая участками розовато-кремового оттенка. Преобладающий тип включений в керамическом тесте большинства образцов (73%) – мелкозернистый песок с размером частиц до 0,8–1 мм. Он доминировал в тесте сосудов, изготовленных из всех видов глинистого сырья. У 22% фрагментов зафиксирована добавка средне- и крупнозернистого песка. Редкой примесью, встреченной только у осколков изделий из белоглиняной или слабоожелезнённой глины, является дресва (5%), которая всегда сочетается с включением песка мелкозернистой фракции.

Около четверти фрагментов поливной посуды (22,4%) декорированы. Пять из них отмечены налепными валиками, которые в четырёх случаях дополнительно украшены косыми насечками (имитацией жгута?) (рис. 159, *8, 9*). На трёх фрагментах отчётливо проступают отпечатки фигурного контррельефного (углублённого) каплевидного штампа (рис. 159, *13, 16*), на одном фрагменте заметны врезные полоски линейного орнамента (рис. 159, *14*), на четырёх осколках сохранились следы подглазурной росписи белым ангобом (рис. 159, *17*).

По морфологически значимым фрагментам устанавлено присутствие в коллекции осколков от поливных дисковидных фляг и кумганов. Первые представлены небольшим количеством плоских фрагментов стенок. Один из них отмечен подглазурной росписью ангобом в виде изображения спирали или совокупности сцентрированных кругов различного диаметра (рис. 159, *11, 17*). Осколки поливных кумганов определяются по фрагментам характерных для них горловин, ручек, носиков, поддонов.

Единственная найденная соединительная перемычка, дополнительно крепящая носик к тулову сосуда, представляет собой массивную пластину со сквозными отверстиями (рис. 159, *10*). Она покрыта зелёной поливой по белому ангобу, её керамическое тесто запесочено. Середина излома имеет широкую белесоватую полосу, с двух сторон окаймлённую светло-коричневыми разводами.

[142] Точнее – в эпоху Казанского ханства.

[143] На одном черепке зафиксировано использование ангобной подготовки кремового цвета.

Самый крупный из сохранившихся осколков придонных частей поливных сосудов – фрагмент донца одного изделия на кольцевом поддоне, диаметром 12 см (рис. 159, *18*). С внешней стороны поддон украшен пояском, составленным из отпечатков косо поставленного фигурного контррельефного штампа каплевидного очертания, напоминающего птичье крыло. По тонкому слою белой ангобной подготовки сосуд был покрыт полупрозрачной жёлто-зелёной поливой. Тесто насыщено частыми включениями мелкозернистого песка (с размером частиц до 0,5–0,8 мм).

В собранной коллекции присутствуют носики как минимум от четырёх различных кумганов. Среди обломков фляг можно надёжно выделить только один сосуд. Два осколка стенок с двухсторонней поливой, скорее всего, принадлежали чашеобразным сосудам.

Поливные гончарные изделия из белой, реже красножгущейся глины с зелёной или жёлтой мутноватой поливой, нанесённой по ангобной подготовке, хорошо известны по горизонтам XV–XVIII вв. г. Москвы и ряда других русских городов (*Розенфельдт,* 1968. С. 48–52; *Коваль,* 2008. С. 27). Использование каплевидных рельефных штампов для декорирования этой посуды зафиксировано по находкам из гг. Москвы, Великого Новгорода (*Коваль,* 2008. С. 27), Твери (*Лапшин,* 2009. С. 391, рис. 141, *9*; *Романова,* 2009. С. 318, рис. 6, *1–3, 5, 6*; 319, рис. 7, *1*), Казани (*Ситдиков,* 2006а. Рис. 151, *7*). Украшенные валиками со жгутовым орнаментом, ангобированные, покрытые жёлто-зелёной поливой кувшины с плавными обводами тулова известны по раскопкам г. Твери, где они датируются XV–XVI вв. (*Романова,* 2009. С. 312–314, рис. 3, *1*). Крупный фрагмент белоглиняного сосуда с зелёной поливой и налепным валиком, украшенным нарезками, встречен в верхнем слое Итяковского городища на р. Мокше (*Гришаков,* 1992. С. 132). Наиболее ранние белоглиняные кумганы с зелёной или жёлто-зелёной поливой и налепными орнаментированными валиками, по материалам раскопок г. Москвы, датируются началом XVI в. (*Розенфельдт,* 1968. С. 50). Белоглиняный кумган с зелёной поливой обнаружен в постройке с кладом серебряных монет первой половины XVI в. в Казанском кремле (*Ситдиков,* 2005. С. 40, 61, рис. 8). Кроме того, обломки подобных сосудов присутствуют среди керамических материалов из слоёв XV–XVI вв. г. Чебоксары (*Краснов, Каховский,* 1978. С. 101). Фрагменты поливных фляг характерны для слоёв XVI–XVII вв. г. Москвы (*Розенфельдт,* 1968. С. 50).

В материковых ямах, вскрытых на Городке, осколки поливных сосудов присутствуют, как правило, в верхних горизонтах вместе с большим количеством белоглиняной посуды коломенского типа и монетами Ивана III. Только два фрагмента сосудов с зелёной поливой (из семнадцами) происходят из нижних придонных отложений ям 1В/1 и 2/2, датируемых по монетными выпускам Василия Тёмного серединой XV в.

В русском быту поливная гончарная керамика долгое время выполняла роль парадной столовой посуды, из-за своей дороговизны оставаясь доступной только для представителей зажиточных слоёв населения (*Рабинович,* 1988. С. 258, 259). Её находки обычно приурочены к территориям богатых городских усадьб (*Гуревич,* 1981. С. 106). В полной мере это наблюдение относится и к привозным образцам кашинных и фарфоровых изделий, редкие осколки которых были обнаружены на Городке.

Группа VIII (6 фр. – 0,02%) включает в себя единичные осколки парадной поливной посуды на кашинной основе восточной работы[144]. Они происходят от двух сосудов.

Первый сосуд – полуфаянсовая чаша из рыхлого кашина, покрытая с обеих сторон бирюзовой полупрозрачной поливой и чёрной подглазурной росписью (рис. 159, *1, 2*). Она представлена двумя фрагментами (венчиком и небольшим осколком стенки), происходящими из верхних горизонтов заполнений двух материковых ям (2/1 и 1/2). Край чаши на внешней поверхности подчёркнут орнаментальным пояском из двух параллельных линий, промежуток между которыми заполнен рядком треугольных скобок, ориентированных вправо выпуклой приостренной стороной. Последние, возможно, представляют собой типичную для такого рода сосудов схематизацию изображений ныряющих рыб, представленных в виде сдвоенных каплеобраз-

[144] Кашин – искусственный материал, представляющий собой сплавленную при высокой температуре смесь перемолотого кварцевого песка с незначительными добавками извести и белой глины, соединённую до обжига клеем растительного или животного происхождения (см.: *Коваль,* 2010. С. 18).

ных фигур (*Коваль,* 2010. С. 92, рис. 32, *2*). С внутренней стороны закраина обозначена чередой небрежно прописанных, напоминающих зубья пилы, широких подтреугольных фигур. Полуфаянсы с бирюзовой поливой и чёрной подглазурной росписью ирано-среднеазиатского происхождения весьма характерны для напластований г. Казани XV–XVI вв. (*Коваль,* 2006. С. 30–32, 38). Однако находки из Городка по мотиву росписи и невысокой плотности основы (рыхлому кашину), скорее всего, можно отнести к изделиям мастерских поволжских центров Золотой Орды, откуда подобная посуда поступала на Русь преимущественно в середине – второй половине XIV в. (*Коваль,* 2010. С. 91).

Второй сосуд представлен четырьмя мелкими осколками, происходящими из придонных частей заполнений двух материковых ям (2/1 и 2/2), расположенных невдалеке друг от друга (рис. 159, *3–6*). Сложение связанных с ними комплексов, по монетам последнего периода чеканки Василия Тёмного и керамике, датируется промежутком, тяготеющим к середине XV в. Изделие принадлежит к редкой разновидности полуфаянсов на рыхлом кашине с рельефным декором и бихромной глазурью. Его внутренняя поверхность покрыта бирюзовой поливой, внешняя – ультрамариновой. На внешней стороне осколков сохранились отчётливые следы рельефной моделировки. По мнению В.Ю. Коваля, подобные изделия (чаши или вазы «гульабдан») производились в мастерских поволжских городов Золотой Орды в середине – второй половине XIV в. (2010. С. 69). Основная масса связанных с ними стратиграфически датированных находок из русских городов происходит из комплексов этого же времени. Вместе с тем, при раскопках Казанского кремля осколки от двух различных сосудов такого типа были обнаружены в слое эпохи Казанского ханства (XV–XVI вв.) (*Коваль,* 2006. С. 26).

Группа IX (1 фр. – менее 0,01%) представляет изделия из фарфора. К ней относится единственная находка, обнаруженная в горизонте огородной распашки. Это обломок стенки китайского селадонового сосуда с двухсторонней нежно-зелёной прозрачной поливой (рис. 159, *7*). На внешней стороне осколка хорошо заметны параллельные гравированные полоски линейного орнамента, оттенённые более густым цветом. Толщина стенки сосуда – 2,5–3 мм.

Особое распространение сорт китайского фарфора с бледно-зелёными прозрачными глазурями, известный в Европе под названием «селадона» или «лунцюань-яо», получает в XIII–XIV вв., однако его производство продолжается и в последующую эпоху Мин (в XV–XVI вв.) (*Коваль,* 2010. С. 134, 135). Большая часть известных находок селадона попала в культурные отложения русских городов в промежуток второй половины XIII–XIV вв. Вместе с тем, отдельные образцы такого типа фарфора известны и по более поздним комплексам – в гг. Великом Новгороде (вторая четверть XV в.), Москве (XV в., XVI–XVII вв.), Переяславле Рязанском (XVI–XVII вв.) (*Коваль,* 2010. С. 135, 136). С учётом традиционных связей Московского государства с мусульманским Востоком, где селадоновая посуда была широко распространена и в XV–XVI вв., присутствие исключительно всех её образцов в указанных выше относительно поздних напластованиях вряд ли можно однозначно объяснить результатом их переотложения из более ранних слоёв. Известны находки осколков селадоновых чаш в культурном слое и сооружениях ханского времени г. Казани (*Ситдиков,* 2005. С. 31; *Коваль,* 2010. С. 34, 35), куда, по замечанию В.Ю. Коваля, китайский фарфор мог поступать в XV–XVI вв. вместе с другими керамическими импортами через рынки Ирана, Средней Азии, Турции или Крыма (2006. С. 37–38).

Рассмотренный керамический комплекс, очевидно, отражает специфику посудной керамики Городка в целом: между материалами двух удалённых друг от друга участков памятника[145] обнаруживается хорошее соответствие как по составу и соотношению основных технологических групп, так и по типам сосудов. Наблюдения, сделанные при изучении керамической коллекции, отражают особенности быта, хозяйства местных насельников, указывают на их социальный и этнический состав.

Сравнение посуды Городка с нижегородской керамикой XIII – начала XV вв., поиски аналогов в керамических наборах других памятников показали, что значительная её часть не имеет основы в местной гончарной традиции.

К таким «чужеродным» изделиям можно отнести сосуды из беложгущейся глины. Последняя в качестве сырья для гончарного производства в сколько-нибудь массовом порядке в

[145] С раскопов 1–3 и шурфа № 2.

Нижегородском Поволжье никогда ранее не использовалась (*Грибов,* 2009. С. 327, 328). Формы большинства встреченных белоглиняных сосудов и технологические особенности их изготовления соответствуют специфике массовой продукции мастерских Среднего Поочья. Вероятно, основная масса белоглиняной посуды появилась на Городке в результате привоза или, что менее вероятно, её изготовления здесь приезжими мастерами на привозном сырье. Не местное происхождение имеют красноглиняные горшки типов 1.1 и 1.8, легко узнаваемые по сочетанию профилировки, декора и технологических признаков среди характерных образцов новгородской (тип 1.1) и московской (тип 1.8) керамики. К изделиям, попавшим в обиход жителей Городка из других мест, очевидно, относятся парадные красноглиняные расписные охрой по белому ангобу и поливные краснолощёные и чернолощёные сосуды. Перечень наиболее вероятных областей-«импортёров», откуда гончарная продукция могла поступать к жителям Городка, включает Москву[146], Тверь[147], Великий Новгород[148], Среднее Поочье[149], Среднее Поволжье[150]. Доля посуды, доставленной из других земель, в составе керамического комплекса памятника велика, её можно оценить величиной не менее 30%.

К изделиям местных мастеров уверенно можно причислить только немногочисленные красноглиняные сосуды с примесью дресвы и лепную финскую керамику.

Несмотря на то, что за границами условного разделения керамических изделий на «местные» и «чужеродные» остался значительный массив находок, керамическая коллекция Городка в целом выявляет деградацию местного традиционного гончарства: как минимум треть используемой посудной керамики носит, скорее всего, привозной характер, а каждый тридцатый сосуд вылеплен без помощи поворотного устройства.

Главными отличиями керамического комплекса Городка от наборов керамики из сооружений второй половины XIV – начала XV вв. г. Нижнего Новгорода являются существенное преобладание осколков сосудов из теста без крупнозернистых отощителей и доминирование простых способов формовки краевых окончаний венчиков без образования внутренних краевых утолщений. Оба отмеченных отличия, скорее всего, можно рассматривать в качестве косвенных указаний на переход к быстрому (тяжёлому) гончарному кругу. Широкое внедрение в гончарное производство высокоскоростного поворотного устройства, вероятно, обусловило появление этих двух взаимообусловленных явлений: постепенного отхода от практики использования крупнозернистых примесей[151]; всё более широкого внедрения простых способов формовки краевых окончаний сосудов без образования внутренних краевых утолщений[152]. Ещё одной отличительной чертой керамической посуды Городка является заметное присутствие среди неё хорошо обожжённых изделий из красножгущейся глины: если в нижегородских комплексах XIV – начала XV доля их осколков, имеющих однородный цвет (красный, оранжевато-красный или красновато-бурый) как поверхности, так и излома, по наблюдениям автора, составляет не более 1–3%[153], то на Городке их встречаемость превышает 25%.

---

[146] По красноглиняным гладким горшкам типа 1.8, красноглиняным ангобированным с росписью сосудам; московское происхождение имеют, вероятно, и некоторые парадные сосуды с зелёной поливой.

[147] По горшкам подгруппы V-3; тверское происхождение, вероятно, имеет часть сосудов с жёлто-зелёной поливой.

[148] По красноглиняным горшкам типа 1.1.

[149] По белоглиняным горшкам коломенского типа, белоглиняным сосудам с запесоченным тестом подгруппы V-2.

[150] По краснолощёной керамике, характерной для городов Золотой Орды, и отдельным образцам лепной посуды.

[151] Крупнозернистая, выступающая на поверхность сосудов, добавка дресвы, как показал авторский опыт формовки венчиков, при большой скорости вращения круга способна серьёзно травмировать кожу рук гончара. Переход нижегородских гончаров на мелкозернистые отощители в конце XIV – середине XV вв. хорошо иллюстрируют цифры: усреднённая доля сосудов, изготовленных из тонких формовочных масс или с примесью мелкозернистого песка в нижегородских комплексах середины XIV – начала XV вв. – 8,2% (*Грибов,* 2006. С. 80, табл. 3), а среди красноглиняной керамики Городка – 52% (см. табл. 27).

[152] Характерные для предшествующего периода венчики, сформованные операцией, требующей либо замедления вращения, либо владения непростым навыком единовременной профилировки горловины сосуда и формовки соответствующего краевого окончания, в материалах Городка встречаются очень редко: только у малочисленных типов 3.1, 3.4, 3.5, 3.6 красноглиняных горшков со значительной добавкой дресвы в тесте. Усреднённая доля венчиков, сформованных путём наложения отогнутого края черновой ленты на внутреннюю поверхность стенки сосуда с образованием краевого утолщения, в комплексах г. Нижнего Новгорода и памятников его округи – около 38%, в комплексах Городка – 6%.

[153] Без учёта импортных краснолощёных изделий.

Отмеченные тенденции, очевидно, нельзя объяснить только спецификой местных условий. Существенные изменения в качестве керамической продукции, произошедшие в конце XV – начале XVI вв., отмечались разными исследователями по материалам Москвы, Пскова и других русских городов (*Розенфельдт,* 1968. С. 15; *Бойцов,* 1991. С. 39; *Кильдюшевский,* 2002. С. 10). Керамическая коллекция Городка фиксирует появление в нижегородской земле массовой серийной керамической продукции, соответствующей новым организационным формам специализированного ремесленного производства. Появление последних, очевидно, стало следствием интеграционных процессов: началом формирования обширного общерусского рынка и становлением крупных ремесленных центров, способных обеспечивать своей продукцией весьма удалённые районы.

Присутствие в коллекции редких образцов особо ценимой парадной посуды указывает на высокий социальный статус некоторых из местных насельников. Очевидно, сервировка стола в отдельных домах предполагала использование красноглиняных расписных и поливных кумганов для розлива вин. К такой же социально-престижной группе керамических изделий относятся и поливные сосуды на кашинной основе, китайский селадон.

Керамическический комплекс отражает неоднородность местных жителей и по их этнической принадлежности. Заметное число лепных сосудов характерной профилировки, изготовленных из глиняного теста с примесью шамота, имеющих, как правило, следы нагара на внутренней стороне, указывает на присутствие среди местных насельников представителей мордовского народа. Концентрация лепной посуды на городище превышает среднее значение её встречаемости в комплексах середины XIV – начала XV вв. из г. Нижнего Новгорода и памятников его сельской округи (3,35% против 2%). Одним из возможных объяснений этого факта может быть уменьшение общей численности русского населения в нижегородской земле в это время.

При обращении к вопросу о датировке рассмотренного керамического комплекса, необходимо учесть, что около трети его объёма[154] составляют крупные представительные фрагменты, происходящие из заполнений самых больших материковых ям, с которыми связано шестнадцать атрибутированных монет. Остальная собранная на памятнике керамика, по основным технологическим признакам и деталям профилировки, близка к этим образцам. Следовательно, время наиболее интенсивного сложения комплекса гончарной продукции, представленной в коллекции 2003–2004 гг., может быть с большой долей вероятности очерчено периодом формирования монетного комплекса, то есть в рамках середины XV – начала XVI вв.

Представленные в этой и предшествующей главах материалы археологических исследований позволяют высказать отдельные суждения о местных насельниках, особенностях их хозяйственной деятельности, социальной иерархии, наконец, о памятнике в целом. Отложим всё это до знакомства с синхронной Городку «археологической ситуацией» в Нижнем Новгороде и его округе.

[154] Около 11000 фрагментов, что составляет порядка 29% от общего состава керамической коллекции.

ГЛАВА 4

НИЖНИЙ НОВГОРОД И ЕГО ЗЕМЛИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

§ 1. ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ XV В.

ГОРОДОК

Материалы раскопок Городка создают основу для хронологии археологических комплексов большей части XV в., обнаруженных как в черте «старого» Нижнего Новгорода, так и происходящих с поселений его сельской округи.

Первостепенное значение для распознавания объектов этого времени имеют нумизматические находки и посудная керамика. Если роль монет в датировке культурных напластований достаточно очевидна, то обращение к массовому керамическому материалу для хронологического разделения комплексов, сформировавшихся в пределах одного столетия, нуждается в комментарии. Возможность такой дифференциации обуславливается высокими темпами политического и социально-экономического развития, присущими XV столетию в целом. Именно в это время происходило стирание границ бывших удельных княжений, сложение единого пространства общерусского рынка, появление крупных производственных центров. Высокий темп перемен, всё возрастающая степень стандартизации гончарной продукции, распространение изделий отдельных укрупнённых производств на большие расстояния – всё это делает актуальным привлечение посудной керамики для разработки периодизации комплексов конца XIV – начала XVI вв.

Другие категории вещевого материала по своим датирующим возможностям весьма уступают нумизматическим находкам и гончарной посуде. Характерный для них временной масштаб эволюционных изменений значительно превосходил как период обращения отдельных монет, так и время бытования типовых керамических наборов. Вместе с тем, с большой долей вероятности в состав местных комплексов XV в. могут входить отдельные типы вещей, обычные для Городка и редкие или даже совсем неизвестные по раскопкам Нижнего Новгорода. К ним относятся: железные пластинчатые ножи и отдельные костяные обкладки от их рукояток, железные замки и ключи типа Е, железные писала с шарообразной головкой, железные плоские черешковые с упором наконечники стрел, имеющие узкое вытянутое треугольное перо с расширением в нижней трети длины (первого выделенного типа), бронзовые серьги в виде «знака вопроса», восьмиконечные нательные кресты с удлинённой вертикальной осью и килевидным завершением нижней лопасти. Бытование этих предметов очерчивается весьма широкими временными границами, захватывающими промежуток как минимум второй половины XIV–XVI вв. Это понуждает рассматривать их присутствие в атрибутируемых комплексах при поисках объектов, единовременных Городку, только в качестве вспомогательного признака.

Используя «реперные» комплексы Городка и хронологически близкие к ним материалы из Нижнего Новгорода, наметим главные тенденции развития местных керамических наборов от рубежа XIV–XV до середины XVI вв. В качестве определяющих эволюционную последовательность элементов будем рассматривать совокупности керамических «узко» датированных комплексов, существенно разнящихся по количественным соотношениям образцов посуды разных технологических групп и по наличию отдельных характерных типов гончарных изделий.

Под «узко» датированным комплексом условимся понимать совокупность находок из одного или нескольких горизонтов заполнения одной материковой ямы[1], сформировавшихся в относительно короткий промежуток, определяемый временем стабильности соотношений представленной в них керамики, изготовленной с использованием различных технологических приёмов[2], при условии, что эти соотношения не случайны и могут быть прослежены по серии других объектов.

Предметом изучения станут, преимущественно, большие комплексы, насчитывающие по 100–400 и более образцов[3] с размерами достаточными для надёжного определения основных технологических признаков гончарных изделий. При датировке комплексов будем ориентироваться в первую очередь на монеты и другой сопровождающий материал. Только в случае отсутствия датирующих находок будем обращаться к типологическому методу, опираясь на сложившиеся представления об историческом развитии ассортимента гончарной продукции г. Москвы. В отдельных случаях выяснению относительной хронологии поможет стратиграфия напластований, вскрытая в заполнениях материковых углублений.

При сравнении состава находок из верхних и нижних (придонных) горизонтов заполнений четырёх раскопанных на Городке материковых ям 1А/1, 1В/1, 2/1, 2/2 выделены две группы керамических комплексов, существенно различных по встречаемости фрагментов белоглиняных сосудов. Уверенность в том, что выделенные совокупности не случайны, основывается на их связи с определённым составом монетных находок и определённым стратиграфическим положением в заполнении четырёх разных сооружений. Кроме того, каждый из них статистически представителен – насыщен керамическим материалом, что позволяет оперировать осколками не единичных, а десятков различных изделий. Особенности этих двух групп комплексов носят хронологический характер: задаваемое стратиграфией их взаиморасположение на временной шкале соответствует датировкам по нумизматическому материалу. Так, самые поздние по времени чеканки монеты, сопровождающие комплексы с «дефицитом» белоглиняной посуды – денги Василия II 1445–1461 гг., а происходящие из горизонтов с заметным присутствием керамики из беложгущейся глины – монетные выпуски Ивана III 1462–1505 гг. Эти наблюдения положены в основу хронологической дифференциации керамических наборов Городка в рамках середины XV – начала XVI вв.

Если относительно ранние комплексы происходят исключительно из нижних придонных отложений указанных четырёх материковых ям, то керамические наборы, характерные для верхних горизонтов этих сооружений, встречены как в нижних, так и в верхних частях заполнений целого ряда других искусственных углублений, отнесённых ко второму строительному периоду (ямы 1Б/1, 1/2, 9/2, 2/3).

Для характеристики хронологически различных керамических наборов рассмотрим более подробно семь комплексов с монетными находками.

Комплекс 1 образует материал из нижнего придонного горизонта ямы 1А/1 (слой 2), перекрытого пёстрым неоднородным грунтом развала глинобитной печи. Он состоит из 1100 обломков, относящихся минимум к 50 различным сосудам (выделенным по венчикам). Среди них: 42 красноглиняных без лощения, ангоба или поливы (у 19 изделий тесто с примесью дресвы), 5 лепных и 3 белоглиняных. Доля фрагментов последних – 0,2%. Суммарная доля керамики других технологических групп невелика: они представлены 30 фрагментами краснолощёных и 23 фрагментами красноглиняных ангобированных изделий. Два красноглиняных сосуда без какого-либо декоративного покрытия были реконструированы. В тесте одного присутствует дресва (рис. 36, *18*; табл. 29, № 29), в тесте другого – толчёный известняк и среднезернистый песок (рис. 35, *31*; табл. 29, № 12). Сопровождающие монетные находки: денга Василия II чеканки 1450–1462 гг. (приложение 1, № 5; *Орешников,* 1896. Тип № 545) и денга, выпущенная около 1462 г. (приложение 1, № 13; *Орешников,* 1896. Тип № 671 или № 672)[4].

[1] Используемое здесь понятие «горизонта заполнения ямы» разъяснено в §2 главы 2 при описании методики полевых изысканий на раскопах 1–3.

[2] Различных технологических групп.

[3] При этом максимальное отклонение встречаемости образцов разных технологических групп от генеральной совокупности будет составлять величину в пределах 5–10%.

[4] Более подробные сведения о керамике, индивидуальных находках, морфологии вмещающего грунта для этого и других

Комплекс 2 состоит из находок нижнего придонного горизонта ямы 1В/1 (слой 2), перекрытого неоднородным грунтом с печным развалом. Это сравнительно небольшая подборка, состоящая из 106 керамических осколков от 7 (или немногим более) сосудов. Тесто у пяти из шести выделенных по венчикам красноглиняных горшков имеет примесь дресвы. Один сосуд (подгруппы V-3) изготовлен из беложгущегося сырья с частой добавкой среднезернистого песка. Лепная керамика отсутствует, краснолощёная и ангобированная представлены единичными осколками (10 и 4 фрагментами соответственно). Доля белоглиняных фрагментов – 4%. Единственная монетная находка – серебряная денга Василия II 1446–1462 гг. (приложение 1, № 2: *Орешников,* 1896. Тип № 625).

Комплекс 3 определяют находки из нижнего горизонта ямы 2/1 (слой 3). Его объём – 1148 фрагментов более, чем 68 различных сосудов (47 красноглиняных, 11 лепных, 1 краснолощёного, 6 белоглиняных). Профилировку семи из них удалось полностью восстановить. Это пять красноглиняных горшков без какого-либо декоративного покрытия: два – с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (рис. 59, *2*; 63, *1*; табл. 29, №№ 8, 24), три других – с редкой примесью дресвы (рис. 61; 62, *2*; табл. 29, №№ 15, 20, 21)); один ангобированный горшок из смеси красно- и беложгущихся глин (рис. 64, *7*; табл. 29, № 42) и лепной сосуд с примесью шамота (рис. 65, *16*; табл. 29, № 2). Встречаемость осколков белоглиняных изделий не превосходит 6%, фрагменты краснолощёных и ангобированных сосудов также сравнительно малочисленны (53 и 38 единиц соответственно). Монетная находка – серебряная денга Василия II 1446–1462 гг. (приложение 1, № 4; *Орешников,* 1896. Тип № 545).

Комплекс 4 объединяет материал из основной части заполнения ямы 2/2 (слоёв 2, 2а, 3, 4), перекрытой линзообразным верхним горизонтом. Он состоит из 269 фрагментов, сохранившихся от 16 или более сосудов (среди них – 14 красноглиняных и 2 лепных). У десяти гончарных изделий, осколки которых входят в данный комплекс, в тесте присутствует добавка дресвы. Доля фрагментов белоглиняных сосудов – 0,7%. Фрагменты ангобированных изделий отсутствуют. Встречены два осколка поливных изделий, покрытых зелёной полупрозрачной глазурью. Реконструированы формы четырёх сосудов: лепного слабопрофилированного без выделенной шейки (рис. 73, *1*; табл. 29, № 5), краснолощёного горшка с запесоченным тестом (рис. 72; табл. 29, № 37) и двух приземистых красноглиняных горшков без какого-либо покрытия с примесью дресвы (рис. 70, *1*; 71, *8*; табл. 29, №№ 9, 27). Венчик одного из сосудов с примесью дресвы завершается внутренним краевым утолщением, подчёркивающим его сходство с нижегородскими горшками XIV – начала XV вв. (рис. 70, *1*; табл. 29, № 27). Керамические находки сопровождаются серебряной денгой последнего периода чеканки Василия II (приложение 1, № 3; *Орешников,* 1896. Тип № 633).

Комплекс 5 содержит керамику из придонного слоя 2 ямы 1Б/1. Общая численность – 1890 фрагментов. Количество выделенных сосудов достигает 44 (23 красноглиняных, 8 лепных, 13 белоглиняных). Встречены осколки краснолощёных, ангобированных и поливных изделий (113, 3 и 4 фрагмента соответственно). Реконструировано семь сосудов. Это красноглиняные корчага (рис. 43; табл. 29, № 34) и три неорнаментированных горшка (рис. 42, *1, 2*; 41, *1*; табл. 29, №№ 16, 17, 30); один горшок из тонкого беложгущегося теста коломенского типа (рис. 44, *2*; табл. 29, № 38) и две лепные ёмкости: чаша (рис. 45, *20*; табл. 29, № 7) и сосуд баночных очертаний (рис. 45, *19*; табл. 29, № 3). Среди белоглиняных осколков (27%) заметно преобладают фрагменты изделий с тонким тестом и короткими вертикально поставленными венчиками без заметных краевых утолщений, украшенными полосками линейного орнамента. Встреченная монета – серебряная денга Ивана III (приложение 1, № 19; *Орешников,* 1896. Тип № 668).

Комплекс 6 состоит из материала, происходящего из верхнего и среднего горизонта заполнения ямы 2/1 (слоёв 1, 1а, 2, 2б). Его составляют 865 фрагментов более, чем 39 сосудов (из них 20 красноглиняных, 17 белоглиняных и 2 лепных). Доля осколков белоглиняных изделий 20%. Среди них доминируют осколки от горшков коломенского типа с тонким тестом. Присутствие остатков краснолощёных, ангобированных и поливных сосудов едва намечено (22, 7 и 3 фрагмента соответственно). Кроме одной медной анэпиграфной монеты (приложение 1, № 28), комплекс сопровождают четыре серебряные денги. Две из них отчеканены во время правления

комплексов содержатся в описании материковых ям раскопов 1–3 (см. § 2 главы 2) и статистических таблицах (см. табл. 12–17).

Ивана III (приложение 1, №№ 15, 16; *Орешников,* 1896. Тип № 679 или 680), одна в самом конце правления Василия Тёмного (около 1462 г.) (приложение 1, № 7; *Орешников,* 1896. Тип № 672) и ещё одна, с несохранившимся именем эмитента, была выпущена около 1462 г. (приложение 1, № 12; *Орешников,* 1896. Тип № 671 или 672).

Комплекс 7 состоит из находок, собранных в заполнении ямы 1/2. Различные стратиграфические горизонты этого углубления близки по встречаемости белоглиняной керамики, доля которой в целом составляет 30,2%. Общая численность осколков – 2507 единиц, количество связанных с ними сосудов – не менее 100. Полностью реконструированы профили 14 изделий. Среди них три лепные ёмкости с примесью шамота: горшок (рис. 87, *9*; табл. 29, № 1), банка (рис. 87, *7*; табл. 29, № 4) и чаша (рис. 87, *8*; табл. 29, № 6); восемь красноглиняных сосудов: семь горшков (рис. 89, *7*; 85, *14*; 78, *2*; 89, *9*; 79, *18*; 89, *8*; 84, *2*; табл. 29, №№ 10, 11, 13, 18, 25, 28, 31) и одна миска (рис. 84, *1*; табл. 29, № 36); три белоглиняных горшка коломенского типа (рис. 90, *1, 2*; 86, *8*; табл. 29, №№ 39–41). Комплекс включает в себя единичный осколок чернолощёного сосуда, шестьдесят один фрагмент краснолощёных и четыре фрагмента красноглиняных ангобированных изделий (один с росписью охрой). Нумизматические находки представлены семью монетами: тремя медными пулами (приложение 1, №№ 29–31), одной серебряной анэпиграфной полуденгой (приложение 1, № 22), фальшивой монетой с изображением всадника с соколом на одной стороне (приложение 1, № 11), серебряными денгами Василия II (приложение 1, № 8; *Орешников,* 1896. Тип № 672) и Ивана III (приложение 1, № 17; *Орешников,* 1896. Тип № 679, 680).

Первую хронологическую группу составляют четыре первых комплекса (№№ 1–4). В каждом из них присутствует хотя бы одна денга последнего периода чеканки Василия II, а более поздние выпуски не найдены. Суммарно они включают в себя 2623 керамических фрагмента.

Вторую группу образуют три последних комплекса (№№ 5–7). Позднейшие по времени чеканки монеты, связанные с ними, относятся к эпохе Ивана III. Общее количество представленного в них материала – 5262 фрагмента.

Керамические комплексы одного хронологического периода обнаруживают сходство по соотношению образцов основных технологических групп. Вместе с тем, отчётливая дистанция по этому показателю легко обнаруживается при сравнении любых двух наборов, относимых к разным хронологическим подразделениям.

Ранние комплексы Городка (№№ 1–4), сложение которых, по монетным находкам, произошло в 40 – 60-х гг. XV в., обладают следующими отличительными признаками:

1. Керамика из беложгущихся глин редка, её доля не превышает 6% (среднее значение по комплексам – 4%); среди неё преобладают сосуды с заметной примесью средне- или крупнозернистого песка.

2. Доминирует красноглиняная посуда без лощения, ангоба и поливы, её доля близка к 80% (колеблется в пределах 76–88%).

3. Среди красноглиняной посуды широко распространены изделия с примесью дресвы в тесте (около 40% всех выделенных по венчикам красноглиняных сосудов).

4. По сравнению с комплексами второй группы среди типов красноглиняных горшков наиболее характерны: 1.3 (8:0), 1.6 (11:4), 1.11 (11:2), 2.1 (10:0), 2.2 (13:2), 3.5 (4:0)[5].

5. Полностью отсутствует «карбонизированная» морёная и чернолощёная керамика.

Поздние комплексы (№№ 5–7), наиболее вероятно, сформировались в промежуток с 60-х гг. XV в. до первого десятилетия XVI в. Их особенности проявляются в сочетании следующих черт:

1. Заметная доля их состава (от 20 до 30%; среднее значение по комплексам 26%) приходится на фрагменты белоглиняных горшков коломенского типа стандартной профилировки с тонким тестом без визуально фиксируемых примесей.

2. Преобладание красноглиняной керамики незначительно, её образцы составляют немногим более половины объёма комплексов (около 60%).

3. Среди красноглиняной посуды превалируют изделия без визуально фиксируемых примесей или с добавкой мелкозернистого песка; сосуды с дресвой составляют около 16%.

[5] Здесь и ниже в скобках указано соотношение выделенных по венчикам сосудов данного типа в ранних и поздних комплексах.

4. Встречаемость редких образцов, как правило, хорошо обожжённых красноглиняных горшков из запесоченного теста с сочетанием профилировки и орнаментики, характерным для московских красноглиняных гладких изделий из эталонного комплекса ямы 1 раскопа на Монетном дворе в г. Москве (Московская керамика…, 1991. Табл. 92–98) (тип 1.8 (11:0)).

5. Наличие единичных осколков от чернолощёных и красноглиняных ангобированных с росписью охрой сосудов.

НИЖНИЙ НОВГОРОД

Прежде чем перейти к рассмотрению материалов из Нижнего Новгорода, необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на особенностях формирования его культурных напластований, которые следует учитывать при разработке критериев выделения разновременных керамических комплексов. Поскольку освоение городской территории началось ещё в первой половине XIII в., в составе почти каждого из них неизбежно присутствуют находки из более ранних слоёв и сооружений, нарушенных по ходу откопки более поздних ям.

Изучение керамических наборов из разновременных сооружений Нижнего Новгорода[6] подводит к заключению о резком изменении состава бытовавшей в городе гончарной продукции, произошедшем после рубежа XIV–XV вв.

Начальное состояние местного гончарного производства маркируют многочисленные комплексы, представленные преимущественно технологически архаичной продукцией – посредственно обожжёнными красноглиняными горшками широкого морфологического разнообразия, изготовленными на лёгком ручном круге из теста с примесью дресвы или среднезернистого песка.

Ближайшие к ним по времени керамические наборы, фиксирующие разрыв традиций, состоят из доминирующих «серийных» изделий с тонким тестом и однородным высокотемпературным горновым обжигом. Как правило, интуитивно они легко распределяются на небольшое количество типов. Симметричность профилировки, отчётливые протяжённые ротационные линии на внешней поверхности позволяют предполагать использование тяжёлого («быстрого») круга. Существенно расширен ассортимент продукции: помимо горшков значительно чаще, чем прежде, встречаются кувшины и миски, появились новые, ранее неизвестные в русском гончарстве формы – кубышки, кумганы. Все эти новшества проявляются, главным образом, среди керамики трёх технологических групп – белоглиняной, краснолощёной и чернолощёной. Изделия, оформление которых менее подчинено какому-либо распространённому стилистическому «стандарту», в этих комплексах малочисленны. Как правило, они по-прежнему изготавливались из красножгущегося сырья, однако, у многих «несерийных» изделий фиксируется лучший обжиг, а в тесте преобладают мелкозернистые минеральные добавки. Профилировка венчиков, по-прежнему, разнообразна, но, в целом, отлична от той, что была присуща местной керамике раньше: стали редкостью экземпляры со сколько-нибудь выраженными краевыми утолщениями, у большинства сосудов краевые окончания сформованы простейшими приёмами нажима или отгиба без наложения отогнутой закраины на поверхность стенки и образования заметного краевого утолщения. При первичной систематизации массового материала фрагменты такой посуды объединяются исследователями в отдельную группу, имеющую разные обозначения в отчётной документации[7].

Сопоставляя керамику Городка и Нижнего Новгорода, легко заметить, что материалы предместного памятника заполняют своеобразную нишу среди массива городской посуды, ликвиди-

[6] Среди нижегородских материалов для непосредственного исследования автору были доступны коллекции керамики, собранные при раскопках под руководством: В.А. Лапшина в кремле 2001–2002 гг. (около 49 000 фрагментов из 119 ям); Т.В. Гусевой и Н.Н. Грибова на Ильинской горе во дворах Крутого переулка в 1991 и 1999 гг. (около 30000 фрагментов из 50 ям); И.В. Ануфриевой на участке Верхнего посада (на пл. Минина у кафе «Олень») в 2005 г., в пер. Университетском в 1999–1998 гг.; Л.Д. Шакуловой на ул. Ульянова в 2003 г.; И.С. Аникина в разных местах Верхнего посада в 2003, 2005 гг. Состав керамических комплексов на остальных раскопанных площадках (с 1960 по 2010 гг.) изучался по отчётным материалам из Архива Института археологии РАН.

[7] Это группы «красноглиняной гладкой» – в отчётах И.С. Аникина, И.В. Ануфриевой, Н.Н. Грибова, И.О. Ерёмина, А.Н. Кикеева, В.А. Лапшина, Е.В. Четвертакова, Л.Д. Шакуловой; «красноглиняной с тонкими примесями», «красноглиняной без лощения» или «керамики с тонкими примесями» – в отчётах Т.В. Гусевой и Е.Э. Лебедевой.

руя имеющийся разрыв в цепочке эволюционных изменений местных керамических наборов. Этот разрыв обнаруживается при сравнении хронологически «крайних» комплексов, выявляющих перерыв в освоении отдельных участков городской территории.

В этом отношении показательны результаты раскопок 1999 г. на Ильинской горе, во дворах Крутого переулка (*Грибов,* А-1999). Вскрытая там наиболее ранняя городская застройка охватывает сооружения двух различных строительных периодов, включающих в себя подпольные ямы и частокольные канавки. На профилях бортов и бровок раскопа им соответствуют два разных стратиграфических горизонта. Первый (нижний) горизонт перекрывает стерильную погребённую почву и переходит в заполнение синхронных ему материковых ям. Сооружения второго строительного периода зафиксированы с уровня верхней поверхности первого стратиграфического горизонта. Они перерезают нижний культурный слой, нарушая котлованы ям первого строительного периода.

Наиболее близкие к Городку по времени сложения комплексы происходят из заполнений двух обширных разновременных котлованов, сходных по форме, размерам, наличию следов пристенной обшивки. Их можно охарактеризовать как остатки погребов, поставленных отдельно от жилищ, или входивших в обводы наземных жилых построек. Судя по наличию в придонных частях их заполнений мощных углистых прослоек без включений кухонных отходов, они или связанные с ними постройки, скорее всего, погибли в результате разновременных пожаров.

Комплекс 1 происходит из сооружения первого строительного периода, зафиксированного с уровня стерильной погребённой почвы (из ямы 19 раскопа 1 1999 г. в Крутом переулке). Это почти квадратный в плане котлован с вертикальными стенками размером 3,8×3,9 м и глубиной 1,8 м. Его дно прорезано многочисленными приямками. Борта котлована были некогда укреплены деревянным каркасом, состоявшим из угловых столбов и горизонтальной пристенной обшивки. Заполнение разделяется на три основных горизонта.

Верхний горизонт образован мощной линзой однородного гумусированного грунта (до 80 см), затёкшего в западину ямы после завершения функционирования связанной с ней постройки. От подстилающего слоя она повсеместно отделена тонкой тёмно-коричневой, насыщенной органикой, прослойкой, напоминающей остатки древней дерновины. Материал из этого горизонта (рис. 5), очевидно, можно рассматривать как своеобразный маркер последующего (второго) периода освоения раскопанного участка: помимо многочисленных образцов красноглиняной керамики с грубыми примесями и венчиками, характерными для второй половины XIII – начала XV вв., в нём обнаружено много осколков белоглиняных горшков коломенского типа, составляющих 22% от общей массы черепков (1026 фр.), и девять фрагментов морёных и чернолощёных сосудов. Необходимо отметить, что эти сравнительно поздние керамические группы представлены только в верхнем горизонте заполнения ямы 19.

Средний горизонт (мощностью до 55 см) включает в себя прослойку грунта развала глинобитной печи. Он насыщен всевозможными кухонными отходами: осколками красноглиняной керамической посуды с примесью дресвы или среднезернистого песка, расколотыми костями домашних животных, мелкими углями, крошкой печины. Большое количество керамики сопровождается многочисленными индивидуальными находками (рис. 6, 7). Датирующее значение имеют: два пластинчатых и один черенковый ножи, ключ от цилиндрического замка типа В, остатки двух цилиндрических замков типа Г, фрагмент амулета – печатки[8] в виде округлого основания полой конической привески из медной фольги с рельефной зеркально-перевёрнутой надписью, выполненной арабскими буквами, напоминающую находку с прикамского Мурзинского селища (X–XIV вв.; см.: *Руденко,* 2001а. С. 214, рис. 55, *1*); три осколка гладких коричневых стеклянных браслетов, три бусины, типы которых хорошо известны по раскопкам городов Золотой Орды[9]; пять фрагментов поливных кашинных сосудов восточной работы[10], семь осколков от красноглиняных сосудов с полупрозрачной зелёной поливой, которые

[8] Первоначально ошибочно принятой за медную монету, см.: *Грибов,* А-1999. Л. 67.

[9] Представленные типы наиболее характерны для напластований середины XIV – начала XV вв. Это шарообразная ребристая и биконическая бусины, обе из глушёного стекла цвета бирюзы, а также шарообразная мозаичная бусина с непрозрачной тёмно-бордовой основой, инкрустированной крошкой белого, жёлтого и бирюзового стекла (*Полубояринова,* 1988. С. 167, 169, 171).

[10] Два осколка происходят от одного изделия из кашина кремового оттенка с полупрозрачной поливой бирюзового цвета на

по примеси дресвы и посредственному обжигу можно отнести к изделиям русских гончаров. Определённое хронологическое значение имеют бронзовые нательные кресты. Один из них – равноконечный с криновидными окончаниями лопастей и ромбом в средокрестии, датируется по новгородским аналогам началом XIV – началом XV вв. (*Седова,* 1981. С. 54). Другой по стилистическим особенностям близок к некоторым находкам из Городка (рис. 77, *3*). Его отличают удлинённая вертикальная ось с килевидным расширением на конце нижней лопасти и укороченная горизонтальная перекладина, имеющая прямоугольные завершения. На лицевой стороне изображён выполненный сдвоенной рельефной линией шестиконечный голгофский крест со «страстями».

Нижний придонный горизонт (40–80 см) отделён от среднего углистой прослойкой. Он сложен преимущественно обрушенной пристенной забутовкой – переотложенным материковым суглинком с массовыми включениями тонких разветвлённых прослоек древесного тлена, оставшихся от обломков плах деревянного каркаса. Этим же грунтом заполнены верхние части большинства придонных приямков. С нижним горизонтом, помимо двух железных ключей от цилиндрических замков (типов В и В2), железного черенкового ножа с пластинчатой бронзовой муфтой, фрагмента бронзовой проволочной серьги в виде «знака вопроса» со стеклянной шарообразной бусиной на конце короткого стержня, связаны находки двух серебряных монет (рис. 9). Это позволяет признать обширный керамический комплекс из придонных напластований своего рода хронологическим эталоном.

Первая монета, аналогов которой найти не удалось, обнаружена при расчистке материкового дна ямы 19 (рис. 9, *11*). Это полуденга со стилизованным изображением птицы или зверя на одной стороне и подражанием арабской надписи – на другой (вес 0,38 гр.). Вторая нумизматическая находка происходит из заполнения одного из четырёх придонных прямоугольных приямков, стенки и дно которых были обшиты деревом. Вместе с ней, в этом же углублении, найдена каменная с остатками позолоты двухсторонняя иконка с изображением деисусной композиции на одной стороне и святого Николы Чудотворца – на другой (рис. 9, *16*; *Грибов, Иванова,* 2001). Эта вторая монета – тяжеловесная денга русской удельной чеканки, весом 0,760 гр., с размерами монетного кружка 13×17 мм. На лицевой стороне в линейном картуше помещена поясная фигура обращённого вправо человека с секирой и мечом в руках, окружённая нечитаемой круговой легендой (рис. 9, *10*). На обороте отчётливо проступает подражание арабской надписи (без следов картуша). По деталям оформления текста-«подражания», находка близка к типу[11], относимому нумизматами к денгам одного из суздальско-нижегородских князей – Даниила Борисовича или Даниила Васильевича[12] (см.: *Тростьянский,* 2009. С. 13–14), или же к анонимному выпуску, который Г.А. Фёдоров-Давыдов связывал с чеканом г. Нижнего Новгорода после перехода его под власть московского князя в 1392 г. (*Орешников,* 1896. С. 197. № 901; *Фёдоров-Давыдов,* 1989. С. 122–123). По встречаемости в кладах наиболее вероятное время хождения таким образом оформленных монет, но с именем Даниила – первое десятилетие XV в. (*Тростьянский,* 2009. С. 13–14). Тяжеловесные денги, чеканенные по весовой норме 0,7–0,8 гр., выходят из обращения вскоре после реформы, датируемой разными исследователями в пределах 1410–1413 гг. (*Фёдоров-Давыдов,* 1989. С. 137; *Тростьянский,* 2009. С. 48–49). Таким образом, наиболее вероятный временной промежуток, в течение которого монеты вместе с другими находками попали в котлован ямы 19, можно очертить приблизительно двумя десятилетиями на рубеже XIV–XV вв. (1392–1413 гг.). Этому не противоречит состав датирующих находок из перекрывающего среднего горизонта, образованного в промежутке середины XIV – начала XV вв.

Керамический комплекс нижнего горизонта[13] состоит из 1419 фрагментов посудной керамики (рис. 10–12). Среди них преобладают обломки сосудов посредственного обжига, изготов-

внутренней стороне и с ультрамариновой – на внешней, дополнительно украшенной чёрной надглазурной росписью; один осколок – венчик от полуфаянсовой чаши с прозрачной бесцветной поливой, подглазурными полихромной росписью и рельефом; ещё два фрагмента с прозрачной поливой и следами термической деформации маловыразительны.

[11] См.: *Орешников,* 1896. С. 192, №№ 885–887.

[12] Сына Василия Дмитриевича (Кирдяпы).

[13] Включает в себя слои 5, 6 и заполнения всех придонных приямков (нумерация слоёв дана по тексту отчёта, см.: *Грибов,* А-1999).

ленных на ручном гончарном круге из красножгущейся глины с примесью, преимущественно, дресвы или среднезернистого песка (91%). Другие технологические группы представлены фрагментами краснолощёной посуды (9%), единичными осколками лепных мордовских и белоглиняных (с примесью дресвы) изделий. Выделенные по венчикам красноглиняные сосуды (84 экз.) по особенностям рецептуры теста разделяются на три подгруппы: с добавкой дресвы (различной концентрации) – 49%, с примесью среднезернистого песка (с размером зерна до 1,5–2 мм) – 39%; с мелкозернистым отощителем (песок с зерном до 0,5–1 мм) или без визуально фиксируемых примесей – 12%. Формы венчиков весьма разнообразны (рис. 11, 12). Среди них можно отметить ряд параллелей с керамикой Городка. Так, в описываемом комплексе высока встречаемость горшков типа 3.6 с коротким вертикально поставленным венчиком, оснащённым массивным продолговатым краевым утолщением, образованным отгибом и наложением края черновой ленты на внутреннюю поверхность (рис. 11, *30–32, 41–46, 49*). Такие венчики имеют 18% выделенных сосудов; почти все они (за исключением двух) изготовлены из теста с добавкой дресвы. Кроме того, в рассматриваемой коллекции присутствуют единичные сосуды, по профилировке верхних частей близкие типам, выделенным по материалам Городка (типы 3.1 (рис. 11, *29*), 3.2 (рис. 12, *22*), 1.2 (рис. 11, *4*), 1.6 (рис. 12, *27*), 1.11 (рис. 11, *10;* 12, *13*)).

Комплекс 2 связан с сооружением второго строительного периода (с ямой 20 раскопа 1 1999 г. в Крутом переулке), зафиксированного с уровня верхней поверхности самого нижнего горизонта городского культурного слоя. Его квадратный котлован с размерами 3,7×3,8 м и глубиной 1,6 м в нескольких местах нарушен врезками позднейших ям. Заполнение разделяется на три слоя.

Верхний (первый) слой образован однородным гумусированным суглинком с включениями мелких комков материкового грунта и угля. По конфигурации в пространстве это линза, которая, как и в яме 19, подстилается тонкой прослойкой, насыщенной органикой, напоминающей остатки древней дерновины. В линзе обнаружены фрагменты керамики: лепной мордовской – 1, красноглиняной – 434 (из них – 300 с примесью дресвы, 134 – с тонким тестом, либо с добавкой мелкозернистого песка), белоглиняной – 541 (все, за исключением одного, с тонким тестом), краснолощёной – 310, красноглиняной ангобированной – 7, чернолощёной со сплошным лощением и морёной – 347. Вещевой материал представлен одним пластинчатым и двумя черенковыми железными ножами, керамической фигуркой, изображающей медведя (рис. 14, *2–4, 7*). Терракотовая игрушка выполнена в довольно реалистичной манере[14], что отличает аналогичные фигурки из напластований XV – первой половины XVII вв. г. Москвы (*Розенфельдт,* 1968. С. 17).

Средний (второй) слой, с редкими включениями осколков белоглиняной керамики без заметных примесей в тесте, сложен пёстрым грунтом обрушения пристенной забутовки с тленообразными остатками деревянного каркаса. В нём обнаружены три красноглиняные свистульки со следами белого ангоба[15]. Одна из них – «уточка» – передаёт фигуру водоплавающей птицы с удлинённой шеей и сужающимся к хвосту туловищем (рис. 14, *9*). Поверхность изделия местами ошлакована. Кроме двух образующих свисток проделанных в хвосте отверстий, с обеих сторон грудки имеются ещё два, служивших, очевидно, для разнообразия звуковой гаммы. Вторая игрушка – фигурка баранчика с небольшой приостренной головой и закрученными, частично утраченными, рогами (рис. 14, *6*). Как и первая, она имеет два дополнительных отверстия, расположенных в передней части по обоим бокам. Изделие небрежно ангобировано: в области рогов, ног и живота белоглиняное покрытие не наносилось. На туловище у основания шеи со стороны спины сохранилась слабо различимая чёрная полоска от почти полностью утраченной росписи. Третья фигурка представлена лишь своей задней половинкой со свистком (рис. 14, *8*). Скорее всего, она изображала лошадку. На её спине сохранилась роспись полосками красной охры, расходящимися «ёлочкой» по бокам от линии хребта. По материалам Москвы, красно-

[14] На спине животного отчётливо передан «горб», на морде проделано сквозное отверстие, обозначающее крепление кольца повода.

[15] Подробное описание керамических игрушек из ямы 20 приведено в специальной статье (см.: *Иванова,* 2000). В процессе подготовки настоящего исследования, при работе с музейной коллекцией и с материалами научного отчёта 1999 г., выявлены неточности, допущенные в этой публикации. Так, в указанной статье неправильно обозначено местонахождение одной находки (в перекопе XIX в. вместо слоя 2 заполнения ямы 20), ошибочно отмечены следы росписи охрой на фигурках «уточек».

глиняные ангобированные игрушки наиболее характерны для напластований XV–XVI вв., хотя отдельные находки встречены в слоях XIV и XVII вв. (*Розенфельдт,* 1968. С. 24–27; *Колызин,* 1998б. С. 116; *Кренке,* 2009. С. 392, рис. 146, *2, 6, 13*)[16].

Нижний (третий) слой мощностью 12 см перекрывает дно ямы. Он сложен плотным переотложенным материковым переслоёным суглинком. В нём обнаружены осколки керамической посуды: красноглиняной – 81 (47 с примесью дресвы, 34 – с тонким тестом, либо с добавкой мелкозернистого песка), красноглиняной ангобированной – 15, белоглиняной с тонким тестом – 101, краснолощёной – 64, чернолощёной со сплошным лощением и морёной – 6. Полностью реконструированы формы пяти сосудов. Три из них – небольшие белоглиняные горшки коломенского типа приземистых пропорций с линейным, не заходящим на плечико, орнаментом (рис. 15, *3*; 16). Два других изготовлены из красножгущейся глины с незначительной добавкой дресвы. Профилировка верхней части одного красноглиняного горшка напоминает тип 2.5, выделенный по коллекции Городка (рис. 18, *2*). Второй красноглиняный горшок снаружи покрыт белым ангобом (рис. 18, *1*). Его короткая широкая горловина переходит в плечико через характерный уступ, а краевое окончание венчика уплощено и отмечено едва заметным внешним утолщением, образовавшимся при формовке путём нажима на край черновой ленты под небольшим углом к плоскости горловины. По общему характеру профилировки ангобированный сосуд близок к типу 3.3 красноглиняной керамики Городка. Среди осколков посуды, обнаруженных при расчистке дна ямы, следует отметить декорированную сквозными отверстиями пластину от чернолощёного кумгана (соединяющую носик с горловиной) (рис. 15, *1*) и фрагмент стенки белоглиняного кувшина в месте прикрепления рукоятки (рис. 15, *2*). На поверхности дна ямы, помимо керамики, были встречены ещё три находки: железный ключ от цилиндрического замка (типа В или Г); свинцовый грузик в виде тонкого кружка с вертикальной втулкой, отходящей от центрального отверстия с одной стороны и орнаментом в виде расходящихся лучей – на противоположной; красноглиняная (со следами ошлаковки) ангобированная свистулька-«уточка», аналогичная по размерам и форме описанной находке из перекрывающего слоя (рис.14, *1, 5, 10*).

Наборы керамики из верхнего и нижнего слоёв ямы 20 близки друг другу, как по составу и соотношению технологических групп, так и по наличию однотипных изделий. В каждом из этих отложений обнаружены фрагменты одних и тех же сосудов. Всё это указывает на то, что массовый керамический материал в разные части заполнения ямы 20 попал в течение непродолжительного времени и, следовательно, всю совокупность находок посудной керамики из данного сооружения можно рассматривать в качестве единого комплекса. Находки, помогающие оценить его датировку, немногочисленны. Верхняя хронологическая граница определяется красноглиняной ангобированной свистулькой в виде барашка: по наблюдениям Р.Л. Розенфельдта, игрушки с росписью чёрной краской были распространены в г. Москве несколько раньше расписанных охрой – преимущественно в XIV–XV вв. (1968. С. 25). Нижняя граница датировки очерчивается присутствием осколков двух редких привозных (для Нижнего Новгорода) керамических сосудов – чернолощёного кумгана и белоглиняного кувшина. Последний, по частой примеси крупнозернистого песка, можно отнести к группе белоглиняной грубой московской керамики, пик распространения которой соответствует первой половине XVI в. В г. Москве оба этих вида посуды появляются не ранее конца XV в. (*Розенфельдт,* 1968. С. 33; *Чернов,* 1991. С. 52; Московская керамика…, 1991; *Коваль,* 2001. С. 99–101). Таким образом, наиболее вероятный период сложения керамического набора из нижнего слоя заполнения ямы 20 можно определить как промежуток с конца XV до первой половины XVI вв.

Керамический комплекс ямы 20 состоит из 1620 осколков посуды. В нём преобладают образцы гончарных изделий хорошего горнового обжига с ограниченным набором «стандартных» профилировок, хорошо известных на обширных землях Московской Руси далеко за пределами Нижегородского Поволжья: суммарная доля белоглиняной гладкой, краснолощёной и «карбонизированной» (чернолощёной) керамики составляет 68%.

Среди этих высокотехнологичных групп преобладает керамика из беложгущейся глины без визуально фиксируемых примесей, представленная, в основном, осколками горшков коломен-

[16] В Коломне они известны по комплексам XV – первой половины XVII вв. (*Черкасов,* 2004. С. 310), в Суздале – XV–XVIII вв. (*Мухина,* 1992. С. 67).

ского типа (их доля 40%). Три реконструированных сосуда отличаются средними пропорциями (Н/Д = 0,72 – 0,76), типичными для XVI в. (*Коваль,* 2001. С. 105). Среди венчиков преобладают экземпляры с небольшим внутренним валиком на краевом окончании и различным оформлением наружной стороны, отсутствующие или редкие в коллекции Городка[17]. У 40% из 34 выделенных сосудов линейный орнамент заходит на верхнюю часть плечика. Донца с внешней стороны, как правило, имеют микронеровности и отпечатки рук гончаров.

Одна из характерных особенностей рассматриваемого комплекса – необычайно высокое содержание краснолощёной посуды (23,1%), занимающей второе место (34,1%) среди высокотехнологичной керамики. Судя по венчикам, большая её часть представлена кувшинами. В их профилировке, декоре, оформлении среза горловины присутствуют стандартные элементы, позволяющие безошибочно выделять эти сосуды и в других комплексах. Полный профиль одного такого кувшина был реконструирован из фрагментов, собранных в заполнении частокольной канавки второго строительного периода, планиграфически и стратиграфически связанной с ямой 20 (рис. 20, *9*). Его облик определяет шаровидное тулово и сравнительно короткая отчётливо выделенная горловина с моделированным сливом. Верхняя часть широкой ручки (овально-удлинённой в сечении) прикреплена несколько ниже края горловины. Края венчиков сосудов этого типа отличаются специфическим по форме наружным утолщением. Оно напоминает либо широкую манжету[18] с вогнутой в виде жёлоба или, что реже, уплощенной и даже иногда слегка покато-выпуклой поверхностью, либо треугольный в сечении, приостренный к верху, наружный валик, всегда расположенный с небольшим отступом от кромки верхнего края[19]. Лощение неширокими вертикальными полосками, иногда переходящее почти в сплошное, наносилось, как правило, на тулово ниже основания горловины. Последнее часто отмечено несколькими, собранными в узкую зону, полосками линейного орнамента. Горловины некоторых кувшинов сплошь покрыты рифлением или украшены частыми полосками линейного орнамента. На внешней поверхности днищ, как правило, заметны микронеровности и остатки золистой подсыпки. Сосуды чаще всего тонкостенны, толщина их осколков, за исключением придонной части, редко превышает 5–6 мм. В публикациях московской керамики этот тип краснолощёных кувшинов оставлен без подробного описания. По профилировке и характеру оформления он близок к третьей группе чернолощёных московских кувшинов, датируемых XVI в. (*Розенфельдт,* 1968. С. 30, 31; табл. 9, *2–4*). Фрагменты краснолощёных кувшинов с закраиной в виде наружного валика или «широкой манжеты» найдены у церкви Вознесения в подмосковном с. Коломенском в яме 1, перекрытой горизонтом строительства церковного здания 1531–1533 гг. (Московская керамика…, 1991. Табл. 111, *246, 260, 262, 261*). В Нижнем Новгороде их присутствие зафиксировано как на территории кремля (*Лапшин,* А-2001. Табл. 2, *14*; 14, *19*; 32; 35, *1*), так и в разных местах Верхнего посада (*Шакулова,* А-2003. Илл. 41, *1*; *Гусева,* А-1998. Илл. 81, *3*).

Фрагменты чернолощёной посуды среди керамики из ямы 20 – малочисленны. Их доля составляет около 5% (7,4% среди всей керамики высокотемпературного горнового обжига). Для чернолощёных сосудов характерны частое полосчатое лощение (как правило, переходящее в сплошное), чёрный цвет внешней поверхности и серый цвет излома черепка. Единственная форма, которую, как отмечалось, удалось определить по весьма характерной детали, – это кумган.

Остальная гончарная посуда (32%) представлена фрагментами изделий из красножгущейся глины преимущественно посредственного обжига. Для неё характерно широкое разнообразие профилировок верхних частей. Около 70% осколков имеет хотя бы редкую примесь крупнозернистой дресвы. Часть из них, очевидно, попала в заполнение ямы из более ранних разрушенных напластований. У 30% фрагментов тесто отличается примесью мелкозернистого песка (с размером зерна до 1 мм) или отсутствием каких-либо добавок. Венчики, типичные для более раннего периода[20], единичны. Большинство краевых окончаний сформовано отгибом, нажимом, либо за-

[17] См., например, вариант № 14 с встречаемостью порядка 1% (Глава 3. Рис. V).

[18] Её ширина – не менее двух толщин стенки сосуда.

[19] На расстоянии в 2–3 толщины черепка.

[20] С краевым утолщением, образованным отгибом и наложением чернового края на внутреннюю поверхность стенки сосуда.

глаживанием, что не приводило к образованию сколько-нибудь заметных утолщений краевого окончания горловины (рис. 19). Среди венчиков присутствуют формы, встреченные на Городке (типы 1.2 (рис. 19, *5*), 1.3 (рис. 19, *3*), 1.5 (рис. 19, *2*), 2.4 (рис. 19, *7*)).

Редкие технологические группы представлены осколками гончарных красноглиняных ангобированных (0,4%) и лепных (0,1%) сосудов.

Следует отметить, что описанные комплексы из Крутого переулка по соотношению представленных технологических групп и присутствию отдельных типов гончарных изделий не являются уникальными для Нижнего Новгорода. Многочисленные керамические наборы, подобные комплексу из нижнего слоя заполнения ямы 19, известны как по другим изученным участкам средневекового города[21], так и по памятникам его сельской округи[22]. Их маркируют горшки с короткими, слегка отогнутыми наружу венчиками со слабо выраженным внутренним краевым наплывом (часто треугольного сечения) и узким перехватом шейки, переходящей в плечико через наклоненный внутрь линейный участок с основанием в виде уступа или ребра. Горшки с такой формой горловины и с «подтреугольным краем» (типа 23/3 по классификации В.Ю. Коваля), появляются только во второй половине XIV в. (*Коваль,* 2004. С. 84).

Комплексы, близкие по составу к керамике из ямы 20, также известны по ряду изученных нижегородских сооружений. К ним можно отнести: ямы 25, 33, 94 раскопа 2001–2002 гг. в нижегородском кремле (см.: *Лапшин,* А-2001); ямы 16, 55 раскопа 1 1997 г. на Театральной площади (см.: *Ерёмин,* А-1997). Их объединяет сочетание следующих признаков: преобладание образцов высококачественной «серийной» гончарной продукции[23], доминирование фрагментов белоглиняных «коломенских» горшков, заметное присутствие обломков краснолощёных сосудов при явном дефиците чернолощёных, наличие фрагментов краснолощёных кувшинов с закраинами в виде «широкой манжеты» или наружного валика.

Определённое сходство с нижегородской керамикой из ямы 20 имеют «поздние», сопровождаемые монетами Ивана III, керамические наборы из Городка. Датировки этих двух совокупностей керамических комплексов перекрываются около рубежа XV–XVI вв. Выявляемые при их сравнении незначительные различия в количественных соотношениях технологических групп соответствуют общей тенденции развития гончарства в городах Московской Руси. Стадиально более поздний состав нижегородских комплексов, подобных комплексу из ямы 20 в Крутом переулке, очевидно, отражает более позднее время их сложения, чем керамических наборов из заполнения сооружений второго строительного периода Городка.

В хронологической цепочке керамических комплексов г. Нижнего Новгорода и Городка выделяется отсутствующее звено, соответствующее первой половине XV в. Исходя из наиболее вероятных датировок проанализированных комплексов, этот разрыв могли бы ликвидировать керамические наборы, сложившиеся, примерно, во втором и третьем десятилетиях XV в. Однако представительные комплексы с хронологическими маркерами этого времени в Нижегородском Поволжье пока не известны. Тем не менее, представление об их составе можно получить по двум керамическим сборам, каждый из которых сопровождался однотипной серебряной денгой начального периода правления Василия II – с изображением всадника с соколом (вправо) на одной стороне и Самсона, борющегося со львом – на другой[24]. Активное участие в монетном обращении данного выпуска, по мнению Н.Д. Мец, приходится на промежуток 1425–1434 гг. (1974. С. 25–29).

Комплекс 3 объединяет керамические находки из однородного заполнения небольшой цилиндрообразной ямы 7 раскопа 2 1999 г. в Крутом переулке[25], сопровождаемые монетой

[21] Например, несколько сходных наборов происходят из заполнений ям 37, 76, 87, 110 раскопа, заложенного под пристрой к зданию Казначейства в Нижегородском кремле (*Лапшин,* А-2001).

[22] См. комплексы второй хронологической группы из нескольких ям, обследованных при раскопках селищ Ближнее Константиново-1 и Бешенцево-3 (Грибов, 2006).

[23] Представленной белоглиняной гладкой, краснолощёной и «карбонизированной» посудой.

[24] Данный тип хорошо известен по ряду публикаций, см., например: *Орешников,* 1896. № 621. Табл. X, рис. 467; *Мец,* 1974. С. 88, тип № 28; *Зайцев,* 2004. С. 37.

[25] В раскоп она вошла частично, её предполагаемый диаметр 100 см, глубина 73 см, заполнение – комковатый переотложенный материковый суглинок.

Василия II указанного выше типа (весом 0,55 гр.). Число образующих его фрагментов керамики невелико (39 экз.). Это небольшие по размерам и маловыразительные по форме образцы. Среди них преобладают обломки сосудов из красножгущейся глины – сходные по своим основным технологическим признакам с доминирующей керамикой из нижнего горизонта ямы 19. Среди примесей встречается как дресва, так и среднезернистый песок; излом большинства черепков трёхцветен. Единственный слегка отогнутый наружу венчик имеет треугольное в сечении краевое окончание. В этом же комплексе присутствуют один осколок белоглиняного сосуда с примесью дресвы и три фрагмента краснолощёных сосудов хорошего горнового обжига.

Комплекс 4 связан с находкой ещё одного экземпляра монеты Василия II указанного типа. Он собран на дневной поверхности одного из крупнейших нижегородских селищ Теряево-5 (*Грибов,* А-2006б; А-2011а). Несмотря на значительные по нижегородским меркам размеры памятника (2,25 га), его материалы в целом не выходят за пределы промежутка XIV – первой половины XV вв. Помимо инвентаря с широкими хронологическими рамками[26], в него входят три монеты русского удельного чекана. Одна из них – упомянутая денга Василия II (весом 0,61 гр.) (рис. 16*, *8*), две другие требуют подробного описания.

Первая монета – тяжеловесная серебряная анэпиграфная денга весом 0,76 гр.[27] В центре её лицевой стороны находится изображение равностороннего креста с тремя точками в промежутках между лопастями; вокруг креста, между линейными круговыми ободками, знаками в виде штрихов нанесена имитация круговой легенды (рис. 16*, *9*). На оборотной стороне отчётливо проступает нечитаемая трёхстрочная надпись-подражание, составленная из букв арабского алфавита. Подобные анэпиграфные денги с равноконечным крестом Г.А. Фёдоров-Давыдов предположительно связал с суздальским чеканом Бориса Константиновича Городецкого или его детей после изгнания из Нижнего Новгорода в 1393–1394 гг. (1989. С. 82, 83). Они входят в состав обширного Саранского клада, сокрытого до 1409 г. (*Фёдоров-Давыдов,* 1989. С. 210, ближайшие аналоги по лицевой стороне – № 562, по оборотной – № 558).

Вторая монета – медное пуло весом 0,72 гр. (рис. 16*, *10*)[28] На лицевой стороне в двойном круговом картуше (линейном и точечном) помещена четырёхстрочная надпись: КН…/ВЕЛИ…/ВАСІ…/…С…, на оборотной, также, в круговом картуше[29], изображен четырёхногий зверь (влево) с приподнятой передней лапой и длинным изогнутым хвостом над спиной. Две монеты этого типа обнаружены при раскопках Старого Гостиного Двора в г. Москве[30]. Почти полностью сохранившийся текст легенды на одной из них указывает не только на имя князя, но и на его отчество, что позволяет однозначно связать чеканку монет этого типа с московским князем Василием Васильевичем. В их оформлении просматривается преемственность с монетными выпусками его отца, Василия Дмитриевича Московского. На них можно встретить и сходное изображение зверя (барса?) (*Орешников,* 1896. С. 94. №№ 493–496. Табл. VIII, *352–354*; *Толстой,* 1911. Табл. I, 16–24; табл. II, *25–30*), и четырёхстрочную легенду с титулом и именем эмитента (*Зайцев,* 2004. С. 31, 32. №№ 1–7). Вероятно, на этом основании В.В. Зайцев отнёс чеканку пул из раскопок Старого Гостиного Двора к начальному периоду правления Василия Васильевича (2009. С. 39). Таким образом, по времени чеканки обнаруженное на селище Теряево-5 пуло близко к найденной здесь же серебряной денге с изображением всадника с соколом.

Собранная на дневной поверхности памятника керамическая коллекция состоит из 641 фрагмента посудной керамики. По составу и формам венчиков этот комплекс близок к керамике из нижнего слоя ямы 19 (рис. 160, 161). В нём преобладает красноглиняная керамика посредственного обжига (91,3%). Среди неё доминируют осколки сосудов с крупнозернистой

[26] Это фрагмент железного черенкового ножа, дужка от цилиндрического замка, железный пробой, четыре игральные кости для игры в бабки в виде астрагалов мелкого рогатого скота с подшлифованной боковой стороной, три фрагмента точильных камней, кресальный кремень.

[27] Монетный кружок с размерами 22×12 мм имеет небольшое пробитое отверстие, свидетельствующее о её вторичном использовании в качестве украшения, вероятно, уже после выхода из обращения.

[28] Размер монетного кружка 15×13 мм.

[29] Из двух линейных и одного точечного (между ними) ободков.

[30] Раскопки А.Г. Векслера 1998 г.

примесью дресвы или среднезернистого песка, но доля фрагментов с тонким тестом без визуально фиксируемых примесей или с присутствием мелкозернистого отощителя (песка) достаточно высока (14,5%), хотя и не выходит за пределы вариации этого параметра для нижегородских комплексов середины XIV – начала XV вв. (до 14,8%, см.: *Грибов,* 2006. С. 80, табл. 3). Для изделий без грубых примесей характерны венчики с «подтреугольным» краем, обычным для московских красноглиняных грубых горшков; их встречаемость близка к 10%[31]. Некоторые изделия, представленные обломками горловин, напоминают горшки типов 3.5 и 3.6 из Городка (рис. 160, *40–44, 50, 53, 54, 56*). Венчики, характерные для XIII – начала XIV вв. – единичны (рис. 161, *82–84*). Другие технологические группы представлены краснолощёной посудой (4%), керамикой из беложгущейся глины[32] (3,4%) и лепной с примесью шамота (1,3%).

Монетные находки указывают на то, что, по крайней мере, часть этого комплекса могла сформироваться в период от начала 90-х гг. XIV в. до середины 30-х гг. XV в. Отсутствие в нём фрагментов ангобированной керамики, красноглиняных горшков с прикрытой горловиной и некоторых других форм, типичных для ранних комплексов Городка, очевидное его сходство с нижегородским комплексом, сложившимся вблизи рубежа XIV–XV вв.[33], от которого его отличает лишь слегка повышенное содержание белоглиняной посуды, – всё это может свидетельствовать *об отсутствии значительных изменений в составе местной бытовой гончарной посуды до 40 – 60-х гг. XV в.*

Обозначенные выше группы разновременных комплексов позволяют наметить четыре стадии развития местных наборов гончарных изделий в период от рубежа XIV–XV до середины XVI вв.

Первая стадия определяется комплексами с доминирующей керамикой посредственного обжига, изготовленной преимущественно на лёгком ручном круге из красножгущегося сырья (не менее 90%) с добавкой грубых примесей – дресвы или среднезернистого песка. Доля фрагментов без визуально фиксируемых примесей или с включением зёрен песка, размерностью менее 1 мм, составляет не более 15%. В общей профилировке сосудов, отделке их верхних частей, орнаментации отчётливая взаимосвязь не прослеживается. Другие технологические группы представлены малочисленными обломками краснолощёной, белоглиняной и лепной с примесью шамота керамики.

От более ранних комплексов XIII – первой половины XIV вв. наборы первой стадии отличаются: а) специфическим ассортиментом венчиков красноглиняных сосудов; среди них отсутствуют (либо единичны) образцы «общерусского типа» – сильно, почти горизонтально, отогнутые наружу с внутренним краевым утолщением различной профилировки, но систематически встречаются экземпляры с «подтреугольным краем»; б) меньшей долей изделий с примесью дресвы в тесте; в) более частым использованием волнистого орнамента при полном отсутствии изделий, украшенных прокаткой зубчатого колёсика; г) повышенной встречаемостью фрагментов краснолощёной посуды (*Грибов,* 2006. С. 71). Формирование керамических наборов этой стадии происходило со второй половины XIV до середины XV вв. В это время основные тенденции эволюции керамических наборов состояли, наверное, в постепенном увеличении доли красноглиняных сосудов с тонкими примесями, упрощении способов формовки венчиков (уменьшении числа изделий со сколько-нибудь массивными краевыми утолщениями), в незначительном росте количества изделий из беложгущегося сырья.

Вторая стадия также характеризуется доминированием в составе керамических наборов фрагментов посредственно обожженных сосудов из красножгущейся глины (около 80%), однако, доля сосудов, «скрученных» из теста без визуально фиксируемых добавок либо с содержанием мелкозернистого песка, среди них уже очень значительна – около 60%. Формы венчиков по-прежнему разнообразны. Среди них появляются новые разновидности, а экземпляры с массивными краевыми утолщениями, обычные для культурных напластований XIII–XIV вв., очень редки. Большинство венчиков сформовано наружным отгибом (без наложения отогнутой кром-

[31] От 186 выделенных по венчикам различных сосудов.

[32] Как с добавкой дресвы, так и с присутствием мелкозернистого песка.

[33] К комплексу из ямы 19 раскопа 1 1999 г. в Крутом переулке.

ки на стенку), лёгким заглаживанием или нажимом. Даже в многочисленных комплексах отсутствуют хотя бы единичные обломки морёных или чернолощёных сосудов, но имеются фрагменты изделий, ангобированных белой глиной без росписи охрой. Ко второй стадии относятся комплексы середины XV в. (ориентировочно, 40 – 60-х гг.).

Третья стадия фиксирует существенные изменения в соотношениях керамики различных технологических групп. Для этих наборов характерно значительное содержание осколков белоглиняных горшков коломенского типа (20–30%). Среди прочей посуды они легко выделяются по устойчивому сочетанию тонкого беложгущегося теста, шарообразно раздутого тулова, короткого, вертикально поставленного и, как правило, без краевого утолщения венчика, снаружи покрытого полосками линейного орнамента, в половине случаев заходящего на верхнюю часть плечика сосуда. Осколки красноглиняных изделий без ангоба, лощения и поливы занимают немногим более половины объёмов комплексов (60%). Среди них выделяются фрагменты равномерно обожжённых сосудов из запесоченной глины со стандартным обликом красноглиняных гладких горшков, широко распространённых в напластованиях г. Москвы второй половины XV – первой половины XVI вв. (*Бойцов,* 1991. С. 38). В качестве единичных находок присутствуют фрагменты чернолощёных сосудов, а также ангобированных расписанных охрой кумганов. Комплексы этой стадии датируются второй половиной XV – началом XVI вв.

Четвёртая стадия отличается незначительным доминированием суммарного количества белоглиняной (35–40%) и краснолощёной (20–25%) посуды над красноглиняной при незначительном присутствии чернолощёной (до 10%). На этой стадии существенно возрастает количество краснолощёной керамики, её доля меньше, чем белоглиняной гладкой, всего в 1,5–2 раза (для комплексов предшествующей третьей стадии – в 6–7 раз). Наиболее характерные изделия, помимо белоглиняных «коломенских» горшков, представлены краснолощёными кувшинами с краевыми окончаниями горловин в виде наружного валика или «широкой манжеты». Хронологические рамки бытования этих наборов – конец XV – первая половина XVI вв. Дальнейшее развитие нижегородских керамических комплексов сопровождалось заметным увеличением доли «карбонизированной» керамики[34].

Таким образом, главное направление изменений состава местной посудной керамики проявляется в замещении массовых, господствующих в XIV в., посредственно обожжённых и морфологически разнообразных красноглиняных изделий серийной продукцией укрупнённых ремесленных центров, производивших белоглиняные и краснолощёные сосуды хорошего горнового обжига. Суммарная доля последних в комплексах конца рассмотренного периода превышает 60%.

Выявленную последовательность смены составов керамических наборов можно использовать для атрибуции нижегородских керамических комплексов XV в.

§ 2. СТАРЫЙ НИЖНИЙ НОВГОРОД: АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА

Оставив суда на береговой отмели у церкви святого Николы на Бечеве, 18 мая 1469 г., наверное, ближе к полудню, пёстрой шумливой вереницей, в которой только пытливый глаз странствующего человека мог распознать москвичей и ростовцев, костромичей и владимирцев, ярославцев и коломничей, угличан и муромцев, димитровцев и можаев, в Нижний Новгород входили воины великого князя. Кратковременную остановку перед походом в Казанские места они посвятили тому, чтобы заказав молебен и раздав милостыню, обрести душевный покой под сводами нижегородских храмов. Что увидели томимые неведомым грядущим удалые дети боярские, служилые князья, воеводы в последнем по Волге русском городе, какая панорама разворачивалась перед ними, когда преодолевая кручи волжского откоса, всё ближе и ближе подходили они к седым выщербленным стенам старой церкви Преображенья Господня? Каким перед русским воинством предстал тогда летописный Нижний Новгород «старой»? Даже малые крохи городских впечатлений участников этого паломничества не попали в великокняжескую летопись (ПСРЛ. Т. 25. С. 282). Попробуем хотя бы в самых общих чертах, по материалам археологиче-

[34] Её содержание в одной из ям с монетой царя Михаила Фёдоровича достигает 27% (яма 24 раскопа 2001–2002 гг. у здания Казначейства в кремле, см.: *Лапшин,* А-2001).

ских раскопок, наметить основные особенности облика городской территории середины – второй половины XV столетия.

Несмотря на авторитетное мнение об отсутствии следов культурных напластований и застройки XV в. в Нижнем Новгороде (*Гусева,* 1996а. С. 44, 45), многие исследователи, обрабатывая материалы своих раскопок, включают это столетие в датировку отдельных комплексов и стратифицированных отложений. Эти сведения по состоянию на 2004 г. обобщены в первой обзорной статье по истории развития города, написанной с учётом археологических данных (*Николаенко,* 2006). Опираясь на даты, предложенные археологами в научных отчётах, её автор картировала ряд объектов, отнесённых к этому времени (*Николаенко,* 2006. С. 341, рис. 3). Среди них – четыре участка с культурным слоем, в датировке которого присутствует промежуток, соответствующий XV в.; четыре площадки с постройками, четыре кладбища, двенадцать мест с отдельными находками, а также три пункта со следами запустения городской территории. В периодизации истории города XV столетие выделено Т.Д. Николаенко в отдельный (третий) период, охарактеризованный как период упадка, наступивший после похода Едигея на Русь зимой 1408–1409 гг. (2006. С. 331). По мнению исследовательницы, на части городской территории уничтоженные пожаром постройки не восстанавливались на протяжении всего последующего столетия. Вместе с тем, «…не везде нашествие Едигея привело к долговременному (до XVI–XVIII вв.) запустению». Так, по результатам раскопок в западной части Верхнего посада, на Театральной площади, автор обзора констатирует непрерывное развитие селитебных мест: «Если в южной части площади в XV в. продолжала оставаться жилая застройка, по-видимому, не пострадавшая от пожара, то в северной, на месте сгоревшего жилья, появились меднолитейные мастерские…» и кладбище (при Никольской церкви).

Проверку сделанных заключений необходимо предварить рассмотрением методики датирования по керамике, принятой нижегородскими исследователями. При отсутствии монет и соответствующих архитектурных памятников, строительство или подновление которых могло бы оставить датирующие стратиграфические маркеры в городских культурных напластованиях (за исключением кирпично-каменного кремля), именно датирующие возможности бытовой керамической посуды приобретают решающее значение при отнесении отдельных археологических объектов к XV столетию.

НИЖЕГОРОДСКАЯ КЕРАМИКА В СВЕТЕ МОСКОВСКИХ АНАЛОГИЙ

За десятилетия раскопок в г. Нижнем Новгороде у исследователей сложилось устойчивое представление о сильном влиянии на местное гончарство традиций московских мастеров «кружального дела». Обращение к опыту московских коллег при систематизации и датировке массового керамического материала давно стало обыденной практикой в работе нижегородских археологов (см., например: *Гусева,* А-1988. Л. 3, прим. 1; *Ерёмин,* А-1997. Л. 414, 419). В целом исторические и географические предпосылки для установления параллелей между гончарными изделиями Москвы и Нижнего Новгорода кажутся вполне очевидными, не требующими сколько-нибудь развёрнутого обоснования для знакомых с перипетиями нижегородской истории.

Круг публикаций, используемых при поисках аналогов, судя по ссылкам в «нижегородских» научных отчётах, ограничен наиболее известными обзорами по керамике московского производства. Это получившие широкую известность работы М.Г. Рабиновича (1947, 1949, 1971), Р.Л. Розенфельдта (1968) и авторского коллектива, выпустившего в 1991 г. сборник «Московская керамика: новые данные по хронологии» (Московская керамика…, 1991). Прежде чем перейти к рассмотрению нижегородских материалов, необходимо хотя бы вкратце проследить по этим публикациям развитие подходов к систематизации и хронологии керамики г. Москвы.

Их перечень начинается с трудов первого руководителя Московской археологической экспедиции М.Г. Рабиновича. Предложенная им систематизация[35] опирается на разделение керамического материала по четырём главным признакам – составу теста, ассортименту форм, качеству обжига, орнаментации или какому-либо иному способу обработки внешней поверхности (*Рабинович,* 1971. С. 14). Значения признаков определялись субъ-

[35] Разработанная преимущественно по материалам раскопок в Гончарной слободе в устье р. Яузы.

ективно по таким косвенным характеристикам, как степень шероховатости поверхности черепка, его звонкость, цвет. Формы венчиков к рассмотрению не привлекались, так как, по мнению автора, их следует учитывать только при разработке более детализированной хронологии «…путём изучения развития форм внутри каждого типа» (*Рабинович,* 1971. С. 101). Предложенные исследователем типовые признаки можно было установить даже для небольших образцов в виде морфологически маловыразительных фрагментов стенок. Особое значение М.Г. Рабинович придавал такой изменчивой даже в масштабах одного средневекового сосуда и неоднозначной в контексте технологии характеристике, как цвет поверхности черепка[36]. Повышенное авторское внимание к цвету прочно закрепилось в бытующей до настоящего времени терминологии московской гончарной посуды.

Количество выделенных типов первоначально ограничивалось шестью (*Рабинович,* 1947), затем было увеличено до одиннадцати (*Рабинович,* 1949), а потом, охватив импортные изделия, возросло до шестнадцати[37] (*Рабинович,* 1971). Некоторые из типов, опираясь на авторские описания, весьма сложно дифференцировать из-за неоднозначности определяющих их характеристик. Так, исследователи, хорошо знающие московский материал, отмечают, что серая керамика «по большей части признаков…идентична курганной…», а её отличие заключается в том, что «…при изготовлении серой реже применялась дресва и лучше заглаживалась поверхность сосуда» (*Чернов,* 1991а. С. 20). Фрагменты стенок красноглиняных грубых горшков, выделенных М.Г. Рабиновичем по сочетанию красного или буровато-красного цвета и примеси песка, в свою очередь, сложно отличить от обломков «серых» или «курганных» изделий, ведь при определении последних в качестве отощителя, помимо дресвы, было оговорено и вероятное использование песочной добавки, а цвет черепков, как известно, «…крайне относительный критерий, зависящий от многих обстоятельств» (*Бойцов,* 1991. С. 34). Складывается впечатление, что курганная, серая и красноглиняная грубая керамика маркируют последовательные стадии исторического развития одной и той же гончарной традиции, наиболее ранней для московского производства круговой посуды. Свойственные ей постепенность перехода к мелкозернистым примесям, преемственность в смене форм, несовершенство технологии обжига заставляют крайне скептически относиться к возможности разделения изделий по разным эволюционным стадиям без учёта особенностей профилировки и орнаментации, опираясь исключительно на технологические признаки, определяемые даже по небольшим фрагментам стенок. Вероятно, желая более отчётливо обозначить критерии выделения типов, автор наметил особенности морфологии этих трёх важнейших разновидностей столичной посуды. Однако этот подход получил заметное развитие только в работах его последователей.

В качестве основного критерия хронологического разделения керамических комплексов М.Г. Рабинович предложил использовать количественное соотношение представленных в них типов. Этот принцип в настоящее время является методической основой хронологии московских керамических наборов. Выделенные исследователем комплексы XV в. не отличались устойчивым составом. Основная тенденция в их развитии, по М.Г. Рабиновичу, состояла в непрерывном изменении соотношений преимущественно трёх типов: росте количества красной керамики при уменьшении серой – в первой половине столетия, и незначительном уменьшении красной при увеличении доли морёной – во второй его половине (*Рабинович,* 1971. С. 107, рис. 24). Существенные различия, позволяющие сколько-нибудь надёжно разграничить хронологически разные комплексы, были выделены автором только для XIV и XVI вв. Тем не менее, опираясь на абсолютную датировку сопутствующих строительных материалов (кирпичей), он датировал ряд сооружений рамками XV столетия. Все они стратиграфически связаны со вторым культурным слоем г. Москвы второй половины XIV – первой половины XVII вв. (*Рабинович,* 1971. С. 48–68, 74). Для каждого из них характерно высокое содержание красной керамики, составляющей около половины всего количества находок.

[36] Цвет керамики определяется как обжигом, так и особенностями глинистого сырья. Поэтому, эта характеристика, связанная сразу с двумя выделенными признаками, однозначно не определяет значения ни одного из них.

[37] Среди них описаны следующие: поливная, ангобированная, чёрная лощёная, морёная, белая, красная (тождественная красной грубой статьи 1949 г.), красная лощёная, серая, среднеазиатская (на кашинной основе), курганного типа, городищенская, серая толстостенная, красная ранняя, поливная ранняя, раннекруговая, амфоры.

В 1968 г. вышла в свет монография Р.Л. Розенфельдта, представляющая собой ещё один обзор керамики столичного производства. Её источниковая база включала в себя коллекции, собранные московской экспедицией в 1953–1964 гг. Предложенная автором классификация опиралась на различия в технике изготовления гончарных изделий, на более ясные и более однозначные в определении технологические характеристики. Особое значение среди них имели: вид глинистого сырья, способ обжига, особенности обработки внешней поверхности. Всё многообразие столичной гончарной посуды было охвачено семью группами: керамикой домонгольского времени (курганного типа), красноглиняной (включающей в себя краснолощёную как разновидность), ангобированной, чернолощёной и морёной, белоглиняной, поливной, привозной. Хронологические рамки бытования большинства из групп оказались достаточно широкими. Некоторые из них были образованы путём объединения отдельных типов, выделенных М.Г. Рабиновичем. Прослеживая исторические изменения в профилировке красноглиняных сосудов, Р.Л. Розенфельдт обратил внимание на стандартизацию форм отдельных разновидностей, бытовавших в течение ограниченных промежутков времени. Особое значение для получения «керамических маркеров» XV в., имело выделение серийных красноглиняных горшков с вертикально поставленным венчиком, «слегка утопленным внутрь сосуда», впоследствии получивших наименование «красноглиняных гладких» (*Розенфельдт,* 1968. С. 14, 15).

Современные представления нижегородских археологов о систематике и хронологии гончарной посуды г. Москвы во многом сложились по материалам сборника статей, посвящённых систематизации коллекций исследований 80-х гг. прошлого века (Московская керамика…, 1991). Его отличают направленность на описание эталонных, датированных по стратиграфическим привязкам и письменным источникам комплексов, выяснение исторической динамики состава керамических наборов, построение серий сравнительно узко датированных форм в рамках ранее выделенных керамических типов и групп. При систематизации особое значение имело разделение материала по сочетанию вида используемого глинистого сырья и степени зернистости отощителя. Неоднозначность в определении предложенных М.Г. Рабиновичем типов исследователи предприняли попытку преодолеть путём выявления характерной профилировки изделий. Так, в качестве главного отличия красноглиняной (красной) посуды от предшествующей ей серой, И.А. Бойцов предложил рассматривать различия в формах венчиков, а не характер отощителя и обжига. По его мнению, главным признаком красноглиняной керамики является треугольный профиль краевого окончания венчика, а серой – закраина в виде «округлой припухлости на внутренней стороне» (*Бойцов,* 1991. С. 35). По сочетанию рецептуры теста, качества обжига, деталей профилировки и особенностей нанесения орнамента красная керамика, была разделена на две основные группы – красноглиняную грубую и красноглиняную гладкую. К содержанию этих понятий у авторов сборника проявились различные подходы.

И.А. Бойцов акцентировал внимание на морфологии. Придавая первостепенное значение деталям профилировки, он предложил соотнести признаки этих типов со «стандартами» московских горшков двух массовых серий. По его мнению, для красноглиняных грубых сосудов характерны: плавно переходящий в плечики немного отогнутый наружу венчик с треугольным профилем краевого окончания, разреженная линейная орнаментация на верхней половине тулова, добавка в виде крупнозернистого песка, «…самый разнообразный…» обжиг (*Бойцов,* 1991. С. 35). «Классические» красноглиняные гладкие горшки отличаются от них вертикальной постановкой венчика, соединённого с туловом участком с резким перегибом профиля; зонным орнаментом из 2–4 линий, нанесённых на верхнюю поверхность плечиков; примесью мелкозернистого песка, красным однородным цветом черепков (*Бойцов,* 1991. С. 38). Горшки первой «стандартной» серии по включающим их комплексам датируются серединой XIV – серединой XV вв., горшки второй серии – второй половиной XV – началом XVI вв.[38]

Другой подход продемонстрирован в статьях С.З. Чернова (1991а, 1991б). Отдавая должное значению морфологических признаков, при различении красноглиняных грубых и гладких сосудов этот автор предпочёл полагаться на их технологические особенности. К красноглиня-

[38] Отнесение И.А. Бойцовым «классических» красноглиняных гладких горшков с вертикальными венчиками и зонным орнаментом исключительно к первой половине XVI в. (*Бойцов,* 1991. С. 39; рис. 1Д) противоречит массовому присутствию осколков этих сосудов в комплексах, сложившихся до московского пожара 1493 г. (см.: Московская керамика…, 1991. Табл. 85, 86, 93–98).

ной гладкой посуде исследователь причислил изделия различной профилировки и даже разных форм (как горшки, так и миски), а её хронологические рамки расширил до XVI–XVII вв., что явно выходит за пределы бытования «классических» красноглиняных гладких горшков И.А. Бойцова.

Нельзя не отметить, что различия в определяющих признаках двух важнейших разновидностей московской керамики XV в. предполагают и разные подходы к отбору систематизируемого материала. В одном случае для выяснения типических особенностей необходимо обращение если не к целым формам, то, как минимум, к крупным фрагментам верхних частей сосудов, во втором – вполне достаточны даже неорнаментированные и морфологически не выраженные обломки стенок. Очевидно, что венчики, отражающие детали профилировки, как правило, позволяют наметить заведомо более узкий хронологический интервал, чем стенки, отнесённые к этим же типам сосудов только по характеру теста и качеству обжига.

Помимо переходных вариантов, имеющих ограниченное распространение, в сборнике 1991 г. подробно описано девять основных типов московской керамики, имеющих первостепенное хронологическое значение. Это – курганная, серая, красноглиняная грубая, красноглиняная гладкая, краснолощёная, ангобированная, белоглиняная грубая, белоглиняная гладкая, чернолощёная и морёная посуда. По градации количественных соотношений между этими типами в эталонных комплексах, авторы разработали хронологию керамических наборов Москвы в пределах полувековых промежутков.

Для первой половины XV в. в качестве эталонных московских керамических наборов предложено рассматривать керамику постройки 2 селища Михайловское-2 (*Чернов,* 1991а. С. 30) и сруба № 7, изученного в Историческом проезде (*Бойцов,* 1991. С. 36; табл. 79). Поселение на месте селища Михайловское-2, , по сведениям из актового материала, перестаёт существовать в середине XV в. (к 1455 г.). Его керамический комплекс состоит из сочетания преобладающей красноглиняной керамики и краснолощёной (до 5%). Первая представлена сосудами, весьма далёкими по орнаментике и профилировке от красноглиняных грубых горшков, описанных И.А. Бойцовым (Московская керамика…, 1991. Табл. 70, 71). Малочисленные находки из заполнения сруба № 7 датированы по стратиграфии: связанную с ним постройку перекрывает сооружение с берестяной грамотой второй половины XV в.

Для оценки ситуации во второй половине XV в. привлечены материалы трёх построек, погибших в пожаре 1493 г. (или несколько ранее)[39], сооружения, перекрытого слоем строительства Китай-городской стены (1535–1538 гг.), и ямы у церкви Вознесения в Коломенском, заполненной (по стратиграфическому положению) ещё до строительства церковного здания в 1531–1533 гг. (*Чернов,* 1991б. С. 50). Все эти комплексы, за исключением последнего, имеют значительную примесь находок из более ранних разрушенных напластований, что затрудняет оценку присутствия в них образцов, характерных для последующего периода. С учётом не содержащего ранней керамики «чистого» комплекса из Коломенского, основной массив бытовой московской посуды во второй половине XV в. состоял из стандартизированных «классических» красноглиняных гладких горшков, массово представленных в наиболее обширных для этого периода комплексах ямы 1 Монетного двора и ямы 2 Исторического проезда (Московская керамика…, 1991. Табл. 85, 86, 93–98).

В целом для московских комплексов первой половины XV столетия характерно доминирование красноглиняной грубой керамики при незначительном содержании краснолощёной (порядка 5%) и отсутствии серой. При этом, как в оформлении венчиков, так и в орнаментике нет единообразия. Гончарные наборы второй половины XV в. отличает доминирование красноглиняной гладкой (до 75–81%), отсутствие красноглиняной грубой и появление редких образцов «карбонизированной» (морёной и чернолощёной), ангобированной и белоглиняной грубой посуды (Московская керамика…, 1991. С. 58, рис. 2). Последний тип, по замечанию С.З. Чернова, был распространён на обширном пространстве «…от верхнего Дона до Белого моря и от Смоленщины до Сибири» (*Чернов,* 1991б. С. 51). Он определяется по беложгущемуся тесту с примесью песка или кварцитов, что проявляется в шероховатой поверхности изделий. Формы представлены кувшинами и горшками с «подшарообразным» туловом и венчиками с

[39] Ямы 1 и 4, изученные при раскопках на Монетном дворе в 1987–1988 гг., яма 2 раскопа в Историческом проезде.

наружным краевым утолщением округлого или овального сечения. В период наибольшего распространения этих сосудов (в первой половине XVI вв.) доля красноглиняной гладкой посуды уменьшается до 3–11% (*Чернов,* 1991б. С. 51).

Завершив краткий экскурс в историю изучения московской керамики, познакомившись с основными её разновидностями, бытовавшими в XV в., обратимся к керамике нижегородской. Её первая систематизация была предложена Н.Н. Ворониным при описании материалов раскопок 1960 г. (*Воронин,* А-1960). Опираясь на опыт работы в других русских городах, исследователь выделил лепную, «домонгольскую», красную среднюю, подлощёную красную, чёрную лощёную, белую тонкостенную и ещё три группы привозной посуды (амфорную тару, красную «болгарскую» и поливную). Основную массу средневековой гончарной керамики он разделил на «домонгольскую» и красную среднюю. Если первую он выделил по характерной профилировке края горловины, то при атрибуции второй опирался на сочетание таких характеристик как тонкое тесто, гладкая поверхность, присутствие «менее моделированных» венчиков (*Воронин,* А-1960. Л. 7). Причисляя красную среднюю, наряду с чёрной лощёной и белой тонкостенной к «поздней» керамике, автор зафиксировал её появление «…в достаточно развитом виде по находкам из слоя под полом собора XIV в.…уже в первой четверти XIII в.». Заметим, что в статье, вышедшей задолго до раскопок в соборе Михаила Архангела, М.Г. Рабинович отождествил «красную среднюю» керамику Н.Н. Воронина с «красной грубой» московской (1949. С. 61).

При описании массового материала из раскопок на территории Нижегородского кремля В.Ф. Черников использовал терминологию М.Г. Рабиновича и Н.Н. Воронина. Гончарную посуду, бытовавшую после рубежа XIV–XV вв., он не разделял по сколько-нибудь дробным хронологическим группам, полагая, что «…керамика XV, XVI и XVII вв. представлена сосудами из красной глины («средними красными»), серолощёной, чернолощёной и сосудами из белой глины» (*Черников,* А-1964. Л. 23). Это обстоятельство, очевидно, стало причиной упоминания XV в. в общей датировке культурного слоя, отложившегося до строительства храма Михаила Архангела 1631 г. (*Черников,* А-1964. Л. 7).

Классификация нижегородской керамики, предложенная Т.В. Гусевой при обработке результатов раскопок 1988–1889 гг., построена в соответствии с систематизацией московской посуды Р.Л. Розенфельдта (*Гусева,* А-1988. Л. 3, прим. 1). Единственная местная группа так называемой «кухонной» керамики, была выделена исследовательницей не столько по сочетанию особенностей технологии или профилировки, сколько по специфическим следам использования – «закопчённости» внешней поверхности (*Гусева,* А-1988. Л. 5). Ещё одним нововведением стала группа «сероглиняной с грубыми примесями», в названии которой просматривается параллель с «серой» московской керамикой. При обработке коллекции 1989 г., это название было заменено на «сероглиняную грубую керамику», определённую по сочетанию плохого обжига, наличию грубых примесей и формам венчиков, «типичным для XII–XIII вв.» (*Гусева,* А-1989. Л. 3, 4). При этом её соотношение с московской курганной, красноглиняной грубой (или красной) и серой исследовательница не уточнила. В дальнейшем это обозначение получило широкое распространение при описании нижегородской гончарной посуды. С начала 90-х гг. оно встречается в отчётах Аникина И.С., Антонова Д.А., Ануфриевой И.В., Грибова Н.Н., Кикеева А.Н., Лапшина В.А., Очеретина И.А., Четвертакова Е.В., Шакуловой Л.Д. и некоторых других исследователей. К сероглиняной грубой керамике они причисляют весь массив средневековой русской посуды, выделенной по сочетанию красножгущегося сырья, посредственного обжига[40], примеси дресвы, крупно- или среднезернистого песка. Её датировка по сопутствующему инвентарю традиционно определяется в рамках промежутка XIII – начала XV вв. По рисункам венчиков из отчётных материалов и обзору коллекций легко заметить, что к данной группе отнесены сосуды сразу трёх, отчётливо не различимых по технологическим признакам, московских типов – курганные, серые и красноглиняные грубые.

В отчётах нижегородских исследователей, составленных после выхода в свет сборника 1991 г., появляется упоминание «красноглиняной гладкой» посуды. Неоднозначность в трактовке главных отличительных признаков соответствующих изделий, очевидно, отразилась в разно-

[40] Определяемому по тёмно-серому, бурому, светло-коричневому или неоднородному цвету поверхности черепка и серому или «трёхслойному» цвету его излома.

образии представлений об их датировке, сложившихся у исследователей Нижнего Новгорода. Одни авторы, ориентируясь на хронологическую таблицу комплексов, доведённую до рубежа XVI–XVII вв. (Московская керамика…, 1991. С. 58, рис. 2), формально датировали образцы этой группы промежутком второй половины XV–XVI вв. (*Грибов,* А-1999. Л. 19), другие, опираясь на технологические характеристики и, очевидно, мнение С.З. Чернова – второй половиной XV–XVII вв. (*Четвертаков,* А-2009а. Л. 17; *Данилов,* А-2008. Л. 56), а некоторые исследователи, обнаружив фрагменты хорошо и равномерно обожженных сосудов с незаметными на глаз примесями в составе керамики из позднейших сооружений, отодвинули верхнюю границу бытования «красноглиняной гладкой керамики» до XVIII–XIX вв. (*Ерёмин,* А-1997. Л. 417). Обзор венчиков, причисляемых исследователями Нижнего Новгорода к «красноглиняным гладким» сосудам, наглядно демонстрирует отсутствие представлений о связи этой группы с какой-либо присущей её характерной профилировкой (рис. 22).

Наиболее последовательно классификация и терминология московской керамики, нашедшие отражение в сборнике 1991 г., были перенесены на нижегородский материал И.О. Ерёминым при обработке материалов раскопок на Театральной площади 1997 г. (*Ерёмин,* А-1997. Л. 413–419). Весь массив собранных керамических фрагментов, вне зависимости от их морфологической выразительности, он разделил на четырнадцать групп, выделив курганную, серую, красноглиняную грубую, красноглиняную гладкую, краснолощёную, белоглиняную грубую, белоглиняную гладкую, чернолощёную, морёную, ангобированную, зеленополивную, красно-коричневую поливную, мордовскую лепную и серую с ангобом керамику (*Ерёмин,* А-1997. Л. 413–419). Не акцентируя внимания на деталях профилировки, явное предпочтение автор оказывает технологическим признакам, систематизируя даже небольшие маловыразительные фрагменты. Почти полное отсутствие среди иллюстраций отчёта образцов «классических» форм курганной, красноглиняной гладкой и белоглиняной грубой московской посуды указывает на искусственность соотнесения, по крайней мере, этих трёх выделенных им групп с известными типами московской керамики. Вместе с тем при датировке комплексов И.О. Ерёмин, используя опыт своих московских коллег, опирался на состав керамических находок и на количественное соотношение представленных в них групп. Детально не оговаривая признаки керамических наборов XV в., он причислил к этому столетию целый ряд комплексов (*Ерёмин,* А-1997. Л. 100–114, 430–434). Решающим обстоятельством для их датировки послужило присутствие красноглиняной грубой или красноглиняной гладкой посуды среди преобладающих образцов более ранней серой керамики при отсутствии фрагментов морёных, чернолощёных и белоглиняных гладких сосудов.

Установив терминологические соответствия, обратимся к поиску возможных параллелей между нижегородскими и московскими керамическими комплексами XV в.

Основными разновидностями посуды в столичных керамических наборах XV в. являются красноглиняная грубая, красноглиняная гладкая и, в меньшей степени, белоглиняная грубая керамика. С каждой из этих групп можно связать характерные особенности профилировки и орнаментики, системно сочетаемые в большинстве образцов изделий из эталонных комплексов. Только по морфологическим признакам можно установить аналогии московской красноглиняной грубой керамики среди местной сероглиняной грубой посуды, «классической» красноглиняной гладкой среди нижегородских хорошо обожженных изделий из тонкого красножгущегося теста, белоглиняным грубым московским горшкам – в массиве белоглиняных сосудов с грубыми примесями.

Образцы, близкие по профилировке и орнаменту к московской красноглиняной грубой посуде, известны на памятниках Нижегородского Поволжья[41]. Здесь их распространение очерчивается промежутком середины XIV – начала XV вв., в наиболее ранних, датированных монетами Василия Тёмного чеканки 1446–1462 гг. комплексах пригородного поселения Городок, они отсутствуют. Фрагменты сосудов, подобных московским «классическим» красноглиняным гладким горшкам в Нижнем Новгороде и на памятниках его округи встречаются очень редко. За десятилетия исследований не встречено ни одного комплекса, который по насыщенности фрагментами таких изделий можно было бы поставить в один ряд с ямой 1 Монетного двора или ямой 2

[41] См., например: *Грибов,* 2006. С. 66, 90, рис. 8 (группа 13).

Исторического проезда (Московская керамика…, 1991. Табл. 85, 86, 93–98). Среди керамики из красножгущейся глины они не доминируют ни в одном известном нижегородском комплексе. Что касается белоглиняной грубой посуды, с уверенностью к ней можно отнести лишь единичные образцы, происходящие из нескольких нижегородских раскопов. Мнение И.О. Ерёмина о появлении её в Нижнем Новгороде ещё в XIII–XIV вв., вероятно, порождено непреднамеренной подменой понятий. Полагаясь при атрибуции исключительно на технологические характеристики, исследователь причислил к ней фрагменты изделий из района Верхней Волги и Валдая (см. например: *Ерёмин,* А-1997. № 22422. Илл. 54, *1*). Эти изделия легко выделяются среди нижегородской керамики не только по цвету, но и по оформлению краевых окончаний (в виде «шпоры»), сочетанию линейного и ногтевого орнамента (*Буров,* 2003. С. 47–60). Отдельные образцы таких сосудов из беложгущегося теста с примесью дресвы (среди которых известно несколько полных профилей) происходят из сооружений второй половины XIII–XIV вв., изученных как в Нижнем Новгороде, так и на селищах его округи (*Грибов,* 2009. С. 328).

Таким образом, использование датирующих возможностей статистики этих трёх типов московской керамики, определяющих состав керамических наборов XV в., для хронологической атрибуции нижегородских керамических наборов нельзя признать состоятельным. Совершенно очевидно, что нижегородские комплексы гончарной посуды XV в. существенно отличаются от единовременных московских, как по составу и разнообразию форм, так и по технологии изготовления преобладающей части сосудов. Среди существенных отличий можно назвать следующие:

1. На нижегородской земле использование серой керамики (сосудов с грубыми примесями и венчиками с «округлой припухлостью на внутренней стороне») продолжалось ещё в середине XV в.[42], тогда как в «чистых» эталонных московских комплексах она уже не встречается в первой половине этого столетия (*Чернов,* 1991а. С. 20, 30).

2. Основная масса местной посуды из красножгущегося сырья середины – второй половины XV в. технологически более архаична по сравнению с единовременной московской. Она представлена преимущественно посредственно обожжёнными изделиями, в тесте примерно каждого третьего из них есть хотя бы незначительная добавка дресвы, отсутствует доминирование одной или нескольких типических форм (профилировки в целом очень разнообразны).

3. В нижегородских комплексах белоглиняная гладкая посуда (МБК-2 по В.Ю. Ковалю) массово встречается вместе с монетами Ивана III, тогда как в быту москвичей она становится заметным явлением лишь с середины XVI столетия (*Коваль,* 2001. С. 107).

4. Характерный колорит местным керамическим наборам XV в. придаёт лепная мордовская посуда.

Выявленные различия, конечно, не побуждают полностью отказаться от использования московских аналогий. При атрибуции нижегородских комплексов, очевидно, можно и нужно опираться на отдельные образцы московских серийных изделий, распространение которых, судя по составам эталонных комплексов, имело достаточно узкие временные рамки. Так, фрагменты «классических» красноглиняных гладких и белоглиняных грубых горшков, красноглиняных ангобированных расписанных охрой и чернолощёных кумганов могут служить опорными маркерами при выяснении датировки местных керамических наборов. Вместе с тем, при поиске аналогий профилировкам основной массы гончарных изделий, установлении параллелей в статистических соотношениях различных технологических групп более надёжно опираться на комплексы Городка, чем на эталонные московские коллекции. При всех своих особенностях, этот памятник оставлен на нижегородской земле в непосредственной близости от стен средневековой нижегородской крепости. По объёму керамического материала его комплексы нисколько не уступают московским, на которые до сих пор ориентировались нижегородские исследователи[43]. Кроме того, есть основания полагать, что от большинства последних керамические наборы Городка выгодно отличаются отсутствием случайных находок, попавших в котлованы построек при нарушении более ранних напластований.

[42] См., например, описание форм венчиков типа 3.6 красноглиняной керамики Городка.

[43] Наиболее крупные коллекции, происходящие из опорных столичных комплексов второй половины XV в. состоят из 619 и 700 фрагментов керамики (яма 1 Монетного двора и яма 2 Исторического проезда, см.: *Чернов,* 1991б. С. 50). Наиболее объёмный комплекс Городка (яма 1/2) насчитывает 2507 обломков сосудов.

ОСВОЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ТЕРРИТОРИИ В XV ВЕКЕ

Каменный город

Поиски следов освоения городского пространства средневекового Нижнего Новгорода в XV столетии начнём с его древнейшей части, очерченной в начале XVI в. стенами кирпично-каменного кремля. Заложенные здесь раскопы тяготеют к Часовой горе – широкому мысу при устье р. Почайны, занимающему большую часть города Юрия Всеволодовича. Наиболее масштабные исследования проводились здесь на четырёх основных участках. Это район собора Михаила Архангела, юго-западная периферия кремля XVI в. (между Тайницкой башней и зданием областного Законодательного собрания – корпусом № 2), окрестности южной линии дерево-земляных укреплений древнейшей нижегородской крепости близ кремлёвской стены между Коромысловой и Дмитровской башнями.

В храме Михаила Архангела и в непосредственной близости от него раскопки проводились Н.Н. Ворониным в 1960 г. и В.Ф. Черниковым в 1964, 1973 гг. (рис. 1). Несмотря на довольно значительную вскрытую общую площадь (около 335 кв.м), можно согласиться с мнением С.Л. Агафонова, полагавшего, что даже после проведения раскопок, история собора в XV–XVI веках так и осталась не выясненной (*Агафонов,* 2008. С. 81). Каких-либо артефактов, узко датированных в пределах XV столетия, культурных отложений или иных археологических объектов, которые можно было бы надёжно связать с этим периодом, не было найдено ни внутри храма, ни в непосредственной близости от его стен. Информационные возможности полученных на этом участке археологических материалов ограничены контекстом зафиксированной стратиграфической ситуации.

Вскрытые внутри церковного здания непотревоженные культурные напластования разделены горизонтами полов каменных соборов XIV и XVII вв. На стерильной погребённой почве обнаружен средневековый городской слой мощностью до 50 см с инвентарём XIII–XIV вв. – осколками стеклянных браслетов и перстней, импортной поливной керамикой, обломками краснолощёных сосудов и привозной амфорной тары. Присутствие в слое краснолощёной посуды в пропорции (3,6%, см.: *Воронин,* А-1960. Л. 7), характерной для местных комплексов середины XIV – начала XV вв.[44], формы венчиков рядовой посуды, значительная мощность отложений (до 50 см), накопившихся, по мнению Н.Н. Воронина, всего за шесть первых лет существования города[45] – всё это заставляет усомниться в узкой «домонгольской» датировке этого слоя, предложенной автором раскопок. В целом, обнаруженные в надматериковом слое разновидности венчиков как минимум от пяти десятков различных сосудов, скорее соответствуют массовым находкам из нижегородских сооружений второй половины XIII – начала XV вв., чем комплексам второй половины XII – начала XIII вв. городов Северо-Восточной Руси (см.: *Воронин,* А-1960. Таблица керамики).

Покрытие пола первого каменного собора лежит на прослойке белокаменной щебёнки, пролитой строительным раствором. Оно состоит из оригинальных квадратных кирпичей с фигурными выемками, заполненными алебастром. Образуемая ими поверхность зафиксирована в нарушенном состоянии: пол продавлен, слагающие его кирпичи расколоты. Перекрывающая его углистая прослойка могла сохраниться от пожара, положившем начало запустению церковного строения. Время этого события по монете Василия Дмитриевича московского[46], извлечённой из расщелины между двумя кирпичами напольного покрытия, можно связать, скорее, с событиями зимы 1408–1409 гг., чем с разорением Нижнего Новгорода после Пьянского побоища в 1377 г.[47] Промежуток между полами соборов 1359 и начала 30-х гг. XVII в. заполнен однородным гумусированным слоем небольшой мощности (до 10–15 см) с включением костей животных, осколков бытовой чернолощёной (89 фр.), белой тонкостенной (67 фр.) и красной средней (67 фр.) керамики (*Воронин,* А-1960. Л. 5). Присутствие значительного количества обломков

[44] См.: *Грибов,* 2006. С. 71.

[45] От его основания в 1221 г. до указанной Нижегородским летописцем даты строительства первого каменного собора (1227 г.).

[46] Атрибутирована Н.Д. Мец (*Воронин,* А-1960. Л. 6).

[47] Что предполагал автор раскопок: *Воронин,* А-1960. Л. 21.

чернолощёных сосудов исключает возможность отнесения начала активной фазы образования этого отложения к XV в. Бытовой мусор, очевидно, стал массово проникать во внутреннее пространство руинированного храма[48] не ранее середины XVI в., когда производство чернолощёной посуды было налажено в Москве и она постепенно стала переходить в разряд повседневной утвари. Принимая во внимание небольшую мощность содержащего её слоя, его формирование, скорее всего, можно отнести к периоду непосредственно предшествующему строительству собора 1631 г.

Два культурных гумусовых горизонта, заметно разнящиеся по составу находок, зафиксированы и в непосредственной близости от стен храма: лежащий на материковом основании средневековый слой здесь также перекрыт напластованиями с чернолощёной посудой. Фрагменты последней встречены и в заполнениях многочисленных котлованов построек XVI–XVIII вв., перерезающих слой с керамикой XIII – начала XV вв. Наиболее ранние из этих «поздних» построек датируются по печным неполивным изразцам, строительным материалам, использованным при сооружении позднейшего шатрового храма Михаила Архангела, включениям оконной слюды. Из стратиграфического горизонта с этими находками происходят медное «легковесное» московское пуло и круглая подвесная печать Иоакима Крепости, датированная В.Л. Яниным XVII – началом XVIII вв. (*Черников,* А-1964. Л. 20).

Описанная стратиграфия зафиксирована с трёх сторон от собора – в 10 м к западу от его западного притвора в шурфе 1964 г. (24 кв.м), в 19 м к югу от южного притвора на раскопе 1964 г. (112 кв.м) и в 15 м к востоку от апсид его алтарной части на раскопе 1973 г.[49] На первых двух объектах средневековые отложения (мощностью до 30 см) и связанные с ними материковые ямы, помимо широко распространённого инвентаря (осколков стеклянных браслетов, фрагментов железных цилиндрических замков, ножей и проч.), включали в себя обломки привозной поливной посуды золотоордынского времени и были перекрыты прослойкой строительного мусора, вероятно, оставшегося от возведения каменного собора 1359 г. Следует отметить, что в заполнении всех сооружений, перерезающих этот строительный горизонт, найдены фрагменты чернолощёной посуды.

Вызванное пожаром разрушение средневекового собора Михаила Архангела, повлекшее за собой длительный период его запустения, по данным археологических раскопок, могло произойти не ранее начала монетной чеканки великого московского князя Василия Дмитриевича (1389 г.). Поэтому окончательное разрушение средневекового храма (1359 г.), скорее всего, можно связать с катастрофическим разорением города и его округи зимой 1408–1409 гг.

Согласно текстам полной редакции Нижегородского летописца и Синодика Архангельского собора, читаемого по умершим в середине XVIII в., в храме были погребены некоторые представители дома нижегородско-суздальских князей (Полная редакция Нижегородского летописца…, 2006. С. 155; *Макарий (архимандрит),* 1999. Прим. на с. 302). Имена погребённых лиц с великокняжеским титулом (два Иоанна, два Василия, Иона, Зиновий, Зосима и Ирина) встречаются и в более ранних текстах – Синодиках Печёрского монастыря 1552, 1595 и 1648 г. (*Шайдакова,* 2006. С. 90). Однако их отождествление с известными историческими персонажами является непростой задачей, что ещё в середине XIX в. привело к предложению разных вариантов её решения (см.: *Макарий (архимандрит),* 1999. С. 301, 302; Храмцовский, 1998. С. 238). Так как погребение великих нижегородско-суздальских князей в эпоху политической самостоятельности княжества и сразу после её утраты происходило в городском Спасо-Преображенском соборе, можно предположить, что позднее, уже при московских наместниках, для захоронения представителей местной родовой аристократии могла использоваться бывшая домовая церковь нижегородского князя Андрея Константиновича, превращённая таким образом в родовую усыпальницу (*Макарий (архимандрит),* 1999. С. 301; *Агафонов,* 1987. С. 118, 119). Безынвентарные погребения в деревянных колодах, вскрытые в 1960 г. у северной стены средневекового храма за пределами его основного объёма, к сожалению, крайне сложно датировать.

[48] При составлении писцового описания Нижнего Новгорода в начале 20-х гг. XVII в. было отмечено, что «соборная церковь Архангела Михаила каменная, ветха, развалилась, и службы в неі нѣт давно», а связанная с ней церковная утварь хранится в рядом стоящей деревянной церкви святого апостола Иоанна Богослова (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 20).

[49] До материка здесь исследовано около 33 кв.м.

Согласно чертежу стратиграфического разреза (по линии 8 – 8), они были совершены ещё до образования самого раннего, лежащего на погребённой почве, средневекового слоя (*Воронин,* А-1960). Тем не менее, письменные источники позволяют предположить, что в XV в. собор мог использоваться для совершения захоронений. Наверное, только с исчезновением у местного населения активной памяти о нижегородских князьях, местах их погребения, могилах, в руинах храма Михаила Архангела началось накопление бытовых отходов, о чём свидетельствует слой с включением фрагментированных костей животных, обломками белоглиняных и чернолощёных сосудов, разделяющий половые покрытия церковных зданий 1359 и 1631 гг.

Если длительное отсутствие следов хозяйственной деятельности на территории, примыкающей к стенам собора Михаила Архангела, могло быть вызвано особым отношением к этой нижегородской святыне со стороны местных властей и простых горожан, то это объяснение явно не подходит для объяснения перерыва в активном освоении других районов городской территории на протяжении большей части XV в.

На обширном пространстве в юго-западной части кремля, ограниченном пряслами его стен у Тайницкой башни и зданием областного Законодательного собрания (корпус № 2), располагаются наиболее значительные по размерам археологически изученные участки (рис. 1). В отчётах из архива Института археологии РАН кроме раскопов описано около двух десятков заложенных здесь малометражных шурфов[50]. Первые три раскопа, почти примыкающие один к другому, общей площадью 292 кв.м, во дворе кремлёвского корпуса № 2 были исследованы В.Ф. Черниковым в 1977–1979 гг. В 50 м к западу от них, на месте укладки фундамента под пристрой к зданию Управления Федерального Казначейства (корпуса № 1а), В.А. Лапшиным проведены раскопки на площади 970 кв.м в 2001–2002 гг. и Т.В. Гусевой на площади 27,62 кв.м в 2002 г. В 2007 г. в 50 м южнее от места работ 2001–2002 гг. под руководством И.О. Ерёмина начаты крупнейшие в истории археологических исследований Нижнего Новгорода раскопки на строительной площадке Дома Правительства (на площади более 3500 кв.м)[51]. В рамках этого проекта один раскоп был исследован под руководством Е.М. Пигарева (828 кв.м) в 2008 г. Всего в юго-западном секторе кремлёвской территории раскопами и шурфами покрыта площадь более 5600 кв.м.

Ни в одном заложенном здесь вскрытии не были обнаружены культурные напластования или заглублённые в материк сооружения, датировка которых включала бы в себя период середины – второй половины XV в. Средневековый культурный слой в этой части кремля был зафиксирован на участке пристроя к зданию Казначейства в 2001–2002 гг. в редких и узких промежутках между материковыми ямами (*Лапшин,* А-2001). Его верхняя хронологическая граница, по отсутствию белоглиняной гладкой керамики и доминированию фрагментов посуды с грубыми примесями и ранними формами (XIII – начала XV вв.), не доходит до середины XV в. На большинстве раскопанных площадок естественная дневная поверхность спланирована путём подрезки, уничтожившей средневековые напластования ещё в начале массового каменного строительства, а материк перекрыт отложениями XVIII–XIX вв. Почвоведческие наблюдения, проведённые на раскопе 2008 г., свидетельствуют о том, что почвенный покров в этой части кремля «был обезглавлен» на глубину от 70 до 100 см относительно своего первоначального уровня (*Пигарев,* А-2008. Л. 83–85). Поэтому главными объектами археологического изучения в этой части городской территории традиционно являются углублённые в материк сооружения – ямы и частокольные канавки. Наиболее ранние из них по находкам из заполнений датируются XIII – начала XV вв. или XVI–XVII вв.

Количественное соотношение сооружений этих двух периодов убедительно свидетельствует о более активном использовании этой территории в средневековый период: в раскопе В.А. Лапшина за границами позднейших перекопов на площади 460 кв.м вскрыто всего 8 ям

[50] Тринадцать шурфов заложены в районе строительства пристроя к зданию федерального Казначейства (2 шурфа исследованы Т.В. Гусевой в 1996 г., 4 – А.Н. Кикеевым в 2000 г., 6 шурфов и одна прирезка к коммуникационной траншее – Ю.В. Зарубиным в 2004 г.), четыре – по месту строительства дома Правительства в 2006 г. (Ерёмин И.О.), один – у Северной башни (*Бакулин,* А-2012в). Их общая площадь – около 47 кв.м. Часть шурфов впоследствии попали в обводы раскопов (шурфы И.О. Ерёмина, А.Н. Кикеева, шурф № 10 Ю.В. Зарубина).

[51] Составление научного отчёта по этим работам на момент написания данной главы ещё не было завершено. Краткую информацию об их результатах см.: *Николаенко,* 2015. С. 192.

XVI–XVII вв. и 69 ям XIII – начала XV вв. (А-2001); на раскопах И.О. Ерёмина и Е.М. Пигарева на площади более 4300 кв.м исследовано 158 котлованов средневековых построек и только 53 отнесены к XVI–XVII вв. (*Николаенко,* 2015. С. 193, 194); на раскопах В.Ф. Черникова общей площадью около 300 кв.м расчищено четыре постройки XIII–XIV вв. и только одна – XVI–XVII вв. (А-1977, А-1978, А-1979).

Изученные в этом районе нижегородской крепости средневековые сооружения входили в состав богатых усадебных комплексов. Кроме специфического набора сопутствующих им находок, для них характерна концентрация обширных подпольных ям со следами пристенной деревянной обшивки. По мнению В.А. Лапшина, близкие по размерам и конструкции подполья встречены на Городище под Новгородом, где они интерпретируются исследователями как составные части конструкции княжеского терема (*Грибов, Лапшин,* 2008. С. 142). Отличительной чертой собранной здесь коллекции является большое количество восточных импортов – вещей золотоордынских по своему происхождению или привезённых в город в устье Оки через Золотую Орду. По количеству находок фрагментов парадной поливной посуды, вышедшей из мастерских Византии, Хорезма, Ирана, городов Золотой Орды, собранных только на одном раскопе у здания Казначейства в 2001–2002 гг., Нижний Новгород опережает другие русские города (*Грибов, Лапшин,* 2008. С. 144). Преобладающие среди поливной посуды изделия на кашинной основе[52] представлены не только обычными для золотоордынских центров сосудами, но и сравнительно редкими даже для городов Нижнего Поволжья формами, покрытыми глухой салатно-зелёной поливой, имитирующей китайский фарфор (псевдоселадон), фрагментами иранских чаш ильханской эпохи с люстровой росписью, а также расписанные разноцветными эмалями и золотом «ладжвардином». Встречены обломки приседельных фляг с рельефным («колыбным») орнаментом, фрагменты штампованного сфероконуса для перевозки ртути и других дорогостоящих препаратов, многочисленные фрагменты амфорной тары и красноглиняных кувшинов с цветной поливой из Причерноморья, обломки украшенных тиснением фарфоровых селадоновых чаш из Китая. К числу обнаруженных на этом участке привозных изделий относятся несколько десятков осколков сиро-египетского стекла с росписью цветными эмалями и золотом, обломки чугунных и каменных сосудов, кашинные поливные бусы и привески, элементы бронзовой поясной гарнитуры, серебряные монеты Золотой Орды.

О высоком имущественном и социальном положении средневековых домовладельцев свидетельствуют обнаруженные на раскопе И.О. Ерёмина писала, книжные накладки и застёжки, клад из 14 серебряных гривен (*Николаенко,* 2015. С. 191), следы разнообразных ремесленных производств – бронзолитейного, косторезного, резьбы по янтарному камню. Представителю княжеской администрации могла принадлежать найденная на раскопе В.А. Лапшина костяная печать-матрица (*Грибов, Лапшин,* 2009. С. 145).

Обращает внимание стабильность средневековой застройки: подземные части отдельных построек имеют отчётливые следы неоднократного подновления (или возобновления). Так, в обширной подпольной яме 37 у здания Казначейства обнаружены следы трёх срубно-столбовых конструкций, последовательно сменявших друг друга на протяжении XIV в. Взаимопересечение котлованов двух средневековых сооружений («землянок» 1 и 2) зафиксировано на раскопах В.Ф. Черникова.

Возобновление сооружений на одних и тех же местах происходило и в XVI–XVII вв. Однако обнаружить отчётливые следы преемственности застройки этого времени по отношению к средневековой не удаётся. Все сколько-нибудь представительные керамические комплексы из материковых ям последующего за средневековьем периода характеризуются стабильным присутствием чернолощёной посуды. Редкие гончарные изделия и их фрагменты, типичные для промежутка второй половины XV – первой половины XVI вв., встречены на раскопах кремля исключительно в виде разрозненных включений в более поздних по времени формирования комплексах. Это фрагменты белоглиняных гладких горшков коломенского типа с разреженным линейным орнаментом, заходящим на плечико (*Лапшин,* А-2001. Табл. 11, *16*; 13, *б*); верхняя часть чернолощёного кумгана «раннего» облика (*Лапшин,* А-2001. Табл. 45); венчик красноглиняного гладкого горшка, вероятно, московского производства (*Лапшин,* А-2001. Табл. 18,

[52] Собрано 342 фрагмента с 460 кв. м раскопанной площади.

31); обломки краснолощёных кувшинов с краевыми окончаниями в виде наружного валика или «широкой манжеты» (*Лапшин,* 2008. Табл. 2, *14*; 14, *19*; 35, *1*). В качестве примеров обнаруженных на этом участке находок, время бытования которых хотя бы частично приходится на XV столетие, можно указать на фрагментированную красноглиняную фигурку игрушки-лошадки с белым ангобом и чёрной росписью (*Лапшин,* 2008. Табл. 93, *2194*), пластинчатые железные ножи (*Лапшин,* 2008. Табл. 76, *375, 484, 594, 2198, 2889, 1599*), ключ от сничного замка[53] (*Лапшин,* 2008. Табл. 84, *1626*). Весь этот материал, как и хронологически близкая ему керамика, разрознен и не образует отдельных комплексов.

С южной стороны рассмотренный участок ограничен древнейшими дерево-земляными укреплениями, проходившими здесь от засыпанного ныне оврага, прорезавшего правый берег р. Почайны, до истока оврага Ивановского спуска. Окончательная нивелировка укреплений произошла в XIX в., что подтверждается не только картографическими материалами, но и археологическими наблюдениями И.О. Ерёмина (2007 г.), Е.М. Пигарева (А-2008) и И.А. Очеретина (А-1994).

Интересные результаты, проливающие свет на историю освоения кремлёвской территории, получены Т.В. Гусевой в 1989 г. при раскопках в районе восточной, примыкающей к Ивановскому спуску, части указанного отрезка укреплений длиной около 230 м. В трёх траншееобразных раскопах (общей площадью около 250 кв.м) вскрыты подрезанный сверху останец оборонительной насыпи с тленообразными следами внутривальных деревянных клетей и участок с перемещённым по ходу нивелировки укреплений вальным грунтом. Если земляная насыпь вала подстилается погребённой почвой[54], то связанный с ней перемещённый (сдвинутый) грунт, зафиксированный внутри крепости на раскопе 2, перекрывает лежащий на материке культурный слой. Время формирования последнего, как и датировка двух впущенных с уровня материка ям (№№ 1 и 2)[55], определяется по включениям осколков стеклянных браслетов, кашинных золотоордынских сосудов, ключей от цилиндрических замков XIII–XIV вв., и может быть ограничено (сверху) началом – первой половиной XV в. (*Гусева,* А-1989. Л. 27). Микростратиграфические наблюдения, выполненные Т.В. Гусевой при изучении пластов сдвинутого вала, позволили прийти к заключению о нескольких (четырёх) этапах нивелировки насыпи: толща смещённого грунта разделена узкими слабо гумусированными прослойками, оставшимися от сезонной растительности, которой всякий раз покрывалась поверхность деформированной насыпи после очередного разравнивания. Показательно, что керамика из нижней части смещённого вального грунта, помимо фрагментов средневековых сероглиняных грубых сосудов, представлена обломками белоглиняных и красноглиняных изделий при отсутствии чернолощёных (8 и 9 пласты). Там же были обнаружены обломок красноглиняной игрушки-лошадки с белым ангобом XV – середины XVI вв.[56] и железный пластинчатый нож, напоминающий по четырём крепёжным отверстиям на рукоятке пластинчатые ножи Городка (*Гусева,* А-1989. Илл. 88, *12*; 89, *2*). Присутствие белоглиняной и красноглиняной керамики при отсутствии чернолощёной отмечено и в линзе намытого («просевшего») грунта, перекрывшего заполнение ямы 2, законсервированной пластами сдвинутой насыпи. Все эти факты позволяют ограничить первый этап разрушения древнейших нижегородских укреплений второй половиной XV – серединой XVI вв. и констатировать факт отсутствия застройки на изученном рядом с ними участке в середине – второй половине XV столетия.

Знаменательно, что полученная оценка временного интервала, ограничивающего начальный этап нивелировки крепостного вала, включает в себя дату возведения кирпично-каменного кремля (первое десятилетие XVI в.). Вероятно, снос дерево-земляных укреплений и строительство кремля проходили единовременно или были разделены небольшим промежутком времени.

К объектам XIV–XV вв. Т.В. Гусева отнесла срубные конструкции, предположительно охарактеризовав их как остатки инженерных сооружений, крепивших борт Ивановского оврага,

[53] Типа Д или Е по Новгородской классификации.

[54] На участке В раскопа 1 под валом зафиксировано зольное пятно.

[55] С находками в виде фрагментов стеклянных браслетов, части железного цилиндрического замка, гончарной красноглиняной керамики с грубыми примесями.

[56] Длина изделия более 6 см, см.: *Розенфельдт,* 1968. С. 24.

или как опоры моста через него (*Гусева,* А-1989. Л. 13). Основанием для датировки послужили находки из самой верхней части заполнений этих сооружений, а также из пластов окружающего грунта. К ним отнесены преобладающие фрагменты керамики с грубыми примесями и формами, характерными «...для XIII–XV вв., днища сосудов с клеймами и сапожные головки с тиснением, бытовавшие в XV–XVI вв.» (*Гусева,* А-1989. Л. 13). Обнаруженные головки кожаных сапог с треугольным вырезом в носочной части, куда вшивался загнутый носок подошвы (*Гусева,* А-1989. Илл. 34, *1, 2*), в Москве получили широкое распространение с середины XV в. и повсеместно – в XVI в., хотя их единичные находки известны и в более ранних напластованиях (например, в слое первой трети XIV в. г. Коломны) (*Осипов,* 2006. С. 51). Однако, найденные в одном комплексе с ними наборные каблуки (*Гусева,* А-1989. Л. 12), состоящие из совокупности полукруглых кожаных пластин-фликов, появляются только в середине XVI в. (*Осипов,* 2006. С. 55), что делает предложенную исследовательницей датировку несостоятельной. Насыщенность заполнения ложа Ивановского оврага[57] осколками чернолощёной посуды[58], отсутствие соответствующих XV в. датирующих находок не позволяют охарактеризовать этот участок как территорию со следами застройки или активного хозяйственного освоения в течение большей части указанного столетия. Шурф, заложенный в 2009 г. невдалеке от восточного окончания раскопа 1 1989 г., в районе бровки восточного склона Ивановского оврага, отчётливо зафиксировал предполагаемый перерыв в истории освоения. Слои с доминированием средневековой керамики XIII – начала XV вв., определяемой не только по формам венчиков, но и по крупнозернистым примесям в тесте, оказались перекрыты отложениями с включениями осколков чернолощёной, белоглиняной гладкой, и кирпично-красной с белым ангобом посуды XVI–XVIII вв. (*Четвертаков,* А-2009а).

Между оврагом Ивановского спуска и бровкой Волжского откоса археологические изыскания были сосредоточены преимущественно на узкой, шириной не более 25 м, полосе, отделяющей кремлёвскую стену от линии спланированных дерево-земляных укреплений. Большая часть раскопанных здесь площадок вплотную подходили к внутренней стороне стены кирпично-каменного кремля, но не пересекали линию рва первой нижегородской крепости. Проведённые здесь исследования были обусловлены работами по реконструкции примыкающего к кремлёвской стене здания нижегородского арсенала, постройки начала 40-х гг. XIX в. Всего при этих работах раскопками было охвачено около 2160 кв.м. Однако ко времени составления настоящего обзора была завершена[59] обработка материалов не всех проведённых здесь изысканий, и полноценное представление можно было получить только о результатах исследований А.М. Губайдуллина 2007 г. (раскоп 440 кв.м) и Е.В. Четвертакова 2009–2010 гг. (раскоп и шурфы общей площадью 62,87 кв.м).

Зафиксированная в этой части кремля стратиграфия в целом напоминает ситуацию в районе здания Казначейства. На локальных участках материка здесь обнаружен маломощный средневековый слой, датируемый по керамике с крупнозернистыми примесями XIII – началом XV вв. Он перекрыт позднейшими напластованиями XVIII–XIX или XIX–XX вв., начало формирования которых близко ко времени строительства здания арсенала. По предположению А.М. Губайдуллина, хронологическипромежуточные отложения XV–XVIII вв. были срезаны во время его строительства (*Губайдуллин,* А-2007). Как и на территории детинца, на этом участке, примыкавшем с внешней стороны к его укреплениям, среди вскрытых сооружений количественно преобладают котлованы построек, маркирующих средневековую застройку до начала – середины XV в. Керамические комплексы материковых ям последующего периода характеризуются доминированием белоглиняной гладкой посуды и датируются не ранее рубежа XV–

[57] Вскрытого раскопом частично, не на полную глубину врезки.

[58] В самом нижнем 15 пласте не до материка разобранного заполнения, насыщенном грунтовыми водами, преобладала белоглиняная гладкая керамика (44% из 68 фрагментов) при наличии морёной и чернолощёной (18%) (*Гусева,* А-1989. Л. 12). Предложенная датировка (XIV–XVI вв.) светло-жёлтого с включением органики суглинка, перекрывающего материковый склон западного борта оврага, не обоснована каким-либо происходящим из него материалом (*Гусева,* А-1989. Л. 14).

[59] По раскопкам З.Г. Шакирова 2008 г. (1420 кв.м) и И.С. Аникина 2012 г. (около 240 кв.м). Результаты работ первого исследователя отражены в предварительном, но достаточно подробном варианте научного отчёта, переданного в НГИАМЗ вместе с коллекцией (Архив НГИАМЗ. АО. Шакиров), и в кратком опубликованном сообщении (*Шакиров, Хамзин,* 2011). Второй исследователь любезно разрешил автору ознакомиться со всеми полевыми материалами и коллекцией, собранной при раскопках 2012 г.

XVI – первой половины XVI вв. Ближайшие по времени к средневековым объектам отложения зафиксированы в нижней части заполнения правобережного отвершка Ивановского оврага (юго-западная часть здания Арсенала, раскопы 2008 и 2012 гг.). Однако и здесь среди керамики из самых нижних пластов[60] численно преобладают фрагменты белоглиняных гладких горшков коломенского типа при отсутствии морфологически выразительных осколков красноглиняных сосудов, характерных для середины – второй половины XV в. Поэтому предложенная руководителем раскопок (З.Г. Шакировым) датировка времени их отложения в пределах XV–XVI вв. с высокой степенью вероятности может быть сужена до пределов XVI столетия.

В контексте поиска объектов XV в. большой интерес представляют грунтовые безынвентарные захоронения, обнаруженные З.Г. Шакировым в 2008 г. Их соотношение с другими комплексами установлено только по горизонтальной стратиграфии на уровне материковой поверхности: одни могильные ямы перерезали котлованы сооружений XIII–XIV вв., другие были нарушены при откопке фундаментной траншеи кремлёвской стены в начале XVI в. Эти наблюдения привели автора раскопок к заключению о существовании в XV в. открытого им нижегородского некрополя (*Шакиров, Хамзин,* 2011). Вместе с тем, установленное стратиграфическое соотношение могил с другими искусственными углублениями, не противоречит и более широкой датировке. Во-первых, далеко не все обнаруженные погребения имеют какие-либо взаимопересечения с другими сооружениями; во-вторых, «в зоне погребений» найдены отдельные фрагменты белоглиняной гладкой и даже кирпично-красной с белым ангобом керамики XVIII в., очевидно, случайно попавшие в заполнения могильных ям при их засыпке; в-третьих, нижний хронологический предел вероятного времени совершения погребений, перерезающих средневековые сооружения, опираясь на достаточно широкую датировку последних, необходимо сместить к XIV – началу XV вв.

Малометражные шурфы и обследованные коммуникационные траншеи, заложенные вдоль главного фасада Арсенала вблизи бровки внешнего борта рва нижегородского детинца, кроме ям, датированных, преимущественно по керамическому материалу, XIV – началом XV вв., вскрыли напластования и сооружения только XVII–XVIII вв. с включениями обломков белоглиняной гладкой и чернолощёной посуды (см.: *Четвертаков,* А-2009а). В небольшом раскопе, примыкающем к северо-восточному фасаду здания (возле Пороховой башни), на материке обнаружен только насыщенный кирпичной крошкой позднейший слой и две небольшие ямы с включениями фрагментов белоглиняной и чернолощёной керамики XVI–XVII вв. (*Четвертаков,* А-2010а).

Таким образом, раскопки участков, почти непрерывной полосой охватывающих внешнюю сторону линии древнейших дерево-земляных укреплений Нижнего Новгорода в районе первого белокаменного Спасского собора, не выявили следов застройки или разрушенных культурных напластований середины – второй половины XV в. Возможно, уже в XV столетии для совершения погребений использовалась площадка, недалеко от которой впоследствии оказалась алтарная часть третьего здания Спасо-Преображенского собора, воздвигнутого в 1829–1834 гг. Возобновление хозяйственного освоения территории, примыкающей к указанному отрезку стены дерево-земляной крепости, по времени близко к строительству кирпично-каменного кремля.

Единственное археологическое вскрытие, изученное в черте нижегородских дерево-земляных укреплений к востоку от Ивановского оврага – малометражный шурф (2,25 кв.м), заложенный Е.И. Бакулиным в непосредственной близости от местоположения первого нижегородского храма святого Спаса, воздвигнутого в камне ещё в 1225 г. Как и в юго-западной части кремля, здесь под позднейшими напластованиями на материке обнаружен маломощный средневековый слой, датируемый по керамике с грубыми примесями в пределах XIII – начала XV вв. (*Бакулин,* А-2012в).

Характерные для большей части XV в. материалы отсутствуют и среди находок, собранных на поверхности слабо задернованного западного склона Спасской горы (*Гусева,* А-1992), в шурфах, заложенных в нижней части кремлёвской территории вблизи Ивановской (*Бакулин,* А-2012в) и Зачатской (*Королёв,* А-2011) башен, на участке между нагорной линией кремлёвской стены и средневековыми дерево-земляными укреплениями нижегородского детинца (*Бакулин,* А-2012в, А-2014а).

[60] 12–17 штыки.

Верхний посад в черте Нового острога на правобережье р. Почайны

Археологические раскопы, шурфы и строительные площадки, на которых проводились археологические наблюдения, довольно равномерно распределены по территории Верхнего посада. Места раскопок за стеной Каменного города в черте Нового острога связаны с четырьмя районами, тяготеющими к разным церковным приходам, известным по письменным источникам с начала XVII в.

Ближайшим к кремлю является район церкви святого великомученика Дмитрия Солунского, поставленной, согласно церковному преданию, за Дмитровскими воротами великим нижегородским князем Дмитрием Константиновичем ещё в семидесятые годы XIV в. (*Храмцовский,* 1998. С. 253; *Макарий (архимандрит),* 1999. С. 308). В радиусе ста метров от неё раскопано четыре участка, общей площадью около 260 кв.м: два – на месте перестроенного кафе «Олень» (*Ануфриева,* А-2005б), один – в сквере у фонтана (*Гусева,* А-1997), ещё один – на проезжей части пл. Минина и Пожарского (*Гусева,* А-1988). При работах на первых трёх объектах обнаружен средневековый культурный слой и следы застройки XIII – начала XV вв. в виде погребов или подпольных ям. Перекрывающие их напластования и котлованы сооружений последующего строительного периода имели включения чернолощёной и ещё более поздней посуды и были датированы XVII–XVIII вв. К этому же времени относятся лежащие на материке отложения, зафиксированные на четвёртом участке, где отсутствовали и ямы средневекового времени.

Примечательны стратиграфические наблюдения, сделанные В.Ф. Черниковым в 1980 г. при обследовании зоны строительства подземного перехода на пл. Минина и Пожарского вблизи Кладовой башни (А-1980). Заложенный здесь строительный котлован пересекал южный борт рва, откопанного перед напольным участком кремлёвской стены в начале XVI в. (рис. 23). На бортах котлована выявлена прослойка грунта[61], выброшенного при сооружении кремлёвского рва. Она перекрывала обширную, почти полностью вошедшую в обводы котлована, материковую яму, и лежащий на материке маломощный культурный слой. И яма, и перекрывающий материк культурный слой по материалам из зачистки[62] датируются промежутком второй половины XIII – началом XV вв. В 80 м к востоку от подземного перехода мощная подсыпка переотложенного материкового суглинка (до 3,4 м) перекрывала средневековые напластования и ямы раскопа 1997 г., заложенного в сквере у фонтана вблизи истока засыпанного ответвления Ковалихинского оврага, вдоль которого проложена современная ул. Алексеевская. Сверху насыпной грунт был прорезан котлованом постройки с бутылочными клеймами начала XIX в. и монетой Павла I (*Гусева,* А-1997). Сходная стратиграфическая ситуация зафиксирована вдоль бровки южного борта Зеленского съезда, переходившего некогда в кремлёвский ров. Борта съезда (отвершка Почаинского оврага), вероятно, были специально подрезаны при строительстве кремлёвских укреплений в начале XVI в. Прослойка переотложенного материкового суглинка, образовавшегося при обустройстве протяжённого углубления, опоясывающего напольный участок кремлёвской стены, перекрывала средневековые напластования, датируемые до начала – середины XV в.[63], в шурфе, заложенном у д. 6 по ул. Пожарского (6 кв.м; *Бакулин,* А-2011), в раскопах, разбитых по месту фундаментов снесённой в советское время Никольской церкви (1740–1741 гг.) (625 кв.м; работы Батюкова В.А. 2011 г.) и нового храма-часовни на ул. Пожарского (д. 12) (102 кв.м; *Сергина,* А-2013а). Мощность насыпного грунта здесь достигает 70–90 см, перекрываемого им средневекового слоя – 40–45 см (*Сергина,* А-2013а). Если в средневековом слое среди включений доминирует красноглиняная керамика с грубыми добавками в тесте и венчиками с профилировкой, характерной для промежутка середины XIII – XIV вв., то в насыпном суглинке ассортимент образцов гончарной продукции включает в себя ещё и фрагменты краснолощёных и белоглиняных сосудов с тонким тестом (*Сергина,* А-2013а).

[61] Мощностью до 70 см.

[62] Среди находок – костяная муфта от железного ножа, два костяных острия, осколок стеклянного браслета, каменный тёрочник, многочисленные фрагменты сосудов с грубыми примесями и венчиками широко распространёнными в Нижнем Новгороде и на памятниках его округи в комплексах, датируемых до середины XV в. (*Черников,* А-1980. Табл. VIII).

[63] Среди датирующих находок, помимо характерных образцов посуды XIII – начала XV вв., на этих объектах встречены фрагменты стеклянных браслетов, осколок привозного китайского сосуда из фарфора-селадона, фрагмент импортного стеклянного сосуда, украшенного позолотой и эмалями, бронзовое перстнеобразное височное кольцо (*Сергина,* А-2013а).

Район Верхнего посада вблизи Никольской церкви лучше других исследован археологическими раскопками. С трёх сторон он ограждён естественными рубежами – Почаинским оврагом, его правобережным ответвлением с Зеленским съездом и отвершком Ковалихинского оврага с проложенной по нему улицей Алексеевской. Здесь, напротив кремлёвской Никольской башни, в начале XVII в. стояла деревянная церковь святого Николая Чудотворца Шухобольского (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 31, 32), позднее, уже в XVIII в., отстроенная «в камне». На прилегающей территории (пл. Театральная, ул. Пожарского, начало ул. Б. Покровской) раскопки проводились на семи участках, общей площадью почти 2294 кв.м. Около половины раскопанной территории (1215 кв.м) приходится на одну площадку, вскрытую раскопами И.О. Ерёмина 1997 г. (раскоп № 2) и В.А. Батюкова 2011 г. в периметре стен снесённого церковного здания и на вплотную подступающем к нему приходском кладбище, где было исследовано 1196 погребений.

В результате изучения локально сохранившихся, не потревоженных могилами и позднейшими перекопами напластований, удалось установить, что эта территория была освоена ещё в средневековый период до появления первых погребений. Время её начального освоения, по находкам из нижнего, перекрывающего материк, слоя и связанных с ним котлованов сооружений, можно датировать XIII – началом XV вв.[64] Культурные отложения и конструкции начального этапа освоения этого городского района перекрыты стерильным переотложенным материковым суглинком[65], переходящим в «слой кладбища», образованный выбросами из могил. «Слой кладбища» характеризуется редкими разрозненными включениями фрагментов керамики широкого хронологического диапазона (начиная с XIII–XIV вв.) и отдельных металлических изделий. Могильные ямы на участке с сохранившейся стратиграфией прорезают, как надматериковый слой и ямы средневекового периода, так и перекрывающую их прослойку стерильного грунта.

Мнения исследователей о начале функционирования приходского кладбища расходятся. И.О. Ерёмин определяет его нижнюю хронологическую границу XV – началом XVI вв. – по находкам круглоконечного бронзового креста-«псевдоэлколпиона» из засыпки («из зоны погребения»[66]) захоронения 293 и обломку белокаменной могильной плиты с орнаментом «волчий зуб» из кладбищенского слоя (*Ерёмин,* А-1997. № 22420. С. 448). В.А. Батюков, опираясь главным образом на выделенную им среди предметов христианской пластики группу наперсных и нательных крестов XVI в. (рис. 21, *4–12*), предлагает датировать первые захоронения у Никольской верхнепосадской церкви началом XVI в. (*Батюков, Муренцова,* 2013. С. 35).

Для выяснения этого вопроса рассмотрим материалы раскопок как 1997, так и 2011 гг. Будем ориентироваться, прежде всего, на погребальный инвентарь, обнаруженный in situ на останках погребённых, на находки из кладбищенского слоя и наиболее поздний материал из нижележащих отложений[67]. Среди находок из «слоя кладбища» и заполнения отдельных могильных ям выделяются вещи, характерные для XV–XVI вв. Очевидно, именно они представляют наибольший интерес для определения начальной даты некрополя. К предметам этой хронологической группы, помимо предметов личного благочестия, можно отнести монеты и упомянутый выше обломок могильной плиты с орнаментом «волчий зуб».

К наиболее раннему погребальному инвентарю относится прямоугольноконечный энколпион с вытянутой вертикальной осью, подвижным оглавием с образом Спаса Нерукотворного, и два односторонних нательных креста с укороченной горизонтальной перекладиной, килевидным окончанием нижней лопасти и рельефным изображением восьмиконечного креста на Голгофе с венком в средокрестии (*Батюков, Муренцова,* 2013. С. 37, рис. 2, *1, 1а, 3, 4*). На ли-

[64] Среди находок – керамика с грубыми примесями и формами, характерными для указанного временного промежутка, обломок донца гончарного сосуда с клеймом, осколок стеклянного браслета, ключ от цилиндрического замка, бронзовый равноконечный крест-энколпион, фрагменты каменных крестов-тельников, бронзовая с арочным завершением иконка-привеска с изображением святого Николая Чудотворца (*Ерёмин,* А-1997. № 22419. Л. 138–143; *Батюков, Муренцова,* 2013. С. 17–20).

[65] Зафиксирован только на раскопе 2011 г. Происхождение стерильной прослойки автор раскопок связывает со строительными работами при возведении Нижегородского кремля, расположенного всего в 50 м к северо-западу от раскопанного участка (*Батюков, Муренцова,* 2013. С. 15).

[66] По тексту отчёта.

[67] Керамика и другие находки из засыпки могильных ям для хронологической атрибуции погребений имеют вторичное значение, так как они могли попасть туда случайно из разрушенных ранее напластований и могил.

цевой стороне энколпиона находится изображение Распятия с обращёнными к нему предстоящими, в нижнем клейме – подписанное поясное изображение Николая Чудотворца (рис. 21, *5*). На оборотной – средокрестие отмечено фигурой Христа на троне в центре трёхарочного проёма однокупольного храма, а в медальоне на окончании нижней лопасти изображены подписанные поясные фигуры святых Стефана и Афанасия. По стилистическим особенностям время изготовления энколпионов такого типа соответствует XV–XVI вв. (*Гнутова, Зотова,* 2000. С. 28, рис. 19). В.Г. Пуцко, установивший параллель между их оформлением и произведениями кирилловских резчиков, датирует их XVI в. («…по-видимому, скорее, …второй половиной этого столетия», см.: *Гриценко, Пуцко,* 2000. С. 215, 219, таблица, *15*).

Кресты-тельники, обнаруженные на двух погребённых (рис. 21, *11, 12*), по оформлению близки находке из Городка (рис. 120, *3*) и по аналогам датируются второй половиной XV–XVI вв.[68] Стилистически близкие изделия (но без венка в средокрестии) найдены в засыпке ещё нескольких могил и в кладбищенском слое (рис. 21, *8–10*; *Батюков, Муренцова,* 2013. С. 37, рис. 2, *2, 5, 6*).

Наперсные кресты представлены тремя целыми (*Ерёмин,* А-1997. № 22423. Илл. 172, *1*, 275; *Батюков, Муренцова,* 2013. С. 38, рис. 3, *1, 1а*) и двумя фрагментированными (*Батюков, Муренцова,* 2013. С. 38, рис. 3, *2, 2а, 3, 3а*) стилистически сходными изделиями – округлоконечными, с четырьмя клеймами-медальонами на концах лопастей, типологически восходящими к одному из позднейших типов энколпионов (рис. 21, *4, 6, 7*). На лицевой стороне целиком сохранившихся изделий помещено изображение Распятия, на оборотной – ростовая фигура святого с распростёртыми руками. На расширении нижней лопасти просматриваются поясные парные или одиночные фигуры святых. Завершения вертикальной оси у двух экземпляров отмечены каплеобразными выступами, имитирующими замок мощевика. По иконографии и стилистическим особенностям кресты этого круга, как правило, датируют XIV–XV вв. (*Даркевич, Пуцко,* 1981. С. 229, 230) или XV–XVI вв. (*Перетц,* 1933. С. 45; *Седова,* 1997. С. 204, рис.73, *5, 8*; Г*нутова, Зотова,* 2000. С. 27, *17*). Археологический контекст их обнаружения в целом указывает, скорее, на второй период, расширенный до начала XVII в.[69]

К относительно ранним вариантам нательных крестов из засыпки погребений можно отнести два экземпляра односторонних прямоугольноконечных изделий с удлинённой вертикальной осью и ростовым изображением святого мученика Никиты Бесогона с монограммами в клеймах на концах лопастей (рис. 21, *13*; *Батюков, Муренцова,* 2013. С. 26, 39, рис.4, *6*; *Ерёмин,* А-1997. № 22423. Илл.172, *2*). Различные варианты этого типа в целом датируются XIV–XVII вв. (*Беленькая,* 1993. С. 16; *Хухарев,* 1994. С. 213). Однако односторонние изделия небольших размеров, аналогичные происходящим из раскопов у Никольской церкви, были распространены преимущественно в XVI в. (*Солдатёнкова, Персов,* 2005. С. 219).

Нумизматический материал из заполнения могильных ям и непосредственно перекрывающего их слоя связан преимущественно с XVI в., за исключением одного неопределимого пула со стёртыми изображениями, время обращения которого по размерам восьмигранного монетного кружка можно отнести ещё к удельному периоду. Это шесть московских и тверских пул «облегчённого» веса, чеканки не ранее начала 90-х гг. XV в. (*Гайдуков,* 2003. С. 89) и две монеты Ивана IV (*Ерёмин,* А-1997. № 22423. Илл. 171, *3*; 273, *17, 19*; *Батюков, Муренцова,* 2013. С. 24).

Белокаменные могильные плиты, оформленные трёхгранно-выемчатой резьбой (орнамент «волчий зуб»), появляются в XIV в. Самые поздние образцы такого декора на надгробиях Троице-Сергиева монастыря датируются 1580 и 1603 гг., на могильных плитах московских монастырей – 1618 г. (*Вишневский,* 2013. С. 125).

---

[68] Подобные изделия обнаружены в постройке второй половины XV – начала XVI вв. г. Твери (*Солдатёнкова, Персов,* 2005. С. 212, 214, рис. 2:1; *Персов, Солдатёнкова,* 2007. С. 365, рис. 11, *1*), в горизонтах второй половины XVI в. г. Москвы (Археология Романова двора…, 2009. С. 322, рис. 76, *8*), в погребениях второй половины XV – середины XVI вв. г. Пскова (*Колпакова, Салмина,* 2003. С. 69, рис. 5, *1–3*).

[69] Аналогичные изделия найдены в кладбищенском слое XV в. Великого Новгорода (*Арциховский,* 1949. С. 149, 150), на сельском кладбище в Подмосковье с погребальными комплексами XVI–XVII вв. (*Юшко,* 1996. С. 99, 102, рис. 2); многочисленные кресты-«псевдоэнколпионы» происходят из подмосковных селищ XIV–XVI вв. Голицино-1 и Рождествено-1 (*Алексеев,* 2007. С. 335, рис. 3, *9–13*; *Шполянская,* 2008. С. 269, рис. 2); комплекс фрагментированных, близких по оформлению наперсных крестов найден в слое, перекрывающем могильные ямы сельского могильника в урочище Погост на Афанасовом поле в Радонеже, функционировавшем между 60-ми годами XVI в. и двумя первыми десятилетиями XVII в. (*Чернов,* 2000).

Хронология всех этих находок позволяет определить начальную дату некрополя в пределах второй половины XV–XVI вв. Однако эти хронологические рамки могут быть уточнены с учётом датировки керамического материала из верхних слоёв заполнений, перекрытых кладбищенским слоем средневековых ям. Обнаруженная, очевидно, в засыпке западины одного из средневековых сооружений керамика[70], помимо фрагментов с признаками средневековой посуды включает в себя и отдельные части чернолощёных сосудов (*Ерёмин,* А-2007. № 22419. Л. 146). Следовательно, окончательное заполнение средневекового углубления и образование перекрывающего его кладбищенского слоя вряд ли могло произойти ранее конца XV – начала XVI вв., то есть, до появления в быту горожан посуды с преднамеренным восстановительным обжигом.

Таким образом, нижняя граница наиболее вероятного хронологического промежутка, в течение которого началось функционирование приходского кладбища при верхнепосадской Никольской церкви, определяется рубежом XV–XVI вв. Этот вывод хорошо согласуется с предположением о связи сооружения рва Нижегородского кремля со стерильной прослойкой, зафиксированной на раскопе 2011 г., разделяющей средневековый и кладбищенский слои (*Батюков, Муренцова,* 2013. С. 35).

В непосредственной близости от фундаментов Никольской церкви и её приходского кладбища, рядом с бровкой Зеленского съезда, в 1997 и 2013 гг. были заложены ещё два раскопа – раскоп 3 1997 г., площадью 247 кв.м и уже упоминавшийся раскоп по месту строительства храма-часовни (ул. Пожарского, 12), площадью 102 кв. м. На обеих площадках на материке зафиксирован средневековый слой, датируемый до середины XV в.[71] Его перекрывали отложения с осколками поливных полихромных печных изразцов, фрагментами морёной, чернолощёной и кирпично-красной с белым ангобом керамики XVIII–XIX вв. Этот участок представляет особый интерес в связи с обнаружением мастерской по обработке цветных металлов, появившейся, по мнению исследователей, в XV в. (*Ерёмин,* А-1997. № 22420. Л. 476; *Николаенко,* 2006. С. 331).

Об истории освоения этой площадки, помимо горизонтов культурного слоя, можно судить по семи материковым ямам, исследованным на раскопе 3 1997 г. Четыре из них (ямы 2–5) отнесены к XIV в.[72], одна (яма 1), прорезавшая надматериковый средневековый слой, по монетным находкам и керамике – к XVIII в. Особого внимания заслуживают ямы 6 и 7, датированные автором раскопок XV в. и концом XV–XVI вв. соответственно. Насколько верна предложенная хронологическая атрибуция?

Оба углубления, как и ямы 2–5, прослежены с материка, их заполнение не стратифицировано. Ассортимент находок ямы 6 состоит из отходов мастерской по обработке цветных металлов[73], фрагментированного бронзового ромбощиткового перстня[74], двух железных черенковых ножей и коромысла от весов (*Ерёмин,* А-1997. № 22424. Илл. 93). Венчики керамических сосудов имеют хотя бы незначительные краевые утолщения (*Ерёмин,* А-1997. № 22424. Илл. 103, *1–14*; 104, *1–10*). Среди них встречены профилировки, характерные для середины XIV – начала XV вв. (*Ерёмин,* А-1997. № 22424. Илл. 103, *13*), а формы предшествующего и последующего периодов – отсутствуют. Наличие в заполнении ямы среди 415 фрагментов средневековой гончарной посуды[75] трёх обломков, отнесённых к красноглиняным гладким сосудам, очевидно, не может служить сколько-нибудь надёжным основанием для предложенной автором датировки[76]. На более раннее время указывают и находки из ямы 7. Все они, кроме двух, скорее всего,

[70] Ямы 2, 2А, 2Б и 2В раскопа 2 1997 г. Они представляют собой разные части единого сооружения, перерезанного одним погребением и фундаментом гостиницы XX в.

[71] На раскопе 3 1997 г. – датируемый по осколкам стеклянных браслетов и перстня, железным черенковым ножам и остаткам цилиндрических замков, проволочной бронзовой привеске в виде «знака вопроса», обломку бронзовой булавы с пирамидальными шипами, венчикам керамических горшков с краевыми утолщениями различной профилировки и некоторым другим находкам (см.: *Ерёмин,* А-1997. № 22424. Илл. 18, 24, 55).

[72] На что есть все основания, см. описание находок: *Ерёмин,* А-1997. № 22420. Л. 386–404.

[73] Это многочисленные выплески бронзы, медные пластины, петлеобразное ушко от сосуда, деформированная заклёпка, медный или бронзовый дрот.

[74] В Новгороде Великом встречены в слоях второй половины XIV в. (*Седова,* 1981. С. 136).

[75] В яме 6 встречены фрагменты гончарных сосудов: курганных – 22, серых – 119, красноглиняных грубых – 258, краснолощёных – 12, белоглиняных грубых – 2, красноглиняных гладких – 3 (*Ерёмин,* А-1997. № 22420. Л. 406).

[76] В яму они могли попасть случайно, не исключено, что эти находки происходят из самого верха заполнения. Кроме того,

случайно попавших в сооружение фрагментов морёных сосудов, обычны для комплексов, сложившихся до середины XV в. (см.: *Ерёмин,* А-1997. № 22420. Л. 407). Следовательно, вывод о возобновлении застройки этой части городской территории в XV в. не подтверждается материалами раскопок.

Несколько раскопанных участков располагаются в 70–100 м к юго-западу от Никольской церкви. Это раскоп 1 И.О. Ерёмина 1997 г. и раскопы Т.В. Гусевой 1998 и 2002 гг., общей площадью 598 кв.м. Из средневековых объектов здесь были обнаружены только котлованы сооружений, а перекрывающие материк напластования датированы XVI–XVII вв.[77] или более поздним временем.

Ямы, наиболее близкие к интересующему нас периоду, обнаружены на раскопе 1 1997 г. Семь из них отнесены И.О. Ерёминым к XV столетию (ямы 8, 14, 23, 59, 66, 98, 119). Все они, как и более многочисленные искусственные углубления XIII–XIV вв., зафиксированы с уровня материка или перекрывающего его стерильного оподзоленного горизонта погребённой почвы. Их датировка установлена исключительно по образцам посудной керамики, подчас, весьма малочисленным и морфологически маловыразительным. Так, яма 8 датирована по восьми керамическим обломкам, яма 59 – по семи, яма 119 – по десяти, что явно недостаточно для обоснования относительно узких хронологических рамок (*Ерёмин,* А-1997. № 22419. Л. 100, 109, 114). Состав керамических находок из других материковых углублений показывает, что основу ассортимента гончарных изделий (85–98%) составляют осколки от плохо отличимых друг от друга серых и красноглиняных грубых сосудов (*Ерёмин,* А-1997. № 22419. Л. 100–114). Решающим аргументом в отнесении этих комплексов к XV в. стало присутствие керамики, по характеру теста и обжигу причисленной автором раскопок к красноглиняной гладкой. Однако в средних и нижних частях заполнений нескольких ям обнаружены лишь единичные обломки такой посуды: в придонном слое ямы 14 из 42 образцов керамики только два отнесены к данной группе, в средней части заполнения ямы 23 найден единственный красноглиняный гладкий фрагмент (в нижней – ни одного); всего один обломок сосуда с такими технологическими характеристиками обнаружен в нижнем слое ямы 66. В верхнем и среднем слоях заполнения ямы 98 встречены осколки чернолощёной керамики, в нижнем – фрагменты только серой, красноглиняной грубой и белоглиняной грубой (один фрагмент) посуды.

Отсутствие в ямах данной группы вещевых находок, характерных для XV столетия, малочисленность керамики с мелкозернистыми примесями или тонким тестом, высказанные ранее[78] критические замечания по поводу использования статистических соотношений различных типов гончарных изделий московского производства для хронологической атрибуции нижегородских керамических комплексов – всё это позволяет усомниться в первоначальной датировке указанных сооружений.

Если конструкции с представительными наборами керамики, первоначально отнесённые к XV в., по доминирующим находкам, скорее, напоминают объекты существовавшие до начала – середины указанного столетия, то среди наиболее ранних ям последующего периода (XVI–XVII вв.), выделенного И.О. Ерёминым, можно указать два сооружения с комплексами конца XV – первой половины XVI вв. Это ямы 16 и 55. В первой, имеющей однородное заполнение, доминирует белоглиняная гладкая керамика (41%), обломки посуды с восстановительным обжигом единичны (4 из 470 фрагментов), а краснолощёные сосуды представлены обломками кувшинов с краевыми окончаниями в виде наружного валика (*Ерёмин,* А-1997. № 22419. Л. 81; № 22422. Илл. 132, *14*). По этим особенностям керамический комплекс ямы 16 раскопа 1 1997 г. на Театральной площади близок набору образцов гончарной посуды из ямы 20 раскопа 1 1999 г. в Крутом переулке. Керамические материалы из ямы 55 содержат значительную примесь находок из более ранних разрушенных напластований, что ограничивает возможность использования соотношений образцов различных технологических групп. По ряду находок, керамика из

осколки сосудов без примесей или с мелкозернистыми добавками встречаются и в местных комплексах XIII – начала XV вв., где их доля может достигать почти 15% (*Грибов,* 2006. С. 80, табл. 3).

[77] Раскоп 1997 г.

[78] См. § 2 настоящей главы.

неё напоминает поздние комплексы Городка с монетами Ивана III[79]. Однако, прослеживаемое по всем трём горизонтам заметное присутствие образцов краснолощёной посуды (по сравнению с белоглиняной гладкой)[80], наличие редких фрагментов с восстановительным обжигом в верхнем и среднем горизонтах, убеждает в том, что заполнение ямы 55 произошло не ранее конца XV – начала XVI вв.

Сходная хронология наиболее ранних этапов городской застройки выявлена и на раскопе Т.В. Гусевой 1998 г. Средневековые комплексы представлены здесь ямами, заполненными либо до первой половины – середины XV в.[81], либо не ранее конца XV – начала XVI вв. Три зафиксированные с материка сооружения второго этапа освоения этой территории (ямы 7, 7а, 10) были выделены исследовательницей в отдельную хронологическую группу «…по ассортименту керамики XV–XVI вв…» – фрагментам белоглиняных и краснолощёных изделий (*Гусева,* А-1998. Л. 22, 23). Хронологическую атрибуцию этих комплексов затрудняет отсутствие в отчёте просчёта керамики. Так как все эти ямы разбирались не по стратиграфическим горизонтам, нельзя исключить того, что, как минимум две из них (ямы 7 и 7а) «…могли функционировать в I период, а соответствующий набор керамики получился за счёт просевших…почвенных слоёв» (*Гусева,* А-1998. Л. 22). Вместе с тем, наличие среди образцов краснолощёных изделий кувшинов с венчиками, имеющими наружное утолщение в виде широкой «манжеты», позволяет предполагать, что связанные с ними комплексы близки по времени сложения к яме 20 раскопа 1 (1999 г.) в Крутом переулке (*Гусева,* А-1998. Илл. 81, *3*).

На раскопе 2002 г. под позднейшими напластованиями с уровня материка отмечены только средневековые ямы и канавки, датируемые по осколкам стеклянных браслетов, железному ключу от цилиндрического замка, преобладающей керамике с грубыми примесями и другим находкам временем до начала – середины XV в. (*Гусева,* А-2002).

Материалы раскопок в южной части Театральной площади противоречат заключению о длительном и непрерывном существовании застройки в этом районе города, начиная с XIII столетия (*Николаенко,* 2006. С. 331). Концентрация средневековых ям, встреченных на каждом раскопанном здесь участке, указывает на активную хозяйственную деятельность в средневековый период. К началу – середине XV столетия все они были заполнены, а связанные с ними сооружения – заброшены. Возобновление активного хозяйственного освоения этого участка городской территории происходит не ранее конца XV – начала XVI вв.

Эти выводы подтверждаются результатами и других, меньших по масштабам исследований, проведённых на Верхнем посаде в районе бывшего прихода Никольской церкви[82].

От бровки правого берега р. Почайны проследуем на северо-восток за отмеченный Алексеевской улицей засыпанный отвершек Ковалихинского оврага в другой район Верхнего посада. В начале XVII в. его организующим центром служила деревянная церковь Святых чудотворцев Афанасия и Кирилла Александрийских (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 31). В 1742 г. её сменила кирпичная Тихоновская (или Сретенская) церковь (*Храмцовский,* 1998. С. 266), разрушенная в советское время. Исследованные в черте её прихода участки расположены во дворах домов с северо-западной, обращённой к кремлю, стороны Осыпной улицы

[79] В нём встречены фрагменты верхних частей красноглиняных горшков типов 1.3 (*Ерёмин,* А-1997. № 22422. Илл. 142, *1*) и 1.11 (*Ерёмин,* А-1997. № 22422. Илл. 142, *20*), один осколок от горловины сосуда (определённого автором раскопа, как морёный) по сочетанию короткого вертикального венчика с подтреугольным краевым окончанием и декора в виде узкой зоны из нескольких полосок линейного орнамента на верхней части высокого и короткого плечика, близкий к кругу московской «классической» красноглиняной гладкой посуды (*Ерёмин,* А-1997. № 22422. Илл. 143, *8*). По крайней мере, четыре венчика белоглиняных гладких «коломенских» горшков имеют разреженный орнамент, охватывающий плечико (*Ерёмин,* А-1997. № 22422. Илл. 142, *9, 10*; 143, *14, 15*). Покрытая рифлением горловина краснолощёного сосуда имеет единичкообразное завершение (её край сформован косой подрезкой наружу) (*Ерёмин,* А-1997. № 22422. Илл. 143, *1*). Среди ножей, обнаруженных в верхней части заполнения, два черенковых, один пластинчатый (*Ерёмин,* А-1997. № 22422. Илл. 138, *3*), среди двух обломков замков один цилиндрический, другой – сничный, типа Д или Е (*Ерёмин,* А-1997. № 22422. Илл. 137, *1*).

[80] В верхнем горизонте краснолощёная посуда (36 фр.) доминирует над белоглиняной гладкой (30 фр.), в среднем и нижнем встречаемость первой меньше в 2–2, 5 раза (см.: *Ерёмин,* А-1997. № 22419. Л. 87–89).

[81] Автор раскопок датирует их строго в рамках одного XIV столетия (*Гусева,* А-1998).

[82] Раскопы в начале ул. Б. Покровской И.В. Ануфриевой 2007 г., площадью около 93 кв.м (УГОКННО. Паспорт «Нижний Новгород», 2009) и Т.В. Гусевой 1992 г., площадью около 38 кв.м (Гусева, А-1992), малометражные шурфы Ю.В. Зарубина (2005 г.) в районе ул. Пожарской (*Зарубин,* А-2005) и И.В. Ануфриевой (2007 г.) на ул. Б. Покровской (УГОКННО. Паспорт «Нижний Новгород», 2009.), два раскопа во дворе д. 13Б по ул. Алексеевской (166 кв.м; *Очеретина,* А-2014).

(ул. Пискунова), проложенной вдоль рва Нового острога. Величина общей изученной в шурфах и раскопах площади здесь составляет около 1570 кв.м.

Наибольший интерес в контексте поиска объектов XV в. представляет небольшой раскоп (164 кв.м), заложенный в непосредственной близости от местоположения церкви Святых александрийских чудотворцев Афанасия и Кирилла (*Шакулова,* А-2003). Два вскрытых здесь нижних культурных горизонта представлены слоем функционирования некрополя – выброшенного при откопке могил материкового суглинка, лежащим на стерильной погребённой почве (на материке), и перекрывающими его напластованиями XVII–XVIII вв. с включением осколков печных изразцов и чернолощёной керамики. Могильные ямы зафиксированы с уровня стерильной погребённой почвы или с разных отметок слоя функционирования приходского кладбища. Многие могилы нарушены ямами с кухонными отходами (явно не ритуального назначения), перерезающими кладбищенский слой с уровня его верхней поверхности.

Одна яма (№ 17), не перерезающая ни одно из погребений, зафиксирована с уровня материка (*Шакулова,* А-2003. Илл.142). По стратиграфическому положению и находкам, это сооружение связано с начальным этапом освоения участка. В придонном горизонте его заполнения обнаружено скопление из девяти скреплённых окислами однотипных, известных по Городку, медных монет (см. §2 главы 3 – вариант 1). Это тяжеловесные пулы с изображениями равностороннего креста со звёздами между осями на лицевой стороне и фигуры из перекрещенных переплетённых «ленточных» овалов на оборотной (*Очеретина,* 2006. С. 110). В одном слое с монетами обнаружен фрагмент неопределимого железного цилиндрического замка и половинка от каменной двухсоставной литейной формы с процарапанным «процветшим» крестом на обороте (*Шакулова,* А-2003. Л. 36). Из небольшого количества керамических фрагментов (44 экз.) реконструированы два сосуда. Один из них – небольшой краснолощёный кувшин с рифлёной горловиной и пояском из отпечатков зубчатого штампа по плечику (*Шакулова,* А-2003. Илл. 312). Верхний край горловины в сечении напоминает профилировку единичкообразных венчиков, верхнее крепление ручки располагается немного ниже него. Второй сосуд – это невысокий посредственного обжига горшок из красножгущейся глины с добавкой среднезернистого песка (*Шакулова,* А-2003. Илл. 311). По оформлению верхней части – короткому, переходящему в плечико через уступ, вертикально поставленному венчику с резко отогнутым наружу внутренним краевым утолщением, он соответствует типу 3.6 горшков Городка, которые иногда встречаются в комплексах середины XIV – начала XV вв. Нижнего Новгорода и на селищах его округи (*Грибов,* 2006. С. 90, рис. 8, группа 11). Учитывая то, что набор керамики из ямы 17, по весьма незначительному присутствию образцов красноглиняной посуды без примесей или с мелкозернистым песком в тесте[83], заметно отличается от более поздних комплексов Городка, а хождение тяжеловесных пул «с крестом» в Московской земле связывают со временем княжения Василия Дмитриевича (*Зайцев,* 2009. С. 35, 36), заполнение придонной части ямы 17, наиболее вероятно, произошло в конце XIV – первой четверти XV вв.

Обломки горшков с профилировкой венчиков, исчезающей к середине XV в., и некоторые другие относительно ранние находки, найдены в заполнении отдельных могильных ям и в слое функционирования некрополя (см., например: *Шакулова,* А-2003. Илл. 203). Выяснить датировку этого слоя помогают горизонтальная стратиграфия и редкий погребальный инвентарь.

Последний обнаружен только в двух из 58 изученных захоронений. В одном из них найдена золототканая лента от головного убора, в другом – янтарный нательный крест, сопровождаемый двумя шарообразными янтарными бусами (погребение 22) (рис. 21, *1*). Крест-тельник удлинён по вертикальной оси, окончания его лопастей прямоугольные (*Шакулова,* А-2003. Илл. 210, *2*). Его ближайшими аналогами являются янтарные изделия из Великого Новгорода, датируемые по вмещающему слою промежутком от рубежа XIV–XV вв. по 30-е гг. XV в. (*Дубровин,* 2010. С. 220, рис. 59, *2, 3*).

Среди ям, прорезавших кладбищенский слой, а вместе с ним и некоторые погребения, наиболее ранней является яма 12. С ней связаны две находки, имеющие параллели в инвентаре Городка: бронзовый восьмиконечный с вытянутой вертикальной осью и укороченной го-

[83] В верхнем слое 11 осколков приходится на 286 фрагментов, в среднем – 6 на 405, в нижнем – 2 на 44 (*Шакулова,* А-2003. Л. 37; Таблица распределения массового материала).

ризонтальной перекладиной нательный крест, по стилистике характерный для XV–XVI вв. (*Шакулова,* А-2003. Илл. 59, *4*) и свёрнутая в виде знака вопроса из бронзовой проволоки привеска с коротким стержнем (рис. 21, *2*; *Шакулова,* А-2003. Илл. 59, *3*). По доминированию в каждом из горизонтов этого сооружения фрагментов белоглиняных гладких горшков коломенского типа, присутствию незначительного количества обломков морёных и чернолощёных сосудов, его заполнение стало формироваться, очевидно, не ранее конца XV – начала XVI вв.

К посудной керамике Городка близки сосуды из заполнения ямы 13. К ним относятся белоглиняный горшок стройных пропорций со слегка заходящим на плечико орнаментом и венчиком варианта 6 (рис. V) (*Шакулова,* А-2003. Илл. 50), а также красноглиняный горшок типа 1.9 (*Шакулова,* А-2003. Илл. 48). Однако сложение этого комплекса произошло после формирования предшествующего: яма 13 перерезает яму 12[84]. Остальные сооружения, котлованы которых были откопаны уже после запустения некрополя, по массовым включениям керамики с восстановительным обжигом, очевидно, относятся к ещё более позднему времени.

Все эти наблюдения позволяют очертить время функционирования раскопанного участка посадского кладбища у церкви Святых Афанасия и Кирилла в целом рамками конца XIV – рубежа XV–XVI вв. Если по инвентарю погребения 22 есть основания полагать, что захоронения на кладбище совершались в первые четыре десятилетия XV в., то надёжные свидетельства продолжения ритуального использования его территории в середине и во второй половине этого столетия в материалах раскопок отсутствуют[85].

Зафиксированная на раскопе 2002 г. стратиграфия напластований согласуется с данными одного из редких нижегородских документов первой половины XVI в. Это жалованная тарханно-несудимая грамота митрополита Варлаама, выданная 22 июля 1512 г. нижегородским помещикам Шаге и Колупаю Приклонским, «…что поставили церковь нову **на старом месте** во имя святых Афанасия и Кирила Александрийских в Нижнем Новгороде внутре града, а прихода де их, и у тое церкви одни их дворы» (Акты служилых землевладельцев…, 2002. С. 283. № 344). Известие о получении братьями Приклонскими поместий в Нижегородском уезде датируется 1506 г. (*Чеченков,* 2004б. С. 162). Наверное, их городские дворы, с которыми можно связать наиболее ранние перерезающие могилы хозяйственные ямы, были отстроены вблизи рубежа XV–XVI вв., когда занимавшее их место старое кладбище было уже заброшено и позабыто[86].

Отчётливый перерыв в освоении городской территории зафиксирован и на самом большом участке, раскопанном в этом районе Верхнего посада (1105 кв.м). Он располагается в 50 м к западу от некрополя, во дворах домов №№ 4 и 6 по ул. Варварской. Наиболее ранние сооружения датируются здесь промежутком до середины XV в. и XVII–XVIII вв. Материк перекрыт сравни-

[84] С началом второго этапа освоения раскопанного участка можно связать ещё целый ряд находок, обнаруженных в переотложенном слое. Это восьмиконечный бронзовый крест-тельник с удлинённой вертикальной осью и изображением четырёхконечного креста с венком в средокрестии (*Шакулова,* А-2003. Илл. 33, *1*), фрагмент железного сничного замка (*Шакулова,* А-2003. Илл. 87, *9*), венчик краснолощёного кувшина с наружным валиком по краю (*Шакулова,* А-2003. Илл. 41, *1*), обломок красноглиняного гладкого «классического» горшка (*Шакулова,* А-2003. Илл. 41, *6*), осколок белоглиняного горшка с орнаментом, заходящим на плечико (*Шакулова,* А-2003. Илл. 44, *4*).

[85] Временной промежуток, разделяющий совершение последнего погребения и откопку на территории некрополя перерезавших могилы хозяйственных ям, с точностью необходимой для разрешения этого вопроса остаётся пока не выясненным.

[86] Отождествление отстроенного братьями Приклонскими храма и посадской церкви Святых чудотворцев Афанасия и Кирилла, упоминаемой в Писцовой книге 20-х гг. XVII в. и рядом с местоположением которой в 2003 г. проводились раскопки, требует комментария. Дело в том, что грамота 1512 г. указывает, что храм Приклонских поставлен «внутре града». По анализу П.В. Чеченкова текстов о пожарах из Летописца о Нижнем Новгороде, в XVI в. нижегородцы отчётливо различали термины «град» и «посад» (*Чеченков,* 2010. С. 21). Поэтому местоположение церкви начала XVI в., на первый взгляд, необходимо связать с территорией Нижегородского кремля. В этом, очевидно, убеждён П.В. Чеченков, определив дворы Приклонских как подворья (то есть как места для временного проживания в укреплённом городском центре во время вражеского нападения) (см.: 2004б. С. 162). Такие, охраняемые дворниками, дворы Приклонских в начале XVII в. действительно были на территории кремля, но располагались они в приходе церкви Михаила Архангела, а не Святых Афанасия и Кирилла, которой в то время на кремлёвской территории вовсе не существовало (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 59). Вместе с тем, термин «посад» применительно к Нижнему Новгороду в сообщениях о событиях XVI в. встречается только дважды и в обоих случаях он относится исключительно к Нижнему посаду. В этом убеждает контекст соответствующих сообщений (под 7029 и 7032 гг., см.: Летописец о Нижнем Новгороде…, 2006. С. 133). А Верхний посад в то время, мог быть уже защищён линией укреплений, по которым («по старой осыпи») в начале XVII в. был поставлен Новый острог. Следовательно, отстроенный в 1512 г. на Верхнем посаде храм мог находиться и «внутри града». Его редкое посвящение не оставляет сомнений в том, что в обоих документах – грамоте 1512 г. и Писцовой книге 20-х гг. XVII в. – речь идёт об одной и той же церкви. Её перенос на новое место представляется весьма маловероятным событием, противоречащим консерватизму соответствующих церковных традиций.

тельно поздними отложениями XVII–XVIII вв. с переотложенным средневековым материалом (*Лебедева,* А-2007а; *Данилов,* А-2008).

Остатки средневековой застройки представлены здесь частокольными канавками и обширными котлованами погребов или подпольных ям со следами пристенной деревянной обшивки. К датирующим находкам можно отнести: фрагмент ручки амфоры, многочисленные осколки стеклянных браслетов, бронзовый зооморфный замок, характерный для культурных напластований г. Болгара золотоордынского времени; чёрная стеклянная витая бусина эпохи Золотой Орды, железные цилиндрические замки, анэпиграфные тяжеловесные медные монеты русской чеканки. Среди фрагментов керамики преобладают обломки посредственно обожжённых красноглиняных сосудов с грубыми примесями. Профилировка их горловин типична для русской гончарной посуды второй половины XIII – начала XV вв. (см., например: *Лебедева,* А-2007а. Илл. 82, *148, 174, 187, 190*).

С последующим периодом хозяйственного освоения связаны комплексы с белоглиняной гладкой и чернолощёной посудой. Находки, датируемые второй половиной XV–XVI вв., малочисленны и разрозненны. К ним относятся только обломки белоглиняных горшков коломенского типа с заходящим на плечико орнаментом (*Лебедева,* А-2007а. Илл. 83, *2, 11*) и железный пластинчатый нож (*Данилов,* А-2008. № 27).

Близкая к вышеописанной ситуация зафиксирована в большинстве шурфов и раскопов в этой части города. В каждом из них выявлены следы средневековой застройки, надёжно датируемой до начала – середины XV в., тогда как перекрывающие её сооружения относятся преимущественно к XVII–XVIII вв. Два раскопа во дворах по ул. Пискунова, в непосредственной близости от линии укреплений Нового острога и в 80–125 м к юго-юго-западу от церкви Святых Афанасия и Кирилла исследованы И.О. Ерёминым (2002 г.; 197 кв.м) и А.Н. Кикеевым (2004 г.; 86 кв.м). На первой изученной площадке лежащий на стерильном оподзоленном горизонте погребённой почвы нижний культурный слой мощностью до 40 см включал в себя почти весь спектр нижегородской керамики[87]. Вероятно, из-за относительно небольшого количества фрагментов наиболее ранней серой посуды, присутствия красноглиняной грубой и красноглиняной гладкой керамики, атрибутированной преимущественно по технологическим признакам, автор счёл возможным датировать это напластование в широких границах XV–XVIII вв. (*Ерёмин,* А-2002). В яме 1 раскопа 2004 г. вместе с материалами XVII–XVIII вв. (румпы от изразцов, обломки кирпично-красных ангобированных сосудов XVIII в.) обнаружены находки, позволяющие предположить, что возобновление активного освоения исследованного участка началось в конце XV–XVI вв. Это бронзовый восьмиконечный крест с удлинённой вертикальной осью и килевидным завершением нижней лопасти (*Кикеев,* А-2002. Илл. 30, *1*), обломки верхних частей от красноглиняных гладких (по профилировке и технологическим характеристикам) горшков (*Кикеев,* А-2002. Илл. 19, *5, 6*), фрагменты краснолощёных кувшинов с краевыми окончаниями венчиков, оформленными в виде валика (*Кикеев,* А-2002. Илл. 19, *13, 14*).

Интересные наблюдения, свидетельствующие о нарушении непрерывности освоения городской территории, были сделаны И.С. Аникиным в 2003 г. при изучении шурфа (9 кв.м), заложенного в непосредственной близости от раскопа И.О. Ерёмина 2002 г. На обесцвеченном суглинке погребённой почвы здесь зафиксирован тонкий средневековый слой, датированный по небольшому количеству керамических обломков с грубыми примесями XIII – началом XV вв. К этому же начальному этапу освоения участка по керамическому материалу отнесена и обширная яма со следами деревянной пристенной обшивки, врезанная с уровня погребённой почвы. Верхняя поверхность средневекового слоя имела отчётливые следы огородной распашки в виде оставленных лезвиями лопат сегментовидных в плане углублений, заполненных переотложенным грунтом вышележащего «огородного» горизонта. Среди керамики в слое огородной распашки встречены фрагменты морёных и чернолощёных сосудов при численном преобладании обломков белоглиняной гладкой посуды. На локальном участке средневековый слой был перекрыт выбросом из перерезающей его ямы. Связанный с ней керамический набор также представлен доминирующими обломками белоглиняных гладких горшков и осколками сосудов

[87] Описана в терминах отчёта о раскопках на Театральной площади 1997 г.

других технологических групп, в том числе изделий с преднамеренным восстановительным обжигом (*Аникин,* А-2003а).

Перемещаясь от храма Святых Афанасия и Кирилла в северном направлении, вдоль дуги Нового острога, выходим в район Егорьевской горы, тяготеющей к бровке Волжского откоса. Здесь в начале XVII в., помимо Происхоженского женского монастыря, стояла обветшавшая полуразвалившаяся деревянная церковь святого страстотерпца Георгия (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 28). В середине XIX в. молва связывала её возникновение с эпохой основателя города – великого владимирского князя Георгия Всеволодовича *(Макарий (епископ),* 1868. С. 317). В 1702 г., вероятно, на её месте был поставлен каменный храм, снесённый в советский период перед строительством гостиницы «Волжский откос».

В непосредственной близости от местоположения Георгиевской церкви в 2008–2009 гг. изучены три раскопа и девятнадцать шурфов общей площадью 339 кв.м (*Лебедева,* А-2008а, А-2009а). В результате этих работ выяснилось, что городские культурные напластования здесь почти повсеместно переотложены в позднейший период на всю глубину своего залегания (до материка) и фрагменты позднейшей посуды с преднамеренным восстановительным обжигом присутствуют даже в самой нижней его части. По истории освоения этот участок напоминает ближайшие окрестности верхнепосадской Никольской церкви. Здесь, так же, как и на раскопе 1 1997 г., были зафиксированы следы средневековой усадебной застройки, исчезнувшей к началу – середине XV в. Датирующими находками для этого начального этапа освоения являются обломки стеклянных браслетов, шиферное пряслице, фрагмент поливного кашинного сосуда эпохи Золотой Орды, железный веслообразный наконечник стрелы, фрагмент железного овального кресала, четыре медных тяжеловесных пула удельной чеканки[88]. Отличительная особенность керамики из углублённых сооружений – грубозернистая примесь в тесте. Две ямы без археологического материала в заполнении, вероятно, относящиеся к этому же этапу, были перекрыты слоем приходского кладбища.

На территории некрополя у Георгиевской церкви исследовано 81 погребение. По преобладающим типам нательных крестов[89], обнаруженных в немногих захоронениях с погребальным инвентарём, некрополь автором раскопок датирован XVII–XVIII вв. (*Лебедева,* А-2009а. Л. 67). Вместе с тем, захоронения здесь, очевидно, совершались ещё в и первой половине XVI в.: с районом Георгиевской церкви связана находка белокаменной могильной плиты с датой 7028 г. (1520 г.) *(Макарий (архимандрит)*, 1999. С. 317, примечание). Кроме того, обнаруженные в погребениях 36 и 41 односторонние кресты с прямоугольными окончаниями лопастей и ростовой фигурой святого мученика Никиты Бесогона (*Лебедева,* А-2009а. Илл. 332, *1*; 346, *1*), аналогичные находкам с территории некрополя у Никольской церкви[90], были распространены преимущественно в XVI в. (*Солдатёнкова, Персов,* 2005. С. 219). Возможно, с началом этого, второго этапа освоения участка связаны разрозненные находки фрагмента бронзовой булавки «пус йеппи» (*Лебедева,* А-2008а. Илл. 295, *3*), обломка чернолощёного кумгана (*Лебедева,* А-2008а. Илл. 37, *2*), железного сничного замка (*Лебедева,* А-2008а. Илл. 124, *2*). Погребения, которые на основании каких-либо аргументов можно было бы датировать временем до XVI в., на раскопанном участке не обнаружены. Ямы хозяйственного и иного (не ритуального) назначения, откопанные недалеко от фундаментов Георгиевской церкви (но за пределами её приходского кладбища), после исчезновения средневековой застройки, по массовым находкам фрагментов морёной и чернолощёной керамики, обломкам печных изразцов, могут быть связаны только с промежутком XVII–XVIII вв.

Таким образом, после исчезновения средневековой застройки, произошедшего ещё до начала – середины XV в., сколько-нибудь интенсивное хозяйственное освоение территории и в этой части нижегородского посада возобновилось не ранее первой половины XVI в.

К такому же выводу подводят материалы раскопок ещё на двух участках – в 170 м и 350 м к югу от Георгиевской церкви. На первом из них, площадью 446,8 кв.м, в 2007 г. обнаружены

[88] Одно – с изображением равноконечного креста.

[89] С прямоугольными окончаниями лопастей, вытянутой вертикальной осью и изображением восьмиконечного Голгофского креста со «страстями» (см.: *Лебедева,* А-2009а. Илл. 212, *1*; 340, *1*; 446, *1*; 453, *1*; 458, *1*).

[90] См.: *Батюков, Муренцова,* 2013. С. 26, 39, рис. 4, 6; *Ерёмин,* А-1997. № 22423. Илл.172, *2*.

следы средневековых усадебных комплексов в виде обширных подпольных и столбовых ям, частокольных канавок (*Лебедева,* А-2007б). Происходящие из этих сооружений датирующие находки характерны для нижегородских комплексов второй половины XIII – начала XV вв. Это черенковые железные ножи, железное овальное короткое кресало, равносторонний каменный нательный крест, фрагменты стеклянных браслетов, бронзовый рубчатый перстень, поливное керамическое пряслице, многочисленные обломки сосудов с грубыми примесями и венчиками с разнообразными формами краевых утолщений. Важно отметить, что котлованы средневековых сооружений были «…перекрыты разновременными окультуренными аккумулятивно-гумусными почвенными горизонтами…» (*Лебедева,* А-2007. Л. 81), что указывает на длительное существование западин, отмечавших места заброшенного жилья вплоть до появления новой застройки в этом районе города.

Вещевой материал из ям последующего строительного периода, датированного XVII – началом XVIII вв. (*Лебедева,* А-2007б. Л. 82), представлен осколками стеклянных штофов, керамической курительной трубкой, фрагментами печных изразцов, чешуйками оконной слюды, железной подковкой и керамическими комплексами с фрагментами чернолощёной и белоглиняной гладкой посуды. Большинство находок из перекрывающих эти ямы переотложенных напластований также можно разделить на две хронологические группы. Вместе с тем, среди собранного инвентаря выделяется группа немногочисленных изделий, «заполняющих» временной промежуток второй половины XV–XVI вв. Это односторонний бронзовый крест с непропорционально удлинённой вертикальной осью, короткой прямоугольной перекладиной с прямоугольными окончаниями, килевидным завершением нижней лопасти (*Лебедева,* А-2007б. Илл. 92), фрагмент красноглиняного сосуда с зелёной полупрозрачной поливой по белому ангобу и накладным валиком (*Лебедева,* А-2007. Илл. 337), обломок белоглиняного горшка с заходящим на плечико орнаментом (*Лебедева,* А-2007. Илл. 290, *17*), фрагменты венчиков красноглиняных сосудов, близких по профилировке к некоторым находкам из Городка (тип 1.6 (Лебедева, А-2007б. Илл. 179, *12*) и тип 1.10 (*Лебедева,* А-2007б. Илл. 179, *13, 14*)). Однако входящие в эту группу предметы редки и не образуют отдельных комплексов. Скорее всего, они фиксируют начало второго этапа освоения городской территории, связанного уже с XVI столетием.

На втором, более удалённом от Георгиевской церкви в южном направлении участке, сооружения двух начальных этапов освоения датируются XIII – началом XV вв. и концом XV – серединой XVI вв. Керамический комплекс из заполнения одной изученной здесь материковой ямы по своему составу очень близок к керамическому набору ямы 20 раскопа 1 в Крутом переулке (*Очеретина,* А-2015).

В 100 м к востоку от места снесённого храма Святого Георгия, во дворах домов по Верхнее-Волжской набережной, находятся ещё две исследованные площадки[91], общей площадью 292 кв.м. Средневековые напластования и сооружения в их границах обнаружены не были, но о первом опыте освоения этих участков ещё до начала XV в. свидетельствует редкий разрозненный материал в виде фрагментов стеклянных браслетов, железного черешкового наконечника стрелы с узким ромбовидным пером и вогнутыми плечиками, обломков посредственно обожжённых сосудов с грубыми примесям. В слое, содержащем фрагменты печных изразцов, найден бронзовый двухсторонний округлоконечный наперсный крест-«псевдоэнколпион», подобный находке из некрополя у верхнепосадской Никольской церкви (Рис. 21, *4*). Самые ранние сооружения по пластинкам оконной слюды, печным изразцам и целому ряду других находок датируются здесь XVII–XVIII вв.

Завершая обзор археологически исследованных участков в районе Волжского откоса, необходимо кратко остановиться на материалах большого шурфа (19,5 кв.м), заложенного А.Н. Кикеевым во дворе дома № 10а по ул. Минина (*Кикеев,* А-2003б). Стерильные материковые отложения здесь, в 70 м к востоку от вышеописанных раскопов 1999–2001 гг., перекрыты слоем с обломками белоглиняной гладкой, морёной и чернолощёной посуды, а ряд ям, зафиксированных с уровня материка, датированы исследователем XIV–XV вв. (*Кикеев,* А-2003б. Л. 16). Материалы отчёта не позволяют удостовериться в обнаружении здесь средневековой керамики, определённой автором раскопок как сероглиняная грубая: единичные рисунки венчиков таким

[91] Раскопы 1999 г. (196 кв.м; *Гусева,* А-1999) и 2000 г. (76 кв.м; *Носкова,* А-2000), шурф 2001 г. (88 кв.м; *Гусева,* А-2001).

образом атрибутированных сосудов не соответствуют профилировкам русской гончарной посуды XIII – начала XV вв. (см.: *Кикеев,* А-2003б. Илл. 50, *1, 3*). Кроме того, приходится учитывать, что датировка указанных комплексов проведена по единичным морфологически маловыразительным фрагментам. Поэтому её нельзя признать надёжной, а датированные по керамике сооружения весьма проблематично рассматривать как следы городской застройки XIV–XV вв.[92]

Верхний посад в черте Большого острога на правобережье р. Почайны

Общая площадь раскопанных участков в полосе между линиями укреплений Большого и Нового острогов пока невелика и составляет около 240 кв.м. Территориально они тяготеют к приходам двух церквей: Святой мученицы Варвары (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 31) и Покрова Пречистой Богородицы (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 32).

Недалеко от первой церкви, на ул. Октябрьской, И.С. Аникиным исследован участок площадью 60 кв.м (А-2005). На стерильной погребённой почве зафиксирован слой с разновременной керамикой. Относительно поздние группы представлены белоглиняной гладкой (50%), краснолощеной (14%), морёной и чернолощёной (9%) посудой. Значительное количество фрагментов сосудов с преднамеренным восстановительным обжигом при полном отсутствии характерной для XVIII в. кирпично-красной ангобированной керамики позволяет отнести время окончательного формирования нижнего горизонта культурных напластований к XVII столетию. Судя по следам от лопат, замеченных на поверхности материковых отложений, его можно интерпретировать как горизонт огородной распашки. Более ранние этапы освоения этого участка могут быть определены по находкам, попавшим в нижний горизонт или в перекрывающие его отложения в результате разрушения несохранившихся древнейших напластований. О существовании средневекового этапа освоения этой части городской территории свидетельствует гончарная красноглиняная керамика с грубыми примесями и характерными формами венчиков (*Аникин,* А-2005б. Илл. 12, *24*; 20, *6*; 36, *2*; 44, *1–3*; 51, *2, 3*; 55, *2–4*), небольшой обломок поливного кашинного сосуда эпохи Золотой Орды (*Аникин,* А-2005б. Илл. 35, *5*). С этим этапом (по керамике из заполнения), вероятно, связана одна из расчищенных на раскопе частокольных канавок. Второй этап хозяйственного использования территории (XVI–XVII вв.) маркируют несколько ям с фрагментами белоглиняной гладкой, морёной и чернолощёной посуды, в одной из них обнаружены фрагменты печных изразцов и чешуйки оконной слюды. Вероятно, с началом второго этапа освоения можно связать бронзовый восьмиконечный нательный крест с рельефным изображением восьмиконечного креста с венком в средокрестии (*Аникин,* А-2005б. Илл. 35, *3*) и фрагментированные, изготовленные из тонкого теста, белоглиняные горшки с венчиками, украшенными разреженными полосками линейного орнамента, заходящими на плечики сосудов (*Аникин,* А-2005б. Л. 16).

В районе Покровской церкви раскопки проходили на трёх участках – без учёта малометражных шурфов и раскопа 2016 г. на ул. Октябрьской (площадью около 220 кв.м; руководитель работ – Долгополов С.В.). Один участок тяготеет к местоположению самой церкви, снесённой в советское время. Три раскопа, заложенных рядом с её фундаментами под руководством А.Е. Алиховой в 1937 г.[93] с целью обследования обнаруженного В.Н. Майновым мордовского могильника, к ожидаемому успеху не привели. По немногочисленному инвентарю из 23 погребений, некрополь был датирован началом XVIII в. (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 189 (1937 г.)). В 1995 г. в борту строительного котлована у дома № 2 по пер. Холодному, в непосредственной близости от места раскопок 1937 г., Т.В. Гусевой были зафиксированы грунтовые погребения в колодах, очевидно, связанные с приходским кладбищем Покровской церкви. По доминированию в перерезанном могильными ямами слое белоглиняной тонкой и чернолощёной керамики, захоронения отнесены к концу XVII – середине XVIII вв. (*Гусева,* А-1995в). Из более ранних находок отмечено только присутствие разрозненных, очевидно, переотложенных фрагмен-

[92] В пределах XIV–XV вв. датированы ямы 8–13. При этом, в яме 8 обнаружено пять фрагментов сероглиняной грубой керамики; в яме 9 – девять фрагментов сосудов, отнесённых к этой же группе; в яме 10 – шесть обломков сероглиняной грубой и один – красноглиняной гладкой посуды; в яме 11 – шесть сероглиняных грубых черепков; в яме 12 – три фрагмента сероглиняных грубых и 3 обломка красноглиняных гладких сосудов; в яме 13 – два фрагмента от сероглиняных грубых горшков и один – от красноглиняного сосуда с белым ангобом (*Кикеев,* А-2003б. Л. 15, 16).

[93] Общей площадью 81 кв.м.

тов сероглиняной грубой посуды с венчиками, имеющими характерную профилировку русских горшков XIII – начала XV вв. (*Гусева,* А-1995в. Илл. 25, *4*; 35, *1*).

На втором участке, близком к Покровской церкви, удалённом на 170 м от первого и на 120 м к востоку от бровки правого берега Почаинского оврага, исследования проводила И.В. Ануфриева. Заложенный здесь раскоп (около 48 кв.м) вскрыл фрагмент средневековой застройки и соответствующий ей по времени культурный горизонт, лежащий на материке (*Ануфриева*, А-1998а). Верхняя граница датировки обнаруженных средневековых объектов очерчивается началом XV в[94]. Средневековый горизонт перекрыт напластованиями с массовыми включениями морёной и чернолощёной керамики. С началом второго строительного периода, вероятно, можно связать обширную материковую яму, зафиксированную вблизи раскопанного участка в борту строительного котлована (яма 1 зачистки 3, см.: *Ануфриева,* А-1999). В её заполнении доминирует белоглиняная гладкая керамика с тонким тестом и приостренными венчиками без краевых утолщений (*Ануфриева,* А-1999. Илл. 98, 100). Из керамических обломков, собранных в её придонном слое, был частично реконструирован краснолощёный кувшин. По керамическим находкам наиболее вероятное время заполнения этого углубления можно очертить концом XV – первой половиной XVI вв.

Третий участок находится в 270 м к северо-северо-востоку от бывшего Покровского храма. Небольшой раскоп (54 кв. м) вскрыл здесь верхнюю часть склона левого берега ответвления Ковалихинского оврага (*Четвертаков,* А-2008б). Обнаружены частокольные канавки, датированные по керамике XVI–XVII вв., а также более поздние столбовые и хозяйственные ямы. Нижний горизонт культурного слоя, сохранившийся локально на одном из квадратов, по мнению руководителя работ, сформировался в XV–XVI вв. в результате переработки напластований XIII–XIV вв. Однако состав происходящей из нижнего горизонта керамики вызывает сомнение в однозначности такого заключения. Среди обнаруженных в нём фрагментов сосудов явно преобладают образцы изделий XIII – начала XV вв.[95], тогда как доля всех остальных составляет всего 5%. Последние (четыре фрагмента) могли попасть в средневековый слой в результате природной педотурбации.

О начальном этапе городской истории этого участка свидетельствуют находки осколка стеклянного браслета, двух фрагментов парадной керамической посуды золотоордынского происхождения, довольно многочисленные фрагменты русской гончарной посуды, обнаруженные в заполнении промоины эрозионного происхождения, в перекрывающем материк нижнем горизонте культурного слоя[96] и в других более поздних по формированию отложениях (*Четвертаков,* А-2008б. Илл. 23, *29–35*; 36, *9–15*). Второй этап хозяйственного освоения раскопанной площадки преимущественно по керамике датируется XVI–XVII вв. Ни один из венчиков, отнесённых автором отчёта к красноглиняным гладким сосудам, по совокупности морфологических признаков (профилировке горловины, оформлению краевого окончания, орнаментации) не соответствует «классическим» московским образцам, характерным для второй половины XV – начала XVI вв. (см.: *Четвертаков,* А-2008б. Илл. 18, *13–22, 38*; 23, *4, 5, 13–16*). К началу второго этапа можно предположительно отнести обнаруженный на раскопе бронзовый восьмиконечный нательный крест, имеющий аналоги в комплексах второй половины XV–XVI вв.

Участок Верхнего посада на Ильинской горе

Наиболее значительные по раскопанной площади работы (433 кв.м) были проведены здесь Т.В. Гусевой в 1991 г. и Н.Н. Грибовым в 1999 г. на двух участках во дворах Крутого переулка. Интересные результаты получены при археологическом обследовании храма Жён Мироносиц (*Кирьянов,* А-1949; *Ерёмин,* А-2002, А-2003б), Успенской церкви (*Ерёмин,* А-1996), участка во дворе дома № 33 по ул. Почаинской (*Четвертаков,* А-2013а).

[94] К датирующему инвентарю относятся осколки стеклянных браслетов, железные цилиндрические замки и черенковые ножи, небольшая бронзовая кольцевая застёжка с обмоткой из тонкой проволоки, витой (3х2) проволочный браслет с петлеобразными концами, многочисленные фрагменты гончарной посуды с грубыми примесями.

[95] Сероглиняная грубая представлена 86 фрагментами, краснолощёная – 3, красноглиняная тонкая – 1, красноглиняная гладкая – 1, белоглиняная гладкая – 2 (*Четвертаков,* А-2008б).

[96] Слой № 4 бурого суглинка.

Церковь Жён Мироносиц занимает особое место в нижегородской истории. Согласно церковному преданию, в её приходе родились двое русских святых – Евфимий Суздальский и Макарий Желтоводский; последний был в ней крещён. При этом же храме были погребены и их родители *(Макарий (архимандрит),* 1999. С. 323). В 20-х гг. XVII в. в тёплом храме Знамения Пречистой Богородицы, устроенном под деревянной тогда церковью Жён Мироносиц, существовал придел, посвящённый святому чудотворцу Макарию Желтоводскому (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 33). Вероятно, известные по житийной литературе даты земной жизни преподобных, позволили нижегородским краеведам XIX в. отнести учреждение этой церкви ещё к первой половине XIV в. («…или даже ранее…») (*Храмцовский,* 1998. С. 280; *Макарий (архимандрит),* 1999. С. 323). Вместе с тем, первое письменное упоминание о ней, отмечающее её освящение, помещено в Нижегородском летописце только под 7043 г. (1535 г.) (Полная редакция…, 2006. С. 156).

Результаты первых археологических исследований, проведённых внутри каменного храма, построенного вместо деревянного в 1648–1649 гг. (в 7156–7157 гг., см.: Полная редакция…, 2006. С. 160), и сохранившегося с многочисленными перестройками до наших дней, казалось бы, свидетельствовали о древности возникновения связанного с ним прихода. В 1949 г. при оборудовании котельной в её позднейшем восточном приделе было вскрыто пять грунтовых погребений (*Кирьянов,* А-1949). Обнаруженный некрополь датирован руководителем работ XIV в. (*Кирьянов,* 1961. С. 31, прим. 2). Основанием для этого послужили находки из двух погребений. В одном из них, ещё до начала археологических исследований, рабочими-строителями в области грудной клетки погребённого был найден бронзовый округлоконечный наперсный двухсторонний крест-«псевдоэнколпион» с Распятием на лицевой стороне и ростовой фигурой святого с распростёртыми руками – на оборотной (*Кирьянов,* А-1949, фото 5а, 5б). В другом, на черепе обнаружено тканое очелье из шёлковой тёмно-коричневой каймы с вышитыми серебряными нитями растительным орнаментом и четырьмя животными, определёнными И.А. Кирьяновым как барсы (А-1949). Изображение на тканой ленте, имеющее параллели в древнерусском искусстве, и местное предание, связывающее церковь Жён Мироносиц с двумя святыми XIV – первой половины XV вв., стали, очевидно, решающими аргументами для отнесения района расположения храма к территории города XIV в. (*Агафонов,* 1987. С. 23).

Вместе с тем, новые материалы по русской средневековой археологии, полученные за последние десятилетия, свидетельствуют о том, что ограничивать период бытования обнаруженных в погребениях находок исключительно рамками XIV столетия – ошибочно. Наперсные кресты, созданные по образцу одного из позднейших вариантов энколпионов, как отмечалось выше, могут быть датированы в широких пределах, вплоть до 20-х гг. XVII вв.; наиболее ранние связанные с ними комплексы с относительно узкой датировкой относятся к XV в. Ближайшей аналогией второй находки является очелье волосника, найденное на некрополе московского Знаменского монастыря XVI–XVII вв. в белокаменном саркофаге Марии Мутьянской, умершей, в соответствии с выбитой датой, 30 марта 1603 г. (7111 г.). На нём, как и на тесьме из нижегородского погребения, металлической нитью вышиты две пары животных (единорогов, напоминающих барсов), расходящихся в разные стороны от «мирового древа», занимающего центральную часть всей композиции (растительного орнамента – в интерпретации И.А. Кирьянова) (*Шокарев,* 2000. С. 203, рис.1).

Об относительно поздней датировке некрополя при церкви Жён Мироносиц свидетельствуют результаты изучения ещё 48 погребений, вскрытых в пяти шурфах, заложенных И.О. Ерёминым в 2002–2003 гг. внутри церковного здания и с его внешней стороны, вблизи алтарной части (А-2002, А-2003б). В двух шурфах на локальных участках материка зафиксирован тонкий слой без каких-либо датирующих находок (*Ерёмин,* А-2002. Л. 54), предположительно, отнесённый Т.Д. Николаенко к XIV в. (*Николаенко,* 2006. С. 329). Его перекрывает горизонт с погребениями – пёстрый кладбищенский слой, образованный грунтом выброса из могильных ям. Немногочисленный погребальный инвентарь представлен серебряным нательным крестом с вытянутой вертикальной осью и прямоугольными окончаниями лопастей, остатками кожаной обуви и золототканого шитья. Обнаруженный в кладбищенском слое осколок белокаменной надгробной плиты с датой (7041 г.), выбитой за два года до первого письменного

упоминания об освящении церкви, подтверждает мнение нижегородских историков о её существовании ещё до 1535 г. (по крайней мере, о существовании связанного с ней приходского кладбища). Однако начало формирования кладбищенского слоя, включающего в себя большую часть изученных погребений, вряд ли произошло до рубежа XV–XVI вв., так как в нём, даже вблизи его нижней границы, помимо обломков средневековых и более поздних белоглиняных гладких сосудов, были обнаружены фрагменты чернолощёной посуды[97]. Отдельные обломки поздней русской керамики XVI–XVIII вв., подчас вместе с обломками средневековых сосудов с грубыми примесями, были встречены и в засыпке отдельных захоронений рядом с останками погребённых. Одно из таких захоронений (погребение 12) по единственному осколку гончарного изделия, технологически близкого к кругу московской красноглиняной гладкой посуды, автором раскопок датировано промежутком второй половины XV–XVII вв. (*Ерёмин,* А-2002. Л. 54), что вряд ли следует рассматривать в качестве сколько-нибудь надёжного свидетельства функционирования данного приходского кладбища в течение большей части XV в. (см.: *Николаенко,* 2006. С. 341, рис. 3).

С начальным этапом освоения территории могильника можно связать присутствующие в кладбищенском слое мелкие и малочисленные керамические фрагменты, отнесённые автором раскопок к сероглиняной, красноглиняной грубой и краснолощёной гончарной посуде. Имеющиеся археологические материалы, не вступая в противоречие с данными житийной литературы, тем не менее, не позволяют определить характер использования территории, занимаемой некрополем в XIV–XV вв.[98] Необходимо отметить лишь, что среди археологических находок отсутствуют предметы, фиксирующие как сколько-нибудь эффективное накопление культурных напластований в середине – второй половине XV в., так и наличие отдельных погребальных комплексов этого времени.

Сходные выводы позволяет сделать и анализ результатов небольших по площади раскопок на другом некрополе, обнаруженном на Ильинской горе (*Ерёмин,* А-1996)[99]. Это забытое кладбище располагалось вблизи церкви Успения пресвятой Богородицы, отстроенной «в камне» в 1672 г. (7180 г.) на месте деревянной, известной по писцовому описанию 20-х гг. XVII в. (Полная редакция…, 2006. С. 164; Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 34). Лежащий здесь на материке кладбищенский слой также, кроме средневековых материалов, имел включения фрагментов белоглиняных гладких, чернолощёных и морёных сосудов. Венчик одного краснолощёного кувшина с наружной стороны имеет краевое утолщение в виде небольшого валика (*Ерёмин,* А-1996. Илл. 48, *3*). Горизонт, образованный выбросами из могильных ям, отложившимся ещё до строительства каменного церковного здания, перекрыт насыщенным углём слоем с серебряной денгой Ивана IV. При заложении фундамента церковной постройки в качестве бутового камня были использованы и обломки белокаменных плит с трёхгранно-выемчатой резьбой, подобные найденным в кладбищенском слое. Надгробия, декорированные в стилистике, характерной до начала Смутного времени, очевидно, сопровождали многие погребения частично раскопанного кладбища, заброшенного к 70-м гг. XVII в.

Большинство могил перерезает кладбищенский слой, содержащий обломки чернолощёной посуды, часть могильных ям зафиксирована с уровня материковой поверхности. Погребальный инвентарь в трёх из двадцати трёх исследованных погребений, представлен женскими бронзовыми булавками, имеющими широкую датировку. Среди наиболее ранних находок, попавших в «слой кладбища», вероятно, в результате переотложения средневековых напластований – костяной трапециевидный гребень, медное тяжеловесное пуло со стёртыми изображениями на обеих сторонах, серебряная монета – подражание дангу Золотой Орды, фрагмент верхнего края медного сосуда, многочисленные обломки русской керамики с грубыми примесями, определённой как серая и красноглиняная грубая.

---

[97] См. просчёт массового материала по пластам: *Ерёмин,* А-2003б. Л. 150–153.

[98] На основании отсутствия костей животных и малочисленности обломков средневековой посуды в кладбищенском слое и заполнении могильных ям, Ерёминым И.О. высказано предположение о расположении площадки некрополя в XIV–XV вв. на периферии городской застройки или использовании её для совершения захоронений уже в это время (*Ерёмин,* А-2002. Л. 55).

[99] Общая площадь вскрытий (раскопа и шурфа) 44 кв.м.

Присутствие в авторской датировке могильника XV в., вероятно, объясняется высоким содержанием в кладбищенском слое образцов посуды преимущественно с крупнозернистыми примесями, по цвету поверхности и излома черепка связываемой с красноглиняной грубой, широко распространённой в Москве в первой половине этого столетия[100].

В непосредственной близости от Успенской церкви, в 50 м к востоку от неё, в 1991 и 1999 гг. были исследованы две достаточно большие площадки. Особый интерес представляет часть одной из них, вскрытая раскопом 1 1999 г. (155 кв.м). Зафиксированная там стратиграфия, насыщенные находками комплексы, их хронология – были рассмотрены в §1 настоящей главы.

Как уже отмечалось, следы наиболее ранней застройки в этой части городской территории связаны с двумя стратиграфическими горизонтами. Нижний горизонт, мощностью до 12 см, фрагментарно сохранился на поверхности стерильной погребённой почвы. Перекрывающий его второй горизонт, мощностью до 20 см, выявлен в локальных понижениях вблизи материковых ям и в западинах котлованов сооружений обоих строительных периодов.

В первом горизонте, как и в ямах, откопанных с уровня стерильной погребённой почвы, присутствуют многочисленные фрагменты посредственно обожженной керамики из красножгущейся глины преимущественно с крупнозернистыми примесями. Керамическим комплексам второго строительного периода свойственно доминирование обломков белоглиняной гладкой и краснолощёной посуды при наличии незначительного количества фрагментов чернолощёных сосудов (около 5%). Наиболее позднее, датированное по монете, сооружение первого строительного периода было заброшено близ рубежа XIV–XV вв., котлованы второго заполнены в конце XV – первой половине XVI вв.

Перерыв в освоении исследованного участка фиксируется не только по материалам из сооружений различного стратиграфического положения, не только по вертикальной и горизонтальной стратиграфии, но и по существенным изменениям в планировке застройки. Частокольные канавки, ограничивающие две разновременные усадьбы, занимающие практически один и тот же участок, не параллельны, а расположены под острым углом по отношению друг к другу (рис. 3). Это указывает на то, что возобновление застройки произошло после значительного промежутка времени, достаточного для утраты памяти о прежней планировочной структуре.

Как и жители юго-западной части нижегородского детинца, владельцы запустевших около рубежа XIV–XV вв. средневековых усадеб на Ильинской горе занимали высокое социальное положение. Кроме многочисленных находок фрагментов дорогой парадной посуды восточной работы, серебряных и медных монет, детали книжной застёжки (*Грибов,* А-1999. Илл. 319А) об этом свидетельствуют обнаруженные обломки керамических тиглей с каплями золота (*Гусева,* А-1991. Илл. 73, *15*), многочисленные фрагменты бракованных поливных сосудов (*Грибов,* А-1999. Илл. 325).

Наиболее интенсивная средневековая застройка на Ильинской горе, вероятно, тяготела к бровке волго-окского откоса: на раскопе (220 кв.м), заложенном на заметном удалении от неё, следы столь же активного освоения, как в Крутом переулке, обнаружить не удалось (*Четвертаков,* А-2013а).

Помимо рассмотренных объектов, в этом районе (до оврага Почтового съезда) была изучена серия шурфов, выявивших напластования преимущественно XVII–XX вв.[101] Зафиксированные в них надматериковые слои, кроме керамики других технологических групп, включали осколки чернолощёной или морёной посуды. В шурфах, поставленных сравнительно недалеко от Успенской церкви (*Гусева,* А-1996; *Бакулин,* А-2012в) и церкви Жён Мироносиц (*Зарубин,* А-2005) в переотложенном состоянии обнаружены разрозненные и маловыразительные обломки средневековых керамических сосудов с грубыми примесями.

---

[100] «…кладбище на этом участке функционировало в XIV–XV? XVI–XVII вв… Вместе с тем, заметное доминирование… красноглиняной грубой керамики (более 60%) позволяет предположить о существовании на этом месте «классического» городского слоя XIV–XV? вв., уничтоженного поздним кладбищем XV? XVI–XVII вв.» (*Ерёмин,* А-1996. Л. 47, 48).

[101] См.: *Аникин,* А-2008; Гусева, А-1989; *Ерёмин,* А-1996; *Зарубин,* А-2005; *Бакулин,* А-2012в; Архив УГОКННО. Паспорт «Культурный слой города Нижнего Новгорода», 2009.

Нижний посад

Археологические исследования в районе, непосредственно прилегающем к волжскому берегу, носили пока только рекогносцировочный характер. В 1993 г. при обследовании небольшого искусственного обнажения во дворе д. 24 по ул. Рождественской в Нижнем Новгороде впервые был зафиксирован «мокрый» слой, насыщенный всевозможными органическими включениями, датированный по двенадцати фрагментам керамики с грубыми примесями средневековым временем. Его перекрывали отложения с обломками белоглиняной и чернолощёной посуды (*Гусева,* А-1993). В последующие годы существование в подгорной части города грунтов с консервирующей способностью подтвердилось на ряде других объектов. Первые небольшие раскопки, проведённые здесь, не были доведены не только до уровня материка, но даже до глубины залегания средневековых отложений. Это работы Р.Н. Хамзина и С.М. Дмитриевского во дворах домов по ул. Рождественской (*Хамзин,* А-2008; *Дмитриевский,* А-1998). Общая вскрытая ими площадь – 148 кв.м. В обоих случаях исследования были приостановлены на уровне слоёв XVII в. Малометражные шурфы, заложенные на левом берегу р. Почайны недалеко от её устья, вскрыли только позднейшие напластования XVIII–XXI вв. (*Лебедева,* А-2007в; *Антонов,* А-2008). Результаты этих небольших по масштабам изысканий не позволяют сделать какие-либо определённые заключения об интенсивности освоения территории Нижнего посада в XV в.

Благовещенский монастырь

В настоящее время на территории монастыря существует архитектурный комплекс, начало формирования которого было положено в середине XVII в. (*Агафонов,* 1987. С. 166). Небольшие археологические изыскания проводились здесь под руководством И.О. Ерёмина в местах расположения утраченных архитектурных сооружений. В 1994, 1995 гг. на северной периферии монастырской территории, в районе снесённой в советское время монастырской кирпичной ограды начала XIX в., было заложено два раскопа и пять шурфов, общей площадью около 71 кв.м (*Ерёмин,* А-1994, А-1995). Перекрывающий материк нижний горизонт культурного слоя включал в себя керамику различных технологических групп: белоглиняную гладкую, морёную, чернолощёную, а также средневековые сероглиняную и красноглиняную грубую. Вскрытые здесь обугленные остатки срубных построек по фрагментам керамики датированы XVI–XVII вв. Наиболее ранние находки, обнаруженные на исследованных объектах, представлены бронзовым двухсторонним наперсным крестом с прямоугольными окончаниями лопастей и изображением Богоматери в средокрестии («Богоматерь Знамение»), фрагментами костяных гребней, костяной рукояткой ножа с циркульным орнаментом, обломком свинцово-оловянистого перстня. Они вряд ли могут быть однозначно связаны с разрушенными напластованиями, отложившимися ещё до XVI в. Среди морфологически выраженных обломков керамических сосудов нет форм, характерных для XV столетия. Скорее всего, в это время раскопанные участки находились за чертой активно осваиваемой монастырской территории.

Исследования, проведённые в 2002 г. внутри здания кирпичных палат и вблизи от него, у бровки берегового откоса, вскрыли только позднейшие отложения XIX–XX вв. (*Ерёмин,* А-2002). Продолжение исследований на этой площадке в 2016 г. позволило зафиксировать на материке напластования XVII–XVIII вв. и отсутствие сколько-нибудь выразительных следов её освоения в средневековый период[102].

Два малометражных шурфа, заложенных под руководством Т.В. Гусевой на территории Благовещенской слободы XVII в., в непосредственной близости от южной линии монастырской ограды, вскрыли слои только XIX–XX вв. Наиболее ранние обнаруженные здесь переотложенные материалы (фрагменты красноглиняной, белоглиняной и чернолощёной керамики) датируются XVI–XVIII вв. (*Гусева,* А-1992).

Необходимо отметить, что и монастырь, и прилегающие к ней слободы располагаются на площадке древней оползневой террасы и находятся в зоне активных оползневых процессов. Поэтому не исключено, что стерильные отложения, принятые за материк при раскопках сравнительно небольших площадей, являются прослойками оползшего грунта, перекрывшего более древние культурные напластования, пока не известные в районе Благовещенского монастыря.

[102] По устному сообщению руководителя организации, проводившей раскопки, В.А. Батюкова.

Печерский монастырь

После катастрофического оползня 1597 г. Нижегородский Вознесенский Печёрский монастырь был перенесён приблизительно на одну версту ближе к городу, туда, где в XVII–XIX вв. сложился его новый архитектурный ансамбль, сохранившийся до наших дней (*Агафонов,* 1987. С. 151, 152). Поиски средневековых напластований Печёрского монастыря нужно проводить на его старом месте, отмеченном на карте современного города как улица Слобода Печёры. Здесь располагается Спасо-Преображенская церковь, поставленная в начале XVIII в. на месте главного, разрушенного оползнем, монастырского храма Вознесения Господня.

Шурфовочные работы, выполненные здесь под руководством С.М. Дмитриевского в 1995, 1996 гг., вскрыли средневековые напластования. В шурфе 1, площадью 4 кв.м, на материке зафиксирован слой с керамикой, имеющей неравномерный обжиг и примесь дресвы или крупного песка в тесте. В отчётах и научной статье автор раскопок обозначил её как «серо-красную грубую» и датировал XIV–XV вв. (*Дмитриевский,* 1999. С. 81; А-1995; А-1996). Формы многочисленных венчиков сосудов этой группы, наличие разреженного линейного орнамента на стенках, позволяют уверенно соотнести её с массовой русской гончарной посудой эпохи Золотой Орды (*Дмитриевский,* 1999. Рис. 5, *1, 2, 6, 7, 12, 13*; 6, *1–9, 7, 1–7, 10–12*). Наличие отчётливо выраженных краевых утолщений и грубозернистых добавок ограничивает бытование набора этой посуды началом – первой половиной XV в. Содержащий её нижний горизонт вместе с обширной связанной с ним ямой был перекрыт мощным чехлом деструктурированных палеозойских отложений (пестроцветных мергелей и глин), образование которых, вероятно, произошло во время известного по письменным упоминаниям катастрофического оползня. Слои, лежащие на верхней поверхности деструктурированного грунта, по находкам осколков патинированного стекла датируются XVIII–XIX вв.

Второй шурф попал на участок с переотложенными напластованиями. Здесь материк перекрывал слой с осколками стекла и многочисленными фрагментами керамических сосудов: морёных, ангобированных, краснолощёных, чернолощёных, белоглиняных гладких, а также, определённых как серо-красно грубых и красноглиняных гладких. Очевидно, с учётом находок образцов керамики четырёх последних групп, С.М. Дмитриевский предположил, что надматериковый слой образовался в результате переотложения более ранних напластований XV–XVI вв. (*Дмитриевский,* 1999. С. 85). Вероятно, ключевую роль в обосновании связи этих отложений с XV в. может играть только наличие обломков красноглиняных гладких сосудов, поскольку время бытования других обнаруженных здесь гончарных изделий существенно выходит за рамки XV столетия. Однако, при выделении керамики данной группы, автор руководствовался исключительно технологическими признаками, присущими посуде более широкого хронологического диапазона. К ней он причислил фрагменты различно оформленных венчиков, днищ, стенок и даже крышек всех хорошо обожжённых изделий с примесью песка (см.: *Дмитриевский,* 1999. Рис. 5, *5, 8*; 8, *10–14, 19*; 9, *1, 3, 10*). Профилировку верхних частей большинства сосудов, отнесённых исследователем к этой группе, отличает редуцированная шейка, характерная, скорее, для местных гончарных изделий XVIII–XIX вв., нежели для «классических» красноглиняных гладких горшков московского производства. Редкие образцы сосудов из запесоченного теста близки по форме горловины к отдельным типам керамики Городка (*Дмитриевский,* 1999. Рис. 8, *12, 9, 1*), но они весьма малочисленны и встречены в разновременных отложениях.

В третьем шурфе, площадью 12 кв.м, было вскрыто 12 грунтовых погребений. Наиболее ранние из них датируются по многочисленным нательным крестам с вытянутой вертикальной осью и прямоугольным окончаниям лопастей не ранее XVI–XVII вв. (*Дмитриевский,* 2000).

Таким образом, небольшие по объёму археологические работы в черте древнего Печерского монастыря не выявили ни напластований, ни остатков застройки, ни какихбы то ни было явных следов хозяйственного освоения его территории в середине – второй половине XV в. Результаты исследования первого из рассмотренных шурфов, свидетельствуют, скорее, о том, что средневековые монастырские строения были заброшены ещё до начала указанного периода.

Обзор нижегородских раскопов приводит к довольно неожиданным выводам. Один из самых удивительных заключается в том, что за весь период археологического изучения средневекового города, в раскопах и шурфах общей площадью около 10000 кв.м, заложенных в разных районах городской территории, не обнаружены комплексы, по составу керамики соответствующие найденным на одном из предместных поселений. Не повторяя частностей, отметим, что только в керамических наборах Городка доминирует неполивная, неангобированная и нелощёная красноглиняная керамика без грубозернистых примесей в тесте. Данная посуда имеет разнообразную профилировку и, не образуя стилистического единства, вероятно, отражает определённый этап в развитии технологии городского русского гончарства. Этот этап характеризуется началом широкого внедрения быстрого (тяжёлого) гончарного круга, переходом на рецептуры теста с мелкозернистыми примесями, налаживанием массового производства гончарных изделий по выработанным стандартам не только в технологии, но и в профилировке и орнаментации. В Москве он соответствует распространению «классических» красноглиняных гладких горшков. Их облик, в условиях средневекового мегаполиса с массовым спросом и массовым предложением, быстро обрёл легко узнаваемые очертания и характерные стилистические особености. Масштаб распространения и объём производства серийных изделий, стали несопоставимы со сколько-нибудь «стандартизированной» продукцией, свойственной отдельным гончарам или мастерским эпохи Золотой Орды. Теперь однотипная «кружальная» продукция массово наполняла рынок, поступая из различных, порой весьма удалённых друг от друга, мест, а её стилистические и технологические особенности, ранее присущие отдельным мастерам или землям, были в значительной степени нивелированы.

По материалам раскопок Нижнего Новгорода этот переходный этап в развитии русского гончарства не просматривается. Основная причина данного феномена, очевидно, имеет временную природу. Имеющие параллели с керамической посудой Городка малочисленные и разрозненные находки из Нижнего Новгорода, скорее, указывают, на своеобразную хронологическую взаимодополнительность этих двух памятников, нежели на существовании сколько-нибудь продолжительного синхронного этапа в их функционировании.

Результаты археологических изысканий свидетельствуют о том, что в истории освоения изученной части городской территории отсутствует период, соответствующий времени широкого бытования в Москве красноглиняной гладкой посуды. Этот «хиатус» прослеживается в Нижнем Новгороде не только по составу керамических наборов, но и по эпиграфическим находкам – отсутствию монет последнего периода чеканки Василия Тёмного и монет Ивана III (см. табл.31), а также по наиболее ранним датированным могильным плитам, относящимся только к первой половине XVI в.

Соответствующий временной перерыв отражён в нарушении непрерывности городской застройки, зафиксированной по вертикальной и горизонтальной стратиграфии, как на территории детинца, так и на разных участках Верхнего посада. Показательны случаи, когда перекрывающие материк средневековые напластования, формирование которых было прекращено заведомо до середины XV в., в свою очередь перекрываются выбросом из кремлёвского рва начала XVI в. (*Черников,* А-1980; *Сергина,* А-2013а) или смещённым грунтом деформированного вала древнейших дерево-земляных укреплений нижегородской крепости (*Гусева,* А-1989), или когда на верхней поверхности средневекового слоя с материалами XIII – начала XV вв. фиксируются следы огородной распашки (*Аникин,* А-2003а). Симптоматично, что уже к середине XV в. прекращается жизнь во многих усадьбах богатых горожан, которые могли входить в число нижегородской знати. Места проживания прежней «столичной» элиты застраиваются, спустя значительный промежуток времени после существенных изменений в облике местной материальной культуры, исчезновения памяти об основных ориентирах прежней усадебной планировки, традиционно стабильной в средневековых городах. Все эти наблюдения ставят под сомнение тезис о сохранении преемственности и в структуре городского землевладения.

Важно подчеркнуть, что в разных районах города зафиксированный перерыв в накоплении культурных отложений датируется одними и теми же хронологическими рамками. Это позволяет говорить о существовании в истории Нижнего Новгорода своеобразной «эпохи запустения».

Её начало фиксируется по отсутствующим в Нижнем Новгороде ранним комплексам Городка с монетами чеканки второй половины 40 – начала 60-х гг. XV в., а завершение – по следам возобновления активного освоения городской территории вблизи рубежа XV–XVI вв.

Следы этой «эпохи» отчётливо проступают в стратиграфии культурных напластований всех районов Верхнего посада, связанных с приходами наиболее ранних здесь нижегородских церквей, а также на большей части древнейшей нижегородской крепости к юго-западу от оврага Ивановского съезда. Очерченное пространство охватывает все те места, где в городской черте были выявлены следы застройки XIII – начала XV вв. Даже если в результате последующих археологических исследований в Нижнем Новгороде будут обнаружены комплексы, хронологически соответствующие изученным на Городке, это не изменит существа сделанного заключения, так как нарушение ритма хозяйственной активности по археологическим данным уже прослеживается на большей части городского центра.

Трудно представить, что вся территория прежнего города оставалась свободной от жилых построек на протяжении как минимум полувекового промежутка. Однако несомненно резкое снижение темпа накопления культурных отложений, произошедшее в это время на большей её части. Масштаб распространения структурных изменений городского культурного слоя таков, что вызвавшие эти изменения процессы не могли не сопровождаться существенным уменьшением численности местного населения, деградацией городского хозяйства и городской экономики.

Возвращаясь к паломникам – воинам великого князя, посетившим в один из майских дней 1469 г. Нижний Новгород «старой», приходится признать, что взгляд через призму археологии обнаруживает открывшуюся им картину запустевшего города – зеленеющего сочным весенним разнотравьем пустого городища с многочисленными западинами подпольных ям и погребов по местам былых построек. Наверное, небольшие обитаемые участки могли быть замечены участниками паломничества вблизи действующих храмов[103]. Сама городская панорама, по-видимому, произвела на них такое же впечатление, что и вид Городца-на-Волге начала XVII в. на авторов Дозорной книги городецких владений боярина А.В. Лобанова-Ростовского, оставивших в этой связи краткую запись: «…в Городецкой волости на пустом городище погост…»[104]. Согласно косвенным сведениям из документов делопроизводства XVII–XVIII вв., территория разгромленного Едигеем Городца долгое время пустовала, оставаясь не заселённой (*Гусева,* 1992. С. 32, 33; *Грибов,* 2008б. С. 29, 30). Ещё в 1618 г. в черте его сохранившихся посадских укреплений стояли только два погоста с деревянными Никольским и Михайло-Архангельским храмами, послужившими центрами развития нового поселения на территории средневекового города (*Филатов,* 1989. С. 101; 2005. С. 114). Не исключено, что именно церкви стали исходными точками для роста новой застройки и в Нижнем Новгороде. Может быть не случайно, в местах расположения многих из них[105] обнаружены отдельные находки и сооружения, хронологически близкие к поздним комплексам Городка[106].

Летописное сообщение 1469 г. о посещении нижегородских церквей свидетельствует о том, что в середине – второй половине XV в. утративший функцию селитебного места Нижний Новгород был посещаем как своеобразный культовый центр. Результаты археологических исследований и сведения ряда письменных источников позволяют предположить, что в указанный промежуток времени рядом с его православными храмами совершались погребения. Начало нового этапа активного освоения городской территории совпадает со временем строительства кирпично-каменного кремля.

---

[103] Летописное упоминание действующих Спасо-Преображенского собора и Никольской церкви на Бечеве в Нижнем Новгороде весной 1469 г. (см.: ПСРЛ. Т. 25. С. 282) позволяет предполагать существование связанных с ними домохозяйств, принадлежащих, по крайней мере, представителям клира. При археологических исследованиях около Михайло-Архангельского собора в детинце нижегородской крепости и в местах расположения ряда храмов Верхнего посада обнаружить остатки жилых построек этого времени пока не удалось. Очевидно, если к стенам отдельных нижегородских церквей в середине – второй половине XV в. примыкала застройка – она носила исключительно локальный («очаговый») характер.

[104] ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 5. Л. 37. Цит. по: *Филатов,* 2005. С. 114.

[105] Верхнепосадская Никольская, Святых Афанасия и Кирилла, Георгиевская, Жён Мироносиц, Успенская.

[106] Подобные комплексу ямы 20 раскопа 1 1999 г. в Крутом переулке (см. § 1 настоящей главы).

§ 3. ДИНАМИКА ЗАСЕЛЁННОСТИ СЕЛЬСКОЙ ОКРУГИ

Кризисное состояние, в котором не менее, чем полстолетия пребывал Нижний Новгород, должно было отразиться на благосостоянии его волостей, дальней и ближней сельской округи.

При проверке этого предположения не приходится полагаться на актовый материал, традиционно привлекаемый для освещения истории освоения сельскохозяйственных и промысловых территорий. Для нижегородских земель он малочислен, выборочно затрагивает административно связанные с городом области, а неравномерность его хронологического распределения не позволяет провести корректное сопоставление ситуации середины – второй половины XV в. и предшествующего периода. Количество известных, упоминающих промыслы или селения, грамот, оформленных до 1392 г., составляет всего восемь единиц. Три из них носят подтвердительный характер и не содержат оригинальных известий про освоенные районы[107]. Сведения о сорока актах с упоминанием промысловых угодий, поселений и волостей (включая Мещерск в районе устья р. Клязьмы) сохранились от рубежа 1380 – 90-х гг. до 1462 г.[108], ещё о двадцати одном – от времени правления Ивана III (1462–1505 гг.)[109]. Подавляющее большинство этих документов связано с регламентацией правовых отношений исключительно в монастырских землевладениях.

Скромные возможности актового материала в контексте изучения динамики заселённости нижегородских земель показывают результаты специальной работы П.В. Чеченкова, посвящённой выяснению экономического развития Нижегородского края в конце XIV – первой половине XVI вв. (2005а). Анализ сохранившихся документов позволил автору высказать весьма осторожные предположения о направлении общей тенденции развития местной поселенческой структуры. Последняя до вокняжения Ивана III (с 1390 по 1461 гг.) развивалась слабо. На это, с его точки зрения, указывает количественное соотношение упоминаемых в грамотах сёл (21) и деревень (14), отсутствие известий о починках, а также летописные сведения о бедствиях экологического характера 1421–1422 гг. и разорении 1445 г. (*Чеченков,* 2005а. С. 157). Положение изменилось во второй половине XV – первой половине XVI вв., когда «…доля деревень и починков составляет около трёх четвертей от числа всех известных сельских поселений» (*Чеченков,* 2005а. С. 159).

Обратимся к археологическим источникам и с их помощью попытаемся выяснить, распространялась ли выявленная по материалам раскопок Нижнего Новгорода эпоха запустения и на его сельское окружение. Для получения представления о степени заселённости «тянущих» к городу земель в середине – второй половине XV в., воспользуемся сравнительным методом, сопоставив массивы известных средневековых поселений, существовавших в различные временные интервалы, определяемые вехами изменчивости археологического материала.

Можно ожидать, что упадок городской экономики наиболее заметно должен был проявить себя в землях, непосредственно примыкающих к городским предместьям. Ограничим географическое пространство исследования частью сельского окружения, географически замыкаемой естественными рубежами одного природно-территориального комплекса, включающего в себя пространство самого средневекового города (*Харитонычев,* 1978. С. 158–163). Этот ландшафтный район с северо-западного направления ограничен руслом р. Оки, с северо-восточного – руслом р. Волги. Юго-западным рубежом для него служит правобережный окский приток р. Кишма, южным – правобережный волжский приток р. Кудьма. Вдоль долин Оки и Волги (с запада на восток) он вытянут почти на 90 км. В противоположном направлении его протяжён-

[107] См.: *Антонов, Муштафаров,* 2001. № 1, с. 418, 419; № 4, с. 419; № 5, с. 419; № 154, С. 445; № 155, с. 446; № 156, с. 446; № 157, с. 446; АСЭИ. Т. 2. № 339, с. 337.

[108] См.: *Антонов, Муштафаров,* 2001. № 6, с. 419; № 7, с. 419, 420; № 8, с. 420; № 10, с. 420; № 11, с. 420; № 12, с. 420; № 13, с. 421; № 15, с. 421; № 17, с. 421; № 18, с. 421; № 158, с. 446; № 159, с. 446; № 160, с. 446; № 221, с. 456; № 222, с. 456, 457; № 223, с. 457; № 225, с. 457; № 226, с. 457; № 228, с. 458; № 229, с. 458; АСЭИ. Т. 2. № 339, с. 337; № 435, с. 478, 479; № 437, с. 480, 481; № 452, с. 492, 493; АСЭИ. Т. 3. № 484, с. 467; № 487, с. 469; № 485, с. 468; № 486, с. 468; № 488, с. 470; № 489, с. 470; № 490, с. 470, 471; № 491, с. 471; № 494, с. 473; ДДГ. № 16, с. 43; № 17. С. 47; № 20, с. 56; № 21, с. 59; № 22, с. 61; № 61, с. 197; *Каштанов,* 1970. № 22, с. 381.

[109] См.: *Антонов, Муштафаров,* 2001. № 19, с. 422; № 20, с. 422; № 21, с. 422; № 22, с. 422; № 23, с. 422; № 24, с. 423; № 25, с. 423; № 161, с. 446; № 162, с. 446; № 163, с. 447; № 164, с. 447; № 231, с. 459; АСЭИ. Т. 2. № 389, с. 395; № 480, с. 517, 518; АСЭИ. Т. 3. № 88, с. 119, 120; № 497, с. 475; № 499, с. 475, 476; АФЗХ. Ч. 1. № 238, с. 207; № 239, с. 207; № 240, с. 207, 208; *Каштанов,* 1970. № 22, с. 381.

ность варьируется от 5 до 25 км: с северной стороны, её определяет сложный абрис северного выступа Мстёрско-Козьмодемьяновской гряды Приволжской возвышенности, с южной – дугообразно выгнутая к северу долина р. Кудьмы. Очерченная территория занимает площадь около 1200 кв.км. Связанный с Нижним Новгородом природно-территориальный комплекс охватывает возвышенный водораздельный участок полого-волнистой равнины, рассечённый врезками малых рек и отвершками многочисленных овражных систем на платообразные останцы. Почвенный покров представлен преимущественно светло-серыми лесными почвами, развитыми на бурых четвертичных суглинках флювиогляциального происхождения. Залесённость района, по картам Генерального межевания, уже во второй половине XVIII в. не превышала 35%, так как на протяжении последних 300–400 лет здесь регулярно и почти повсеместно, за исключением овражных склонов и заболоченных пойм, проводилась ежегодная распашка (*Харитонычев,* 1978. С. 159).

Географическая замкнутость этого участка волго-окского правобережья в XVI – первой половине XVII вв., очевидно, стала предпосылкой соотнесения его с одной административно-территориальной единицей, известной по делопроизводственным документам и актам как Березопольский стан Нижегородского уезда (*Чеченков,* 2004а. С. 23, 24)[110]. Связанная с ним заселённая местность в разноплановых письменных источниках XVI–XVII вв., в краеведческой литературе называется Березопольем (*Чеченков,* 2004а. С. 23–25; Строгановская редакция…, 2006. С. 147; *Храмцовский,* 1998. С. 22, 525, примечание 7). Первые русские поселения в этом районе, по материалам археологических исследований, появились не ранее промежутка второй половины XII–XIII вв. (*Грибов,* 2007а. С. 113).

В летописных сообщениях о Нижнем Новгороде второй половины XIV – начала XV вв. встречаются два упоминания о Берёзовом Поле, некой заселённой области, наименование которой впоследствии, вероятно, отразилось в названии Березопольского стана. Её историческая судьба определялась перипетиями нижегородской истории. Каждое из двух летописных упоминаний связано с разорением города и его округи: одно приходится на печально памятный 1378 г. (6886 г.) (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 134), другое – на зиму 1408–1409 гг. (6916 г.) (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 484). Местная грамота эпохи расцвета Нижегородско-Суздальского княжества среди ближайшего окружения нижегородского князя называет двух безвестных березопольских князей – Петра Ивановича и Григория Борисовича (АСЭИ. Т. 3. № 307, с. 336). По этим сведениям трудно судить как об административном статусе Берёзова Поля, так и о его границах. Локализацию этой области средневекового расселения по топонимическому соответствию можно связать с территорией Березопольского стана[111].

Междуречье Оки, Волги, Кудьмы и Кишмы в настоящее время можно отнести к наиболее археологически изученным и разведанным участкам Нижегородского Поволжья. Поиски археологических памятников в этом районе волго-окского правобережья были начаты ещё в конце 30-х гг. XX в. Первый памятник[112], русское селище Столбищи XVII–XVIII вв., В.А. Тихомировой был зафиксирован здесь ещё в 1938 г. (Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 62; *Николаенко,* 2008. С. 215 (Кстово. Селище)). Начало систематическим разведочным изысканиям на правобережье р. Оки ниже устья р. Кишмы было положено подвижнической деятельностью основателя краеведческого музея г. Дзержинска Б.А. Сафонова в годы Великой Отечественной войны и сразу после её завершения, в 1941–1943 и 1946–1951 гг. (*Анучин, Черников,* 1991). Тогда, при первых обследованиях берегов Оки, Кишмы и Кудьмы, помимо поселений эпохи бронзы и раннего железного века, были обнаружены и русские средневековые селища. На некоторых из них в 1951 г. под руководством М.В. Фехнер проводились шурфовочные работы (А-1951). Число известных средневековых памятников в Березополье заметно возросло в результате разведочных изысканий В.Ф. Черникова в 1959 г. (А-1959). Обследованная этим ис-

[110] Территория Березопольского стана не была стабильной и выходила за рубежи указанного ландшафтного района. Однако очерченный участок волго-окского правобережья всегда составлял основу входящих в него земель (см.: *Давыдова,* 2001. С. 117, 118).

[111] Географическая приуроченность летописного Берёзова Поля к Березопольскому стану Нижегородского уезда не вызывает сомнений у историков, см., например: *Гациский,* 1875. С. 6, примечание; *Кучкин,* 1984. С. 227; *Чеченков,* 2004а. С. 16, 25.

[112] Не принимая в расчёт редкие неизученные курганы и единичные грунтовые могильники, известные в этой местности краеведам ещё в конце XIX – начале XX вв.

следователем территория охватывала протяжённый участок правого окского берега от устья р. Кишмы до г. Нижнего Новгорода и впервые – берега р. Кудьмы. В последующие годы большая часть местности, через которую пролегал маршрут экспедиции 1959 г., была повторно обследована М.В. Блиновой (А-1979), В.А. Флягиным (А-1992), И.О. Ерёминым (А-2004, А-2005). Правый коренной берег р. Оки в самой западной части Березополья, в районе «Горбатовского колена», повторно обследовался А.Ю. Рогачёвым (А-1979), И.О. Ерёминым (А-2003а) и Н.Н. Грибовым (А-2005б). В пойме р. Кишмы, на участке её нижнего течения, археологической разведкой активно занимался М.Г. Жилин (А-1991). Этот же исследователь открыл скопление стоянок эпохи камня и поселений эпохи бронзы в приустьевой части поймы р. Кудьмы недалеко от с. Безводное (*Жилин,* А-1984, А-1999). В 1989 г. А.А. Мироносом изучен участок волжского правобережья от г. Нижнего Новгорода до устья р. Кудьмы, а также расширение правобережной волжской поймы в районе устья р. Рахмы (Артёмовские луга) (А-1989). В последние годы (с начала 90-х гг. XX в.) большое количество памятников русского средневековья было выявлено в результате многолетнего систематического изучения Окско-Кудьминского водораздела, долин рек Волги, Оки, Кудьмы и Рахмы И.С. Аникиным[113] и Н.Н. Грибовым[114]. Небольшие земельные участки в Березополье, а также отдельные его памятники в разные годы обследовались экспедициями, возглавляемыми И.В. Ануфриевой (А-2003а, А-2004), Е.И. Бакулиным (А-2012а), В.А. Батюковым (А-2007), В.В. Бейлекчи (А-2009, А-2011а, А-2011б, А-2012), А.А. Доманиным (А-2004), Н.В. Ивановой (А-2006а), А.Н. Кикеевым (А-2005), Л.В. Кольцовым (А-1978), П.Н. Кравцовым (А-2009, А-2012), С.В. Ошибкиной (А-1969), Н.И. Солнцевым (А-1991), А.Н. Сорокиным (А-1999, А-2002), С.Ю. Тамбовой (А-2003), М.А. Яблоковым (А-2008).

К концу 2016 г. на участке волго-окского правобережья, ограниченного долинами рек Кудьмы и Кишмы, открыто 219 археологических объектов, оставленных русским населением в XIII–XVIII вв. (табл. 41; рис. 13*, 14*)[115]. Это два сельских грунтовых могильника XIII в., девять местонахождений керамики XIII–XIV вв. и 208 селищ[116]. На 45 селищах проведена разведочная шурфовка, на семи – раскопки. По состоянию на 2016 г. общая площадь, изученная раскопками на памятниках этого типа в Березополье, составляет около 2790 кв.м.

Особенностью хронологического распределения березопольских памятников является относительно небольшое присутствие среди них позднейших поселений XVIII–XIX вв. Это обусловлено тем, что до недавнего времени селища с исключительно «поздним» материалом не представляли интереса для исследователей и часто не фиксировались при разведочных работах. Кроме того, большинство из них располагается в границах современных населённых пунктов, полноценное археологическое обследование которых, как правило, невозможно или затруднено. При обращении к периоду Нового времени, хорошим подспорьем для изучения сельского расселения служат сохранившиеся материалы писцового делопроизводства конца XVI–XVII вв. (см.: *Давыдова,* 2001).

Основным датирующим материалом для большинства сельских памятников служит собранная на дневной поверхности фрагментированная посудная керамика. Наиболее обширные сборы[117] происходят с площадок средних и крупных поселений (размером более 5000–7000 кв.м), определяющих «каркас» структуры расселения. Коллекции, насчитывающие свыше 100 определимых осколков, собраны на 55 памятниках.

Для систематизации собранного на селищах керамического подъёмного материала можно воспользоваться классификацией керамики Городка (см. § 6 главы 3), дополненной введением двух позднейших разновидностей керамических изделий, хорошо известных по комплексам Нижнего Новгорода XVIII–XX вв.

---

[113] См.: А-1994, А-1995а, А-1996а, А-2003б, А-2004а, А-2005а, А-2006а, А-2008а, А-2009, А-2010.

[114] См.: А-1992, А-1994, А-1995б, А-1996а, А-1998б, А-2004б, А-2005б, А-2007б, А-2008б, А-2009в, А-2010, А-2011а, А-2011б, А-2012, А-2014.

[115] Без учёта средневекового Нижнего Новгорода и Городка.

[116] В контексте средневекового периода к местонахождениям причислено семь селищ XVI–XVIII вв., в подъёмном материале которых присутствуют единичные фрагменты средневековой посудной керамики.

[117] До 3200 образцов с одного памятника.

Это хорошо и равномерно обожжённая кирпично-красная ангобированная[118] посуда с добавкой мелкозернистого песка. Она представлена, как правило, только стандартизированными по формам и размерам широкогорлыми горшками с редуцированной шейкой и клювообразно приостренным наружу краем горловины (рис. 164Ж, *1–4*). В Нижнем Новгороде их фрагменты массово встречаются в заполнениях погребов и хозяйственных ям вместе с осколками тонкостенных стеклянных штофов, полихромно-рельефными и гладкими расписными печными изразцами, монетами XVIII в. Кирпично-красную ангобированную керамику в Нижнем Новгороде и на памятниках его округи сменяет красноглиняная тонкая с прозрачной поливой посуда. Находки последней в самых ранних содержащих её комплексах сопровождаются нумизматическим материалом и бутылочными клеймами с датами, соответствующими первой половине XIX в. Для этой стилистической группы характерен широкий ассортимент форм, включающий в себя и горшки, мало чем отличные по профилировке от ангобированных кирпично-красных (рис. 164Ж, *5–11*).

При поисках единых оснований для сравнения керамических комплексов сельских памятников и Городка необходимо вспомнить, что нижегородские археологи среди общей массы фрагментированных сосудов из красножгущейся глины без лощения, ангоба и поливы по присутствию в тесте сосудов крупнозернистой примеси выделяют и отдельно просчитывают в целом более технологически архаичную и более раннюю сероглиняную грубую посуду. По технологическим признакам она близка керамике подгрупп II-2 и II-3 Городка. Для обозначения красноглиняных изделий, по рецептуре теста напоминающих основную массу сосудов подгруппы II-1 (без добавки отощителя или с примесью мелкозернистого песка), в отчётных материалах единое наименование отсутствует[119]. Следовательно, компенсировать существующие различия в систематизации керамического материала можно путём дифференцирования красноглиняной керамики не на три[120], а на две подгруппы (табл. 38). Первую подгруппу будем обозначать как красноглиняную керамику с грубыми примесями, вторую – как красноглиняную керамику без грубых примесей. Первая в принятых исследователями Нижнего Новгорода обозначениях будет соответствовать сероглиняной грубой и посуде подгрупп II-2 и II-3 Городка, вторая – суммарно всем выделенным в научных отчётах по памятникам Березополья разновидностям красноглиняных изделий (без ангоба, лощения и поливы с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка вне зависимости от цвета черепков) и красноглиняной керамике подгруппы II-1 Городка.

В первом приближении вся совокупность березопольских селищ в порядке хронологической преемственности распределяется на три совокупности: памятники с преобладанием красноглиняной керамики с грубыми примесями сменяются селищами с доминированием посуды из беложгущейся глины, а те, в свою очередь, замещаются позднейшими поселениями с осколками морёных, чернолощёных, ангобированных и поливных изделий. В целом эта последовательность соответствует преемственности керамических комплексов Нижнего Новгорода, но ни одно звено этой цепи не отвечает характерным признакам керамических наборов Городка. Следовательно, период функционирования этого предместного поселения может быть отражён только в материалах селищ более широкого, по сравнению с ним, хронологического диапазона.

Для выявления таких памятников необходимо конкретизировать и усложнить предложенную трёхчленную хронологическую систематизацию, распределив селища Березополья по типам в зависимости от представительности и совстречаемости образцов керамики различных технологических групп. С этой целью отобрано 173 памятника с подъёмным материалом, насчитывающим более трёх десятков определимых керамических фрагментов. Разработанная классификация включает в себя семь типов селищ Березополья.

Тип 1 (XIII – начало XV вв.; 102 памятника – 59,0%) определяется доминированием фрагментов красноглиняной нелощёной без ангоба и поливы гончарной посуды преимущественно с грубыми примесями. Её содержание в сборах превышает 90%. Доля посуды из беложгущейся

[118] Покрытая белым ангобом.

[119] Для её обозначения используются различные наименования: красноглиняная гладкая, красноглиняная тонкая, красноглиняная с тонкими примесями, сероглиняная с тонкими примесями и проч.

[120] Как это сделано для керамики Городка.

глины менее 3%. Редкими, но систематически встречаемыми компонентами керамических наборов являются осколки верхневолжской хорошо обожжённой белоглиняной керамики с примесью дресвы, шпорообразным завершением венчиков, редким сочетанием линейного и ногтевого орнамента, а также фрагменты лепных с примесью шамота неорнаментированных мордовских сосудов с короткими, как правило, отогнутыми наружу, венчиками без краевых утолщений и обломки краснолощёной посуды, вышедшей из гончарных мастерских Золотой Орды.

Тип 2 (XIII–XVI вв.; 14 памятников – 8,1%) диагностируется по совместному присутствию в керамическом комплексе белоглиняной и красноглиняной нелощёной без ангоба и поливы посуды с грубыми примесями, вместе образующих 85–90% всех сборов. Как правило, фрагменты белоглиняных изделий численно доминируют, но доля обломков сероглиняных грубых всегда превышает 3–5%. Иногда отмечается высокое содержание красноглиняной керамики без крупнозернистых примесей. Образцы ангобированной посуды единичны или отсутствуют. Встречаемость образцов керамики с восстановительным обжигом и ангобированных (суммарно) не превышает 10–15%.

Тип 3 (XIII–XVIII вв.; 28 памятников – 16,2%) характеризуется технологическим разнообразием представленной керамики. Как правило, доминируют фрагменты белоглиняных и красноглиняных сосудов с грубыми примесями; почти всегда отмечается присутствие осколков красноглиняных изделий с запесоченным или тонким тестом. Суммарное содержание систематически присутствующих в керамических комплексах таких памятников морёной, чернолощёной и ангобированной керамики всегда более 10%.

Тип 4 (вторая половина XV – начало XVII вв.; 6 памятников – 3,4%) отличается доминированием в керамических сборах фрагментов белоглиняных сосудов и крайне низким содержанием (или даже полным отсутствием) обломков красноглиняных изделий с грубыми примесями. Встречаемость последних менее 5%, они представлены, как правило, единичными находками и среди них отсутствуют венчики, характерные для XIII – начала XV вв. Среди красноглиняной посуды явно преобладают фрагменты сосудов с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка. Встречаемость образцов керамики других групп менее 10%.

Тип 5 (XVI–XVIII вв.; 20 памятников – 11,5%) выделяется по сочетанию в подъёмном материале белоглиняной и ангобированной керамики с фрагментами изделий, прошедших преднамеренный восстановительный обжиг (чернолощеной и морёной) при отсутствии осколков красноглиняных сосудов с грубыми примесями (их встречаемость не превышает 3% и среди них отсутствуют венчики XIII – начала XV вв.). Очень часто в керамических сборах с таких селищ преобладают фрагменты изделий из беложгущейся глины, присутствуют осколки краснолощёных и красноглиняных изделий без грубых примесей. Суммарное содержание фрагментов керамики других технологических групп не превышает 10%.

Тип 6 (XVII–XVIII вв.; 2 памятника – 1,2%) объединяет селища с керамическими комплексами, в которых преобладают фрагменты ангобированных кирпично-красных горшков и сосудов, преднамеренно обожжённых в восстановительной среде, при полном отсутствии образцов посредственно обожжённой красноглиняной керамики с грубыми примесями. Осколки белоглиняных изделий, как правило, малочисленны или даже единичны.

Тип 7 (XVIII–XX вв.; 1 памятник – 0,6%) выделен по одному селищу с заметным преобладанием образцов керамики двух технологических групп – ангобированной и поливной при полном отсутствии осколков средневековой красноглиняной посуды с грубыми примесями. Обломки белоглиняных изделий редки, тесто связанных с ними сосудов запесочено, формы венчиков, как правило, повторяют профилировку горловин кирпично-красных горшков с белым ангобом.

Совокупность селищ, определяющих освоение нижегородской сельской округи до времени сложения комплексов Городка (до середины XV в.), соответствует типам 1–3. К ним относятся почти 90% всех археологически зафиксированных поселений. Эти 170 памятников оставлены по ходу последовательного освоения примыкающих к средневековому городу земель в течение приблизительно двух первых столетий его истории, с первой половины – середины XIII в. по начало XV в. Они достаточно равномерно распределены по урочищам Березополья, занимая участки в поймах больших и малых рек, разноуровневые прибрежные террасы, площадки на

возвышенных приводораздельных склонах (рис. 13*). В структуре расселения этого времени проявляется иерархичность: основная масса небольших селищ концентрируется вблизи крупных (*Грибов,* 2000. С. 48, рис. 2). Результаты раскопок на двух памятниках, служивших центрами сосредоточения малодворных поселений, позволяют рассматривать их как достаточно крупные владельческие сёла (*Грибов,* 2007б, 2008а). По находкам разнообразных предметов восточного импорта, монет, элементов снаряжения верхового коня и всадника, костей рыб ценных промысловых пород, следов частокольных оград, по своему археологическому облику эти объекты весьма близки богатым городским усадьбам. Подъёмный материал всех крупных селищ этого времени обнаруживает присутствие фрагментов сосудов, характерных для промежутка середины XIV – начала XV вв., что свидетельствует об их существовании в период великого Нижегородско-Суздальского княжества.

Таким образом, до начала зафиксированной на нижегородских раскопах «эпохи запустения» в сельском окружении средневекового города сформировалась развитая поселенческая структура. Её основу составляли около трёх десятков (минимум 28) достаточно крупных поселений, площадью свыше 1 га. Около половины из них (17 поселений) запустели и были оставлены в конце XIV – первой половине XV вв., на подавляющем большинстве остальных жизнь возобновилась только в XVI–XVII вв.

Следы освоения сельской округи Нижнего Новгорода в синхронный Городку последующий период, очевидно, следует искать на памятниках, датировка которых либо полностью включает в себя время функционирования этого предместного поселения, либо хотя бы частично перекрывает его. Вряд ли возможно их обнаружить на селищах 1-го типа: связанная с ними керамика в основной своей массе технологически более архаична и по профилировке, за исключением единичных экземпляров, далека от гончарных изделий из ранних комплексов Городка. Более перспективны в этом отношении 62 памятника 2–5-го типов, датировки которых включают в себя один общий для всех отрезок, соответствующий XVI в. (рис. 14*). Преобладание в подъёмном материале большинства из них белоглиняной керамики, присутствие среди неё фрагментов белоглиняных горшков коломенского типа, находки образцов посуды остальных основных технологических групп и конкретных типов сосудов, присущих Городку – всё это указывает на то, что, по крайней мере, один из периодов активного развития этих поселений был хронологически близок промежутку второй половины XV – начала XVI вв.

Результатом изучения материалов селищ типов 2–5 стало обнаружение среди них только восьми объектов, способных претендовать на роль связующего звена между деревнями и сёлами эпохи политической автономии Нижнего Новгорода и загородными поселениями последующего этапа активного освоения его сельскохозяйственных и промысловых земель в целом соответствующего, очевидно, уже XVI столетию. Период функционирования этих поселений включает в себя вторую половину XV – первую половину XVI вв. К ним относятся селища Бурцево-2, Бурцево-5, Воронцово-1, Ефимьево-6, Кудрёшки-2, Кудрёшки-3, поселения Крутец-1 и Ольгинское (табл. 41). В подъёмном материале каждого из этих памятников присутствуют осколки красноглиняных сосудов как с примесью дресвы, так и с тонким или запесоченным тестом, фрагменты белоглиняных горшков коломенского типа с приостренными венчиками без сколько-нибудь выраженных краевых утолщений и разреженным, иногда заходящим на плечико, линейным орнаментом (табл. 164(А–Е)).

На селище Бурцево-2 высокая встречаемость красноглиняной керамики без грубых примесей (24%) сочетается с малочисленностью красноглиняной ангобированной и чернолощёной посуды, к которым суммарно можно отнести не более 20 черепков из 939. Среди венчиков белоглиняных горшков коломенского типа массово встречаются варианты, характерные для Городка (рис. 164Е; Аникин, А-2005а. Илл. 33, *3, 6, 9–12, 14*). Одна из индивидуальных находок – дужка от железного замка типа Е середины XV–XVI вв.

На селище Бурцево-5 доля красноглиняной посуды без грубых примесей составляет 12%, встречаемость образцов посуды с преднамеренным восстановительным обжигом – около 6% (от 438 образцов). Среди осколков красноглиняной посуды обнаружен выразительный фрагмент «классического» красноглиняного гладкого горшка с узким высоко поднятым плечиком, украшенным узкой зоной линейного орнамента из двух-трёх полосок (*Аникин,* А-2008а. Илл. 14, *30*).

На селище Воронцово-1 встречаемость красноглиняной керамики с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка составляет 23% (от 106 образцов). В подъёмном материале присутствуют два односторонних бронзовых нательных креста второй половины XV–XVI вв. Один из них по оформлению близок нескольким крестам-тельникам из Городка (рис. 164Б, *9*). Это одностороннее восьмиконечное изделие с килевидным завершением нижней лопасти и четырьмя клеймами с монограммами на концах. Другая находка – односторонний четырёхконечный крест, слегка вытянутый вдоль вертикальной оси с прямоугольными окончаниями лопастей и рельефным изображением Распятия на лицевой стороне (рис. 164Б, *10*). Стилистические особенности изображения – плавно изогнутое тело Спасителя, непропорционально увеличенные кисти его рук, стилизованная передача двух слетающих ангелов над его головой – позволяют датировать его указанным промежутком.

На селище Ефимьево-6, помимо осколков белоглиняных сосудов с венчиками, характерными для сосудов Городка (рис. 164А; *Грибов,* А-2011а. Илл. 35, *2*), обнаружена серебряная денга Ивана III (рис. 16*, *6*). Её вес 0,24 гр., размер монетного кружка 13×7 мм. На лицевой стороне в линейном или пунктирном ободке помещено изображение всадника (вправо) с саблей в правой руке, под конём проставлены неразличимые литеры (вероятно, «С» и «Л»). Центр оборотной стороны обозначен трёхлепестковым цветком в точечном круговом ободке, вокруг которого – круговая надпись: [КНZЬВЕЛІКІИВАНЪ]ВАСІЛ[ЬЕ]. Опубликованы различные варианты данного типа (см.: *Орешников,* 1896. № 669. Табл. XI, рис. 516; *Зайцев,* 2006. С. 89–90. Варианты 13.1, 13.2, 14, 15, 16). Чеканка монет с подобным соотношением сторон, по мнению В.В. Зайцева, происходила кратковременно около 1490 г. (2006. С. 26, табл. 2).

На селище Кудрёшки-2 доля красноглиняной керамики без грубых примесей достигает 25% (из 284 фрагментов). Среди её образцов имеется фрагмент тулова «классического» красноглиняного гладкого горшка с узкой зоной линейного орнамента на плечике (*Грибов,* А-2010. Илл. 136, *9*). В массе преобладающих обломков белоглиняных сосудов выделяются фрагменты горшков с тонким тестом и отчётливым уступом при переходе венчика в плечико – аналогичные встреченным в ранних комплексах Городка (рис. 164В; *Грибов,* А-2010. Илл.136, *25, 26*). На памятнике обнаружен бронзовый односторонний восьмиконечный нательный крест с килевидным расширением окончания нижней лопасти, изображением Голгофского креста со «страстями» и венком в средокрестии (рис. 164В, *1*). Кроме того, на селище найдены две монеты – серебряный золотоордынский данг весом 0,94 гр., отчеканенный в г. Азаке от имени хана Науруза (*Грибов,* А-2010. Илл.137), и русская серебряная денга плохой сохранности весом 0,34 гр., выпущенная при Иване III или Василии III (рис. 16*, *11*). На её лицевой стороне – изображение всадника (вправо) с саблей в правой руке без каких-либо литер под конём. На обороте помещено поясное изображение человека (вправо), окружённое круговой легендой: W[СПОДАРЬ ВСЕЯ]РУ[СИ]. По материалам исследования В.В. Зайцева, такое сочетание штемпелей характерно для монетных выпусков, появившихся около 1505 г. (2006. С. 26, табл. 2; С. 91, 92, типы 21, 22, 26).

На селище Кудрёшки-3 осколки красноглиняных сосудов без грубых примесей составляют 21% от общего количества керамики (415 фр.). Обнаружен один осколок красноглиняного гладкого горшка с высоким плечиком, украшенным узкой зоной линейного орнамента (*Грибов,* А-2010. Илл.150, *1*). Венчики многочисленных белоглиняных горшков не имеют краевых утолщений, некоторые из них, как на Городке, приострены (*Грибов,* А-2010. Илл. 150, *4, 10, 11*). Крупный фрагмент одного белоглиняного сосуда выделяется из общей массы по концентрированной примеси среднезернистого песка и нанесённым на тулово широким полоскам линейного орнамента (*Грибов,* А-2010. Л. 50). Это изделие можно отнести к малочисленной подгруппе V-3 белоглиняной керамики Городка.

На поселении Крутец-1 доля красноглиняной посуды без грубых примесей в комплексе относительно невелика и составляет 7,4% от 713 фрагментов. Обратить внимание на это поселение заставляет находка выразительного фрагмента красноглиняного сосуда с примесью мелкозернистого песка в тесте, по сочетанию профилировки и орнаментики близкого к «классическим» красноглиняным гладким горшкам московской работы (рис. 164Г), а также венчики белоглиняных горшков коломенского типа без выраженных краевых утолщений с разреженным орнаментом, заходящим на плечико (*Аникин,* А-2004а. Илл.29, *20*).

На поселении Ольгинском встречена серия керамических находок, характерных для коллекции Городка. Это: венчик красноглиняного сосуда с тонким тестом, близкий по профилировке к горшкам типа 1.2 (рис. 163, *50*); венчики белоглиняных горшков коломенского типа без краевых утолщений с разреженным орнаментом, частично заходящим на плечико (рис. 163, *58–61*); фрагмент верхней части ангобированного изделия с массивным краевым утолщением, которое, по сочетанию смешанного сырья и концентрированной примеси среднезернистого песка, можно отнести к редким сосудам подгруппы V-3 (рис. 163, *57*). Среди индивидуальных находок необходимо отметить фрагмент расписанной белым ангобом красноглиняной игрушки-колокольчика, характерной для комплексов г. Владимира второй половины XV – первой половины XVI вв. (рис. 162, *12*), железную дужку от замка типа Е (рис. 162, *3*).

На памятнике обнаружено пять монет: две серебряные денги Ивана III (рис. 16*, *1, 2*), два «тяжёлых» медных пула удельной чеканки с равносторонним крестом на одной стороне (рис. 16*, *3, 4*), медное «облегчённое» тверское пуло (рис. 16*, *5*), массовое изготовление которых с помощью маточников началось в 90-х гг. XV в. (*Грибов,* А-2009в. Л. 11–13. Илл. 5, *1–5*). Одна серебряная денга – новгородского чекана весом 0,74 гр. (рис. 16*, *1*). На её лицевой стороне помещено обрамлённое нечитаемой круговой легендой изображение скачущего вправо всадника с саблей и литерой «М» под брюхом коня. Оборотная сторона целиком занята четырёхстрочной надписью: [WСП]/[О]ДАР[Ь]/ВСЕЯ[Р]/УСИ. Монеты такого типа чеканились в период 1479–1505 гг. (*Зайцев,* 2006. С. 47, 48; табл. 8, тип 2–2). Вторая денга – весом 0,29 гр., типологически близка к монете, обнаруженной на селище Ефимьево-6 (рис. 16*, *2*). На её лицевой стороне – скачущий вправо всадник с саблей и литерами «С» и «Л» под конём; в центральной части оборотной – трёхлепестковый цветок в круглом ободке из точек, обрамлённом круговой легендой: [К]НZЬВЕЛІ[КІИВАНЪВАСІЛЬЕ] (*Зайцев,* 2006. С. 89–90. Варианты 13.1, 13.2). Первое «тяжёлое» пуло (весом 1,35 гр.) – анэпиграфное (рис. 16*, *4*). Оно соответствует варианту 1 наиболее распространённого типа пул Городка с равносторонним крестом на лицевой стороне, имеющим раздвоенные окончания и шестилучевые звёзды в промежутках между осями, и фигурой из перекрещенных и переплетённых «ленточных» овалов в четырёхлепестковом ободе – на оборотной. Второе пуло (весом 1,25 гр.) на стороне с изображением равностороннего креста имеет нечитаемую круговую легенду, а на оборотной – в фигурчато-скобчатом ободке, обрамлённом подражанием арабской вязи (?), изображение идущего вправо животного (барса?) с головой повёрнутой назад и приоткрытой пастью (рис. 16*, *3*). Медные монеты с подобным изображением барса на одной стороне и равностороннего креста на другой обнаружены при раскопках Старого Гостиного двора в г. Москве в 1998 г. Их чекан отнесён В.В. Зайцевым ко времени правления Василия Дмитриевича московского (1489–1425 гг.) (2009. С. 36, рис.2, *1–7*; 44, тип № 2).

С высокой степенью достоверности можно утверждать о функционировании единовременно с Городком только двух из восьми выделенных поселений – селища Ефимьево-6 и поселения Ольгинского. В этом убеждают обнаруженные на них монеты Ивана III.

Редкость населённых пунктов этого времени становится особенно очевидной при изучении ближайшей Нижегородской округи, географически тяготеющей к бассейну небольшого правобережного волжского притока р. Рахмы (рис. 15*). Эта местность соответствует южному сектору условной двадцатикилометровой зоны нижегородской крепости. Здесь, за пределами территории средневекового города и его подгородных монастырей, на участках, как правило, свободных от современной инфраструктуры, зафиксировано 48 русских селищ. Датировка 75% из них включает в себя промежуток XIII – начала XV вв. Остальные 25% датируются XVI–XVIII вв. На трети средневековых памятников обнаружены следы хозяйственной активности XVI–XVII вв., но только в материалах одного Ольгинского поселения не просматривается отчётливый перерыв, соответствующий большей части XV столетия.

По своему расположению на местности поздние поселения XVI–XVIII вв. различно соотносятся со средневековыми селищами. Одни из них полностью занимают площадки более ранних поселений[121], другие – перекрывают только часть ранее освоенной площади[122], застройка

[121] Поселение Ольгинское.

[122] Например, поселение, соответствующее агломерации примыкающих друг к другу селищ Бешенцево-2, -3.

третьих выходит за пределы средневековой селитебной территории[123]. Некоторые, очевидно, возобновлённые населённые пункты в начале указанного временного промежутка возникают в непосредственной близости от заброшенных средневековых селений в сходной с ними топографической обстановке[124]. Однако многие из более поздних памятников располагаются в иных, ранее не заселённых урочищах[125]. В XVI–XVII вв. в Березополье складываются новые крупные поселенческие центры[126], вокруг которых формируются новые освоенные микрорайоны (*Давыдова,* 2001. С. 118). Эти поселения возникают на заметном удалении от наиболее значительных по размерам средневековых селищ. Всё это свидетельствует о формировании новой структуры расселения, сложившейся уже при иной (поместной) системе землевладения. Скорее всего, численность заселённых мест в Березополье достигает средневекового уровня уже после окончания Смутного времени: на карте населённых пунктов Нижегородского уезда, составленной по материалам писцовых описаний конца XVI–XVII вв.[127], их плотность и расположение в целом соответствуют распределению известных здесь средневековых памятников (рис. 13*).

Таким образом, хронология нижегородских селищ выявляет отчётливый спад в динамике заселённости окрестностей Нижнего Новгорода, соответствующий большей части XV в. Малочисленность сельских памятников заставляет усомниться в способности сельской округи обеспечивать в этот период снабжение города необходимыми продуктами питания. Все они располагаются к западу от Нижнего Новгорода, недалеко от дороги, связывающей его с Москвой и Муромом. Их датировка в целом выходит за хронологические рамки Городка, что даже по составу подъёмного керамического материала[128] делает этот памятник не похожим ни на одно нижегородское селище. Очевидно, это является следствием того, что в городских окрестностях отсутствовали или были крайне редки синхронно с ним основанные и синхронно с ним запустевшие селения. В этом угадывается особое историческое предназначение Городка, выделяющее его из массы прочих населённых мест нижегородской округи.

§ 4. ВРЕМЯ ИВАНА ВЕЛИКОГО НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

События второй половины XV – начала XVI вв., определившие основные направления внешнеполитических притязаний Московского государства, не могли миновать порубежный поволжский город. Для осмысления материальных следов нижегородской повседневности эпохи перемен Ивана Великого, обратимся вновь к письменным источникам. Последовательно рассмотрев отдельные эпизоды с упоминанием Нижнего Новгорода, охарактеризуем его «участие» в общеисторическом процессе, очертим круг наиболее востребованных функций города на окском устье в этот период, выясним влияние инициатив великокняжеской администрации на социальный состав местных насельников и демографическую ситуацию в целом. Целью предпринимаемого обзора станет воссоздание исторического контекста необычного археологического памятника из нижегородского предместья. Изучение исторической обстановки, в которой протекала жизнь обитателей связанного с ним поселения, укажет в дальнейшем возможные пути к его исторической интерпретации.

---

[123] Например, на селище Великосельево-1.

[124] Так, территории разновременных селищ Ближнее Константиново-1,-2 разделены узкой балкой.

[125] Так, только в XVI–XVII вв. первые поселения появляются на возвышенном левом берегу р. Рахмы (селища Федяково-1 и Анкудиновка-1).

[126] Такие, как Горбатов, Богородское.

[127] См. Карту 3 Приложения к работе Давыдовой А.А. «Границы Нижегородского уезда в конце XVI–XVII вв. и их пространственные изменения. Внутренняя административно-территориальная структура» (http://www.opentextnn.ru/history/rushist/dorevigu/gubnn/admter/?id=1285). Давыдовой А.А. удалось локализовать около 75% упоминаемых в документах сёл и деревень.

[128] По доминированию красноглиняной посуды без грубых примесей при заметном присутствии фрагментов сосудов из беложгущейся глины и красноглиняных изделий с крупнозернистыми добавками в тесте.

ИСТОЧНИКИ

Центральное место среди письменных источников, содержащих сведения о Нижнем Новгороде второй половины XV – начала XVI вв., занимают памятники официального великокняжеского летописания. Известия о событиях начала правления Ивана III можно найти в сводах 70-х гг. XV в. К их передаче наиболее близки списки Вологодско-Пермской летописи и Московского летописного свода конца XV в. Ситуацию последней четверти столетия отражают редакции великокняжеского свода 90-х гг. Они представлены в завершении Уваровского списка Московского свода конца XV в. (за 1479–1492 гг.), в последней части Симеоновской летописи (1480–1493 гг.), в заключительных разделах Сокращённых летописных сводов 1493 и 1495 гг., в своде 1497 г.

Сведения об отдельных исторических эпизодах второй половины XV – самого начала XVI вв. сохранились только в летописании периода правления Василия III. Первый составленный при этом правителе официальный свод датируется 1508 г. Его небольшая часть с ценными подробностями осады Нижнего Новгорода 1505 г. вошла в список И.Н. Царского Софийской I летописи, созданный вскоре после 1508 г. (ПСРЛ. Т. 39. С. 4). Следующая редакция великокняжеской летописи доведена до 1518 г. Она лежит в основе Софийской II – Львовской летописей. Её автор в качестве главного источника использовал московский оппозиционный свод 80-х гг. XV в. (*Лурье,* 1976. С. 223–240). Этим объясняется присутствие в указанных памятниках оригинальных дополнений к официальным известиям о новгородских событиях 70–80-х гг. Кроме того, её завершающая часть, начиная со статьи 6991 г. (см.: *Лурье,* 1976. С. 228), сохранилась в составе Уваровской летописи, протограф которой, по мнению К.Н. Сербиной, был составлен в 1525–1530 гг.[129] Последующие редакции великокняжеского свода датируются 1520, 1526, 1533 гг. (*Зимин,* 1972. С. 39–43). Первую из них передаёт Иоасафовская летопись, послужившая непосредственным источником основной редакции Никоновской. Вторая отражена во второй редакции Вологодско-Пермской летописи, в её Академическом списке, третья – в Воскресенской. Текст последней в начале 60-х гг. XVI в. был привлечён для составления Степенной книги. Отсутствующие в сводах, прошедших официальную апробацию, подробности отдельных исторических эпизодов сохранились в Ермолинской, Типографской и Тверской летописях.

Театр военных действий на восточном направлении в конце 60-х гг. XV в. затрагивал северорусские города. По этой причине в их провинциальное летописание оказались включёнными оригинальные сообщения, затрагивающие и Нижний Новгород. Наибольший интерес в этом плане представляет Устюжская летопись первой четверти XVI в. (ПСРЛ. Т. 37. С. 3)[130]. Развёрнутый эмоциональный рассказ о штурме Нижнего Новгорода войском Мухаммеда-Эмина содержится в Истории о Казанском ханстве или Казанском летописце – историко-публицистическом произведении, написанном русским пленным, непосредственным свидетелем казанских событий середины XVI в. в 1564–1566 гг. Памятник известен в многочисленных редакциях и списках, самые ранние из которых датируются концом XVI – началом XVII в. (*Дубровина,* 2000. С. VII).

Всего от эпохи Ивана III в памятниках летописного жанра, появившихся до начала XVII в., сохранились сведения о двенадцати нижегородских эпизодах. Их дополняют данные актов, разрядных книг и посольских дел. Интересные подробности об обстановке в городе на устье Оки в это время содержатся в литературных произведениях – «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, житиях Зосимы и Савватия Соловецких.

СОБЫТИЯ

Перечень событий, связанных с Нижним Новгородом эпохи Ивана III, начинается с летописных известий о так называемой «первой Казани» – первой неудачной попытке поставить на новое «Волжское царство» лояльного Москве правителя. Походы в «Казанские ме-

[129] Памятник известен в двух списках XVI в., старейший датирован 30-ми гг. этого столетия (ПСРЛ. Т. 28. С. 8).

[130] Одна её редакция сохранилась в единственном списке Л. С. Мациевича XVII в., другая – в трёх списках XVII–XVIII вв., один из последних получил известность как Архангелогородский летописец.

ста» 1467–1468 гг., военная кампания 1469 г. наиболее подробно и бездефектно отражены в Уваровском списке Московского летописного свода конца XV в. Во внешнеполитическом и военном аспектах эти походы, как и последующие военные операции на Средней Волге, подробно рассмотрены в целом ряде специальных исследований (см., например: *Алексеев,* 2007. С. 36–95; *Базилевич,* 1952. С. 64–72; *Худяков,* 2004. С. 27–34; *Чеченков,* 2005б).

События начали развиваться в начале осени 1467 г. (6976 г.), когда из г. Владимира в направлении столицы Казанского ханства вышло большое сводное войско, сопровождающее младшего сына Улу-Мухаммеда царевича Касыма, позванного «на царство» казанскими оппозиционерами (ПСРЛ. Т. 25. С. 279). Затеянное предприятие не достигло поставленной цели. Верные действующему хану Ибрагиму[131], племяннику московского ставленника, казанские татары не подпустили москвичей к своей столице. Последовав за тяжело отступающим по осенней распутице русским воинством, казанцы «изгоном» напали на Галич. В сохранившемся летописном описании этого похода Нижний Новгород не упоминается, но попадает в перечень городов, в которые великий князь, очевидно, из-за угрозы нового татарского нападения, повелел разослать заставы сразу после его бесславного завершения (ПСРЛ. Т. 25. С. 279).

Первая неудача на казанском направлении привела к затяжной войне. Уже осенью–зимой 1467 г. (6976 г.) московский князь организует два ответных похода. В первый из г. Галича он отправляет свой Двор против союзных казанцам черемис. Во второй – муромцев и нижегородцев «…воевати по Волзѣ…» (ПСРЛ. Т. 25. С. 280). Под муромцами и нижегородцами здесь, скорее всего, следует понимать заставы, направленные в эти города после нападения на Галич сразу после «первой Казани». Сам великий князь с большим войском, прикрывающим путь на Москву, оставался во Владимире.

Весна 1468 г. ознаменовалась нападением казанских татар на костромские волости, устюжскую Кичменгу и Муром. Набег был отбит силами гарнизонов Костромы и Мурома (*Алексеев,* 2007. С. 52).

План летней кампании предусматривал одновременные удары по Казанскому ханству с севера, из района Галича и Устюга по Каме, и с запада – по Волге из Нижнего Новгорода. Накануне Троицы, 4 июня 1468 г. (6976 г.) «…из Новагорода из Нижнего застава князя великого, князь Федоръ Хрупин с Москвичи идоша на Волгу и побиша Татаръ Казаньских, дворъ царевъ, многых добрых» (ПСРЛ. Т. 25. С. 281). Нижегородский гарнизон, доверенный ещё совсем молодому воеводе Фёдору Семёновичу Хрипуну Ряполовскому, состоял из служилых людей Московского уезда и вряд ли был многочислен. Победа, одержанная в бою у Звенича Бора под Казанью, первым лучом воинской славы осветила тогда начало карьеры одного из выдающихся полководцев Ивана III, получившего известность только в 80–90-х гг. XV в. (*Алексеев,* 2007. С. 59). Вместе с тем, успех на Волжском направлении в кампании 1468 г. не имел решающего значения: главные силы тогда были сконцентрированы в Северной рати, а её продвижение приостановилось после того, как казанцам удалось исключить участие вятчан в военной операции.

Непростые условия торгового сообщения по Волге в это время зафиксированы в записках тверского купца Афанасия Никитина. В навигацию 1468 г.[132] он вынужден был две недели провести в Нижнем Новгороде, ожидая подхода великокняжеского посольства в Ширван, чтобы вместе с ним преодолеть выходящий за пределы русских земель наиболее протяжённый и опасный участок предстоящего пути (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 222). Контроль за продвижением торговых караванов в городе тогда осуществляли пошленник Иван Сараев и Михаил Киселёв, названный в позднейших списках памятника наместником (см.: *Чеченков*, 2004а. С. 66, прим. 300).

Наступление на Казань возобновилось в следующем году. План операции, вероятно, предполагал лишить противника возможности своевременно перебросить войска к месту главного удара и в своих общих чертах повторял замысел кампании 1468 г. Однако весной 1469 г. большая часть великокняжеского войска под руководством Константина Александровича Беззубцева была направлена в Поволжье, и Нижний Новгород стал местом его сосредоточения. Кроме ча-

[131] «Обреиму» – в русских летописях.

[132] Дата начала путешествия определяется по замечанию летописца, помещённому перед текстом повести, и фиксирует возвращение посла Василия Папина (вместе с которым Афанасий Никитин отправился в путь из Нижнего Новгорода) из Орды за год до казанского похода Юрия Васильевича, произошедшего осенью 1469 г. (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 221; *Семёнов,* 1986).

сти двора великого князя в него входило служилое ополчение из почти десятка различных городов Московского княжества, а также Московская рать под командованием отдельного воеводы Петра Васильевича Оболенского. В неё помимо неименитых горожан были набраны привилегированные торговые люди – московские «сурожане» и «суконники» (ПСРЛ. Т. 25. С. 281).

Основной отвлекающий удар с севера должна была нанести малая судовая рать, вышедшая из г. Устюга сразу после открытия навигации. Облегчить её продвижение по Каме предполагалось небольшой вылазкой в казанские земли «охочих» людей из войска Константина Беззубцева, что дезориентировало бы основные силы противника и позволило нанести удар с неожидаемого направления. Именно такие действия предписывала доставленная в Нижний Новгород директива великого князя. Однако вечевой порядок управления, предполагающий частную инициативу самих воинов, рассчитывающих на богатую добычу, сорвал планы командования: вместо небольшого числа избранных «охотников» в поход вызвалось идти большинство, и управление войсками было утрачено. Самостоятельно, на общей сходке, избрав себе походным воеводой Ивана Руно, за год до этого получившего известность в бою с татарами на Каме, «охотники» заказали молебны и раздали милостыню в нижегородских церквях. Рассказ об этом, составленный, скорее всего, со слов очевидца, позволяет увидеть Нижний Новгород в довольно необычном ракурсе. Оказывается, сводное войско остановилось в нём за пределами старых городских укреплений: «И поидоша из Окы под Новъгород под старои, сташа под Николою на Бечевѣ и вышед ис суд идоша в город к старои церкве Преображенья господня и повелѣша ту сущим священником молебна совръшати за великого князя и за воя его. И отоля шед тако же и у святаго Николы молебна створиша…» (ПСРЛ. Т. 25. С. 282).

Вместо того, чтобы исполнить наказ верховного руководства, предписывающий «воевать» исключительно казанские окрестности, рать Ивана Руно устремилась к самой ханской столице. Успех дерзкой высадки на волжский берег перед стенами ханской Казани оказался кратковременным. После сожжения разграбленного посада, освобождения многочисленных пленников, удерживаемых здесь перед отправкой на восточные рынки, нападавшие были оттеснены сперва непосредственно к Волге, а затем на один из её островов. Только благодаря прикрытию подоспевших из Нижнего Новгорода свежих сил под командованием К. Беззубцева, «охотникам» удалось покинуть казанские воды и спустя какое-то время добраться до окского устья. Уход из-под Казани основного войска и неожиданный отказ вятчан от участия в войне сделали положение небольшой Северной рати критическим. С большими потерями ей удалось завершить рейд, пройдя волжским путём мимо Казани в Нижний Новгород (ПСРЛ. Т. 37. С. 47, 92). Здесь её участники простояли три недели, пришедшиеся, скорее всего, на август (*Алексеев,* 2007. С. 85). За это время Иван III дважды посылал каждому из выживших устюжан по золотой денге, а затем отправил «запас», повелев устюжанам идти на «зимованье» под Казань вместе с войском своего брата Юрия Васильевича, спешно отправленного на Волгу (ПСРЛ. Т. 37. С. 92). По перечню того, что входило в присланный «запас» – количеству сермяг, шуб и луков можно судить о примерной численности воинов, сумевших добраться до Нижнего Новгорода: их было около трёх сотен человек. Великокняжеский резерв, хранящийся тогда в нижегородских «закромах», очевидно, не был сколько-нибудь избыточным, если даже муку и масло пришлось доставлять из Москвы: «…послал ужину запас устюжаном: 700 четвертеи муки, да 300 пудов масла, да 300 луков, 6000 стрел, да 300 шуб бараньих, да 300 однорядок сипских, и лунских, и новогонских, и трекумских, да 300 сермяг...» (ПСРЛ. Т. 37. С. 92). Осенняя военная операция 1469 г., проведённая под руководством Юрия Васильевича, оказалась успешной. Это обеспечило стабильность на восточном направлении в течение ряда последующих лет (ПСРЛ. Т. 39. С. 148).

Следующий казанский поход, маршрут которого пролегал через Нижний Новгород, был предпринят только в конце мая 1478 г. (6986 г.), после внезапного нападения на Вятку казанских татар, засомневавшихся в успешном для великого князя исходе известных новгородских событий (ПСРЛ. Т. 25. С. 323).

Присоединение Великого Новгорода оставило след в нижегородской истории. Согласно сообщению Тверской летописи, уже в 1478 г. (6986 г.) город в окском устье принимал первых «сведённых» новгородцев (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 497, 498). Возможно, вскоре после этого, согласно сведениям из жития святых Зосимы и Савватия Соловецких, в нижегородском заточении оказа-

лась возглавлявшая боярскую оппозицию Марфа Борецкая (Жития Зосимы и Савватия…, 2005. С. 94, 95). Память о насильственно переселённых в нижегородские места новгородских жителях сохранилась в местном песенном фольклоре (см.: *Снежневский,* 1891. С. 591).

После включения Новгородской земли в круг великокняжеских владений и после «стояния на Угре», окончательно избавившего от ордынской зависимости, Московское княжество получило возможность укрепить свои позиции на Средней Волге. Сделать это было необходимо не только по политическим соображениям: жизнь поселян на восточной окраине русских земель была лишена мира и безопасности – казанские охотники за «живым товаром» активно занимались своим промыслом даже в Волго-Окском междуречье, поставляя на невольничьи рынки мирных рыбаков и хлебопашцев с берегов Клязьмы. Этот аспект повседневной жизни в нижегородских окрестностях освещает грамота из архивохранилища Троице-Сергиевского монастыря от 19 мая 1481 г., сообщающая, что в Ярополче и Гороховце, то есть в районе, удалённом более, чем на 70 км к западу от устья Оки, «...татары казанские...земли воевали и выжгли и людей развели...» (*Каштанов,* 1970. С. 398). Очевидно, Нижний Новгород как укреплённый военный центр не был способен противостоять этим нападениям и захватам: его гарнизон, размещённый на временной основе, как и само городское население, вероятно, были слишком малочисленны, чтобы в полной мере обеспечить контроль над районом окского устья.

В 1482 г. состоялся второй большой казанский поход. Как и летом 1469 г. были развёрнуты две воинские группировки: одна – в устье р. Оки, другая – на Вятке. Великий князь с главными силами по-прежнему стоял во Владимире, а судовая рать с артиллерией Аристотеля Фиораванти остановилась в Нижнем Новгороде (ПСРЛ. Т. 6. Вып 2. Стб. 315). Согласно выписям из посольских казанских книг за 16 июля 1482 г. (6990 г.), перед началом похода в город прибыли шесть воевод под началом боярина князя Ивана Васильевича с целью «…беречь от Алегама царя» (Разрядная книга…, 1966. С. 19, 20). Им предписывалось начать военные действия небольшими мобильными отрядами на лёгких маневренных судах ещё до выступления на Казань судовой рати. Возможно, эти манёвры, повлияв на переговорный процесс, склонили хана к скорейшему заключению мирного соглашения (*Алексеев,* 2007. С. 273).

Известия о самом значительном походе на Казань времён Ивана III не содержат упоминания Нижнего Новгорода, хотя по аналогии организации всех предыдущих военных кампаний на Волге, можно с высокой степенью уверенности полагать, что и в 1487 г. городу в устье Оки была отведена роль передового плацдарма (ПСРЛ. Т. 25. С. 331; Т. 12. С. 218–219; *Алексеев,* 2007. С. 289). Казань пала 9 июля 1487 г., хан Али (Алегам) был низложен, пленён и вместе с матерью – царицей Фатимой, супругой, братьями, сёстрами и приближёнными отвезён в Москву. Вместо него великий князь «…изъ своей руки посадилъ на царство…» его сводного брата Мухаммед-Эмина (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 323; *Алексеев,* 2007. С. 284).

Спустя год после казанских событий, зимой 1488–1489 гг. (6997 г.), опальные новгородцы, лишённые вотчин, получают поместья в нижегородских землях. Текст наиболее распространённого варианта соответствующего летописного сообщения наравне с Нижним Новгородом называет ещё целый ряд городов, где были «пожалованы» перемещённые новгородские бояре, гости и житьи люди (ПСРЛ. Т. 39. С. 164; Т. 12. С. 220; Т. 8. С. 218; Иоасафовская летопись, 1957. С. 127). В более подробном неофициальном варианте известия об этом событии из Синодальной редакции Типографской и Софийской II – Львовской летописях, статус переселенцев ограничен «житьими людьми», а место переселения – Нижним Новгородом (ПСРЛ. Т. 24. С. 237; Т. 6. Вып. 2. Стб. 325; Т. 20. Часть 1. С. 353)[133].

Минимум дважды линия судьбы приводила в Нижний Новгород московского ставленника на казанском столе хана Мухаммеда-Эмина. Именно здесь в 1497 г. он нашёл убежище от изменников (ПСРЛ. Т. 24. С. 213), пожелавших видеть своим правителем не его, а сибирского хана шейбанида Мамука, подошедшего со своей ордой к Казани весной 1496 г. (7004 г.; ПСРЛ. Т. 28. С. 328). Тогда в числе прочих на выручку лояльному Москве казанскому правителю были отправлены и дети боярские из понизовских городов. Среди них составитель великокняжеского свода впервые называет нижегородцев (ПСРЛ. Т. 28. С. 328). Захвативший Казань Мамук не смог удержаться во власти. Вместо него, по прошению казанской аристократии, великий князь

[133] В отличие от других источников в Типографской летописи, это сообщение помещено в статье за 6998 г.

отправил в ханскую столицу младшего брата Мухаммеда-Амина хана Абдул-Латыфа, чем, вероятно, зародил у первого глубокую кровную обиду. Пять лет спустя, в 1502 г., по неизвестной причине Иван III провёл своеобразную рокировку, вторично утвердив на казанском столе Мухаммеда-Эмина. Ещё через три года Мухаммед-Эмин, вероломно «нарушив роту», учинил погром русских послов и торговых людей. Многие из тех, кому посчастливилось бежать в то лето из Казани, были перехвачены дозорами черемис, загнаны в избы и сожжены заживо (ПСРЛ. Т. 30. С. 140). После этой расправы, в начале сентября 1505 г. войско, возглавляемое Мухаммедом-Эмином, подошло к стенам нижегородской крепости. Это было первое нападение на Нижний Новгород за шестьдесят лет, прошедших после нашествия орды его прадеда Улу-Мухаммеда.

Краткое изложение предыстории этого события попало в разрядные книги (Разрядная книга…, 1966. С. 35, 36). Из них следует, что ещё в августе 1505 г. к великому князю пришла весть о переправе через Волгу татарского войска, устремившегося на «ноугородцкие и на муромские места». Реакцией на это известие стала отправка заставы в Муром под началом двух воевод – Ивана Ивановича Горбатого и Семёна Ивановича Воронцова. 4 сентября пришло сообщение о переходе неприятеля через р. Суру в 150 верстах от Нижнего Новгорода ещё пять дней тому назад, то есть, 30 августа (Разрядная книга…, 1966. С. 36). На усиление муромского гарнизона были отправлены служилые татары и воевода Василий Данилович Холмский «с людьми», которому поручалось командование большим полком в случае генерального сражения.

Согласно тексту великокняжеского свода 1508 г., попавшему в состав списка И.Н. Царского Софийской I летописи, последующие действия разворачивались следующим образом: «Того же мѣсяца сентября приходилъ ратью нечестивыи царь Магамед-Аминь казаньскыи под Новъгород Нижнии, и стоялъ под городом два дни, къ градоу пристоупал, а на третеи день от града побеже, и граду не сотвори ничто же. Намѣстник же великого князя Ивана Васильевича Хабар с граждане же выходя из града многих людеи его биша» (ПСРЛ. Т. 39. С. 177). Почти дословно этот текст повторен в Воскресенской летописи (ПСРЛ. Т. 8. С. 245)[134]. Через неё этот вариант сообщения с упоминанием нижегородского наместника, вероятно, попал в Степенную книгу. Здесь его текст дополнен известием о неисцелимой болезни Мухаммеда-Эмина, впервые проявившейся после нападения на Нижний Новгород и мучившей его на протяжении последующих тринадцати лет до самой кончины (ПСРЛ. Т. 21. Часть 2. СПб., 1913. С. 566, 567). Летописи, основанные на редакциях великокняжеского свода 1518 и 1520 гг., а также Русский Хронограф первой редакции известие об осаде Нижнего Новгорода передают в сокращённой форме без упоминания о нижегородском наместнике (ПСРЛ. Т. 28. С. 338; Т. 6. Вып. 2. Стб. 373; Т. 20. С. 376; Т. 13. С. 259; Т. 22. С. 515; Иоасафовская летопись…, 1957. С. 147)[135]. Ещё более сокращённый вид сообщение о нижегородской осаде 1505 г. имеет в Устюжской летописи, содержащей оригинальное указание на разорение нападавшими нижегородских волостей («волости повоевал», см.: ПСРЛ. Т. 37. С. 52, 99).

Подробный рассказ о нападении на Нижний Новгород включён в состав Казанского летописца (ПСРЛ. Т. 19. Стб. 24, 25, 231). Согласно тексту памятника, нападение на город произошло неожиданно при отсутствии в нём сколько-нибудь значительного воинского контингента, из-за чего оборону держали руководимые воеводою Хабаром Симским преимущественно «… градцкіи, страшливыя люди…». Успех обороняющейся стороны, по мнению автора, в значительной степени был обусловлен метким артиллерийским огнём, умело организованным выпущенными по случаю осады из нижегородской темницы тремя сотнями литовских «огненных стрельцов», пленённых ещё во время битвы при Ведроши (в 1500 г.). Одно из пушечных ядер пробило грудь ногайскому мурзе, шурину казанского хана, когда оба они стояли за какой-то церковью, понуждая своих воинов к приступу. Внезапная гибель одного из руководителей похода вызвала сумятицу и междоусобицу среди нападавших. В результате этого происшествия

[134] Здесь имя-отчество «Иван Васильевич» употреблено в грамматической форме, позволяющей отнести его к воеводе Хабару, а не к великому князю, в отличие от текста Софийской первой летописи.

[135] Отсутствие упоминания событий 1505 г. в памятниках местного летописания – Летописце о Нижнем Новгороде и Нижегородском летописце, вероятно, объясняется тем, что в качестве источника при их составлении использовался Русский Хронограф второй редакции, в котором упоминание о походе Мухаммеда-Эмина отсутствует.

тридцатидневная (в передаче автора рассказа) осада была снята, хан увёл своё войско в Казань, а вознаграждённые воеводой литовцы получили свободу. Подвиг литовских пушкарей в тексте источника противопоставляется бездействию московских воевод, простоявших в Муроме с большим войском, «…себя стрежаху, а не земля своея…», в то время, когда казанцы выжигали окрестные сёла, «…христіанъ губяху».

Одни подробности, приводимые в Казанском летописце, находят явные параллели в текстах более ранних источников, другие – такой проверке не подлежат. Так, указание на внезапность нападения не противоречит данным разрядных книг: войско Мухаммеда-Эмина могло подойти к Нижнему Новгороду, когда в Москву ещё только дошли сведения о его переправе через Суру[136]. О нахождении в городе заставы великого князя официальные источники ничего не сообщают, напротив, летописи указывают, что бить врага выходили «граждане», то есть нижегородцы, что также согласуется с рассказом автора Истории о Казанском царстве. Наконец, прозвище нижегородского воеводы упоминается при описании событий 1505 г. в одном из наиболее близких по времени создания летописных текстов – списке И.Н. Царского Софийской I летописи. Рассказ о пленных литовцах, об их участии в обороне Нижнего Новгорода входит в комплекс оригинальных сведений, известных только по Казанскому летописцу[137]. К явно недостоверной информации этого источника следует отнести приводимые в нём количественные данные. Это касается не только продолжительности осады, но и численности войск[138].

ГОРОД, ЕГО ФУНКЦИИ И ЕГО НАСЕЛЕНИЕ

Изучение известий об осаде Нижнего Новгорода войском Мухаммеда-Эмина приводит к постановке вопроса об изменениях в организации городской обороны, произошедших после нашествия Улу-Мухаммеда. При описании событий 1505 г. источники, в отличие от летописных текстов за 1445 г., уже не связывают с обороной Нижнего Новгорода два различных центра. Боевые действия сконцентрированы у стен одного «города», с которым летописцы отчётливо ассоциируют сам Нижний Новгород. Этим «городом», скорее всего, мог быть только упоминаемый в летописных сообщениях 1445 и 1469 гг. «Нижний Новгород старой», либо какое-то более обширное защищённое оборонительным сооружением пространство, включающее в свою территорию старинную крепость. В случае захвата неприятелем древнейшей части Нижнего Новгорода, что неизбежно привело бы не только к разрушению укреплений, но и к разорению главного городского Спасо-Преображенского собора, в официальных источниках вряд ли бы появилось замечание: «…граду не сотвори ничто…». Другой центр городской обороны, упоминаемый в летописях под 1445 г., если и был задействован в противостоянии 1505 г., играл в нём явно второстепенную роль, никак не отмеченную летописцами. Не исключено, что казанцы и ногаи «повоевали» в ту осень не только нижегородские волости, о чём свидетельствует Устюжская летопись, но и нижегородские посады, на что прямо указывал информатор автора Казанского летописца (ПСРЛ. Т. 19. Стб. 24). В этом случае в огне пожара мог погибнуть и Нижний Новгород «меншой», находящийся где-то недалеко от старой нижегородской крепости, за её пределами.

Нетрудно заметить, что в летописных сообщениях времени правления Ивана III Нижний Новгород упоминается почти всегда в связи с военными кампаниями на Средней Волге. Очевидно, стратегическое значение города заметно возросло с появлением Казанского ханства. Во второй половине 60-х гг. XV в. он вновь становится главным опорным пунктом при прове-

[136] Пять дней для преодоления конным войском дистанции в 150 вёрст представляется даже избыточным сроком.

[137] Память о защитниках города 1505 г., удачном выстреле, решившем, быть может, его судьбу, ещё в середине XIX в. сохранялась в местной церковной традиции. С избавлением Нижнего Новгорода от Мухаммеда-Эмина она связывала основание посадской церкви Святого Пророка Илии и ежегодно совершаемый к ней крестный ход (*Макарий (архимандрит),* 1999. С. 345). В середине XIX в. в среде нижегородских краеведов получил широкую известность беллетризованный пересказ сообщения Казанского летописца с персонификацией «огненного стрельца», сразившего ногайского мурзу (*Храмцовский,* 1998. С. 71, 72). В дальнейшем эта растиражированная в краеведческих изданиях «Легенда о Фёдоре Литвиче» многими историками и нижегородцами стала восприниматься на правах научного факта (*Мартяхина, Кузнецов,* 2010).

[138] Численность нападавших оценена в 60000 воинов, численность сосредоточенного в г. Муроме русского войска – в 100000. Соответствие этих цифр реалиям уже подвергалось сомнению (см.: *Зимин,* 1972. С. 69). Заметим, что всё население России, по оценке Я.Е. Водарского, даже в середине XVI в. не превышало 6,5 млн. человек (1973. С. 27).

дении военных операций в Поволжье. Его военная функция проявляется в двояком качестве. С одной стороны, город в устье Оки выступает как важнейший тыловой плацдарм при осуществлении наступательных операций, с другой стороны – он «несёт службу» как передовой сторожевой пункт Московского княжества на восточном направлении.

До установления вассалитета над Казанским ханством в 1487 г. Нижний Новгород трижды становился отправным пунктом походов на завоевание ханской столицы (1469, 1478, 1482 гг.). Минимум трижды отсюда уходили воевать «казанские места» небольшие отряды, обеспечивающие прикрытие действиям основных сил (зимой и в начале лета 1468 г., в 1482 г.). При усилении военной опасности в городе на временной основе размещались специальные военные гарнизоны. Их использование предполагало не только оборону самого Нижнего Новгорода, как это планировалось в 1467, 1482 гг., но и участие в тактических наступательных операциях, о чём свидетельствует победоносный бой нижегородской заставы у Звенича Бора в 1468 г. В город войскам доставлялись великокняжеские директивы, подвозились припасы. Он служил надёжным убежищем как для измотанных и поредевших в боях военных отрядов, так и для казанских приспешников Москвы, вытесненных на время с активного политического поля.

Однако было бы ошибочно гиперболизировать значение Нижнего Новгорода на восточном театре военных действий. Главная линия «восточной обороны», очевидно, проходила тогда не через него, а западнее – через Муром, Владимир и Кострому. Второстепенная роль плацдарма в окском устье, по сравнению с этими оборонительными пунктами, отчётливо осознавалась при планировании военных операций. Только этим можно объяснить отсутствие активных действий по защите Нижнего Новгорода в 1505 г., когда и специальная застава, и большое московское войско были отправлены в Муром. Очевидно, военным руководством, не взирая на все негативные последствия такого исхода, допускалась возможность сдачи Нижнего Новгорода, поскольку более тяжёлые последствия как для благополучия московского «мегаполиса», так и для всего Московского государства, могло иметь открытие врагу муромского направления – на г. Владимир (*Чеченков,* 2005б. С. 153–154).

Не только одним устьем Оки определялся расклад сил и при проведении наступательных операций: помимо северных городов, большую роль в стратегическом планировании играл тыловой Владимир-на-Клязьме, где обычно располагалась ставка великого князя (Амелькин, 2000).

Во второй половине XV в. заметно возрастает административное значение Нижнего Новгорода. После взятия Казани в 1487 г. была усилена его функция, как центра сбора таможенных пошлин: на всех купцов и все посольства, пребывающие на Русь из Поволжья, налагался запрет на использование окольного сухопутного пути, минующего город в устье р. Оки, чтобы нельзя было «пошлины объехать». На это указано в ответе Ивана III ногайским послам, датированным в посольских книгах ноябрём–декабрём 1489 г.: «Князь великій велѣлъ тобѣ говорити: и ты бы въ Казани и во всей твоей землѣ заповѣдалъ всѣмъ своимъ людемъ, чтобы изъ Казани черезъ Мордву и черезъ Черемису на Муромъ и на Мещеру не ѣздилъ никто, а ѣздили бы изъ Казани всѣ Волгою на Новгородъ на Нижней» (Памятники дипломатических сношений…, 1884. С. 85).

В это же время происходят коренные изменения в местной структуре землевладений. Механизм отчуждения земельных угодий у прежних наиболее влиятельных собственников и их слуг путём принудительных распродаж зафиксирован в докончании Дмитрия Шемяки с суздальскими князьями, ставленниками Улу-Мухаммеда на нижегородском столе, Василием и Фёдором Юрьевичами (ДДГ. № 40. С. 120). Другим источником пополнения государственного земельного фонда за счёт земель Нижнего Новгорода, наверное, было исчезновение самих носителей земельного права в период политической нестабильности первой половины XV в. и «мамотяковщины». Во второй половине XV в. в Нижегородском Поволжье новые сельскохозяйственные и промысловые угодья получают московские Троице-Сергиев, Симонов, владимирский Рождественский, суздальский Спасо-Евфимьев монастыри (*Чеченков,* 2004б. С. 158, 159). Редкие сохранившиеся акты фиксируют появление светских феодалов среди новых землевладельцев (*Чеченков,* 2004б, С. 160). Тогда же часть «резервных» нижегородских земель были переданы «сведённым» опальным новгородцам на правах поместных владений (ПСРЛ. Т. 39. С. 164).

Следствием всё более активного освоения местных земельных угодий в конце XV – начале XVI вв. можно считать появление документов, фиксирующих размежевание земель и споры по выяснению границ земельных наделов. К таким документам относятся: докладной судный список 1509 г. с описанием давней тяжбы (1475–1479 гг.) между нижегородским Печёрским монастырём и великокняжескими бортниками из-за угодий на р. Пьяне (*Максин, Пудалов,* 1998. С. 116–118), разъезжая грамота 1498 г. на земли Ивана Бартенева (АСЭИ. Т. 3. № 305. С. 306), правая разъезжая грамота 1511 г. на земли того же Печёрского монастыря и на поместье Ивана Машкова (*Чеченков, Кузнецов,* 2007. С. 371–376).

Особая роль в установлении порядка в земельных делах отводилась писцовым описаниям, регулярно проводимым для учёта землевладений. Начало этим мероприятиям, вероятно, было положено вскоре после первого переселения новгородцев в нижегородские земли в конце 70-х гг. XV в. К такому предположению подводит сопоставление сведений из нескольких документов. В 1511 г. у «старожильцев» нижегородских сёл и деревень ещё не были утрачены воспоминания о трёх описаниях Нижегородского уезда великокняжескими писцами (*Чеченков, Кузнецов,* 2007. С. 362, 363, 374). О датах первых двух из них, выполненных под руководством Григория Кренева и Ивана Волынского, источники умалчивают. Третье, позднейшее, письмо Фёдора Киселёва, по сохранившейся выписи, датируется 1481–1482 гг. (АФЗХ. Ч. 1. № 240. С. 207–208). Эти три описания, скорее всего, были разделены небольшими временными промежутками, о чём косвенно может свидетельствовать тот факт, что ещё в октябре 1498 г. Григорий Кренев был жив и проводил «разъезд» Копнинской земли Ивана Бартенева с Ефимьевской землёй Печёрского монастыря (см.: АСЭИ. Т. 3. № 305. С. 306). Этот же Григорий Кренев впервые «учинял» межу землям некоего Ивана Машкова (*Чеченков, Кузнецов,* 2007. С. 373), фамилия которого присутствует в списке опальных новгородцев (*Чеченков,* 2004б. С. 161). Близость вероятного срока проведения первых описаний земель Нижегородского уезда к рубежу 70 – 80-х гг., к дате первого известного по Тверской летописи «нижегородского» переселения новгородского «вывода», представляется весьма симптоматичной. Возможно, потребность в учёте местных земельных ресурсов возникла именно в связи с обеспечением наделами новгородских переселенцев первой волны.

Административные функции Нижнего Новгорода обеспечивались работой разветвлённого управленческого аппарата, подробно изученного П.В. Чеченковым (см.: 2004а. С. 54–96). Во главе местной номенклатуры стояли наместники и волостели, их права и «корма» распределялись между городом и его сельской округой. По причине того, что претенденты на эти должности назначались не столько для управления, сколько для вознаграждения за прежнюю службу, их правовыми полномочиями были облечены и представители других номенклатурных единиц. Вместе с тем, наместники, очевидно, являлись главными ответственными лицами за положение в городе перед великокняжеской властью. Наверное, не случайно именно наместник Иван Васильевич Хабар лично возглавил слабо обученное градское ополчение при осаде Нижнего Новгорода осенью 1505 г.

Торговыми пошлинами и иными сборами ведали мытники и пошленники (*Каштанов,* 1970. № 22. С. 381). Нижегородский пошленник, вероятно, был известен всякому «гостю» проходящему со своим товаром по Волге. Вместе с наместником он, скорее всего, входил в узкий круг важнейших представителей административной верхушки (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 222).

К числу наиболее высокопоставленных должностных лиц можно причислить нижегородских ключников и дворских. Если первые были наделены судебными полномочиями[139], исполняли функции надзирателей за осуществлением прав на те или иные угодья[140], то деятельность вторых, по мнению исследователей, была нацелена на содержание городского великокняжеского хозяйства (*Чеченков,* 2004а. С. 82–85). Акты конца XV в. среди низших чинов системы управления нижегородскими землями упоминают сотских и десятских, привлекаемых к контролю за соблюдением крестьянских повинностей, а последних и в качестве

[139] См. разбор ключником Василием Евреем во второй половине 70-х гг. XV в. тяжбы между нижегородским Печёрским монастырём и великокняжескими бортниками в переложении автора докладного судного списка 1509 г. (*Максин, Пудалов,* 1998)

[140] По крайней мере, на рыбные ловли; см. упоминание о докладе нижегородского ключника Петели Паюсова в жалованной грамоте Ивана III Симонову монастырю от 7 марта 1475 г. (АСЭИ. Т. 2. № 389. С. 395–396).

наблюдателей со стороны крестьянской общины при судебных тяжбах[141] (*Чеченков,* 2004а. С. 95, 96).

Характер деятельности многих (если не большинства) должностных лиц предполагал присутствие и, соответственно, проживание непосредственно в самом городе. К сожалению, облик города меньше всего интересовал авторов сохранившихся текстов. Даже об основной тенденции в изменении численности городского населения в это время приходится делать лишь предположительные выводы на основании косвенных данных. В этой связи утрата первых писцовых описаний Нижнего Новгорода является поистине невосполнимой потерей.

Редкие разрозненные свидетельства указывают на вероятное увеличение численности как горожан, так и сельских жителей нижегородской округи во второй половине XV в. Переселение из новгородской земли затронуло не только боярскую верхушку мятежного города, но и семьи тысяч представителей его среднего класса («житьих людей») и, очевидно, носило массовый характер. Два разновременных летописных упоминания Нижнего Новгорода в качестве одного из мест перемещения попавших в опалу можно рассматривать как указание на то, что многие из них влились в состав его жителей либо пополнили население нижегородских волостей.

О весомости вклада новгородских «сведенцев» в местную демографию красноречиво свидетельствуют материалы антропонимики. Наличие известных новгородских фамилий у десятков нижегородских семейств, фигурирующих в документах XVI–XVII вв., указывает на выдающуюся роль новгородских переселенцев в формировании нижегородского дворянства (*Веселовский,* 1947. С. 321, 322). Исследователями выявлены шестьдесят четыре такие фамилии (*Веселовский,* 1947. С. 321, 322; *Кобрин,* 1985. С. 110, 111; *Чеченков,* 2004б. С. 160–162)[142]. Многие их обладатели принадлежали к именитым нижегородцам, занимавшим высокое положение в местной служебной иерархии XVI–XVII вв. Среди них – ключники Нижнего Новгорода Русин и Борис Доможировы, Микула и Гордей Бровцыны, Петр Левской, Василий Ружанинов, городовые приказчики Лун и Гаврила Доможировы, Исак Савельев (*Чеченков,* 2004б. С. 160, 161). Вероятно, не случайно фамилии попавших под репрессии жителей Великого Новгорода имеют соответствия и в местной нижегородской топонимике[143]: некоторые из сельских поселений могли получить своё наименование по фамилиям своих первых владельцев – новгородцев, наделённых поместьями в Нижегородском уезде.

Конечно, не все известные по документам XVI–XVII вв. нижегородцы новгородского происхождения вели свою родословную непосредственно от жителей Великого Новгорода, «выведенных» около рубежа 70 – 80-х гг. XV в. Предки некоторых из них, например, основатели известной нижегородской фамилии Жедринских, появились на нижегородской земле в более раннее время[144]. Другие, если верить местным преданиям, начали осваивать нижегородские места только после разгрома Иваном Грозным Великого Новгорода в январе 1570 г.[145] Установление времени появления в Нижегородском Поволжье предков многих бывших новгородцев осложнено отсутствием сколько-нибудь надёжных источников[146]. Однако прямые летописные указания,

[141] Об этом свидетельствуют актовые материалы, связанные с землями г. Гороховца: *Каштанов,* 1970. № 32. С. 399; АСЭИ. Т. 2. № 438. С. 522–524.

[142] К данному списку, наверное, можно добавить Бартеневых, фамилия которых созвучна фамилии новгородского рода Берденевых. Один из его представителей из числа великих новгородских бояр, Михаил Берденев, попал под арест в 1481 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 329). Копнинская земля Ивана Бартенева под Нижним Новгородом (на р. Кудьме) упоминается в разъезжей грамоте 1498 г. (АСЭИ. Т. 3. № 305. С. 306). В 20-х гг. XVII в. в Каменном городе Нижнего Новгорода стоял двор Алексея Бартенева, к 1679 г. перешедший во владение вдовы Евфимии Бартеневой (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 62, 360).

[143] Например, Плотцовы – д. Плотцово, ныне входящая в черту г. Нижнего Новгорода (БАН. № 495); Палицины и Крашевы – дд. Пальцыно и Крашово в Богородском районе (Топографическая карта СССР…, 1987. Лист О-38-136); Мурашкины – районный центр Большое Мурашкино и деревня Малое Мурашкино Большемурашкинского района Нижегородской области (Топографическая карта СССР…, 1987. Лист N-38-006). Фамилии новгородцев взяты из монографии: *Гневушев,* 1915. С. 300–337.

[144] Предки нижегородских Жедринских, согласно их родословной, были переведены из Великого Новгорода ещё при Василии Тёмном (*Гераклитов,* 1915. С. 1). Представителей этого рода можно встретить среди нижегородских дворских, ключников, городовых приказчиков XVI в. (см.: *Чеченков,* 2004а. С. 132–135). Некоторые Жедринские являлись участниками известных событий русской истории (см., подробнее: *Гераклитов,* 1915. С. 15, 16).

[145] Так, краеведческая традиция, основанная на рассказах арзамасских купцов, свидетельствует о заселении новоустроенного новгородцами г. Арзамаса (невдалеке от Нижнего Новгорода) в конце XVI в. (*Щегольков,* 1911. С. 19, 20).

[146] Например, отсутствуют сколько-нибудь ясные указания на время появления новгородцев в с. Богородском Березопольского стана Нижегородского уезда, ставшим впоследствии одним из районных центров Нижегородской области. Здесь, даже в наши дни

историческая память, запечатлённая в местном фольклоре, массовое присутствие у нижегородских служилых людей фамилий жителей Великого Новгорода, лишённых своих вотчин именно в конце XV в. – всё это убеждает в наличии значительной доли последних среди общей массы новгородских переселенцев.

Прирост числа служилых нижегородцев, вероятно, уже во время Ивана III, происходил не только за счёт бывших жителей Великого Новгорода. Некоторые из них могли быть переведены на восточные окраинные московские земли Нижегородчины из Литовского княжества после войны на рубеже XV–XVI вв. Об этом свидетельствуют материалы исследования родословия Строя Григорьевича Лачинова, получившего поместье в Березополье в 1520 г. (*Чеченков,* 2004б. С. 162; Акты служилых землевладельцев…, 2002. № 205. С. 169).

Для общей оценки изменения демографической ситуации в крае во второй половине XV в. представляется знаменательным следующее наблюдение. При описании большого казанского похода 1469 г. великокняжеский летописец называет десяток московских городов, рати которых собрались в Нижнем Новгороде, но не упоминает о градском ополчении самого Нижнего Новгорода. Первое известие о нижегородских служилых людях (детях боярских) в летописных памятниках появляется только в 1496 г. (ПСРЛ. Т. 28. С. 328), о нижегородских гражданах – в 1505 г. (ПСРЛ. Т. 39. С. 177). Вероятно, в хронологических рамках, намеченных этими сообщениями, происходило зарождение нижегородского дворянства. Поставленные судьбой в суровые условия выживания на незнакомой окраинной и скупой на щедроты нижегородской земле, его представители, вместе с облечёнными властными полномочиями служилыми людьми, очевидно, сыграли ключевую роль в возрождении, как самого города в устье Оки, так и его сельского окружения.

К завершению правления Ивана III Нижний Новгород выходит из небытия конца 40-х – начала 60-х гг. XV в. известным порубежным городом-крепостью Московского государства. К этому времени в нём складывается новый административный аппарат, за счёт переведенцев из других земель формируется нижегородское служилое дворянство. «Плохо обеспеченное экономически…», оно «…не блистало и генеалогией, не имело и служебных связей, не пополняло чины московские» (*Любомиров,* 1917. С. 25). Его обеспечение обуславливалось сложением поместной системы в местном землевладении. Происходившие во второй половине XV – начале XVI в. изменения, очевидно, не могли не отразиться на облике самого города. Вместе с тем, после окончательной утраты Нижним Новгородом своей политической автономии следы городской застройки при археологических раскопках на его территории фиксируются только с рубежа XV–XVI вв. И это необходимо учитывать при разработке непротиворечивой версии нижегородской действительности эпохи перемен Ивана Великого.

§ 5. ГОРОДОК В КОНТЕКСТЕ НИЖЕГОРОДСКИХ РЕАЛИЙ XV В.

Замыкая пространство исследования городской чертой столицы великого Нижегородско-Суздальского княжества, сложно предложить непротиворечивое объяснение двум феноменам, отражающим нижегородскую действительность XV в. Один из них связан с бицентричностью города, отчётливо сознаваемой современниками в середине этого столетия; другой обусловлен отсутствием следов освоения городской территории, которые, казалось бы, неминуемо должны сохраниться от эпохи Ивана III, изменившей как военно-политическую значимость Нижнего Новгорода, так и его социально-экономический статус.

Ближайшим к средневековой нижегородской крепости местом, где в настоящее время известны остатки застройки, соответствующие лакуне в городском культурном слое, является городище Городок. Для изучения наиболее «тёмного» периода нижегородской истории по археологическим данным этот памятник имеет первостепенное значение.

Любые варианты его исторической интерпретации должны опираться на результаты полевых исследований. Выделим характерные археологические признаки Городка, наметим круг близких ему известных памятников, сделаем ряд предварительных обобщений, касающихся со-

среди богородчан бытуют предания об основании их города выходцами из Великого Новгорода (*Шеломаев,* 1941. С. 13; *Пчелин,* 2010. С. 331; Село Богородское…, 2014. С. 72).

циальной дифференциации местных насельников, специфики хозяйства и экономики связанного с ним поселения. При выяснении вероятного социально-экономического статуса последнего будем опираться на данные, которые хотя и были получены при изучении локального участка, но в силу определённых причин могут характеризовать памятник в целом. Выводы, полученные на основе таких данных, носят, как правило, качественный характер: они фиксируют присутствие какого-либо явления, но не позволяют оценить, насколько замеченный феномен распространён среди других, дать ему какую-либо количественную оценку[147]. Поэтому особое значение имеют объекты, сам факт обнаружения которых может быть истолкован в качестве одного из специфических признаков изучаемого средневекового поселения[148]. Важную роль при интерпретации результатов сравнительно небольших раскопок играет массовый материал. В случае его статистической однородности усреднённые характеристики массовых находок и основанные на них выводы могут быть экстраполированы за границы участка их сбора.

Основными характеристиками любого археологического памятника являются его культурная принадлежность, вид[149] и датировка. Преобладание в керамике Городка образцов русской посуды и многочисленные находки предметов христианского культа свидетельствуют о доминировании русских традиций в среде местных насельников. Несколько сложнее обстоит дело с определением вида памятника.

Напомним, что существующие представления по этому вопросу неоднозначны (см. § 1 главы 2). В документе о постановке Городка на государственную охрану, где были впервые зафиксированы его основные характеристики, он обозначен как городище[150]. Причиной такого определения, вероятно, стало расположение Городка на труднодоступном мысу[151]. Вместе с тем, по результатам первого обследования 1992 г., памятник был отнесён к селищам (*Гусева,* А-1992). Формальный посыл для такой атрибуции вполне очевиден – во время первого обследования остатки земляных укреплений обнаружены не были, а сама территория памятника ограничена весьма незначительной частью верхней площадки мыса, соответствующей области распространения основной части подъёмного материала. Вновь как укреплённое поселение Городок был охарактеризован в научном отчёте по результатам исследований 2003 г. (*Грибов,* А-2003а). Для уточнения вида памятника был привлечён подробный инструментальный план Нижнего Новгорода середины XIX в. (рис. 8*). Отмеченная на плане в районе перешейка мыса морфоструктура была интерпретирована как остатки земляных укреплений в виде земляного вала и рва. Кроме того, вскрытая планировка раскопанного в 2003 г. участка указывала, что средневековая застройка может выходить за границы памятника, определённые в 1992 г. Этот вывод косвенно подтвердили результаты предпринятого в том же 2003 г. нового картирования подъёмного материала. Оказалось, что его область распространения занимает не только северо-западную периферию верхней площадки мыса, но охватывает и весь его северный склон, доходя до того места на перешейке, где на плане середины XIX в. располагалось северное окончание земляной насыпи. В следующем 2004 г. распространение средневековой застройки за пределами первоначально установленных границ памятника было доказано материалами шурфа № 2, заложенного на значительном удалении от места первоначальных раскопок и сборов подъёмного материала.

Основным аргументом для отнесения памятника к разряду городищ в настоящее время является крупномасштабная инструментальная съёмка, выполненная землемером Медведевым и

---

[147] Так, обнаружение на небольшом раскопанном участке памятника характерного комплекса инвентаря, приуроченного к определённым сооружениям, может указывать на присутствие в составе местных насельников представителей определённых социальных групп. Но по результатам таких локальных исследований невозможно дать даже вероятностную оценку их доли в структуре местного социума.

[148] Например, наличие усадебной застройки, зафиксированной на сравнительно небольшом раскопе, можно рассматривать не только как специфический атрибут изученного участка, но и как специфическую характеристику памятника в целом, даже в том случае, если при последующих исследованиях выяснится, что она прослеживается только на части селитебной территории.

[149] То есть место, занимаемое им в общей классификации археологических объектов.

[150] См. решение Нижегородского облисполкома № 471 от 18.12.1989 г.

[151] Следует отметить, что иногда к городищам причисляют поселения без остатков земляных укреплений (валов и рвов), но обладающие «естественной» защищённостью. Последняя могла выражаться в виде исключительно крутых и высоких склонов, которые следовало одолеть неприятелю, стремившемуся попасть на возвышенную заселённую площадку. Подобные объекты выделяют в особый тип городищ островного типа, см., например: *Юшко,* 1991. С. 99.

топографом Лебедевым в 1848–1849 гг. Обозначенный на ней в районе перешейка мыса микрорельеф по форме, ориентации и положению на местности соответствует укреплениям типичных мысовых городищ (рис. 8*). Наземные остатки оборонительных сооружений Городка, очевидно, были разрушены во второй половине XX в. при строительстве на их месте кирпичного здания сторожки и въездных ворот городской Базы спецуправления зелёного строительства. Рядом с этими объектами современной инфраструктуры в 1995 г. на дневной поверхности ещё были заметны следы линейно вытянутого углубления, соответствующего выемке перед насыпью, указанной на плане середины XIX в. (*Ерёмин,* А-1995).

Период развития отечественной крупномасштабной картографии, к которому относится составление указанного плана Нижнего Новгорода, характеризуется особым вниманием к отображению микрорельефа, предполагающее обязательное картирование даже курганных насыпей (см.: *Постников,* 1989. С. 152). Точность фиксации таких объектов на картах этого времени подтверждена археологическими раскопками (см., например: *Карпухин,* 2007). Связь изображённого на плане 1848–1849 гг. микрорельефа именно с остатками земляных укреплений, подтверждается сходным обозначением на нём, в той же принятой тогда «штриховочной» манере, отрезка нижегородского посадского вала на ул. Осыпной, который сохранился среди современной городской застройки (План губернского города…, 1992. Л. 2).

От рядовых неукреплённых сельских поселений Городок отличается совокупностью особенностей, выявленных по материалам раскопанных участков. К ним относятся: наличие усадебного характера застройки и, вероятно, даже участка с уличной планировкой; присутствие в инвентаре предметов вооружения, элементов снаряжения верхового коня и всадника, большого количества монет, железных стилей, редких образцов мелкой христианской пластики; специфический состав палеоэкологических остатков, противоречащий нацеленности экономики местных домохозяйств, как на производство сельхозпродукции, так и на профессиональный охотничий промысел (*Антипина, Грибов,* 2013. С. 1012). Сочетание всех этих черт противоречит археологическому облику русских средневековых селищ.

Временной интервал, соответствующий функционированию поселения на Городке, может быть определён двояким образом в соответствии с разделением его на наиболее вероятный и менее вероятный отрезки (см.: *Щукин,* 1978).

Наиболее вероятная «узкая» датировка памятника очерчивается промежутком середины XV – начала XVI вв. Она получена суммированием хронологических пределов разновременных комплексов из заполнений ряда материковых ям, вскрытых на основном раскопанном участке городища (на раскопах 1–3). Временные рамки формирования большинства из них удалось существенно сузить по сопутствующим монетам.

На сравнительно короткий срок функционирования поселения указывает хронологическая однородность многочисленных нумизматических находок. Напомним, что чеканка определимых монет из серебра (21 экз.) ограничена 1425–1505 гг., причём, подавляющее большинство из них (87% – 18 экз.) были выпущены между 1446 и 1505 гг. Верхняя граница периода обращения девяти медных «тяжёлых» пул русской чеканки, вряд ли, выходит за пределы 90-х гг. XV в.

Возможность распространения общей датировки опорных комплексов, изученных на одном раскопанном участке, на памятник в целом, обуславливается типологическим сходством представленного в них инвентаря с подъёмным материалом и находками из шурфа № 2, заложенного на значительном удалении от основной исследованной площадки.

Предложенные наиболее вероятные хронологические рамки памятника, установленные, главным образом, по монетным находкам, подтверждаются калиброванными радиоуглеродными датами, полученными для двух образцов обуглероженной древесины, оставшейся от столба одной из частокольных оград[152]. Пересечение наиболее вероятных интервалов этих дат перекрывает промежуток 1431–1488 гг. (табл. 23).

Время бытования небольшой группы инвентаря выходит за пределы указанной «узкой» датировки. К этой группе относятся фрагменты от двух поливных кашинных сосудов, осколок китайского селадона, два осколка стеклянных браслетов и одного бирюзового пастового перстня. Эти находки, как правило, встречаются на поселениях или в отдельных постройках, за-

[152] Из канавки 8, см. § 2 главы 2.

вершивших существование не позднее конца XIV – начала XV вв. Однако на раскопах Городка они не образовывали отдельных комплексов. Одни из них были найдены в переотложенном «огородном» слое, другие – в заполнениях ям с включением монет Василия II или Ивана III. Археологический контекст обнаружения позволяет рассматривать эти предметы, скорее, как архаизмы, сохранявшиеся в обиходе местных насельников ещё какое-то время после завершения их широкого распространения.

«Широкая» датировка, обычно устанавливаемая от времени появления самых ранних вещей до исчезновения самых поздних, в случае с Городком, лишена исторического смысла. Получаемый при таком её определении временной диапазон слишком широк: он определяется началом распространения моды на стеклянные браслеты (первая половина XII в.) и завершением бытования белоглиняных кумганов с зелёной поливой (XVIII в.). Сообразуясь с исходным принципом дифференциации датировочного промежутка по качественной оценке степени вероятности его отдельных сегментов, необходимостью отделения «…установленного достаточно точно и надёжно от менее достоверного, сомнительного…»[153], «широкую» датировку можно актуализировать. С этой целью обратим внимание на маловероятное, но возможное функционирование поселения во временных отрезках, соответствующих интервалам сосуществования всех наиболее ранних и всех наиболее поздних находок, бытование которых выходит за рамки предложенной «узкой» даты. Обнаружение таких артефактов указывает на вероятность присутствия на памятнике отдельных хронологически соответствующих им комплексов, пока не вошедших на исследованные участки. Будем полагать, что любой интервал жизни на поселении оставляет после себя некоторое разнообразие инвентаря, а временными отрезками, определёнными по вещам только одной категории, можно пренебречь как слишком маловероятными.

При таком подходе к определению «широкой» датировки для Городка можно выделить два временных отрезка, в течение которых связанное с ним поселение с некоторой долей вероятности могло функционировать. Наиболее ранний из них очерчивается серединой XIV – началом XV в. Он соответствует общему отрезку (пересечению) датировочных интервалов стеклянных браслетов, пастовых бирюзовых перстней из стекла, поливных кашинных сосудов золотоордынского производства, посуды из китайского селадона, русской красноглиняной керамики с примесью дресвы типов 3.1, 3.4, 3.5, 3.6[154]. Наиболее поздний временной отрезок включает в себя первую половину – середину XVI в. С ним связаны находки осколков белоглиняной посуды с зелёной поливой, которая в Москве появляется только в первой половине XVI в. (*Розенфельдт,* 1968. С. 50); фрагменты ангобированных горшков и ангобированных игрушек, изчезающих в столице Московского государства к середине XVI в., а также белоглиняные горшки коломенского типа и редкие осколки чернолощёных изделий.

Предложенным образом актуализированная «широкая» датировка памятника, учитывающая временные отрезки, на которых функционирование связанного с ним поселения представляется возможным, но маловероятным, очерчивается серединой XIV – серединой XVI вв.

Среди местных насельников материалы раскопок позволяют выделить представителей пяти различных социальных групп. Это профессиональные воины, женщины, дети, выходцы из среды коренных поволжских финноязычных народов, ремесленники.

Воинское присутствие на поселении выдают находки предметов вооружения, снаряжения всадника и верхового коня. Возможно, одному из участников военных походов принадлежал используемый при ампутациях хирургический нож. Обнаружение «военного» инвентаря вместе с другими социально престижными вещами может служить указанием на высокий статус некоторых местных воинов. Наиболее показателен в этой связи комплекс находок из заполнения ямы 2/2. В нём фрагмент сабельного клинка, колесиковая шпора и кольца от конских удил сочетаются с железным стилем, осколками поливных сосудов, монетами.

Предположению о том, что поселение представляло собой временный военный лагерь, помимо усадебного характера застройки, противоречат следы проживания детей и женщин. К ним

[153] См.: *Щукин,* 1978. С. 28.

[154] Определяющее значение для датировки этого отрезка имеют временные рамки изготовления стеклянных перстней из глухого стекла цвета бирюзы в г. Болгаре (середина XIV – начало XV вв., см.: *Полубояринова,* 2006. С. 154).

относятся фрагменты детских керамических игрушек, характерные только для женского костюма аксессуары и ювелирные украшения, предметы, связанные с занятием прядением и ткачеством. Очевидно, многие местные насельники жили семьями, по крайней мере, на завершающем этапе истории поселения.

Неоднородный этнический состав жителей фиксируется по наличию лепной посуды (3,3%), сформованной в соответствии с производственными традициями коренного финноязычного населения. Кухонное использование лепных изделий наравне с доминирующей гончарной керамикой в местном обиходе устанавливается по остаткам нагара на внутренней поверхности большинства сосудов, изготовленных без использования поворотного устройства. Представители поволжских народов в местном социуме вряд ли замыкались в отдельные коллективы – это отразилось бы в пространственном распределении присущих им элементов материальной культуры. Материалы раскопок свидетельствуют о том, что они, скорее всего, были инкорпорированы в малые группы, где явное предпочтение отдавалось русским традициям. К такому заключению подводит систематическое присутствие в заполнении каждой сколько-нибудь обширной материковой ямы всегда малочисленной лепной керамики при повсеместном преобладании фрагментированной продукции русских гончаров.

Следы специализированной металлообработки выдают присутствие на поселении профессиональных кузнецов. На их деятельность указывают железосодержащие шлаки, кузнечные отходы, фрагмент железного зубильца. Металлографическое изучение 37 ножей показало низкое качество местного кузнечного производства, удалённость поселения от крупных ремесленных центров (см. приложение 4). По мнению В.И. Завьялова, зашлакованность швов у преобладающих изделий с наварными лезвиями, частое использование в качестве материала для их изготовления кричного железа позволяют полагать, что большая часть этих универсальных бытовых инструментов изготавливалась мастерами-универсалами невысокой квалификации. Технологическое однообразие представленных на памятнике сварных конструкций, выраженное доминированием образцов, откованных по одной технологической схеме[155], может быть обусловлено ограниченным числом кузнецов, обслуживавших местное население.

Противоречивые выводы о вероятном социально-экономическом статусе Городка были сделаны на основании анализа палеоэкологических материалов (*Антипина, Грибов,* 2013. С. 1010). Оказалось, что определённый по кухонным отходам видовой состав животных, показывая черты сходства памятника и с сельскими поселениями, и с городами, одновременно отличает его и от тех и от других. Для селищ лесной зоны наиболее яркой особенностью является доминирование костных остатков коз, овец, но главным образом домашних свиней. Для русских средневековых городов маркирующей чертой можно считать небольшую долю лошадиных костей на фоне абсолютного превалирования остатков коров и быков. Основу спектра домашних копытных в остеологической коллекции Городка, составляют равные доли домашней свиньи и крупного рогатого скота, присутствие мелкого рогатого скота исчисляется несколькими процентами, а доля лошади оказалась мизерной (см.: приложение 2).

Совместный анализ палеоботанических сборов и остеологических находок указывает на низкую вероятность вовлечённости местного населения в сельскохозяйственное производство (см.: приложения 2, 3; *Лебедева,* 2011; *Антипина, Грибов,* 2013. С. 1012). Отсутствие в промывках грунта заполнения материковых ям колосовых остатков ржи, доминирующей среди злаковых культур (91,2%), свидетельствует об использовании на поселении уже обработанного зерна, очистка которого проводилась, скорее всего, за его пределами. Необычно большая доля молодых особей (телят и поросят) среди забитых на мясо животных противоречит предположению об их устойчивом воспроизводстве в местных домохозяйствах. Поэтому разведение крупного рогатого скота и домашней свиньи следует признать маловероятным. Придомное птицеводство, фиксируемое по сравнительно небольшому количеству остатков домашней птицы имело, очевидно, исключительно подсобный характер.

Одновидовой набор охотничьей добычи, обусловленный высокой встречаемостью среди останков диких животных только костей лося, заставляет усомниться в проживании на поселе-

[155] Косой боковой наварки стального лезвия на железную основу.

нии профессиональных охотников[156]. Следовательно, основная часть местного мясного рациона, вероятно, обеспечивалась за счёт специальных поставок.

Заметную роль в самообеспечении продуктами питания, по крайней мере, на начальном этапе существования поселения, наверное, имело рыболовство. Кроме скоплений рыбных костей, наиболее многочисленных в комплексах первого строительного периода, об этом свидетельствует разнообразный рыболовный инвентарь. Помимо оснастки сетей и железного крюка для их зацепления при подлёдном лове, он представлен большим количеством снастей, свойственных, скорее, непрофессиональным рыболовам (железные крючки, острога).

Материалы раскопок позволяют высказать предположения об отсутствии самодостаточности местных домохозяйств, ориентации заметной части местного потребительского рынка на поставки извне, о весьма ограниченных масштабах производственной деятельности. Роль ввозимой на поселение продукции в целом представляется весьма значительной. Кроме многих (возможно, основных) продуктов питания к ней можно отнести не менее трети всего объёма используемой керамической посуды (см. § 6 главы 3). Всё это, возможно, является экономической подоплёкой присутствия большого количества обнаруженных на Городке монет. Причиной активного участия местных жителей в денежном обращении могла стать потребность в приобретении значительной части повседневных продуктов питания и бытового инвентаря в условиях ограниченных возможностей меновой торговли и недостаточном уровне собственного производства.

Переходя к рассмотрению памятников, напоминающих Городок по формальным археологическим признакам, заметим, что простое мысовое городище соответствует самому распространённому типу крепостей, построенных на Руси в XV в. (*Рappoпорт,* 1961. С. 51). Потребность в укреплённых поселениях в это время была, очевидно, обусловлена интенсивным включением новых обширных земель в политико-административную структуру Московского государства. Среди сравнительно небольших мысовых городищ площадью до 1,5 га, на которых самые ранние, связанные с русской культурой, отложения датируются XV–XVI вв., по составу обнаруженного инвентаря к Городку наиболее близки памятники весьма удалённые от центральных областей.

К ним можно отнести известные по письменным источникам так называемые осадные городки, основанные в XV–XVI вв. недалеко от крупнейших погостов – волостных центров Перми Вычегодской (*Игушев, Клёнов, Савельева,* 2000). Это городища Кармыльк, Вотчинское, Спаспорубское, Котек. Их размеры не превышают 0,3 га. Кроме очевидного оборонительного назначения связанных с ними населённых пунктов, исследователи предполагают наделение их административными функциями (*Богословский,* 1909. С. 118; *Игушев, Клёнов, Савельева,* 2000. С. 23, 24). Эти памятники, по-видимому, фиксируют пребывание небольших воинских гарнизонов, снаряжённых московскими князьями для удержания крайних северо-восточных земель и организации управления в них. Обзор археологического инвентаря осадных городков Перми Вычегодской указывает на то, что с появлением великокняжеских застав началось активное внедрение новых традиций в материальную культуру коренного населения Предуралья.

Определённые параллели между Городком и городищами этого круга прослеживаются в сходстве вещевых комплексов. Это сходство носит не только хронологический характер, но проявляется и в ассортименте находок. Кроме однотипных бытовых предметов повседневного назначения, их объединяют находки железных стилей, дорогих предметов мелкой пластики (иконок-привесок, крестов-энколпионов), монет, воинского снаряжения, оружия[157]. Легко уста-

[156] Охотничий промысел в лесной зоне предполагал существенно более широкое разнообразие добычи, что подтверждается богатым видовым набором костей диких животных и птиц на соответствующих поселениях (*Антипина, Грибов,* 2013. С. 1011).

[157] Так, на городище Кармыльк, впервые упомянутом как «Сосновское городище в Ыбе» в сотной грамоте, составленной по писцовым книгам 1585–1586 гг. (*Зимин, Копанев,* 1970. С. 477), найдены: односторонний наперсный медный крест с неподвижным оглавием, по форме и стилистике повторяющий лицевую створку обнаруженного на Городке креста-складня (рис. 120, *6*) (*Игушев, Клёнов, Савельева,* 2000. С. 10, рис. 3, *8*); бронзовый нательный крест с изображением Распятия (*Игушев, Клёнов, Савельева,* 2000. С. 10, рис. 3, *10*), аналогичный ещё одной находке из Городка (рис. 120, 1). С Вотчинского городища, соотносимого с остатками города Вотча, первое известие о котором также датируется 1586 г. (*Зимин, Копанев,* 1970. С. 468), происходят бронзовые детали поясных наборов, серебряная монета Ивана III, бронзовое писало с концевой шарообразной головкой, переходящей в стержень через шейку с декоративными концентрическими валиками – как на одном железном стиле из Городка (рис. 107, 5) (*Игушев, Клёнов, Савельева,* 2000. С. 15, рис. 6, *3, 9, 13, 16*).

навливаются соответствующие аналоги среди посудной керамики[158]. Обращает на себя внимание смешанный характер населения осадных городков, фиксируемый не только по находкам специфических женских украшений, но и по присутствию местной лепной керамики, что является характерной особенностью и нижегородского памятника.

Близкие Городку черты просматриваются и у некоторых городищ Перми Великой, таких как Искорское и Троицкое. Городок Искор в русском летописании впервые упоминается под 1472 г. в связи с походом в Пермскую землю воеводы Фёдора Пёстрого, посланного Иваном III пресечь неповиновение великопермских князей (ПСРЛ. Т. 25. С. 296–297). В результате раскопок, начатых ещё в первой половине XIX в. В.Н. Берхом, русское поселение, площадью около 800 кв. м, удалось локализовать между двумя валами городища местной родановской культуры. Среди находок «русского» горизонта следует отметить обломок сабли, наконечник и вток копья, накладки от луков, бусины, височные кольца (*Оборин,* 1976. С. 191), лицевую створку известного по Городку креста-складня, медный крест-энколпион XV в. (*Макаров,* 2001. С. 118, рис. 74, *7*; *Оборин,* 1981. С. 148), серебряную монету Ивана III (*Оборин,* 1990. С. 79), железные пластинчатые и черенковые ножи (*Макаров,* 2001. С. 119, рис. 75, *1–11*), свинцовую печать (*Макаров,* 2001. С. 118, рис. 74, *6*), железные крицы и шлаки (*Макаров,* 2001. С. 28).

Троицкое городище, площадью 1,3 га, соотносится с укреплённой частью г. Чердыни – резиденции первого московского наместника, присланного Василием Тёмным в Великую Пермь, согласно сообщению летописного источника начала XVII в., в 1450–1451 гг. (6959 г.) (Вычегодско-Вымская летопись, 1958. С. 261).

С памятника происходят пластинчатые и черенковые ножи (*Макаров,* 2001. С. 116, рис. 72, *3–12*), наконечник копья (*Макаров,* 2001. С. 116, рис. 72, *23*), бусы (*Макаров,* 2001. С. 115, рис. 71, *1–4, 6, 7*), бронзовая печать (*Макаров,* 2001. С. 115, рис. 71, *19*), монеты Василия II и Ивана III (*Макаров,* 2001. С. 25). С Городком этот памятник сближают и общие типы керамических сосудов (см.: *Макаров,* 2001. С. 123, 124, рис. 79). Глинобитные печи, вскрытые в жилых постройках Троицкого городища, как и на Городке, сооружались на опечках, перекрывающих подпечные ямы (*Макаров,* 2001. С. 27).

Напоминает нижегородский Городок и расположенное на берегу р. Мокши в Мордовии Итяковское городище. Отложение верхнего стратиграфического горизонта этого памятника, а также, возведение его укреплений, исследователи связывают с русским поселением, заброшенном после строительства засечной черты Тетюши – Алатырь – Темников в 1578 г. (*Гришаков,* 1992. С. 132–133). Встреченный здесь набор русской гончарной посуды очень близок составу керамического комплекса Городка. В нём присутствуют: многочисленные осколки белоглиняных горшков коломенского типа с венчиками без концевых утолщений и линейным орнаментом, иногда заходящим на плечико; фрагменты красноглиняной ангобированной посуды, украшенные налепными валиками осколки стенок белоглиняных сосудов с зелёной поливой, образцы посуды некоторых других керамических групп (*Гришаков,* 1992). Функционирование поселения на Итяковском городище в XV в. подтверждается находкой монеты удельного можайского князя Ивана Андреевича (1432–1462 гг.) (*Гришаков,* 1992. С. 133).

В том общем, что объединяет напоминающие Городок памятники, особенно рельефно проступает одна черта, обусловленная, вероятно, специфической ролью, которую они играли в историческом процессе: материальная культура этих поселений резко контрастирует с традициями, свойственными местному населению до их появления. Фиксируемые по материалам раскопок культурные изменения носили скоротечный революционный характер. Очевидно, это объясняется пришлым «московским» происхождением значительной, если не основной, части насельников рассмотренных городищ, на что указывают сохранившиеся письменные источники. Эти выходцы из центральных земель Московского государства принесли на далёкую населённую инородцами окраину свою веру, свои привычные вещи, свои устоявшиеся производственные технологии. Их политическое лидерство обеспечило, в дальнейшем, доминирование привнесённых традиций, по крайней мере, в местах проживания русского населения.

[158] См. характерные венчики сосудов с городищ Кармыльк, Вотчинского, Спасорубского (*Игушев, Клёнов, Савельева,* 2000. Рис. 4, *7, 9*).

Нарушение поступательного развития материальной культуры прослеживается и при сравнении археологического инвентаря Городка с предшествующими комплексами середины XIV – начала XV вв. из Нижнего Новгорода. Особенно отчётливо появление инноваций проявляется в бытовой керамической посуде. Заметное запаздывание Нижегородчины в культурном развитии от центральных районов Московского княжества в первой половине XV в. могло стать следствием её политической изоляции в годы правления нижегородских князей, «мамотяковщины» и последующего долговременного запустения. Эти обстоятельства способствовали консервации местных традиций. На их фоне материалы Городка заметно выделяются новизной и чужеродностью, в большей степени присущим инвентарю городков, поставленных московскими воеводами в далёких урочищах Пермской земли.

По аналогии с близкими по археологическим признакам поселениями конца XV–XVII вв. известного по письменным источникам административно-политического статуса, Городок можно рассматривать как небольшую крепость-осаду, поставленную для размещения служилых московских людей за пределами старых нижегородских укреплений. Опорой этому предположению служат три вывода, вытекающих из подведения первых итогов изучения памятника. Это его связь с укреплениями, зафиксированными на топосъёмке, проведённой ещё до начала современного хозяйственного освоения; привнесённый характер присущей ему материальной культуры, происхождение которой в целом невозможно объяснить поступательным эволюционным развитием местных традиций; наличие усадебной застройки, связанной с проживанием высокопоставленных представителей воинской профессии.

Предложенной интерпретации не противоречат предварительные заключения о хозяйственно-экономической специфике поселения. В контуры экономической модели, намеченной результатами анализа палеоэкологических материалов, хорошо вписывается основанная на поставках извне система жизнеобеспечения небольшой крепости, среди жителей которой были лица, наделенные важными административными и военными полномочиями. При таком положении становятся понятными необычайно низкая встречаемость среди кухонных отходов лошадиных костей, высокая доля деликатесного мяса молодых животных в местном рационе, что могло обуславливаться поборами или покупкой скота в сельской округе, следы активного участия местных жителей в денежном обращении. Одним из каналов распространения на нижегородском рынке московской денги могло служить денежное довольствие малоимущих служилых людей, нерегулярно получаемое из великокняжеской казны.

В результате определения наиболее вероятной даты начала поселения на Городке и анализа политической обстановки первой половины – середины XV в. устанавливается, что небольшая предместная крепость в Нижнем Новгороде, скорее всего, была заложена в конце 30 – начале 40-х гг. XV в. Её появление, вероятно, было обусловлено стремлением московских властей удержать свои позиции в Нижнем Новгороде после смерти нижегородского князя Даниила Борисовича. Возможности для этого появились после установления пятилетнего перемирия в феодальной войне, наступившего после разгрома войск Василия Косого в мае 1436 г., и заключения мирного договора на условиях действующего московского правителя. Ситуация с размещением великокняжеских людей в Нижнем Новгороде осложнялась сравнительно небольшими местными людскими ресурсами, очевидно, недостаточными для поддержания обороноспособности старой нижегородской крепости, постоянной опасностью внешнего вторжения, возможно, отсутствием лояльности представителей местной аристократии. В этих условиях возведение за городской чертой, но в непосредственной близости от города, нового автономного укрепления представляется вполне оправданным мероприятием, обусловленным самой исторической ситуацией.

Место, выбранное для строительства, помимо естественной защищённости, обладало и другими выгодными качествами. Недалеко от него находился въезд в средневековый Нижний Новгород со стороны Большой Московской дороги[159] и располагался Благовещенский монастырь. Судя по обязательству, данному благовещенскому архимандриту великокняжеской властью – «не ставить» своих князей, «воевод ратных», наместников и их тиунов ни в монасты-

[159] Так она называлась в документах писцового делопроизводства начала XVII в. (см.: Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 284).

ре, ни «под монастырём», ни у монастырских людей, можно предположить, что перечисленные случаи имели место до появления новой крепости, или какое-то время до её восстановления после сожжения в 1445 г. (АФЗХ. Т 1. № 232. С. 203–204). Текст грамоты конца XVI в. с упоминанием соотносимого с Городком «старого городища по Оке реке» содержит указание на то, что новая крепость могла быть поставлена москвичами на земле, принадлежащей Благовещенскому монастырю (АФЗХ. Ч. 3. № 26. С. 48). Московские наместники и воеводы, присланные в Нижний Новгород, совсем недавно освободившийся от власти ханских ставленников, очевидно, могли рассчитывать на содействие властей монастыря, принадлежащего дому московского митрополита.

Следы начального этапа освоения территории городища во многом завуалированы остатками последующей более плотной застройки. Не исключено, что в начале существования Городок по своим функциям больше напоминал укреплённый военный лагерь. Вероятно, в это время более заметную роль, чем впоследствии, играло самообеспечение продуктами питания, о чём косвенно может свидетельствовать высокое содержание рыбных костей в ямах первого строительного периода.

По расположению на берегу р. Оки недалеко от старой нижегородской крепости и меньшим, по сравнению с ней размерам, городище Городок можно отождествить с летописным Нижним Новгородом «меншим» или Новым. Летописное известие о размещении в Нижнем Новгороде «меншом» великокняжеской заставы с двумя воеводами во главе датируется 1445 г. Наречение новой крепости Нижним Новгородом могло быть связано с переходом к ней некоторых важнейших функций старого городского центра. Вполне вероятно, что в середине – второй половине XV в. именно это небольшое по размерам укреплённое поселение выполняло роль военно-административного центра Нижегородской земли. В пользу такого предположения свидетельствует стационарный характер проживания местных насельников, определяемый по усадебному характеру застройки, высокой концентрации разнообразного инвентаря, бытовой керамики, кухонных отходов. В рамках предложенной версии находит естественное объяснение загадочное отсутствие единовременных Городку культурных отложений и следов жилых построек в черте старой нижегородской крепости, где в период автономии Суздальско-Нижегородского княжества располагался политический и административный центр управления краем.

Ознаменование начала административного освоения присоединённых земель заложением в непосредственной близости от прежних центров новых укреплённых поселений, наделяемых военно-административными функциями – явление не единичное в истории формирования Московского государства. Нечто подобное происходило во время похода Фёдора Пёстрого в Великую Пермь летом 1472 г. (6980 г.) (ПСРЛ. Т. 25. С. 296–297). После завоевания принадлежащих сепаратистски настроенным великопермским князьям городов, среди которых упоминается Почка[160], великокняжеский воевода заложил новый город с таким же названием, расположенный, очевидно, невдалеке от старого: «…и срубивши ту городок седе в немъ и приведе всю землю ту за великого князя…» (ПСРЛ. Т. 25. С. 297). Похожий случай связан с мятежным Галичем Мерским. Спустя приблизительно полстолетия после появления в нём первого великокняжеского наместника, город был перенесён на 1 км к югу от прежнего замка Дмитрия Шемяки и укреплений XII – начала XV вв. (*Алексеев, Комаров, Леонтьев, Ошибкина, Рябинин,* 1997. С. 231; Археологическая карта России…, 1999. С. 145, 146).

Однако произошедшее в Нижнем Новгороде в середине XV столетия нельзя в полной мере отождествить с простым «переносом» города. Единовременно с функционированием Городка на нижегородском посаде и в черте старой нижегородской крепости действовали храмы. В них проходили службы, их посещали приезжие (ПСРЛ. Т. 25. С. 282), их священнослужителей поддерживал великий московский князь (см. указную грамоту 1475 г.: *Каштанов,* 1996. Приложение V. № 2. С. 213). Феномен «двух Нижних Новгородов» середины XV в. раскрывается, скорее, как формирование в это время бицентричной структуры городской планировки, предполагающей перераспределение городских функций между двумя относительно автономными территориально разделёнными центрами городской жизни[161]. В этом случае военно-адми-

[160] В том же летописном тексте встречается иное прочтение названия города и реки, на берегу которой он находился – Покча.

[161] Описание многоядерной или полицентрической модели городской структуры, частным случаем которой является

нистративные функции могли отойти к небольшой предместной крепости, специально отстроенной для резиденции московской администрации и размещения военного гарнизона, где, при возникновении военной опасности, могли укрыться и немногочисленные жители окрестных селений. Старый город во второй половине XV в., судя по отсутствию в нём культурных напластований этого времени, скорее всего, оставался средоточием духовной жизни, в нём располагались древнейшие храмы, посещаемые и поддерживаемые православными даже в тяжкие годы запустения Нижегородской земли.

Временной вехой, приблизительно соответствующей рубежу XV–XVI вв., отмечены три знаменательных явления: возобновление активного освоения территории «старого» Нижнего Новгорода, возведение в нём кирпично-каменного кремля и запустение небольшого подгородного укреплённого поселения[162]. Случайный характер синхронности этих изменений маловероятен. Очевидно, их можно истолковать в русле произошедшей в это время замены небольшой дерево-земляной крепости кирпично-каменной цитаделью, построенной, как и многие кремли Московской Руси, в соответствии с традициями крепостного зодчества итальянского Возрождения (*Мильчик,* 2009). Анализ имеющихся источников позволяет конкретизировать обстоятельства перемен в системе нижегородских укреплений в это время и предложить версию событий, которые могли привести к запустению Городка.

Ряд наблюдений, сделанных по ходу раскопок, недвусмысленно указывают на внезапность происшествия, завершившего краткую историю этого поселения. Наличие углисто-золистых линз, многочисленных прослоек обожжённого грунта, обугленных остатков деревянных конструкций в подпечных ямах и в заполнениях частокольных канавок, необычайно высокая насыщенность культурных напластований разнообразным инвентарём, среди которого встречено немало ценных предметов – всё это очень напоминает обстановку, оставленную после пожара. На гибель в огне участка застройки, вскрытого раскопками, указывает приуроченность большого количества осколков костей животных из кухонных отходов со следами сильного термического воздействия к верхним горизонтам заполнений материковых ям. Белый и серовато-розовый цвет многих из них получен при температурах, превышающих 1000° С, что могло произойти, скорее, в пламени большого пожара, чем в открытом очаге или в топочной камере бытовой глинобитной печи (*Антипина, Грибов,* 2013. С. 1004).

Два обстоятельства указывают на связь исчезновения поселения с военной катастрофой. Во-первых, это находка крупного фрагмента кости человека – мужского таза, в верхнем горизонте заполнения одной из материковых ям[163]. Обнаружение разрозненных частей человеческих скелетов характерно для отложений, маркирующих запустение, оставшееся после вражеского нападения. Они могут служить маркером исходного присутствия на памятнике незахороненных человеческих останков, от которых за прошедшие столетия в результате всевозможных постпозиционных изменений могли сохраниться лишь единичные фрагменты костей. Во-вторых, о разорении поселения вооружёнными захватчиками может свидетельствовать присущая раскопанному участку высокая встречаемость железных наконечников стрел (см. § 4 главы 3).

Таким образом, материалы раскопок позволяют предположить, что поселение на Городке могло исчезнуть, скорее, в результате военного нападения, чем в огне обычного бытового пожара или после переселения его жителей на другое селитебное место. Следует заметить, что конкретные причины разрушения по своему историческому значению вторичны по сравнению с теми обстоятельствами, которые привели к отказу от его возобновления. Если произошедшая катастрофа, вне зависимости от её причин и характера, может восприниматься как обычный для средневековья эпизод, то в превращении предместной крепости в городище угадывается метка завершённости определённого этапа накопления исторических изменений, знак свершившегося сдвига в судьбе города в окском устье.

Решающее значение для установления последовательности смены городских оборонительных сооружений, произошедшей около рубежа XV–XVI вв., имеют ответы на два вопроса. Первый предполагает определение наиболее вероятной даты начала строительства

бицентровая (или двухядерная) см. в: *Harris, Ullman,* 1945.

[162] Ориентируясь на позднейшую нумизматическую находку – это произошло не ранее 80-х гг. XV в. (см. приложение 1, № 19).

[163] Яма 1В/1, см. § 2 главы 2.

Нижегородского кремля, второй – выяснение того, что представлял собой главный центр городской обороны осенью 1505 г. при осаде Нижнего Новгорода войсками мятежного Мухаммеда-Эмина. Решение этих двух задач расставит временные маркеры, необходимые для ориентации в событиях, фиксирующих состояние нижегородских укреплений, поможет предложить исторически обоснованную версию завершения поселения на Городке.

§ 6. НИЖЕГОРОДСКИЙ КРЕМЛЬ

Основание Нижегородского кремля завершает историю «утраченного» города в окском устье. Шагнувшие на волжские косогоры сводчатые стены кирпично-каменной цитадели в начале XVI в. окончательно вывели Нижний Новгород из исторического полузабытья. Впереди стальным проблеском казанских сабель мерцало лихолетье 30-х гг. Пеплом пожарищ щедро покрыло оно восточные окраины московских земель: «…многи грады Русские, старыя, запустеша…: Низовская земля вся, Галичъ, и Устюгъ, и Вятка, и Пермь…» (ПСРЛ. Т. 19. Стб. 44). Очерченный каменным поясом передовой волжский город продолжал в это время жить и расти, настилая свои мостовые все дальше и дальше по межовражным угорам, оставаясь последней надеждой селян, бегущих в него от полона и смерти.

Сообщения о начале Нижегородского кремля попали в состав почти двух десятков летописей (см.: *Пудеев,* 2014. С. 183). Большая часть из них, представленная великокняжескими и провинциальными общерусскими сводами, позднейшими местными летописцами, связывают основание Каменного города в Нижнем Новгороде с эпохой Василия III, называя разные даты начала строительных работ в пределах 1507–1512 гг. Два письменных памятника, созданных спустя более, чем полтора века после его возведения, Московский краткий и Соликамский летописцы, относят это событие к 1500 г. Разброс летописных дат породил неоднозначность в их интерпретации. Вопрос о времени основания кремля затронут почти во всех обзорных трудах по истории Нижнего Новгорода, а также в нескольких специальных исследованиях (*Чеченков,* 2010).

ИСТОРИОГРАФИЯ

Перечень исторических работ о кремле открывают труды нижегородских краеведов середины XIX в. Знатоки нижегородской старины предложили рассматривать возведение каменной крепости в Нижнем Новгороде как длительный, но прерывистый процесс, уходящий своими корнями в эпоху самостоятельного Нижегородско-Суздальского княжества («События, случившиеся…», 1846; *Храмцовский,* 1998). Первый этап строительства был соотнесён со второй половиной XIV в. и связан с возведением каменных укреплений при нижегородском князе Дмитрии Константиновиче, второй – с возобновлением работ в 1500 г. при Иване Великом, третий – с завершением «городного дела» под руководством итальянского зодчего, направленного в город в окском устье Василием III весной 1508 г. (см.: *Храмцовский,* 1998. С. 70, 73). Представления об обстоятельствах начала и завершения строительства сформировались по сообщениям Нижегородского летописца, мнение о возобновлении строительных работ в 1500 г. сложилось как переосмысление известия Соликамского летописца. Выяснение степени достоверности этих двух по сути второстепенных источников определило ход дальнейшей научной разработки данной темы.

После установления советской власти сложившаяся точка зрения на процесс строительства кремля была закреплена в обобщающем труде Л.М. Каптерева, посвящённого истории средневекового Нижнего Новгорода (1939. С. 93, 108–110). После завершения Великой Отечественной войны попытку обосновать и конкретизировать предложенный предшественниками подход предпринял И.А. Кирьянов. С этой целью, кроме двух выше названных источников, он привлёк ещё несколько летописных памятников и впервые обратился к результатам историко-архитектурного изучения самих кремлёвских сооружений. Истории кремля видный нижегородский краевед посвятил ряд специальных статей, брошюры, одна из которых была переиздана в формате небольшой книги (*Кирьянов,* 1956б, 1958, 1968). В одной из первых своих работ, вместе с соавтором профессиональным архитектором И.В. Трофимовым, он соотнёс отдель-

ные части кремлёвских укреплений с определёнными этапами их строительства, априори полагая, что заложенное в XIV в. оборонительное сооружение, было уже достаточно масштабным (*Трофимов, Кирьянов,* 1952). Для обоснования своей точки зрения привлёк краткую характеристику, данную городу в «Списке русских городов дальних и ближних» из Воскресенской летописи: «Новъгородъ Нижній каменъ» (см.: ПСРЛ. Т. 7. С. 241)[164]. С точки зрения И.А. Кирьянова и его соавтора, возведение нижегородской каменной крепости началось с укреплений нагорной части, наиболее опасной при штурме (*Трофимов, Кирьянов,* 1952. С. 323). Именно здесь, по их мнению, в 1500 г. каменная стена была восстановлена на фундаменте прежней постройки, и именно здесь доминирует особый панцирный вид её кладки из пролитых раствором глыб и тёсаных блоков известкового туфа, образующих внутреннюю забутовку, облицованную большемерным кирпичом. Наиболее ярко, по наблюдениям авторов, такая конструкция выражена близ Тверской (Кладовой) башни, а с ней, как известно, связывает начало Нижегородского кремля автор Соликамского летописца (*Трофимов, Кирьянов,* 1952. С. 328)[165]. Сообщение Нижегородского летописца о мероприятиях 1508 г. подтверждается Воскресенской и Никоновской летописями, однако, нижегородский памятник, «осведомлённейший из источников», конкретизирует сведения общерусских сводов, указывая на то, что в этом году была возведена лишь «прибавка» к уже стоящему нагорному участку кремлёвской стены с Дмитровской башней (*Трофимов, Кирьянов,* 1952. С. 328). Завершение строительства без какого-либо обоснования авторы связали с 1511 г. Предложенные в статье общие хронологические рамки двух последних этапов возведения Нижегородского кремля (1500–1511 гг.) стали основой для датировки его строительства в трудах по истории русского оборонного зодчества. В некоторых из них, также без ссылок на какие-либо источники, окончание работ «продлено» до 1517 г. (см.: *Косточкин В.В.,* 1962. С. 63; *Иванов,* 2004. С. 430; *Носов,* 2009. С. 26).

Обобщение С.Л. Агафоновым многолетних исследований, предшествующих масштабной реконструкции Нижегородского кремля, заставило многое пересмотреть в краеведческой концепции «поэтапного строительства» (1960, 1971, 1976, 2008). Изучение кладки кремлёвских башен и стен, сопровождаемое шурфовочными вскрытиями фундаментов, не выявило ни остатков строительных конструкций XIV в., ни каких бы то ни было других следов летописных укреплений времён Дмитрия Константиновича. Оказалось, что стены нижегородской крепости по всему периметру возведены одновременно, а башни обладают единообразной планировкой и сходным внутренним обустройством (*Агафонов,* 2008. С. 31).

Для обоснования сведений Соликамского летописца, С.Л. Агафонов впервые обратился к идентификации кометы, упоминаемой в одной годовой статье с известием о заложении Нижегородского кремля (1976. С. 17). Известие о наблюдении кометы в 1500 г., найденное исследователем в обширной исторической сводке[166], включающей даже китайские хроники, на долгие годы убедило многих историков в непреложности показаний памятника, составленного по летописцам жителей провинциального Соликамска в первой четверти XIX в.

В последующих работах И.А. Кирьянов предпочитал рассматривать крепость XIV в. и Нижегородский кремль как два различных и разновременных сооружения (см.: *Кирьянов,* 1958. С. 14), стал более скептически относиться к размаху строительства 1500 г. («…если оно и было…» (*Кирьянов,* 1968. С. 27)). Он первым среди исследователей выразил сомнение в достоверности сведений Соликамского памятника (*Кирьянов,* 1968. С. 117, прим. 4), впервые привлёк к освещению интересующего вопроса Русский Хронограф второй редакции (*Кирьянов,* 1968. С. 27, 28) и начал склоняться к мысли о заложении кремля в 1509 г. (*Кирьянов,* 1968. С. 28). В статье, завершившей его работу над темой, вышедшей после публикации Московского лето-

[164] В древнейших списках этого памятника, приложенных к Археографическому списку Новгородской первой младшего извода и Ермолинской летописям, отсутствует указание на каменную конструкцию нижегородских укреплений (см.: *Тихомиров,* 1952. С. 220–221; НПЛ. С. 477; ПСРЛ. Т. 23. С. 164). Около рубежа XIV–XV вв., когда был составлен этот документ, каменные сооружения нижегородской крепости современниками, очевидно, не принимались в расчёт и, вряд ли, они простирались на 800 м, защищая город с напольной стороны, как предполагали И.В. Трофимов и И.А. Кирьянов.

[165] Панцирный тип кладки не является признаком, характерным исключительно для напольной части кремлёвских стен. По данным этих же авторов, он использовался и при возведении подгорной части кремлёвских укреплений, что зафиксировано даже в тексте сметы расходов на починку кремля 1651 г. (см.: *Трофимов, Кирьянов,* 1952. С. 328).

[166] См.: *Всехсвятский,* 1958. С. 54.

писца краткого, дублирующего сведения соликамского источника, историк отдал предпочтение 1500 г., констатировав, что только на завершающем этапе, после соответствующего великокняжеского повеления, в 1508 г. возведение Нижегородского кремля превратилось в дело государственного масштаба (*Кирьянов,* 2001. С. 21, 22).

Острой дискуссией о времени основания Нижегородского кремля ознаменовалась научная конференция, посвящённая его 500-летию, отмеченному нижегородской общественностью в точном соответствии с указанием Соликамского летописца в 2000 г. Один из её участников, профессор Н.Ф. Филатов, предложил альтернативу общепринятой точке зрения (2001). По его мнению, каменная крепость в Нижнем Новгороде не могла быть заложена в 1500 г., а событие это следует датировать 1 сентября 1509 г. и связать с началом строительства не Тверской, но Дмитровской башни. Свидетельство памятников нижегородского происхождения и некоторых общерусских летописей[167], относящих указ о возведении Нижегородского кремля к правлению Василия III, он подкрепил сообщением малоизвестного Вологодского летописца. Сведения из этого провинциального памятника, по мнению исследователя, лежат в основе «злополучной записи» Соликамского летописца, однако, появление кометы, «…обычно привлекающееся в качестве основного доказательства…» его истинности, в «первоисточнике» датировано 1509 г. (*Филатов,* 2001. С. 25, 26).

Оппонентом Н.Ф.Филатова выступил известный нижегородский архивист и историк Б.М. Пудалов, привлекший для подтверждения данных соликамского памятника Ивановский список Московского летописца краткого, охарактеризовав этот новый в дискуссии о времени основания Нижегородского кремля источник, как более ранний и «…точный в своих записях XVI в…». Он же, по мнению Б.М. Пудалова, в свою очередь послужил источником «…неточного известия 1509 г. в «Вологодском летописце», более поздней компиляции, сохранившейся в единственном списке» рубежа XVII–XVIII вв. (*Пудалов,* 2001б. С. 34). Главным аргументом последнего утверждения стал более ранний возраст московского памятника, появление которого произошло почти единовременно с составлением Вологодского летописца, в последней четверти XVII в. Невозможно, по убеждению Б.М. Пудалова, поставить под сомнение достоверность сообщения 1500 г., опираясь и на изобилующие хронологическими ошибками летописные памятники нижегородского происхождения (*Пудалов,* 2001б. С. 32, 33). Вместе с тем, сообщение Нижегородского летописца о строительстве в 1508–1509 гг. «в прибавку» к Дмитровской башне, по его мнению, нужно рассматривать как указание не на начало, а на продолжение строительных работ, начатых, в соответствии с известием Московского летописца краткого, ещё в 1500 г. (*Пудалов,* 2001б. С. 32).

Спустя десятилетие после этих полемических выступлений, стали появляться первые обобщения по вопросу о дате строительства Нижегородского кремля. В 2010 г. вышла в свет статья П.В. Чеченкова с соответствующим историографическим обзором (2010). По наблюдениям автора, сложились два основных мнения по данному вопросу. Первое основано на сообщениях Московского краткого и Соликамского летописцев (1500 г.), второе – на сведениях из Нижегородского летописца (1509 г.). Сопоставив соответствующие известия нижегородских памятников с их источником – Хронографом второй редакции, исследователь выявил изменения, внесённые в исходный текст об основании Нижегородского кремля. Оказалось, что указание Нижегородского летописца о возведении в 7018 г. кремлёвской стены «в прибавку» является позднейшей вставкой, призванной адаптировать известие о крепостном строительстве начала XVI в. с другим сообщением этого памятника, относящим заложение Дмитровской башни ко второй половине XIV в. Известие Хронографа 1617 г. и тексты официального летописания, по мнению исследователя, не противоречат друг другу. Они датируют начало строительства Нижегородского кремля концом первого десятилетия XVI в. Работы 1500 г., по его предположению, наверное, не были доведены до конца и «…как малозначительные, не были отмечены официальным летописанием» (*Чеченков,* 2010. С. 17).

В 2014 г. появился первый обзор летописных известий о времени заложения каменной крепости в Нижнем Новгороде (*Пудеев,* 2014). Всю совокупность летописных источников с упоминанием даты этого события автор разделил на несколько групп по текстологическому сход-

[167] Без указания конкретных источников.

ству соответствующих сообщений. Не прибегая к их сравнительному анализу, А.А. Пудеев сосредоточился на выяснении происхождения записи о комете, упоминаемой в одной годовой статье с известием о строительстве Нижегородского кремля в трёх различных памятниках – Вологодском, Соликамском и Московском кратком летописцах.

Следует заметить, что после обращения к этому вопросу С.Л. Агафонова (1976. С. 17), уже была предпринята попытка уточнения идентификации небесного явления, наблюдаемого, согласно соликамскому памятнику в один год с началом возведения нижегородской каменной крепости (*Пичугина, Пономарёв,* 2001). В отличие от опыта С.Л. Агафонова, её авторы воспользовались не только указанным в летописях годом наблюдения, но и длительностью его видимости («33 дни»). По их заключению, летописные тексты указывают, скорее, на комету 1499 или 1506 гг., нежели 1500 г., которая наблюдалась существенно дольше указанных 33 суток. Взяв за основу идентификации не только срок видимости, но и опорные точки её траектории на небесной сфере, отмеченные в Вологодском летописце, А.А. Пудеев по этим физическим характеристикам отождествил летописную комету с кометой 1533 г. Неожиданное подтверждение этому выводу он обнаружил в отрывке Русского Хронографа второй редакции из Ленинградского списка Никаноровской летописи. Здесь текст о небесном явлении, почти дословно совпадающий с сообщением Вологодского летописца, оказался включённым в известия за 7042 г. (1533–1534 гг.). Это наблюдение привело автора к заключению о невозможности использования «кометного» упоминания для уточнения времени возведения нижегородской крепости. Для определения даты начала строительства, по мнению А.А. Пудеева, необходимо обращаться прежде всего «…к памятникам, близким по времени создания…» к времени возведения самого кремля. Среди приоритетных источников он указал на Софийскую II, Иоасафовскую, Уваровскую и Никоновскую летописи (*Пудеев,* 2014. С. 184).

Подводя итоги историографического обзора, нельзя не заметить, что общей чертой работ, нацеленных на выяснение даты заложения Нижегородского кремля, является достаточно произвольный выбор источников, привлекаемых в качестве основных для получения выводов. Обращение к тем или иным летописным памятникам, как правило, не обосновано ни установлением хронологических соотношений между ними, ни текстологическими наблюдениями, помогающими наметить историю текстов, увидеть генетические взаимосвязи между различными их вариантами. Редко используемый некоторыми исследователями сравнительный анализ летописных фрагментов, источниковедческая проработка отдельных сюжетов в основном преследовали цель подтвердить или опровергнуть достоверность узкого круга источников, ставших традиционными при обсуждении данной темы ещё с середины XIX в.

ИСТОЧНИКИ

Есть все основания рассматривать в качестве наиболее авторитетных источников великокняжеские своды, составленные спустя короткий временной промежуток после начала строительства Нижегородского кремля, при правлении Василия III. В них можно найти сведения не только о политических событиях, но и обо всех важнейших государственных акциях. К последним с полным правом можно отнести возведение грандиозной кирпично-каменной цитадели в порубежном с Казанским ханством поволжском городе, где управленческий аппарат был уже полностью встроен в политико-административную систему Московского государства. Поэтому указанная в них официальная датировка этого мероприятия вызывает наибольшее доверие по сравнению со сведениями любых других летописных текстов.

Впервые дата заложения каменной крепости в Нижнем Новгороде встречается в своде 1518 г., частично вошедшем в состав Уваровской летописи (ПСРЛ. Т. 28. С. 342). Наиболее ранний её сохранившийся список относится к 30-м гг. XVI в. (ПСРЛ. Т. 28. С. 8). Приблизительно этим же временем (началом 30-х гг.) датируется древнейший список ещё одного памятника, отразившего свод этой редакции. Это Софийская II летопись[168]. Тексты сообщений о Нижегородском кремле в этих памятниках почти идентичны друг другу и помещены в статьях за 7016 г. среди известий о строительных работах в г. Москве. В обоих источниках повелению

[168] Архивский список, см. его датировку Б.М. Клоссом: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. VI.

о закладке нижегородского каменного города предшествует указ о починке рва и обустройстве столичных прудов, а после него следует заметка о переселении великого князя в новый каменный двор, заложенный ещё при его отце великом князе Иване Васильевиче. В Софийской II летописи интересующий фрагмент передан следующим образом: « Тоя же весны велѣлъ князь велики заложити градъ каменъ Новъградъ Нижнеи; а мастеръ Петръ Френчюшко Фрязинъ» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 383)[169]. Идентичный текст содержит и Львовская летопись (ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 380).

В переработанном виде свод 1518 г. вошёл в состав последующих великокняжеских сводов, известных по второй редакции Вологодско-Пермской (Академический список), Иоасафовской, Никоновской, Воскресенской летописям. В этих источниках, за исключением последнего, сообщение о заложении нижегородской крепости мало чем отличается от соответствующего отрывка Софийской II (см.: ПСРЛ. Т. 26. С. 299; Т. 13. С. 8; Иоасафовская летопись, 1957. С. 153). В Воскресенской оно имеет иной «конвой», немного сокращено[170], но вполне узнаваемо: «Того же лѣта велѣлъ князь велики заложити Новъгородъ Нижней камень» (ПСРЛ. Т. 8. С. 249). Во всех памятниках официального летописания оно датируется весной 1508 г. (7016 г.).

Другую группу источников с известием о начале строительства Нижегородского кремля образуют общерусские провинциальные своды. Наиболее ранние из них – Устюжская (первой четверти XVI в.) и Холмогорская (середины XVI в.) летописи. Представленные в них варианты сообщения по своему смыслу совпадают с соответствующими эпизодами из великокняжеских сводов, а по отсутствию упоминания зодчего, они наиболее близки к отрывку из Воскресенской летописи. В Устюжской летописи великокняжеское повеление о заложении нижегородского каменного «града» помещено в статье 7020 г. (1511–1512 гг.) (ПСРЛ. Т. 37. С. 52, 100), в Холмогорской – 1508 г. (ПСРЛ. Т. 33. С. 135).

Несколько особняком от общерусских летописей стоит Постниковский летописец, представляющий собой своеобразные мемуары, составленные, по предположению М.Н. Тихомирова, великокняжеским дьяком Постником Губиным Маклаковым в середине XVI в. (ПСРЛ. Т. 34. С. 3). Соответствующее повеление великого князя здесь датировано 7015 г. (1506–1507 гг.) и передано, также без всякого упоминания о Петре Фрязине (ПСРЛ. Т. 34. С. 9).

Список известий о возведении нижегородской каменной крепости, оставленных более чем столетие спустя после самого события, открывается сообщением Русского Хронографа второй редакции (1617 г.). Пока это недостаточно исследованный памятник, далеко не все его источники определены (*Творогов,* 1970). Главы Хронографа, связанные с русской историей, были впервые опубликованы в 1869 г. по списку XVII в. из Московской Синодальной библиотеки (*Попов,* 1869. С. 131–203). Сообщение о крепостном нижегородском строительстве в этом памятнике по структуре организации текста и содержанию существенно отличается от соответствующих более ранних летописных упоминаний. Оно входит в состав 160-й главы с описанием событий правления Василия III и следует сразу за известием о вокняжении последнего: «В лето 7017 послалъ князь великій Василій Ивановичь Петра Фрязина въ Нижней Новъгородъ и повелѣ рвы копати, куды бытии градской стѣнѣ каменной. Въ лѣто 7018 Сентября въ 1-й день заложиша Новъградъ Нижней каменной стрѣлницу Дмитровскую» (*Попов,* 1869. С. 180). В отличие от великокняжеских сводов этот текст фиксирует не повеление о строительстве новой крепости, а, очевидно, то, что последовало за ним – конкретные шаги по воплощению указа великого князя. Параллель с отрывком Софийской II летописи в нём прослеживается только по упоминанию Петра Фрязина.

Сведения о возведении нижегородского «каменного града» вошли в состав летописцев середины – второй половины XVII в. Их появление по времени было приурочено к составлению многочисленных родословных росписей с их легендами и откровенными фальсификациями. Это обстоятельство, возможно, стало одной из причин того, что многие из памятников, завершающих историю русской летописной традиции, оказались насыщены неточностями (*Буганов,* 1976. С. 287, 288). Для них характерны ошибки в датировке событий, в именах и прозвищах исторических персонажей.

[169] В Уваровской отчество и прозвище зодчего переставлены местами («Петр Фрязин Френчюшко») (ПСРЛ. Т. 28. С. 342).

[170] Отсутствует упоминание зодчего.

Хронологический ряд такого рода источников начинают местные Летописец о Нижнем Новгороде и Нижегородский летописец, их протографы были составлены в середине XVII столетия. В их кратких рассказах о начале строительства Нижегородского кремля отчётливо просматривается общий источник – Хронограф редакции 1617 г. (*Шайдакова,* 2006. С. 53; *Чеченков,* 2010. С. 18, 19). В более раннем Летописце о Нижнем Новгороде соответствующий фрагмент имеет следующий вид: «Лѣта 7018 году. Сенътября въ 1 день заложил Новъгород Нижъней каменънои Дмитревъскую башню. Того же лѣта князь велики Василии Иванович взялъ град велики Пъсковъ и перевод учинил изо П[с]кова в Нижънии Новъград. Того же лѣта весною присла князь велики Василии [И]ванович боярина своего Петра Фрязина, повеле ему рвы копати в Новеграде Нижънем, куды быть городовои стене, и обложи на 7 веръстахъ» (Летописец о Нижнем Новгороде, 2006. С. 132). Текст Хронографа здесь перекомпонован, что привело к явному нарушению хронологической последовательности изложения[171], дополнен вставкой о переводе мастеров из Пскова и замечанием, касающимся, судя по тексту, общей длины укреплений Каменного города[172]. Кроме того, разведённые по датам события – отправка Петра Фрязина в Нижний Новгород и заложение Дмитровской башни – здесь попадают в одну годовую статью 7018 г.

Автор более позднего Нижегородского летописца, сократив текст источника и внеся в него небольшое дополнение, придал сообщению отсутствующий ранее смысловой оттенок, указывающий, скорее, не на начало, а на продолжение строительства Нижегородского кремля в начале XVI в.: «В лѣто 7017-го году. Великии князь Василеи Ивановичь прислал с Москвы в Нижнеи Новъгородъ Петра Фрязина и велѣлъ ровъ копать, гдѣ быть городовои каменной стенѣ в прибавку къ Дмитриевскои башне» (*Шайдакова,* 2006. С. 140). Почему автор счёл необходимым отметить, что строительство кремлёвской стены в 7017 г. происходило «в прибавку» к Дмитровской башне, становится понятным при обращении к сообщению об этом памятнике за 6882 г., отсутствующем в Летописце о Нижнем Новгороде. В нём говорится об инициативе великого нижегородского князя Дмитрия Константиновича по возведению каменных нижегородских укреплений и заложению Дмитровской башни (*Шайдакова,* 2006. С. 138)[173]. Следовательно, авторское дополнение текста источника (Хронографа 1617 г.) может быть воспринято как отчётливое указание на преемственность в возведении нижегородской каменной крепости, начало которой, опираясь на текст Нижегородского летописца, было бы логично отнести ещё ко времени существования политически независимого Нижегородско-Суздальского княжества. Такое историческое видение строительства Нижегородского кремля, впоследствии, проявилось и в работах нижегородских краеведов (см.: *Чеченков,* 2010. С. 19).

Большая близость к тексту Хронографа 1617 г., по сравнению с нижегородскими памятниками, обнаруживается в сообщении Мазуринского летописца последней четверти XVII в. – сложного по составу произведения, сочетающего исторические факты мировой и общерусской истории с известиями локального характера: «Того же году прислал князь великий в Нижний Новград Петра Фрязина и повеле рвы копати, куды бытии каменной стене. И на другой год заложиша град каменный и стрельницу Дмитровскую. Того же году князь великий Василий Иванович взял Псков Великий. Лета 7018 сентября в 1 день заложиша Новград Нижний и делаша стену каменную и стрельницу Дмитровскую» (ПСРЛ. Т. 31. С. 126). С текстом Летописца о

[171] Согласно Летописцу о Нижнем Новгороде, сначала была заложена Дмитровская башня, после чего был прислан Пётр Фрязин для организации откопки рвов под фундаменты кремлёвских стен.

[172] Пропуск слова «каменной» перед «городовой стеной» в последней фразе отрывка из Летописца о Нижнем Новгороде, а также указание её длины, явно превосходящей периметр кремлёвских стен, по наблюдению П.В. Чеченкова (2010. С. 19), породило представление об одновременном с кремлём строительстве протяжённой цепи дерево-земляных укреплений, соотнесённых И.А. Кирьяновым с Большим острогом Писцовой книги 20-х гг. XVII в. (*Кирьянов,* 1961. С. 34, 35; *Агафонов,* 1987. С. 34; 2008. С. 31, 33). Ошибочность такого чтения становится очевидной при сопоставлении соответствующего отрывка с текстом его источника – Хронографа 1617 г., где городская стена определена как каменная. Не исключено, что в сохранившиеся списки Летописца о Нижнем Новгороде цифровое обозначение длины крепостной стены в виде буквы «земля» попало в результате ошибочного прочтения переписчиком близкой по облику литеры «веди», соответствующей цифре 2. Периметр Нижегородского кремля по современным обмерам равен 2045 м (*Трофимов, Кирьянов,* 1952. С. 319), что близко к двум 500- саженным верстам (2160 м) (*Шостьин,* 1975. С. 53).

[173] Известие о заложении каменного Нижнего Новгорода нижегородским князем Дмитрием Константиновичем подтверждается авторитетным источником – Рогожским летописцем. Но в нём отсутствует упоминание о том, что строительство началось с Дмитровской башни (см.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 100).

Нижнем Новгороде этот вариант сближает сокращённое, по сравнению с последним, известие о взятии Пскова, отсутствующее в опубликованном списке Хронографа второй редакции.

Иная дата заложения новых нижегородских укреплений и другой объект, положивший начало их строительству, названы в Летописце Московском кратком, созданном между 1682 и 1689 гг. (*Буганов,* 1976. С. 286). В центре внимания его составителя – история царствующего дома, русской церкви, события московской жизни. «Нижегородское» сообщение помещено после известия о строительстве каменной церкви на подворье Симонова монастыря в Москве и башни на Спасских воротах: «Лета 7009-го году сентября в 1 день заложили делать Нижний Новград, вначале Тверскую башню. И того же году бысть явления на небеси – звезда хвостовая была 33 дни» (*Буганов,* 1976. С. 290). Известие, связывающее начало строительства Нижегородского кремля с заложением Тверской башни в 1500 г., ещё встречается только в одном памятнике – позднейшем Соликамском летописце. Составленный Василием Берхом из трёх летописей, сочинённых соликамскими гражданами в первой четверти XIX в., этот памятник завершает хронологический ряд известных источников, содержащих сведения о возведении нижегородских укреплений около рубежа XV–XVI вв. (*Берх,* 1821). Его первая погодная запись гласит: «1500-й годъ. Заложили Сентября 1 дня въ Нижнемъ НовѢгородѢ Тверскую башню. – Тогожъ году бысть явленіе на небеси: звѣзда хвостоватаа, которая была видима 33 дня» (*Берх,* 1821. С. 203). На вторичность этого текста по сравнению с отрывком из памятника московского происхождения, кроме более позднего времени создания, указывает использованный в нём отсчёт лет от Рождества Христова. Его незначительное смысловое отличие от сообщения Московского летописца краткого[174] возникло, вероятно, в результате не совсем удачного сокращения текста последнего или текста близкого к нему источника. Общей объединяющей особенностью обоих памятников является упоминание кометы, следующее сразу после нижегородского известия и включённого вместе с ним в одну годовую статью. Такое сопровождение записи о строительстве крепости в Нижнем Новгороде отсутствует в известных летописях и летописцах XVI – середины XVII вв., нет его и в соответствующей главе Русского Хронографа 1617 г.

Сведения из Московского краткого летописца идут вразрез с данными о начале возведения Нижегородского кремля всех известных более ранних источников. Это, казалось бы, лишает всякой перспективы поиск возможных генетических связей его сообщения с текстами других известных памятников. Усомниться в этом заставляет отрывок из Уваровского списка Вологодской летописи конца XVII–XVIII вв.[175]: «В лето 7018-го. Сентября в 1 день заложиша Новъград Нижней делати башню Дмитревскую. Того ж лета явилась звезда хвостата на небеси, а была 33 дни, ходила по полунощной стране и по полуденной и на запад» (ПСРЛ. Т. 37. С. 173).

Благодаря этому фрагменту, как промежуточному звену, устанавливается связь между текстами Московского летописца краткого и Хронографа 1617 г. Решающее значение для её выявления имеет сообщение о видимой в течение 33 дней комете, известное только по этим трём памятникам. В Московском кратком и Вологодском летописцах оно следует сразу за известием об основании Нижегородского кремля и входит вместе с ним в одну годовую статью. В Хронографе второй редакции сообщение о нижегородской крепости конвоирует известие о смерти московского митрополита Симона, а текст о явлении кометы представлен в последующей главе, посвящённой событиям эпохи Ивана Грозного. Здесь оно имеет наиболее полный вид: в нём сообщается не только о траектории движения небесного тела[176], но и о дате начала его видимости (1 августа). Рассказ о небесном явлении сокращён в Вологодской летописи, соответствующий ему текст Московского краткого летописца ограничен всего единственной его характеристикой – продолжительностью наблюдения.

В отличие от Московского краткого и Вологодского летописцев, известие о комете в Хронографе второй редакции несёт определённую смысловую нагрузку. Это событие, очевидно, знаменует начало нового правления и датируется 1534 г. (1 августа 7042 г.): «Того же лѣта

[174] В Соликамском летописце сообщается о заложении Тверской башни в Нижнем Новгороде, в Московском кратком – о заложении крепости в Нижнем Новгороде, которое началось с возведения Тверской башни.

[175] Известной ещё под названием Вологодского летописца, см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси, 1993. С. 236–239.

[176] «…ходила по полунощной стране и по полуденной и на запад».

Августа въ 1-й день явилася звѣзда на небеси хвостата и была 33 дни, а ходила по полуночной странѣ и по полуденной и на западъ» (*Попов,* 1869. С. 182). Судя по тому, что комета с такой траекторией по европейским и китайским источникам наблюдалась в 1533 г.[177], то есть, на год раньше, чем указано в Хронографе, его составитель, очевидно, целенаправленно изменил год наблюдения, чтобы известием об этом редком феномене подчеркнуть «вселенскую» значимость начала нового царствования (*Всехсвятский,* 1958. С. 201; *Попов,* 1869. С. 182). Таким образом, отрывок о комете из Хронографа второй редакции органично включён в композицию вмещающей его статьи. Этого особого смыслового контекста лишены близкие ему, но сокращённые отрывки из Вологодского и Московского краткого летописцев, что может служить дополнительным указанием на их вторичность.

Определённая близость обнаруживается в построении текстов этих трёх памятников, свидетельствующих и о заложении нижегородской каменной крепости. Наиболее отчётливо она проявляется при сопоставлении соответствующих отрывков Вологодской летописи и Хронографа. Отличия фрагмента вологодского памятника исчерпываются вставкой глагола «делати», отсутствием определения «каменный» и заменой, очевидно, устаревшего к рубежу XVII–XVIII вв. древнерусского слова «стрельница» на «башню». С текстом Московского летописца краткого его сближает порядок построения соответствующей фразы и наличие глагола «делать», отсутствующего в тексте Хронографа.

Эти наблюдения указывают на то, что протографы записей о заложении Нижегородского кремля Вологодской летописи и Московского летописца краткого имели общий источник, близкий или восходящий к Русскому Хронографу второй редакции. Особенности передачи им нижегородского известия определяются сокращённым сообщением из 160-й главы этого памятника, ограниченным только сведениями о заложении самой крепости и Дмитровской башни, а также наличием конвоирующей записи о комете, почти дословно повторяющей отрывок из его последующей 161-й главы. Годовая статья гипотетического источника с упоминанием заложения нижегородской крепости, очевидно, была составлена из описания разновременных событий, что указывает на её компилятивный характер.

Большую степень текстологического сходства с ним, безусловно, имеет сообщение Вологодской летописи. Оно и вариант известия из Московского летописца краткого представляют собой разные (и, вероятно, разновременные) редакции соответствующего отрывка гипотетического источника. Более щадящая редактура проявилась при составлении Вологодской летописи, которой свойственны подробные тексты погодных статей, большее их количество на единицу времени по сравнению с оправдывающим своё название «кратким» памятником московского происхождения. Записи последнего заметно разрежены по годам, объёмы их сильно сокращены по сравнению с соответствующими сообщениями из более ранних источников. Если дата заложения нижегородской крепости и название её первой башни из опубликованного Ивановского списка Московского летописца краткого встречаются в других его (неопубликованных) редакциях и характерны для этого памятника в целом[178]178, эти разночтения со сведениями Хронографа 1617 г. можно объяснить использованием недоброкачественного, имеющего утраты, списка гипотетического источника, использованного для составления протографа[179]. Следует отметить, что ещё при первой публикации Московского летописца краткого его исследователь отмечал, что публикуемый текст не лишён ошибок, «…особенно хронологиче-

[177] Упоминания о комете 1533 г. встречается и в русских летописях. Здесь её наблюдение датируется июлем 7041 г. Если московский летописец не отметил длительности небесного явления (ПСРЛ. Т. 8. С. 283; Т. 13. С. 70), то автор новгородской летописи указал на 30-дневный срок его видимости в Великом Новгороде (ПСРЛ. Т. 43. С. 223). Летописные варианты этого известия (московский и новгородский) заметно отличаются от соответствующего текста Хронографа второй редакции, очевидно, специально составленного спустя много лет после наблюдения кометы.

[178] Московский летописец краткий известен, согласно обзорной статье 1993 г., в четырёх списках различной сохранности и трёх редакциях (см.: Словарь книжников…, 1993. С. 252–254).

[179] Написание 7009 вместо 7018, буквы «тэта» обозначающей девятку вместо совокупности двух «и» – восьмеричного и десятичного, образующих «18», в результате ошибки прочтения исходного текста, как заметил Б.М. Пудалов, действительно сложно представить (2001. С. 31). Остаётся предположить, что ошибочное обозначение даты могло быть обусловлено плохой сохранностью рукописи или ошибкой письма, например, неосознанным переносом писцом последней цифры года предшествующей годовой статьи (за 6999 г.). Название Тверской башни могло появиться в результате переосмысления дефектной, с утраченными или неразборчиво написанными первыми тремя буквами, созвучной ему записи слова «Дмитровской».

ских» (*Буганов,* 1976. С. 288)[180]. Поэтому свойственные ему фактические расхождения с текстом Хронографа второй редакции в дате заложения Нижегородского кремля и в наименовании его первой башни можно рассматривать, скорее, как результат ошибок, сделанных при переписке летописных фрагментов, чем оригинальную вставку, взятую из другого, независимого от Хронографа, источника.

Для выяснения даты основания Нижегородского кремля в качестве основных текстов, к которым есть основания подвести разночтения по остальным, можно взять отрывки из Софийской II летописи и Хронографа второй редакции. Первый происходит из наиболее раннего списка сохранившейся части великокняжеского свода 1518 г., который также отразился в Уваровской и Львовской летописях. Без существенных изменений он был использован при составлении сводов 1520 и 1526 гг., вошёл в состав Иоасафовской, Никоновской, Вологодско-Пермской[181] летописей. В свод 1533 г. попадает его сокращённый вариант, представленный в Воскресенской летописи. В свою очередь, вероятно, уже отсюда известие в этой краткой форме проникает в северорусское летописание – в Холмогорскую и Устюжскую летописи. В последней нижегородское сообщение было явно ошибочно включено в статью 7020 г. с известием о приезде в Москву крымской «царицы». Близкое по виду к тексту Воскресенской летописи, но несколько изменённое по сравнению с ним, известие о заложении каменной крепости в Нижнем Новгороде также, очевидно, по ошибке, попало в завершение годовой статьи 7015 г. Постниковского летописца.

Отрывок из Хронографа второй редакции лёг в основу различных вариантов сообщения о нижегородской каменной крепости в памятниках позднейшего летописания – Летописце о Нижнем Новгороде, Нижегородском, Мазуринском, Московском кратком, Вологодском, Соликамском летописцах.

Каждый из двух текстов, предложенных в качестве основных, логичен и последователен по своему содержанию, гармонично вписан в смысловой контекст включающих его статей. Их сопоставление обнаруживает взаимную независимость, непротиворечивость и дополнительность, что также свидетельствует в пользу первичности этих источников по сравнению с любыми другими.

Запись в своде 1518 г., указывает не на начало строительства каменных укреплений в Нижнем Новгороде, а фиксирует только принятие решения об этом – повеление великого князя, датируемое весной 1508 г. Сообщение Хронографа содержит сведения о двух последующих событиях. Первое касается отправки в Нижний Новгород Петра Фрязина, назначенного «мастером» по возведению каменной крепости здесь ещё весной 1508 г. Согласно сведениям из Хронографа, в «лето 7017», то есть, в промежутке между 1 сентября 1508 г. и 31 августа 1509 г., он был направлен в Нижний Новгород для организации откопки фундаментных траншей и котлованов под стены и башни будущей цитадели. Второе событие – заложение Нижегородского кремля, ознаменованное началом возведения Дмитровской башни 1 сентября 1509 г.

Известные по другим памятникам разночтения, с большой долей вероятности обусловлены позднейшими изменениями текстов этих двух основных источников. Наибольшей надёжностью обладает сообщение из великокняжеского свода 1518 г. Сведения, попавшие в Хронограф редакции 1617 г., оригинальны, их достоверность пока не может быть оспорена с помощью каких-либо более ранних или более авторитетных источников.

СМЕНА ГОРОДСКИХ УКРЕПЛЕНИЙ ОКОЛО РУБЕЖА XV–XVI ВВ.

Анализ письменных памятников указывает на то, что возведение Нижегородского кремля началось в конце первого десятилетия XVI в. Есть основания полагать, что закладка фундамента его первой (Дмитровской) башни произошла только 1 сентября 1509 г. Поэтому осенью 1505 г. осаждавшие город войска Мухаммеда-Эмина могли сдержать только дерево-

[180] В самом деле, Невская битва в нём отнесена к XII в. (6689 г. вместо 6748 г.), взятие Астрахани – к XVII в. (7162 г. вместо 7054 г.), датировка основания московского Новодевичьего монастыря на три года расходится с указанием более авторитетной Воскресенской летописи (7030 г. вместо 7033 г.) (см.: *Буганов,* 1976).

[181] В редакцию, представленную её Архивским списком.

земляные укрепления, вероятно, восстановленные к этому времени вокруг «старого» Нижнего Новгорода[182].

Догадка о том, что возведению Каменного города в Нижнем Новгороде предшествовало возобновление прежней дерево-земляной крепости, не нова. Неявно она просматривается в сочинении Н.И. Храмцовского, полагавшего, что к 1500 г. сложенные из камня участки нижегородских оборонительных сооружений ограничивались только двумя башнями – Дмитровской и Тверской (Ивановской) (1998. С. 70). Впервые эта идея была высказана и обоснована П.В. Чеченковым, справедливо заметившим по поводу осады 1505 г., что «…даже три дня обороняться в недостроенном кремле было невозможно» (2010. С. 20). Строительство обороноспособных дерево-земляных укреплений в Нижнем Новгороде, по его мнению, могло произойти «… вскоре после вокняжения Ивана III, когда активизировалось восточное направление внешней политики Московского государства», а их разрушение – спустя восемь лет после нашествия Мухаммеда-Эмина (*Чеченков,* 2010. С. 20, 21). Своё мнение исследователь обосновал ссылкой на оригинальное, основанное, вероятно, на местных записях, известие Летописца о Нижнем Новгороде, свидетельствующее о наличии в городе деревянных оборонительных сооружений до пожара 1513 г. (7021 г.): «Авъгуста въ 3 день погоре Новъгород Нижъньеи, и дубовая стена, и въсе дворы погореша во граде» (Летописец о Нижнем Новгороде, 2006. С. 132). В 2014 г. гипотезу о ремонте деревянных стен прежней нижегородской крепости в 1500 г. предложил А.А. Пудеев (2014. С. 178). В этом же году вышло учебное пособие Ф.А. Селезнёва, высказавшего предположение о закладке 1 сентября 1500 г. деревянной Тверской башни (2014. С. 147).

На существование надёжных оборонительных сооружений в Нижнем Новгороде осенью 1505 г. указывает сообщение о нашествии Мухаммеда-Эмина из первого великокняжеского свода, составленного при правлении Василия III. В нём слово «град» употребляется не только в значении города, как населённого места, но и в значении городских укреплений: «Намѣстник же великого князя Ивана Васильевича Хабар с граждане же выходя из града многих людеи его биша» (ПСРЛ. Т. 39. С. 177). Вместе с тем, каких-либо летописных указаний на конструкцию этих оборонительных сооружений нет. Опираясь на сравнительно позднюю дату начала строительства кирпично-каменного кремля, остаётся только предполагать, что в те сентябрьские дни враг был остановлен под стенами восстановленной после десятилетий разрухи древнейшей дерево-земляной нижегородской крепости.

Возобновление старых городских укреплений перед началом грандиозного по своим масштабам строительства кирпично-каменной цитадели, очевидно, было необходимо из-за переменчивой военно-политической ситуации на восточном пограничье, где располагался Нижний Новгород. Трудоёмкая кладка кремлёвских стен и башен, наверняка, растянувшаяся на несколько лет, требовала создания надёжного убежища для большого количества людей, участвующих в этом мероприятии. Таким убежищем мог стать вновь укреплённый детинец старой нижегородской крепости. Практика возведения подобных «облегчённых» оборонительных сооружений перед заложением каменных кремлей известна по другим русским городам. Так, в Туле, поставленной на неспокойном Муравском шляхе, активно используемом крымчаками для набегов в московские земли, строительству завершённого в 1519–1520 гг. (7028 г.) каменного кремля, предшествовало сооружение в 1508–1509 гг. (7017 г.) деревянного «града» (см.: Иоасафовская летопись, 1957. С. 157, 181; ПСРЛ. Т. 8. С. 250).

Если запустение Городка было вызвано военной катастрофой, то наиболее вероятно её можно связать с событиями осени 1505 г.[183] В таком случае непосредственным «преемником» Городка в системе городской обороны был не Нижегородский кремль, а восстановленная дерево-земляная крепость «старого» Нижнего Новгорода. Её ремонт был проведён, скорее всего, около рубежа XV–XVI вв. Напомним, что на археологически обследованной территории Нижнего

[182] Обоснование того, что летописные тексты о событии 1505 г. косвенно указывают на то, что центром обороны тогда являлся «старый» Нижний Новгород, см. в § 4 настоящей главы.

[183] Последующие известные разорения городских окрестностей хронологически менее предпочтительны на роль события, положившего конец поселению на Городке. Автором Летописца о Нижнем Новгороде они датируются августом 1521 г. (7029 г.) и сентябрём 1535 г. (7045 г.) (Летописец о Нижнем Новгороде, 2006. С. 132, 133).

Новгорода именно с этой вехой связано возобновление городской застройки после длительного запустения. Строительство новых дерево-земляных укреплений, скорее всего, стало возможным только после успешного казанского похода 1487 г., на долгие годы принесшего мир в русские земли Поволжья.

В начале XVI столетия начинается история Старого городища на Оке. Сообщение Нижегородского летописца, породившее столько споров среди историков и краеведов, можно переосмыслить в контексте представлений нижегородцев времён Московской Руси. Коллективная историческая память, как показывает исследование происхождения исторических преданий, определяется не отражением в сознании её носителей конкретных исторических фактов, а, скорее, конструированием смыслов, придаваемых реальности, переживаемой коллективом (*Штырков,* 2012. С. 52). Поэтому знание о прошлом зачастую складывается путём своеобразной «склейки» хронологически разнесённых, но в чём-то сходных по своему значению событий различных исторических эпох, в данном случае – заложения в 1221 г. на устье р. Оки города «Новъгорода» и возобновления обороноспособности его укреплений около рубежа XV–XVI вв. Обстановка запустения, царившая в крае на протяжении большей части XV столетия, сама по себе могла способствовать выработке отношения к строительству новой городской крепости, как к основанию нового города на Дятловых горах. Не исключено, что именно такое представление о новых нижегородских укреплениях донес до нас текст Нижегородского летописца, составленный спустя полтора столетия после всех этих событий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пятнадцатое столетие стало переломным в исторической судьбе Нижнего Новгорода. Из богатой удельной столицы, принимавшей караваны восточных купцов, но в то же время способной стать лёгкой добычей конного отряда Мамая, он превратился в «служилый» город-крепость Московского государства с неприступной кирпично-каменной цитаделью. Это превращение сопровождалось не только возведением новых укреплений, но и сменой населения, нарушением традиционного облика местной материальной культуры и возобновлением жилой застройки, утраченной к середине XV в. на большей части прежней городской территории. Город, заложенный на устье Оки владимирским князем Юрием Всеволодовичем, подобно легендарному Китеж-граду, исчез навсегда, унося в бездну прожитого и остатки своей архитектуры, и династии «старожильцев» – «лучших» нижегородских людей, ремесленников, торговцев, священнослужителей... Пришедшие на его городище строители принесли новую жизнь с другими традициями и своим восприятием минувшего, в котором воспоминание о местных князьях и всём том, что было связано с ними, вряд ли сопровождалось чувством утраты, сожаления или ностальгии. Только нижегородские церкви сумели оградить ветшающими стенами память о былых своих прихожанах и благодетелях, оставаясь незыблемыми хранителями последней вести о прежнем городе и его людях. Попавшие в великокняжеские своды отредактированные и разрозненные фрагменты нижегородского летописания, синодики нижегородских монастырей и жалованные грамоты из их архивохранилищ, могилы нижегородских князей и «церковные места» – участки, где некогда стояли приходские храмы – вот что легло в основу представлений о прошлом нижегородской земли у жителей обновлённого города. Именно эти свидетельства определяют содержание первой истории средневекового Нижнего Новгорода, составленной безвестным автором местного летописца в середине XVII в.

Суверенные правители окраинного поволжского региона, не отделённого сколько-нибудь существенной естественно-географической преградой от земель воинственных соседей, не могли полагаться на поддержку многочисленного подвластного населения и нуждались в могущественных покровителях. Первый удар по благополучию города был нанесён ещё при активной поддержке его Москвой в 1377–1378 гг. Произошедшая после Пьянского побоища и первого тотального разорения города политическая переориентация наследной нижегородской аристократии на восток постепенно превратила наметившийся упадок Нижнего Новгорода в настоящую катастрофу. Затяжной кризис, породивший зияющий провал «эпохи запустения» в городских культурных напластованиях, во многом был предопределён судьбой Золотой Орды.

Включение города в систему налаженной владыками Волжского царства трансконтинентальной торговли, очевидно, стало основой его богатства и известности в XIV в. Как впервые отметил В.А. Лапшин, вряд ли случайно возвышение Нижнего Новгорода произошло единовременно с расцветом поволжских городов улуса Джучи (2005. С. 94). Разрушение Тимуром в середине 90-х гг. XIV в. этих крупнейших на Волге ремесленных и торговых центров, могло самым пагубным образом сказаться и на поволжском городе при окском устье, благосостояние которого основывалось, скорее, на транзитной торговле и промыслах, чем на плодородии окрестных земель. Утрата привлекательности Нижнего Новгорода для торговых людей, отме-

ченная летописцами уже сразу после побоища на Пьяне[1], могла стать главной причиной задержки его восстановления после разорений 1377–1378, 1408–1409, 1445 гг.

С утратой Золотой Ордой могущества, риск разграбления торговых караванов на волжской магистрали заметно возрос. Об этом красноречиво свидетельствует история тверского купца Афанасия Никитина. Определяющую роль в мировой торговле XV в. начинают играть морские пути (История Европы…, 1993. С. 11–16; *Ситдиков,* 2006б. С. 170). Волжский путь превращается в артерию прикаспийской торговли. По нему, как прежде, уже не провозят товары через Хорезм из далёкого Китая. В середине столетия в бывших поволжских центрах Золотой Орды прекращается массовая монетная чеканка (*Бахтин,* 2008. С. 197). Большая часть поволжских торговых маршрутов в это время ограничивается пределами стремительно шагнувшего на мировую арену Казанского ханства, отсекшего восточные русские земли от активного участия в международном товарообороте. Проторить торговый путь на восток к Хвалынскому морю удалось Московскому государству, постепенно превратившему Волгу в главную речную артерию своего экономического пространства. Только тогда, опустевший вместе с истощением могущества Волжского царства, Нижний Новгород обретает вторую жизнь.

Переломное время нижегородской истории символически ограничено двумя событиями – появлением осенью 1392 г. в городе на окском устье московских наместников и строительством Нижегородского кремля близ рубежа первых двух десятилетий XVI в. Ещё одним знаковым эпизодом – уходом из города орды Улу-Мухаммеда 25 августа 1445 г. – оно разделяется на два качественно различных периода.

В первый период, очерченный промежутком от осени 1392 до осени 1445 гг., сколько-нибудь динамичного развития Нижнего Новгорода не происходило, а местная материальная культура сохраняла свой традиционный облик. Власть московских князей не отличалась устойчивостью, а спорадическое правление политически ориентированных на Орду представителей суздальской династии, вряд ли, способствовало процветанию города. География распространения монетных кладов показывает, что обеспеченное трудом местных хлебопашцев, рыбаков и ремесленников нижегородское серебро массово уходило из региона в улусы Золотой Орды, вероятно, вместе с воинами, нанятыми на ратную службу нижегородскими князьями (*Тростьянский*, 2009. С. 42, 43). Реализованная суверенными правителями Нижнего Новгорода управленческая модель с опорой на скромные экономические возможности порубежных малолюдных земель и военно-политическую поддержку стремительно утрачивающих своё влияние золотоордынских правителей, была обречена на провал. Конфронтация представителей суздальско-нижегородской династии с великим московским князем прочно удерживала вектор основных политических связей Нижегородской земли в восточном направлении. Для Москвы же противостояние с нижегородскими князьями было частью противостояния с Ордой. Разменной монетой в этой борьбе стал окраинный Нижний Новгород. К зиме 1444–1445 гг. для обеспечения обороноспособности его исторического центра уже не было ни надёжных укреплений, ни людских ресурсов, необходимых для формирования сколько-нибудь дееспособного ополчения.

Содержание второго периода можно охарактеризовать как предысторию строительства нового города. Его пределы очерчиваются условными рамками 1446–1509 гг. В это время происходит активное включение региона в формирование социально-экономической системы и политического порядка Московского государства. В местном монетном обращении начинает доминировать московская денга, присоединившая местный рынок к экономике Московского княжества. К концу этого периода появляются первые письменные известия о нижегородских служилых людях и нижегородских гражданах, в Нижнем Новгороде начинается подготовка к строительству каменных укреплений, возрождается жилая застройка, местами перекроившая забытые директивные направления планировки прежней удельной столицы. Кардинально меняется состав посудной керамики, получившей большее, чем прежде, разнообразие по формам, стилистике и технологическим приёмам изготовления.

Для встраивания Нижнего Новгорода в политико-административную структуру Московского государства использовались различные политические механизмы (см.: *Чеченков,*

[1] См. эпизод об отъезде самого известного нижегородского купца Тарасия Петрова в Москву в Особой редакции Типографской летописи: *Насонов*, 1958. С. 247.

2007а). Местные условия, очевидно, наложили свой отпечаток на их выбор. Особенности формирования новой структуры управления в нижегородском крае определялись прежде всего плачевным экономическим положением присоединяемых земель, их запустением. Здесь не требовалось организовывать массовый «вывод» оппозиционно настроенной верхушки местного общества, как это было в Великом Новгороде, не могла привести к успеху и ставка на сохранение существующих земельных отношений, сделанная в Твери. Процесс включения Нижнего Новгорода во владения великого Московского княжества проходил в значительной степени в форме нового освоения его земель почти с «чистого листа». Лучшие сельхозугодья, вероятно, ещё вскоре после кончины Даниила Борисовича принудительно перекупленные великокняжескими людьми у представителей суздальской династии и их слуг, после «мамотяковщины» превратились в селища и пустоши, на что указывает завершение функционирования подавляющего большинства крупных сельских поселений Нижегородской округи к середине XV в. Многие местные носители земельных прав к этому времени исчезли – погибли либо, в силу коренным образом изменившейся политической обстановки, навсегда покинули вместе с наследниками свои «отчины». Главным мероприятием верховной власти, приведшим к быстрому формированию лояльной социальной среды и необходимой для её содержания экономической базы, стала организация мощного искусственно созданного миграционного потока из староосвоенных земель в Нижегородское Поволжье. Именно этот ход, наверное, стал решающим на пути преодоления «эпохи запустения» и формирования местной – нижегородской, лояльной и боеспособной служилой корпорации.

Результаты многолетних археологических исследований в Нижнем Новгороде выявили запустение города в течение большей части XV столетия. Вскрытые полевыми изысканиями масштабы опустошения освоенной в XIII – начале XV вв. городской территории столь значительны, что предположение о переносе административного центра за пределы городской черты представляется наиболее очевидным объяснением иллюзии «утраченного» археологами города, известного, тем не менее, по летописным и иным упоминаниям.

Закрепление великокняжеской власти в Нижнем Новгороде, очевидно, предполагало создание в нём нового, второго, ядра городской застройки в виде автономного укреплённого поселения, удалённого от исторического центра. Такое решение в местных условиях при сложившейся военно-политической ситуации выглядит вполне оправданным. Новым средоточием городской жизни при нашествии орды Улу-Мухаммеда, очевидно, был летописный Нижний Новгород «меньшой» (или Новый), превратившийся тогда, в 1445 г., в главный центр городской обороны. В нём удерживал осаду военный гарнизон под командованием двух нижегородских воевод. Летописная история этой крепости оканчивается в июне 1445 г., когда после исчерпания хлебных запасов она была покинута своими защитниками, а её укрепления сожжены. Завершилась ли на этом реальная история Нижнего Новгорода Нового?

Возобновление застройки в историческом центре города после почти столетнего перерыва, по материалам археологических раскопок фиксируется только с рубежа XV–XVI вв. Этот факт непреложно свидетельствует о резком сокращении площади заселённой городской территории по сравнению с предшествующим периодом. На этом фоне перенос административного центра города за пределы прежних его границ не выглядит невероятным событием. После ухода орды Улу-Мухаммеда история Нижнего Новгорода Нового могла иметь продолжение.

Результаты археологических изысканий подтверждают это предположение, указывая на существование в ближайших городских окрестностях небольшого мысового городища, жизнь на котором активно протекала как раз во время запустения большей части территории средневекового Нижнего Новгорода. Археологические признаки этого памятника позволяют поставить его в один ряд с осадными городками Пермской земли и другими поселениями, основанными московскими наместниками и воеводами для организации управления в землях, присоединённых к великому Московскому княжеству. Вскрытые на городище следы усадебной застройки, связанной с проживанием профессиональных воинов, находки предметов вооружения, серебряных и медных монет, железных стилей, специфика местного хозяйства, предполагающая, скорее, поставки продовольствия, чем его производство местными жителями – всё это и ряд других ха-

рактерных особенностей позволяют увидеть в нём остатки административного центра Нижнего Новгорода середины – второй половины XV в.

Однако будущее развитие города было связано не с расширением нового городского «ядра», а с восстановлением дееспособности его исторического центра. Вероятно, после замирения с Казанью в 1487 г., власти прикладывают усилия к восстановлению обороноспособности старых нижегородских укреплений, и уже под их прикрытием на рубеже первых двух десятилетий XVI в. по указу великого князя возводятся башни и стены кирпично-каменного кремля. Возможности разрушенного вблизи рубежа XV–XVI вв. небольшого предместного осадного городка к этому времени были исчерпаны. Удалённый от центра городской жизни, он был заброшен и забыт горожанами, став очередной перелистнутой неумолимым временем страницей нижегородской истории.

Нижегородский опыт административно-политического, социального и хозяйственного освоения вновь присоединённых территорий, очевидно, был использован московскими служилыми людьми при продвижении в районы Среднего и Нижнего Поволжья, Прикамья и Приуралья. После завоевания Казанского ханства в середине XVI в., долгие годы на землях его прежних подданных не утихали стихийные выступления; подавление мятежей приводило к запустению многих областей, жители которых перебирались в более безопасные места (*Ситдиков*, 2006б. С. 175). Сложившаяся здесь ситуация во многом напоминала обстоятельства, сопутствующие включению Нижегородского Поволжья в систему великокняжеской власти. Закрепление Московской государственности в бывших владениях казанских ханов происходило путём массового строительства небольших городков-крепостей, первоначально имевших только административное и военное значение. По мере стабилизации обстановки многие из них стали центрами ремесла и торговли, а те, которые были поставлены на перспективных местах – превратились в «малые» города, определившие опорный каркас структуры расселения в восточных провинциях Московского государства (*Гордеев, Павленко,* 2004. С. 39–63).

Один из первых опытов такого способа реализации политики на присоединённых землях представителями великокняжеской власти был получен, возможно, в Нижнем Новгороде. Небольшая крепость-осада, заложенная московскими наместниками в городском предместье, стала непосредственной предтечей современного российского города-миллионника, обозначив начало нового «московского» этапа нижегородской истории. Погибший в огне, заброшенный, вероятно, ещё до начала возведения кирпично-каменного кремля, наверное, именно незаслуженно забытый Нижний Новгород Новый в конце XVI столетия был известен нижегородским гражданам уже под безликим нарицательным именем старого городка, которое, спустя ещё четыре столетия, отразилось в названии соответствующего ему археологического памятника.

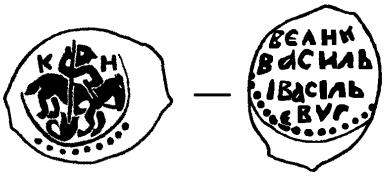
ПРИЛОЖЕНИЕ 1

КАТАЛОГ МОНЕТ ГОРОДИЩА ГОРОДОК

ДЕНГИ

Великое Московское княжество

Великий князь Василий Васильевич (Тёмный) (1425–1462 гг.)

1

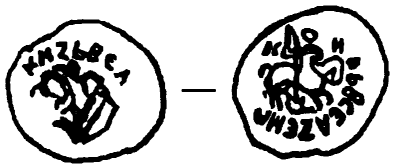
1. ***Л. с.***[1] Ободок двойной (линейный и точечный). В поле – всадник скачущий вправо и поражающий змея копьём в раскрытую пасть, по сторонам от него – литеры "**К**" и "**Н**".

О. с.[2] В двойном (линейном круговом и точечном) ободке пятистрочная надпись: **[KNZЬ]/ ВЕЛНК[І]/ВАСИЛЬ/ІВАСИЛЬ/ЕВИС(Ч?)**.

1 экз.: Р2-К6. Вес – 0,62 гр., размер – 11×14 мм.

Изд.[3]: *Орешников,* 1896. С. 104. № 555. Табл. IX, *403*; *Мец,* 1974. С. 96. № 78.

Место чеканки, по Мец Н.Л., не связано с Москвой, выпуск монет этого типа она датирует промежутком 1434–1446 гг. (*Мец,* 1974. С. 36, 96, 144, № 78).

2

2. ***Л. с.*** Крылатая сирена с неясными предметами в руках влево, вокруг неё круговая надпись: **KNZЬВЕЛ[ІКНВАСІЛЕІВАСІЕВЧ]**

О. с. Всадник скачущий вправо и поражающий змея копьём в раскрытую пасть, по сторонам от него – литеры "**К**" и "**Н**"; круговая надпись: **[ІОСПОДАРЬ]ВСЕЯZЕМЛ[НРУСКНЯ]**.

1 экз.: Р1-Я1В-2. Вес – 0,50 гр., размер – 11×14 мм.

Изд.: *Орешников,* 1896. С. 115. № 625. Табл. X, *471*; *Мец,* 1974. С. 101. № 104.

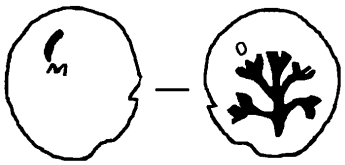
---

[1] Л. с. – лицевая сторона.

[2] О. с. – оборотная сторона.

[3] Изд. – издание монеты.

По Мец Н.Л. чеканилась в Москве в 1446–1462 гг. (*Мец,* 1974. С. 101, № 104). Зайцев В.В., на основании изучения второго Волнинского клада и некоторых других материалов, наиболее вероятный период выпуска монет данной весовой нормы определяет как осень 1445 – зиму 1445–46 гг. (в промежутке между выходом Василия Васильевича из плена и захватом Москвы Дмитрием Шемякой) (*Зайцев,* 2004. С. 49–55, 58).

3

3. ***Л. с.*** Изображение почти целиком стёрто [человек, рубящий топором полено; вокруг - круговая надпись].

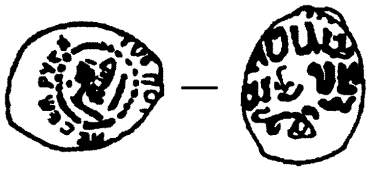
О. с. Дерево о пяти ветвях, вокруг следы не читаемой круговой надписи:

[**+KNZЬВЕЛИКИВАСИЛЕI]**

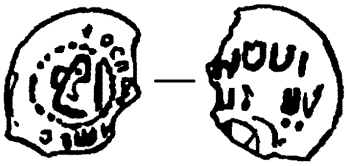
1 экз.: Р2-Я2-3. Вес – 0,31 гр., размер – 10×13 мм. Сильно потёрта и оксидирована.

Изд.: *Орешников,* 1896. С. 116. № 633. Табл. XI, *481*; *Мец,* 1974. С. 105. № 126.

По Мец Н.Л. чеканилась в Москве в 1446–1462 гг. (*Мец,* 1974. С. 105, 144, № 126). Присутствие монет этого типа в составе второго Волнинского клада позволяет предположить их несколько более ранний выпуск в обращение (см.: *Зайцев,* 2004. С. 58).

4

5

4–5. ***Л. с.*** В центре в ободке из точек голова человека повёрнутая вправо, перед лицом вертикальная черта, вокруг круговая надпись: **+ОСПОД[А]РНВСЕЯРУ[СИRМ]**

О. с. Подражание арабской надписи в три строки, посередине голова человека вправо (или кафимский узел ?).

2 экз.: 4 – Р1-Я2-3, вес – 0,37 гр., размер – 10×13 мм;

5 – Р1-Я1А-2, вес – 0,34 гр., размер – 10×14 мм, часть монетного кружка утрачена.

Изд.: *Орешников,* 1896. С. 102–103. № 545. Табл. IX, *394*; *Мец,* 1974. С. 106. № 127.

Чеканка данного типа, по Мец Н.Л., происходила в Москве после объявления Василием II своим соправителем сына Ивана в 1450–1462 гг. (позднее июня 1449 г.) (*Мец,* 1974. С. 36, 144, 106, № 127). По мнению Зайцева В.В., выпуск монет с надписью «Осподари всея Руси» происходил вблизи 1450 г. (*Зайцев,* 2004. С. 58).

6

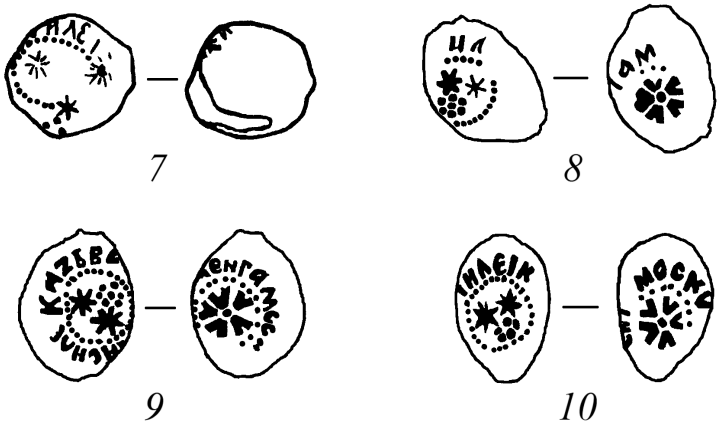
6. ***Л. с.*** В точечном картуше: человек, сидящий на троне с ручками в форме львов, в его правой руке меч, с левой стороны литера "**К**".

О. с. В точечном картуше четырёхстрочная надпись: **[В+Е]/ЛКNZЬ/ВАСНЛ/ЕІРУ**.

1 экз.: Р1-1-5А. Вес – 0,35 гр., размер – 10×12 мм, часть монетного кружка утрачена.

Изд.: *Орешников,* 1896. С. 105. № 564. Табл. IX, *410*; *Мец,* 1974. С. 100. № 95–97.

Чеканка данного типа, по Мец Н.Л., происходила в Москве после событий февраля 1447 г. (в 1447–1462 гг.) (*Мец,* 1974. С. 31, 35, 144).

7 *8*

9 *10*

7 – 10. ***Л. с.*** В центре изображение двух семилучевых звёздочек и розетки в ободке из точек; круговая надпись: **[+] KNZЬВЕ[ЛНКІВ]АСИЛЕІ**.

О. с. В центре в ободке из точек цветок с пятью лепестками, круговая надпись: **ДЕНГАМОСКО[ВСКАЯ]**.

4 экз.: 7 – Р1-Я2-2, вес – 0,35 гр., размер – 10×12 мм, изображения на обеих сторонах испорчено двойным ударом, оборотная сторона прочеканена плохо;

8 – Р2-Я1-2, вес – 0,39 гр., размер – 9×14 мм;

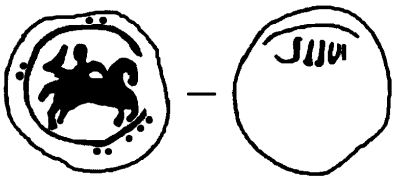
9 – Р3-10-10, вес – 0,39 гр., размер – 10,5×14 мм;

10 – Р2-3-5, вес – 0,31 гр., размер – 9×13 мм.

Изд.: *Орешников,* 1896. С. 126. № 672. Табл. XI, *519, 520*; *Мец,* 1974. С. 126. № 255.

Атрибутирована Орешниковым А.В. как монета Василия III. По Мец Н.Д., данная денга чеканилась в самом конце правления Василия II около 1462 г. (*Мец,* 1974. С. 38), что подтверждено Зайцевым В.В. на основании изучения нескольких кладовых комплексов (*Зайцев,* 2006. С. 14, 15).

фальшивая монета
Великого князя Василия Васильевича (Тёмного)

11

11. ***Л. с.*** В двойном (точечном и линейном) ободке всадник скачущий вправо с соколом на правой руке

О. с. В линейном картуше неразборчивая надпись арабскими буквами (сохранилась только верхняя строчка).

1 экз.: Р2-Я1-2. Вес – 0,42 гр., размер – 13×13 мм, плохо прочеканена, изготовлена путём двухстороннего наложения серебряной фольги на медную основу.

Наиболее близка к типам №№ 523 и 541 по каталогу Орешникова А.В. (*Орешников,* 1896. С. 100, № 523, табл. IX, *376*; С. 102, № 541, табл. IX, *391, 392*). Тяжеловесные монеты с таким оформлением сторон (с изображением всадника с соколом – на одной стороне и с нечитаемой арабской надписью – на другой) характерны для раннего чекана Василия II, не позднее 1434 г. (*Мец,* 1974. С. 26, С. 84, 85, №№ 6, 7, 10–14, С. 88–90, №№ 30–32, 33–37).

Великие князья Василий Васильевич или Иван Васильевич
(около 1462 г.)

12 *13*

12–13. ***Л. с.*** В центре изображение двух семилучевых звёздочек и розетки в ободке из точек; круговая надпись: **[+KNZЬB]ЕЛНК…**

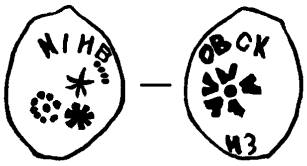
О. с. В центре в ободке из точек цветок с пятью лепестками, круговая надпись: **ДЕ[НГАМОСКОВСК]АЯ**;

2 экз.: 12 – Р1-Я2-1, вес – 0,37 гр., размер – 10×13 мм, изображения на обеих сторонах испорчено двойным ударом, оборотная сторона прочеканена плохо;

13 – Р1-Я1А-2, вес – 0,28 гр., размер – 9×10 мм; часть монетного кружка утрачена, сильно потёрта.

По монографии Орешникова А.В. соответствуют либо типу № 671 (*Орешников,* 1896. С. 124–125, № 671, табл. XI, *518*), либо типу № 672 (*Орешников,* 1896. С. 126, табл. XI, *519, 520*). Н.Д. Мец и В.В. Зайцев доказали, что чеканка «денег московских» с розеткой происходило вблизи 1462 г. (*Мец,* 1964. С. 322; 1974. С. 38, 126; *Зайцев,* 2006. С. 14, 15).

Великий князь Иван Васильевич
(1462–1505 гг.)

14

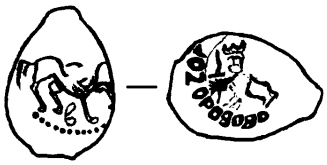
14. ***Л. с.*** В центре изображение двух семилучевых звёздочек и розетки в ободке из точек; круговая надпись: **[+KNZЬВЕЛІНК]ИПИВ[АNЪ]**.

О. с. В центре в ободке из точек цветок с пятью лепестками, круговая надпись: **[+Д]ЕН[ГАМОСК]ОВСК[АЯ]**.

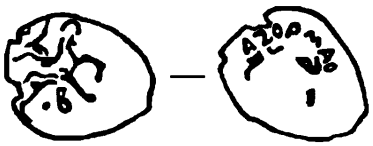
1 экз.: Р1-3-10Б, вес – 0,35 гр., размер – 10×12 мм.

Изд.: *Орешников,* 1896. С. 124, 125, № 671, табл. XI, *518*; *Мец,* 1964. С. 322, рис.1, *4*; *Спасский,* 1970. С. 107, рис., *5*; *Зайцев,* 2006. С. 86. № 3.

По исследованиям Мец Н.Д. и Зайцева В.В. данная денга чеканилась в самом начале правления Ивана III, около 1462 г. (*Мец,* 1974. С. 38; *Зайцев,* 2006. С. 14, 15). Оборотная сторона оформлена штемпелем одного из последних монетных типов Василия Тёмного.

15

16

17

15 –17. ***Л. с.*** В точечном («шнуровом» – по Зайцеву В.В.) ободке всадник с саблей в правой руке – вправо, под конём литера «**В**».

О. с. В центре поясное изображение воина в анфас в шапке с загнутыми вверх полями, в правой руке – меч, в левой – кистень, вокруг нечитаемая круговая надпись: **...dOZOPOBOBO…**

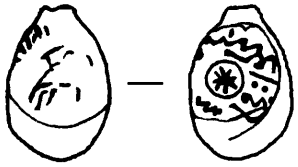
3 экз.: 15 – Р1-Я2-1, вес – 0,38 гр., размер – 9×13 мм;

16 – Р1-Я2-2б, вес – 0,33 гр., размер – 10×13 мм;

17 – Р2-Я1-1, вес – 0,27 гр., размер – 9×12 мм, очень плохой сохранности.

Изд.: *Орешников,* 1896. С. 124, 125, № 679, 680, табл. XI, *527*; *Спасский,* 1970. С. 107, рис., *4*; *Зайцев,* 2006. С. 87. № 6.

Ильин А.А., на основании изучения кладовых комплексов, отнёс чеканку монет данного типа ко времени правления Ивана III (1974. С. 238), что в последствие было подтверждено Зайцевым В.В. (2006. С. 19, 20). Денги с неясной надписью, за которыми среди коллекционеров и исследователей закрепилось наименование «дозор», являются весьма многочисленными в кладовых комплексах эпохи Ивана III.

18

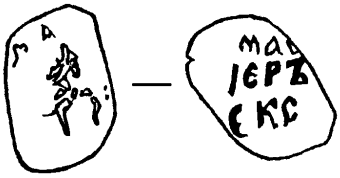
18. ***Л. с.*** Всадник с саблей, вправо, вокруг – следы круговой надписи: **[KNZЬВЕЛИКИИВАНЪВАСИЬВИ].**

О. с. В центре поля в линейном ободке восьмилучевая звезда, вокруг – круговая надпись арабскими буквами: «это акче московское», картуш – линейный.

1 экз.: Р3-2-1, вес – 0,36 гр., размер – 8×13 мм.

Изд.: *Орешников,* 1896. С. 120, № 649, табл. XI, *496*; *Зайцев,* 2006. С. 86. № 5.2.

По мнению Зайцева В.В. чеканка монет такого типа происходила в Москве во второй половине 60-х – начале 70-х гг. XV в. (*Зайцев,* 2006. С. 16–18).

19

19. ***Л. с.*** Всадник с саблей, вправо, вокруг – следы круговой надписи: **[KNZЬВЕЛИКИIВАНЪВАСИЬЕВИЧ].**

О. с. Четырёхстрочная надпись: **МАС/ТЕРЪ[А]/[Л]ЕКС[АН]/[ДРО].**

1 экз.: Р1-Я1Б-2, вес – 0,25 гр., размер – 9×14 мм.

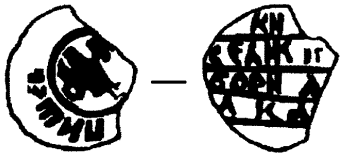
Изд.: *Орешников,* 1896. С. 124, № 668, табл. XI, *515*; *Зайцев,* 2006. С. 888. № 10.2.

Чеканка монет с именем «мастера» Александра (вероятно, обладателя денежного откупа) началась в 80-х гг. XV в. (*Зайцев,* 2006. С. 23, 24).

Тверское великое княжество

Великий князь Борис Александрович

(1425–1461 гг.)

20

20. ***Л. с.*** Крылатый дракон с рыбьим хвостом вправо в линейном ободке, круговая надпись: **[…ТОПОДО]ПНШЕЬ[…ОТЪБУДЕ…].**

О. с. Шестистрочная надпись разделённая параллельными линиями:

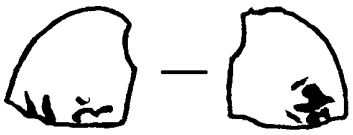
/[ПЕЧА]/[ТЬ]КN[ZЯ]/ВЕЛНКОГ[О]/БОРН[С]А[О]/Л[Е]КА[ND]

/..../

1 экз.: Р1-Я1А-1, вес – 0,40 гр., размер – 10×11 мм, часть монетного кружка утрачена.

Изд.: *Орешников,* 1896. С. 40, № 234, табл. III, *104*.

Неопределимые

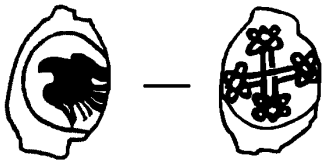

21

21. Часть обломанного монетного кружка (денги?), изображения на обеих сторонах почти полностью стёрты.

1 экз.: Р1-Я1А-1, вес – 0,17 гр., размер – 8×8 мм.

ПОЛУДЕНГИ

22

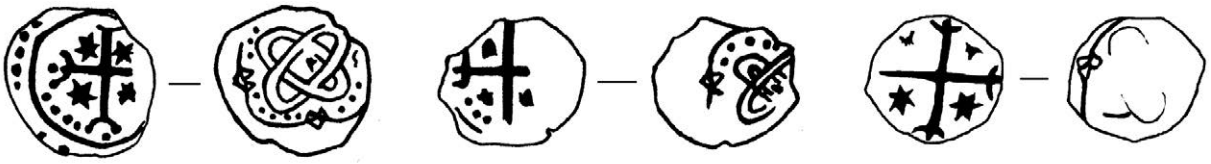
22. ***Л. с.*** В линейном картуше птица, летящая влево.

О. с. В линейном картуше равносторонний крест из сдвоенных переплетенных в средокрестии линий, каждая лопасть завершается «кафимским» узлом - обычным элементом оформления монет Золотой Орды.

1 экз.: Р2-Я1-1, вес – 0,16 гр., размер – 7×10 мм.

Данный тип отсутствует в самой полной на настоящее время сводке русских средневековых серебряных разменных монет Гайдукова П.Г. (*Гайдуков,* 2006). Сходное по стилистике изображение летящей птицы известно на денгах Василия II 1446–1462 гг. (*Орешников,* 1896. С. 112, № 606, табл. X, *451*; *Мец,* 1974. С. 111, 112. №№ 160, 165, 166).

ПУЛЫ

23 *24* *25*

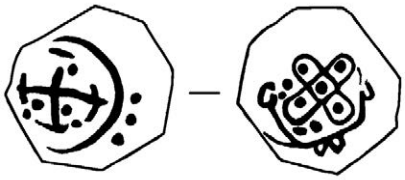
23–**25.** ***Л. с.*** Поле заключено в три круговых ободка: два точечных и в промежутке между ними – один линейный. В центре равноконечный крест с двухчастным (дугообразным) оформлением окончаний лопастей, сектора между его ветвями обозначены шестилучевыми звёздами.

О. с. Сложный картуш состоит из внешнего четырёхлепесткового линейного ободка, равномерно разделённого в четырёх местах узелками-трилистниками. С внутренней стороны к последним примыкают окончания дуг, составленных из точек, образующими второй круговой пре-

рывистый ободок. Центральную часть поля занимает фигура в виде двух крестообразно составленных ленточных (показанных сдвоенными линиями) переплетённых при пересечении овалов с точкой (или звёздочкой) в центре.

3 экз.: 23 – Р1-2-10Б, вес – 1,40 гр., размер – 16×18 мм;
24 – Р1-1-10А, вес – 1,08 гр., размер – 15×16 мм;
25 – Р2-Я2-1, вес – 1,26 гр., размер – 16×18 мм; оборотная сторона полустёрта.

Подобное (либо типологически близкое) пуло опубликовано Орешниковым А.В., который по месту обнаружения отнёс его к монетам тверского чекана (*Орешников,* 1896. С. 62, № 375, табл.V, *229*). Медная монета с такой же оборотной стороной описана Гайдуковым П.Г. среди находок из Городца-на-Волге (*Гайдуков,* 1992. С. 24–25, тип № 3, рис.1, *4; Гайдуков,* 1993. С. 201, № 399)[4].

26

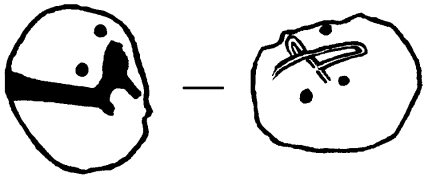
26. ***Л. с.*** Поле заключено в два круговых ободка: точечный внешний и линейный круговой – внутренний. В центре равноконечный крест с раздвоенными концами, между ними – точки.

О. с. В четырёхлепестковом линейном ободке, равномерно разделённым в четырёх местах узелками. Центральную часть поля занимает фигура в виде двух продолговатых крестообразно составленных овалов, переданных одинарными линиями. Пять образованных пересечением участков внутри неё отмечены точками. По две точки с четырёх сторон располагаются и в каждом из треугольных промежутков между картушем и центральным изображением.

1 экз.: Р3-3-7, вес – 1,01 гр., размер – 17×15,5 мм, монетный кружок имеет отчётливую семигранную форму.

Изд.: Гайдуков, 2003. С. 59, рис. 24, 4.

Фигура из «перекрещивающихся овалов», выполненная одинарными линиями и дополненная точками, встречается на отдельных монетах Золотой Орды (на анонимных недатированных серебряных монетах и пулах 810 г.х. (1407–1408 гг.) Сарая-ал-Джадид (*Лебедев, Клоков,* 2004. С. 47, 53. Рис. 7, *8а, 8б*; *Фёдоров-Давыдов,* 2003. Табл. XXVI, *373*), Болгара (*Сингатуллина,* 1998. С. 84. Табл. 17, *208*), на пулах Азиз-Шейха (1365–1367 гг.) (*Пырсов,* 2002. С. 29, № 280), на неопределённых недатированных медных монетах без определённого места чеканки (*Фёдоров-Давыдов,* 2003. Табл. XXXVI, *533*)).

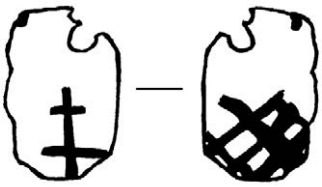
27

27. ***Л. с.*** Широкая прямая линия, вблизи её одного конца несколько полуразмытых точек.

О. с. Полузатёртое изображение напоминает фигуру из двух перекрещенных ленточных овалов, рядом – несколько точек.

1 экз.: Р1-3-4А, вес – 0,35 гр., размер – 15×11,5 мм, монета сильно затёрта или плохо прочеканена с обеих сторон.

[4] Этим же исследователем в различных музеях страны обнаружено ещё 8 экземпляров таких пул без информации о местонахождении. (*Гайдуков,* 1992. С. 24).

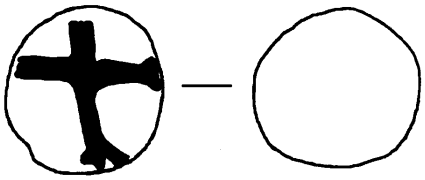
28

28. ***Л. с.*** Крест, выходящий за пределы поля. Одно сохранившееся целиком окончание перечёркнуто прямым коротким отрезком.

О. с. Фигура в виде решётки или плетёнки, небрежно переданная толстыми неровными линиями, вошедшая на монетный кружок явно не полностью (смещённая к одной его стороне).

1 экз.: Р1-Я2-1, вес – 1,29 гр., размер – 21×19 мм, монетный кружок с незначительными утратами по краям, в целом, имеет форму вытянутого многогранника, его продольное сечение клинообразно, на одном конце он пробит отверстием.

Похожие изображения имеет монета из Городца-на-Волге (*Гайдуков,* 1993. С. 59, *3*). Разного рода «плетёнки», в некоторых из которых угадываются стилизованные «кафимские» узлы, встречаются на золотоордынских монетах (*Сингатуллина,* С. 78, табл. 11, *126, 127, 132*; 81, табл. 14, *173*).

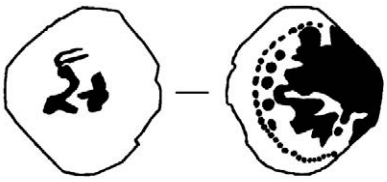

29

29. ***Л. с.*** Крест, окончания трёх лопастей которого выходит за пределы монетного кружка. Завершение одной лопасти, вошедшее в поле, раздвоено.

О. с. Изображение не сохранилось.

1 экз.: Р2-Я1-2, вес – 0,41 гр., размер – 13×15 мм, экземпляр очень плохой сохранности.

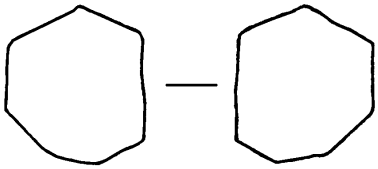
30

30. ***Л. с.*** Неопределимая фигура или неясный текст.

О. с. В двойном точечном ободке изображение животного, отдалённо напоминающего летящего дракона или птицу.

1 экз.: Р2-Я1-2, вес – 0,54 гр., размер – 15,5×15,5 мм, монетный кружок отчётливой восьмигранной формы, близкий к квадрату с обрезанными углами, экземпляр очень плохой сохранности.

Неопределимые

31

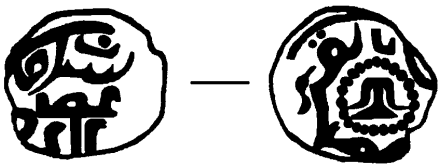
31. Изображения на обеих сторонах не сохранились.

1 экз.: Р2-Я1-2б, вес – 0,32 гр., размер – 13×13 мм, монетный кружок чёткой семигранной формы.

АКЧЕ

Крымское ханство

Хан Хаджи-Гирей (1443–1466 гг.)

32

32. ***Л. с.*** В линейном ободке четырёхстрочная надпись: /...султан/верховный/[Хаджи]Гирей/[хан].

О. с. В центре поля в точечном ободке тамга дома Гиреев, вокруг круговая надпись: [чекан] Крыма ([ал-зар]б би ал Крайм), картуш линейный.

1 экз.: Р1-3-10. Вес – 0,60 гр., размер – 11,5×12 мм.

Изд.: *Retowski,* 1901. С. 264, табл. III, *159*.

По характеру и деталям оформления соответствует монете Хаджи-Гирея чеканки г. Крым (8)67 г.х. (1462–1463 гг.)[5].

[5] Монета определена сотрудником Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан к.и.н. П.Н. Петровым.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Е.Е. Антипина

КОСТИ ЖИВОТНЫХ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ГОРОДОК

Коллекция костей животных, собранная при раскопках городища Городок в 2003–2004 гг., была обработана в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН в рамках программы по изучению производящего хозяйства Древней Руси. Археозоологическое исследование проводилось по методической схеме, разработанной специально для палеоэкономических реконструкций (*Антипина*, *Лебедева* 2005). Цель этой схемы – фиксация на количественном и качественном уровнях, описание максимального числа характеристик и параметров остеологических материалов, отражающих особенности жизнеобеспечения и хозяйства древнего населения. Для получения такой информации используются, прежде всего, общепринятые методы видовых определений, регистрации половозрастных и размерных характеристик животных по их костным останкам (подробный обзор литературы см. *Антипина,* 2004). Вместе с тем, применяются и менее известные методики фиксации естественной сохранности костей, обнаружения и подсчетов следов искусственного воздействия на костях (разрубы, разломы, надрезы, погрызы собаками, грызунами, обожженность и т.п.), патологий и других индивидуальных особенностей (*Антипина,* 2004).

Изучение остеологических материалов из раскопок городища Городок дало крайне любопытные результаты. Они отразили и разные стороны обыденной жизни поселения, и финальный этап его существования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОСТЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Остеологическая коллекция городища Городок включает 16577 фрагментов костей животных. Остеологические материалы происходят, главным образом, из ям и канавок. При этом около 70% коллекции костей животных оказались сосредоточенными в нескольких крупных ямах (табл.1), которые интерпретированы как подпечные. Кроме того, в коллекцию входят выборки костных остатков из культурного слоя вне каких-либо построек – почти 20%. Представляя общие параметры остеологической коллекции, следует подчеркнуть сходство почти всех конкретных выборок между собой. Оно проявляется и в таксономической структуре, и в специфике распределения костей основных таксономических групп, а также костей со следами огня и высокой температуры (табл. 1, 2). Все это дает основание считать полученные при исследовании данной коллекции результаты достаточными для достоверной археозоологической характеристики всего памятника.

Следует сразу указать, что среди костей животных были выявлены единичные разрозненные человеческие останки – зуб взрослого индивидуума и фрагмент тазовой кости мужчины (табл.1). Первая находка сделана в выборке из слоя 2б ямы 1/2 под развалом печи. Подчеркну, что никаких других человеческих останков в этой яме не обнаружено. Зуб человека, конечно же, может попасть в культурный слой случайно, без непременной смерти хозяина[1]. Вторая на-

[1] Мужская часть современного населения России без сомнения согласится с тем, что по разным причинам выбитый зуб исчезает

ходка – фрагмент тазовой кости мужчины – сделана в верхнем горизонте заполнения ямы 1В/1 (в слое 1б). Обнаружение таких скелетных останков всегда маркирует исходное присутствие на памятнике целого человеческого скелета, от которого за прошедшие 600 лет могла сохраниться всего лишь единственная часть. И это вполне вероятно, если учесть, что культурный слой на раскопанной части памятника переотложен огородной распашкой в XX веке и в непотревоженном состоянии сохранился, главным образом, только в качестве заполнения материковых ям.

Общая таксономическая структура коллекции костей животных выглядит не совсем обычно для русских средневековых поселений – городов, городищ и селищ, информация о которых опубликована в доступных археологических источниках (*Цалкин*, 1956; *Тимченко,* 1972; *Антипина,* 2005, 2009). Несмотря на то, что в ней, как обычно, преобладают кости млекопитающих, остатки рыб в количественном отношении составили значительную часть – более 25%, тогда как кости птиц представлены в минимальном числе (табл.1).

Полученные результаты по этим трем группам животных – птицам, рыбам и млекопитающим неравнозначны, ввиду специфики их скелетной диагностики. Наименее определимыми оказались собранные скелетные останки рыб. Но этот недостаток в некоторой степени компенсируется их значительным количеством в коллекции. Кости птиц также не удалось определить в полном объеме. Впрочем, среди остатков костей млекопитающих также идентифицировано до вида в среднем только около 36%. При этом выяснилось, что в данной коллекции фактором, ограничивающим возможности видовой диагностики, является степень раздробленности костей.

Результаты изучения костей животных из городища Городок приведены ниже по указанным таксономическим группам, начиная с наименее многочисленных.

Кости птиц

Видовой набор птиц, чьи кости были обнаружены на поселении Городок, оказался крайне бедным, хотя было определено около 70% остатков этой группы. Достоверно установлено всего 4 вида – домашняя курица (Gallus gallus), серый гусь (Anser anser), кряква (Anas platyrhynchos) и глухарь (Tetrao urogallus).

Вопрос о том, домашние или дикие гусь и кряква были на поселении, по имеющимся единичным костям выяснить не удалось. Ввиду малого числа костей этих двух видов Гусеобразных (уток и гусей), та или иная гипотеза относительно их домашнего или дикого статуса не изменит общей структуры выборки на поселении, потому что в ней 90% составляют кости домашней курицы.

Среди скелетных остатков этого наиболее многочисленного по костям вида есть кости и молодых, и взрослых особей: куриц и петухов. Кости взрослых птиц доминируют в каждой конкретной выборке. Поэтому кажется излишним представлять распределение остатков всех указанных выше четырех определимых видов по археологическим объектам в отдельной таблице. Следует только выделить яму 1/2 (выборки из слоев 1 и 2), где как раз и найдены обе кости от скелетов двух глухарей (крупных самцов), которые представлены в изучаемых материалах.

Кости рыб

Остатки рыб представлены в основном позвонками, лучами плавников и фрагментами черепа, которые у большинства видов мало диагностичны в отношении видовой принадлежности. Однако почти 15% скелетных остатков этой группы животных все же были определены до вида или семейства.

В коллекции обнаружены шесть видов: осетр (Acipenser guldenstadti), стерлядь (Acipenser ruthenus), судак (Sander lucioperca), щука (Esox lucius), окунь (Perca fluviatilis), сом (Silurus glanis). Присутствие карповых рыб установлено только до уровня семейства Cyprinidae. Практически все шесть указанных видов встречены в четырех наиболее крупных выборках из ям. При этом, рассматривая группу осетровых, следует подчеркнуть, что в этих выборках преобладают плавниковые лучи стерляди. Усредненные оценки по всем выборкам дают соотношение стерлядь : осетр как 20 : 1.

в пространстве бесследно для хозяина, и специально его никто не разыскивает.

Выловленная рыба не отличалась максимально возможными для всех шести видов размерами. Например, реконструируемая по костям длина тела стерлядей не превышает 60 см, хотя наиболее крупные особи этого вида могут вырастать и до 90 см. Длина осетров соответствует в среднем всего лишь 100 см. И только для сома кроме небольших особей обнаружены и единичные кости крупных рыб до 120 см в длину.

Кости млекопитающих

Выборка костей млекопитающих составила почти 12 тысяч костей (табл. 2). Естественная сохранность этих остатков может быть охарактеризована как вполне хорошая (4–3 балла по пятибалльной шкале, табл. 2), несмотря на то, что половина из них имеет индекс раздробленности больше 50 (ИР, табл. 2). Такая степень раздробления выглядит несколько выше той, которая обусловлена исключительно простой кухонной разделкой туш.

О кухонной разделке туш всех копытных животных из коллекции Городка свидетельствуют фиксируемые на костях следы разрубов и срезания с них мяса. На происхождение основной массы костей из кухонных отбросов указывают также, хотя и косвенно, следы погрызов собаками. Такие погрызы фиксируются на каждом десятом обломке, тогда как следы разрубов обнаруживаются только на каждом двадцатом фрагменте.

Однако на данном поселении, несомненно, был еще один фактор увеличения раздробленности костей: кухонные костные отбросы уже после их захоронения в культурном слое подвергались воздействию огня высокой температуры и после этого естественным образом растрескивались. В наиболее явном варианте это обнаружилось в выборке из слоёв 2а, 2б и 2в ямы 1Б/1. Здесь 60% кухонных костных обломков имели мелкие размеры и обугленное состояние. Соответственно индекс раздробленности для этой выборки оказался максимальным, а доля определимых до видового уровня фрагментов – минимальна (табл. 2). В среднем же для всей коллекции следы от огня или высокой температуры регистрируются на каждом десятом фрагменте.

Любопытно распределение таких фрагментов по горизонтам заполнений материковых ям. Данные в таблице 2 наглядно показывают, что обожженные фрагменты концентрируются, прежде всего, в верхних горизонтах крупных подпечных ям, перекрывающих линзы развалов глинобитных печей. Именно в этих напластованиях среди обожженных костей преобладают фрагменты серо-розоватого и черного цвета с «вкраплением» мелких белых, так называемых кальцинированных остатков. Если черный цвет обожженных костей, как правило, возникает при воздействии открытого пламени с температурой обычного костра, то кальцинированные кости являются результатом воздействия пламени уже высокой температуры за 1000 ^{O}C, а серо-розоватые кости должны были «прокаливаться» при той же высокой температуре, но в ситуации ограниченного доступа воздуха.

Указанные факторы – кухонная разделка туш животных и разрушение костных обломков под действием высоких температур – обусловили небольшую долю определимых до видового уровня остатков млекопитающих (около 35%, табл. 2). Однако, их количество оказалось достаточным для получения ряда достоверных оценок по отдельным видам.

Прежде всего, в коллекции определены остатки семи видов домашних животных, составившие основную часть материалов (около 88%, табл. 3), и пять видов диких млекопитающих.

Набор диких животных включает лося Alces alces, кабана Sus scrofa ferus, медведя Ursus arctos, зайца Lepus sp. и бобра Castor fiber. Все эти виды, хотя и различаются по размерам и таксономическим группам – копытные, хищник, заяц и грызун, могут быть объединены одной характеристикой. Они представляют собой универсальные охотничьи объекты, которые дают разнообразную продукцию, но прежде всего мясо. А доминирует среди них лось (около 90%, табл. 3), вид, каждая взрослая особь которого дает огромный объем мясной продукции (не менее 400 кг). На многих длинных трубчатых костях лося зафиксированы следы кухонной разделки конечностей и срезания мяса. Еще 8% от выборки диких видов составляют кости зайца, достаточно легкой в поимке добычи, а остальные виды представлены единичными остатками.

Крайне любопытна находка почти полного черепа, но без нижней челюсти, молодой медведицы, а вместе с ним и когтевой фаланги взрослого медведя в выборке из слоя 2б ямы 1/2

(табл. 3). На этом черепе нет следов разделки. Он зафиксирован вблизи материкового борта ямы в её западном углу на высоте 35–45 см относительно уровня дна в слое насыщенном разнообразными кухонными отходами (здесь же был найден уже упоминавшийся зуб человека). Обстоятельства находки, связанный с ней археологический контекст, противоречат предположению о её ритуальном заложении. Другие две кости медведя, также, представляют специфические отделы скелета – это еще одна когтевая фаланга и пяточная кость. Такой анатомический набор можно было бы предположительно трактовать как ритуальный, если бы он не был встречен в одном слое с костями домашних животных. Вместе с тем, наличие в заполнении ямы 1/2 медвежьих костей, возможно, указывает на некую статусную специфику связанной с ней постройки.

Идентификация костей домашних животных показала обычный для средневековья видовой набор: крупный рогатый скот Bos taurus, лошадь Equus caballus, овца Ovis aries, коза Capra hircus, свинья Sus scrofa domestica, собака Canis familiaris и кошка Felis domestica (табл. 4).

Кости собак в коллекции единичны и не имеют следов кухонной или иной разделки. А двенадцать костей домашней кошки из слоя 1 ямы 1В/1 (табл. 4) составили один почти полный скелет взрослой особи небольших размеров. Останки этих двух видов не имеют отношения к кухонным отходам.

По-видимому, не относятся к кухонным отбросам и разрозненные останки лошадей. Их крайне мало, помимо переотложенного слоя огородной распашки, они обнаружены в верхних горизонтах двух подпечных ям и в заполнении одной частокольной канавки (табл. 4).

Немногочисленными оказались, также, кости коз и овец, объединяемых в одну группу мелкого рогатого скота (МРС). Хотя они присутствуют почти во всех выборках, их доля в коллекции достигает всего лишь 4% (табл. 4). Однако основная их часть имеет явные следы кухонной разделки. В то же время на некоторых из них, в частности на астрагалах, встречены следы обработки и специфического использования, предположительно, как игральных костей. Если не считать такие артефакты, то костей коз и овец из кухонных отбросов, отражающих потребление их мяса, будет еще меньше.

Таким образом, из домашних животных реальное значение в обеспечении жителей Городка мясными продуктами имели только два вида – крупный рогатый скот и свинья, кости которых почти в равных долях составляют основу остеологической коллекции на поселении (96%, табл. 4). Подчеркну, что в экономической системе средневековья на территории лесной полосы Восточной Европы эксплуатация именно этих двух видов в качестве мясных животных приносила наибольшую отдачу. Свинья, в отличие от коз и овец, хорошо переносила холода и не требовала заготовки каких-либо специальных зимних кормов. Разведение крупного рогатого скота стимулировалось потребностями земледелия в удобрениях, и бычки при забое давали наибольший из домашних копытных выход мяса.

Устойчивость представленной видовой структуры кухонных остатков во всех выборках, придает общему для коллекции остеологическому спектру необходимую для последующей интерпретации достоверность, несмотря на относительную локальность раскопок и переотложенный характер культурного слоя.

Сравнение анатомических наборов костей наиболее многочисленных видов копытных животных показало, что крупный рогатый скот, свинья, а также лось были представлены на поселении целыми тушами. Их останки маркируют полные скелеты, включая черепа, грудные клетки, конечности, и даже хвостовые позвонки и мелкие подиальные кости (табл. 5). Более того, основные отделы скелета этих видов обнаружены в таких пропорциях, которые возникают только при отсутствии как намеренного изъятия каких-либо костей из туш, так и поставок на поселение только отдельных их частей. На таком фоне отчетливо видна повышенная доля астрагалов у мелкого рогатого скота (17%, табл. 5), что, как уже было отмечено выше, вероятно, связано с присутствием в коллекции игральных костей из астрагалов коз и овец.

Размеры забитых на мясо коров, быков и свиней, реконструируемые для городища Городок по промерам наиболее целых частей длинных трубчатых костей, оказались аналогичными тем, которые хорошо известны по различным типам русских средневековых поселений – городов, городищ и селищ (*Цалкин,* 1956; *Тимченко*, 1972; *Антипина*, 2009; *Антипина*, *Лебедева*, 2010).

Как и весь скот в средневековой Руси, домашние копытные на городище Городок были некрупных размеров: коровы, быки характеризовались средней высотой около 105 см в холке, козы и овцы – соответственно 55 и 65 см в холке, а свинья в холке едва достигала 50 см.

А вот возраст забитых на поселении коров, быков и свиней резко отличался от возрастных характеристик для этих видов по коллекциям из других памятников средневековой Руси (*Антипина*, 2009; *Антипина, Лебедева*, 2010): выявлена необычно большая доля молодых особей.

Данные о возрасте забитых на поселении коров и бычков, полученные при изучении разрозненных зубов и челюстей, показали, что основную их группу (около 66%, рис. 1) составили животные не старше 2-х лет. Более того, кости телят 1–3-х месяцев от роду показали среди них очень большую долю – не менее 13%. Соответственно, вся эта группа была к тому же изъята и из цикла воспроизводства. Тогда как костей животных старше 6 лет, которые отражают уже выбракованное по старости маточное стадо, обнаружено всего лишь около 7%. Понятно, что такое малое количество коров не могло обеспечить устойчивое воспроизводство установленных на поселении значительных объемов потребляемого мяса молодых животных. Иными словами, на поселении не практиковалось собственное разведение крупного рогатого скота. А это означает, что мясное обеспечение жителей телятиной должно было происходить за счет ее поставок из других хозяйств.

По остаткам свиньи получено соотношение возрастных групп забитых животных, среди которых также доминируют молодые особи (рис. 2). Около 94% свиней составляют группу от новорожденных до 2-х лет. А костей от особей этого вида старше четырех лет просто не обнаружено в кухонных отбросах. Среди забитых на поселении свиней две возрастные группы 1–4 месяцев (включая новорожденных) и 15–18 месяцев представлены максимальными долями (рис. 2). Эти пики дают информацию о масштабах забоя свиней в разные сезоны. Если допустить, что рождение поросят было приурочено к весне – марту–апрелю, сезону естественного опороса у диких представителей этого вида, то указанные пики приходятся на весенний и летний сезон (рис. 3). Но при этом в весенний период забивались в большем числе поросята сеголетки (около 53%, рис. 3), а в летний период основная доля уже падала на свиней второго года жизни (около 44%, рис. 3). Даже учитывая способность свиней к размножению уже в однолетнем возрасте, приходится констатировать, что та часть особей, которые пережили первую в своей жизни зиму и не были съедены, не могла обеспечить дальнейшее устойчивое воспроизводство этого вида непосредственно на поселении. Соответственно следует признать, что обнаруженная структура потребления свинины подобно той, что получена для крупного рогатого скота, отражает ее реализацию в значительной мере за счет поставок, а не из собственного хозяйства.

Переходя к вопросу об объемах мяса от разных видов животных, потребляемых на поселении, замечу, что эта характеристика не может быть подсчитана по археозоологическим данным в килограммах или тоннах, как это нередко представляется в отечественных публикациях. Кухонные отбросы по разным причинам не сохраняются на древних поселениях в их исходной полноте (*Савинецкий*, 1995; *Антипина*, 2004). Поэтому реконструкция мясного потребления дает лишь соотношение объемов мясных продуктов от разных видов. При этом в археозоологии весовые различия особей разных сельскохозяйственных видов обычно представляются как кратность веса крупных копытных по отношению к весу копытных самых мелких видов, принятых за единицу. Очевидно, что корова или лошадь любой породы имеет больший вес, чем свинья или овца или коза, а значит и выход мяса от крупных копытных всегда будет больше. Но вместе с тем подсчеты должны производятся на основе информации о размерах и возрасте тех животных, которые были забиты и съедены на конкретном памятнике.

В рамках изучаемой коллекции, очевидно, что только три вида копытных животных, вносили существенный вклад в мясную диету жителей Городка (табл. 3, 4). Это крупный рогатый скот, свинья и лось. Об этом свидетельствует и количество их костей, обнаруженное в кухонных отбросах, и допустимые по их биологическим характеристикам объемы получаемого от них мяса. Напомню, что в коллекции зафиксированы типичные для средневековой Руси некрупные размеры коров и быков, а также свиней. Вес взрослых лосей лесной полосы Восточной Европы, как правило, оценивается в рамках от 500 до 700 кг.

Учитывая установленную для коров и свиней возрастную структуру – на мясо забивалось не менее 80% молодых животных, еще не достигших на момент смерти максимальных весовых параметров взрослых – следует принять средний вес съеденных на поселении особей как соответствующий для крупного рогатого скота – 200 кг, для свиней – только 25 кг. Забитые взрослые козы и овцы были, по-видимому, даже несколько больше свиней по весу – около 30 кг. Для лосей усредненный вес туши в рамках весовых различий между самцами и самками, наиболее вероятно, составлял около 600 кг.

Принимая за единицу вес свиньи как наименьший на городище Городок для особей разных видов домашних копытных, можно рассчитать соотношение объемов потребляемого от них мяса (табл. 6). В результате получается, что мясо лося, который занимал в остеологическом спектре лишь третье место, составило в диете местного населения не менее 40%, что оказалось вполне сравнимым с основным потребляемым мясным продуктом – телятиной.

Подводя итоги фактологической части археозоологического исследования следует подчеркнуть, что остеологическая коллекция городища Городок оказалась крайне специфичной по основным параметрам. Прежде всего, это касается остеологических спектров по домашним копытным животным и по объектам охоты (табл. 3 и 4). Не обнаруживается аналогий на других средневековых памятниках и по возрастным особенностям забитых на мясо животных. Крайне обедненными по сравнению с другими коллекциями выглядят также видовые спектры птиц и рыб.

ОБСУЖДЕНИЕ

Задачей археозоологического исследования является не только представление фактологических результатов, но и их дешифровка, и интерпретация.

Основная специфика изучаемой коллекции раскрывается при ее сравнении с другими памятниками русского средневековья, близкими по хронологии, но, вероятно, различными по функциям и социальному статусу. Остеологические спектры по сельскохозяйственным видам, полученные для городища Городок, показывают черты сходства и с сельскими поселениями, и с городами (рис. 4, 5), одновременно отличаясь от тех и от других.

Так, для селищ наиболее яркой особенностью остеологического спектра следует считать значительную долю мелких домашних копытных – мелкого рогатого скота и, главным образом, свиньи (*Тимченко*, 1972; *Антипина*, 2005, 2009). В коллекции из Городка формально преобладают кости свиньи, тогда как остатки мелкого рогатого скота занимают лишь несколько процентов. Для городов маркирующей чертой можно считать небольшую долю лошади на фоне существенного вклада крупного рогатого скота (*Цалкин*, 1956; *Антипина*, 2005; *Антипина, Лебедева*, 2010). Для коллекции из Городка доля лошади оказалась просто мизерной, но и крупный рогатый скот не обнаружил в ней доминирующих значений. Данные по городищам X–XV вв. Южной Руси показывают в остеологических спектрах заметную долю лошади, близкую к вкладу мелкого рогатого скота, которые вместе со свиньей составляют все же менее половины всех остатков домашних копытных.

Как же расшифровываются эти различия, и как они могут быть спроецированы на хозяйственную деятельность и системы жизнеобеспечения?

В первую очередь еще раз подчеркну, что основная часть остеологических материалов на средневековых поселениях происходит из кухонных отходов, которые, несомненно, напрямую отражают мясное потребление. И в этом плане проекция остеологических спектров на структуру мясной диеты показала, что в мясном рационе жителей русских средневековых сёл, небольших укреплённых поселений – застав и городов, превалировала исключительно говядина, с которой сравнимы лишь в совокупности объемы конины и свинины, но никогда – дичины (*Антипина*, 2005). В то время как в мясном обеспечении жителей Городка эквивалентом говядины по объемам было мясо лося.

Значимая доля костей лося в спектре, обычно интерпретируется как показатель существенной роли охотничьей отрасли в хозяйстве. Но развитие охотничьего промысла крайне редко бывает завязано на добычу только одного вида. И на остатках сельских поселений, и на горо-

дищах, где среди жителей были охотники, всегда обнаруживается наиболее богатый и разнообразный видовой набор не только охотничьих зверей, но и птиц. В городах же дичина появляется уже в виде специальных поставок и может быть представлена отдельными видами престижной добычи. Но в этом случае кости диких зверей в культурном слое города не могут быть распределены равномерно.

На изучаемом поселении кости лося присутствуют во всех выборках, создавая при этом почти одновидовой набор охотничьей добычи. А среди птиц доминирует домашний вид – курица, тогда как дичь достоверно представлена лишь двумя костями глухаря.

Следует подчеркнуть, что ни на поселениях сельского типа, где собственно и происходило разведение основной массы скота, ни в городах, куда как раз и поставлялась мясная продукция, не обнаруживаются столь значительные масштабы потребление мяса молодых коров, бычков и свиней, которые зафиксированы на городище Городок. Лишь изредка кухонные костные остатки от молодых домашних копытных, мясо которых, в общем-то, является деликатесной пищей, могут маркировать в городах различия в социальном статусе отдельных жителей (*Антипина*, 2011).

Таким образом, из фактологического блока информации и его расшифровки в плане особенностей мясного потребления можно прийти к нескольким заключениям относительно системы жизнеобеспечения жителей Городка.

Во-первых, жители городища Городок не занимались сельским хозяйством, а их обеспечение продуктами питания, в частности мясом, было построено на поставках из других, несомненно, сельских поселений. Вероятно, эти поставки были в какой-то мере принудительными, ведь сельчане вряд ли станут по доброй воле забивать молодняк на мясо, подрывая, таким образом, устойчивость своего стада.

Во-вторых, наряду с этими поставками, обитатели Городка могли разводить кур прямо на поселении, так как вместе с костями взрослых особей этого вида встречены и останки совсем маленьких птенцов и молодых кур.

И, в-третьих, появление мяса лосей на поселении могло происходить как за счет поступления этих животных от охотников из местного населения, так и за счет организации собственной охотничьей практики. Для получения значительных объемов мяса лося наиболее эффективной представляется зимняя загонная охота по насту с собаками. Но при этом жители Городка не могли быть профессиональными охотниками, иначе видовой спектр охотничьей добычи был бы на поселении много шире.

К тому же, только на начальном этапе жизни на раскопанной части поселения его жители достаточно интенсивно занимались рыбной ловлей, о чем может свидетельствовать концентрация костей рыб в нижних придонных частях подпечных ям 1А/1, 1В/1, 2/1, 2/2, начало заполнения которых, по монетным находкам, тяготеет к середине XV в.

На первый взгляд эти выводы оказываются слишком разноплановыми, но как показывает археологический контекст самого памятника, все они находят объяснение и хорошо вписываются в единую систему жизнеобеспечения небольшой крепости с военным гарнизоном.

В такой интерпретации становятся понятными и минимальные доли лошади, коз и овец в кухонных остатках, и возможности самообеспечения за счет ловли рыбы (особенно в период строительства крепости), а также за счет разведения кур и зимней охоты на лося. Вероятно, что и «поборы» скота у местного населения были щадящими, ведь отбирался молодняк, а маточное стадо не трогали.

Несомненно, и то, что верхние слои заполнений материковых ям, содержащие разрушенные от воздействия высоких температур костные кухонные остатки, фиксируют сильнейший пожар, который, вероятно и завершил финальный этап истории небольшого укреплённого поселения из предместья средневекового Нижнего Новгорода.

Литература

Антипина Е.Е., 2004. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. М. С. 7–33.

Антипина Е.Е., 2005. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. Сб. статей. Научные редакторы и составители: Е.Н. Черных и В.И. Завьялов. М. С. 181–190.

Антипина Е.Е., 2009. Археозоологическая информация к изучению хозяйства жителей средневекового села Ближнее Константиново-1 под Нижним Новгородом // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Выпуск 1. М. С. 172–208.

Антипина Е.Е., 2011. Переяславль Рязанский: остеологическая коллекция XVII века // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Выпуск 2. М. С. 204–213.

Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю., 2005. Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. № 4. С. 70–78.

Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю., 2010. Глава 6. Растения и животные // Археология древнего Ярославля: загадки и открытия (по материалам Ярославской экспедиции ИА РАН). М., С. 138–223.

Савинецкий А.Б., 1995. Кости птиц из древнего эскимосского поселения Дежнево (Чукотка) // Бюлл. МОИП. Отд. биол. Т. 100. Вып. 2. С. 33–39.

Тимченко Н.Г., 1972. Истории охоты и животноводства в Киевской Руси (среднее Поднепровье). Киев.

Цалкин В.И., 1956. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси // МИА. М. № 51.

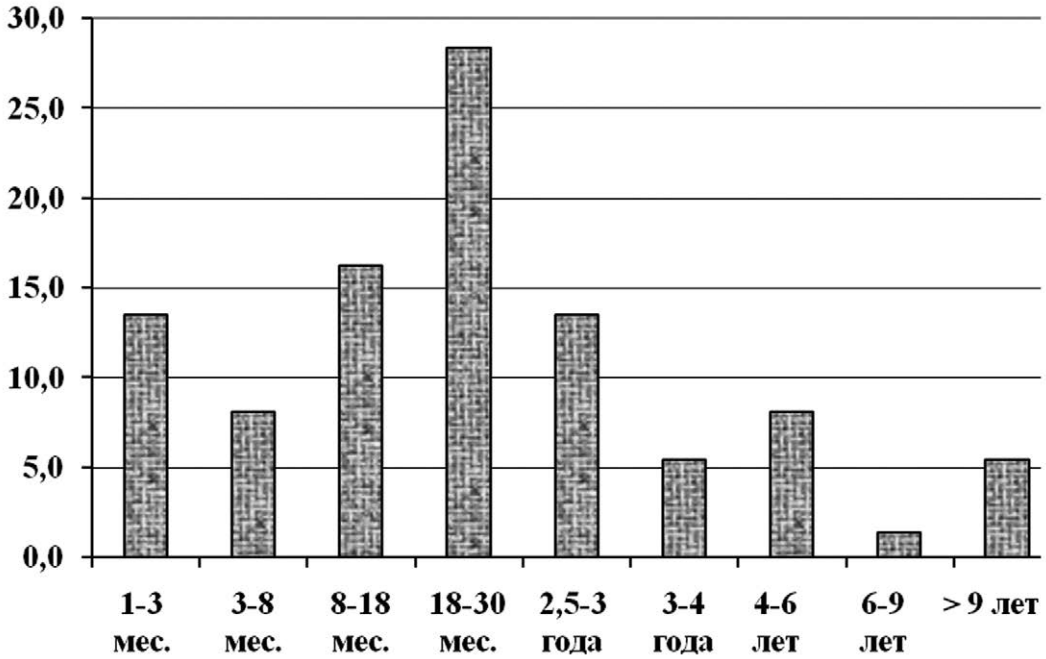

Рис. 1. Возрастной спектр (%) для крупного рогатого скота, забитого на мясо на городище Городок. Данные получены по 15 нижним челюстям и 83 разрозненным зубам

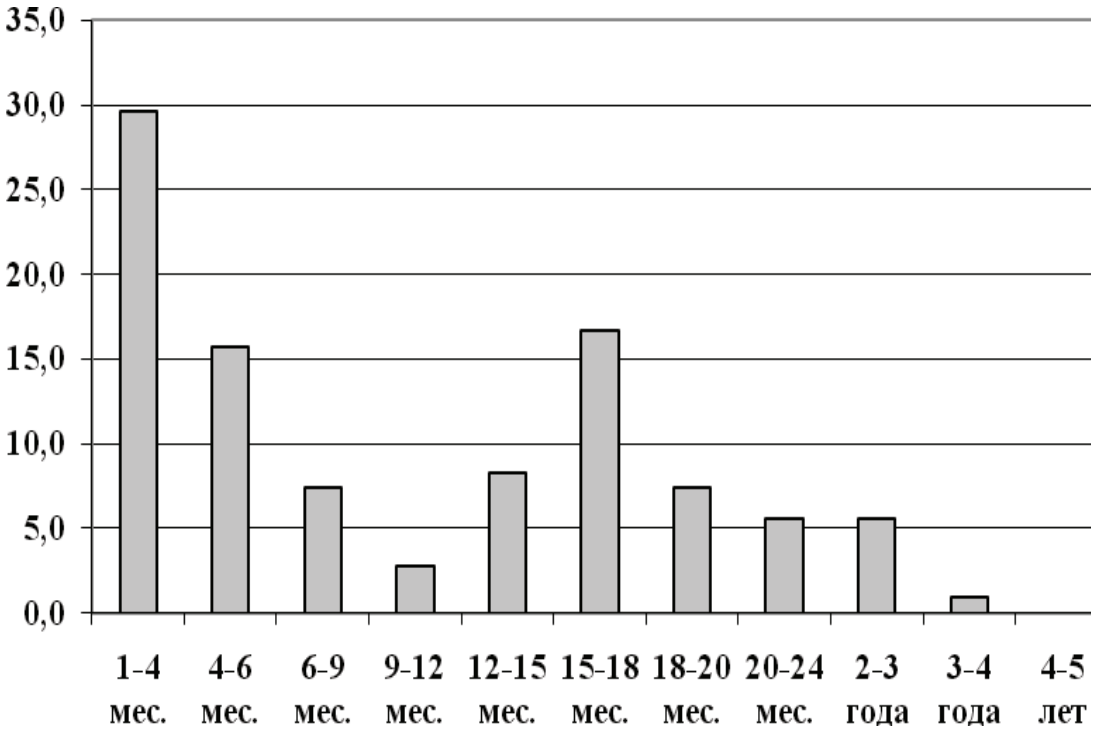

Рис. 2. Возрастной спектр (%) для домашних свиней, забитых на мясо на городище Городок. Данные получены по 42 нижним челюстям и 66 разрозненным зубам.

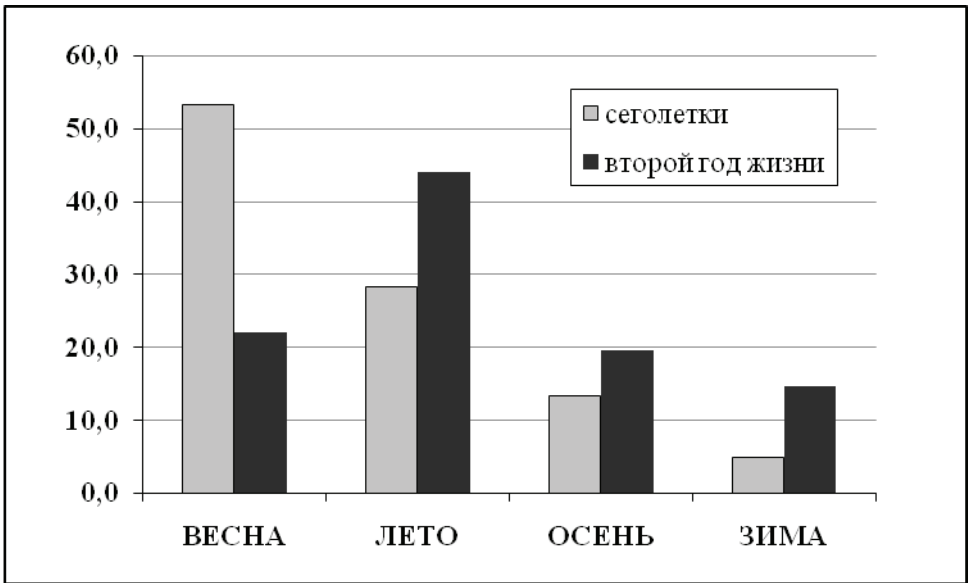

Рис. 3. Тренды сезонного забоя свиней на городище Городок

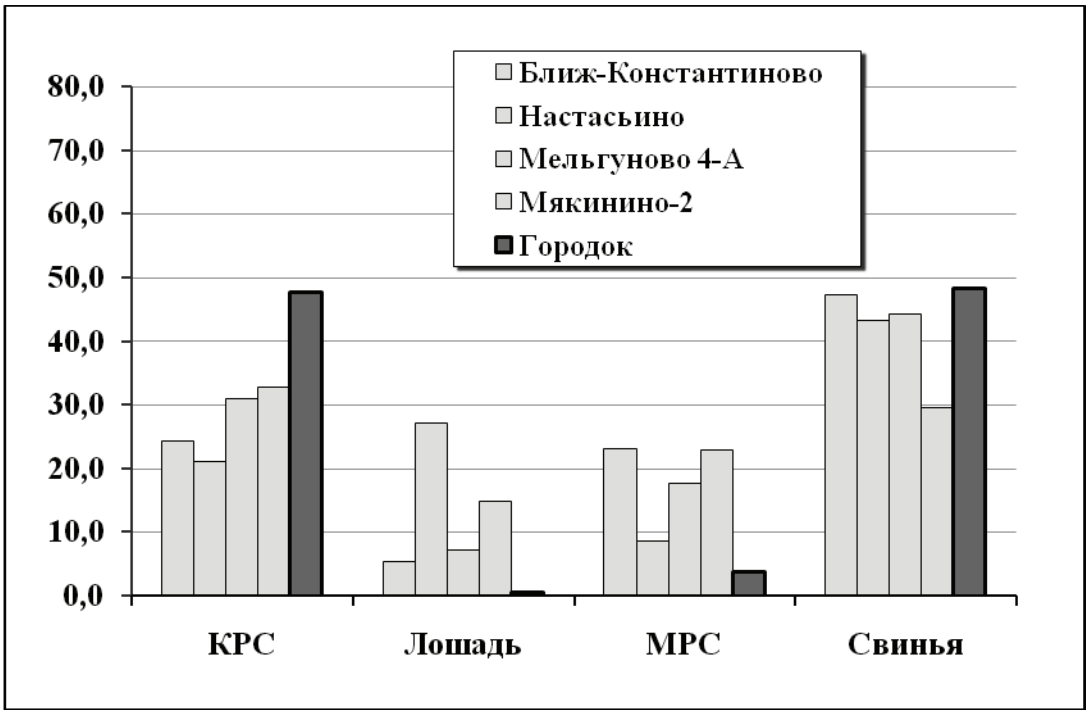

Рис. 4. Остеологический спектр домашних копытных (%) городища Городок на фоне данных по древнерусским сельским памятникам различного экономического статуса на территории Московской, Тульской и Нижегородской областей (Мякинино-2 – XIV–XV вв., Настасьино – XIII–XV вв., Мельгуново 4-А – XVI–XVII вв., Ближнее Константиново-1 – XIV в.)

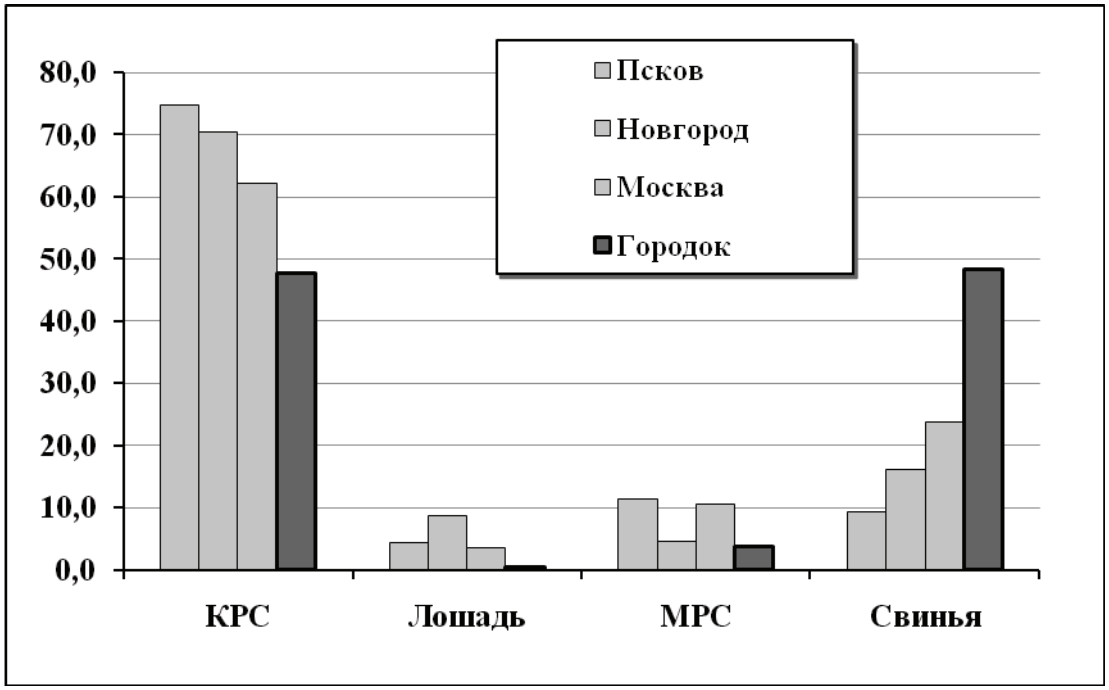

Рис. 5. Остеологический спектр домашних копытных (%) поселения Городок на фоне данных по древнерусским городам (Псков – слои XIV в., Новгород – слои XIV–XV вв., Москва – слои XIV–XV вв.)

Таблица 1. Общая таксономическая структура остеологической коллекции

Археологические объекты	Число костей			
	млекопитающих	птиц	рыб	ВСЕГО
раскоп 1, 2003				
пласт 2	1711	12	66	1789
пласт 3	1312	8		1320
яма 1А/1, слой 2	270	5	265	540
яма 1Б/1, слой 2	1013	8		1021
яма 1В/1, прослойки 1б, 1в	**152***	1		153
яма 1В/1, слой 2	1011	41	384	1436
яма 2/1, слои 1, 2б, 2	713	26	131	870
яма 2/1, слой 3	1066	27	2090	3183
раскоп 2, 2004				
яма 1/2, слои 1, 1а, 1б	1169	67	92	1328
яма 1/2, слой 2а	33	3	5	41
яма 1/2, слои 2б, 2, 3	**801***	83	645	1529
яма 2/2, слой 1	453	3	123	579
яма 2/2, слой 2а	105	2	20	127
яма 2/2, слои 2, 3, 4	747	55	480	1282
яма 9/2	87	2		89
яма 10/2	79	3		82
раскоп 3, 2004				
яма 1/3	247			247
яма 2/3	105	6	11	122
яма 8/3	121		3	124
канавка 2	154			154
канавка 5	105	3		108
канавка 8			7	7
канавка 9			38	38
шурф 2, 2004				
яма 1	353	17	40	410
ВСЕГО	**11807**	**372**	**4400**	**16579**
%	**71,2**	**2,2**	**26,5**	**100,0**

***** В двух выборках из ям среди костей животных обнаружены останки человеческих костей: в прослойке 1б ямы 1В/1 – фрагмент тазовой кости взрослого индивидуума, вероятно мужчины, а в слое 2б ямы 1/2 – предкоренной зуб взрослого индивидуума.

Таблица 2. Общие параметры и характеристики выборки костей млекопитающих из остеологической коллекции поселения Городок

Археологические объекты	Общее число костей млекопитающих	Оценка естественной сохранности - ЕС (шкала 5-1)	Объем костей (куб. дм)	Индекс* фрагментарности костей - ИР	Кости со следами огня и высокой температуры%	Число определимых костей%
раскоп 1, 2003						
пласт 2	1711	3-2	18,0	95,1	**22,0**	36,4
пласт 3	1312	3-2	18,0	72,9	**20,0**	35,1
яма 1А/1, слой 2	270	4	5,0	54,0	0,1	31,5
яма 1Б/1, слой 2	1013	3-4	7,0	**144,7**	**60,0**	13,1
яма 1В/1, прослойки слой 1б, 1в	151	4	5,5	27,5		66,9
яма 1В/1, слой 2	1011	3-4	19,5	51,8		44,2
яма 2/1, слои 1, 2б, 2	713	4	12,5	57,0	**29,0**	34,1
яма 2/1, слой 3	1066	4	18,0	59,2	0,6	35,1
раскоп 2, 2004						
яма 1/2, слои 1, 1а, 1б	1169	3-4	19,5	59,9	**6,0**	33,9
яма 1/2, слой 2а	33	3-4	1,5	22,0		57,6
яма 1/2, слои 2б, 2, 3	800	3	25,0	32,0	1,0	48,5
яма 2/2, слой 1	453	3-2	7,5	60,4	**13,0**	21,6
яма 2/2, слой 2а	105	4-3	2,8	37,5	3,0	55,2
яма 2/2, слои 2, 3, 4	747	4	24,0	31,1	0,6	50,1
яма 9/2	87	4	3,0	29,0	**11,0**	48,3
яма 10/2	79	4-5	4,5	17,6	2,5	65,8
раскоп 3, 2004						
яма 1/3	247	4-3	5,4	45,7	**10,0**	35,6
яма 2/3	105	4-3	4,8	21,9	**10,0**	41,0
яма 8/3	121	3	2,0	60,5	**20,0**	16,5
канавка 2	154	3-2	2,9	53,1	**18,0**	17,5
канавка 5	105	3-2	4,8	21,9	**8,0**	45,7
шурф № 2						
яма 1	353	4	7,0	50,4	**12,0**	31,4
ВСЕГО	**11805**	**4-3**	**218,6**	**55,7**	**12,0**	**34,7**

* Индекс фрагментарности костей показывает число фрагментов в стандартной единице объема – 1 куб дм. (общее число костей разделить на объем, который они занимают)

Таблица 3. Соотношение костей домашних и диких млекопитающих, видовой состав и распределение остатков охотничьей добычи по археологическим объектам на городище Городок

Археологические объекты	Кости животных						ВСЕГО
	домашних	диких					
		Лось	Кабан	Медведь	Заяц	Бобр	
раскоп 1, 2003							
пласт 2	549	62					611
пласт 3	419	30	2		1		452
яма 1А/1, слой 2	72	7			1		80
яма 1Б/1, слой 2	77	48					125
яма 1В/1, прослойки 1б, 1в	98	2					100
яма 1В/1, слой 2	392	6			7	1	406
яма 2/1, слои 1, 2б, 2	186	29	1		1		217
яма 2/1, слой 3	275	70		1		1	347
раскоп 2, 2004							
яма 1/2, слои 1, 1а, 1б	299	30					329
яма 1/2, слой 2а	11	4			1		16
яма 1/2, слои 2б, 2, 3	267	33	1	**2**	1	1	305
яма 2/2, слой 1	75	20					95
яма 2/2, слой 2а	52	2			2		56
яма 2/2, слои 2, 3, 4	282	13		1	23		319
яма 9/2	33	7					40
яма 10/2	49						49
раскоп 3, 2004							
яма 1/3	70	17	1				88
яма 2/3	33	4					37
яма 8/3	17	3					20
канавка 2	21	6					27
канавка 5	35	10					45
шурф № 2, 2004 г.							
яма 1	70	16			6	2	94
ВСЕГО	**3382**	**419**	**5**	**4**	**43**	**5**	**3858**
		476					
%	**87,7**	**12,3**					**100,0**

Таблица 4. Видовой состав и распределение костей домашних животных по археологическим объектам на поселении Городок

Археологические объекты	КРС	лошадь	МРС	свинья	собака	кошка	ВСЕГО
раскоп 1, 2003							
пласт 2	287	1	5	256			**549**
пласт 3	240		8	170	1		**419**
яма 1А/1, слой 2	37		2	33			**72**
яма 1Б/1, слой 2	40		7	30			**77**
яма 1В/1, прослойки 1б, 1в	53		4	29		**12**	**98**
яма 1В/1, слой 2	66		20	**306**			**392**
яма 2/1, слои 1, 2б, 2	83		8	95			**186**
яма 2/1, слой 3	137	1	11	126			**275**
раскоп 2, 2004							
яма 1/2, слои 1, 1а, 1б	148	3	15	133			**299**
яма 1/2, слой 2а	7			4			**11**
яма 1/2, слои 2б, 2, 3	97		20	148	1	1	**267**
яма 2/2, слой 1	37		4	34			**75**
яма 2/2, слой 2а	28			24			**52**
яма 2/2, слои 2, 3, 4	148		10	124			**282**
яма 9/2	19			14			**33**
яма 10/2	37		1	11			**49**
раскоп 3, 2004							
яма 1/3	56		1	13			**70**
яма 2/3	22			11			**33**
яма 8/3	8			9			**17**
канавка 2	12	1	2	6			**21**
канавка 5	15		4	16			**35**
шурф № 2							
яма 1	30		6	34			**70**
ВСЕГО	**1607**	**6**	**128**	**1626**	**2**	**13**	**3382**
%	**47,5**	**0,2**	**3,8**	**48,1**	**0,1**	**0,4**	**100,0**

Таблица 5. Анатомический состав костей копытных животных на городище Городок

Элементы скелета	**КРС Bos taurus**	**Лошадь Equus caballus**	**МРС Ovis/ Capra**	**Свинья Sus domestica**	**Лось Alces alces**
Рог	0,8				0,3
Череп	10,2		5,3	9,0	1,7
Нижняя челюсть	6,3		4,4	8,5	3,1
Зубы	7,3		1,8	5,1	1,7
Позвонки	10,1		12,3	7,3	12,9
Ребра	18,2	33,3	9,6	13,0	11,8
Лопаточная кость	3,5		9,6	5,9	5,2
Плечевая	3,2		7,9	4,6	3,4
Локтевая	3,7		5,3	5,5	5,3
Лучевая	2,6		5,3	4,4	2,8
Тазовая	2,3		4,4	4,4	3,6
Бедренная	3,4		2,6	4	3,1
Большая и малая берцовые	5,6	16,7	6,1	8,2	5,6
Пясть и плюсна	8,0		3,6	10,1	11,7
Астрагал (таранная)	1,3		**17,5**	1,3	
Пяточная	1,0		1,7	1,2	0,6
Подиальные	4,0	50,0		1,8	9,8
Фаланги	8,5		2,6	5,7	17,4
Всего костей	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**
	1607	**6**	**128**	**1626**	**419**

Таблица 6. Структура потребления мясных продуктов на городище Городок

ВИДЫ	соотношение костей (%)	моделируемый вес животных на данном поселении (кг)	кратность веса по отношению к свинье	объемы потребляемого мяса	
				условн. единицы*	**%**
Крупный рогатый скот	42,5	200	8	340,1	**52,1**
Мелкий рогатый скот	3,4	30	1,2	4,1	**0,6**
Свинья	43,0	25	1	43,0	**6,6**
Лось	11,1	600	24	266,0	**40,7**
ВСЕГО	100,0			653,2	**100,0**

* условные единицы получены умножением значений для каждого вида в столбце соотношение костей на кратность их веса по отношению к свинье

Таблица 7. Идентификация сырья предметов из кости и рога из раскопок 2003–04 гг. городища Городок

№	Рисунок	Место находки	Название	Элемент скелета, часть кости	Вид животного	Следы обработки и оценка естественной сохранности (ЕС)
1	122, *2*	Р1-1-10	кочедык	боковой метаподий (пясть)	лось Alces alces	подрубы, рабочее лощение; ЕС=3
2	121, *11*	Р1-1-3	затыльник от рукояти ножа	зрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, легкая обточка внешней формы предмета, насечки лезвием ножа; ЕС=5
3	122, *11*	Р1-1-5Г	пряслице	полузрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, полная выточка внешней формы предмета на токарном станке, проточка сквозного отверстия; ЕС=4
4	122, *1*	Р1-1-5В	кочедык	диафиз пясти	лось Alces alces	продольный раскрой пясти тяжелым толстым лезвием: разрубы и обтесывание, рабочее лощение лезвия; ЕС=5
5	122, *8*	Р1-2-6	наконечника стрелы (томара) фрагмент	зрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, полная обточка внешней формы предмета и проточка широкого сквозного отверстия с обточкой его внутренней стороны, проточка линейного орнамента; ЕС=4 (диаметр изделия около 6см, высота не менее 5 см, диаметр отверстия 2–3 см)
6	122, *9*	Р1-2-6	наконечника стрелы (томара) фрагмент	зрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, полная обточка внешней формы предмета и проточка широкого сквозного отверстия с обточкой его внутренней стороны, проточка линейного орнамента; ЕС=4 (диаметр изделия около 6см, высота не менее 5 см, диаметр отверстия 2–3 см)
7	121, *5*	Р1-2-5В	затыльник от рукоятки ножа	компакта диафиза длинной трубчатой кости	крупное млекопитающее Mammalia	распил-раскрой кости в виде стержня-семигранника с диаметром до 1 см, поперечный спил узкой пластины и односторонняя проточка в ней сквозного отверстия, шлифовка; ЕС=5
8	121, *4*	Р1-3-5В	затыльник от рукоятки ножа	зрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, обточка внешней поверхности предмета, односторонняя проточка сквозного отверстия, циркульная орнаментация; ЕС=5
9	122, *5*	Р1-Я2-3	игла	малая берцовая	свинья Sus domestica	полная обточка внешней формы предмета, строгание и прорезка узкого сквозного отверстия прямоугольной формы, шлифовка; ЕС=5
10	122, *14*	Р1-Я2-3	астрагал с отверстием	астрагал	коза Capra hircus	двухстороннее сверление сквозного отверстия; ЕС=4
11	122, *7*	Р1-Я2-2	игольник	фр-т диафиза плечевой кости	Anser sp.	поперечный распил, подрезы, шабрение, лощение; ЕС=4
12	122, *13*	Р2-3-5	рукоятка копоушки	зрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, опиливание формы предмета, проточка прямоугольных выемок, односторонняя проточка сквозного отверстия, лощение; ЕС=4

13	120, *12*	Р2-Я1-2	крест-мощевик	зрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, опиливание формы предмета, подрезка внутреннего желоба по форме креста, одностороннее сверление сквозного отверстия, прорезь изображения лезвием ножа, лощение; ЕС=5
14	121, *7*	Р2-Я1-3	затыльник от рукоятки ножа	отросток полузрелого рога	лось Alces alces	распил-раскрой отростка рога, опиливание формы предмета; ЕС=3
15	121, *8*	Р2-Я1-1б	затыльник от рукоятки ножа	зрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, обточка внешней формы предмета; шлифовка, насечки пилой; ЕС=5
16	121, *13*	Р2-Я1-2б	затыльник от рукояти ножа	полузрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, обточка внешней формы предмета; шлифовка; ЕС=3
17	121, *2*	Р2-Я1-2б	муфта от рукоятки ножа	полузрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, обточка внешней формы предмета; проточка сквозного отверстия сложной формы; ЕС=3
18	121, *12*	Р2-Я1-3	затыльник от рукоятки ножа	полузрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, обточка внешней формы предмета, лощение; ЕС=4
19	121, *10*	Р2-Я1-2б	затыльник от рукояти ножа	полузрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, обточка внешней формы предмета, шлифовка; ЕС=5
20	121, *18*	Р2-Я1-2	рукоятка от ножа	зрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, обточка внешней формы предмета, сверление (проточка) несквозного отверстия, проточка линейного орнамента, шлифовка; ЕС=3
21	121, *21*	Р2-Я2-3	рукоятка от ножа	зрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, обточка внешней формы предмета, шабрение, проточка несквозного отверстия сложной формы, прорезка линий лезвием ножа; ЕС=4
22	121, *1*	Р2-Я2-1	муфта от рукоятки ножа	зрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, опиливание внешней формы предмета, проточка сквозного отверстия сложной формы и ложбинки, шлифовка; ЕС=5
23	121, *22*	Р2-Я2-2а	обкладки рукоятки ножа фрагмент	полузрелый рог	оленьи CERVIDAE	распил-раскрой рога, опиливание внешнего абриса предмета, подрезка, проточка и прорезка линейного орнамента, односторонняя проточка сквозных отверстий, шлифовка; ЕС=5
24	121, *22*	Р2-Я2-3	обкладки рукоятки ножа фрагмент	полузрелый рог	оленьи CERVIDAE	распил-раскрой рога, проточка и прорезка линейного орнамента, односторонняя проточка сквозных отверстий, шлифовка; ЕС=5
25	121, *9*	Р3-1-6А	затыльник от рукояти ножа	зрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, обточка внешней формы предмета, шлифовка, насечки лезвием ножа; ЕС=3
26	122, *10*	Р3-2-3	изделия неопределённого фрагмент	зрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, опиливание формы предмета, лощение; ЕС=3
27	122, *5*	Р3-3-8	игла	малая берцовая	свинья Sus domestica	полная обточка внешней формы предмета, строгание и прорезка узкого сквозного отверстия прямоугольной формы, шлифовка; ЕС=5

28	121, *3*	Р3-3-8	муфта от рукоятки ножа	полузрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, опиливание внешней формы предмета, проточка сквозного отверстия сложной формы и ложбинки, шлифовка; ЕС=3
29	122, *3*	Р3-Я1	кочедыка фрагмент	диафиз метаподия	КРС Bos taurus	продольный раскрой метаподия рубящим орудием, строгание для уменьшения толщины, лощение от работы по коже или бересте; ЕС=4
30	121, *14*	Р3-Я2-1	затыльник от рукоятки ножа	зрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, полная обточка внешней формы предмета, лощение, насечки лезвием ножа; ЕС=4
31	121, *20*	Р3-К9	обкладка рукоятки ножа фрагмент	диафиз плюсны	КРС Bos taurus	продольный распил-раскрой кости, обточка внешней формы предмета, односторонняя проточка сквозных отверстий, подрезка краев отверстий ножом, шлифовка; ЕС=5
32	122, *12*	Ш2-4-1	неопределенный предмет с железной пластиной	зрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, полная обточка внешней формы предмета, односторонняя проточка сквозных отверстий и ложбинки, шлифовка; ЕС=4
33	121, *6*	Ш2-5-1	муфта от рукоятки ножа	диафиз плюсны	КРС Bos taurus	поперечный распил-раскрой кости, первичная обточка внешней формы предмета; ЕС=5
34	121, *15*	Ш2-5-1	муфта	диафиз пясти	КРС Bos taurus	поперечный распил-раскрой кости, первичная обточка внешней формы предмета, проточка внутреннего отверстия; ЕС=4
35	121, *19*	Ш2-5-2Б	рукоятка	полузрелый рог	лось Alces alces	распил-раскрой рога, обточка внешней формы предмета, проточка несквозного отверстия, лощение; ЕС=4
36	121, *16*	Ш2-5-2А	муфта	зрелый рог	лось Alces alces	поперечный распил отростка рога, обточка внешней формы предмета, двухсторонняя проточка сквозного отверстия; ЕС=5
37	122, *4*	Ш2-Я1	иглы фрагмент	малая берцовая	свинья Sus domestica	строгание, шабрение, двухсторонняя проточка сквозного отверстия, шлифовка; ЕС=5

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Е.Ю. Лебедева

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОБОТАНИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОБРАЗЦОВ ИЗ ГОРОДИЩА ГОРОДОК

В кабинет истории земледелия лаборатории естественно-научных методов института археологии РАН для археоботанического анализа поступило два образца из городища Городок (Нижегородская обл.). Оба образца были получены методом флотации культурного слоя и происходят из разных слоёв заполнения ямы № 1 (раскоп 2). Объём первичных проб грунта, подвергшихся флотации, равнялся 10 литрам.

Оба образца были результативными, т. е. содержали остатки древних зёрен и семян. При таком количестве образцов рассматривать основные параметры[1] полученной коллекции макроостатков не имеет смысла, т.к. археоботаническая выборка не представительна для характеристики культурного слоя памятника в целом. Отмечу лишь, что концентрация ботанических макроостатков в обеих пробах различается почти десятикратно: 30 и 315 единиц. Основу их составляют зёрна культурных растений (60 и 77%); подробно структура и содержимое образцов описаны в приложении к данному заключению (см. ниже).

Сохранность обнаруженных в пробах зёрен и семян хорошая: по пятибалльной шкале её можно оценить в 4,5 балла. Об этом же свидетельствует и полное отсутствие неопределимых до видового уровня фрагментов культурных злаков при достаточно сильной фрагментарности зернового материала[2].

Коллекция определимых до видового уровня зёрен и семян культурных растений составила 260 экземпляров. Среди них подавляющее большинство находок принадлежит ржи Secale cereal – 273 зёрен или 91,2%. Пшеница представлена 15 зерновками Triticum aestivum (мягкая пшеница; 5,8%) и одной не определимой до видового уровня деформированной зерновкой (0,4%). Пять зёрен принадлежат овсу (Avena sativa; 1,9%) и по одному семени – льну (Linum usitatissimum; 0,4 %) и гороху (Pisum sativum; 0,4%).

Как отмечалось, соотношение найденных зёрен в двух пробах крайне неравномерно – 18 и 242 из числа определимых находок. При такой ситуации совершенно очевидно, что охарактеризованное здесь пропорциональное соотношение различных видов культурных растений отражает почти исключительно содержимое образца № ан. 1500. В менее насыщенной пробе (№ ан. 1499) зёрна всех этих видов представлены более соразмерно. Именно поэтому можно предположить, что эта последняя проба в большей мере характеризует культурный слой памятника. Тогда как находки из образца № ан. 1500 могут являться частью небольшого скопления ржи, зерновки которой составляют здесь около 95%.

Были проведены промеры 110 наиболее хорошо сохранившихся зёрен ржи из образца № ан. 1500. Средние значения основных промерных показателей следующие: длина зерновок – 5,18 мм (при диапазоне от 3.2 до 7,3 мм), ширина – 2,02 (1,5–2,6) мм, высота (толщина) – 1,86

[1] См. *Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю.* Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. 2005. № 4. С. 70–78.

[2] Практически все фрагменты имеют «свежие» сколы, что свидетельствует о раздробленности в процессе отбора, флотации и транспортировки образцов.

(1,4–2,4) мм. Длина почти 75% измеренных экземпляров находится в диапазоне 4,5–6 мм, что соответствует обычным среднеевропейским размерам зёрен ржи; всего у 10 зерновок длина превышает эти значения (6,2–7,3 мм). Весьма значительный диапазон колебаний длины наших зерновок (более 4 мм) свидетельствует, скорее всего, об отсутствии какой-либо селекции или стандартизации зерна, поступавшего на продажу.

Интересно, что при обилии ржи в нашей коллекции не было встречено никаких колосовых остатков этой культуры. Удалось обнаружить всего три фрагмента колоса, принадлежавших мягкой пшенице (№ ан. 1500). В общей структуре макроостатков эти находки составляют 0,9%, а среди остатков культурных растений – 1,1%. Столь слабая представительность этой категории археоботанических материалов в коллекциях характерна для городских центров или поселений, куда поступало уже обработанное (очищенное) зерно. Напомню, что в образцах из ближнего Константинова-1 доля колосовых фрагментов (преимущественно ржи) среди остатков культурных растений достигала 24,6%, а в Ближнем Константиново-4 – почти 57%[3], что свидетельствует об интенсивной обработке, а, следовательно, и возделывании, ржи на этих селищах. Это обстоятельство позволило нам даже высказать предположение, о товарной направленности земледельческого производства на этих поселениях[4].

Семена сорных растений составляют в коллекции 11%, и большая их часть приходится на пробу, которую мы предположительно оцениваем как зерновое скопление (№ ан. 1500) – здесь их доля составляет 11,7%. Видовой состав семян не противоречит высказанной гипотезе. Среди 37 семян большая часть – 19 экземпляров относится к мари белой Chenopodium album, которая является как злостным сорняком полей, так и едва ли не самым распространённым рудеральным сорняком. Однако в сочетании с находками костра ржаного Bromus secalinus (8 экз.) – специализированного засорителя озимой ржи, и других посевных сорняков (щетинник зелёный Setaria viridis, горец щавелелистный Polugonum lapathifolium, погремок Rhinantus sp. и пр.), марь белую в данном случае тоже следует рассматривать как сегетальный сорняк.

Помимо зёрен и семян в одном из образцов (№ ан. 1500) был обнаружен фрагмент скорлупки лесного ореха Corylus avellana.

№ ан. 1499 – раскоп 2, яма 1, слой 1

Зерна и семена культурных растений – 18

Triticum aestivum s.1.	5 (2 целых зерновки + 4 фрагмента как минимум от 3 зерен)
Triticum sp.	1 зерновка плохой сохранности
Secale cereale	8 (1 целая зерновка + 14 фрагментов как минимум от 7 зерен)
Avena sativa	3 (2 целых + 1 фрагмент верхушки зерновки)
Pisum sativum	1 фрагмент (семядоля)
Сорные и дикорастущие травы	1 фрагментированное семя (неопред.)

Прочие: 11 пористых карбонизированных фрагментов неясного происхождения

[3] Столь высокие значения для Ближнего Константиново-4 могут объясняться непредставительностью археоботанической выборки: изучено всего 4 образца.

[4] См. *Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю.* Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. 2005. № 4. С. 75–76.

№ ан. 1500 – раскоп 2, яма 1, слой 2

Зёрна и семена культурных растений – 242

Triticum aestivum s.l.	10 зерен
Triticum aestivum s.l., фр-ты колоса	3 фрагмента колосового стержня
Secale cereale	229 (153 целых + 227 фрагментов как минимум от 76 зерен)
Avena sativa	2 (1 целая зерновка + 1 фрагмент)
Lens culinaris	1 фрагмент верхней части семени

Сорные и дикорастущие травы 37 семян

Chenopodium album	19
Bromus secalinus	8
Poa sp.	1
Setaria viridis	1
Fabaceae мелкосем	1
Rumex acetosella	1
Polygonum lapathifolium	1
Ranunculus sp.	1
Rhinantus sp.	1
Неопределенные	3

Прочие: 30 аморфных карбонизированных фрагментов неясного происхождения

1 неопределённое семя ?

1 зерновка ?

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

В.И. Завьялов

АРХЕОМЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ГОРОДИЩА ГОРОДОК

При сравнительно хорошей изученности древнерусского кузнечного ремесла X–XIV вв. более поздний период, период укрепления централизованной власти, формирования общероссийского рынка и возрастания на международной арене нового государства – Московской Руси – слабо представлен аналитическими данными. Это отразилось и на банке металлографических анализов Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН, где материалы XV–XVII вв. составляют весьма скромную долю (*Завьялов, Розанова, Терехова*, 2009. С. 113, рис. 1). В связи с этим каждая хорошо датированная коллекция железных изделий позднесредневекового времени представляет несомненный исследовательский интерес.

В Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН была изучена коллекция средневековых изделий из чёрного металла из городища Городок. Памятник датируются серединой XV – началом XVI в. Коллекция состоит из 37 ножей и косы. Как показал визуальный осмотр, один нож оказался полностью корродирован и не мог быть исследован металлографическим методом. Следует отметить, что в целом сохранность металла низкая, что может в определённой степени влиять на полученные выводы.

Исследование проводилось по методике, разработанной в кабинете металлографии Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН (*Колчин*, 1953; *Завьялов, Розанова, Терехова*, 2009). Отполированные до зеркального блеска шлифы после травления реактивами ниталь (4% раствор азотной кислоты в этиловом спирте) и Оберхоффера просматривались на металломикроскопе ММР-2Р при увеличениях 100×, 150× и 490× с последующей зарисовкой микроструктуры в масштабе 10:1. Микроструктуры фотографировались с помощью цифрового фотоаппарата Canon PowerShot A570IS с фотонасадкой с последующей обработкой изображений в программе Photoshop CS2. Микротвёрдость измерялась на микротвердомере ПМТ-3 при нагрузке 100 г. Типы шлаковых включений определялись согласно классификации, предложенной Й. Пясковским (*Piaskowski,* 1969). Нумерация анализов приводится согласно Книге регистрации образцов, поступивших в Лабораторию; к номеру образца прилагается археологический шифр изделия.

Ан. 12284. Нож (Р3-3-7; рис. 102, *14*). Шлиф сделан на полном поперечном сечении ножа. Обнаружена структурная зона феррита (илл.1, *1*). Зерно феррита среднее. В металле много мелких и средних шлаковых включений неправильных форм. Шлаки типов D22, D3. Микротвёрдость феррита 135–151 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из кричного железа. Качество ковки удовлетворительное.

Ан. 12285. Нож (Р3-3-7; рис. 103, *15*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружены структурные зоны феррита и феррита с перлитом. Зерно феррита мелкое. Шлаковых включений много, шлаки мелкие и средние типов D21, D22. Содержание углерода до 0,3%. Микротвёрдость феррита 151–170 кг/мм^2, феррита с перлитом 151–181 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из сырцовой стали. Качество ковки удовлетворительное.

Ан. 12286. Нож (Р3-3-7; рис. 103, *3*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружены две структурные зоны: феррит и мартенсит, разделённые сварным швом. Шов полностью забит шлаками. Основа шлифа – зона феррита. Зерно феррита среднее. В металле много мелких и средних вытянутых шлаковых включений типов B, C, D21. Микротвёрдость феррита 110–135 кг/мм^2, мартенсита – 350–514 кг/мм^2.

Вывод. Нож изготовлен по технологии косой боковой наварки стального лезвия на железную основу с последующей резкой закалкой. Качество ковки удовлетворительное, сварки низкое.

Ан. 12287. Нож (Р3-5-9; рис. 103, *9*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка (илл. 2, *1*). Обнаружены структуры феррита, феррита с перлитом (илл. 2, *3*) и сорбита (илл. 2, *5*). В металле мало мелких (встречаются средние) шлаковых включений типа D21. Феррит мелкозернистый. Содержание углерода до 0,1%. Структурные зоны разделены сварными швами. Верхний шов имеет вид полосы шлака, нижний шов не просматривается. Микротвёрдость феррита 116–135 кг/мм^2, феррита с перлитом – 143–221 кг/мм^2, сорбита – 221–274 кг/мм^2.

Вывод. Нож изготовлен по технологии косой наварки стального лезвия и наварки стальной пластины на обушок орудия (илл. 2, *2*). Нож подвергнут закалке с последующим высоким отпуском. Основа откована из сырцовой стали. Качество ковки хорошее, сварки – низкое.

Ан. 12288. Нож (Р3-6-9; рис. 101, *15*). Образец представляет полное поперечное сечение ножа. Обнаружены структуры феррита, феррита с перлитом и сорбита. В металле мало мелких шлаковых включений типа D21. Содержание углерода до 0,3%. Микротвёрдость феррита 181 кг/мм^2, феррита с перлитом – 181–206 кг/мм^2, сорбита – 236–322 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из сырцовой стали с последующим высоким отпуском. Качество ковки хорошее.

Ан. 12289. Нож (Р3-3-7; рис. 102, *20*). Образец представляет полное поперечное сечение ножа. Обнаружена структура феррита. Зерно феррита крупное (илл. 1, *2*). В металле много шлаковых включений различных форм и размеров тип D22. Микротвёрдость феррита – 206–274 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из кричного фосфористого железа. Качество ковки удовлетворительное.

Ан. 12290. Нож (Р3-3-5; рис. 101, *16*). Образец представляет полное поперечное сечение ножа. Обнаружены структурные зоны феррита, феррита с перлитом и мартенсита с трооститом, разделённые сварными швами. Швы имеют вид широких белых полос. Зерно феррита мелкое. Содержание углерода ок. 0,2–0,5%. В металле много мелких и средних, а также крупных вытянутых шлаковых включений типов D21, D22. Микротвёрдость феррита 193–236 кг/мм^2, феррита с перлитом 181–206 кг/мм^2, мартенсита с трооститом – 236–420 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из пакетной заготовки. Качество ковки и сварки удовлетворительное. Изделие закалено с последующим отпуском.

Ан. 12291. Нож (Р3-Я2-1; рис. 104, *10*). Образец представляет полное поперечное сечение ножа. Обнаружены структурные зоны феррита и феррита с перлитом. Шлаковых включений много различных форм и размеров типов D21, D22. Зерно феррита крупное. Содержание углерода до 0,3%. Микротвёрдость феррита 181–254 кг/мм^2, феррита с перлитом – 181–193 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из кричного железа. Качество ковки удовлетворительное.

Ан. 12292. Нож (Р2-Я1-1; рис. 103, *11*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружены структуры феррита и мартенсита, разделённые сварными швами. Верхний шов имеет вид белой полосы шириной около 0,025 мм, нижний – выражен нечётко. Зерно феррита мелкое. В металле много мелких и средних шлаковых включений типов D1, D21. Микротвёрдость феррита 135–221 кг/мм^2, мартенсита – 464–514 кг/мм^2.

Вывод. Нож изготовлен по технологии косой наварки лезвия и наварки стальной пластины на спинку с последующей закалкой. Качество ковки и сварки удовлетворительное.

Ан. 12293. Нож (Р2-Я1-2; рис. 102, *7*). Образец представляет полное поперечное сечение ножа. Обнаружены две структурные зоны, разделённые сварным швом. Шов выделяется по границе между зонами. Основу шлифа занимает зона феррита. Зерно феррита крупное. Встречены участки фосфорной ликвации (илл. 1, *3*). В металле много шлаковых включений различных

форм и размеров, типов A, D21, D22. На лезвии располагается зона сорбита. Микротвёрдость феррита 193–236 кг/мм^2, сорбита – 350–420 кг/мм^2.

Вывод. Нож изготовлен по технологии косой наварки стального лезвия на железную основу с последующей термообработкой. Качество ковки и сварки удовлетворительное.

Ан. 12294. Нож (Р2-Я1-2; рис. 102, *8*). Образец представляет полное поперечное сечение ножа. Обнаружены структуры феррита и сорбита, разделённые сварным швом. Шов определяется по цепочке вытянутых шлаков. В металле много шлаковых включений различных форм и размеров типов D21, D22. Зерно феррита крупное. Микротвёрдость феррита 143–160 кг/мм^2, сорбита – 420 кг/мм^2.

Вывод. Нож изготовлен по технологии косой наварки стального лезвия на железную основу с последующей термообработкой. Качество ковки и сварки удовлетворительное.

Ан. 12295. Нож (Р2-3-4; рис. 101, *2*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружены структуры феррита и феррита с перлитом, разделённые сварным швом. Шов определяется по границе между зонами. Много шлаковых включений различных форм и размеров (особенно в верхней части шлифа), типов D1, D21. Зерно феррита среднее. Содержание углерода ок. 0,7–0,8%. Микротвёрдость феррита 128–181 кг/мм^2, феррита с перлитом – 206–221 кг/мм^2.

Вывод. Нож изготовлен по технологии косой наварки стального лезвия на железную основу. Качество ковки и сварки удовлетворительное.

Ан. 12296. Черенок ножа (Р1-Я2-1; рис. 103, *6*). Образец представляет полное поперечное сечение черенка. Обнаружена структура феррита (илл. 1, *5*). Зерно феррита крупное и среднее. Много мелких и средних шлаковых включений различных форм типов B, D1, D21. Микротвёрдость феррита 151–160 кг/мм^2.

Вывод. Черенок ножа откован из кричного железа. Качество ковки удовлетворительное.

Ан. 12297. Нож (Р2-Я9; рис. 102, *9*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка (илл. 3, *1*). Обнаружены структуры феррита (илл. 3, *4*), феррита с перлитом (илл. 3, *5*) и сорбита (илл. 2, *6*), разделённые сварным швом (илл. 3, *2, 3*). Шов имеет вид широкой светлой полосы. Много шлаковых включений различных форм и размеров типов A, D21, D22. Зерно феррита среднее. Содержание углерода до 0,4%. Микротвёрдость феррита 193–221 кг/мм^2, феррита с перлитом – 221–274 кг/мм^2, сорбита – 274–297 кг/мм^2.

Вывод. Нож изготовлен по технологии косой наварки стального лезвия на железную основу с последующей термообработкой. Качество ковки и сварки удовлетворительное.

Ан. 12298. Нож (Р2-Я2-3; рис. 102, *12*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружены две структурные зоны феррита и феррита с перлитом (илл. 1, *6*). Много мелких шлаковых включений типов B, C, D1. Зерно феррита среднее. Содержание углерода до 0,5%. Микротвёрдость 151–254 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из сырцовой стали. Качество ковки хорошее.

Ан. 12299. Нож (Р2-Я2-3; рис. 103, *4*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружены структуры феррита и мартенсита. Много мелких и средних шлаковых включений различных размеров типов D21. Зерно феррита среднее (илл. 4, *1*). Микротвёрдость феррита 128–151 кг/мм^2, мартенсита – 383 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из сырцовой стали с последующей термообработкой. Качество ковки удовлетворительное.

Ан. 12300. Нож (Р2-Я2-3; рис. 102, *16*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружены структуры феррита (илл. 4, *2*), феррита с перлитом (илл. 4, *3*) и сорбита. Зерно феррита среднее. В металле много шлаковых мелких и средних включений округлых форм типов C, D1, D22. Содержание углерода до 0,3–0,4%. Микротвёрдость феррита 170–236 кг/мм^2, феррита с перлитом – 206–236 кг/мм^2, сорбита – 350–383 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из сырцовой стали с последующей термообработкой. Качество ковки удовлетворительное.

Ан. 12302. Нож (Ш2-4-2А; рис. 103, *10*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружена структура феррита. Зерно феррита среднее. Много мелких и средних шлаковых включений типов D21, D22. Микротвёрдость феррита 128–170 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из кричного железа. Качество ковки удовлетворительное.

Ан. 12303. Нож (Р1-2-1; рис. 101, *18*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружены структуры феррита и сорбита, разделённые сварным швом. Шов имеет вид белой полосы шириной около 0,025 мм. Много мелких и средних шлаковых включений типов D21, D22. Зерно феррита среднее. Микротвёрдость феррита 116–160 кг/мм^2, сорбита – 254–350 кг/мм^2.

Вывод. Нож изготовлен по технологии косой наварки стального лезвия на железную основу с последующей термообработкой. Качество ковки и сварки удовлетворительное.

Ан. 12304. Нож (Р1-3-2А; рис. 103, *20*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружены структуры феррита и феррита с перлитом (илл. 4, *4, 5*). Зерно феррита мелкое и среднее. В левой части шлифа проходит продольный сварной шов. Шов имеет вид белой полосы шириной около 0,025 мм. В металле много мелких шлаковых включений типов D1, D21, D22. Содержание углерода до 0,6–0,7%. Микротвёрдость феррита 128–181 кг/мм^2, феррита с перлитом 193–274 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из сырцовой стали (пакетная заготовка). Качество ковки удовлетворительное.

Ан. 12305. Нож (Р1-1В-2; рис. 104, *5*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружены структуры феррита и сорбита, разделённые сварным швом. Шов имеет вид белой полосы шириной около 0,01 мм. Зерно феррита мелкое. Шлаковых включений мало. Шлаки мелкие. Микротвёрдость феррита 135–143 кг/мм^2, сорбита – 274 кг/мм^2.

Вывод. Нож изготовлен по технологии косой наварки стального лезвия на железную основу с последующим высоким отпуском. Качество ковки и сварки хорошее.

Ан. 12306. Нож (Р1-Я2-2; рис. 103, *5*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружена структура феррита. В металле много мелких и средних шлаковых включений различных форм, типов D21, D22. Зерно феррита среднее. Микротвёрдость феррита 160–221 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из кричного железа. Качество ковки удовлетворительное.

Ан. 12307. Нож (Р1-Я2-3; рис. 103, *2*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружены две структурные зоны феррит и мартенсит отпуска, разделённые сварным швом. Шов имеет вид белой полосы, окружённой шлаками, шириной около 0,007 мм (илл. 4, *6*). В металле много шлаковых включений различных форм и размеров, типов D21, D22. Зерно феррита среднее. Микротвёрдость феррита 151–181 кг/мм^2, мартенсита отпуска –350–383 кг/мм^2.

Вывод. Нож изготовлен по технологии косовой наварки стального лезвия на железную основу с последующей термообработкой. Качество ковки удовлетворительное, сварки хорошее.

Ан. 12308. Нож (Р1-Я2-3; рис. 103, *8*). Образец представляет полное поперечное сечение ножа. Лезвие сильно корродированно. Обнаружены две структурные зоны феррит и мартенсит с троститом, разделённые сварным швом. Шов имеет вид белой полосы шириной 0,015–0,02 мм. В металле много шлаковых включений различных форм и размеров. Шлаки типа D21, D22. Микротвёрдость феррита 170-193 кг/мм^2, мартенсита с троститом – 350–464 кг/мм^2.

Вывод. Нож изготовлен по технологии торцовой наварки стального лезвия на железную основу с последующей термообработкой. Качество ковки удовлетворительное, сварки – хорошее.

Ан. 12309. Нож (Р1-Я2-3; рис. 104, 4). Образец представляет полное поперечное сечение ножа. Обнаружена структура феррита. В металле много шлаковых включений различных форм и размеров типов D21, D22. Зерно феррита среднее. Встречаются участки фосфорной ликвации. Микротвёрдость феррита 206–236 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из кричного железа с повышенным содержанием фосфора. Качество ковки удовлетворительное.

Ан. 12310. Нож (Р1-Я2-3; рис. 104, *6*). № 91. Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружена структура мартенсита. Много мелких, преимущественно вытянутых, шлаковых включений. Шлаки типов А, D21. Микротвёрдость мартенсита – 464 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из стальной заготовки с последующей закалкой. Качество ковки хорошее.

Ан. 12311. Нож (Р1-Я2-3; рис. 104, *9*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Лезвие, вероятно, не сохранилось. Обнаружена структура феррита. Зерно феррита крупное и среднее. Много шлаковых включений различных форм и размеров. Шлаки типов D21, D22. Микротвёрдость феррита 151–181 кг/мм^2.

Вывод. Основа ножа откована из кричного железа. Качество ковки удовлетворительное.

Ан. 12312. Нож (Р1-1-8; рис. 101, *4*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка (илл. 5, *1*). Обнаружены структуры феррита (илл. 5, *3*), феррита с перлитом (илл. 5, *4*) и мартенсита, разделенные сварным швом (илл. 5, *5*). Шов определяется по цепочкам шлаков. Много мелких шлаковых включений типа D21. Зерно феррита мелкое и среднее. Содержание углерода 0,3–0,4%. Микротвёрдость феррита 151–160 кг/мм^2, феррита с перлитом – 236–254 кг мм^2, мартенсита 464–514 кг/мм^2.

Вывод. Нож изготовлен по технологии наварки стального лезвия на железную основу с последующей закалкой (илл. 5, *2*). Качество ковки хорошее, сварки – удовлетворительное.

Ан. 12313. Нож (Р1-1А-2; рис. 104, *8*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружена структура мартенсита отпуска. В металле мало мелких шлаковых включений. Микротвёрдость мартенсита – 383–464 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из стальной заготовки с последующей термообработкой. Качество ковки хорошее.

Ан. 12314. Нож (Р1-3-4А; рис. 104, *13*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружена структура феррита (илл. 6, *1*). Много шлаковых включений различных форм и размеров, типов А, D21, D2. Зерно феррита крупное. Микротвёрдость феррита 221–274 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из фосфористого железа. Качество ковки удовлетворительное.

Ан. 12315. Нож (Р1-3-5Г; рис. 104, *7*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружены структуры феррита, феррита с перлитом и сорбита, разделённые сварным швом. Шов имеет вид белой полосы шириной 0,02–0,025 мм (илл. 6, *3*). В металле мало мелких шлаковых включений типа С. Зерно феррита среднее. Зона феррита с перлитом образовалась вследствие сильной диффузии углерода за сварной шов. Содержание углерода 0,3–0,4%. Микротвёрдость феррита 143–193 кг/мм^2, феррита с перлитом – 236–254 кг/мм^2, сорбита – 350 кг/мм^2.

Вывод. Нож изготовлен по технологии косой наварки стального лезвия на железную основу с последующей термообработкой. Качество ковки и сварки хорошее.

Ан. 12316. Нож (Р1-2-4А; рис. 101, *11*). Образец представляет полное поперечное сечение ножа. Обнаружена структура феррита (илл. 6, *2*). В металле много шлаковых включений различных форм и размеров типов С, D1, D32. Зерно феррита крупное и среднее. Микротвёрдость феррита с перлитом – 128–151 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из кричного железа. Качество ковки удовлетворительное.

Ан. 12317. Нож (Р1-3-2А; рис. 103, *20*). Образец представляет полное поперечное сечение ножа. Обнаружены структурные зоны феррита, феррита с перлитом и сорбита, разделённые сварными швами (илл. 6, *4, 5*). Швы имеют вид белых полос шириной 0,015 мм. Много шлаковых включений различных форм и размеров, типов D21 D22. Зерно феррита среднее. Микротвёрдость феррита 122–170 кг/мм^2 и 221–254 кг/мм^2, феррита с перлитом – 206–221 кг мм^2, сорбита – 350 кг/мм^2.

Вывод. Основа ножа сварена из трёх полос «обычного» и двух полос фосфористого железа, чередующихся между собой. На основу косой наваркой наварено стальное лезвие. Заключительной операцией был высокий отпуск. Качество ковки и сварки удовлетворительное.

Ан. 12318. Нож (Р1-2-10Б; рис. 103, *7*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружены две структурные зоны феррита и мартенсита (илл. 6, *6*), разделённые сварными швами. Швы имеют вид белых полос шириной 0,008–0,01 мм. В швах присутствуют шлаки. В металле шлаковых включений много, шлаки мелкие и средние, типов D21, D2. Зерно феррита крупное и среднее. Микротвёрдость феррита 135–151 кг/мм^2, мартенсита – 383–514 кг/мм^2.

Вывод. Нож изготовлен по технологии торцовой наварки стального лезвия на железную основу. Обушок дополнительно укреплён наваркой стальной пластины. Изделие подвергнуто закалке. Качество ковки и сварки удовлетворительное.

Ан. 12319. Нож (Ш2-3-2А; рис. 104, *2*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Лезвие, возможно, не сохранилось. Обнаружена структура феррита (илл. 6, *7*). Много мелких и средних шлаковых включений различных форм. Шлаки типов D21, D22, D3. Зерно феррита крупное. Микротвёрдость феррита 181–221 кг/мм^2.

Вывод. Нож (основа?) откован из кричного железа. Качество ковки удовлетворительное.

Ан. 12320. Нож (Р3-3-8; рис. 104, *14*). Образец представляет полное поперечное сечение клинка. Обнаружены структуры феррита и феррита с перлитом. В металле мало мелких и средних шлаковых включений. Шлаки типов D21, D22. Зерно феррита крупное. Содержание углерода 0,2%. Микротвёрдость феррита 170–181 кг/мм^2, феррита с перлитом – 206–221 кг/мм^2.

Вывод. Нож откован из кричного железа с последующей цементацией лезвия. Качество ковки хорошее.

Ан. 12321. Коса (Р1-2-5В; рис. 108, *16*). Образец представляет полное поперечное сечение полотна косы. Образец сильно корродирован. Обнаружена структура феррита. Зерно феррита среднее и мелкое. В металле мало мелких шлаковых включений типов А, D21. Микротвёрдость феррита 128–151 кг/мм^2.

Вывод. Коса (основа?) откована из кричного железа. Качество ковки хорошее.

На основании проведённого металлографического исследования есть основания считать, что большинство предметов изготовлено мастерами-универсалами, обладавшими невысокой квалификацией. Об этом свидетельствует как низкое качество проведения сварки в большинстве случаев (у образцов 12287, 12286, 12294, 12312 сварные швы полностью забиты шлаками), так и частое использование при изготовлении ножей кричного железа. Отмечу, что в исследованной коллекции железные ножи составляли более 30%, в то время как среди синхронных изделий из Москвы, Переяславля Рязанского, Пскова доля таких орудий не превышала 25% (*Завьялов, Розанова, Терехова,* 2007. С. 146). Не исключено, что большое количество железных ножей обусловлено плохой сохранностью металла. Известно, что в период позднего средневековья стальная наварная пластина была очень тонкой и могла быстро стачиваться (*Завьялов*, 2009 С. 132). В этом плане показателен нож 12295, у которого сталь узкой полосой зафиксирована не на лезвии, а сбоку в центральной части шлифа.

Среди особенностей исследованной коллекции исключительное доминирование среди сварных конструкций технологической схемы косой боковой наварки стального лезвия на железную основу. На других памятниках наварные конструкции (при преобладании схемы косой наварки) всё же представлены большим разнообразием. Это может быть связано с незначительным числом кузнецов (или даже одной мастерской) обслуживавших население Городка.

В заключение остановлюсь на изделиях, изготовленных по редко встречающимся технологическим схемам. Прежде всего, это три ножа с наварным лезвием, у которых клинок был дополнительно укреплён наваркой стальной пластины на спинке (ан. 12287, 12292, 12318). Интересно отметить, что в XIV–XV вв. в Центральной Европе (прежде всего в Чехии) подобная технология применялась при изготовлении боевых ножей (устное сообщение д-ра И. Гошека). Однако из трёх орудий только один нож (ан. 12318) демонстрирует сравнительно неплохое качество изготовления. У двух других сварка проведена на низком уровне.

Нож 12317 отличается тем, что его основа откована из специально подготовленной пакетной заготовки. Пакет набран из двух полос фосфористого и трёх полос «обычного» железа. Такой подход к формовке заготовки придал изделию повышенные механические свойства.

Лишь один нож (ан. 12307) демонстрирует высокое качество сварки. Это орудие по технологии изготовления вполне сопоставимо с продукцией ведущих ремесленных центров.

Литература

Завьялов В.И., 2009. Типологические и технологические особенности позднесредневековых ножей из Переяславля Рязанского // Вестник Елецкого государственного университета. Вып. 23. Серия «Археология». Елец.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2007. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2009. Археометаллография в решении культурно-исторических проблем // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1. М.

Колчин Б.А., 1953. Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. № 32. М.

Piaskowski J., 1969. Klasyfikacija struktury wtrąceń żużla i jej zastosowanie dla okŕeslenia pochodzenia dawnych przedmetów żelaznych // Kwartalnik Historij Kultury Materialnej. R. XVII, nr. 1. Warszawa.

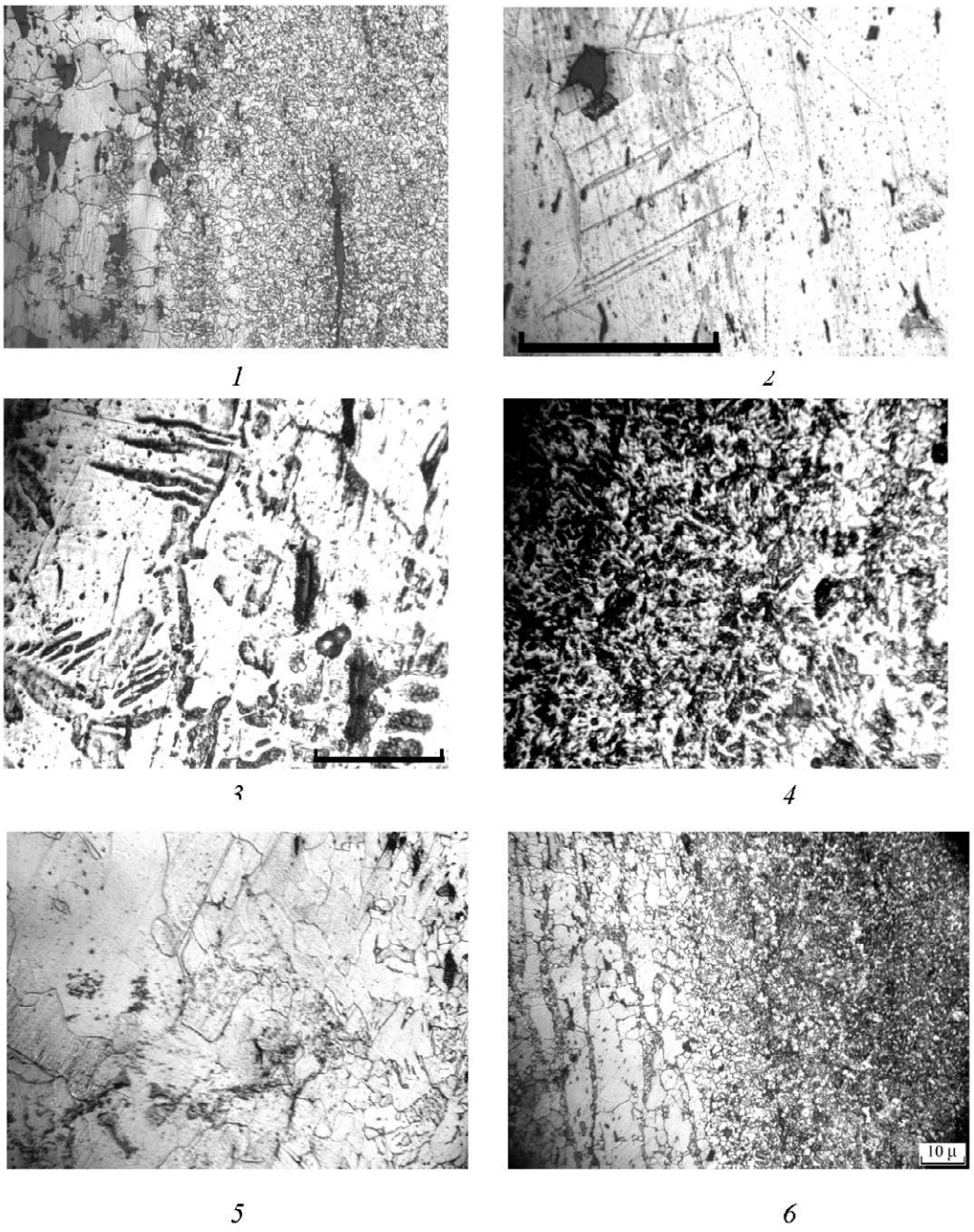

Рис. 1. Фотографии микроструктур: *1* - ан. 12284, нож. Феррит; *2* – ан. 12289, нож. Феррит, линии сдвигов; *3* – ан. 12293, нож. Феррит, фосфорная ликвация *4* – ан. 12293, нож. Сорбит; *5* – ан. 12296, нож. Феррит; 6 – ан. 12298, нож. Феррит с перлитом. Травлено ниталем.

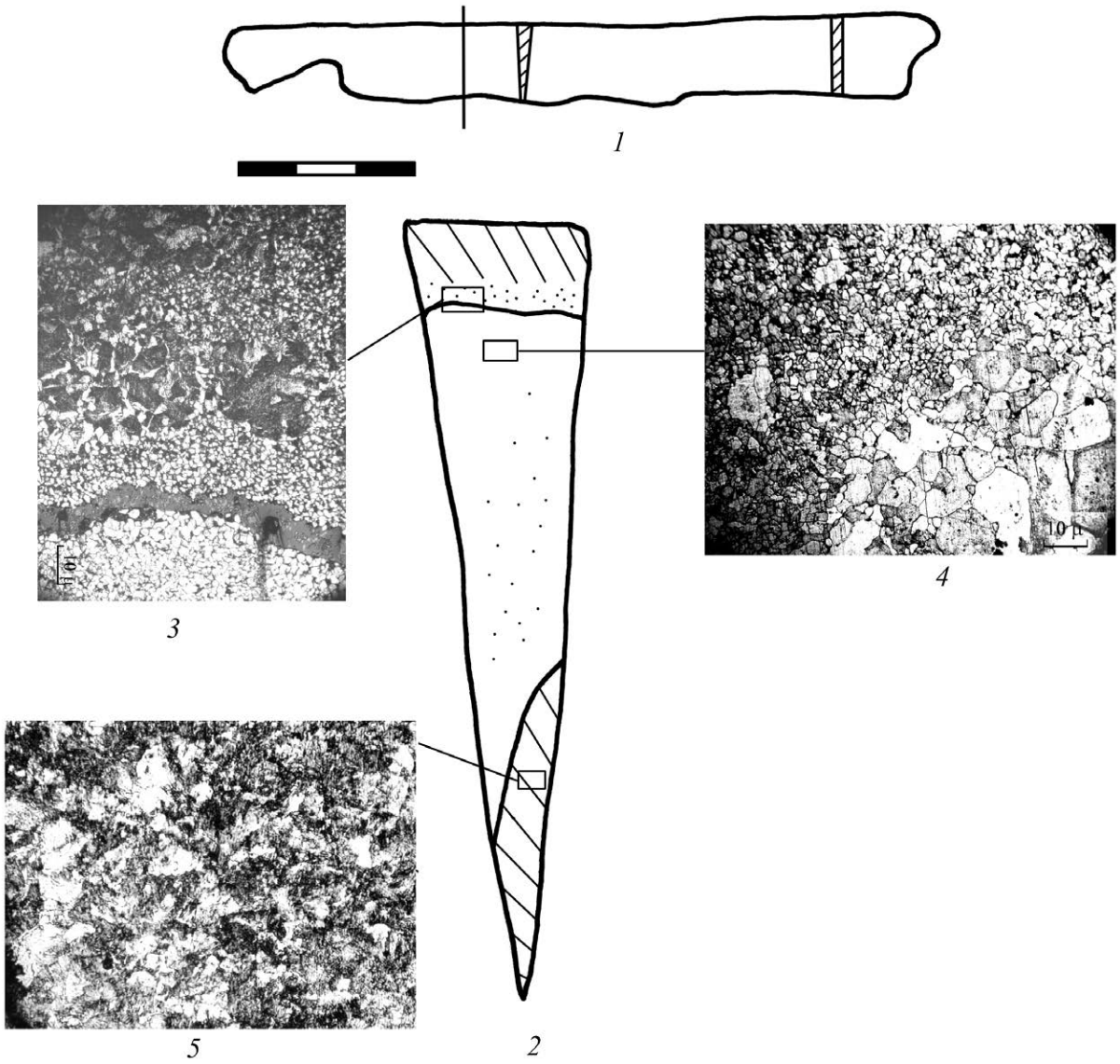

Рис. 2. Нож, ан. 12287: *1* – нож (здесь и далее секущей линией показано место отбора образца); *2* – технологическая схема изготовления – косая наварка (здесь и далее прямоугольниками показано место фотографии микроструктуры); *3-5* – фотографии микроструктур: *3* – сварной шов; *4* – феррит с перлитом; *5* – сорбит. Травлено ниталем.

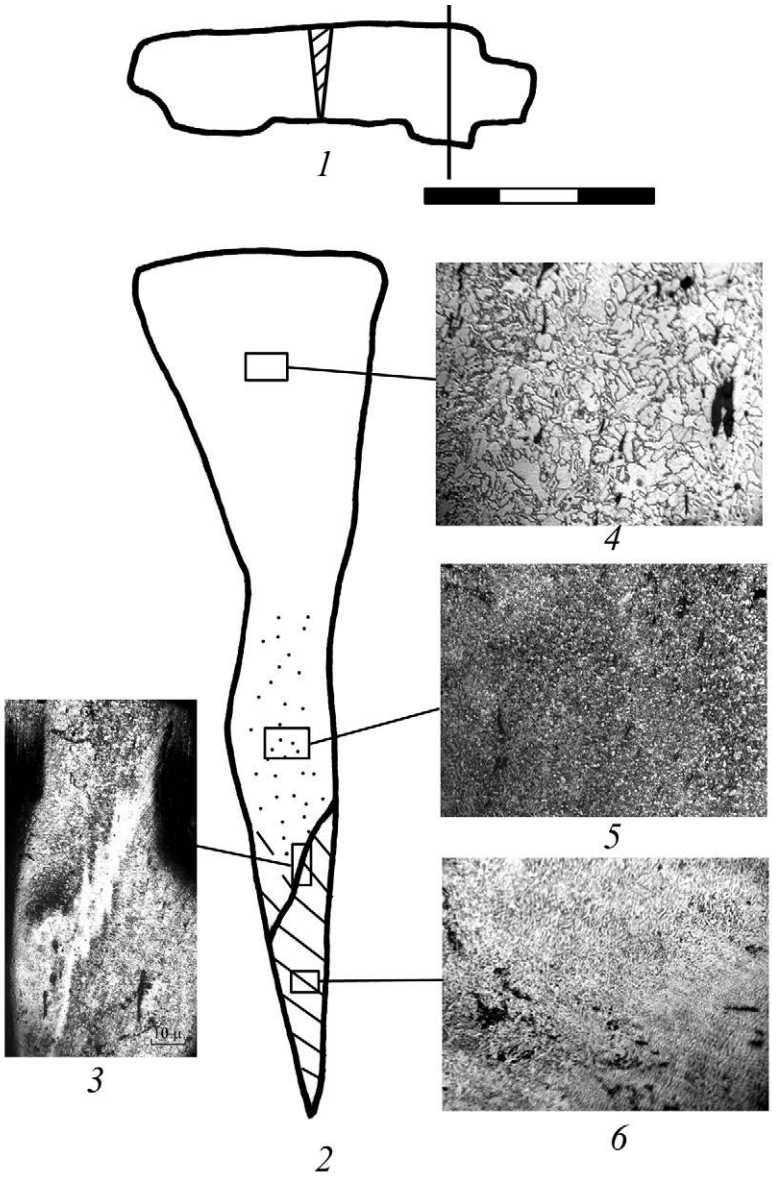

Рис. 3. Нож, ан. 12297: *1* – нож; *2* – технологическая схема изготовления – косая наварка; *3–6* – фотографии микроструктур: *3* – сварной шов; *4* – феррит; *5* – феррит с перлитом; *6* – сорбит. Травлено ниталем.

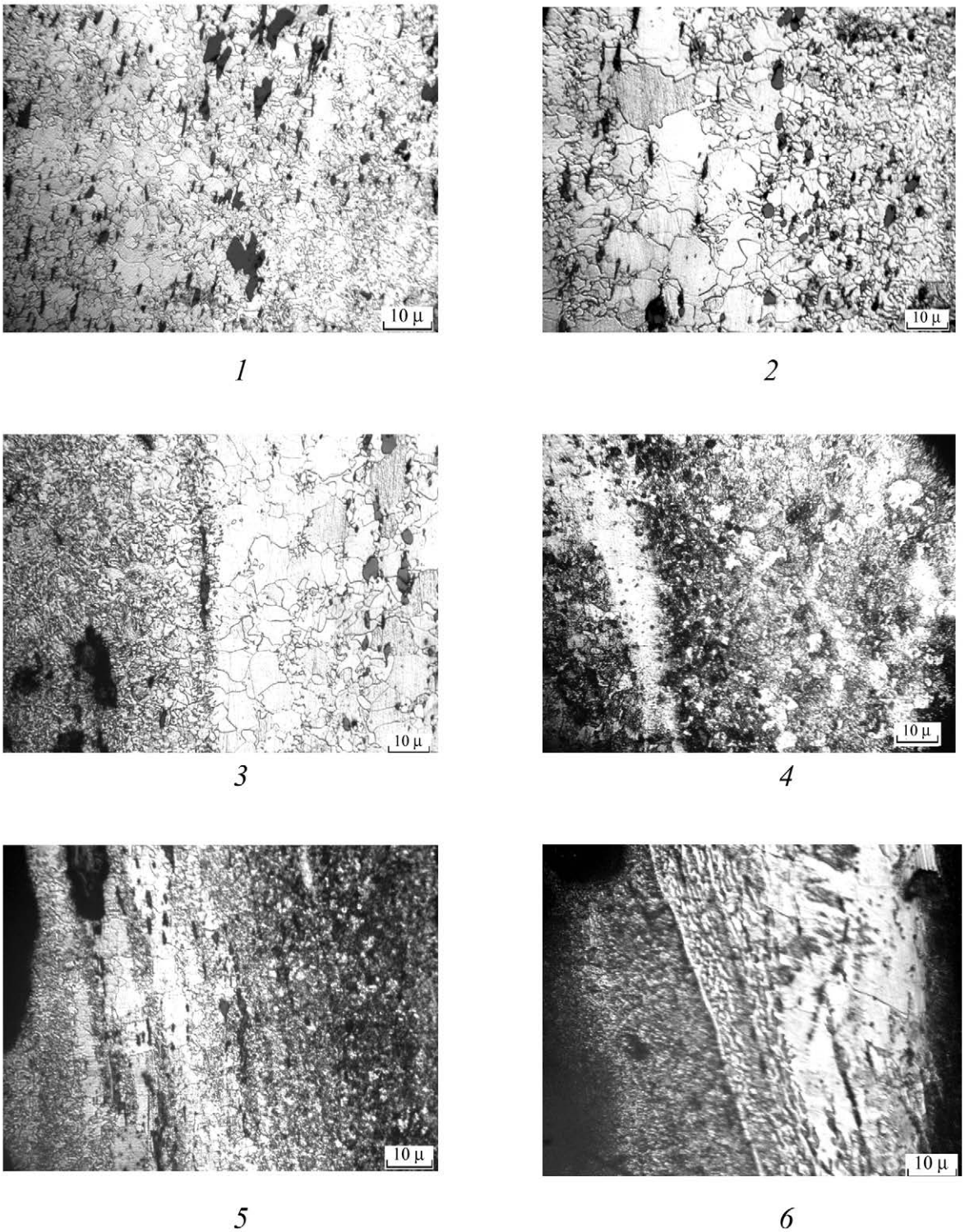

Рис. 4. Фотографии микроструктур: *1* – ан. 12299, нож. Феррит; *2* – ан. 12300, нож. Феррит; *3* – ан. 12300, нож. Феррит с перлитом; *4* – ан. 12304, нож. Феррит с перлитом; *5* – ан. 12304, нож. Феррит с перлитом; *6* – ан. 12307, нож. Сварной шов. Травлено ниталем.

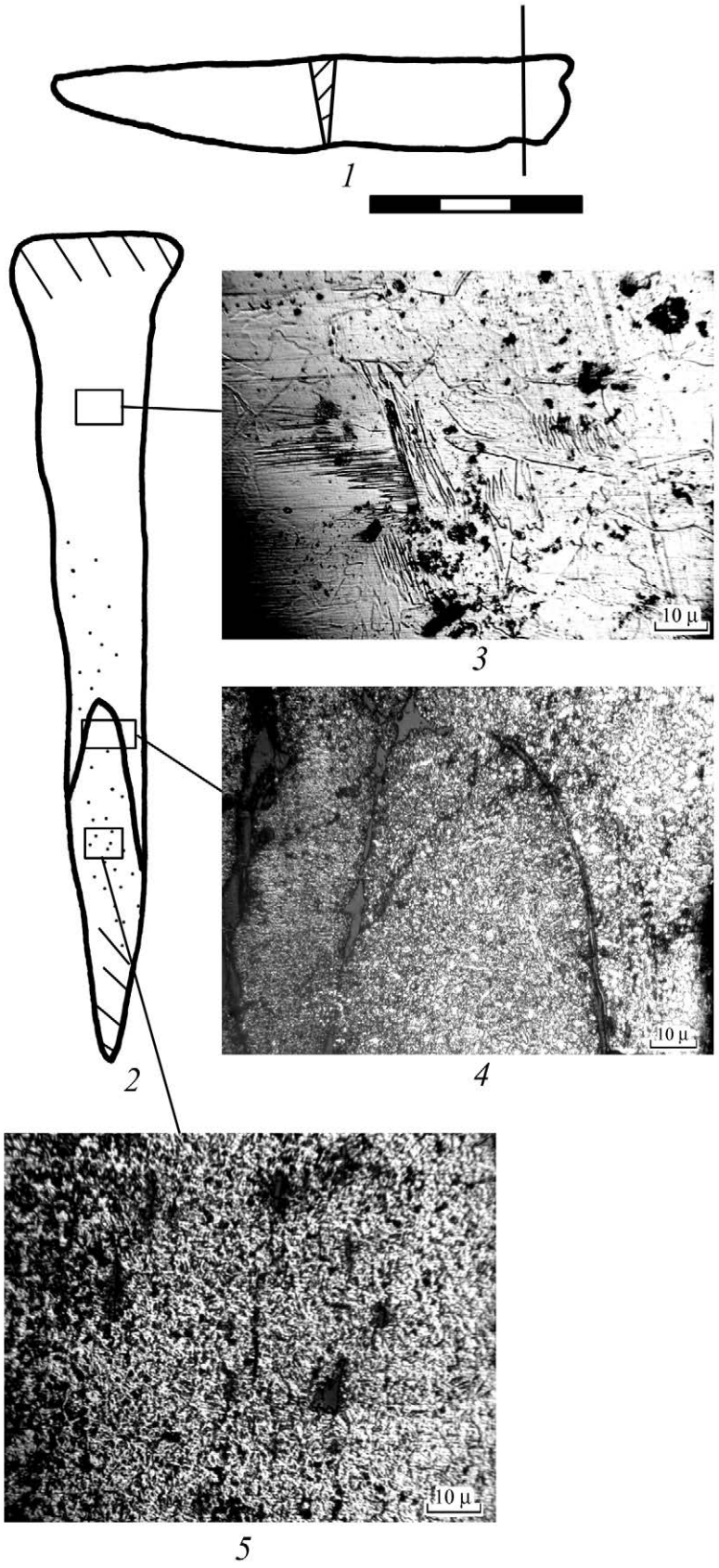

Рис. 5. Нож, ан. 12312: *1* – нож; *2* – технологическая схема изготовления – варка; *3-5* – фотографии микроструктур: *3* – феррит; *4* – феррит с перлитом; *5* – сварной шов. Травлено ниталем.

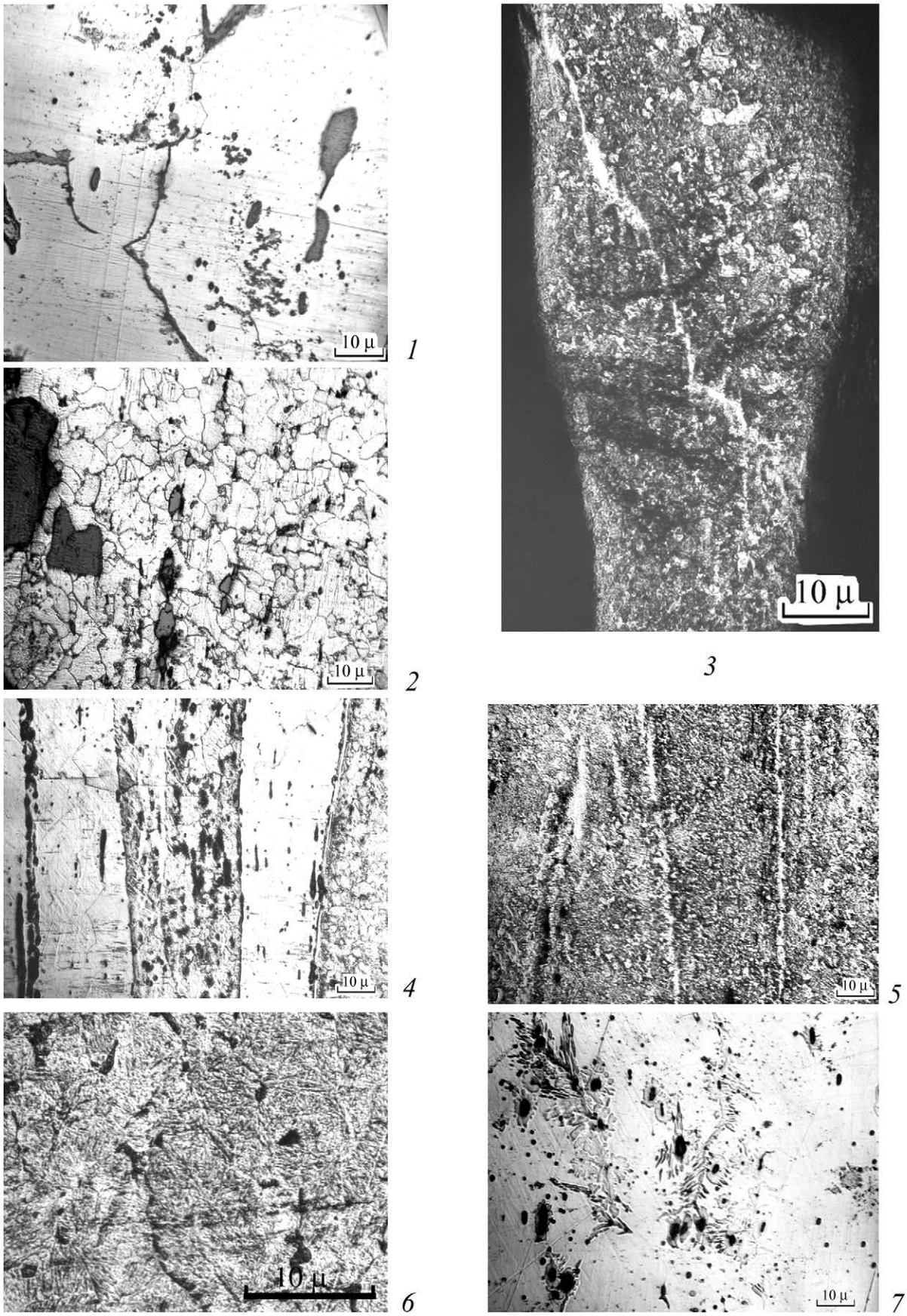

Рис. 6. Фотографии микроструктур: *1* – ан. 12314, нож. Феррит; *2* – ан. 12316, нож. Феррит; *3* – ан. 12315, нож. Сварной шов; *4* – ан. 12317, нож. Сварные швы; *5* – ан. 12317, нож. Сварные швы; *6* – ан. 12318, нож. Мартенсит; *7* – ан. 12319, нож. Феррит, ликвация фосфора. Травлено ниталем.

БИБЛИОГРАФИЯ И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ИСТОЧНИКИ

Опубликованные памятники письменности

Акты Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. М., 1898.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 3. М., 2002.

АСЭИ. М., 1958. Т.2.

АСЭИ. М., 1964. Т.3.

АФЗХ. М., 1951. Ч. 1.

АФЗХ. М., 1961. Ч. 3.

Берх В., 1821. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб.

Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 257–271.

Гераклитов А.А., 1915. Несколько документов из Исторического архива Саратовской комиссии. Саратов.

Герберштейн С., 1988. Записки о Московии. М.

ДДГ. М., 1950.

Емченко Е.Б., 2000. Стоглав: исследование и текст. М.

Житие Макария Желтоводского и Унженского // Библиотека литературы Древней Руси. Том 13. XVI век. СПб., 2005. С. 262–303.

Жития Зосимы и Савватия Соловецких // Библиотека литературы Древней Руси. Том 13. XVI век. СПб., 2005. С. 36–153.

Записка о наделении города Нижняго-Новгорода выгонной землёй. Из архивных дел Нижегородской Ярморочной Конторы. Нижний Новгород, 1902.

Иоасафовская летопись. М., 1957.

Книга Нижегородского уезда боярских, дворянских, и детей боярских и иноземцев дозору Силы Микитича Грекова да подъячего Клементия Козодавлева лета 121 году // Действия НГУАК. Сборник статей, сообщений, описей и документов. Том V. Отдел III. Документы. Нижний Новгород, 1903. С. 17–34.

Летописец о Нижнем Новгороде // Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород, 2006. С. 127–135.

Макарий (епископ), 1868. Синодик XVI века в Нижегородском Печерском монастыре // Чтения в обществе истории и древностей Российских. М. Кн.1. Смесь.

Максин В.А., Пудалов Б.М., 1998. Докладной судный список 1509 года из архива Нижегородского Печёрского монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 4. С. 114–119.

Меховский М., 1936. Трактат о двух Сарматиях. М.–Л.

Минеи–Четьи. Июль. М., 1875.

Насонов А.Н., 1958. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. Вып. VI. М. С. 235–276.

Нижний Новгород в XVII веке. Горький, 1961.

НПЛ. М.; Л., 1950.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. Том 1 // Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.

Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. Спб., 1896.

Полная редакция Нижегородского летописца. Первый вид // Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород, 2006. С. 148–168.

Попов А., 1869. Изборник славянских и русских сочинений и статей внесённых в хронографы русской редакции. М.

Приселков М.Д., 1950. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М. – Л.

Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.

ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
ПСРЛ. Т. 4. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848.
ПСРЛ. Т. 4. Часть 1. Новгородская четвёртая летопись. М., 2000.
ПСРЛ. Т. 5. Псковская и Софийская летописи. СПб., 1851.
ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853.
ПСРЛ. Т. 6. Выпуск 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.
ПСРЛ. Т. 6. Выпуск 2. Софийская вторая летопись. М., 2001.
ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001.
ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.
ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.
ПСРЛ. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889.
ПСРЛ. Т. 17. Западнорусские летописи. М., 2008.
ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007.
ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве. М., 2000.
ПСРЛ. Т. 20. Часть 1. Львовская летопись. СПб., 1910.
ПСРЛ. Т. 20. Часть 2. Львовская летопись. СПб., 1914.
ПСРЛ. Т. 21. Часть 2. Книга Степенная царского родословия. СПб., 1913.
ПСРЛ. Т. 22. Русский хронограф. Ч. 1. СПб., 1911.
ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. М., 2004.
ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М., 2000.
ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004.
ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М., 2006.
ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращённые летописные своды конца XV века. М., 2007.
ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л., 1963.
ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 1965.
ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.
ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л., 1977.
ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискарёвский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978.
ПСРЛ. Т. 35. Белорусско-литовские летописи. М., 1980.
ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи. Л., 1982.
ПСРЛ. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И.Н. Царского. М., 1994.
ПСРЛ. Т. 43. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М., 2004.
Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Т. 2. М.–Л., 1940.
Сборник Муханова (второе дополненное издание). Спб., 1866.
Софійский временникъ, или руская лѣтопись с 862 по 1534 годъ. Издалъ Павел Строевъ. Часть первая, съ 862 по 1425 годъ. М., 1820.
Строгоновская редакция Нижегородского летописца // Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород, 2006. С. 136–147.
Татищев В.Н., 1996. Собрание сочинений в восьми томах. Тома 5 и 6. История Российская. Части 3 и 4. М.

Архивные материалы

Архив Института археологии РАН (г. Москва), Р-1

Аникин И.С., А-1994. Отчёт о работе экспедиции Нижегородского ИАЦ “Регион” в бассейне р. Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1994 г. № 18876.
Аникин И.С., А-1995а. Отчёт о работе экспедиции Нижегородского ИАЦ «Регион» в бассейне р. Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1995 г. № 19345.
Аникин И.С., А-1995б. Отчёт о работе экспедиции Нижегородского ИАЦ «Регион» в г. Нижнем Новгороде (ул. М. Покровская, 6а) в 1995 г. № 19254.
Аникин И.С., А-1996а. Отчёт о работе экспедиции Нижегородского ИАЦ «Регион» в бассейне р. Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1996 г. № 20495.

Аникин И.С., А-1996б. Отчёт о работе экспедиции Нижегородского ИАЦ «Регион» в г. Нижнем Новгороде (квартал улиц Минина, Нестерова, Большой Печёрской) в 1996 г. № 20494.

Аникин И.С., А-1997а. Отчёт о работе экспедиции НИАЦ «Регион» в г. Нижнем Новгороде (ул. Варварская, 3) в 1997 г. № 20496.

Аникин И.С., А-1997б. Отчёт о работе экспедиции НИАЦ «Регион» в бассейне р. Прорвы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1997 г. № 21396.

Аникин И.С., А-1998. Отчёт о работе экспедиции НИАЦ «Регион» в г. Н. Новгороде (ул. Гоголя, 5, 39, 52) в 1998 г. № 21538.

Аникин И.С., А-1999. Отчёт о работе экспедиции НИАЦ «Регион» в г. Н. Новгороде (ул. Гоголя, 39) в 1999 г. № 22036.

Аникин И.С., А-2000. Отчёт о работе экспедиции НИАЦ «Регион» в г. Н. Новгороде в 2000 г. № 22408.

Аникин И.С., А-2003а. Отчёт об археологическом обследовании строительного участка в г. Н-Новгороде по адресу: ул. Пискунова, 22 в 2003 году. № 24350.

*Аникин И.С.,*А-2003б. Отчёт о разведочных работах экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в бассейне р. Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 2003 г. № 24349.

Аникин И.С., А-2004а. Отчёт о разведочных работах экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в бассейне р. Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 2004 г. № 29101.

Аникин И.С., А-2004б. Отчет об археологическом обследовании строительных участков в г. Нижнем Новгороде (на улицах Нижне-Волжская набережная, 26 и Решетниковская, 21) в 2004 г. № 29100.

Аникин И.С., А-2005а. Отчёт о разведочных работах в зоне влияния строительства автомобильной дороги М-7 «Волга» в районе деревень Крутец и Бурцево в Богородском районе Нижегородской области в 2005 году. № 29025.

Аникин И.С., А-2005б. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде по адресу ул. Октябрьская, 26 в 2005 г. № 29023.

Аникин И.С., А-2005в. Отчет об археологических раскопках на селище Копнино 2, находящемся в зоне влияния строительства автомобильной дороги М–7 «Волга» в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2005 г. № 29027.

Аникин И.С., А-2006а. Отчет о разведочных работах в зоне влияния строительства автомобильной дороги М–7 «Волга» в районе поселка Буревестник, сел Крутец, Бурцево и Копнино в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2006 г. № 29216.

Аникин И.С., А-2006б. Отчет об археологическом обследовании строительных участков в г. Н. Новгороде (на улицах Белинского, 32 и Алексеевская, 41) в 2006 г. № 29215.

Аникин И.С., А-2007а. Отчет об археологическом обследовании строительного участка в г. Н. Новгороде по адресу ул. Белинского, 32 в 2007 г. № 31127.

Аникин И.С., А-2007б. Отчет об археологическом обследовании строительных участков в г. Н. Новгороде (в переулке Казбекском, 4, на улицах Академика Блохиной, 4/43 и Варварской, 44) в 2007 г. № 31129.

Аникин И.С., А-2008а. Отчёт о разведочных работах у села Бурцево в бассейне р. Кудьмы в Богородском районе Нижегородской области в 2008 году. № 33477.

Аникин И.С., А-2008б. Отчет об археологическом обследовании строительного участка в г. Н. Новгороде в квартале ул. Сергиевской и пер. Плотничного в 2008 г. № 33476.

Аникин И.С., А-2009. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Кудьмы в Богородском р-не и работах на территории г. Арзамаса Нижегородской обл. в 2009 г. № 31266.

Аникин И.С., А-2010. Отчет о разведочных работах в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2010 г. № 29176.

Антонов Д.А., А-2000. Отчет о работе экспедиции НИАЦ «Регион» в г. Н. Новгороде в 2000 г. № 22407.

Антонов Д.А., А-2001. Отчет об охранных археологических работах на строительных площадках в г. Н. Новгороде в 2001 г. № 22506.

Антонов Д.А., А-2003. Отчет об археологическом обследовании зоны строительства во дворе дома № 6 по ул. М. Покровская в г. Н. Новгороде в 2003 г. № 24352.

Антонов Д.А., А-2007. Отчет об археологических исследованиях на участке строительства гостиницы на пересечении ул. Ильинской и Зеленского съезда в Нижегородской р-не г. Н. Новгорода в 2007 г. № 31132.

Антонов Д.А., А-2008. Отчет об археологических исследованиях на участке строительства гостиницы на пересечении ул. Ильинская и Зеленского съезда в Нижегородском р-не г. Н. Новгорода в 2008 г. № 33478.

Ануфриева И.В., А-1998а. Отчёт об археологическом обследовании зоны строительства в пер. Университетском в г. Нижнем Новгороде в 1998 г. № 21542.

Ануфриева И.В., А-1998б. Отчёт об археологическом обследовании зоны строительства в пер. Гранитном в г. Нижнем Новгороде в 1998 г. № 21395.

Ануфриева И.В., А-1999. Отчёт об археологическом обследовании 3-х зон строительства в исторической части г. Н. Новгорода (на углу ул. Минина и Семашко, в пер. Гранитном, в пер. Университетском) в 1999 г. № 22340.

Ануфриева И.В., А-2000. Отчёт об археологическом обследовании зоны прокладки траншеи по пер. Университетскому в г. Н. Новгороду в 2000 г. № 22399.

Ануфриева И.В., А-2001а. Отчёт об археологическом обследовании четырёх зон строительства в исторической части г. Н. Новгорода (на ул. Славянской, на ул. Звездинской, в квартале улиц Пискунова, Варварской, Ульянова, на ул. Горького) в 2001 г. № 22717.

Ануфриева И.В., А-2001б. Отчёт об археологическом обследовании двух зон строительства в исторической части г. Н. Новгорода (на углу улиц Минина и Нестерова, на углу ул. Б. Печёрской и пер. Школьного) в 2001 г. № 22716.

Ануфриева И.В., А-2003а. Отчёт об археологической разведке на правом берегу реки Оки на территории г. Н-Новгорода (в пределах Приокского и Советского районов) в 2003 г. № 25751.

Ануфриева И.В., А-2003б. Отчёт об археологическом обследовании трёх зон строительства в исторической части г. Н. Новгорода (на ул. Почаинской, ул. Горького, ул. Б. Печёрской) в 2003 г. № 25704.

Ануфриева И.В., А-2004. Отчет об охранных археологических работах на территории Нижегородской обл. в 2004 г. Т. 2. Отчет об археологическом обследовании зоны прокладки траншеи в исторической части г. Балахны и отдельных земельных участков на территории г. Нижнего Новгорода, г. Павлово, Павловского, Кстовского, Богородского р-нов Нижегородской обл. № 29099.

Ануфриева И.В., А-2005а. Отчет об археологическом обследовании зон строительства в исторической части г. Нижнего Новгорода в 2005 г. № 29117.

Ануфриева И.В., А-2005б. Отчет об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на пл. Минина в 2005 г. №№ 31949, 31950.

Ануфриева И.В., А-2006. Отчет об археологическом обследовании зон строительства, ремонта и прокладки коммуникаций в исторической части г. Нижнего Новгорода в 2006 г. № 29122.

Бакулин Е.И., А-2011а. Отчет об археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде по ул. М. Покровская, дд. №№ 8а–12д в 2011 г. № 29932.

Бакулин Е.И., А-2011б. Отчет об археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде на участках строительства по ул. Ильинской, д. 58, по ул. Пожарского, д. 6, по ул. 50-летия Победы, у д. 1, пос. Черепичный, д. 14, по ул. Зайцева, д. 42, в г. Дзержинске Нижегородской области по пр. Ленина, д. 71, в 2011 г. №№ 29261, 29262.

Бакулин Е.И., А-2012а. Отчет об археологических исследованиях в Нижегородской обл. в зоне строительства трассы ВЛ–500 кВ Костромская ГРЭС – Нижний Новгород с ПС Южная (Нижегородская) с заходами ВЛ 500 кВ, 220 кВ на территории Богородского р-на; на участках строительства в г. Семенове по ул. Советской, д. 1; в г. Балахне по ул. Туполева, д. 2А; на участке строительства в г. Нижнем Новгороде напротив д. 26А по ул. Бурнаковской; в зоне проектирования мостового перехода через р. Волга на пересечении ул. С. Акимова и ул. К. Маркса в г. Нижнем Новгороде и на территории городского округа Бор в Борском р-не в 2012 г. № 33959.

Бакулин Е.И., А-2012б. Отчет об археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде на участках строительства у д. 16 по ул. Коновалова, по ул. Новая, по ул. Ильинская – пер. Плотничный, по ул. Академика Блохиной – ул. Варварская, по наб. Федоровского – ул. Ильинская в 2012 г. №№ 33956, 33957.

Бакулин Е.И., А-2012в. Отчет об археологических исследованиях в г. Н. Новгороде на участках строительства в г. Н. Новгороде на набережной Гребного канала у д. 8 (кадастровые номера участков 52:18:006028, 52:18:060218:0004), прокладки КЛ-0,4 кВ от ТП-229, расположенного на территории Кремля, корп. 3, корп. 5, корп. 1А, корп. 11, по ул. Рождественской, д. 1–3, д. 5, д. 7, д. 9, по Зеленскому съезду, д. 10, по ул. Ильинской, д. 1, д. 3, д. 5, д. 7, д. 9, д. 14, по набережной Федоровского, д. 13, строительства транспортной развязки по ул. Должанской в Канавинском районе г. Н. Новгорода в 2012 г. №№ 33952, 33953.

Бакулин Е.И., А-2012г. Отчет об археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде на участках строительства, расположенных по ул. Порядковой у д. 2а, на ул. Малая Ямская у д. 18, в д. Новой Нижегородского района у д. 80, в Воскресенском районе по ул. Коммунистической, д. 121А в 2012 г. № 29359.

Бакулин Е.И., А-2013. Отчет об археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде, г. Балахна, городском округе Семёновском Нижегородской области в 2013 г. №№ 38738, 38739.

Бакулин Е.И., А-2014а. Отчет об археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде и городах Кстово, Семёнов Нижегородской области в 2014 г. №№ 42196, 42197.

Бакулин Е.И., А-2014б. Отчет об археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде и Нижегородской области в 2014 г. №№ 38643, 38644.

Бакулин Е.И., А-2014в. Отчет об археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде и Нижегородской области в 2014 г. №№ 38641, 38642.

Бакулин Е.И., А-2015. Отчет об археологических раскопках на земельном участке по адресу: г. Нижний Новгород, Нижегородский район, ул. Сергиевская, д. 21, в 2015 г. №№ 49019, 49020.

Батюков В.А., А-2007. Археологические исследования в Кстовском р-не Нижегородской обл. в 2007 г. № 31134.

Батюкова И.В., А-2015. Отчёт о проведении исследований (археологических наблюдений) на земельных участках, отведённых под строительство и благоустройство в г. Нижнем Новгороде в 2015 г. № 49089.

Бейлекчи В.В., А-2009. Отчет « Проведение археологических разведок в Арзамасском, Богородском, Дальнеконстантиновском, Воротынском, Краснооктябрьском, Починковском, Тонкинском, Шатковском р-нах Нижегородской обл. в 2009 г.». № 31267.

Бейлекчи В.В., А-2011а. Отчет «Проведение археологических разведок по трассе ЛЭП в рамках объекта «Реконструкция ПС 500 кВ Нижегородская и ПС 20 кВ Кудьма с учетом строительства ПП 220 кВ Русвинил и ЛЭП 220 кВ ПС Нижегородская – ПС Кудьма с заходами на ПП 220 кВ Русвинил» на территории Богородского, Кстовского и Дальнеконстантиновского р-нов Нижегородской обл.; по трассе межпоселкового газопровода к п. Уста в Уренском р-не Нижегородской обл.; расширения ЕСГ для подачи газа в газопровод «Южный поток» на территории Починковского р-на Нижегородской обл. и Старошойговского, Лямбирского, Рузовского р-нов Республики Мордовия в 2011 г. № 33703.

Бейлекчи В.В., А-2011б. Отчет «Проведение археологических разведок в Нижегородской обл. на участках строительства ВОЛС «Лысково–Сергач–Лукоянов, Кстово–Княгинино» в Починковском, Лукояновском, Большеболдинском, Гагинском, Краснооктябрьском, Сеченовском, Сергачском, Княгининском, Большемурашкинском, Лысковском, Кстовском, Шатковском р-нах; ВОЛС «Нижний Новгород–Киров» в Краснобаковском, Семеновском, Борском р-нах; ВОЛС «Кулебаки–Дивеево–Выкса» в Кулебакском, Ардатовском, Выксунском р-нах в 2011 г.». № 33708.

Бейлекчи В.В., А-2012. Отчет «Проведение археологических разведок на участках строительства трасс межпоселковых газопроводов в Арзамасском (и МО Арзамас), Богородском, Краснооктябрьском, Семеновском, Чкаловском муниципальных р-нах Нижегородской обл. в 2012 г.». № 33961.

Березина Н.С., А-2013. Отчёт о проведении археологических разведок на участках проведения строительных и ремонтных работ в г. Нижнем Новгороде и в Богородском районе Нижегородской области в 2013 году. №№ 38741–38743.

Березина Н.С., А-2015. Отчёт о проведении археологических разведок на участках, отведённых под строительство и реконструкцию объектов в Гагинском, Кстовском, Ковернинском районах, в г. Бор и в г. Нижнем Новгороде Нижегородской области в 2015 г. № 49088.

Блинова М.В., А-1979. Отчёт о работе разведочного отряда историко-филологического факультета Горьковского государственного университета в 1979 г. № 7963

Воронин Н.Н., А-1960. Отчёт о раскопках в Горьком в 1960 г. № 2154.

Грибов Н.Н., А-1992. Отчёт о работе разведочного отряда экспедиции Нижегородской археологической службы в бассейне р. Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1992 г. № 17005.

Грибов Н.Н., А-1994. Отчёт о работе экспедиции Нижегородского историко-археологического центра “Регион” в бассейнах рек Кудьмы и Рахмы в пределах Приокского района г. Н-Новгорода и Кстовского района Нижегородской области в 1994 г. №№ 18865, 18866.

Грибов Н.Н., А-1995а. Отчёт об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского ИАЦ “Регион” в 1995 году. №№ 19201, 19202.

Грибов Н.Н., А-1995б. Отчёт о работе экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в бассейне р.Рахмы в пределах Приокского района г.Н-Новгорода и Кстовского района Нижегородской области в 1995 году. № 19205.

Грибов Н.Н., А-1996а. Отчёт о работе экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в Нижегородской области (в г. Н-Новгороде, в его ближайшей округе и на территории административного подчинения г. Саров) в 1996 году. №№ 20075, 20076.

Грибов Н.Н., А-1996б. Отчёт об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского ИАЦ “Регион” в 1996 году. № 20111.

Грибов Н.Н., А-1997а. Отчёт об обследовании зоны строительства во дворах домов по ул. Ульянова в г. Н-Новгороде в 1997 г. № 19835.

Грибов Н.Н., А-1997б. Отчёт об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского ИАЦ “Регион” в 1997 году. № 21905.

Грибов Н.Н., А-1998а. Отчёт об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского ИАЦ “Регион” в 1998 году. №№ 21575, 21576.

Грибов Н.Н., А-1998б. Отчёт о работе разведотряда экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в Кстовском и в Дивеевском районах Нижегородской области в 1998 г. №№ 20818, 20819.

Грибов Н.Н., А-1999. Отчёт об охранных раскопках в г. Нижнем Новгороде в переулке Крутом в 1999 г. №№ 22025–22027.

Грибов Н.Н., А-2000. Отчёт об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в 2000 г. №№ 22417, 22418.

Грибов Н.Н., А-2001а. Отчёт об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в 2001 г. №№ 22312, 22313.

Грибов Н.Н., А-2001б. Отчёт об охранных археологических работах в г. Н. Новгороде на строительной площадке по ул. Горького (у д. № 226) в 2001 г. № 22508.

Грибов Н.Н., А-2001в. Отчет об археологической разведке в Кстовском и Дивеевском районах Нижегородской области в 2001 г. № 22309.

Грибов Н.Н., А-2002а. Отчёт об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в 2002 г. № 22850.

Грибов Н.Н., А-2002б. Отчет об археологической разведке в Дальнеконстантиновском, Кстовском и Большемурашкинском р-нах Нижегородской обл. в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22853.

Грибов Н.Н., А-2003а. Отчёт об археологических раскопках городища Городок в г. Н-Новгороде в 2003 году. № 25692.

Грибов Н.Н., А-2003б. Отчёт об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в 2003 году. № 25690.

Грибов Н.Н., А-2003в. Отчет об археологической разведке в Дальнеконстантиновском и Богородском районах Нижегородской области в 2003 г. № 25701.

Грибов Н.Н., А-2004а. Отчёт об археологических раскопках городища Городок в г. Н-Новгороде в 2004 году. №№ 33041, 33042.

Грибов Н.Н., А-2004б. Отчёт об археологической разведке на территории Нижегородского района г. Нижнего Новгорода, в Богородском и Кстовском районах Нижегородской области в 2004 году. № 32582.

Грибов Н.Н., А-2005а. Отчёт об археологических раскопках на селище Копнино-3 в Богородском районе Нижегородской области в 2005 году. №№ 34594, 34595.

Грибов Н.Н., А-2005б. Отчет об археологической разведке на территории Павловского р-на Нижегородской обл. в 2005 г. № 34596.

Грибов Н.Н., А-2005в. Отчет об археологических раскопках на поселении Доскино-10 в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2005 г. №№ 34597, 34698.

Грибов Н.Н., А-2006а. Отчёт об археологических раскопках на селище Бешенцево-3 в Приокском районе г. Нижнего Новгорода в 2006 году. № 29218.

Грибов Н.Н., А-2006б. Отчёт об археологической разведке в Богородском, Павловском и Кстовском районах Нижегородской области в 2006 году. № 29221.

Грибов Н.Н., А-2006в. Отчет об археологических раскопках на селище Копнино-1 в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2006 г. № 29221.

Грибов Н.Н., А-2007а. Отчёт об археологических раскопках на селище Бешенцево-3 в Приокском районе г. Нижнего Новгорода в 2007 году. №№ 31150, 31151.

Грибов Н.Н., А-2007б. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Кстовском, Богородском, Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2007 году. № 31149.

Грибов Н.Н., А-2007в. Отчёт об археологических раскопках на территории 22 квартала г. Владимира в 2007 году (раскоп №1). №№ 31147, 31148.

Грибов Н.Н., А-2008а. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш-4 Пильнинского района Нижегородской области в 2008 г. № 33497.

Грибов Н.Н., А-2008б. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Кстовском, Богородском, Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 г. №№ 33498, 33499.

Грибов Н.Н., А-2008в. Отчёт об археологических раскопках на селище Бешенцево-3 в Приокском районе г. Нижнего Новгорода в 2008 году. № 33496.

Грибов Н.Н., А-2009а. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш-4 Пильнинского района Нижегородской области в 2009 г. № 31324.

Грибов Н.Н., А-2009б. Отчёт об археологических раскопках на селище Бешенцево-3 в Приокском районе г. Нижнего Новгорода в 2009 году. №№ 31322, 31323.

Грибов Н.Н., А-2009в. Отчёт об археологической разведке в Приокском, Советском, Нижегородском районах г. Нижнего Новгорода, в Кстовском, Богородском, Лысковском и Пильнинском районах Нижегородской области в 2009 году. № 31268.

Грибов Н.Н., А-2010. Отчёт об археологической разведке в Богородском, Павловском и Большемурашкинском районах Нижегородской области в 2010 году. №№ 29926, 29927.

Грибов Н.Н., А-2011а. Отчёт об археологической разведке в Богородском и Павловском районах Нижегородской области в 2011 г. № 29576.

Грибов Н.Н., А-2011б. Отчет об археологической разведке на участках, подлежащих затоплению в результате подъема уровня Чебоксарской ГЭС на р. Волга в Кстовском р-не Нижегородской обл. в 2011 г. №№ 29577–29582.

Грибов Н.Н., А-2012. Отчет об археологической разведке в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2012 г. № 34253.

Грибов Н.Н., А-2014. Отчёт об археологической разведке в Богородском районе Нижегородской области в 2014 г. № 42018.

Губайдуллин А.М., А-2007. Отчёт об археологических охранно-спасательных раскопках на территории Нижегородского Кремля в здании Арсенала, раскоп 1, оси 1-2, 2-3 в 2007 г. № 47214.

Гусева Т.В., А-1988. Отчёт об археологических работах в исторической части Нижнего Новгорода в 1988 г. № 12941.

Гусева Т.В., А-1989. Отчёт об археологических работах в исторической части г. Горького в 1989 г. №№ 14060, 14061,14062.

Гусева Т.В., А-1991. Отчёт о работе Нижегородской археологической службы в 1991 году. Том I. №№ 16430, 16431.

Гусева Т.В., А-1992. Отчёт о полевых работах в 1992 г. Т. 3. Отчёт Нижегородского отряда (архнадзор в г. Н-Новгороде). № 17002.

Гусева Т.В., А-1993. Отчёт о полевых археологических исследованиях Нижегородской археологической службы в 1993 г. Т. II. № 18467.

Гусева Т.В., А-1995а. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде и Городце в 1995 г. Т. I. Отчёт об охранных археологических работах на участках ремонта теплотрасс в исторической части Нижнего Новгорода. № 19076.

Гусева Т.В., А-1995б. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде и Городце в 1995 г. Т. II. Отчёт о научных археологических исследованиях на котловане строительства по ул. Б. Печёрской, 5. № 19076.

Гусева Т.В., А-1995в. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде и Городце в 1995 г. Т. III. Отчёт о научных археологических исследованиях на котловане строительства в пер. Холодном, 2. № 19078.

Гусева Т.В., А-1995г. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде и Городце в 1995 г. Т. IV. Отчёт о научных археологических исследованиях на котловане строительства домов № 3а и 3б по ул. Студёной. № 19080.

Гусева Т.В., А-1995д. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде и Городце в 1995 г. Т. V. Отчёт об охранных научно-исследовательских археологических работах на участке вскрытия водопровода на Н. Волжской набережной. № 19082.

Гусева Т.В., А-1996. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде и Городце в 1996 г. № 19968.

Гусева Т.В., А-1997. Отчёт об охранных археологических исследованиях в Нижнем Новгороде в 1997 г. № 20999.

Гусева Т.В., А-1998. Отчёт об археологических исследованиях в Нижнем Новгороде в 1998 г. № 21987.

Гусева Т.В., А-1999. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде в 1999 г. № 22514.

Гусева Т.В., А-2001. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде в 2001 г. № 22512.

Гусева Т.В., А-2002. Отчёт об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде и Городце в 2002 г. № 22905.

Данилов П.С., А-2008. Охранные научно-исследовательские археологические работы (раскопки) на участке строительства жилого дома со встроенными помещениями общественного назначения, подземной автостоянкой во дворе домов № 4, 6 по ул. Варварской и Т.П. в Нижегородском р-не г. Нижний Новгород в 2008 г. № 37091.

Дмитриевский С.М., А-1995. Отчёт об археологической разведке на территории и в окрестностях Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря в 1995 г. № 19120.

Дмитриевский С.М., А-1996. Отчёт об археологических исследованиях на территории г. Н-Новгорода в 1996 г. № 20147.

Дмитриевский С.М., А-1997. Отчёт об археологических исследованиях на территории г. Н-Новгорода по ул. Б. Покровка (домовладение № 47) в 1997 г. № 21413.

Дмитриевский С.М., А-1998. Отчёт о проведении археологических исследований на территории г. Нижнего Новгорода в 1998 г. № 22077.

Доманин А.А., А-2004. Отчёт о проведении разведочных работ в Кстовском, Богородском и Павловском районах Нижегородской области в 2004 г. № 26931.

Доманин А.А., А-2006а. Отчёт об археологических работах (археологическому надзору) на участке застройки по адресу: г. Нижний Новгород, Почтовый съезд, 11, в 2006–2007 гг. № 37452.

Доманин А.А., А-2006б. Отчёт об археологических работах (археологическому надзору) на участках застройки в границах ул. Короленко и пер. Гранитном в г. Нижнем Новгороде в 2006–2007 гг. № 37451.

Доманин А.А., А-2012. Отчёт о проведении археологических исследований в зонах объектов строительства в Нижегородском, Советском и Ленинском районах г. Нижнего Новгорода и в Лысковском районе Нижегородской области в 2012 г. № 34415.

Доманин А.А., А-2013. Отчёт о проведении археологических исследований в зоне объектов строительства в Нижегородском районе г. Нижнего Новгорода в 2013 г. № 38946.

Доманин А.А., А-2014. Отчёт об охранных археологических работах (археологических наблюдениях) на участке застройки по адресу: г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, д. 36 по генплану, в 2014 г. № 38947.

Доманин А.А., А-2015. Отчёт о проведении археологических исследований территории в границах улиц М. Ямская, М. Горького, Ильинской и в переулке Плотничном в Нижегородском районе г. Нижнего Новгорода в 2015 г. № 49290.

Ерёмин И.О., А-1994. Археологические исследования при строительных работах на территории Благовещенского монастыря в г. Нижнем Новгороде в 1994 г. № 18059.

Ерёмин И.О., А-1995. Археологические исследования на территории г. Нижнего Новгорода в 1995 г. № 19131.

Ерёмин И.О., А-1996. Отчёт об археологических исследованиях на территории г. Нижнего Новгорода в 1996 г. № 19973.

Ерёмин И.О., А-1997. Отчёт об археологических раскопках на площади Театральной в г. Нижнем Новгороде в 1997 г. №№ 22419–22424.

Еремин И.О., А-2002. Археологические исследования в г. Нижнем Новгороде в 2002 г. № 24122.

Еремин И.О., А-2003а. Археологические исследования в Нижегородской обл. в 2003 г. № 25696.

Еремин И.О., А-2003б. Археологические исследования в г. Нижнем Новгороде в 2003 г. № 24341.

Еремин И.О., А-2004. Археологические исследования в Нижегородской обл. в 2004 г. № 25699.

Еремин И.О., А-2005. Археологические исследования в Нижегородской обл. в 2005 г. № 25715.

Еремин И.О., А-2006. Отчет об историко-архивных и полевых исследованиях при проектировании административного здания в кремле г. Нижнего Новгорода в 2006 г. № 26858.

Жилин М.Г., А-1984. Отчёт Горьковской экспедиции за 1984 г. № 10532.

Жилин М.Г., А-1985. Отчёт Горьковской экспедиции о работах в Дзержинском районе Горьковской области в 1985 г. № 11185.

Жилин М.Г., А-1990. Отчёт Дубненско-Горьковского отряда о раскопках поселений каменного века у д. Окаёмово и разведках в Загорском и Талдомском районах Московской области; о разведках в Горьковской области; о разведках на торфянниках в Тверской области в 1999 г. № 15370.

Жилин М.Г., А-1991. Отчёт о разведочных работах в Нижегородской области в 1991 г. № 15959.

Жилин М.Г., А-1993. Отчёт о работах в Нижегородской области в 1993г. № 18524.

Жилин М.Г., А-1999. Отчёт Верхневолжской экспедиции за 1999 г. № 22049.

Зарубин Ю.В., А-2001. Отчет об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде в 2001 г. № 22507.

Зарубин Ю.В., А-2002. Отчет об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде в 2002 г. № 22883.

Зарубин Ю.В., А-2003. Отчет об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде в 2003 г. № 23962.

Зарубин Ю.В., А-2004. Отчет об охранных археологических работах (археологические полевые работы) при прокладке коммуникаций к зданию УФК в Нижегородском кремле в 2004 г. № 32095.

Зарубин Ю.В., А-2005. Отчет об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде и исторических поселениях Нижегородской обл. в 2005 г. № 27895.

Зеленцова О.В., А-2010. Отчет. Археологические исследования на территории землеотвода под строительство трассы ВОЛС на участке УС Лазарево – УС Мешиха на территории Нижегородской обл., Республики Марий-Эл и Кировской обл. в 2010–2011 гг. № 29726.

Зеленцова О.В., А-2012. Отчет: Научно-исследовательские археологические работы (разведки) на территории Борского, Володарского и Богородского р-нов Нижегородской обл. в 2012 г. № 34500.

Иванова Н.В., А-1996а. Отчёт об археологической разведке на территории б. Дудина монастыря в Богородском районе Нижегородской области в 1996 г. № 19975.

Иванова Н.В., А-1996б. Отчёт об археологическом обследовании зоны строительства по ул. Гоголя в г. Н. Новгороде в 1996 г. № 19984.

Иванова Н.В., А-1997. Отчёт об археологическом обследовании зоны строительства в пер. Ткачёва в г. Н. Новгороде в 1997 г. № 21271.

Иванова Н.В., А-1998. Отчёт об археологическом обследовании двух строительных площадок в исторической части г. Н. Новгорода (по ул. Ульянова и М. Покровской) в 1998 г. № 21909.

Иванова Н.В., А-2000. Отчёт об охранных археологических работах на участке прокладки газопровода по переулку Кожевенному в Н. Новгороде в 2000 г. № 22409.

Иванова Н.В., А-2001а. Отчёт об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на строительных площадках на ул. Горького, Звездинке, Черниговской в 2001 году. № 22518.

Иванова Н.В., А-2001б. Отчёт об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на строительных площадках по ул. Б. Покровская, ул. Кожевенная и ул. Гоголя в 2001 г. № 22519.

Иванова Н.В., А-2002а. Отчёт об археологическом обследовании строительных участков в г. Нижнем Новгороде (на ул. Б. Покровская, Володарского и Б. Печёрская) в 2002 г. № 22846.

Иванова Н.В., А-2002б. Отчёт об археологическом обследовании строительных участков в г. Нижнем Новгороде (на ул. Володарского, Б. Печёрской и Горького) в 2002 г. № 22847.

Иванова Н.В., А-2003. Отчёт об археологическом обследовании строительных участков в г. Нижнем Новгороде (на ул. Обозная и Володарского) в 2003 г. № 25706.

Иванова Н.В., А-2004. Отчет об археологическом обследовании строительных участков в г. Нижнем Новгороде (на улицах Белинского, Костина, Варварской) в 2004 г. № 29104.

Иванова Н.В., А-2005. Отчет об археологическом обследовании строительного участка в г. Н. Новгороде (на ул. Октябрьской, д. № 5) в 2005 г. № 36040.

Иванова Н.В., А-2006а. Отчет об археологическом обследовании поселений Крутец 1 и Крутец 4 в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2006 г. № 29223.

Иванова Н.В., А-2006б. Отчет об археологическом обследовании строительных участков в г. Н. Новгороде (ул. Фрунзе, д. 23; ул. Варварская, д. 15) в 2006 г. № 29220.

Иванова Н.В., А-2006в. Отчет об археологических раскопках на селище Копнино 2, находящемся в зоне влияния строительства автомобильной дороги М–7 «Волга» в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2006 г. № 29222.

Иванова Н.В., А-2007. Отчет об археологическом обследовании строительных участков в г. Н. Новгороде (ул. Б. Покровская, д. 98; ул. Володарского, д. 38А) в 2007 г. № 31155.

Кикеев А.Н., А-1998. Отчёт о проведении работ по археологическому надзору за земляными работами в зонах строительства в г. Нижний Новгород в 1998 г. № 21579.

Кикеев А.Н., А-2000а. Отчёт об охранных археологических работах в Нижегородском кремле в 2000 г. № 22398.

Кикеев А.Н., А-2000б. Отчёт об охранных археологических работах в г. Н. Новгороде в 2000 г. № 22412.

Кикеев А.Н., А-2001. Отчёт об охранных археологических работах в г. Н. Новгороде в 2001 г. № 22510.

Кикеев А.Н., А-2003а. Отчёт об охранных археологических работах в г. Н. Новгороде в 2003 г. № 25708.

Кикеев А.Н., А-2003б. Отчет об охранных археологических работах на участках застройки в г. Нижнем Новгороде по адресу: ул. Минина, 10 в 2003–2004 гг. № 26421.

Кикеев А.Н., А-2004. Отчет об охранных археологических работах на участке застройки в г. Нижнем Новгороде по адресу: ул. Пискунова, 22 в 2004 г. № 26442.

Кикеев А.Н., А-2005. Отчет о проведении археологических разведок на территории Кстовского и Борского р-нов и в г. Чкаловск на ул. Маяковского, 17 Нижегородской обл. в 2005 г. № 40738.

Кирьянов И.А., А-1948. Отчёт об обследовании Георгиевской башни Нижегородского Кремля (1948 г.). № 223.

Кирьянов И.А., А-1949. Отчёт о разведочных работах у стен Горьковского Кремля (1949 г.). № 299.

Кирьянов И.А., А-1952. Отчёт об археологическом исследовании Нижегородского Кремля (1952 г.). № 777.

Кольцов Л.В., А-1978. Отчёт Верхневолжской археологической экспедиции за 1978 г. № 8301.

Коновалова З.С., А-1998. Отчёт об охранных археологических работах в пределах котлована строительства по ул. Ошарской, 16, в Н. Новгороде в 1998 г. № 21986.

Коновалова З.С., А-1999. Отчет об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде в 1999 г. № 22854.

Королёв А.И., А-2011. Архитектурно-археологические исследования Зачатской башни Нижегородского кремля в 2011 г. №№ 40757, 40758.

Кравцов П.Н., А-2009. Отчет о разведочных работах по правому коренному берегу р. Оки в Богородском р-не Нижегородской обл. в 2009 г. № 29834.

Кравцов П.Н., А-2012. Отчет: Археологические исследования на территории Нижегородской обл. и республики Мордовия в 2012 г. № 34676.

Лапшин В.А., А-2001. Отчёт об археологических исследованиях в Нижегородском кремле на участке строительства пристроя к зданию Управления Федерального Казначейства в 2001/2002 гг. №№ 26426–26429.

Лебедева Е.Э., А-2003. Отчёт об археологическом обследовании селища «Городок» в Нижнем Новгороде в 2003 г. № 23763.

Лебедева Е.Э., А-2004. Отчет об охранных археологических работах (полевые археологические работы) на строительных площадках в Нижегородском р-не Нижнего Новгорода в 2004 г. № 26430.

Лебедева Е.Э., А-2007а. Отчёт об охранных полевых работах на площадке строительства во дворе домов № 4 и 6 по ул. Варварской в Нижегородском районе г. Н-Новгорода в 2007 г. № 27053.

Лебедева Е.Э., А-2007б. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на строительной площадке по ул. Минина, 1 в Нижегородском р-не Нижнего Новгорода в 2007 г. № 27050.

Лебедева Е.Э., А-2007в. Отчет об охранных археологических работах на строительных площадках в Нижегородском р-не г. Нижнего Новгорода в 2007 г. № 31157.

Лебедева Е.Э., А-2008а. Отчет об археологических полевых работах в рамках разработки раздела обеспечения сохранности объектов археологического (культурного) наследия исторического поселения Нижний Новгород в границах земельного участка, подлежащего хозяйственному освоению по адресу: Верхне-Волжская набережная, д. 2а в Нижегородском р-не г. Нижнего Новгорода для проектной документации по приспособлению гостиницы «Волжский откос» для современного использования в Нижнем Новгороде в 2008 г. № 33472.

Лебедева Е.Э., А-2008б. Отчет об охранных археологических полевых работах на строительных площадках в Нижегородском р-не г. Нижнего Новгорода в 2008 г. № 37455.

Лебедева Е.Э., А-2009а. Отчет об археологических полевых работах в границах земельного участка, подлежащего хозяйственному освоению по адресу: «Верхне-Волжская набережная, дом 2а в г. Нижнем Новгороде» в 2009 г. №№ 37415–37417.

Лебедева Е.Э., А-2009б. Отчет об археологических разведках в г. Нижнем Новгороде в 2009 г. № 36833.

Маслов А.Н., А-1997. Отчёт об охранных археологических исследованиях в Нижнем Новгороде в 1997г. (обследование селища «Городок»). № 21001.

Маслов А.Н., А-1998. Отчёт об археологическом обследовании исторической части г. Н-Новгорода в границах улиц Ярославской, М. Ямской и М. Горького, а также на территории Суетинского оврага (Почтового съезда) в г. Н-Новгороде в 1998 г. № 21429.

Матвеева В.И., А-1956. Отчёт об археологических работах в Горьковском Кремле (1956 г.). № 848.

Медведев А.Ф., А-1960. Отчёт об археологических раскопках в Городце на Волге в 1960 году. №№ 2359, 2359а.

Миронос А.А., А-1989. Отчёт о разведочных работах в Кстовском районе Горьковской области в 1989 г. № 14445.

Носкова Л.М., А-1994. Отчёт о работах Нижегородской археологической службы в исторической части Нижнего Новгорода в 1994 г. № 18238.

Носкова Л.М., А-2000. Отчёт об охранных археологических работах в Н.Новгороде в 2000 г. № 22426.

Очеретин И.А., А-1994. Отчет о проведении охранных археологических раскопок на территории Нижегородского края в 1994 г. № 18417.

Очеретин И.А., А-1995. Отчет о проведении археологических исследований в зоне строительства на ул. Ульянова г. Нижнего Новгорода в 1995 г. № 22678-2.

Очеретин И.А., А-1996. Отчет об археологических работах в исторической части г. Нижнего Новгорода в 1996 г. № 21359-2.

Очеретин И.А., А-1998. Отчет о проведении археологических исследований в исторической части Нижнего Новгорода в 1998 г. № 36034.

Очеретина С.В., А-2001. Отчет об археологических исследованиях на территории г. Нижнего Новгорода в 2001 г. № 22505.

Очеретина С.В., А-2002. Отчет о проведении археологических работ в исторической части Нижнего Новгорода в 2002 г. № 22855.

Очеретина С.В., А-2005. Отчет о проведении археологических исследований в исторической части Нижнего Новгорода в 2005 г. № 26441.

Очеретина С.В., А-2006. Отчёт о проведении археологических исследований в исторической части Нижнего Новгорода по ул. Ковалихинской, 6–8, в 2011 г. № 29121.

Очеретина С.В., А-2011. Отчёт об археологических работах в зоне строительства административного здания по пер. Могилевича и пер. Ткачёва №№ 5–7 (по генеральному плану г. Нижнего Новгорода) в г. Нижнем Новгороде в 2011 г. № 30770.

Очеретина С.В., А-2014. Отчёт об археологических работах в зоне строительства гостиницы с подземной автостоянкой и встроенной трансформаторной подстанцией по адресу: г. Нижний Новгород, Нижегородский район, ул. Алексеевская, дд. 9Б, 9Д, 13Б, у дома 13Б в 2014 г. №№ 45308, 45309.

Очеретина С.В., А-2015. Отчёт об археологических работах в зоне строительства жилого дома с помещениями общественного назначения и автостоянкой у дома № 4 на пл. Минина и Пожарского в Нижегородском районе г. Нижнего Новгорода в 2015 г. №№ 52946–58949.

Ошибкина С.В., А-1969. Отчёт о работе I Горьковского отряда ЧАЭ в низовье р. Оки в 1969 г. № 3981.

Пигарев Е.М., А-2008. Отчет об охранных археологических раскопках в Нижегородском кремле в 2008 г. № 33627.

Рогачёв А.Ю., А-1979. Отчёт о результатах разведки отряда археологической экспедиции историко-филологического факультета Горьковского государственного университета по правому берегу р. Оки от г. Павлова до д. Пруды Павловского района Горьковской области в 1979 г. № 7889.

Сафонов Б.А., А-1947. Отчёт об археологической работе в 1947 г. в Горьковской области и в Гороховецком районе Владимирской области. № 100.

Сафонов Б.А., А-1948. Отчёт об археологической разведке в 1948 г. в Горьковской области. № 250.

Сафонов Б.А., А-1949. Отчёт о производстве археологичесских разведок в 1949 г. на территории Горьковской области в южной Приокской части Волго-Окской (Балахнинской) низины. № 318.

Сафонов Б.А., А-1950. Отчёт о произведённой в 1950 г. археологической разведке на территории Горьковской области. № 442.

Сафонов Б.А., А-1951. Отчёт об археологических работах Дзержинского музея в 1951 г. № 626.

Сергина Т.В., А-2013а. Отчёт об охранных археологических работах на площадке под строительство храма-часовни на ул. Пожарского в Нижегородском районе г. Нижнего Новгорода в 2013 г. №№ 46434–46437.

Сергина Т.В., А-2013б. Отчёт об охранных археологических полевых работах в режиме «археологическая разведка» на площадке под строительство гостиничного комплекса с крытой котельной и подземной автостоянкой по адресу: ул. Алексеевская, д. 6/16 в Нижегородском районе г. Нижнего Новгорода в 2013 г. № 36221.

Солнцев Н.И., А-1991. Отчёт о разведке в зоне затопления Чебоксарского водохранилища в 1991 г. № 16367.

Сорокин А.Н., А-1999. Отчёт о раскопках в Сергиев-Посадском районе Московской области и разведках в Нижегородской области в 1999 году. № 22050.

Сорокин А.Н., А-2002. Отчёт об исследовании памятников Заболотского торфяника в Сергиев-Посадском районе Московской области и разведках в Нижегородской области в 2002 году. № 22819.

Тамбова С.Ю., А-2003. Отчёт о научно-исследовательской работе: «Археологические исследования по трассе проектируемого нефтепродуктопровода «Кстово-Ярославль-Кириши-Приморск» на территории Кстовского, Богородского и Павловского районов Нижегородской области в 2003 г. № б/н[1].

Фехнер М.В., А-1951. Отчёт об обследовании ряда славянских селищ в Богородском и Павловском районах Горьковской области в 1951г. № 561.

Флягин В.А., А-1988. Отчёт о разведке в бассейне рек Кудьмы и Озёрки в 1988 г. № 13399.

Флягин В.А., А-1992. Отчёт об археологической разведке в Богородском районе Нижегородской области (бассейн Оки) в 1992 г. № 22516.

Хамзин Р.Н., А-2008. Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях в г. Нижний Новгород на ул. Рождественская, 22 за 2008 г. № б/н[2].

Черников В.Ф., А-1959. Отчёт третьего отряда Горьковской археологической экспедиции в 1959 г. №№ 1990, 1990А.

Черников В.Ф., А-1964. Отчёт об археологическом обследовании в г. Горьком (1964 г.). №№ 2936, 2936А.

Черников В.Ф., А-1969. Отчёт о раскопках поселения Шава II и селищ Шава Iа и Iб в 1969 г. №№ 4871, 4871А.

Черников В.Ф., А-1973. Отчёт об археологических исследованиях в г. Горьком и Горьковской области в 1973 г. № 5104.

Черников В.Ф., А-1974. Отчёт об исследовании Желтухинского могильника в Горьковской области в 1974 г. № 6070.

Черников В.Ф., А-1977. Отчёт об археологическом исследовании в г. Горьком (1977 г.). № 6781.

Черников В.Ф., А-1978. Отчёт об археологическом исследовании в г. Горьком (1978 г.). № 7318.

Черников В.Ф., А-1979. Отчёт об археологическом исследовании в г. Горьком (1979 г.). № 7535.

Черников В.Ф., А-1980. Отчёт о раскопках стоянки Ореховец I и археологических наблюдениях в г. Горьком в 1980 г. №№ 8382, 8382а.

Четвертаков Е.В., А-2008а. Отчет об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде в 2008 г. № 31362.

Четвертаков Е.В., А-2008б. Отчет об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на ул. Грузинской у д. № 30 в 2008 г. № 31361.

Четвертаков Е.В., А-2009а. Отчет об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на территории кремля у здания Арсенала в 2009 г. №№ 46735, 46736.

Четвертаков Е.В., А-2009б. Отчет об охранных археологических работах на территории Нижегородской области в 2009 г. № 37276.

Четвертаков Е.В., А-2010а. Отчет об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на территории кремля в 2010 г. № 29922.

Четвертаков Е.В., А-2010б. Отчет об охранных археологических работах на территории Нижегородской области в 2010 г. № 29921.

Четвертаков Е.В., А-2011. Отчет об охранных археологических работах на территории Нижегородской области в 2011 г. №№ 30926, 30927.

Четвертаков Е.В., А-2012. Отчет об охранных археологических работах на территории Нижегородской области в 2012 г. №№ 35798, 35799.

Четвертаков Е.В., А-2013а. Отчет об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на ул. Почаинской в 2013 г. № 46181.

Четвертаков Е.В., А-2013б. Отчет об охранных археологических работах на территории Нижегородской области в 2013 г. № 46180.

Четвертаков Е.В., А-2015. Отчет об охранных археологических работах в исторической части г. Нижнего Новгорода в 2015 г. № 50438.

Шакулова Л.Д., А-2003. Отчёт о проведении археологических работ в зоне строительства дома по ул. Ульянова в г. Н-Новгороде в 2003 г. №№ 24357–24359.

Яблоков М.А., А-2008. Отчет об археологической разведке в округе д. Ефимьево Богородского р-на Нижегородской обл. в 2008 г. № 31329.

Рукописный архив Института истории материальной культуры
(Архив ИИМК, г. С.Петербург)

Ф. 1. 1867. № 18. Л. 1-6. О находке в реке Алатырь около Мантуровской мельницы 42 серебряных золотоордынских монет XIV в. с описью.

Ф. 1. 1867. № 18. Л. 5–9. О находке в 1867 г. в дер. Кубаево при рытье ямы 3 серебряных слитков, 800 русских серебряных монет Василия Тёмного и 88 золотоордынских монет 1310–1379 гг. с описью. Дела Археологической комиссии.

[1] На январь 2017 г. номер данному отчёту в архиве ИА РАН не присвоен.

[2] На январь 2017 г. номер данному отчёту в архиве ИА РАН не присвоен.

Ф.1. 1869. № 35. Л.12. Нижегородская губерния. Княгининский уезд. Находка золотоордынских монет и железного замка 1883 г.

Ф.1. 1883. № 28. Л. 12–19. Находка монет у д. Андреевка Княгининского уезда Нижегородской губернии.

Ф. 1. 1895. № 293. Л. 25–26. О находке золотоордынских серебряных монет XIV в., найденных близ с. Б. Уда Сергачского уезда Нижегородской губернии.

Ф.1. 1895 г. № 293. Л. 453об, 454. Нижегородская губерния. Сергачский уезд, с. Ветошкино. 1909 г. Находка монет.

Ф.1. 1900 г. № 152. Л.2–5, 8. О находке русско-татарских монет XIV в., найденных в 1900 г. на Моховых горах близ Нижнего Новгорода в Нижегородской губернии.

Ф. 2. Оп. 1. № 189 (1937 г.). Алихова А.Е. Отчёт о работах Мордовской экспедиции ГИМ. Работы в г. Горьком и Наровчате Куйбышевской области.

Ф. 2. Оп. 1. № 259. Ч. III. Материалы к изданию отчётов за 1937–1939 гг.

Ф. 2. Оп. 1. № 260. Ч. IV. Материалы к изданию отчётов за 1937–1939 гг.

Ф. 35. Оп. 1. № 62. Тихомирова В.А. Работы в Горьковской области. 1938 г.

Российский Государственный исторический архив
(РГИА, г. С.-Петербург)

Ф.1293. Оп.168 (Нижегородская губерния). Ед. хр.4. План г. Н-Новгорода 1769 г.

Ф.1293. Оп.168 (Нижегородская губерния). Ед. хр.7-б. План г. Н-Новгорода 1770 г.

Ф. 1399. Оп. 1. Ед. хр. 528. План Нижегородской каменной крепости (XVIII в.).

Ф.1293. Оп.167 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 3. Геометрический план г. Н-Новгорода 1802 г.

Ф.1293. Оп.167 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 4. Геометрический план г. Н-Новгорода 1804 г.

Ф. 1289. Оп. 15. Ед. хр. 226. Л. 1. Генеральный план г. Н-Новгорода 1881 г.

Российский государственный архив Древних актов
(РГАДА, г. Москва)

Ф. 1356. Оп.1. Ед. хр. 2743. Генерального плана Нижегородского уезда часть II (сочинённая землемером титулярным советником Дмитрием Ястребовым, двухвёрстка) 1791 г.

Библиотека Академии Наук (Рукописный отдел)
(БАН, г. С.Петербург)

№ 495. Карта Нижегородского уезда (с частью Балахнинского) 1732 г.

Российский государственный военно-исторический архив
(РГВИА, г. Москва)

Фонд ВУА (военно-учёный архив). № 22224. План Нижегородской крепости с фасадами стен и башен, и с изъяснением 1798 г.

Архив Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника
(Архив НГИАМЗ, г. Нижний Новгород)

Всп. 999. Полка 31. Папка 53. План строений на месте Дома Советов. Наблюдения и обмер проводил студент ЛГУ С.В. Демьянов.

Археологические отчёты. Шакиров З.Г. (АО. Шакиров) Экспресс отчёт об археологических охранно-спасательных раскопках на территории Нижегородского кремля в здании Арсенала, раскоп II, оси 3-10, в 2008 году.

Архив Управления государственной охраны культурного наследия Нижегородской области
(Архив УГОКННО, г. Нижний Новгород)

Паспорт «Нижний Новгород», 2009. – Паспорт на объект культурного наследия – памятник археологии «Культурный слой города Нижнего Новгорода». Автор-составитель Ануфриева И.В.; Нижний Новгород, 2009.

Паспорт «Городок», 2009. – Паспорт на объект культурного наследия – памятник археологии «Нижний Новгород. Городище «Городок» (Нижний Новгород. Городище; Старый Городок)». Автор-составитель Грибов Н.Н.; Нижний Новгород, 2009.

Издания картографических материалов

План губернского города…, 1992. – План губернского города Нижняго-Новгорода Нижегородской губернии снят запасным землемером Медведевым и классным топографом Лебедевым (съёмка 1848-49гг.). Нижний Новгород: ВГЦ МАГП (переиздание), 1992.

ТК СССР. – Топографическая карта СССР масштаба 1:100000 съёмки 1953–60 гг., обновлённой в 1984–85 гг.; издание 1987 г. Листы O-38-136, O-38-137, N-38-006.

ЛИТЕРАТУРА

Агафонов С.Л., 1960. Новые исследования укреплений Нижегородского кремля // Архитектурное наследство. Сборник 12. М. С. 83–94.

Агафонов А.С., 1971. Нижегородский кремль // Архитектура СССР. № 1. С. 56–60.

Агафонов А.С., 1976. Нижегородский кремль. Архитектура, история, реставрация. Горький.

Агафонов С.Л., 1987. Горький, Балахна, Макарьев. Горький.

Агафонов С.Л., 2008. Нижегородский кремль. Нижний Новгород.

Алексеев А.В., 2007. Новые исследования в округе Звенигорода. Опыт локализации географической номенклатуры разъезжей грамоты 1504 года // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3. М. С. 332–344.

Алексеев А.В., 2008. Церковные древности Звенигородской земли. Очерки церковной археологии. Москва – Звенигород.

Алексеев С.И., Комаров К.И., Леонтьев А.Е., Ошибкина В., Рябинин Е.А., 1997. Археология Костромского края. Кострома.

Алексеев Ю.Г., 2007. Походы русских войск при Иване III. СПб.

Алихова А.Е., 1948. Старосотенский могильник // Археологический сборник. Т.1. Саранск. С. 212–258.

Алихова А.Е., 1959а. Из истории мордвы конца I-го – начала II тыс. н.э. / Из древней и средневековой истории мордовского народа // Археологический сборник. Т.2. Саранск. С. 13–54.

Алихова А.Е., 1959б. Эрзянский могильник XIV века у с. Гагино / Из древней и средневековой истории мордовского народа // Археологический сборник. Т.2. Саранск. С. 169–194.

Алишев С.Х., 2009. Болгаро-казанские и золотоордынские отношения. Казань.

Амелькин А.О., 2000. Владимир – крепость на Казанской Украине // Клио. № 2 (11). С. 180–188.

Андрианова Л.С., 2010. Работы Сухонско-Кубенской экспедиции в Вологодской области // Археологические открытия 2007 года. М. С. 10–16.

Антипина Е.Е., Грибов Н.Н., 2013. Жизнеобеспечение городища Городок и его

социальный статус в Нижегородской средневековой поселенческой структуре (по археозоологическим данным) // Зоологический журнал. Том 92. № 9. С. 1001–1013.

Антонов А.В., Муштафаров А.В., 2001. Вотчинные архивы Нижегородских духовных корпораций XIV – начала XVII веков // Русский дипломатарий. М. Вып. 7. С. 415–480.

Антропологическая выставка 1879 г. Т. II / Труды антропологического отдела. Т. IV // Известия императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при императорском Московском университете. Т. XXXI. М., 1878–1879.

Ануфриева И.В., 2004. Новые археологические материалы по исторической топографии Нижнего Новгорода // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 22–38.

Ануфриева И.В., 2005. Археологические исследования на территории Нижнего Новгорода во второй половине XIX – середине XX вв. // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 9. Нижний Новгород. С. 35–47.

Ануфриева И.В., 2006. Археологические исследования на площади Минина в городе Нижнем Новгороде в 2005 г. // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 10. Нижний Новгород. С. 36–48.

Ануфриева И.В., Четвертаков Е.В., 2012. Новые археологические материалы по топографии укреплений нижегородского детинца // Культурный слой. Нижний Новгород. С. 11–18.

Анучин С.Б., Черников В.Ф., 1991. Археологические памятники открытые Б.А. Сафоновым // Археология Верхнего Поволжья. Материалы к «Своду памятников истории и культуры РСФСР». Выпуск 1. Нижний Новгород. С. 153–159.

Артемьев А.Р., 1998. Города Псковской земли в XIII–XV веках. Владивосток.

Археологическая карта России. Под редакцией Ю.А. Краснова. Костромская область. Составитель К.И. Комаров. М., 1999.

Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках // Материалы охранных археологических исследований. Т. 12. М., 2009.

Архипов Г.А., 1982. Городища и селища Поветлужья и Горьковского Заволжья (к истории марийско-славянских контактов) / Поселения и жилища Марийского края // Археология и этнография Марийского края. Вып. 6. Йошкар-Ола. С. 5–50.

Арциховский А.В., 1949. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. № 11. М.–Л. С. 119–151.

Базилевич К.В., 1952. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М.

Батюков В.А., 2013. О двух энколпионах, найденных в Нижнем Новгороде в 2011 году // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических статей. Вып. 13. Нижний Новгород. С. 174 – 188.

Батюков В.А., Муренцова Т.Ю., 2013. Датировка некрополя верхнепосадской церкви св. Николая в Нижнем Новгороде на основании ставрографического материала (по итогам раскопок 2011 г.) // Культурный слой. Сборник научных статей. Вып. 2. Нижний Новгород. С. 14–44.

Бектинеев Ш.И., 1994. Денежное обращение Великого княжества Литовского в XIII – XV вв. Минск.

Барышев И.Б., 2001. Костяные резные крестики-тельники из раскопок Переяславля Рязанского // Ставрографический сборник. Книга I. М. С. 307–310.

Бахтин А.Г., 2008. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола.

Беленькая Д.А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси XIII–XV веков // КСИА. Вып. 208. С. 11–19.

Беленькая Д.А., Розанова Л.С., 1988. Ножи с клеймами из Зарядья // Древности славян и Руси. М. С. 18–26.

Белорыбкин Г.Н., 2001. Золотарёвское поселение. СПб.

Беляев Л.А., 1995. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М.

Беляев Л.А., Векслер А.Г., 1996. Археология средневековой Москвы (итоги исследований 1980–1990 гг.) // РА. № 3. С. 106–133.

Беляев Я.В., 1988. Погребальный памятник XI–XIV вв. у с. Старое Бадиково / Материалы по археологии Мордовии // Труды научно-исследовательского института языка, литературы и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 85. Саранск. С.104–117.

Беляев Л.А., 1996. Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.

Беляева О.К., 1990. К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих политических сочинениях первой четверти XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск. С. 9–15.

Беляева С.А., 1982. Южнорусские земли во второй половине XIII – XIV в. Киев.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.

Бобринский А.А., 1988. Функциональные части в составе ёмкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев. С. 5–21.

Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2009. Археологические исследования погоста XV–XVI веков у села Рождествено Одинцовского района Московской области // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 5. М. С. 281–326.

Богословский М.М., 1909. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. Т. 1. М.

Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии. М. С. 33–40.

Бойцов И.А., 1992. К вопросу о росте Москвы в XII – первой половине XV в. // Вестник Московского Университета, серия 8. М. С. 89–95.

Бойцов И.А., 1999. Красноглиняная керамика XV–XVI вв. из Большого Гнездниковского переулка (Москва) // РА. № 1. С. 152–163.

Болдин И.В., 2003. Сопоставление датировки позднесредневековой керамики Верхнего Подонья и Верхнего Поочья (По морфологическим признакам) // Куликово Поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История: сборник статей в двух томах. Том 2. Археология. История, этнография, искусствоведение. Тула. С. 89–95.

Борисов Н.С., 2004. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света: Россия в 1492 году от Рождества Христова, или в 7000 году от Сотворения мира. М.

Буганов В.И., 1976. Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники. 1976. М.Н. Тихомиров и летописеведение. М. С. 283–293.

Буланкин С.Н., Гонячный М.И., Ковалевский В.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2008. Средневековое селище Захарово 1 на реке Беляна // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 4. М. С. 242–266.

Буров В.А., 2003. Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М.

Варфоломеева Т.С., 1994. Металлические детали кожаных футляров XI–XV вв. из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 26–28 января 1994 г.). Вып. 8. Новгород. С. 166–182.

Вельяминов-Зернов В.В., 1863. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб. Ч. I.

Вернадский Г.В., 1997. Монголы и Русь. М.; Тверь.

Веселовский С.Б., 1947. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.–Л.

Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю., 1998. Городище Холки на юго-восточной окраине древнерусского государства // Вопросы истории славян. Археология. Этнография. Сборник научных трудов. Вып. 12. Воронеж. С. 50–71.

Виногродская Л.И., 1990. Некоторые типы керамики Чернигово-Северской земли второй половины XIII–XV вв. // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Киев. С. 96–99.

Вихляев В.И., 2000. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск.

Вишневский В.И., 2013. Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря: анализ и хронология // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М. С. 125–139.

Водарский Я.Е., 1973. Население России за 400 лет: XVI – начало XX в. М.

Воронцов А.М., Фомин К.Н., 2009. Комплекс постройки XVI в. из Тульского кремля // Позднесредневековый город II: Археология. История: Материалы II Всероссийского семинара. Тула, ноябрь, 2007. Тула. С. 19–34.

Всехсвятский С.К., 1958. Физические характеристики комет. М.

Гайдуков П.Г., 1992а. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.

Гайдуков П.Г., 1992б. Медные монеты Нижегородского княжества // Городецкие чтения (материалы научной конференции). Городец. С. 20–26.

Гайдуков П.Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М.

Гайдуков П.Г., 2006. Русские полуденги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв. М.

Гациский А.С., 1875. Нижегородка. Путеводитель и указатель по Нижнему Новгороду и нижегородской ярмарке. Нижний Новгород.

Генинг В.Ф., 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. №1. С. 114–136.

Глазунова О.Н., 2009. Керамика кухонная, тарная и столовая / Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках // Материалы охранных археологических исследований. Т. 12. М. С. 130–141.

Гневушев А.М., 1915. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Т. 1. Ч. 1. Киев.

Гнутова С.В., Зотова Е.Я., 2000. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литьё XI – начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублёва. М.

Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.

Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.

Гоняный М.И., 2005. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М. С. 85–100.

Гоняный М.И., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2005. Предварительные итоги археологического исследования средневекового поселения Котово 1 в Истринском районе Московской области // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 2. М. С. 184–210.

Гордеев В.И., Павленко Ю.А., 2004. Малый город Поволжья в позднем средневековье. Йошкар-Ола.

Горский А.А., 2004. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV в. // Средневековая Русь. Вып. 4. М. С. 140–170.

Горский А.А., 2005. Москва и Орда. М.

Горюнова Е.И., 1948. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Т.1. Саранск. С. 6–55.

Греков И.Б., 1975. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М.

Грибов Н.Н., 1996. Материалы к археологической карте Нижегородской округи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 11–21.

Грибов Н.Н., 1997а. Средневековое городище на месте бывшего Саровского монастыря // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. 1. Нижний Новгород. С. 31–58.

Грибов Н.Н., 1997б. О сельском расселении в Нижегородском Поволжье в период XII – начала XV веков по данным археологии // Нижегородский альманах. Выпуск II. Нижний Новгород. С. 102–107.

Грибов Н.Н., 2000. Структура русского расселения в Нижегородском Поволжье на рубеже XIV–XV вв. // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 41–73.

Грибов Н.Н., 2001. Гончарные клейма селища Ближнее Константиново-1 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 38–55.

Грибов Н.Н., 2003. Операционно-морфологическая систематизация венчиков древнерусской керамической посуды // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 16–32.

Грибов Н.Н., 2004. Охранные раскопки средневековых поселений в окрестностях Нижнего Новгорода // Археологические открытия 2003 года. М. С. 119–120.

Грибов Н.Н., 2005а. Русское городище второй половины XV в. из Нижегородской округи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 69–82.

Грибов Н.Н., 2005б. Исследования в Нижнем Новгороде и его округе // Археологические открытия 2004 года. М. С. 121–122.

Грибов Н.Н., 2006. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 62–91.

Грибов Н.Н., 2007а. Нижегородская округа: итоги и перспективы изучения // КСИА. Вып. 221. М. С. 112–121.

Грибов Н.Н., 2007б. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII – XIV вв. на окраине Нижнего Новгорода // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 1. М. С. 58–67.

Грибов Н.Н., 2008а. Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // Сельская Русь в IX–XVI веках. М. С. 253–264.

Грибов Н.Н., 2008б. Древнерусский Городец-на-Волге в контексте археологических исследований // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 26–54.

Грибов Н.Н., 2009. Позднесредневековая белоглиняная керамика из Нижнего Новгорода // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 5. М. С. 327–339.

Грибов Н.Н., 2012. Отложения в котлованах построек: характерные структуры, их выделение, интерпретация // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 8. М. С. 155–165.

Грибов Н.Н.. Ахметгалин Ф.А., 2013. Западное порубежье Болгарского улуса Золотой Орды (по материалам левобережных памятников Нижнего Посурья) // Поволжская археология. №4 (6). Казань. С. 79–95.

Грибов Н.Н., Иванова Н.В., 2001. Каменная иконка из Нижнего Новгорода // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 55–64.

Грибов Н.Н., Лапшин В.А., 2008. Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках // Археологические вести. № 15. М. С. 141–156.

Грибов Н.Н., Цепкин Е.А., 2004. Рыболовный промысел в окрестностях Нижнего Новгорода в средние века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 71–95.

Гриценко Т.А., Пуцко В.Г., 2000. Русская металлопластика с Куликова Поля // Куликово Поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула. С. 208–222.

Гришаков В.В., 1992. Керамика XIV–XVI вв. Итяковского городища / Древние поселения Примокшанья // Труды научно-исследовательского института языка, литературы и экономики при правительстве Мордовской ССР. Вып. 104. Саранск. С. 126–142.

Гришаков В.В., 1993. Керамика финно-угорских племён Правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола.

Губайдуллин А.М., Шакиров З.Г., 2010. Исследования на территории Нижегородского кремля, раскоп Арсенал 1 // Археологические открытия 2007 года. М. С. 110.

Гуревич Ф.Д., 1965. Сельское хозяйство и промыслы древнерусского Новогрудка // КСИА. Вып. 104. С. 77–84.

Гуревич Ф.Д., 1981. Поливная керамика Новогрудского детинца // СА. № 4. С. 99–109.

Гусева Т.В., 1992. Итоги и перспективы археологического изучения Городца на Волге // Городецкие чтения (материалы научной конференции). Городец. С. 32–41.

Гусева Т.В., 1996а. Культурный слой Нижнего Новгорода как исторический источник // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 22–48.

Гусева Т.В., 1996б. Археологическое исследование Нижнего Новгорода. Итоги и перспективы // Город славы и верности России. Материалы историко-краеведческой конференции, посвящённой 775-летию Нижнего Новгорода. Нижний Новгород. С. 16–23.

Гусева Т.В., 1997. Городец и Нижний Новгород в свете археологических данных XII–XIII вв. // Проблемы истории и творческое наследие С.И. Архангельского: тезисы докладов. Нижний Новгород. С. 82–84.

Гусева Э.К., 1986. О ранних изображениях Одигитрии в искусстве Древней Руси // Русское искусство XI–XIII вв. М. С. 12–30.

Давыдова А.А., 2001. Березопольский стан Нижегородского уезда в конце XVI – начале XVII века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 115–119.

Даркевич В.П., 1974. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М. С. 19–71.

Даркевич В.П., Борискевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.

Даркевич В.П., Пуцко В.Г., 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. №3. С. 218–232.

Двуреченский О.В, 2004. Изделия из чёрного металла / Средневековое поселение Настасьино // Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. Т.2. М. С. 40–51.

Двуреченский О.В, 2007а. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 3. М. С. 277–331.

Двуреченский О.В, 2007б. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 3. М. С. 254–276.

ДДГ, 1950. М. –Л.

Дмитриевский С.М., 1999. Археологические исследования в Старых Печёрах в 1996 году // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 77–88.

Дмитриевский С.М., 2000. Коллекция нательных крестов из Старопечёрского некрополя // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 73–86.

Дмитриевский С.М., 2001. Охранные исследования в Нижнем Новгороде и Павлове-на-Оке // Археологические открытия 1999 года. М. С. 80, 81.

Дмитриевский С.М., Ерёмин И.О., 1997. Археологические исследования на территории Нижегородского Благовещенского монастыря и прилегающей территории в 1995 году // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 61–65.

Дубов И.В., 1990. Новые источники по истории Древней Руси. Л.

Дубровин Г.Е., 2010. Никитинский раскоп в Новгороде. М.

Дубровина Л.А., 2000. Предисловие к изданию 2000 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 19. История о Казанском царстве. М.С. IV–XXVI.

Евглевский А.В., Потёмкина Т.М., 2000. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Сборник научных статей. Т. 1. Донецк. С. 181–208.

Егоров В.Л., Фёдоров-Давыдов Г.А., 1976. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М. С.108–167.

Екимов Ю.Г., 2006. Чугунные котлы из древнерусского слоя поселения Мельгуново-3 / Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси) // Материалы Всероссийской научной конференции «Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековья)». Рязань, 7–10 сентября 2005 года. Рязань. С. 146–155.

Ельников М.В., 2001. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы // Татарская археология. № 1–2 (8–9). С. 142–187.

Енукова О.Н., 2005. Жилая постройка средневекового г. Рыльска // Куликово Поле и Юго-восточная Русь в XII–XIV вв. Тула. С. 145–158.

Ерёмин И.О., 1994. Новые данные о месторасположении деревоземляных укреплений нижегородского кремля // Памятники истории, культуры и природы Европейской России: тезисы докладов V Всероссийской научной конференции «Проблемы исследования памятников истории, культуры и природы Европейской России». Нижний Новгород. С. 128–129.

Ерёмин И.О., 2012. Зачатская башня Нижегородского кремля. История, археология, реставрация. Нижний Новгород.

Ефимова А.М., 1958. Чёрная металлургия города Болгара // МИА. № 61. Т. 2. М. С. 292–335.

Живопись Пскова, 1974. М.

Загорульский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Минск.

Заидов О.Н., Шеков А.В., 2009. Керамические комплексы средневекового Белева // Позднесредневековый город II: Археология. История: Материалы II Всероссийского семинара. Тула, ноябрь, 2007. Тула. С. 145–176.

Зайцев В.В., 2004. Материалы по русской нумизматике XV в. Киев.

Зайцев В.В., 2006. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев.

Зайцев В.В., 2009. Редкие и неизданные медные русские монеты XIV–XV вв. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3. М. С. 33–60.

Закирова И.А., 1988. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М. С. 220–243.

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.

Зацаринный С.В., 2003. Закрытый комплекс XV в. с Сорокина городища (К вопросу о локализации летописного Алексина) // Куликово Поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История: сборник статей в двух томах. Том 2. Археология. История, этнография, искусствоведение. Тула. С. 96–112.

Зимин А.А., 1972. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.

Зимин А.А., 1991. Витязь на распутье: феодальная война в России XV века. М.

Зимин А.А., Копанев А.И., 1970. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. / Материалы по истории европейского Севера СССР // Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда. С. 432–486.

Зубков В.И., 1952. Гавердовский клад XV века // КСИИМК. Вып. XLI. С. 138–141.

Иванов Ю.Г., 2004. Старинные крепости России. Смоленск.

Иванова М.Г., 1998. Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск.

Иванова Н.В., 2000. Нижегородская глиняная игрушка (по материалам археологических раскопок 1999 г. в Крутом переулке) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 87–93.

Иванова Н.В, 2003. Гончарная керамика Балахны // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 36–48.

Игушев А.Р., Клёнов М.В., Савельева Э.А., 2000. Осадные городки XV–XVII вв. на территории Коми края. Сыктывкар.

Ильин А.А., 1940. Классификация русских удельных монет. Л. Вып. 1.

Ильин А.А., 1974. Два клада Ивана III // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. XI. С. 237–239.

История Европы. Т. 3. От средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII вв. М., 1993.

Казаков Е.П., 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань. С. 94–155.

Казаков Е.П., 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань.

Каптерев Л.М., 1939. Нижегородское Поволжье X–XVI веков. Горький.

Карамзин Н.М., 1989. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. М. Книга вторая. Тома V, VI, VII, VIII.

Кардаш О.В., 2009. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург – Нефтеюганск.

Карпухин А.А., 2007. Опыт применения ГИС для локализации курганных групп Суздальского Ополья, исследованных А.С. Уваровым // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Выпуск 1. М. С. 43–49.

Каштанов С.М., 1970. Очерки русской дипломатики. М.

Каштанов С.М., 1996. Из истории русского средневекового источника (Акты XV–XVI вв.). М.

Кильдюшевский В.И., 2002. Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и её соседи в эпоху средневековья. СПб. С. 5–33.

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л.

Кирпичников А.Н., 1980. Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе – крепости в истоке Невы. Л.

Кирьянов И.А., 1956а. К вопросу о времени основания Нижнего Новгорода. Горький.

Кирьянов И.А., 1956б. Нижегородский Кремль. Очерк истории Кремля в г. Горьком. Горький.

Кирьянов И.А., 1958. Нижегородский кремль. Горький.

Кирьянов И.А., 1961. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький.

Кирьянов И.А., 1968. Нижегородский Кремль. Горький.

Кирьянов И.А., 2001. К истории строительства Нижегородского кремля // Нижегородский кремль. К 500-летию основания каменной крепости – памятника архитектуры XVI века: материалы научной конференции. 13–14 сентября 2000 года. Нижний Новгород. С. 19–24.

Клейн Л.С., 2011. История археологической мысли. В 2 томах. Т. 1. Спб.

Клоков В.Б., Лебедев В.П., 2002. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, г. Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. IV. Нумизматический сборник. Том 3. М. С. 73–165.

Клосс Б.М., 2000. Предисловие к изданию 2000 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 7. Воскресенская летопись. М. С. 4–6.

Клосс Б.М., 2004. Предисловие к изданию 2004 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись. М. С. III–VI.

Клосс Б.М., 2006. Предисловие к изданию 2006 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М. С. V–XV.

Кобрин В.Б., 1985. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М.

Ковалевский В.Н., 2001. Термин «полуземлянка» (история появления и использования в современной науке) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк. С. 180–184.

Коваль В.Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии / Археологические памятники Москвы и Подмосковья // Труды Музея истории города Москвы. Вып. 9. М. С. 103–133.

Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. №1. С. 98–109.

Коваль В.Ю., 2002. Предметы вооружения и воинского снаряжения из Ростиславля Рязанского // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь. С. 381–389.

Коваль В.Ю., 2003. Глазурованная керамика из окрестностей Увека // КСИА. Вып. 215. С. 58–69.

Коваль В.Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. М. С. 58–88.

Коваль В.Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово Поле и Юго-восточная Русь в XII–XIV вв. Тула. С. 251–265.

Коваль В.Ю., 2006. Восточная поливная керамика из раскопок Казани // Казань в средние века и ранее новое время. Материалы Всероссийской научной конференции. Казань. С. 23–48.

Коваль В.Ю., 2008. Поливная керамика с рельефным декором на Руси // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Выпуск 4. М. С. 27–32.

Коваль В.Ю., 2010. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М.

Коваль В.Ю., Судаков В.В., 1995. Средневековая восточная керамика из Переяславля Рязанского // Археологические памятники среднего Поочья. Рязань. С. 120–139.

Козлова А.В., 2006. Некоторые восточные традиции украшений XIII–XV вв. в Великом Новгороде // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы LI научного семинара, посвящённого памяти академика В.В. Седова. Псков. С. 221–232.

Козлова А.В., 2007. Металлические украшения и предметы быта восточной традиции X–XV веков из раскопок в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: Материалы LII заседания, посвящённого памяти профессора А.Р. Артемьева. Псков. С. 125–142.

Кокорина Н.А., 1999. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // Татарская археология. № 1–2 (4–5). Казань. С. 77–102.

Кокорина Н.А., 2004. Керамика Камаевского городища конца XIV первой половины XVI вв. (по материалам раскопок 1972–1988 гг.) // Татарская археология. № 1–2 (10–11), 2002–2003. Казань. С. 47–99.

Кокорина Н.А., 2006. Опыт этнической дифференциации так называемой поволжско-финской керамики XIII–XVI вв. // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений. Казань. С. 298–313.

Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г., 1999. Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани // Татарская археология. № 1–2 (4–5). Казань. С. 103–134.

Коломыц Э.Г., 2005. Бореальный экотон и географическая зональность: атлас – монография. М.

Колпакова Ю.В., Салмина Е.В., 2003. Раскопки у церкви Богоявления с Запсковья в городе Пскове в 2001 году: погребальный обряд и инвентарь XVI–XVIII вв. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. С. 63–71.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. № 82. М.; Л.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопкам Новгорода. М. С. 156–177.

*Колызин А.М.,*1998а. Клады и единичные находки московских великокняжеских и удельных монет, чеканенных до 1462 г. // Очерки феодальной России. Вып. 2. М.

Колызин А.М., 1998б. Игрушки и игры XII–XVII вв. (по данным археологических исследований Московского Кремля) // РА. № 2. С. 113–122.

Колызин А.М., 2001. Торговля древней Москвы (XII – середина XV вв.). М.

Королёва Э.В., Харлашов Б.Н., 1994. К вопросу о дворах в средневековом Пскове (по материалам Васильевского раскопа) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков. С. 77–96.

Королёва Э.В., 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып.3. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Т.1. Псков. С. 229–300.

Косточкин В.В., 1962. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI в. М.

Костыгина Л.А. (Новикова), 1996. К изучению косторезного ремесла древней Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып.1. Тверь. С. 181–188.

Костылёва Е.Л., Уткин А.В., 2006. Селище Кожевники «нового» времени на реке Уводь // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М. С. 186–210.

Краснов Ю.А., Каховский В.Ф., 1978. Средневековые Чебоксары. Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. М.

Кренке Н.А., 2009. Комплексы XIV – первой половины XVI века: характеристика объектов, вещевых находок и керамики / Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках // Материалы охранных археологических исследований. Т. 12. М. С. 59–66.

Крыласова И.Б., 2006. Типология и хронология стальных кресал Пермского Предуралья // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). Материалы научной конференции, посвящённой 50-летию Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола. С. 279–291.

Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М., 1985.

Кудряшов К.В., 1999. Рыбный промысел Ростова Великого (X–XIII вв.) // История и культура Ростовской земли 1998. Ростов. С. 40–47.

Куза А.В., 1985. Важнейшие города Руси / Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР с древнейших времён до средневековья в 20 томах. М.

Кузнецов А.А., 2006. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород.

Кулинич Г.С., Фридман Б.И., 1990. Геологические путешествия по Горьковской земле. Горький.

Культура Биляра: булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв., 1985. М.

Кунцевич Г.З., 1905. История о Казанском ханстве или Казанский летописец. СПб.

Курбатов О.А., 2009. «Копейный бой» московской конницы в XV–XVII вв. // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула. С. 161–164.

Кутасов С.Н., Селезнёв А.Б., 2010. Нательные кресты, крестовключённые и крестовидные подвески. М.

Кучкин В.А., 1974. Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII–XIV вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М. С. 234–260.

Кучкин В.А., 1976. О Нижних Новгородах – «старом» и «меньшом» // История СССР. № 5. С. 223–231.

Кучкин В.А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.

Кучкин В.А., 2002. Основание Нижнего Новгорода // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI века: Материалы второй областной научно-практической конференции 5–6 декабря 2001 года. Нижний Новгород. С. 82–97.

Кучкин В.А., 2011. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород.

Кучкин В.А., Флоря Б.Н., 2011. О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород. С. 188–214.

Лазарев В.Н., 1986. История византийской живописи. Т. 1. М.

Лапшин В.А., 2005. Нижегородский кремль по материалам раскопок 2001/2002 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Выпуск 1 (4). Нижний Новгород. С. 89–95.

Лапшин В.А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.

Лапшин В.А., 2010. Комплексы больших построек XIV века из Нижегородского кремля // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб. С. 178–185.

Лапшин В.А., 2012. Датировка нижегородских стеклянных браслетов (по материалам раскопок в Кремле в 2001/02 г.) // Культурный слой. Вып. 1. Н-Новгород. С. 45–50.

Лебедев В.П., Дунин В.Н., 1997. Золотоордынские монеты из находок в Городце на Волге // Древности Нижегородского Поволжья. Сборник статей. Выпуск 2. Нумизматический сборник. Том I. Нижний Новгород. С. 25–47.

Лебедев В.П., Клоков В.Б., 2004. Денежное обращение Сарая и его округи после 1395 г. // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. V. Нумизматический сборник. Том 4. М. С. 23–75.

Лебедева Е.Ю., 2011. Результаты археоботанического анализа образцов из городища Городок // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Выпуск 1. М. С. 223–227.

Лесман Ю.М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. М. С. 29–98.

Лесман Ю.М., 1994. Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвящённой 60-летию археологического изучения Новгорода и 90 – летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского. Новгород, 28 сентября – 2 октября 1992 г. Новгород. С. 187–193.

Липатов А.А., Медникова Е.Ю., Мусин А.Е., Пескова А.А., 2006. Священные вложения древнерусских энколпионов в контексте литургической практики: возможности комплексного анализа // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: памяти Т. Чуковой. СПб. С. 291–308.

Лихачёв Н.П., 1930. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Труды музея палеографии АН СССР. Т. 2. Л.

Лопатин Н.В., 2007. Проблемы изучения керамики Изборска // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: материалы LII заседания, посвящённого памяти проф. А.Р.Артемьева. Псков. С. 217–231.

Лурье Я.С., 1976. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.

Лысенко П.Ф., 1985. Берестье. Минск.

Любомиров П.Г., 1917. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Петроград.

Мавродин В.В., 1945. Образование Древнерусского государства. Л.

Мазуров А.Б., 2002. Гончарный горн XIV в. из раскопок в Коломне // Проблемы истории Московского края. Тезисы докладов третьей региональной научной конференции, посвящённой 855-летию Москвы и Подмосковья (Москва, 26 февраля 2002 года). М. С. 15–17.

Мазуров А.Б., 2003. Эволюция Коломны в XIII–XIV веках: от малого города Древней Руси к домену великого князя московского // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М. С. 83–91.

Макарий (архимандрит), 1999. Памятники церковных древностей. Нижний Новгород.

Макарихин В.П., 1984. Летописные источники по истории Нижнего Новгорода и Нижегородского Поволжья в XIII–XV вв. Горький.

Макарихин В.П., 1985. О титуле великого князя Нижегородского Дмитрия Константиновича в «местных» грамотах XIV века // Верхнее и Среднее Поволжье в период феодализма. Горький. С. 19–23.

Макаров Н.А., 1991. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (погребения с крестами и образками в могильниках Белозёрья и Каргополья) // КСИА. Вып. 205. М. С. 11–20.

Макаров Н.А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П., 2001. Средневековое расселение на Белом Озере. М.

Макаров Л.Д., 1994. Древнерусские памятники среднего течения р. Пижмы / Проблемы средневековой археологии волжских финнов / Проблемы средневековой археологии волжских финнов // Археология и этнография Марийского края. Вып.23. Йошкар-Ола. С. 155–184.

Макаров Л.Д., 1995. Типология и хронология древностей Хлынова // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск. С. 166–189.

Макаров Л.Д., 2001. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск.

Макаров Л.Д., 2006. Связи Вятской земли в XII–XV вв. по археологическим материалам // Finno-Ugrica. № 9, 2005–2006. Казань. С. 131–149.

Макарова Н.В., Суханова Т.В., 2009. Геоморфология. М.

Малыгин П.Д., 1991. Типология и хронология Новоторжской керамики XI–XIV вв. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М. С. 198–216.

Мальм В.А., 1956. Промыслы древнерусской деревни / Очерки истории русской деревни X–XIII вв. // Труды ГИМ. Вып. 32. М. С. 116–129.

Мартяхина А.А., Кузнецов А.А., 2010. Нижегородская «Легенда о Фёдоре Литвиче»: источник или фальсификация? // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). Нижний Новгород. С. 372–385.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.

Медынцева А.А., 1997. Эпиграфика, писала (стили) и церы / Древняя Русь. Быт и культура. // Археология. М., 1997. С. 140–152.

Мельников А.П., 1923. Нижегородская старина. Путеводитель в помощь экскурсантам. Нижний Новгород.

Мельников П.И., 1884. О старом и новомъ городах въ Нижнемъ Новгороде // Труды IV археологического съезда в России. Историческая география и этнография. Т. I. Казань. С. 178–182.

Мец Н.Д., 1962. Некоторые вопросы систематизации монет Суздальско-Нижегородского княжества // Историко-археологический сборник. М. С. 308–318.

Мец Н.Д., 1964. Датировка «денег московских» с изображением розетки // СА. № 3. С. 321–327.

Мец Н.Д., 1974. Монеты великого княжества Московского (1425–1462) // Нумизматический сборник (материалы к сводному каталогу) Ч. 3. М.

Мильчик М.И., 2009. Коломенский кремль в кругу древнерусских крепостей, построенных итальянцами // Коломна и Коломенская земля: история и культура. Коломна. С. 128–146.

Минасян Р.С., 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сборник. Вып. 21. Л.

Михеева А.И., 2006. Керамика поселений памятников Марийского Поволжья XIII–XV вв. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). Материалы научной конференции, посвящённой 50-летию Марийской археологической экспедиции. С. 311–324.

Московская керамика: новые данные по хронологии, 1991. М.

Муравьёва Л.Л., 1983. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV вв. М.

Мухина Т.Ф., 1992. Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. в суздальских археологических коллекциях // Городецкие чтения (материалы научной конференции). Городец. С. 63–68.

Мыськов Е.П., 2002. Керамические комплексы русского посёлка и русского квартала Водянского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград. С. 126–147.

Народы России. Энциклопедия. М., 1994.

Назаров В.Д., 1999. Служилые князья Северо-Восточной Руси // Русский дипломатарий. Вып. 5. М. С. 175–196.

Назаров В.Д., 2001. О докончании князей В.Ю. и Ф.Ю. Шуйских с князем Дмитрием Шемякой // Поволжье в средние века: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Фёдорова-Давыдова (1931–2000). Нижний Новгород. С. 135–141.

Насонов А.Н., 1940. Монголы и Русь. М.

Несин М.А., 2015. Борьба русских войск с татарами Улу-Мухаммеда на территории Нижегородского края в 1445 г. // Нижегородский край в истории России (памяти профессора Н.Ф. Филатова): материалы IV научной конференции 29 апреля 2015 года. Нижний Новгород. С. 116–127.

Нестерова М.Е., 2010. Керамика из построек Тверского кремля по данным дендрохронологии // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. С. 34–47.

Никитин А.В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. Вып. Е1-34. М.

Никитина Т.Б., 1992. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б., 2006. К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // Finno-Ugrica. 2005–2006. № 9. Казань. С. 114–130.

Никитинский И.Ф., 1996. Исследования археологических памятников XIV–XV вв. на верхней Кокшенге // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда.

Николаева Т.В., 1960. Произведения мелкой пластики XIII–XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск.

Николаева Т.В., 1968. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л.

Николаева Т.В., 1971. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. // САИ. Вып. Е1-49. М.

Николаева Т.В., 1976. Прикладное искусство Московской Руси. М.

Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ. Вып. Е1-60. М.

Николаенко Т.Д., 2004. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 1. М.

Николаенко Т.Д., 2005. Нижний Новгород XIII–XV вв. по письменным и археологическим источникам // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 87–129.

Николаенко Т.Д., 2006. Основные этапы развития Нижнего Новгорода в 13–17 веках // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М. С. 323–343.

Николаенко Т.Д., 2008. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 2. М.

Николаенко Т.Д., 2015. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 4. М.

Никольская Т.Н., 1987. Городище Слободка XII–XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. М.

Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.

Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В., 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования). Спб.

Носов К.С., 2009. Русские крепости конца XV–XVII в. СПб.

Оборин В.А., 1976. Раскопки древнего Искора // Археологические открытия 1975 года. М. С. 191.

Оборин В.А., 1981. Раскопки Искорского городища и святилища // Археологические открытия 1980 года. М. С. 147, 148.

Оборин В.А., 1990. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск.

Овчинникова Б.Б., 1994. Писала средневекового Новгорода // Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвящённой 60 – летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского. Новгород, 28 сентября – 2 октября 1992 г. Новгород. С. 83–86.

Орешников А.В., 1896. Русские монеты до 1547 года. М.

Орешников А.В., 1908. Окуловский клад русских денег // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 27. СПб. С. 1–14.

Осипов Д.О., 2006. Обувь Московской земли XII–XVIII вв.: материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М.

Очеретина С.В., 2006. Новые поступления фонда археологии НГИАМЗ (Коллекция находок из раскопок в 2003 г. в Нижнем Новгороде на ул. Ульянова, д. 9) // Сборник статей. Выпуск 1. В трёх веках Русской истории. Нижний Новгород. С. 104–111.

Парийский С.М., 1914. Сообщение о раскопках на территории Кремля в Н-Новгороде / Журнал 153 заседания // Действия НГУАК. Т. XVII. Вып. 1. Нижний Новгород. С. 39–43.

Перетц В.Н., 1933. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья // ИГАИМК. М., 1933. Вып.73. С. 3–55.

Персов Н.Е., Сарачева Т.Г., Солдатёнкова В.В., 2006. Одёжные булавки или височные кольца? Украшения XVI века из Твери // Археологическое изучение центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 года). Липецк. С. 362–366.

Персов Н.Е., Солдатёнкова В.В., 2007. Некоторые итоги изучения одного из средневековых «кварталов» Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 1992–2002 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 6, том II. Материалы III Тверской археологической конференции и 8-го заедания семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь. С. 345–379.

Петрашенко В.А., 2005. Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). Киев.

Петерс Б.Г., 1986. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Петров Н.И., 1915. Альбом достопримечательностей Церковно-Археологического музея при Киевской духовной академии. Киев.

Петров П.Н., 1997. Находки джучидских монет на территории Нижегородской области // Древности Нижегородского Поволжья. Сборник статей. Выпуск 2. Нумизматический сборник. Том I. Нижний Новгород. С. 9–24.

Пичугина Л.Н., Пономарёв С.М., 2001. Кометы и проблема датировки основания каменной крепости Нижегородского кремля // Астрономический календарь на 2002 год. Нижний Новгород. С. 263–267.

Поволяев В., 1867. Начало Казанского царства. М.

Подземная охранная зона исторической территории Рязанского кремля. Рязань, 1995.

Полубояринова М.Д., 1978. Русские в Золотой Орде. М.

Полубояринова М.Д., 1987. Керамика городища Слободка // Никольская Т.И. Городище Слободка XII–XIII вв. М. С. 169–180.

Полубояринова М.Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М. С. 151–219.

Полубояринова М.Д., 1992. Древнерусская керамика Болгара // Древнерусская керамика. М. С. 131–141.

Полубояринова М.Д., 2006. Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре // РА. № 4. С. 152–159.

Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 154–268.

Полякова Г.Ф., 2000. О датировке некоторых типов ювелирных изделий из Волжской Болгарии / Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции // Труды ГИМ. Вып. 122. М. С. 232–236.

Понырко Н.В., 1988. Житие Макария Желтоводского и Унженского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2 (вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 1: А–К. Л. С. 291.

Постников А.В., 1989. Развитие крупномасштабной картографии в России. М.

Преподобный Макарий Желтоводский и Унженский. Молитвы. Житие. Акафист. Нижний Новгород, 2004.

Пресняков А.Е., 1918. Образование Великорусского государства. Пг.

Пудалов Б.М., 2000. Нижегородское Поволжье в первой половине XV века // Городецкие чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 3. Городец. С. 97–102.

Пудалов Б.М., 2001а. Синодик нижегородских князей (опыт реконструкции) // Памятники христианской культуры Нижегородского края: материалы научной конференции. 29–30 марта 2001 года. Нижний Новгород. С. 8–17.

Пудалов Б.М., 2001б. Начало строительства Нижегородского кремля – памятника XVI века (по летописным источникам) // Нижегородский кремль. К 500-летию основания каменной крепости – памятника архитектуры XVI века: материалы научной конференции. 13–14 сентября 2000 года. Нижний Новгород. С. 29–37.

Пудалов Б.М., 2001в. Письменные источники по истории Нижегородского края (XIII – начало XVIII веков). Нижний Новгород.

Пудалов Б.М., 2003. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII вв.). Нижний Новгород.

Пудалов Б.М., 2004. Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII –первая треть XIV в.). Нижний Новгород.

Пудеев А.А., 2014. К вопросу о начальной дате строительства Нижегородского Кремля // Альманах по истории средних веков и раннего Нового времени. Нижний Новгород. С. 175–184.

Пуцко В.Г., 1997. Деревянные резные кресты XV–XVI вв. из ризницы Троице-Сергиевой лавры // II конференция «Города Подмосковья в истории российского предпринимательства и культуры». Серпухов. Декабрь. 1997. Доклады, сообщения, тезисы. Серпухов. С. 121–127.

Пуцко В.Г., 2009. Русская металлопластика XV–XVI вв. из Воротынца // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула. С. 118–129.

Пчелин Н., 2010. Богородское Березополье. Нижний Новгород.

Пырсов Ю.Е., 2002. Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. Казань.

Рабинович М.Г., 1947. Гончарная слобода в Москве // МИА. № 7. М.; Л. С. 55–76.

Рабинович М.Г., 1949. Московская керамика // МИА. № 12. М. С. 37–105.

Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы / Древности Московского кремля // МИА. Вып. 167. М. С. 9–116.

Рабинович М.Г., 1988. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.

Раппопорт П.А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. Вып. 105. М. –Л.

Рикман Э.А., 1953. Новые материалы по топографии древней Твери // КСИИМК. Вып. XLIX. М. С. 39–50.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е 1-39. М.

Романова Е.А., 2009. Поливная посуда XIV–XVI вв. из раскопок в Твери // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции, посвящённой 80-летию академика РАН В.Л. Янина. Новгород, 27–29 января 2009. Вып. 23. Новгород. С. 310–339.

Романченко Н.Ф., 1928. Образцы старицкого медного литья // Материалы по русскому искусству. Художественный отдел ГРМ. Т. 1. Л. С. 37–42.

Руденко К.А., 2000. Металлические котлы Поволжья и Приуралья VIII–XIV вв. / Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции // Труды ГИМ. Вып. 122. М. С. 210–223.

Руденко К.А., 2001а. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань.

Руденко К.А., 2001б. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань.

Руденко К.А., 2003. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии (исследование и каталог). Казань.

Руденко К.А., 2006. Булгарский улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) // Татарская археология. № 1–2 (16–17). Казань. С. 28–137.

Русинов Н.Д., 1973. Этимологические заметки по русской лексике // Лексика, терминология, стили. Горький. С. 49–53.

Русинов Н.Д., 1990. Нижегородский Новгород Старый в общерусском летописании // Тезисы региональной научно-практической конференции «Исторические наименования – память народа». Горький. С. 47–50.

Русинов Н.Д., 1994. Старый городок // Русская ономастика и ономастика России. Словарь. М. С. 214.

Рыбаков Б.А., 1949. Из истории московско-нижегородских отношений в начале XV в. (мощевик княгини Марии 1410 г.) // МИА. Вып. 12. М.; Л. С. 186–191.

Рыбакова О.Е., 2010. Керамический комплекс из постройки XVI в. на юго-восточной окраине Загородского посада г. Твери (по материалам исследований 2000 г.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. С. 55–90.

Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XIII–XIV вв. Л.

Савченкова Л.Л., 1996. Чёрный металл Болгара. Типология // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань. С. 5–88.

Салангин Д.А., 2002. Об одной из этнокультурных групп керамики Вятского края // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск. С. 239–254.

Салмина Е.В., 1994. Рыболовный инвентарь из раскопок в Пскове // Археологическое изучение Пскова. Вып.2. Псков, 1994. С.151–170.

Салмина Е.В., 1996. Возможности реконструкции экологической ситуации по комплексам рыболовного инвентаря (на материалах раскопок в Пскове и Псковской земле) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.10. Новгород, 1996. С.194–200.

Самойлович Н.Г., 2007а. Конюшенный раскоп в Ростове Великом // Материалы охранных археологических исследований. Т. 9. М.

Самойлович Н.Г., 2007б. Охранные раскопки селища Михали в г. Суздале // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 1. М. С. 27–42.

Сарачева Т.Г., 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII–XVI вв. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. Вып. 221. С. 73–88.

Сафаргалиев М.Г., 1996. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М. С. 280–526.

Сафонов Б.А., 1947. Археологическая работа Дзержинского краеведческого музея в 1940–1944 гг. // КСИИМК. Вып. XVII. С. 176–179.

Сахаров А.М., 1959. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М.

Святые земли Русской. Альбом произведений иконописи и прикладного искусства. СПб., 2010.

Седов В.В., 1958. Гончарная печь из раскопок в г. Владимире // КСИИМК. Вып. 72. С. 78–83.

Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.

Село Богородское в XVII веке. Документы и исторический очерк (составители С.М. Ледров, В.Н. Беляева). Нижний Новгород, 2014.

Селезнёв Ф.А., 2014. История Нижегородского края с древнейших времён до конца XVI в. Нижний Новгород.

Селезнёв Ф.А., 2015. Н.Ф. Филатов и историографическая полемика вокруг вопросов об основании Городца и городе-предшественнике Нижнего Новгорода // Нижегородский край в истории России (памяти профессора Н.Ф. Филатова): материалы IV научной конференции 29 апреля 2015 года. Нижний Новгород. С. 130–141.

Семёнов Л.С., 1986. Хронология путешествия Афанасия Никитина // Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л. С. 88–107.

Сенюткин С.Б., 2001. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Нижний Новгород.

Сербина К.Н., 1963. Летописный свод 1518 г. // Вопросы историографии и источниковедения СССР. М.–Л. С. 587–608.

Сингатуллина А.З., 1998. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. (материалы из каталога) // Татарская археология. № 1 (2). Казань. С. 52–87.

Ситдиков А.Г., 2005. Археологическое изучение ханской Казани (материалы исследований Казанского Кремля 1994–2003 гг.) // Татарская археология. № 1–2 (14–15). Казань. С. 24–62.

Ситдиков А.Г., 2006а. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. Казань.

Ситдиков А.Г., 2006б. Волжская торговля в XV–XVI вв. // Татарская археология. № 1–2 (16–17). Казань. С. 170–189.

Ситдиков А.Г., 2010. Торговля Казанского ханства (XV–XVI вв.) // Русь и Восток в IX – XVI веках: новые археологические исследования. М. С. 192–201.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2 (вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 2: Л – Я. Л., 1989.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XXII в.). Часть 2. СПб., 1993.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) в десяти томах. Т. 2. М., 1989.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989.

Смирнова Г.П., 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопов 1951–1954 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 55. М. С. 228–248.

Смирнова Л.И., 1994. Ещё раз о тупых стрелах (К вопросу об охотничьем промысле в средневековом Новгороде) // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 26–28 января 1994 г.). Вып. 8. Новгород. С. 143–156.

Смирнова Л.И., 1999. Проколки. Хронология и функциональное назначение // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 26–28 января 1999 г.). Вып. 13. Новгород. С. 142–162.

Смирнова Л.С., Званцева Т.З., 1991. Церкви Нижнего Новгорода, уничтоженные и уцелевшие. Краткий путеводитель по старому городу. Нижний Новгород.

Снежневский В.И., 1891. Балахонское Усолье // Действия НГУАК. Вып. 11. Нижний Новгород. С. 591–608.

События, случившиеся в Нижнем Новгороде от 1462 до 1600 года // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1846. № 52. С. 205–207.

Солдатёнкова В.В., Персов Н.Е., 2005. К вопросу о бронзолитейном производстве и бытовании некоторых образцов медного литья в одном из кварталов средневековой Твери XV–XVI веков // Ставрографический сборник. Книга III: Крест как личная святыня. М. С. 210–222.

Сорокин А.Н., 1998. Благоустройство усадеб в древнем Новгороде // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М. С. 248–276.

Сочнев Ю.В., 1991. Ещё раз о “старом городке” и времени основания Нижнего Новгорода // Нижегородский край в эпоху феодализма. Нижний Новгород. С. 16–29.

Спасский И.Г., 1970. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л.

Срезневский И.И., 1989. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание 1902 г. Т. II. Ч. 1. М.

Средневековое поселение Настасьино. М., 2004. (Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. Т. 2).

Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьёв Н.М., 2003. Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. М.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф., 2008. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Самара.

Стрикалов И.Ю., 2003. Древнерусская керамика XIII века Старой Рязани и её округи // Русь в XIII веке. Древности тёмного периода. М. С. 372–381.

Судаков В.В., 1996. Изделия из кости из Переяславля Рязанского // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань. С. 159–186.

Судаков В.В., Буланкин В.М., 2005. Культурный слой Переяславля Рязанского // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М. С.241–261.

Судаков В.В., Челяпов В.П., Буланкин В.М., 1997. Переяславль Рязанский (итоги археологических исследований 1979–1995 гг.) / Славянский средневековый город // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. М. С. 371–382.

Сузин М.В., 1949. Ожгибовский монетный клад XIV в. // КСИИМК. Вып. XXIX. С. 112–113.

Сыроватко А.С., Черкасов В.В., 2010. Керамические комплексы XVI в. из Коломны и селища Романовское (о позднесредневековой коломенской традиции гончарного производства) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. С. 91–109.

Творогов О.В., 1970. О Хронографе редакции 1617 г. // ТОДРЛ. Т. 25. М.–Л. С. 162–177.

Тихомиров М.Н., 1952. Список городов дальних и ближних // Исторические записки. Т. 40. М. С. 214–259.

Толстой И.И., 1911. Монеты великого князя Василия Дмитриевича 1389–1425 гг. СПб.

Травкин П.Н., 1992. Находки из плёсских жилищ первой половины XV в. // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 7. Иваново. С. 3–10.

Травкин П.Н., 1996. Раскопки Плёсского музея-заповедника // Археологические открытия 1995 года. М. С. 190–192.

Тропин Н.А., 2004. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж.

Тростьянский О.В., 2009. Монеты Великого княжества Нижегородско-Суздальского 1410–1431 гг. М.

Трофимов И.В., Кирьянов И.А., 1952. Материалы к исследованию Нижегородского кремля / Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. II. Крепостные сооружения Древней Руси // МИА. № 31. С. 319–346.

Уваров А.С., 1908. Каталог собрания древностей графа А.С.Уварова. Отд.VIII–XI. М.

Ульянова Т.Н., 2008. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII веков) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 4. М. С. 195–221.

Халикова Е.А., 1976. Сельские кладбища Волжской Булгарии XII – начала XIII вв. // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань. С. 39–59.

Ханенко Б.И. и В.Н., 1899. Древности русские. Кресты и образки. Киев. Вып.1.

Ханенко Б.И. и В.Н., 1900. Древности русские. Кресты и образки. Киев. Вып.2.

Харитонычев А.Т., 1978. Природа Нижегородского Поволжья. Горький.

Харлашов Б.Н., 1994. Некоторые итоги раскопок на Завеличье // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков. С. 44–76.

Хлебникова Т.А., 1988. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М. С. 7–150.

Хорошев А.С., 1997. Замки, ключи и замочные принадлежности // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М. С. 14–17.

Храмцовский Н.И., 1998. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород.

Хрестоматия по истории. Выпуск 2. Документы и материалы по проблемам русской колонизации Нижегородского Поволжья и основания Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 2001.

Худяков М.Г., 2004. Очерки по истории Казанского ханства. М.

Хухарев В.В., 1994. К вопросу об изображениях святого мученика Никиты, изгоняющего беса на крестах и иконках из Твери // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь. С. 210–215.

Черепнин Л.В., 1960. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М.

Черкасов В.В., 2004. Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII веков в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990–2000 годах) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. М. С. 309–320.

Чернов С.З., 1989. Комплексное исследование русского средневекового ландшафта (экология культурной среды) // История и культура средневекового города. М. С. 168–178.

Чернов С.З., 1991а. К хронологии московской керамики XIII – середины XV вв. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М. С. 20–32.

Чернов С.З., 1991б. К хронологии московской керамики конца XV–XVI в. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М. С. 50–55.

Чернов С.З., 1992. Новые материалы по хронологии московской керамики второй половины XIII–XV в. из раскопок в районе древнего Радонежа // Древнерусская керамика. М. С. 142–169.

Чернов С.З., 2000. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже (по данным археологических исследований 1997–1998 гг.) // СА. №1. С. 63–81.

Чеченков П.В., 1999. К вопросу о местонахождении «старого городка» в Нижнем Новгороде // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов–99». История (МГУ, 23–24 апреля 1999 г.). М. С. 25–27.

Чеченков П.В., 2001а. Интеграция нижегородских земель в политическую систему великого княжества Московского в конце XIV – первой половине XV века // Нижегородский кремль. К 500-летию основания каменной крепости – памятника архитектуры XVI века: материалы научной конференции. 13–14 сентября 2000 года. Нижний Новгород. С. 45–57.

Чеченков П.В., 2001б. Золотая Орда и Нижегородская земля в конце XIV – первой четверти XV вв. // Поволжье в средние века: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова – Давыдова. Нижний Новгород. С. 130–131.

Чеченков П.В., 2002. Нижегородский кремль XIV–XV веков // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI века: Материалы второй областной научно-практической конференции 5–6 декабря 2001 года. Нижний Новгород. С. 111–118.

Чеченков П.В., 2003. Князья суздальского дома в борьбе за власть в Нижегородском великом княжестве // Мининские чтения. Нижний Новгород. С. 89–100.

Чеченков П.В., 2004а. Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород.

Чеченков П.В., 2004б. О земельной политике московских великих князей на Казанском порубежье в середине XV – первой трети XVI в. (на примере Нижегородского уезда) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Выпуск 1 (3). Нижний Новгород. С. 157–168.

Чеченков П.В., 2005а. К вопросу об экономическом развитии Нижегородского края в конце XIV – первой половине XVI века // Нижегородский краеведческий сборник. Т. 1. Нижний Новгород. С. 156–180.

Чеченков П.В., 2005б. Казанское порубежье во внешней политике русского государства первой трети XVI в. // Мининские чтения: труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (29–30 октября 2004 г.). Нижний Новгород. С. 150–165.

Чеченков П.В., 2007а. Пути московской политики в Нижегородском княжестве (первая половина XV в.) // Государство и общество в России XV – начала XX вв. Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб. С. 94–105.

Чеченков П.В., 2007б. Суздальские Рюриковичи и правители Золотой Орды в первой четверти XV в. // Мининские чтения: труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Нижний Новгород. С. 339–354.

Чеченков П.В., 2010. Спорные вопросы истории Нижегородского кремля XIV – начала XVI вв. // Материалы V Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Святыни земли Нижегородской. Нижегородский кремль». Нижний Новгород. С. 13–25.

Чеченков П.В., 2012. Новая песня о «Старом» // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории. Нижний Новгород. С. 5–31.

Чеченков П.В., Кузнецов А.А., 2007. Список 1594 г. правой грамоты 1511 г. из архива нижегородского Печёрского монастыря // Мининские чтения: труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Нижний Новгород. С. 355–376.

Шайдакова М.Я., 2006. Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород.

Шакиров З.Г., Хамзин Р.Н., 2011. Исследования на территории г. Нижнего Новгорода // Археологические открытия 2008 года. М. С. 244–246.

Шапран И.Г., 2002. Традиционный женский костюм марийцев бассейна Вятки XVI – начала XIX в. (по данным археологии) // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск. С. 242–287.

Шеломаев В.П., 1941. Богородский район (прошлое и настоящее). Горький.

Шеляпина Н.С., 1974. Археологическое изучение Московского Кремля (древняя топография и стратиграфия). Канд. Дисс. М., 1974.

Шитов В.Н., 1992. Старокадомское поселение / Древние поселения Примокшанья // Труды научно-исследовательского института языка, литературы и экономики при правительстве Мордовской ССР. Вып. 104. Саранск. С. 104–125.

Шокарев С.Ю., 2000. Фрагмент надгробия и волосник из погребения Марии Мутьянской (1603 г.) / Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Часть третья // Труды Музея истории города Москвы. Вып. 10. М. С. 200–204.

Шомысов Н.М., 1952. Геологические экскурсии в окрестностях города Горького. Горький.

Шостьин Н.А., 1975. Очерки русской метрологии XI–XIX веков. М.

Шполянская Д.В., 2008. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI веков Рождествено 1 (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Выпуск 4. М. С. 267–275.

Шполянский С.В., 2010. Летние печи конца XII–XIII века: конструктивные особенности и место в планировочной структуре малодворных сельских поселений // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Выпуск 6. М. С. 107–124.

Шполянский С.В., 2015. Датирующие находки второй половины XIII – первой половины XV в. из Суздаля и селищ Суздальского Ополья (по материалам археологических исследований последних лет) // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. М., Вологда. С. 199–212.

Штырков С.А., 2012. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах северо-восточной Новгородчины). Спб.

Щегольков Н., 1911. Исторические сведения о городе Арзамасе собранные Николаем Щегольковым. Арзамас.

Щукин М.Б., 1978. Об «узких» и «широких» датировках // Проблемы археологии. Вып. 2. Л. С. 28–33.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1960. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 1. М. С. 94–192.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1987. Статистические методы в археологии. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1989. Монеты Нижегородского княжества. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 2003. Денежное дело Золотой Орды. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М. С. 133–248.

Филатов Н.Ф., 1989. Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке. История. Архитектура. Нижний Новгород.

Филатов Н.Ф., 1994а. Изначалие // Нижегородский край: факты, события, люди. Нижний Новгород. С. 15–27.

Филатов Н.Ф., 1994б. XV век: пора утрат и начало возрождения // Нижегородский край: факты, события, люди. Нижний Новгород. С. 38–44.

Филатов Н.Ф., 1999. Старый городок XII века в устье Оки – предшественник Нижнего Новгорода // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 104–198.

Филатов Н.Ф., 2001. К истории датировки строительства нижегородского каменного кремля // Нижегородский кремль. К 500-летию основания каменной крепости – памятника архитектуры XVI века: материалы научной конференции. 13–14 сентября 2000 года. Нижний Новгород. С. 24–29.

Филатов Н.Ф., 2005. Городец на Волге XII–XIX веков. Нижний Новгород.

Флоренский П.В., Соловьёва М.Н., 1972. Белый камень белокаменных соборов // «Природа». № 9. С. 48–55.

Формозов А.А., 1986. Очерки истории русской археологии. М.

Экземплярский А.В., 1891. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб.

Юшко А.А., 1991. Московская земля IX–XIV веков. М.

Юшко А.А., 1996. Использование археологических данных при решении вопросов исторической географии Московской земли / Археологические памятники Москвы и Подмосковья // Труды музея истории города Москвы. М. Вып.9. С. 97–102.

Янин В.Л., 1998. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV вв. М.

Янин В.Л., 2009. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежного обращения средневекового Новгорода. М.

Янин В.Л., Хорошев А.С., Рыбина Е.А., Сорокин А.Н., Степанов А.М., Покровская Л.В., 2005. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2004 г. (Троицкий XIII и XIV раскопы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Материалы научной конференции: Великий Новгород, 18–20 января 2005). Вып. 19. Великий Новгород. С. 15–22.

Harris C.D., Ullman E.L., 1945. The Nature of Cities //Annals of the American Academy of Political and Social Sciences. Vol. 242. P.7–17.

Mainov V., 1889. Les restes de la mythologie Mordvine // Journal de la Societe Finno-ougrienne. Helsinki. 1889.

Retowski O., 1901. Die Munzen der Girei // Труды Московского нумизматического общества. Т.2. Вып.3. М.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

http://www.opentextnn.ru/history/rushist/dorevigu/gubnn/admter/?id=1285 Приложение к работе Давыдовой А.А. «Границы Нижегородского уезда в конце XVI – XVII вв. и их пространственные изменения. Внутренняя административно-территориальная структура» Карта 3. Населённые пункты Нижегородского уезда к. 16–17 в.: типы, размещение.

http://www.opentextnn.ru/history/rushist/dorevigu/gubnn/admter/?id=1285 Приложение к работе Давыдовой А.А. «Границы Нижегородского уезда в конце XVI – XVII вв. и их пространственные изменения. Внутренняя административно-территориальная структура» Карта 3. Населённые пункты Нижегородского уезда к. 16–17 в.: типы, размещение.

http://www.cry.ru/2005/12/16/news/217965/

http://www.novdelo.ru/index.php?nav=nnews&viewart=54966

О частоте оползней в Нижнем Новгороде.

http://www.opentextnn.ru/space/nn/kremlin/?id=4304

Чеченков П.В. Крепостные сооружения Нижнего Новгорода XIV – начала XVI века в летописании и историографической традиции.

СОКРАЩЕНИЯ

АСЭИ	–	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
АФЗХ	–	Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.
БАН	–	Библиотека Академии наук (г. С. Петербург)
ДДГ	–	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ИИМК РАН	–	Институт истории материальной культуры (г. С. Петербург)
ИГАИМК	–	Известия государственной академии материальной культуры
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
НГИАМЗ	–	Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
НГУАК	–	Нижегородская губернская учёная архивная комиссия
НПЛ	–	Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ПСРЛ	–	Полное собрание русских летописей
РГАДА	–	Российский государственный архив Древних актов (г. Москва)
РГБ	–	Российская государственная библиотека (г. Москва)
РГВИА	–	Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва)
РГИА	–	Российский Государственный исторический архив (г. С. Петербург)
Сборник РИО	–	Сборник Императорского Русского Исторического Общества
САИ	–	Свод археологических источников
ТОДРЛ	–	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Российской академии наук
УГОКННО	–	Управление государственной охраны культурного наследия Нижегородской области
ЦАНО	–	Центральный архив Нижегородской области (г. Нижний Новгород)

SUMMARY

NIZHNY NOVGOROD IN THE XV CENTURY: SEARCH OF THE LOST CITY

Nizhny Novgorod is one of the largest cities of modern Russia. It was founded on the mouth of the Oka River by the grand Vladimir duke Yury Vsevolodovich shortly before the Mongolian invasion, in 1221. In the second half of the XIV century the city on the Oka mouth, together with Moscow and Tver, was among the cities – political leaders of Northeast Russia. The monograph is devoted to studying of the critical period in the history of Nizhny Novgorod caused by its entry into the structure of the Moscow state. The chronological framework of research (1392–1509) is defined by a temporary interval from the appearance of the first grand-ducal deputies in Nizhny Novgorod prior to the construction of the Nizhny Novgorod Kremlin that, in general, corresponds mainly to the XV century. Unlike the previous historiography aimed, mainly, on the clarification of the political mechanisms involved for inclusion of Nizhny Novgorod in administrative structure of the grand Moscow duchy, studying of political history, the internal structure, governmental system, the present research tackles, mainly, geographical, cultural and demographic realities of local Nizhny Novgorod history, for the first time addressing to the results of archaeological researches. There is no actual data that would straightforwardly describe the outlook of Nizhny Novgorod of the XVth century. There are few of written data; therefore some annalistic data provide quite a controversial view on it. Most distinctly the insolvency of the source base is shown in the phenomenon of two towns of Nizhny Novgorod – the Old one and the New one, which were distinguished in the middle of the XV century. The situation traced on the basis of sources is, at first sight, contradictory and paradoxical. A number of known historical events is connected with the city on the mouth of the Oka, the annalistic arches, diplomas, entries in digit books kept the names of the local officials. At the same time, the first review of results of archaeological researches showed that for all years of field researches within the medieval city there were neither any records of cultural beddings of the XV century, nor any traces of a residential development of this time.

The work brought to reader's attention pursues the solution of three main objectives – clarification of characteristic signs of the Nizhny Novgorod archaeological complexes of the XV century, localization of an urban area for this period , historical interpretation of chronology of city cultural beddings. Besides archaeological materials – reports from archive of Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences, museum collections, various written certificates are involved in the research. These are the Russian chronicles, acts, records of the Nizhny Novgorod folklore, notes of travelers, separate inscriptions, that is to say, all the material capable of assisting in realization of the complex method.

The author's objective is to offer the concept which is most consistently coordinates the data of archeology with the data from records on the basis of both separate, and joint critical judgment, mutual correction of reliability and completeness of these two different groups of historical material.

Whereas the information opportunities of written sources about Nizhny Novgorod of the XVth century are substantially used up, the corresponding archaeological materials remain so far little known. The author sees his objective as r generalizing those recourses. The publication of archaeological complexes with monetary finds of the middle of XV – the beginnings of the XVI centuries is of individual interest.

The content of **chapter 1** is focused on time of political instability of the end of XIV – the first half of XVth centuries. It begins with the review of historical topography of Nizhny Novgorod, history of its archaeological studying (§ 1). In § 2 the period of the middle of political independence

of Nizhny Novgorod – the beginning of the 90th of the XIV century is briefly considered. In § 3 its political history in the first half of the XV century is characterized, in § 4 historical data on position of the city in 1445 – are analyzed at the invasion of a horde of Ulu-Muhammad. It has been found out that annalistic mentions of two "cities" associated by authors of annalistic texts with Nizhny Novgorod, most likely, can be explained with emergence of the small fortress which is taken out of limits of an urban area. In the final paragraph (§ 5) the analysis of probable position of this strengthened settlement on the area is carried out with attraction of sources of the XVI–XVII centuries, the famous archaeological records of the city suburb which could correspond to it are considered as well. Ancient settlement "the town" appeared to meet all the characteristics, forecasted in accordance with the written sources best of all, it was situated on the bank of the Oka River in 1,8 km from the Nizhny Novgorod Kremlin.

The second and third chapters are devoted to the material culture of residents of Nizhny Novgorod of the middle of XV – the beginning of the XVI centuries. This central part of the book represents the publication of materials of the first excavation of the ancient settlement "the town" which served as a kind of a conductor into the Nizhny Novgorod of XVth century.

In § 1of chapter 2 the general characteristic of the ancient settlement is given, the history of its studying is tracked as well. In § 2 the technique of the first excavation is considered, and also the stratigraphy of cultural beddings, the studied buildings and constructions are described. **Chapter 3** represents detailed consideration of the archaeological collection of the town. After its general review (§ 1) household items are characterized separately (§ 2), as well as archeological finds connected with a Christian cult (§ 3), the weapon (§ 4), coins (§ 5), ceramic ware (§ 6). Archaeological complexes of The town were used as standard while searching traces of development of the XV century, in the territory of Nizhny Novgorod, and also synchronous settlements in rural district that is reflected in the finishing fourth chapter of the book.

In § 1 the periodization and the characteristic of distinctive signs of local archaeological complexes of the XV century is offered. In § 2 the review of all of the main archaeological surveyed sites of the territory of the medieval city for the purpose of identification of traces of city building is carried out. In § 3 similar review is executed concerning neighboring rural settlements. Paragraph 4 is devoted to the consideration of the historical situation which developed in the city on the Oka mouth during Ivan III's reign. All data on the town received as a result of its archaeological research and the review of the historical situation corresponding to its time are generalized in § 5. In the same paragraph historical interpretation of a monument is offered and proved; conclusions are drawn on its probable role in the Nizhny Novgorod history. In finishing chapter § 6 on the basis of clarification of the most probable date of construction of the Nizhny Novgorod Kremlin, reconstruction of circumstances and sequence of change of the Nizhny Novgorod city strengthening near a boundary of the XV-XVI centuries is offered.

The considered period of the Nizhny Novgorod history, according to the author, is divided into two qualitatively various periods. During the first period (1392–1445) there was no dynamic development of the city, and the local material culture retained its traditional outlook. The power of the Moscow princes didn't was not stable, and the sporadic administration of the representatives of the Suzdal and Nizhny Novgorod dynasty who were politically focused on the Horde didn't contribute to the prosperity of Nizhny Novgorod. For Moscow opposition with the Nizhny Novgorod princes was part of opposition with the Golden Horde. Suburban Nizhny Novgorod became a bargaining chip in this fight. By the winter of 1444–1445 there had been neither reliable strengthening, nor the human resources necessary for formation of a capable militia any more to ensure defense capability of its historic center.

The content of the second period (1446–1509) can be characterized as background of construction of new Nizhny Novgorod, as fortress-city of the Moscow Russia. At this time there is an active inclusion of the region in formation of social and economic system and a political order of the Moscow state. By the end of this period first written news about Nizhny Novgorod the noblemen and the Nizhny Novgorod citizens had appeared, preparation for construction of stone strengthening had begun, at the same time the city housing estate was being revived, there were changes in shape of local material culture.

According to the author, inclusion of Nizhny Novgorod in the grand Moscow duchy took place by new development of its lands almost from "blank sheet". After Ulu-Muhammad's invasion 1444–1445, the best farmland became empty, the vast majority of large rural settlements Nizhny Novgorod the district to the middle of the XV century fininsh functioning, testifying to this fact. By that time a lot of local land owners had probably been dead or have forever left their "ancestral lands". The organization of the powerful artificially created migratory stream to the Nizhny Novgorod Volga region from the developed lands became the main action of the Supreme power which led to fast formation of the loyal social environment and economic base necessary for its maintenance. This action became, obviously, the move in formation of the Nizhny Novgorod noblemen corporation and overcoming of "the desolation era" reflected in cultural beddings of Nizhny Novgorod.

The results of archaeological research indicate the desolation of the urban area during the most part of the XV century. The revealed scales of desolation are so considerable that the assumption of transfer of an administrative center out of limits of city line seems to be the most obvious explanation of the illusion of the town "lost" by archaeologists, nevertheless, known through annalistic and other mentions at this time.

Fixing of the grand-ducal power in Nizhny Novgorod, obviously, assumed creation in it a new kernel of city building in the form of the autonomous strengthened settlement remote from historic center. The new center of city life was represented during the invasion of a horde of Ulu-Muhammad by the annalistic Nizhny Novgorod "smaller" (or New), which obviously turned into the main center of city defense in 1445.

The renewal of building in the historical center of the city has been fixed only since the boundary of the XV–XVI centuries that testifies to the fact that the main habitable territory correlated to Nizhny Novgorod of the middle – the second half of the XV century, all this time could be situated beyond its limits.

The results of archaeological researches confirm this assumption. They point to the small prelocal ancient settlement (The town), the life on which was active exactly during desolation of Nizhny Novgorod

Archaeological signs of this record allow putting it in one row with the obsidional towns of the Perm and other settlements founded by the Moscow deputies for the organization of management in the lands attached to Moscow. The traces of the farmstead building connected with accommodation of professional soldiers, finds of objects of arms, coins, iron styles, the specifics of local economy assuming more likely deliveries of the food, than its production by locals – all this allows to see in it the remains of the administrative center of Nizhny Novgorod of the middle – the second half of the XV century.

However, the further development of the city went towards the restoration of historic center. At a boundary of the first two decades of the XVIth century the stronghold of medieval Nizhny Novgorod fortress is outlined by walls of a brick-stone citadel, and need for maintenance of the small prelocal town disappears. The Nizhny Novgorod experience of development of newly attached territories, obviously, was used by the Moscow noble people at advance to regions of Central and Lower Volga area, Prikamye and Priuralye area. Moscow statehood was fixed in lands of the conquered Kazan khanate by construction of the same small towns- fortresses which originally had only military and administrative value. Nizhny Novgorod New was probably the first experience of such way of realization of the Moscow policy on the attached lands. Having been destroyed in fire and finally abandoned, most likely, even prior to construction of the brick-stone Kremlin, probably, it is the city that is mentioned in sources of the end of the XVI–XVII centuries under a faceless common noun of the old town which, four more centuries later, was reflected in the name of the archaeological records corresponding to it.

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1. Городище Городок. Распределение находок по функциям.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ	ГРУППЫ ИНВЕНТАРЯ	КОЛИЧЕСТВО	
Человек: создание внешнего облика	Отпечатки ткани	1	38 **(6,9%)**
	Украшения, детали причёски, одежды и обуви	35	
	Предметы личного туалета	2	
Обустройство быта	Универсальный инструментарий и повседневный бытовой инвентарь	149	203 **(36,8%)**
	Предметы оборудования жилищ, детали мебели	42	
	Кухонная утварь (металлическая посуда)	4	
	Игрушки, игорный инвентарь	8	
Производство продуктов питания	Сельскохозяйственные орудия	2	45 **(8,1%)**
	Предметы связанные с обработкой сельхозпродукции (жернова)	8	
	Рыболовный инвентарь	33	
	Элементы охотничьего снаряжения	2	
Домашние и специализированные производства	Прядение и ткачество: инструментарий	32	46 **(8,3%)**
	Орудия деревообработки	11	
	Предметы связанные с обработкой кости и рога (заготовки)	2	
	Предметы связанные с обработкой камня (заготовки)	1	
Металлообработка	Предметы связанные с получением железа и железообработкой	49*	53 **(9,6%)**
	Предметы связанные с обработкой цветного металла	4	
Домостроительство	Строительные материалы	1	71 **(12,9%)**
	Элементы крепежа деревянных конструкций	70	
Военное дело и военные походы	Предметы вооружения	12	30 **(5,4%)**
	Снаряжение коня и всадника	17	
	Хирургические инструменты	1	
Обмен, торговля	Монеты	32	32 **(5,8%)**
Письменность	Предметы письменности	3	4 **(0,7%)**
	Предметы со знаками	1	
Культ, верования	Предметы христианского культа	12	12 **(2,2%)**
Неопределённые предметы		18	18 **(3,3%)**

* без учёта шлака

Таблица 2. Городище Городок. Распределение железных предметов по категориям.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ	ГРУППЫ ИНВЕНТАРЯ	КАТЕГОРИИ		КОЛ-ВО
Обустройство быта	Универсальный инструментарий и повседневный бытовой инвентарь	Ножи универсальные		70
		Каркасы от ножен		1
		Шилья		1
		Иглы		1
		Кресала		2
	Предметы оборудования жилищ, детали мебели	Дверные пробои		7
		Дверные накладки		1
		Замки		23
		Ключи		7
		Светцы		1
		Гвозди обойные		3
	Посуда	Котлы чугунные		2
Производство продуктов питания	Сельскохозяйственные орудия	Косы		2
	Предметы связанные с рыболовством, снасти	Крючки		8
		Остроги		1
		Крючки-кошки		1
Домашние и специализированные производства	Прядение и ткачество: инструментарий	Спицы от прялок		1
	Орудия деревообработки	Топоры		6
		Пилы		1
		Ножи столярные		4
Металлообработка	Получение железа и железообработка	Инструменты (зубило)		1
		Отходы	Стержни	43
			Пластины	5
			Шлаки*	88
Домостроительство	Элементы крепежа деревянных конструкций	Строительные гвозди		29
		Скобы		41
Военное дело и военные походы	Предметы вооружения	Наконечники стрел		11
		Сабельные клинки		1
	Снаряжение коня и всадника	Шпоры		2
		Удила		2
		Пряжки		11
		Язычки от пряжек		2
		Седельные пробои		
	Хирургические инструменты	Хирургический нож		1
Письменность	Предметы письменности	Писала		3
Неопределённые предметы		Кольца		6
		Обломки изделий		7
		Орудия		1

* в коллекции вещевых находок не учитывались

Таблица 3. Городище Городок. Распределение предметов из цветных металлов по категориям

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ	ГРУППЫ ИНВЕНТАРЯ	КАТЕГОРИИ		КОЛ-ВО
Человек: создание внешнего облика	Украшения, детали причёски, одежды и обуви	Кольца височные		2
		Серьги		6
		Подвеска височная		1
		Браслеты		1
		Перстни		5
		Бубенчики		3
		Пряжки		1
		Накладки		2
		Пуговицы		1
		Булавки		2
		Поясные обоймы		2
		Поясные кольца		1
	Предметы личного туалета	Набор копоушек		1
Обустройство быта	Универсальный инструментарий и повседневный бытовой инвентарь	Рукоятки ножей		1
	Посуда	Сосуды медные		2
Производство продуктов питания	Предметы рыболовства, снасти	Грузила		1
Металлообработка	Обработка цветных металлов	Отходы	Слитки	1
			Пластины	2
			Проволока	1
Обмен, торговля	Монеты	Монеты русского чекана		30
		Восточные монеты		1
		Неопределимые		1
Культ, верования	Предметы христианского культа	Кресты-тельники		5
		Кресты-энколпионы		2
		Иконки-подвески		1
		Оклады икон		2
Неопределённые предметы		Колечки бронзовые		1

Таблица 4. Городище Городок. Распределение костяных предметов по категориям.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ	ГРУППЫ ИНВЕНТАРЯ	КАТЕГОРИИ		КОЛ-ВО
Человек: создание внешнего облика	Предметы личного туалета	Рукоятка от копоушки		1
Обустройство быта	Универсальный инструментарий и повседневный бытовой инвентарь	Рукоятки ножей и их детали	Целые рукоятки	3
			Обкладки	4
			Обоймы	4
			Затыльники	10
		Кочедыки		3
		Иглы		3
		Игольники		1
	Игрушки, игорный инвентарь, музыкальные инструменты	Альчик (астрагал со сверлиной)		1
Производство продуктов питания	Предметы охотничьего снаряжения	Томары		2
Домашние и специализированные производства	Прядение и ткачество: инструментарий	Пряслица		1
	Изготовление предметов из кости и рога	Заготовки муфтдля рукояток ножей		2
Культ, верования	Предметы христианского культа	Кресты-мощевики		1
		Иконки-привески		1
Неопределённые предметы		Обломки изделий		2

Таблица 5. Городище Городок. Распределение предметов из камня по категориям.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ	ГРУППЫ ИНВЕНТАРЯ	КАТЕГОРИИ		КОЛ-ВО
Человек: создание внешнего облика	Украшения, детали причёски, одежды и обуви	Бусы		1
Обустройство быта	Универсальный инструментарий и повседневный бытовой инвентарь	Точильные камни	Бруски	13
			Оселки	2
		Кресальные кремни		24
Производство продуктов питания	Предметы связанные с обработкой сельхозпродукции	Жернова		8
	Предметы связанные с рыболовством, снасти	Грузила		2
Домашние и специализированные производства	Прядение и ткачество: инструментарий	Пряслица		12
	Предметы связанные с обработкой камня	Заготовки для пряслиц		1
Неопределённые предметы		Орудия кремневые		2

Таблица 6. Городище Городок. Распределение предметов из стекла по категориям.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ	ГРУППЫ ИНВЕНТАРЯ	КАТЕГОРИИ	КОЛ-ВО
Человек: создание внешнего облика	Украшения, детали причёски, одежды и обуви	Браслеты	2
		Бусы	2
		Перстни	1
		Вставки	1

Таблица 7. Городище Городок. Распределение предметов из керамики по категориям.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ	ГРУППЫ ИНВЕНТАРЯ	КАТЕГОРИИ	КОЛ-ВО
Человек: создание внешнего облика	Ткани, головные уборы, одежда, обувь	Отпечатки тканей	1
	Украшения, детали причёски, головных уборов, одежды и обуви	Бусы	1
Обустройство быта	Игрушки, игорный инвентарь, музыкальные инструменты	Игрушки	5
		Шарики от погремушек	2
Производство продуктов питания	Предметы связанные с рыболовством, снасти	Грузила от сетей	23
Домашние и специализированные производства	Прядение и ткачество: инструментарий	Пряслица	20
Домостроительство	Строительные материалы	Кирпич	1
Письменность	Предметы со знаками	Черепки с граффити	1

Таблица 8. Городище Городок. Раскопы 1–3, шурф 2. Характеристики железных ножей.

Рисунок	Тип*	Спинка	Верхний уступ	Длина (мм)	Клинок		Длина черена (мм)	Толщина обушка (мм)
					длина (мм)	ширина (мм)		
101, *7*	Ч	прямая	чёткий	230	140	18	90	4,5
101, *18*	Ч	прямая	пологий	>175	>109	17	66	4,5
101, *2*	Ч	прямая	чёткий	>82	>70	16		4,5
101, *1*	Ч	прямая	чёткий	>125	115	17		4
101, *4*	Ч	прямая	пологий	>80	>45	11	35	3
101, *3*	Ч	прямая	чёткий	153	100	19	53	3,5
101, *10*	Ч	прямая, плавно опускается у острия	чёткий	140	93	17	47	4
101, *5*	Ч	прямая	чёткий	>90	>40	14	49	3
101, *6*	Ч	прямая	пологий	>80	70	12		4
101, *12*	Ч	прямая	пологий	>85	>45	14	>40	2,5
101, *11*	Ч	прямая	чёткий	>81	>63	18	18	5
101, *13*	Ч	прямая	чёткий	105	73	13	32	3
101, *14*	Ч	прямая	чёткий	>170	>110	21	61	5
101, *16*	Ч	прямая, плавно опускается у острия	чёткий	132	92	20	40	5,5
101, *15*	Ч		чёткий	>56	>35	13	>21	2,5
101, *17*	Ч		пологий	>62	>30	14	33	5
101, *19*	Ч	прямая	чёткий	136	90	15	46	4
101, *9*	Ч		чёткий	>85	>55	12	30	2
101, *8*	Ч	прямая	пологий	>120	115	17		4
102, *2*	Ч	прямая	чёткий	>106	91	22		4
102, *3*	Ч	прямая	чёткий	130	105	23	25	5
102, *5*	Ч	прямая	чёткий	>122	110	22		4
102, *1*	Ч	плавно опускается	чёткий	112	83	17	29	5
102, *4*	Ч	плавно опускается	пологий	90	60	14	30	3
102, *8*	Ч	прямая	пологий	>135	>85	20	50	4
102, *10*	Ч	прямая	пологий	190	130	17	60	5
102, *11*	Ч	прямая	пологий	156	96	18	60	4
102, *7*	Ч		чёткий	>74	>34	15	40	3,5
102, *6*	Ч		пологий				37	2,5
102, *18*	Ч	прямая	пологий	45	30	8	15	2
102, *15*	Ч	поднимается	чёткий	>130	105	17	>27	3,5
102, *17*	Ч	поднимается	чёткий	112	64	14	48	4
102, *16*	Ч	поднимается	чёткий		>80	15		
102, *13*	Ч	плавно опускающаяся	чёткий		140	22		6,5
103, *1*	П			>180	140	15	>40	3
103, *3*	П			>158		16		3
103, *9*	П			>120		15		4
103, *13*	П			>125	110	11		3
103, *12*	П			>100	90	19		3

*Ч – черенковые; П – пластинчатые.

Таблица 9. Городище Городок. Раскопы 1–3. Характеристики железных наконечников стрел.

Рисунок	Тип по классификации Двуреченского О.В. (2007а)	Длина пера (мм)	Ширина пера (мм)	Пропорция пера	Общая длина (мм)	Вес (гр.)
1, *1*	6в	59	20	1/3 (0,34)	102	17,5
1, *2*	6а	69	17	1/4 (0,25)	102	14,5
1, *3*	15	60	17	1/4 (0,28)	95	9,2
1, *5*	7	50	20	1/3 (0,4)	72	8,6
1, *4*	6в	40	13	1/3 (0,33)	75	6,0
1, *9*	6в	45	14	1/3 (0,31)	60	5,3
1, *6*	6г	62	18	1/3 (0,30)	75	9,5
1, *7*	9а	56	11	1/5 (0,20)	75	5,9
1, *11*	16	60 (?)	15	1/4 ((),25) (?)	80 (?)	
1, *10*	7	54 (?)	16	1/3-1/4 (0,29) (?)		
1, *8*	7	48	14	1/3-1/4 (0,29)	65	3,8

Таблица 10. Городище Городок. Раскопы 1–3, шурф № 2.
Характеристики рыболовных керамических грузил.

Рисунок	Технология	Форма	Тип*	Высота (мм)	Диаметр (мм)	Вес (гр.)
126, *1*	Круговое краснолощёное	Овальное продольное удлинённое с боковой подрезкой	3.2б	65	31	50
126, *2*	Круговое красноглиняное	Овальное продольное с боковой подрезкой	3.2а	53	34	67
126, *3*	Лепное красноглиняное	Овальное продольное	3.1а	39	27	26
126, *4*	Лепное красноглиняное	Овальное продольное	3.1а	40	30	31
126, *6*	Круговое красноглиняное поливное	Овальное продольное с боковой подрезкой	3.2а	42	28	31
126, *8*	Лепное красноглиняное	Овальное продольное	3.1а	43	34	41
126, *11*	Лепное красноглиняное	Биконическое укороченное	5.1б	28	35	50
126, *10***	Лепное красноглиняное	Биконическое укороченное	5.1б	32	37	
126, *9*	Лепное красноглиняное	Гранёное (пирамидальное)	7	57	30	44
127, *9*	Лепное красноглиняное	Гранёное (пирамидальное)	7	26	24	35
126, *7*	Круговое красноглиняное	Биконическое с боковой подрезкой	5.2а	38	28	28
127, *7***	Лепное красноглиняное	Шарообразное	1.1	30	30	
127, *3***	Лепное красноглиняное	Шарообразное	1.1	35	35	
127, *2***	Лепное красноглиняное	Шарообразное	1.1	37	37	
127, *4***	Лепное красноглиняное	Шарообразное с боковой подрезкой	1.2	40	40	
127, *1*	Лепное красноглиняное	Бочонкообразное	2.1а	29	43	56
127, *5*	Лепное красноглиняное	Бочонкообразное	2.1а	27	38	38
127, *6***	Лепное красноглиняное	Бочонкообразное с боковой подрезкой	2.2а	26	40	
127, *8*	Лепное красноглиняное	Бочонкообразное	2.1а	28	35	41

* Обозначение и определение типа проведено по классификации, предложенной в статье: *Грибов, Цепкин*, 2004.

** Значительная часть изделия утрачена

Таблица 11. Городище Городок. Раскопы 1–3. Распределение керамики по пластам.

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ	ПЛАСТЫ					
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**
I. Лепная	90 2,8%	161 2,1%	166 1,9%	50 2,3%	19 2,1%	5 1,4%
II. Красноглиняная нелощёная без ангоба и поливы	2094 65,9%	5012 65,5%	5601 63,9%	1470 67,0%	593 64,8%	232 64,6%
III. Красноглиняная ангобированная без росписи с росписью охрой ВСЕГО	16 16 0,5%	40 4 44 0,6%	26 11 37 0,4%	12 1 13 0,6%	7 7 0,8%	1 1 2 0,6%
IV. Красноглиняная лощёная	117 3,7%	287 3,7%	313 3,6%	128 5,9%	29 7,4%	15 4,2%
V. Белоглиняная (или с примесью беложгущейся глины) окислительного обжига	852 26,8%	2135 27,9%	2642 30,1%	529 24,1%	264 28,9%	105 29,2%
VI. Преднамеренного восстановительного обжига (чернолощёная)	3 0,1%	3 < 0,1	1 < 0,1		1 0,1%	
VII. Полумайолика (с зелёной поливой)	6 0,2%	10 0,1%	9 0,1%	3 0,1%	2 0,2%	
IX. Фарфор (селадон)		1 < 0,1				
КЕРАМИКА ВСЕГО	3178 100%	7653 100%	8769 100%	2193 100%	915 100%	359 100%
КОСТИ	1829	5550	5820	1152	394	214
ОСКОЛКИ СТЕКЛА	159	221	534	54	24	13
ЖЕЛЕЗНЫЕ ТЯНУТЫЕ ГВОЗДИ	79	147	84	10	2	1

Таблица 12. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Распределение керамики по слоям.

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ	ПОДГРУППЫ И ТИПЫ		СЛОИ						ВСЕГО	
			1		1а		2			
			СОС.	ФР.	СОС.	ФР.	СОС.	ФР.	СОС.	ФР.
I. Лепная				15		8	5	37	5	60
II. Красно-глиняная нелощёная без ангоба и поливы	Горшки, Σ		17		6		49		72	
	II-1	Тип 1.1					1		1	
		Тип 1.3					5		5	
		Тип 1.4	1				1		2	
		Тип 1.5	1				3		4	
		Тип 1.6	1		1		5		7	
		Тип 1.7	2		1		5		8	
		Тип 1.9	2				2		5	
		Тип 1.10	2				5		7	
		Тип 1.11	3		1		5		9	
		Тип 1.12	1						1	
	II-2	Тип 2.1			1		6		7	
		Тип 2.2	3		1		5		9	
		Тип 2.3					2		2	
		Тип 2.5					2		4	
	II-3	Тип 3.2					1		1	
		Тип 3.3			1				1	
		Тип 3.4	1						1	
		Тип 3.5					1		1	
	Миски		1		1				2	
	Σ		18	394	7	105	49	940	74	1439
III. Ангобир.	Без росписи			1		2		23		26
	С росписью охрой			1						1
	Σ			2		2		23		27
IV. К/лощёная				23		6		30		59
V. Белоглиняная	V-1. Тесто: Т1, Т2		8						8	
	V-2. Тесто: Т3				1		1		2	
	V-3. Тесто: П1 (иногда из смеси глин разных сортов с белым ангобом)						2		2	
	Σ		8	197	1	6	3	33	12	236
КОСТИ ЖИВОТНЫХ				312		13		540		865

Сокращения:
сос. – число выделенных по венчикам сосудов определимых типов;
фр. – число фрагментов;
Σ – всего.

Таблица 13. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Распределение керамики по слоям.

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ	**ПОДГРУППЫ И ТИПЫ**		**ГОРИЗОНТЫ**				**ВСЕГО**	
			верхний		**нижний**			
			слой1		**слои 2а+ 2б+2в**			
			СОС.	**ФР.**	**СОС.**	**ФР.**	**СОС.**	**ФР.**
I. Лепная			1	20	7	29	8	49
II. Красно-глиняная нелощёная без ангоба и поливы	Горшки, Σ		17		23		40	
	II-1	Тип 1.1	1		2		3	
		Тип 1.2			1		1	
		Тип 1.3	1				1	
		Тип 1.4	3		2		5	
		Тип 1.5			2		2	
		Тип 1.6	1		3		4	
		Тип 1.7	1				1	
		Тип 1.8	1		5		6	
		Тип 1.9	4		2		6	
		Тип 1.10			3		3	
		Тип 1.11	2				2	
	I-2	Тип 2.2	1		1		2	
		Тип 2.3	1				1	
		Тип 2.4	1				1	
	II-3	Тип 3.3			1		1	
		Тип 3.6			1		1	
	Корчаги				1		1	
	Миски		1				1	
	Σ		18	412	24	1232	42	1644
III. Ангобир. красно-глин.	Без росписи			5		3		8
	С росписью охрой			2				2
	Σ			7		3		10
IV. К/лощёная				31	1	113	1	144
V. Белоглиняная	V-1. Тесто: Т1, Т2		7	150	13	509	20	
	V-2. Тесто: Т3		4				4	
	Σ		11	150	38	509	24	659
VII. Поливная						4		4
КОСТИ ЖИВОТНЫХ				199		1035		1234

Сокращения:
сос. – число выделенных по венчикам сосудов определимых типов;
фр. – число фрагментов;
Σ – всего.

Таблица 14. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1В/1. Распределение керамики по слоям.

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ	ПОДГРУППЫ И ТИПЫ		СЛОИ										ВСЕГО	
			1а		1		1б		1в		2			
			СОС.	ФР.	СОС.	ФР.	СОС.	ФР.	СОС.	ФР.	СОС.	ФР.	СОС.	ФР.
I. Лепная			2	29		3		1					2	33
II. Красно-глиняная нелощёная без ангоба и поливы	Горшки, Σ		5		7				1		6		19	
	II-1	Тип 1.5	1										1	
		Тип 1.7	2		1								3	
		Тип 1.10	1		1								2	
		Тип 1.11	1		1						1		3	
	II-2	Тип 2.1							1		2		3	
		Тип 2.2			1								1	
	II-3	Тип 3.1			1								1	
		Тип 3.3									1		1	
		Тип 3.5			1						1		2	
		Тип 3.6			1						1		2	
	Σ		5	388	7	61		18	1	26	6	88	19	581
III. Ангобир. красно-глин.	Без росписи			2		1						4		7
	С росписью охрой			2										2
	Σ			4		1						4		9
IV. К/лощёная				37		5						10		52
V.Белоглиняная	V-1. Тесто: Т1, Т2		3		1								4	
	V-2. Тесто: Т3		2		1								3	
	V-3. Тесто: П1 (иногда из смеси глин разных сортов с белым ангобом)										1		1	
	Σ		5	108	2	34		7		1	1	4	8	154
VII. Поливная								1						1
КОСТИ ЖИВОТНЫХ				252		108		53		100		1436		1949
КОСТИ ЧЕЛОВЕКА								1						

Сокращения: сос. – число выделенных по венчикам сосудов определимых типов;
фр. – число фрагментов; Σ – всего.

Таблица 15. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Распределение керамики по слоям.

ОСНОВНЫЕ **ГРУППЫ**	**ПОДГРУППЫ И ТИПЫ**		**СЛОИ**										**ВСЕГО**	
			1а		**1**		**2б**		**2**		**3**			
			СОС.	**ФР.**	**СОС.**	**ФР.**	**СОС.**	**ФР.**	**СОС.**	**ФР.**	**СОС.**	**ФР.**	**СОС.**	**ФР.**
I. Лепная						16	2	65	5	55	11	117	18	253
II. Красно-глиняная нелощёная без ангоба и поливы	Горшки													
	II-1	Тип 1.1			1								1	
		Тип 1.2			1				1		2		4	
		Тип 1.3									2		2	
		Тип 1.4									2		2	
		Тип 1.5			2				1		3		6	
		Тип 1.6									4		4	
		Тип 1.7			1		1				4		6	
		Тип 1.8			1				1				2	
		Тип 1.9					1		1		4		6	
		Тип 1.10			3						5		8	
		Тип 1.11					1				3		4	
		Тип 1.12									1		1	
	II-2	Тип 2.1									2		2	
		Тип 2.2									5		5	
		Тип 2.3							1		3		5	
		Тип 2.4									2		2	
		Тип 2.5			1								1	
	II-3	Тип 3.2									1		1	
		Тип 3.4									1		1	
		Тип 3.5									2		2	
		Тип 3.7									1		1	
	Σ			34	10	111	3	258	5	125	47	872	66	1525
III. Ангобир.	Без росписи					2		4		1		38		45
IV. К/лощёная				1		5		9		7	1	53	1	75
V. Белоглиняная	V-1. Тесто: Т1, Т2				9		1		2		4		16	
	V-2. Тесто: Т3				3		1						4	
	V-3. Тесто: П1 (иногда из смеси глин разных сортов с белым ангобом)						1		1		2		4	
	Σ			6	12	109	3	39	3	18	6	68	24	240
VII. Поливная								1		2				3
VIII. Кашин						1								1
КОСТИ ЖИВОТНЫХ				34		273		301		296		3183		4087

Сокращения: сос. – число выделенных по венчикам сосудов определимых типов;
фр. – число фрагментов.

Таблица 16. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Распределение керамики по слоям.

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ	ПОДГРУППЫ И ТИПЫ		СЛОИ															
			1а		1б		1		2а		2б		2		3		4	
			СОС.	ФР.	СОС.	ФР.	СОС.	ФР.	СОС.	ФР.	СОС.	ФР.	СОС.	ФР.	СОС.	ФР.	СОС.	ФР.
I. Лепная				24		2		30		3	2	41	7	45	6	19		
II. Красно-глиняная нелощёная без ангоба и поливы	Горшки, Σ		10		5		5		3		11		9		7			
	II-1	Тип 1.1											1					
		Тип 1.2							1									
		Тип 1.4					2				2				1			
		Тип 1.5	2										1					
		Тип 1.6			1													
		Тип 1.7											2					
		Тип 1.8	2		2		1				2		1					
		Тип 1.9	1										1					
		Тип 1.10			1		1		2				1		2			
		Тип 1.11					1				2							
		Тип 1.12	2								1							
	II-2	Тип 2.2			1								2					
		Тип 2.3	1															
		Тип 2.5									2				1			
	II-3	Тип 3.2	1												1			
		Тип 3.3													1			
		Тип 3.5									2				1			
		Тип 3.6	1															
	Миски												1					
	Σ		10	412	5	37	5	307	3	44	11	334	10	235	7	144		9
III. Ангоб. красно-глиняная	Без росписи											2		1				
	С росписью охрой							1										
	Σ							1				2		1				
IV. К/лощ.				17	1	1		12		2		20	1	2		7		
V. Бело-глиняная	V-1. Тесто: Т1, Т2		8		2				1		4		3		4			
	V-2. Тесто: Т3		1				5						2					
	V-4.Тесто: Д0, Д1, Д2,П2		1						1									
	Σ		10	404	2	21	5	94	2	27	4	76	5	88	4	29		17
VI. Ч/лощ.										1								
VII. Пол.				2				1				2		1				
VIII. Каш.								1										
КОСТИ ЖИВОТНЫХ				700		121		502		41		265		751		213		33

Сокращения: сос. – число выделенных по венчикам сосудов определимых типов;
фр. – число фрагментов; к/лощ – красноглиняная лощёная;
ч/лощ. – чернолощёная; пол. – поливная; каш. - кашин;
Σ – всего.

Таблица 17. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Распределение керамики по слоям.

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ	ПОДГРУППЫ И ТИПЫ		СЛОИ										ВСЕГО	
			1		2а		2		3		4			
			СОС.	ФР.	СОС.	ФР.	СОС.	ФР.	СОС.	ФР.	СОС.	ФР.	СОС.	ФР.
I. Лепная			3	35	1	22		5	1	5			5	67
II. Красно-глиняная нелощёная без ангоба и поливы	Горшки, Σ													
	II-1	Тип 1.3					1						1	
		Тип 1.6			1		1						2	
		Тип 1.9	2						1				3	
		Тип 1.10	2										2	
		Тип 1.11	2										2	
	II-2	Тип 2.2	2						2				4	
		Тип 2.3					1						1	
	II-3	Тип 3.1									1		1	
		Тип 3.2	1										1	
		Тип 3.4					2		1				3	
		Тип 3.5	1						2		1		4	
		Тип 3.6							1				1	
	Σ		10	667	1	109	5	65	7	53	2	6	25	900
IV. К/лощёная				57	1	13								70
V. Белоглиняная	V-1. Тесто: Т1, Т2		4										4	
	V-2. Тесто: Т3		1										1	
	Σ		5	126		1						1	5	128
VII. Поливная						1				1				2
VIII. Кашин								1		3			1	4
КОСТИ ЖИВОТНЫХ				579		127		379		609		294		1988

Сокращения: сос. – число выделенных по венчикам сосудов определимых типов;
фр. – число фрагментов; к/лощёная – краснолощёная; Σ – всего.

Таблица 18. Городище Городок. Раскопы 1–3. Встречаемость белоглиняной керамики в материковых ямах с указанием сопровождающих монетных находок.

ЯМА	СЛОИ	ГОРИЗОНТЫ ЗАПОЛНЕНИЯ	ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ОСКОЛКОВ КЕРАМИКИ	ДОЛЯ БЕЛОГЛИНЯНОЙ КЕРАМИКИ (%)	МОНЕТЫ (эмитент, предполагаемый период или дата чеканки, номер по монографии А.В. Орешникова (1896 г.)
НАЧАЛО ЗАПОЛНЕНИЯ – ПЕРВЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД					
1А/1	1, 1а	верхний	758	27%	Борис Александрович Тверской, 1425–1461 гг., № 234
	2	нижний	1063	0,2%	Василий II, 1450–1462 гг., № 545; Василий II или Иван III, около 1462 г., № 671 или № 672
1В/1	1, 1а, 1б,1в	верхний	723	21%	–
	2	нижний	106	4%	Василий II, 1446–1462 гг., № 625
2/1	1, 1а	верхний	284	40,5%	Иван III, 1462–1505 гг., № 679 или 680; Василий II или Иван III, около 1462 г., № 671 или № 672
	2, 2б	средний	581	9,8%	Василий II или Иван III, около 1462 г., № 671 или № 672; Иван III, 1462–1505 гг., № 679 или 680
	3	нижний	1148	5,9%	Василий II, 1450–1462 гг., № 545
2/2	1	верхний	885	14%	–
	2, 2а	средний	202	0,5%	–
	3, 4	нижний	65	1,5%	Василий II, 1446–1462 гг., № 633
НАЧАЛО ЗАПОЛНЕНИЯ – ВТОРОЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД					
1Б/1	1	верхний	620	24%	–
	2	нижний	1886	27%	Иван III; 1462–1505 гг.; № 668
1/2	1, 1а, 1б	верхние	1361	38%	Иван III; 1462–1505 гг.; № 679
	2, 2а, 2б	средние	921	21%	Василий II; 1462 гг.; № 672, Василий II; подделка по типу 1425–1434 гг.
	3, 4	нижние	225	20%	–
9/2		нижний	260	24%	–
2/3		нижний	142	40%	–

Таблица 19. Городище Городок. Раскопы 1–3. Распределение керамики по небольшим ямам

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ	НОМЕРА ЯМ																
	4/1	**5/1**	**6/1**	**7/1**	**8/1**	**10/1**	**3/2**	**7/2**	**9/2**	**10/2**	**1/3**	**2/3**	**4/3**	**6/3**	**7/3**	**8/3**	**9/3**
I. Лепная							2		36	1	4			1	2		3
II. Красноглиняная нелощёная без ангоба и поливы	28	18	26	25	4	5	77		96	2	290	86	4	9	14	46	12
III. Красноглиняная ангобированная без росписи									1					1			1
IV. Красноглиняная лощёная			2				3	2	4		25	3		2			
V. Белоглиняная (или с примесью беложгущейся глины) окислительного обжига	11	5	1	8	7		41		62	4	130	69		4	7	3	3
VI. Преднамеренного восстановительного обжига (чернолощёная)																	
VII. Полумайолика (с зелёной поливой)																	
КОСТИ ЖИВОТНЫХ	36	44	9	24	2	52	152	2	89	82	247	122	6	11	10	124	
ОСКОЛКИ СТЕКЛА							2				8						
ЖЕЛЕЗНЫЕ ТЯНУТЫЕ ГВОЗДИ							31				13						

Таблица 20. Городище Городок. Раскопы 1–3. Распределение керамики по канавкам

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ	НОМЕРА КАНАВОК									
	1	**2**	**3**	**4**	**4`**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**
I. Лепная	1		2	1			12	1	5	2
II. Красноглиняная нелощёная без ангоба и поливы	110	20	21	114	38	23	20	1	134	17
III. Красноглиняная ангобированная без росписи с росписью охрой	1					1			1 3	1
IV. Красноглиняная лощёная	5			19	1				16	2
V. Белоглиняная (или с примесью беложгущейся глины) окислительного обжига	38	5	7	13	1	2	13		18	5
VII. Полумайолика (с зелёной поливой)				1			1			
КОСТИ ЖИВОТНЫХ	59	154	2	91		108	44		7	38

Таблица 21. Городище Городок. Распределение керамики по пластам шурфа № 2

ОСНОВНЫЕГРУППЫ	ПЛАСТЫ						ЯМЫ			
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**1**	**2**	**3**	**4**
I. Лепная	1 3,7%	7 4,7%	6 1,9%	28 3,5%	18 6,5%	5 4,3%	4 1,8%			
II. Красноглиняная нелощёная без ангоба и поливы	14 51,8%	79 53,0%	228 72,2%	648 81,3%	210 76,4%	77 65,8%	146 65,2%	3	5	2
III. Красноглиняная ангобированная без росписи		1 0,6%	1 0,3%	4 0,5%	1 0,4%					
IV. Красноглиняная лощёная	4 14,9%	19 12,9%	19 6,0%	50 6,3%	10 4,0%	5 4,3%	10 4,5%	1	1	
V. Белоглиняная (или с примесью беложгущейся глины) окислительного обжига	8 29,6%	43 28,8%	61 19,3%	67 8,4%	35 12,7%	30 25,6%	64 28,6%			
VII. Полумайолика (с зелёной поливой)			1 0,3%		1 0,4%					
КЕРАМИКА ВСЕГО	27	149	316	797	275	117	224	4	6	2
КОСТИ	30	206	472	1747	1408	390	410	12	12	7
ОСКОЛКИ СТЕКЛА	15	21	7	2						
ЖЕЛЕЗНЫЕ ТЯНУТЫЕ ГВОЗДИ	1	13	2	2						

Таблица 22. Городище Городок. Распределение подъёмного керамического материала

КЕРАМИЧЕСКИЕ ГРУППЫ*	Гусева, А-1992	Грибов, А-1999	Маслов,		Лебедева А-2003
			А-1997	А-1998	
Лепная		4	2		
Сероглиняная грубая	10	43	35	56	8
Сероглиняная с тонкими примесями			92	136	
Красноглиняная грубая			20	69	11
Красноглиняная с тонкими примесями			116	443	10
Красноглиняная с песком					
Красноглиняная тонкая			13	7	
Красноглиняная с тонкими примесями и шамотом			1		
Красноглиняная гладкая		201			
Краснолощёная		14	19	16	5
Красноглиняная ангобированная			18	2	
Кирпично-красная с ангобом			2		
Белоглиняная	5	56	57	174	15
Чернолощёная		1	1	1	
Морёная			18	6	1
Поливная				2	

*Наименование керамических групп дано по текстам научных отчётов

Таблица 23. Городище Городок. Радиоуглеродные даты образцов угля из частокольной канавки 8 (калибровка выполнена по программе IntCal04)

Лабораторный номер образца	Возраст 14С (BP)	Калиброванный календарный возраст (AD)	
		Хронологический диапазон (по 1σ)	Вероятность
Ki-18417	420 ± 40	1431–1488 гг.	1,0
Ki-18418	300 ± 40	1509–1582 гг.	0,69
		1617–1649 гг.	0,31
Ki-18419	410 ± 50	1431–1506 гг.	0,85
		1588–1611 гг.	0,15

Таблица 24. Городище Городок. Распределение средневековой керамики по основным технологическим группам

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ	КОЛИЧЕСТВО	
	число фрагментов	%
I. Лепная	1283	3,30
II. Красноглиняная нелощёная без ангоба и поливы	25590	66,80
III. Красноглиняная ангобированная	230	0,60
IV. Красноглиняная лощёная	1567	4,10
V. Белоглиняная (или с примесью беложгущейся глины) окислительного обжига	9560	25,00
VI. Преднамеренного восстановительного обжига (чернолощёная)	23	0,05
VII. Полумайолика (с зелёной поливой)	56	0,14
VIII. Полуфаянс на кашинной основе	6	0,01
IX. Фарфор (селадон)	1	< 0,01

Таблица 25. Городище Городок. Раскопы 1–3. Распределение выделенных по венчикам сосудов по технологическим группам, формам и подгруппам по примеси

ОСНОВНЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ	ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И ПОДГРУППЫ ПО ПРИМЕСИ В ТЕСТЕ	КОЛИЧЕСТВО	
		сосудов	фрагментов
I. Лепная	А. Горшки	48 (76,2%)	
	А1. с вертикальным венчиком	31 (64,6%)	
	А2. с отогнутым наружу венчиком	17 (35,4%)	
	Б. Мисковидные сосуды	4 (6,3%)	
	В. Сосуды с прикрытой горловиной	8 (12,7%)	
	Г. Чаши и блюдца	3 (4,8%)	
	ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО	63 (100%)	1283
II. Красноглиняная нелощёная без ангоба и поливы	А. Горшки 1. Типы с преобладанием тонких формовочных масс (Т1, Т2, Т3) 2. Типы с преобладанием примеси в виде редкой дресвы (Д0, Д1, ДП1, ДП2) 3. Типы с преобладанием примеси в виде частой дресвы (Д2, ДП3, ДП4, ШлД)	578 (97,6%) 372 (64,4%) 139 (24,0%) 67 (11,6%)	
	Б. Корчаги (тесто Д1, Д2)	4 (0,7%)	
	В. Миски	10 (1,6%)	
	ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО	592 (100%)	25590
III. Красноглиняная ангобированная	А. Горшки (без росписи)	8 (88,9%)	205 (89,1%)
	Б. Кумганы или кувшины (с росписью охрой)	1 (11,1%)	25 (10,9%)
	ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО	9 (100%)	230 (100%)
IV. Красноглиняная лощёная	А. Кувшины 1. С тонкими формовочными массами (Т1, Т2) 2. С примесью мелкозернистого песка (Т3) 3. С примесью среднезернистого песка (П1)	12 (85,8%) 8 (66,8%) 2 (16,6%) 2 (16,6%)	
	Б.Горшки (тесто – Т3)	1 (7,1%)	
	В.Миски (тесто – Т1)	1 (7,1%)	
	ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО	14 (100%)	1567 (100%)
V. Белоглиняная (или с примесью беложгущейся глины и с ангобом) окислительного обжига	А. Горшки 1. Без примесей или с редкой добавкой мелкозернистого песка (Т1, Т2) 2. С частой примесью мелкозернистого песка (Т3) 3. С частой примесью среднезернистого песка (П1) (иногда из смеси глин разных сортов с белым ангобом) 4. С примесью дресвы или крупнозернистого песка (Д0, Д1, Д2, П2)	297 (97,7%) 195 (65,7%) 67 (22,6%) 22 (7,4%) 13 (4,3%)	1161(81,4%) 212 (14,9%) 28 (2,0%) 25 (1,7%)
	Б. Кувшины или крынки (тесто - Т1)	6 (2,0%)	
	В. Миски (тесто – Т1)	1 (0,3%)	
	ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО	304 (100%)	1426 (100%)
VI. Чёрнолощёная		1	23
VII. Поливная с зелёной поливой	А. Кумганы Б. Фляги (?) с росписью ангобом	4 (80%) 1 (20%)	
	ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО	5 (100%)	58
VIII. Полуфаянс (кашин)		2	3
IX. Фарфор (селадон)		1	1

Примечание: статистика по фрагментам приведена по выборкам без учёта распределения по формам

Таблица 26. Городище Городок. Раскопы 1–3.
Распределение лепных сосудов (группы I) по характеру формовочной массы.

ХАРАКТЕР ФОРМОВОЧНОЙ МАССЫ	КОЛИЧЕСТВО СОСУДОВ
ЧИСТЫЕ РЕЦЕПТЫ	**40 (63,5%)**
Т1: без визуально фиксируемых примесей	2 (5,0%)
Т2: с низкой концентрацией мелкозернистого песка с размером зерна до 1мм с соотношением долей примеси и глины менее 1/3-1/4	3 (7,5%)
Т3: с частой и средней концентрацией мелкозернистого песка с зерном до 1мм с соотношением долей примеси и глины 1/3-1/1	7 (17,5%)
П1: с включением среднезернистого песка (с максимальным размером зерна до 2мм) с соотношением долей примеси и глины 1/4-1/1	2 (5,0%)
П2: с включением крупнозернистого песка (с максимальным размером зерна до 3мм) с соотношением долей примеси и глины 1/4-1/1	1 (2,5%)
Д1: с включением редкой дресвы с соотношением долей примеси и глины менее 1/3-1/4	2 (5,0%)
Д2: с включением частой дресвы с соотношением долей примеси и глины 1/3-1/1	2 (5,0%)
Ш: с включением редкого средне- и крупнозернистого шамота (с размером зерна более 2мм) с соотношением долей примеси и глины 1/3-1/4 и менее	21 (52,5%)
СМЕШАННЫЕ РЕЦЕПТЫ	**23 (36,5%)**
ШП0: Ш+Т3	11 (47,8%)
ШП1: Ш+П1	5 (21,7%)
ШД: Ш+Д1 (Д2)	4 (17,4%)
ШлП0: Шл+Т3	2 (8,7%)
ШлШ: Шл+Ш	1 (4,4%)
	Всего: 63 (100%)
ТОНКИЕ ФОРМОВОЧНЫЕ МАССЫ (Т1; Т2; Т3)	12 (19,0%)
ВСЕ РЕЦЕПТЫ С ПРИМЕСЬЮ ДРЕСВЫ	8 (12,7%)
ВСЕ РЕЦЕПТЫ С ПРИМЕСЬЮ ШАМОТА	42 (66,7%)
ВСЕ РЕЦЕПТЫ С ПРИМЕСЬЮ ЖЕЛЕЗНОГО ШЛАКА (Шл)	3 (4,8%)

Таблица 27. Городище Городок. Раскопы 1–3.
Распределение круговых красноглиняных сосудов (группа II)
по характеру формовочной массы.

ХАРАКТЕР ФОРМОВОЧНОЙ МАССЫ	КОЛИЧЕСТВО СОСУДОВ
ЧИСТЫЕ РЕЦЕПТЫ	**609 (84,9%)**
Т1: без визуально фиксируемых примесей	32 (4,4%)
Т2: с низкой концентрацией мелкозернистого песка с размером зерна до 1мм с соотношением долей примеси и глины менее 1/3-1/4	89 (12,5%)
Т3: с частой и средней концентрацией мелкозернистого песка с зерном до 1мм с соотношением долей примеси и глины 1/3-1/1	252 (35,1%)
П1: с включением среднезернистого песка (с максимальным размером зерна до 2мм) с соотношением долей примеси и глины 1/4-1/1	62 (8,7%)
П2: с включением крупнозернистого песка (с максимальным размером зерна до 3мм) с соотношением долей примеси и глины 1/4-1/1	16 (2,2%)
П3: с включением среднезернистого песка (с максимальным размером зерна до 4мм) с соотношением долей примеси и глины 1/4-1/1	1 (0,1%)
Д1: с включением редкой дресвы с соотношением долей примеси и глины менее 1/3-1/4	66 (9,2%)
Д2: с включением частой дресвы с соотношением долей примеси и глины 1/3-1/1	87 (12,2%)
Ш: с включением редкого средне- и крупнозернистого шамота (с размером зерна более 2мм) с соотношением долей примеси и глины 1/3-1/4 и менее	3 (0,4%)
Шл: с включением дроблёного железного шлака (с зерном до 3мм)	1 (0,1%)
СМЕШАННЫЕ РЕЦЕПТЫ	**111 (15,1%)**
Д0: Д1+Т3	26 (3,6%)
ДП1: Д1+П1	59 (8,2%)
ДП2: Д1+П2	1 (0,1%)
ДП3: Д2+П1	16 (2,2%)
ДП4: Д2+П2	1 (0,1%)
ШП: Ш+П1	1 (0,1%)
ШлД: Шл+Д2	1 (0,1%)
Шл0: Шл+Т3	3 (0,4%)
ШлП: Шл+П1	1 (0,1%)
К0: размельчённые кальцированные кости животных (с размером частиц до 5 мм) с частой примесью мелкозернистого песка (с зерном до 1 мм)	1 (0,1%)
РП: дроблёная раковина моллюсков (с размером частиц до 4мм) с частой примесью крупнозернистого песка (с размером зерна до 3мм)	1 (0,1%)
	Всего: 720 (100%)
ТОНКИЕ ФОРМОВОЧНЫЕ МАССЫ (Т1; Т2; Т3)	373 (52%)
СРЕДНИЕ ГРУБЫЕ ФОРМОВОЧНЫЕ МАССЫ (П1)	62 (8,7%)
ОЧЕНЬ ГРУБЫЕ ФОРМОВОЧНЫЕ МАССЫ	285 (39,3%)
ВСЕ РЕЦЕПТЫ С ПРИМЕСЬЮ ДРЕСВЫ	257 (35,7%)
ВСЕ РЕЦЕПТЫ С ПРИМЕСЬЮ ШАМОТА	4 (0,5%)
ВСЕ РЕЦЕПТЫ С ПРИМЕСЬЮ ЖЕЛЕЗНОГО ШЛАКА	6 (0,8%)

Таблица 28. Городище Городок. Раскопы 1–3. Распределение круговых красноглиняных сосудов группы II по формам, основным типам примесей, орнаменту и обжигу.

ПОДГРУППЫ	ТИПЫ	КОЛ-ВО СОСУДОВ РАЗНЫХ ТИПОВ	КОЛИЧЕСТВО СОСУДОВ С ОСНОВНЫМИ ТИПАМИ ПРИМЕСЕЙ			КОЛИЧЕСТВО СОСУДОВ С ОРНАМЕНТОМ					КОЛИЧЕСТВО СОСУДОВ С ПОЛНЫМ ОКИСЛИТЕЛЬНЫМ ОБЖИГОМ
			Т	Др	Дс-ч	б/о	л	в	т	Σорн %	
II-1	**1.1**	12 (3,2%)	12	0	0	9	0	0	0	0	5 (41,6%)
	1.2	16 (4,3%)	13	1	0	12	0	1	0	7,7	3 (18,8%)
	1.3	17 (4,6%)	13	1	0	9	5	1	0	40	2 (12,5%)
	1.4	29 (7,8%)	26	1	1	25	3	0	0	10,7	11 (38,0%)
	1.5	50 (13,4%)	48	0	0	42	5	1	0	12,5	21 (42%)
	1.6	30 (8,0%)	21	3	2	23	1	0	2	11,5	8 (26,7%)
	1.7	41 (11,1%)	32	2	0	38	0	2	0	5	9 (22,0%)
	1.8	37 (9,9%)	29	0	1	7	21	0	0	75	28 (75,7%)
	1.9	33 (8,9%)	20	4	6	27	0	1	0	3,7	9 (27,3%)
	1.10	61 (16,4%)	50	3	0	55	1	3	0	6,8	18 (29,5%)
	1.11	35 (9,4%)	25	4	1	24	3	2	0	17,2	10 (28,6%)
	1.12	11 (3,1%)	6	2	2	10	0	0	0	0	2 (18,2%)
	Σ	372 (100%)	295	21	13	310	39	11	2	14,1	126 (33,9%)
II-2	**2.1**	21 (15,1%)	0	18	0	13	0	0	0	0	3 (14,3%)
	2.2	61 (43, 9%)	8	43	3	36	0	1	0	2,3	11 (18,0%)
	2.3	25 (18,0%)	1	15	4	15	2	4	1	31,8	4 (16%)
	2.4	16 (11,5%)	0	10	2	8	0	0	0	0	3 (18,8%)
	2.5	16 (11,5%)	5	6	0	10	2	3	0	33,3	2 (12,5%)
	Σ	139 (100%)	14	92	9	82	4	8	1	12,8	23 (16,5%)
II-3	**3.1**	3 (4,5%)	1	0	2	3	0	0	0	0	1 (33,3%)
	3.2	14 (20,9%)	0	3	9	7	2	0	0	22,2	1 (7,1%)
	3.3	11 (16,4%)	0	4	6	9	0	0	0	0	1 (9,1%)
	3.4	8 (11,9%)	0	2	5	5	0	0	0	0	0 (0%)
	3.5	20 (29,9%)	0	2	17	13	1	0	0	7,1	2 (10%)
	3.6	7 (10,4%)	0	0	7	3	1	0	0	25	0 (0%)
	3.7	4 (6,0%)	1	1	2	4	0	0	0	0	0 (0%)
	Σ	67 (100%)	2	12	48	44	4	0	0	8,3	5 (7,5%)
Σ		**578**	**311**	**125**	**70**	**436**	**47**	**17**	**3**	**13,3**	**154 (26,6%)**

Сокращения: Т – суммарное количество сосудов без примесей, с редкой и частой добавкой мелкозернистого песка (Т1+Т2+Т2); Др – сосуды с примесью редкой дресвы (Д0+Д1+ДП1+ДП2); Дс-ч – сосуды со средней и частой примесью дресвы (Д2+ДП3+ДП4); б/о – без орнамента; л – линейный орнамент; в – волнистый орнамент; т – тычковый орнамент; Σорн% – количество орнаментированных сосудов (в процентах); Σ – общее количество.

Таблица 29. Городище Городок. Раскопа 1–3, шурф 2.
Характеристики реконструированных керамических сосудов.

№	ФОРМА	ПОД-ГРУППА	ТИП	ПРИМЕСЬ	ОРНАМЕНТ	ПОДСЫПКА НА ДНЕ	ОБМЕРЫ (ММ)								МЕСТО НАХОДКИ
							Н	Нт	Нп	Нш	Дт	Дв	Дш	Дд	
ГРУППА I(лепная)															
1	горшок			Ш	нет	?	125	88	25	12	135	100	100	84	Р, Я1/2
2	горшок			Ш	нет	нет	120	90	22	8	160	138	134	100	Р, Я2/1
3	банка			Ш	нет	нет	60	32	28		80	68		58	Р, Я1Б/1
4	банка			Шл0	нет	песок	72	45	27		112	96		82	Р, Я1/2
5	бокал			Ш	нет	нет	155	105	50		160	140		105	Р, Я2/2
6	чаша			Т1	нет	нет	70					140		80	Р, Я1/2
7	чаша			Т1	нет	нет	50					120		36	Р, Я1Б/1
ГРУППА II (красноглиняная без лощения, ангоба и поливы)															
8	горшок	II-1	1.2	Т2	нет	?	108	65	35	8	140	110	100	86	Р, Я2/1
9	горшок	II-1	1.3	Д0	нет	?	120	85	28	7	180	176	170	74	Р, Я2/2
10	горшок	II-1	1.4	Т3	нет	?	128	83	37	8	180	145	150	85	Р, Я1/2
11	горшок	II-1	1.5	Т2	нет	песок	180	125	40	15	220	180	180	110	Р, Я1/2
12	горшок	II-1	1.6	ИП1	л	песок	155	111	38	6	188	164	158	90	Р, Я1А/2
13	горшок	II-1	1.8	Т3	л	песок	220	172	31	17	272	220	220	120	Р, Я1/2
14	горшок	II-1	1.9	Д1	нет	?	172	132	27	13	230	190	189	102	Р, Я2/1
15	горшок	II-1	1.9	Д1	нет	дресва	175	125	37	13	240	200	194	102	Р, Я2/1, пласты
16	горшок	II-1	1.10	Т3	нет	песок	220	160	55	5	220	165	155	110	Р, Я1Б/1
17	горшок	II-1	1.10	Ш	нет	песок	140	105	27	8	162	140	132	70	Р, Я1Б/1
18	горшок	II-1	1.10	Т3	нет	?	155	110	35	10	206	170	160	92	Р, Я1/2
19	горшок	II-1	1.11	Т3	нет	?	200	142	46	12	280	240	228	165	Р, Я2/1, пласты
20	горшок	II-2	2.1	ДП1	нет	дресва песок	165	125	33	7	242	200	190	130	Р, Я2/1
21	горшок	II-2	2.1	ДП1	нет	?	170	130	35	5	234	190	180	100	Р, Я2/1
22	горшок	II-2	2.2	Т2	в	песок	170	125	40	5	220	184	180	106	Р, Я2/1, пласты
23	горшок	II-2	2.2	ДП1	нет	дресва песок	118	85	28	5	168	140	134	78	Р, Я2/1, пласты
24	горшок	II-2	2.3	Т3	нет	зола	146	106	28	12	230	200	198	126	Р, Я2/1
25	горшок	II-2	2.3	П2	л	песок	80	60	13	7	130	110	106	70	Р, Я1/2, пласты
26	горшок	II-2	2.5	Т2	в	песок	175	125	37	13	250	207	200	115	Р, кан4
27	горшок	II-3	3.1	Д2	нет	нет	130	90	30	10	190	160	155	104	Р, Я2/2
28	горшок	II-3	3.2	ДП3	нет	песок	145	105	25	15	196	170	160	115	Р, Я1/2, пласты
29	горшок	II-3	3.2	Д0	нет	песок	162	123	32	7	201	160	155	125	Р, Я1А/2
30	горшок	II-3	3.3	П2	нет	песок известняк	100	70	16	14	150	140	130	80	Р, Я1Б/1
31	горшок	II-3	3.3	Д1	нет	?	202	135	54	13	260	210	200	130	Р, Я1/2, пласты
32	горшок	II-3	3.3	ДП2	нет	дресва песок	124	92	17	15	164	147	143	85	Ш2, пласты
33	горшок	II-3	3.5	Д2	нет	дресва	180	140	27	13	270	240	230	150	Р, Я2/2
ГРУППА II (красноглиняная без лощения, ангоба и поливы)															
34	корчага			Д2	нет	нет	380	210	160	10	335	160	142	174	Р, Я1Б/1
35	миска			ДП3	нет	дресва	62					160		80	Р, Я1А/1

36	миска			ДП1	нет	дресва песок	85					200		130	Р, Я1/2
ГРУППА IV (красноглиняная лощёная)															
37	горшок	IV-2		Т3	лв	?	275	155	100	20	330	250	245	200	Р, Я1/2, Я2/2, пласты
ГРУППА V (белоглиняная)															
38	горшок	V-1		Т1	л	нет	240	160	60	20	282	204	210	110	Р, Я1Б/1
39	горшок	V-1		Т2	л	нет отпечатки рук	145	90	40	14	180	127	130	85	Р, Я1/2
40	горшок	V-1		Т1	л	?	235	155	62	18	280	220	230	120	Р, Я1/2
41	горшок	V-1		Т1	л	?	152	100	30	22	200	154	170	55	Р, Я1/2
42	горшок	V-3		П1	л	песок	125	100	20	15	180	152	146	74	Р, Я2/1

Примечания:

1. Параметры сосудов (Н – общая высота; Нт – высота придонной части сосуда; Нп – высота плечика; Нш – высота шейки; Дт – наибольший диаметр по тулову; Дв – диаметр по венчику; Дш – диаметр по основанию шейки; Дд – диаметр днища) взяты из статьи: *Генинг*, 1973.

2. ИП1 – среднезернистый песок и толчёный известняк; остальные использованные обозначения характера примеси разъяснены в табл. 24, 25.

Сокращения: Р – раскоп, Я – яма, Ш2 – шурф 2

Орнамент: л – линейный; в – волнистый; лв – линейно-волнистый

Таблица 30. Монетные клады Нижегородского Поволжья XIV–XV вв.

№	МЕСТО И ДАТА НАХОДКИ	СВЕДЕНИЯ О СОСТАВЕ	ИСТОЧНИКИ
1	д. Б. Андреевка, Княгининский уезд, 1883г.		Архив ИИМК РАН. Ф.1. 1883 г. № 28.
2	с. Ильинское, Лукояновского уезда, 1867 г.	данги ЗО* (42 экз.): Джанибек, Бердибек, Кульна, Навруз, Хызр, Урду-Мелик, Абдуллах, Токтамыш (15 экз.)	Архив ИИМК РАН. Ф.1. 1867 г. № 18. Л.1–8; *Фёдоров-Давыдов,* 1960. С. 161. № 157.
3	с. Ветошкино, Сергачского уезда, 1909 г.	данги ЗО: от Токты до Азиз-Шейха, подражания дангам ЗО (2 экз.), всего 1831 экз.	Архив ИИМК РАН. Ф.1. 1895 г. № 293. Л. 453об, 454; 1909 г. № 136; *Фёдоров-Давыдов,* 1960. С. 146. № 93.
4	Княгининский уезд, 1869г.	данги ЗО и железный замок	Архив ИИМК РАН. Ф.1. 1869 г. № 35. Л.12.
5	с. Б. Уда, Сергачский уезд, 1895 г.	данги ЗО (165 экз.)	Архив ИИМК РАН. Ф.1. 1895 г. № 293. Л.25-26.
6	Урочище Моховые горы, Семёновский уезд, 1900 г.	Московское и Суздальско-Нижегородское княжества (50 экз.)	Архив ИИМК РАН. Ф.1. 1900 г. № 152. Л. 2-5, 8.
7	с. Разнежье, Воротынского района	данги ЗО: от Токты до Абдуллаха (416 экз.), подражания дангам ЗО, Джелаириды; большая часть подрезаны	*Архипов Г.А.,* 1982. С. 25–26; *Фёдоров-Давыдов,* 1960. С. 143–144. № 77.
8	с. Ожгибовка Пильнинский район, 1936 г.	русские (29%; 62 экз.): от Дмитрия Донского до Бориса Городецкого, подражания дангам ЗО; данги ЗО: от Токты до Токтамыша (327 экз.)	Нижний Новгород в XVII в., 1961. Приложение VII. С. 325; *Сузин,* 1949. С. 112–113.
9	Н-Новгород в Кремле у ц. Симеона Столпника, 1913 г.	данги ЗО (183 экз.)	*Парийский,* 1914. С. 41–42.
10	д. Кубаево, Горбатовский уезд, 1868 г.	серебряные слитки (3 экз.); данги ЗО (88 экз.): Токта, Узбек, Джанибек, Бердибек, Науруз, Хызр, Кильдибек, Мюрид, Абдуллах, Азиз-Шейх, Мухамед-Булак, Токтамыш; Василий Тёмный (800 экз.)	Архив ИИМК РАН. Ф.1. 1867 г. № 18. Л.5–9; *Фёдоров-Давыдов,* 1960. С. 171–172. № 208.
11	д. Окулово, Горбатовский уезд		*Орешников*, 1908.
12	с. Тарханово, Ардатовский уезд (Гагинский р-н), 1881 г.	данги ЗО (44 экз.)	*Фёдоров-Давыдов,* 1960. С. 184. № 304а.
13	д. Тёплый Стан, Курмышский уезд, 1900 г.	данги ЗО: от Узбека до Мухаммеда-Булака (79 экз.)	*Фёдоров-Давыдов,* 1960. С. 146. № 94.
14	д. Испухань, Курмышский уезд	данги ЗО (27 экз.) и каменный молоток	*Фёдоров-Давыдов,* 1960. С. 184. № 304.

*Здесь и ниже – Золотая Орда

Таблица 31. Хронологическое распределение монет из г. Нижнего Новгорода, памятников его округи и городища Городок

ЭМИТЕНТ	ПЕРИОД ЧЕКАНКИ	КОЛИЧЕСТВО		
		Н-Новгород	Округа	Городок
СЕРЕБРО				
Ханы Золотой Орды	XIV в.	7	14	
Анонимные подражания (двухсторонние) дирхемам Золотой Орды	XIV в.	1	5	
Борис Константинович Городецкий	1383–1394 гг.	1	1 (?)	
Василий Кирдяпа	1388–1391 гг.		1	
Василий Дмитриевич Московский	1389–1425 гг.	1		
Даниил Борисович или анонимный выпуск 1392–1399 гг. (по Г.А. Фёдорову-Давыдову)	1392–1399 гг.	1		
Василий Васильевич Московский (Тёмный)	1425–1434 гг.	1	1	1 (фальшивая)
	1434–1445 гг.			1
	1445–1462 гг.			9
Борис Александрович Тверской	1425–1462гг.			1
Хаджи-Гирей	1462–1463гг.			1
Василий Тёмный или Иван III	вблизи 1462г.			2
Иван III	1462–1505гг.		2	6
Иван III или Василий III	вблизи 1505 г.		1	
Неопределимые		3	5	2
МЕДЬ				
Пулы Золотой Орды	XIV в.	3	3	
Анонимные «тяжёлые» пулы (в том числе с утраченными изображениями)	конец XIV – XV вв.	32	5	9
Анонимные «маленькие поздние» пулы Московского государства	конец XV–XVI вв.	11	1	
ВСЕГО:		61	39	32

Таблица 32. Находки серебряных средневековых монет в Нижнем Новгороде

№	ЭМИТЕНТ	ДАТА	МЕСТО ЧЕКАНКИ	МЕСТО НАХОДКИ	ИСТОЧНИК
ДАНГИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ XIV В.					
1	Токта	710 г.х.	Сарай-ал-Махруса	во дворе у пл. Минина	1 экз.: *Петров,* 1997. С. 10.
2	Джанибек	743 г.х.	Сарай-ал-Джадид	Кремль	1 экз.: *Лапшин,* А-2001. Л. 50, илл. 98.
3	Джанибек	743 (9?) г.х.	Сарай-ал-Джадид	пер. Крутой	1 экз.: *Грибов,* А-1999. Илл. 113-Б.
4	Бердибек	759 г.х.	Гюлистан	Кремль	1 экз.: *Лапшин,* А-2001. Л. 50.
5	Бердибек	?	Азак	ул. Ульянова, 9	1 экз.: *Шакулова,* А-2003. Илл. 59.
6	?	?	Сарай-ал-Джадид	ул. Ульянова, 9	1 экз.: *Шакулова,* А-2003. Илл. 73, *12,13*.
7	?	?	Сарай-ал-Джадид	пл.Театральная	1 экз.: *Ерёмин,* А-1997. № 22421. Илл. 125, *14*.
8	Хызр	?	Гюлистан	Кремль	1 экз.: *Королёв,* А-2011. Илл.227, *7*.
ПОДРАЖАНИЯ ДАНГАМ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ XIV В.					
9				Успенская церковь, пер. Крутой	1 экз.: *Ерёмин*, А-1996. Илл.34 – 24. Л. 24.
ВЕЛИКОЕ НИЖЕГОРОДСКО-СУЗДАЛЬСКОЕ КНЯЖЕСТВО					
10	Борис Константинович (*Ильин,* 1940. С.29. Табл. V, *13 – 16*)	1384-1392 гг.		ул. Пискунова	1 экз. (0, 70 гр.): устное сообщение Кикеева А.Н. о раскопках 2005 г.
ВЕЛИКОЕ МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО					
11	Василий Дмитриевич (по определению Н.Д. Мец)			Кремль	1 экз.: *Воронин*, А-1960. Л. 6.
12	Даниил Борисович, или анонимный выпуск (л.с.: человек с секирой и саблей вправо; о.с.: надпись арабским письмом; *Орешников,* 1896. С. 192, по типу № 885 – 887, или 901)	1392–1399 гг. (*Фёдоров-Давыдов,* С. 122–123).	Н-Новгород?	пер. Крутой	1 экз. (0,76 гр.): *Грибов,* А-1999. Илл. 144Б.
13	Василий II (*Мец,* 1974. С. 88, №28)	1425–1434 гг.	Москва	пер. Крутой	1 экз. (0,55 гр.): *Грибов,* А-1999. Илл. 294.
НЕОПРЕДЕЛИМЫЕ					
14	л.с.: зверь или птица; о.с.: надпись арабским письмом			пер. Крутой	1 экз. (0,38 гр.): *Грибов,* А-1999. Илл. 127А.
15	изображения не сохранились			Кремль	1экз.: *Лапшин,* А-2001. Л. 50.
16				ул. Ульянова, 9	1 экз.: *Шакулова,* А-2003. Илл. 60, *2*.

Таблица 33. Находки медных средневековых монет в Нижнем Новгороде

№	ОФОРМЛЕНИЕ СТОРОН		МЕСТО НАХОДКИ	ИСТОЧНИК
ПУЛЫ РУССКОГО УДЕЛЬНОГО ЧЕКАНА КОНЦА XIV – XV ВВ.				
1–9	равноконечный крест со звёздами	фигура из перекрещенных ленточных овалов	ул. Ульянова, 9	9 экз.: *Шакулова*, А-2003. Илл. 125
10			ул. Пискунова, 22	1 экз.: *Аникин,* А-2003а. Илл. 67
11			пер. Крутой	1 экз.: *Грибов,* А-1999. Илл. 45
12–13			ул. Пискунова	2 экз.: устное сообщение Кикеева А.Н. о раскопках 2005 г.
14	равноконечный крест	фигура из перекрещенных однолинейных овалов	ул. Пискунова	1 экз.: устное сообщение Кикеева А.Н. о раскопках 2005 г.
15–17	равноконечный крест	?	пл.Театральная	3 экз.: *Ерёмин,* А-1997. № 22424. Илл. 87, *18*.
18			В-Волжская наб, 2а	1 экз.: *Лебедева,* А-2008а. Илл. 204
19			Кремль	1 экз.: *Королёв,* А-2011. Илл. 181, *6*
20	равноконечный крест со звёздами	решётка	ул. Пискунова	1 экз.: устное сообщение Кикеева А.Н. о раскопках 2005 г.
21	крест в ромбе	?	пл.Театральная	1 экз.: *Ерёмин,* А-1997. № 22424. Илл. 18, 4
22	без изображения	дракон?	пер. Крутой	1 экз.: *Грибов,* А-1999. Илл. 95
23	решётка с точками	решётка с точками	ул. Варварская, 4Б	1 экз.: *Лебедева,* А-2007а. Илл. 12
24	решётка	?	В-Волжская наб., 2а	1 экз.: *Лебедева,* А-2008а. Илл. 295, *2*
25	подражание надписи арабским письмом	?	ул. Варварская, 4Б	1 экз.: *Лебедева,* А-2007а. Илл. 70
«ТЯЖЁЛЫЕ» ПУЛЫ С ПОЛНОСТЬЮ СТЁРТЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ				
26–27	?	?	пл.Театральная	2 экз.: *Ерёмин,* А-1997. № 22423. Илл. 273, 17;. № 22424. Илл. 87, *17*
28			Кремль	1 экз.: *Лапшин,* А-2001. Л. 50
29			Кремль	1 экз.: *Гусева,* А-2002. Л. 26
30			пер. Крутой	1 экз.: *Гусева,* А-1991. Раскоп 2, № 54
31			ул. Варварская, 4Б	1 экз.: *Лебедева,* А-2007а. Илл. 69
32			Успенская церковь, пер. Крутой	1 экз.: *Ерёмин,* А-1996. Л. 21 (шурф 1, пласт 2, слой 4)
33–34			В-Волжская наб., 2а	2 экз.: *Лебедева,* А-2008а. Илл. 356, *3*; 327
ПУЛЫ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ				
35	зверь вправо	чекан Гюлистана 764 г.х.	Кремль	1 экз.: *Гусева,* А-2002. Илл.185, *1*
36	?	чекан Азака (1370–1380 гг.)	Кремль	1 экз.: *Гусева,* А-2002. Илл. 175, *8*
ЛЕГКОВЕСНЫЕ ПУЛЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА КОНЦА XV – XVI ВВ.				
37	?	? (Москва)	Кремль	1 экз.: *Черников,* А-1964. Л. 20
38–39			пл. Театральная	2 экз.: *Батюков, Муренцова,* 2013. С. 24; Батюков В.А., устное сообщение
40	?	текст (Москва)	пл. Театральная	1 экз.: *Ерёмин,* А-1997. № 22423. Илл. 273, 19
41–42				2 экз.: *Батюков, Муренцова,* 2013. С. 24; Батюков В.А., устное сообщение
43	сирена	текст (Москва)	Кремль	1 экз.: *Пигарев,* А-2008. Илл.148, *23*
44–45	птица летящая вправо	текст (Тверь)	пл.Театральная	2 экз.: *Ерёмин,* А-1997. № 22421. Илл. 9, *9*;. № 22423. Илл. 171, *3*
46			ул. Пискунова	1 экз.: устное сообщение Кикеева А.Н. о раскопках 2005 г.
47	сирена	текст (Новгород)	ул. Пискунова	1 экз.: устное сообщение Кикеева А.Н. о раскопках 2005 г.

Таблица 34. Находки отдельных серебряных монет Золотой Орды и подражаний им на территории Нижегородского удела великого Нижегородско-Суздальского княжества

№	ЭМИТЕНТ	ДАТА	МЕСТО ЧЕКАНКИ	МЕСТО НАХОДКИ	ИСТОЧНИК
ДАНГИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ XIV В.					
1	Узбек	715 (717?) г.х.	Сарай-ал-Махруса	поселение Курмыш-4	1 экз. (1,36 гр.): *Грибов,* А-2008а. Илл. 92, *4*.
2		?	Сарай-ал-Махруса	селище Ближнее Константиново-1	1 экз. (0,71 гр.): *Грибов,* А-2001а. Илл. 29, *11*.
3		734 г.х.	?	поселение Курмыш-4	1 экз. (1,35 гр.): *Грибов,* А-2008а. Илл. 92, *5*.
4–5	Джанибек	743 г.х.	Сарай-ал-Джадид	поселение Курмыш-4	2 экз. (0,71 гр., 0,99 гр.): *Грибов,* А-2008а. Илл. 92, *2*; *Грибов,* А-2009а. Илл. 20, *1*.
6		747 г.х.	Сарай-ал-Джадид	поселение Бешенцево-3	1 экз. (1,32 гр.): *Грибов,* А-2007а. Илл. 18, *8*.
7		753 г.х.	Сарай-ал-Джадид	селище Ближнее Константиново-1	1 экз. (1,0 гр.): *Грибов,* А-2003б. Илл. 11, *1*.
8	Бердибек	759 г.х.	Гюлистан	городище Курмыш	1 экз. (1,48 гр.): *Петров,* 1997. С. 11.
9		760 г.х.	Сарай-ал-Джадид	поселение Курмыш-4	1 экз. (1,30 гр.): *Грибов,* А-2009а. Илл. 35, *1*.
10	Науруз	760 г.х.	Азак	селище Кудрёшки-2	1 экз. (0,94 гр.): *Грибов,* А-2010. Илл. 137.
11–12		761 г.х.	Гюлистан	селище Бешенцево-2; поселение Бешенцево-3	2 экз. (0,90 гр., 1,51 гр.): *Грибов,* А-2009в. Илл. 12, *3*; *Грибов,* А-2009б. Илл. 44, *1*.
13	Мюрид	764 г.х.	Гюлистан	поселение Курмыш-4	1 экз. (1,50 гр.): *Грибов,* А-2008а. Илл. 92, *3*.
14	Пулат-Тимур	768 г.х.	?	городище Курмыш	1 экз. (1,42 гр.): *Петров,* 1997. С. 11.
ДВУХСТОРОННИЕ ПОДРАЖАНИЯ ДАНГАМ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ					
15–16				селище Ближнее Константиново-1	2 экз. (0,90 гр., 0,61 гр.): *Грибов,* А-1995а. Илл. 138; *Грибов,* А-2001а. Илл. 17.
17–19				поселение Бешенцево-3	3 экз. (0,84 гр.; 0,66 гр., 0,82 гр.): *Грибов,* А-2009б. Илл. 12, *1*; 250, *1*, *2*.

Таблица 35. Находки удельных серебряных монет на территории Нижегородского удела великого Нижегородско-Суздальского княжества

№	ЭМИТЕНТ	ДАТА	МЕСТО ЧЕКАНКИ, ИЗДАНИЕ	МЕСТО НАХОДКИ	ИСТОЧНИК
ВЕЛИКОЕ НИЖЕГОРОДСКО-СУЗДАЛЬСКОЕ КНЯЖЕСТВО					
1	Василий Дмитриевич Кирдяпа	1388–1391 гг.	*Орешников,* 1896. С. 185, по типу № 867–870.	селище Заозерье-3	1 экз. (0,92 гр.): *Грибов,* А-2009в. Илл. 110, *5*.
2	Анэпиграфная (Борис Константинович? На лицевой стороне – крест с точками; на оборотной – подражание надписи арабским письмом)	1393–1394 гг. (*Фёдоров-Давыдов,* 1989. С. 82,83)	Суздаль ? (*Фёдоров-Давыдов,* 1989. С. 82,83, 210, № 559, 562)	селище Теряево-5	1 экз. (0,76 гр.): *Грибов,* А-2011а. Илл.94.
ВЕЛИКОЕ МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО					
3	Василий Васильевич	1425–1434 гг.	*Мец,* 1974. С. 88, № 29.	селище Теряево-5	1 экз. (0,61 гр.): *Грибов,* А-2011а. Илл.93.
4	Иван Васильевич (Иван III)	1479–1505 гг.	Новгород (*Зайцев,* 2006. С. 47, 48. Табл. 8, тип 2-2).	поселение Ольгинское	1 экз.(0,74 гр.): *Грибов,* А-2009в. Илл. 5, *1*.
5		1462–1505 гг.	Москва (*Зайцев,* 2006. С. 89. Типы 13.1 – 13.2).	поселение Ольгинское	1 экз.(0,29 гр.): *Грибов,* А-2009в. Илл. 5, *2*.
6		около 1490 г.	*Орешников,* 1896.№ 669. Табл. XI, рис. 516;*Зайцев,* 2006. С. 89–90.	селище Ефимьево-6	1 экз. (0,24 гр.): *Грибов,* А-2011а. Илл. 34.
7	Иван III или Василий III	около 1505 г.	*Зайцев,* 2006. С. 91, 92. №№ 21, 22, 26. Табл. 2.	селище Кудрёшки-2	1 экз. (0,34 гр.): *Грибов,* А-2010. Илл. 138.
ПОЛУДЕНГИ					
8	анэпиграфная			поселение за Ромодановским вокзалом	1 экз. (0,19 гр.): *Грибов,* А-2004б. Илл. 43, *1*.
НЕОПРЕДЕЛИМЫЕ					
9–10	изображения не сохранились			селище Ближнее Константиново-1 (2 экз.); поселение Бешенцево-3 (2 экз.)	4 экз.: *Грибов,* А-2001а. Илл. 72,*1*; *Грибов,* А-2000. Илл. 72, *10*; *Грибов,* А-2009б. Илл. 44, *2, 3*.

Таблица 36. Медные средневековые монеты нижегородских селищ

№	ОФОРМЛЕНИЕ СТОРОН		МЕСТО НАХОДКИ	ИСТОЧНИК
МЕДНЫЕ ПУЛЫ УДЕЛЬНОГО ЧЕКАНА КОНЦА XIV – XV ВВ.				
1	равноконечный крест со звёздами	фигура из перекрещенных ленточных овалов	поселение Ольгинское	1 экз.(1,35 гр.): *Грибов,* А-2009в. Илл. 5, *4*.
2	равноконечный крест	розетка с пятилучевой звездой в центре	селище Ближнее Константиново-1	1 экз.(0,85 гр.): *Грибов,* А-2001а. Илл.92*, 1*.
3	равноконечный крест	подражание надписи, выполненной арабским письмом?	селище Ближнее Константиново-1	1 экз.(0,28 гр.): *Грибов,* А-2001а. Илл.92, *2*.
4	равноконечный крест с точками	барс вправо в фигурном картуше	поселение Ольгинское	1 экз.(1,25 гр.): *Грибов,* А-2009в. Илл. 5, *3*.
5	барс влево	четырёхстрочный текст: кн…/ вели…/ васил…/ …в…	селище Теряево-5	1 экз. (0,61 гр.): *Грибов,* А-2011а. Илл.93.
МЕДНЫЕ ПУЛЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ				
6–7	барс влево в фигурном картуше	трёхстрочная надпись: чекан / Гюлистана / 764 (*Клоков, Лебедев,* 2000. С. 80, №46Б; 134, рис. 12*, 46Б*)	поселение Курмыш-4	2 экз. (4,45 гр., 4,95 гр.)*:* *Грибов,* А-2008а. Илл. 92, *1*; *Грибов,* А-2009а. Илл. 25, *1*.
8	трёхстрочная надпись: султан справедливый / Хызр хан / да продлится правление его	трёхстрочная надпись: чекан / Гюлистана / 762 (*Клоков, Лебедев,* 2000. С. 79, 133, рис. 11*, 40В*)	поселение Курмыш-4	1 экз. (2,75 гр.): *Грибов,* А-2009а. Илл. 25, *2*.
МЕДНЫЕ МОНЕТЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА КОНЦА XV -XVI ВВ.				
9	птица летящая влево	текст в четыре строки («пуло тверское») (*Гайдуков,* 1993. С. 193, тип 360)	поселение Ольгинское	1 экз.(0,34 гр.): *Грибов,* А-2009в. Илл. 5, *5*.

Таблица 37. Усреднённые составы керамических комплексов из г. Нижнего Новгорода и Городка

ОСНОВНЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ	**Н-НОВГОРОД пер. Крутой 1999 г., Р-1 ЯМА 19**	**ГОРОДОК ранние комплексы**	**ГОРОДОК поздние комплексы**	**Н-НОВГОРОД пер. Крутой 1999 г., Р-1 ЯМА 20**
1. Лепная с шамотом	<1% (0,2%)	7%	5%	<1% (0,1%)
2. Красноглиняная без лощения, поливы и ангоба («сероглиняная грубая» + «красноглиняная гладкая»)	91%	82%	65%	32%
3. Красноглиняная ангобированная	–	3%	<1% (0,3%)	<1% (0,4%)
4. Краснолощёная	9%	4%	4%	23%
5. Белоглиняная окислительного обжига	<1% (0,1%)	4% (0,2–6%)	26% (20–30%)	40%
6. Чернолощёная и морёная	–	-	< 1% (0,02%)	5%
ВСЕГО:	100% (1391 фр.)	100% (2584 фр.)	100% (5262 фр.)	100% (1620 фр.)
ДАТИРОВКА:	рубеж XIV–XVвв.	сер. XV в. (40–60-е гг.)	60-е гг. XV – начало XVI вв.	конец XV – середина XVI вв.

Таблица 38. Характерный состав керамических комплексов нижегородских селищ и Городка

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ	**ТИПЫ СЕЛИЩ* (по подъёмному материалу)**							**Городок**
	1	2	3	4	5	6	7	
I. Лепная,%	1,2	1,4	0,5		0,2			0,4
II. Красноглиняная нелощёная без ангоба и поливы,% 1. С грубыми примесями 2. С тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка	**92,3**	**22,7** 24,0	**53,0** 0,2	3,4 1,1	21,0			**14,9** **60,3**
III. Красноглиняная ангобированная,%		0,8	**8,5**		**9,4**	**18,2**	**33,2**	1,3
IV. Краснолощёная,%	3,7	5,6	3,7					3,2
V. Белоглиняная окислительного обжига,%	2,8	**44,4**	**24,7**	**93,3**	**59,0**		4,3	**18,2**
VI. Преднамеренного восстановительного обжига (чернолощёная и морёная),%		1,1	**9,4**	2,2	**10,4**	**75,7**	15,3	1,7
VII. Поливная,%						6,1	**47,2**	
Общее количество керамических осколков	848	939	3431	87	415	33	229	1687

*Распределения керамического материала с селищ разных типов дано по материалам следующих памятников: тип 1 – с. Теряево-5, тип 2 – с. Бурцево-2, тип 3 – п. Ольгинское, тип 4 – с. Богородск-5, тип 5 – с. Кудрёшки-3, тип 6 – с. Новая Деревня-2, тип 7 – с. Богородск-4.

Таблица 39. Перечень мест проведения раскопок и шурфовочных работ в исторической части г. Нижнего Новгорода (1877–2016 гг.)

№	МЕСТА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ	ВСКРЫТИЯ		ИСТОЧНИК
		число, вид	площадь (кв.м)	
1	Холодный пер., 2, вблизи снесённой Покровской церкви	Р	?	Антропологическая выставка 1879 г., 1878-1879. С. 31; *Mainov V.,* 1889. V. 80.
		4 Р	81	Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 189 (1937 г.). № 259 (Л. 34).
2	Кремль, внутри и у стен собора Михаила Архангела	2 Ш	6,3	Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 260. Л. 47.
		Р; Ш	166	*Воронин,* А-1960
3	Внутри и у стен ц. Жён Мироносиц (Добролюбова ул., 13А)	Р	?	*Кирьянов,* А-1949
		5 Ш	19,46	*Ерёмин,* А-2002, А-2003б
4	Кремль, у стены между Георгиевской и Пороховой башнями	Ш	?	*Кирьянов,* А-1949
5	Кремль, у Кладовой башни	Ш	около 12	*Кирьянов,* А-1952
6	Кремль, внутри помещения у Ивановской башни	Ш	около 10	*Матвеева,* А-1956
7	Кремль, в 10 м к западу от собора Михаила Архангела	Ш	24	*Черников,* А-1964
8	Кремль, к югу от собора Михаила Архангела	Р	112	*Черников,* А-1964
9	Кремль, в 15 м к востоку от собора Михаила Архангела	Р	33	*Черников,* А-1973
10	Кремль, во дворе корпуса 2	3 Р	292	*Черников,* А-1977, А-1978, А-1979
11	Минина пл., продолжение ул. Варварской	Р	80	*Гусева,* А-1988
12	Почаинская ул., на правом берегу Почаинского оврага	2 Ш	16	*Гусева,* А-1989
13	Кремль, раскоп 2 у южных фасадов корпусов 8 и 9	Р	50	*Гусева,* А-1989
14	Кремль, раскоп 3 у северного фасада корпуса 10	Р	70,4	*Гусева,* А-1989
15	Кремль, участок А раскопа 1 у Ивановского спуска	Р	30	*Гусева,* А-1989
16	Кремль, участок Б раскопа 1 у южного фасада корпуса 7	Р	110	*Гусева,* А-1989
17	Крутой пер., 6, к востоку	2 Р	132	*Гусева,* А-1991
		2 Р	301	*Грибов,* А-1999
18	Грузинская ул., 24 – 28	Ш	2	*Гусева,* А-1992
19	Пискунова, 22, во дворе	Ш	2	*Гусева,* А-1992
		Ш	9	*Аникин,* А-2003а
20	Мельничный пер.	2 Ш	4	*Гусева,* А-1992
21	Пискунова, 4, подвал	Р	38,28	*Гусева,* А-1992
22	Благовещенский монастырь, северная ограда	3Ш; 2 Р	68,4	*Ерёмин,* А-1994, А-1995
23	Кремль, к северо-востоку от Кладовой башни	Ш	16	*Очеретин,* А-1994
24	М. Покровская ул., 4 – 6	2 Ш	2	*Аникин,* А-1995б
25	Б. Печёрская ул., 5	Ш	3,5	*Гусева,* А-1995б
26	Шевченко ул., в 20 м к юго-востоку от городища Городок, с напольной стороны	Ш	1	*Ерёмин,* А-1995
27	Шевченко ул., в 95 м к юго-востоку от городища Городок, с напольной стороны	Ш	1	*Ерёмин,* А-1995
28	Верхняя площадка юго-западного мыса при устье Похвалихинского оврага	3 Ш	3	Ерёмин, А-1995
29	Ульянова ул., 38	Ш	4	*Очеретин,* А-1995
30	Ильинская ул., внутри церкви Ильи Пророка	Ш	8	*Ерёмин,* А-1995
31	Б. Печёрская – Минина – Нестерова ул.	Ш	4	*Аникин,* А-1996б
32	Кремль, в районе бывшего трамвайного депо	2 Ш	11,16	*Гусева,* А-1996

33	Крутой пер. – Федоровского наб.	2 Ш	6,65	*Гусева,* А-1996
34	Крутой пер., к западу от Успенской церкви	2 Ш	13,4	*Ерёмин,* А-1996
35	Шевченко ул., напротив церкви	3 Ш	6	*Ерёмин,* А-1996
36	Варварская ул., 3	Ш	10	*Аникин,* А-1997а
37	Ульянова ул., 6	Ш	4	*Грибов,* А-1997а
38	Минина пл., на месте фонтана	Р	40	*Гусева,* А-1997
39	Театральная пл., на углу с ул. Пискунова	Р	374	*Ерёмин,* А-1997
40	Театральная пл., на месте гостиницы «Москва»	2 Р	837	*Ерёмин*, А-1997
41	Университетский пер., 7	Р	48,45	*Ануфриева,* А-1998а
42	Пожарского ул., 18	Р	80	*Гусева*, А-1998
43	Рождественская ул., 34 – 34А	Ш	6	*Дмитриевский,* А-1998
44	Рождественская ул., 13	Ш	4	*Дмитриевский,* А-1998
45	Почтовый съезд, 15	Ш	16	*Маслов,* А-1998
46*	Рождественская ул., 22	Р	40	Дмитриевский С.М., 1999; *Дмитриевский,* 2001. С. 80, 81.
47	Верхне-Волжская наб., 4	Р	196	*Гусева,* А-1999
48	Кремль, корпус 1А	2 Ш	4	*Кикеев*, А-2000а
		Р	970	*Лапшин,* А-2001
49	Минина ул., 8	Р	76	*Носкова,* А-2000
		Ш	12	*Гусева,* А-2001
50	Пискунова ул., 24	Ш	8,6	*Ануфриева*, А-2001а
		Р	197	*Ерёмин,* А-2002
51	Минина ул., 6А	2 Ш	2	*Гусева,* А-2002
52	Кремль, к югу от корпуса 1А	Р	27,62	*Гусева,* А-2002
53	Пожарского, 20	Р	144	*Гусева*, А-2002
54	Благовещенский монастырь, внутри здания больничных палат	Р	70	*Ерёмин,* А-2002
55	Нестерова ул., 7	4 Ш	16	*Ерёмин,* А-2002
56	Б. Покровская ул., на пересечении с ул.Октябрьской	3 Ш	12	*Ерёмин,* А-2002
57	Володарского ул., 57	Ш	4	*Иванова,* А-2002б
58	Славянская ул., 23	3 Ш	3	*Ерёмин,* А-2003б
59	Ульянова ул., 9	Р	164	*Шакулова,* А-2003
60	Минина ул., 10; Верхне-Волжская наб., 6	Ш	19,5	*Кикеев,* А-2003б
61	Кремль, с востока от корпуса 1А	2 Ш	около 6	*Зарубин,* А-2004
62	Кремль, с запада от корпуса 1А	4 Ш	около 6	*Зарубин,* А-2004
63	Пискунова ул., 22	Р	86	*Кикеев,* А-2004
64	Октябрьская ул., 22	Р	60	*Аникин,* А-2005б
65	Минина пл., на месте кафе «Олень»	2 Р	111,62	*Ануфриева,* А-2005б
66	Добролюбова ул., 20, в 40 м к востоку от церкви Жён Мироносиц	Ш	4	*Зарубин,* А-2005
67	Пожарского ул., 1А	2 Ш	13,44	*Зарубин,* А-2005
68*	Пискунова ул., 28, 30	Р	более 100	Кикеев А.Н., 2005
69*	Кремль, в западной части, на месте здания правительства Нижегородской области	4 Ш	16	*Ерёмин,* А-2006
		Р*	более 3500	Ерёмин И.О., 2006; *Николаенко,* 2015. С. 192.
70	Ковалихинская ул., 6–8	Ш	1	*Очеретина,* А-2006
71	Казбекский пер., 4	Ш	4	*Аникин,* А-2007б
72	Кремль, внутри корпуса 6, северная часть	Р	440	*Губайдуллин,* А-2007; *Губайдуллин, Шакиров,* 2010. С. 110.
73	Зеленский съезд, на пересечении с ул. Ильинской	Ш	4	*Лебедева,* А-2007в
		Ш	4	*Антонов,* А-2008
74	Варварская ул., 4, 6	Р	196	*Лебедева,* А-2007а
75	Минина ул., 1А	2 Р	446,8	*Лебедева,* А-2007б
76*	Б. Покровская ул., 10В	Ш	3,5	Ануфриева И.В., 2007; Архив УГОКННО. Паспорт «Нижний Новгород», 2009.

77*	Б. Покровская ул., 6	Р	93,6	Ануфриева И.В., 2007; Архив УГОКННО. Паспорт «Нижний Новгород», 2009.
78	Плотничный пер., 10/42	Ш	4	*Аникин,* А-2008б
79	Варварская ул., 4, 6, южнее раскопа 2007 г.	Р	909	*Данилов,* А-2008
80	Верхне-Волжская наб., 2А	19 Ш; 3 Р	332,57	*Лебедева,* А-2008а, А-2009а
81	Кремль, в западной части, у корпуса 12	Р	828	*Пигарев*, А-2008
82	Рождественская ул., 22	Р	142	*Хамзин,* А-2008; *Шакиров, Хамзин,* 2011. С. 244–246.
83	Грузинская ул., 28, 30, 38А	Р	54	*Четвертаков,* А-2008б
84*	Кремль, внутри корпуса 6, центральная часть и южное крыло	Р	1420	Шакиров З.Г., 2008; *Шакиров, Хамзин,* 2011. С. 244–246; Архив НГИАМЗ. АО. Шакиров
85	Кремль, проезжая часть Ивановского спуска у Дмитровской башни	Ш	1,06	*Четвертаков,* А-2009а
86	Кремль, проезжая часть Ивановского спуска у Дмитровской башни	Ш	3,06	*Четвертаков,* А-2009а
87	Кремль, у южного крыла корпуса 6	Ш	6,25	*Четвертаков,* А-2009а
88	Кремль, сквер у северного крыла корпуса 6	Ш	6,25	*Четвертаков,* А-2009а
89	Кремль, внутри северного крыла корпуса 6	Ш	5	*Четвертаков,* А-2009а
90	Кремль, у восточного фасада корпуса 10	Ш	4,2	*Четвертаков,* А-2010а
91	Кремль, к западу от Аллеи Славы	Ш	6,24	*Четвертаков,* А-2010а
92	Кремль, в 3,8 м к северу от корпуса 6 и в 6,5 от кремлёвской стены	Р	25	*Четвертаков,* А-2010а
93	Ильинская ул., 46	2 Ш	6	*Четвертаков,* А-2010б
94	Пожарского ул., 6	Ш	6	*Бакулин,* А-2011б
95	Кремль, Зачатская башня, внутри и рядом	3Ш	40	*Королёв,* А-2011; *Ерёмин,* 2012.
96*	Театральная пл., ул.Пожарского	Р	625	Батюков В.А., 2011; *Батюков, Муренцова,* 2013. С. 14–44.
97	Кремль, у Ивановской башни	Ш	4	*Бакулин,* А-2012в
98	Кремль, в 20 м к востоку от корпуса 5	Ш	2,25	*Бакулин,* А-2012в
99	Кремль, 9 м к востоку от корпуса 3	Ш	4	*Бакулин,* А-2012в
100	Кремль, 24 м к северо-востоку от Коромысловой башни	Ш	9	*Бакулин,* А-2012в
101	Кремль, 12 м к востоку от Северной башни	Ш	4	*Бакулин,* А-2012в
102	М. Ямская ул., 18	Ш	4	*Бакулин,* А-2012г
103	Кремль, 8 м к югу от ТП между Никольской и Коромысловой башнями	Ш	2,56	*Бакулин,* А-2012в
104	Новая ул., на пересечении с ул. Белинского	2 Ш	8	*Бакулин,* А-2012б
105	Ильинская ул., 45 м к югу от д.13 по наб. Федоровского	Ш	4,6	*Бакулин,* А-2012в
106	Нижегородская ул., 28	Ш	4	*Доманин,* А-2012
107	Костина ул., 9, 11, Воровского ул., 4 во дворе	2 Ш	2	*Доманин,* А-2012
108	М. Горького – Ильинская – Маслякова – М. Ямская ул.	4 Ш	4	*Доманин,* А-2012
109	М. Горького пл., в сквере	Ш	1	*Четвертаков,* А-2012
110	М. Горького пл., в сквере	Ш	1	*Четвертаков,* А-2012
111*	Кремль, в центральном ризалите корпуса 6	Р	около 100	Аникин И.С., 2012
112*	Кремль, в южном ризалите корпуса 6	Р	около 150	Аникин И.С., 2012
113	Ильинская ул., 62, 64	2 Ш	2	*Березина,* А-2013
114	Верхне-Волжская наб., 10А	2 Ш	4,5	*Доманин,* А-2013
115	Шевченко – 3-я Ямская – Б. Овраги ул.	3 Ш	6,75	*Доманин,* А-2013
116	Ковалихинская – М. Горького – Белинского ул., на перекрёстке	2 Ш	2	*Доманин*, А-2013
117	Сергиевская ул., 14А	3 Ш	3	*Доманин,* А-2013

118	Нестерова ул., 33, 37, Ковалихинская ул., 8, во дворе	2 Ш	3,25	*Доманин,* А-2013
119	Пожарского ул., 12 – Театральная пл., 1	Р	102	*Сергина,* А-2013а
120	Алексеевская ул., 6/16	Ш	10	*Сергина,* А-2013б
		Р*	175	Зарубина Л.В., 2014.
121	Почаинская ул., 33	Р	219,45	*Четвертаков,* А-2013а
122	Кремль, в западной части, в 7 м от кремлёвской стены, в 15 м к юго-западу от ТП	Ш	4	*Бакулин,* А-2014а
123	Кремль, в западной части, в 9 м к востоку от ТП	Ш	4	*Бакулин,* А-2014а
124	Кремль, в западной части, в 10 м к северо-западу от Никольской башни	Ш	4	*Бакулин,* А-2014а
125	Короткий пер., в квартале улиц М.Горького, Семашко и пл. Свободы	3 Ш	6	*Бакулин,* А-2014в
126	Алексеевская ул., 13Б	2 Ш	8	*Бакулин,* А-2014в
127	Провиантская ул., на пересечении с ул.Ульянова	Ш	1	*Бакулин,* А-2014б
128	Октябрьская ул., 11А, 13	2 Ш	4	*Доманин,* А-2014
		Р*	около 220	Долгополов С.В., 2016
129	Алексеевская ул., 13Б	2 Р	166	*Очеретина,* А-2014
130	Сергиевская ул., 21	Р	167	*Бакулин,* А-2015
131	Ульянова ул., 43	Ш	1	*Березина,* А-2015
132	Минина пл., 4	Р	330	*Очеретина,* А-2015
133	Крупская ул., 16А	Р	23	*Четвертаков,* А-2015
134	Плотничный, 6, 6А	6 Ш	9	*Доманин,* А-2015
135*	Благовещенский монастырь, у больничных палат	Р	около 100	Батюкова И.В., 2016

Сокращения: Р – раскоп; Ш – шурф.

Примечание.

Звёздочкой (*) помечены места или объекты исследований, научные отчёты о которых на начало 2017 г. не поступили на хранение в Архив Института археологии РАН. Для них в графе «Источники» указана фамилия автора и год проведения соответствующих работ, а также ссылки на какие-либо публикации результатов. В случае отсутствия таких ссылок сведения об изысканиях в виде устных сообщений получены непосредственно от руководителей соответствующих работ.

Таблица 40. Перечень мест археологических наблюдений на строительных объектах и участков сбора подъёмного материала в исторической части г. Нижнего Новгорода (1929–2014 гг.)

№	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ	ИСТОЧНИК
	НАБЛЮДЕНИЯ	
1	Кремль, зона сноса Спасо-Преображенского собора	Архив НГИАМЗ Всп. 999. Полка 31. Папка 53
2	Пискунова ул., 8–14, траншея	*Черников,* А-1973
		Носкова, А-1994
3	Минина пл., у Кладовой башни, котлован под сооружение подземного перехода	*Черников,* А-1980
4	Минина пл. – ул. Варварская (до пересечения с ул. Пискунова), траншея	*Гусева,* А-1988
5	Нестерова ул., во дворе д. 5, котлован	*Гусева,* А-1992
6	Ошарская ул., 9, колодезная яма и траншея	*Гусева,* А-1992
7	Ошарская пл., у пер.Ткачёва, траншея	*Гусева,* А-1992
8	Грузинская ул., у пересечения с ул. Ошарской, котлован	*Гусева,* А-1992
9	Пискунова ул., 37, колодезная яма	*Гусева,* А-1992
10	Грузинская ул., 13, 35Д, во дворе, траншея	*Гусева,* А-1992
11	Б. Печёрская, на пересечении с ул. Пискунова, траншея	*Гусева,* А-1992
12	Минина ул., 38/2, котлован	*Гусева,* А-1992
13	Плотничный пер., 15, котлован	*Гусева,* А-1992
14	Б. Покровская, ул., 59 –63, котлован	*Гусева,* А-1992
	Б. Покровская, 61Б, строительный участок	*Лебедева,* А-2004
15	Пискунова ул., 38, яма	*Гусева,* А-1992
16	Пискунова ул., 5, колодезные ямы и траншея	*Гусева,* А-1992
17	Варварская ул., 5Б, во дворе, траншеи	*Гусева,* А-1992
18	Варварская ул., 15, котлован	*Гусева,* А-1992
19	Пискунова ул., котлован под здание АТС	*Гусева,* А-1992
20	Театральная пл., 4, траншея	*Гусева,* А-1992
21	Холодный пер., садик Дома офицеров, траншея	*Гусева,* А-1992
22	Пожарского ул., 1, траншея	*Гусева,* А-1992
23	Сергиевская ул., 9 котлован	*Гусева,* А-1992
24	Минина пл., у Дмитровской башни, колодец	*Гусева,* А-1992
25	Кремль, траншея у юго-восточного угла корпуса 2	*Гусева,* А-1992
	Кремль, колодец у северо-западного угла корпуса 10	*Зарубин,* А-2005
	Кремль, колодец у юго-восточного угла корпуса 2	*Зарубин,* А-2005
26	Воровского ул., 66/11, траншея	*Гусева,* А-1992
27	М. Горького пл., в 75 м от д. 3 по ул. Звездинской, колодец	*Гусева,* А-1992
28	Звездинская ул., 5, колодец	*Гусева,* А-1992
29	Минина ул., 31А, котлован	*Гусева,* А-1992
30	Фрунзе ул., 7 котлован	*Гусева,* А-1992
31	Театральная пл., траншея между театром и д.2	*Гусева,* А-1992
32	М.Покровская, траншея от пересечения с ул. Б.Покровской	*Гусева,* А-1992
33	Звездинская ул., 24, котлован	*Гусева,* А-1993
34	Б. Покровская ул., 57, во дворе, яма	*Гусева,* А-1993
35	Холодный пер., 3, котлованво дворе	*Гусева,* А-1993
36	Грузинская ул., 8, траншея	*Гусева,* А-1993
	Грузинская ул., за домами 8 и 10, обнажение	*Гусева,* А-1993

37	Ильинская ул., 58, яма	*Гусева,* А-1993
	Ильинская, 58, строительный участок	*Бакулин,* А-2011б
38	Нижегородская ул., 19, яма	*Гусева,* А-1993
39	Мельничный пер., строительный участок	*Гусева,* А-1993
40	М.Горького ул., 59, 63, котлован	*Гусева,* А-1993
41	Ульянова ул., 6, во дворе, яма	*Гусева,* А-1993
42	Б. Покровская ул., 9А, обнажение в подвале	*Гусева,* А-1993
43	Ильинская ул., 19, траншея	*Гусева,* А-1993
44	Рождественская ул., 24, траншея перед главным фасадом	*Гусева,* А-1993
45	Рождественская ул., 24, яма во дворе	*Гусева,* А-1993
46	Нестерова ул., 39, траншея	*Гусева,* А-1993
47	Минина ул., 1, траншея	*Гусева,* А-1993
48	Почаинская ул., 7 – 14А, котлован	*Носкова,* А-1994
49	Б. Покровская ул., Мытный рынок, траншея	*Носкова,* А-1994
50	Холодный пер., 2, котлован	*Гусева,* А-1995в
	Холодный пер., 6, котлован под пристрой к Зданию Центробанка	*Лебедева,* А-2004
51	Минина пл., траншеи	*Гусева,* А-1995а
52	Нижне-Волжская наб., траншея от Речного вокзала до ул. Широкой	*Гусева,* А-1995д
53	Ильинская ул., 35 – пер. Крутой, 11, траншея	*Гусева,* А-1995а
54	Черниговская ул., у юго-восточного фасада Казанского вокзала, траншея	*Ерёмин,* А-1995
55	Суетинская ул., 2, траншея	*Гусева,* А-1995а
56	Суетинская ул., 8 – 10, траншея	*Гусева,* А-1995а
57	Б. Покровская, 32 – 37, траншея	*Гусева,* А-1995а
58	Пискунова ул., 45 – 47, траншея	*Гусева,* А-1995а
59	Студёная ул., 3А, 3Б, котлован	*Гусева,* А-1995г
60	Пискунова ул., 1, 2, траншея	*Гусева,* А-1995а
61	Пискунова ул., 3, траншея	*Гусева,* А-1995а
62	Театральная пл., траншея	*Гусева,* А-1995а
63	Кремль, у корпуса 9, траншея	*Гусева,* А-1996
64	Сергиевская ул., 25, траншея к югу от главного фасада	*Гусева,* А-1996
	Сергиевская ул., 25, траншея к юго-востоку от главного фасада	*Гусева,* А-1996
65	Гоголя ул., 32–36, зона строительства	*Иванова,* А-1996б
	Гоголя ул., 31–41, траншея	*Иванова,* А-2001б
66	Сергиевская ул., 10, котлован	*Гусева,* А-1996
67	Крутой пер., 6, траншея	*Гусева,* А-1996
68	Ильинская ул., 48, котлован	*Гусева,* А-1996
	Ильинская ул., 48, колодец	*Бакулин,* А-2013
	Ильинская ул., 48, котлован на тротуаре	*Бакулин,* А-2013
69	Б. Покровская – ул. Грузинская, траншея	*Очеретин,* А-1996
70	Гребешковский откос, траншея	*Очеретин,* А-1996
71	Соревнования ул., траншея	*Очеретин,* А-1996
72	Соревнования ул. – ул. Ярославская, траншея	*Дмитриевский,* А-1996
73	Суетинская ул., 72 – ул. Гоголя, 52, траншея	*Гусева,* А-1996
74	Нижне-Волжская наб., от Речного вокзала до Городецкого пер., траншея	*Гусева,* А-1996
75	Нижне-Волжская наб. – от конца застройки до пер. Городецкого, траншея	*Гусева,* А-1996
76	Варварская ул., 3, траншея	*Аникин,* А-1996б
77	Рождественская ул., 35, траншея	*Ерёмин,* А-1996
78	Б. Покровская, 47, строительный участок	*Дмитриевский,* А-1997
79	Ткачёва пер.. 4, 6, котлован	*Иванова,* А-1997

80	Кремль, к северу от корпуса 1А, колодец	*Гусева,* А-1997
81	Студёная ул., 7, котлован	*Гусева,* А-1997
82	Студёная ул., 9, котлован	*Гусева,* А-1997
83	Студёная ул., 1А, котлован	*Гусева,* А-1997
	Студёная ул., 3, котлован	*Лебедева,* А-2004
84	Пискунова ул., 2, котлован	*Очеретин,* А-1998
85	Гоголя ул., 5 котлован	*Аникин,* А-1998
86	Звездинская ул., на пересечении с ул. Б. Покровская, котлован	*Очеретин,* А-1998
87	Гоголя ул., 39, котлован	*Аникин,* А-1998
	Гоголя ул., 39, котлован	*Аникин,* А-1999
	Гоголя ул., 41, котлован	*Аникин,* А-2000
88	Нижегородская ул., 11В, котлован	*Очеретин,* А-1998
89	Володарского ул., 45–47, строительный участок	*Кикеев,* А-1998
90	Звездинская ул., 20, строительный участок	*Кикеев,* А-1998
	Звездинская ул., строительный участок	*Ануфриева,* А-2001а
91	Б. Покровская ул., 47Б, строительный участок	*Дмитриевский,* А-1998
92	Ошарская ул., 16, котлован	*Коновалова,* А-1998
93	М.Покровская ул., 7, котлован	*Иванова,* А-1998
94	Гранитный пер., котлован	*Ануфриева,* А-1998б
95	Минина ул., 31Б, котлован	*Кикеев,* А-1998
96	Ульянова ул., 4А, котлован	*Иванова,* А-1998
97	Шевченко ул. – М. Ямская – М. Горького, котлован	*Маслов,* А-1998
98	Гоголя ул., 52, траншея	*Аникин,* А-1998
99	Университетский пер., траншеи	*Ануфриева,* А-1999
100	Нижегородская ул., строительный участок	*Ануфриева,* А-1999
101	Нестерова ул., 4 – 8, траншея	*Гусева,* А-1999
102	Ошарская ул. – Варварская – Октябрьская, котлован	*Коновалова,* А-1999
103	Семашко ул, на пересечении с ул. Минина, котлован	*Ануфриева,* А-1999
104	Гранитный пер., траншея	*Ануфриева,* А-1999
105	Маслякова ул., 5, котлован	*Коновалова,* А-1999
106	Ульянова ул., 7Б, котлован	*Гусева,* А-1999
107	Минина ул., 4, зона строительства	*Коновалова,* А-1999
	Минина ул., 4, котлован	*Зарубин,* А-2003
108	Минина пл., 7А, траншея	*Гусева,* А-1999
109	Университетский пер., траншея, отрезок, от д. 3	*Ануфриева,* А-2000
110	Университетский пер., траншея, отрезок от д.39А по ул. Б. Покровская	*Ануфриева,* А-2000
111	Звездинская ул., котлован	*Ануфриева,* А-2000
112	Б. Покровская, 51А, строительный участок	*Антонов,* А-2000
113	Алексеевская ул., 22, яма	*Антонов,* А-2000
114	Пискунова ул., 25/40А, котлован	*Ануфриева,* А-2000
115	Мельничный пер., 3, траншея	*Кикеев,* А-2000б
116	Б. Печёрская ул., 5, котлован	*Кикеев,* А-2000б
117	Грузинская ул., 11, траншея	*Кикеев,* А-2000б
118	Б. Покровская, 26, траншея	*Кикеев,* А-2000б
	Б. Покровская, 26, траншея	*Кикеев,* А-2001
119	Нижегородская ул., 10, траншея	*Кикеев,* А-2000б
120	Ошарская ул., 34/1, котлован	*Кикеев,* А-2000б
121	Славянская ул., 52, котлован	*Аникин,* А-2000
122	Студёная ул., строительная площадка	*Ануфриева,* А-2000

123	М. Покровская ул., 6, строительная площадка	*Ануфриева,* А-2000
	М. Покровская ул., 6, строительная площадка	*Антонов,* А-2003
124	Обозная ул., 12, траншея	*Кикеев,* А-2000б
125	Кожевенный пер., яма	*Иванова,* А-2000
126	Широкая ул., 8, коллектор	*Кикеев,* А-2000б
127	Кожевенный пер., 3, траншея	*Кикеев,* А-2000б
128	Почаинская ул., 21, траншея	*Кикеев,* А-2000б
129	Алексеевская ул., 5, колодцы	*Кикеев,* А-2000б
130	Пискунова ул., 26, траншея	*Кикеев,* А-2000б
131	Верхне-Волжская наб., 3, коллектор	*Кикеев,* А-2000б
132	Музейный пер., колодец, траншея	*Кикеев,* А-2000б
133	Суетинская ул., 1, траншея	*Кикеев,* А-2000б
134	Минина ул., 8, строительная площадка	*Гусева,* А-2001
	Минина ул., 6А, котлован	*Зарубин,* А-2003
135	Б. Покровская ул., 10–22, траншея, зачистка у д. 22	*Иванова,* А-2001б
136	Б. Покровская ул., 10–22, траншея, зачистка у д. 18	*Иванова,* А-2001б
137	Б. Покровская ул., 10–22, траншея, зачистка в 20 м от д. 20	*Иванова,* А-2001б
	Б. Покровская ул., 10–22, траншея, зачистка у д. 20	*Иванова,* А-2001б
	Б. Покровская ул., на пересечении с ул. Октябрьской, траншеи*	Ануфриева И.В., 2007
138	Б. Покровская ул., 10–22, траншея, зачистка у юго-западного угла д. 22	*Иванова,* А-2001б
139	Б. Покровская ул., 10–22, траншея, зачистка у д. 12	*Иванова,* А-2001б
140	Б. Покровская ул., 10–22, траншея, зачистка у д. 24	*Иванова,* А-2001б
141	Нестерова ул., на перекрёстке с ул. Минина, строительная площадка	*Ануфриева,* А-2001б
142	Грузинская ул., 5, строительная площадка	*Гусева,* А-2001
143	Университетский пер., траншея	*Гусева,* А-2001
144	Б. Покровская ул., 35, строительная площадка	*Гусева,* А-2001
145	Гоголя ул., 22 строительная площадка	*Гусева,* А-2001
146	Звездинская ул., 26, котлован	*Иванова,* А-2001а
147	Нижегородская ул., 21, котлован	*Антонов,* А-2001
148	Ильинская ул., 52–54, колодец	*Антонов,* А-2001
149	Октябрьская ул., 9, котлован	*Кикеев,* А-2001
150	Алексеевская ул., 25, котловн	*Кикеев,* А-2001
151	Б. Покровская ул., 25, котлован и траншея	*Кикеев,* А-2001
152	Б. Покровская ул., 52, котлован	*Кикеев,* А-2001
153	М. Горького ул., 226, котлован	*Грибов,* А-2001б
154	Провиантская ул., 16, строительная площадка	*Очеретина,* А-2001
155	Б. Печёрская, на пересечении с пер. Школьным, строительная площадка	*Ануфриева,* А-2001б
156	Славянская ул., строительная площадка	*Ануфриева,* А-2001а
	Славянская ул., 33, котлован	*Ануфриева,* А-2005а
157	М. Горького ул., строительная площадка	*Ануфриева,* А-2001а
	М. Горького ул., строительная площадка	*Ануфриева,* А-2003б
158	Белинского ул., 62, строительный участок	*Зарубин,* А-2001
	Белинского ул., 62, строительный участок	*Зарубин,* А-2002
159	М. Горького ул., 152, котлован	*Иванова,* А-2001а
160	Черниговская ул., траншея	*Иванова,* А-2001а
161	Короленко ул., 18–19, котлован	*Антонов,* А-2001
162	Шевенко ул., М.Ямская, траншея	*Кикеев,* А-2001
163	Кожевенная ул., траншея	*Иванова,* А-2001б
164	Б. Покровская ул., 5, зона строительства	*Очеретина,* А-2001

165	Верхне-Волжская наб., 5, строительная площадка	*Гусева,* А-2001
166	Ильинская ул., 21, траншея	*Кикеев,* А-2001
167	Ошарская ул. – Пискунова ул. – Варварская ул. – Октябрьская ул., котлован	*Очеретина,* А-2002
168	Б. Печёрская ул., 17, котлован	*Иванова,* А-2002б
169	Володарского ул., 43, котлован	*Иванова,* А-2002а
170	Б. Печёрского ул., 8А, котлован	*Иванова,* А-2002а
171	Верхне-Волжская наб., 9, строительный участок	*Гусева,* А-2002
172	Студёная ул., 5, строительный участок	*Гусева,* А-2002
173	Б. Печёрская ул., 39, строительный участок	*Очеретина,* А-2002
174	М. Горького ул., 108/28, котлован	*Иванова,* А-2002б
175	Б. Покровская ул., 71, котлован	*Иванова,* А-2002а
176	Воровского ул., 6, строительная площадка	*Ерёмин,* А-2002
177	Студёная ул., 67, котлован	*Зарубин,* А-2002
178	Провиантская ул., на пересечении с ул. М. Горького, котлован	*Зарубин,* А-2002
179	Короленко ул., на пересечении с ул. Новой, строительный участок	*Зарубин,* А-2002
180	Верхне-Волжская наб., 2, котлован	*Гусева,* А-2002
181	Володарского ул., 57, котлован	*Иванова,* А-2003
182	Обозная ул., 3, котлован	*Иванова,* А-2003
183	Обозная ул., строительная площадка	*Кикеев,* А-2003а
184	Семашко ул., 33, строительная площадка	*Кикеев,* А-2003а
185	Б. Печёрская ул., строительная площадка	*Ануфриева,* А-2003б
186	Короленко ул. – ул. Новая, строительный участок	*Зарубин,* А-2003
187	Белинского ул. – Б. Печёрская ул. – Тургенева ул. – Сеченова ул., строительная площадка	*Ерёмин,* А-2003б
188	Белинского ул. – М. Горького ул. – Трудовая ул., строительная площадка	*Ерёмин,* А-2003б
189	Б. Покровская ул. – Арзамасская ул. – Крупской ул. – Воровского ул., строительная площадка	*Ерёмин,* А-2003
190	Почаинская ул., 14, зона строительства	*Ануфриева,* А-2003б
191	Кремль, корпус 11А, траншея у северо-восточного угла	*Зарубин,* А-2004
192	Нижне-Волжская наб., 26, котлован	*Аникин,* А-2004б
193	Провиантская ул., 5 – Б. Печёрская ул., 28, строительный участок	*Ануфриева,* А-2004
194	Почаинская ул., на пересечении с Зеленским съездом, траншея	*Доманин,* А-2004
	Ильинская ул., на пересечении с Зеленским съездом, котлован	*Ануфриева,* А-2005а
	Ильинская ул., на пересечении с Зеленским съездом, котлован	*Антонов,* А-2007
	Ильинская ул., на пересечении с Зеленским съездом, котлован	*Антонов,* А-2008
195	Решетниковская ул., 21, котлован	*Аникин,* А-2004б
196	Котина ул. – ул. Воровского, траншея	*Доманин,* А-2004
197	Белинского ул., 32, строительный участок	*Иванова,* А-2004
	Белинского ул., 32, строительный участок	*Аникин,* А-2006б
	Белинского ул., 32, строительный участок	*Аникин,* А-2007а
198	Костина ул., 22А, котлован	*Иванова,* А-2004
199	Варварская ул., 27А, котлован	*Иванова,* А-2004
200	Нестерова ул., 35, котлован	*Ануфриева,* А-2004
201	Б. Печёрская ул., 45, 45Б, котлован	*Ануфриева,* А-2004
202	Октябрьская ул., 9А – Грузинская ул., 30А, траншея	*Ануфриева,* А-2004
203	Кремль, между корпусами 9 и 10, колодец	*Зарубин,* А-2005
204	Октябрьская ул., 5, котлован	*Иванова,* А-2005
205	Кремль, в 24 м к юго-востоку от корпуса 10, колодец	*Зарубин,* А-2005
206	Кремль, в 24 м к востоку от корпуса 10, колодец	*Зарубин,* А-2005

207	Белинского ул. – Студёная ул., котлован	*Ануфриева,* А-2005а
208	М. Горького ул., 61–65А, котлован	*Ануфриева,* А-2005а
209	Добролюбова ул., 20, траншея в 20 м к востоку	*Зарубин,* А-2005
210	Пожарского ул., 1А, котлован	*Зарубин,* А-2005
211	Пискунова ул. – Варварская ул. – Ошарская ул. – Октябрьская ул., котлован	*Очеретина,* А-2005
212	Кремль, между корпусом 2 и храмом Михаила Архангела, колодец	*Зарубин,* А-2005
213	Фрунзе ул., 23, котлован	*Иванова,* А-2006б
214	Варварская ул., 15, котлован	*Иванова,* А-2006б
215	Алексеевская ул., 41, котлован	*Аникин,* А-2006б
216	Б. Покровская ул., 1 – 10, траншея	*Ануфриева,* А-2006
217	Нестерова ул., 31 – 35, траншея	*Ануфриева,* А-2006
218	Фрунзе ул., на пересечении с ул. Б.Печёрской, траншея	*Ануфриева,* А-2006
219	Новая ул., 8–16, траншея	*Ануфриева,* А-2006
220	Гранитный пер., котлован	*Доманин,* А-2006б
221	Короленко ул., 32, 34, 35, строительный участок	*Доманин,* А-2006б
222	Почтовый съезд, 11, строительный участок	*Доманин,* А-2006а
223	Б. Покровская ул., 98, котлован	*Иванова,* А-2007
224	Володарского ул., 38А, котлован	*Иванова,* А-2007
225	Академика Блохиной, 4/43, котлован	*Аникин,* А-2007б
226	Варварская ул., 44, котлован	*Аникин,* А-2007б
227	Б. Печёрская ул. – М. Горького ул. – Белинского ул. – Фрунзе ул. («Пражский квартал»), строительный участок	*Лебедева,* А-2007в
228	Верхне-Волжская наб., 7, траншея*	Ануфриева И.В., 2007
229	Ильинская ул., траншея от ул. Красносельской до ул. М. Горького	*Четвертаков,* А-2008а
230	Фрунзе ул., 4, 5, строительный участок	*Четвертаков,* А-2008а
231	Решетниковская ул., к юго-западу от пересечения с ул. Звездинской, строительный участок	*Четвертаков,* А-2008а
232	Пискунова ул., 34, котлован	*Лебедева,* А-2008б
233	Фрунзе ул., 5, в квартале улиц Ковалихинская, Трудовая, Б. Печёрская, строительный участок	*Лебедева,* А-2008б
234	Нижне-Волжская наб., 16, строительный участок	*Лебедева,* А-2008б
235	Благовещенский монастырь, благоустройство территории	*Лебедева,* А-2009б
	Благовещенский монастырь, благоустройство в восточной части	*Березина,* А-2013
	Благовещенский монастырь, благоустройство в восточной части	*Батюкова,* А-2015
236	Кремль, в 10 м к югу от юго-восточного угла корпуса 3, колодец	*Четвертаков,* А-2009а
237	Кремль, у северо-западного фасада корпуса 6, колодец	*Четвертаков,* А-2009а
	Кремль, у ограды корпуса 6, к востоку от Ивановского спуска, колодец	*Четвертаков,* А-2010а
238	Кремль, в сквере у северного крыла корпуса 6, колодец	*Четвертаков,* А-2009а
	Кремль, у северного крыла корпуса 6, колодец	*Четвертаков,* А-2009а
239	Нижегородская ул., 24–26, котлован	*Четвертаков,* А-2009б
240	Б. Печёрская ул., 28Г, котлован	*Четвертаков,* А-2009б
241	Звездинская ул., траншея	*Четвертаков,* А-2009б
242	Свободы пл., вокруг Нижегородского острога, траншея	*Четвертаков,* А-2009б
243	М. Горького ул., 129А, 131, строительный участок	*Четвертаков,* А-2009б
244	Черниговская ул., 8, участок реконструкции здания	*Лебедева,* А-2009 б
245	Холодный пер., 7, траншея	*Лебедева,* А-2009б
246	Б. Печёрская ул., 31, участок реконструкции здания	*Лебедева,* А-2009б
247	Кремль, западная часть, 12 м от кремлёвской стены и в 9м к юго-востоку от юго-западного угла ограды гарнизона, траншея	*Четвертаков,* А-2010а
248	Кремль, на западной стороне Ивановского спуска, колодец	*Четвертаков,* А-2010а

249	Кремль, западная часть, 12 м от кремлёвской стены и в 39 м к востоку от юго-западного угла ограды гарнизона, траншея	*Четвертаков,* А-2010а
250	Кремль, западная часть, 63 м от кремлёвской стены и в 34 м к востоку от юго-западного угла ограды гарнизона, траншея	*Четвертаков,* А-2010а
251	Кремль, западная часть, 6 м от кремлёвской стены и в 79 м к северо-востоку от юго-западного угла ограды гарнизона, траншея	*Четвертаков,* А-2010а
252	Кремль, от кремлёвской стены у северо-восточного фасада здания Арсенала (корпуса 6) вдоль северо-западной ограды последнего до Ивановского съезда, траншея	*Четвертаков,* А-2010а
	Кремль, у кремлёвской стены рядом со стеной северо-восточного фасада корпуса 6, колодезная яма	*Четвертаков,* А-2009а
253	Кремль, траншея вдоль Аллеи Славы, в 46 м от кремлёвской стены	*Четвертаков,* А-2010а
254	М. Покровская ул., 8А–12, траншея	*Бакулин,* А-2011а
255	Ткачёва пер., 5 – 7, пер. Могилевича, строительный участок	*Очеретина,* А-2011
256	Новая ул., 51, котлован	*Четвертаков,* А-2011
257	Плотничный пер., 16–24, траншея	*Четвертаков,* А-2011
258	Кремль, восточная часть, траншея от ТП-178 во дворе корпуса 3 до ТП-135 во дворе д.1/1А по Нижне-Волжской наб.	*Четвертаков,* А-2011
259	Нижне-Волжская наб., 1/1Б, реконструкция здания	*Четвертаков,* А-2011
260	Кремль, 10 м к востоку от Часовой башни, котлован	*Бакулин,* А-2012в
261	Рождественская ул., рядом с Ивановской башней, яма	*Бакулин,* А-2012в
262	Рождественская ул., 5, 8 м к востоку от д. 5, котлован	*Бакулин,* А-2012в
263	Кремль, 40 м к западу от Манежа, котлован	*Бакулин,* А-2012в
264	Ильинская ул. – наб. Федоровского, колодцы и траншея у д.13	*Бакулин,* А-2012б
265	Ильинская ул., в 65 м к востоку от Водной больницы	*Бакулин,* А-2012в
266	Ткачёва пер. – Могилевича пер. – ул. Академика Блохиной колодцы и зона реконструкции д.5 по пер. Могилевича	*Бакулин,* А-2012б
267	Ильинская ул., колодезная яма на перекрёстке с ул.Сергиевской у д. 40	*Бакулин,* А-2012б
268	Ильинская ул., колодец у западного фасада д. 5 по ул.Добролюбова	*Бакулин,* А-2012б
269	Кремль, восточная часть, к востоку от корпуса 3, траншея	*Бакулин,* А-2012в
270	Рождественская ул., 6 м к западу от Зеленского съезда, колодец	*Бакулин,* А-2012в
271	Ильинская ул., колодец у подворья Ильинской церкви	*Бакулин,* А-2012в
	Ильинская ул., колодец у Ильинской церкви	*Бакулин,* А-2012в
	Ильинская ул., 5, колодец	*Бакулин,* А-2012в
272	Рождественская ул., 2, 15 м к северу, колодец	*Бакулин,* А-2012в
273	Ильинская ул., колодезные ямы у перекрёстка с ул. Добролюбова	*Бакулин,* А-2012б
274	Ильинская ул., 44–52, колодцы и траншея	*Бакулин,* А-2012б
275	Рождественская ул., траншея от Ивановской башни	*Доманин,* А-2012
276	Крупской ул., траншея	*Доманин,* А-2012
277	Ошарская ул., 44, 45 м от ул. М. Горького и в 18 м от ул. Ошарской, котлован	*Четвертаков,* А-2013б
278	Плотничный пер., 14–24, траншея	*Бакулин,* А-2012б
279	М.Горького ул., 5/76, котлованы и траншеи	*Бакулин,* А-2013
280	Ильинская ул., 64, колодец	*Бакулин,* А-2013
281	Новая ул., 36, строительный участок	*Бакулин,* А-2014а
282	Алексеевская ул., 13Б, котлован	*Бакулин,* А-2014б
283	Ильинская ул., зона строительства у д. 64 (д.36 по генплану)	*Доманин,* А-2014
СБОРЫ ПОДЪЁМНОГО МАТЕРИАЛА		
284	Мельничный пер., к западу от юго-западного угла д.8	*Гусева,* А-1992
285	Суетинская ул., на береговом склоне	*Гусева,* А-1992
286	Почаинский овраг, склон левого берега	*Гусева,* А-1992
287	Крутой пер.	*Гусева,* А-1992

288	Кремль, на склоне волжского берега Спасской горы, восточнее изгиба (поворота Ивановского спуска)	*Гусева,* А-1992
289	Минина ул., 10	*Гусева,* А-1992
290	Минина ул., 2	*Гусева,* А-1992
291	Минина ул., 7/1	*Гусева,* А-1992
292	Пожарского ул, на склоне мыса Почаинского оврага при отвершке оврага Зеленского съезда	*Гусева,* А-1992
293	Кремль, у Тайницкой башни	*Гусева,* А-1993
294	Верхне-Волжская наб., в 80 м к северу от д.8, на склоне Волжского откоса	*Гусева,* А-1993
295	Борисоглебская башня Кремля, на склоне Волжского откоса (за кремлёвской стеной)	*Гусева,* А-1993
296	Гаршина ул., к северо-северо-востоку и юго-западу от церкви Иоанна Предтечи	*Ерёмин,* А-1995

Примечания.

Территориально близкие обследованные объекты указаны под одним учётным номером.

№ – учётный номер места проведения работ, соответствующий нумерации объектов на рис. 4*.

Звёздочкой (*) помечены места исследований, научные отчёты о которых на начало 2017 г. не поступили на хранение в Архив Института археологии РАН. Для них в графе «Источники» указана фамилия автора и год проведения соответствующих работ, а также ссылки на какие-либо публикации результатов. В случае отсутствия таких ссылок сведения об изысканиях в виде устных сообщений получены непосредственно от руководителей соответствующих работ.

Таблица 41. Список археологических памятников Березополья XIII–XIX вв.

№	НАЗВАНИЕ	ТИП	ПЛОЩАДЬ (кв.м)	ИСТОЧНИКИ
ПАМЯТНИКИ С МАТЕРИАЛАМИ III – НАЧАЛА XV ВВ.				
1	Арапово-2 селище	3	4200 (8200)	*Грибов,* А-2010
2	Безводное-16 поселение (Безводное-9)	1	750	*Жилин,* А-1984, А-1999; *Миронос,* А-1989; *Солнцев,* А-1991; *Грибов,* А-2011б
3	Безводное-25 поселение (Безводное-15)	1	900	*Грибов,* А-2011б
4	Береговые Новинки-1 селище (Новинки-1)	1	(4000)	*Черников,* А-1959; *Блинова,* А-1979
5	Берёзовка-1 селище	3	40000 (57850)	*Аникин,* А-2009
6	Бешенцево-1 селище (Нижний Новгород-4)	2	8000	*Грибов,* А-1994, А-2007б
7	Бешенцево-2 селище (Нижний Новгород-5)	3	8000	*Грибов,* А-1994, А-2007б, А-2009в
8	Бешенцево-3 поселение (Нижний Новгород-6 селище)	1	18000	*Грибов,* А-1994, А-2006а, А-2007а, А-2008в, А-2009б
9	Бешенцево-4 селище	1	3100	*Грибов,* А-2006б
10	Ближнеборисовское селище	1	2600	*Грибов,* А-1994, А-2008в
11	Ближнее Константиново-1 селище (Культура-1)	1	18000	*Грибов,* А-1994, А-1995а, А-1996б, А-1997б, А-1998а, А-2000, А-2001а, А-2002а, А-2003б
12	Ближнее Константиново-3 селище (Культура-3)	1	700	*Грибов,* А-1994, А-2009в
13	Ближнее Константиново-4 селище (Культура-4)	1	2400	*Грибов,* А-1996, А-2001в, А-2009в
14	Богородск-1 селище	1	5200	*Грибов,* А-2007б
15	Богородск-2 селище	1	6600	*Грибов,* А-2007б
16	Богородск-3 селище	1	2500	*Грибов,* А-2007б
17	Богородск-6 селище	3	2100 (15600)	*Грибов,* А-2009в
18	Больница им. Семашко могильник		1125	*Черников,* А-1974
19	Большая Ельня-5 поселение	1		*Миронос,* А-1989; *Грибов,* А-1996а
20	Большая Ельня-6 поселение (Большая Ельня-7)	3	1200	*Грибов,* А-1996а
21	Большая Ельня-7 поселение (Большая Ельня-8)	2	2000	*Грибов,* А-1996а
22	Буревестник-1 селище	1	1500	*Грибов,* А-1992; *Аникин,* А-1994, А-1995а, А-2003б, А-2004а
23	Буревестник-3 селище	1	30400	*Аникин,* А-2004а
24	Бурцево-1 поселение	1	1800	*Аникин,* А-2005а
25	Бурцево-10 селище (Бурцево-9)	1	9000	*Грибов,* А-2011а
26	Бурцево-11 селище (Бурцево-10)	1	200	*Грибов,* А-2011а
27	Бурцево-2 селище	2	20400 (28000)	*Аникин,* А-2005а
28	Бурцево-3 поселение (Бурцево-1)	1	5700 (14500)	*Аникин,* А-2006а
29	Бурцево-4 селище (Бурцево-3)	1	6700	*Аникин,* А-2006а
30	Бурцево-5 селище (Бурцево-4)	2	7700 (19350)	*Аникин,* А-2008а
31	Бурцево-6 селище (Бурцево-5)	1	450	*Грибов,* А-2011а
32	Бурцево-7 селище (Бурцево-6)	1	1200	*Грибов,* А-2011а
33	Бурцево-8 селище (Бурцево-7)	1	3500	*Грибов,* А-2011а

34	Бурцево-9 селище (Бурцево-8)	1	2000	*Грибов,* А-2011а
35	Великий Враг-2 местонахождение (селище)	5	340	*Батюков,* А-2007
36	Великосельево-1 селище	3	63000 (112500)	*Аникин,* А-1995; *Грибов,* А-2008б
37	Венец-1 селище	1	3500	*Сафонов,* А-1947; *Черников,* А-1959; *Блинова,* А-1979, *Флягин,* А-1992
38	Ветчак-2 поселение	1	2940	*Миронос,* А-1989; *Грибов,* А-2011б
39	Воронцово-1 селище	2	5400 (25000)	*Сафонов,* А-1948; *Черников,* А-1959 (как селище Арапово); *Флягин,* А-1992; *Грибов,* А-2010
40	Ворсма городище	1	8400	*Сафонов,* А-1949; *Черников,* А-1959; *Кольцов,* А-1978; *Жилин,* А-1985, А-1991, А-1993
41	Ворсма-15 поселение	1	600	*Грибов,* А-2006б
42	Ворсма-2 поселение	1	28500	*Сафонов,* А-1951; *Черников,* А-1959; *Жилин,* А-1991; *Грибов,* А-2006б
43	Ворсма-6 селище (Ворсма-11)		4400	*Жилин,* А-1991
44	Выползово-1 поселение	3	15000	*Грибов,* А-1992; *Аникин,* А-1994, А-1995а
45	Горбатовское-1 селище	1	7400	*Грибов,* А-2005б
46	Доскино местонахождение			*Ерёмин,* А-2005
47	Доскино-10 поселение (Доскино-6)	1	1300	*Блинова,* А-1979; *Грибов,* А-2003в, А-2005в; *Ерёмин,* А-2005
48	Доскино-11 селище		5500	*Ерёмин,* А-2005
49	Доскино-12 селище (Доскино-5)		3450 (4800)	*Ерёмин,* А-2005
50	Доскино-3 поселение (Доскино-2)	3	8400	*Сафонов,* А-1948; *Черников,* А-1959; *Блинова,* А-1979, *Флягин,* А-1992; *Ерёмин,* А-2005
51	Доскино-4 поселение (Доскино-3)		1000 (6600)	*Сафонов,* А-1948; *Черников,* А-1959; *Блинова,* А-1979, *Флягин,* А-1992, *Ерёмин,* А-2005
52	Доскино-5 селище (Доскино-1)	1	1050	*Сафонов,* А-1948; *Черников,* А-1959; *Блинова,* А-1979, *Флягин,* А-1992, *Грибов,* А-2003а
53	Доскино-9 селище(Доскино-3)		15600	*Черников,* А-1959; *Ерёмин,* А-2005
54	Дуденёво-1 селище	1	3000	*Черников,* А-1959; *Блинова,* А-1979, *Флягин,* А-1992
55	Дуденёво-2 поселение (Дуденёво-1)	1	4500	*Черников,* А-1959; *Блинова,* А-1979, *Флягин,* А-1992
56	Дудин монастырь (Тетерюгино)	3	1200	*Иванова,* А-1996а
57	Елецкое селище (Нижний Новгород-20)	2	1125	*Ануфриева,* А-2003а
58	Ефимьево-3 селище	1	700	*Грибов,* А-2011а
59	Ефимьево-1 местонахождение			*Грибов,* А-2011а
60	Ефимьево-1 селище	1	55000	*Черников,* А-1959; *Грибов,* А-1992; *Аникин,* А-1994, А-1995а; *Яблоков,* А-2008
61	Ефимьево-2 селище	1	18000	*Черников,* А-1959; *Грибов,* А-1992; *Аникин,* А-1994, А-1995а; *Яблоков,* А-2008
62	Ефимьево-5 селище	1	15000	*Грибов,* А-2011а

63	Ефимьево-6 селище	2	16500	*Грибов,* А-2011а
64	Ждановское-1 селище	3	11000	*Ануфриева,* А-2004
65	Заозёрье-1 селище	1	1800	*Грибов,* А-2008б
66	Заозёрье-2 селище	1	600	*Грибов,* А-2009в
67	Заозёрье-3 селище	1	30000	*Грибов,* А-2009в
68	Заозёрье-4 селище	1	15500	*Грибов,* А-2009в
69	Зелецыно селище	1	?	*Черников,* А-1959; *Флягин,* А-1988
70	Кожевенное-1 селище	1	1500	*Грибов,* А-2008б
71	Кожевенное-2 селище	1	1400	*Грибов,* А-2008б
72	Козловское селище	3	5600	*Грибов,* А-1994, А-2009в
73	Комарово-1 поселение	1	2400	*Сафонов,* А-1949; *Жилин,* А-1991
74	Копнино могильник		?	*Аникин,* А-2003б
75	Копнино-1 селище	1	15200	*Грибов,* А-1992, А-2006в; *Аникин,* А-1994, А-1995а, А-2004а
76	Копнино-2 селище	1	7000	*Аникин,* А-1994, А-1995а, А-2003б, А-2004а, А-2005в; *Иванова,* А-2006в
77	Копнино-3 селище	3	3500 (225000)	*Аникин,* А-1995а; *Грибов,* А-2005а
78	Копнино-5 селище	1	5600	*Аникин,* А-1995а
79	Крутец-1 поселение	3	55000	*Аникин,* А-2004а; *Иванова,* А-2006а
80	Крутец-1А селище	1	3600	*Иванова,* А-2006а
81	Крутец-2 селище (Крутец-1)	1	4800	*Аникин,* А- 2004а
82	Крутец-3 селище (Крутец-2)	3	9750	*Аникин,* А-2004а
83	Крутец-4 селище (Крутец-3)	1	5600	*Аникин,* А-2004а; *Иванова,* А-2006а
84	Кудрёшки-1 селище	1	13800	*Грибов,* А-2010
85	Кудрёшки-2 селище	2	24200	*Грибов,* А-2010
86	Кузнечиха-1 селище (Нижний Новгород-15)	1	6900	*Грибов,* А-1996а, А-2007б
87	Кузнечиха-3 селище (Нижний Новгород-17)	3	3600	*Грибов,* А-1996а, А-2007б
88	Кузнечиха-4 селище (Нижний Новгород-22)	1	15000	*Грибов,* А-2008б
89	Культура-1 селище	3	10000	*Грибов,* А-2008б
90	Кусаковка-1 селище	1	23400	*Аникин,* А-1994, А-1995а
91	Лазарево-1 местонахождение (селище)	4	(29000)	*Аникин,* А-1995а, А-1996а; *Грибов,* А-2009в
92	Лазарево-2 селище		9600	*Аникин,* А-1996а, А-1997б
93	Лазарево-4 селище	2	6000	*Грибов,* А-2008б
94	Луч селище (Нижний Новгород-18)	3	12000	*Грибов,* А-1996а, А-2007б
95	Малая Ельня-1 селище	1	1950	*Миронос,* А-1989; *Грибов,* А-1996а, А-2008б
96	Малая Ельня-2 поселение (Малая Ельня-1)	1	3600	*Миронос,* А-1989; *Грибов,* А-1996а, А-2008б
97	Малая Ельня-3 поселение (Малая Ельня-2 селище)	1	2140	*Миронос,* А-1989; *Грибов,* А-1996а, А-2008б, А-2011а
98	Малая Ельня-5 селище (Малая Ельня-3 поселение)	1	300	*Грибов,* А-1996а, А-2008б
99	Мордвинцево-1 селище (Нижний Новгород-9)	1	4200	*Грибов,* А-1995б, А-2007б
100	Мордвинцево-2 селище (Нижний Новгород-10)	1	1200	*Грибов,* А-1995б, А-2008б

101	Мунькино-1 селище	2	6600	*Грибов,* А-2005б
102	Нагавицино-2 селище	2	31000	*Грибов,* А-2009в
103	Непецино-1 поселение	1	26500	*Грибов,* А-2010
104	Низково-6 поселение (Низково-3)		(19000)	*Жилин,* А-1990
105	Новоликеево-1 селище		(40000)	*Черников,* А-1959; *Ерёмин,* А-2004
106	Новоликеево-2 селище		(15750)	*Флягин,* А-1988
107	Новопавловка-1 селище	3	(10500)	*Черников,* А-1959; *Грибов,* А-1992; *Аникин,* А-1994, А-1995а
108	Новопавловка-2 селище	2	2625	*Черников,* А-1959; *Грибов,* А-1992; *Аникин,* А-1994, А-1995а
109	Новопавловка-3 селище	1	6000	*Аникин,* А-1994, А-1995а
110	Новопокровское-1 селище (Нижний Новгород-21)	1	6000	*Грибов,* А-1995б, А-2008б
111	Оленино-5 селище (Оленино-4)	1	10800	*Флягин,* А-1992; *Кравцов,* А-2009
112	Оленино-I селище (Оленино-1 поселение)		?	*Сафонов,* 1947. С. 179
113	Оленино-II селище (Оленино-2 поселение)			*Сафонов,* 1947, С. 179; *Фехнер,* А-1951; *Черников,* А-1959; *Флягин,* А-1992
114	Оленино-III селище (Оленино-1)		3600	*Сафонов,* А-1949; *Фехнер,* А-1951; *Флягин,* А-1992; *Кравцов,* А-2009
115	Оленино-IV селище (Оленино-2)		3600	*Сафонов,* А-1949; *Фехнер,* А-1951; *Черников,* А-1959; *Блинова,* А-1979; *Флягин,* А-1992
116	Оленино-V селище (Оленино-3)	1	600	*Сафонов,* А-1950; *Фехнер,* А-1951; *Черников,* А-1959
117	Ольгинское поселение (Нижний Новгород-3)	3	37000	*Грибов,* А-1994, А-2007б, А-2009в
118	Пальцино-1 поселение	1	35000	*Аникин,* А-1995а; *Грибов,* А-2008б
119	Пантелеево-1 селище	3	75000	*Грибов,* А-2010
120	Подвязье-3 селище	1	4000	*Анучин, Черников,* 1991; *Сафонов,* А-1951; *Черников,* А-1959; *Блинова,* А-1979, *Флягин,* А-1992
121	Подвязье-4 селище	1	1500	*Грибов,* А-2014
122	Подвязье-II селище (Подвязье-1)	1	?	*Сафонов,* А-1951
123	Подвязье-IV поселение (Подвязье-1)	1	14000	*Анучин, Черников,* 1991; *Сафонов,* А-1951; *Черников,* А-1959; *Блинова,* А-1979, *Флягин,* А-1992
124	Подъяблонье-1 поселение		?	*Сафонов,* 1947, С. 179
125	Подъяблонье-2 поселение		?	*Сафонов,* 1947, С. 179
126	Подъяблонье-3 поселение		?	*Сафонов,* 1947, С. 179; *Черников,* А-1959
127	Поляны-1 селище	1	7700	*Флягин,* А-1992
128	Поляны-2 селище	1	2500	*Флягин,* А-1992
129	Поляны-3 селище	1	3000	*Флягин,* А-1992
130	Поляны-4 селище	1	2500	*Флягин,* А-1992; *Грибов,* А-2006б
131	Поляны-5 селище	1	3250	*Флягин,* А-1992
132	Ржавка-2 селище	1	2300	*Грибов,* А-2011б
133	Румянцево-1 селище	1	21000	*Грибов,* А-1994, А-2006б

134	Румянцево-2 селище (Нижний Новгород-19)	1	6000	*Грибов,* А-1996а, А-2009в
135	Савёлово-1 селище	2	4000 (13500)	*Грибов,* А-2008б
136	Савёлово-2 селище	3	2200 (5200)	*Грибов,* А-2009в
137	Сартаково-1 селище	1	2400	*Грибов,* А-1992; *Аникин,* А-1994
138	Сартаково-3 селище (Сартаково-2)	1	15500 (50000)	*Аникин,* А-1995а; *Грибов,* А-2009в
139	Сартаково-4 поселение (Сартаково-2)	3	(27500)	*Аникин,* А-1995а
140	Свято поселение (Ржавка-1 селище)	1	6760	*Миронос,* А-1989; *Грибов,* А-1996а, А-2008б, А-2011б
141	Слобода Старые Печёры селище (Нижний Новгород-13)		(46250)	*Дмитриевский,* А-1995, А-1996; *Грибов,* А-2009в
142	Слуда селище (Нижний Новгород-3)	1	450	*Грибов,* А-1996а, А-2009в; *Ануфриева,* А-2003а
143	Сокол-1 поселение		4000	*Сафонов,* 1947, С. 179; *Черников,* А-1959; *Блинова,* А-1979; *Флягин,* А-1992
144	Сокол-2 селище (Сокол-1)		60	*Сафонов,* 1947, С. 179; *Черников,* 1959; *Блинова,* А-1979; *Флягин,* А-1992
145	Стрелково-2 местонахождение (селище)	4	(40000)	*Аникин,* А-1995а; *Грибов,* А-2008б
146	Стрелково-3 местонахождение (селище)	4	(30000)	*Аникин,* А-1995а; *Грибов,* А-2008б
147	Стрелково-4 селище	1	4800	*Аникин,* А-1997б
148	Стрелково-5 селище	1	9600	*Аникин,* А-1997б
149	Сысоевка-1 селище	1	7742	*Флягин,* А-1992; *Грибов,* А-2014
150	Сысоевка-2 селище	1	7000	*Флягин,* А-1992; *Грибов,* А-2014
151	Теряево-2 селище	1	9300	*Грибов,* А-2006б
152	Теряево-3 селище	1	1800	*Грибов,* А-2006б
153	Теряево-4 селище	1	3500	*Грибов,* А-2006б
154	Теряево-5 селище	1	22500	*Грибов,* А-2006б, А-2011а
155	Теряево-6 селище	1	3300	*Грибов,* А-2011а
156	Троица-1 селище	3	12800 (35000)	*Грибов,* А-2008б, А-2009в
157	Троица-2 селище	3	3600 (12000)	*Грибов,* А-2008б
158	Троица-3 селище	3	1500 (32500)	*Грибов,* А-2008б
159	Утечино-1 селище	1	2000	*Грибов,* А-1994, А-2006б
160	Утечино-2 селище	3	3000	*Грибов,* А-1995б, А-2008б
161	Хватково-1 селище	2	20000 (57000)	*Аникин,* А-1995а; *Грибов,* А-2009в
162	Хватково-2 местонахождение (селище)	5	(7000)	*Аникин,* А-1995а; *Грибов,* А-2009в
163	Хватково-3 селище	3	600	*Аникин,* А-1995а; *Грибов,* А-2009в
164	Хватково-4 селище	3	5400	*Аникин,* А-1995а; *Грибов,* А-2009в
165	Центральный-1 селище	1	5200	*Грибов,* А-2008б
166	Шава-1Б селище (Шава-2)	1	300	*Черников,* А-1969
167	Шава-5 селище (Шава-3)	1	1800	*Грибов,* А-2001в
168	Шава-6 поселение (Шава-4)	1	450	*Грибов,* А-2001в
169	Шава-7 поселение (Шава-5)	1	8000	*Грибов,* А-2002б
170	Шапкино-1 селище	1	8500	*Аникин,* А-1995а; *Доманин,* А-2004; *Грибов,* А-2008б
171	Шапкино-2 местонахождение (селище)	5	(8500)	*Аникин,* А-1995а; *Доманин,* А-2004; *Грибов,* А-2008б
172	Шапкино-3 местонахождение (селище)	5	(17000)	Аникин, А-1995а; *Доманин,* А-2004; *Грибов,* А-2008б

173	Швариха-1 селище	1	450	*Грибов,* А-2010
174	Шумилово-1 селище	1	11000	*Аникин,* А-2010
ПАМЯТНИКИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ БЕЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАХОДОК				
175	Анкудиновское-1 селище	5	6300	*Грибов,* А-1995б, А-2008б
176	Безводнинское селище (Безводнинское-2 поселение)		?	*Черников,* А-1973
177	Безводное-12 поселение		450	*Миронос,* А-1989
178	Береговые Новинки-2 селище (Новинки-2)		?	*Черников,* А-1959
179	Береговые Новинки-3 селище		?	*Черников,* А-1959
180	Береговые Новинки-4 селище		48000	*Ерёмин,* А-2004
181	Ближнее Константиново-2 селище (Культура-2)	5	14000	*Грибов,* А-1994, А-2009в
182	Богородск-4 селище	7	100000	*Грибов,* А-2009в
183	Богородск-5 селище	4	2000	*Грибов,* А-2009в
184	Большая Ельня-8 селище (Большая Ельня-1)	5	5400	*Грибов,* А-1996а
185	Борок-4 поселение		27200	*Сафонов,* А-1947; *Жилин,* А-1991, А-1993
186	Ворсма-1 селище		2000	*Жилин,* А-1991
187	Ворсма-2 селище		9800	*Жилин,* А-1991
188	Ворсма-3 селище		4550	*Жилин,* А-1991
189	Ворсма-4 селище		3000	*Жилин,* А-1991
190	Ворсма-5 селище		4500	*Жилин,* А-1991
191	Горбатов-3 селище		?	*Ерёмин,* А-2003а
192	Домнино селище		1500	*Жилин,* А-1991, А-1993
193	Комарово-2 селище		2600	*Жилин,* А-1991
194	Комарово-3 поселение		9800	*Сафонов,* А-1951; *Черников,* А-1959; *Жилин,* А-1991
195	Комарово-7 поселение		1200	*Жилин,* А-1991; *Тамбова,* А-2003
196	Копнино-4 селище	5	240000	*Аникин,* А-1995а
197	Костино-1 селище		24750	*Черников,* 1959; *Рогачёв,* А-1979; *Жилин,* А-1990
198	Костино-2 селище		1500	*Черников,* А-1959; *Рогачёв,* А-1979; *Жилин,* А-1990
199	Кудрёшки-3 селище	5	30000	*Грибов,* А-2010
200	Кузнечиха-2 селище (Нижний Новгород-16)	5	6600	*Грибов,* А-1996а, А-2007б
201	Лазарево-3 селище		34500	*Тамбова,* А-2003; *Кравцов,* А-2012
202	Лазарево-5 селище	5	10000	*Грибов,* А-2008б
203	Лазарево-6 селище	5	30000	*Грибов,* А-2009в
204	Мещеры поселение		?	*Фехнер,* А-1951
205	Нагавицино-1 селище	5	22000	*Доманин,* А-2004
206	Новая деревня-2 селище	6	14000	*Флягин,* А-1988; *Грибов,* А-1996а
207	Новоликеево-3 селище		29400	*Флягин,* А-1988
208	Пруды-1 селище		13500	*Тамбова,* А-2003; *Кравцов,* А-2012

209	Слобода Кошелёвка селище (Нижний Новгород-11)		30000	*Дмитриевский,* А-1995
210	Солонское-1 селище	5	4000	*Грибов,* А-2010
211	Столбищи селище (Кстово-1)		?	Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 62.
212	Стрелково-1 селище	5	15000	*Грибов,* А-1992; *Аникин,* А-1994, А-1995
213	Теряево-1 селище	5	10500	*Грибов,* А-2006б
214	Федяково-1 селище	5	9600	*Грибов,* А-1994, А-2008б
215	Федяково-2 селище	5	1800	*Грибов,* А-1994, А-2009в
216	Фроловское селище	5	23100	*Грибов,* А-1998б, А-2008б
217	Хвощёвка-2 селище	5	1950	*Грибов,* А-1992; *Аникин,* А-1994, А-1995а
218	Шава-9 поселение	4	2640	*Грибов,* А-2011а
219	Шапкино-4 селище	6	27500	*Доманин,* А-2004

Примечания.

1. Название памятников указано, преимущественно по изданию Археологическая карта России». Для ряда селищ наименования приведены по научным публикациям и научным отчётам. В этом случае их названия по изданию «Археологическая карта России» приведены в скобках.

2. Селища, материалы которых содержат единичные материалы XIII – начала XV вв., для средневекового периода охарактеризованы как местонахождения. При этом вид памятника указан в скобках.

3. Для средневековых поселений, функционировавших и в Новое время, площадь по распространению подъёмного материала XVI–XVIII вв. указана в скобках.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Эмблема г. Нижнего Новгорода
(с герба города, утверждённого 16 августа 1781 г.)

Рис. 1*. Нижегородский кремль: *1* – вид с северо-запада с высоты птичьего полёта (фото Степанова С.А.; gelio@)inbox.ru); *2* – вид с северо-востока на прясло кремлёвской стены на участке от Часовой до Ивановской башен (фото начала XX в.)

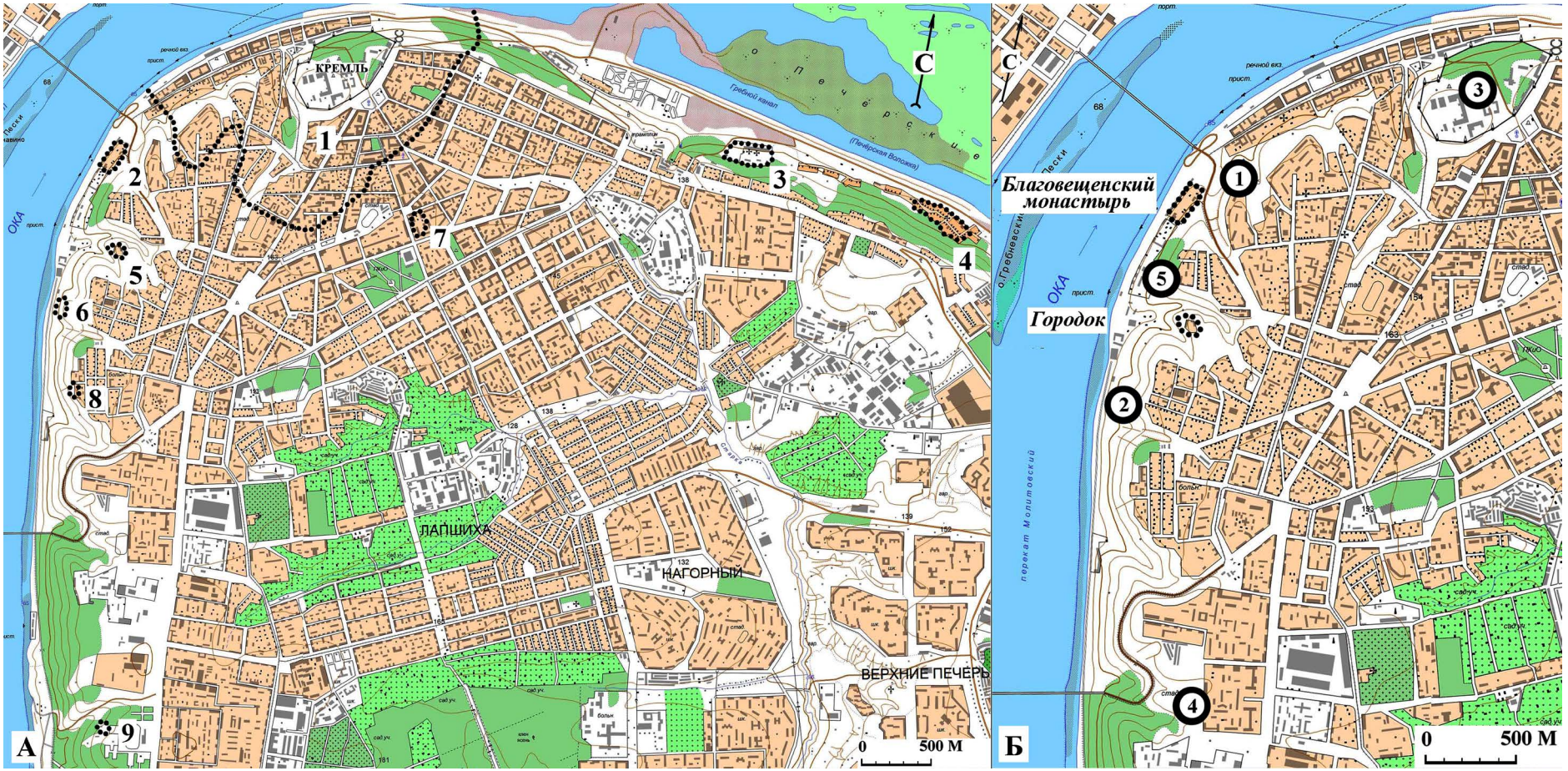

Рис. 2*. План современного г. Нижнего Новгорода с нанесением границ средневекового города, ближайших к нему археологических памятников (А) и мест локализации Старого городка Нижегородского летописца, известных по историографии (Б). Сечение горизонталей 20 м.

А. *1* – средневековый Нижний Новгород XIII – начала XV вв.; *2* – Благовещенский монастырь (известен с 1229 г.); *3* – Вознесенский Печёрский монастырь (с начала XVII в.); *4* – Вознесенский Печёрский монастырь XIV–XVI вв. (селище Слобода Старые Печёры); *5* – городище Городок (середина XV – начало XVI вв.); *6* – поселение у Ромодановского вокзала (вторая четверть II тыс. до н.э.; VII–III вв. до н.э.); *7* – селище в пер. Ткачёва (XIII – начало XV вв.); *8* – селище Еленское (XIII – начало XV вв.; XVI–XVII вв.); *9* – селище Слуда (XIII – начало XV вв.)

Б. *1* – вершина Гремячей горы (*Мельников,* 1884); *2* – поселение за Ромодановским вокзалом (*Кирьянов,* 1956а; *Сочнев,* 1991); *3* – стадион Нижегородского государственного университета им. Н.И Лобачевского (*Филатов,* 1994а, 1999); *4* – Кремль (*Кучкин,* 2002); *5* – укрепления Старого острога (*Чеченков,* 2012).

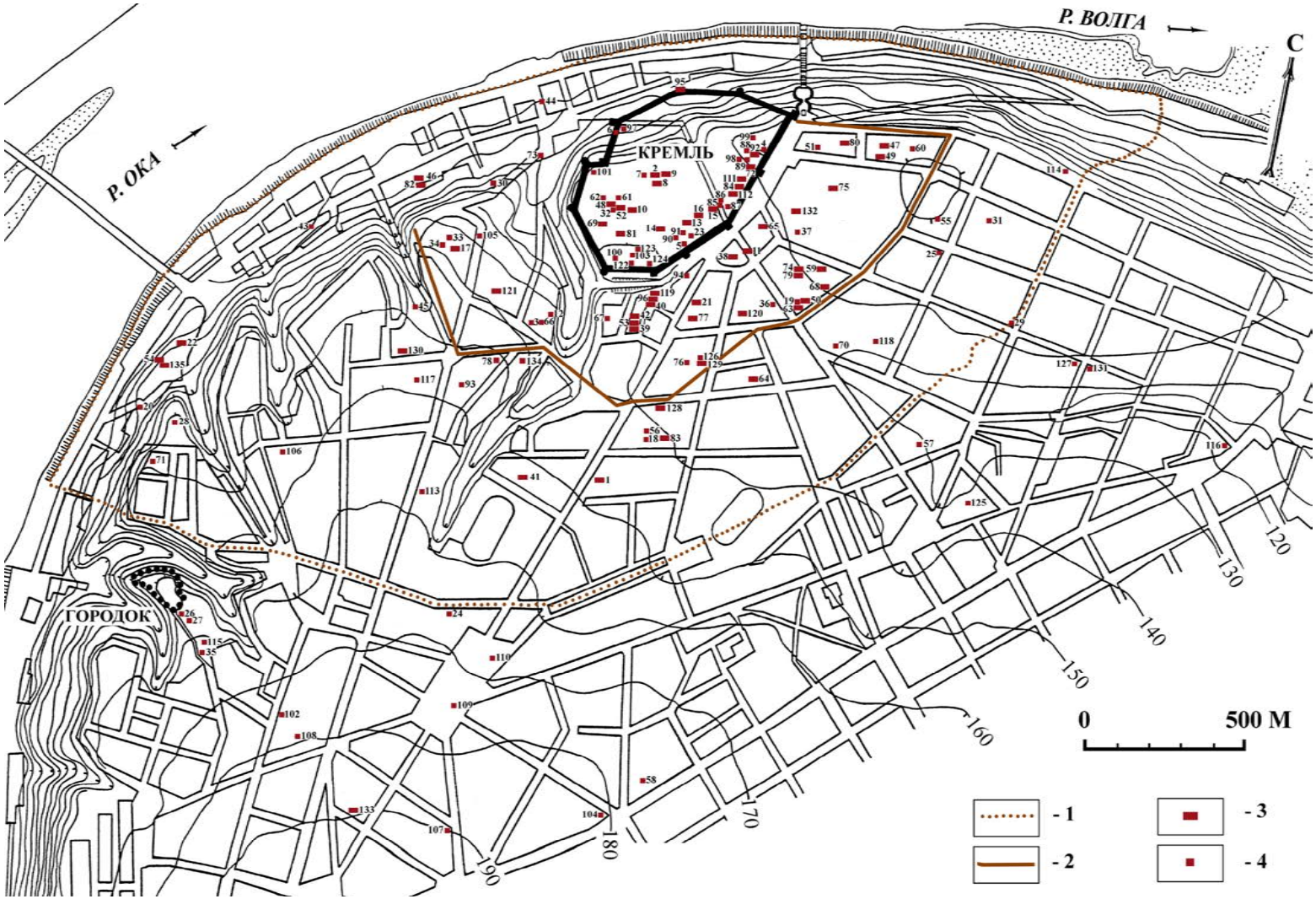

Рис. 3.* Раскопы и шурфы в исторической части г. Нижнего Новгорода (1877–2016 гг.).

1, 2 – линии посадских укреплений Большого или Нового (1) и Малого или Старого (2) острогов; реконструкция И.А. Кирьянова (1961) по Писцовой книге 1621–1629 гг.; *3* – раскопы; *4* – шурфы

Рис. 4.* Места проведения археологических наблюдений в исторической части г. Нижнего Новгорода (1929–2014 гг.).

1, 2 – линии посадских укреплений Большого (1) и Малого (2) острогов; реконструкция И.А. Кирьянова (1961) по Писцовой книге 1621–1629 гг.; *3, 4* – обследованные строительные объекты: котлованы, небольшие траншеи (3) и протяжённые коммуникационные траншеи (4); *5* – места сбора подъёмного материала

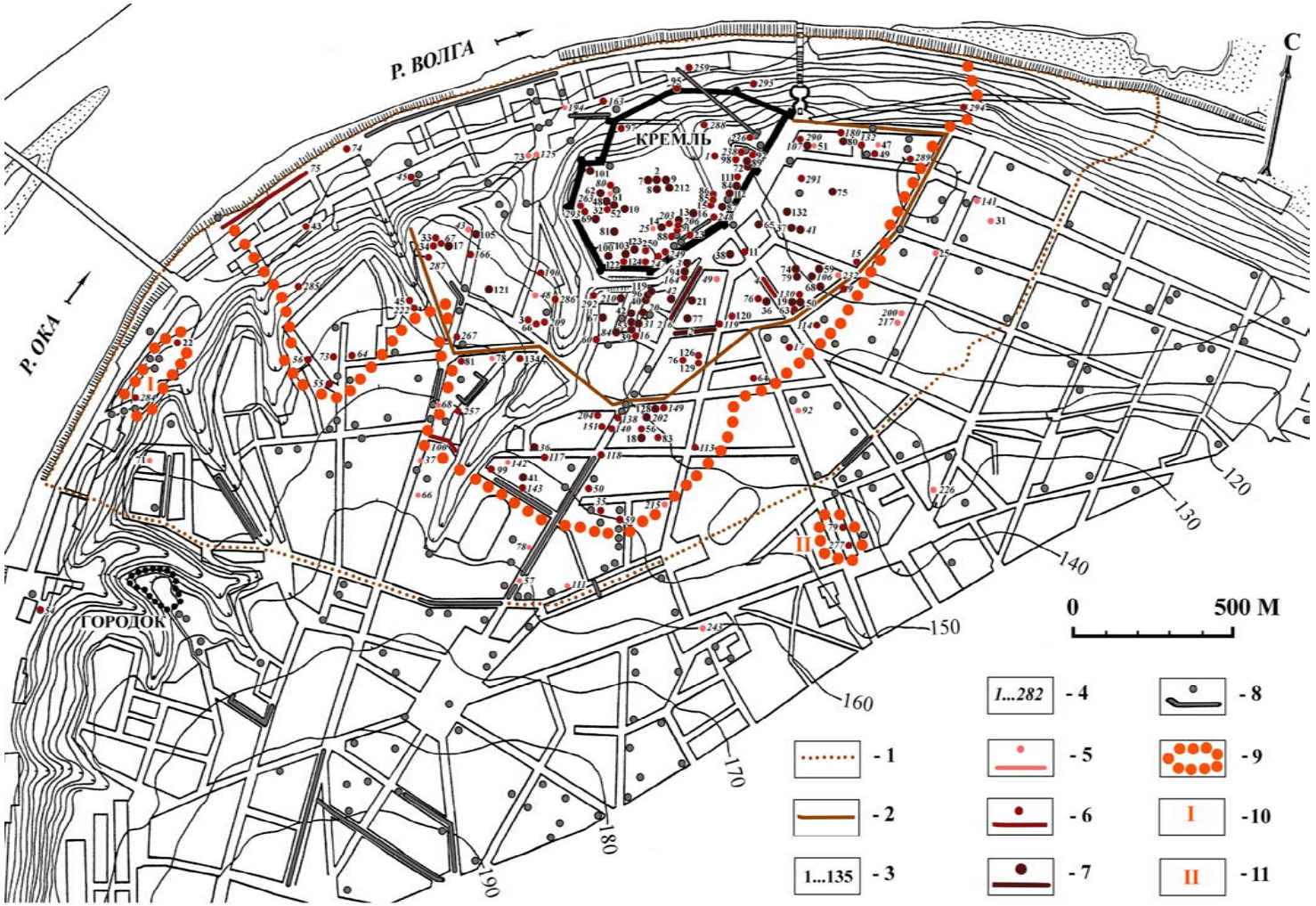

Рис. 5.* Нижний Новгород. Места обнаружения отдельных находок и сооружений XIII – начала XV вв.

1, 2 – линии посадских укреплений Большого (1) и Малого (2) острогов; реконструкция И.А. Кирьянова (1961) по Писцовой книге 1621–29 гг.; *3, 4* – учётные номера мест заложения раскопов и шурфов (3), проведения наблюдений и сборов подъёмного материала (4) (см. табл. 1 и 2); *5–7* – объекты, на которых собраны единичные (5) и массовые (6) фрагменты средневековой керамики и другие находки (5), зафиксировано присутствие сооружений – ям, частокольных канавок (7); *8* – обследованные строительные участки без следов средневекового освоения; *9–11* – граница территории средневекового освоения, тяготеющая к Нижнему Новгороду и два ближайших пригородных поселения – Благовещенский монастырь (10) и селище в пер. Ткачёва (11)

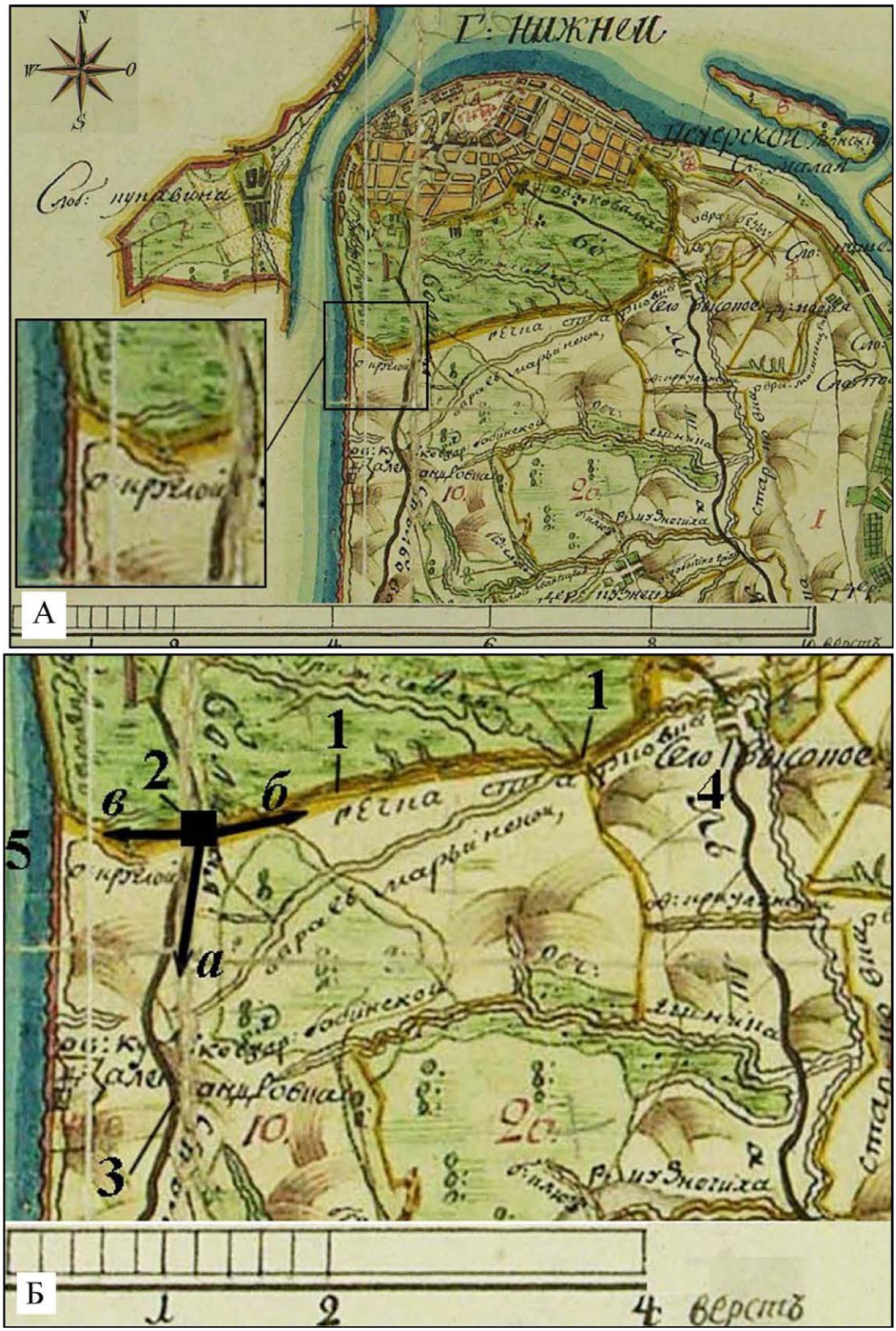

Рис. 6.* Фрагмент плана Нижегородского уезда 1791 г.

А. Нижний Новгород. Рамкой отмечен район расположения городища Городок (Круглый овраг).

Б. Направления обмеров выгонной земли в районе Никольской башни Старого острога (реконструкция по Писцовой книге г. Нижнего Новгорода 20-х гг. XVII в.): а – «…отъ болшого острогу по болшой Московской дороге…»; б – «…отъ большие Московские отъ Николские дороги вдоль к селу Высокому…»; в – «…поперегъ отъ Оки реки… по болшую Московскую дорогу…». Арабскими цифрами указаны основные ориентиры: *1* – Старый острог; *2* – Никольская башня; *3* – Большая Московская дорога; *4* – село Высокое; *5* – р. Ока

Рис. 7.* Городище Городок: *1* – вид с северо-запада с высоты птичьего полёта (фото А. Орехова 2009 г., me@orekhov.photo), памятник указан красной стрелкой; *2* – вид с юго-запада.

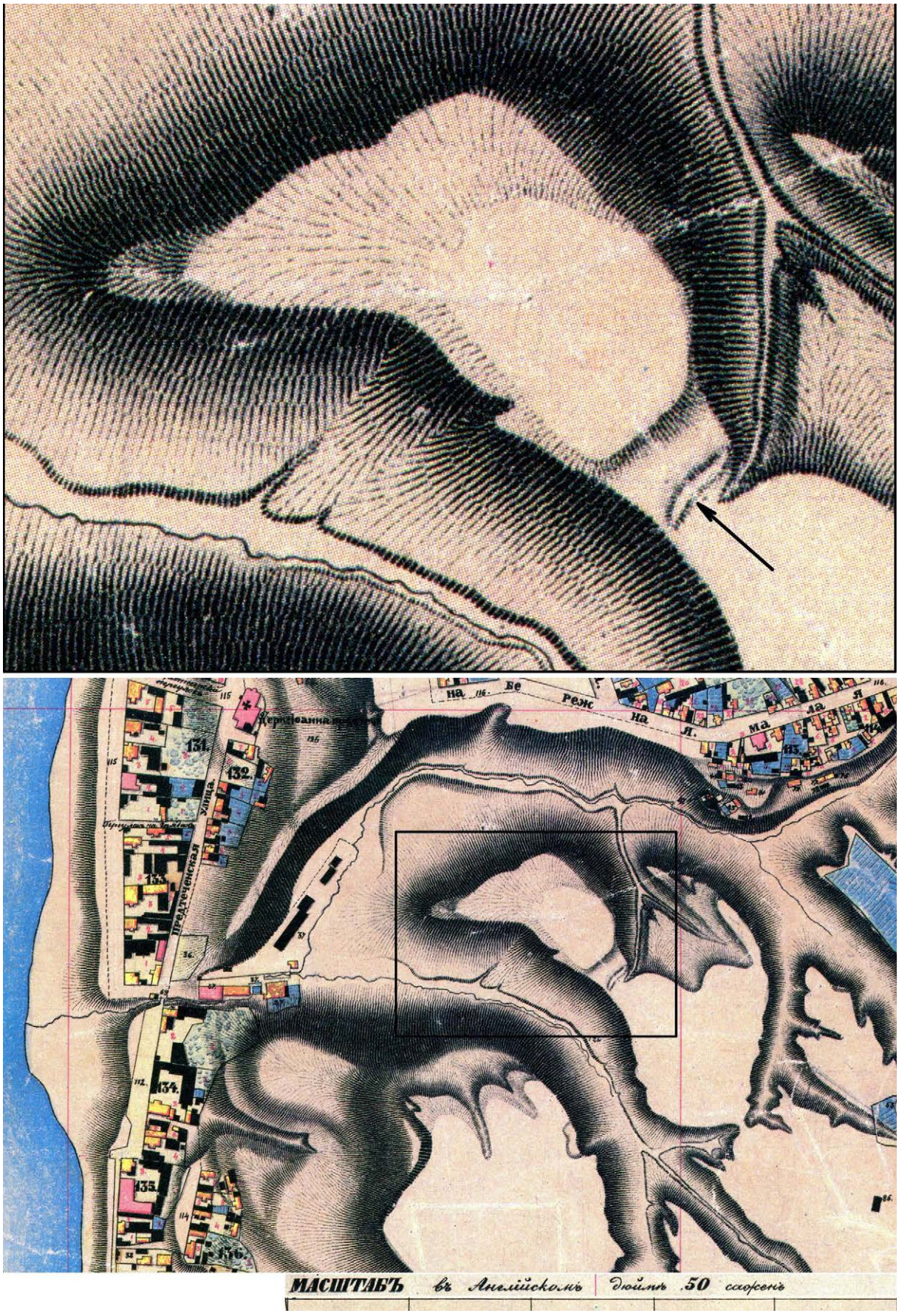

Рис. 8.* Городище Городок на плане г. Нижнего Новгорода съёмки 1848–49 гг.; стрелкой показана линия укреплений.

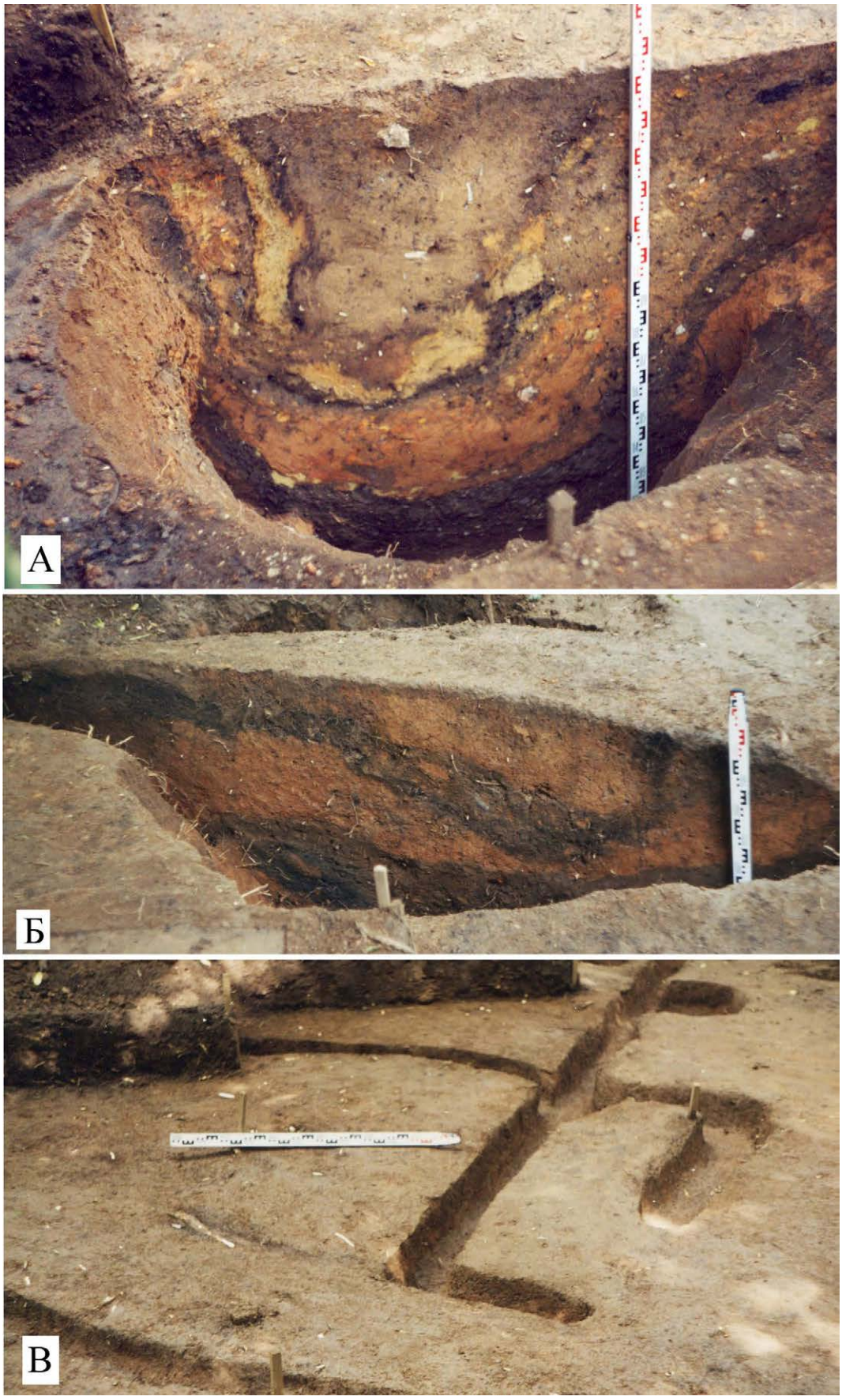

Рис. 9* Городище Городок. Раскопы 1–3. А – Разрез ямы 2/1, вид с севера. Б – Разрез ямы 1/2, вид с запада-юго-запада. В – Канавки 2, 3, 5, вид с юго-востока

Рис. 10.* Городище Городок. Отдельные находки: *1* – бронзовая створка энколпиона (Р2-Я1-3); *2* – бронзовый крест-складень (Р1-2-5Г); *3* – иконка-привеска из рога (Р1-Я2-2); *4* – крест-мощевик из рога (Р2-Я1-2); *5* – фрагмент серебряного оклада иконы (Р2-4-4); *6* – бронзовый перстень (Р1-Я2-3); *7* – бронзовая с позолотой пуговица (Р3-2-1)

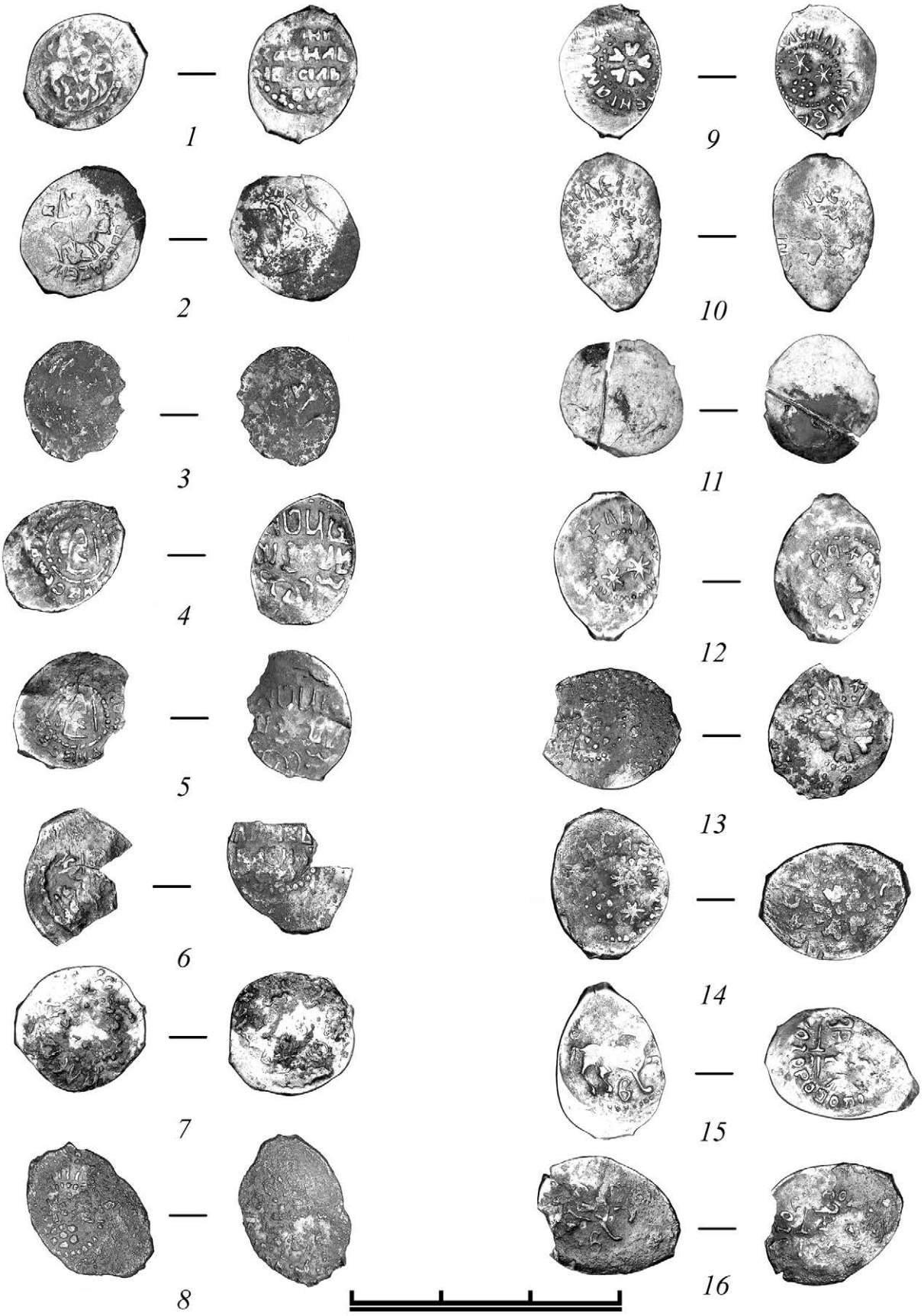

Рис. 11.* Городище Городок. Раскопы 1–3. Монеты. Номера соответствуют номерам по каталогу (см. приложение 1). Серебро: *1–16*

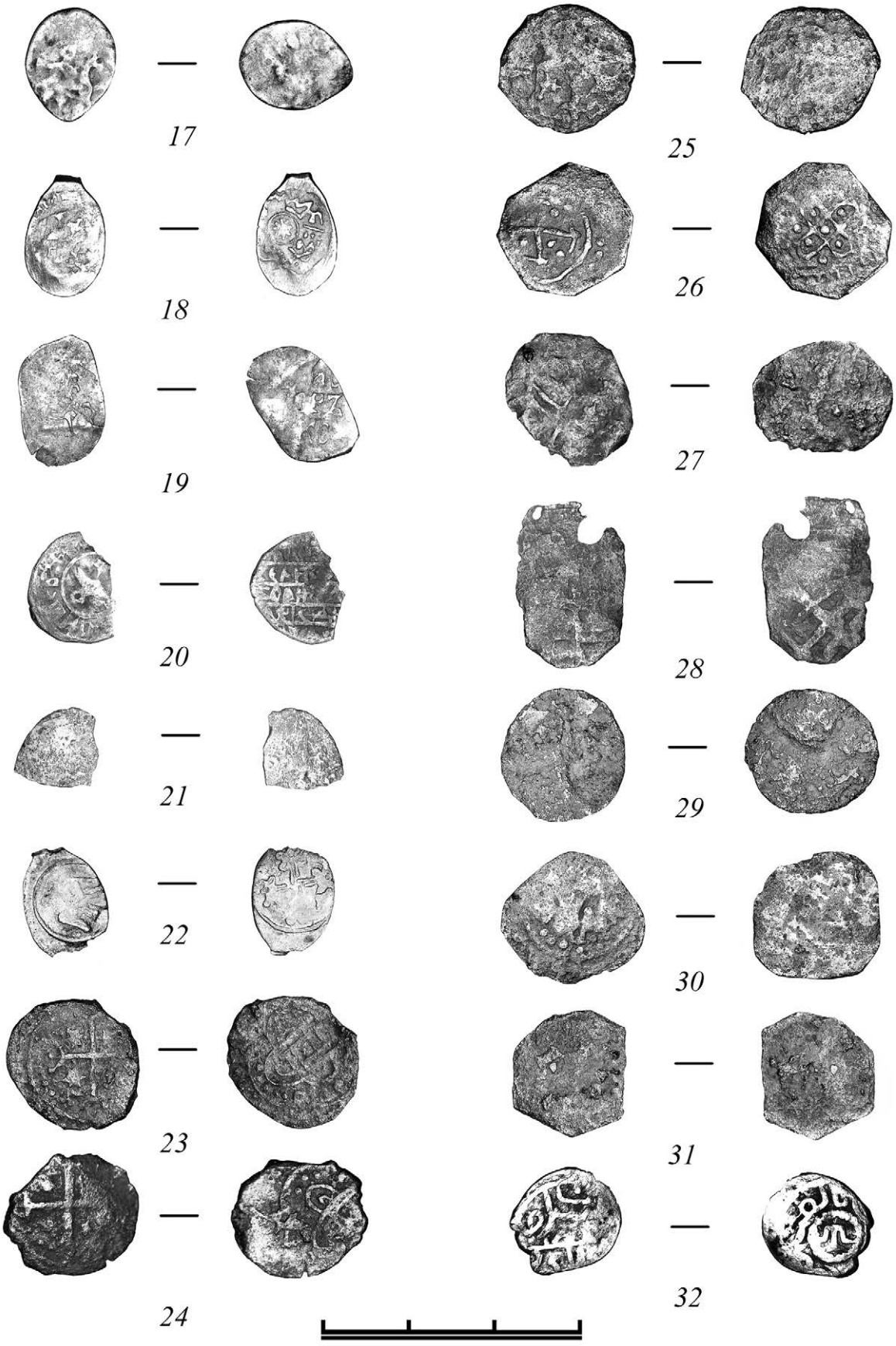

Рис. 12.* Городище Городок. Раскопы 1–3. Монеты. Номера соответствуют номерам по каталогу (см. приложение 1). Серебро*: 17–22, 32*. Медь: *23–31*

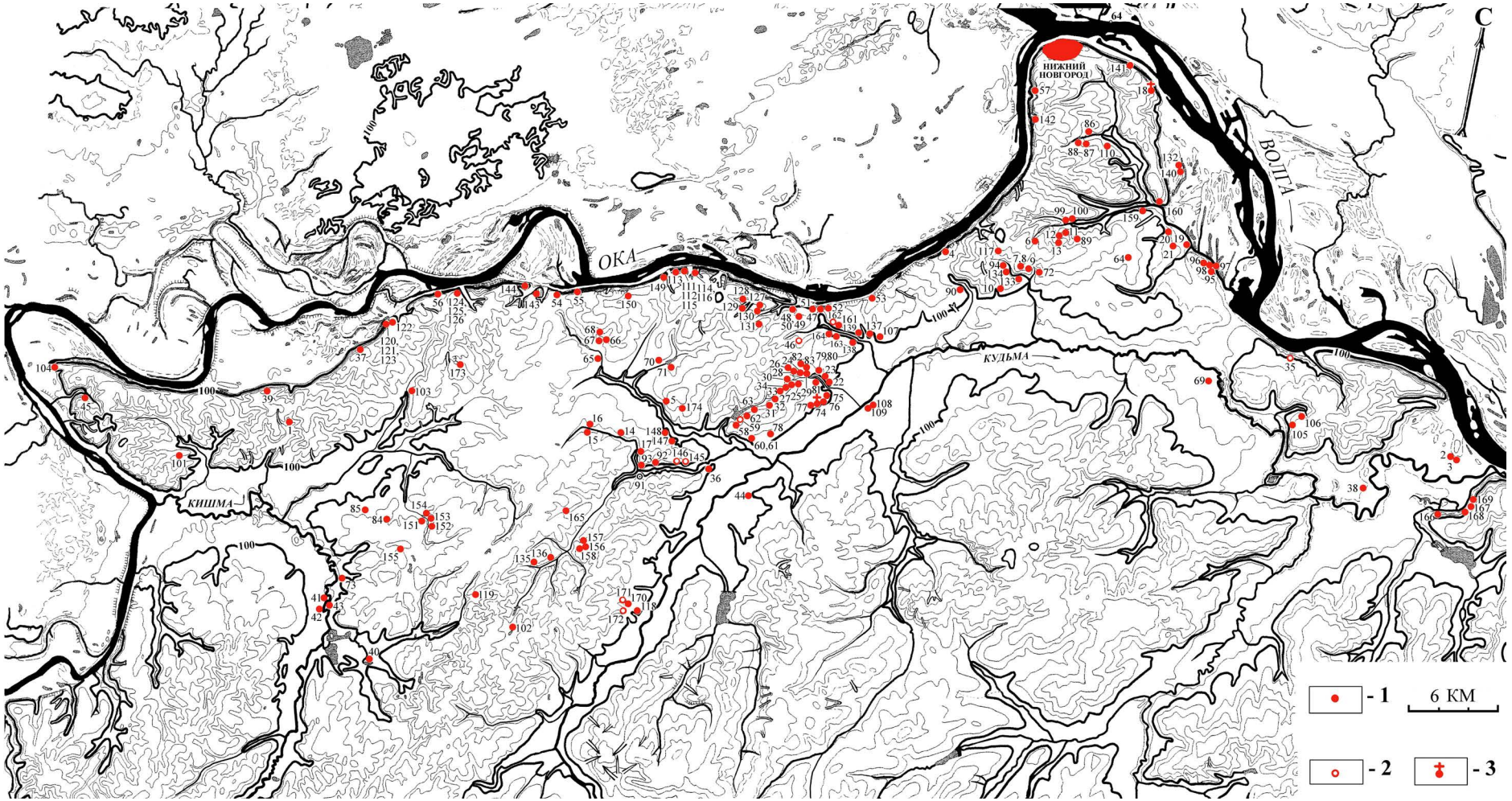

Рис. 13.* Карта расположения археологических памятников Березополья с материалами XIII – начала XV вв. (названия см. в табл. 41): *1* – селище; *2* – могильник

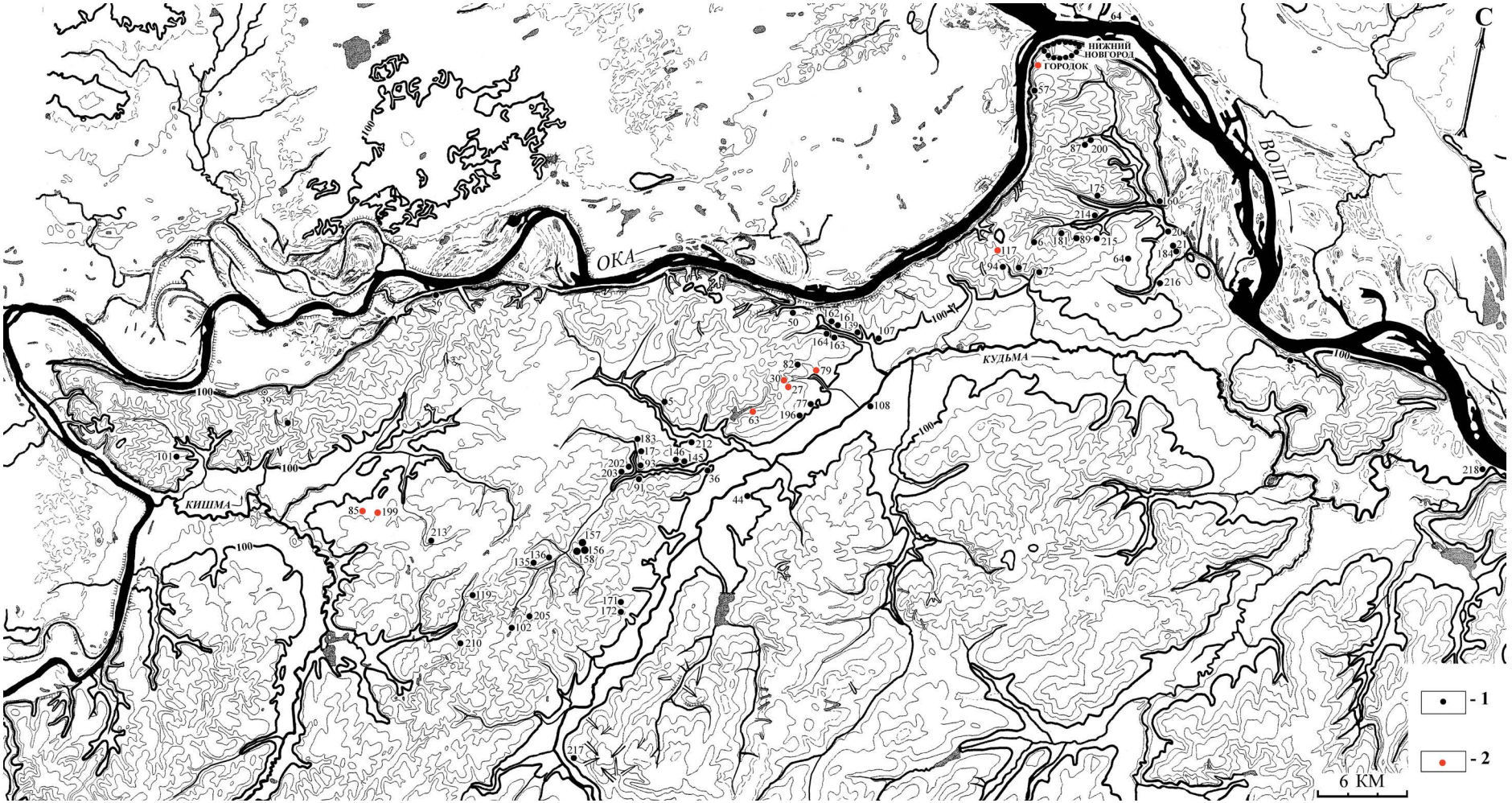

Рис. 14.* Карта селищ Березополья с материалами середины XV – XVI вв. (типы 2–5; названия указаны в табл. 41). *1* – селища без материалов середины – второй половины XV в.; *2* – селища с материалами середины – второй половины XV в.

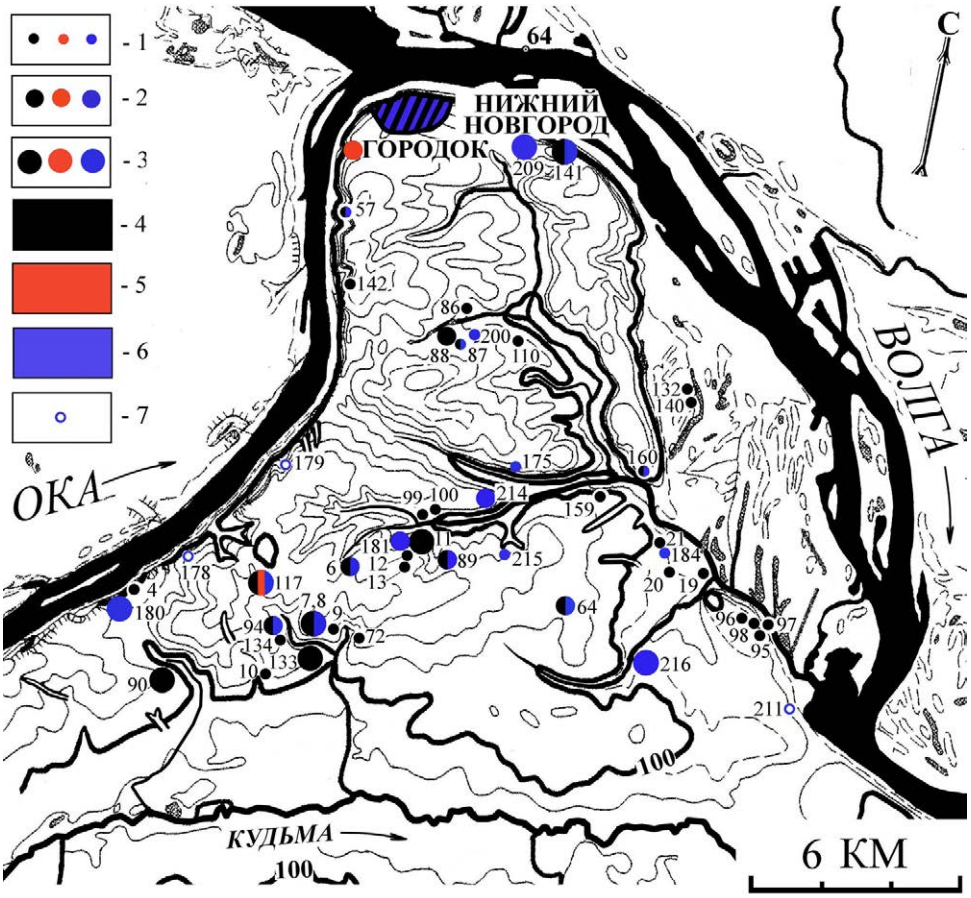

Рис. 15.* Карта поселений Нижегородской округи XIII–XVIII вв. (названия памятников указаны в табл. 41). Площадь: 1 – 0,1–0,7 га; 2 – 0,8–1,6 га; 3 – 1,8–5 га; 7 – размеры не определены. Датировка: 4 – XIII – начало XV вв.; 5 – середина XV – начало XVI вв.; 6 – XVI–XVIII вв.

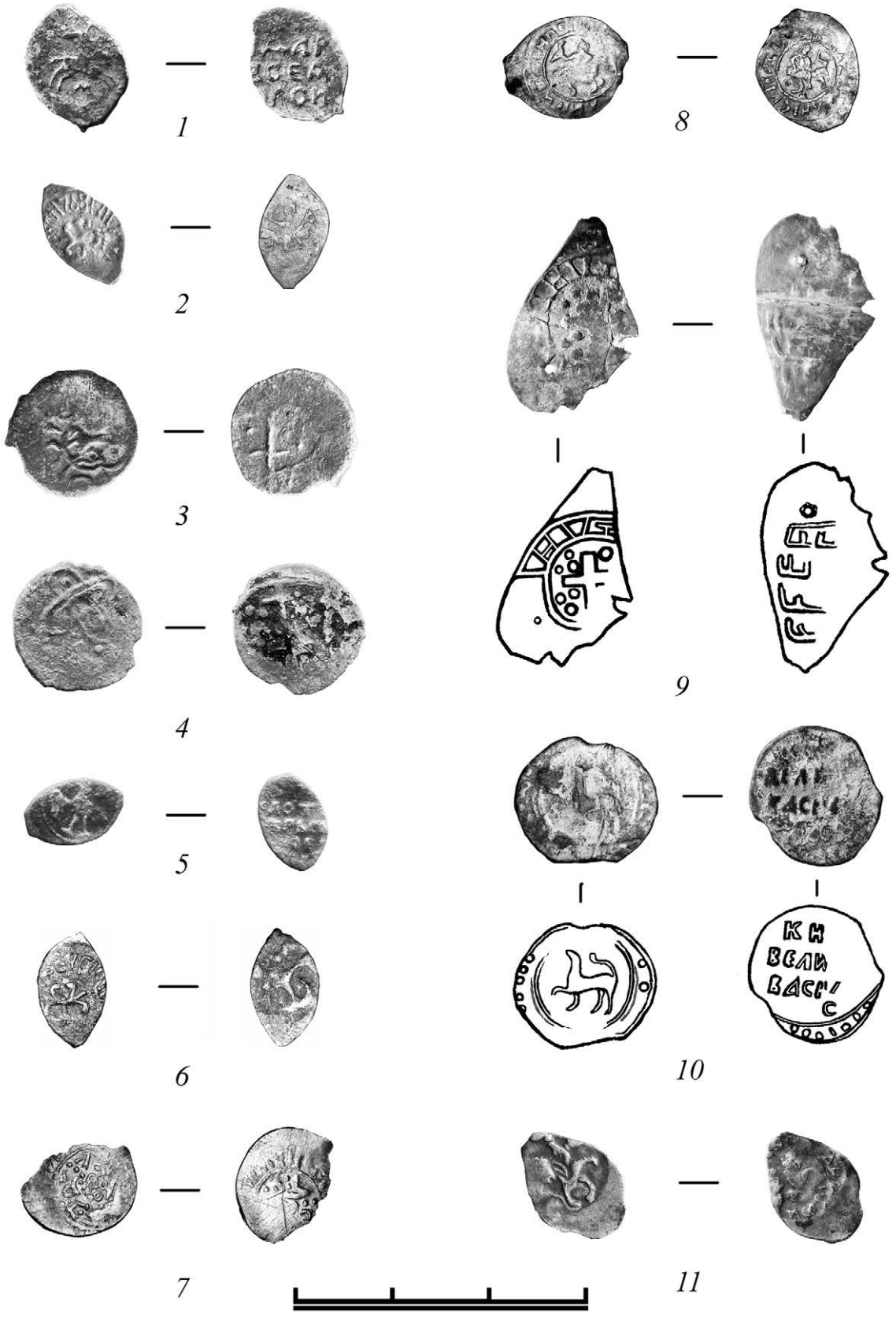

Рис. 16.* Монеты нижегородских селищ конца XIV – начала XVI вв.: *1–5* – п. Ольгинское (*1* – Иван III, табл. 35, № 4; *2* – Иван III, табл. 35, № 5; *3* – табл. 36, № 4; *4* – табл. 36, № 1; *5* – Иван III, табл. 36, № 9); *6* – с. Ефимьево-6 (Иван III, табл. 35, № 6); *7* – с. Заозёрье-3 (Василий Кирдяпа, табл. 35, № 1); *8–10* – с. Теряево-5 (8 – Василий II, табл. 35, № 3; 9 – табл. 35, № 2; 10 – табл. 36, № 5); *11* – с. Кудрёшки-2 (Иван III или Василий II, табл. 35, № 7). Серебро: *1, 2, 6–9, 11*. Медь: *3–5, 10*

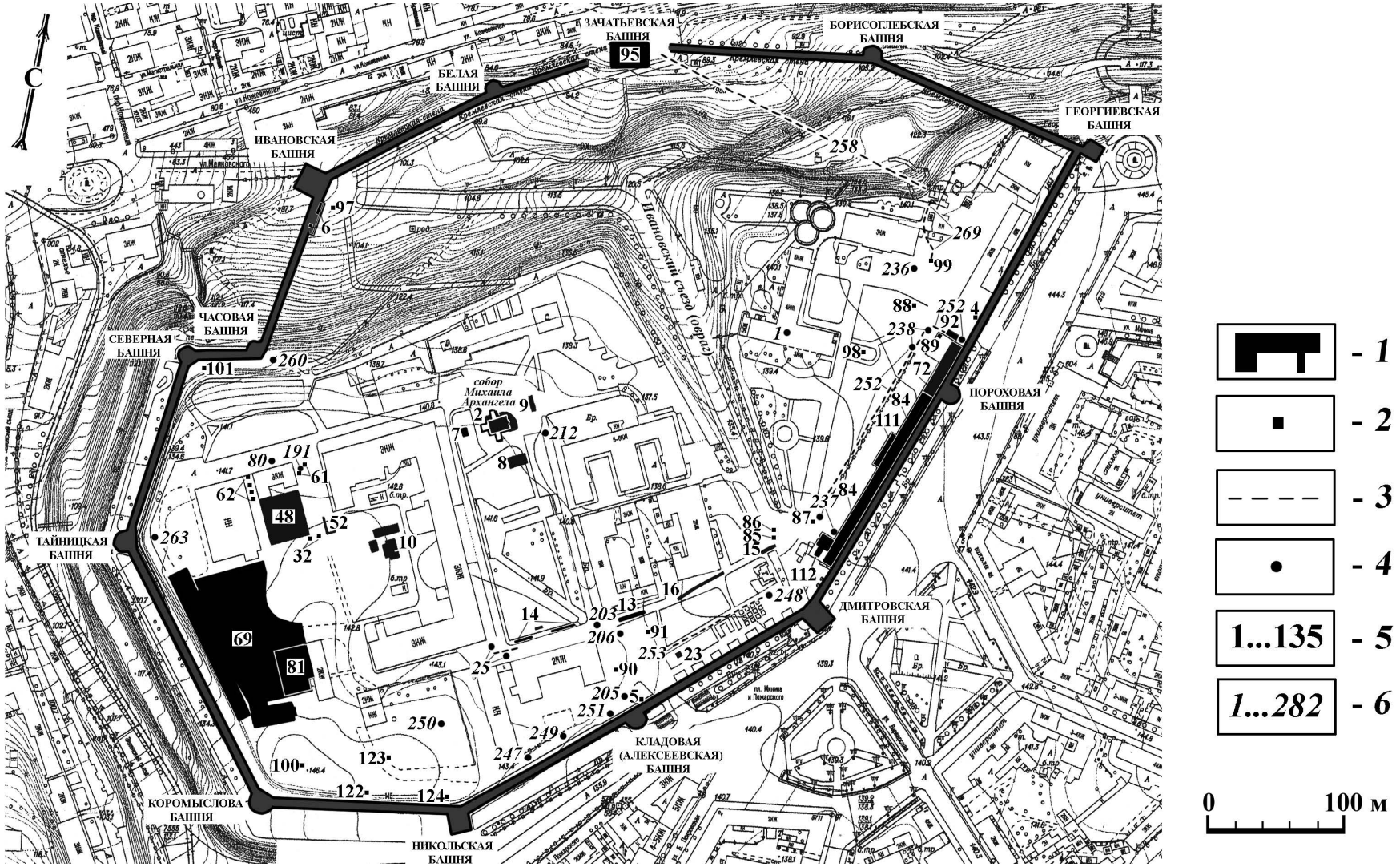

Рис. 1. Археологические исследования в Нижегородском кремле. *1* – наиболее крупные раскопанные участки; 2 – малометражные шурфы (без соблюдения формы и масштаба); *3, 4* – археологические наблюдения на строительных объектах – траншеях (3) и котлованах (4); *5, 6* – учётные номера мест заложения раскопов и шурфов (5), проведения наблюдений и сборов подъёмного материала (6) (см. табл. 39)

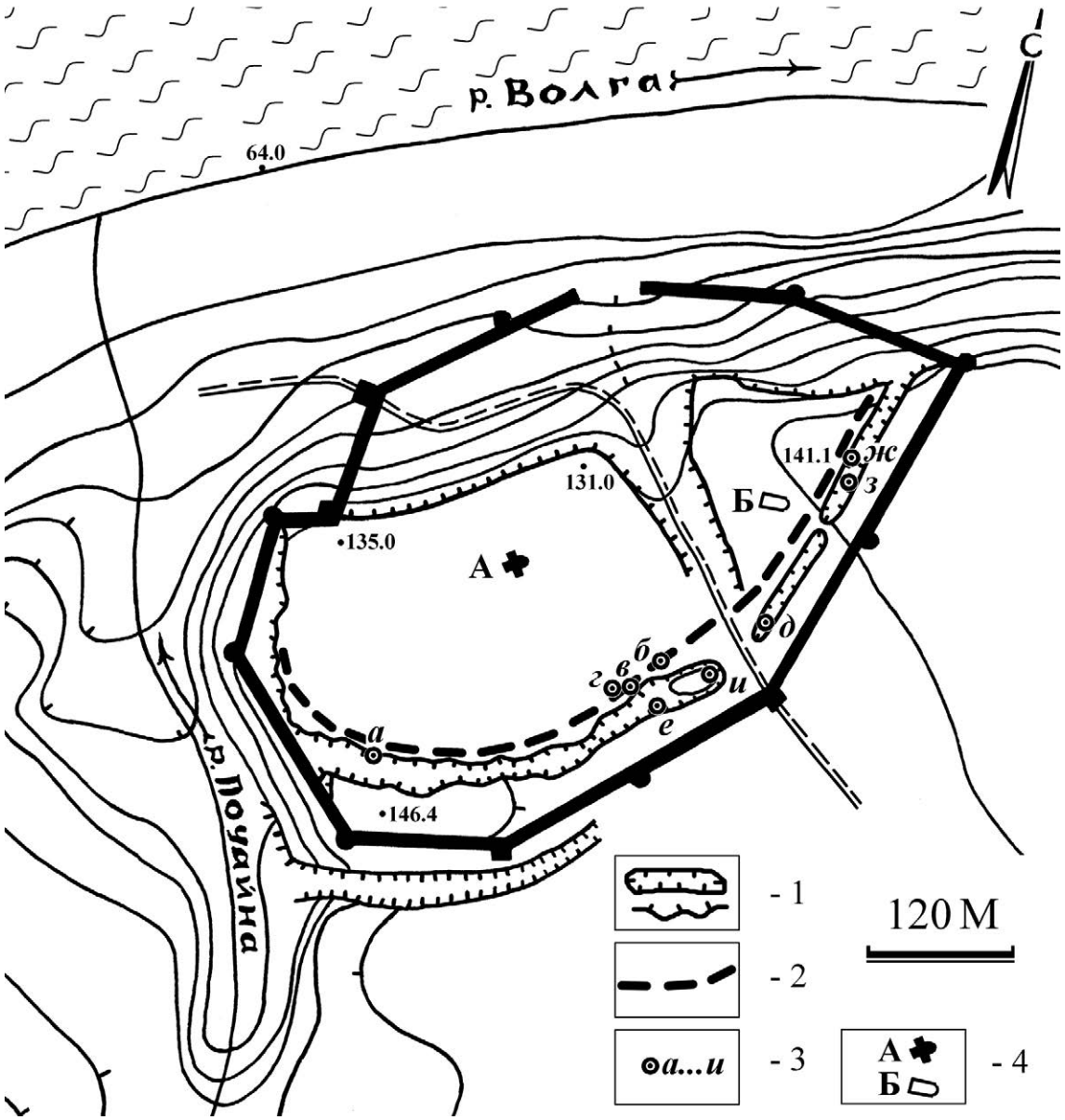

Рис. 2. Детинец Нижнего Новгорода. Реконструкция напольной линии укреплений. *1* – ров детинца и положение бровок береговых обрывов по плану 1802 г. (РГИА. Ф. 1293. Оп. 167 (Нижегородская губерния). Ед.хр. 3); *2* – линия вала детинца (реконструкция); *3* – места фиксации остатков вала (*а: раскоп, Е.М. Пигарева, 2008 г.; б: участок Б раскопа 2 Т.В. Гусевой 1989 г.; в: шурф 1 Е.В. Четвертакова 2010 г.; г: зачистка Ю.В. Зарубина 2005 г.*) и заполнения рва (*д: шурф 2 2009 г. и зачистка в колодце 1 2010 г. Е.В. Четвертакова 2009 г.; е: шурф И.А. Очеретина 1994 г.; ж: шурф 4 2009 г. Е.В. Четвертакова; з: шурф 5 и зачистки в колодцах 5, 7 и траншее 1 2009 г. Е.В. Четвертакова; и: зачистка в колодце 2 Е.В. Четвертакова 2010 г.*); *4* – белокаменные соборы: Михайло-Архангельский 1225(?), 1359 гг. (А) и Спасо-Преображенский 1225, 1349–1352 гг. (Б)

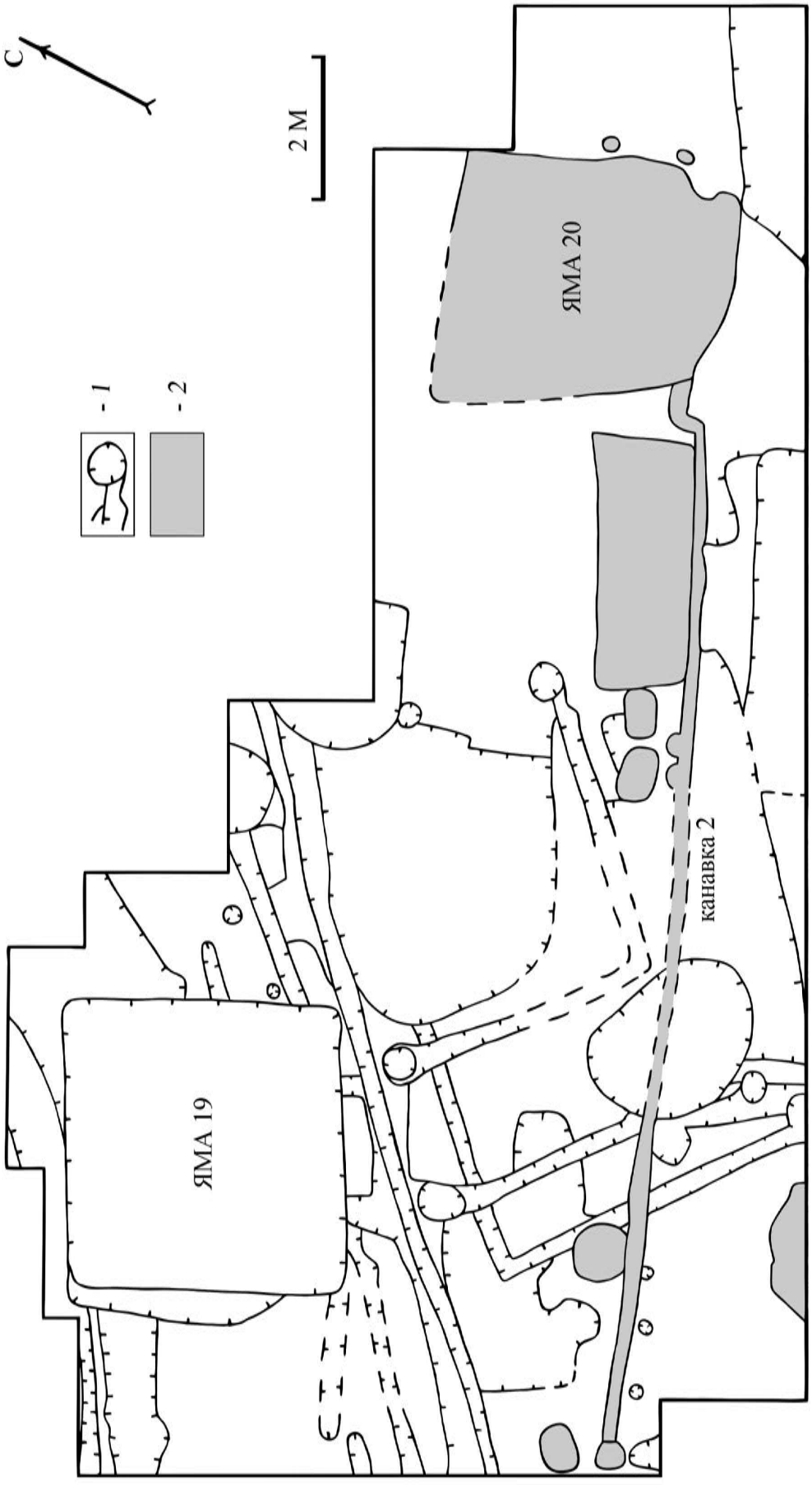

Рис. 3. Нижний Новгород. План раскопа 1 в Крутом переулке (1999 г.) с указанием сооружений первого (*1*) и второго (*2*) строительных периодов. *1* – сооружения второй половины XIII – начала XV вв.; *2* – сооружения XVI в.

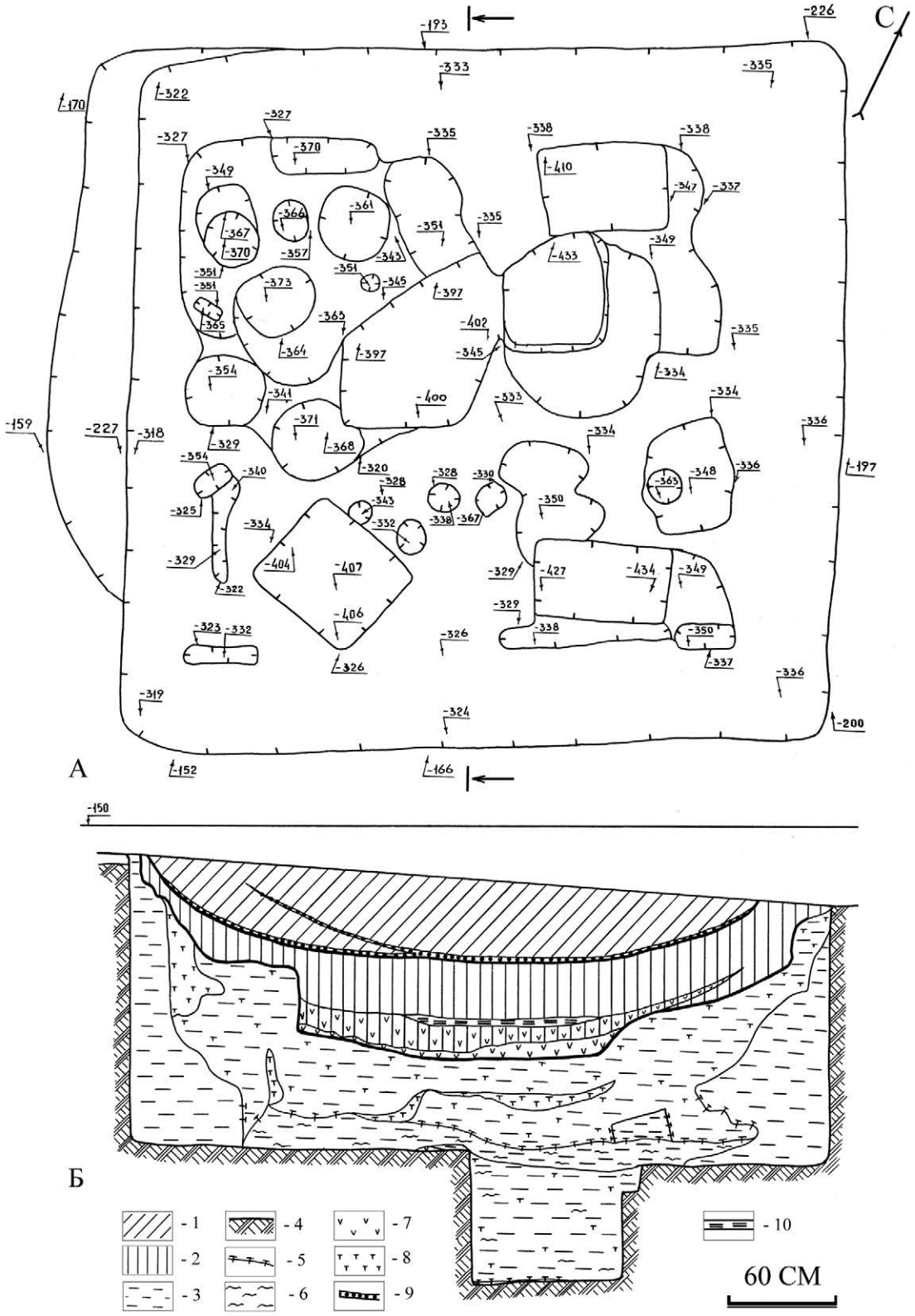

Рис. 4. Нижний Новгород. Раскоп 1 в Крутом переулке (1999 г.). План (А) и разрез (Б) ямы 19. *1* – верхний горизонт; *2* – средний горизонт; *3* – нижний горизонт; *4* – материк; *5* – тонкая прослойка древесного тлена; *6* – грунт с развитой микрослоистостью; *7* – древесный уголь; *8* – мелкораспылённый древесный тлен; *9* – прослойка погребённой дерновины; *10* – развал глинобитной печи

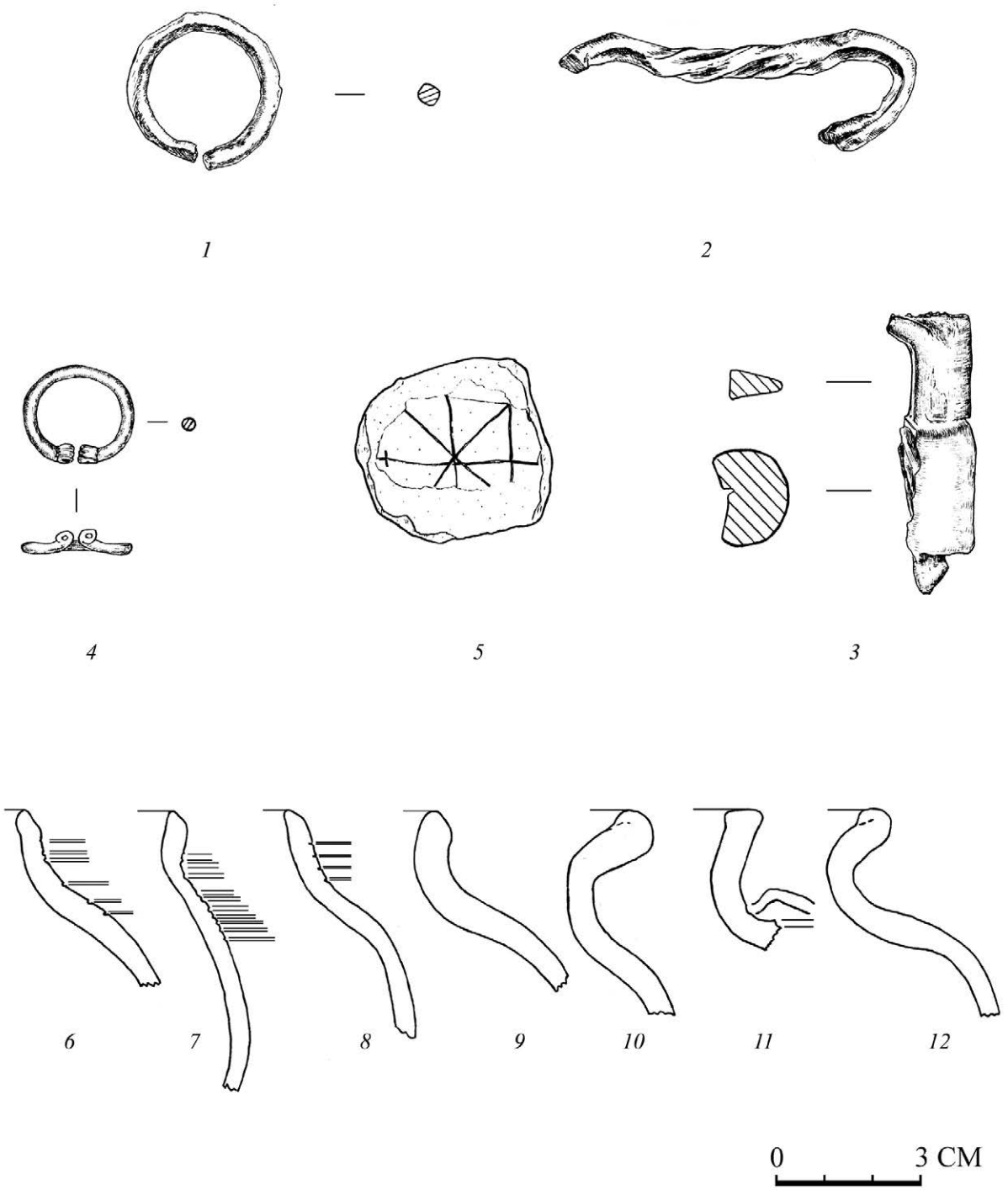

Рис. 5. Нижний Новгород. Раскоп 1 в Крутом переулке (1999 г.). Яма 19. Находки из верхнего горизонта: *1* – кольцо; *2* – фрагмент звена цепи; *3* – фрагмент цилиндрического замка; *4* – кольцевая застёжка; *5* – камень с граффити; *6–12* – образцы венчиков белоглиняных (*6–8*), ангобированного (*9*), красноглиняных с примесью дресвы и крупнозернистого песка (*10–12*) сосудов. Железо: *1–3*. Бронза: *4*. Камень: *5*. Керамика: *6–12*

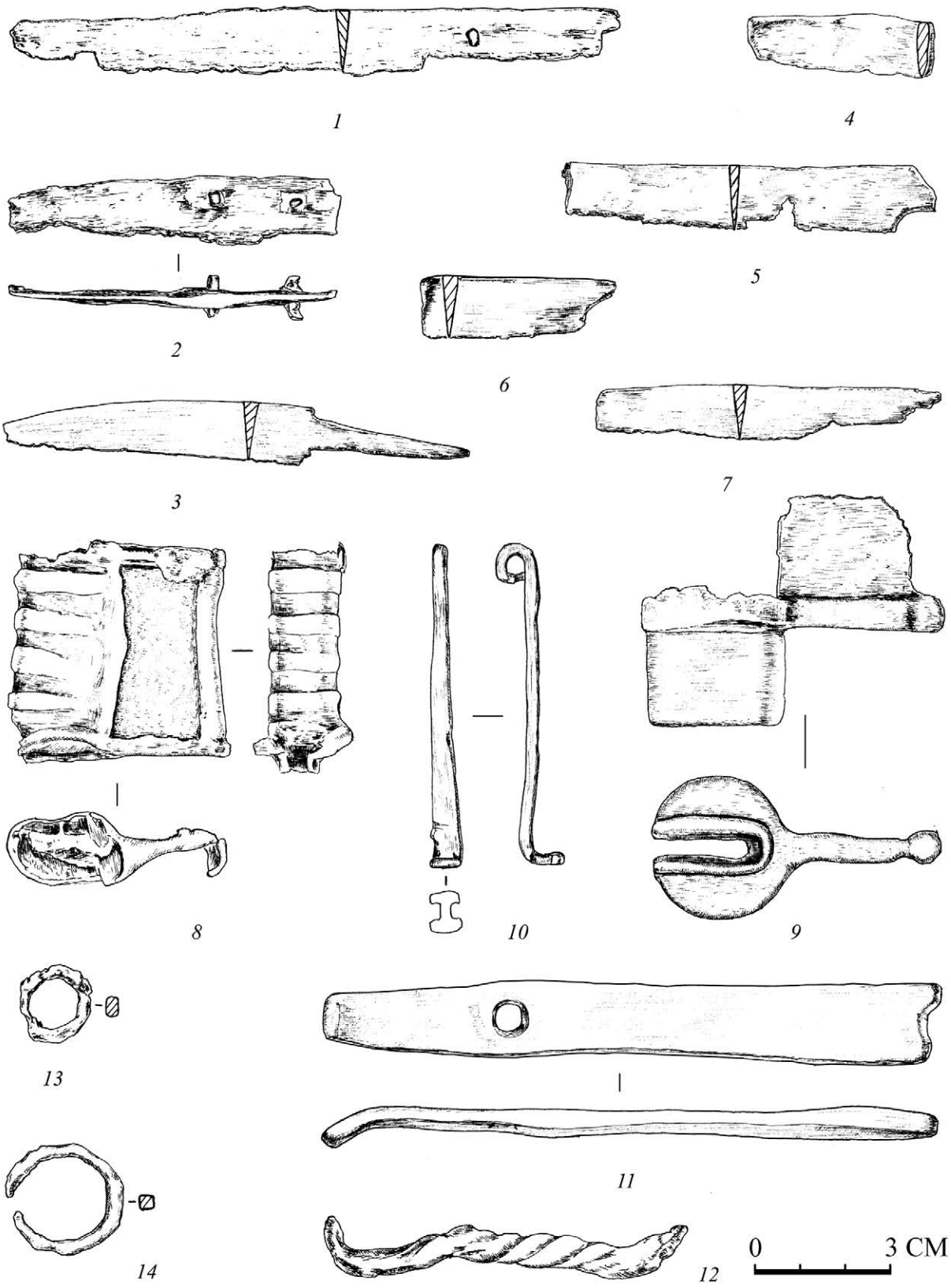

Рис. 6. Нижний Новгород. Раскоп 1 в Крутом переулке (1999 г.). Яма 19. Находки из среднего горизонта: *1–7* – ножи; *8, 9* – замки; *10* – ключ; *11* – неопределённый предмет (фрагмент дверной накладки?); *12* – фрагмент звена цепи; *13–14* – кольца. Железо: *1–14*

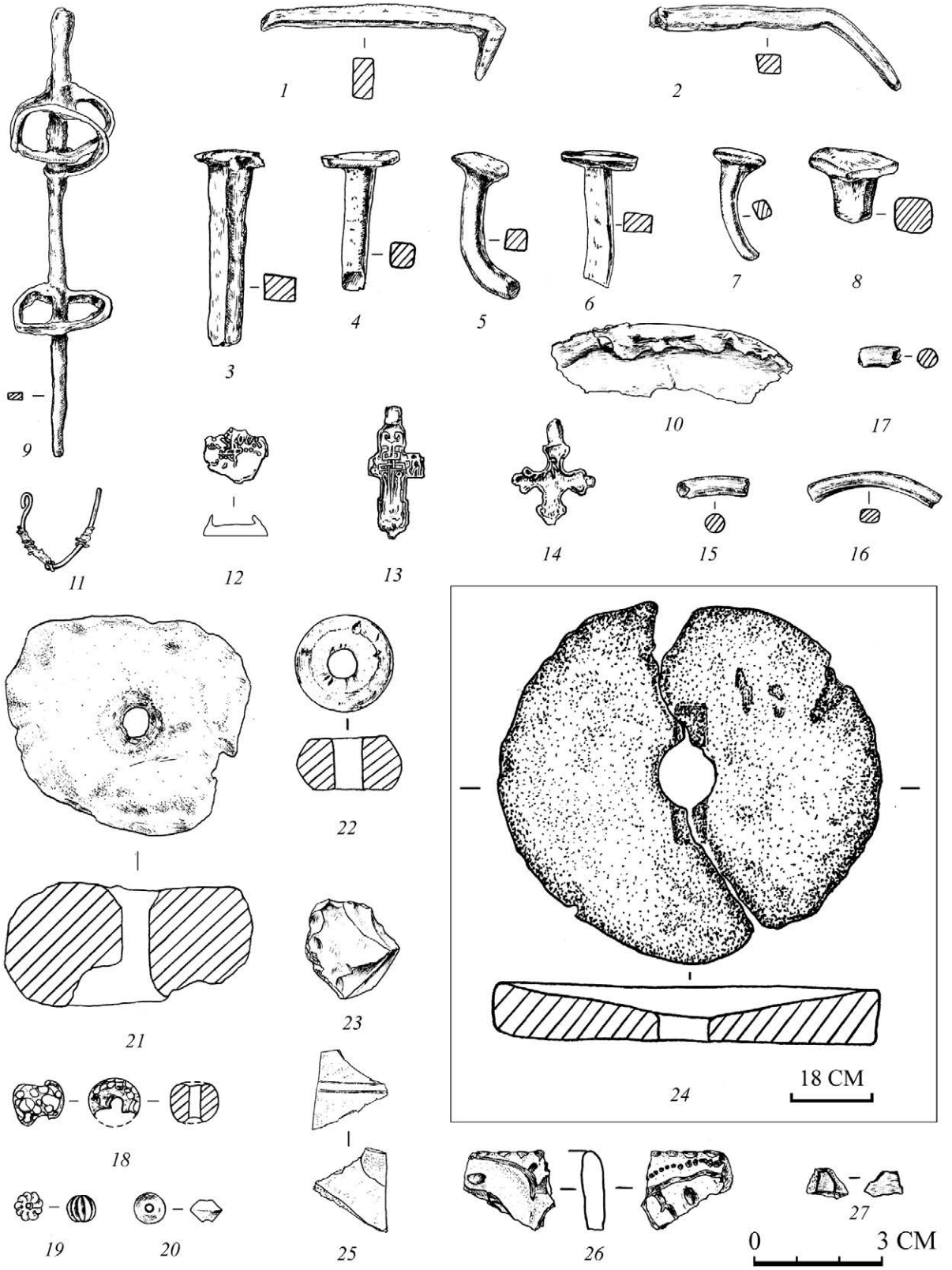

Рис. 7. Нижний Новгород. **Раскоп 1 в Крутом переулке (1999 г.).** Яма 19. Находки из среднего горизонта: *1, 2* – скобы; *3–8* – гвозди; *9* – каркас футляра ножа; *10* – фрагмент сосуда; *11* – фрагмент височного кольца; *12* – фрагмент амулета; *13, 14* – нательные кресты; *15–17* – фрагменты браслетов; *18–20* – бусины; *21* – грузило; *22* – пряслице; *23* – кресальный кремень; *24* – жернов; 25 –27 – фрагменты импортных сосудов. Железо: *1–9*. Медь: *10*. Бронза: *11–14*. Стекло: *15–20*. Камень: *21–24*. Фарфор (селадон): *25*. Кашин: *26, 27*

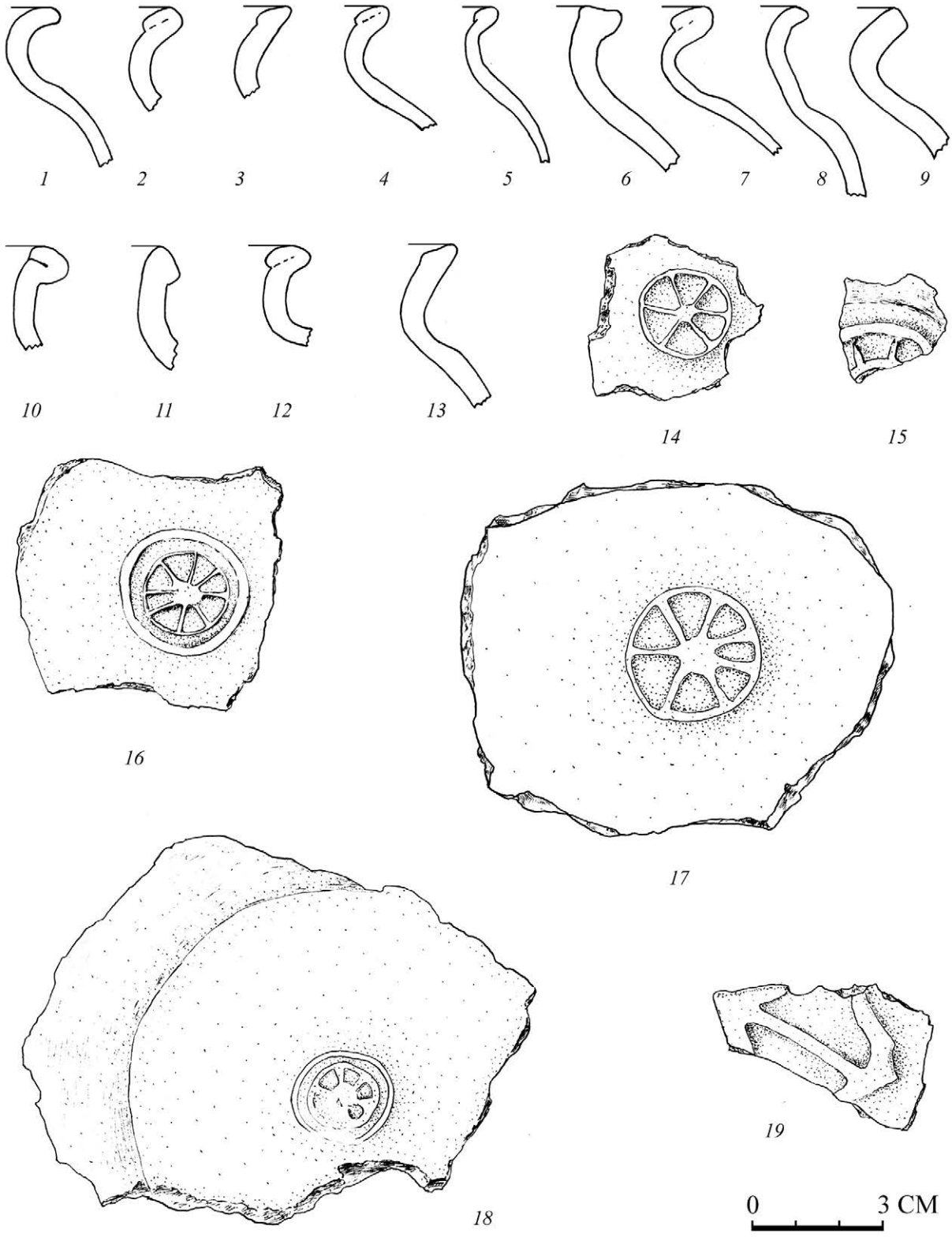

Рис. 8. Нижний Новгород. Раскоп 1 в Крутом переулке (1999 г.). Яма 19. Керамика из среднего горизонта: венчики (*1–13*), фрагменты днищ с клеймами (*14–19*)

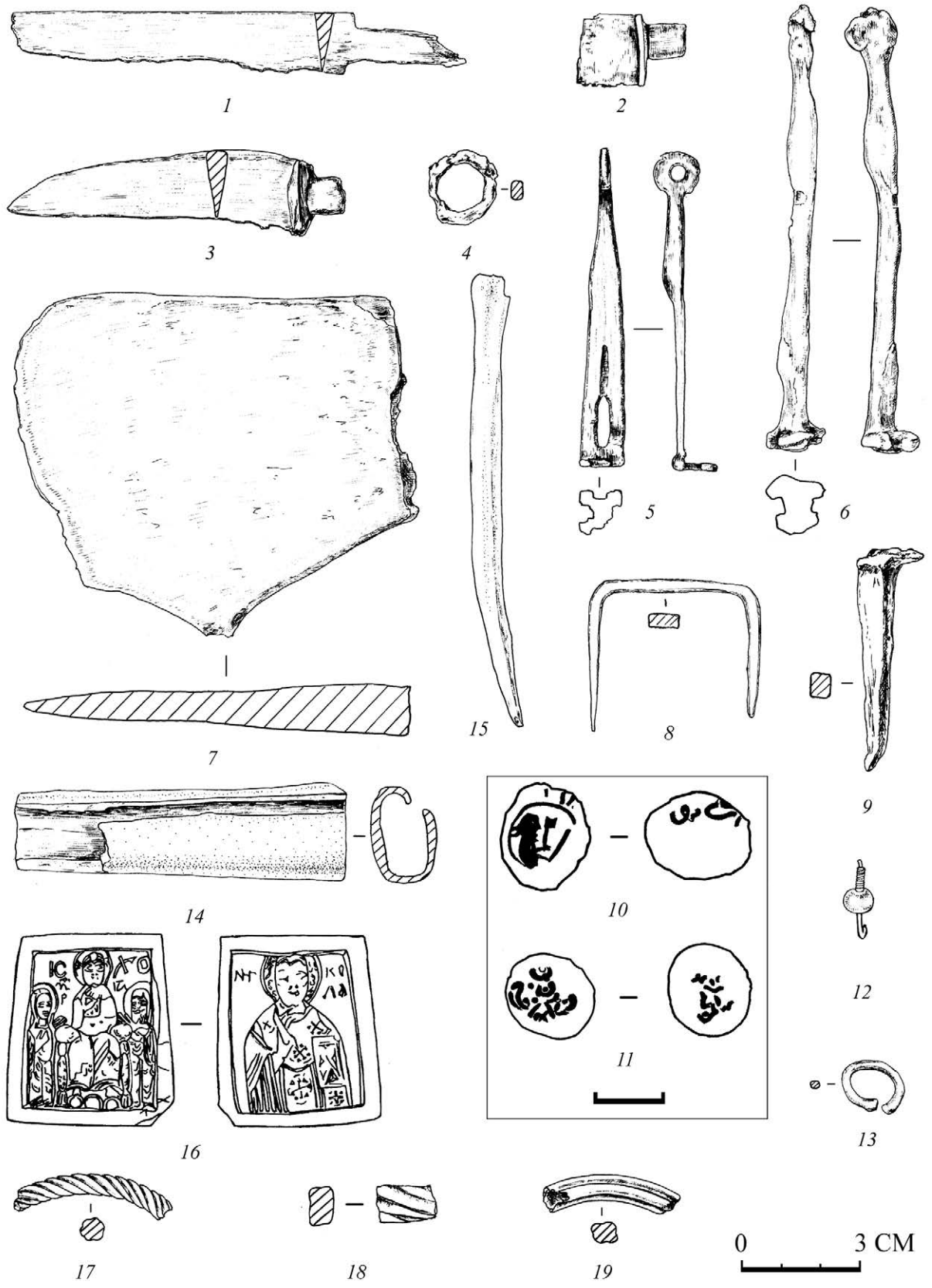

Рис. 9. Нижний Новгород. Раскоп 1 в Крутом переулке (1999 г.). Яма 19. Находки из нижнего горизонта: *1–3* – ножи; *4* – рамка от пряжки; *5, 6* – ключи; *7* – фрагмент лезвия топора; *8* – скоба; *9* – гвоздь; *10, 11* – монеты; *12* – фрагмент серьги с бусиной; *13* – колечко; *14* – кость со следами обработки; *15* – кочедык; *16* – иконка; *17–19* – фрагменты браслетов. Железо: *1–9*. Серебро: *10, 11*. Бронза: *13*. Бронза+стекло: *12*. Кость: *14*. Камень: *16*. Стекло: *17–19*

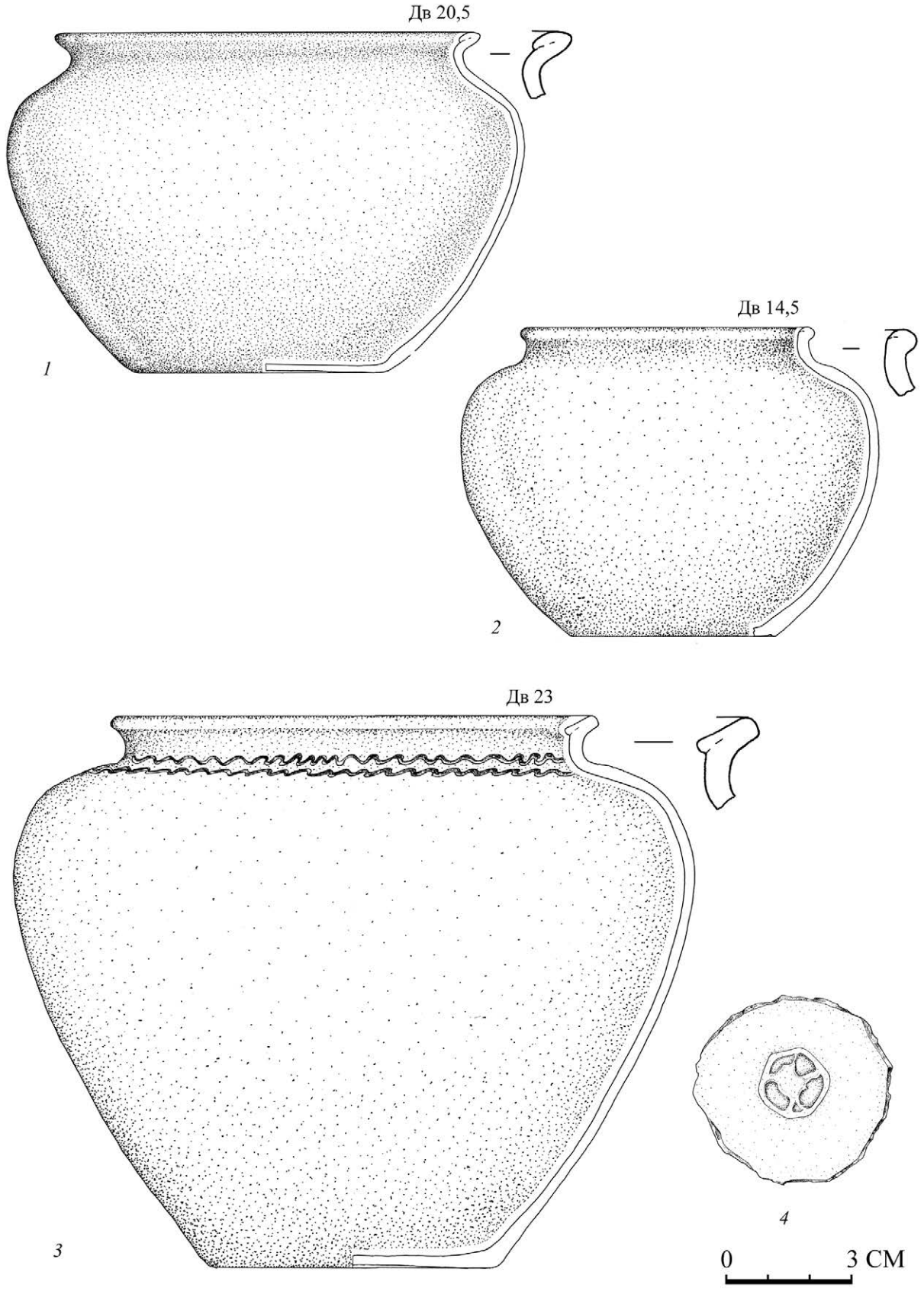

Рис. 10. Нижний Новгород. Раскоп 1 в Крутом переулке (1999 г.). Яма 19. Керамика из нижнего горизонта: реконструированные сосуды (*1–3*), фрагмент днища с клеймом (*4*)

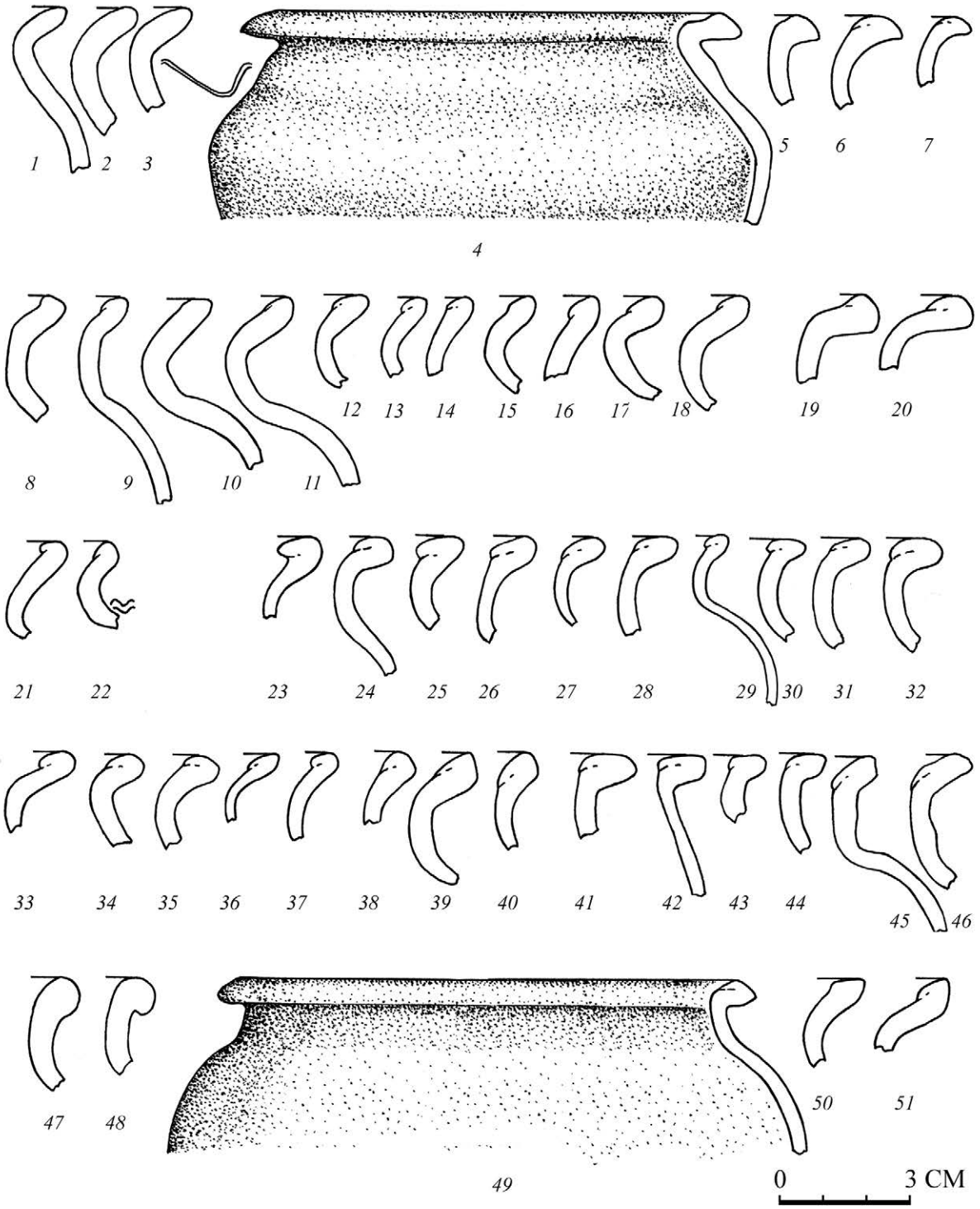

Рис. 11. Нижний Новгород. Раскоп 1 в Крутом переулке (1999 г.). Яма 19. Венчики красноглиняных сосудов из нижнего горизонта (*1–51*)

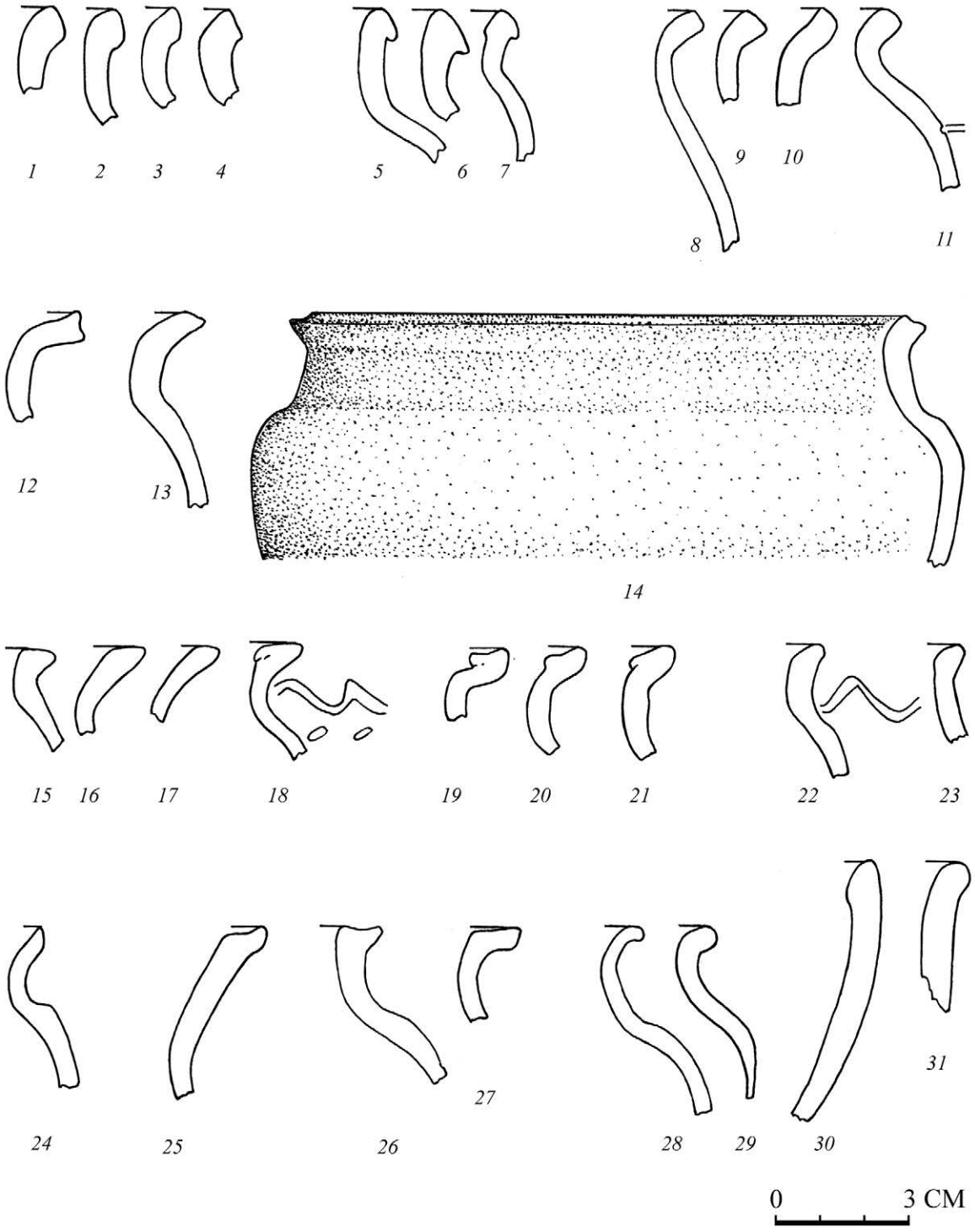

Рис. 12. Нижний Новгород. Раскоп 1 в Крутом переулке (1999 г.). Яма 19. Венчики красноглиняных сосудов из нижнего горизонта (*1–31*)

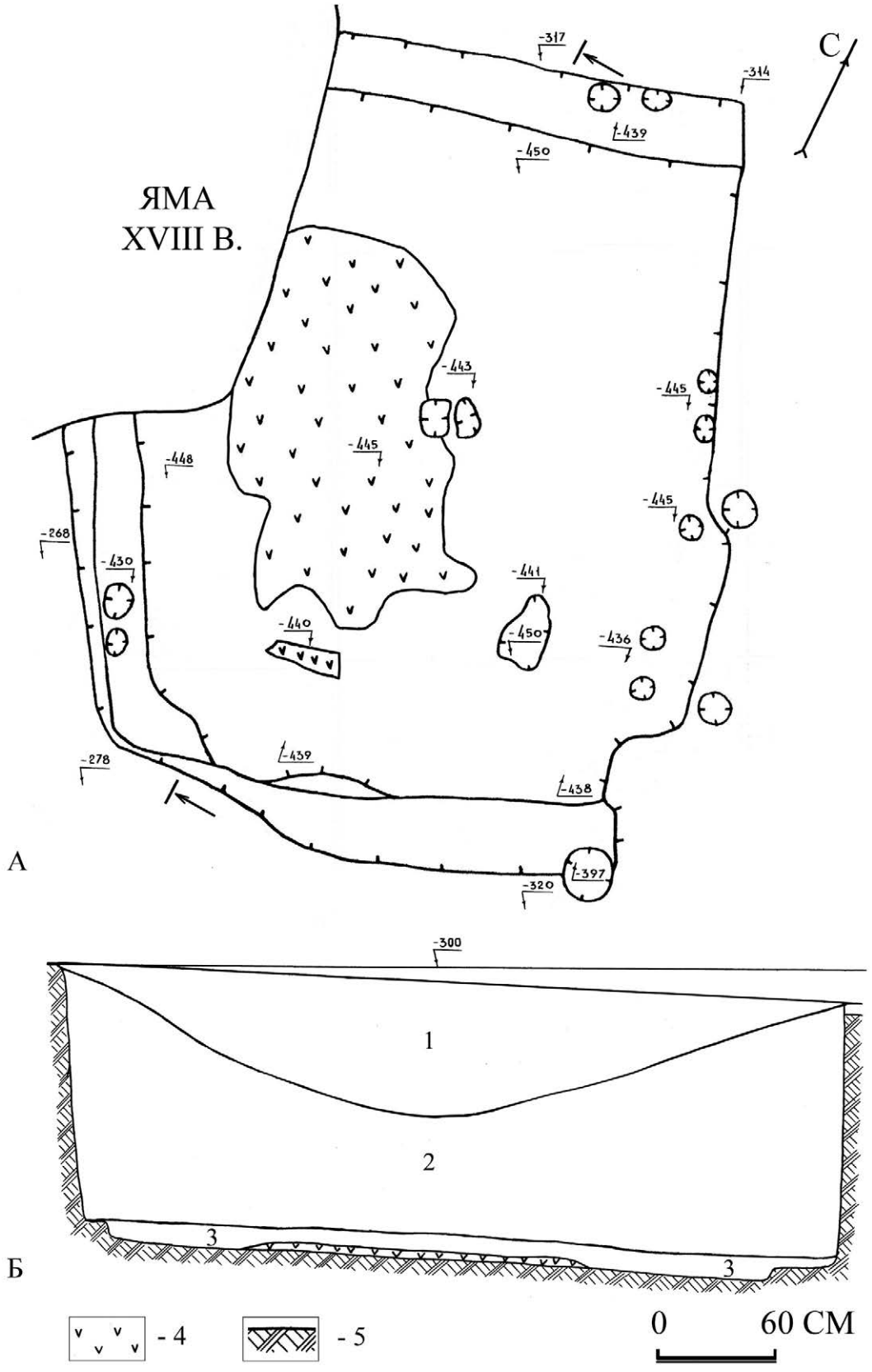

Рис. 13. Нижний Новгород. Раскоп 1 в Крутом переулке (1999 г.). План (А) и разрез (Б) ямы 20. *1* – верхний слой; *2* – средний слой; *3* – нижний слой; *4* – древесный уголь; *5* – материк

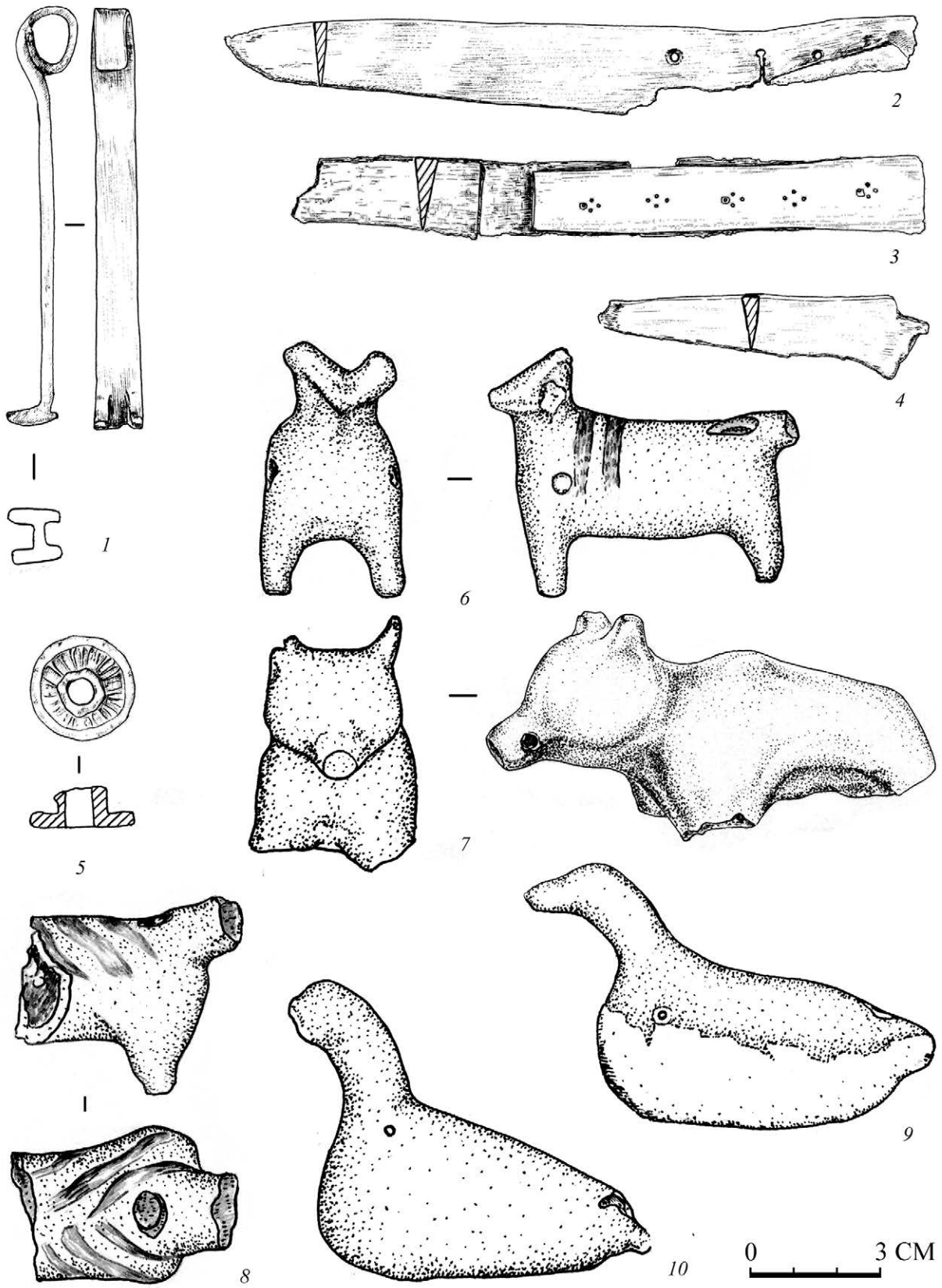

Рис. 14. Нижний Новгород. Раскоп 1 в Крутом переулке (1999 г.). Яма 20. Находки из заполнения: *1* – ключ; *2–4* – ножи; *5* – грузик; *6–10* – игрушки. Верхний слой*: 2–4, 7*. Средний слой: *6, 8, 9*. Нижний слой: *1, 5, 10*. Железо: *1, 2, 4*. Железо+кость: *3*. Свинец: *5*. Керамика: *6–10*

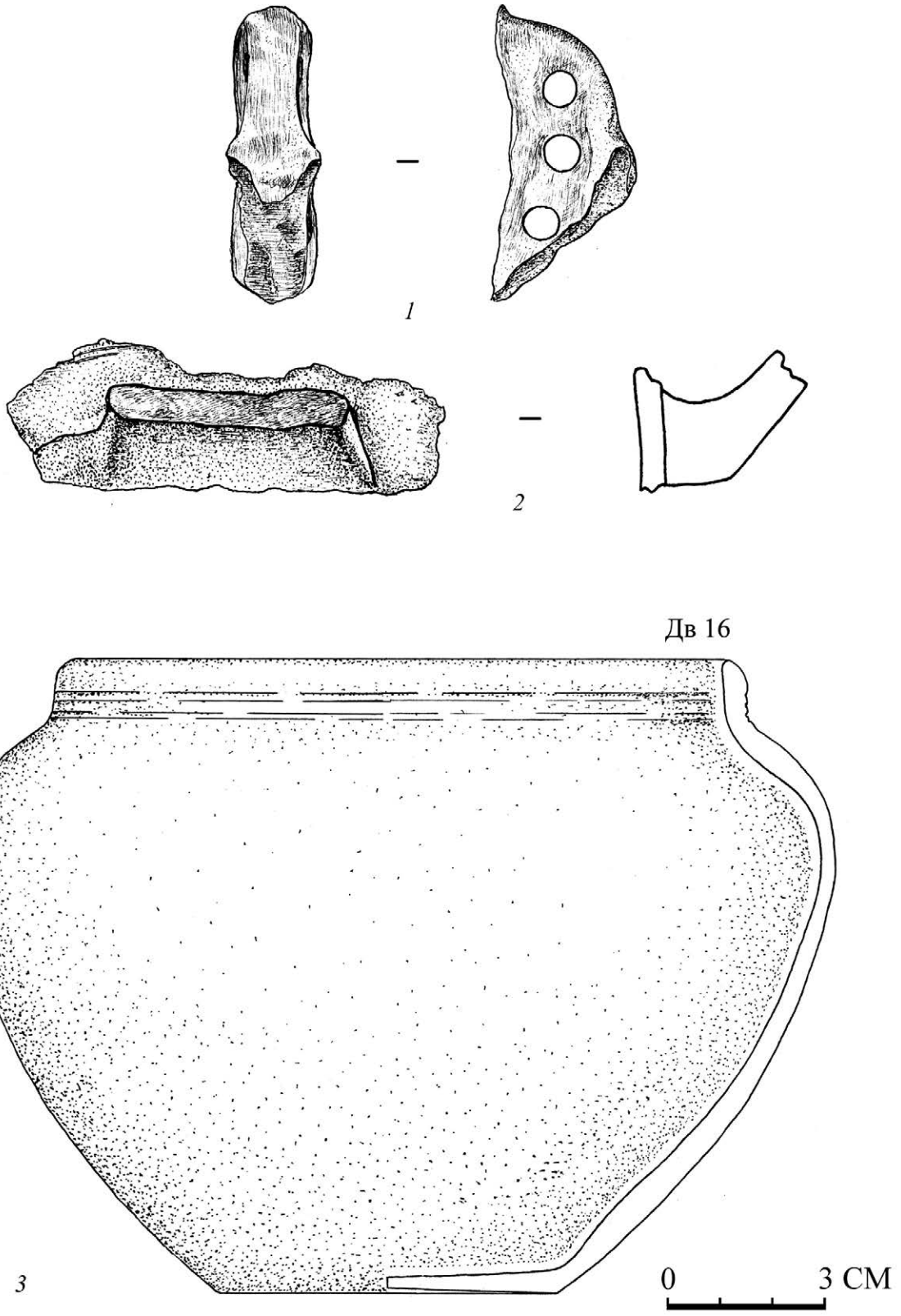

Рис. 15. Нижний Новгород. Раскоп 1 в Крутом переулке (1999 г.). Яма 20. Находки из нижнего слоя: *1* – пластина от чернолощёного кумгана; *2* – фрагмент стенки белоглиняного сосуда с примесью крупнозернистого песка; *3* – белоглиняный горшок с тонким тестом (реконструкция)

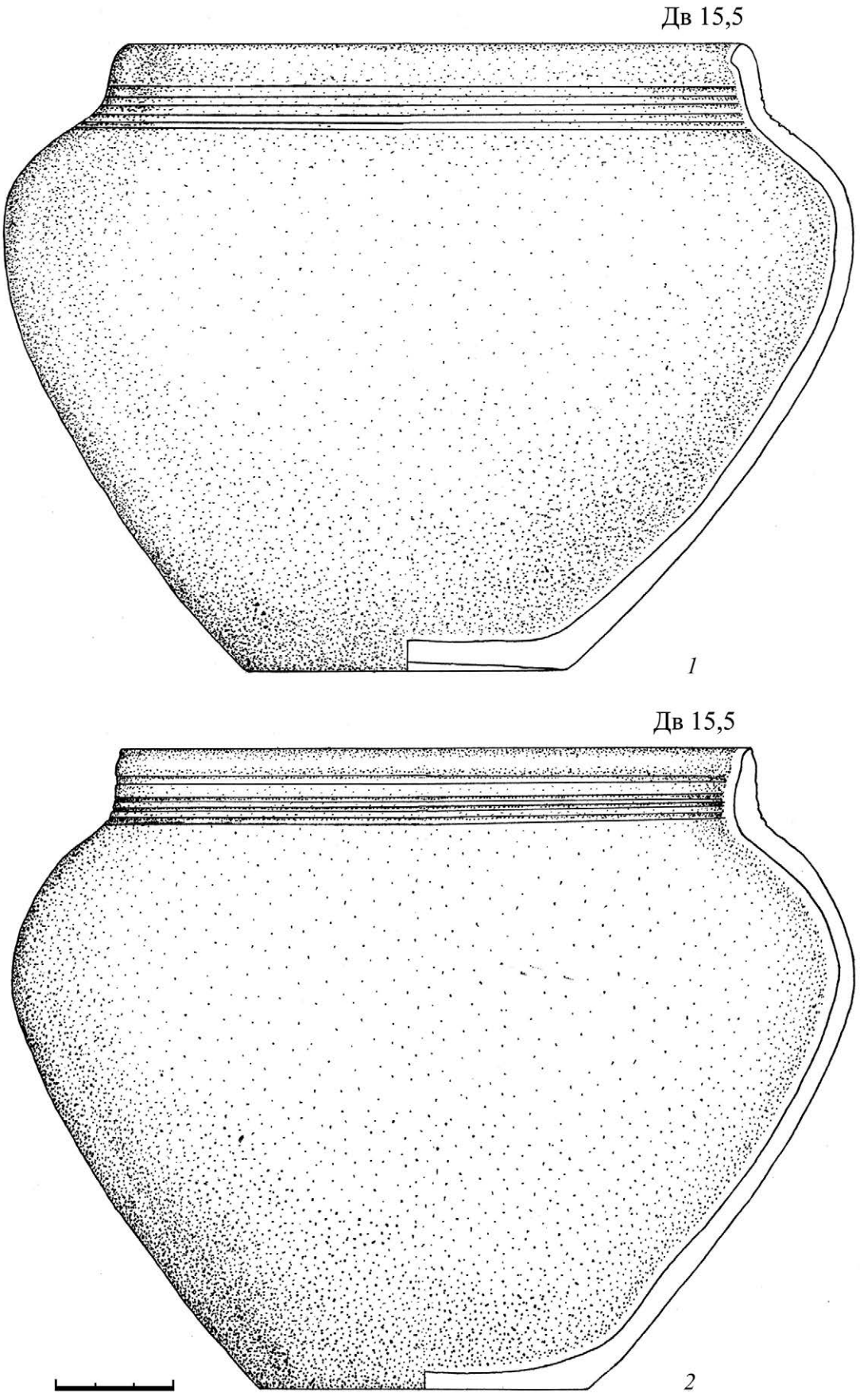

Рис. 16. Нижний Новгород. Раскоп 1 в Крутом переулке (1999 г.). Яма 20. Белоглиняные горшки с тонким тестом из нижнего слоя (реконструкция) (*1, 2*)

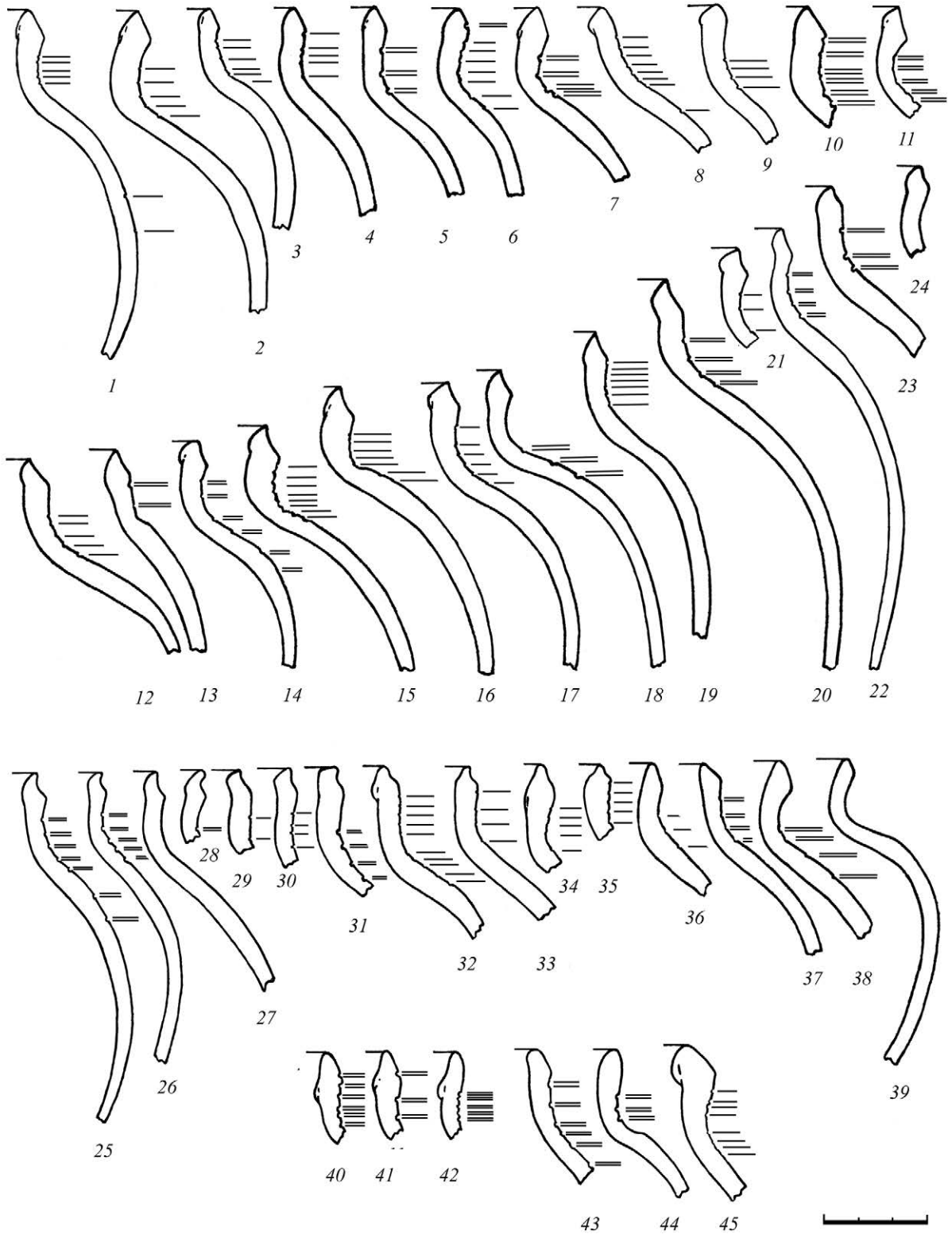

Рис. 17. Нижний Новгород. Раскоп 1 в Крутом переулке (1999 г.). Венчики белоглиняных сосудов с тонким тестом из нижнего слоя заполнения ямы 20 (*1–45*)

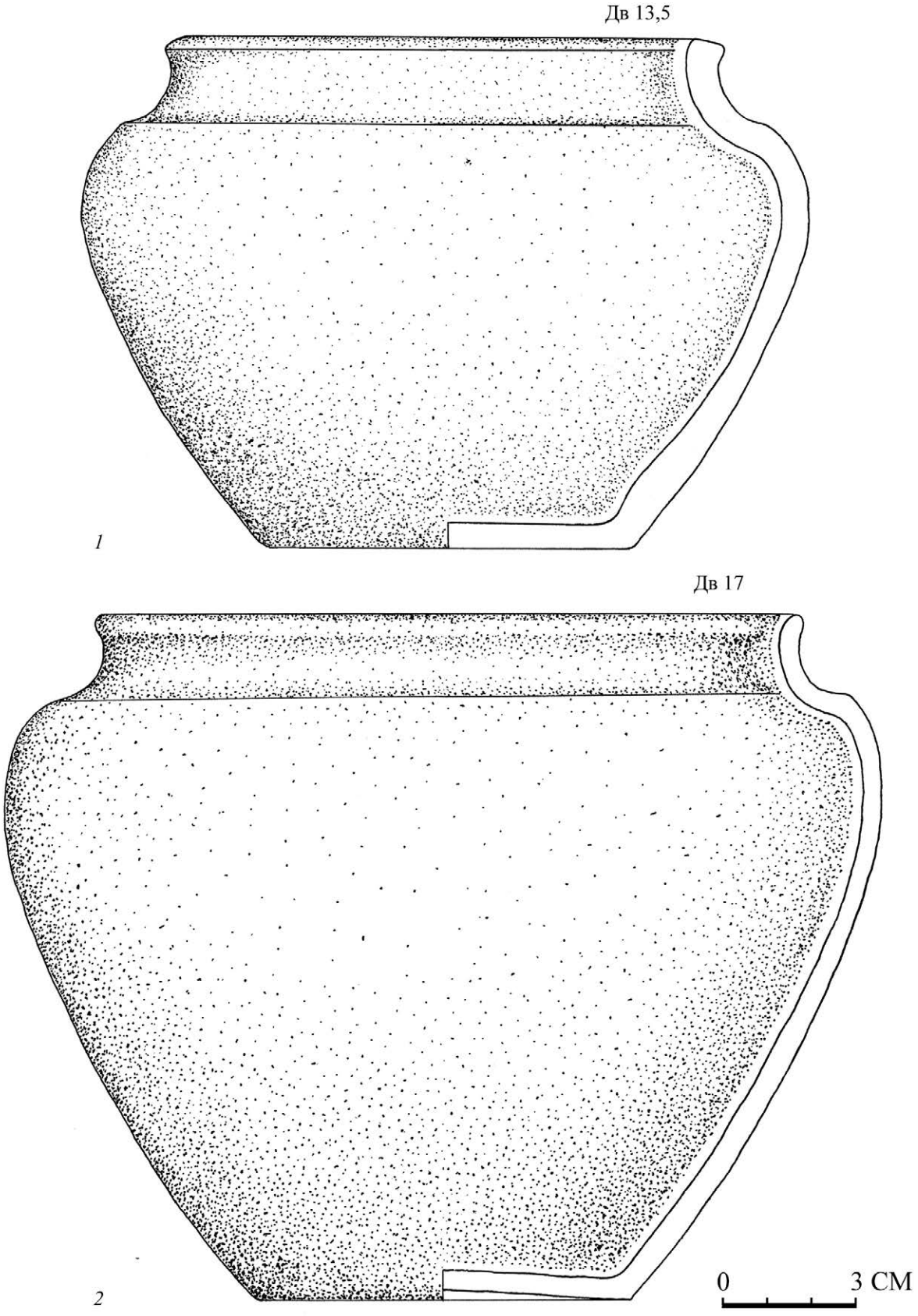

Рис. 18. Нижний Новгород. Раскоп 1 в Крутом переулке (1999 г.). Красноглиняные горшки с примесью редкой дресвы в тесте из нижнего слоя ямы 20 (реконструкция). Ангобированный: *1*, без ангоба: *2*

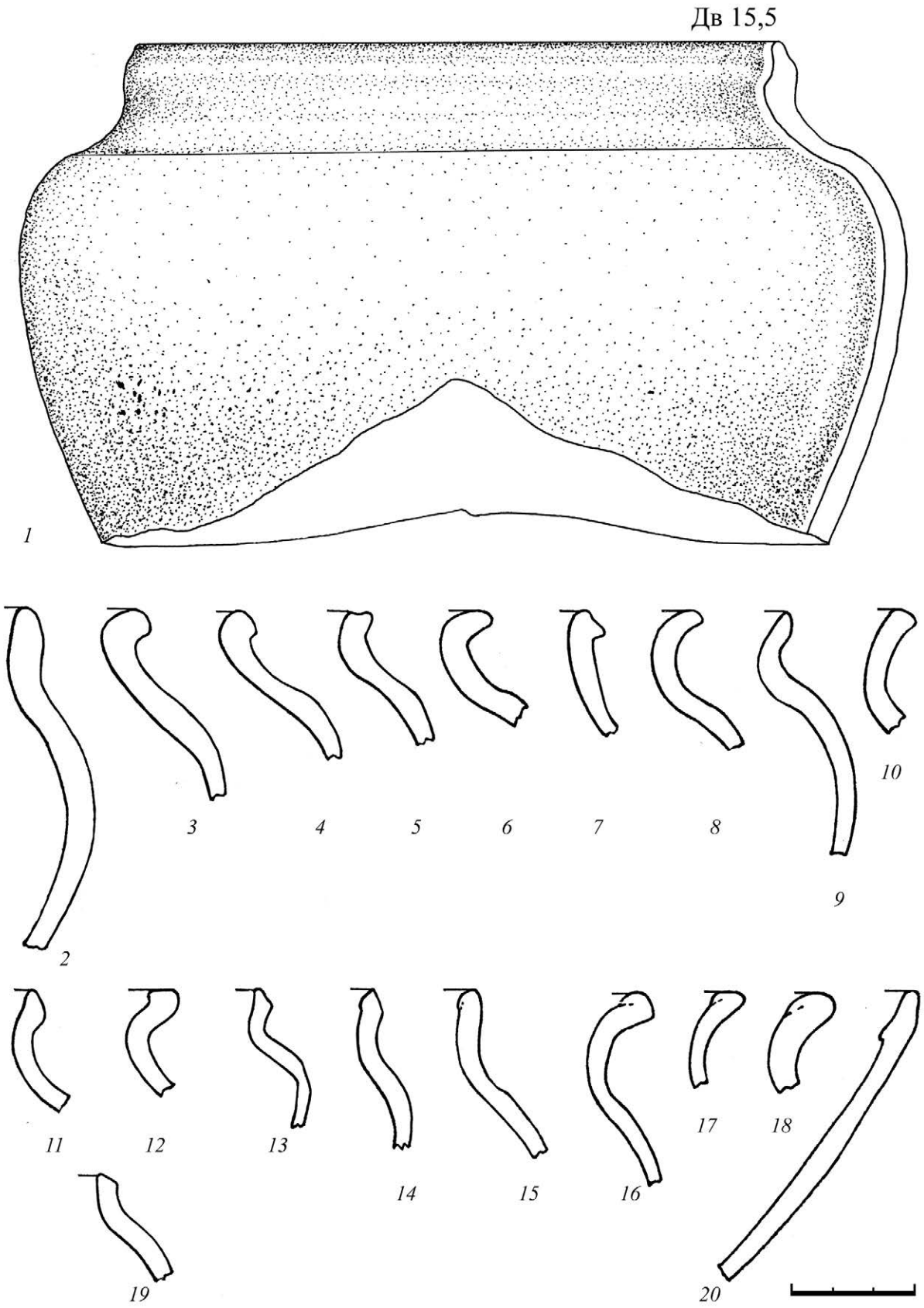

Рис. 19. Нижний Новгород. Раскоп 1 в Крутом переулке (1999 г.). Венчики красноглиняных сосудов с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (*1, 2, 7–11, 13–15, 19, 20*), дресвы (*3–6, 12, 16–18*) из нижнего слоя ямы 20

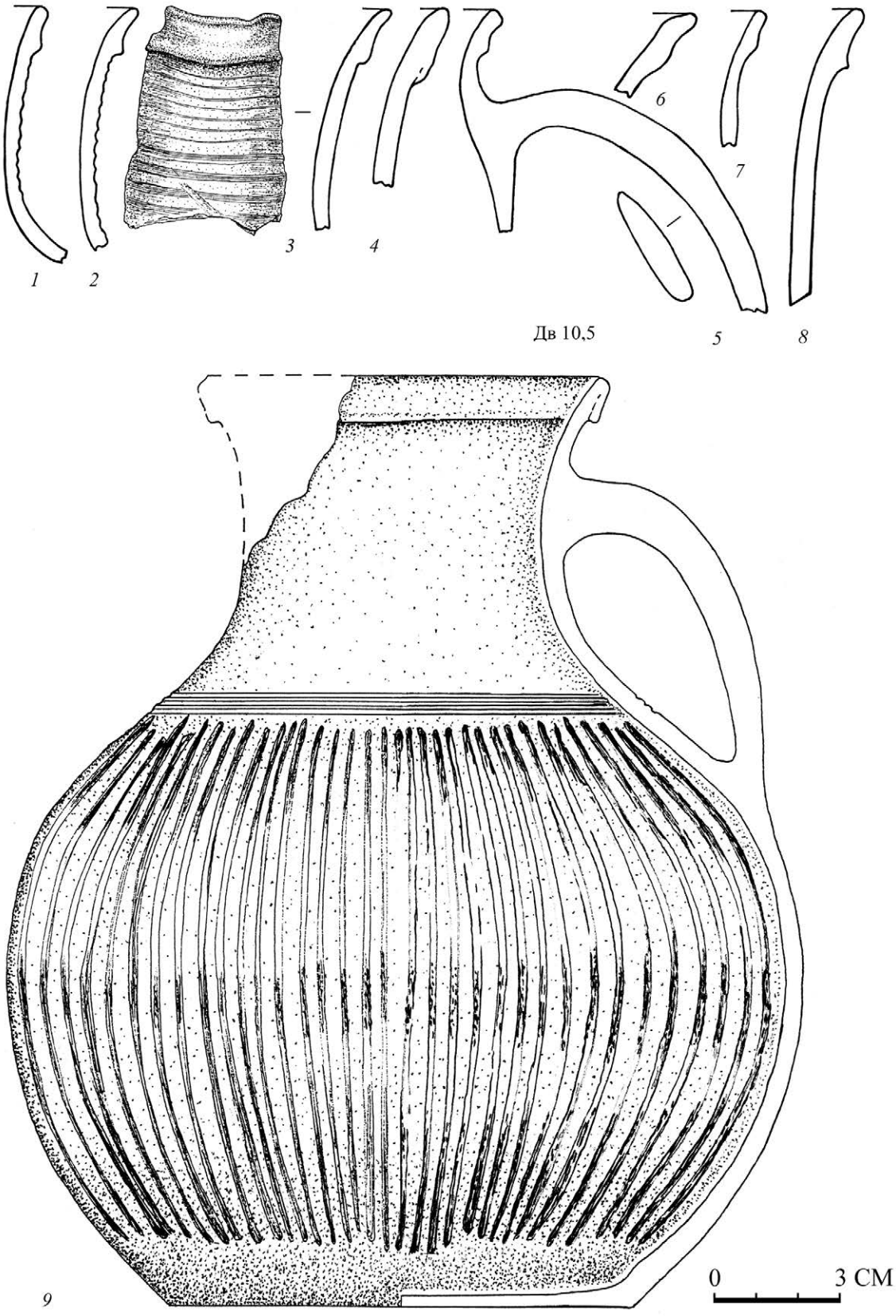

Рис. 20. Нижний Новгород. Раскоп 1 в Крутом переулке (1999 г.). Венчики краснолощёных сосудов из нижнего слоя ямы 20 (*1–8*) и реконструкция краснолощёного кувшина из канавки 1 (*9*)

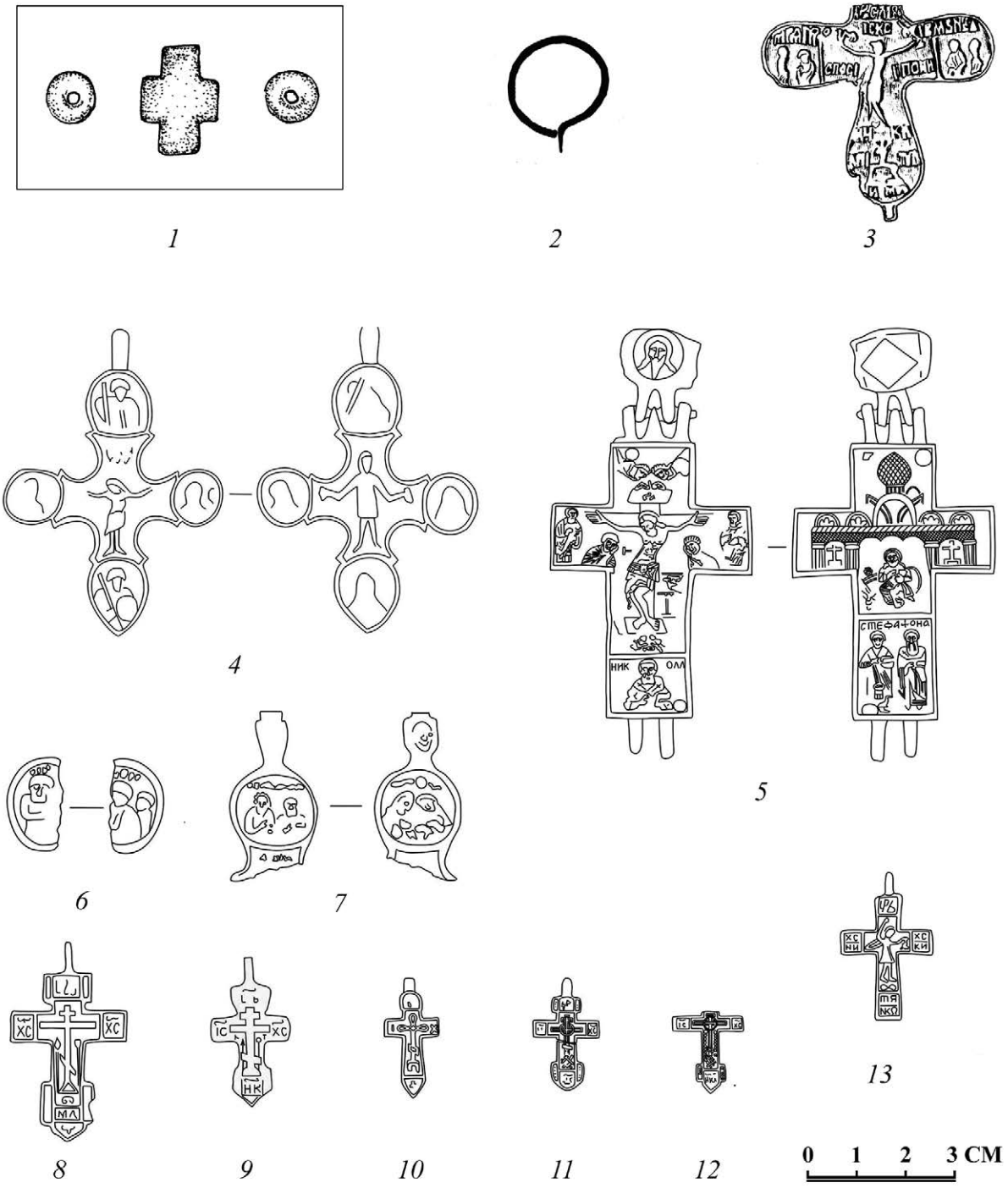

Рис. 21. Инвентарь XV–XVI вв. из раскопок Нижнего Новгорода: *1* – янтарный нательный крест и янтарные бусы из погребения 23 некрополя у церкви святых александрийских чудотворцев Афанасия и Кирилла; *2* – бронзовая привеска; *3–13* – предметы личного благочестия из бронзы. Раскоп на ул. Ульянова 2003 г. (рук. Л.Д. Шакулова): *1, 2* (*Очеретина*, 2006). Раскоп 1 1999 г. в пер. Крутом (рук. Н.Н. Грибов): *3*. Раскоп 2011 г. на Театральной площади (рук. В.А. Батюков): *4–13* (*Батюков, Муренцова*, 2013)

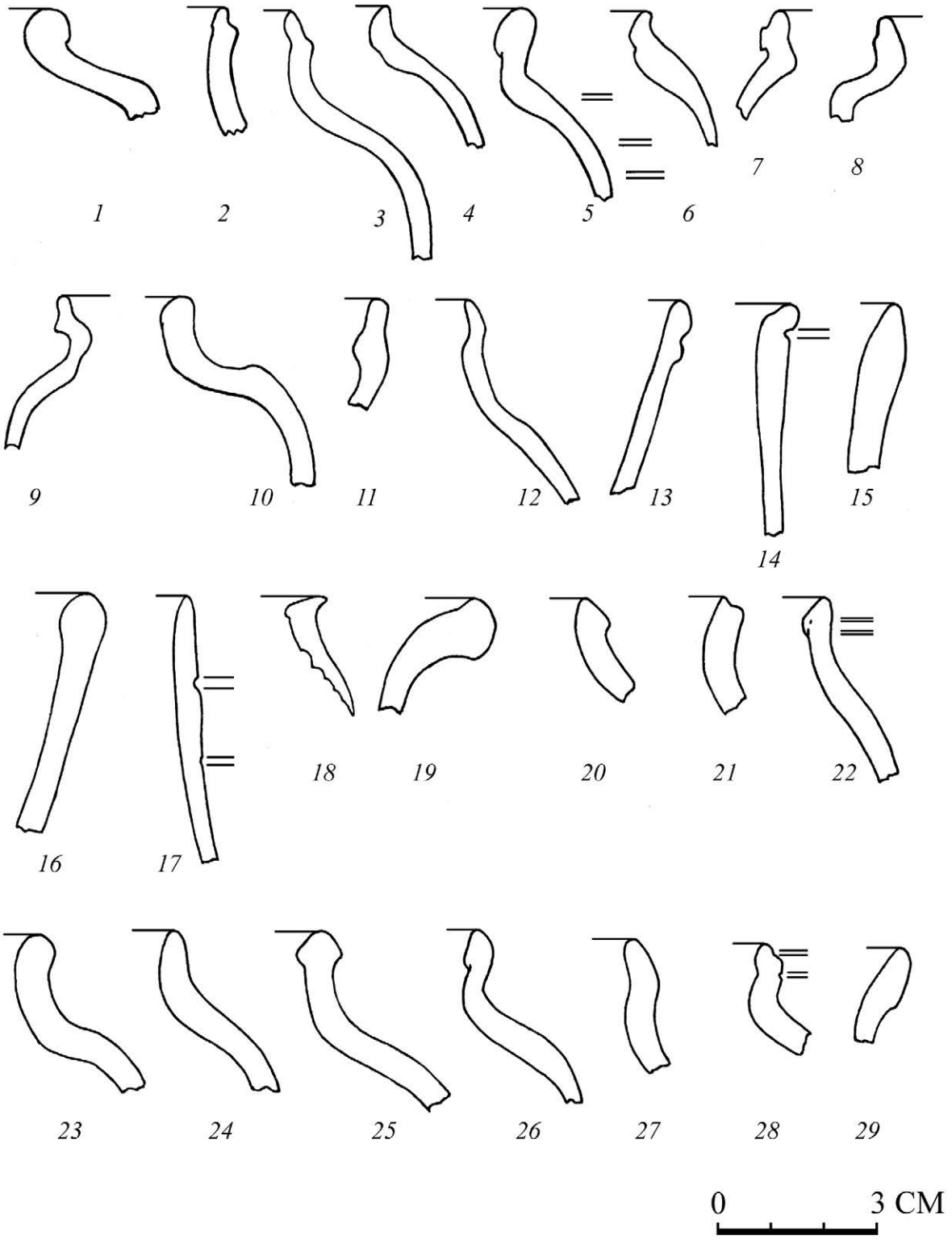

Рис. 22. Разнообразие оформления верхних частей керамических сосудов из Нижнего Новгорода, причисленных авторами раскопок к группе «красноглиняной гладкой» керамики: *1–6 – Ерёмин*, А-1997; *7–9 – Бакулин*, А-2012в; *10–12 – Кикеев*, А-2004; *13–18 – Кикеев*, А-2003б; *19 – Иванова*, А-2005; *20 – Иванова*, А-2000; *21 – Иванова*, А-2001б; *22–29 – Грибов*, А-1999

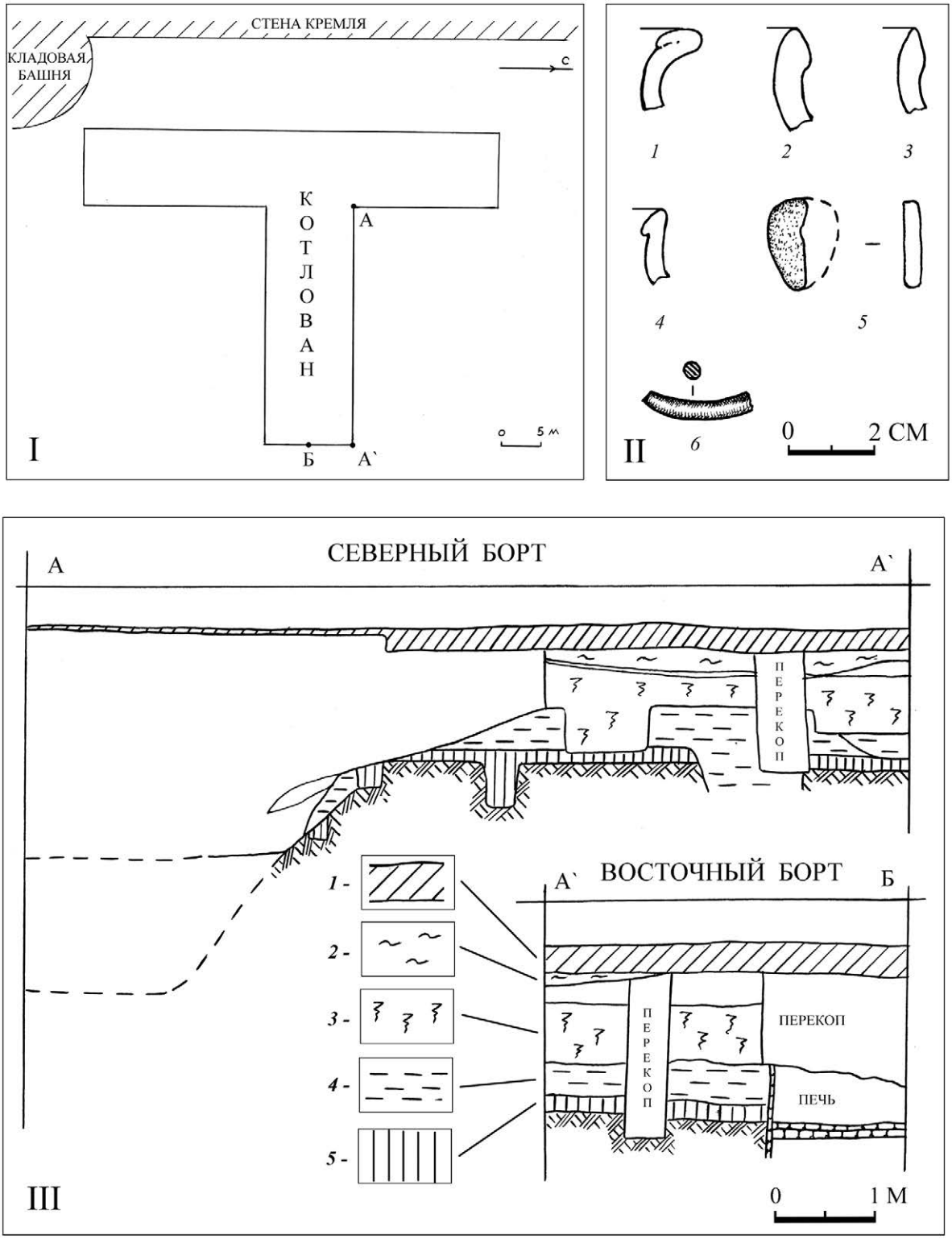

Рис. 23. Материалы археологических наблюдений при строительстве подземного перехода на пл. Минина (*Черников,* А-1980): I – ситуационный план, II – находки из перекрывающего материк средневекового слоя (*1–4* венчики керамических сосудов) и ямы, откопанной с уровня материка (*6* – фрагмент стеклянного браслета, *5* – фрагмент костяной муфты от рукоятки ножа), III – стратиграфия северного борта и неполный разрез восточного бортов котлована (*1* – дорожное покрытие; *2* – слой с щепой; *3* – известь и фрагменты кирпичей; *4* – неоднородный по составу грунт выброса из кремлёвского рва; *5* – городской средневековый культурный слой)

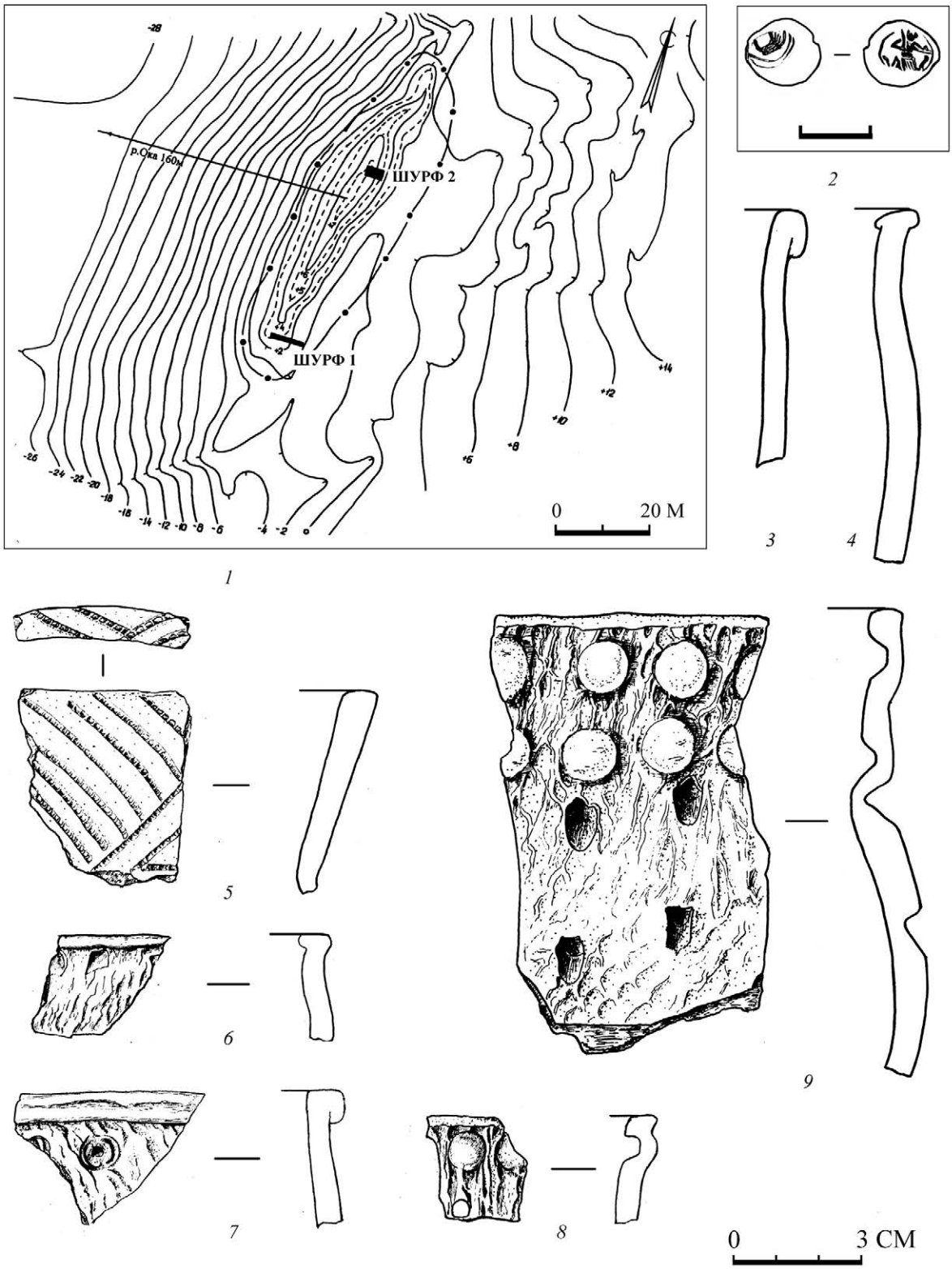

Рис. 24. Поселение за Ромодановским вокзалом: *1* – план памятника; *2–9* – находки из шурфа 2 *(2* – серебряная монета; *3–8* – венчики лепных сосудов эпохи бронзы (*5*) и раннего железного века (*3, 4, 6–9*)). Пласт 3: *2*. Пласт 4: *6–8*. Пласт 5: *3, 4, 9*. Пласт 7: *5*

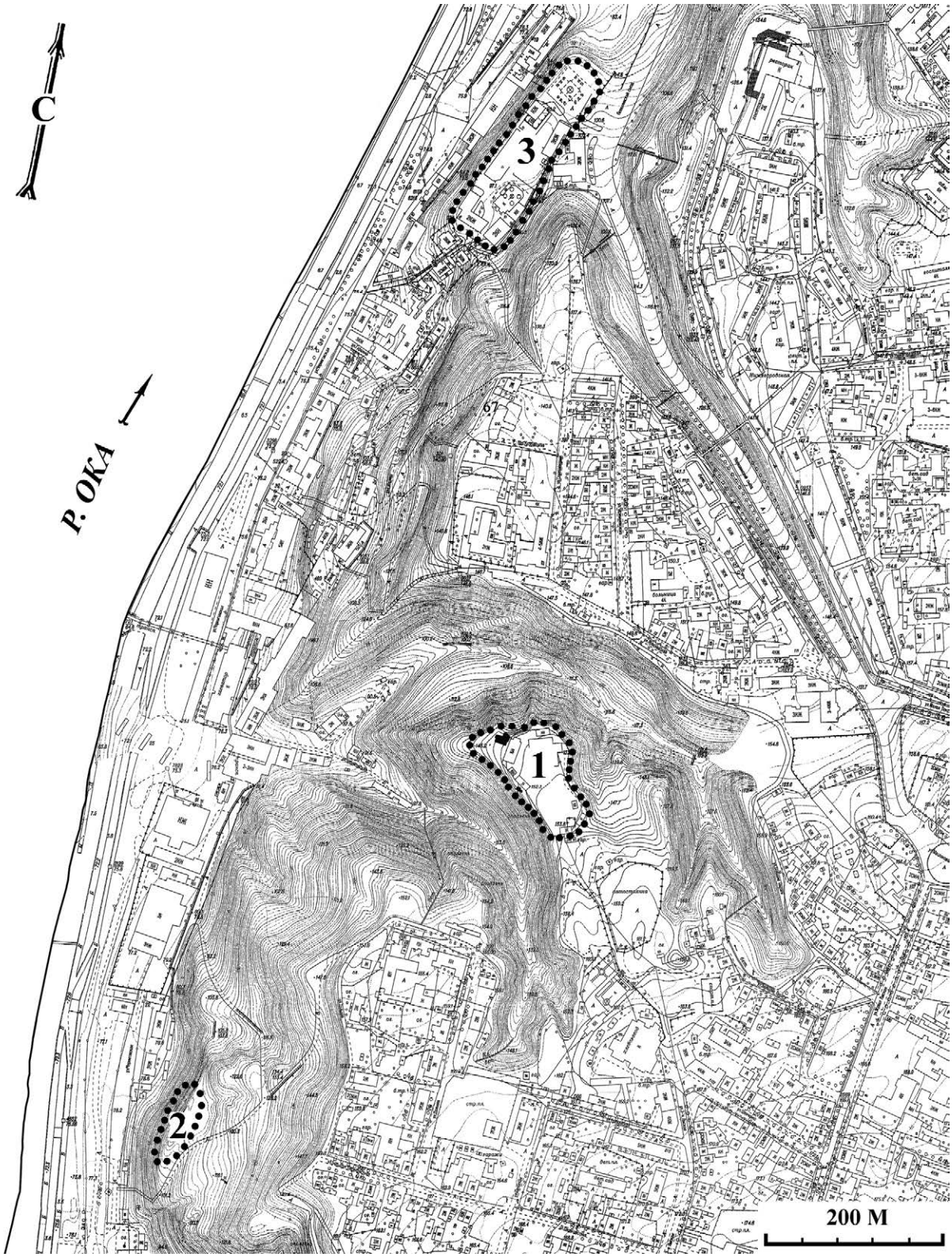

Рис. 25. Городище Городок (1) и ближайшие к нему памятники археологии: поселение эпохи бронзы и раннего железного века за Ромодановским вокзалом (2) и Благовещенский монастырь (3). Ситуационный план. Сечение горизонталей 1 м. Высоты указаны в Балтийской системе

Рис. 26. Городище Городок. Ситуационный план. Сечение горизонталей 1м. Высоты указаны в Балтийской системе. 1–3 – шурфы и раскопы, заложенные на памятнике: шурф 1996 г. (1), раскопы 1–3 2003-04 гг. (2), шурф 2 2004 г. (3). А, Б, В – шурфы И.О. Ерёмина 1995 г. (А), 1996 г. (Б) и А.А. Доманина 2013 г. (В) – без средневековых материалов

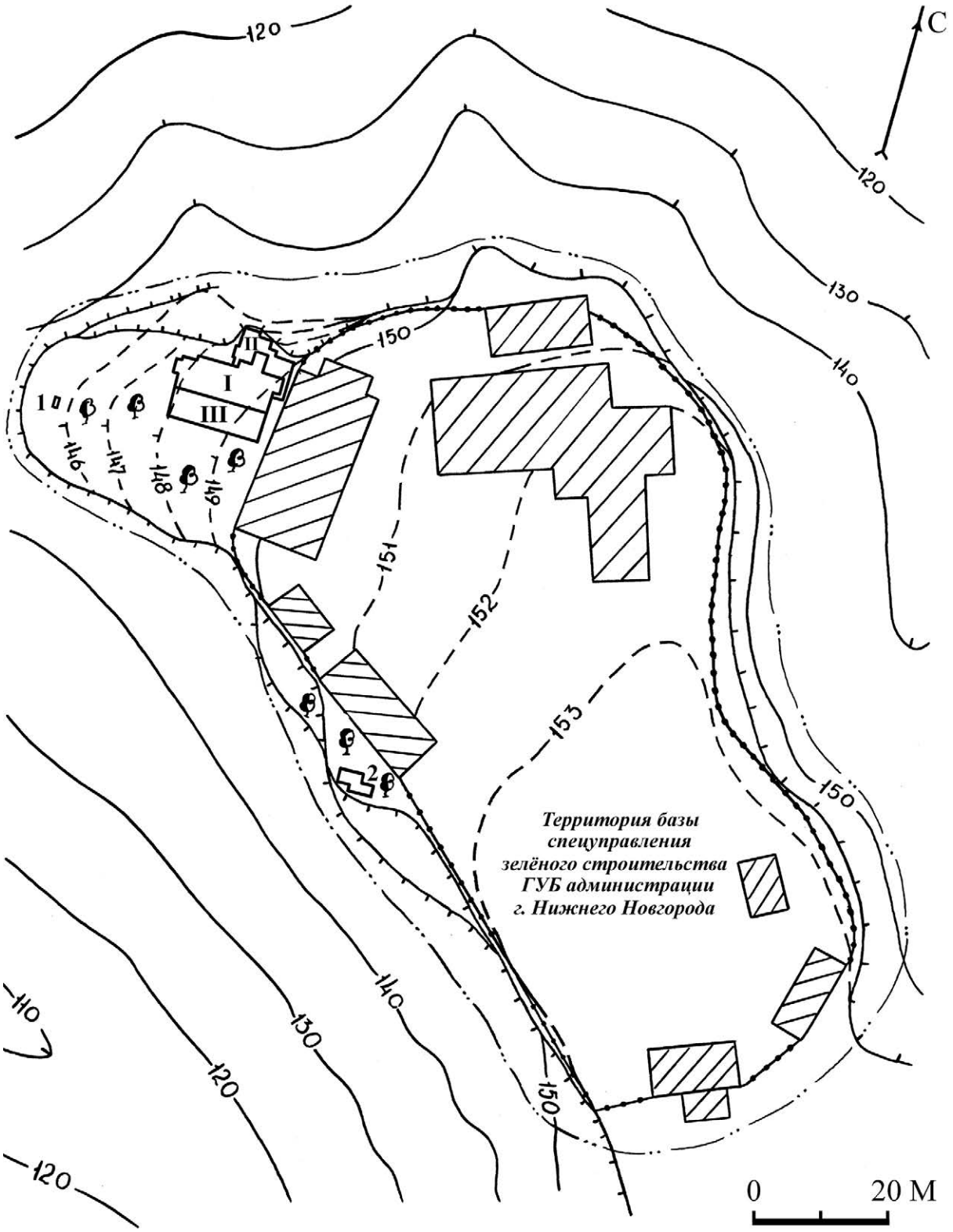

Рис. 27. Городище Городок. План памятника (съёмка 2003 г.). I – раскоп 1 (2003 г.), II – раскоп 2 (2004 г.), III – раскоп 3 (2004 г.), 1 – шурф 1 (1996 г.), 2 – шурф 2 (2004 г.)

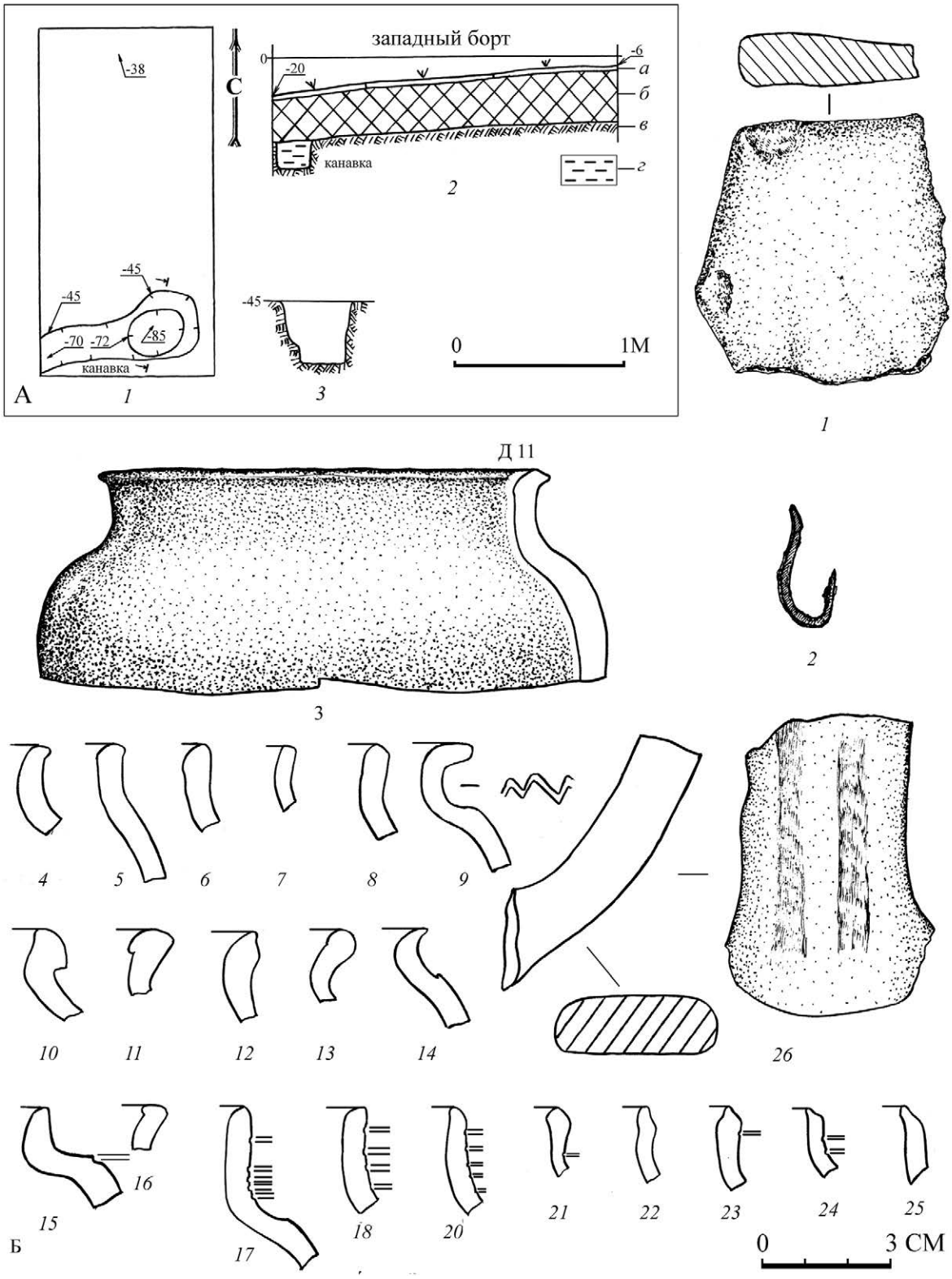

Рис. 28. Городище Городок. Шурф 1. А – план по материку (*1*), профиль западного борта (*2*) и разрез столбовой ямы (*3*). а – дёрн; б – тёмно-коричневый суглинок; в – стерильный бурый четвертичный суглинок (материк); г – коричневатый суглинок с включением редкой крошки печины и мелких углей.

Б – находки и керамика: *1* – точильный камень; *2* – железный рыболовный крючок; *3–26* – фрагменты керамической посуды: красноглиняной с преобладанием тонких формовочных масс или с примесью мелкозернистого песка в тесте: *3, 5–9, 11, 12, 14–16*; с примесью дресвы: *4, 10, 13*; краснолощёной: *26;* белоглиняной с тонким тестом: *17–25*. Пласт 1: *2, 4–8, 10–13, 16, 24, 25*. Пласт 2: *9, 14, 15, 21–23*. Пласт 3: *1, 17–20, 26*. Канавка: *3*

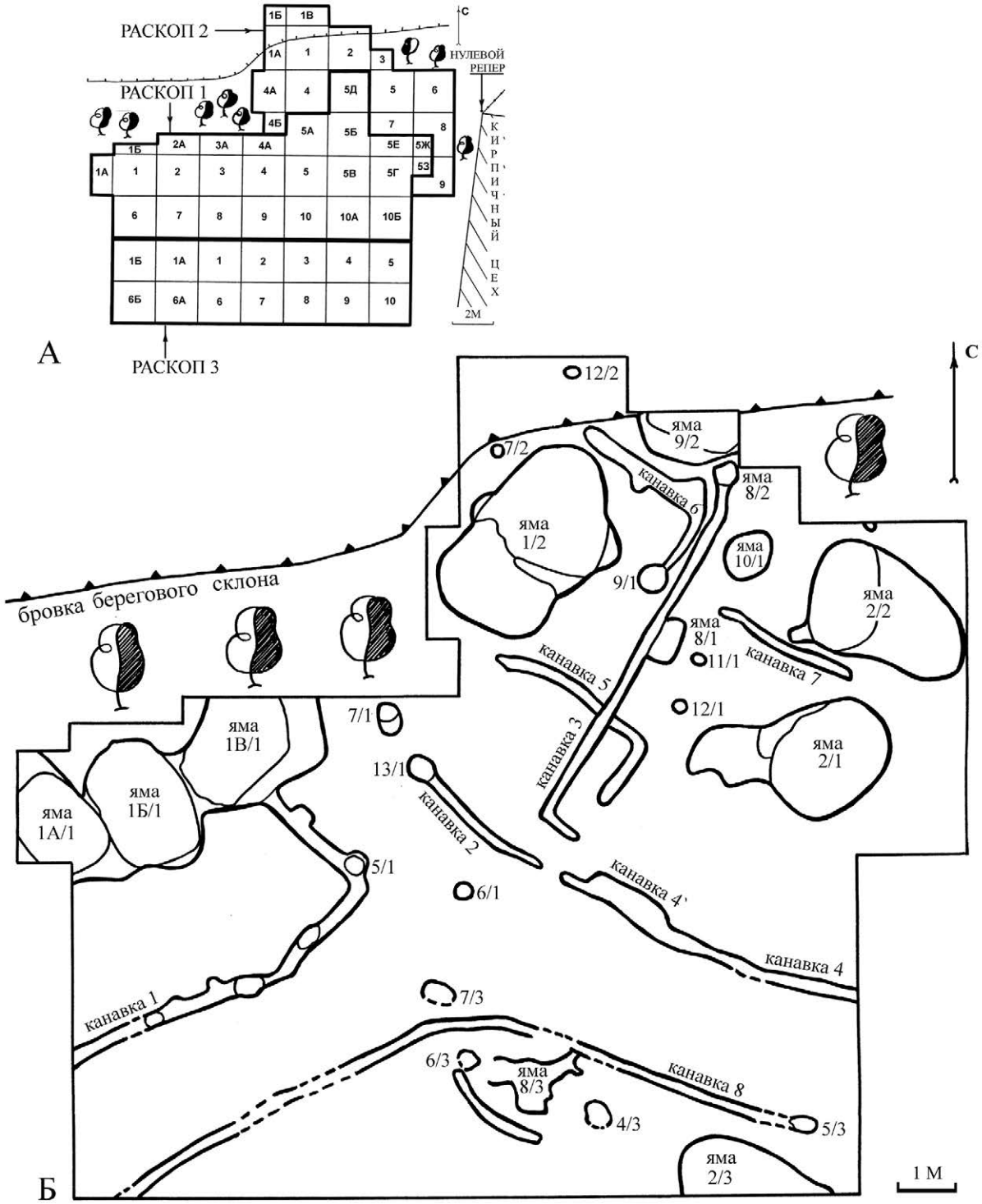

Рис. 29. Городище Городок. Раскопы 1–3. А – план с разбивкой на квадраты; Б – сводный план по материку

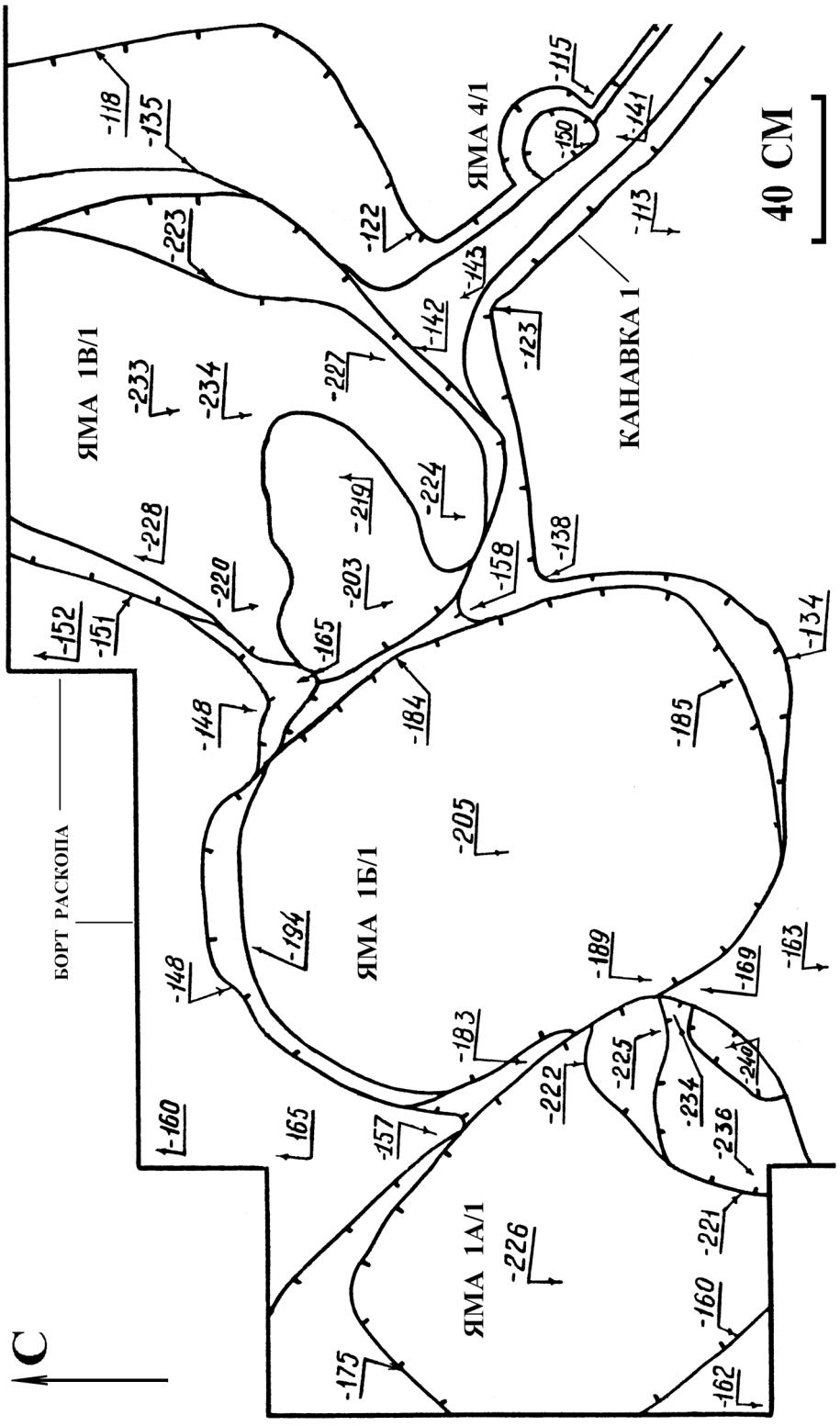

Рис. 30. Городище Городок. Раскоп 1. Комплекс 1: ямы 1А/1, 1Б/1 и 1В/1. План по материку

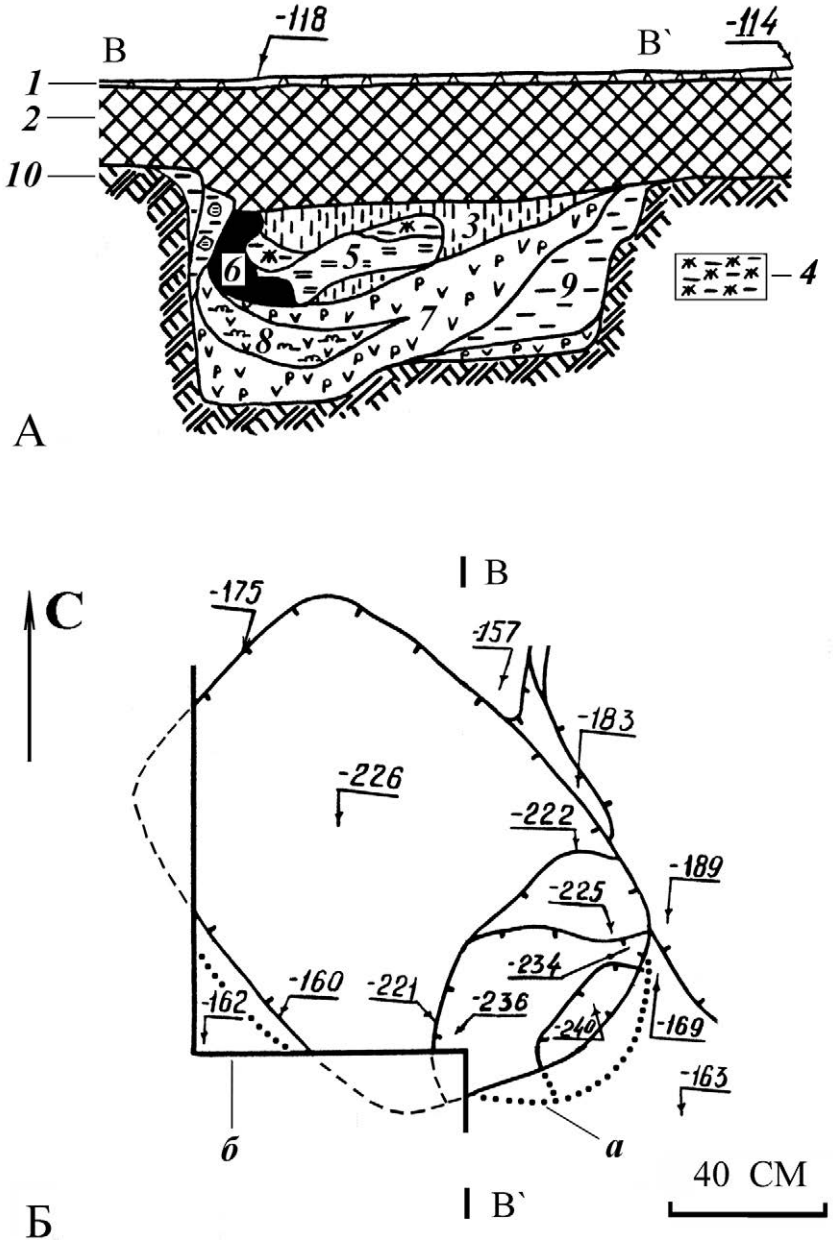

Рис. 31. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1: разрез (А) и план по материку (Б). *Перекрывающие напластования:1* – белесоватая прослойка отходов от распиловки природного камня; *2* – тёмно-коричневый суглинок. *Верхний горизонт: 3* – пёстрый комковатый серовато-коричневый грунт (слой 1); *4* – жёлтый обожженный суглинок (прослойка 1а); *5* – пластичный обожжённый кирпично-красный суглинок (прослойка 1б); *6* – чёрная сажа и мелкораспылённый древесный тлен (прослойка 1в). *Нижний горизонт: 7* – чёрный рассыпчатый углистый грунт (слой 2); *8* – углисто-золистая линза; *9* – стерильный переотложенный материковый суглинок. *Материк: 10*.

а – линия дна ямы на участке с отрицательным наклоном бортов; *б* – борт раскопа

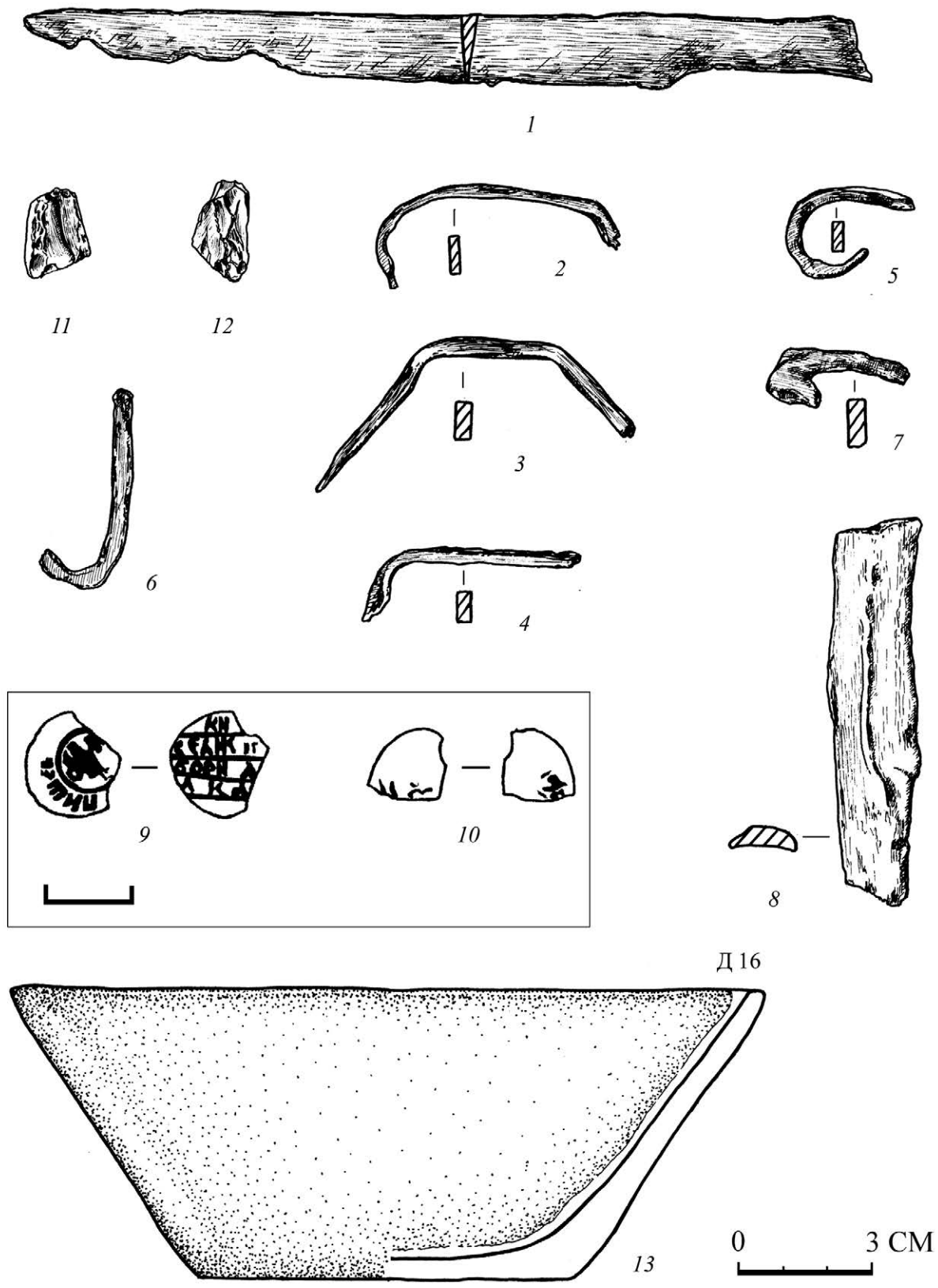

Рис. 32. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Находки из верхнего горизонта (слой 1: *2–10, 12, 13*; слой 1а: *1, 11*): *1* – нож; *2-5* – скобы; *6* – рыболовный крючок; *7, 8* – неопределённые предметы; *9, 10* – монеты: денга Бориса Александровича Тверского (*9*) и неопределимого эмитента (*10*); *11, 12* – кресальные кремни; *13* – красноглиняная миска с примесью частой дресвы и среднезернистого песка в тесте (табл. 29, № 35). Железо: *1–7*. Бронза: *8*. Серебро: *9, 10*. Камень: *11, 12*. Керамика: *13*

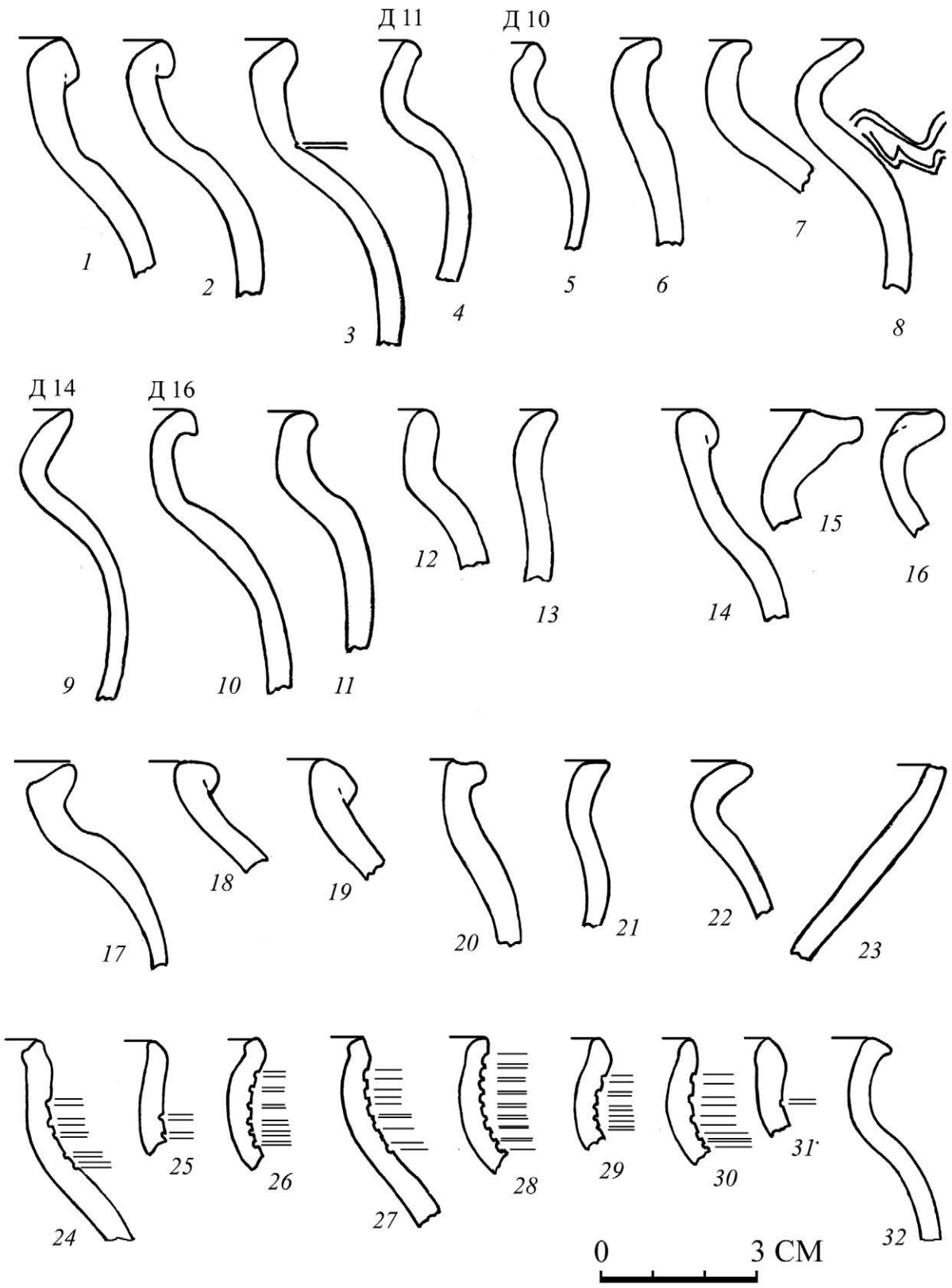

Рис. 33. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Венчики керамических сосудов из верхнего горизонта (слой 1: *1, 4–10, 12–14, 16, 19–22, 24*–31; слой 1а: *2, 3, 11, 15, 17, 18, 23, 32*). *Красноглиняные* с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка: *1–13*, с примесью редкой дресвы: *17–23*, с примесью частой дресвы: *14–16*. *Белоглиняные* с тонким тестом: *24–31*, с запесоченным тестом: *32*

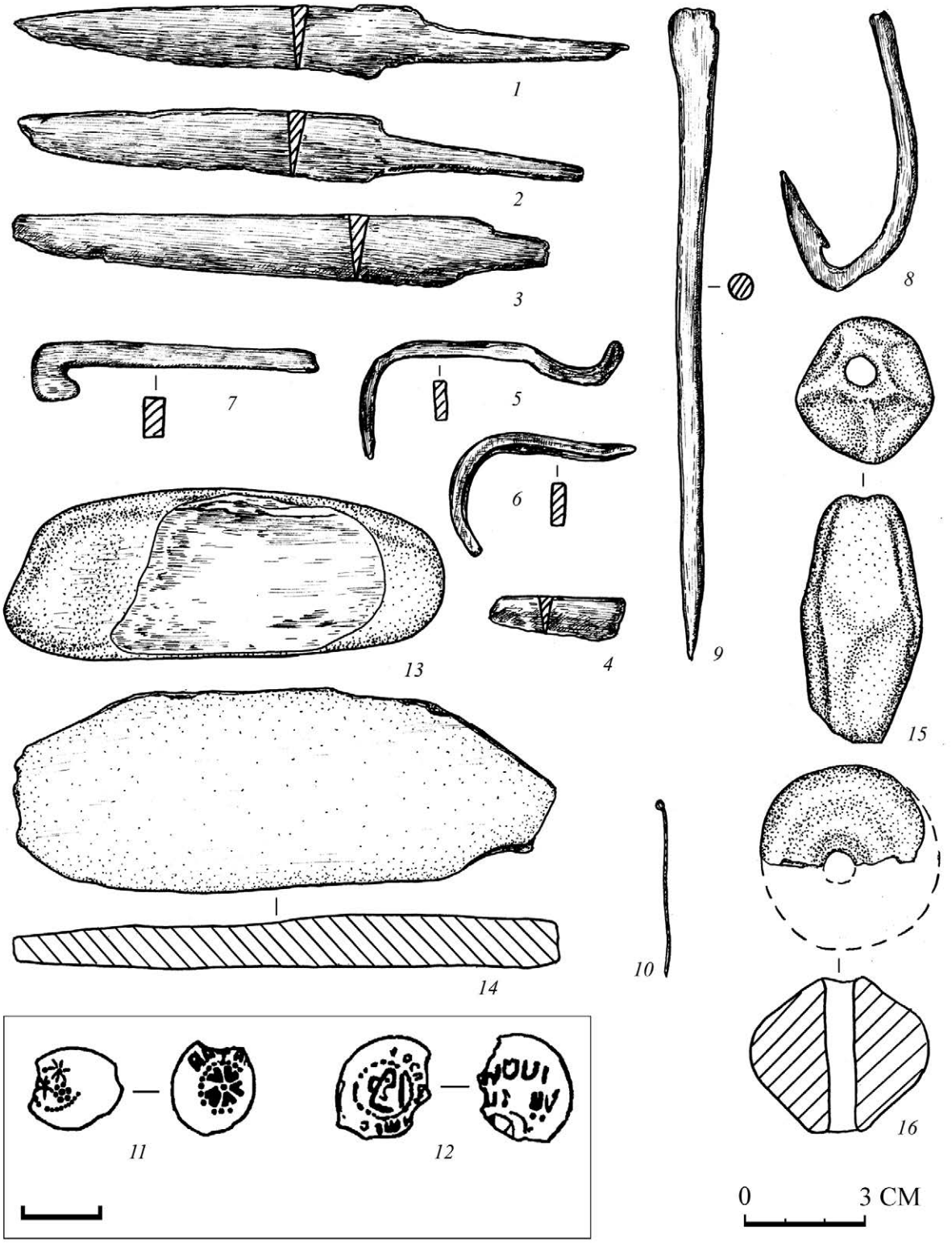

Рис. 34. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Находки из нижнего горизонта (слой 2): *1–3* – ножи; *4* – фрагмент ножа; *5–7* – неопределённые предметы; *8* – рыболовный крючок; *9* – писало; *10* – булавка; *11, 12* – серебряные монеты Василия II (*12*) и неопределимого эмитента, чеканки около 1462 г. (*11*); *13, 14* – точильные камни; *15, 16* – рыболовные грузила. Железо: *1-9*. Бронза: *10*. Серебро: *11, 12*. Камень: *13, 14*. Керамика: *15*, *16*

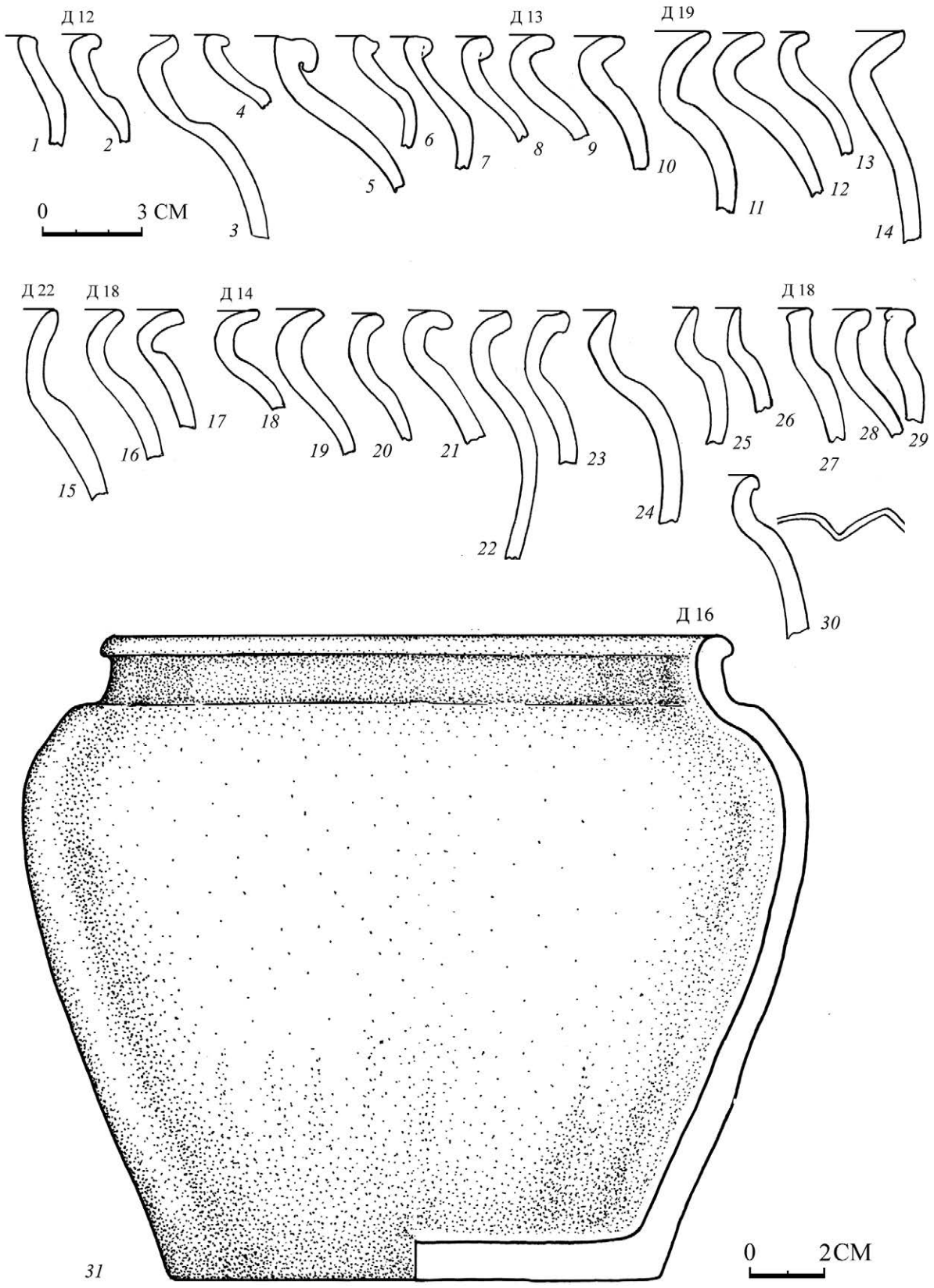

Рис. 35. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Красноглиняная керамика из нижнего горизонта (слой 2). *1–30* – венчики сосудов с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка; *31* – красноглиняный горшок с примесью среднезернистого песка в тесте (табл. 29, № 12)

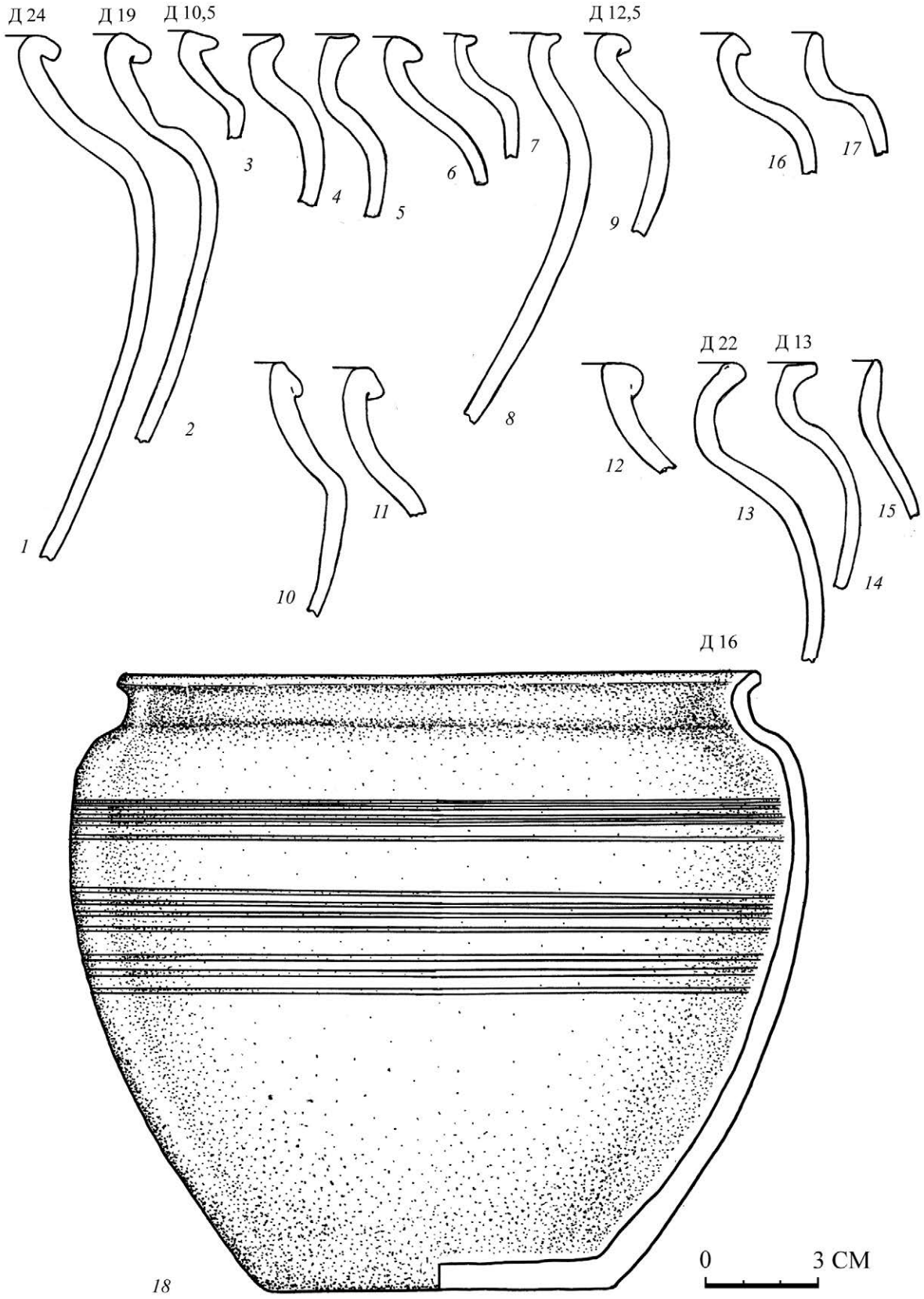

Рис. 36. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Красноглиняная керамика из нижнего горизонта (слой 2). Венчики сосудов: *1–11* – с редкой примесью дресвы; *12–15* – с частой примесью дресвы; *16, 17* – с примесью крупнозернистого песка. *18* – красноглиняный горшок с примесью редкой дресвы и мелкозернистого песка в тесте (табл. 29, № 29)

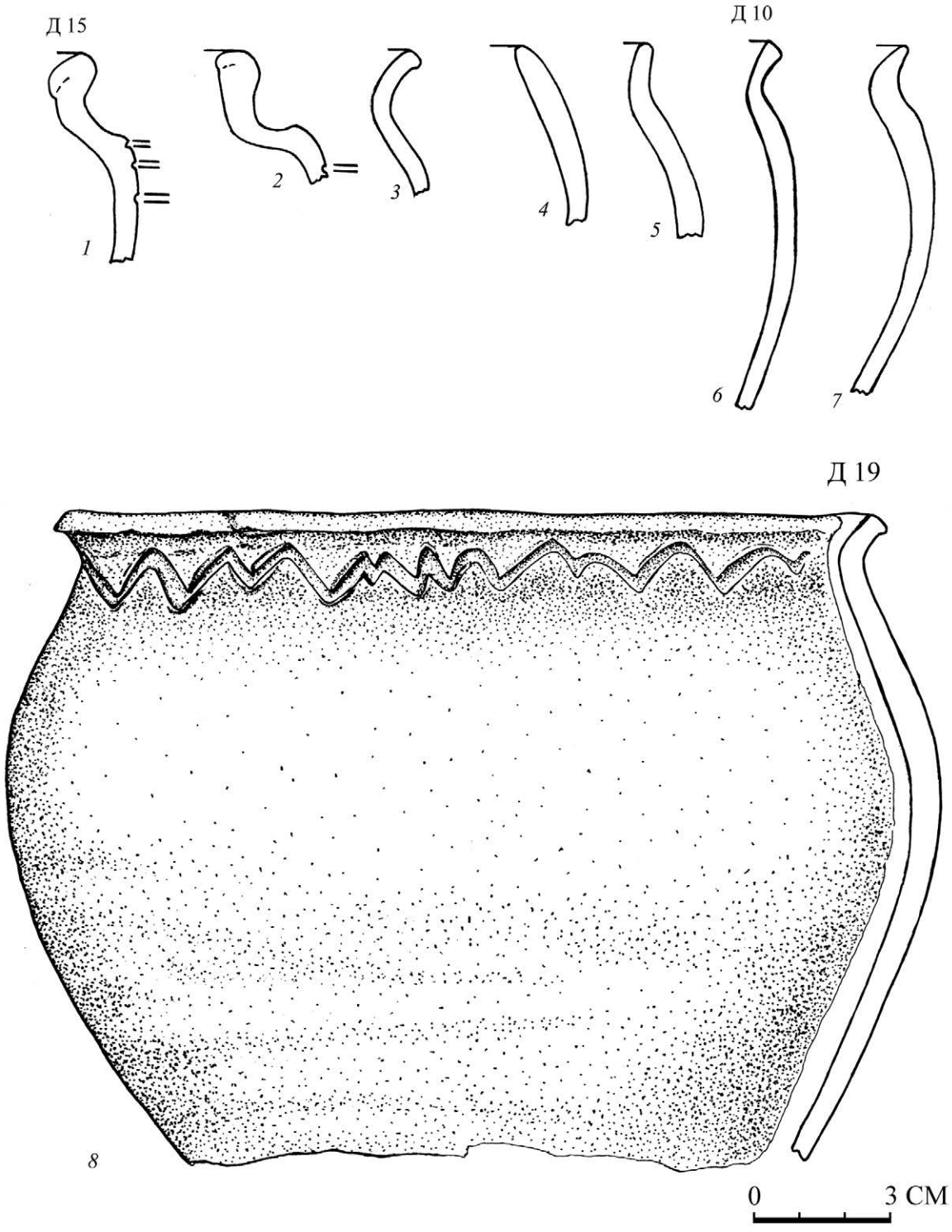

Рис. 37. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1А/1. Керамика из нижнего горизонта (слой 2). *Белоглиняная* гончарная: *1, 2* – с примесью среднезернистого песка (подгруппа V-3), *3* – с примесью мелкозернистого песка (подгруппа V-2). *Лепная* с примесью шамота: *4–8*

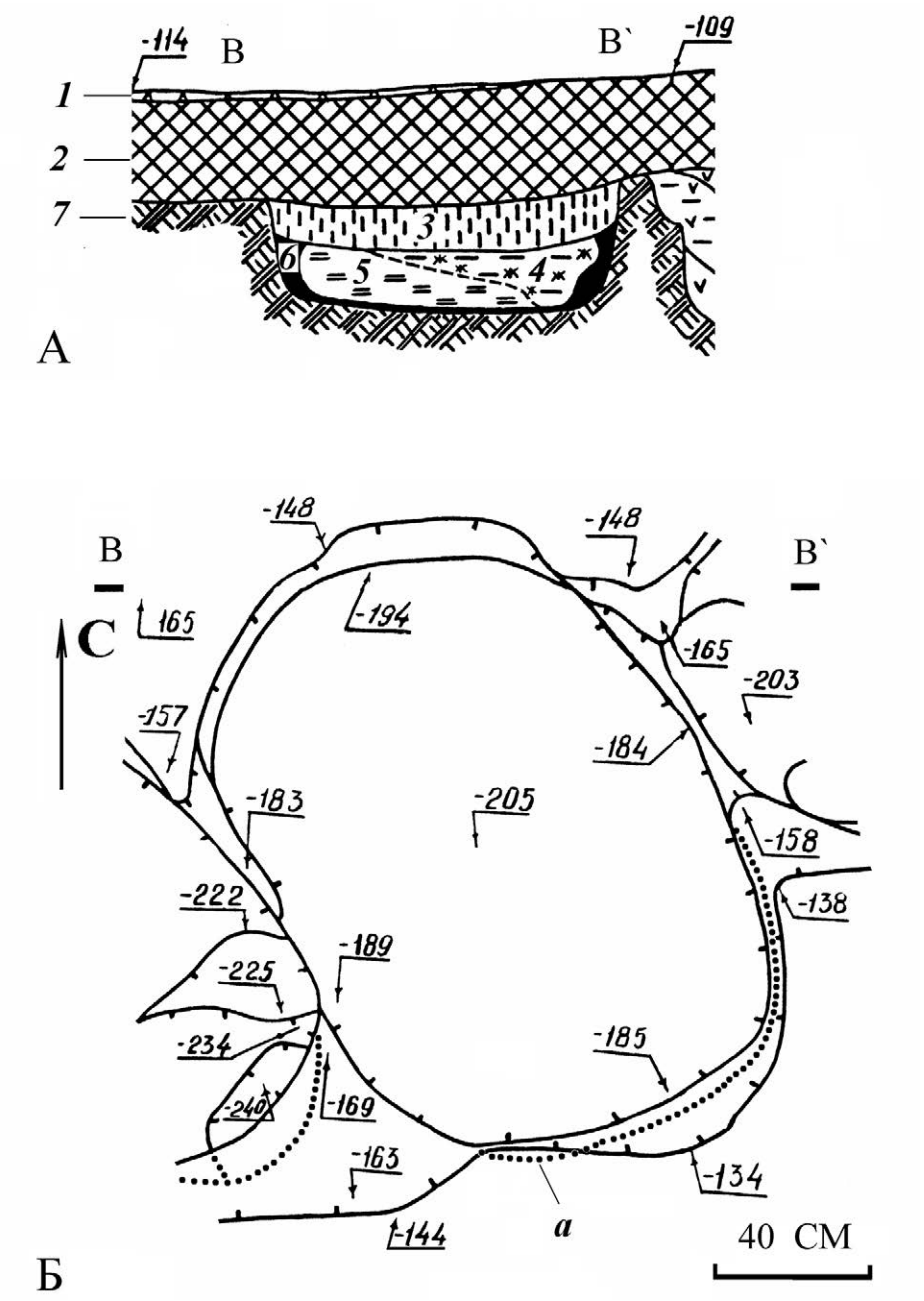

Рис. 38. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1: разрез (А) и план по материку (Б). *Перекрывающие напластования:1* – белесоватая прослойка отходов от распиловки природного камня; *2* – тёмно-коричневый суглинок. *Верхний горизонт: 3* – пёстрый серовато-коричневый суглинок (слой 1). *Нижний горизонт: 4* – жёлтый обожженный суглинок (прослойка 2а); *5* – обожжённый кирпично-красный суглинок (прослойка 2б); *6* – чёрная сажа и мелкораспылённый древесный тлен (прослойка 2в). *Материк: 7*. *а* – Линия дна ямы на участке с отрицательным наклоном бортов

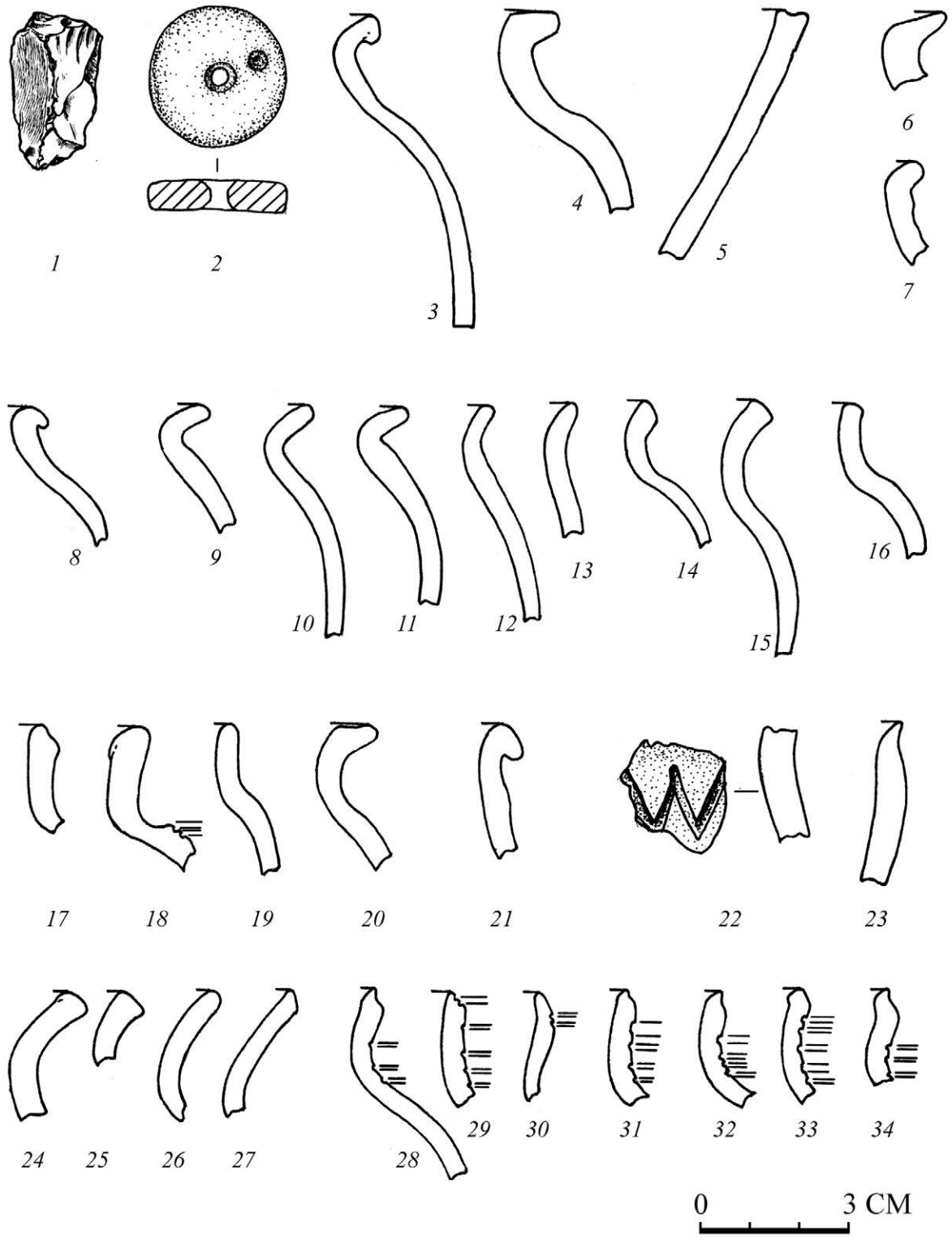

Рис. 39. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Находки из верхнего горизонта (слой 1): *1* – кремень кресальный, *2* – пряслице из стенки красноглиняного сосуда, *3–34* – венчики (*3–21, 23–34*) и фрагмент стенки (*22*) керамических сосудов: *красноглиняных* с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (*3–19*), с примесью редкой дресвы (*20*), с примесью частой дресвы (*21*); *лепных* с примесью шамота (*22, 23*); *белоглиняных* с запесоченным (*24–27*) и с тонким (*28–34*) тестом

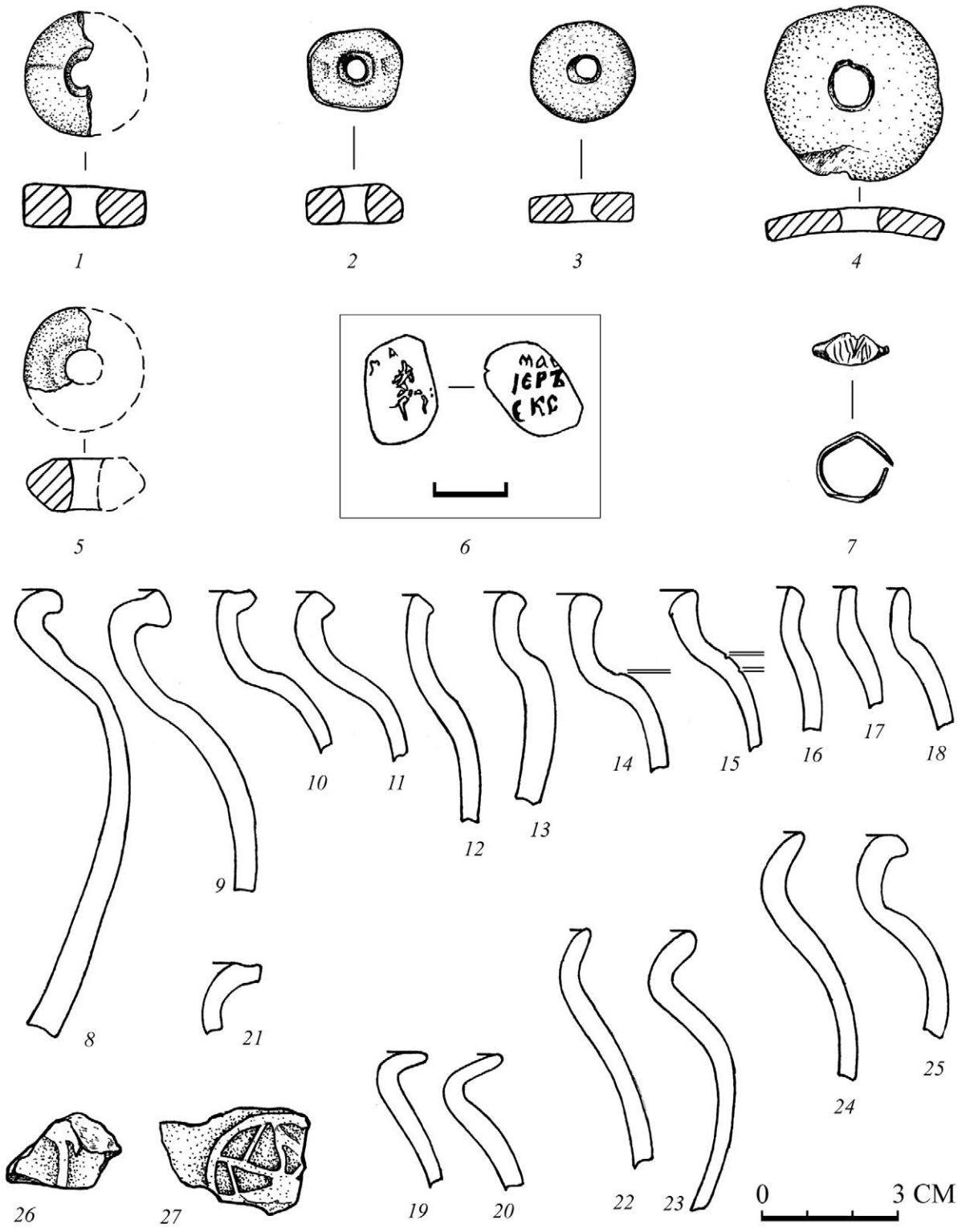

Рис. 40. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Находки из нижнего горизонта (слой 2а или 2б: *1–3, 5–27*; слой 2в: *4*): *1–3* – пряслица из камня, *4* – пряслице из стенки морёного сосуда, *5* – пряслице керамическое, *6* – серебряная монета Ивана III, *7* – перстень бронзовый, *8–25* – венчики красноглиняных сосудов: с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (*8–23*), с примесью редкой дресвы (*24*), с примесью частой дресвы (*25*); *26, 27* – фрагменты днищ красноглиняных сосудов с клеймами (*26* – с примесью мелкозернистого песка, *27* – с тонким тестом)

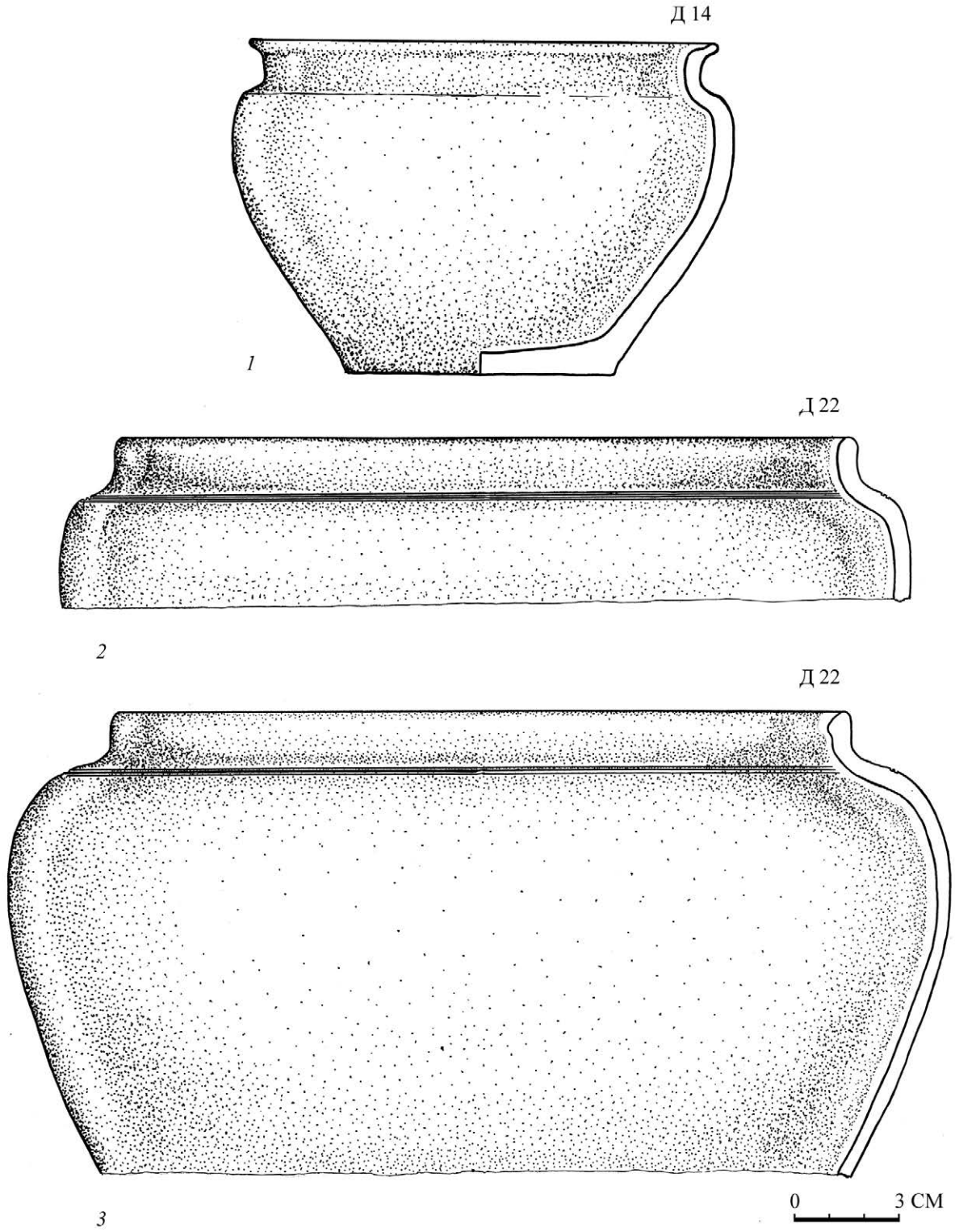

Рис. 41. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Красноглиняная керамика из нижнего горизонта (слой 2а или 2б): *1* – горшок с примесью крупнозернистого песка (табл. 29, № 30), *2, 3* – верхние части горшков с примесью мелкозернистого песка

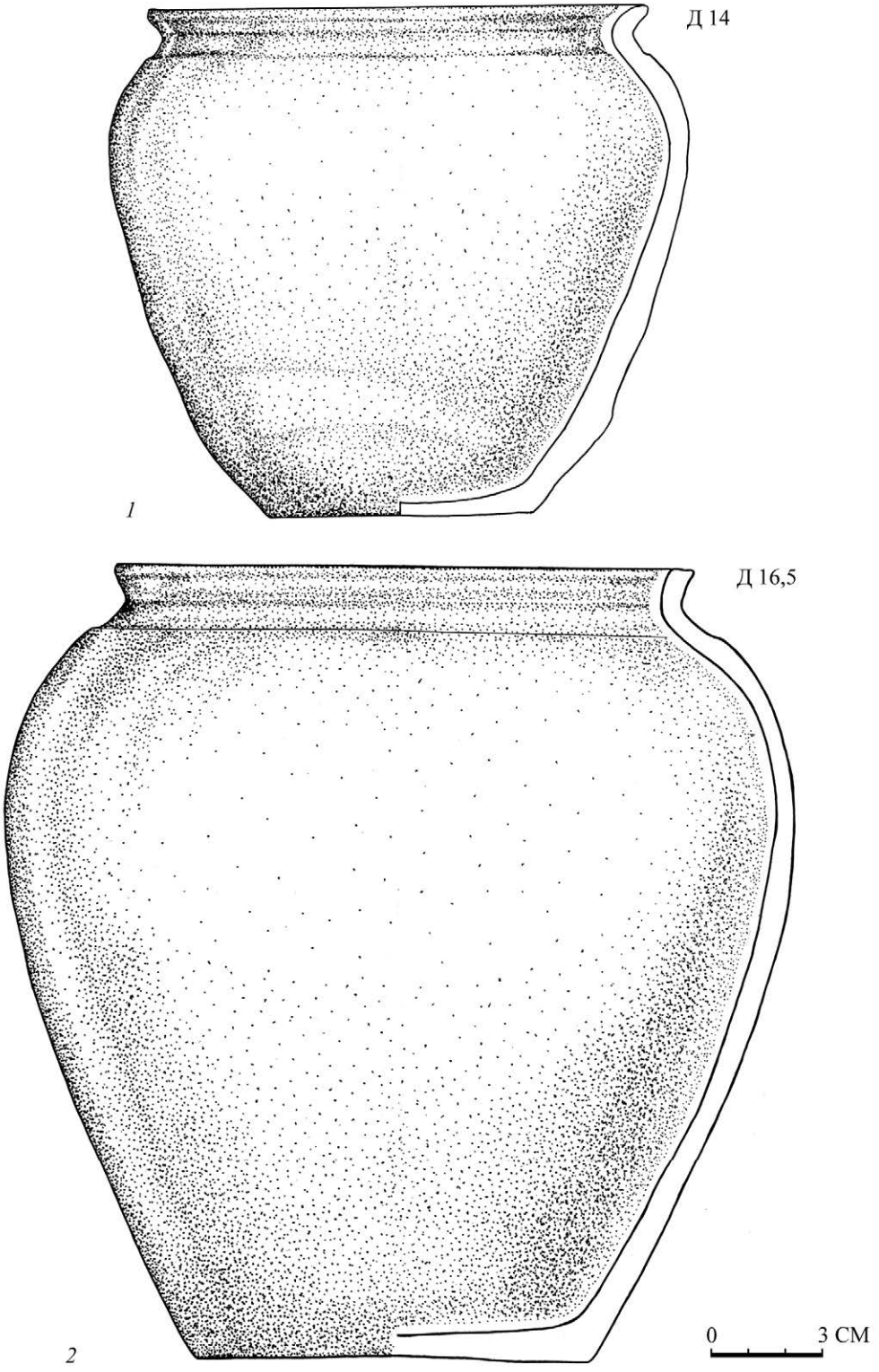

Рис. 42. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Реконструированные красноглиняные горшки из нижнего горизонта (слой 2а или 2б): *1* – с примесью шамота (табл. 29, № 17), *2* – с примесью мелкозернистого песка (табл. 29, № 16)

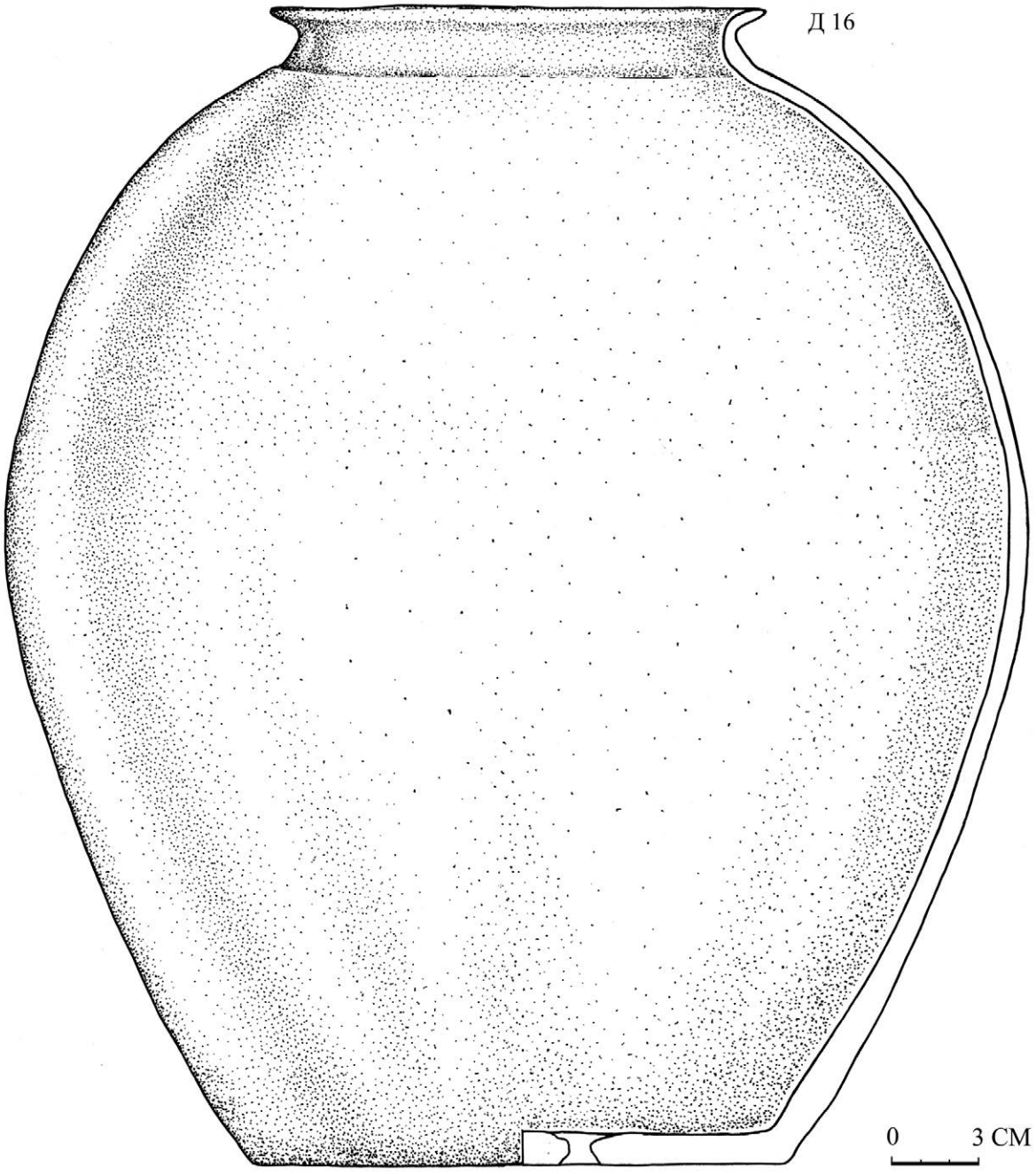

Рис. 43. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Реконструированная красноглиняная корчага из нижнего горизонта (слои 2а и 2б) с примесью частой дресвы в тесте (табл. 29, № 34)

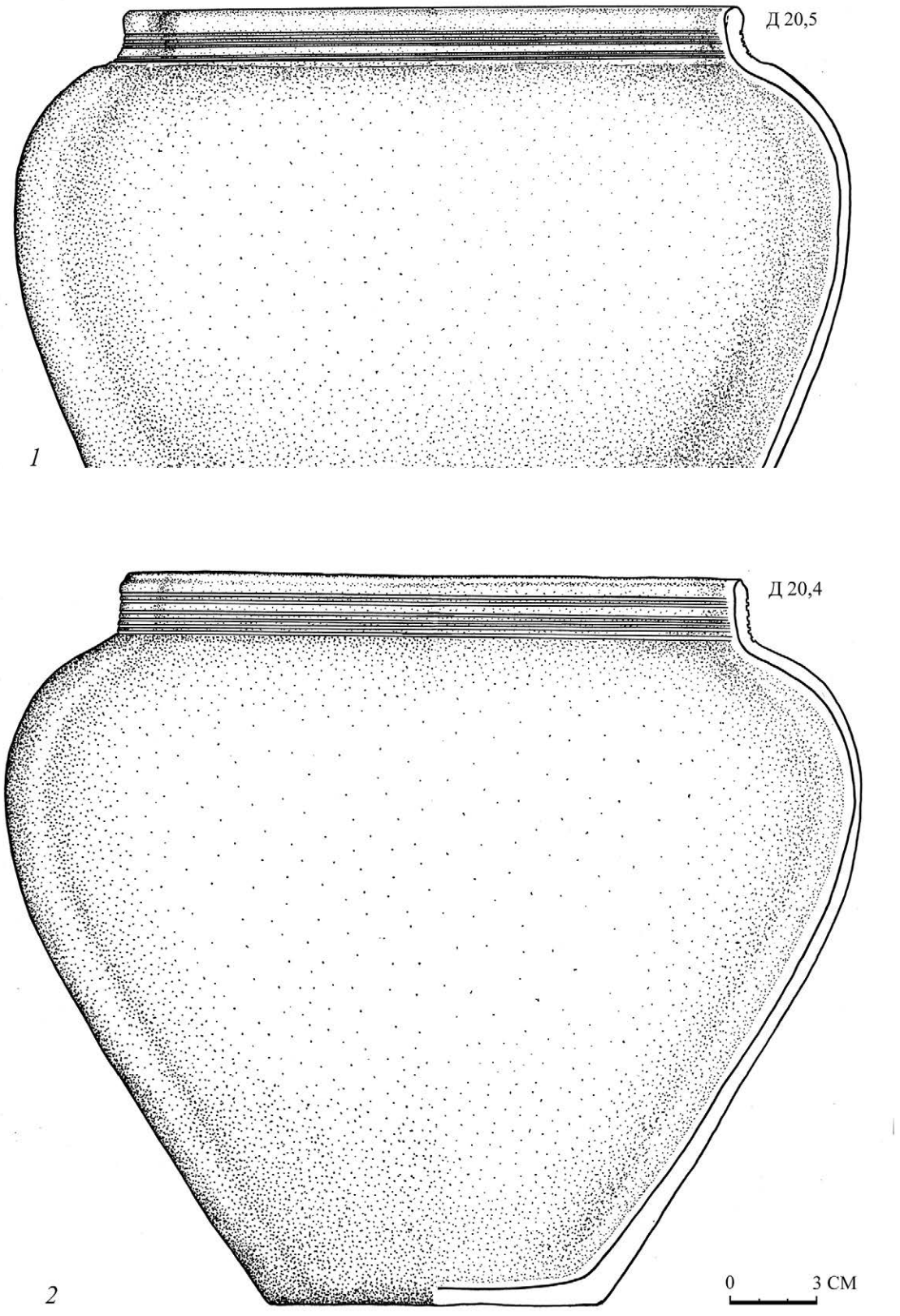

Рис. 44. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Белоглиняная керамика с тонким тестом из нижнего горизонта (слои 2а и 2б): *1, 2* (табл. 29, № 38)

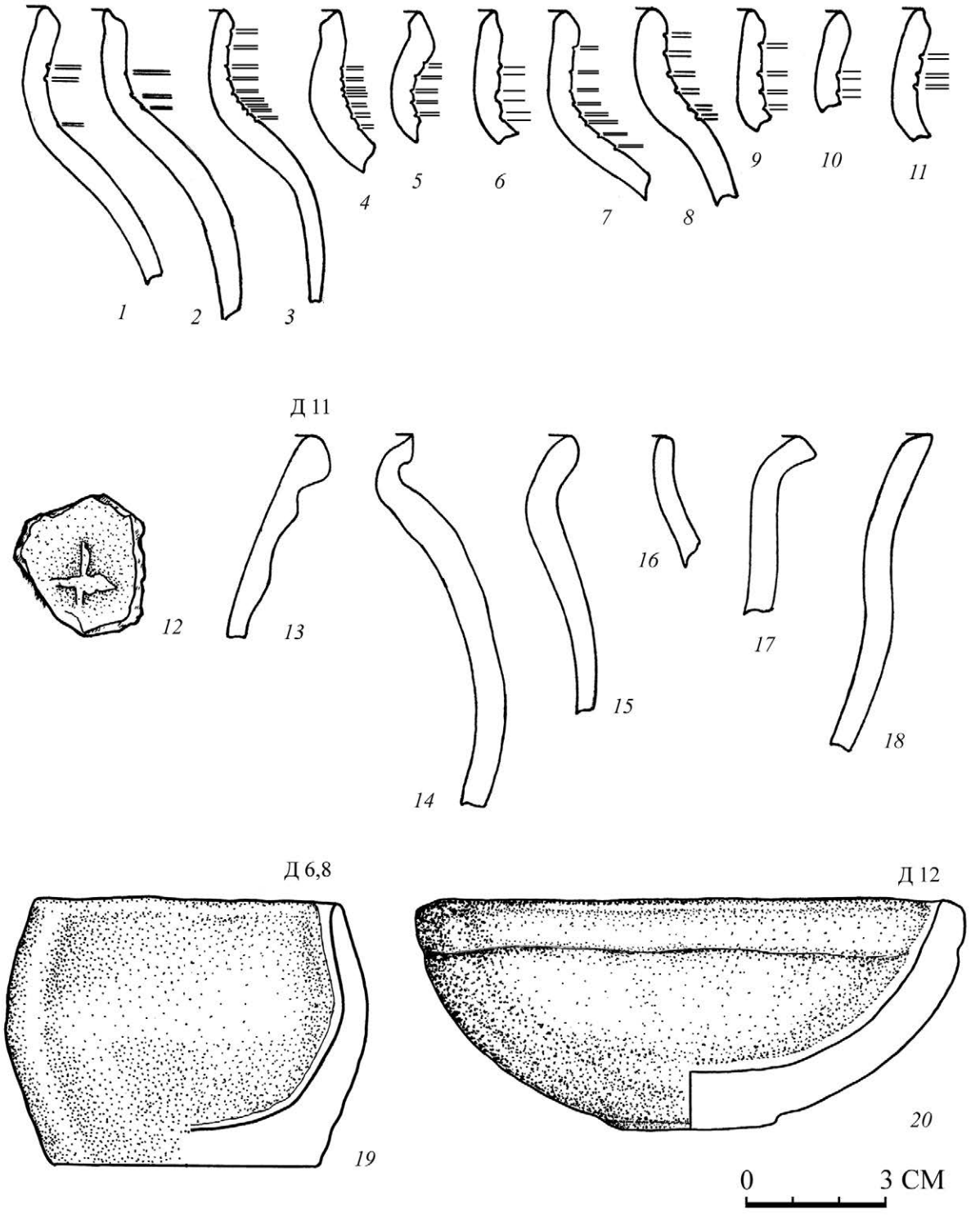

Рис. 45. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1Б/1. Керамика из нижнего горизонта (слой 2а или 2б). *Белоглиняная* гончарная: *1–11* – венчики горшков с тонким тестом (подгруппа V-1), *12* – фрагмент днища с клеймом от сосуда с примесью мелкозернистого песка (подгруппа V-2). *Краснолощёная* гончарная: *13* – венчик кувшина. *Лепная*: *14–18* – венчики сосудов с примесью шамота; *19* – сосуд баночных пропорций с примесью шамота (табл. 29, № 3), *20* – чаша из тонкого теста (табл. 29, № 7)

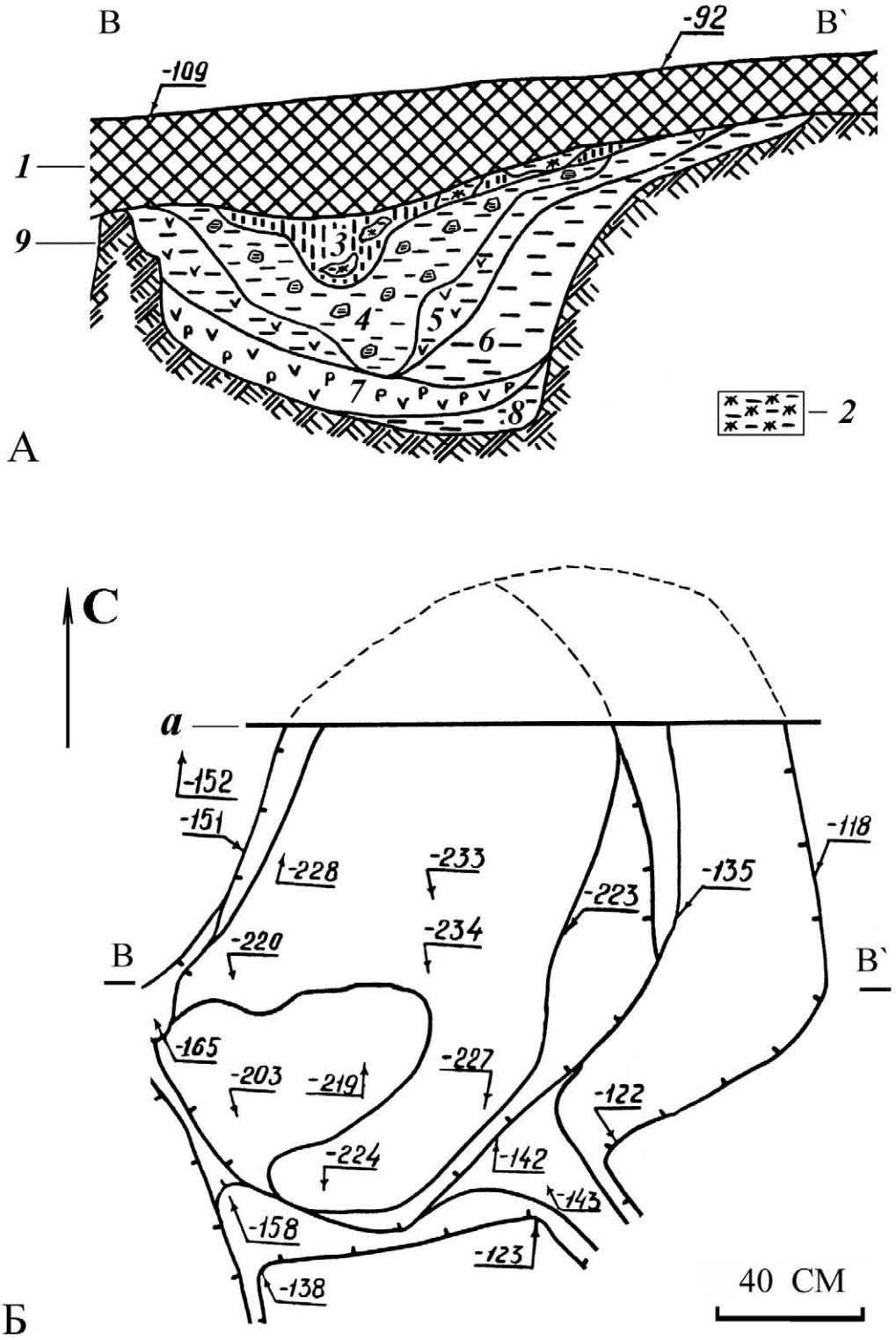

Рис. 46. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1В/1: разрез (А) и план по материку (Б). *Перекрывающий горизонт:1* – тёмно-коричневый суглинок. *Верхний горизонт: 2* – жёлтый обожженный суглинок (прослойка 1а); *3* – пёстрый серовато-коричневатый (слой 1); *4* – развал глинобитной печи (прослойка 1б); *5* – серовато-коричневатый суглинок с включением мелких углей (прослойка 1в); *6* – стерильный переотложенный материковый суглинок. *Нижний горизонт: 7* – чёрный рассыпчатый углистый грунт (слой 2); *8* – стерильный переотложенный материковый суглинок. *Материк: 9*

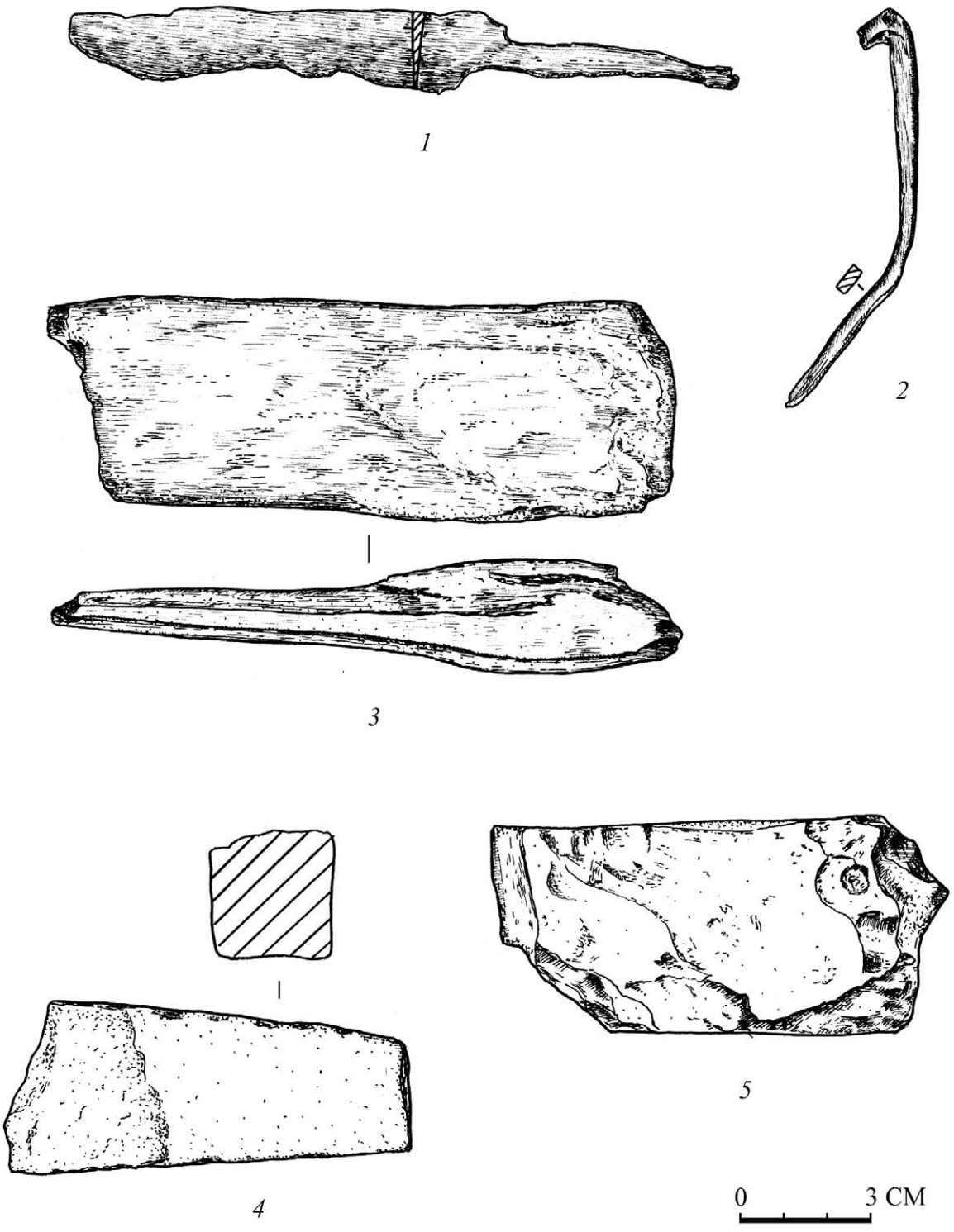

Рис. 47. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1В/1. Находки из верхнего горизонта (слой 1а: *2, 4*; слой 1б: *1,3,5*): *1* – железный нож; *2* – железный гвоздь-костыль; *3, 4* – точильные камни; *5* – фрагмент керамического кирпича

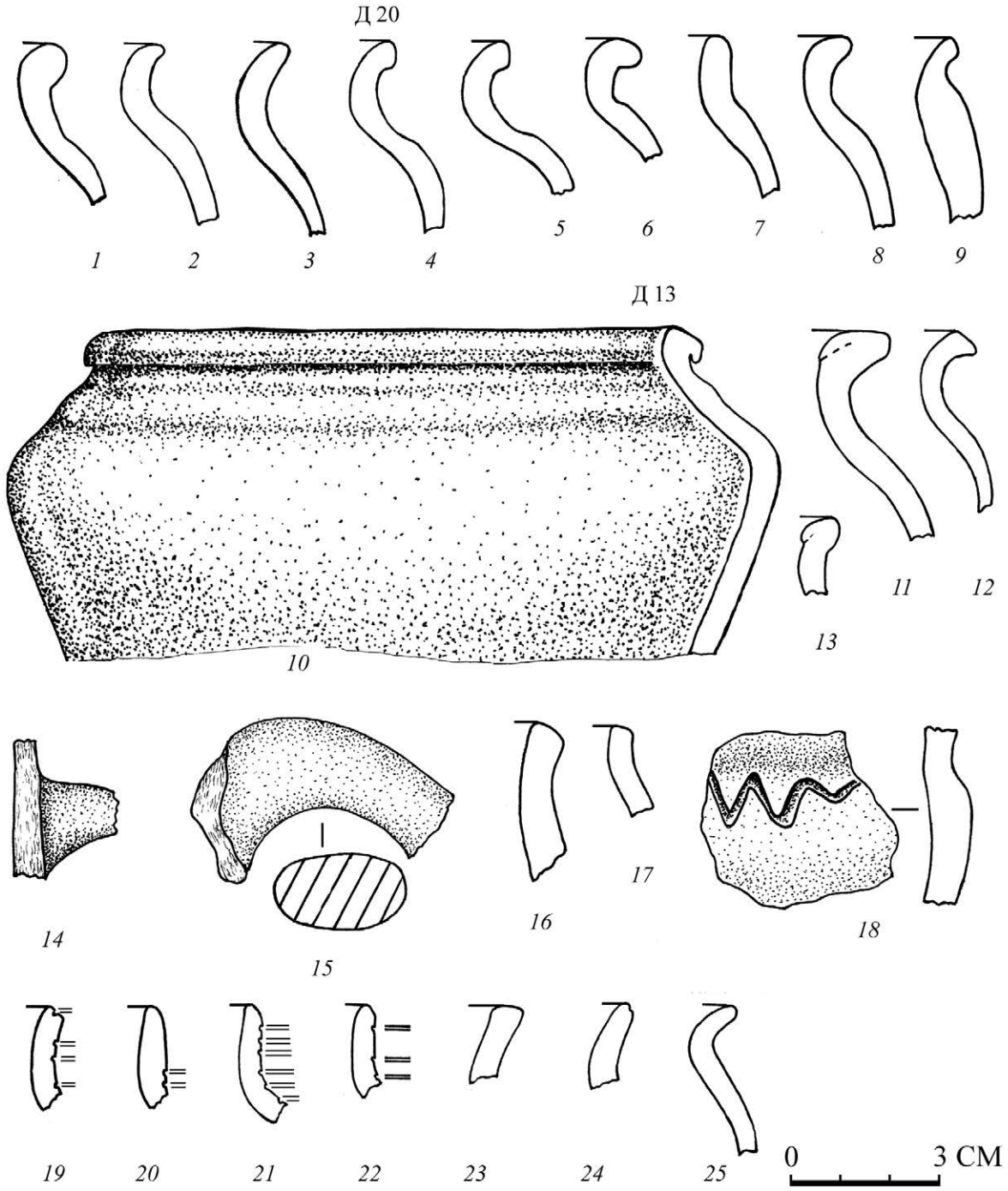

Рис. 48. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1В/1. Керамика из верхнего горизонта (слой 1: *1–4, 11–13, 22, 25*; слой 1б: *5–9, 14–21, 23, 24*; слой 1в: *10*). *Красноглиняная*: с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (*1-9*), с редкой примесью дресвы (*10*), с частой примесью дресвы (*11–13*). *Красноглиняная с росписью охрой по белому ангобу*: *14*. *Краснолощёная*: *15*. *Лепная* с примесью шамота: *16–18*. *Белоглиняная*: с тонким тестом подгруппы V-1 (*19–22*), с примесью мелкозернистого песка подгруппы V-2 (*23–25*)

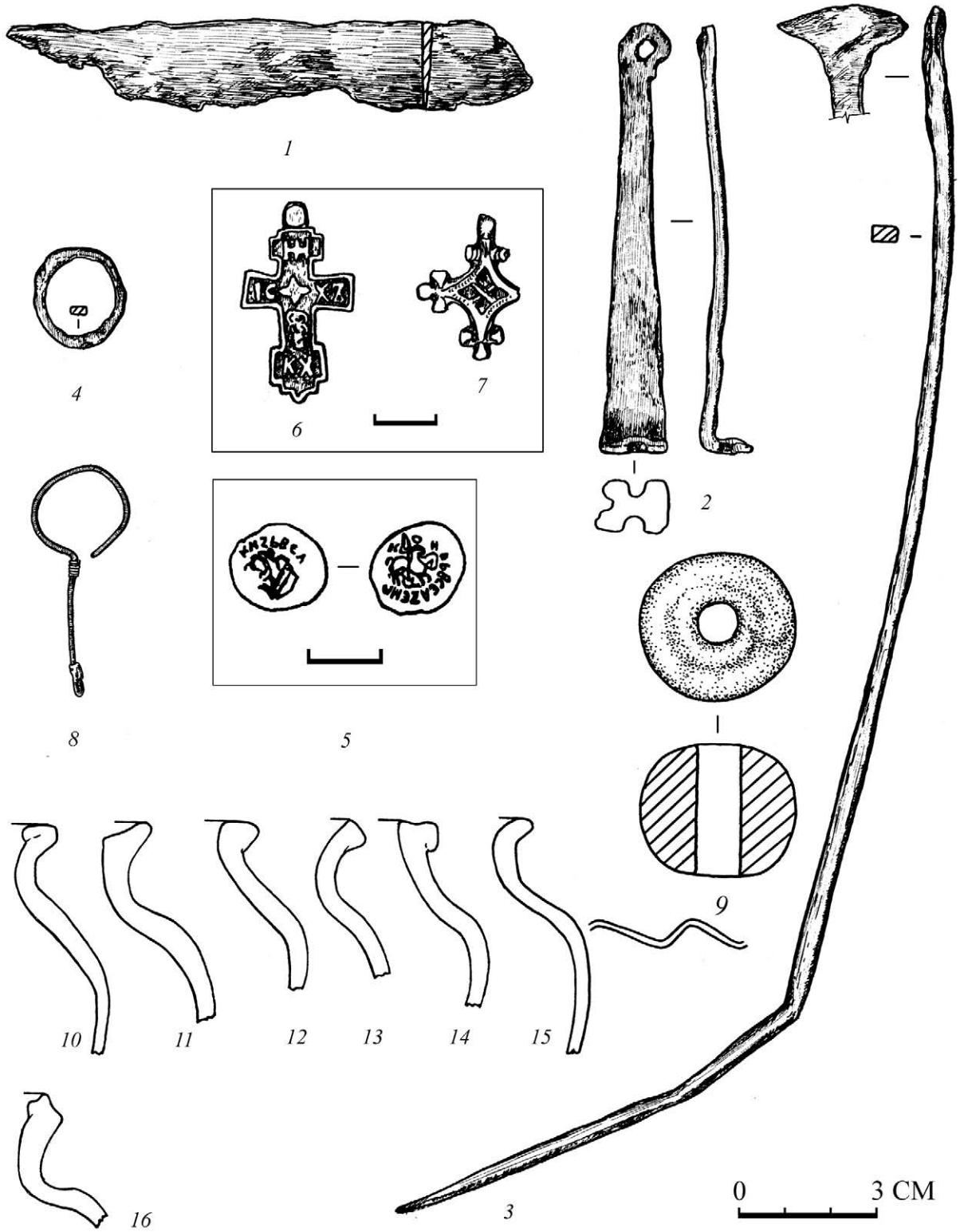

Рис. 49. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 1В/1. Находки из нижнего горизонта (слой 2): *1* – лезвие ножа; *2* – ключ; *3* – орудие неизвестного предназначения (острога?); *4* – пряжка; *5* – монета Василия Тёмного; *6, 7* – нательные кресты; *8* – бронзовая серьга; *9* – грузило от рыболовной сети; *10–16* – венчики сосудов: *красноглиняных* с примесью частой (*10, 11*) и редкой (*12–15*) дресвы, *белоглиняного* с примесью среднезернистого песка подгруппы V-3 (*16*). Железо: *1–4*. Бронза: *6–8*. Серебро: *5*. Керамика: *9–16*

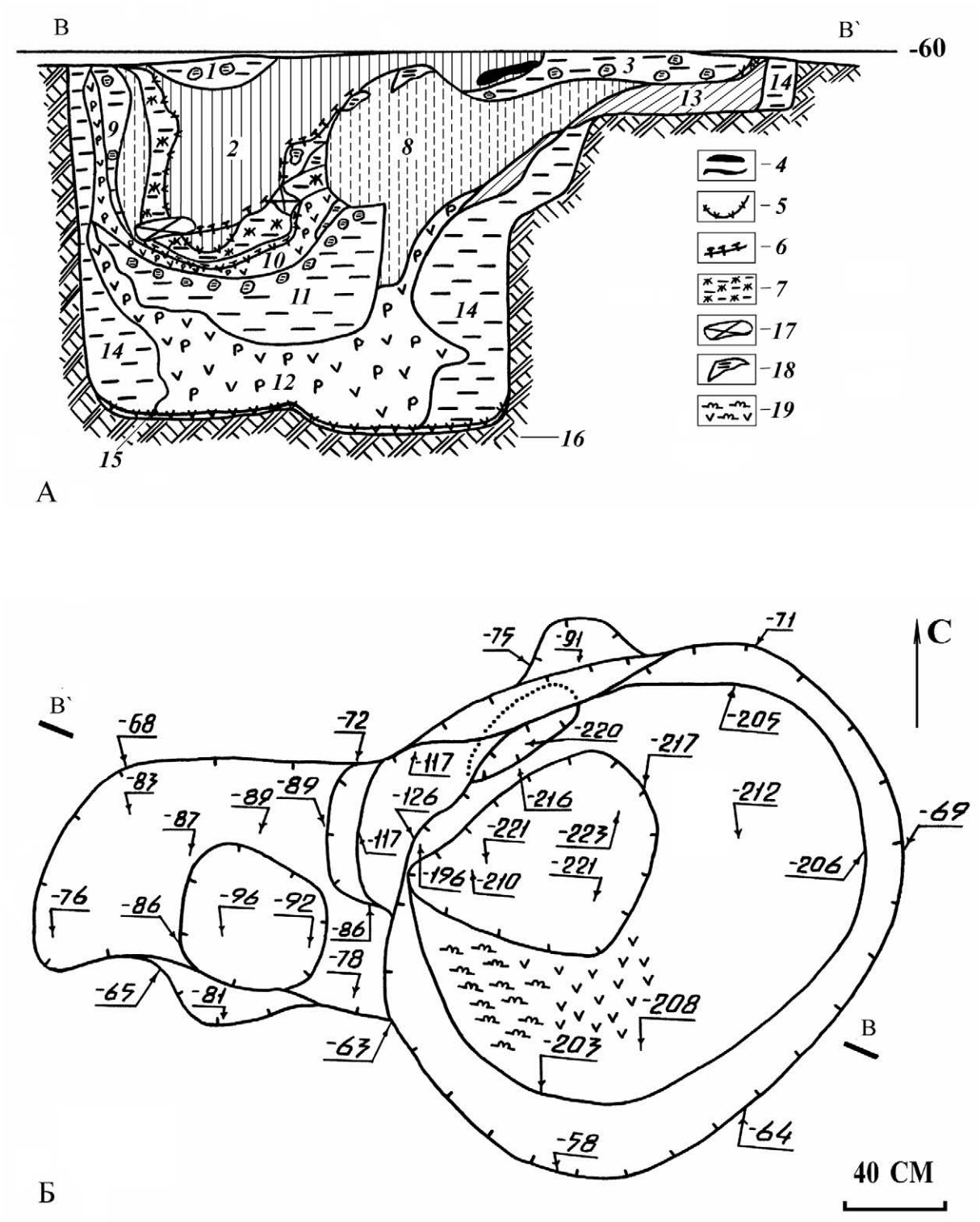

Рис. 50. Городище Городок. Раскоп 1. Комплекс 2. Яма 2/1: разрез (А) и план по материку (Б). *Верхний горизонт: 1* – развал глинобитной печи (прослойка 1б); *2* – коричневый суглинок (слой 1а); *3* – развал глинобитной печи (прослойка 1в); *7* – жёлтый обожженный суглинок (слой 1). *Средний горизонт: 8* – коричневато-серый суглинок (слой 2б); *10* – чёрный рассыпчатый углистый грунт (слой 2); *11* – развал глинобитной печи (прослойка 2в). *Нижний горизонт:12* – чёрный рассыпчатый углистый грунт (слой 3); *13* – плотный коричневато-серый суглинок (прослойка 3б); *14* – стерильный переотложенный материковый грунта (прослойка 3в). *Материк: 16*. *4* – обугленная деревянная плашка; *5* – тонкая углистая прослойка (без находок); *6* – тонкая прослойка древесного тлена; *9* – развал глинобитной печи (прослойка 2а); *15* – перекрывающая дно ямы углистая прослойка (слой 4); *17* – нора; *18* – комок обожжённого суглинка; *19* – углисто-золистая прослойка

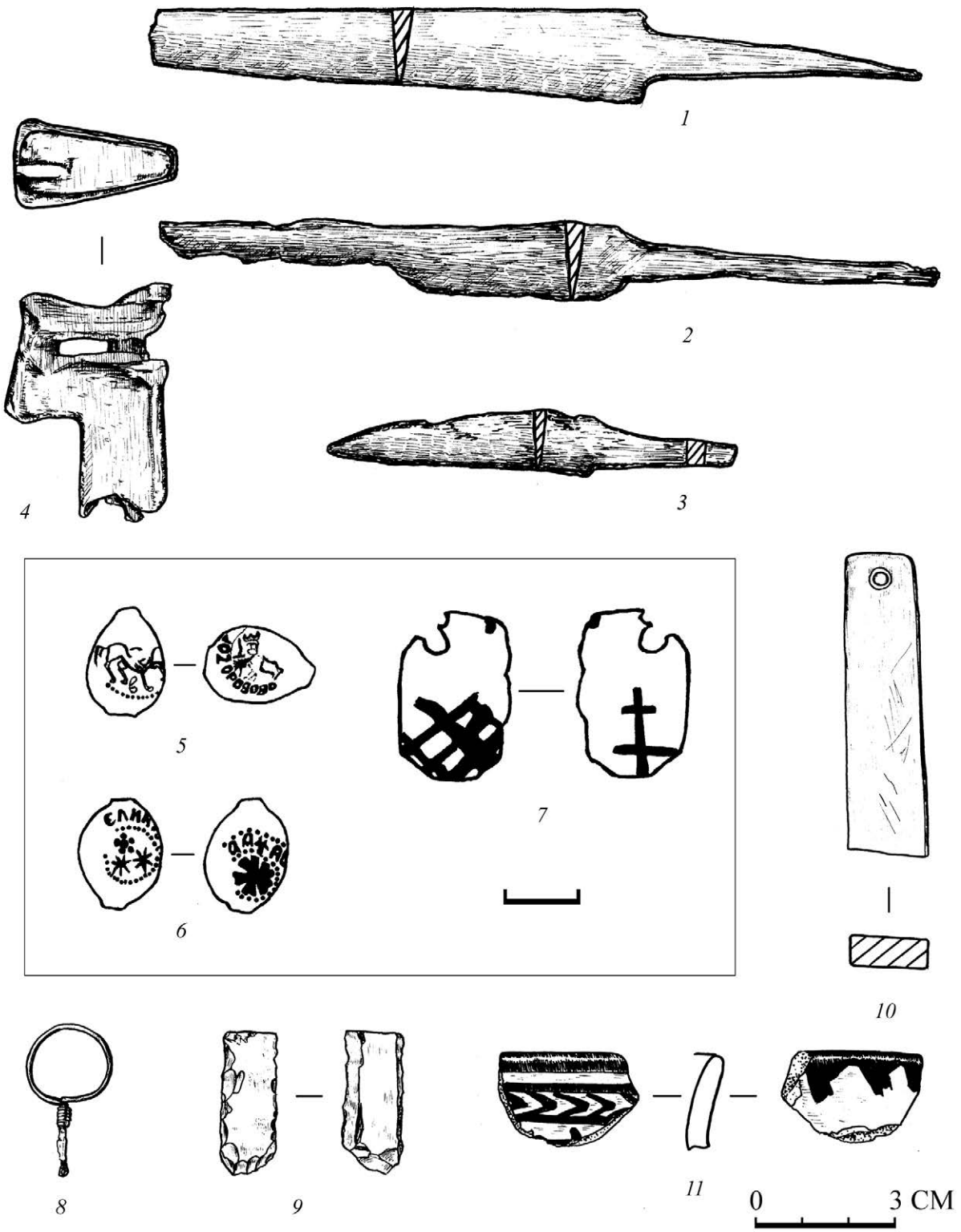

Рис. 51. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Находки из верхнего горизонта (слой 1а: *4*; слой 1: *1–3, 5–11*): *1–3* – ножи, *4* – фрагмент замка, *5* – монета Ивана III, *6* – монета неопределимого эмитента чеканки около 1462 г., *7* – медное пуло, *8* – серьга, *9* – кресальный кремень, *10* – точильный брусок, *11* – венчик сосуда с прозрачной бирюзовой поливой. Железо: *1–3*. Серебро: *5, 6*. Медь: *7*. Бронза: *8*. Камень: *9, 10*. Кашин: *11*

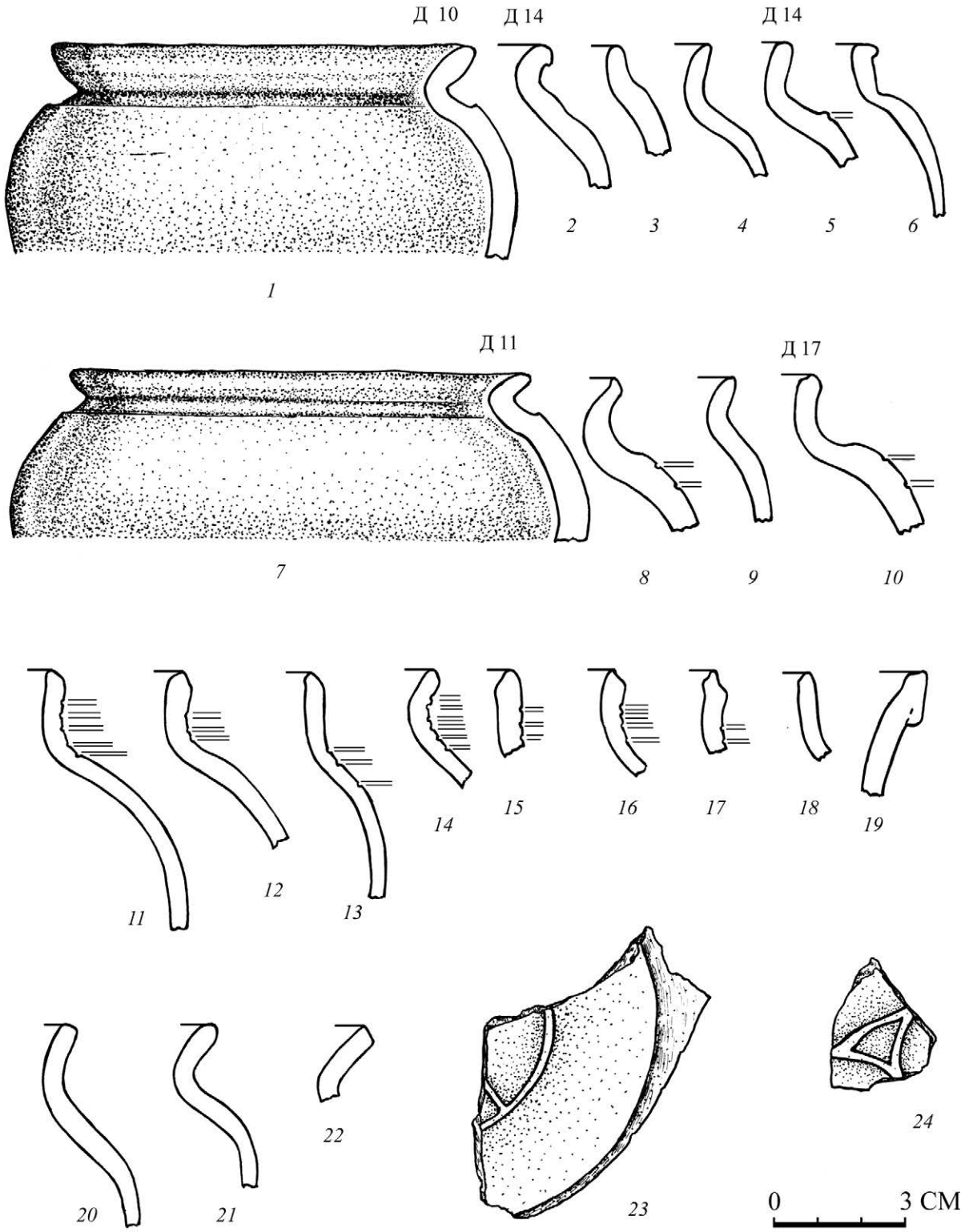

Рис. 52. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Керамика из верхнего горизонта (слой 1). *Красноглиняная*: с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (*1-9*), с примесью крупнозернистого песка (10). *Белоглиняная*: с тонким тестом подгруппы V-1 (*11–19, 23, 24*), с примесью мелкозернистого песка подгруппы V-2 (*20–22*). Венчики: *1–22*. Фрагменты днищ с клеймами: *23, 24*

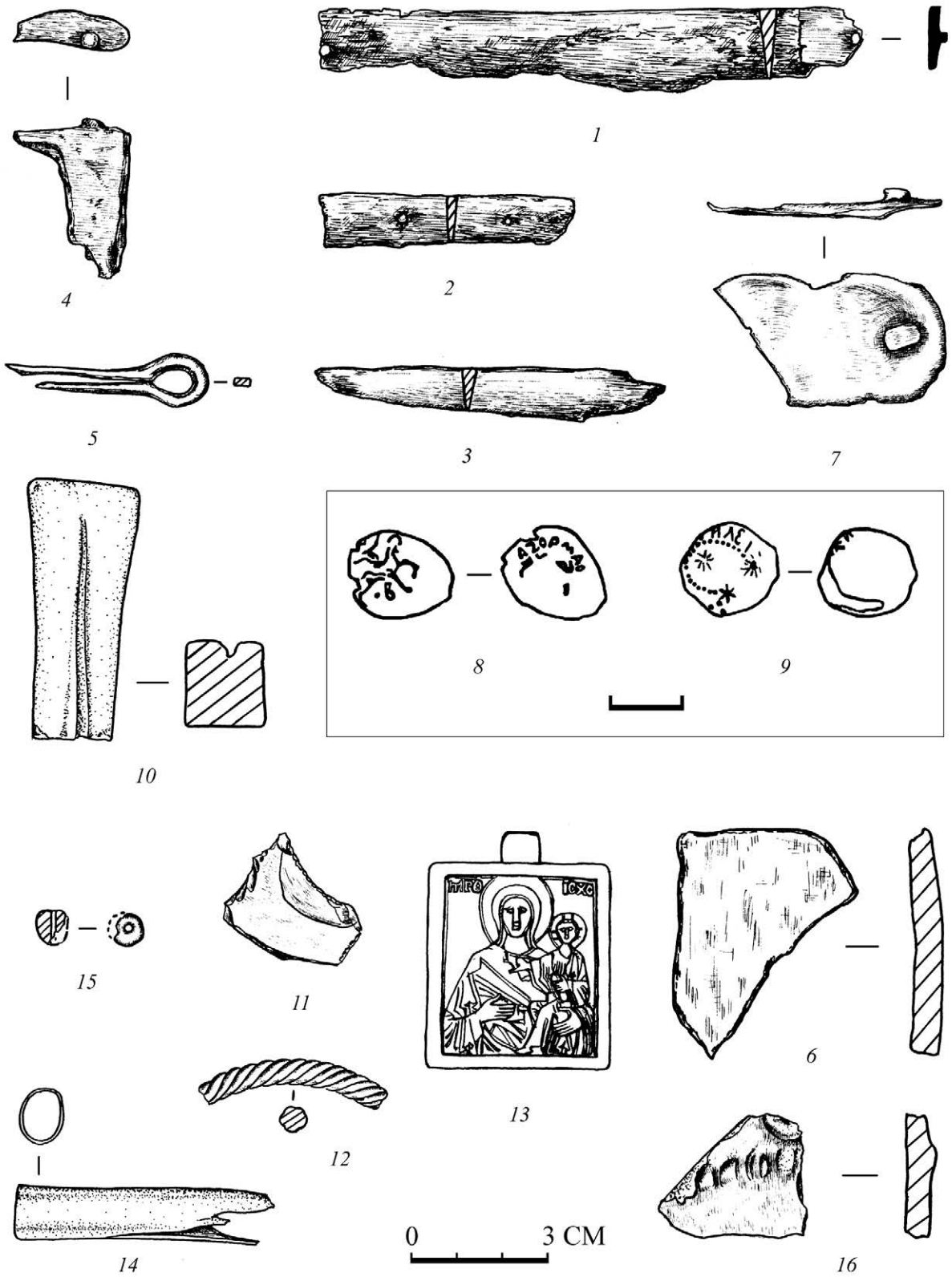

Рис. 53. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Находки из среднего горизонта (слой 2: *1, 5–7, 9, 12–15*; слой 2б: *2–4, 8, 10, 11, 16*): *1–3* – ножи, *4* – фрагмент замка, *5* – пробой, *6* – фрагмент стенки сосуда, *7* – ушко от котелка, *8* – монета Ивана III, *9* – монета Василия II, *10* – точильный камень, *11* – каменное орудие, *12* – фрагмент браслета, *13* – иконка-привеска, *14* – футляр-игольник, *15* – фрагмент бусины; *16* – фрагмент стенки белоглиняного сосуда с налепным валиком и зелёной поливой. Железо: *1–3*. Серебро: *8, 9*. Медь: *7*. Камень: *10, 11*. Кашин: *15*. Стекло: *12*. Кость: *14*. Рог: *13*. Керамика: *16*

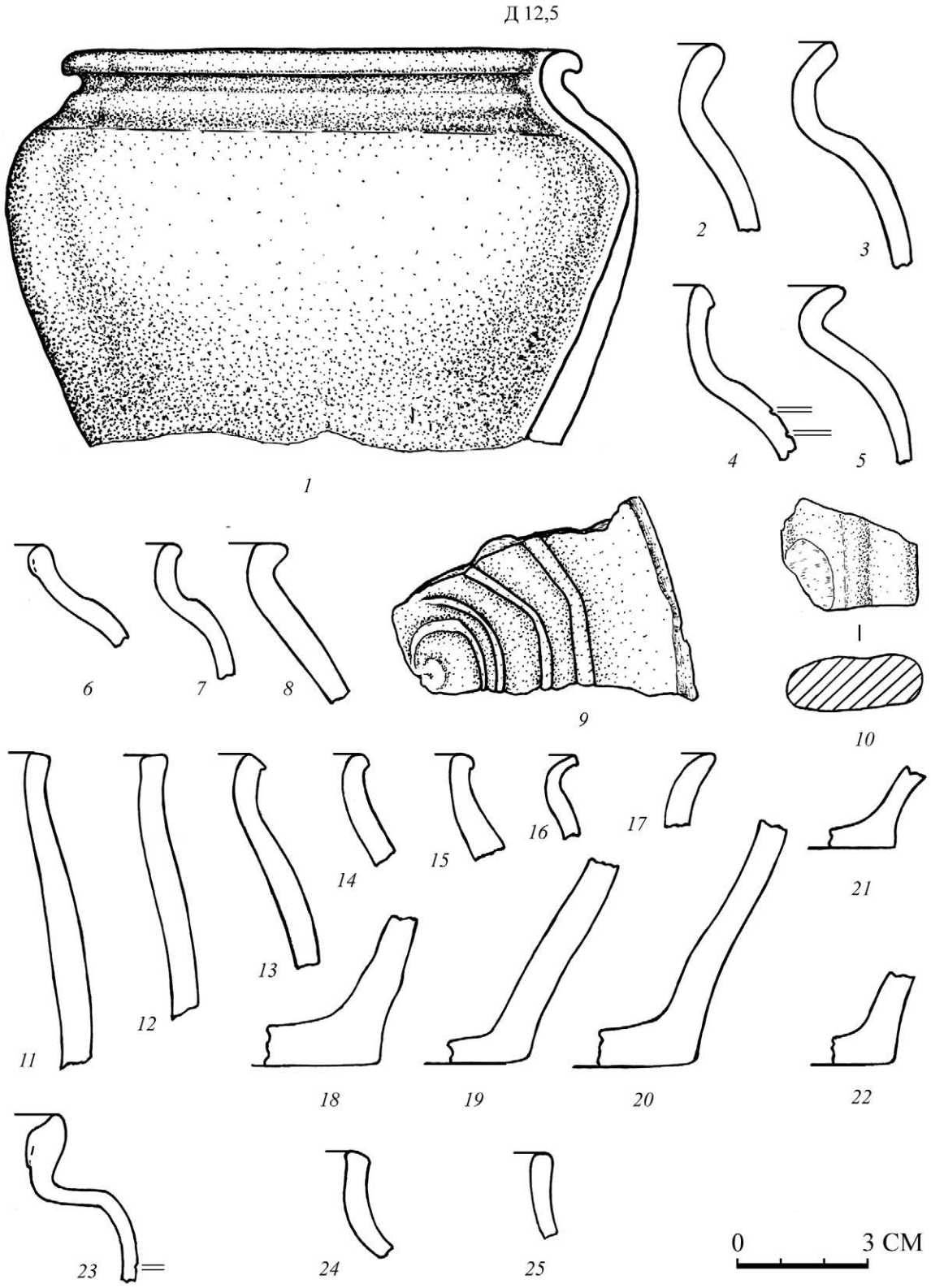

Рис. 54. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Керамика из среднего горизонта (слой 2: *1, 4–6, 8, 10, 13–17, 20–25*; слой 2б: *2, 3, 7, 9, 11, 12, 18, 19*). *Красноглиняная*: с тонким тестом (*9*), с редкой примесью дресвы (*2–6*), с частой примесью дресвы (*1*), с добавкой крупнозернистого песка (*7, 8*). *Краснолощёная*: *10*. *Лепная* с примесью шамота: *11–22*. *Белоглиняная*: с тонким тестом подгруппы V-1 (*24, 25),* с примесью среднезернистого песка подгруппы V-3 (*23*). Венчики: *1–8, 11–17, 23–25*. Фрагмент донца с клеймом: *9*. Донца: *18–22*. Ручка: *10*

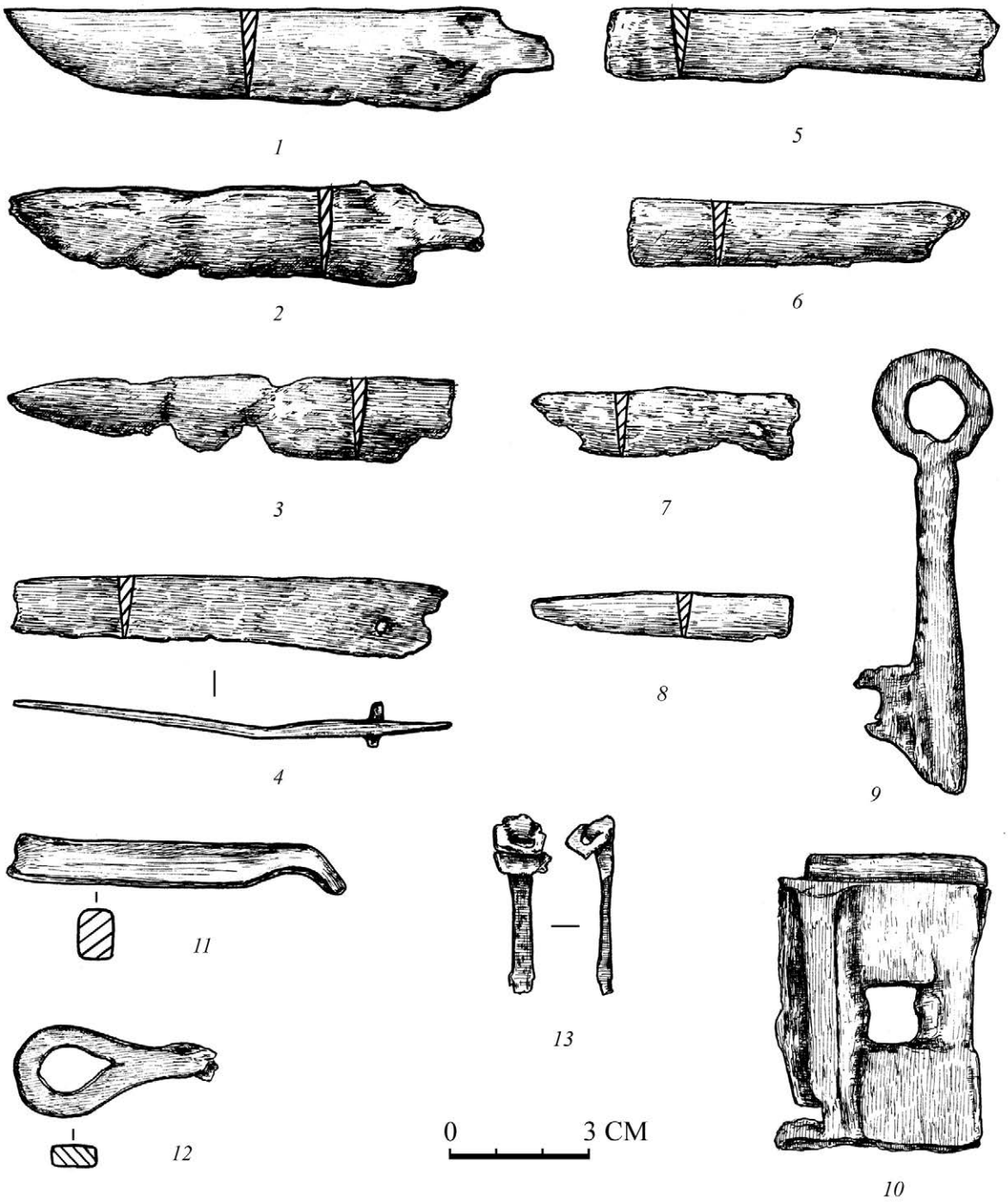

Рис. 55. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Находки из нижнего горизонта (слой 3): *1–8* – ножи, *9* –ключ, *10* – замок, *11* – фрагмент грызла, *12* – пробой, *13* – фрагмент каркаса футляра ножа. Железо: *1–13*

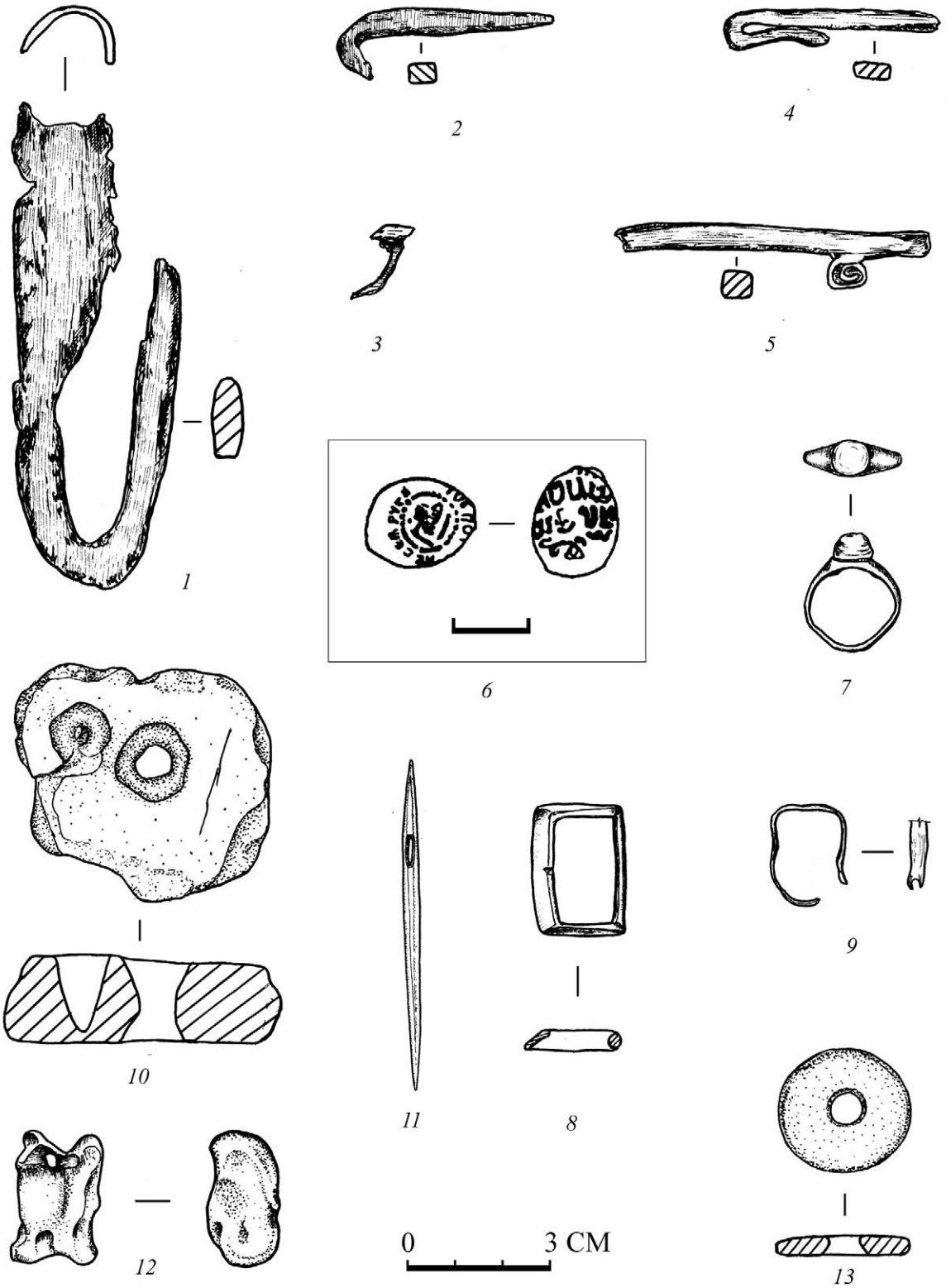

Рис. 56. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Находки из нижнего горизонта (слой 3): *1, 4, 5* – неопределённые предметы, *2* – язычок от пряжки, *3* – гвоздь, *6* – монета Василия II, *7* – перстень, *8* – пряжка, *9* – обоймица поясная, *10* – грузило, *11* – игла, *12* – астрагал с отверстием, *13* – пряслице из стенки красноглиняного сосуда (склейка из фрагментов, обнаруженных в слоях 2 и 3). Железо: *1–5*. Серебро: *6*. Бронза: *7–9*. Камень: *10*. Кость: *11, 12*. Керамика: *13*

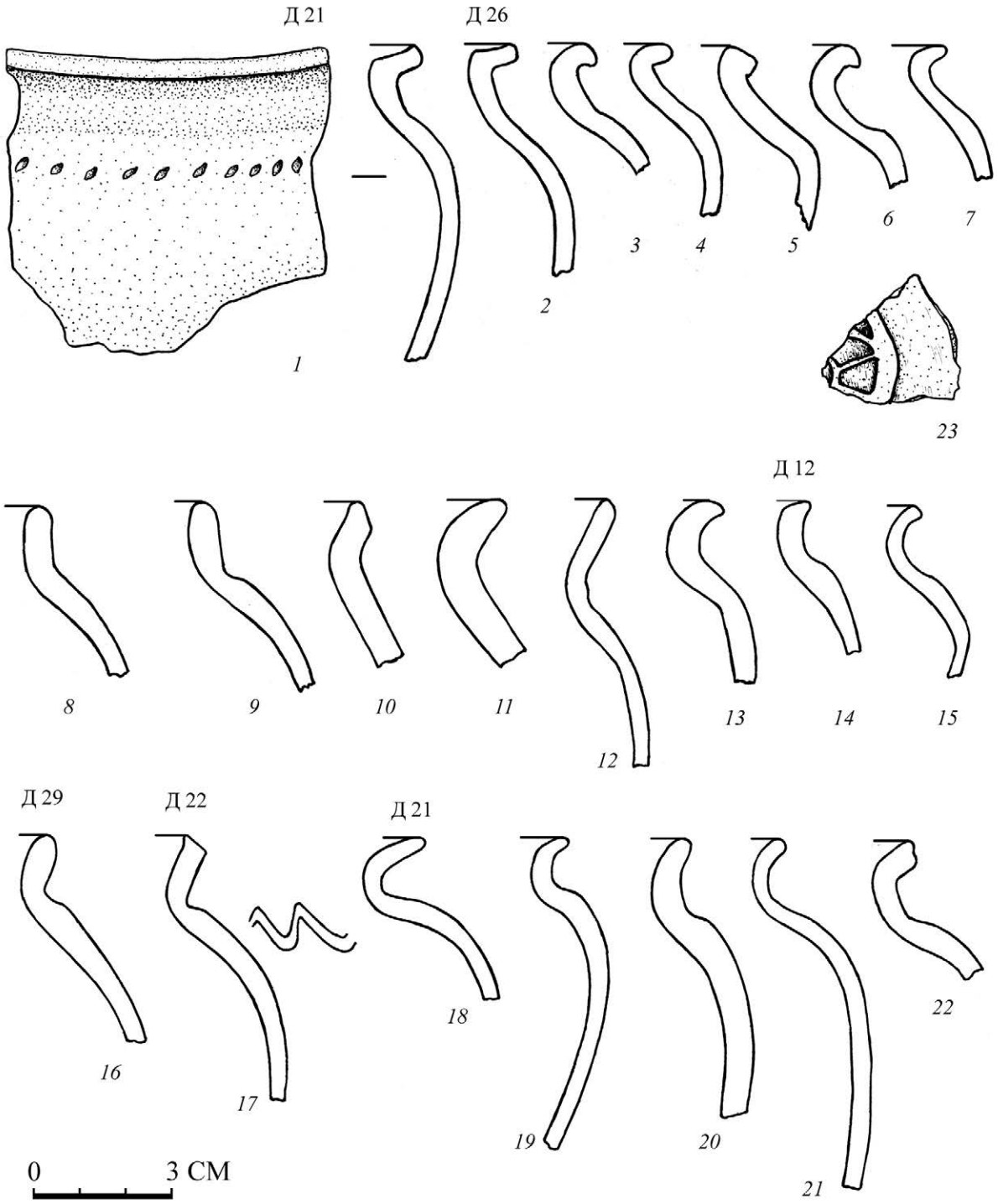

Рис. 57. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Керамика из нижнего горизонта (слой 3). Красноглиняная с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка: *1–23*. Венчики: *1–22*. Фрагмент днища с клеймом: *23*

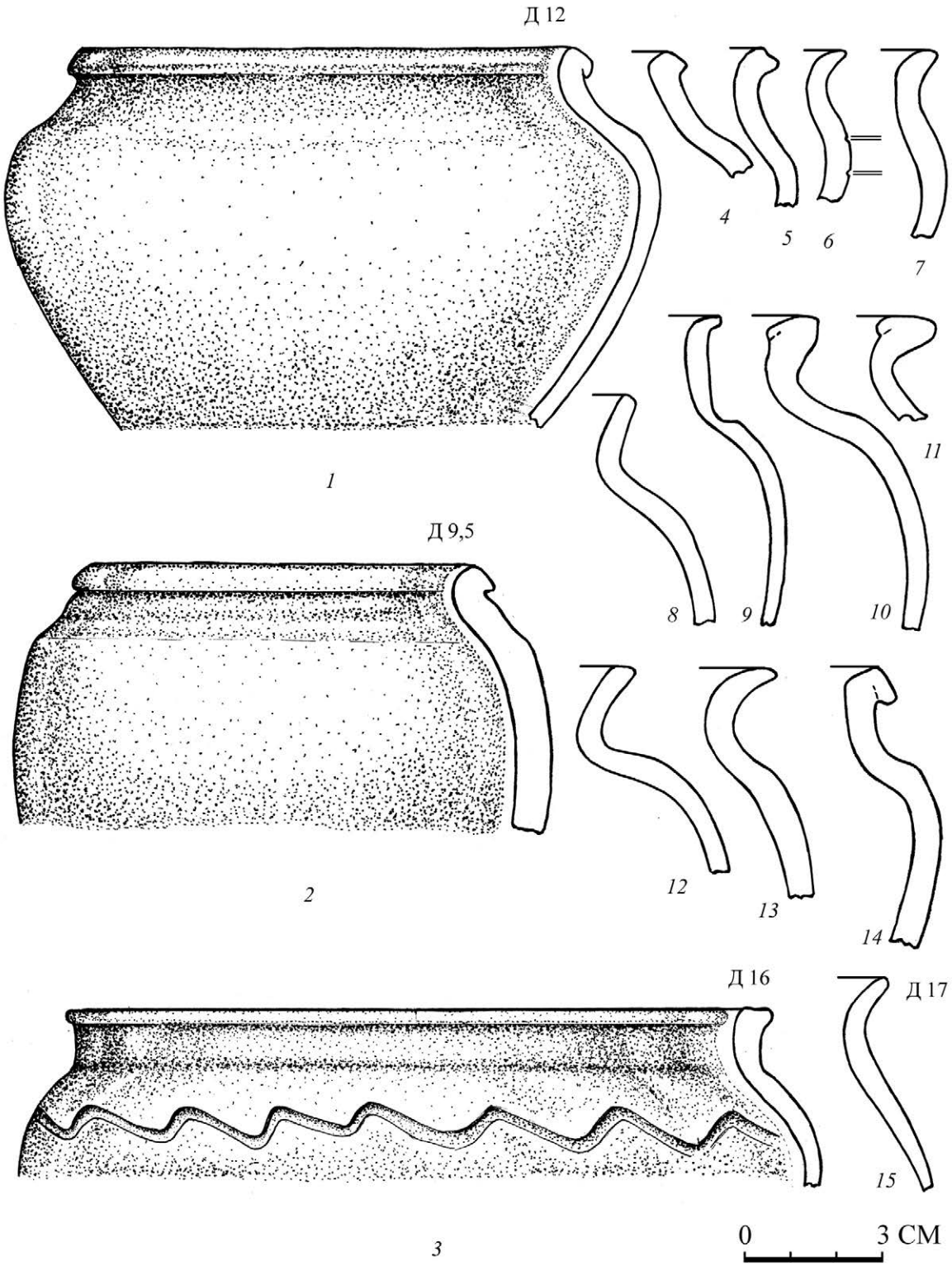

Рис. 58. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Керамика из нижнего горизонта (слой 3). Красноглиняная гончарная с примесью редкой (*1–7*) и частой (*8–11*) дресвы, крупнозернистого песка (*12–14*), шамота (*15*)

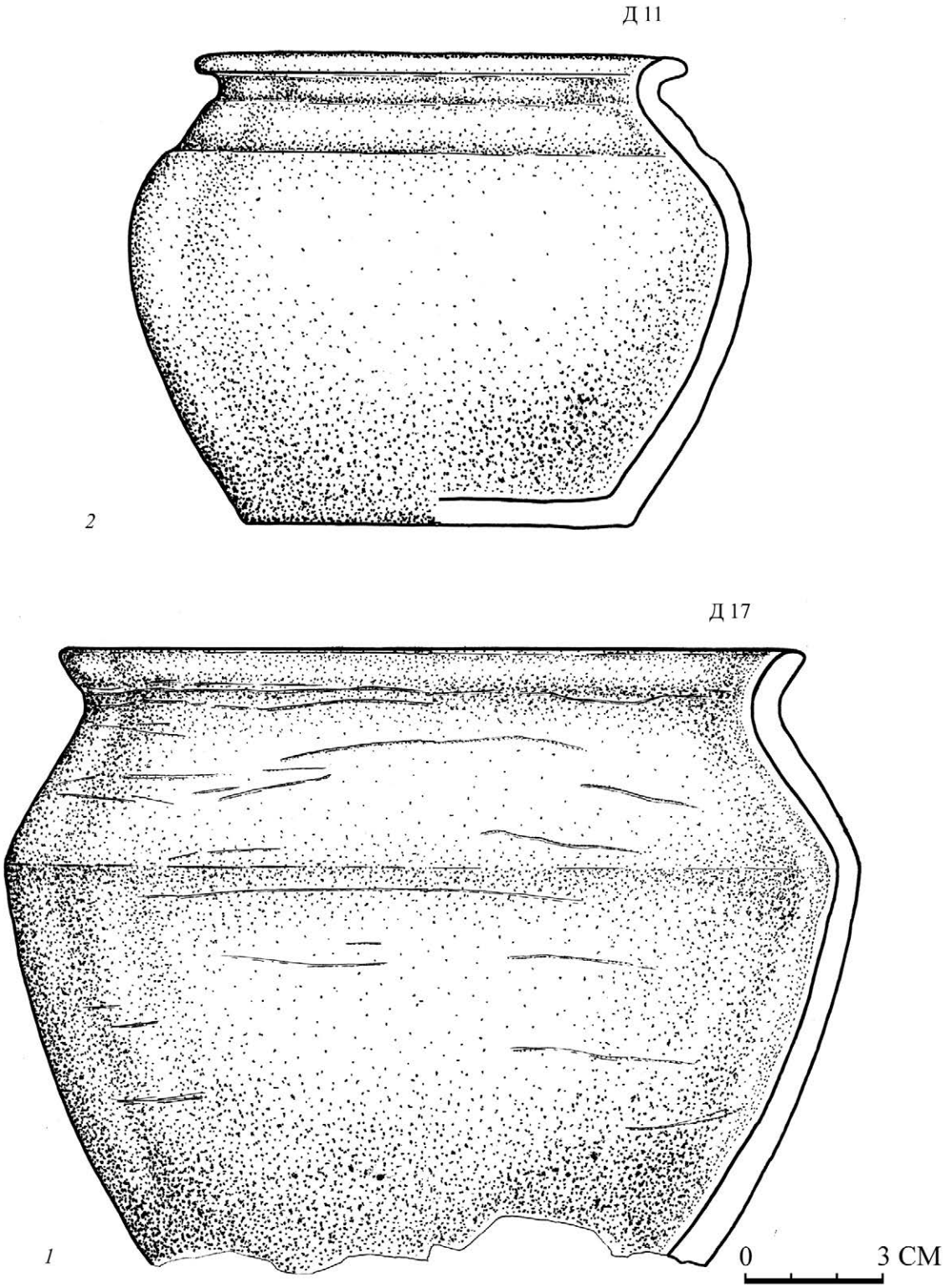

Рис. 59. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Красноглиняная керамика с примесью редкой дресвы из нижнего горизонта (слой 3): *1, 2* (табл. 29, № 8)

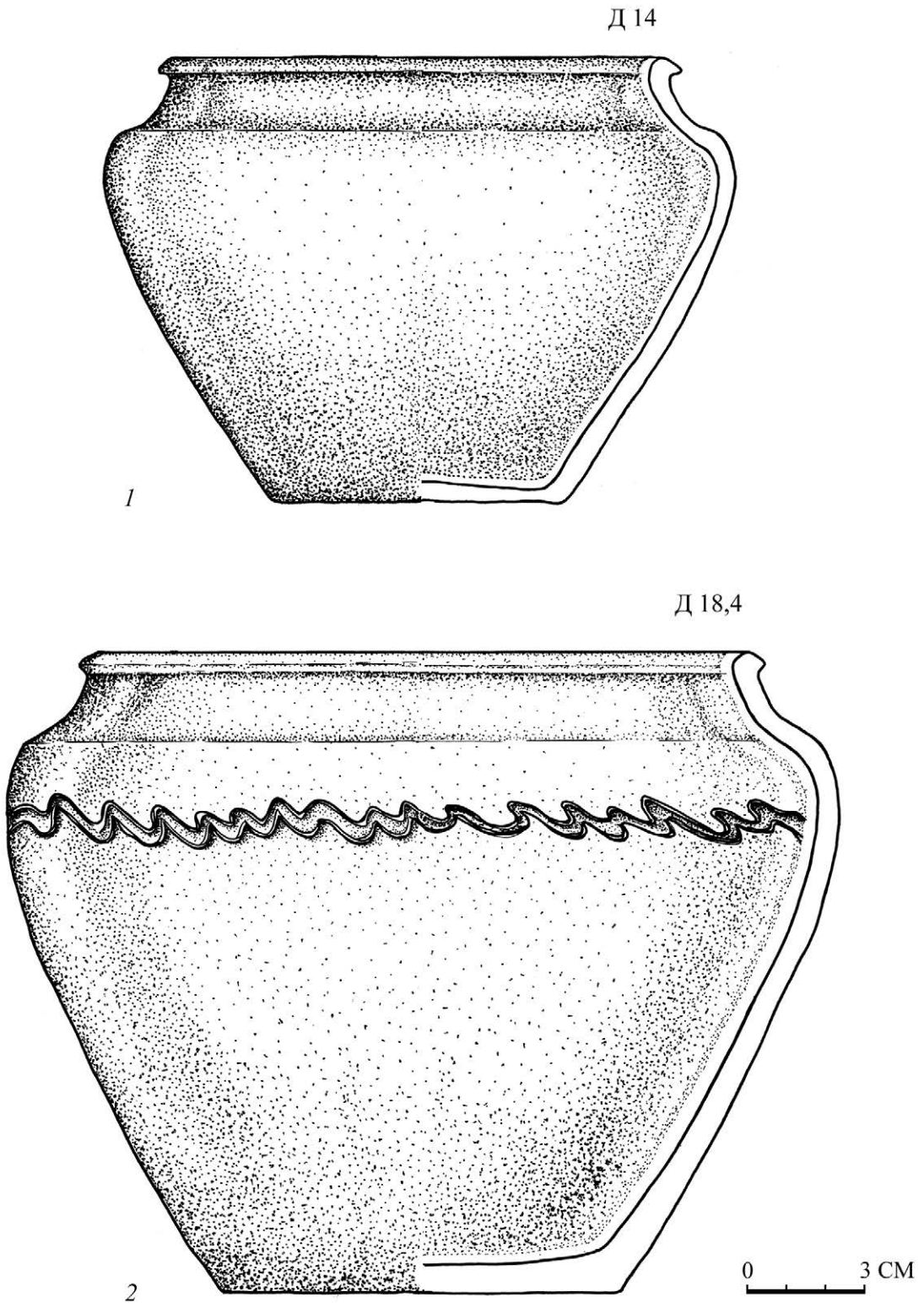

Рис. 60. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Реконструированные красноглиняные горшки из нижнего горизонта (слой 3): *1* – с примесью редкой дресвы (табл. 29, № 23), *2* – с тонким тестом (табл. 29, № 22)

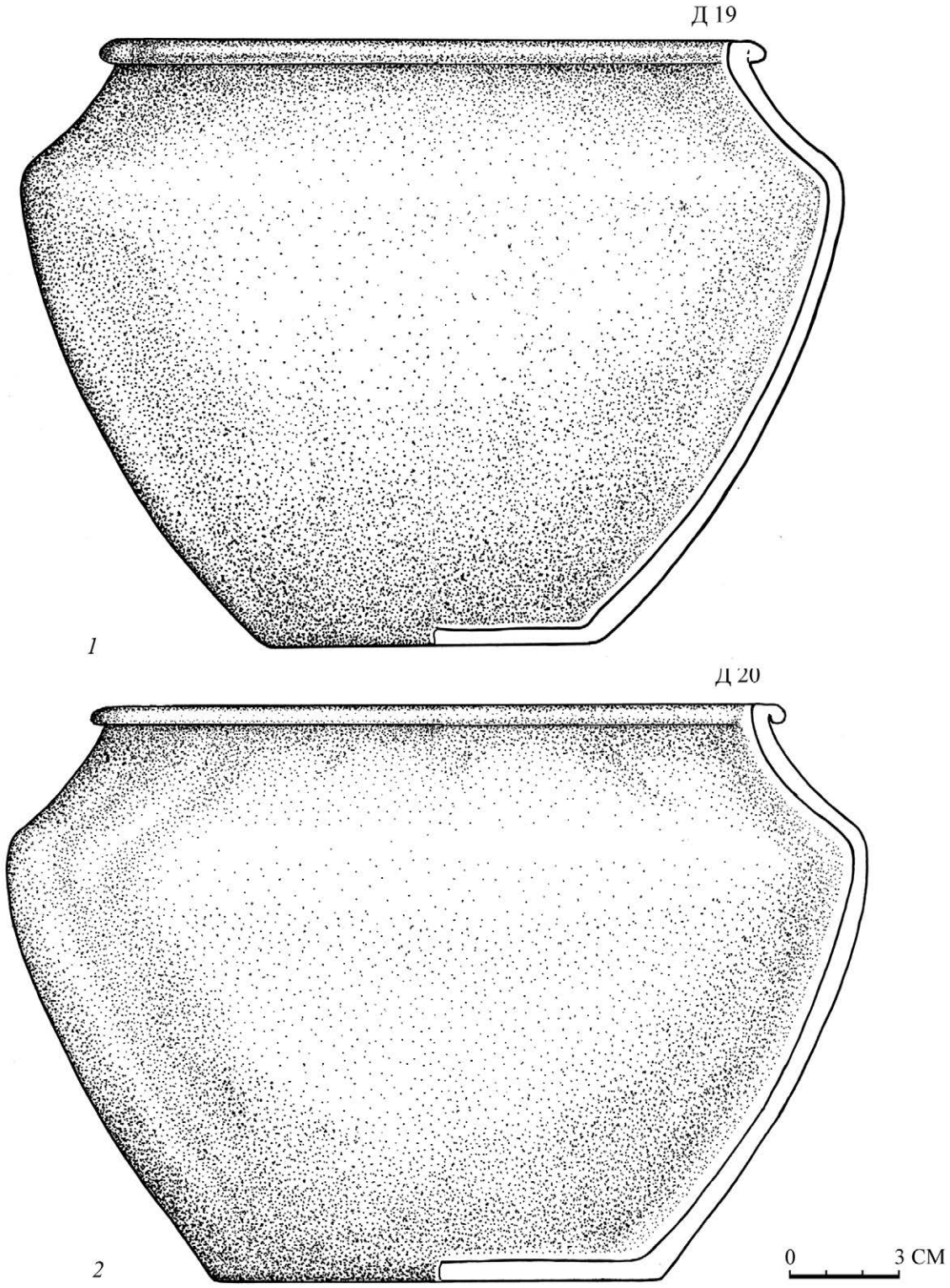

Рис. 61. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Реконструированные красноглиняные горшки с примесью редкой дресвы из нижнего горизонта (слой 3): *1* – табл. 29, № 21; *2* – табл. 29, № 20

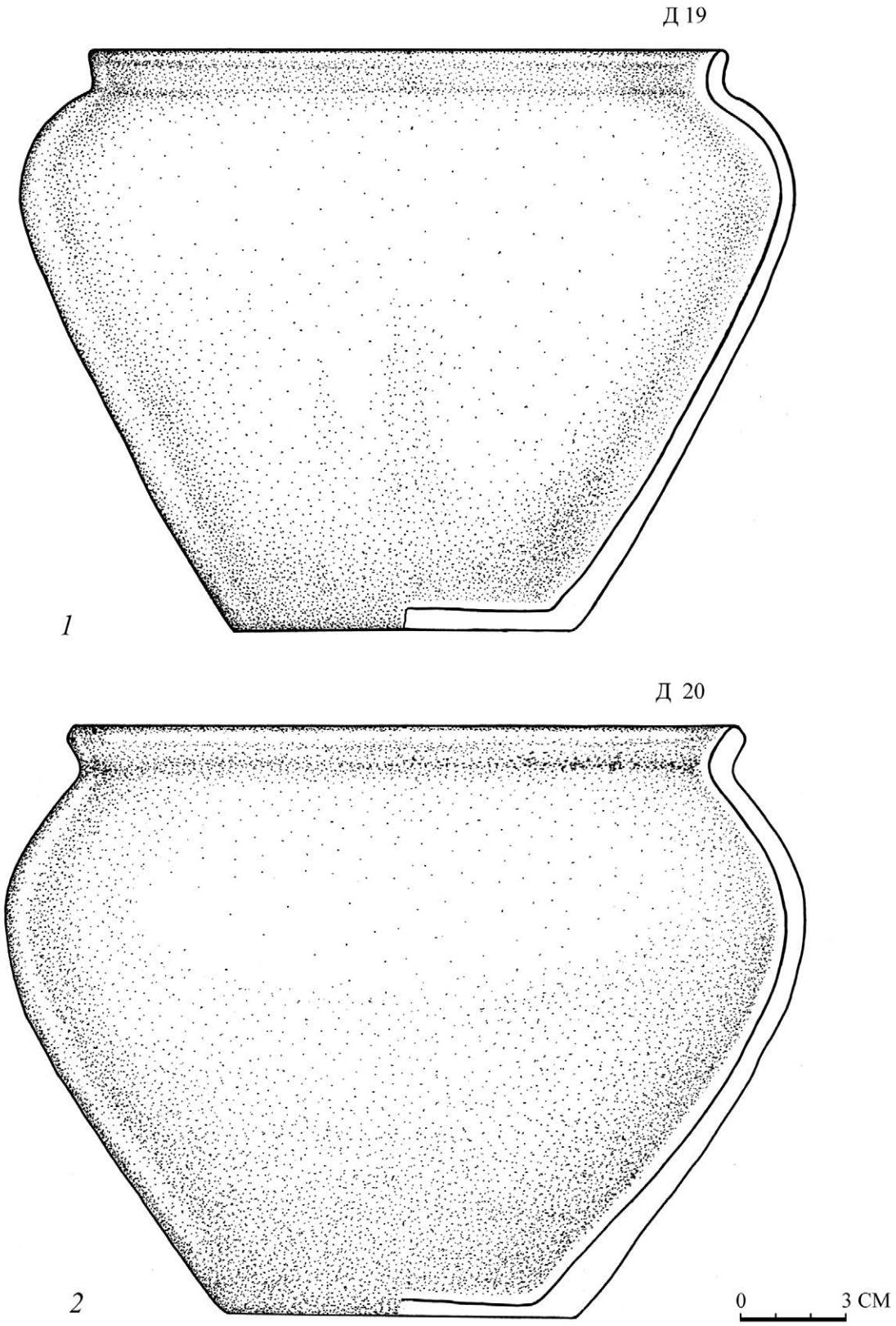

Рис. 62. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Реконструированные красноглиняные горшки с примесью редкой дресвы из нижнего горизонта (слой 3): *1* – табл. 29, № 14; *2* – табл. 29, № 15

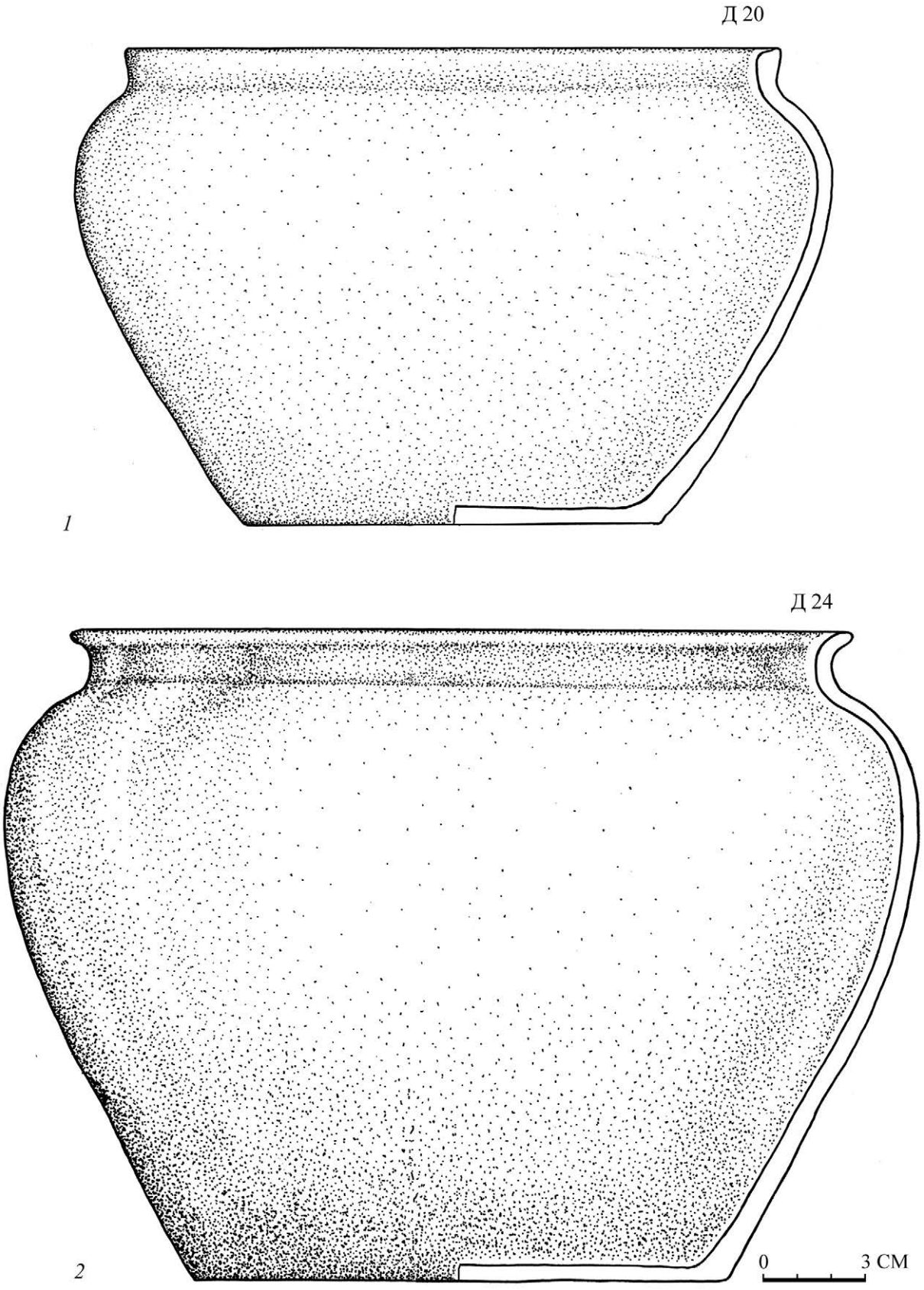

Рис. 63. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Реконструированные красноглиняные горшки с частой примесью мелкозернистого песка из нижнего горизонта (слой 3): *1* – табл. 29, № 24; *2* – табл. 29, № 19

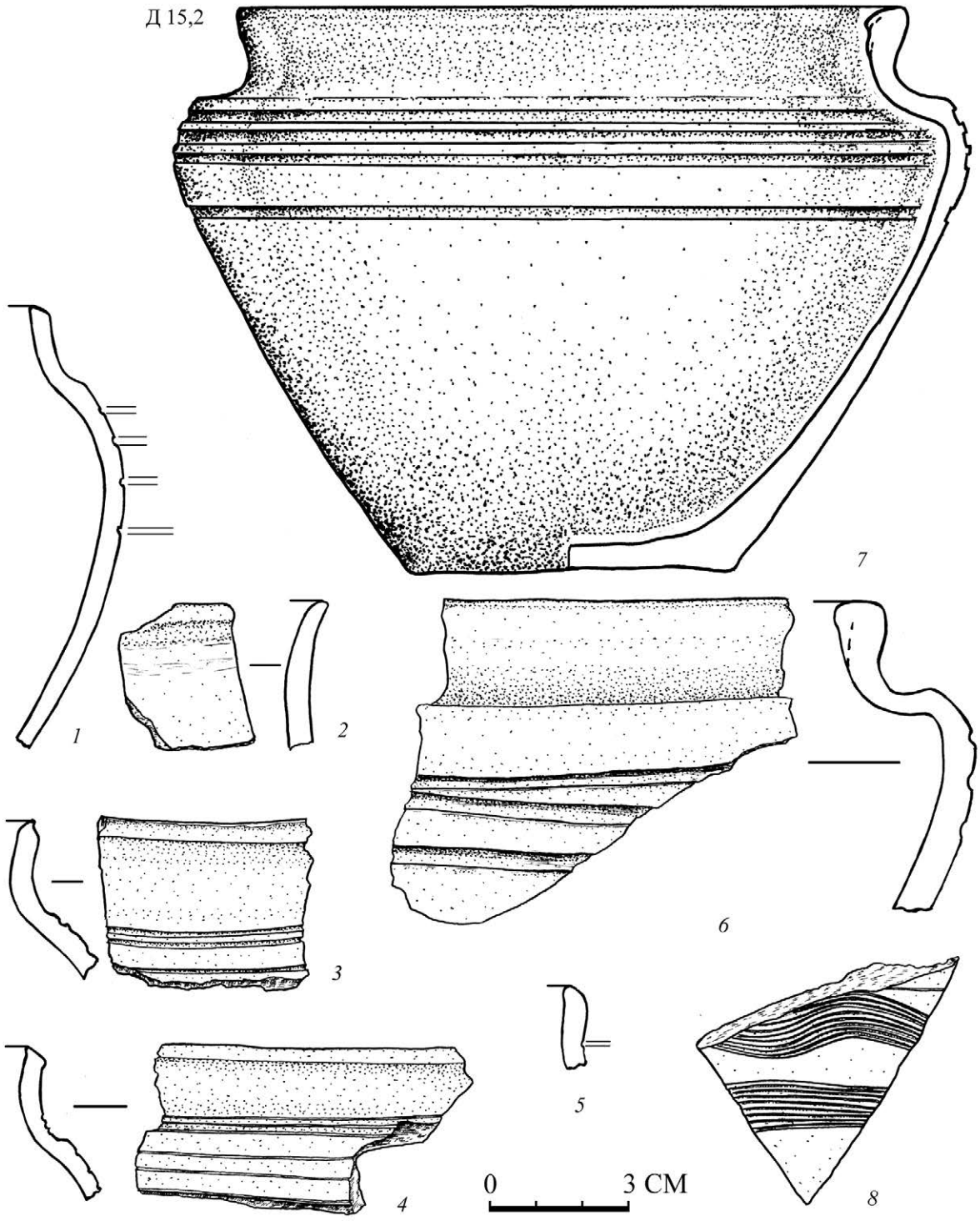
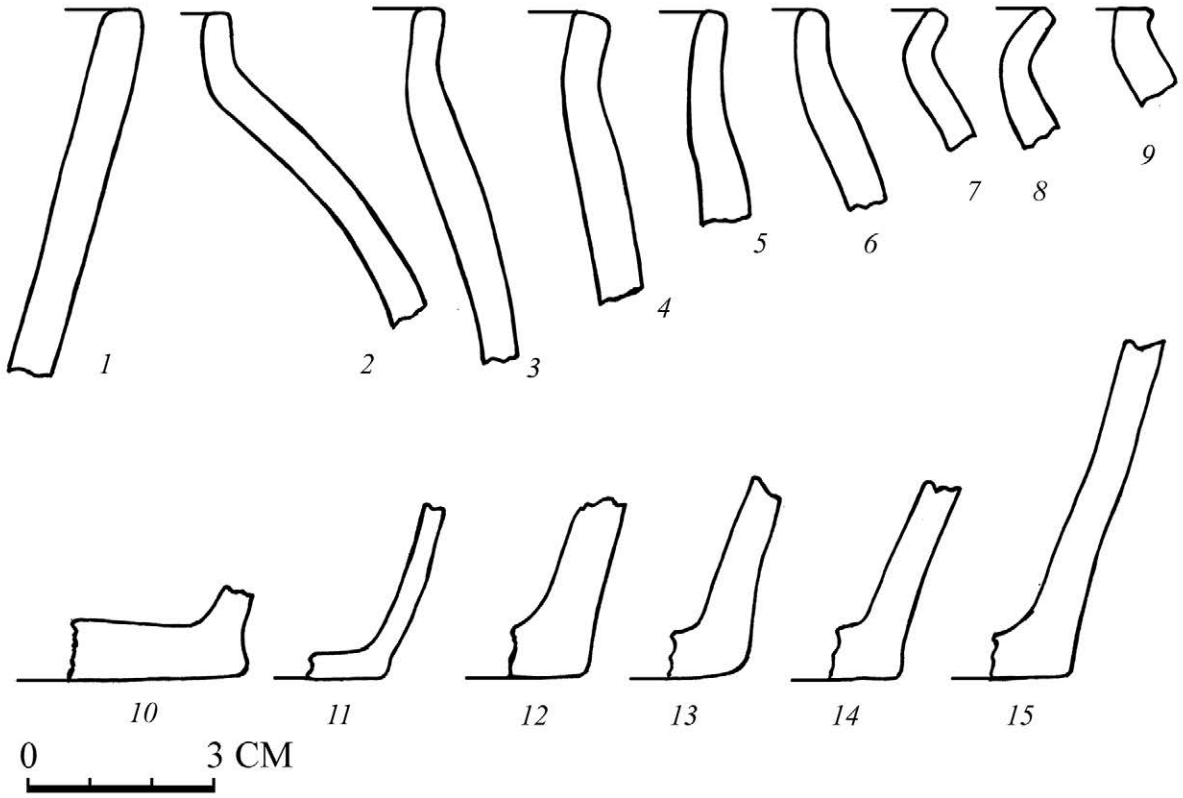

Рис. 64. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Керамика из нижнего горизонта (слой 3). *Белоглиняная*: с тонким тестом подгруппы V-1 (*1–5),* с примесью среднезернистого песка подгруппы V-3 (*6, 7*). *Краснолощёная*: *8*. Венчики: *1–6*. Ангобированный горшок (реконструкция) из смеси бело- и красножгущихся глин подгруппы V-3 (табл. 29, № 42): *7*. Фрагмент стенки: *8*

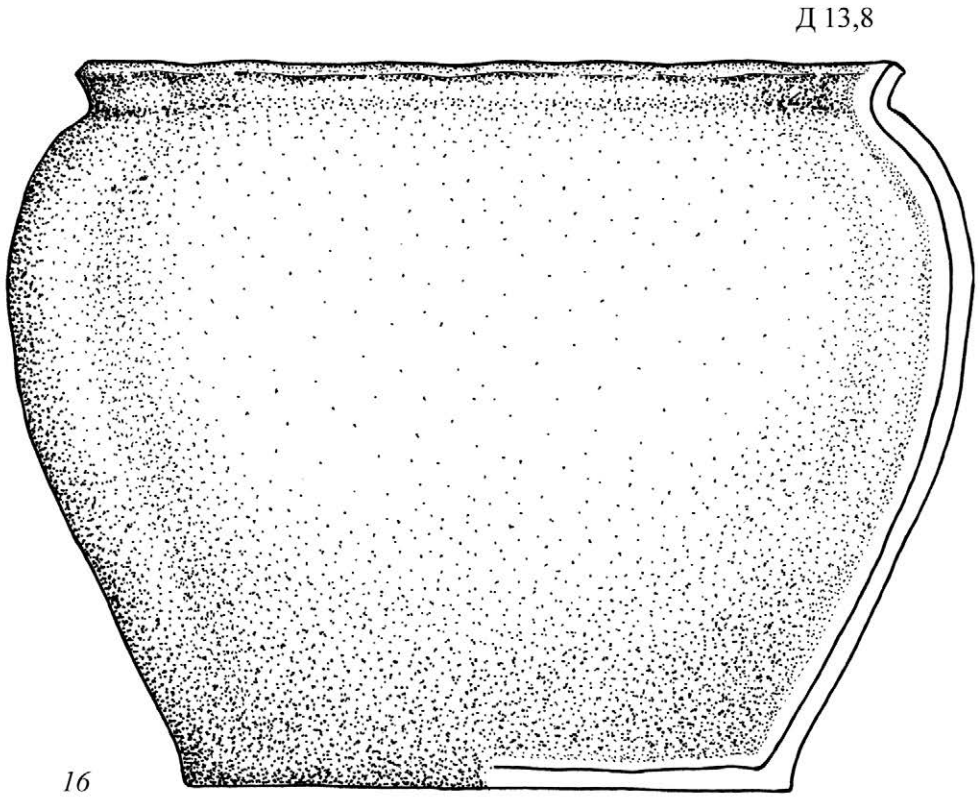

Рис. 65. Городище Городок. Раскоп 1. Яма 2/1. Лепная керамика с примесью шамота из нижнего горизонта (слой 3). Венчики: *1–9*. Донца: *10–15*. Реконструированный горшок (табл. 29, № 2): *16*

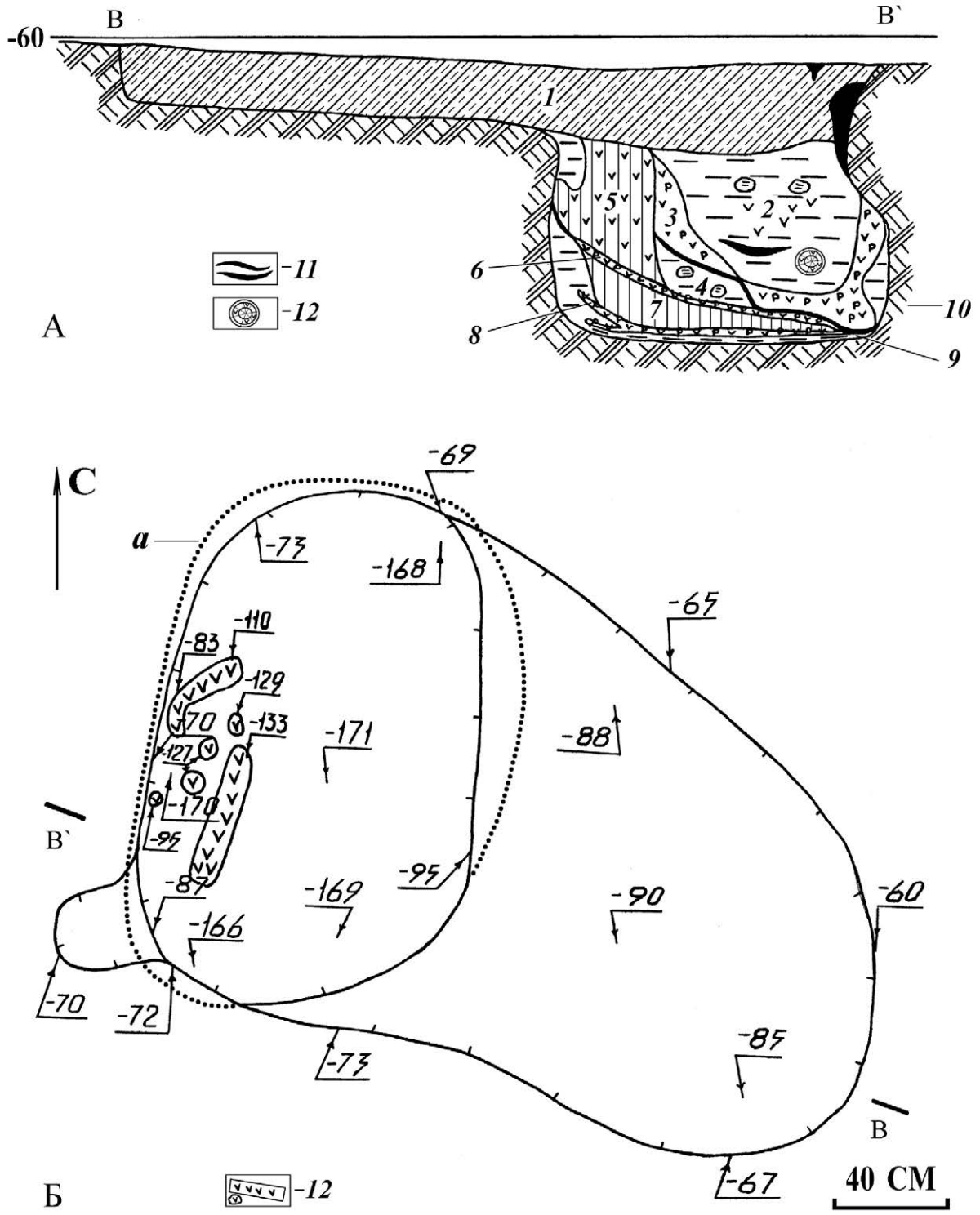

Рис. 66. Городище Городок. Раскоп 2. Комплекс 3. Яма 2/2: разрез (А) и план по материку (Б). *Верхняя часть заполнения: 1* – тёмно-серый мелкокрапчатый суглинок (слой 1). *Нижняя часть заполнения: верхняя пачка: 2* – развал глинобитной печи (слой 2а); *3* – чёрный рыхлый углистый грунт (слой 2); *средняя пачка: 4* – развал глинобитной печи (прослойка 3а); *5* – коричневый суглинок (слой 3б); *6* – чёрный рыхлый углистый грунт (слой 3); *нижняя пачка: 7* – однородный коричневый суглинок (слой 4а); *8* – чёрный рыхлый углистый грунт (слой 4); *9* – придонная прослойка плотного переотложенного материкового суглинка (слой 5). *Материк: 10. 11* – остатки обугленных деревянных плашек; *12* – обугленная деревянная жердь в разрезе; *а* – линия дна ямы на участке с отрицательным наклоном бортов

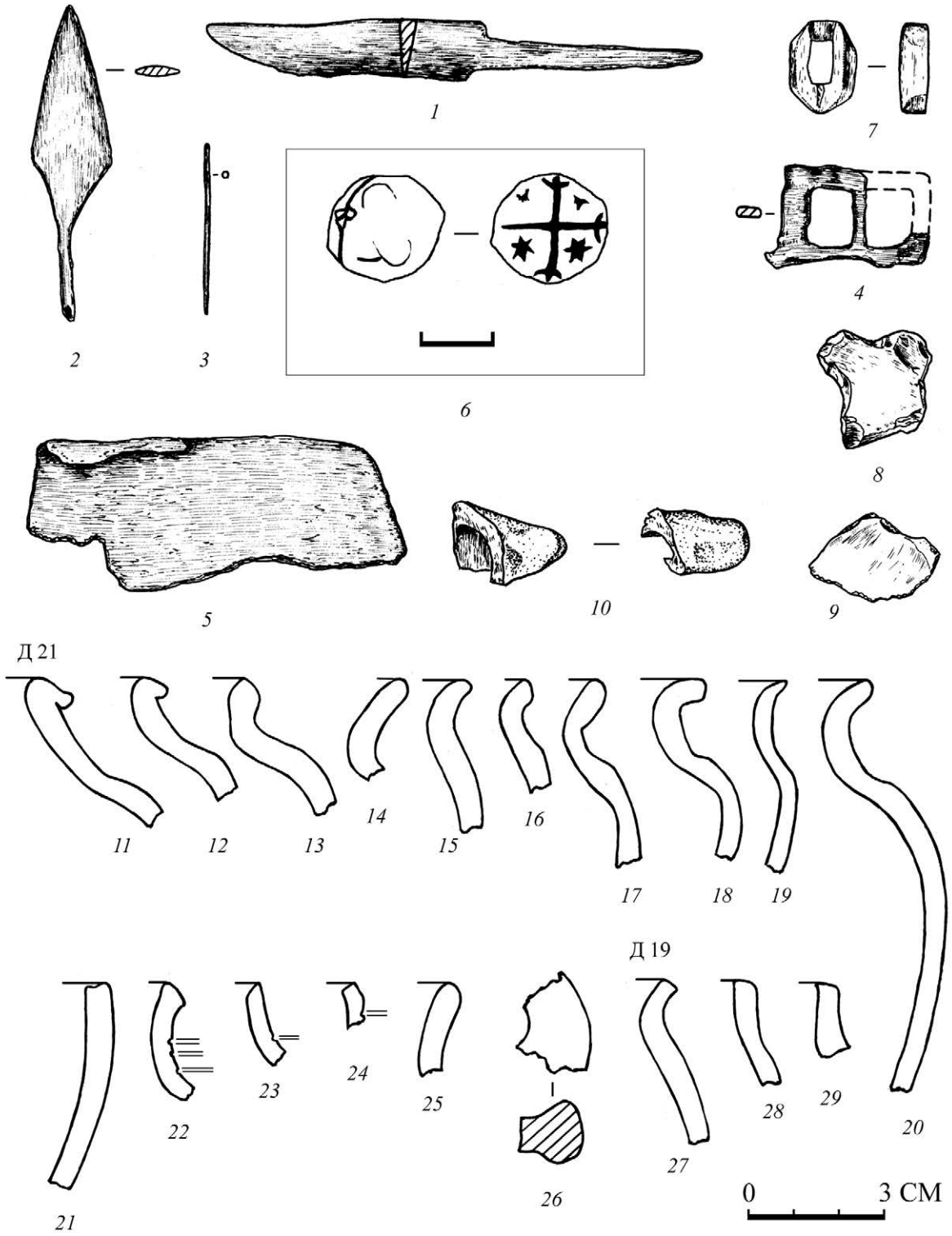

Рис. 67. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Находки из верхней части заполнения (слой 1): *1*– нож, *2* – наконечник стрелы, *3* – игла, *4* – пряжка, *5* – неопределённый предмет, *6* – монета (пуло), *7* – обойма от рукоятки ножа; *8, 9* – кресальные кремни, *10* – фрагмент игрушки (свистульки), *11–29* – венчики (*11–25, 27–29*) и фрагмент ручки (*26*) от сосудов. Керамика *красноглиняная* с примесью частой (*13, 14*) и редкой (*11, 12*) дресвы, крупнозернистого песка (*20*), с тонким тестом или с добавкой мелкозернистого песка (*15–19*); *белоглиняная* с тонким тестом подгруппы V-1 (*21–24, 26*), с примесью мелкозернистого песка подгруппы V-2 (*25*); *лепная* с примесью шамота (*27–29*). Железо: *1–5*. Медь: *6*. Рог: *7*. Камень: *8, 9*. Керамика: *10-29*

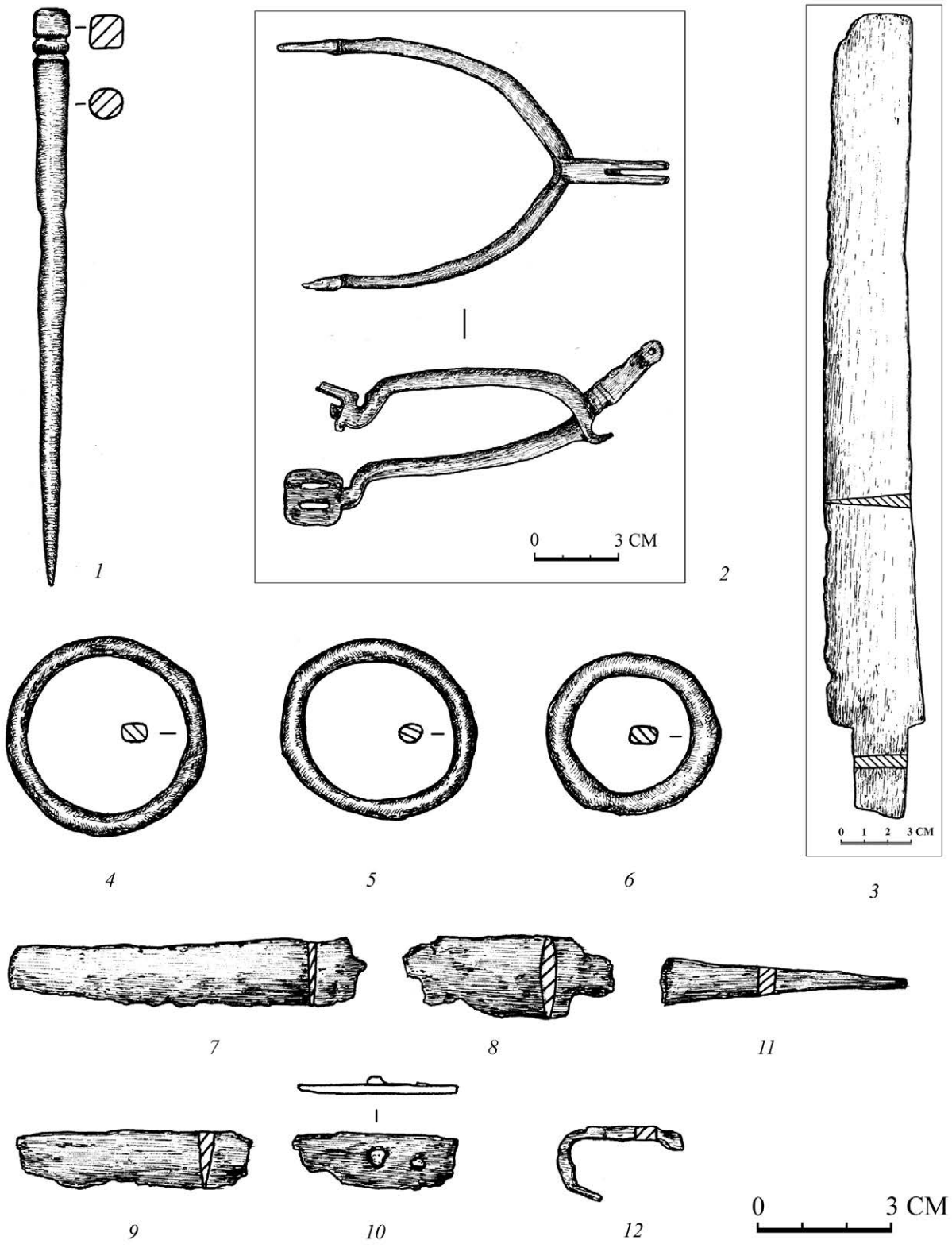

Рис. 68. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Находки из нижней части заполнения (слой 2: *4*; слой 2а: *5*; слой 3: *1, 6–10, 12*; слой 4а: *2, 11*; слой 5: *3*): *1* – писало, *2* – шпора, *3* – сабля, *4–6* – кольца от удил, *7–10* – ножи, *11* – черенок от ножа, *12* – скоба. Железо: *1–12*

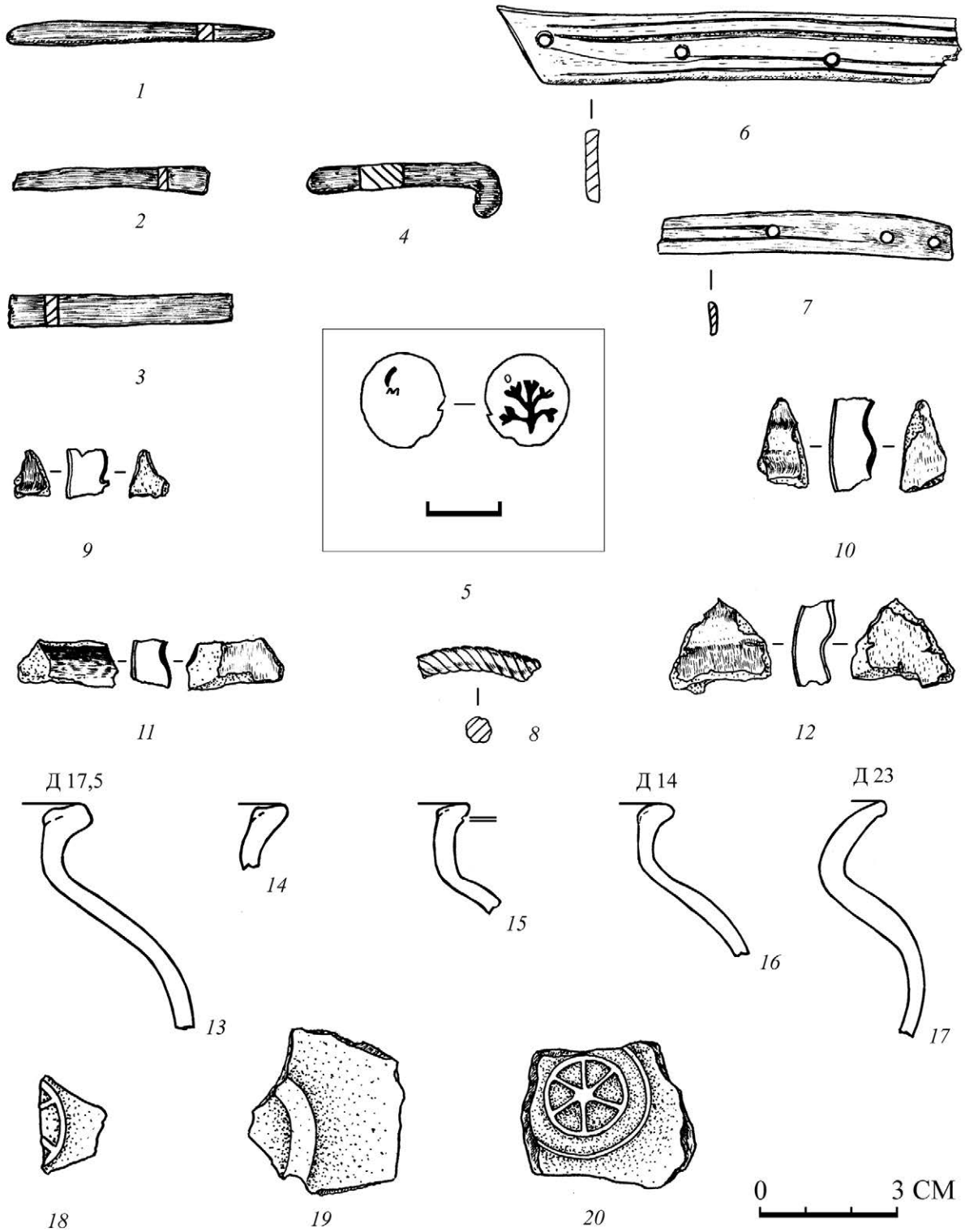

Рис. 69. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Находки из нижней части заполнения (слой 2: *1,3,10,13,20*; слой 2а: *2,18,19*; слой 3: *5–9,11,12,15–17*; слой 4: *4,14*): *1, 3, 4* – неопределённые предметы; *2* – фрагмент скобы, *5* – монета Василия II; *6, 7* – обкладки рукояток ножей; *8* – фрагмент браслета, *9–12* – фрагменты поливных сосудов, *13–20* – венчики (*13–17*) и фрагменты днищ с клеймами (*18–20*) красноглиняных сосудов с примесью частой дресвы. Железо: *1–4*. Серебро: *5*. Кость: *6, 7*. Стекло: *8*. Кашин: *9–12*. Керамика: *13–20*

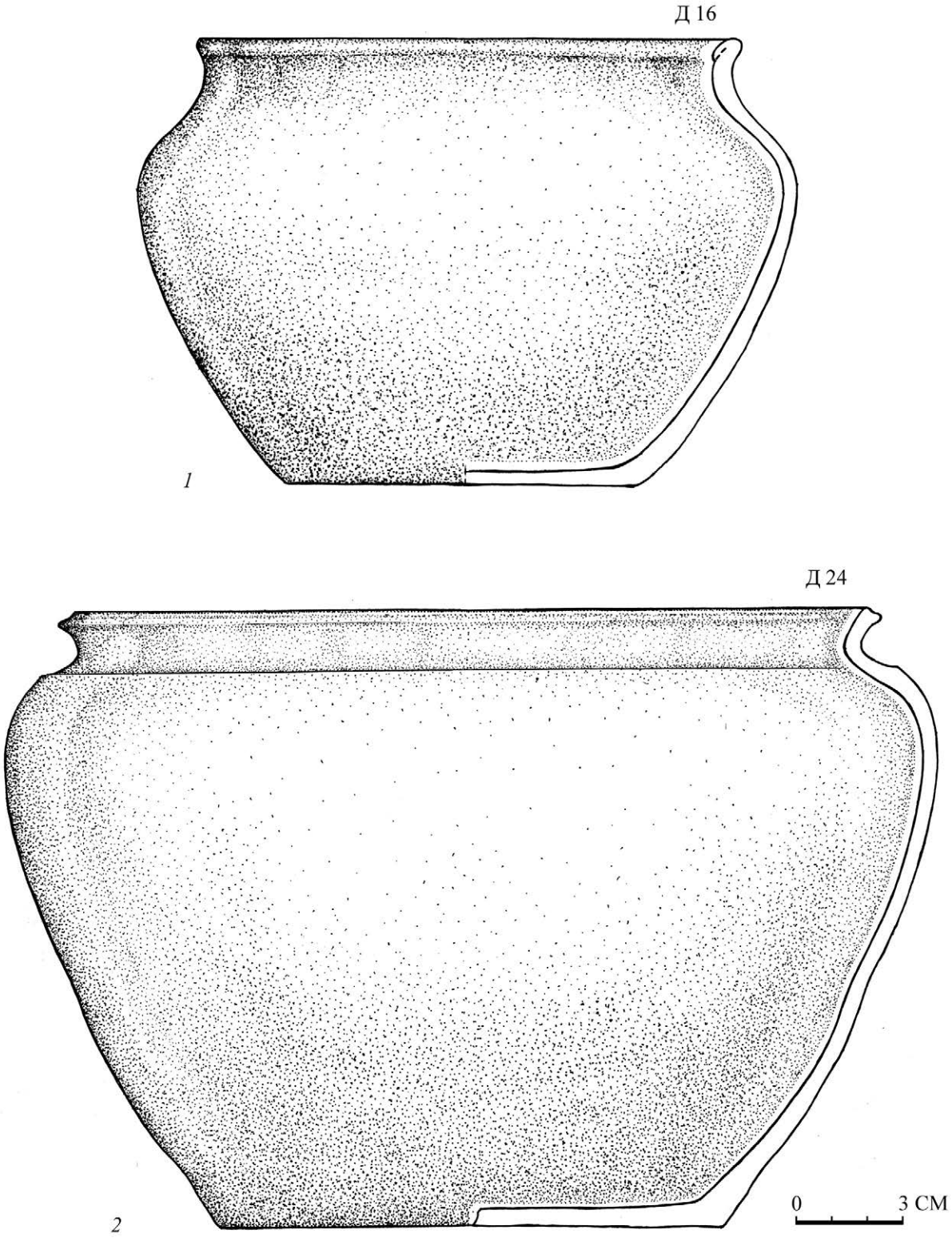

Рис.70. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Красноглиняные горшки с частой примесью дресвы из нижней части заполнения (слой 3: *2*, слой 4: *1*): *1* – табл. 29, № 27; *2* – табл. 29, № 33

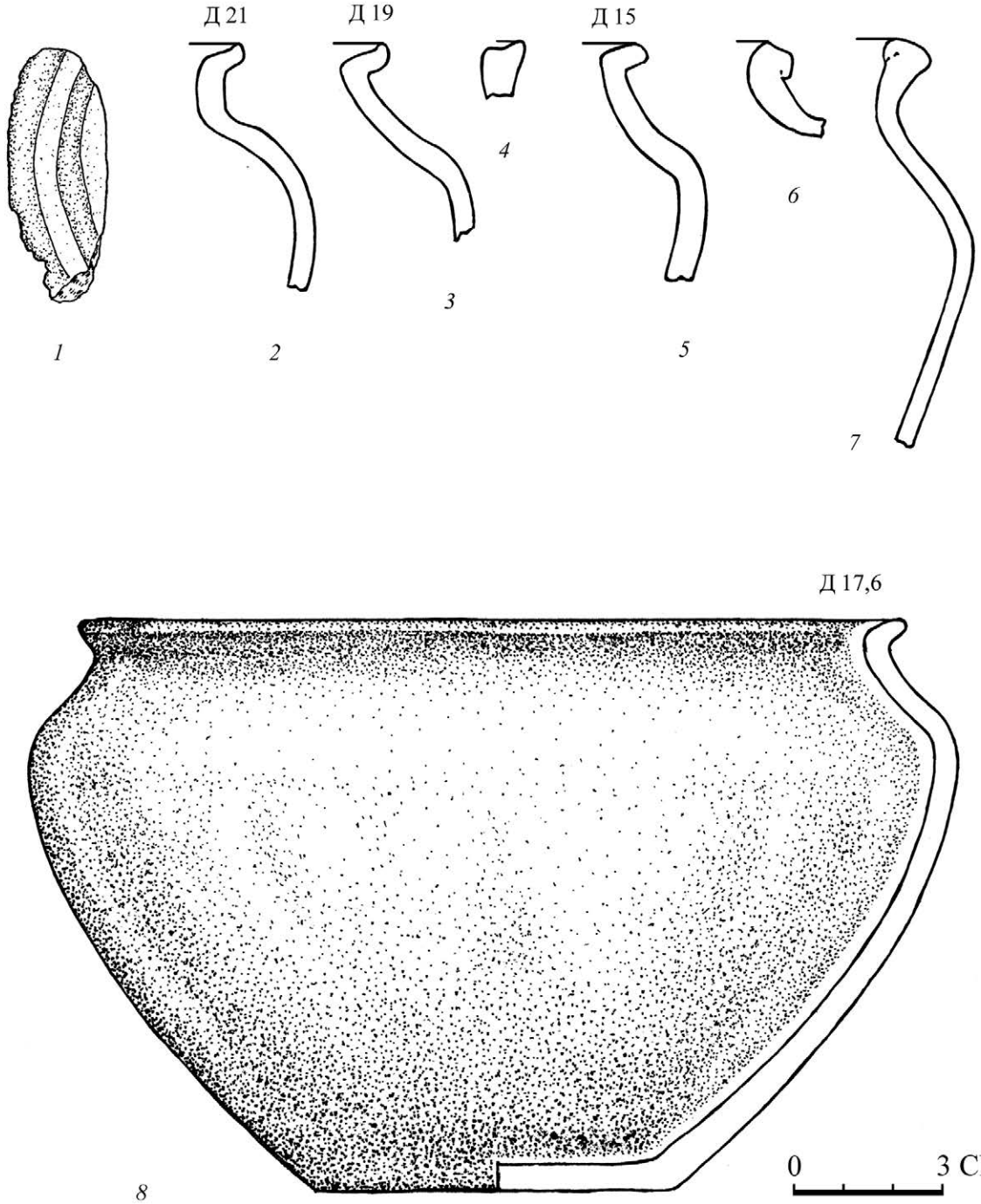

Рис. 71. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Красноглиняная керамика из нижней части заполнения (слой 2а: *1,3*; слой 2: *2,4,8*; слой 3: *5–7*): с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (*1–3*), с примесью редкой дресвы (*4–8*). Венчики: *2–7*. Донце с клеймом: *1*. Реконструированный горшок (табл. 29, № 9): *8*

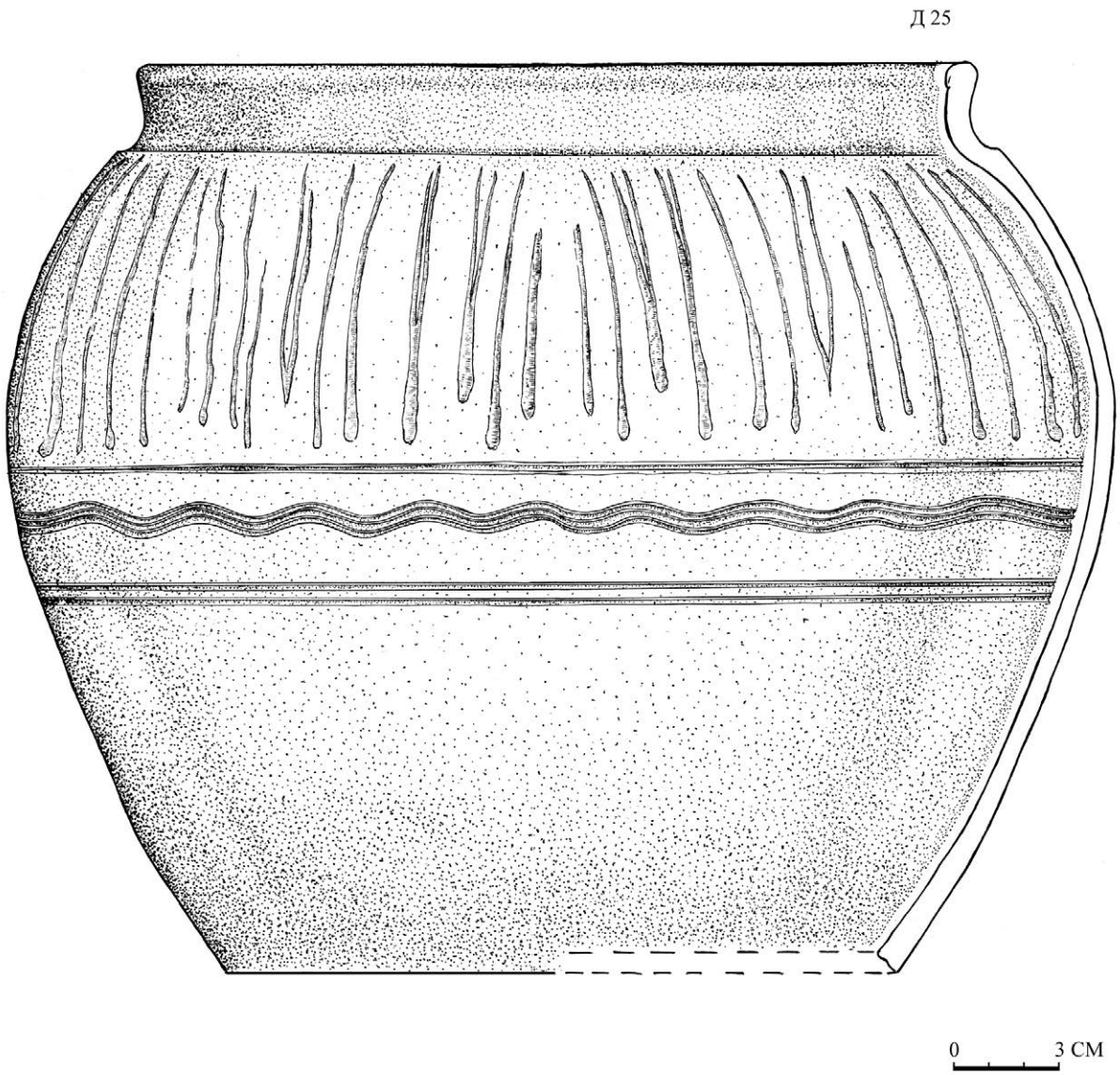

Рис. 72. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Краснолощёный горшок (табл. 29, № 37) из нижней части заполнения (слой 2а)

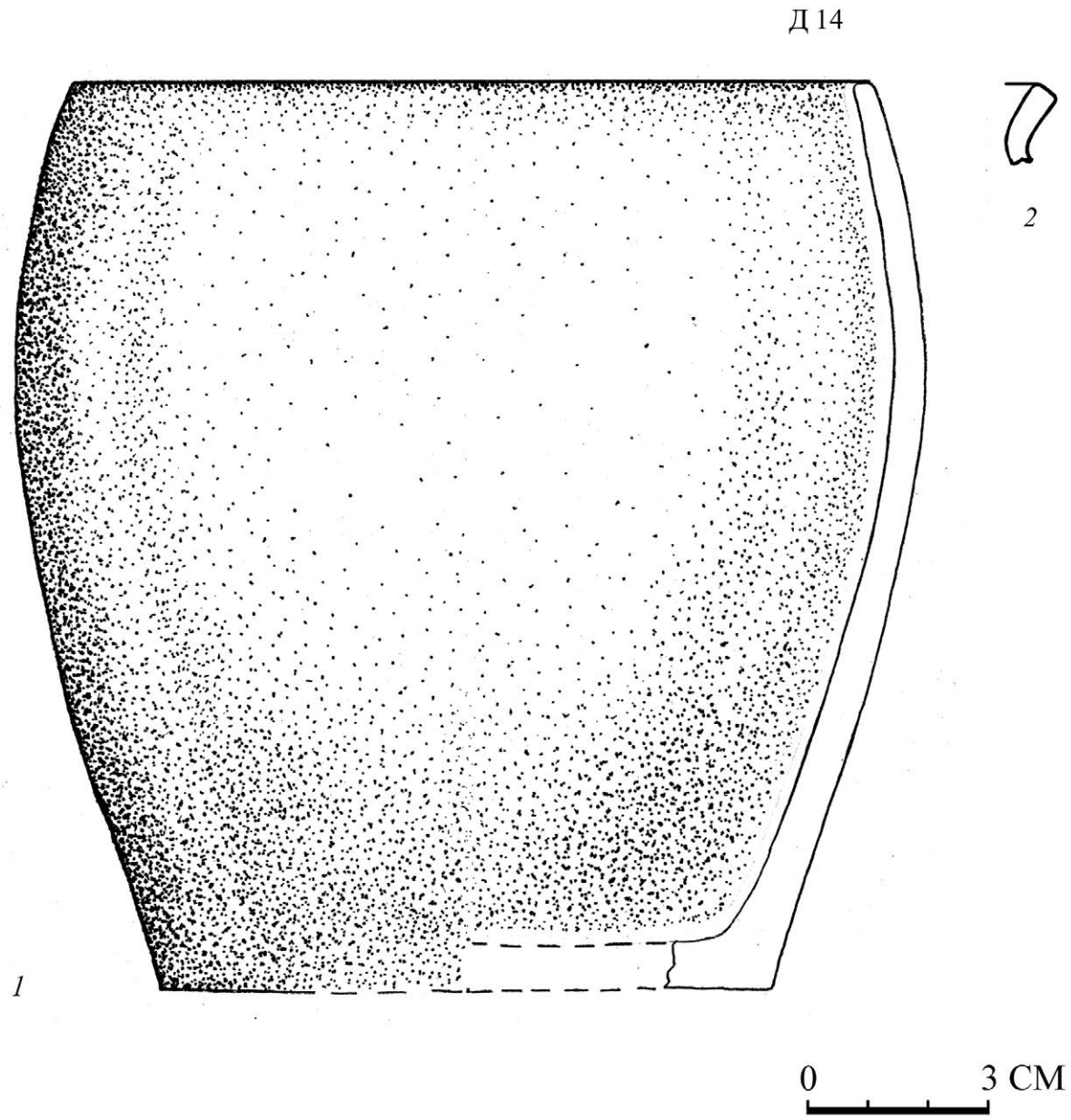

Рис. 73. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 2/2. Лепная керамика из нижней части заполнения (слой 2а: *1*, слой 3: *2*): *1* – бокалообразный сосуд (табл. 29, № 5), *2* – венчик горшка

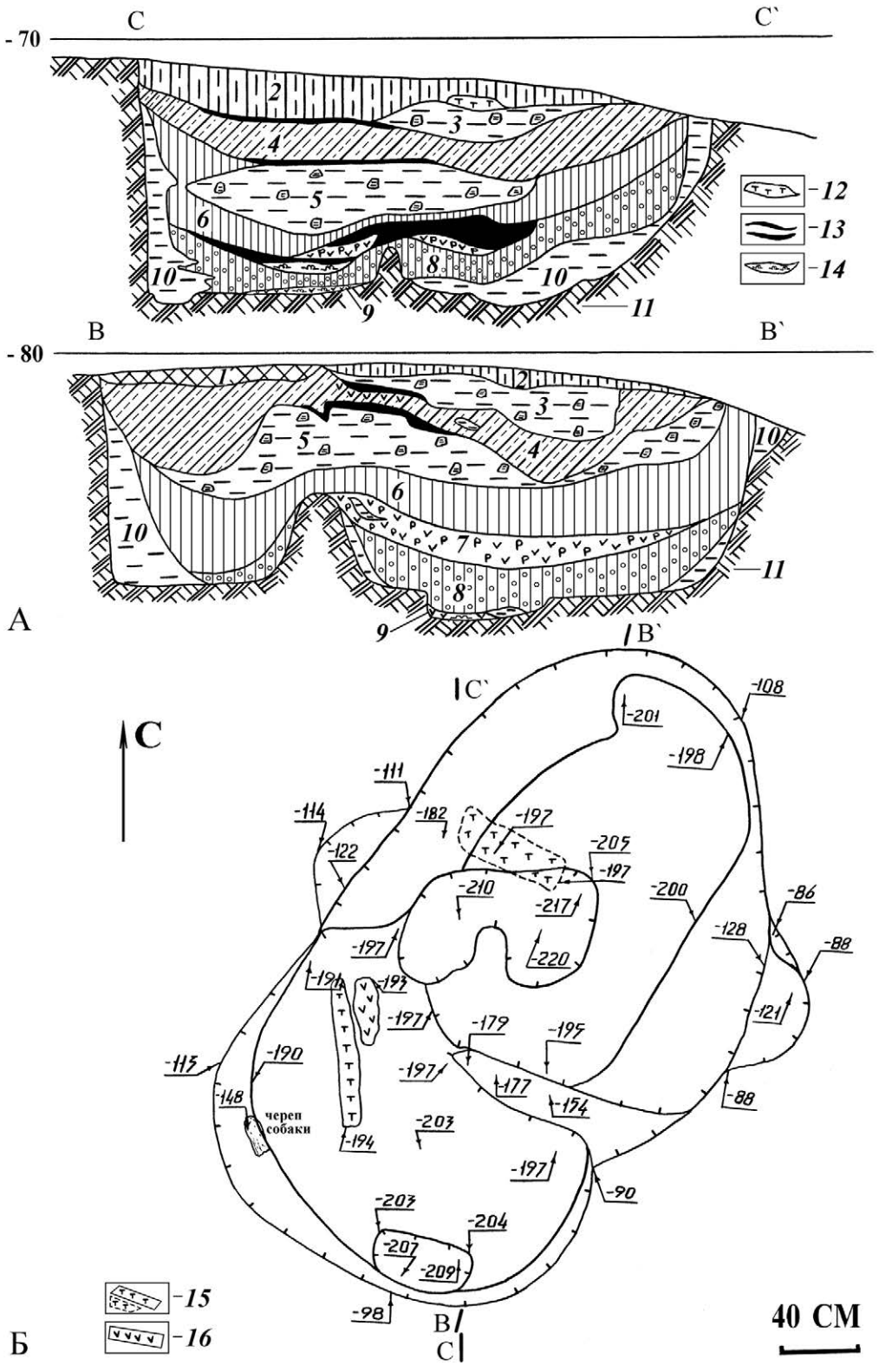

Рис. 74. Городище Городок. Раскоп 2. Комплекс 4. Яма 1/2: разрезы (А) и план по материку (Б). *Перекрывающий горизонт: 1* – тёмно-коричневый суглинок (горизонт огородной распашки). *Верхняя пачка напластований: 2* – тёмно-коричневый пёстрый неоднородный суглинок (слой 1а); *3* – развал глинобитной печи (слой 1б); *4* – тёмно-серый угленасыщенный неоднородный суглинок (слой 1). *Средняя пачка напластований: 5* – развал глинобитной печи (слой 2а); *6* – коричневый однородный суглинок (слой 2б); *7* – рыхлый углистый грунт (слой 2). *Нижняя пачка напластований: 8* – коричневый крапчатый суглинок (слой 3); *9* – углисто-золистые прослойки (слой 4); *10* – стерильный переотложенный материковый суглинок. *Материк: 11. 12* – прослойка мелкораспылённого древесного тлена; *13* – прослойка из древесных углей (без включений костей и керамики); *14* – золистая линза; *15* – отпечатки деревянных плашек в виде узких локальных прослоек древесного тлена; *16* – остатки обугленной деревянной плашки

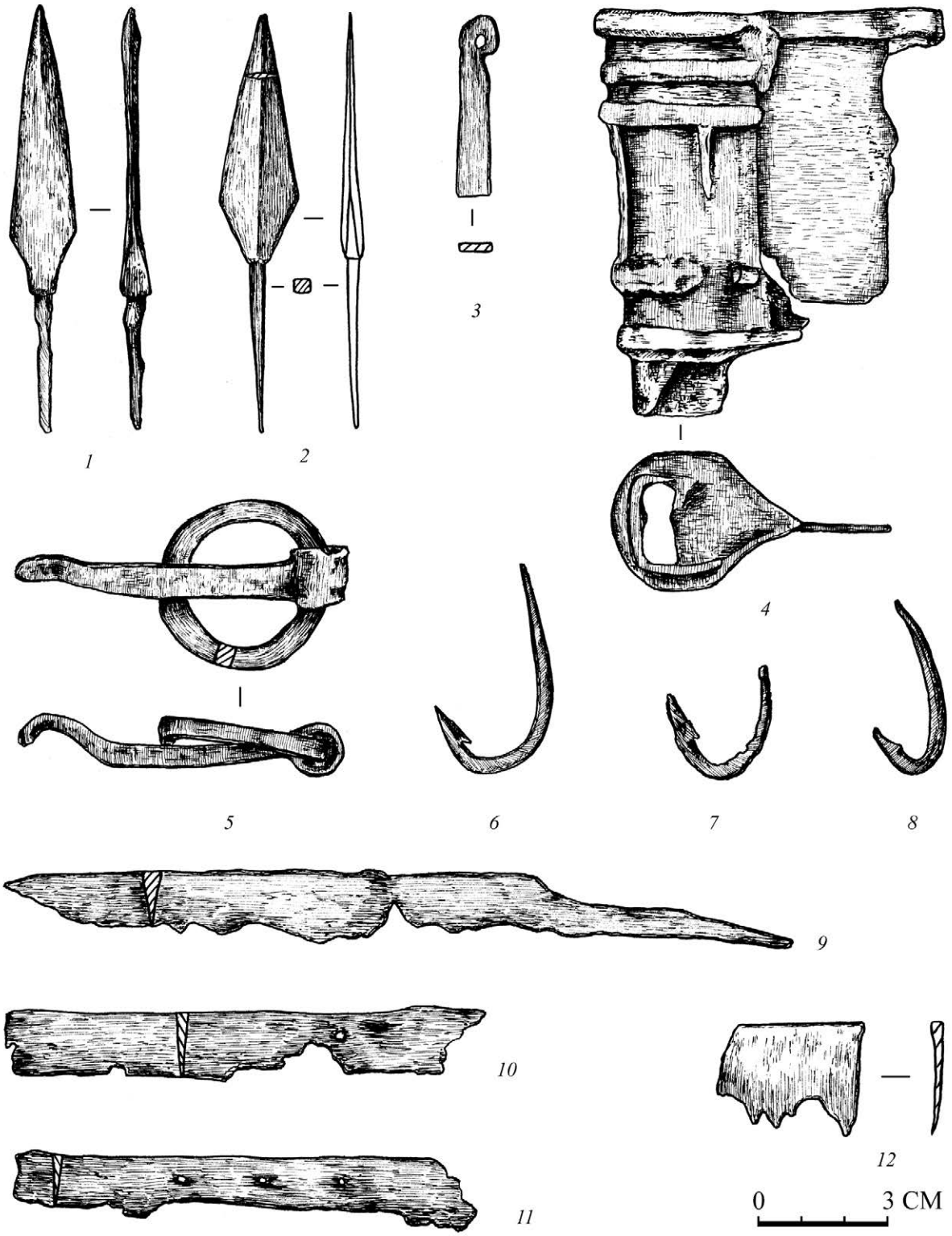

Рис. 75. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из верхней части заполнения (слой 1: *2, 4, 6, 10, 11*; слой 1а: *1, 3, 5, 7, 8, 11*; слой 1б: *9*): *1, 2* – наконечники стрел; *3* – фрагмент ключа; *4* – замок; *5* – фрагмент удил; *6–8* – крючки рыболовные; *9–11* – ножи; *12* – фрагмент пилы (скребницы?). Железо: *1–12*

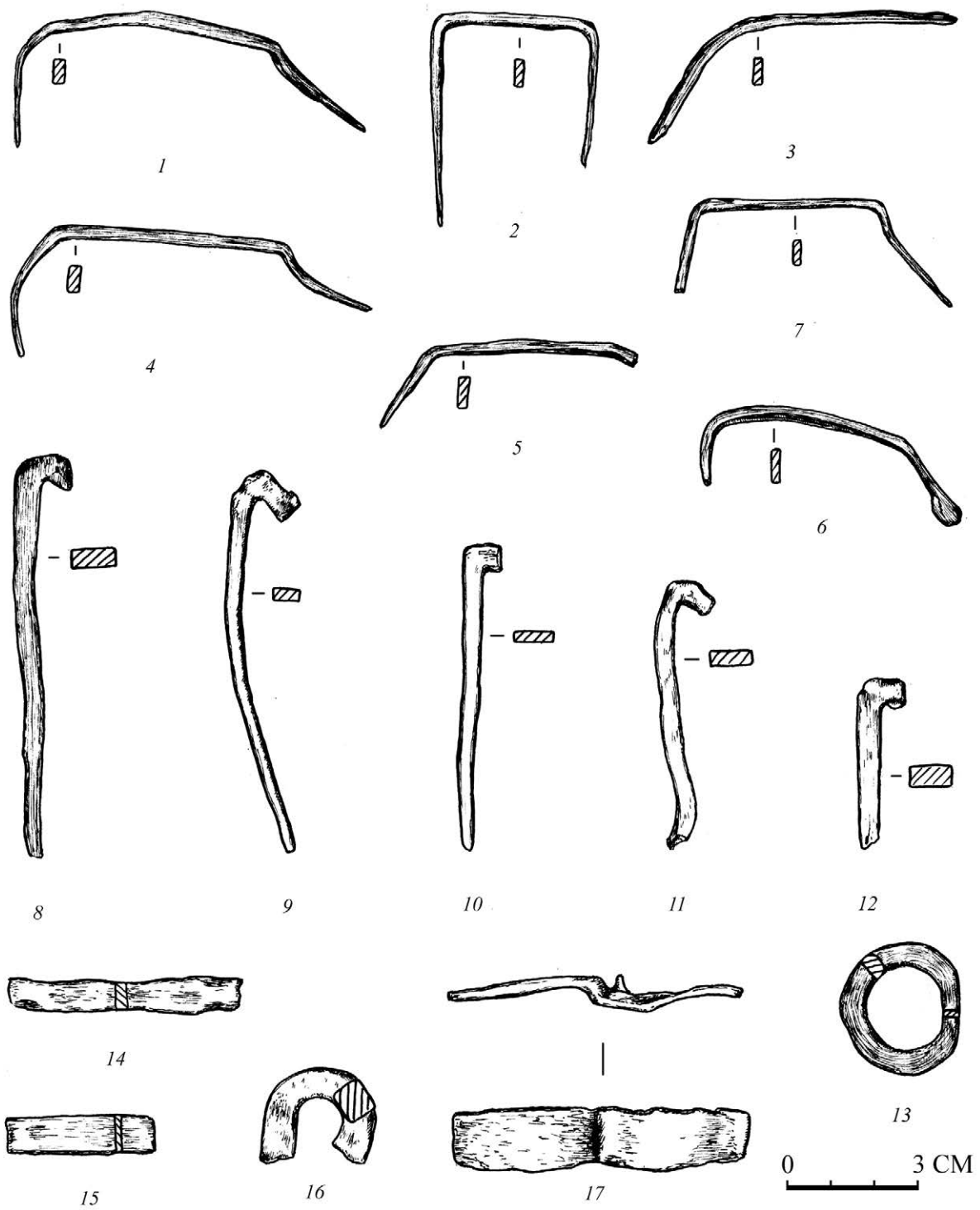

Рис. 76. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из верхней части заполнения (слой 1: *2, 5, 6, 8, 11, 13, 15*; слой 1а: *1, 3, 4, 9, 10, 12, 14, 16*; слой 1б: *7, 17*): *1-7* – скобы; *8–12* – гвозди; *13* – пряжка; *14–17* – неопределённые предметы. Железо: *1–17*

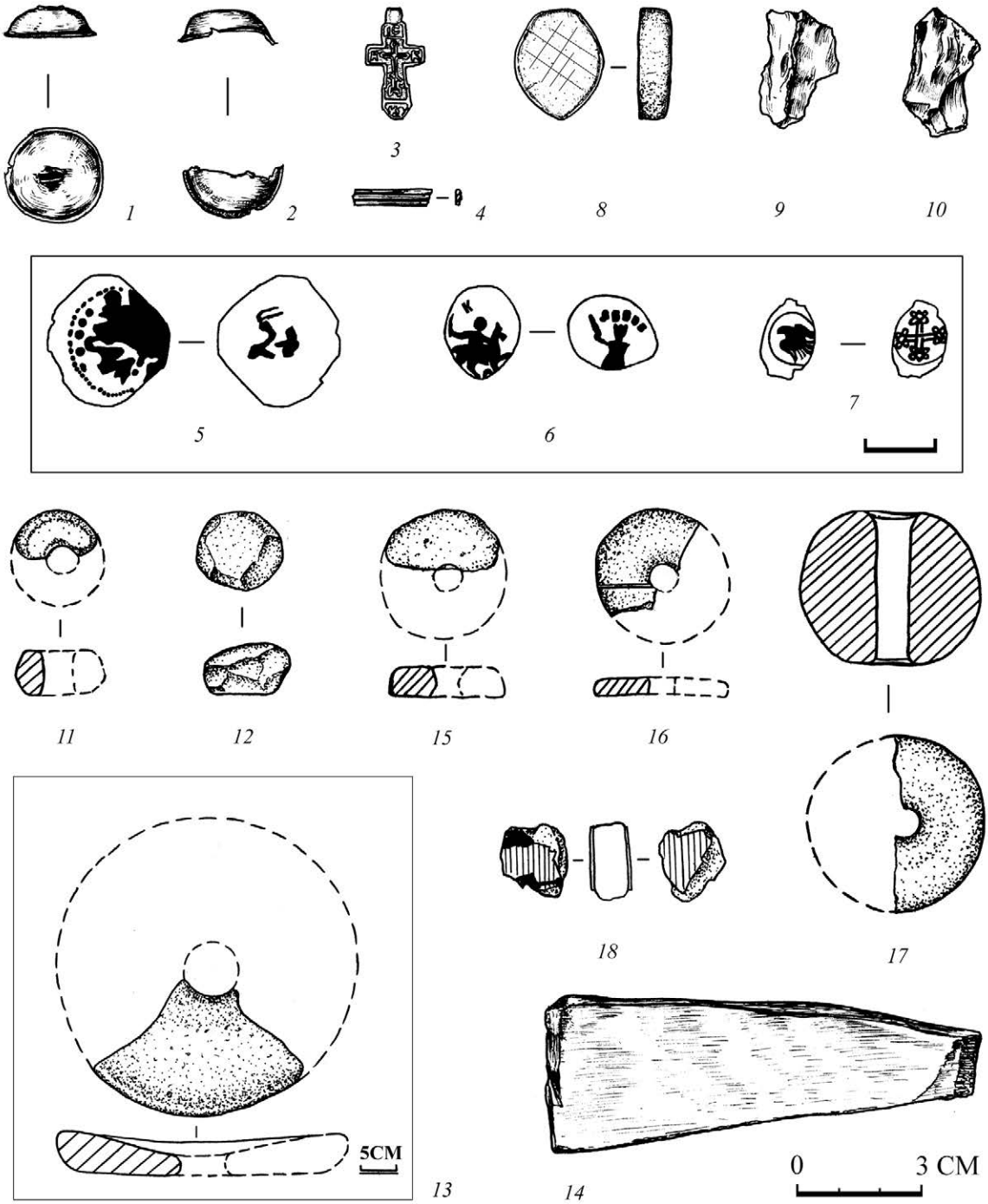

Рис. 77. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из верхней части заполнения (слой 1: *1, 2, 4-7, 9, 10, 14, 15, 18*; слой 1а: *11, 12, 16, 17*; слой 1б: *3, 8, 13*): *1-2* – фрагменты бубенчиков; *3* – крест нательный; *4* – фрагмент перстня; *5* – монета (пуло); *6* – монета (денга Ивана III); *7* – монета (полуденга); *8* – затыльник от рукоятки ножа; *9,10* – кремни кресальные; *11* – фрагмент пряслица; *12* – заготовка для пряслица; *13* – фрагмент жернова от ручной мельницы; *14* – точильный камень; *15* – фрагмент пряслица из стенки красноглиняного сосуда; *16* – фрагмент пряслица из стенки белоглиняного сосуда; *17* – фрагмент рыболовного грузила; *18* – фрагмент стенки кашинного сосуда с чёрной подглазурной росписью и двухсторонней прозрачной бирюзовой поливой. Бронза: *1–4*. Медь: *5*. Серебро: *6, 7*. Рог: *8*. Камень: *9–14*. Керамика: *15–18*

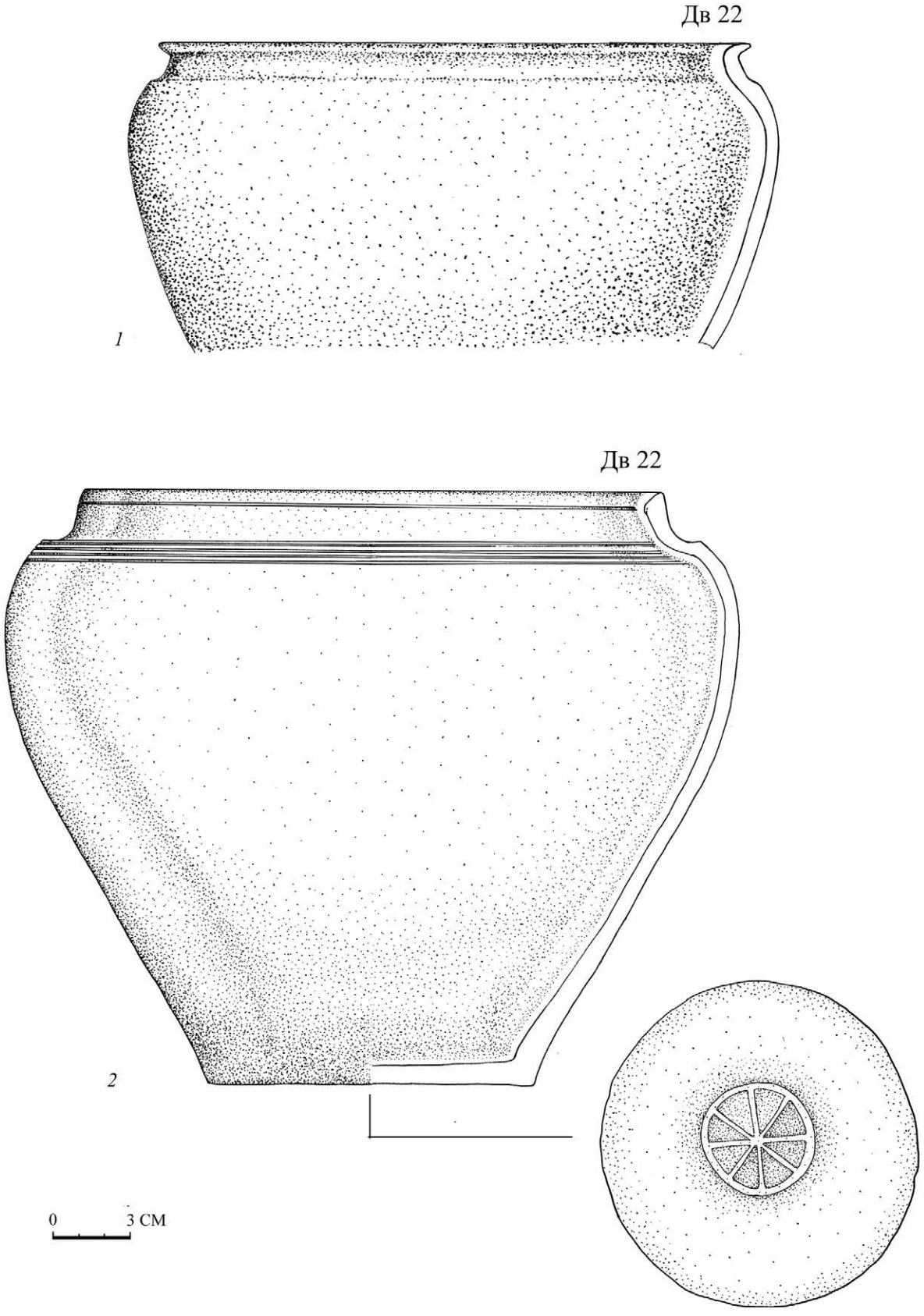

Рис. 78. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Красноглиняная керамика из верхней части заполнения (слой 1а: *1*; слой 1: *2*): с тонким тестом (*1*), с примесью мелкозернистого песка (*2*). *1* – реконструкция верхней части сосуда; *2* – реконструированный горшок (табл. 29, № 13)

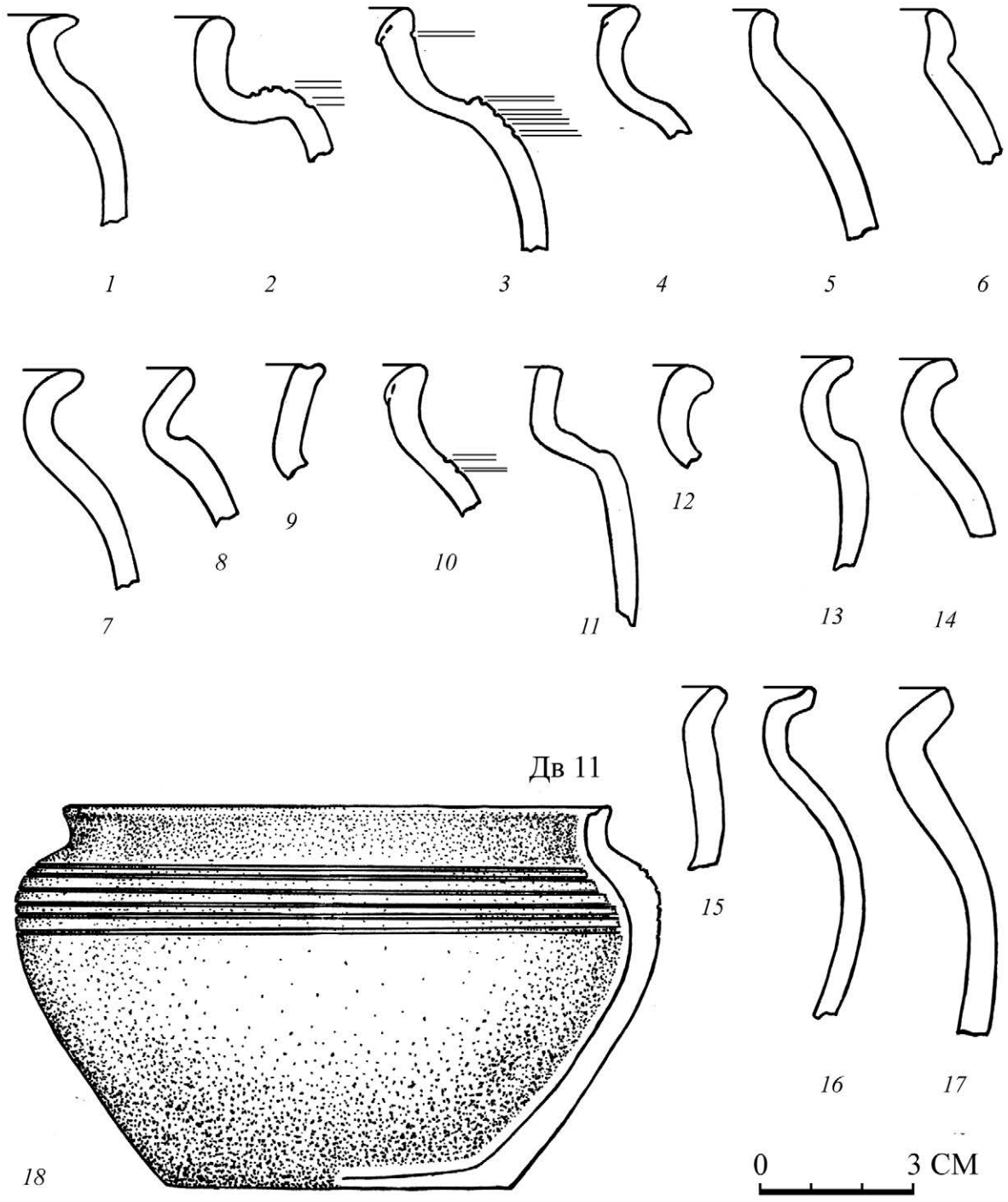

Рис. 79. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Красноглиняная керамика из верхней части заполнения (слой 1: *5-7*; слой 1а: *3, 4, 9, 11, 13–15, 17, 18;* слой 1б: *1, 2, 8, 10, 12, 16*): с тонким тестом или с примесью мелкозернистого песка (*2–5, 7–9, 16, 17*), с примесью крупнозернистого песка (*10, 11, 18*), с примесью частой дресвы (*12–15*), с добавкой толчёной раковины (*1*), толчёной кости (*6*). *1–17* – венчики; *18* – реконструированный горшок (табл. 29, № 25).

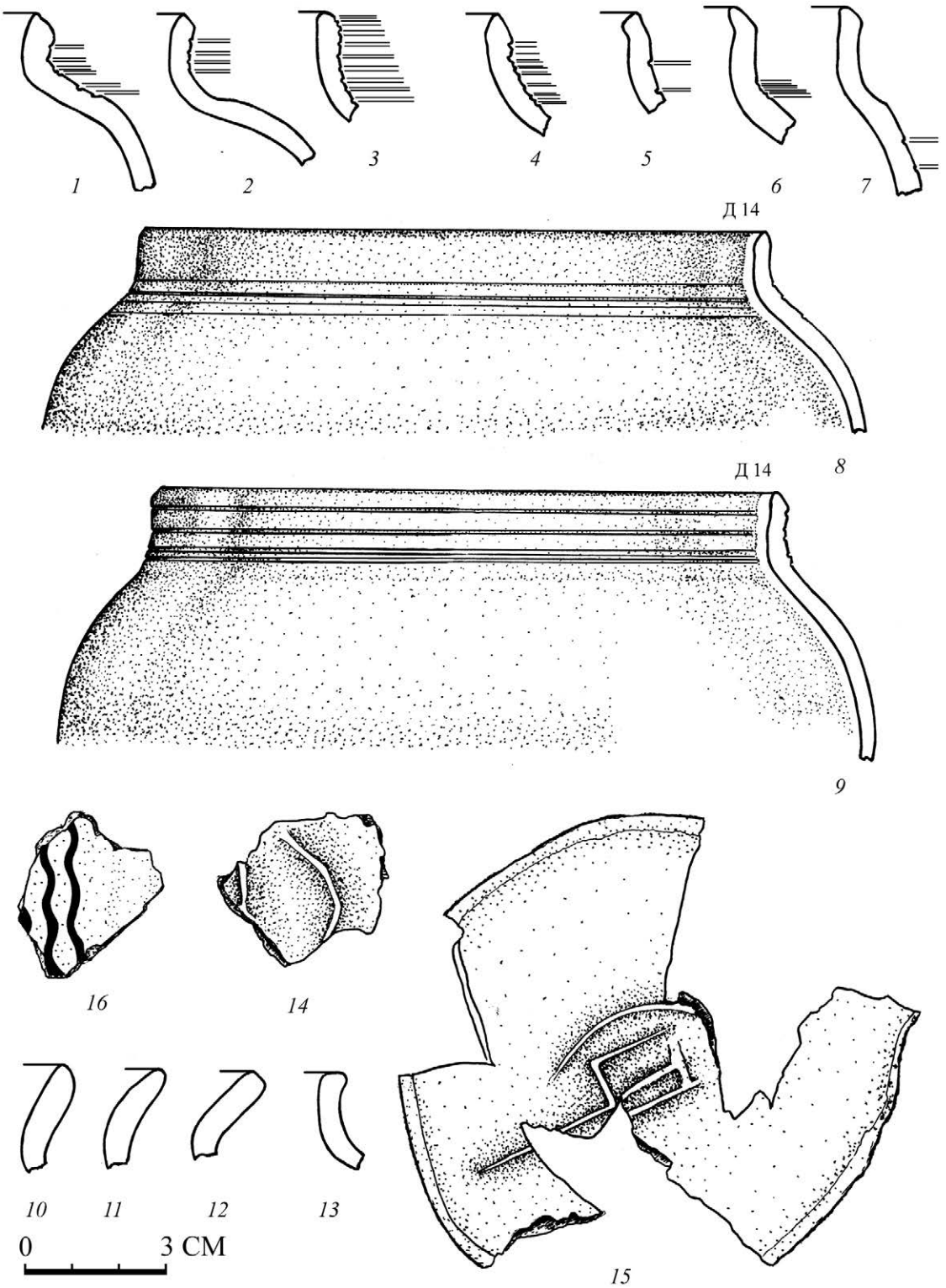

Рис. 80. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Керамика из верхней части заполнения: белоглиняная (*1–15*) и красноглиняная ангобированная с росписью охрой (*16*). Слой 1: *1, 2, 8-10, 12, 13, 16*; слой 1а: *3, 4, 6, 7, 11, 14, 15;* слой 1б: *5*. Белоглиняная керамика с тонким тестом: *1–9, 14*; с частой примесью мелкозернистого песка: *10–12, 15*; с примесью дресвы: *13*. Венчики: *1–13*; донца с клеймами: *14, 15*; фрагмент стенки: *16*.

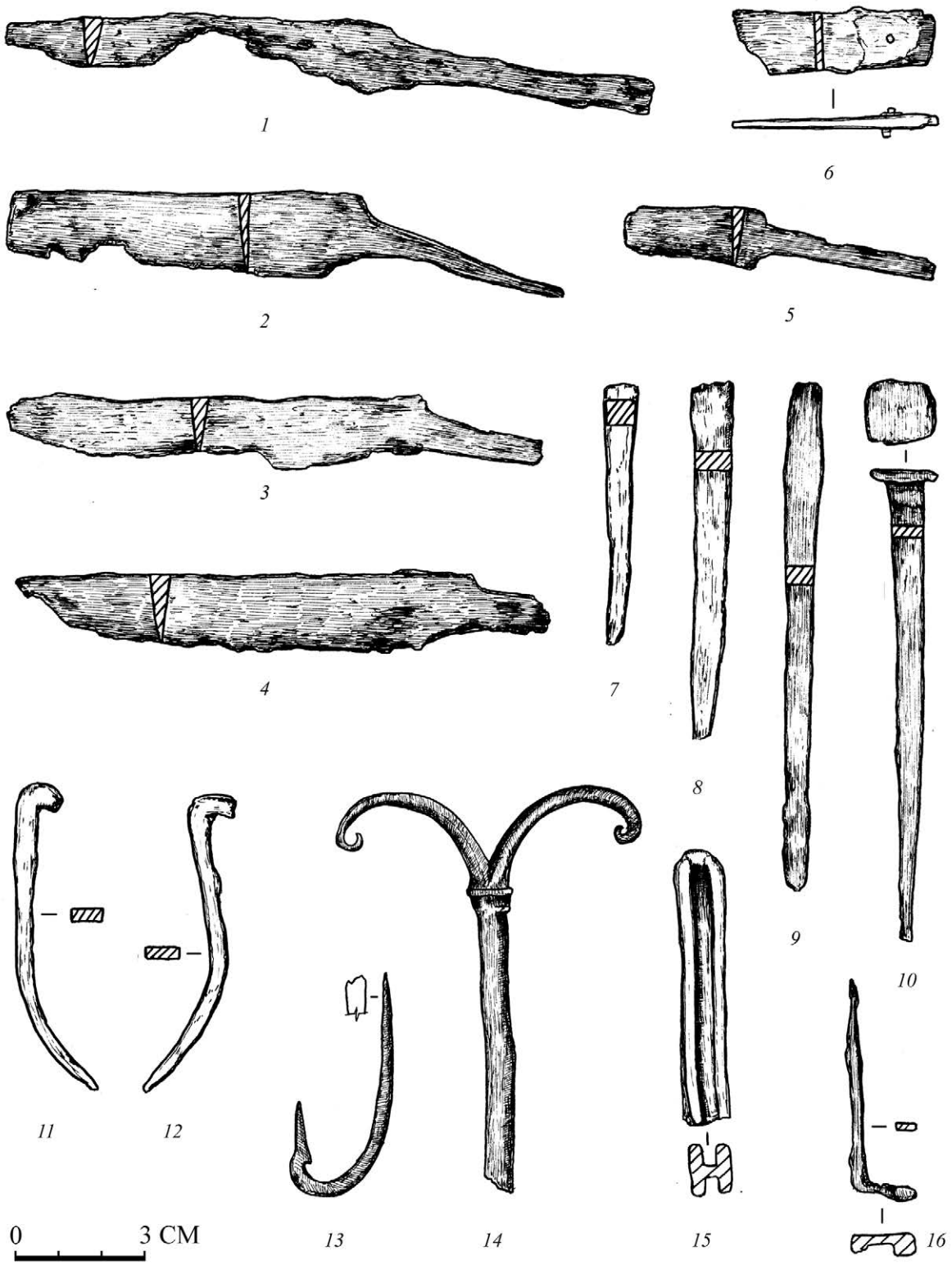

Рис. 81. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из средней части заполнения (слой 2: *1-6, 8*; слой 2а: *7*; слой 2б: *9–16*): *1–6* – ножи; *7–12* – гвозди; *13* – крючок рыболовный; *14* – дверная накладка; *15,16* – фрагменты ключей. Железо: *1–16*

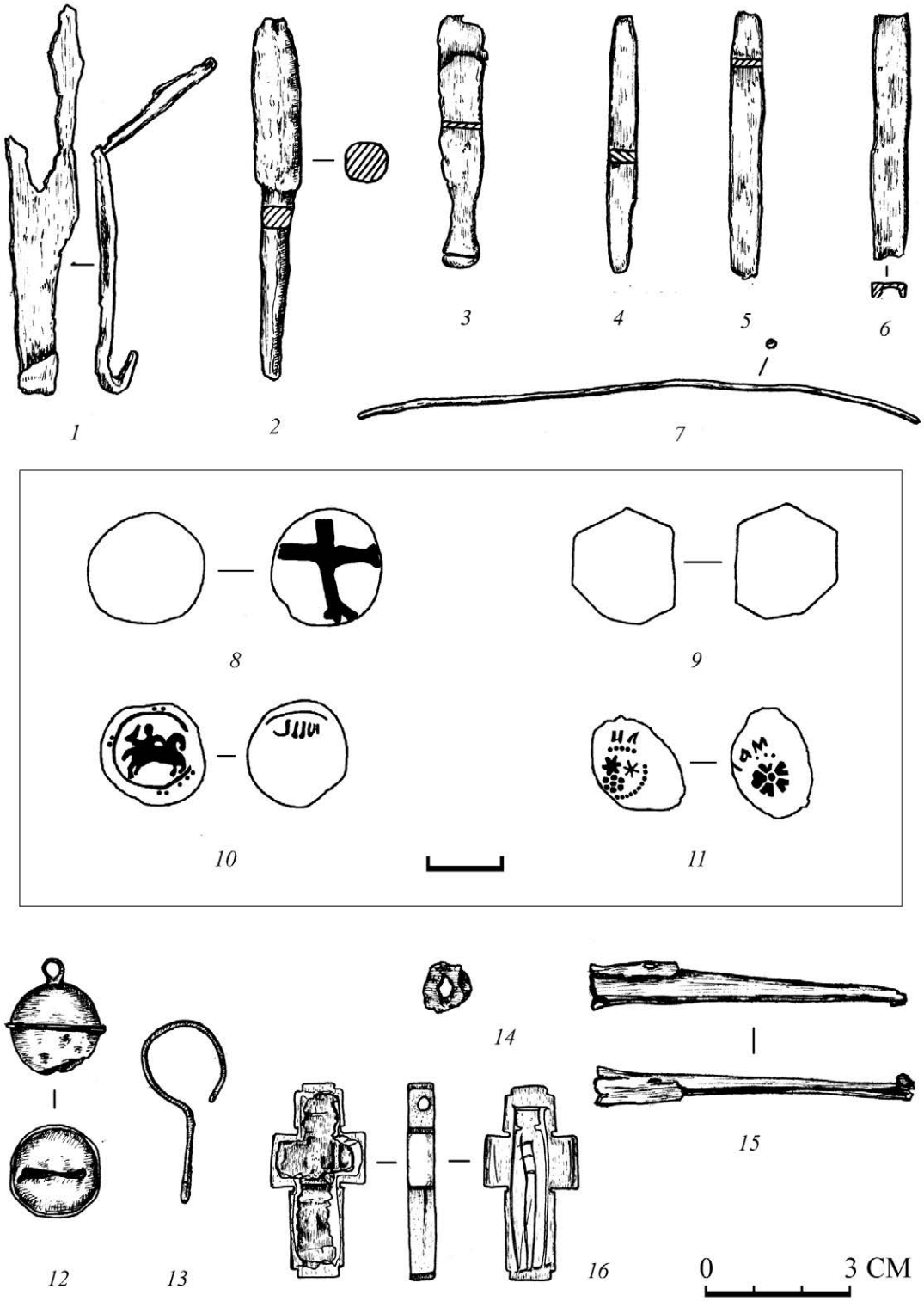

Рис. 82. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из средней части заполнения (слой 2: *7,8,10–12,15,16*; слой 2б: *1–6,9,13,14*): *1–6* – стержни, *7* – провод, *8* – монета (пуло), *9* – монета (пуло), *10* – монета-поддел-ка, *11*– монета (денга Василия Тёмного), *12* – бубенчик-привеска, *13* – серьга, *14* – грузик, *15* – рукоятка ножа, *16* – крест-мощевик. Железо: *1–6.* Бронза: *7, 12, 13, 15*. Медь: *8,9*. Медь+серебро: *10*. Серебро: *11*. Свинец: *14*. Рог: *16*

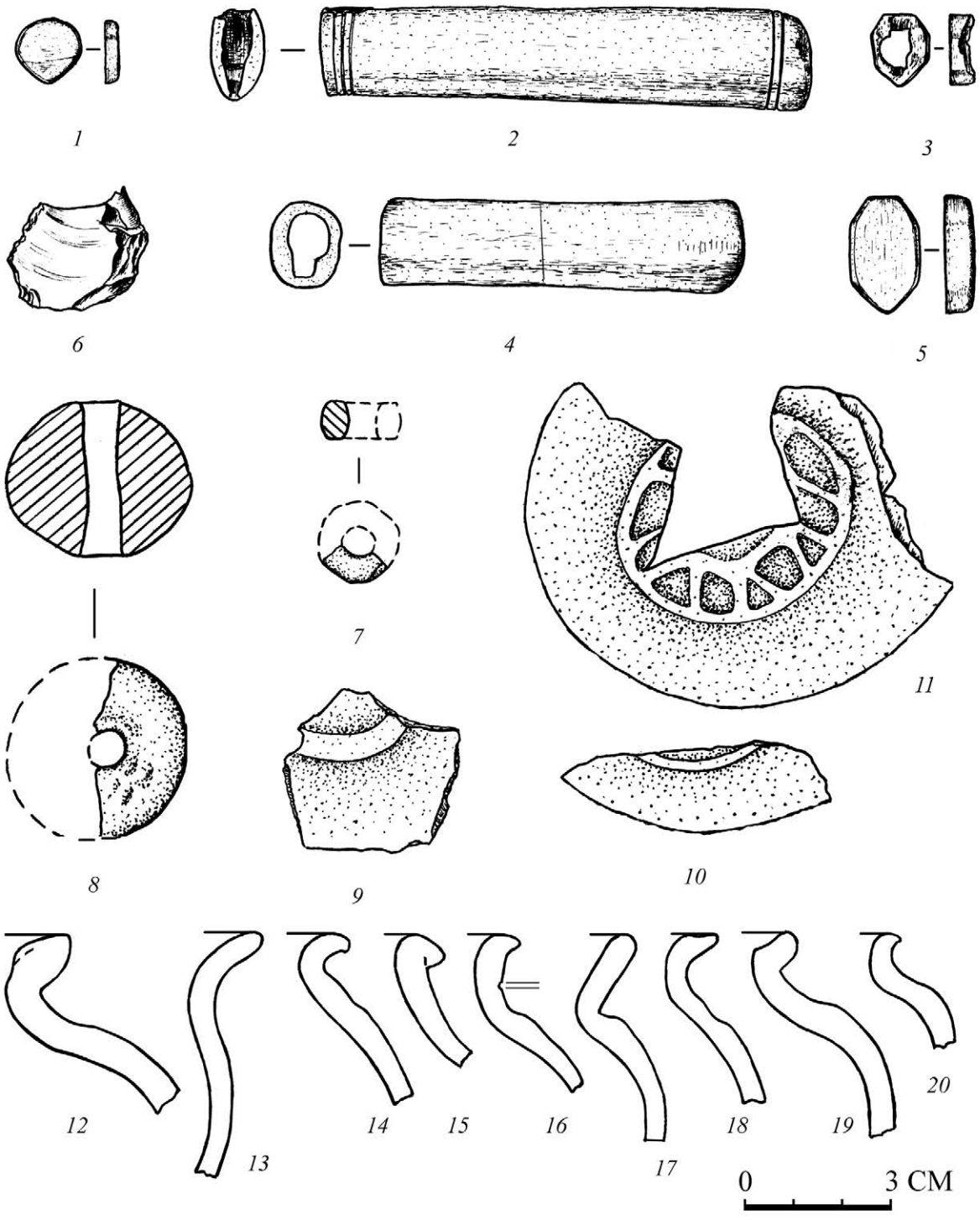

Рис. 83. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из средней части заполнения (слой 2: *2, 4, 6, 10, 11, 15, 16, 19, 20*; слой 2а: *9, 14*; слой 2б: *1, 3, 5, 7, 8, 12, 13, 17, 18*): *1, 5* – затыльники от рукояток ножей; *2, 4* – рукоятки ножей; *3* – обойма от рукоятки ножа; *6* – кремень кресальный; *7* – фрагмент грузила; *8* – фрагмент пряслица; *9–20* – фрагменты днищ с клеймами (*9–11*) и венчиков (*12–20*) красноглиняных гончарных сосудов с примесью дресвы (*9–13*), крупнозернистого песка (*19, 20*), мелкозернистого песка или с тонким тестом (*14–18*). Кость или рог: *1–5*. Камень: *7*. Керамика: *8–20*

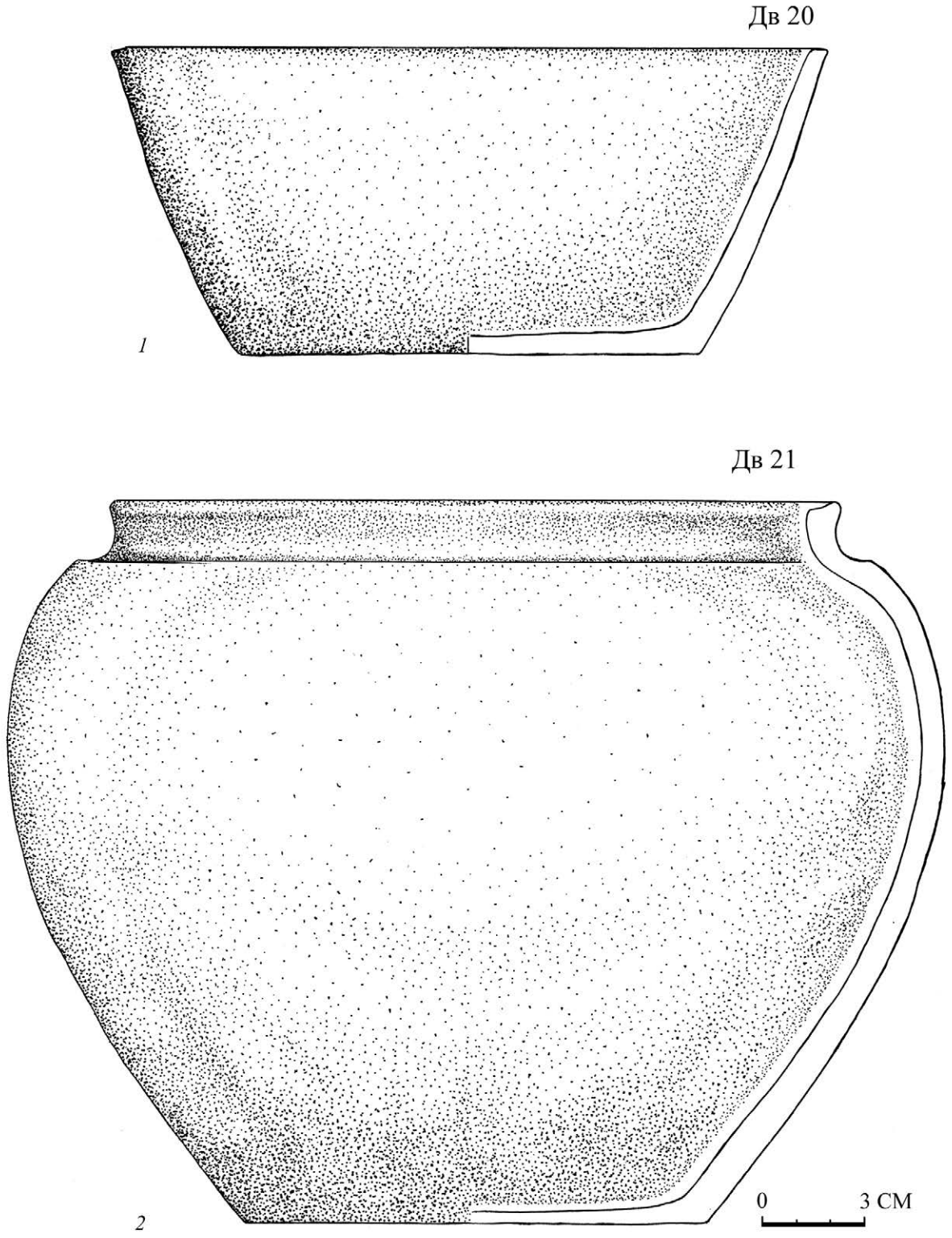

Рис. 84. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Реконструированные гончарные красноглиняные сосуды с примесью дресвы в тесте из средней части заполнения (слой 2): *1* – миска (табл. 29, № 36), *2* – горшок (табл. 29, № 31).

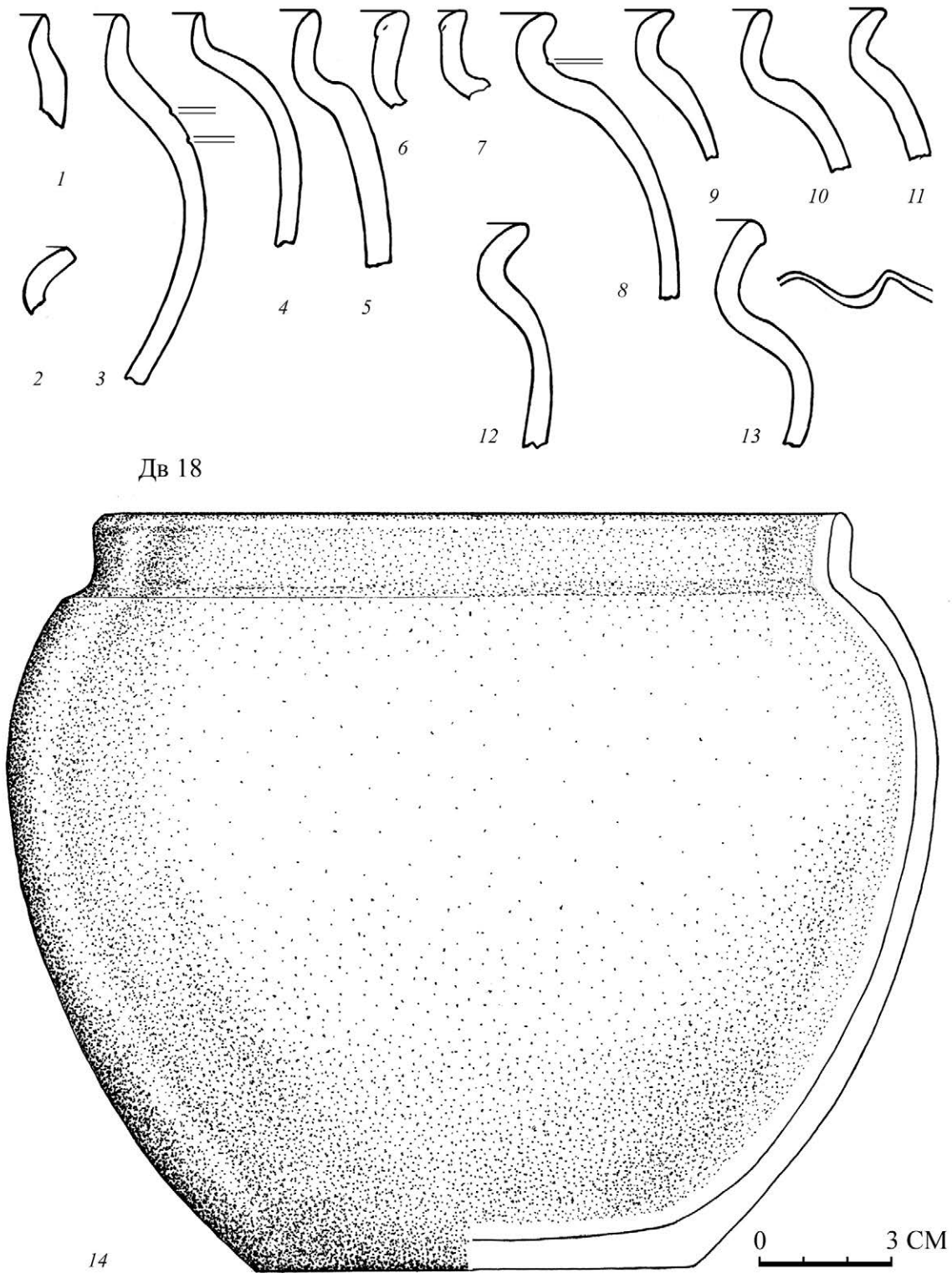

Рис. 85. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Красноглиняная гончарная керамика из средней части заполнения (слой 2: *1, 2, 7, 12, 14*; слой 2а: *11, 13;* слой 2б: *3–6, 8–10*): *1–13* – венчики; *14* – реконструированный горшок (табл. 29, № 11). Тесто тонкое или с примесью мелкозернистого песка: *1, 3–14*; с добавкой железосодержащего шлака: *2*

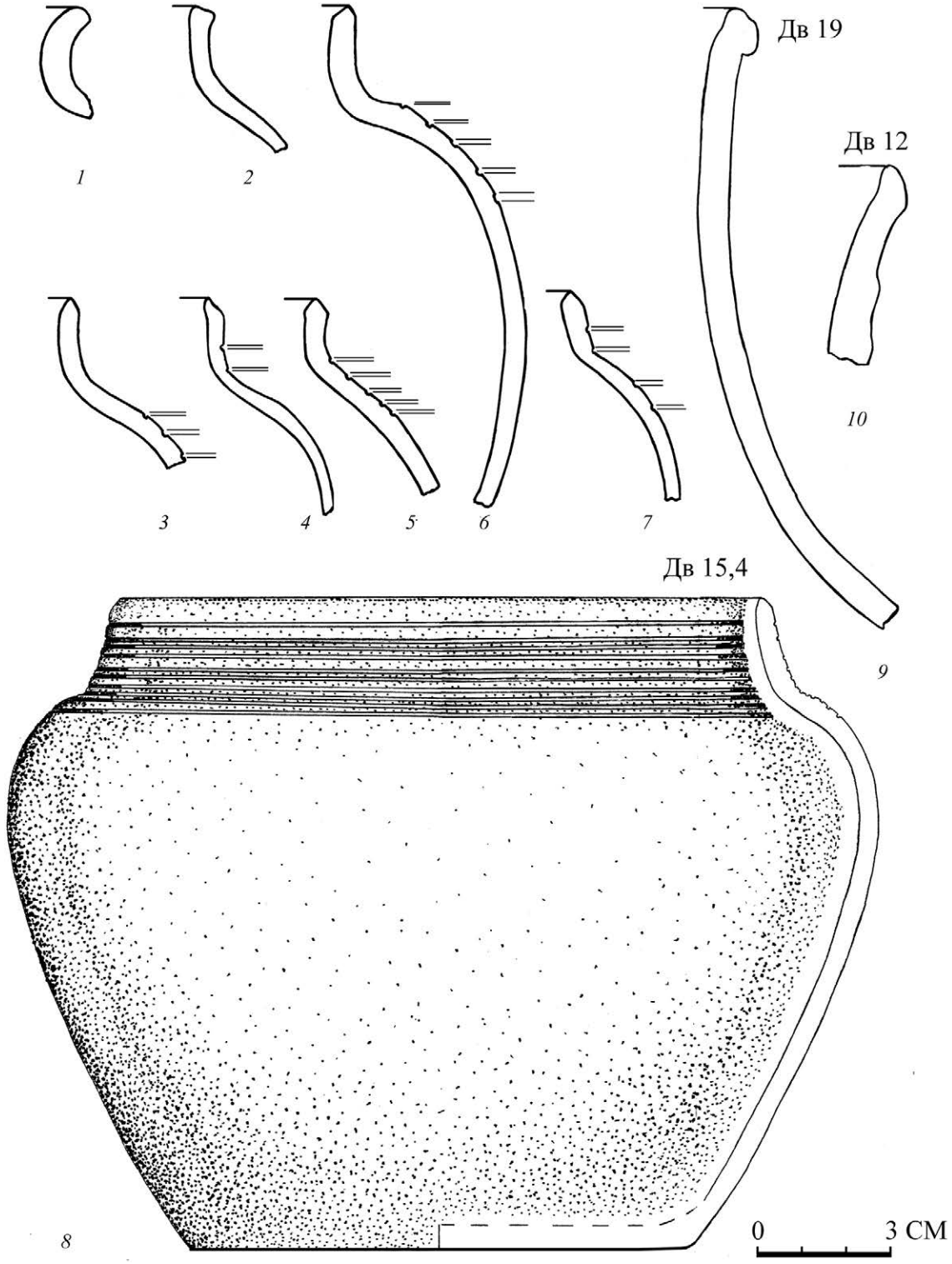

Рис. 86. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Белоглиняная (*1–8*) и краснолощёная (*9, 10*) гончарная керамика из средней части заполнения (слой 2: *7, 8, 10*; слой 2а: *2,6;* слой 2б: *1, 3–5, 9*). Венчики: *1–7, 9, 10*. Реконструированный горшок (табл. 29, № 41): *8*. Белоглиняная керамика: с тонким тестом (*3–8*), с частой примесью мелкозернистого песка (*1*), с примесью дресвы (*2*)

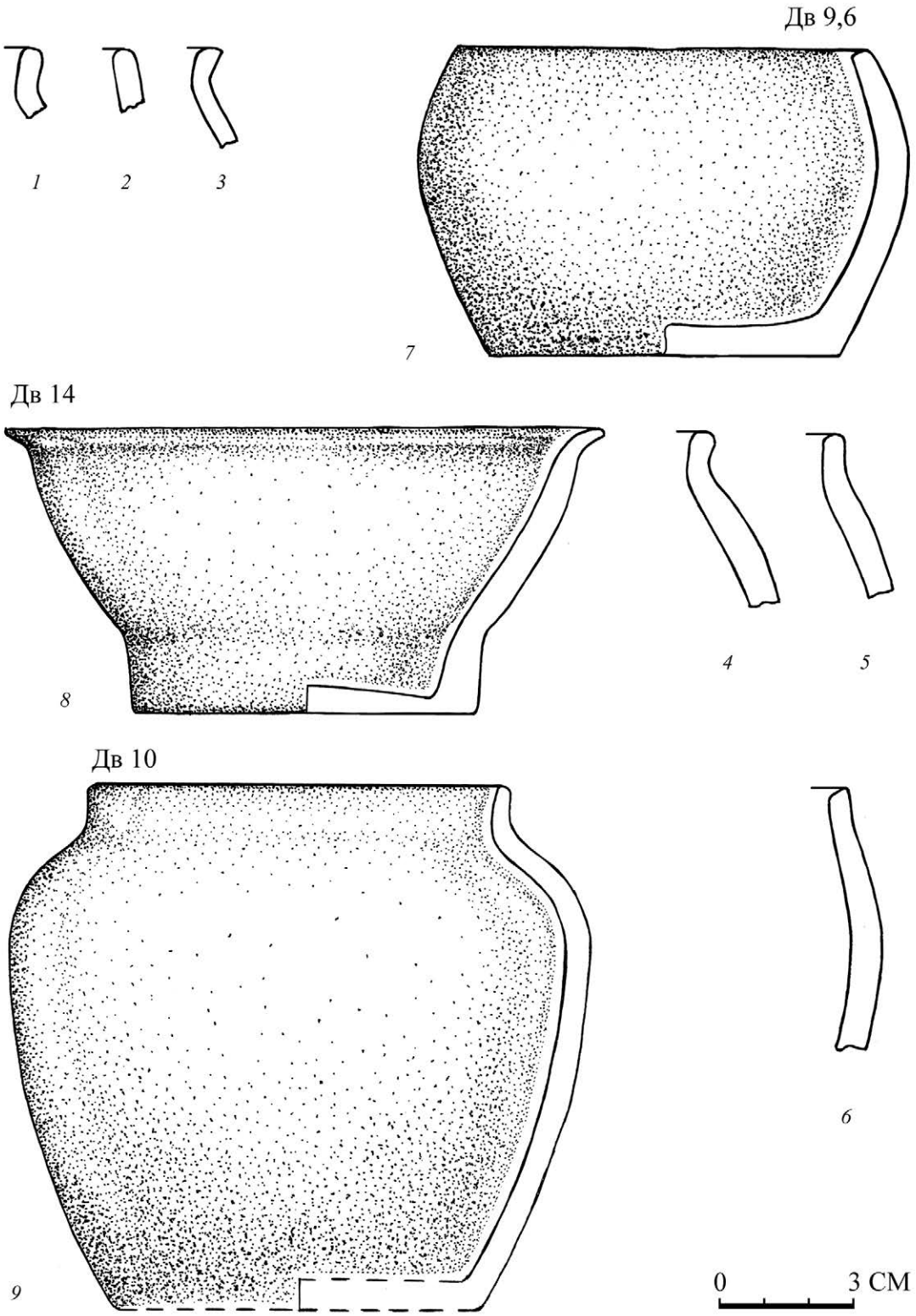

Рис. 87. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Лепная керамика из средней части заполнения (слой 2). Венчики: *1–6*. Реконструированные сосуды: *7* – банка (табл. 29, № 4), *8* – чаша (табл. 29, № 6), *9* – горшок (табл. 29, № 1). Тесто тонкое (*6*) и с примесью шамота (*1–5,7–9*)

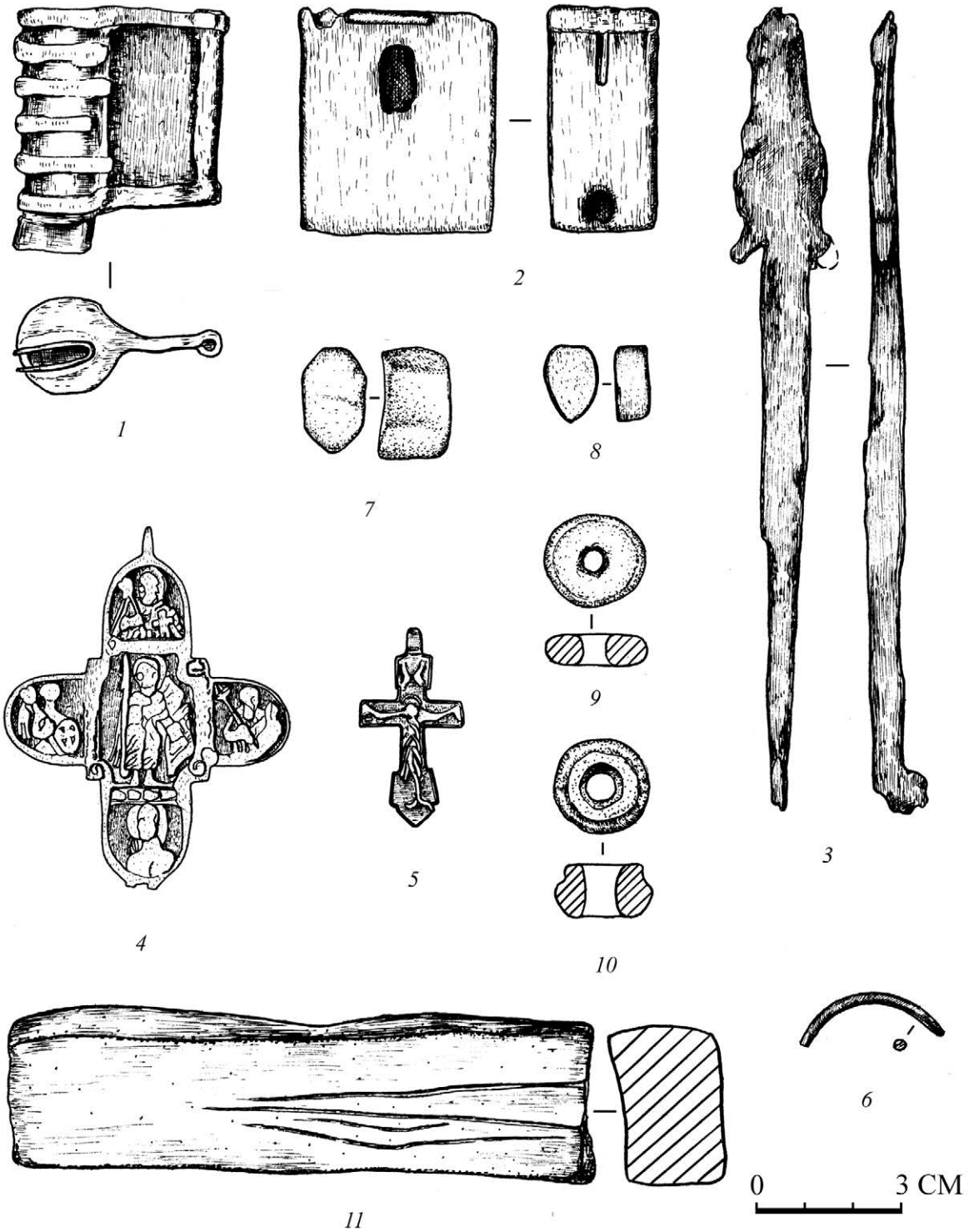

Рис. 88. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Находки из нижней части заполнения (слой 3): замки (*1,2*), острога (*3*), створка энколпиона (*4*), нательный крест (*5*), фрагмент височного кольца (*6*), затыльники от рукояток ножей (*7,8*), пряслица (*9,10*), точильный камень (*11*). Железо: *1–3*. Бронза: *4–6*. Рог: *7,8*. Камень: *9–11*

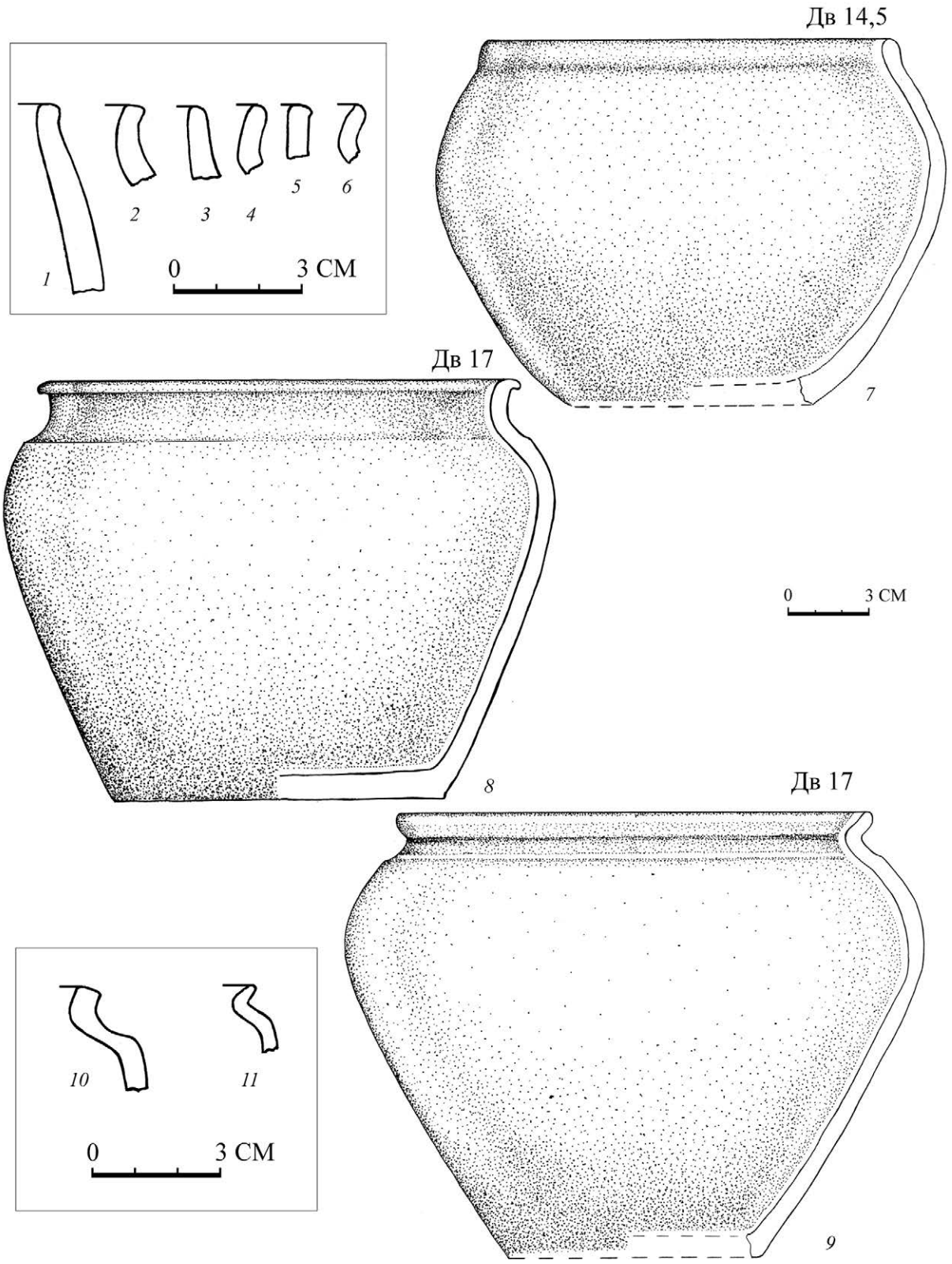

Рис. 89. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Керамика лепная (1–6) и гончарная красноглиняная (7–11) из нижней части заполнения (слой 3). Венчики: *1–6,10,11*. Реконструированные горшки: *7* (табл. 29, № 10), *8* (табл. 29, № 28), *9* (табл. 29, № 18). Тесто с примесью шамота (*1–6*), мелкозернистого песка (*7,9–11*), дресвы (*8*)

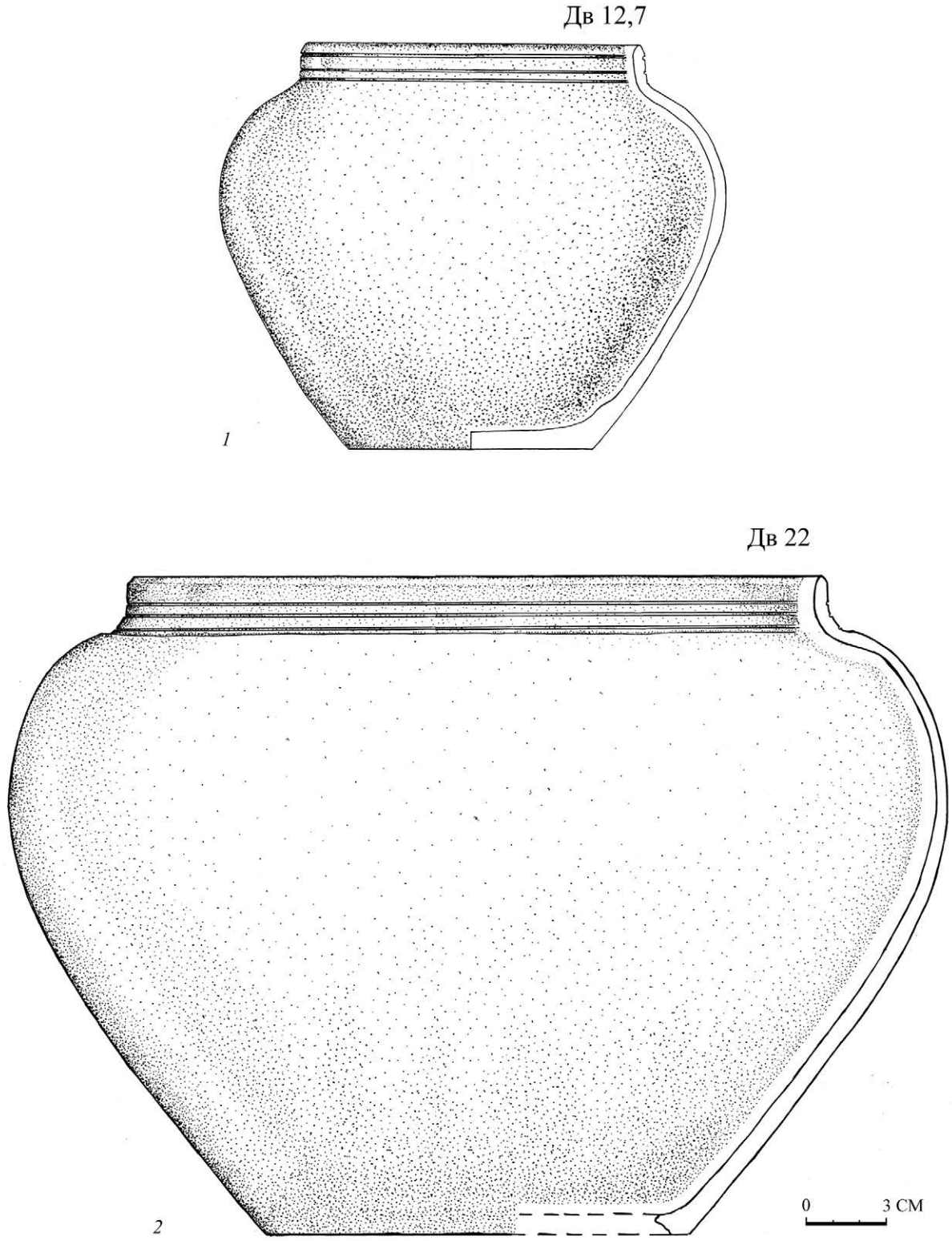

Рис. 90. Городище Городок. Раскоп 2. Яма 1/2. Реконструированные белоглиняные горшки с тонким тестом из нижней части заполнения (слой 3): *1* (табл. 29, № 39), *2* (табл. 29, № 40)

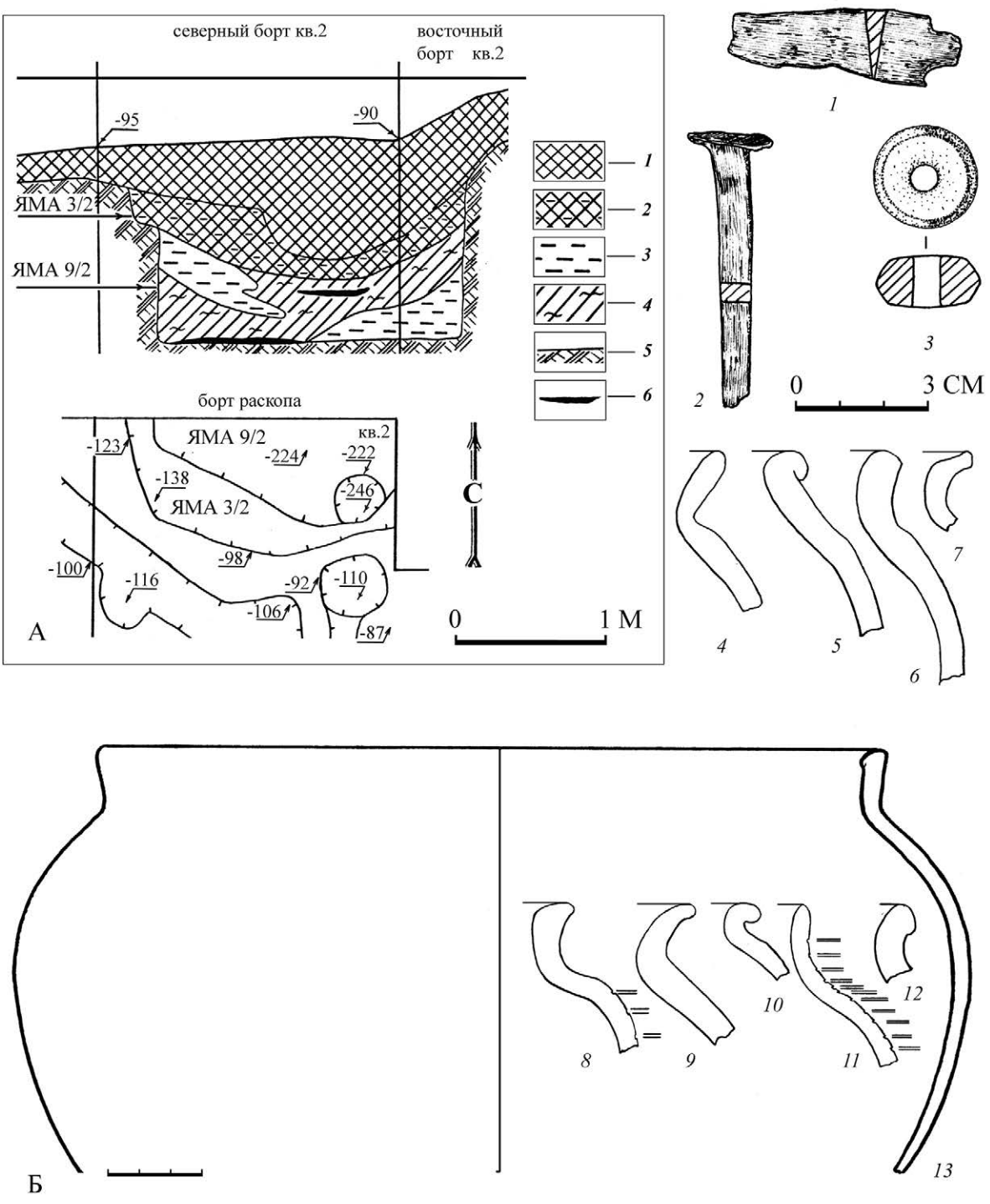

Рис. 91. Городище Городок. Раскоп 2. Комплекс 5. Раскоп 2. Яма 9/2: разрезы и план по материку (А), находки из за полнения (Б).

А. *1* – тёмно-коричневый суглинок (горизонт огородной распашки); *2* – крапчатый грунт заполнения ямы 3/2; *3* – стерильный переотложенный материковый суглинок; *4* – серый слоистый суглинок с включением комков светлого материкового грунта и древесных углей; *5* – материк; *6* – прослойка угля.

Б. *1* – нож; *2* – гвоздь; *3* – пряслице; *4–13* – венчики красноглиняных (*1–10, 12*) и белоглиняных (*11, 13*) сосудов. Тесто с примесью дресвы (*4, 5, 7*), тонкое (*6–12*), с частой примесью песка (*13*). Железо: *1, 2*. Керамика: *3–13*

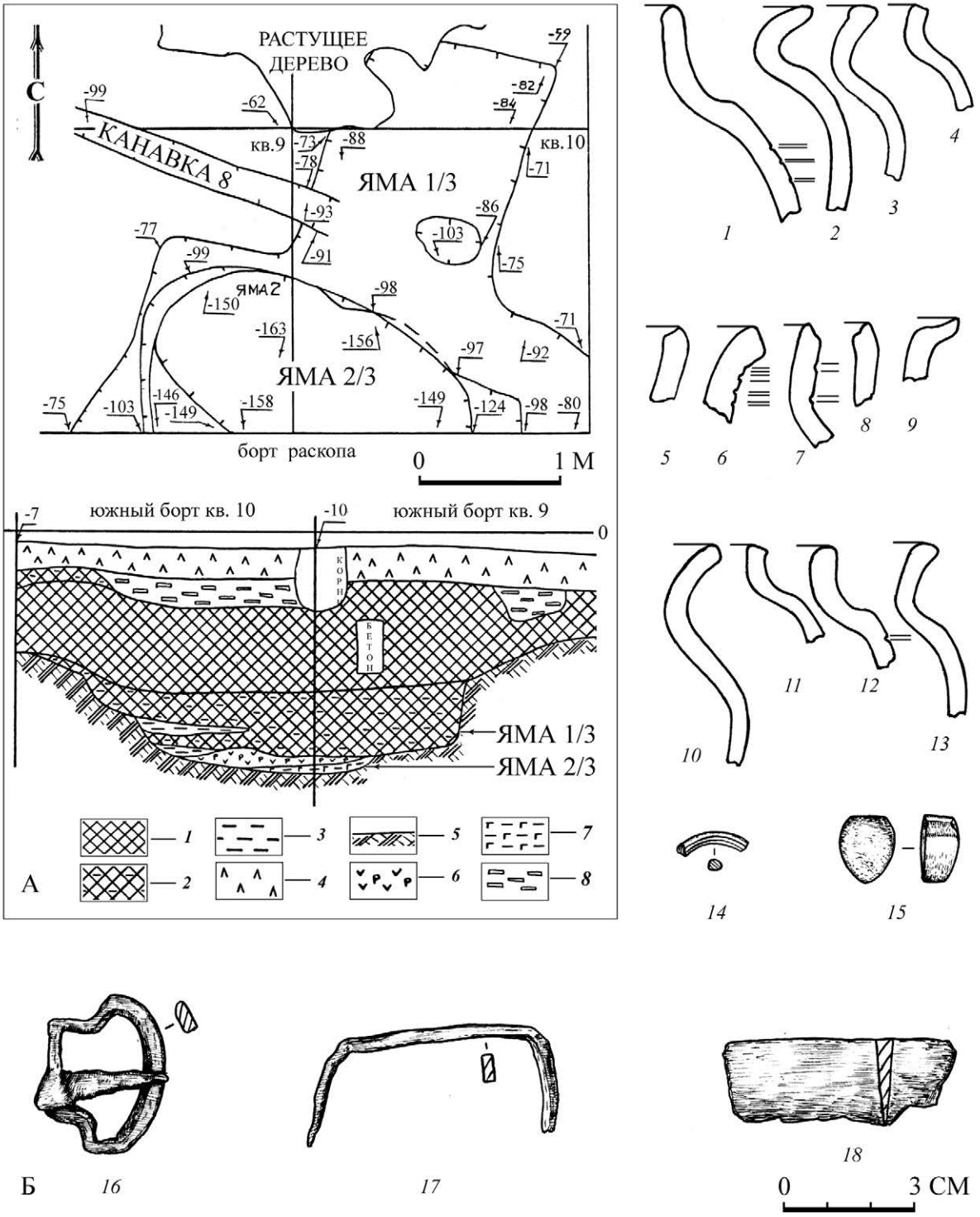

Рис. 92. Городище Городок. Комплекс 6. Раскоп 3. Ямы 2/3 и 1/3: разрезы и план по материку (А), находки из заполнения яма 2/3 (Б).

А. *1* – тёмно-коричневый суглинок (горизонт огородной распашки); *2* – крапчатый грунт заполнения ямы 1/3; *3* – стерильный переотложенный материковый суглинок; *4* – намывной грунт (пульпа); *5* – материк; *6* – рыхлый углистый грунт; *7* – гумусированный суглинок; *8* – кровельный шифер.

Б. *1–13* – венчики красноглиняных (*1, 3–6, 9–13*) и белоглиняных (*2, 7, 8*) сосудов; *14* – фрагмент перстня; *15* – затыльник от рукоятки ножа; *16* – пряжка; *17* – скоба; *18* – фрагмент ножа. Тесто с примесью дресвы (*9*), тонкое или с примесью мелкозернистого песка (*1, 3–8, 10–13*), с частой примесью песка (*9*). Железо: *16–18*. Стекло: *14*. Кость: *15*. Керамика: *1–13*

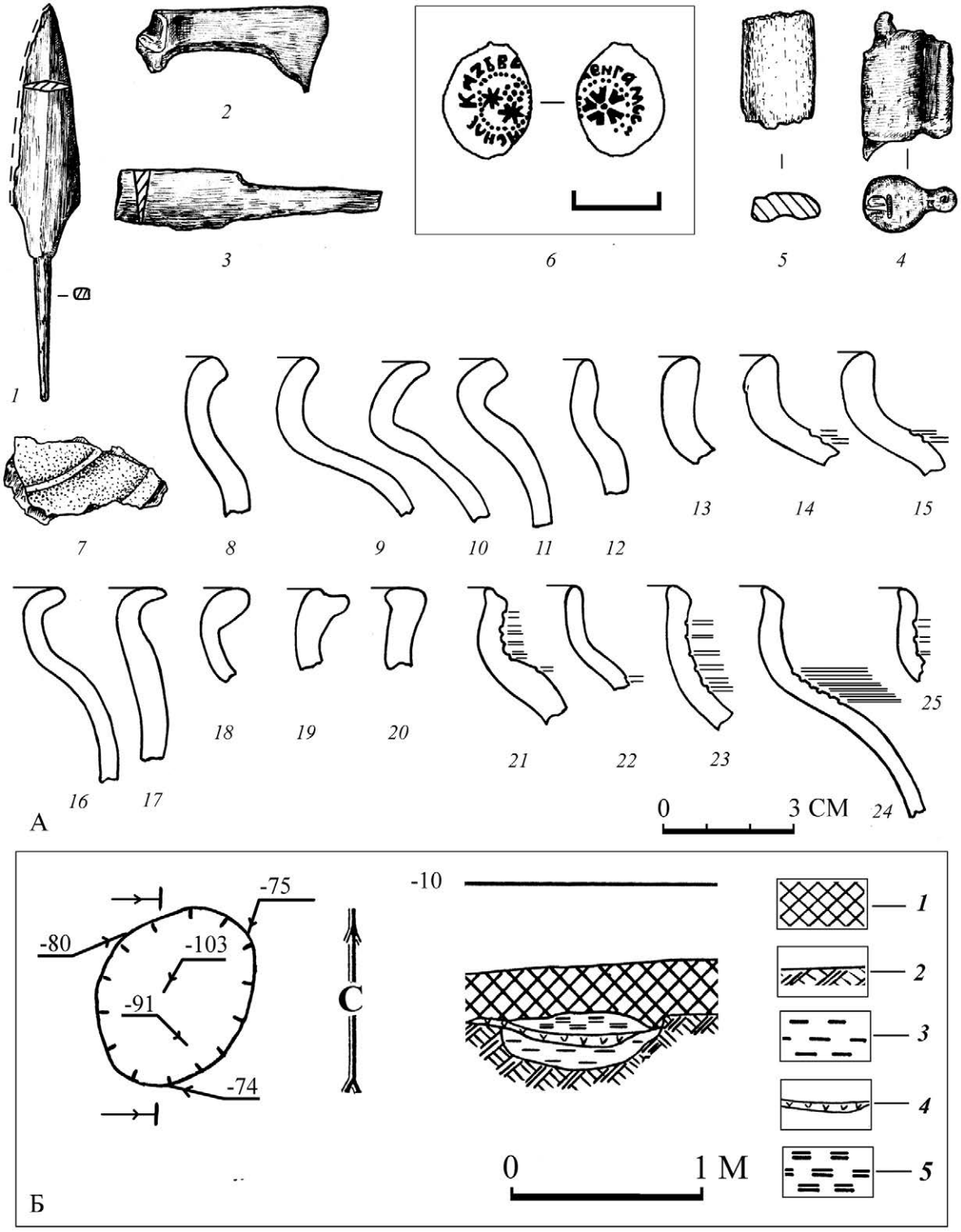

Рис. 93. Городище Городок. Раскопы 1–3. Комплексы 6 (А) и 7 (Б).

А. Находки из ямы 1/3: *1* – наконечник стрелы; *2* – фрагмент дужки от замка; *3* – нож; *4* – замок; *5* – фрагмент кочедыка; *6* – монета Василия II; *7* – фрагмент днища с клеймом; *8–25* – фрагменты красноглиняных (*8–20*) и белоглиняных (*21–25*) венчиков сосудов. Тесто с примесью дресвы (*19, 20*), тонкое или с примесью мелкозернистого песка (*8–18,*). Железо: *1–4*. Серебро: *6*. Кость: *5*. Керамика: *8–25*.

Б. Яма 10/1. План и разрез. *1* – тёмно-коричневый суглинок (горизонт огородной распашки); *2* – материк; *3* – стерильный переотложенный материковый суглинок; *4* – прослойка углей; *5* – обожжённый суглинок

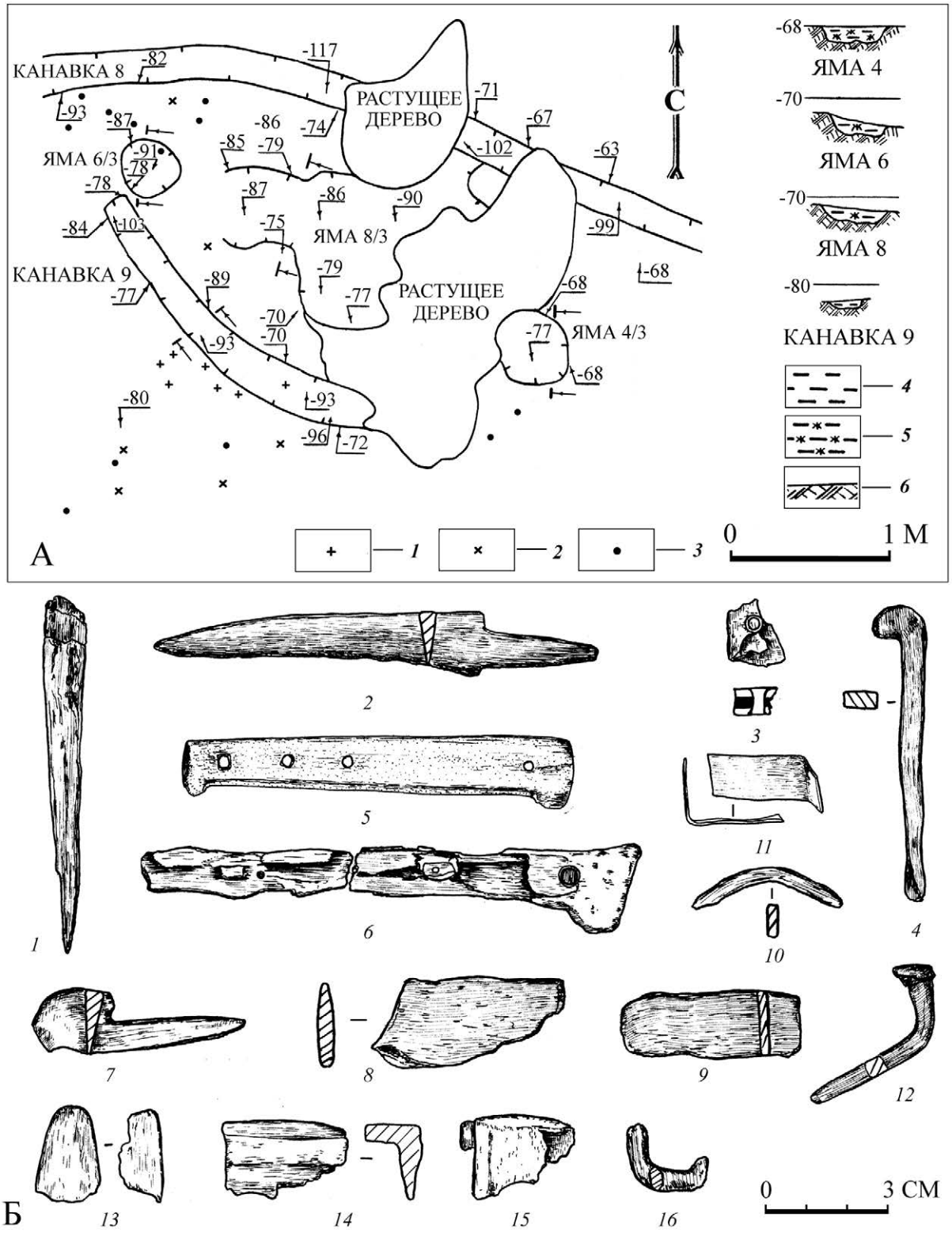

Рис. 94. Городище Городок. Комплекс 8. Раскоп 3. Ямы 4/3, 6/3, 8/3, канавка 9: разрезы и план по материку (А), находки (Б).

А. *1* – крупный железосодержащий шлак; *2* – фрагменты железных замков; *3* – железные стержни и пластины; *4* – стерильный переотложенный материковый суглинок; *5* – жёлтый обожжённый суглинок; *6* – материк.

Б. *1, 10, 15* – стержни; *2, 6, 7* – ножи; *3* – фрагмент рукоятки ножа; *4, 12* – гвозди; *5* – обкладка рукояти ножа; *8, 9, 11* – пластины; *13* –15 – фрагменты замков. Железо: *1–4, 6–10, 12–14*. Бронза: *11*. Кость: *5*.

Яма 4/3: *2*. Яма 8/3: *1*. Канавка 9: *3–5*. Находки из перекрывающей прослойки средневекового культурного слоя: *6–16*

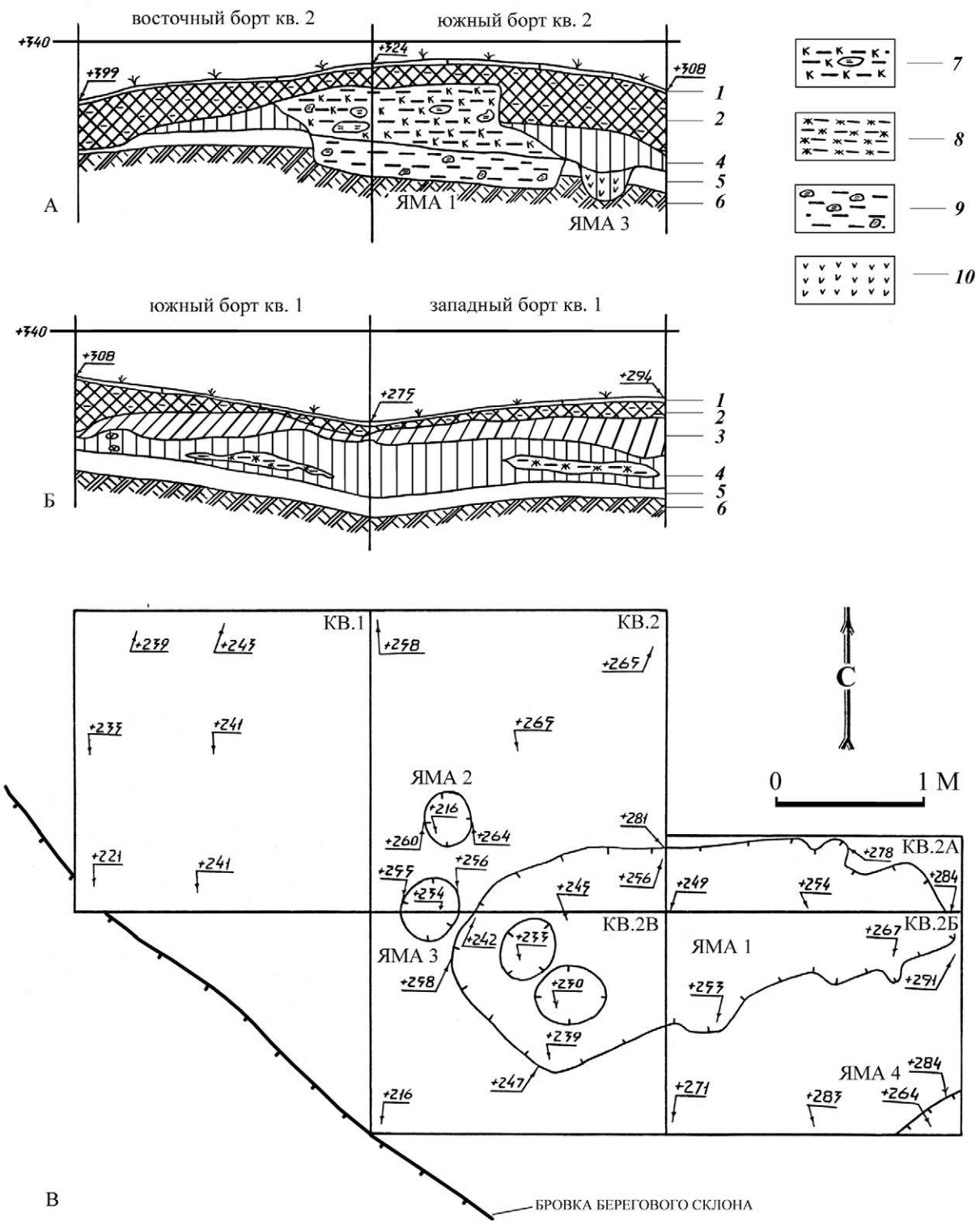

Рис. 95. Городище Городок. Шурф 2. Стратиграфия отдельных участков бортов (А, Б) и план по материку (В).

1 – дёрн; *2* – крапчатый переотложенный материковый суглинок, насыщенный мелкими комками серого гумусированного грунта (верхний горизонт); *3* – стерильный однородный коричневый суглинок (средний горизонт); *4* – чёрный угленасыщенный рыхлый грунт, насыщенный средневековой керамикой, костями животных и рыб (нижний горизонт); *5* – стерильный белесоватый суглинок (переходный почвенный горизонт А1А2); *6* – бурый стерильный четвертичный суглинок (материк); *7* – грунт развала глинобитной печи; *8* – жёлтый обожжённый суглинок; *9* – переотложенный материковый суглинок с включением крошки печины; *10* – древесный уголь

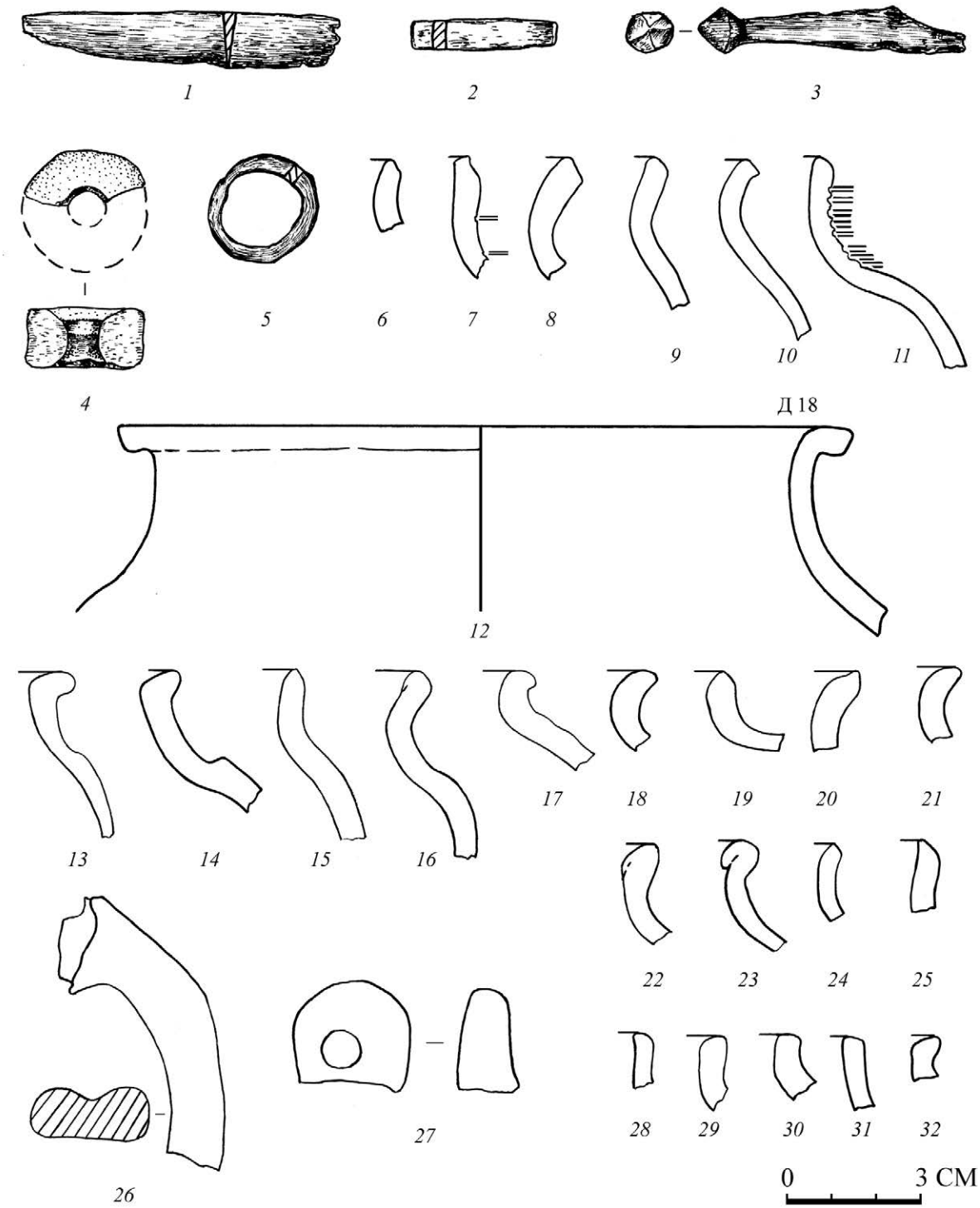

Рис. 96. Городище Городок. Шурф 2. Находки и керамика из верхнего горизонта:

1 – нож; *2* – стержень; *3* – шип от шпоры (?); *4* – пряслице; *5* – пряжка; *6–32* – венчики (*6–25, 28–32*) и ручек (*26, 27*) керамических сосудов. Красноглиняная гончарная керамика с преобладанием тонких формовочных масс или с примесью мелкозернистого песка в тесте: *13, 15–22, 24, 25, 27*; с примесью дресвы: *12, 14, 23, 26*. Лепная керамика с примесью шамота: *28–32*. Железо: *1, 2, 3, 5*. Камень: *4*

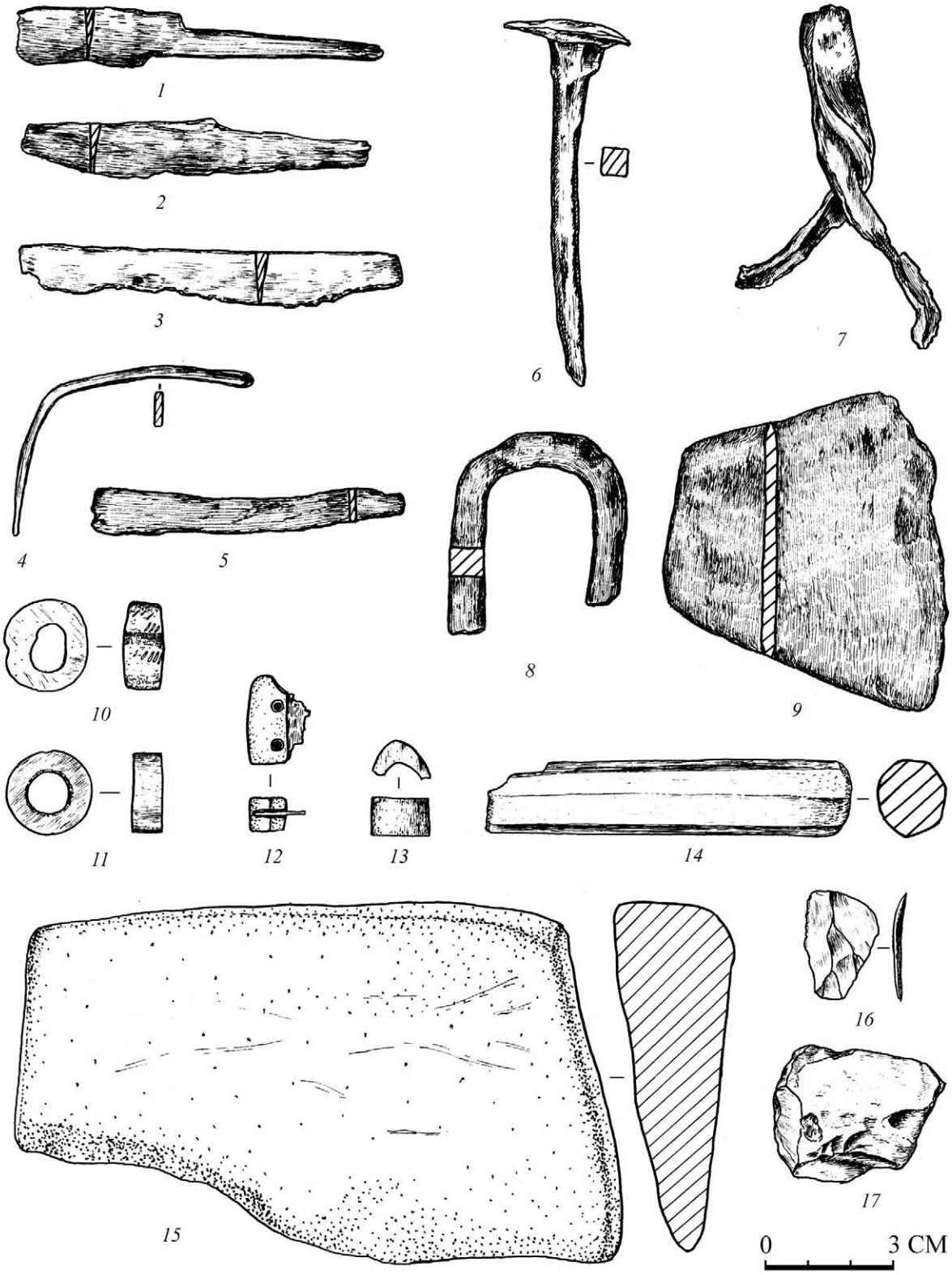

Рис. 97. Городище Городок. Шурф 2. Находки из нижнего горизонта: *1–3* – ножи; *4–5* – скобы; *6* – гвоздь; *7* – крюк для вытягивания рыболовных сетей; *8* – стержень; *9* – пластина; *10–11* – муфты; *12* – неопределённый предмет; *13* – фрагмент обоймы от рукоятки ножа; *14* – рукоятка; *15* – точильный камень; *16* – отщеп; *17* – кресальный кремень.

Железо: *1–9*. Кость: *10, 11, 13, 14*. Кость+железо+бронза: *12*. Камень: *15–17*

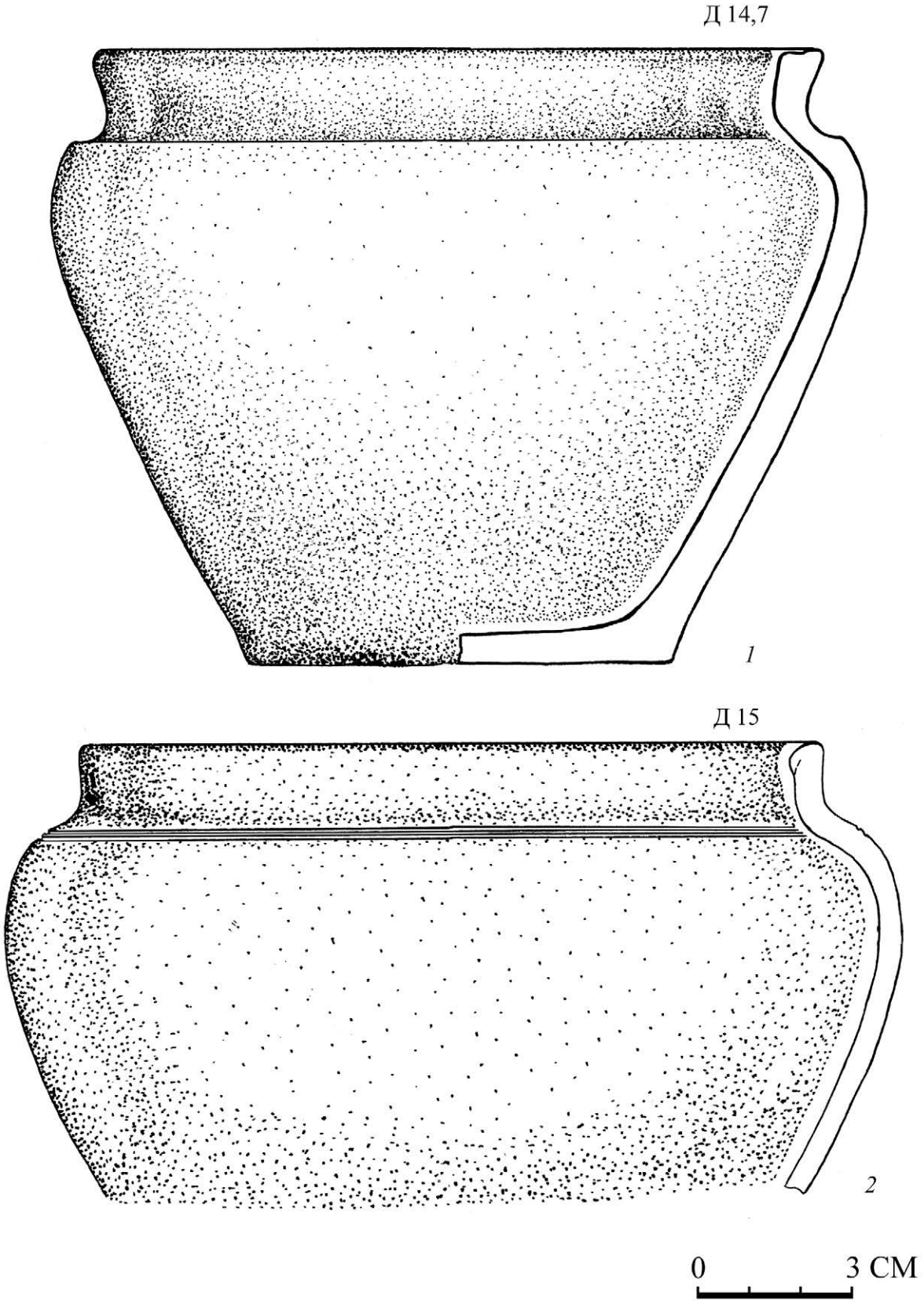

Рис. 98. Городище Городок. Шурф 2. Красноглиняные гончарные горшки из нижнего горизонта. Тесто с примесью редкой дресвы: *1* (табл. 29, № 32); с примесью мелкозернистого песка: *2*

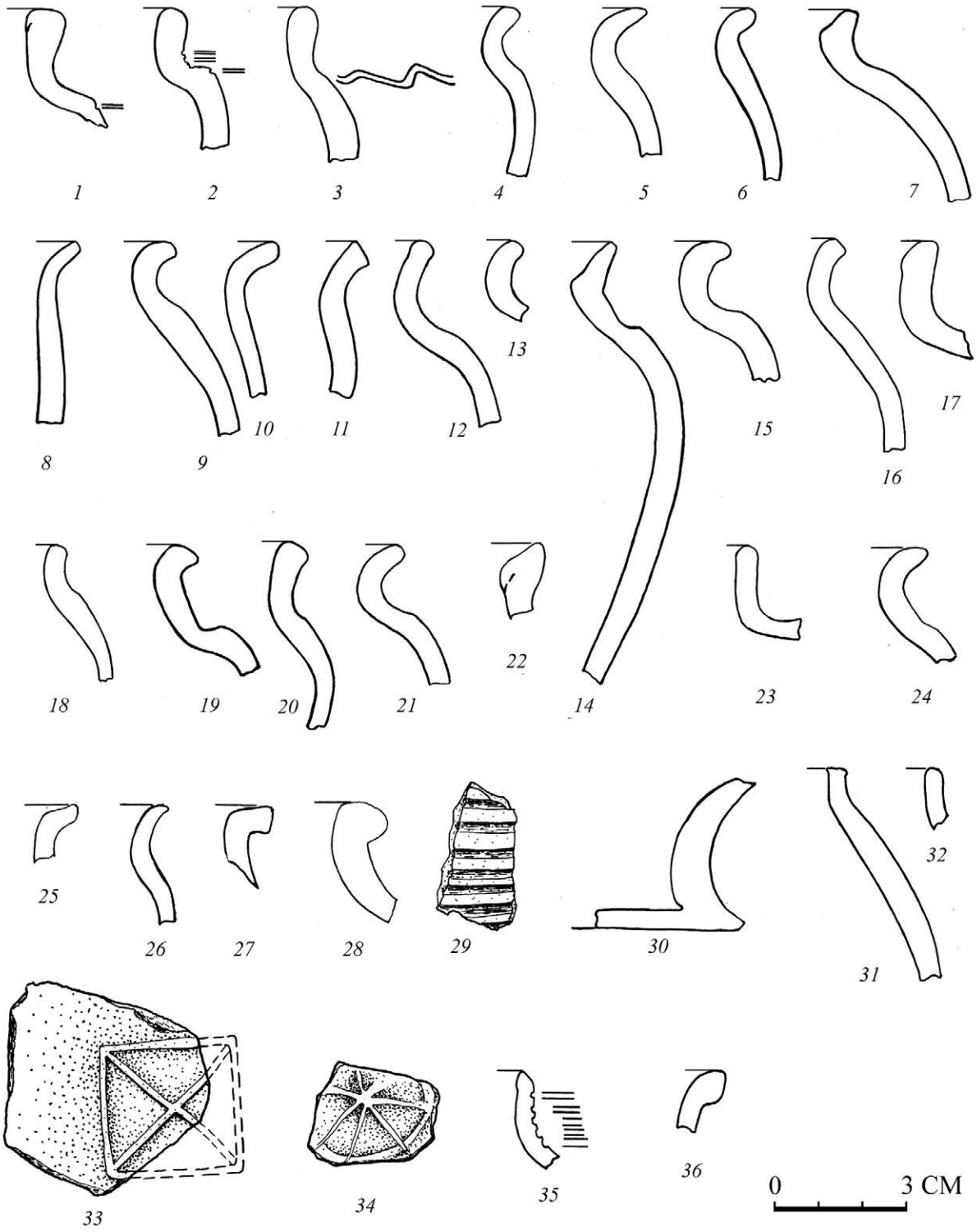

Рис. 99. Городище Городок. Шурф 2. Венчики (*1–28, 31, 32, 35, 36*), фрагменты стенок (*29*), днищ (*30, 33, 34*) керамических сосудов из нижнего горизонта. Красноглиняная гончарная с преобладанием тонких формовочных масс или с примесью мелкозернистого песка в тесте: *1–14, 16, 17, 22–26*; с примесью дресвы: *15, 18–21, 27*. Краснолощёная: 28, 29. Красноглиняная с белым ангобом: *30*. Белоглиняная с тонким тестом: 35, 36; с частой примесью мелкозернистого песка: *33, 34*. Лепная с примесью шамота: *31, 32*

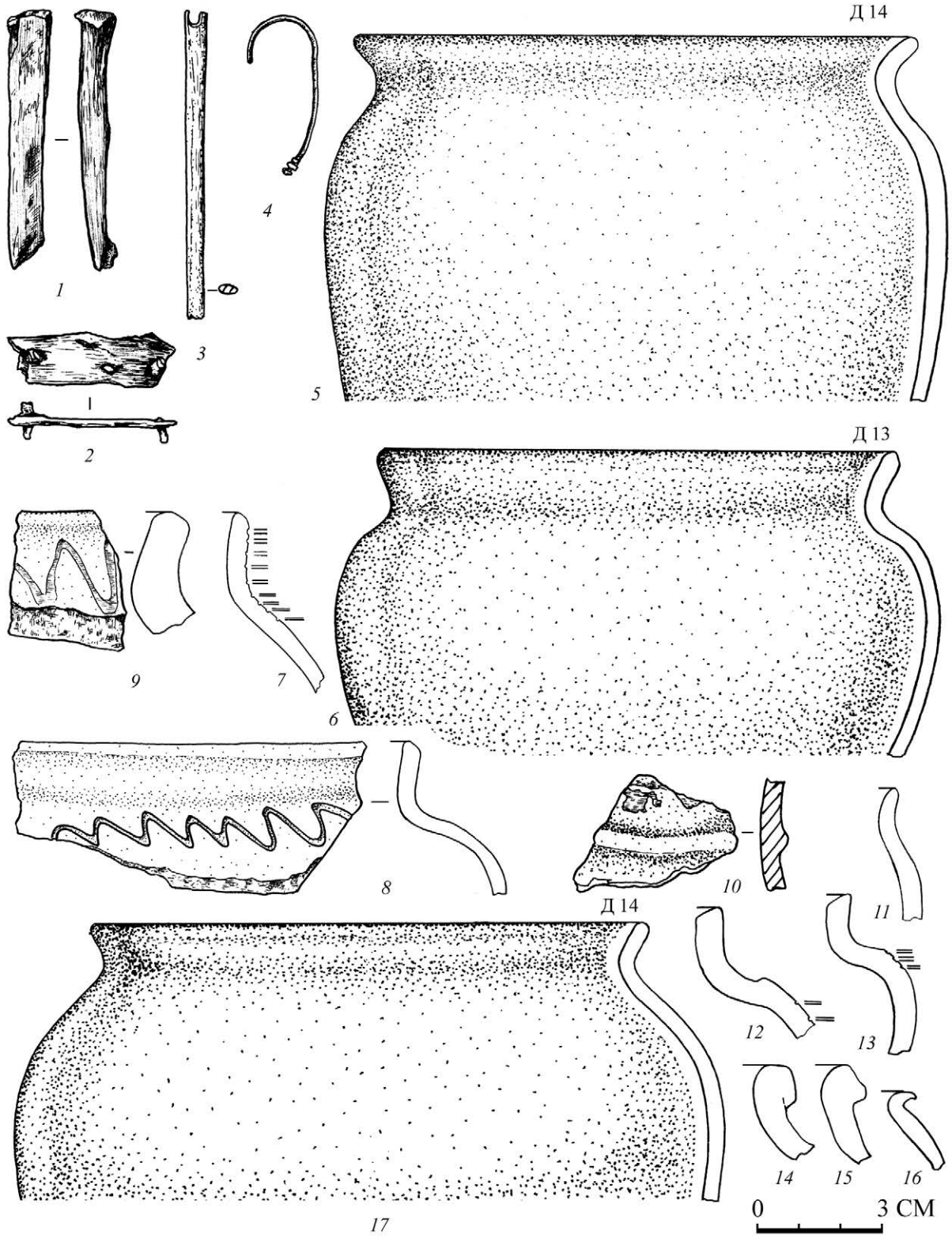

Рис. 100. Городище Городок. Шурф 2. Находки (*1–4*) и керамика (*5–17*) из ямы 1: *1* – стержень; *2* – фрагмент ножа; *3* – игла; *4* – серьга; *5, 6, 17* – реконструкции верхних частей гончарных горшков; *7–9, 11–16* – венчики; *10* – фрагмент стенки поливного сосуда. *Красноглиняная* гончарная с преобладанием тонких формовочных масс или с примесью мелкозернистого песка в тесте: *12, 13*; с примесью дресвы: *14–16*. *Краснолощёная*: *9*. *Белоглиняная* с тонким тестом: *7*; с частой примесью мелкозернистого песка: *5, 6, 8, 17*. *Лепная* с примесью шамота: *11*

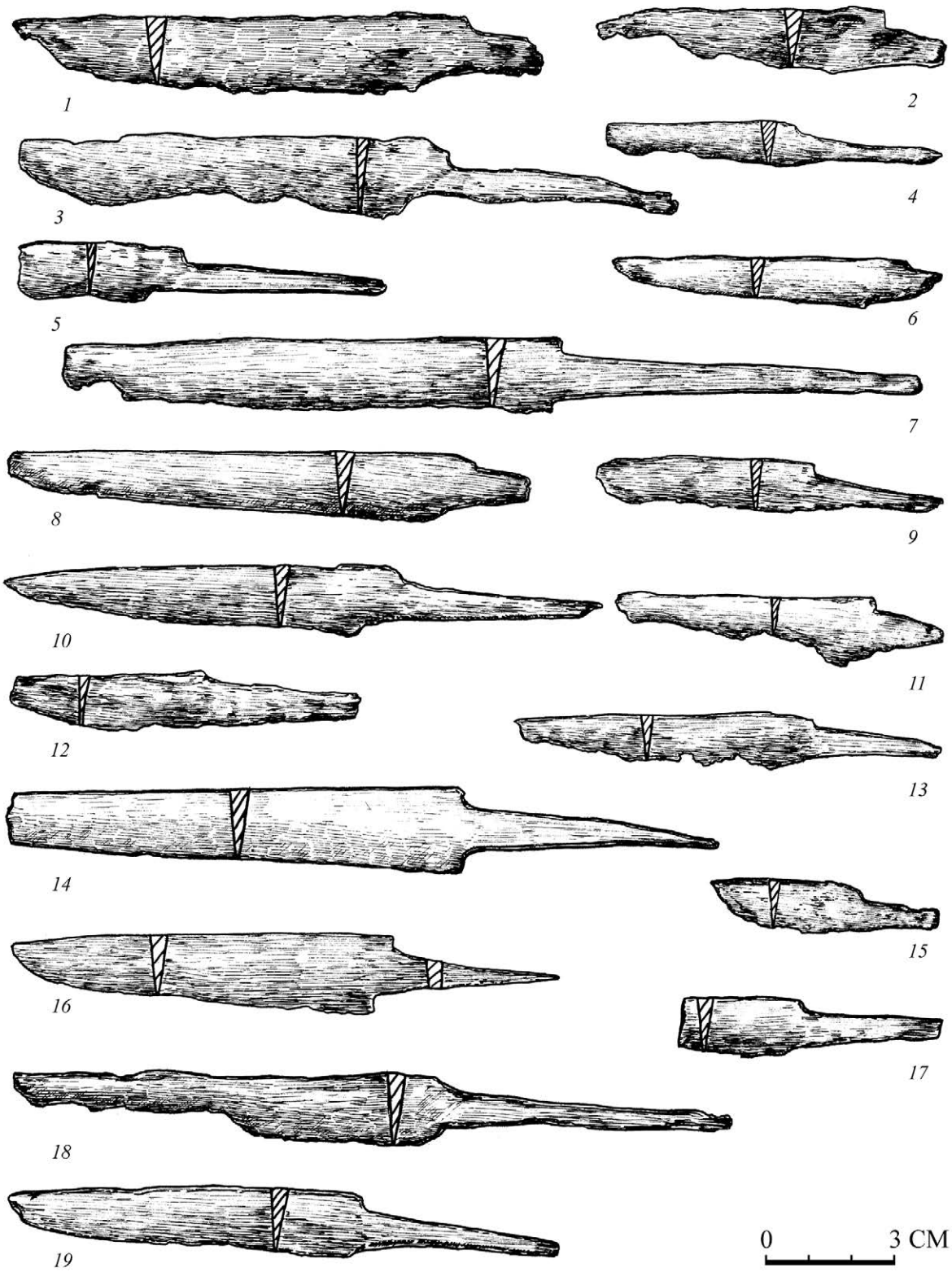

Рис. 101. Городище Городок. Железные черенковые ножи.

1 – Р2-Я1-2, *2* – Р2-3-4, *3* – Р1-Я1В-1б, *4* – Р1-1-8, *5* – Ш2-4-2А, *6* – Р1-Я2-2б, *7* – Р3-3-8, *8* – Р1-Я1А-2, *9* – Р2-2-4, *10* – Р1-Я1А-2, *11* – Р1-2-4А, *12* – Ш2-5-1, *13* – Р3-3-1, *14* – Р1-Я2-1, *15* – Р3-6-9, *16* – Р3-3-5, *17* – Р3-9-10, *18* – Р1-Я2-1, *19* – Р1-Я1А-2

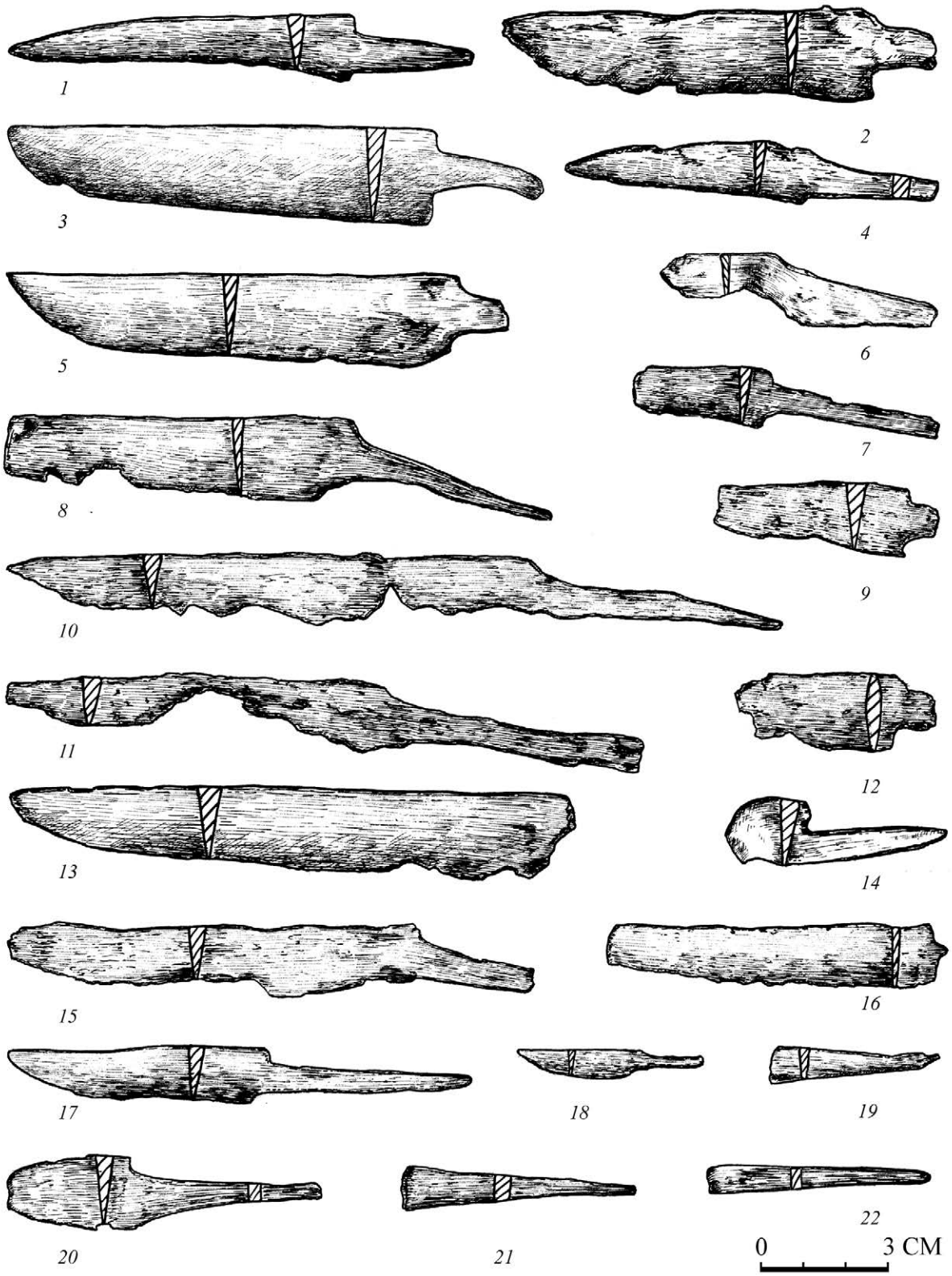

Рис. 102. Городище Городок. Железные черенковые ножи и их фрагменты.

1 – Р3-Я4, *2* – Р1-Я2-3, *3* – Р1-1-5, *4* – Р1-Я2-1, *5* – Р1-Я2-3, *6* – Р2-2-2, *7* – Р1-Я1-2, *8* – Р2-Я1-2, *9* – Р2-Я9, *10* – Р2-Я1-1б, *11* – Р2-Я1-2, *12* – Р2-Я2-3, *13* – Р1-5-1А, *14* – Р3-3-7, *15* – Р2-Я1-2, *16* – Р2-Я2-3, *17* – Р2-Я2-1, *18* – Р3-3-8, *19* – Р1-2-10, *20* – Р3-3-7, *21* – Р2-Я2-4а, *22* – Р3-3-8

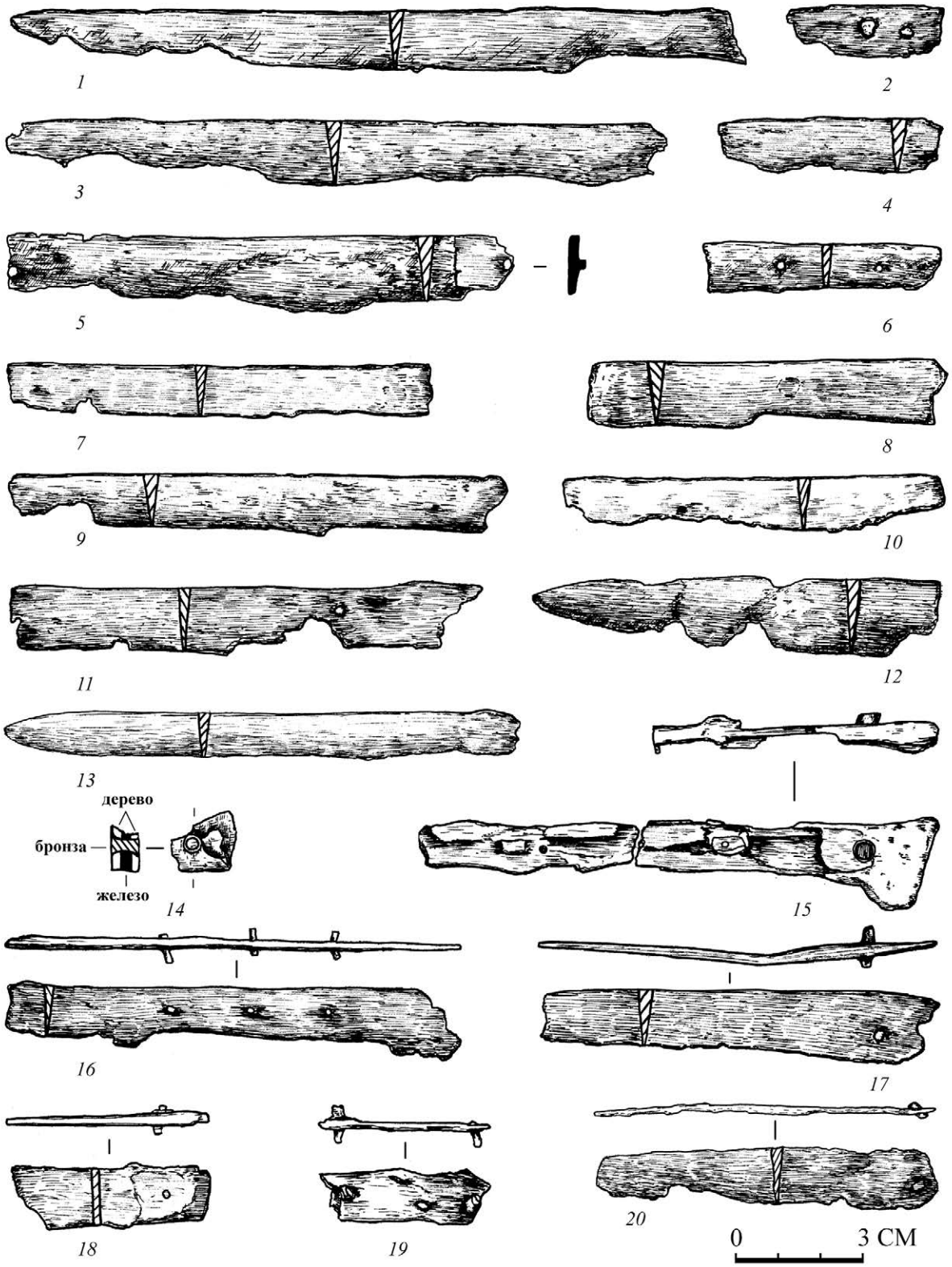

Рис. 103. Городище Городок. Железные пластинчатые ножи и их фрагменты.

1 – Р1-Я1А-1а, *2* – Р2-Я2-3, *3* – Р3-3-7, *4* – Р2-Я2-3, *5* – Р1-Я2-2, *6* – Р1-Я2-2б, *7* – Р1-2-10Б, *8* – Р1-Я2-3, *9* – Р3-5-9, *10* – Ш2-4-2А, *11* – Р2-Я1-1, *12* – Р1-Я2-3, *13* – Р1-3-5А, *14* – Р2-К9, *15* – Р3-3-7, *16* – Р2-Я1-1а, *17* – Р1-Я2-3, *18* – Р2-Я1-2, *19* – Ш2-Я1, *20* – Р1-3-2А

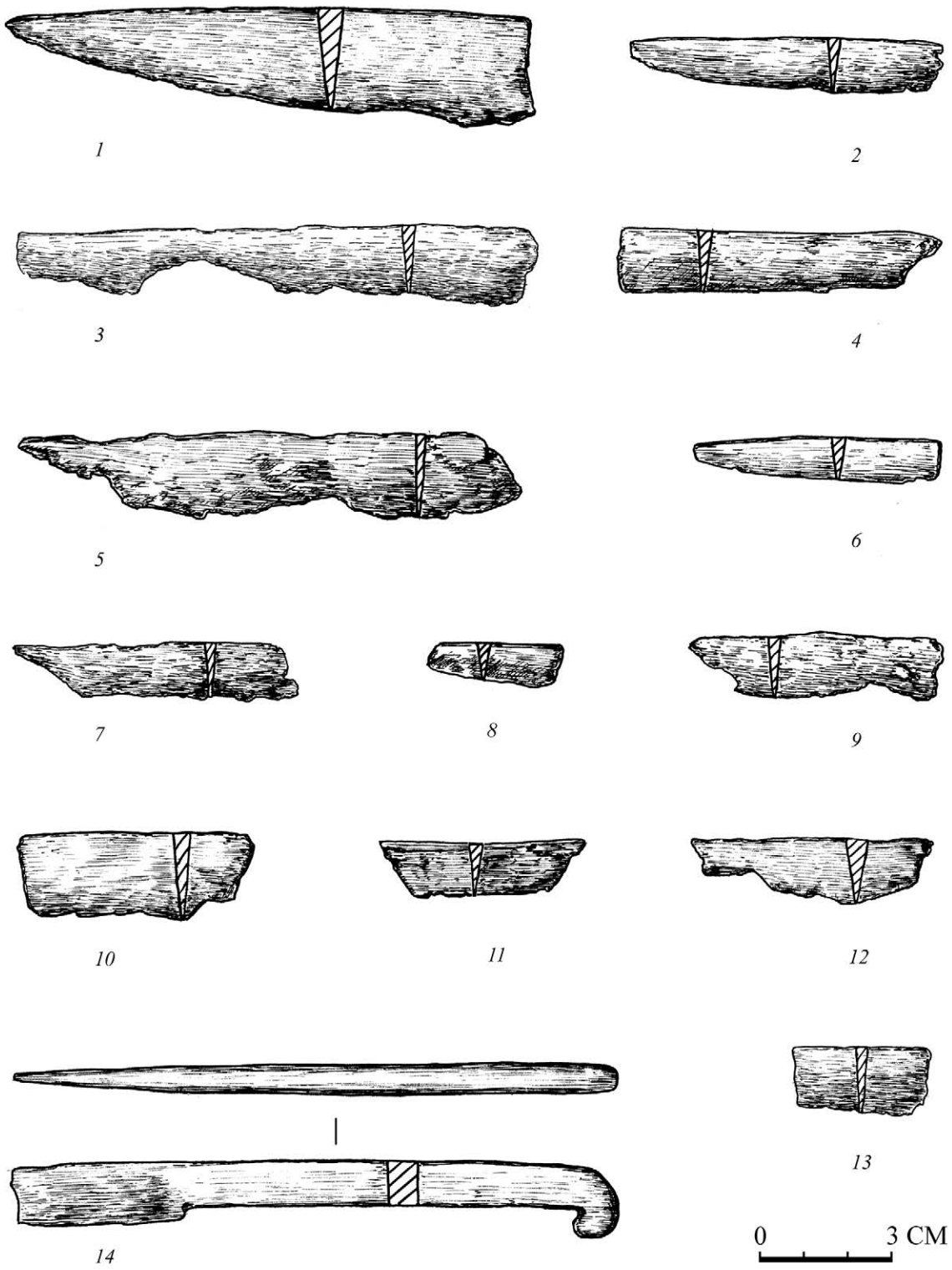

Рис. 104. Городище Городок. Фрагменты железных ножей.

1 – Р2-3-5, *2* – Ш2-3-2А, *3* – Р1-3-2А, *4* – Р1-Я2-3, *5* – Р1-Я1В-2, *6* – Р1-Я2-3, *7* – Р1-3-5Г, *8* – Р1-Я1А-2, *9* – Р1-Я2-3, *10* – Р3-Я2-1, *11* – Р3-3-3, *12* – Р2-2-2, *13* – Р1-3-4А, *14* – Р3-3-8

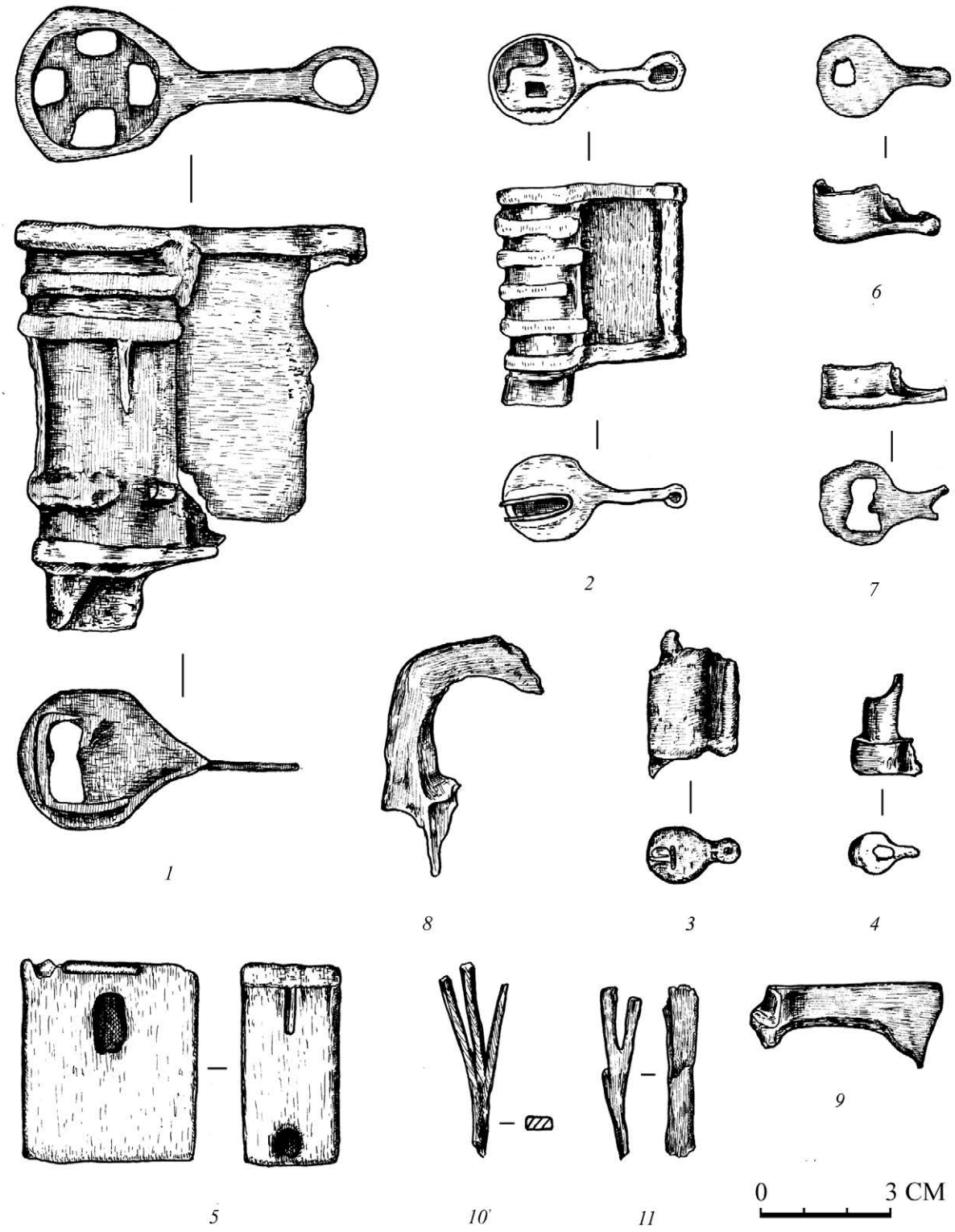

Рис. 105. Городище Городок. Железные замки и их фрагменты.

1 – Р2-Я1-1, *2* – Р2-Я1-3, *3* – Р3-9-9, *4* – Р2-3-5, *5* – Р2-Я1-3, *6* – Р2-2-1, *7* – Р1-2-1, *8* – Р3-3-9, *9* – Р3-Я1, *10* – Р3-2-3, *11* – Р1-2-8

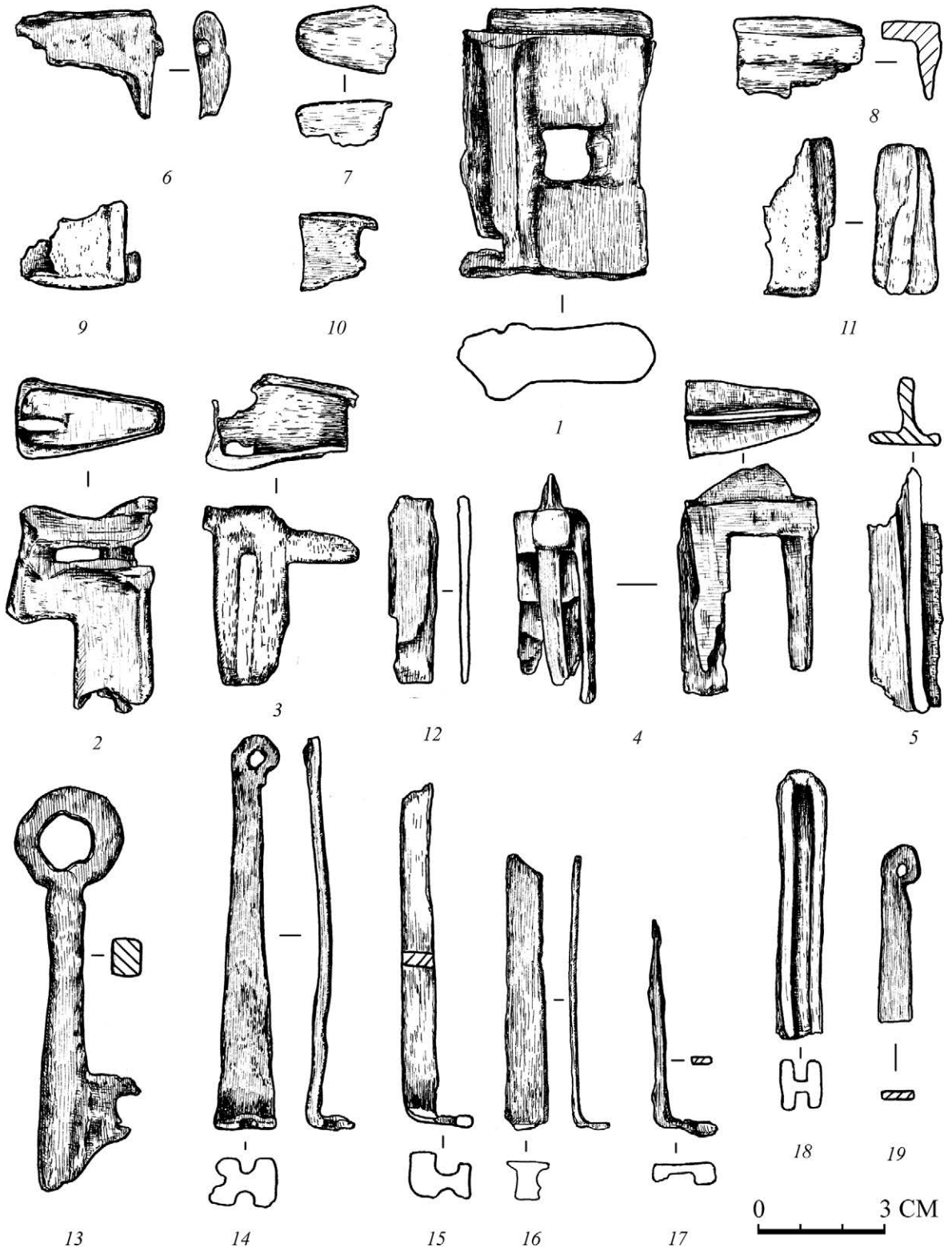

Рис. 106. Городище Городок. Железные замки (*1–12*), ключи (*13–19*) и их фрагменты.

1 – Р1-Я2-3, *2* – Р1-Я2-1а, *3* – Р3-3-2, *4* – Р2-4-6, *5* – Р2-4-6, *6* – Р1-Я2-2б, *7* – Р3-3-7, *8* – Р3-3-7, *9* – Р3-3-4, *10* – Р3-3-2, *11* – Р3-3-4, *12* – Р2-4-6, *13* – Р1-Я2-3, *14* – Р1-Я1В-2, *15* – ПМ-2014, *16* – Р1-3-2, *17* – Р2-Я1-2б, *18* – Р2-Я1-2б, *19* – Р2-Я1-1а

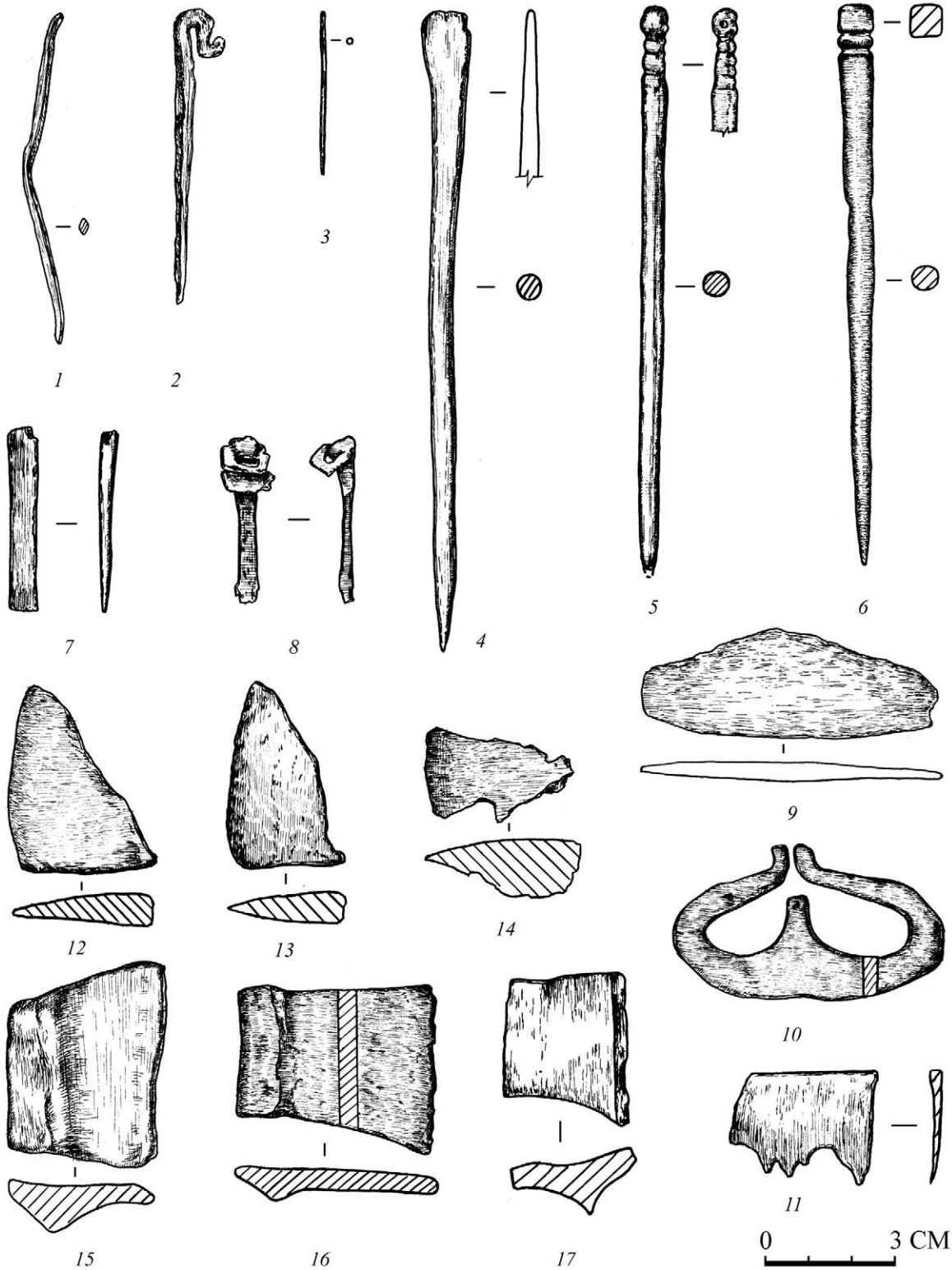

Рис. 107. Городище Городок. Находки из железа: шило (*1*), булавка (*2*), игла (*3*), – писала (*4–6*), фрагмент зубила (*7*), фрагмент оправы от ножен (*8*), кресала (*9, 10*), фрагмент пилы (*11*), фрагменты топоров (*12–17*).

1 – Р1-3-1, *2* – Р1-3-5В, *3* – Р2-Я2-1, *4* – Р1-Я1А-2, *5* – Р1-2-10, *6* – Р2-Я2-3, *7* – Р1-5-1А, *8* – Р1-Я2-3, *9* – Р1-3-7, *10* – Р1-1-5Г, *11* – Р2-Я1-1, *12* – Р2-2-2, *13* – Р3-4-7, *14* – Р2-2-1, *15* – Р1-3-6, *16* – Р1-1-5Г, *17* – Р2-3-4

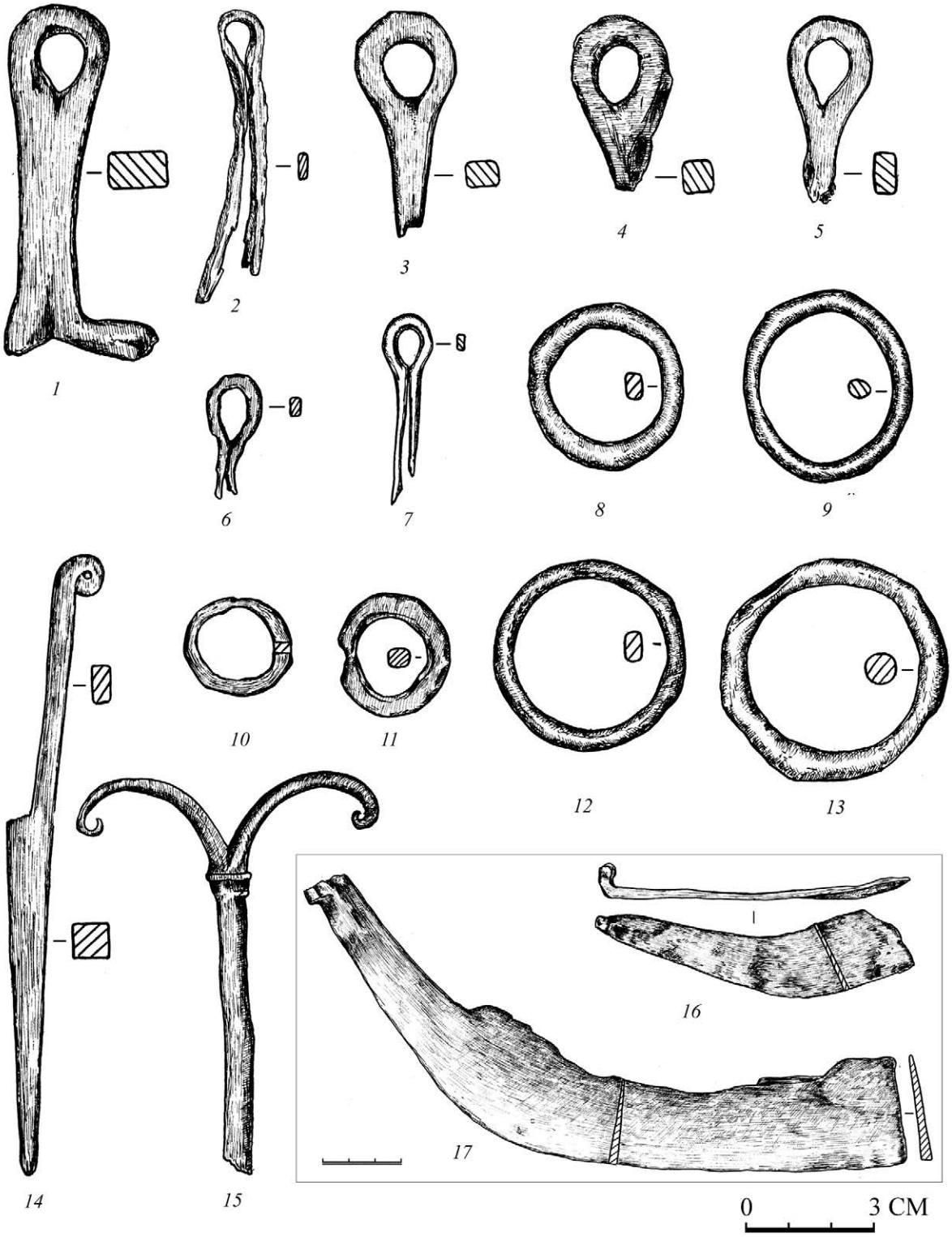

Рис. 108. Городище Городок. Предметы из железа: пробои (*1–7*), кольца (*8–13*), светец (*14*), фрагменты кос (*15, 16*).

1 – Р3-2-10, *2* – Р1-3-2, *3* – Р2-2-5, *4* – Р2-Я1-1, *5* – Р1-Я2-3, *6* – Р1-2-10Б, *7* – Р1-Я2-2, *8* – Р2-Я2-2, *9* – Р2-Я2-2а, *10* – Ш2-3-2А, *11* – Р1-2-4, *12* – Р2-Я2-3, *13* – Р2-Я8, *14* – Р3-2-5, *15* – Р2-Я1-2б, *16* – Р1-2-5В, *17* – Р1-2-5В

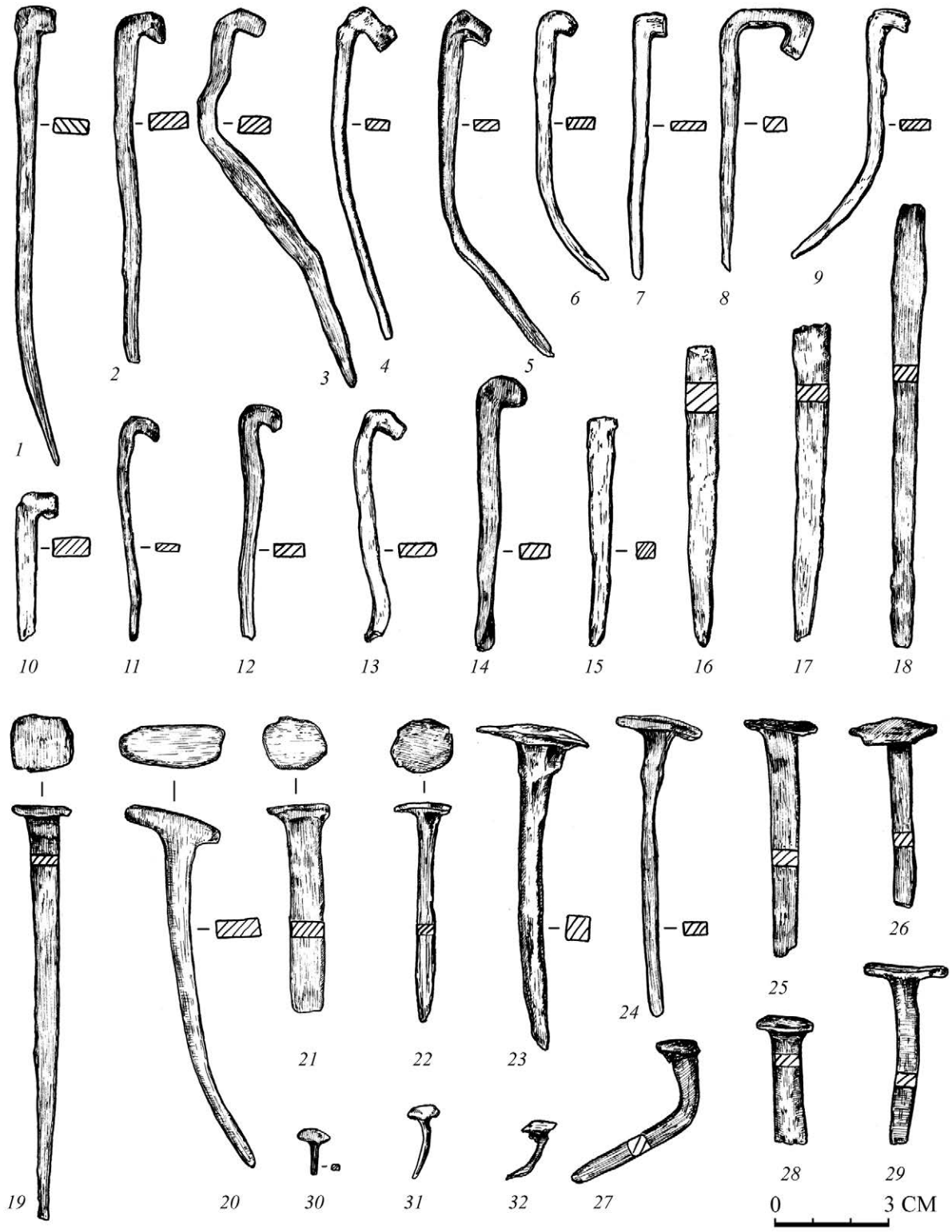

Рис. 109. Городище Городок. Железные гвозди (*1–32*).

1 – Р3-3-7, *2* – Р2-Я1-1, *3* – Р2-2-4, *4* – Р2-Я1-1а, *5* – Р1-1В-1а, *6* – Р2-Я1-2б, *7* – Р2-Я1-1а, *8* – Р3-3-5, *9* – Р2-Я1-2б, *10* – Р2-Я1-1а, *11* – Р2-1-1А, *12* – Р3-3-3, *13* – Р2-Я1-1, *14* – Р3-К9, *15* – Р2-Я1-2а, *16* – Р3-4-9, *17* – Р2-Я1-2, *18* – Р2-Я1-2б, *19* – Р2-Я1-2б, *20* – Р3-3-7, *21* – Р1-3-6, *22* – Р1-3-3, *23* – Ш2-5-2Б, *24* – Р3-3-2, 25 – Р2-Я9, *26* – Р2-2-4А, *27* – Р3-3-7, *28* – Р3-6-9, *29* – Р3-2-6, *30* – Р1-2-5В, *31* – Р1-5-1А, *32* – Р1-Я2-3

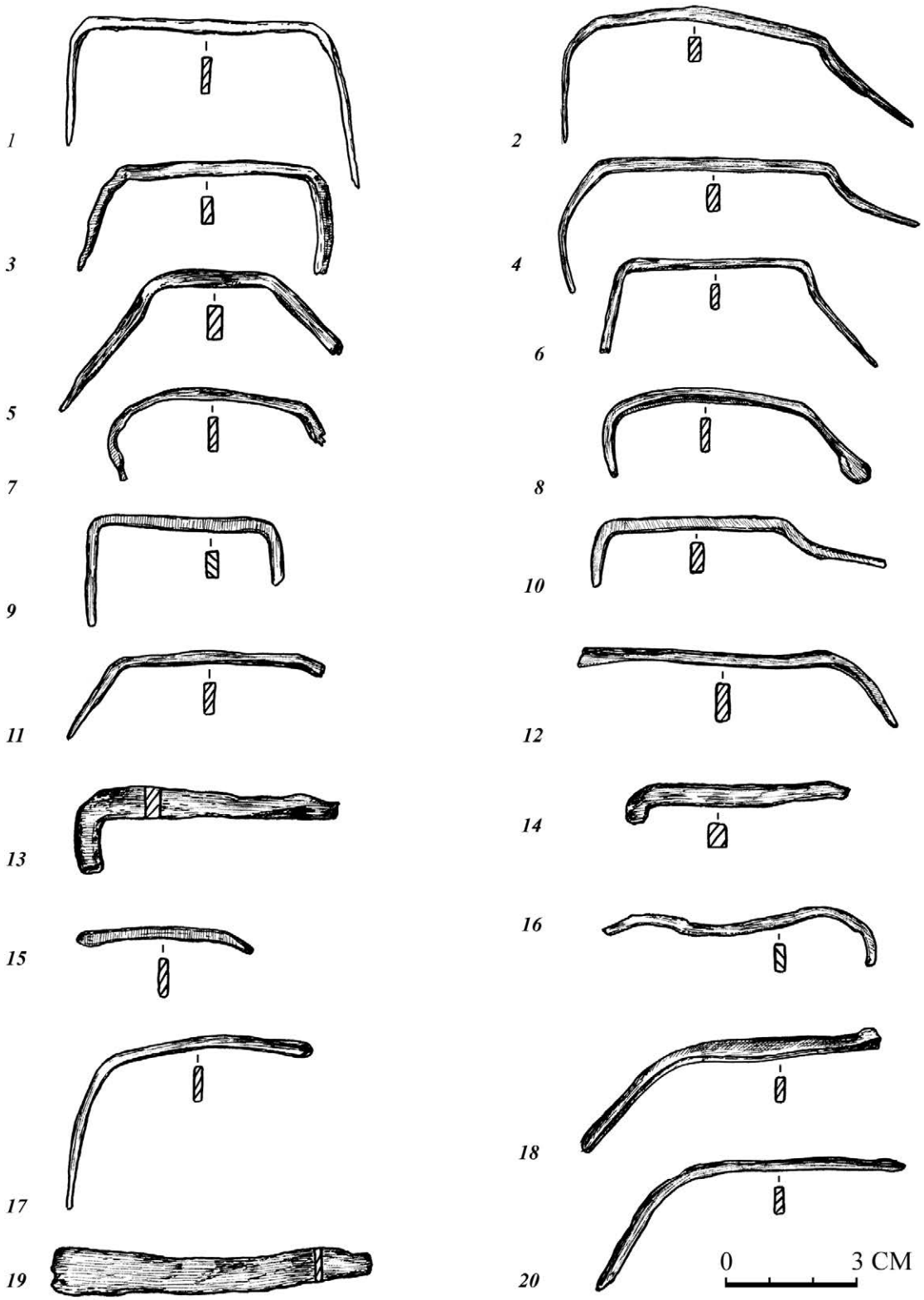

Рис. 110. Городище Городок. Железные скобы (*1–12*) и их фрагменты (*13–20*).

1 – Р1-4-2, *2* – Р2-Я1-1а, *3* – Р3-Я2, *4* – Р2-Я1-1а, *5* – Р1-Я1А-1, *6* – Р2-Я1-1б, *7* – Р1-Я1А-1, *8* – Р2-Я1-1, *9* – Р3-3-8, *10* – Р3-3-1, *11* – Р2-Я1-1, *12* – Р1-2-10Б, *13* – Р2-3-4, *14* – Р3-3-6А, *15* – Р3-3-2, *16* – Р3-3-4, *17* – Ш2-4-1, *18* – Р3-4-7, *19* – Ш2-6-2, *20* – Р2-Я1-1а

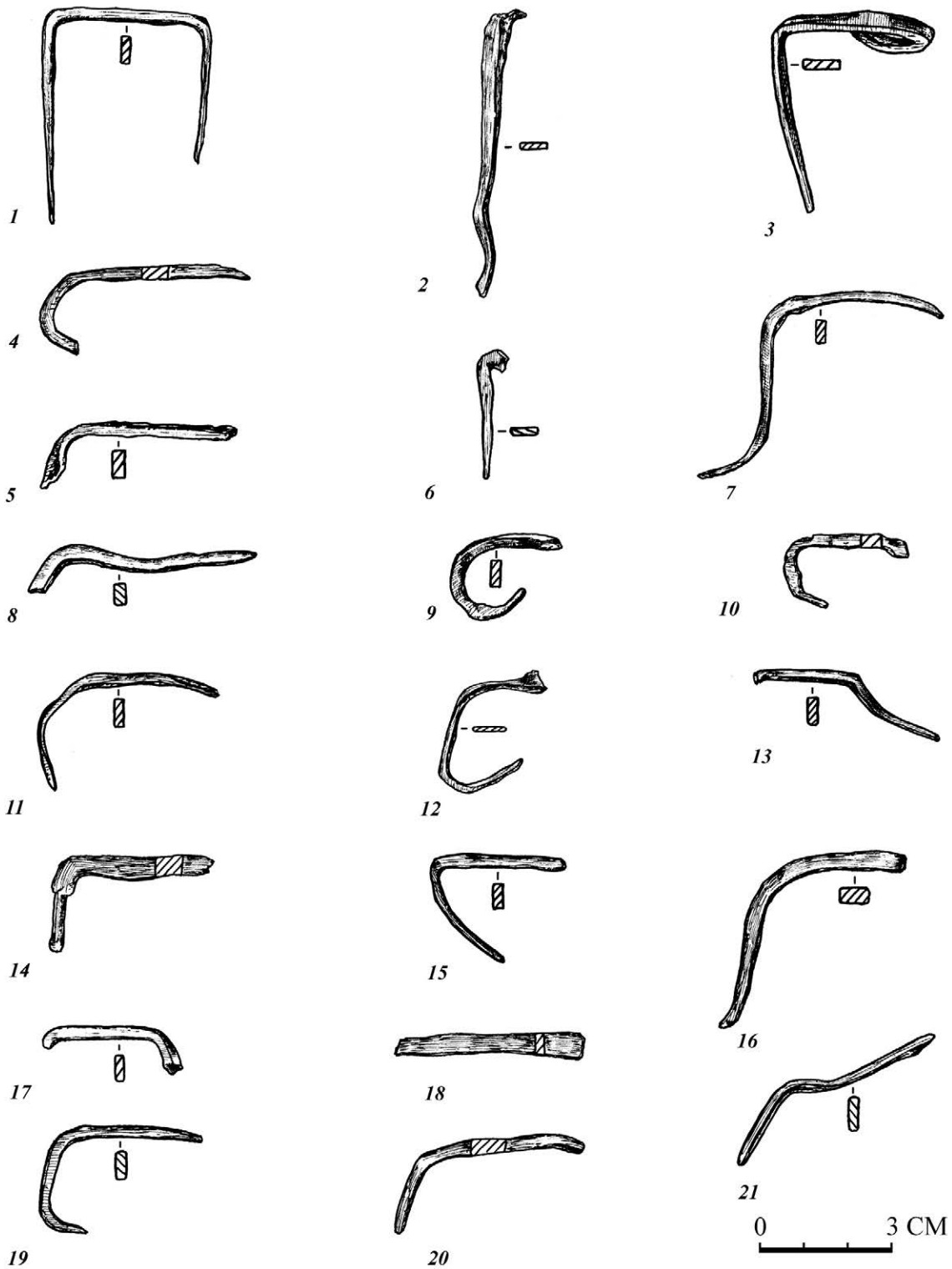

Рис. 111. Городище Городок. Железные скобы (*1, 13, 19, 20*) и их фрагменты (*2–12, 14–18, 21*).

1 – Р2-Я1-1, *2* – Р1-2-9, *3* – Р3-3-6, *4* – Р2-4-9, *5* – Р1-Я1А-1, *6* – Р3-4-9, *7* – Р2-1-1А, *8* – Р1-2-5В, *9* – Р1-Я1А-1, *10* – Р2-Я2-3, *11* – Р1-5-1, *12* – Р1-2-10А, *13* – Р1-2-2А, *14* – Р2-4-9, *15* – Р1-5-1, *16* – Р2-2-1, *17* – Р3-4-8, *18* – Р2-Я2-2а, *19* – Р1-3-10, *20* – Р2-4-4, *21* – Р1-3-4А

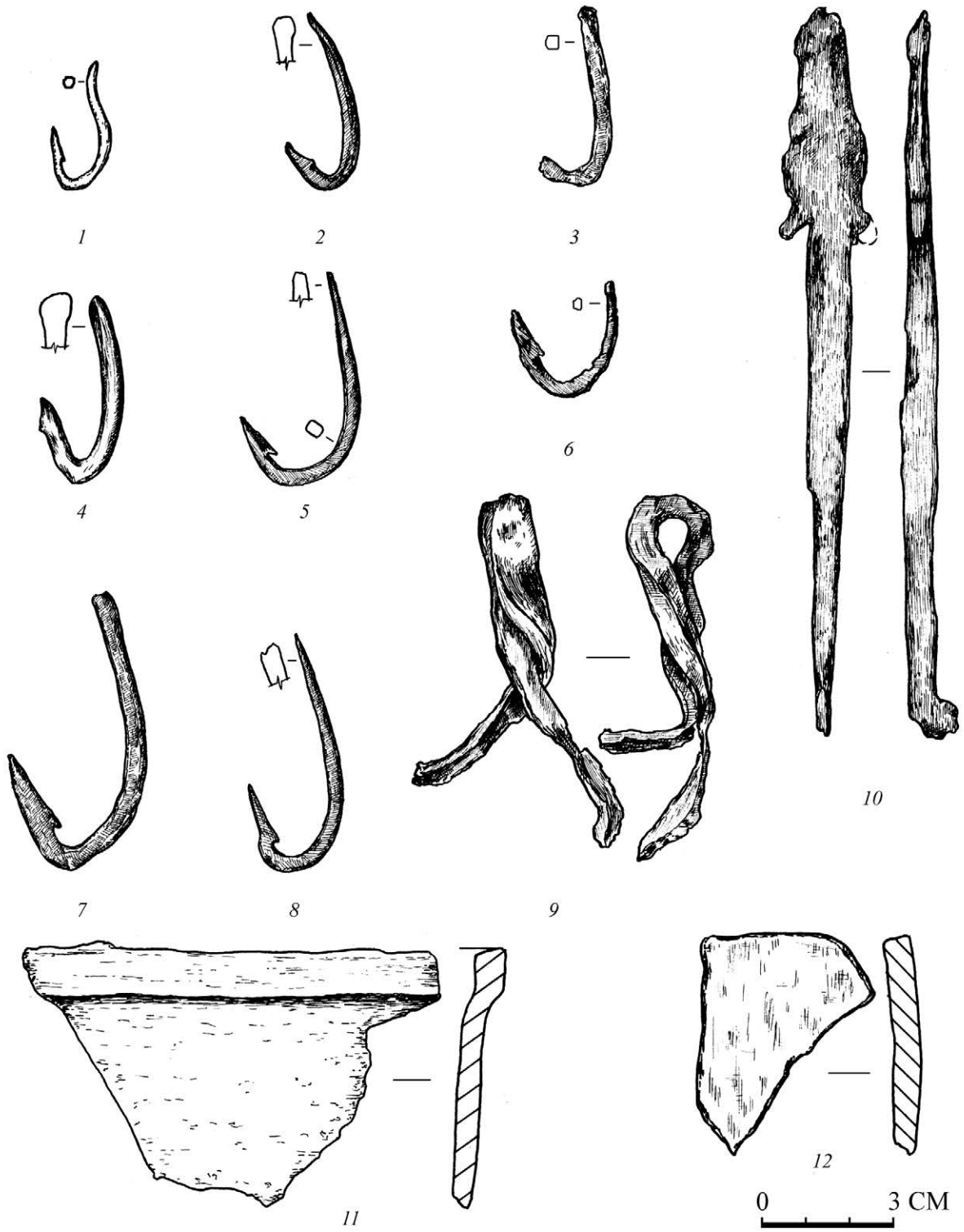

Рис. 112. Городище Городок. Предметы из железа: рыболовные крючки (*1–8*), крюк для вытаскивания рыболовных сетей (*9*), наконечник остроги (*10*), фрагменты чугунных котлов (*11, 12*)

1 – Ш1-1, *2* – Р2-Я1-1а, *3* – Р1-Я1А-1, *4* – Р3-3-9, *5* – Р2-Я2-1, *6* – Р2-Я1-1а, *7* – Р1-Я1А-2, *8* – Р2-Я1-2б, *9* – Ш2-4-1, *10* – Р2-Я1-3, *11* – Р2-3-7, *12* – Р1-Я2-2

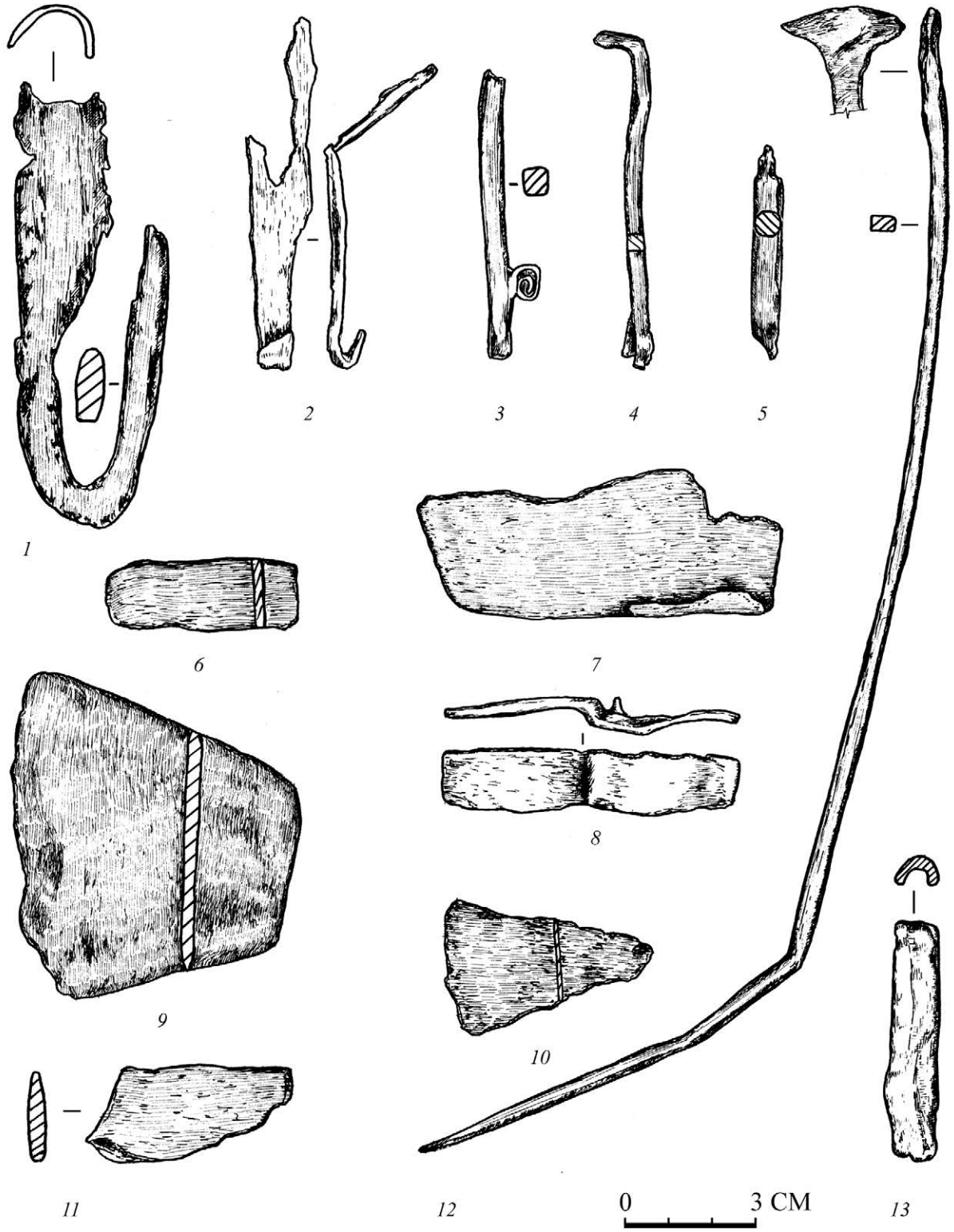

Рис. 113. Городище Городок. Железные неопределённые предметы (*1–5, 12, 13*) и пластины (*6–11*).
1 – Р1-Я2-3, *2* – Р2-Я1-2б, *3* – Р1-Я2-3, *4* – Р3-2-6, *5* – Р1-2-5, *6* – Р3-3-7, *7* – Р2-Я2-1, *8* – Р2-Я1-2б, *9* – Ш2-6-2В, *10* – Р3-2-1А, *11* – Р3-3-7, *12* – Р1-Я1В-2, *13* – Р1-К3

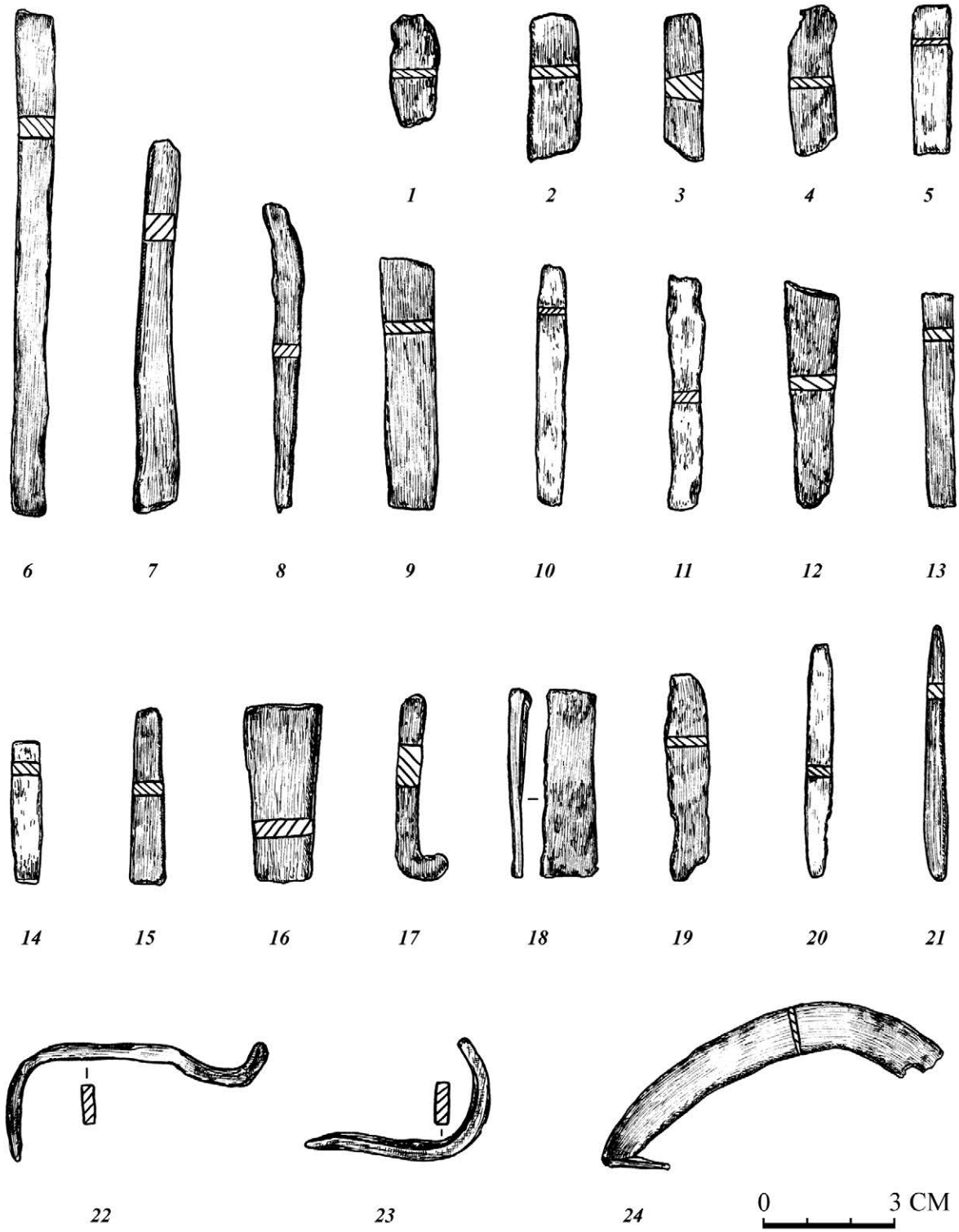

Рис. 114. Городище Городок. Железные стержни неопределённого назначения (*1–24*).

1 – Р3-3-2, *2* – Р3-3-2, *3* – Р3-3-8, *4* – Р3-3-2, *5* – Р2-Я1-1, *6* – Р1-1-5, *7* – Р1-4-1, *8* – Р2-2-4А, *9* – Р3-3-8, *10* – Р2-Я1-2б, *11* – Р2-Я1-1а, *12* – Р3-2-1А, *13* – Р2-Я2-2, *14* – Ш2-2-2, *15* – Р1-2-2, *16* – Р1-1-6, *17* – Р2-Я2-4, *18* – Р1-2-10Б, *19* – Р3-3-2, *20* – Р2-Я1-2б, *21* – Р2-Я2-2, *22* – Р1-Я1А-2, *23* – Р1-1А-2, *24* – Р1-2-10Б

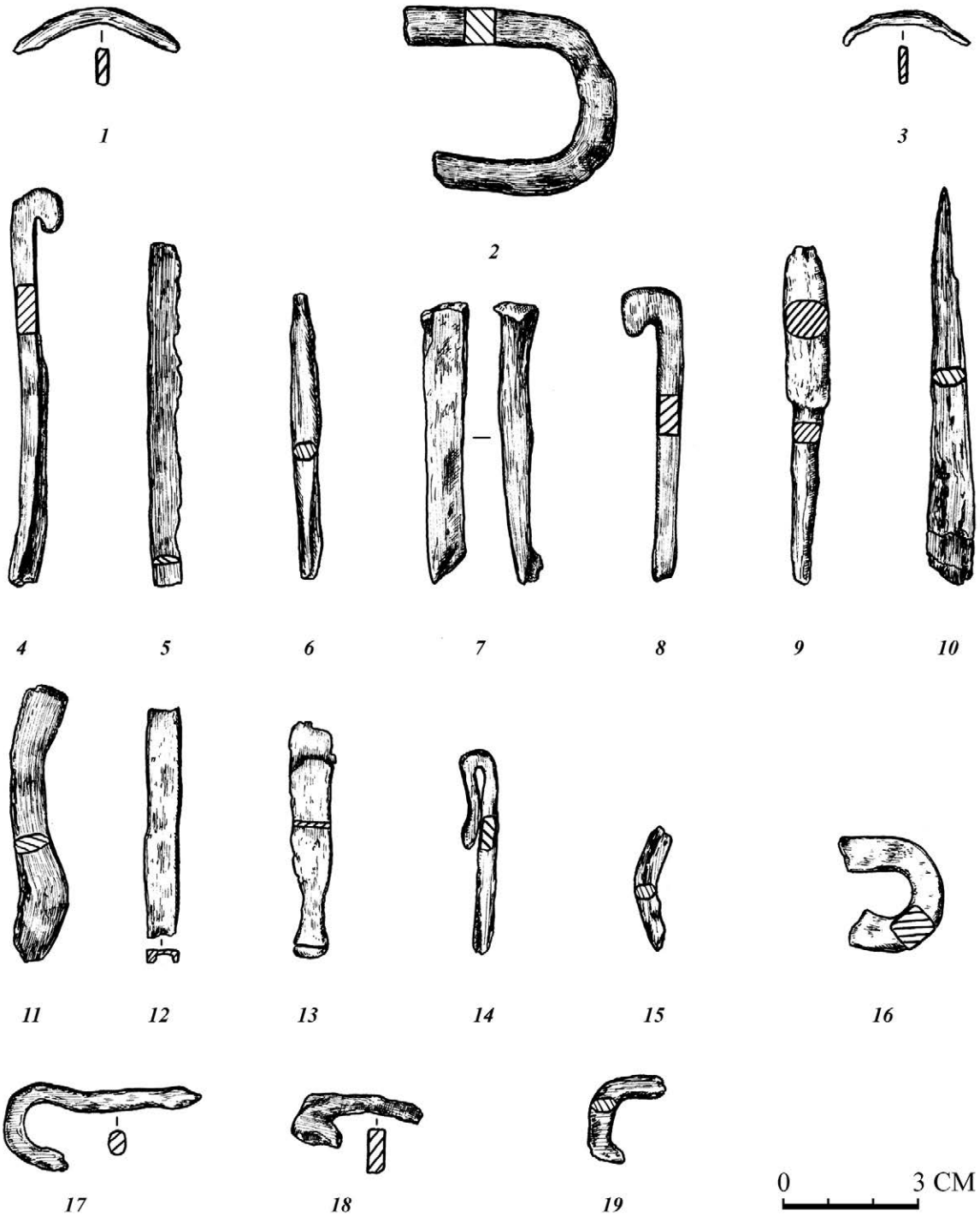

Рис. 115. Городище Городок. Железные стержни неопределённого назначения (*1–19*).

1 – Р3-3-7, *2* – Ш2-4-1, *3* – Р3-3-2, *4* – Р2-4-9, *5* – Р3-3-9, *6* – Р3-3-2, *7* – Ш2-Я1, *8* – Р1-Я1А-2, *9* – Р2-Я1-2б, *10* – Р3-Я8, *11* – Р3-3-8, *12* – Р2-Я1-2б, *13* – Р2-Я1-2б, *14* – Р1-Я2, *15* – Р3-3-2, *16* – Р2-Я1-1а, *17* – Р3-3-6, *18* – Р1-Я1А-1, *19* – Р3-3-7

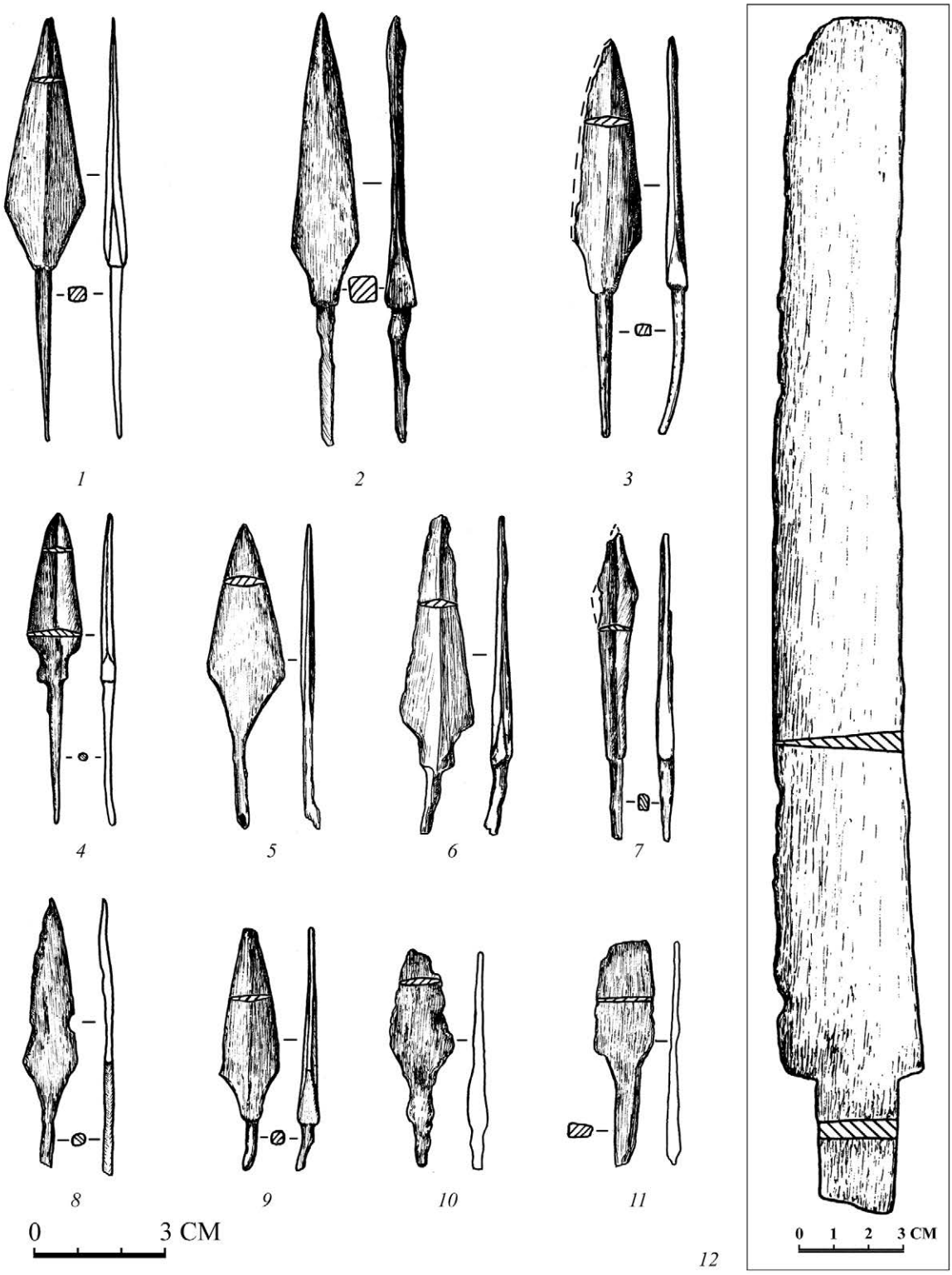

Рис. 116. Городище Городок. Железные наконечники стрел (*1–11*) и обломок сабли (*12*).

1 – Р2-Я1-1, *2* – Р2-Я1-1а, *3* – Р3-9-10, *4* – Р1-2-3, *5* – Р2-Я2-1, *6* – Р1-4-1, *7* – Р1-2-5, *8* – Р1-2-10А, *9* – Р3-3-8, *10* – Р1-3-2А, *11* – Р1-3-10Б, *12* – Р2-Я2-5

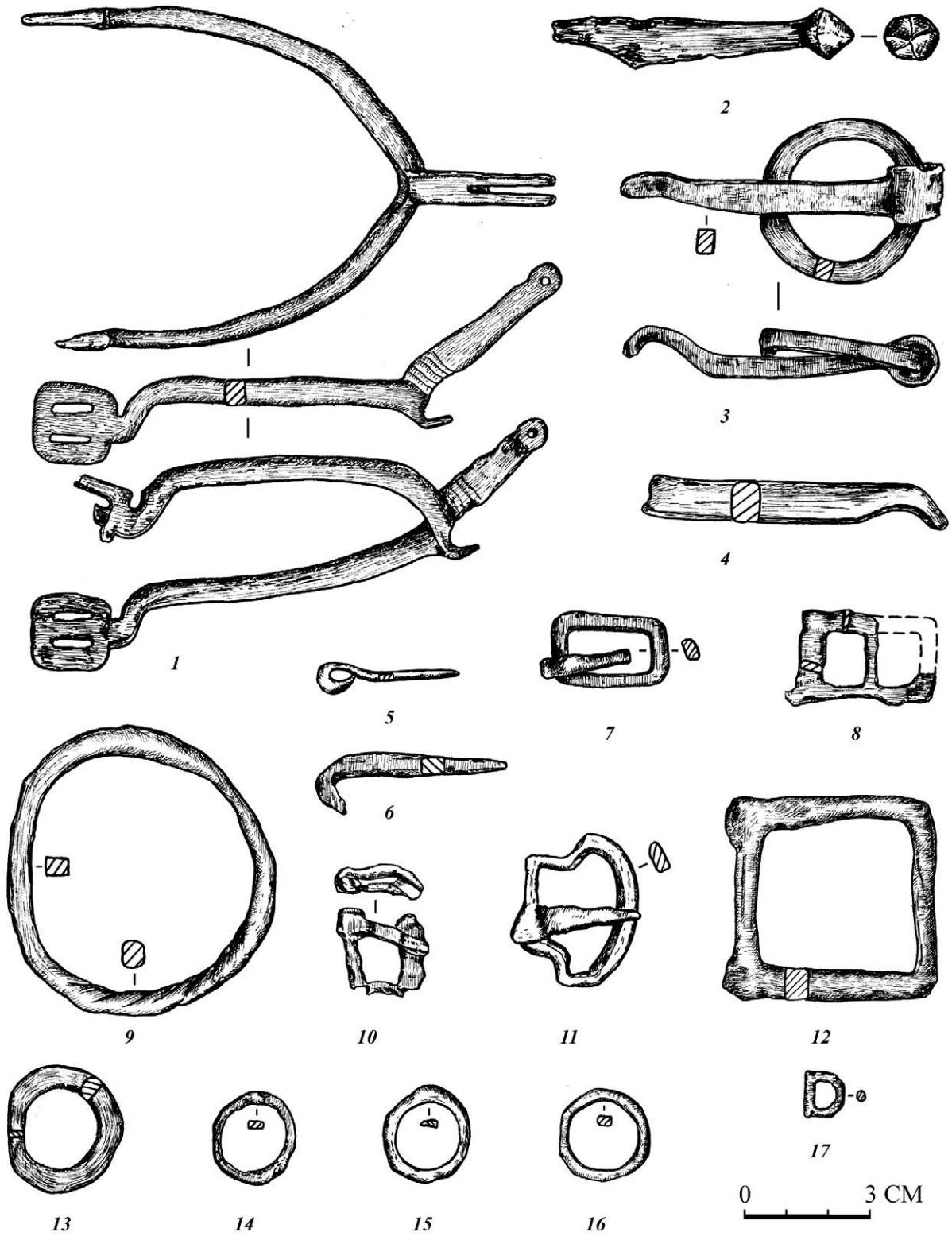

Рис. 117. Городище Городок. Предметы снаряжения всадника и верхового коня: шпора (*1*), шип от шпоры (*2*), фрагменты удил (*3, 4*), пряжки (*7–17*) и отдельные язычки от них (*5, 6*). Материал: железо.

1 – Р2-Я2-4А, *2* – Ш2-3-2Б, *3* – Р2-Я1-1а, *4* – Р1-Я2-3, *5* – Р3-3-7, *6* – Р2-Я2-3, *7* – Р3-3-6, *8* – Р2-Я2-1, *9* – Р3-3-7, *10* – Р1-2-7, *11* – Р3-Я2-1, *12* – Р1-1-5Г, *13* – Р2-Я1-1, *14* – Р1-1В-2, *15* – Р3-3-3, *16* – Р2-1-5, *17* – Р1-3-4

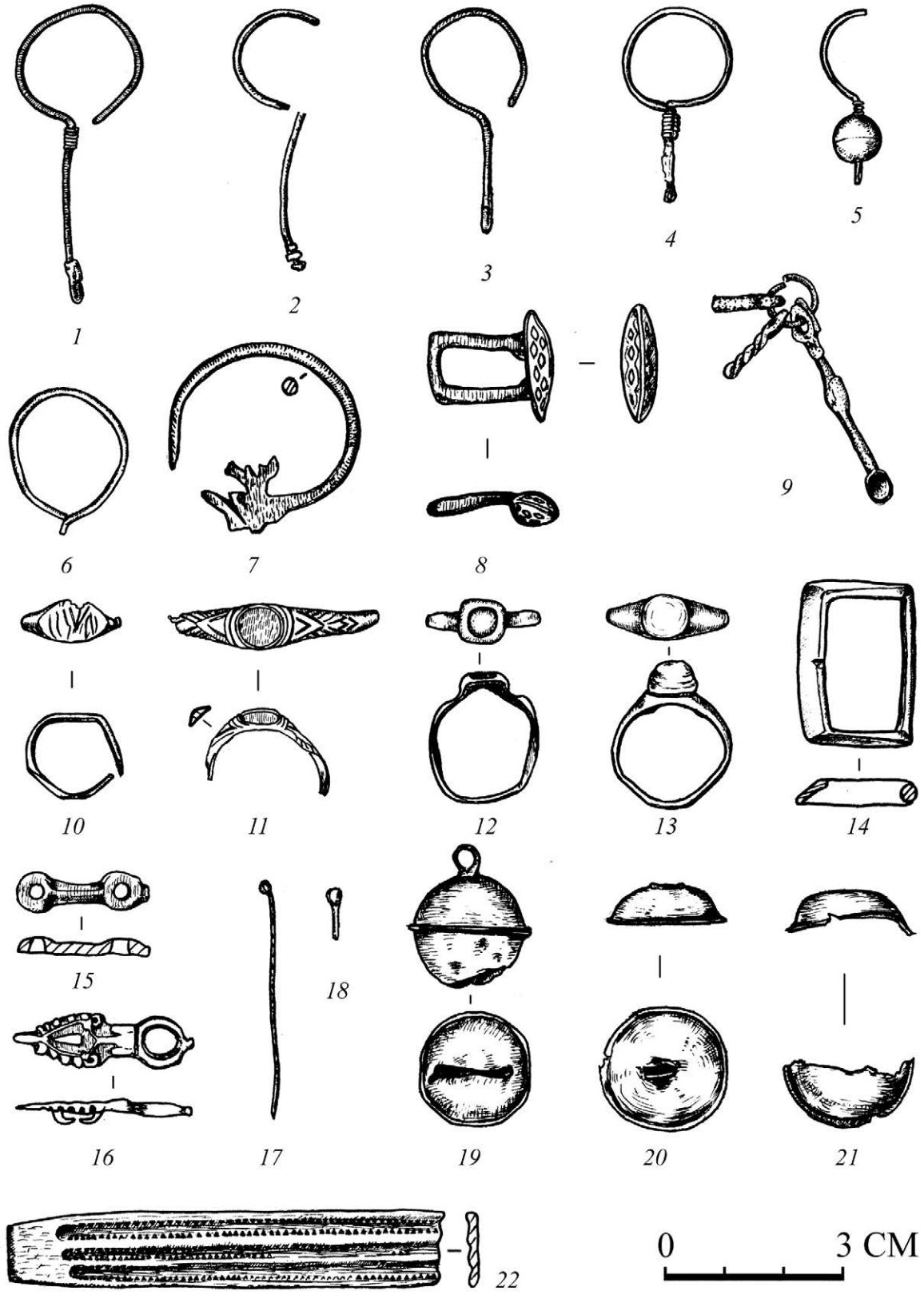

Рис. 118. Городище Городок. Украшения и детали туалета из бронзы: серьги (*1–6*), височное кольцо (*7*), пуговица с позолотой (*8*), набор инструментов (*9*), перстни (*10–13*), пряжка (*14*), накладки (*15, 16*), булавки (*17, 18*), привески-бубенчики (*19–21*), браслет (*22*).

1 – Р1-Я1В-2, *2* – Ш2-5-2Б, *3* – Р2-Я1-2б, *4* – Р1-Я2-1, *5* – Р1-2-5, *6* – Р1-2-10А, *7* – Р3-2-6А, *8* – Р3-2-1, *9* – Р1-2-10Б, *10* – Р1-1Б-2, *11* – Р1-2-9, *12* – Р3-6-9, *13* – Р1-Я2-3, *14* – Р1-Я2-3, *15* – Р1-3-1, *16* – Р3-3-7, *17* – Р1-Я1А-2, *18* – Р1-2-5В, *19* – Р2-Я1-2, *20* – Р2-Я1-1, *21* – Р2-Я1-1, *22* – Р1-3-3

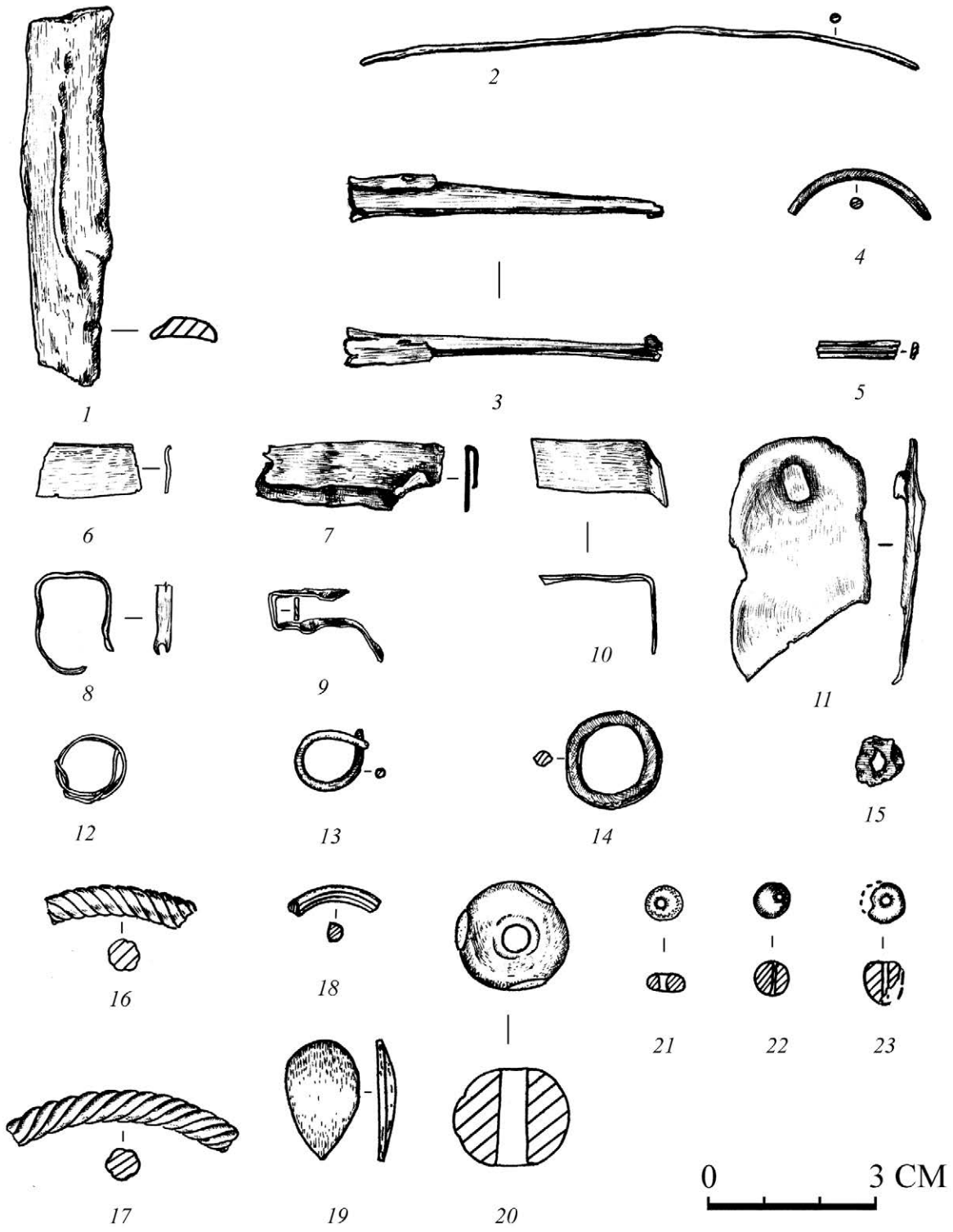

Рис. 119. Городище Городок. Фрагментированные или неопределённые предметы и украшения из цветных металлов: (*1–15*), стекла (*16–21*), камня (*22*), кашина (*23*): слиток (*1*), отрезок провода (*2*), рукоятка ножа (*3*), часть обода височного кольца (?) (*4*), фрагмент перстня (*5*), пластины (*6, 10*), фрагменты медных сосудов (*7, 11*), обоймицы (*8, 9*), височная подвеска (?) (*12*), колечко, свёрнутое из провода (*13*), поясное кольцо (?) (*14*), грузило (?) (*15*), фрагменты браслетов (*16, 17*), вставка (*19*), бусы (*20–23*). Бронза: *1, 2, 4–16*. Медь: *3*. Свинец: *15*. Стекло: *16–21*. Камень: *22*. Кашин: *23*.

1 – Р1-Я1А-1, *2* – Р2-Я1-2, *3* – Р1-Я1-2, *4* – Р2-Я1-3, *5* – Р2-Я2-1, *6* – Р1-2-4, *7* – Р2-1-2, *8* – Р1-Я2-3, *9* – Р1-2-5В, *10* – Р3-3-7, *11* – Р1-Я2-2, *12* – Р1-2-10А, *13* – Р3-3-1А, *14* – Р3-1-1А, *15* – Р2-Я2-2б, *16* – Р2-Я2-3, *17* – Р1-Я2-2, *18* – Р3-Я2-1, *19* – Р3-К8, *20* – Р3-2-6А, *21* – Р1-2-5В, *22* – Р1-2-2А, *23* – Р1-Я2-2.

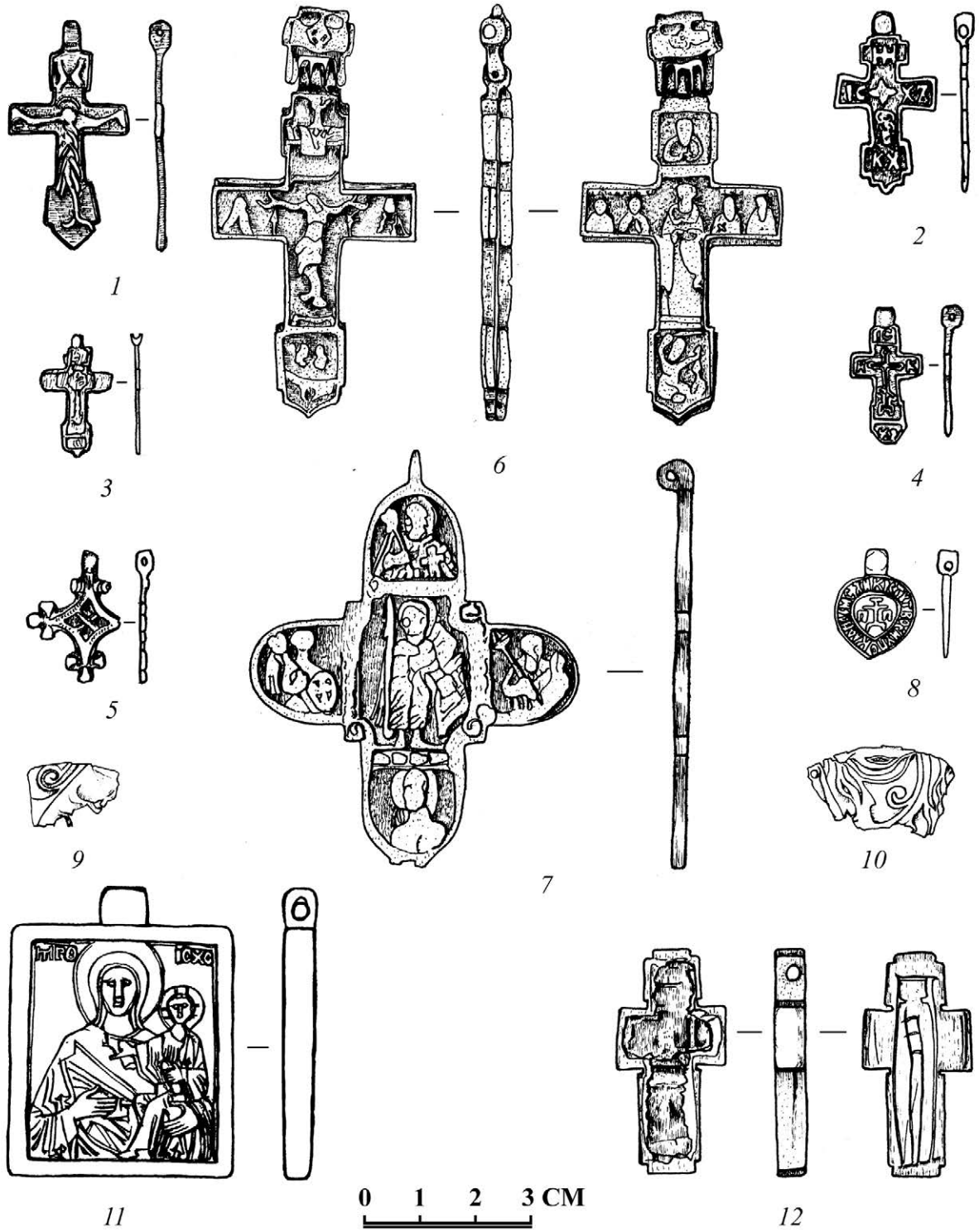

Рис. 120. Городище Городок. Предметы христианского культа: нательные кресты (*1–5*), наперсный крест-складень (*6*), створка от креста-энколпиона (*7*), иконки-привески (*8, 11*), крест-реликварий (*12*), фрагменты окладов (*9, 10*). Бронза: *1–8*. Серебро: *9, 10*. Лосиный рог: *11, 12*.

1 – Р2-Я1-3, *2* – Р1-Я1В-2, *3* – Р1-3-10, *4* – Р2-Я1-1б, *5* – Р1-Я1В-2, *6* – Р1-2-5Г, *7* – Р2-Я1-3, *8* – Р1-1-5, *9* – Р2-3-3, *10* – Р2-4-4, *11* – Р1-Я2-2, *12* – Р2-Я1-2

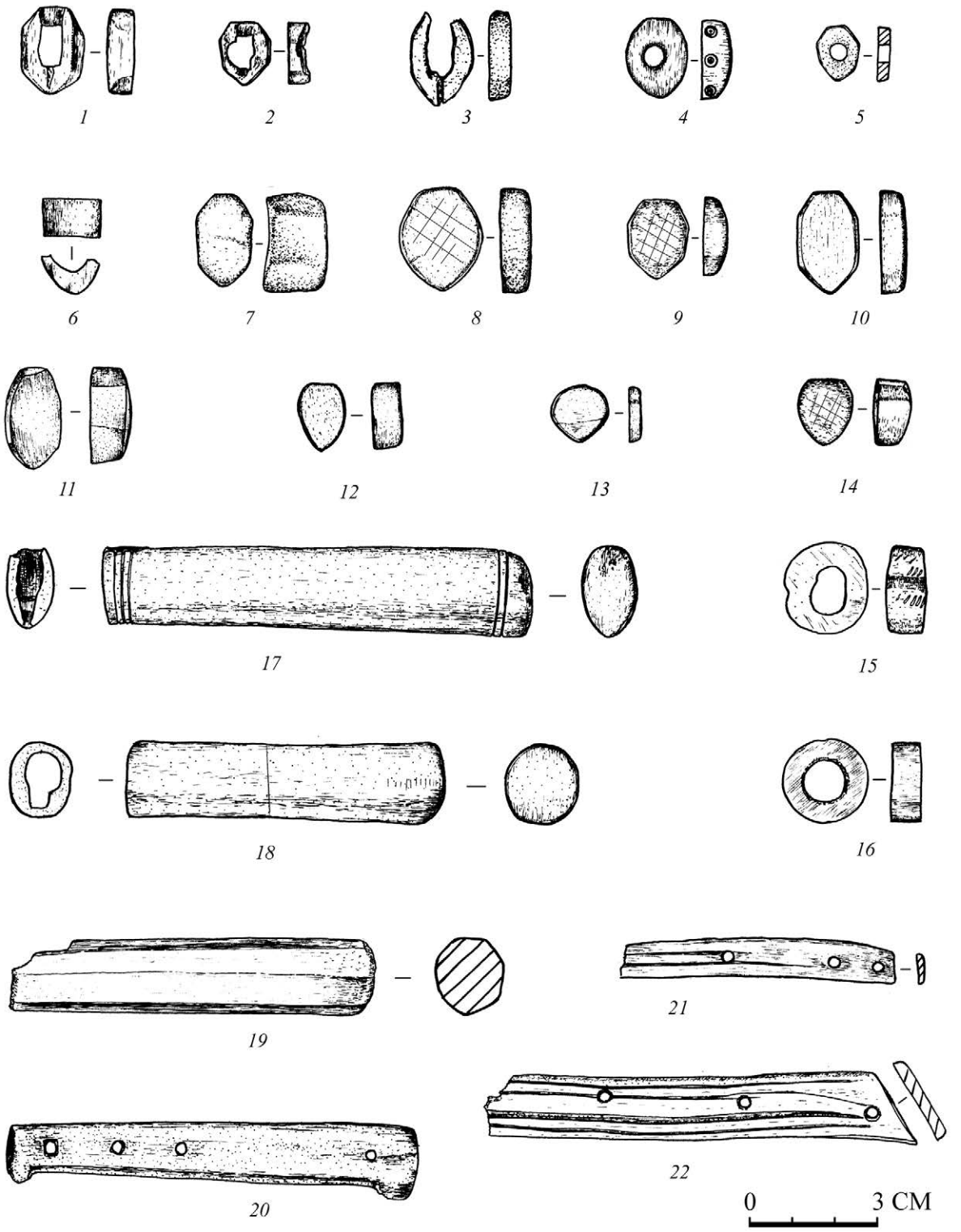

Рис. 121. Городище Городок. Оснастка ножей из кости и рога: обоймы (*1–3, 6*), затыльники (*4, 5, 7–14*), муфты (*15, 16*), рукоятки (*17–19*), обкладки рукояток (*20–22*).

1 – Р2-Я2-1, *2* – Р2-Я1-2б, *3* – Р3-3-8, *4* – Р1-3-5В, *5* – Р1-2-5В, *6* – Ш2-5-1, *7* – Р2-Я1-3, *8* – Р2-Я1-1б, *9* – Р3-1-6А, *10* – Р2-Я1-2б, *11* – Р1-1-3, *12* – Р2-Я1-3, *13* – Р2-Я1-2б, *14* – Р3-Я2-1, *15* – Ш2-5-1, *16* – Ш2-5-2А, *17* – Р2-Я1-2, *18* – Р2-Я1-2, *19* – Ш2-5-2Б, *20* – Р3-К9, *21* – Р2-Я2-3, *22* – Р2-Я2-(2а, 3)

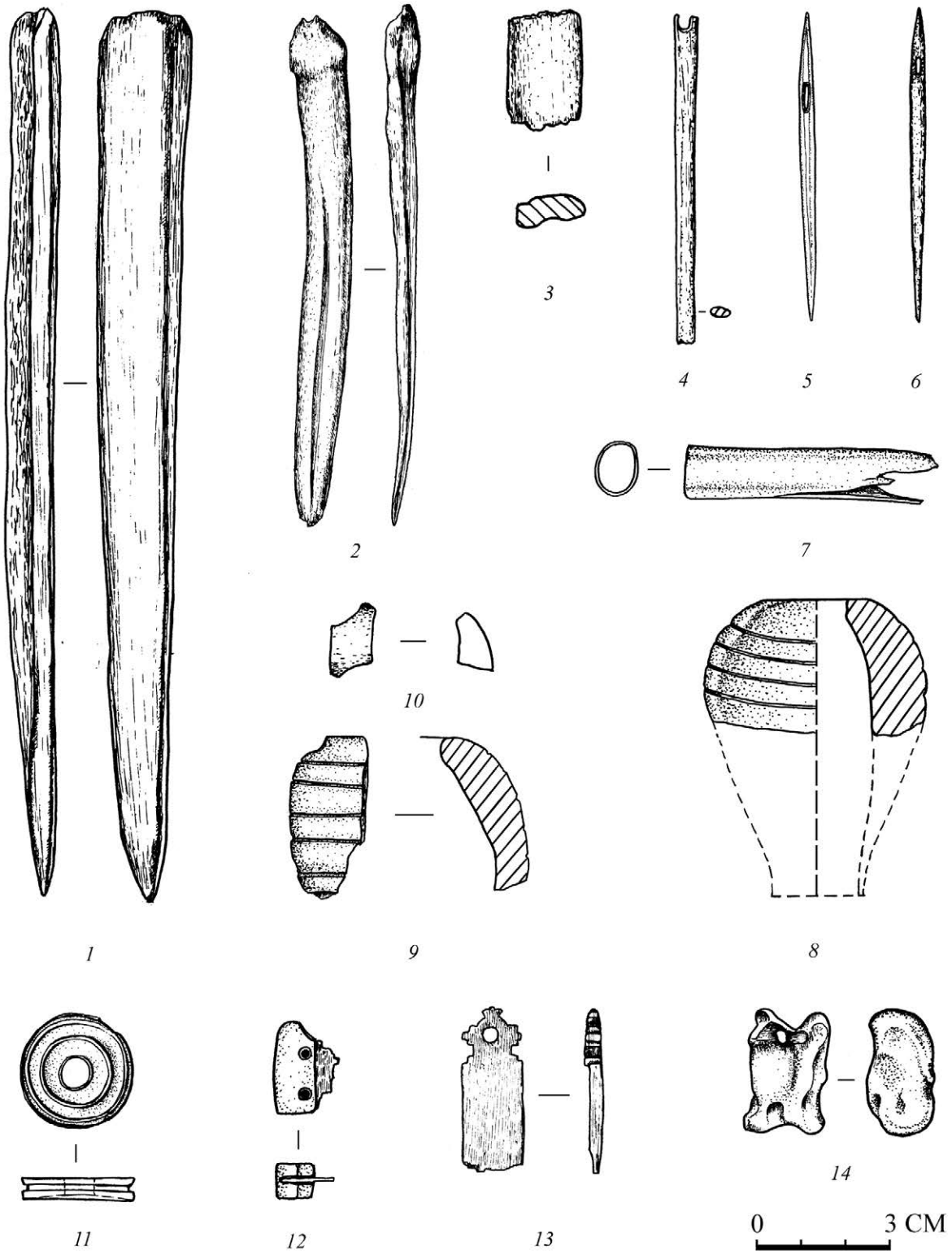

Рис. 122. Городище Городок. Предметы из кости и рога: кочедыки (*1–3*), иглы (*4–6*), игольник (*7*), пряслице (*11*), фрагменты томаров (*8, 9*), рукоятка копоушки (*13*), фрагменты неопределённых изделий (*10, 12*), астрагал с отверстием (*14*).

1 – Р1-2-5, *2* – Р1-1-10, *3* – Р3-Я1, *4* – Ш2-Я1, *5* – Р1-Я2-3, *6* – Р3-3-8, *7* – Р1-Я2-2, *8* – Р1-2-6, *9* – Р1-2-6, *10* – Р3-2-3, *11* – Р1-1-5Г, *12* – Ш2-4-1, *13* – Р2-3-5, *14* – Р1-Я2-3

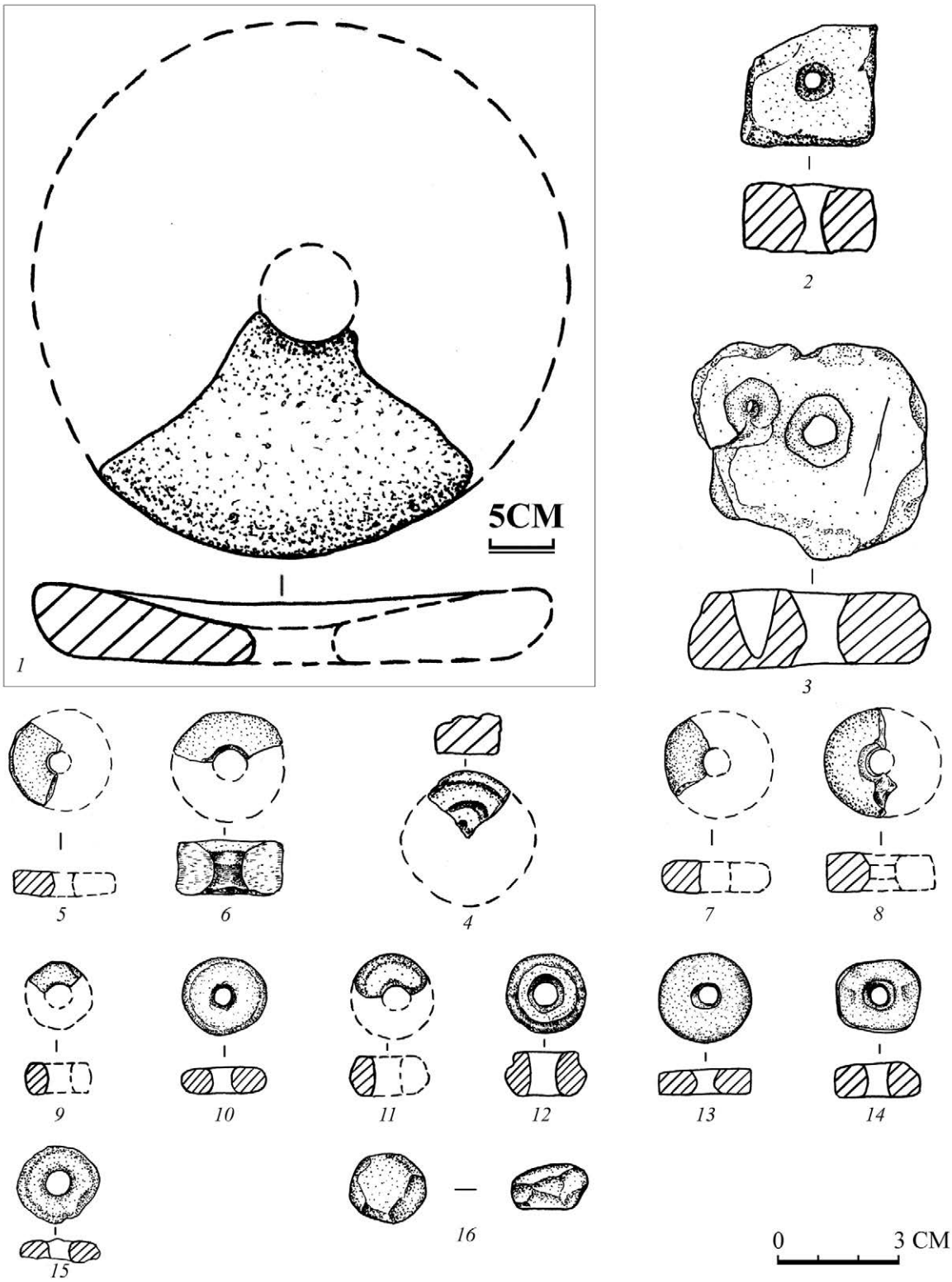

Рис. 123. Городище Городок. Предметы из камня: жернов от ручной мельницы (*1*), грузила (*2, 3*), пряслица (*4–15*), заготовка для пряслица (*16*).

1 – Р2-Я1-1, *2* – Р3-6-10, *3* – Р1-Я2-3, *4* – Р3-К1, *5* – Р1-2-5В, *6* – Ш2-2-2, *7* – Р1-2-2, *8* – Р1-Я1Б-2, *9* – Р2-Я1-2б, *10* – Р2-Я1-3, *11* – Р2-Я1-1а, *12* – Р2-Я1-3, *13* – Р1-Я1Б-2, *14* – Р1-Я1Б-2, *15* – Р1-Я1Б-2, *16* – Р2-Я1-1а

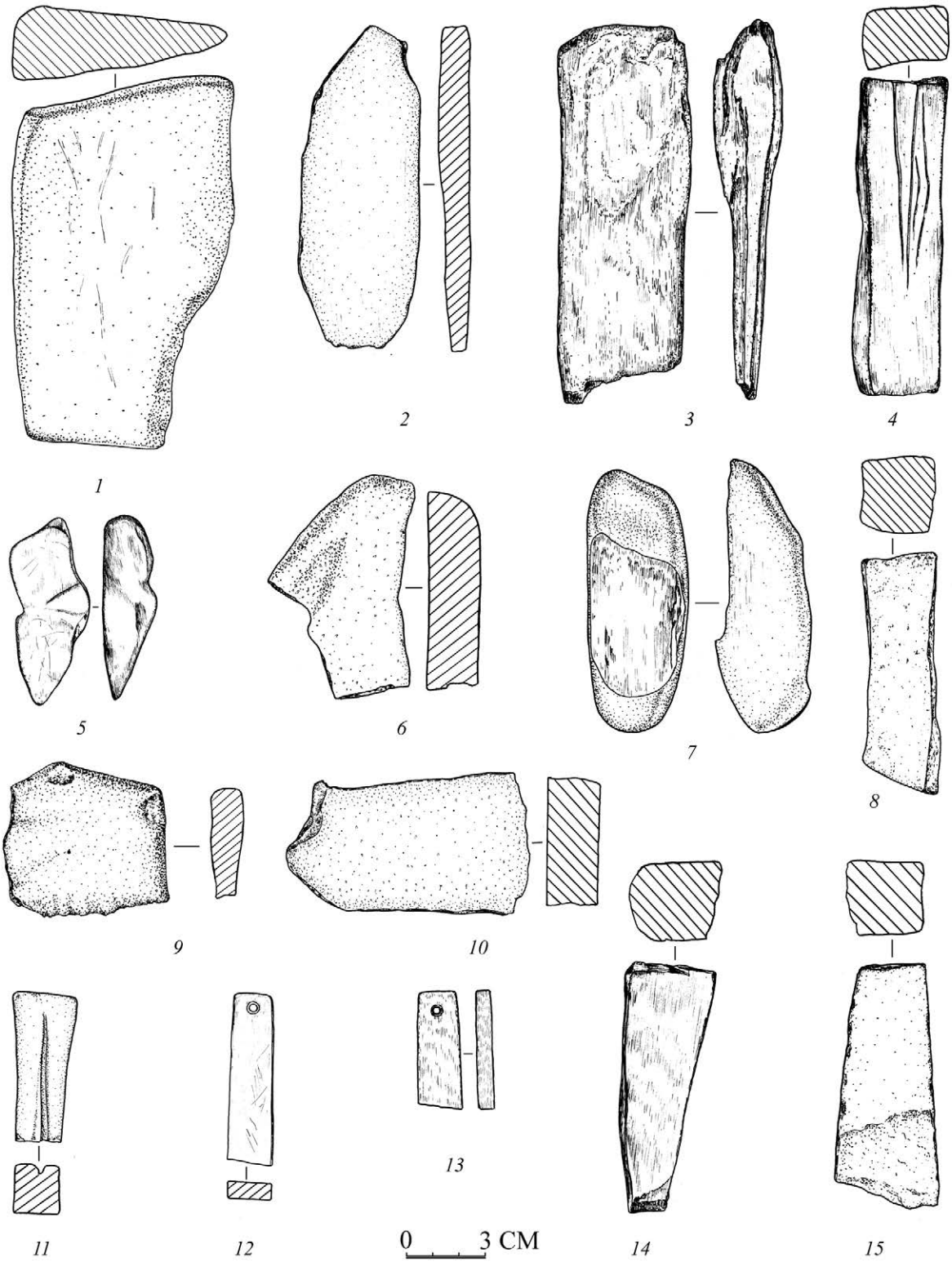

Рис. 124. Городище Городок. Точильные камни (*1–11, 14, 15*) и оселки (*12, 13*).

1 – Ш2-4-2, 2 – Р1-Я1А-2, 3 – Р1-Я1В-1б, 4 – Р2-Я1-3, 5 – Р1-1-10А, 6 – Р1-3-3, 7 – Р1-Я1А-2, 8 – Р2-1-1А, 9 – Ш1-3, 10 – Р1-3-2, 11 – Р1-Я2-2б, 12 – Р1-Я2-1, 13 – Р3-3-5, 14 – Р2-Я1-1б, 15 – Р1-Я1В-1а

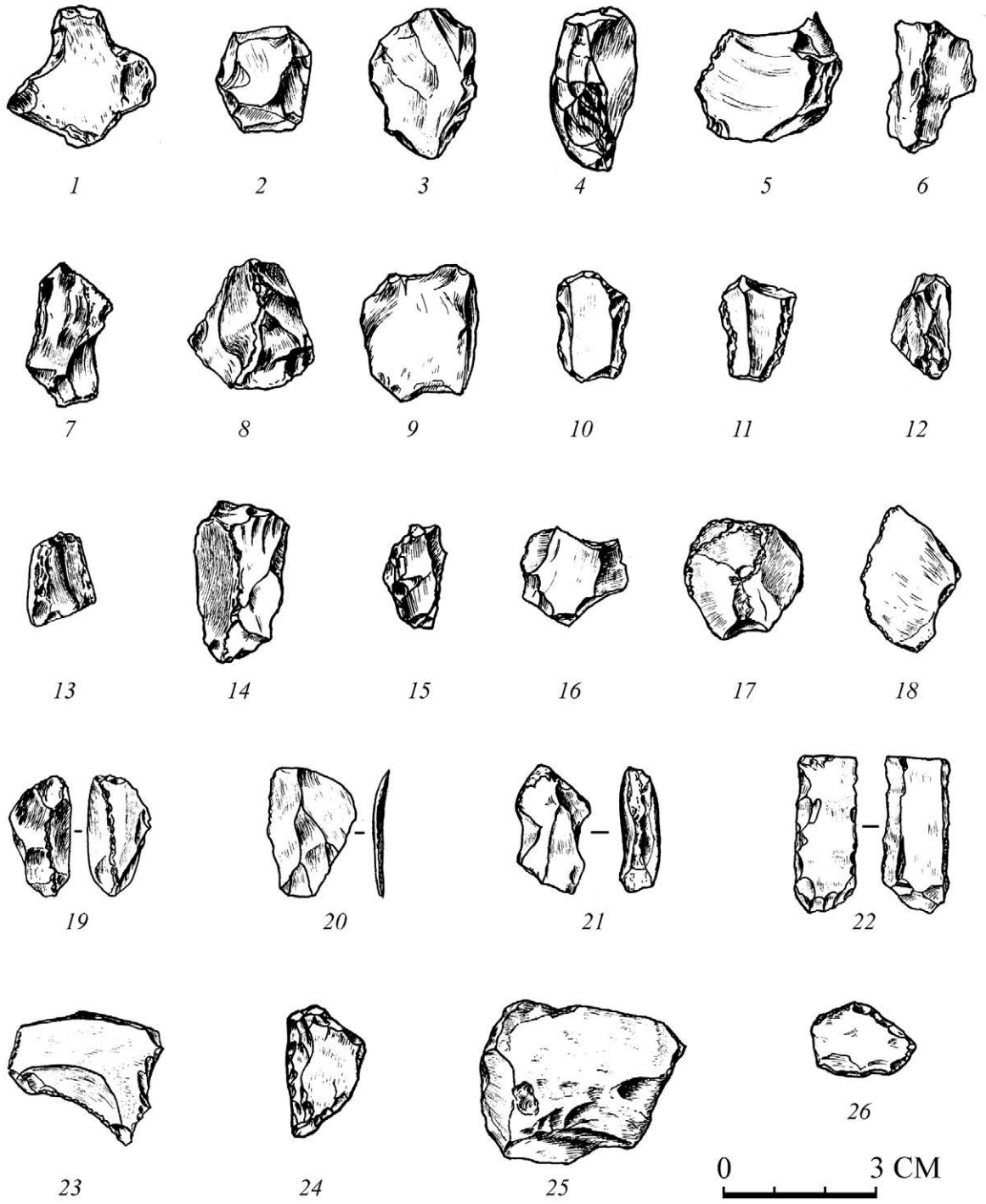

Рис. 125. Городище Городок. Кресальные кремни (*1–19, 21, 22, 24–26*), отщеп (*20*) и перфоратор (*23*) из кремня.

1 – Р2-Я2-1, *2* – Р3-2-2, *3* – Р3-2-6А, *4* – Р3-6-9, *5* – Р2-Я1-2, *6* – Р2-Я1-1, *7* – Р2-Я1-1, *8* – Р1-3-1, *9* – Р3-3-4, *10* – Р3-2-1А, *11* – Р1-4-1А, *12* – Р1-Я1А-1, *13* – Р1-Я1А-1а, *14* – Р1-Я1Б-1, *15* – Р3-3-2, *16* – Р2-2-4А, *17* – Р1-5-1, *18* – Р2-Я2-1, *19* – Р1-2-5, *20* – Ш2-4-1, *21* – ПМ-2003, *22* – Р1-Я2-1, *23* – Р1-Я2-2б, *24* – Р3-4-7, *25* – Ш2-5-1, *26* – Р3-3-1Б.

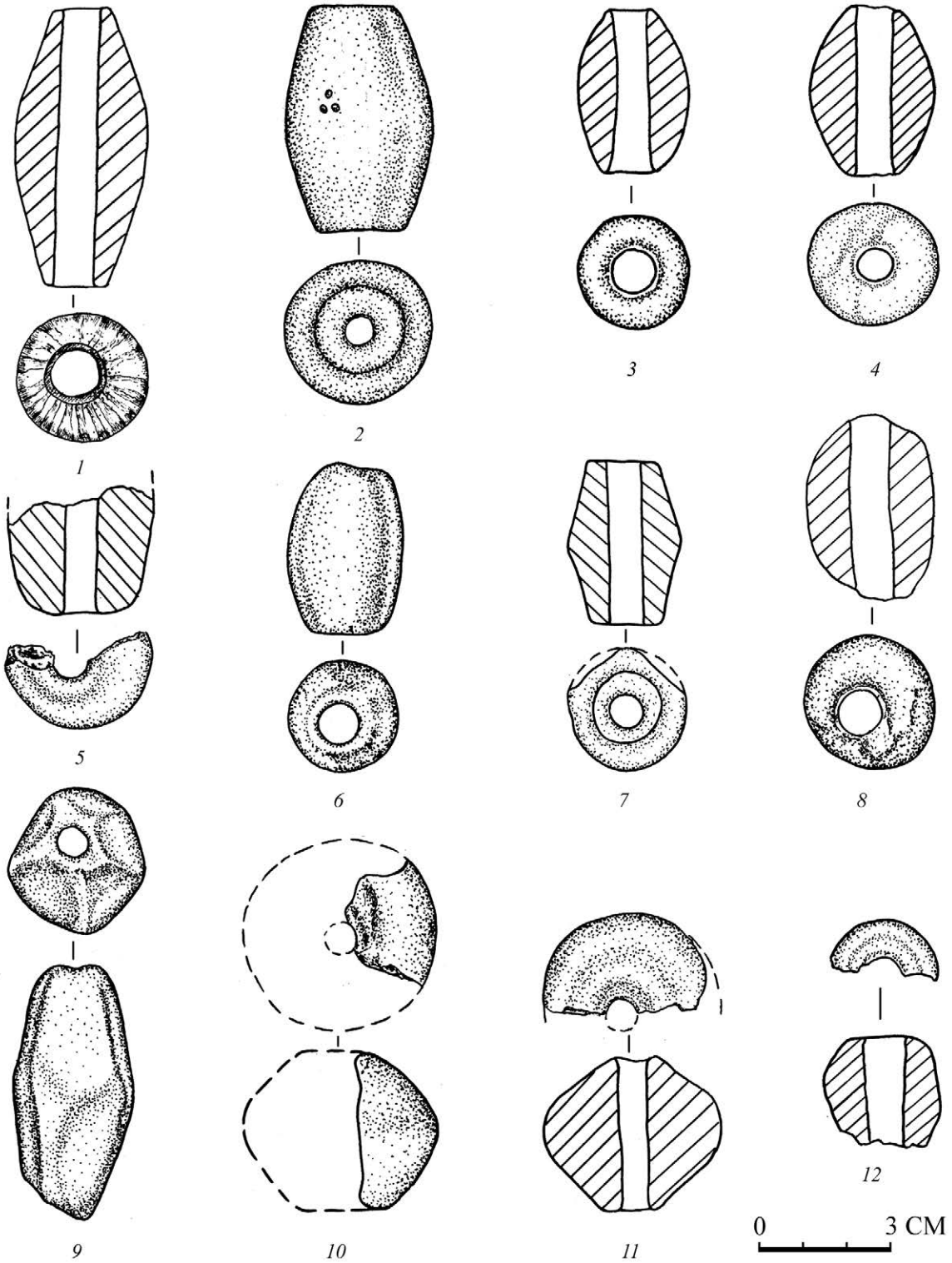

Рис. 126. Городище Городок. Керамические грузила от рыболовных сетей и их фрагменты (*1–12*).
1 – Р3-3-7, *2* – Р3-3-2, *3* – Р3-3-6Б, *4* – Р1-3-10, *5* – Р1-4-2, *6* – Р3-3-2, *7* – Р1-4-1А, *8* – Р3-4-9, *9* – Р1-Я1А-2, *10* – ПМ-2003, *11* – Р1-Я1А-2, *12* – Р1-1-9

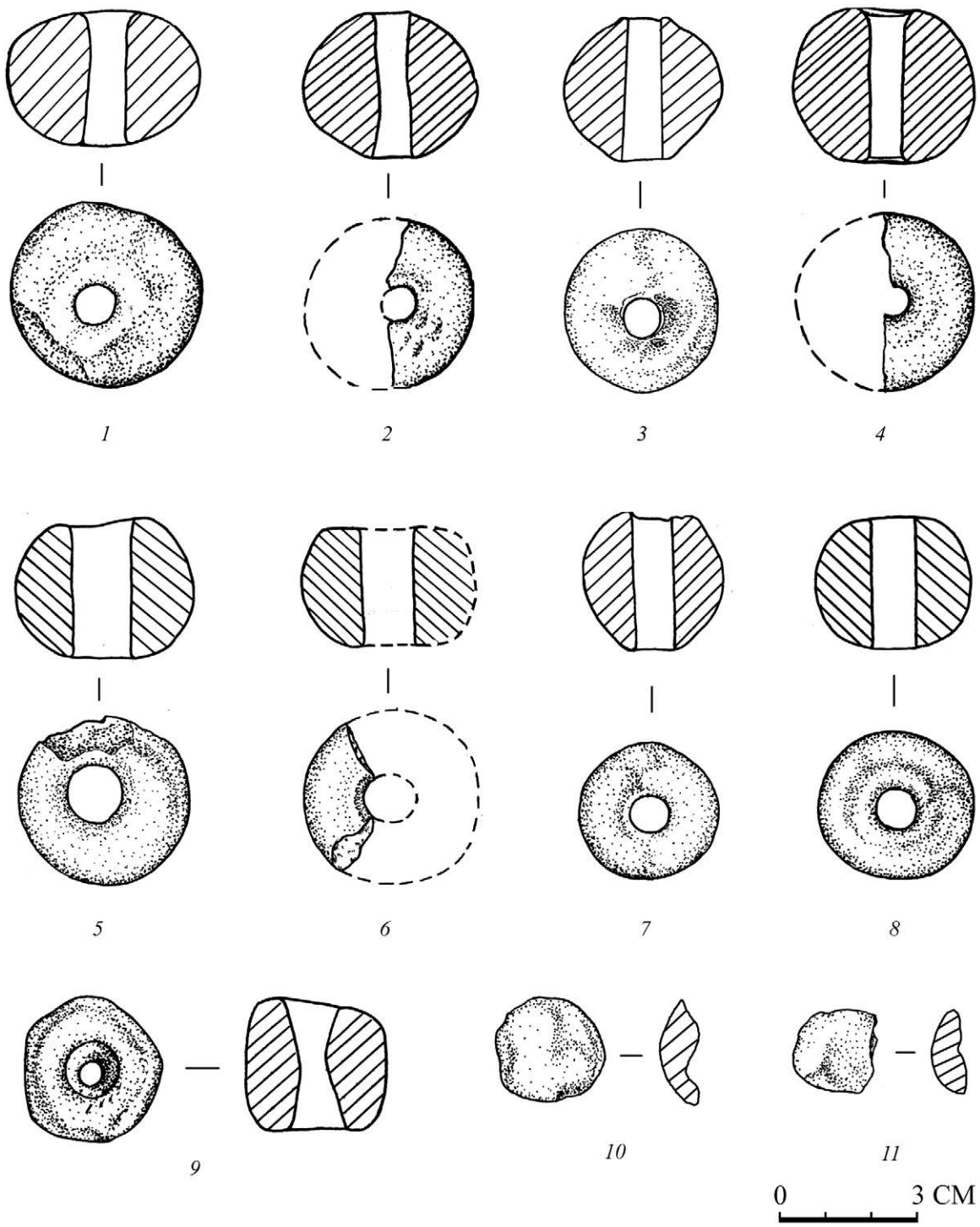

Рис. 127. Городище Городок. Керамические грузила от рыболовных сетей и их фрагменты (*1–11*).
1 – Р3-3-7, *2* – Р2-Я1-2б, *3* – Р1-1-10А, *4* – Р2-Я1-1а, *5* – Р1-2-10Б, *6* – Р1-4-1А, *7* – Р2-Я3, *8* – Р1-Я1В-2, *9* – Р3-3-7, 10 – Р2-3-3, *11* – Р2-3-3

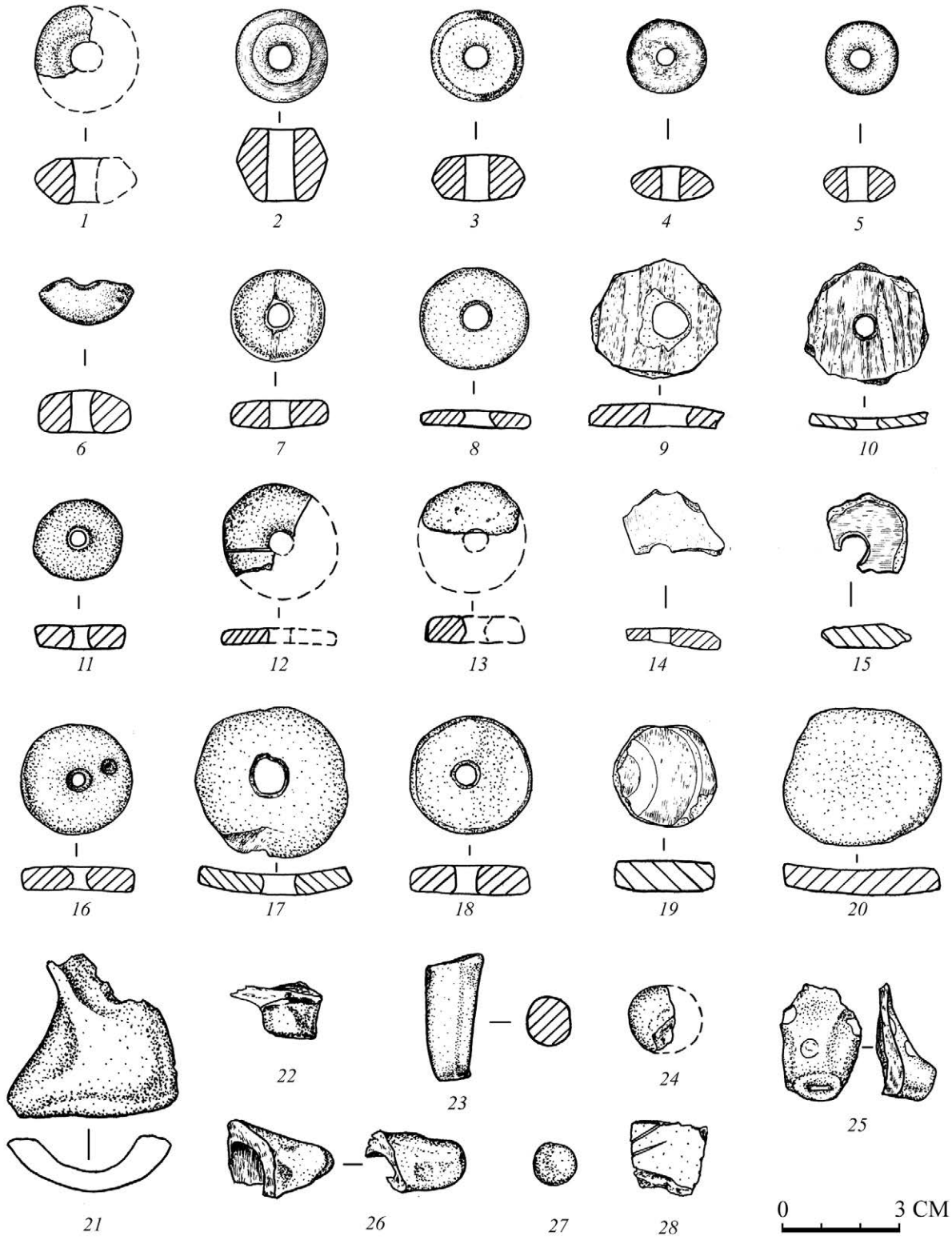

Рис. 128. Городище Городок. Изделия из керамики: пряслица (*1–18*), заготовки для пряслиц из стенок сосудов (*19, 20*), фрагменты игрушек (*21–27*), фрагмент стенки красноглиняного сосуда с граффити (*28*).

1 – Р1-Я1Б-2, *2* – Р1-2-5В, *3* – Р2-Я9, *4* – Р2-2-4А, *5* – Р1-2-5В, *6* – Р1-2-10Б, *7* – Р3-3-7, *8* – Р1-Я2-(2, 3), *9* – Р3-3-8, *10* – Р3-К1, *11* – Р3-2-1А, 12 – Р2-Я1-1а, *13* – Р2-Я1-1, *14* – Р1-2-10А, *15* – ПМ-2004, *16* – Р1-Я1Б-1, *17* – Р1-Я1Б-2, *18* – Р3-3-2, *19* – Р2-2-4, *20* – Р1-3-4А, *21* – Р3-3-3, *22* – Р1-3-10Б, *23* – Р1-2-10, *24* – Р3-К8, *25* – Р2-1-4А, *26* – Р2-Я2-1, *27* – Р3-4-8, *28* – Р3-К8

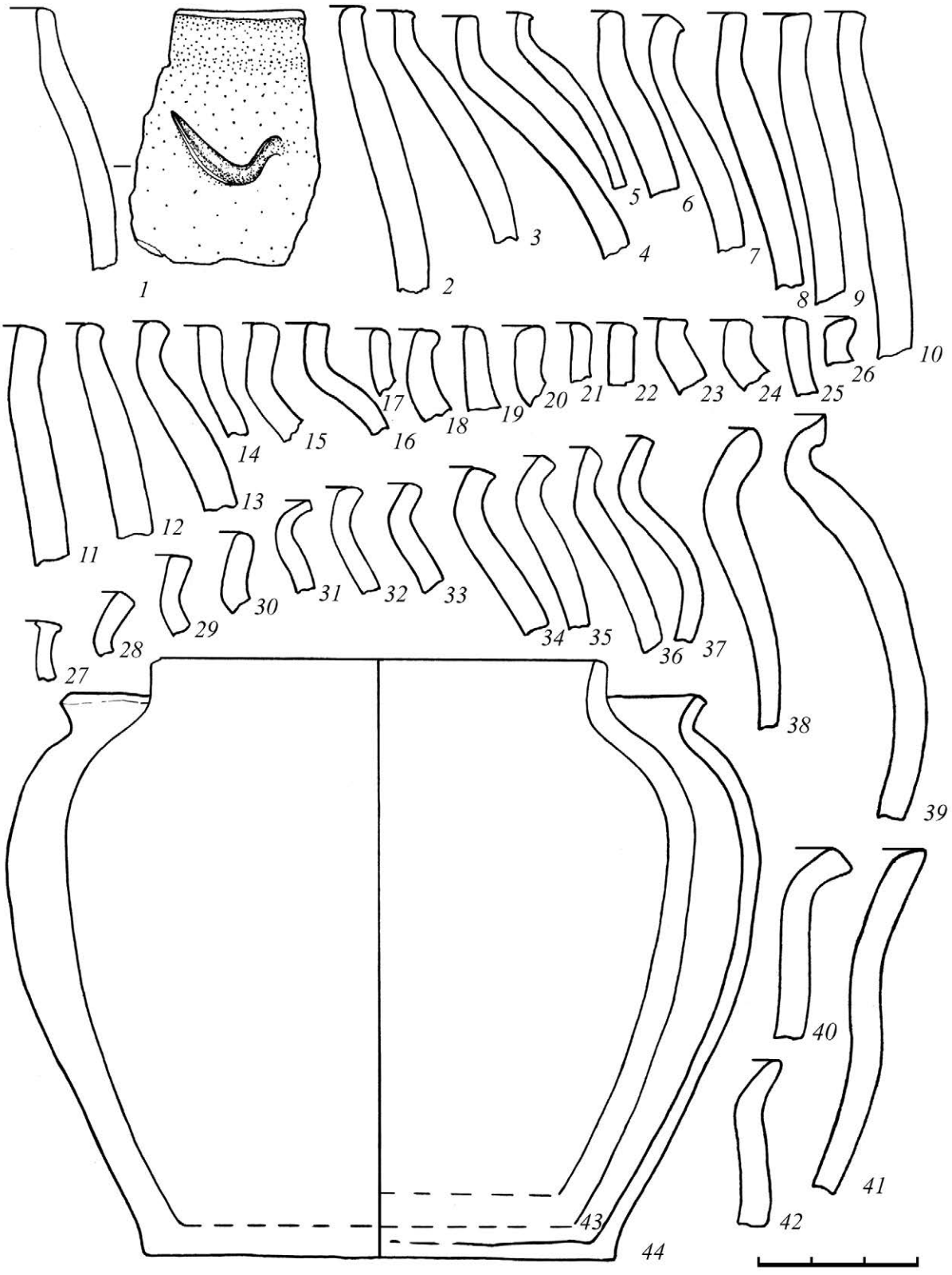

Рис. 129. Городище Городок. Лепная керамика. Фрагменты венчиков и реконструкции сосудов первой (*1–39, 43, 44*) и второй (*40–42*) форм.

1 – Р1-2-5Г, *2* – Р1-2-10А, *3* – Ш2-4-1, *4* – Р1-Я2-3, *5* – Р2-3-7, *6* – Р2-Я1-2, *7* – Р1-Я2- 2, *8*– Р1-Я2-3, *9* – Р1-Я2-2б, *10* – Р1-Я2-2б, *11* – Р1-Я2-3, *12* – Р2-Я1-3, *13* – Р2-Я1-2, *14* – Р2-Я2-1, *15* – Р1-2-5Г, *16* – Р1-Я2-3, *17* – Ш2-4-2Б, *18* – Р2-Я1-3, *19* – Р2-Я1-3, *20* – Ш2-3-1, *21* – Ш2-3-1, *22* – Р2-Я1-3, *23* – Р1-Я2-3, *24* – Ш2-2-1, *25* – Ш2-2-2, *26* – Ш2-2-2, *27* – Р3-2-1, *28* – Р2-Я2-3, *29* – Р3-2-8, *30* – Р1-Я1-3, *31* – Р1-Я2-2, *32* – Р2-Я1-2, *33* – Р1-Я2-3, *34* – Р2-3-4Б, *35* – Р2-Я1-1а, *36* – Р1-3-9, *37* – Р2-4-7, *38* – Р1-1Б-(2а, 2б), *39* – Р1-Я1Б-(2а, 2б), *40* – Р1-Я1Б-(2а, 2б), *41* – Р1-Я1Б-(2а, 2б), *42* – Р3-3-7, *43* – Р2-Я1-2 (табл. 29, № 1), *44* – Р1-Я2-3 (табл. 29, № 2)

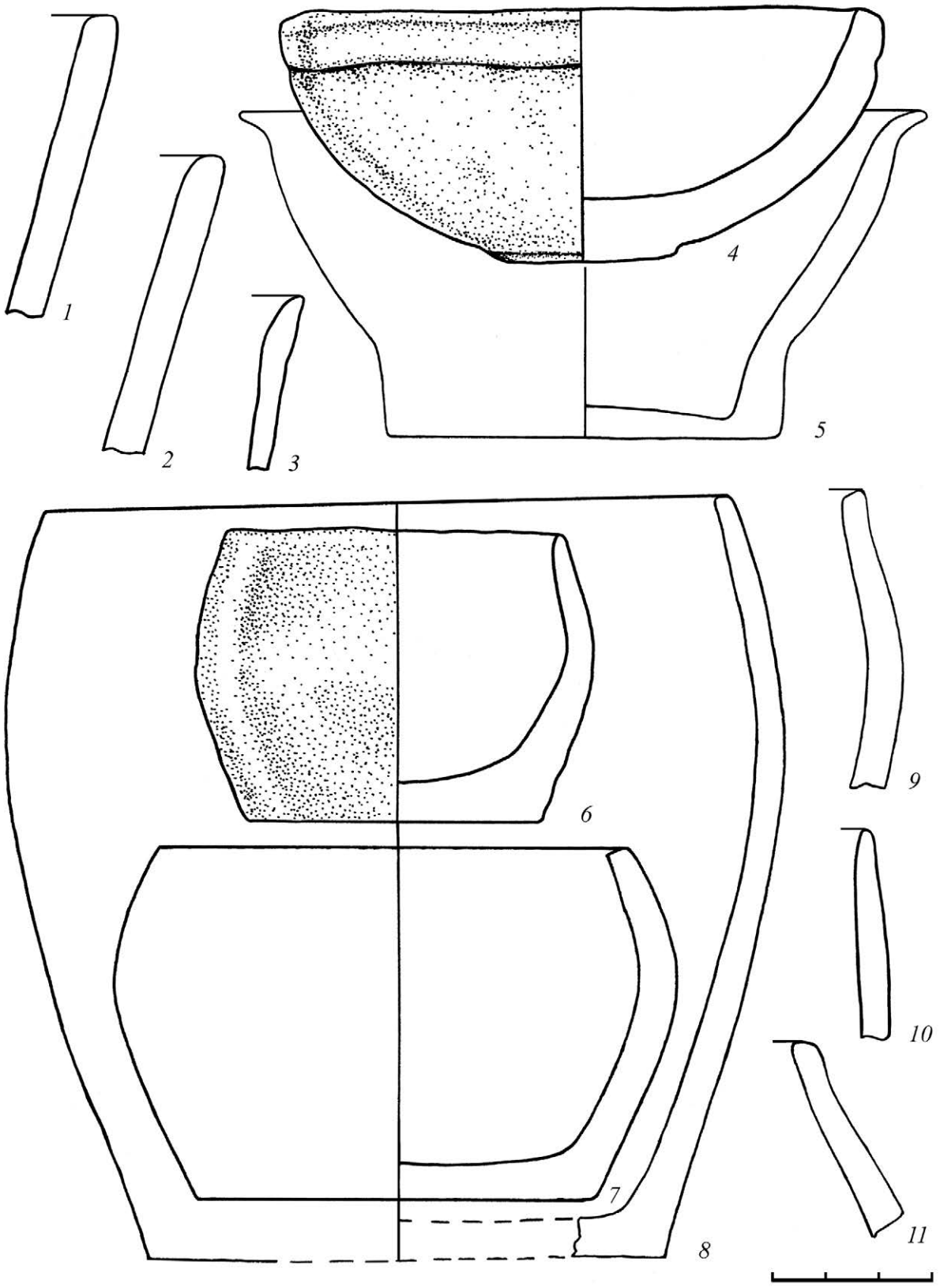

Рис. 130. Городище Городок. Лепная керамика. Фрагменты венчиков и реконструкции сосудов третьей (*6–11*) и четвёртой (*1–5*) форм.

1 – Р1-Я2-3, *2* – Р1-Я2-3, *3* – Р1-Я1Б-2а, *4* – Р1-Я1Б-(2а, 2б) (табл. 29, №7), *5* – Р2-Я1-2 (табл. 29, № 6), *6* – Р1-Я1Б- (2а, 2б) (табл. 29, № 3), *7* – Р2-Я1-2 (табл. 29, № 4), *8*– Р2-Я2-2а (табл. 29, № 5), *9* – Р2-Я1-2, *10* – Р3-3-2, *11* – Р1-1-5

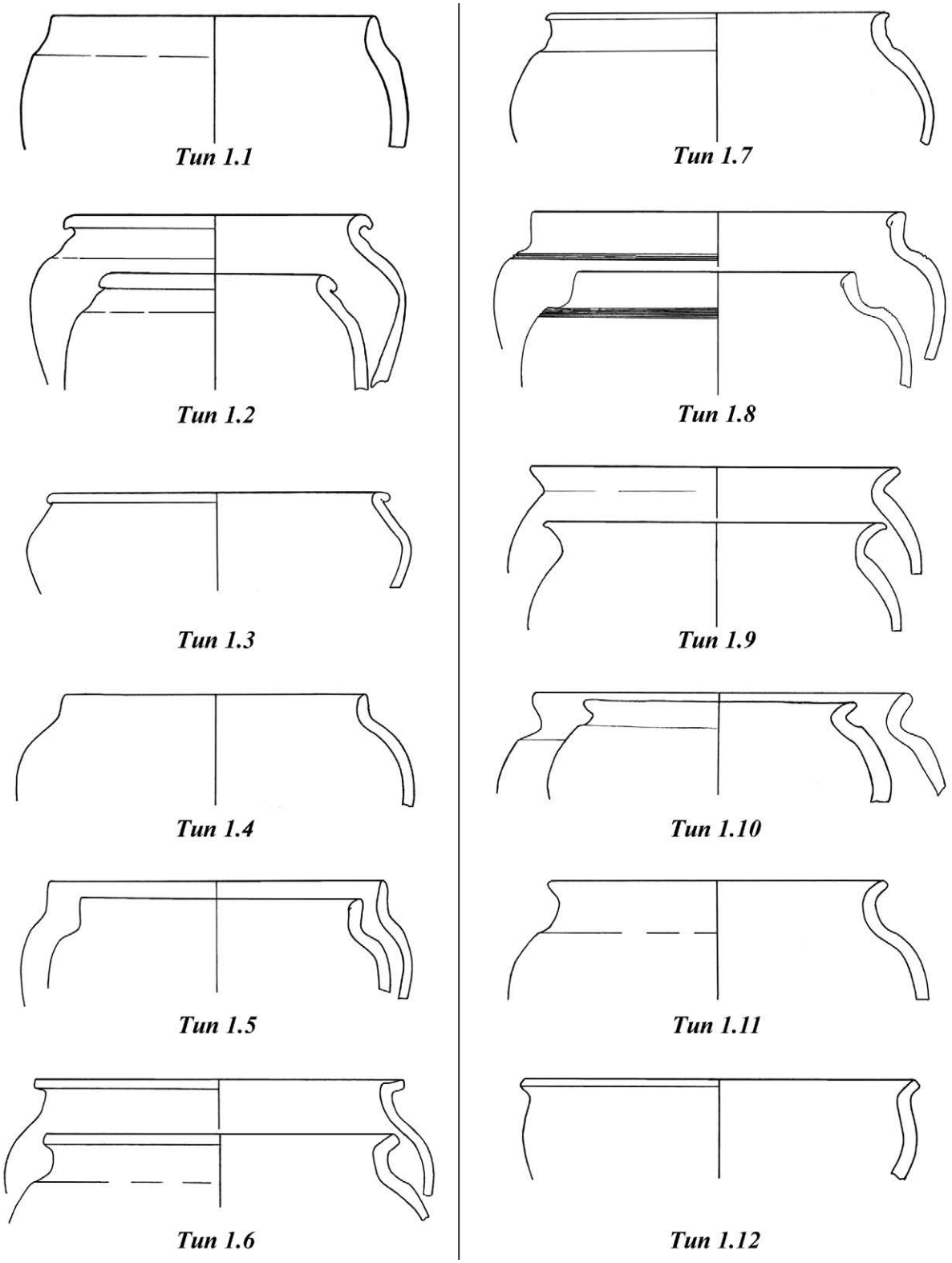

Рис. 131. Городище Городок. Типы верхних частей красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс. Подгруппа II-1: *типы 1.1–1.12*

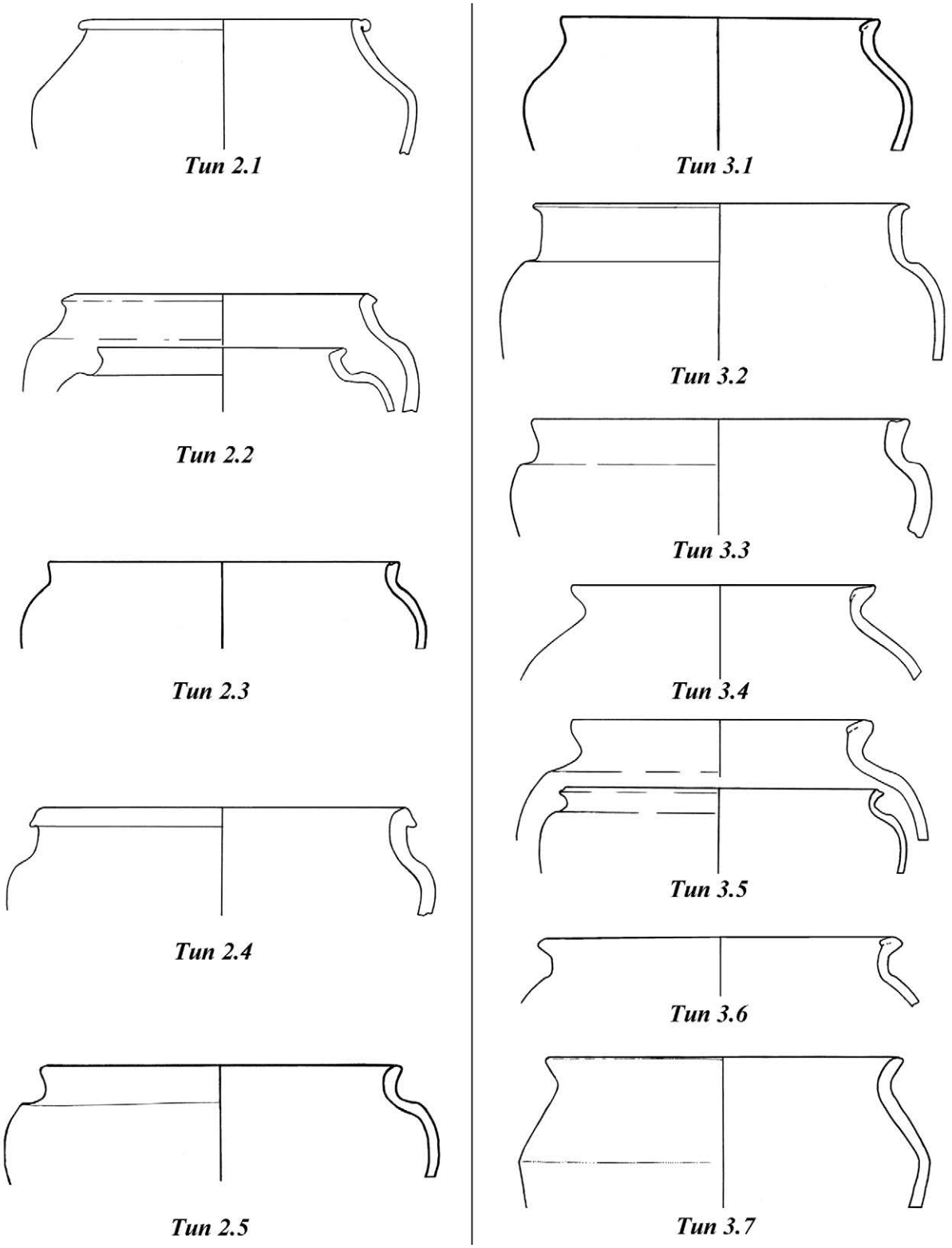

Рис. 132. Городище Городок. Типы верхних частей красноглиняных горшков с преобладанием редкой дресвы (подгруппа II-2) и частой крупнозернистой примеси (подгруппа II-3) в формовочной массе. Подгруппа II-2: *типы 2.1–2.5*. Подгруппа II-3: *типы 3.1–3.7*

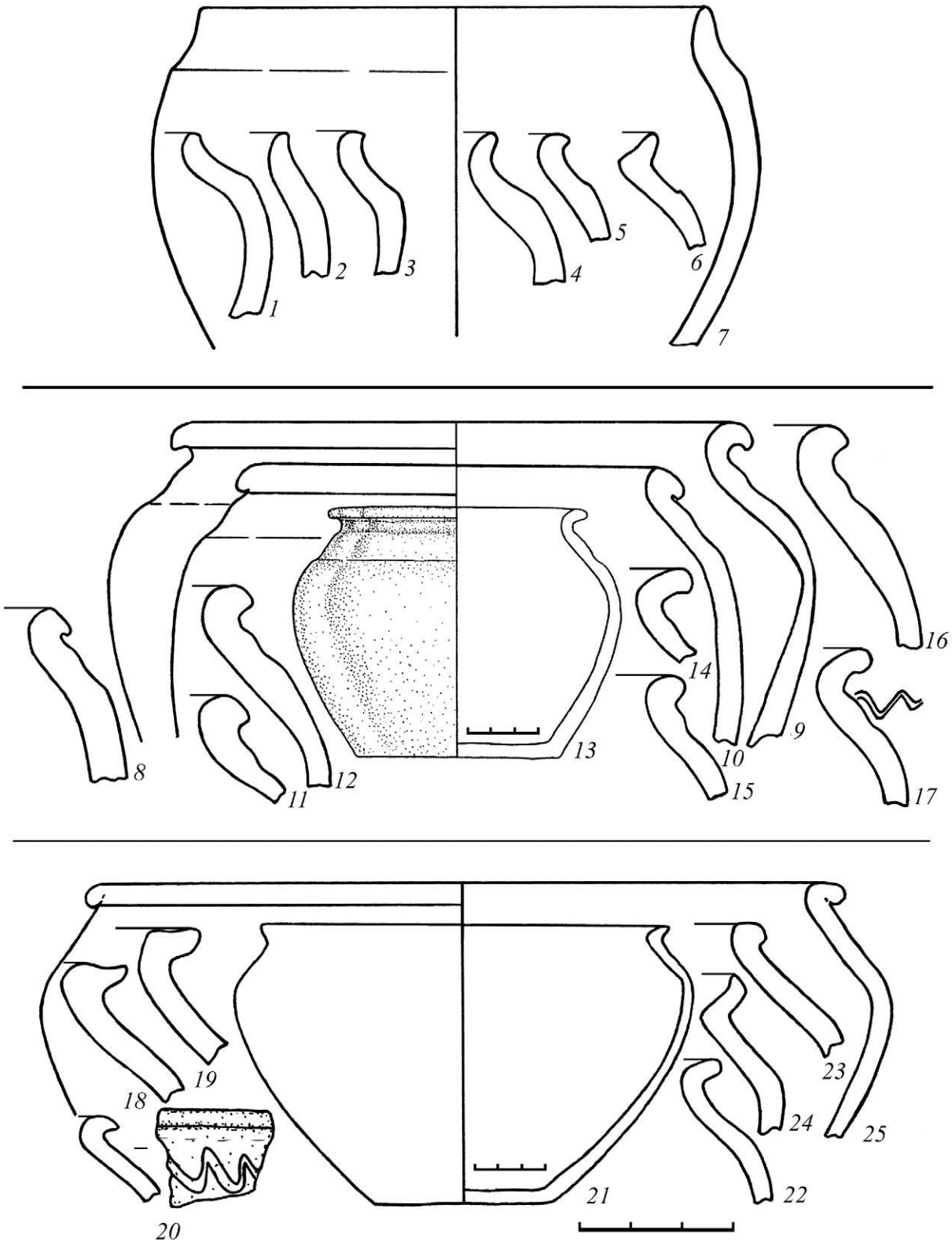

Рис. 133. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.1: *1–7*. Тип 1.2: *8–17*. Тип 1.3: *18–25*.

1 – Ш2-1-2А, *2* – Р3-1-6, *3* – Р2-1-1А, *4* – Р2-1-1А, *5* – Р2-1-1, *6* – Р2-3-8, *7* – Р3-3-7, *8*– Р1-Я2-3, *9* – Р1-Я2-2, *10* –Р2-1-2, *11* – Р1-1-5А, *12* – Р2-1-1А, 13 – Р1-Я2-3 (табл. 29, № 8), *14* – Р2-Я1-2а, *15* – Р1-3-7, *16* –Р1-1-4, *17* – Р1-4-1А, *18* – Р1-3-6, *19* – Р1-1-5В, *20* – Ш2-Я1, *21* – Р2-Я2-2 (табл. 29, № 9), *22* – Р1-Я2-3, *23* – Р3-1-2, *24* – Р2-Я2-2а, *25* – Р1-Я1А-2

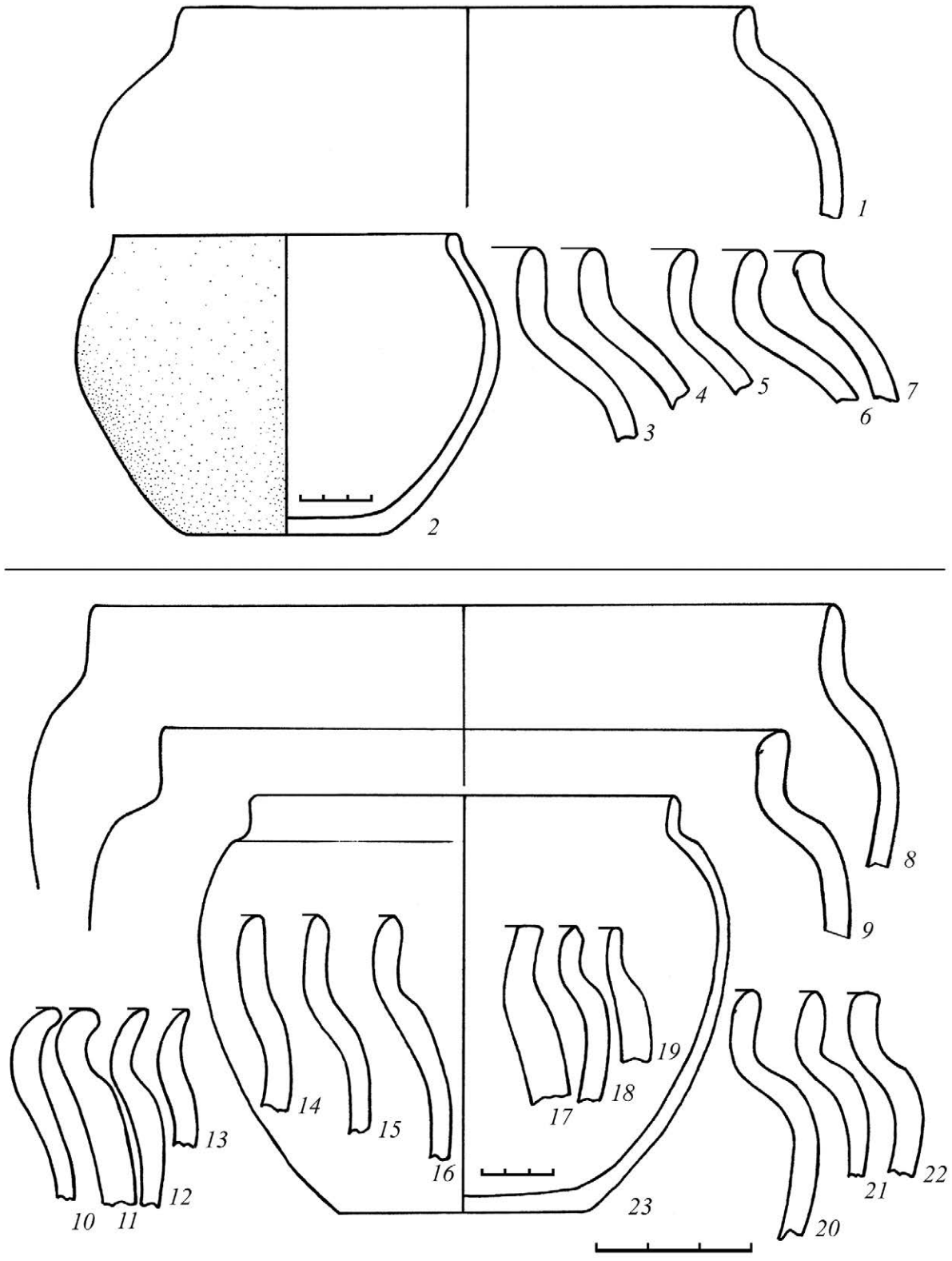

Рис. 134. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.4: *1–7*. Тип 1.5: *8–23*.

1 – Р1-1-4, *2* – Р2-Я1-3 (табл. 29, № 10), *3* – Р1-2-5В, *4* – Р1-2-4А, *5* – Р2-2-4, *6* – Р1-3-3, *7* – Р1-1-2, *8*– Р1-3-2, *9* – Р1-3-2, *10* – Р3-3-3, *11* – Р1-2-8, 12 – Р1-1-2Б, *13* – Р3-2-1, *14* – Р3-3-2, *15* – Р2-3-4Б, *16* – Р1-1-1, *17* – Р1-1-6, *18* – Р1-1-6, *19* – Р1-1-6, *20* – Р1-2-10А, *21* – Р1-2-2, *22* – Р1-2-8, *23* – Р2-Я1-2 (табл. 29, № 11)

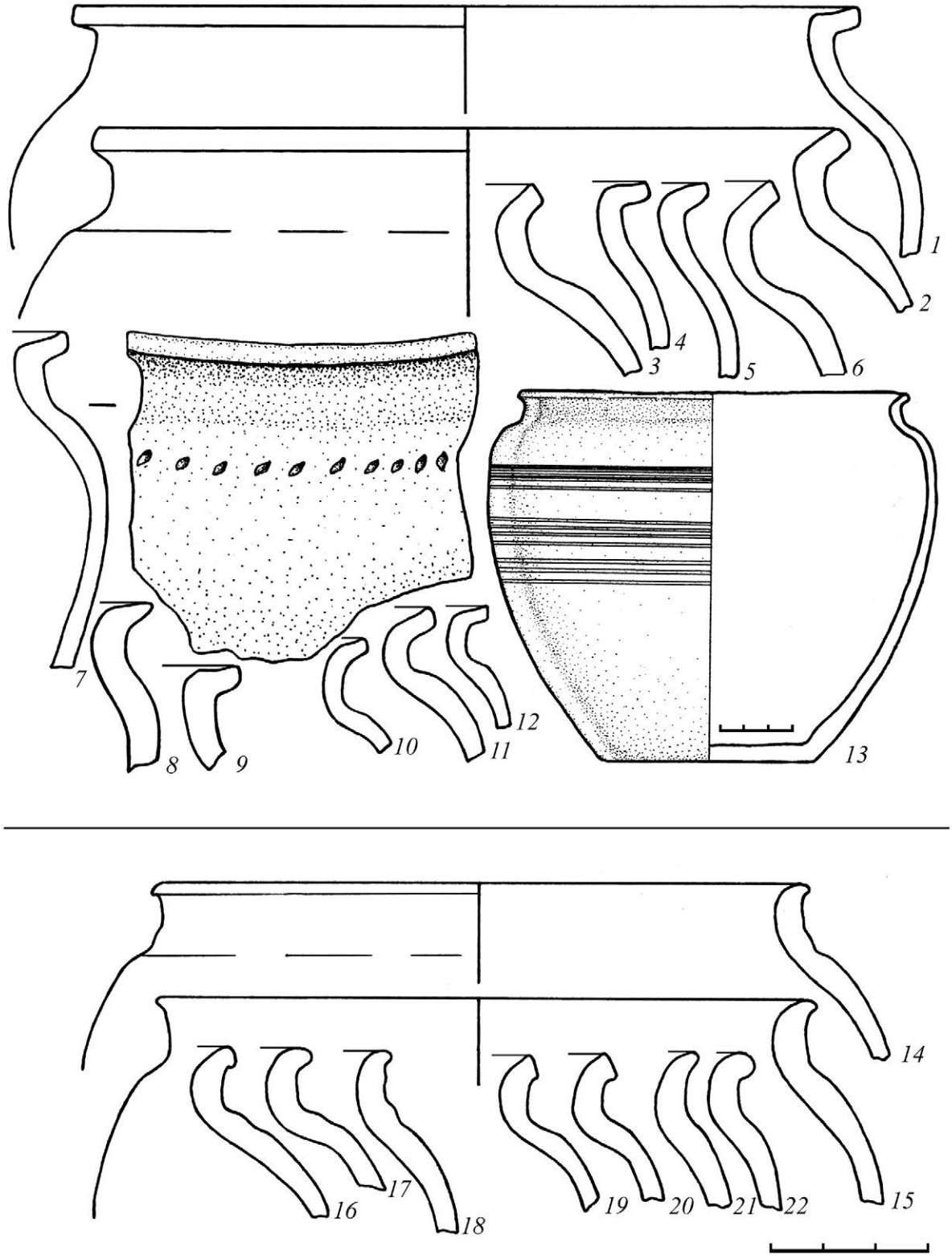

Рис. 135. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.6: *1–13*. Тип 1.7: *14–22*.

1 – Р1-Я2-3, *2* – Р1-2-5Б, *3* – Р1-4-3, *4* – Р2-4-9, *5* – Р1-2-10Б, *6* – Р1-2-4, *7* – Р1-Я2-3, *8*– Р1-2-5А, *9* – Р1-2-10, *10* – Р2-3-2, *11* – Р3-1-1, *12* – Р3-2-1, *13* – Р1-1А-2 (табл. 29, № 29), *14, 15* – Р2-4-9, *16, 17, 18* – Р3-1-2, *19* – Р1-1-5Г, *20* – Р1-1-3, *21* – Р3-6-9, *22* – Р3-2-6Б

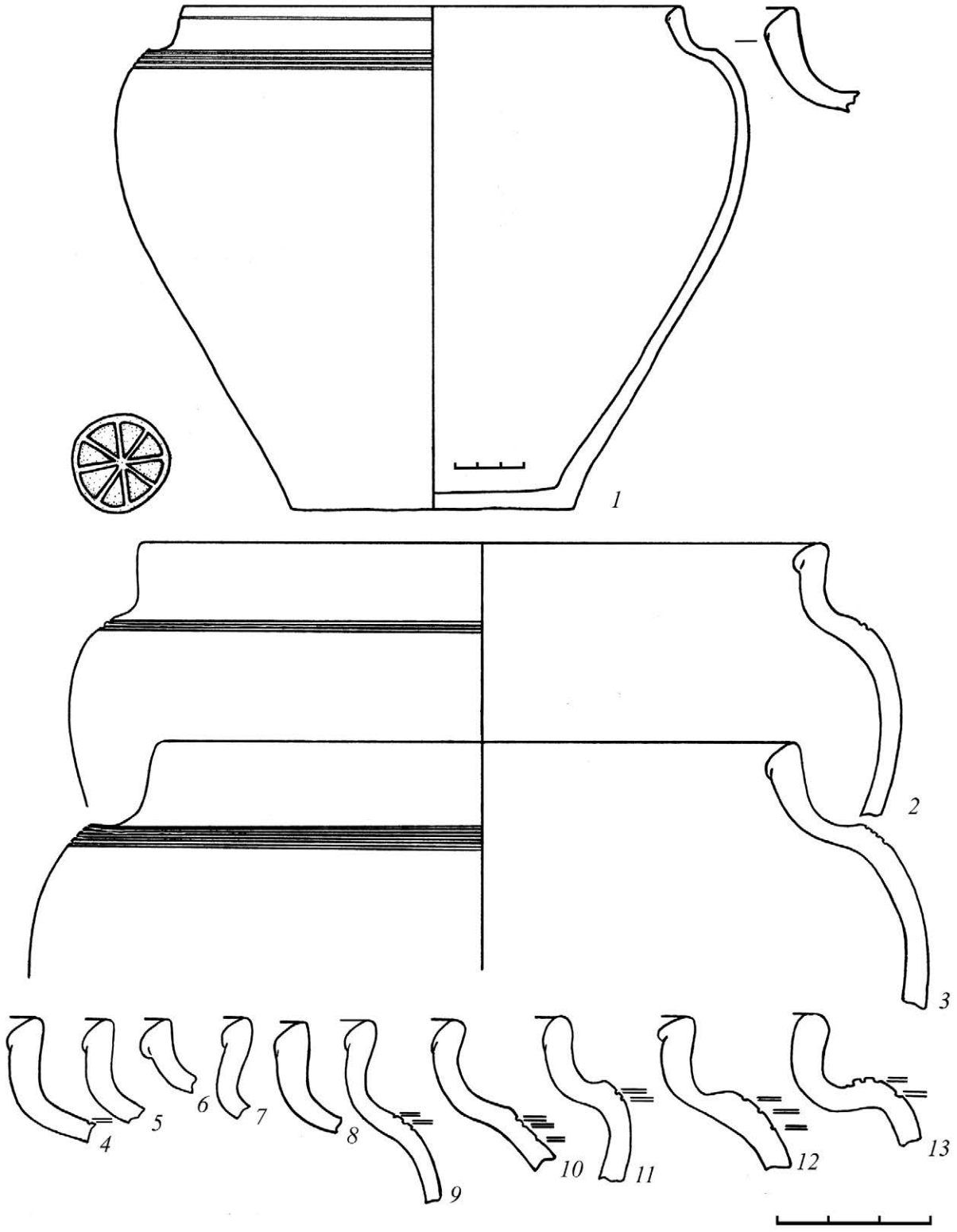

Рис. 136. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.8: *1–13*.

1 – Р-Я1-1 (табл. 29, № 13), *2* –Ш2-5-2Б, *3* – Р3-2-2, *4* – Р2-Я1-1б, *5* – Р2-3-4А, *6* – Р2-Я1-2б, *7, 8*– Р3-2-1, *9* – Р2-Я1-1а, *10* – Р2-2-2, *11* – Р2-2-1, *12* – Р1-1-3, *13* – Р2-Я1-1б

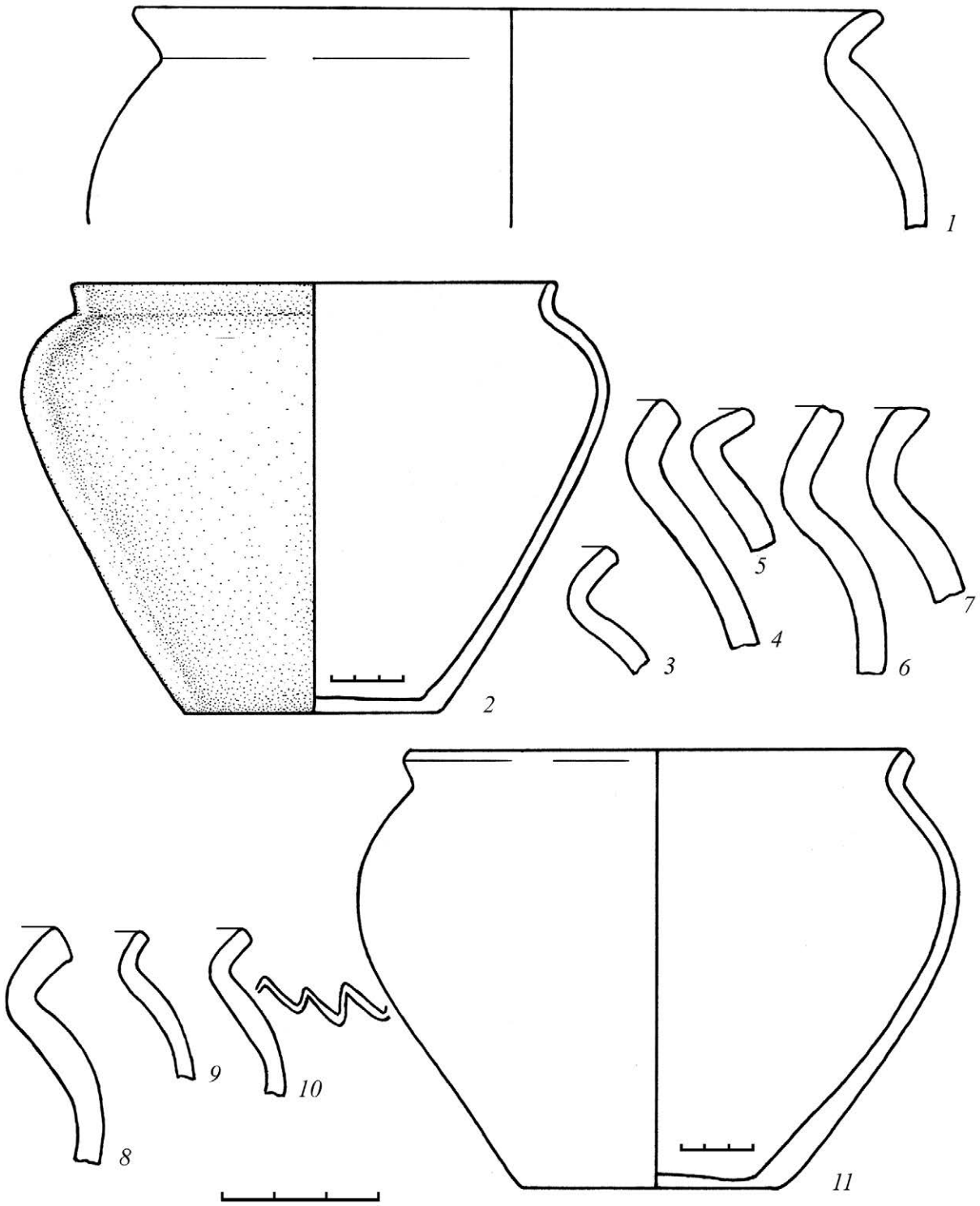

Рис. 137. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.9: *1–11*.

1 – Р2-1-7, *2* – Р1-Я2-3 (табл. 29, № 14), *3* – Р1-3-10Б, *4* – Р2-Я1-1а, *5* – Р1-1Б-1, *6* – Р1-Я2-3, 7 – Р3-1-6, *8* – Р1-1-5А, *9* – Р1-3-5В, *10* – Р3-1-1, *11* – Р1-Я2-3 (табл. 29, № 15)

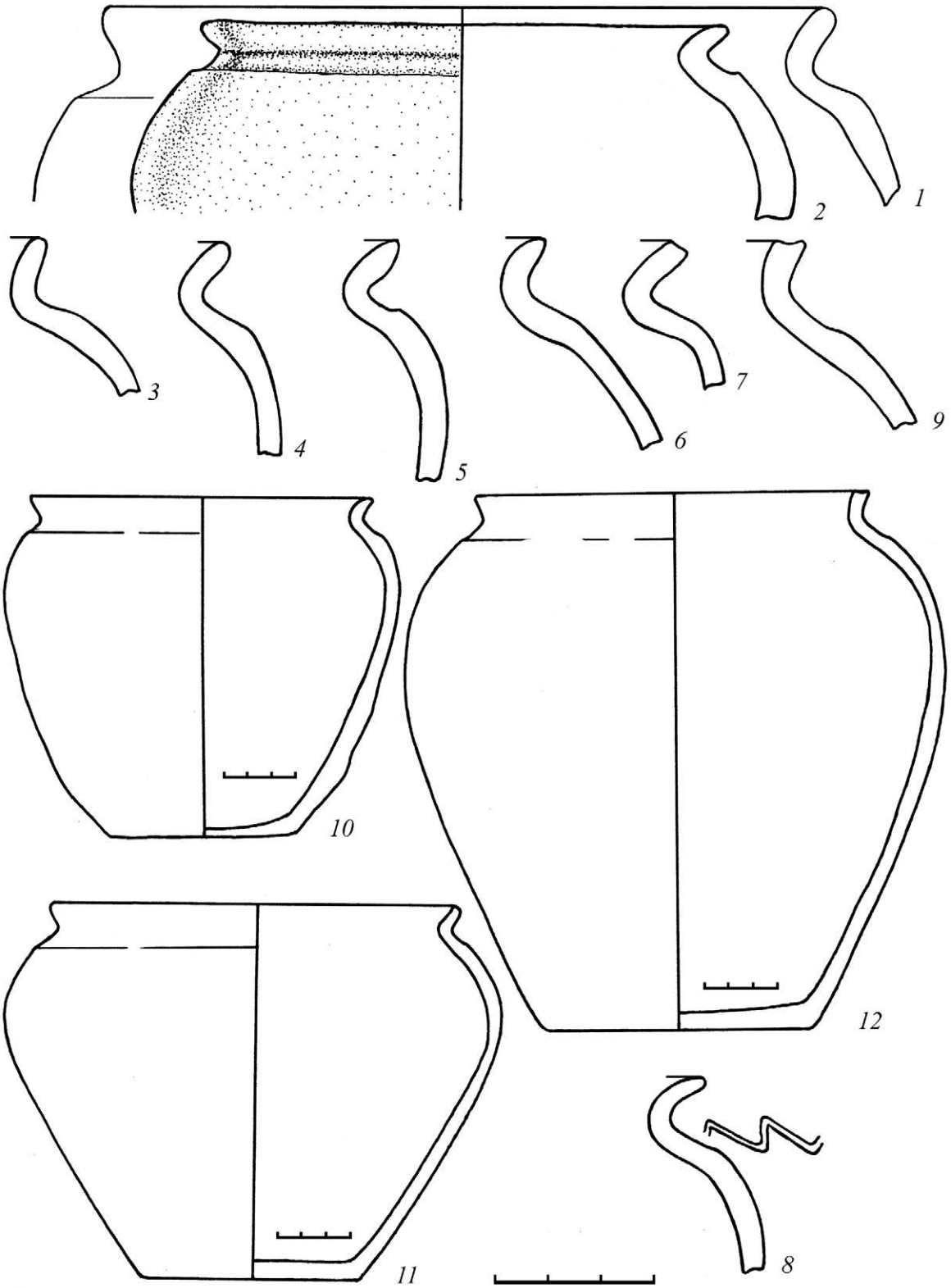

Рис. 138. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.10: *1–12*.

1 – Р1-2-5В, *2* – Р1-Я2-1, *3* – Р1-1-5, *4* – Р2-2-1, *5* – Р2-Я1-2б, *6* – Р1-4-1А, *7* – Р1-1-1Б, *8*– Р1-2-7, *9* – Р3-1-2, *10* – Р1-1Б- (2а, 2б) (табл. 29, № 17), *11* – Р2-Я1-3 (табл. 29, № 18), *12* – Р1-1Б-(2а, 2б) (табл. 29, № 16)

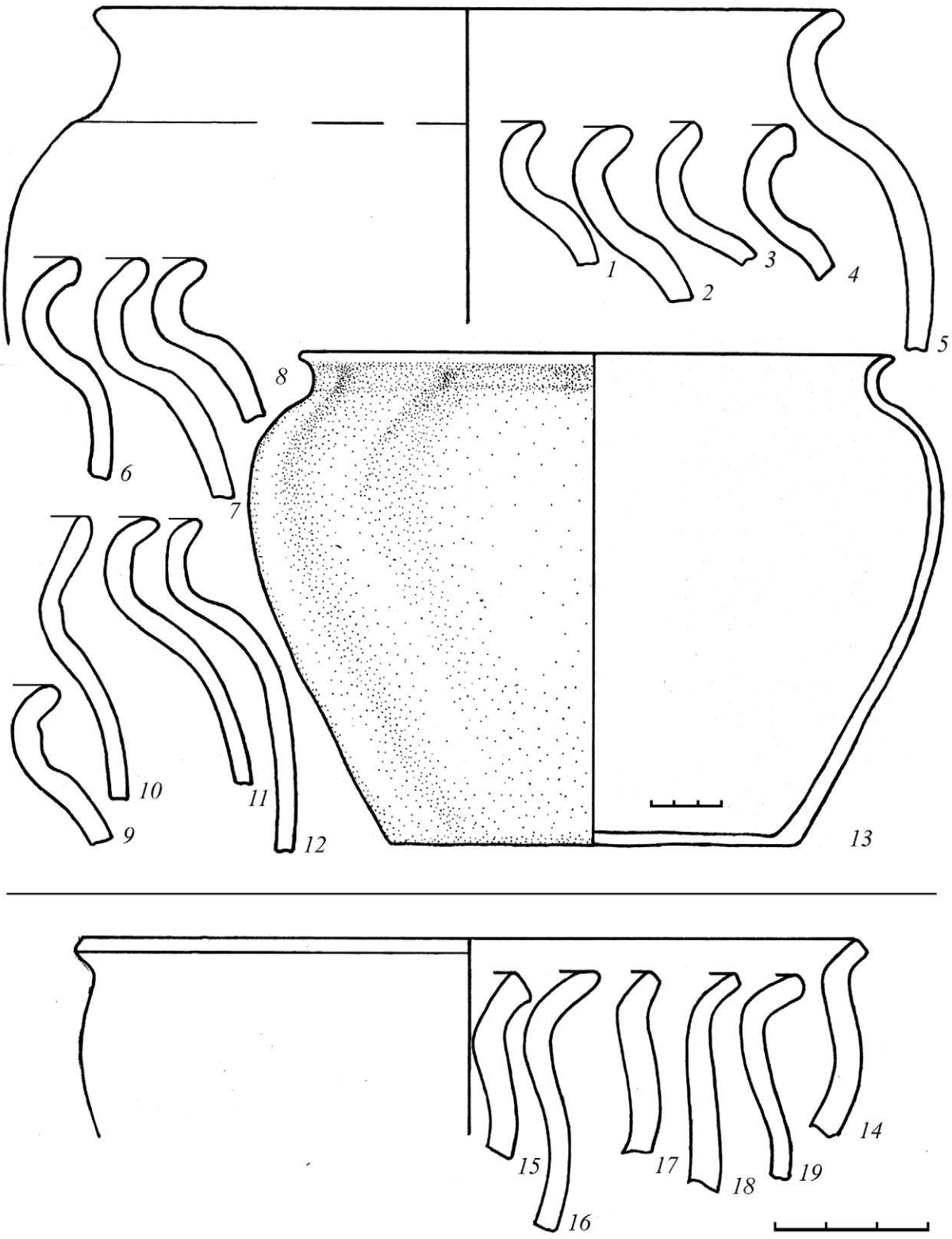

Рис. 139. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием тонких формовочных масс (подгруппа II-1). Тип 1.11: *1–13*. Тип 1.12: *14–19*.

1 – ПМ-2004, *2* – Р1-3-2, *3* – Ш2-5-1, *4* – Р1-1В-1б, *5* – Р1-Я2-2б, *6* – Р2-Я1-1а, *7* – Р1-Я2-3, *8*– Ш2-4-2А, *9* – Р3-5-5, *10* – Р1-Я2-3, *11* – Р1-Я2-3, *12* – ПМ-2003, *13* – Р1-Я2-3 (табл. 29, № 19), *14* – Р1-3-5А, *15* – Ш2-4-1, *16* – Р2-Я1-2б, *17* – Р3-3-7, *18* – Ш2-4-2Б, *19* – Ш2-4-1

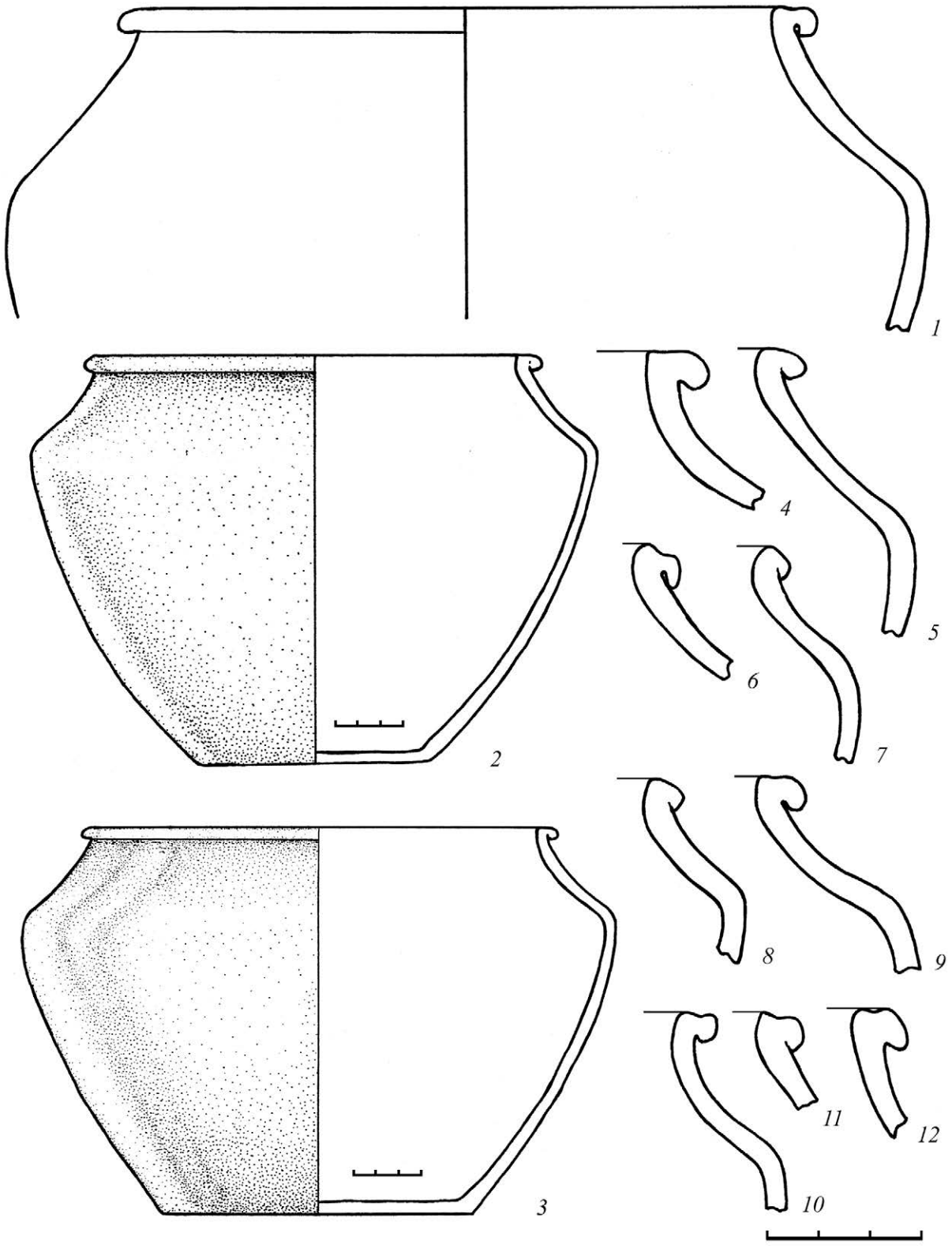

Рис. 140. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием редкой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-2). Тип 2.1: *1–12*.

1 – Р1-1-4, *2* – Р1-Я2-3 (табл. 29, № 21), *3* – Р1-Я2-3 (табл. 29, № 20), *4* – Р1-2-5Б, *5* – Р1-Я2-3, *6* – Р1-2-6, *7* – Р2-Я2-1, *8*– Р1-Я2-3, *9* – Р3-4-8, *10* – Р2-4-7, *11* – Р2-1-1, *12* – Р1-3-2

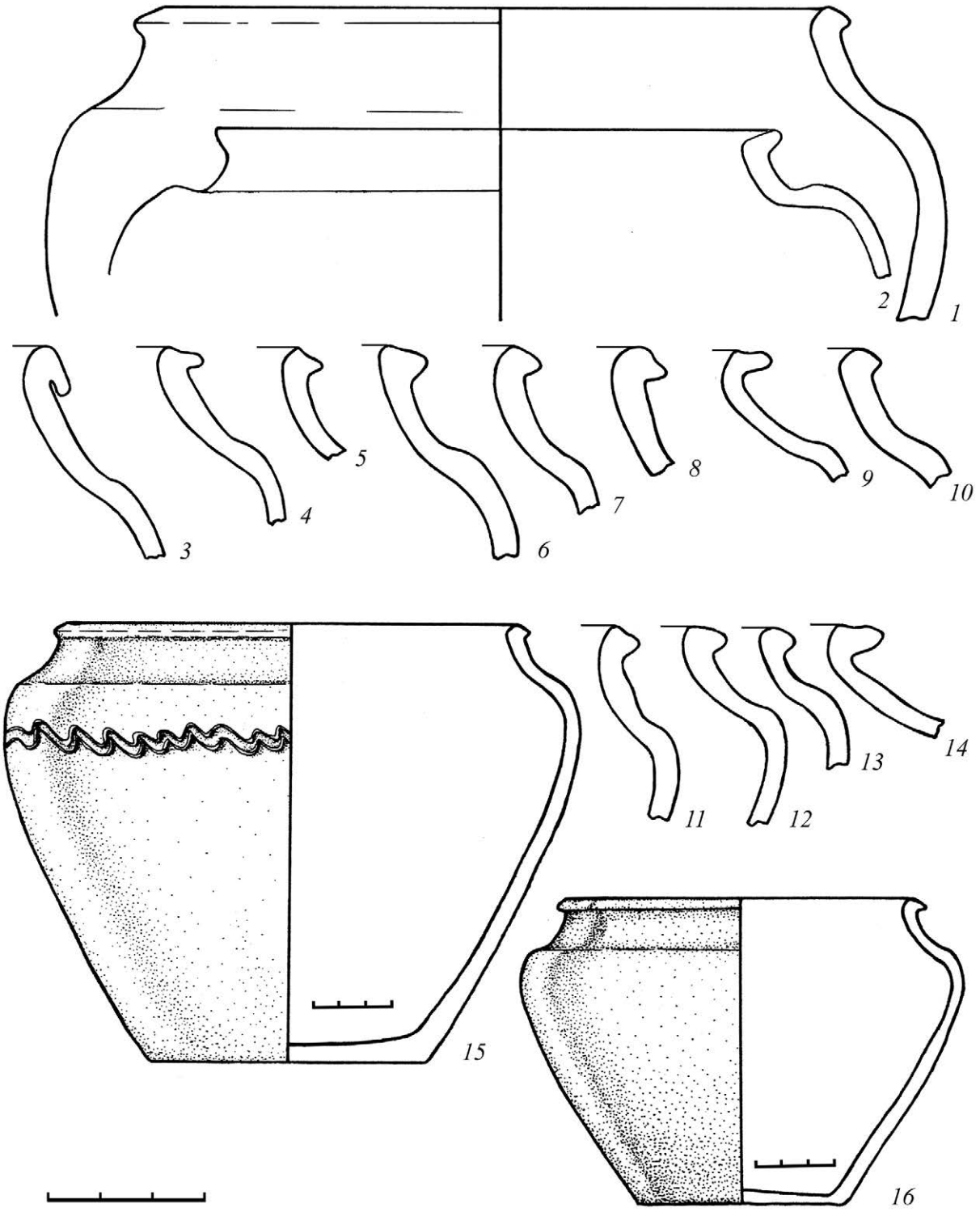

Рис. 141. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием редкой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-2). Тип 2.2: *1–16.*

1 – Р1-1Б-(2а, 2б), *2* – Р2-1-1, *3* – Р3-К8, *4* – Р1-Я1А-2, *5* – Р1-1-5А, *6* – Р2-4-4Б, *7* – Р1-Я2-3, *8*– Р1-3-10, *9* – Р1-1-5А, *10* – Р1-1Б-(2а, 2б), *11* – ПМ-2004, *12* – Р1-1А-2, *13* – Р1-1-1, *14* – Р1-3-5А, *15* – Р1-Я2-3 (табл. 29, № 22), *16* – Р1-Я2-3 (табл. 29, № 23)

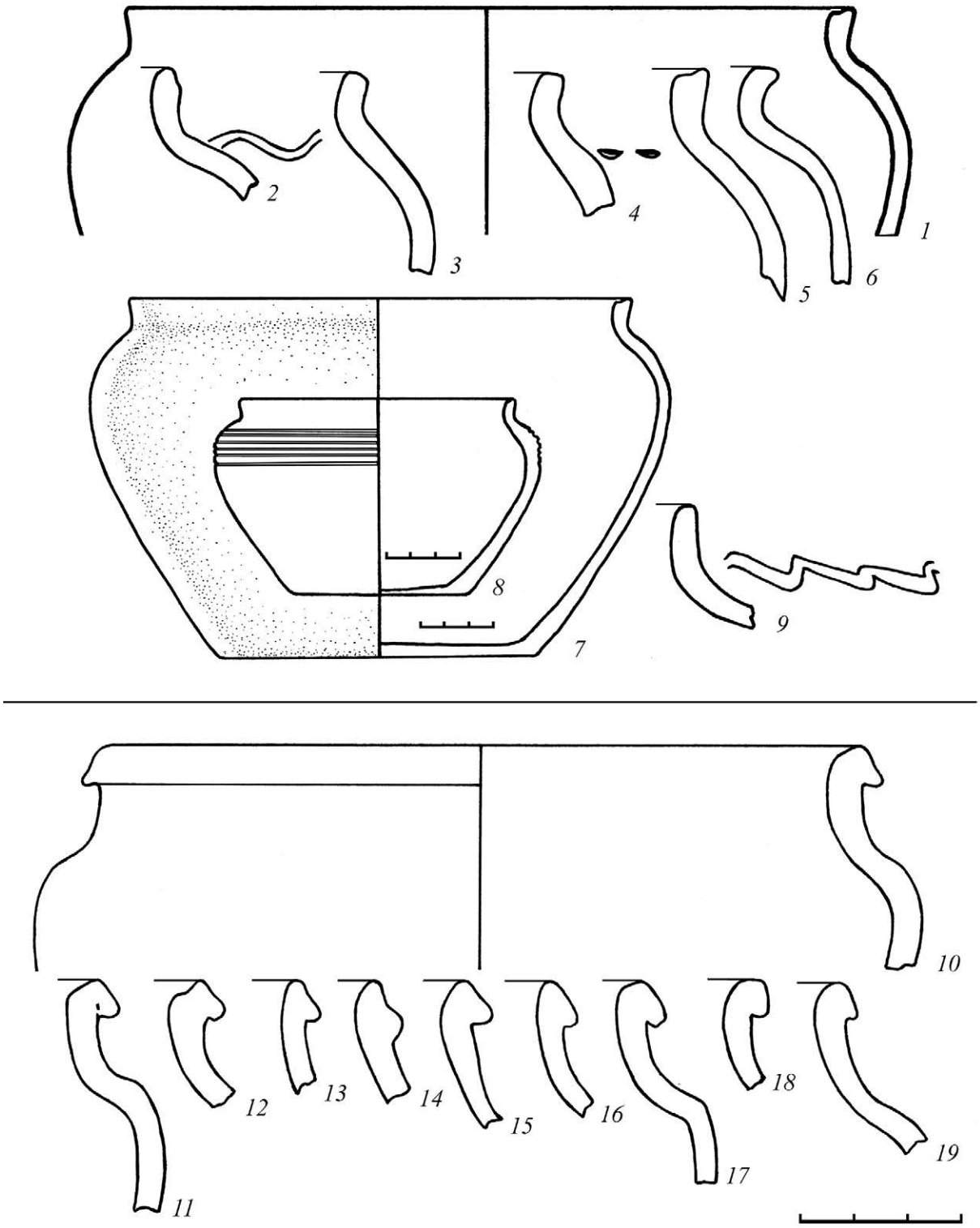

Рис. 142. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием редкой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-2). Тип 2.3: *1–9*. Тип 2.4: *10–19*.

1 – Р1-Я2-3, *2* – Р1-3-5, *3* – Р1-1-1, *4* – Р1-3-1, *5, 6* – Р2-1-1, *7* – Р1-Я2-3 (табл. 29, № 24), *8*– Р2-Я1-1 (табл. 29, № 25), *9* – Р1-3-5, *10* – Р1-2-5Б, *11* – Р1-3-9, *12* – Р1-3-10А, *13* – Р1-3-2А, *14* – Р1-2-5В, *15* – Р1-2-4, *16* – Р1-3-1Б, *17* – Р2-4-9, *18* – Р1-2-5В, *19* – Р1-3-10Б

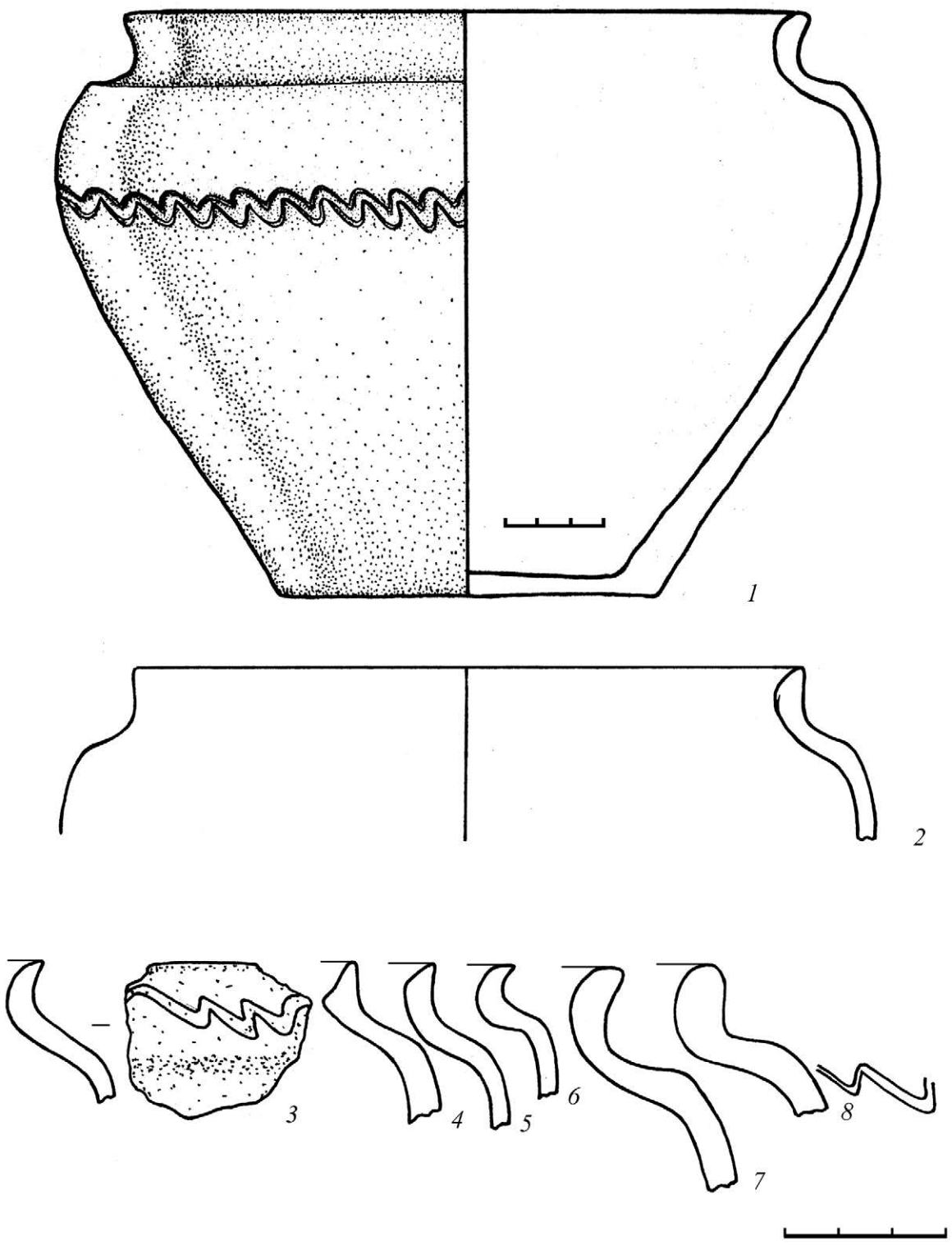

Рис. 143. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием редкой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-2). Тип 2.5: *1–8*.

1 – Р1-К4 (табл. 29, № 26), *2* – Р1-Я1А-2, *3* – Р1-1-6, *4* – Р1-4-1, *5* – Р1-Я1А-2, *6* – Р1-2-1, *7* – Р2-Я1-2б, *8*– Р3-3-2

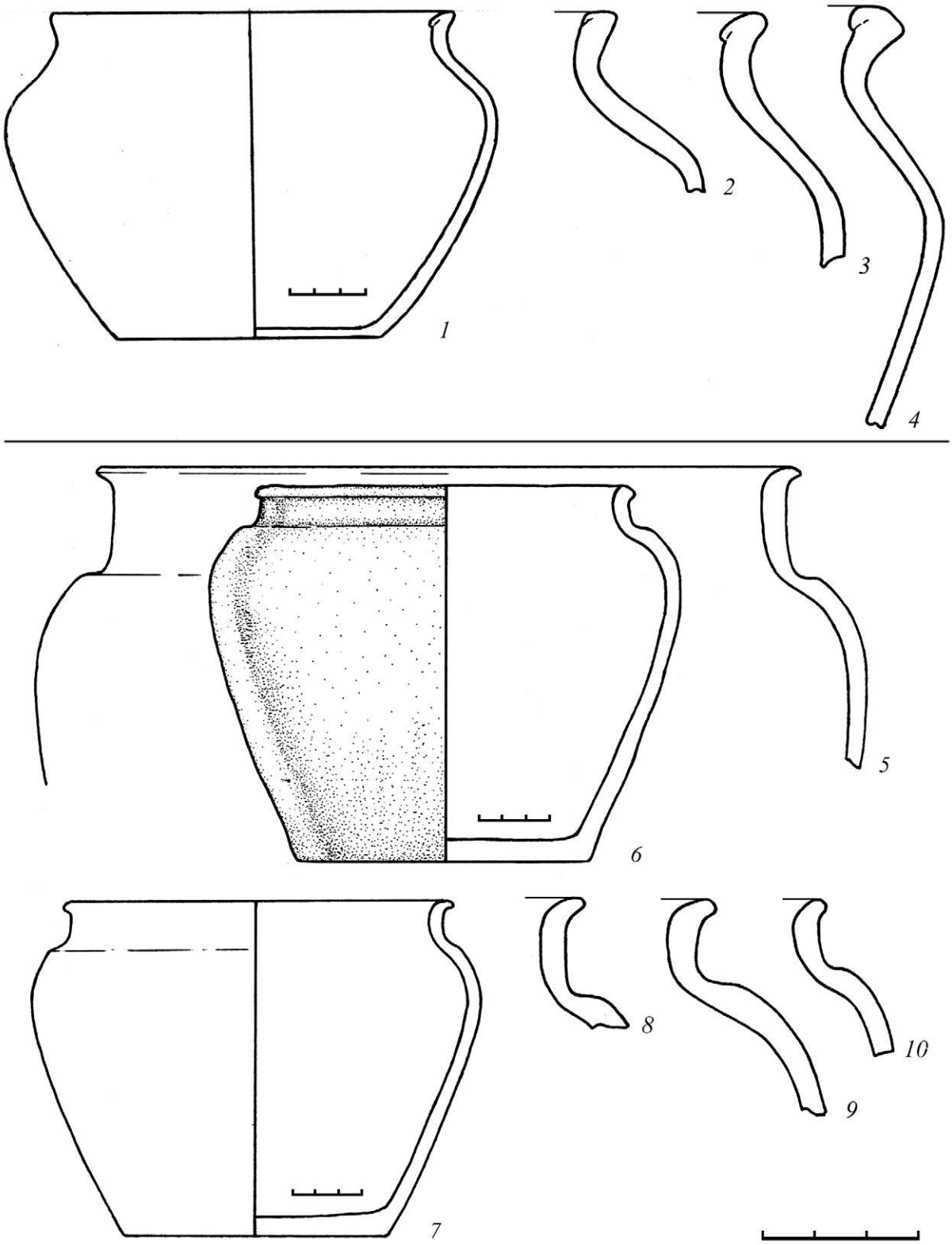

Рис. 144. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием частой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-3). Тип 3.1: *1–4*. Тип 3.2: *5–10*.

1 – Р2-Я2-4 (табл. 29, № 27), *2* – ПМ-2003, *3* – Р2-Я2-4, *4* – РР2-Я2-3, *5* – Р1-Я2-3, *6* – Р1-ЯА1-2 (табл. 29, № 29), *7* – Р2-Я1-3 (табл. 29, № 28), *8* – Р1-1-3А, *9* – Ш2-4-2, *10* – Р2-Я1-1

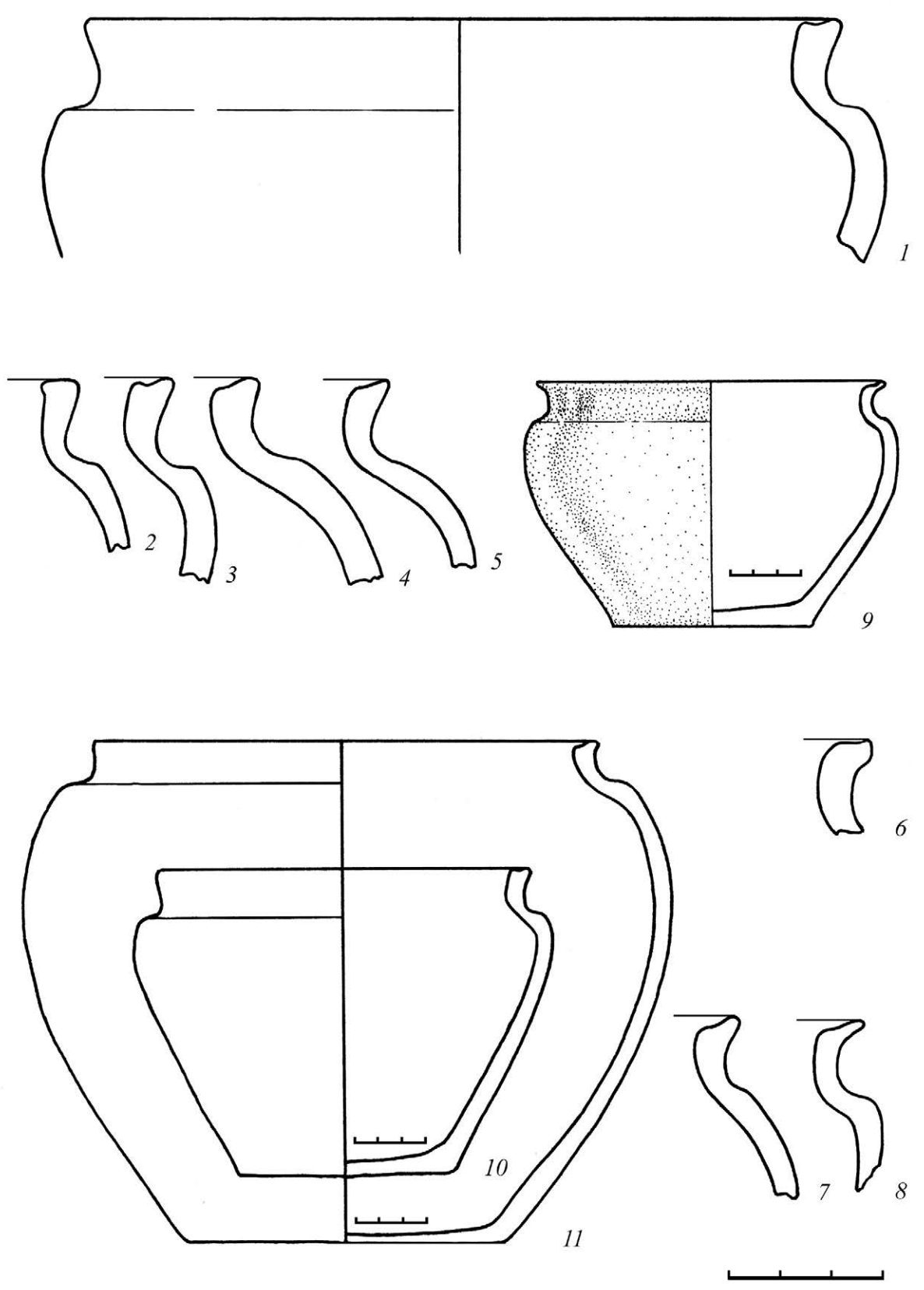

Рис. 145. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием частой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-3). Тип 3.3: *1–11*.

1 – Ш2-(5, 6)-1, *2* – ПМ-2004, *3* – Р1-1-3, *4* – Ш2-4-1, *5, 6* – Р3-2-2, *7* – Р1-Я1А-1а, *8*– Р2-2-1, *9* – Р1-Я1Б-(2а, 2б) (табл. 29, № 30), *10* – Ш2-(5, 6)-1 (табл. 29, № 32), *11* – Р2-Я1-3 (табл. 29, № 22)

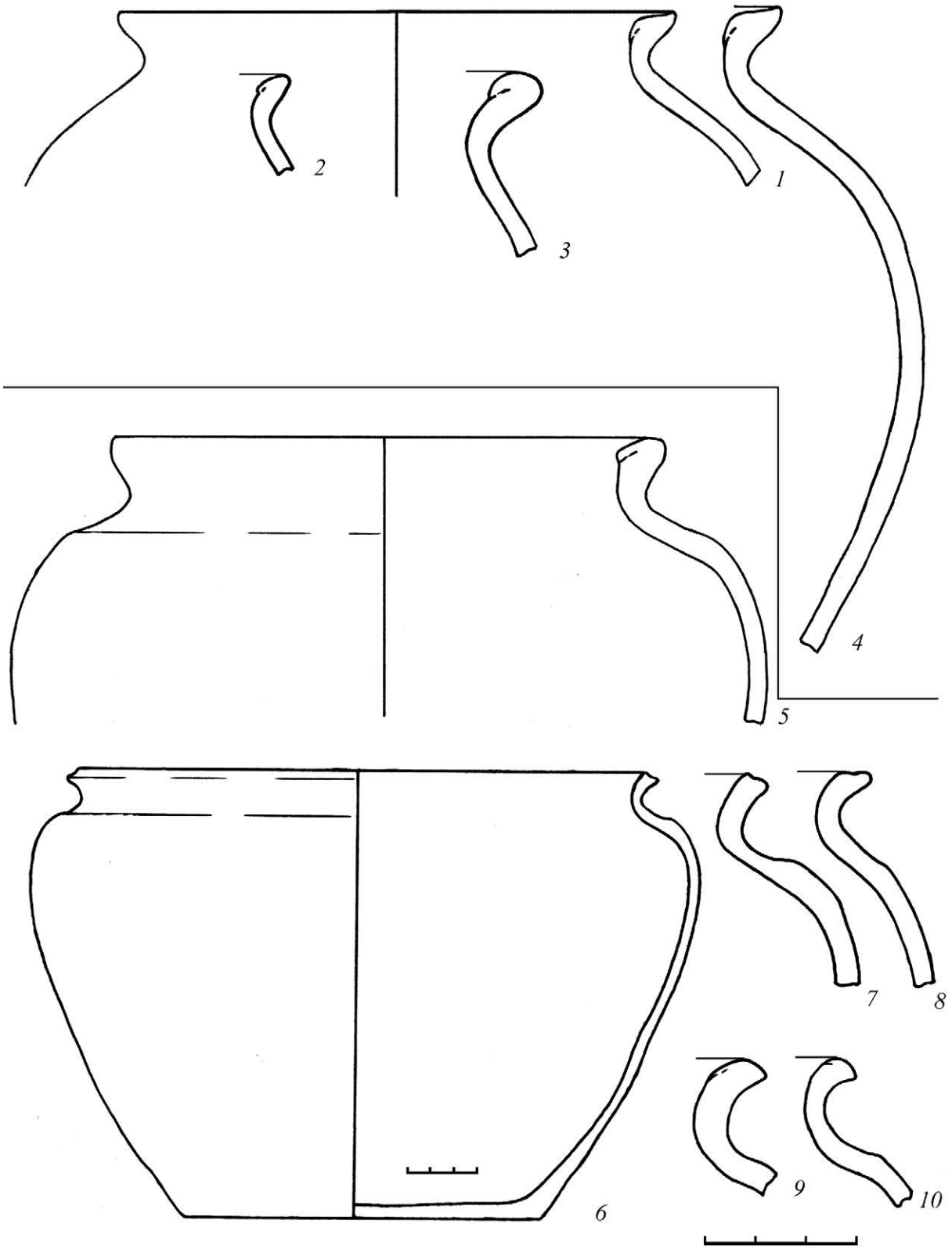

Рис. 146. Городище Городок. Венчики и реконструированные формы гончарных красноглиняных горшков с преобладанием частой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-3). Тип 3.4: *1–4*. Тип 3.5: *5–10*.

1 – Р1-Я1А-1, *2* – Р2-1-7, *3* – Р2-3-8, *4* – Р3-2-3, *5* – Р1-Я2-3, *6* – Р2-Я2-3 (табл. 29, № 33), *7* – Р1-3-8, *8*– Р2-Я1-1б, *9* – Р1-Я2-3, *10* – Р1-Я2-3

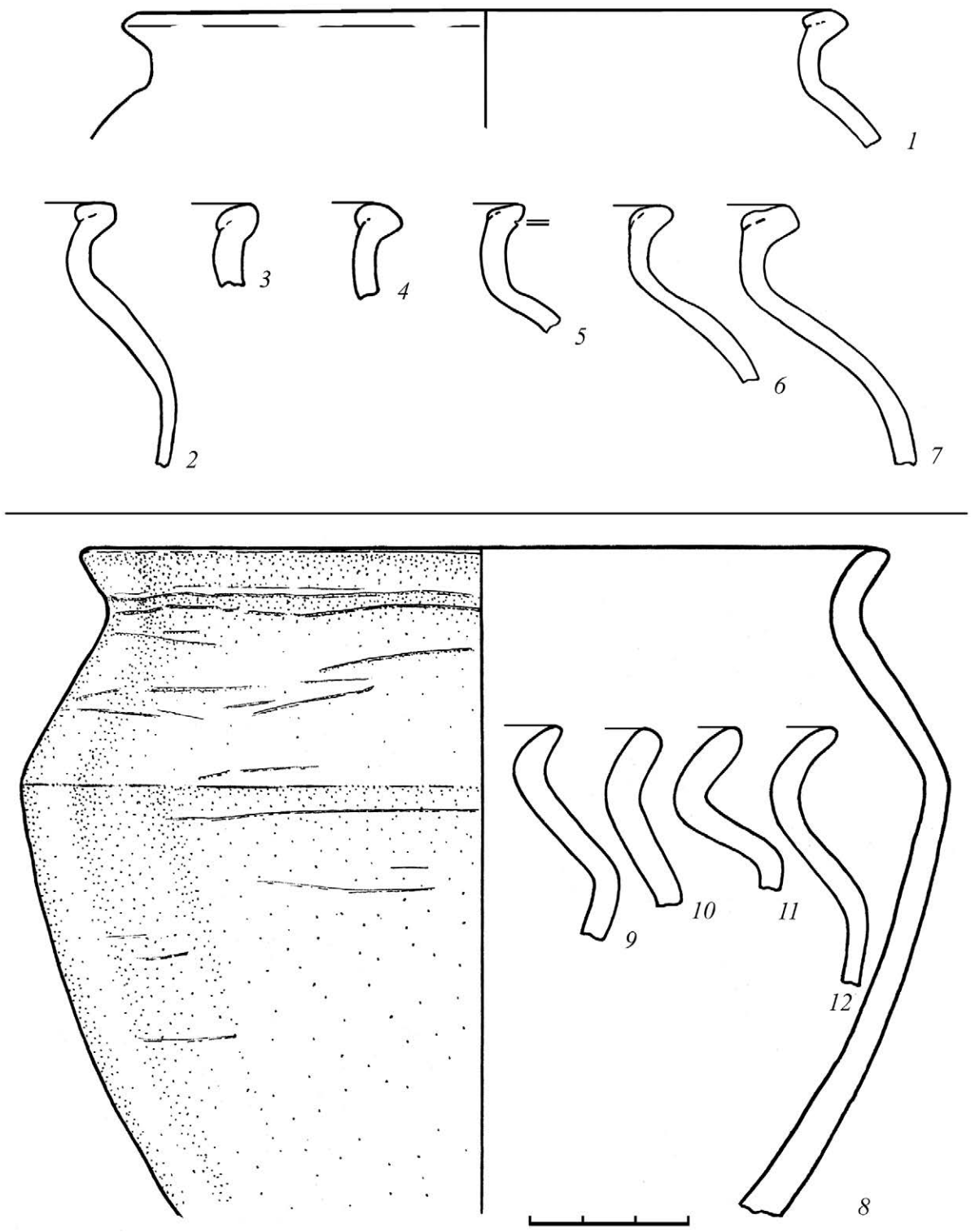

Рис. 147. Городище Городок. Венчики и реконструированные верхние части гончарных красноглиняных горшков с преобладанием частой примеси дресвы в формовочной массе (подгруппа II-3). Тип 3.6: *1–7*. Тип 3.7: *8–12*.

1 – Р1-1-10А, *2* – Р1-Я1В-2, *3* – Р2-Я1В-1, *4* – Р1-3-3, *5 –7* – Р2-Я2-2, *8*– Р1-Я2-3, *9* – Р3-1-6, *10* – Р3-3-8, *11, 12* – ПМ-2004

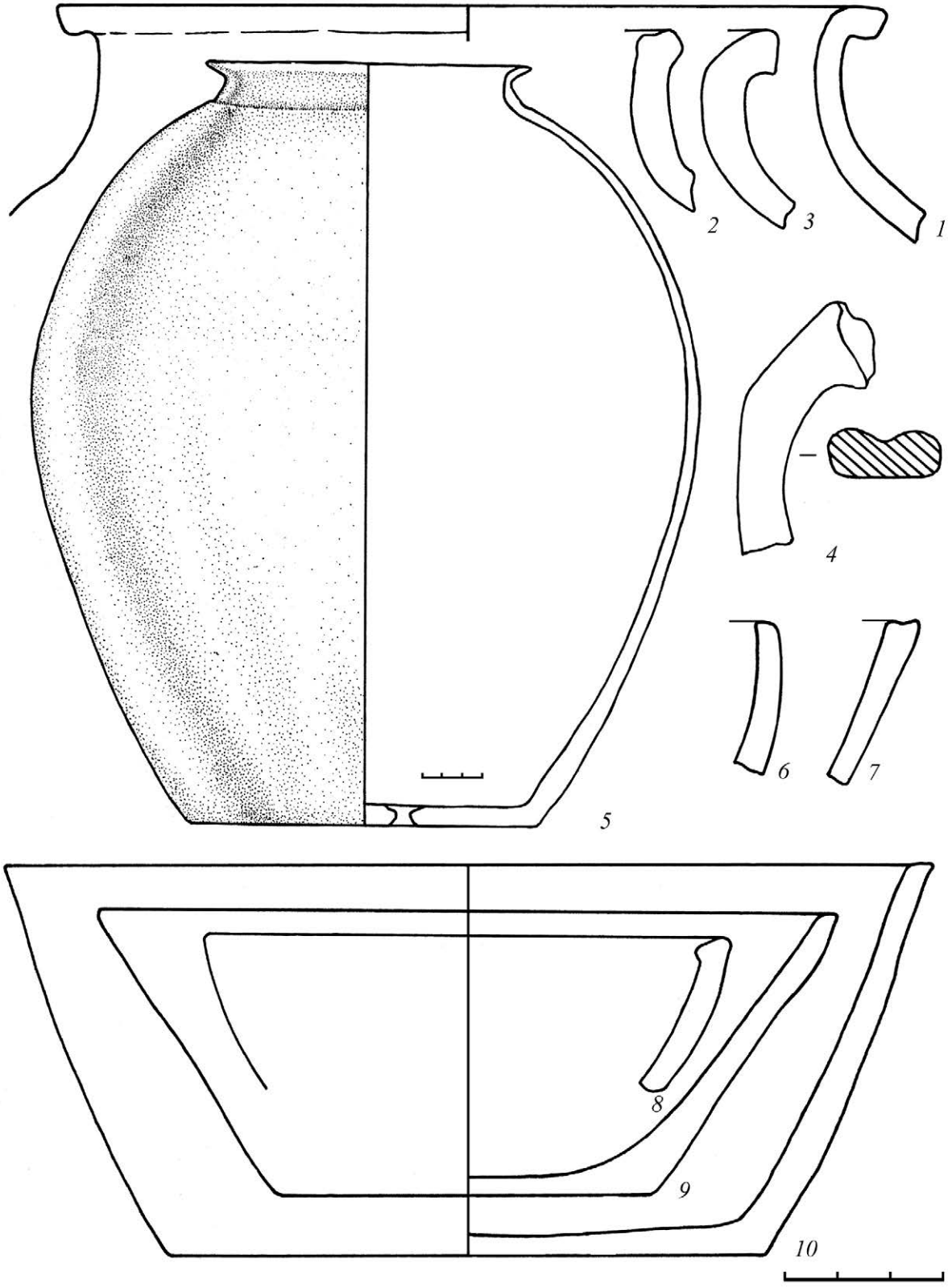

Рис. 148. Городище Городок. Красноглиняные сосуды редких форм и их фрагменты: корчаги (*1–3, 5*), миски (*6–10*), кувшин (*4*).

1 – Ш2-2-1, *2* – Р2-Я1-2, *3* – Р2-3-8, *4* – Ш2-3-2Б, *5* – Р1-Я1Б-(2а, 2б) (табл. 29, № 34), *6* – Р3-2-1, *7* – Р1-Я1Б-(2а, 2б), *8*– Р1-Я2-(2, 2б), *9* – Р1-Я1А-1 (табл. 29, № 35), *10* – Р2-Я1-2 (табл. 29, № 36)

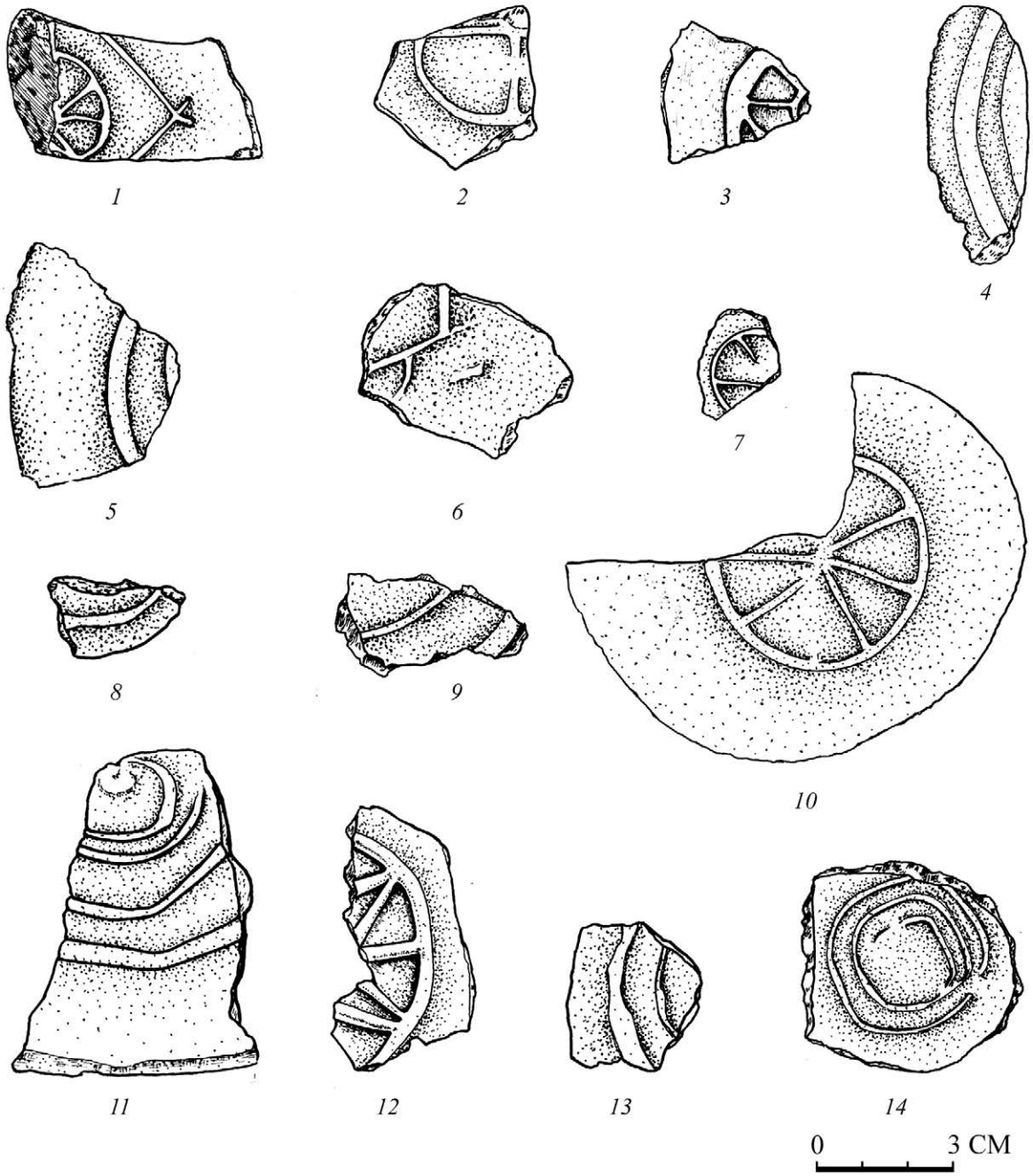

Рис. 149. Городище Городок. Гончарные клейма на фрагментах днищ красноглиняных сосудов с тонкими формовочными массами (*1–14*).

1 – Р1-2-10Б, *2* – Р1-2-7, *3* – Р1-Я2-3, *4* – Р2-Я2-2а, *5* – Р2-3-4, *6* – Р3-3-6, *7* – Р1-2-5А, *8*– Р3-2-1А, *9* – Р3-Я1, *10* – Р3-3-6, *11* – Р1-Я2-2б, *12* – Р1-3-9, *13* – Р3-2-5, *14* – Р3-К8

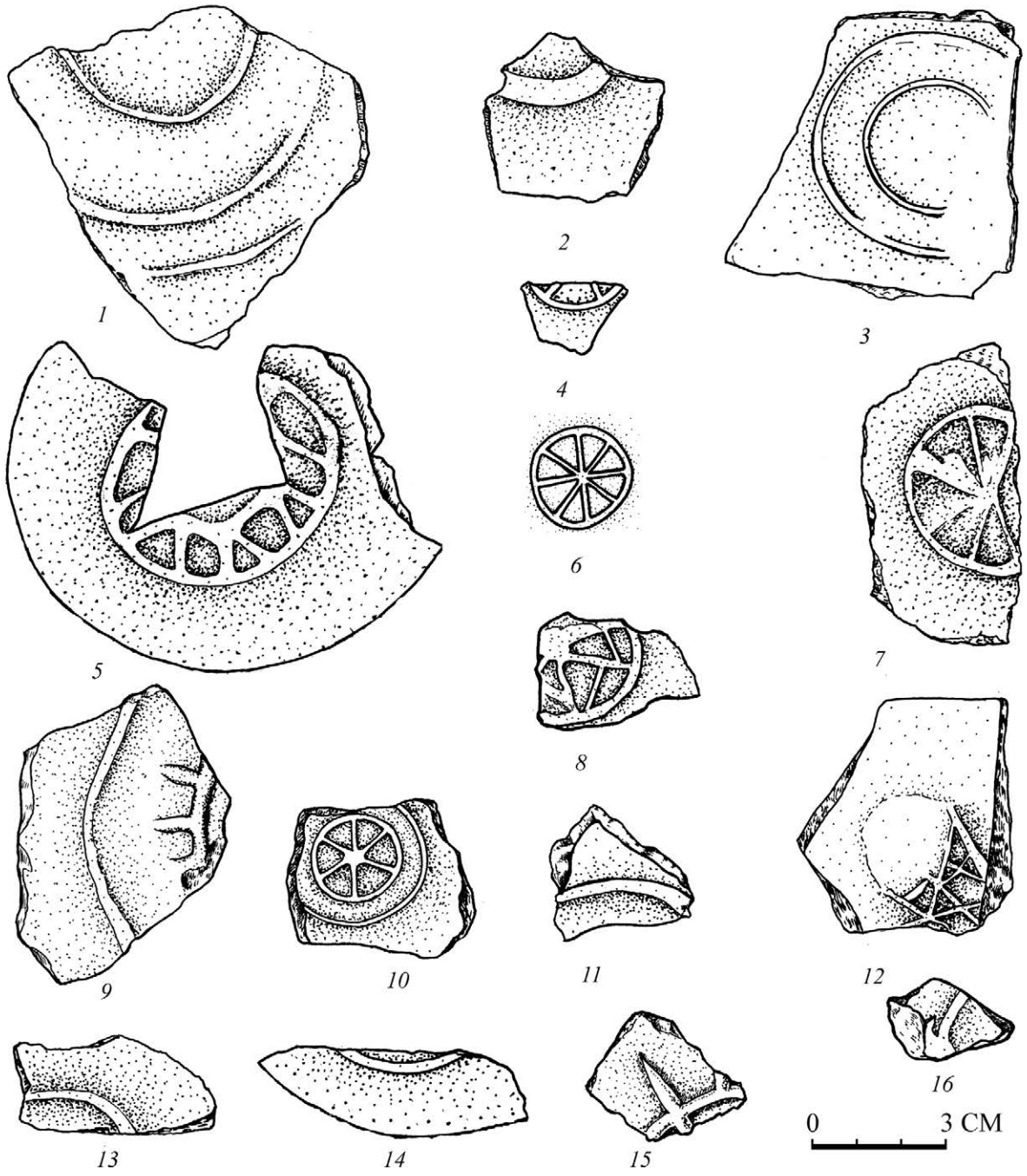

Рис. 150. Городище Городок. Гончарные клейма на фрагментах днищ красноглиняных сосудов с примесью частого мелкозернистого песка (*6, 8, 9, 11–16*), крупнозернистого песка (*1*), редкой (*3–5*) и частой (*2, 7, 10*) дресвы в формовочной массе.

1 – Р1-2-5В, *2* – Р2-Я2-2а, *3* – Р2-4-9, *4* – Р2-Я2-2а, *5* – Р2-Я1-(1а, 1б, 2), *6* – Р2-Я1-1, *7* – Р3-3-5, *8*– Р1-Я1Б-2а, *9* – Р1-3-3А, *10* – Р2-Я2-2, *11* – Р2-4-4, *12* – Р1-2-10А, *13* – Р3-3-7, *14* – Р2-Я1-2, *15* – Р1-3-3А, *16* – Р1-Я1Б-1а

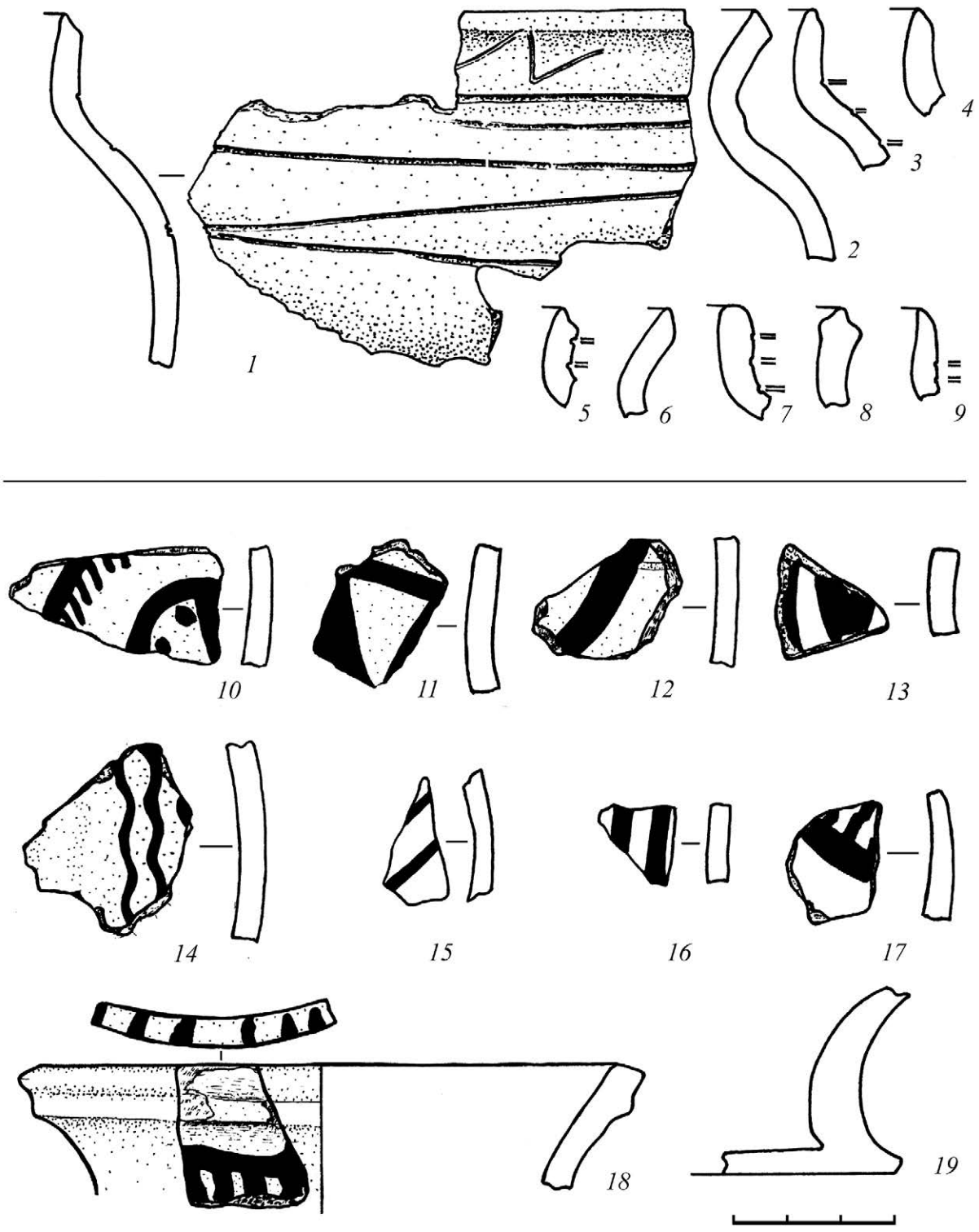

Рис. 151. Городище Городок. Фрагменты венчиков (*1–9, 18*), стенок (*10–17*) и днищ (*19*) красноглиняных ангобированных сосудов без росписи (*1–9*) и с росписью охрой (*10–19*).

1 – Р2-2-4, *2* – Р2-4-7, *3* – Р2-1-2, *4* – Р2-3-2, *5* – Р2-1-1, *6* – Р3-1-4, *7* – Р1-2-2А, *8*– Р1-Я1В-2, *9* – Р3-5-10, *10* – Р1-3-1, *11* – Р1-3-4, *12* – Р1-1-2А, *13* – Р1-2-3, *14* – Р2-Я1-3, *15* – Р2-3-8, *16* – Р2-2-3, *17* – Р1-2-3, *18* – Р1-1-1, *19* – Ш2-4-1

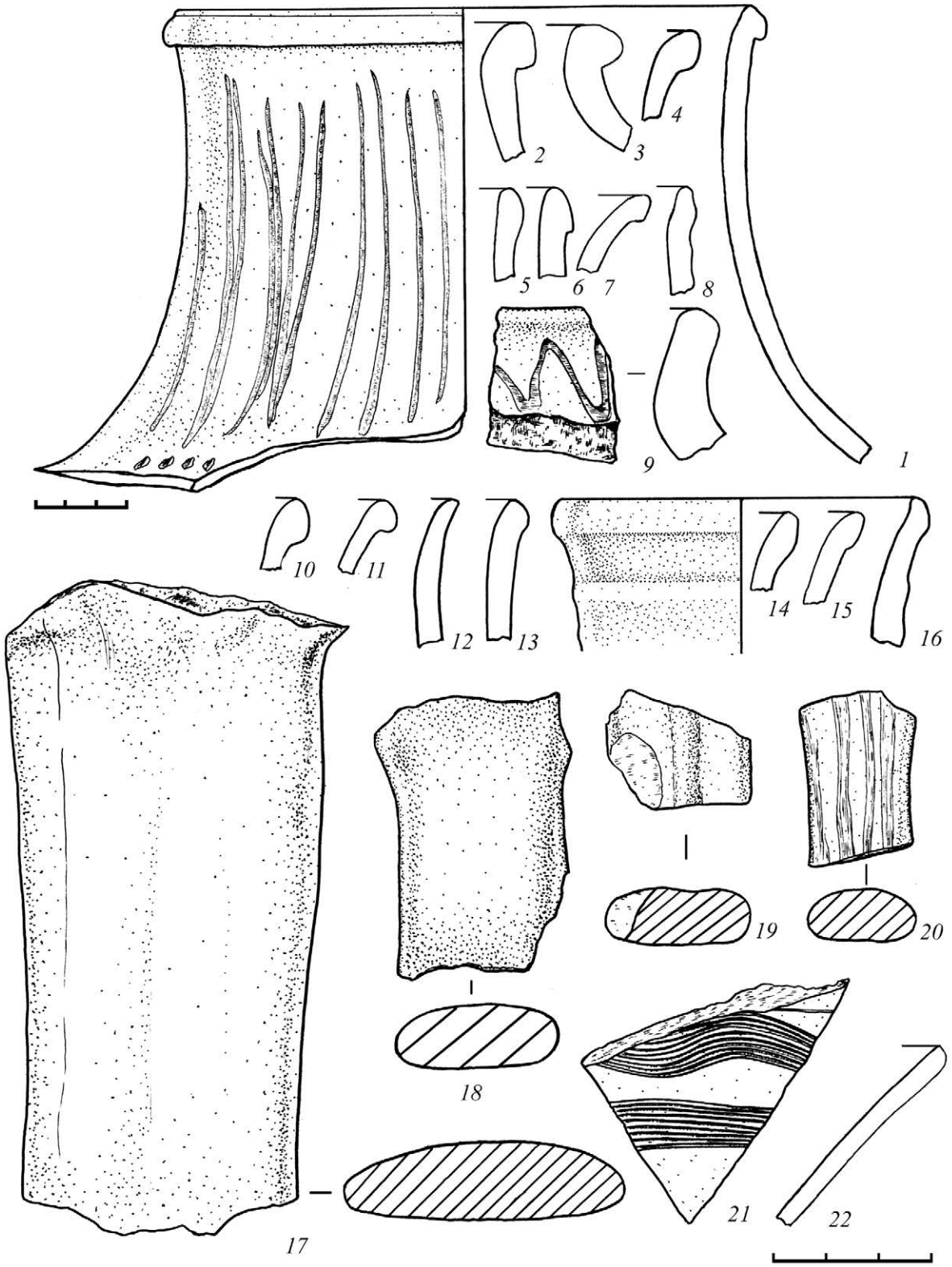

Рис. 152. Городище Городок. Фрагменты краснолощёных сосудов. Формовочная масса без визуально-фиксируемых примесей: *1, 6–9, 12–15, 20, 22*; с концентрированной примесью мелкозернистого песка (с зерном до 0,5 мм): *2–4, 10, 11, 17–19, 21*; с добавкой среднезернистого песка (с зерном до 1 мм): *5, 16*.

1 – Р2-Я1-2б, *2* – Р3-3-1, *3* – Ш2-5-2Б, *4* – Р2-1-4, *5* – Р3-3-3, *6* – Р3-2-4, *7* – Р3-3-7, *8*– Р3-2-6, *9* – Ш2-1, *10* – Р1-2-2А, *11* – Р1-2-4А, *12* – Р1-Я2-3, *13* – Р3-3-7, *14* – Р1-2-2А, *15* – Р1-2-2, *16* – Р2-Я1-2б, *17* – Р1-Я2-3, *18* – Р3-2-6, *19* – Р1-Я2-2, *20* – Р1-Я2-3, *21* – Р1-Я2-3, *22* – Р3-3-5

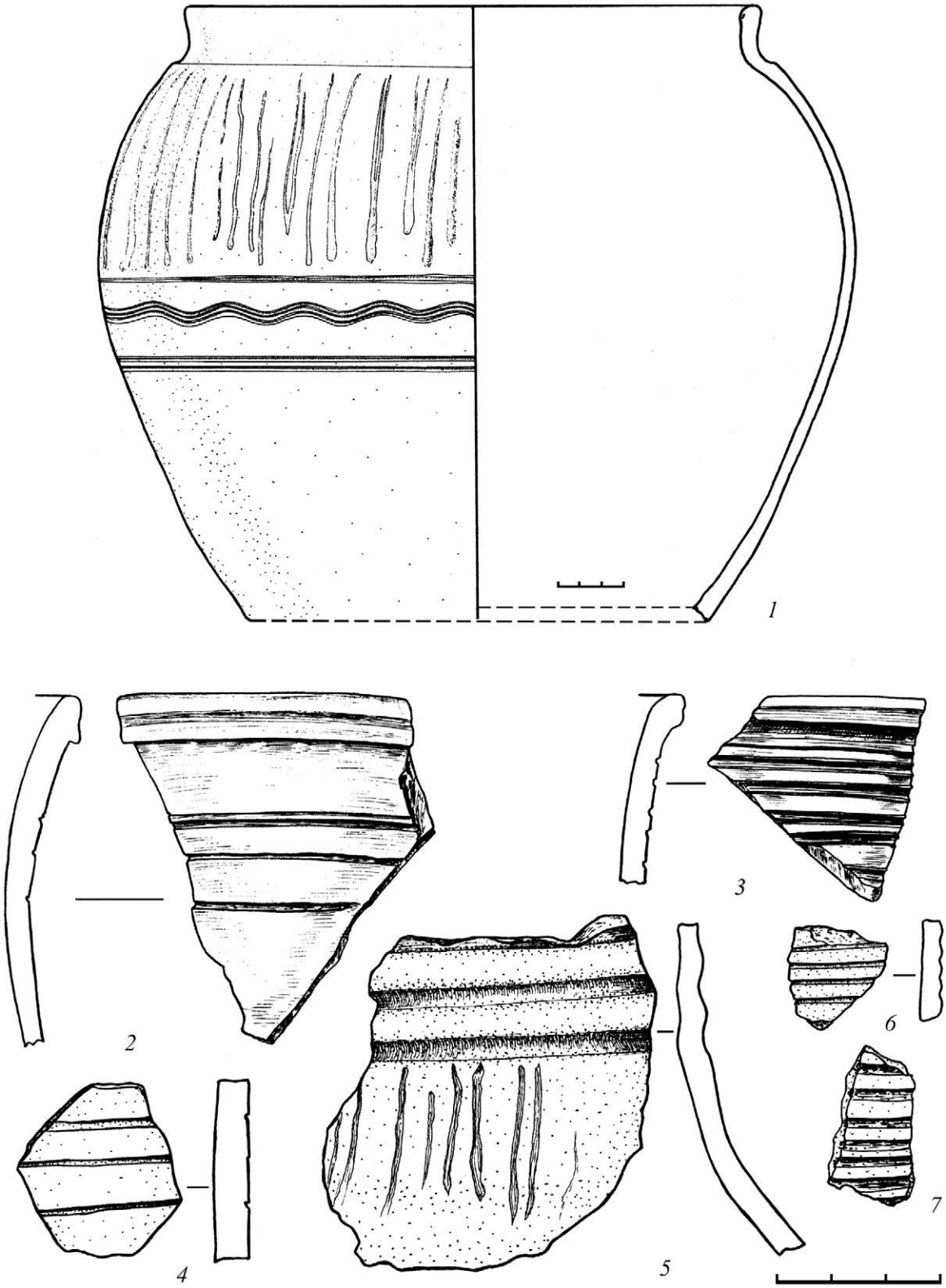

Рис. 153. Городище Городок. Фрагменты краснолощёных сосудов. Формовочная масса без визуально-фиксируемых примесей: *2, 3, 6, 7*; с концентрированной примесью мелкозернистого песка (с зерном до 0,5 мм): *1, 4*; с добавкой среднезернистого песка (с зерном до 1 мм): *5*.

1 – Р2-Я2-2а; Р2-Я1-(1, 1а); Р2-(1–3)-(3–7) (табл. 29, № 37), *2* – Р1-2-5Б, *3* – Р1-2-10А, *4* – Р3-3-7, *5* – Р3-4-10, *6,7* – Р1-Я2-3

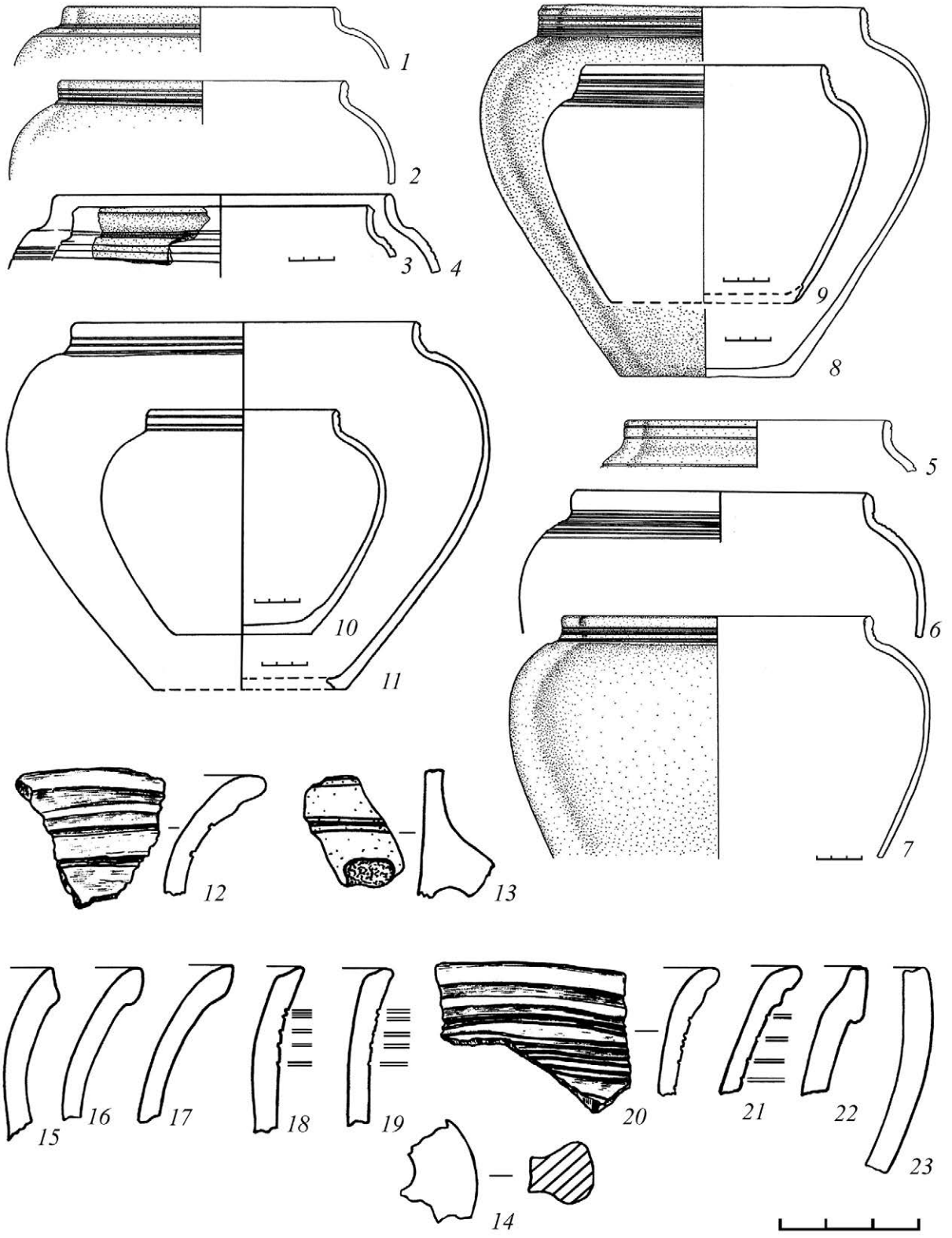

Рис. 154. Городище Городок. Реконструированные формы белоглиняных сосудов без примесей в формовочной массе и их фрагменты. Горшки: *1–11*. Крынкообразные сосуды и кувшины: *12–22*. Миски: *23*.

1 – Р1-2-10А, *2* – Р2-Я1-2, *3* – Р1-Я2-3, *4* – Р2-Я1-2, *5* – Р1-2-9, *6* – Р2-3-(2, К6), *7* – Р1- Я1Б-(2а, 2б), *8*– Р1-Я1Б-(2а, 2б) (табл. 29, № 38), *9* – Р2-Я1-2 (табл. 29, № 41), *10* – Р2-Я1-3 (табл. 29, № 39), *11* – Р2-Я1-3 (табл. 29, № 40), *12* – Р1-3-10Б, *13* – Р3-4-8, *14* – Р2-Я2-1, *15* – Р3-2-5, *16* – Р3-4-9, *17* – Р3-4-9, *18* – Р3-4-9, *19* – Р3-4-9, *20* – Р1-3-10Б, *21* – Р3-4-9, *22* – Р1-Я2-1, *23* – Р2-Я2-1

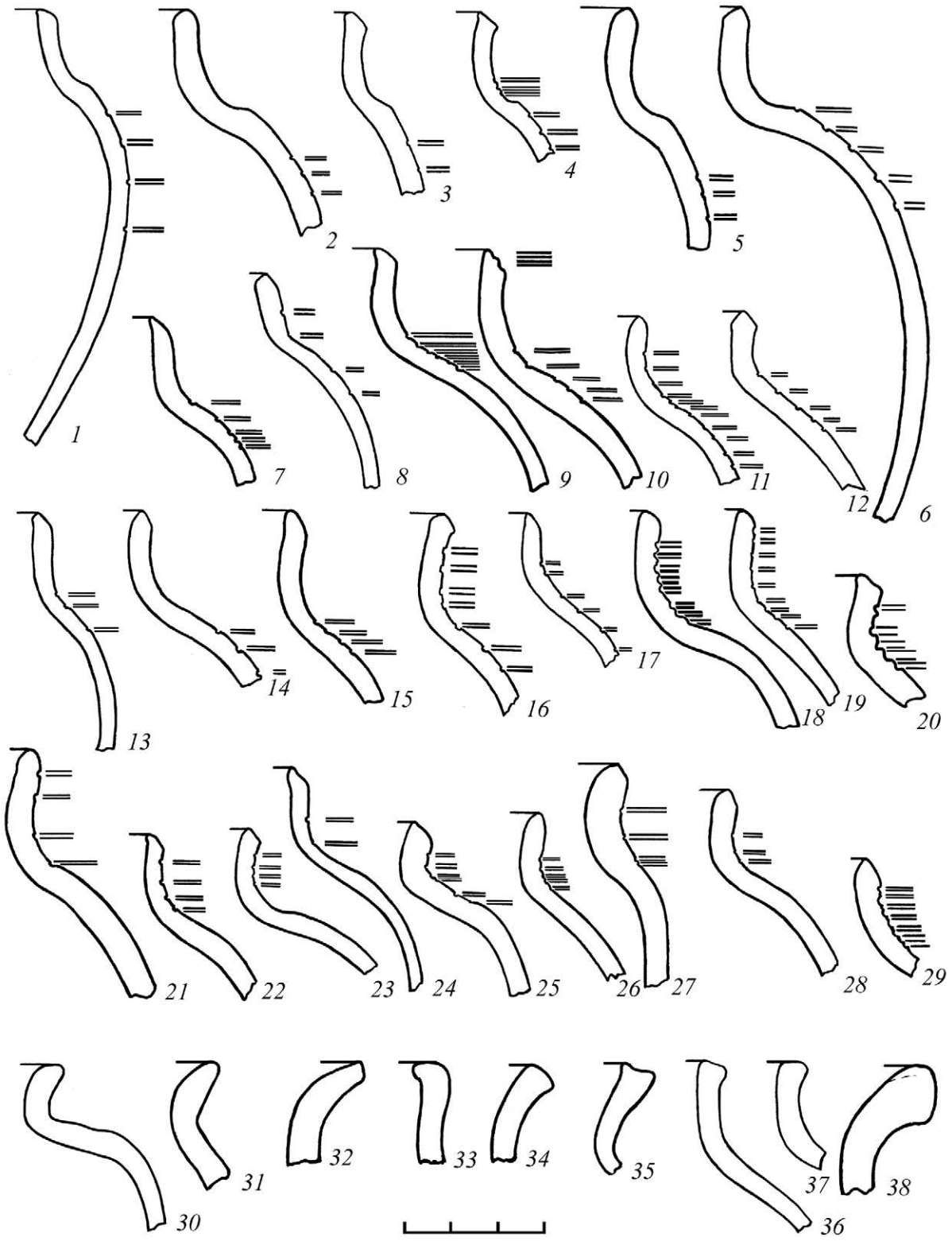

Рис. 155. Городище Городок. Венчики белоглиняных сосудов без примесей (*1–29*) и с крупнозернистыми добавками (*30–38*) в формовочной массе. Примесь песка: *30–32*. Примесь дресвы: *33–38*.

1 – Р1-Я2-3, *2* – Р3-Я2, *3* – Р2-Я1-1а, *4* – Р1-Я2-3, *5* – Р3-Я2, *6* – Р2-Я1-3, *7* – Р2-2-1Б, *8*– Р2-Я1-3, *9* – Р3-2-2, *10* – ПМ-2003, *11* – Р2-Я9, *12* – Р2-Я1-2б, *13* – Р1-Я2-1, *14* – Р2-Я1-3, *15* – Р3-4-9, *16* – ПМ-2003, *17* – Р1-1-3, *18* – Ш2-2-2Б, *19* – Ш2-Я1, *20* – Р2-Я1-1, *21* – Р3-3-2, *22* – Р2-3-4Б, *23* – Р2-Я1-1, *24* – Р2-Я1-3, *25* – Р2-Я1-1, *26* – Р1-1-5, *27* – ПМ-2004, *28* – Р1-Я2-1, *29* – Р2-Я1-1а, *30* – Ш2-6-2В, *31*, *32* – ПМ-2004, *33* – Р3-2-5, *34* – Р3-2-4, *35* – Р3-2-1, *36* – Ш2-2-2, *37* – Р2-Я1-1, *38* – Р3-3-2

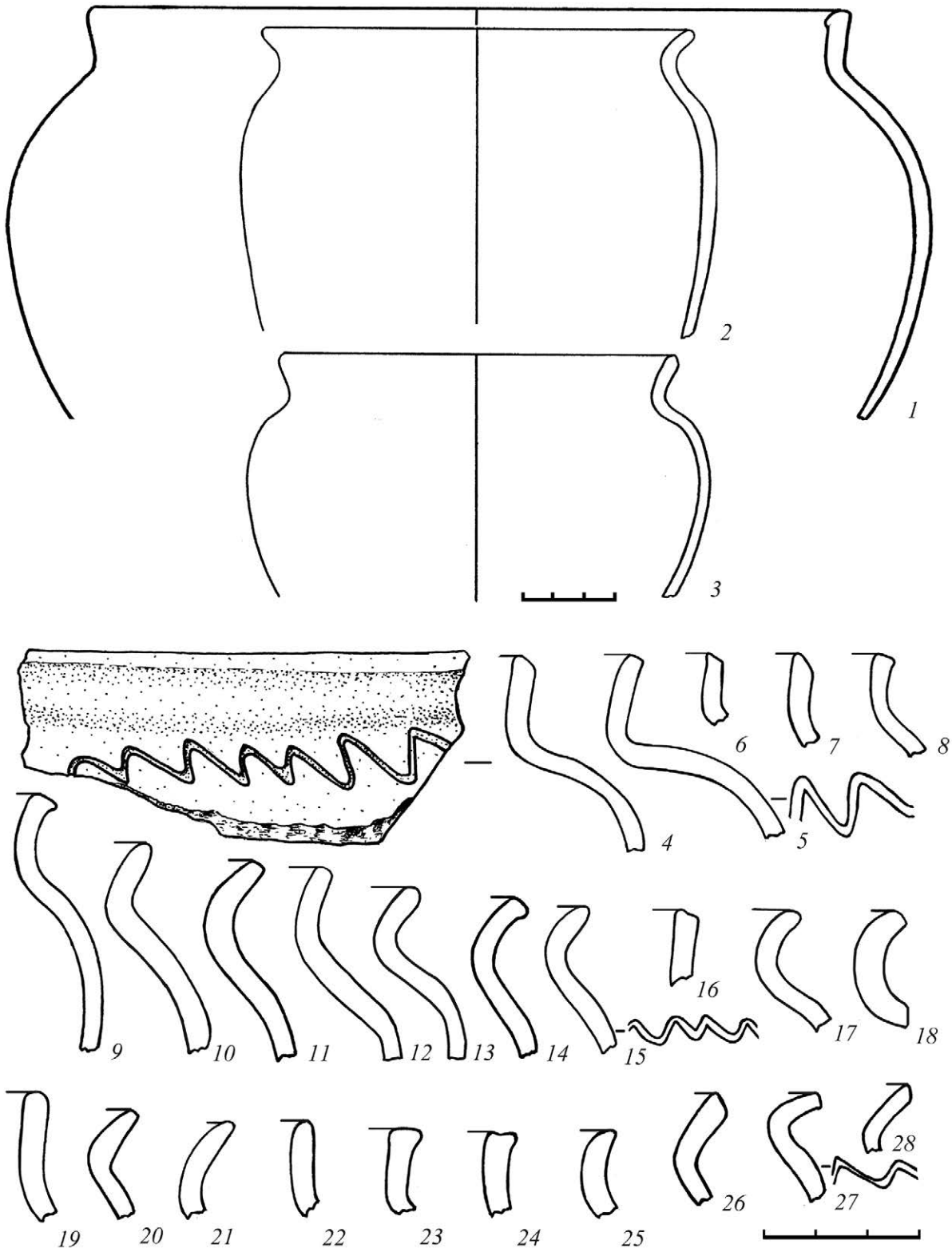

Рис. 156. Городище Городок. Венчики белоглиняных сосудов с частой примесью мелкозернистого песка в формовочной массе (подгруппа V-2).

1 – Р2-Я9; *2*, *3*, *4* – Ш2-Я1; *5* – Р3-3-7, *6* – Р3-2-1Б, *7* – Р3-3-5, *8*– Р3-6-9, *9* – Ш2-2-2, *10* – Р1-3-5В, *11* – Р1-3-2А, *12* – Р1-Я2-1, *13* – Р1-Я2-1, *14* – Р1-Я1А-2; *15, 16* – Р1-3-10Б; *17* – Р1-3-3А, *18* – Р2-Я1-2б, *19* – Р3-2-1Б, *20* – ПМ-2004, *21* – Ш1-Я1, *22* – Р3-3-6, *23* – Р3-6-9, *24* – Р3-2-6Б, *25* – Р3-2-10, *26* – Р3-2-1Б, *27* – Р3-4-2, *28* – Р1-Я2-1

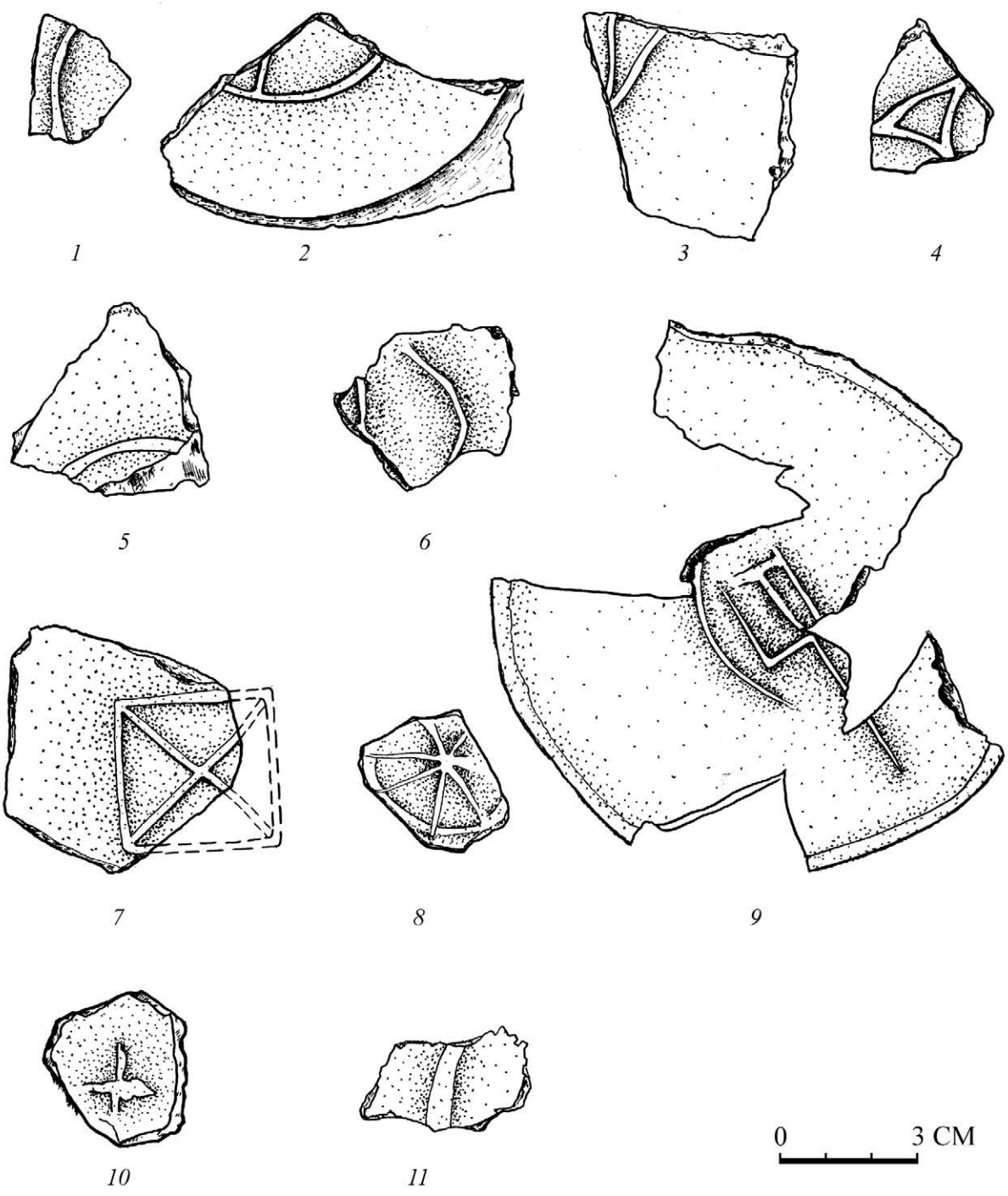

Рис. 157. Городище Городок. Гончарные клейма на фрагментах днищ белоглиняных сосудов с тонкими формовочными массами (подгруппа V-1: *1–6, 11*) и с частой примесью мелкозернистого песка (подгруппа V-2: *7–10*).

1 – Р1-3-5, *2* – Р1-Я2-1, *3* – Р1-4-1, *4* – Р1-Я2-1, *5* – Р2-4-4Б, *6* – Р2-Я1-1а, *7* – Ш2-6-2А, *8*– Ш2-5-1, *9* – Р2-Я1-1а, *10* – Р1-Я1Б-2а, *11* – Р3-4-10

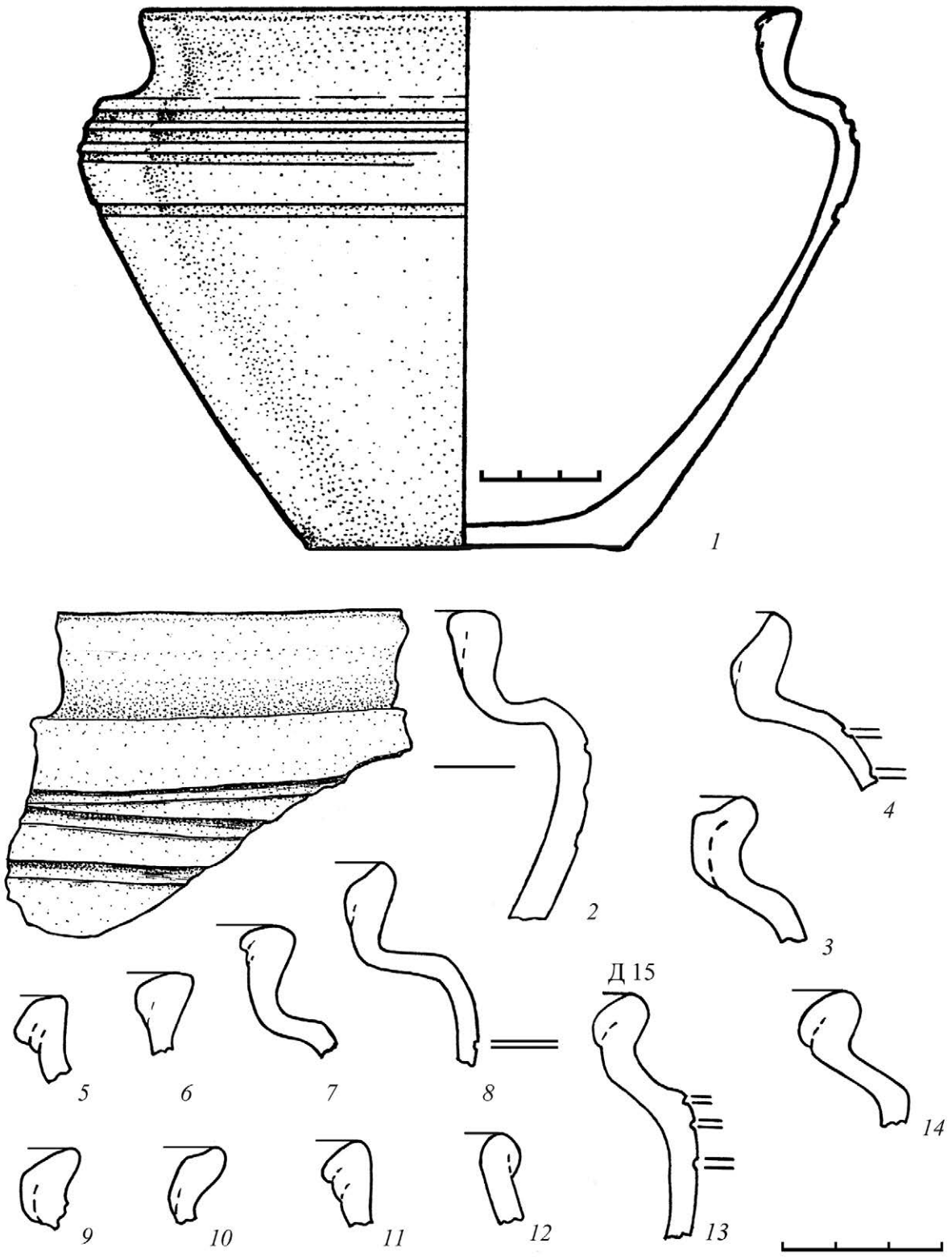

Рис. 158. Городище Городок. Ангобированный сосуд из смеси красно- и беложгущихся глин (*1*) и венчики (*2–14*) белоглиняных сосудов с примесью среднезернистого песка в формовочной массе (подгруппа V-3).

1 – Р1-Я2-3 (табл. 29, № 42), *2* – Р1-Я2-3, *3* – Р3-3-10, *4* – Р1-Я1Б-1, *5* – Р3-3-4, *6* – Р3-К8, *7* – Р1-2-2, *8*– Р1-Я2-2, *9* – Р2-4-6, *10* – Р1-2-3, *11* – Р3-3-16, *12* – Р3-4-8, *13* – Р1-Я1А-2, *14* – Р3-К8

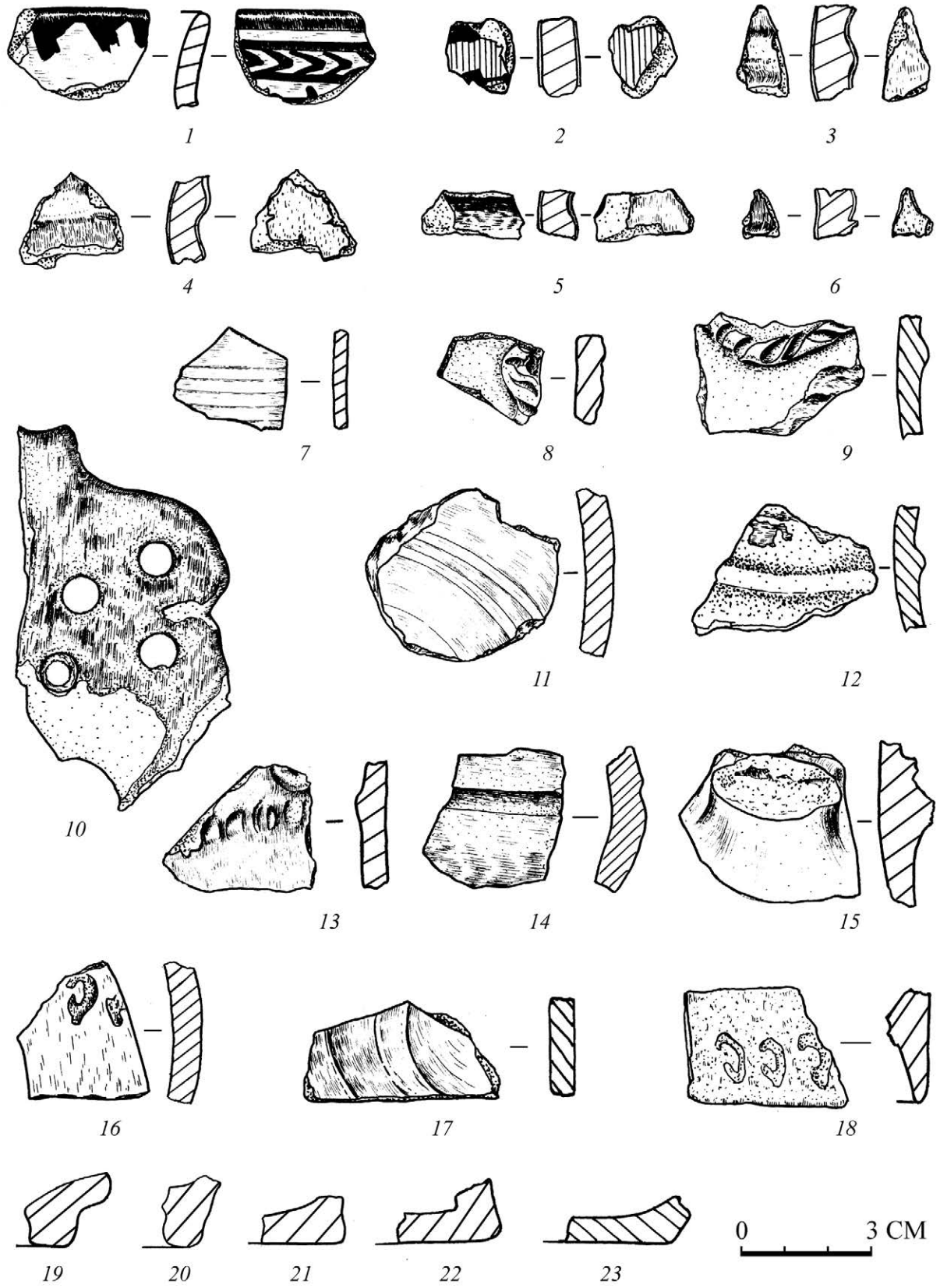

Рис. 159. Городище Городок. Фрагменты поливных сосудов из обычного глинистого сырья (*8–23*), кашина (*1–6*), фарфора (*7*).

1 – Р1-Я2-1, *2* – Р2-Я1-1, *3* – Р2-Я2-2, *4* – Р2-Я2-3, *5* – Р2-Я2-3, *6* – Р2-Я2-3, *7* – Р1-2-5В, *8*– Р1-2-2, *9* – Р1-3-2А, *10* – Р1-1-10, *11* – Р1-3-5Д, *12* – Ш2-Я1, *13* – Р1-Я2-2б, *14* – Р1-1-10, *15* – Р1-Я2-2, *16* – Р1-К4, *17* – Р2-Я10-2, *18* – Р3-5-10, *19* – Р1-2-2, *20* – Р1-1-5, *21* – Р1-2-9, *22* – Р1-Я2-2, *23* – Р2-К6

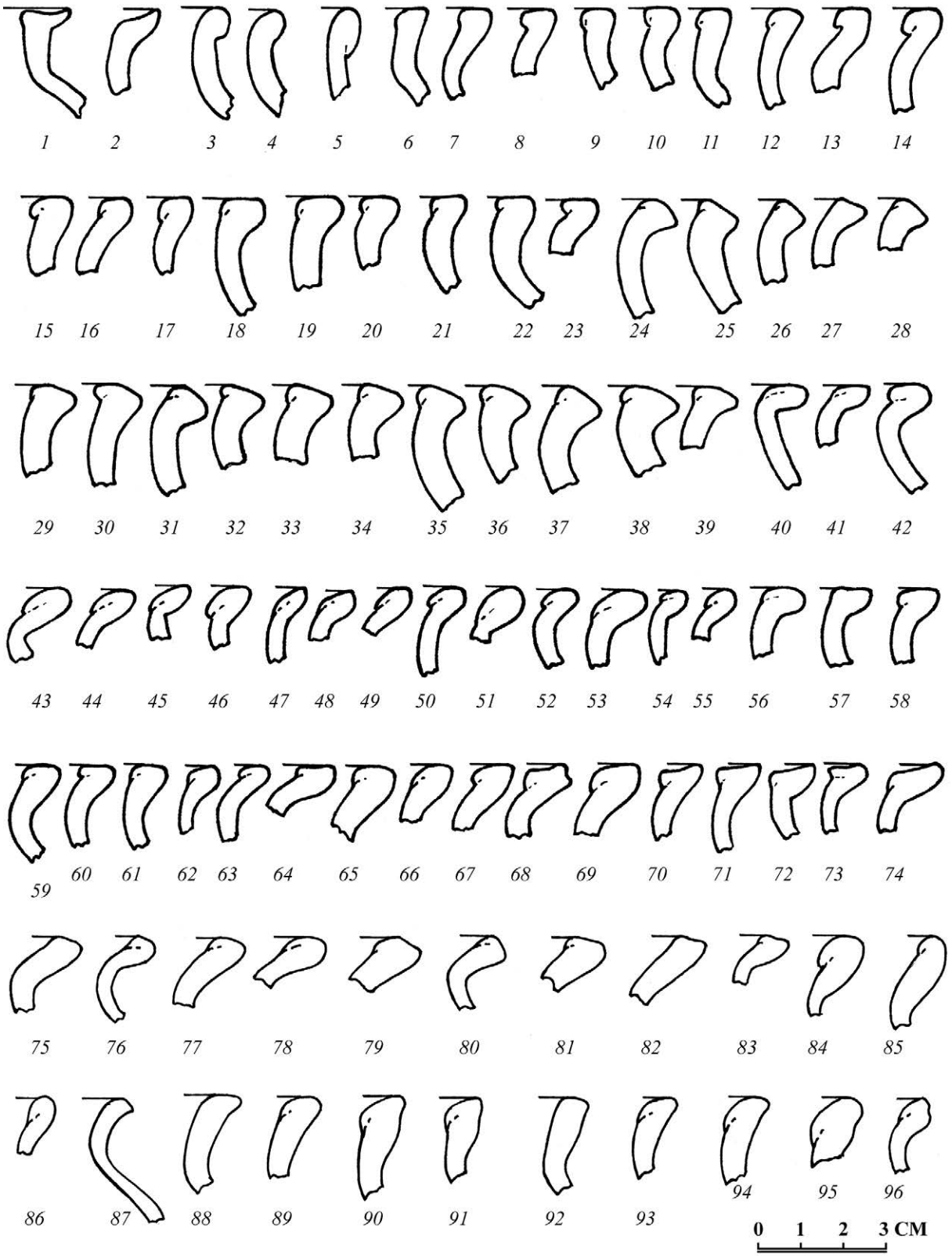

Рис.160 Селище Теряево-5. Венчики гончарных сосудов из красножгущегося теста с примесью дресвы или среднезернистого песка (*1–96*). Подъёмный материал 2011 г.

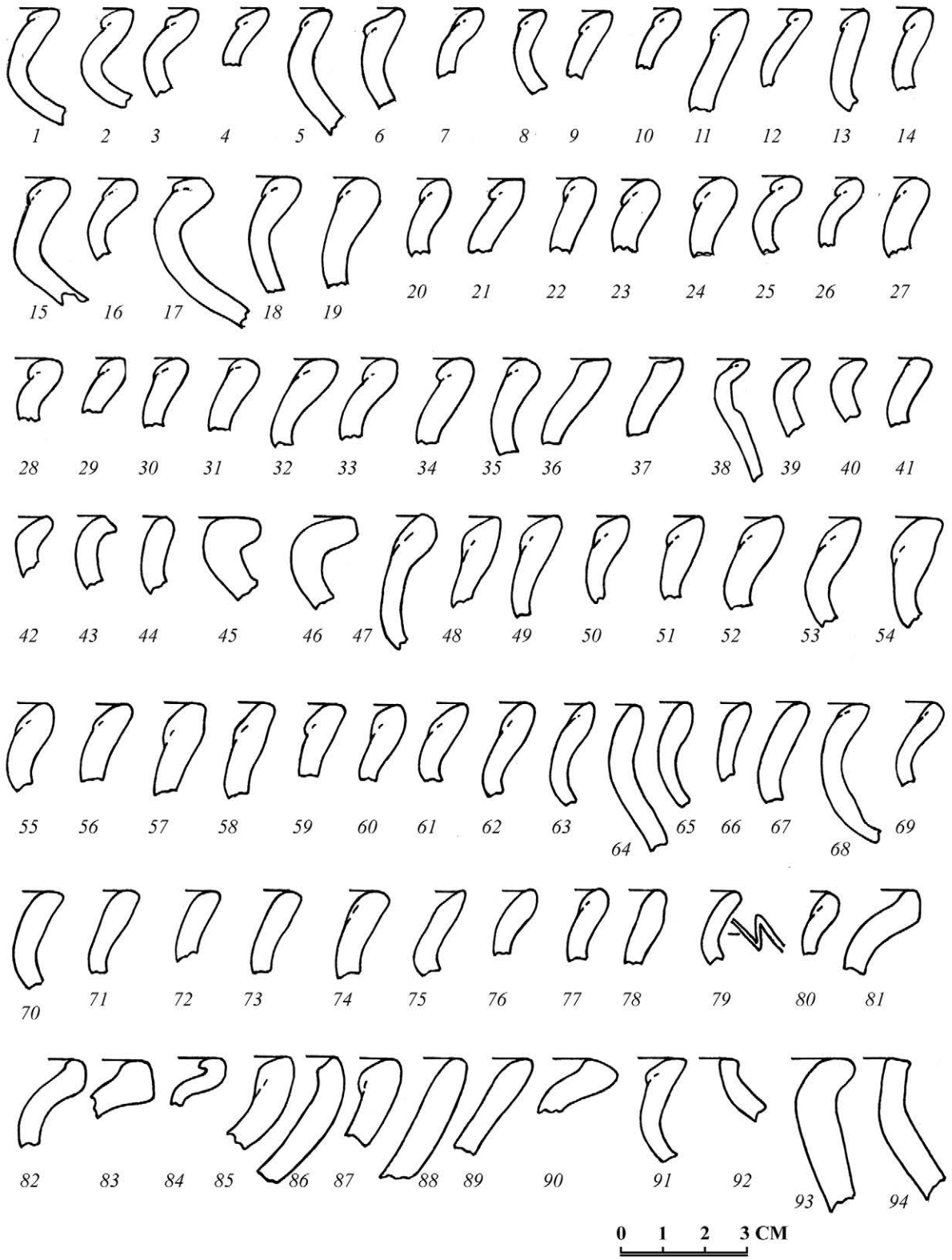

Рис. 161. Селище Теряево-5. Венчики гончарных (*1–91*) и лепных (*93–95*) сосудов из красножгущегося (*1–91, 93–95*) и беложгущегося (*94*) теста с примесью дресвы или среднезернистого песка (*1–92*) и шамота (*93–95*). Подъёмный материал 2011 г.

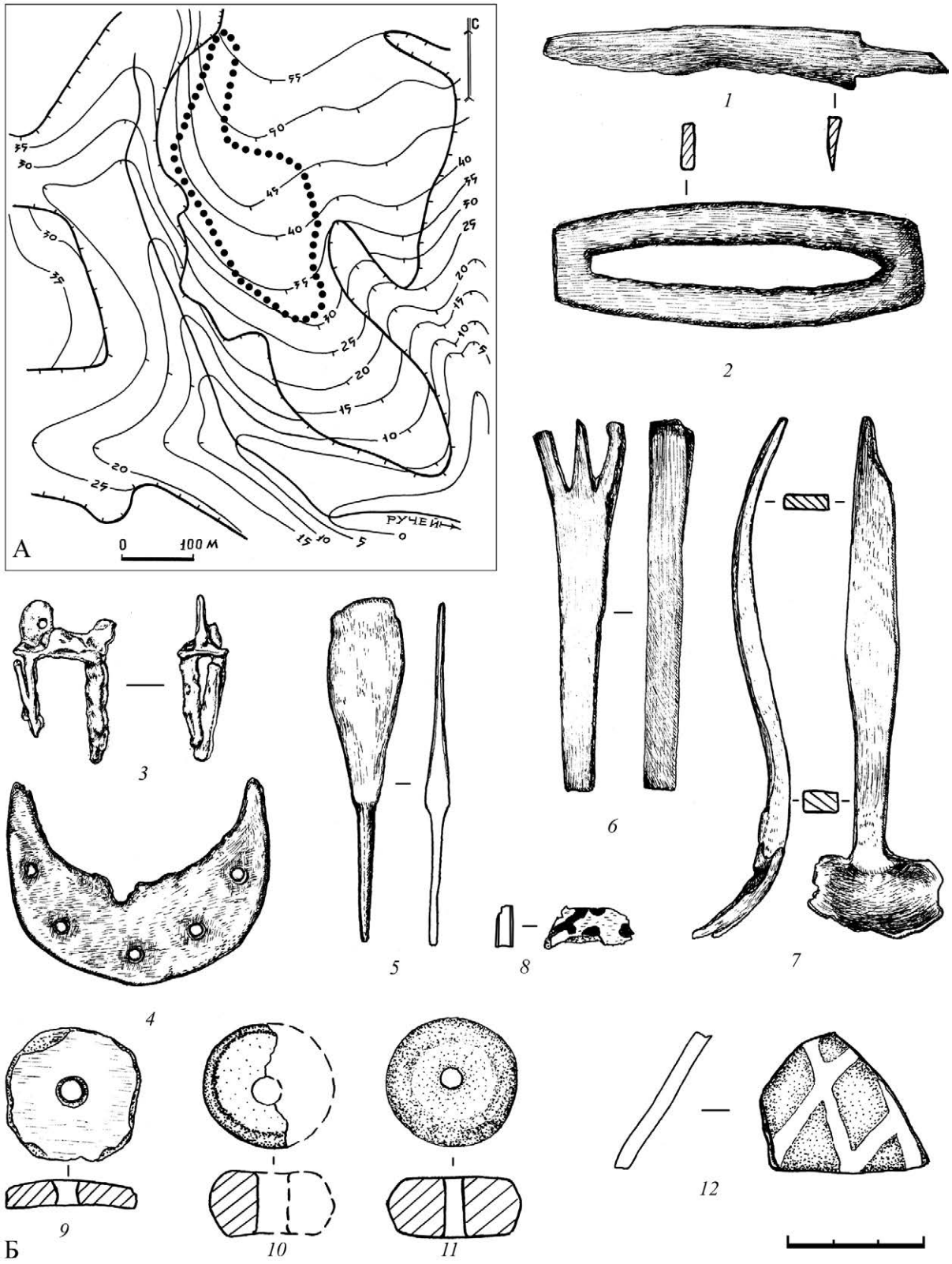

Рис. 162. Поселение Ольгинское. План памятника (А) и подъёмный материал (Б). Находки: *1* – нож; *2* – кресало; *3* – дужка от замка; *4* – подковка; *5* – наконечник стрелы; *6* – светец; *7* – резец по дереву (ложкарь); *8* – фрагмент стенки кашинного сосуда; *9–11* – пряслица; *12* – фрагмент расписной игрушки (колокольчика). Железо: *1–7*. Кашин: *8*. Керамика: *9–12*

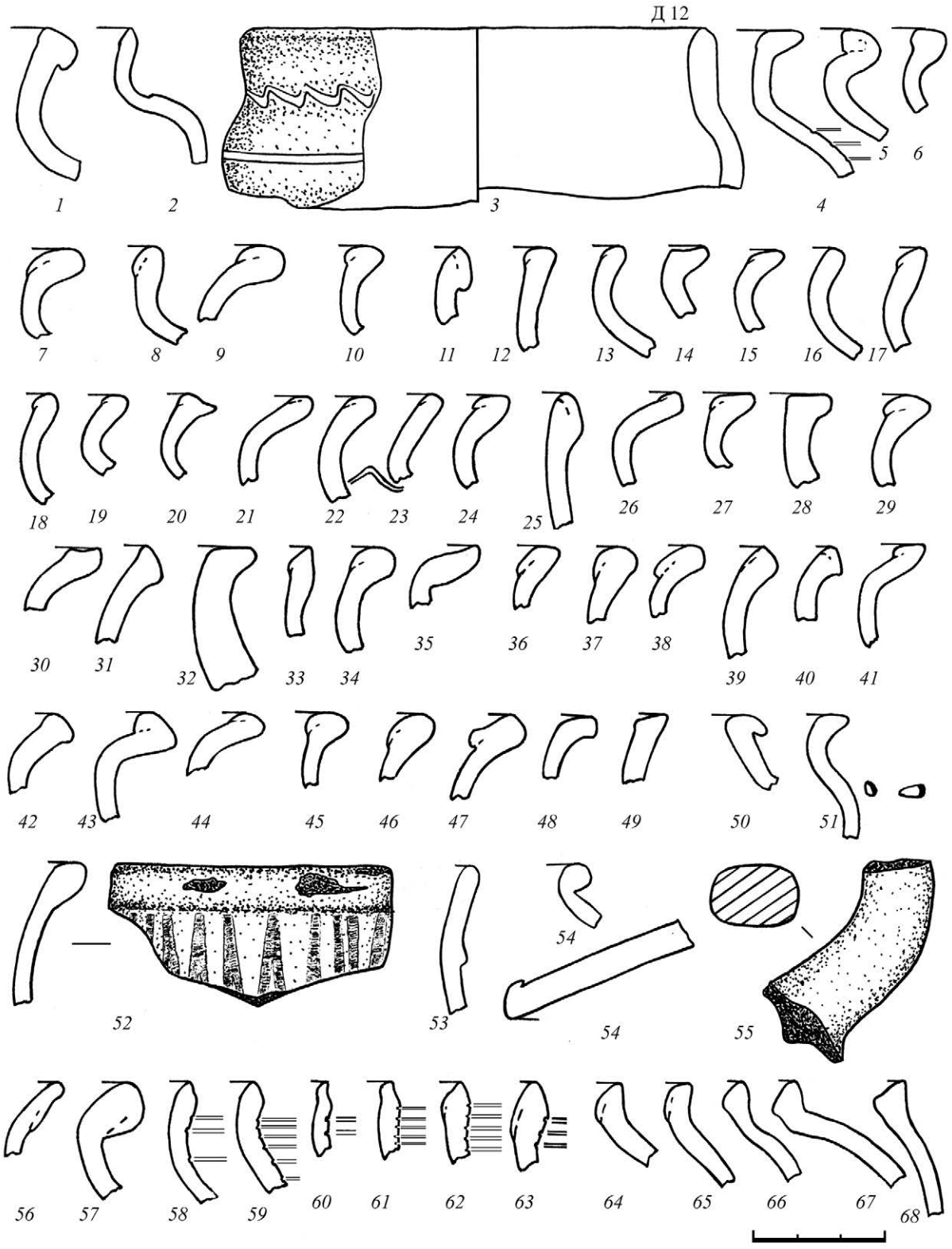

Рис. 163. Поселение Ольгинское. Образцы гончарной керамики из подъёмного материала. *Красноглиняная* с примесью дресвы или среднезернистого песка: *1–49*; с частой примесью мелкозернистого песка: *50, 51*. *Чернолощёная*: *52–55*. *Краснолощёная*: *56*. *Белоглиняная* с тонким тестом: *58–62*, с частой примесью крупнозернистого песка: *57*; с примесью мелкозернистого песка: *63*. *Кирпично-красная с белым ангобом*: *64–68*

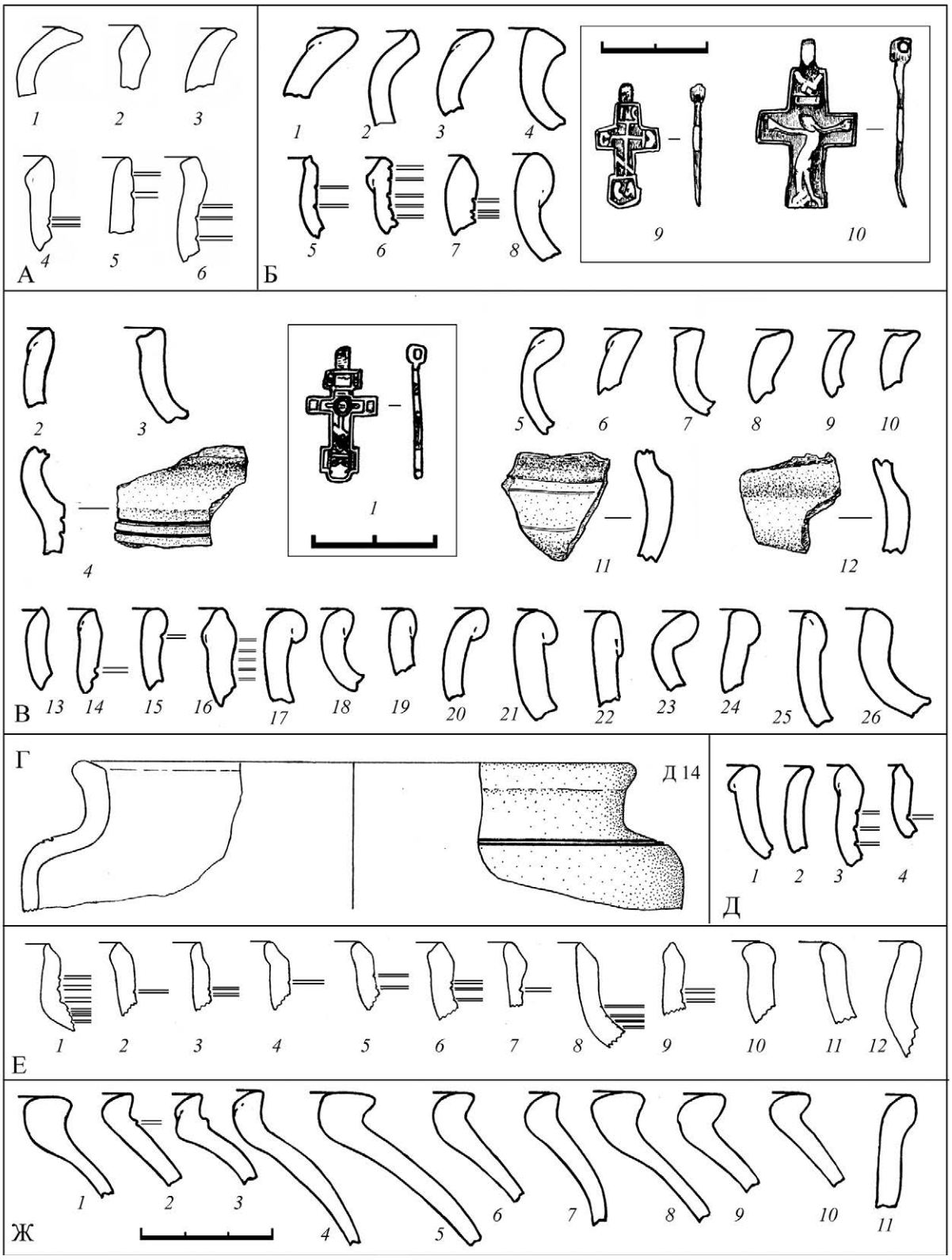

Рис. 164. Керамика и отдельные находки с нижегородских селищ: А – с. Ефимьево-6, Б – с. Воронцово-1, В – с. Кудрёшки-2, Г – п. Крутец-1, Д – с. Кудрёшки-3, Е – с. Бурцево-2, Ж – с. Богородск-4. Керамика *красноглиняная* с примесью дресвы или среднезернистого песка: А, *1–3*; Б, *1–4*; В, *5–10*; Г; с примесью мелкозернистого песка или с тонким тестом: В, *2–4*; Д, *1, 2*; *белоглиняная* с тонким тестом: Б, *5–8*; В, *11–25*; Д, *3, 4*; Е, *1–9*; с примесью дресвы: Б, *4*; *чёрнолощёная*: В, *26*; *кирпично-красная с белым ангобом*: Ж, *1–4*; *красноглиняная тонкая с прозрачной поливой*: Ж, *5–11*. Материалы с. Бурцево-2 и п. Крутец-1 предоставлены Аникиным И.С.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

Глава 1.
НОВГОРОД НА УСТЬЕ ОКИ: ОТ ГОРОДА ЮРИЯ ВСЕВОЛОДОВИЧА
ДО ВРЕМЕННОЙ СТАВКИ УЛУ-МУХАММЕДА 13
§ 1. География городского пространства и его археологическое изучение 13
§ 2. Поволжская столица суздальских князей 20
§ 3. Между Москвой и Ордой: вехи местной политической истории первой половины XV в. 29
§ 4. Нижний Новгород в 1445 году 40
§ 5. Старый городок на Оке: от нарратива – к объекту 55

Глава 2.
ГОРОДИЩЕ ГОРОДОК ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 73
§ 1. История изучения и общая характеристика памятника 73
§ 2. Археологические объекты и комплексы 76

Глава 3.
ПОСЕЛЕНЦЫ НИЖЕГОРОДСКОГО ПРЕДМЕСТЬЯ В ЗЕРКАЛЕ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 115
§ 1. Обзор коллекции 115
§ 2. Предметный мир повседневного обихода и основные сферы хозяйственной деятельности 118
§ 3. Предметы христианского культа 139
§ 4. Оружие, элементы снаряжения всадника и верхового коня 147
§ 5. Монетный комплекс и монетное обращение 153
§ 6. Керамическая посуда 159

Глава 4.
НИЖНИЙ НОВГОРОД И ЕГО ЗЕМЛИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН 192
§ 1. Периодизация и отличительные признаки археологических комплексов XV в. 192
§ 2. Старый Нижний Новгород: археологическая панорама 205
§ 3. Динамика заселённости сельской округи 240
§ 4. Время Ивана Великого на нижегородской земле 248
§ 5. Городок в контексте нижегородских реалий XV в. 258
§ 6. Нижегородский кремль 268

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 279

ПРИЛОЖЕНИЯ 283
Приложение 1. Каталог монет из раскопок городища Городок 283
Приложение 2. Кости животных из раскопок городища Городок (Е.Е. Антипина) 293
Приложение 3. Результаты археоботанического анализа образцов из городища Городок (Е.Ю. Лебедева) 311
Приложение 4. Археометаллографическое исследование железных предметов из городища Городок (В.И. Завьялов) 315
БИБЛИОГРАФИЯ И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ 326
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 355
SUMMARY
Nizhniy Novgorod in the XV century: search of the lost city 356
ТАБЛИЦЫ 359
ИЛЛЮСТРАЦИИ 409

Научное издание

Николай Николаевич Грибов

**Нижний Новгород в XV веке:
поиски утраченного города**

Верстка: *С.В. Кожушков*

Подписано к печати 25.05.2018. Формат 60×84/8
Усл.печ.л. 68,8. Уч.-изд.л. 62,1. Тираж 200 экз.

Институт археологии Российской академии наук
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в соответствии с готовым оригинал-макетом в ООО "Амирит"
410004 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литер У
Тел.: 8-8452-24-86-33 / 8-800-700-86-33
E-mail: 248633a@mail.ru

ISBN 978-5-94375-244-5

